

W. J. Johnson (Sen.)

✓
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ТРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1969

Зк 2
Л 45

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

**ТОМ
1**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Москва · 1969

3K21

М

1—1—2

69

3959

Ч. 3.

БИБЛИОТЕКА

им. Бунина

Верх-Исетского района

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее трехтомное издание избранных произведений Владимира Ильича Ленина выпускается в помощь изучающим историю Коммунистической партии Советского Союза.

В первый том входят произведения, написанные в период с 1897 по сентябрь 1916 года. Он открывается статьями: «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)», «Три источника и три составных части марксизма», «Марксизм и ревизионизм». Эти произведения раскрывают сущность великого революционного учения Маркса, замечательную последовательность его взглядов, дающих в совокупности «современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира» (см. настоящий том, стр. 6). В них отражена борьба Ленина за чистоту марксистской теории против многочисленных попыток ее извращения и искажения со стороны ревизионистов и оппортунистов, его постоянная забота о необходимости развития и творческого применения марксизма.

Статья «Марксизм и ревизионизм» знаменовала, как писал Ленин, «формальное объявление войны» ревизионизму. В ней показывается, как с победой марксизма в рабочем движении его враги изменили методы борьбы с ним, стали маскироваться, стремились подорвать марксистское учение изнутри под видом «поправок» и «улучшений» его важнейших положений. Предвидя обострение борьбы с ревизионизмом по мере усиления позиций научного коммунизма, Ленин предсказывает неизбежность победы марксизма над ревизионизмом.

В том входит статья «От какого наследства мы отказываемся?», направленная против народничества, являвшегося главной помехой на пути марксизма в России. В ней Ленин определяет отношение пролетарской партии к революционным традициям своей страны. Подвергая критике позиции народничества, Ленин доказывает, что именно марксисты, а не народники являются хранителями наследия русских революцион-

ных просветителей. Однако, подчеркивал Ленин, нельзя ограничиваться этим наследством: необходимо идти дальше, самостоятельно определять пути и средства революционной борьбы.

В том включены произведения «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)», «Две тактики социал-демократии в демократической революции». В этих произведениях раскрывается величайшее значение теории научного коммунизма в освободительной борьбе пролетариата и трудящихся масс; излагается ленинское учение о партии как передовой руководящей силе рабочего движения, разоблачается оппортунизм в идеологических, организационных и тактических вопросах.

В канун решающей схватки с самодержавием Ленин, развивая марксистское учение, определил тактику партии в революции, ее перспективы. Он развил и разработал вопросы о гегемонии пролетариата, о союзе рабочего класса и крестьянства, о вооруженном восстании, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Ленин разработал стройную теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Поражение революции 1905—1907 годов вызвало безудержный разгул контрреволюции. Реакция проявилась во всех областях общественной жизни — в науке, философии, искусстве. В этот исключительно тяжелый, критический период жизни партии Ленин с гениальной прозорливостью указал пути дальнейшего движения вперед.

В годы реакции на первый план выдвинулась борьба на идеологическом фронте против многочисленных попыток ревизии марксистского учения, теоретических основ партии, искажения ее революционного мировоззрения.

Ожесточенную борьбу повел Ленин против врагов партии — ликвидаторов, отзовистов, троцкистов и других оппортунистов. Он отстоял партию, помог ей преодолеть тяжелые времена, сплотить и укрепить свои ряды. Обстановка этого периода и борьба большевиков за сохранение и укрепление партии получили отражение в статьях «На дороге», «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве», помещенных в настоящем томе.

Важное место в теоретической и практической работе партии занял национальный вопрос, сущность и значение которого освещаются в произведении «О праве наций на самоопределение». Политике национального угнетения, национализма и шовинизма, политике натравливания разных наций друг на друга Ленин противопоставил политику интернационального сплочения и единения трудящихся разных наций в борьбе

против угнетателей. «Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России», — писал Ленин (стр. 620).

Произведение Ленина «О праве наций на самоопределение» сыграло огромную роль в воспитании партии в духе пролетарского интернационализма и ныне служит верным руководством для деятельности коммунистических и рабочих партий всех стран. Вооруженные ленинской программой по национальному вопросу, коммунисты горячо поддерживают национально-освободительную борьбу народов Азии, Африки и Латинской Америки против империализма и феодализма, поскольку эта борьба служит делу национальной свободы и победы над силами империалистической реакции.

В том включена работа Ленина «О рождающемся направлении «империалистического экономизма»», в которой показывается неразрывная связь вопроса о самоопределении наций с общим вопросом о борьбе за демократию в эпоху империализма.

Ряд произведений, помещенных в томе: манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», «О национальной гордости великороссов», «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и «Военная программа пролетарской революции», относится к периоду мировой империалистической войны 1914—1918 годов. В них Ленин освещает обстановку, в которой оказалось международное рабочее движение в связи с началом войны; разоблачает предательство лидеров II Интернационала и западноевропейских социалистических партий; разрабатывает стратегию и тактику партии по вопросам о войне, о мире, о революции.

Уже в первых своих работах, написанных в годы империалистической войны, Ленин дал научную характеристику империализма как высшей и последней стадии капитализма. Опираясь на глубокое изучение новой эпохи, Ленин открыл закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма. На основе этого он сделал вывод о невозможности одновременной победы социалистической революции во всех странах и о возможности победы социализма первоначально в одной или нескольких странах. Свое гениальное открытие Ленин впервые сформулировал в августе 1915 года в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы». Это была новая теория социалистической революции, которая дала международному рабочему классу ясную перспективу борьбы, развязала энергию и инициативу пролетариев каждой отдельной страны для натиска на свою

национальную буржуазию, вооружила их научно обоснованной уверенностью в победе. Учение Ленина о возможности победы социализма в одной стране стало руководящим принципом Коммунистической партии Советского Союза в ее борьбе за победу социалистической революции и построение социализма в нашей стране.

Результатом титанической работы Ленина по изучению империализма явился его гениальный труд «Империализм, как высшая стадия капитализма». В этой работе Ленин подытожил развитие мирового капитализма за полвека, прошедшие после выхода в свет «Капитала» Маркса. Опираясь на открытия Марксом и Энгельсом законы возникновения, развития и упадка капитализма, Ленин впервые дал глубокий научный анализ экономической и политической сущности империализма. Обобщая новые явления в экономике мирового капитализма, Ленин показал неизбежность обострения при империализме всех противоречий, присущих капиталистическому обществу. Он характеризует империализм как паразитический, гнивающий, умирающий капитализм и вскрывает условия его гибели, неизбежность и необходимость замены капитализма новым, прогрессивным общественным строем — социализмом, указывает, что империализм есть канун социалистической революции. «Это, — писал он в предисловии к французскому и немецкому изданиям своей книги в 1920 году, — подтвердилось с 1917 года в всемирном масштабе» (стр. 644).

Ленинский труд «Империализм, как высшая стадия капитализма», направленный против буржуазных и мелкобуржуазных идеологов, реформистов и ревизионистов, — боевое оружие в борьбе против современных «теорий» защитников империализма.

* * *

Произведения Владимира Ильича Ленина, вошедшие в настоящее издание, в томах расположены в хронологическом порядке, за исключением трех произведений, посвященных марксизму, которыми открывается первый том. Все произведения печатаются по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина; ссылки на ленинские произведения и переводы иностранного текста даются в виде подстрочных примечаний. Примечания к ленинскому тексту помещены в конце каждого тома. Именной и предметный указатели ко всем трем томам помещены в третьем томе.

*Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Издательство политической литературы*

В. И. ЛЕНИН

1917

КАРЛ МАРКС

(КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
С ИЗЛОЖЕНИЕМ МАРКСИЗМА) ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выходящая ныне отдельным оттиском статья о Карле Марксе написана была мной в 1913 (насколько помню) году для словаря Граната. В конце статьи было приложено довольно подробное указание литературы о Марксе, преимущественно иностранной. Это в настоящем издании выпущено. Затем редакция словаря, с своей стороны, по цензурным соображениям выбросила конец статьи о Марксе, посвященный изложению его революционной тактики. К сожалению, я лишен возможности воспроизвести здесь этот конец, ибо черновик остался где-то в моих бумагах в Кракове или в Швейцарии. Помню только, что в этом конце статьи я приводил, между прочим, то место из письма Маркса к Энгельсу от 16. IV. 1856 г., где Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности подкрепить пролетарскую революцию своего рода вторым изданием крестьянской войны. Тогда дело будет отлично»². Вот чего не поняли с 1905 года наши меньшевики, докатившиеся теперь до полной измены социализму, до перехода на сторону буржуазии.

Н. Ленин

Москва, 14. V. 1918.

Маркс Карл родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев»³ (Бруно Бауэр и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвига Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие» этих книг — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т. е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахианцами»⁴. В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянами, основали в Кёльне оппозиционную газету:

«Рейнскую Газету»⁵ (начала выходить с 1 января 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кёльн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 января 1843 г. Марксу пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской Газете» Энгельс отмечает, кроме указанных ниже (см. *Литературу*⁶), еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля⁷. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 гг. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей, вместе с Арнольдом Руге (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г. эмигрант; после 1866—1870 бисмаркианец), радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-Французский Ежегодник»⁸. Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Руге. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспоощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия»⁹, апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей «Нищете философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма (марксизма). См. соч. Маркса этой эпохи, 1844—1848 гг., ниже: *Литература*. В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: «Союзу коммунистов»¹⁰, приняли

выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г.¹¹, Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революции¹², в Германию, именно в Кёльн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая Рейнская Газета»¹³; главным редактором ее был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—1849 гг., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контрреволюция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г.¹⁴ и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.)¹⁵, были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелкобуржуазного, вообще не-пролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападков («Herr Vogt»¹⁶). Сторонясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ (см. *Литературу*) разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже *учение* Маркса) в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I. 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х гг. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый I Интернационал, «Международное товарищество рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его пер-

вого «Обращения»¹⁷ и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и *действительно*, революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции» 1871), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального совета Интернационала в Нью-Йорк. I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание «*Капитала*», собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (например, русский), но окончить «*Капитал*» не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена. 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен, вместе со своей женой, на кладбище Хайгейт в Лондоне. Из детей Маркса несколько умерло в детском возрасте в Лондоне, когда семья сильно бедствовала. Три дочери были замужем за социалистами Англии и Франции: Элеонора Эвелинг, Лаура Лафарг и Дженни Лонге. Сын последней — член французской социалистической партии.

УЧЕНИЕ МАРКСА

Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность

его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его миросозерцания вообще.

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Начиная с 1844—1845 гг., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII веке особенно во Франции был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики» (в смысле «пьяной спекуляции» в отличие от «трезвой философии») («Святое семейство» в «Литературном Наследстве») ¹⁸. «Для Гегеля, — писал Маркс, — процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», I, послесловие к 2 изд. ¹⁹). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» (см.): — Маркс ознакомился с этим сочинением в рукописи — «...Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос, что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говорит об «оттисках»), бо-

лее или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира»²⁰. В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись свою и Маркса 1844—1845 гг. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, совершенно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, ...составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». Всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религией, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию «реакционной» уступкой идеализму и в лучшем случае «стыдливым пропусканием через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики»²¹. См. по этому вопросу, кроме названных сочинений Энгельса и Маркса, письмо последнего к Энгельсу от 12 декабря 1866 г., где Маркс, отмечая «более материалистическое», чем обычно, выступление известного естествоиспытателя Т. Гёксли и его признание, что, поскольку «мы действительно наблюдаем и мыслим, мы не можем никогда сойти с почвы материализма», упрекает его за «лазейку» в сторону агностицизма, юмизма²². В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») = признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой, «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера — Фогта — Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно

механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности».

ДИАЛЕКТИКА

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое» (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.), «накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически»²³.

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного па-

дения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления»²⁴.

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика»²⁵. А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.

В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии. (Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой²⁶.)

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с

материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию»²⁷. Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия. «Технология, — говорит Маркс («Капитал», I), — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений»²⁸. Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это

сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями...» «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»²⁹. (Ср. краткую формулировку Маркса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: «Наша теория об определении организации труда средствами производства»³⁰.)

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Что стремления одних членов данного общества идут вразрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех *классов*, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ, — пишет Маркс в «Коммунистическом Манифесте» (за исключением истории первобытной общины — добавляет впоследствии Энгельс), — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат». Со времени великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее

(хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из «Коммунистического Манифеста» Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения каждого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата». В ряде исторических сочинений (см. *Литературу*) Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая»³¹. Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА

«Конечной целью моего сочинения, — говорит Маркс в предисловии к «Капиталу», — является открытие экономического закона движения современного общества»³², т. е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса.

В капиталистическом обществе господствует производство товаров, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

СТОИМОСТЬ

Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее *потребительной стоимостью*. Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общее между ними то, что они — *продукты труда*. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители создают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а *абстрактный* человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей *общественно-необходимого* рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают»³³. Стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении

обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени»³⁴. Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу *формы стоимости* и *денег*. Главной задачей Маркса является при этом изучение *происхождения* денежной формы стоимости, изучение *исторического процесса* развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент или средство обращения или средство платежа, сокровище и всемирные деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I)³⁵.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было: Т (товар) — Д (деньги) — Т (товар), т. е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, Д — Т — Д, т. е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в *капитал*, как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает

лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть и из прибавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравнились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости»³⁶, такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.) — стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт — и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, например, в нашем примере $\frac{6}{6}$, т. е. 100%.

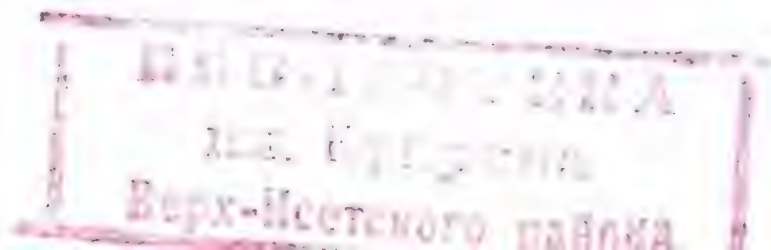
Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличность «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, рабочего-«пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века). После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ *накопления капитала*, т. е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на *средства производства* плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машинной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом

и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию *кризисов* перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста.

«Историческую тенденцию капиталистического накопления» Маркс характеризует в следующих знаменитых словах: «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника» (крестьянина и ремесленника), «основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обу-

чается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал», I) ³⁷.

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: I) производство средств производства и II) производство предметов потребления и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при воспроизводстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т. е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимостям, а по *ценам производства* (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом, общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории *поземельной ренты*. Цена производства земледельческих продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или *дифференциальную* ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капи-

тала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, следовательно, индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монополярная цена рождает *абсолютную* ренту. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же *может* — например, при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое, однако, отпугивает большинство буржуазии, ибо слишком близко «задевает» еще другую, в наши дни особенно важную и «чувствительную» монополию: монополию средств производства вообще. (Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. См. «Переписку», т. III, стр. 77—81. Ср. также письмо от 9 августа 1862 г., там же, стр. 86—87) ³⁸. — К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и наконец в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд глубоких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об *эволюции капитализма в земледелии*. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных,

обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих — совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами, в свою очередь, держали крепостных. У этих крестьян развивается, таким образом, постепенно возможность накапливать известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следовательно, рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III², 332) ³⁹... «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождает» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создает внутренний рынок» («Капитал», I², 778) ⁴⁰. Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль в деле создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т. е. не земледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», I², 668) ⁴¹. Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством ипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов» («Классовая борьба во Франции») ⁴². «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату» («18 брюмера») ⁴³. Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т. е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора — под видом частного собственника» («Классовая борьба во Франции») ⁴⁴. В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преоб-

ладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства?» («Капитал», III², 340). В том, что крестьянин отдает обществу (т. е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта. «Следовательно, такая низкая цена (хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда» («Капитал», III², 340). Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства, деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме. «Мелкая земельная собственность, по сущности своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежно ведут всюду к ее обнищанию. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от употребления на культуру земли. Бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей». (Кооперации, т. е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не надо также забывать, что эти кооперации дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда.) «Гигантское расхищение человеческой силы. Все большее и большее ухудшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцелльной (мелкой) собственности»⁴⁵. Капитализм и в земледелии, как и в промышленности, преобразует процесс производства лишь ценой «мартирологии производителей». «Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» («Капитал», I, конец 13-й главы)⁴⁶.

СОЦИАЛИЗМ

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противостественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготавливаются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как

и форму древнеримскую или древнегреческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, — при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», I, конец 13-й главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же) ⁴⁷. На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих по крайней мере цивилизованных стран «есть одно из первых условий освобождения пролетариата» («Коммунистический Манифест») ⁴⁸. Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное

государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием эксплуатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды)⁴⁹. Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, нисколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. «Первый акт, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспроприация средств производства в пользу всего общества, — будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно отомрет»⁵⁰. «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»)⁵¹.

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы» (Энгельс: «К аграрному вопросу на Западе»⁵², изд. Алексеевой, стр. 17, рус. пер. с ошибками. Оригинал в «Neue Zeit»⁵³).

ТАКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выяснив еще в 1844—1845 гг. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении *все* сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без *этой* стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылами своего материалистически-диалектического мирозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, с. 127 «Переписки») ⁵⁴. На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе,

одно из «Нищеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из «Коммунистического Манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер»⁵⁵. Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (I, 136, «Переписка с Энгельсом») ⁵⁶, отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «деморализует рабочих» (II, 218); как «обуржуазивается» английский пролетариат — «самая буржуазная из всех наций» (английская) «хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, 290) ⁵⁷; как исчезает у него «революционная энергия» (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, 305) ⁵⁸; как английские вожди рабочих создаются по типу середины «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голиоке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433) ⁵⁹. Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (*и исходом*) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно революционной точки зрения.

«Коммунистический Манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущее движения» ⁶⁰. Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Поль-

ше партию «аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года»⁶¹. В Германии 1848—1849 гг. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся, между прочим, образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена *назад*: «...без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами;... напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом;... без инициативы;... окаянный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа...» («Новая Рейнская Газета» 1848 г., см. «Литературное Наследство», т. III, 212 стр.)⁶². Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848—1849 гг., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер — Виллих и борьба с ними), требуя уметь работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108)⁶³. Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассалья он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210), между прочим, именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму. «Подло, — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, — в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплуатации»

сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 217) ⁶⁴. В период 1864—1870 гг., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции *сверху*, Маркс не только осуждал Лассаля, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю» — прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним *и на почве*, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—441) ⁶⁵. В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания ⁶⁶, но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману) ⁶⁷. Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было, с точки зрения диалектического материализма Маркса, меньшим злом в общем ходе *и исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Маркс в 1877—1878 г., после того как издан был исключительный закон против социалистов ⁶⁸, резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон («Письма Маркса к Энгельсу», IV, 397, 404, 418, 422, 424. ⁶⁹ Ср. также письма к Зорге).

Написано в июле — ноябре 1914 г.

Напечатано с сокращениями в 1915 г.
в Энциклопедическом словаре Гранат,
издание 7-е, том 28
Подпись: В. И л ь и н

Предисловие напечатано в 1918 г.
в брошюре: Н. Ленин. «Карл Маркс»,
Москва, изд. «Прибой»

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 26, стр. 43—93

ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫХ ЧАСТИ МАРКСИЗМА⁷⁰

Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

Но этого мало. История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, застывшего учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

Учение Маркса *всесильно*, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный приемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.

На этих трех источниках и вместе с тем составных частях марксизма мы вкратце и остановимся.

I

Философия марксизма есть *материализм*. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии.

Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубокую ошибочность всяких уклонений от этой основы. Наиболее ясно и подробно изложены их взгляды в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Опровержение Дюринга»⁷¹, которые — подобно «Коммунистическому Манифесту» — являются настольной книгой всякого сознательного рабочего.

Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радиий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму.

Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся

материю, так *общественное познание* человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает *экономический строй* общества. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим, например, как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом.

Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности.

II

Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического, общества.

Классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии — самой развитой капиталистической стране. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало *трудовой теории стоимости*. Маркс продолжал их дело. Он строго обосновал и последовательно развил эту теорию. Он показал, что стоимость всякого товара определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени, идущего на производство товара.

Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл *отношение между людьми*. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. *Деньги* означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. *Капитал* означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека. Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая *прибавочную стоимость* для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов.

Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса.

Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных. В промышленности победа крупного производства видна сразу, но и в земледелии мы видим то же явление: превосходство крупного капиталистического земледелия увеличивается, растет применение машин, крестьянское хозяйство попадает в петлю денежного капитала, падает и разоряется под гнетом отсталой техники. В земледелии — иные формы падения мелкого производства, но самое падение его есть бесспорный факт.

Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится все более общественным, — сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм, — а продукт общего труда присваивается горстью капиталистов. Растет анархия производства, кризисы, бешеная погоня за рынком, необеспеченность существования для массы населения.

Увеличивая зависимость рабочих от капитала, капиталистический строй создает великую мощь объединенного труда.

От первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена, Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства.

И опыт всех капиталистических стран, как старых, так и новых, показывает наглядно с каждым годом все большему и большему числу рабочих правильность этого учения Маркса.

Капитализм победил во всем мире, но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом.

III

Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни

найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества.

Между тем бурные революции, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везде в Европе и особенно во Франции, все нагляднее вскрывали, как основу всего развития и его движущую силу, *борьбу классов*.

Ни одна победа политической свободы над классом крепостников не была завоевана без отчаянного сопротивления. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на более или менее свободной, демократической основе, без борьбы не на жизнь, а на смерть между разными классами капиталистического общества.

Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*.

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную смести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.

Во всем мире, от Америки до Японии и от Швеции до Южной Африки, множатся самостоятельные организации пролетариата. Он просвещается и воспитывается, ведя свою классовую борьбу, избавляется от предрассудков буржуазного общества, спланивается все теснее и учится измерять меру своих успехов, закаляет свои силы и растет неудержимо.

МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественноисторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути.

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, показанному преподаваемых казенными профессорами для оглупления подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленнее и жизненнее.

Но и среди учений, связанных с борьбой рабочего класса, распространенных преимущественно среди пролетариата, марксизм далеко и далеко не сразу укрепил свое положение. Первые полвека своего существования (с 40-х годов XIX века) марксизм боролся с теориями, которые были в корне враждебны ему. В первой половине 40-х годов Маркс и Энгельс

свели счеты с радикальными младогегельянами, стоявшими на точке зрения философского идеализма. В конце 40-х годов выступает борьба в области экономических учений — против прудонизма⁷². Пятидесятые годы завершают эту борьбу: критика партий и учений, проявивших себя в бурный 1848 год. В 60-х годах борьба переносится из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала⁷³. В начале 70-х годов в Германии на короткое время выдвигается прудонист Мюльбергер; — в конце 70-х годов позитивист Дюринг. Но влияние того и другого на пролетариат уже совершенно ничтожно. Марксизм уже побеждает безусловно все прочие идеологии рабочего движения.

К 90-м годам прошлого века эта победа была в основных своих чертах завершена. Даже в романских странах, где всего дольше держались традиции прудонизма, рабочие партии фактически построили свои программы и тактику на марксистской основе. Возобновившаяся международная организация рабочего движения — в виде периодических интернациональных съездов — сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма. Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения, — те тенденции, которые выражались в этих учениях, стали искать себе иных путей. Изменились формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И вторые полвека существования марксизма начались (90-ые годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма.

Бывший ортодоксальный марксист Бернштейн дал имя этому течению⁷⁴, выступив с наибольшим шумом и с наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма. Даже в России, где немарксистский социализм естественно, — в силу экономической отсталости страны и преобладания крестьянского населения, придавленного остатками крепостничества, — держался всего более долго, даже в России он явственно перерастает у нас на глазах в ревизионизм. И в аграрном вопросе (программа муниципализации всей земли), и в общих вопросах программы и тактики наши социал-народники все больше и больше заменяют «поправками» к Марксу отмирающие, отпадающие остатки старой, по-своему цельной и враждебной в корне марксизму системы.

Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм. Посмотрим же, каково идейное содержание ревизионизма.

В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту», — и ревизионизм тащился за неокантианцами⁷⁵, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку»⁷⁶, и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, — и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отрабатывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т. е. к теологии), — и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить — дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова*.

Переходя к политической экономии, надо отметить, прежде всего, что в этой области «поправки» ревизионистов были гораздо более разносторонни и обстоятельны; на публику старались подействовать «новыми данными хозяйственного развития». Говорили, что концентрации и вытеснения крупным производством мелкого не происходит в области сельского хозяйства вовсе, а в области торговли и промышленности

* См. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу и я должен ограничиться пока заявлением, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что *все* сказанное в тексте про неокантианских ревизионистов относится по существу дела и к этим «новым» неоюмистским и необерклианским ревизионистам. (См. Сочинения, 5 изд., том 18; 4 изд., том 14. *Ред.*)

происходит она крайне медленно. Говорили, что кризисы теперь стали реже, слабее, вероятно, картели и тресты дадут возможность капиталу совсем устранить кризисы. Говорили, что «теория краха», к которому идет капитализм, несостоятельна ввиду тенденции к притуплению и смягчению классовых противоречий. Говорили, наконец, что и теорию стоимости Маркса не мешает исправить по Бем-Баверку.

Борьба с ревизионистами по этим вопросам дала такое же плодотворное оживление теоретической мысли международного социализма, как полемика Энгельса с Дюрингом за двадцать лет перед тем. Доводы ревизионистов разбирались с фактами и цифрами в руках. Было доказано, что ревизионисты систематически подкрашивают современное мелкое производство. Факт технического и коммерческого превосходства крупного *производства* над мелким не только в промышленности, но и в земледелии доказывают неопровержимые данные. Но в земледелии гораздо слабее развито товарное производство, и современные статистики и экономисты плохо умеют обыкновенно выделять те специальные отрасли (иногда даже операции) земледелия, которые выражают прогрессивное вовлечение земледелия в *обмен* мирового хозяйства. На развалинах натурального хозяйства мелкое производство держится бесконечным ухудшением питания, хронической голодовкой, удлинением рабочего дня, ухудшением качества скота и ухода за ним, одним словом, теми же средствами, которыми держалось и кустарное производство против капиталистической мануфактуры. Каждый шаг вперед науки и техники подрывает неизбежно и неумолимо основы мелкого производства в капиталистическом обществе, и задача социалистической экономики — исследовать этот процесс во всех его, нередко сложных и запутанных, формах, — доказывать мелкому производителю невозможность удержаться при капитализме, безвыходность крестьянского хозяйства при капитализме, необходимость перехода крестьянина на точку зрения пролетария. Ревизионисты в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма, — в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина на точку зрения хозяина (т. е. точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария.

С теорией кризисов и теорией краха дела ревизионизма обстояли еще хуже. Только самое короткое время и только самые близорукие люди могли думать о переделке основ

учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъема и процветания. Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистам очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху — и в смысле отдельных политических и экономических кризисов и в смысле полного крушения всего капиталистического строя, — это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты. Недавний финансовый кризис в Америке, страшное обострение безработицы во всей Европе, не говоря уже о близком промышленном кризисе, на который указывают многие признаки, — все это привело к тому, что недавние «теории» ревизионистов забыты всеми, кажется, многими и из них самих. Не следует только забывать тех уроков, которые эта интеллигентская неустойчивость дала рабочему классу.

О теории стоимости надо только сказать, что, кроме намеков и воздыханий, весьма туманных, по Бем-Баверку, ревизионисты не дали тут решительно ничего и не оставили поэтому никаких следов в развитии научной мысли.

В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительно основу марксизма, именно: учение о классовой борьбе. Политическая свобода, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы, — говорили нам, — и делают неверным старое положение «Коммунистического манифеста»: рабочие не имеют отечества. В демократии, раз господствует «воля большинства», нельзя дескать ни смотреть на государство, как на орган классового господства, ни отказываться от союзов с прогрессивной, социал-реформаторской буржуазией против реакционеров.

Неоспоримо, что эти возражения ревизионистов сводились к довольно стройной системе взглядов, — именно: давно известных либерально-буржуазных взглядов. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия. Вся история Европы во 2-й половине XIX века, вся история русской революции в начале XX века показывает воочию, как

нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабляются, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготавливает этим не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 года и русские зимой 1905 года показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужезначным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения. Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием, — тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах». Опыт союзов, соглашений, блоков с социал-реформаторским либерализмом на Западе, с либеральным реформизмом (кадеты⁷⁷) в русской революции показал убедительно, что эти соглашения только притупляют сознание масс, не усиливая, а ослабляя действительное значение их борьбы, связывая борющихся с элементами, наименее способными бороться, наиболее шаткими и предательскими. Французский мильеранизм⁷⁸ — самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе, — дал такую практическую оценку ревизионизма, которую никогда не забудет пролетариат всего мира.

Естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. «Конечная цель — ничто, движение — все», это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты, — такова ревизионистская политика. И из самого существа этой

политики вытекает с очевидностью, что она может принимать бесконечно разнообразные формы и что каждый сколько-нибудь «новый» вопрос, сколько-нибудь неожиданный и непредвиденный поворот событий, хотя бы этот поворот только в миниатюрной степени и на самый недолгий срок изменял основную линию развития, — неизбежно будут вызывать всегда те или иные разновидности ревизионизма.

Неизбежность ревизионизма обусловливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление. Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнцев в Германии, гедистов и жоресистов (теперь в особенности бруссистов) во Франции⁷⁹, Социал-демократической федерации⁸⁰ и Независимой рабочей партии в Англии⁸¹, Брукера и Вандервельда в Бельгии⁸², интегралистов и реформистов в Италии⁸³, большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран. «Разделение» внутри современного международного социализма идет, в сущности, уже теперь по *одной* линии в разных странах мира, документируя этим громадный шаг вперед по сравнению с тем, что было лет 30—40 тому назад, когда в разных странах боролись неоднородные тенденции внутри единого международного социализма. И тот «ревизионизм слева», который сбрисовался теперь в романских странах, как «революционный синдикализм»⁸⁴, тоже приспособляется к марксизму, «исправляя» его: Лабриола в Италии, Лагардель во Франции сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе идейного содержания *этого* ревизионизма, который далеко не так еще развился, как ревизионизм оппортунистический, не интернационализировался, не выдержал ни одной крупной практической схватки с социалистической партией хотя бы одной страны. Мы ограничиваемся потому тем «ревизионизмом справа», который был обрисован выше.

В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому, что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь

создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции. То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства.

*Написано во второй половине марта —
не позднее 3 (16) апреля 1908 г.*

*Напечатано между 25 сентября
и 2 октября (8 и 15 октября) 1908 г.
в сборнике: «Карл Маркс (1818—1883)».
С.-Петербург, изд. О. и М. Кедровых
Подпись: В л. И л ь и н*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 17, стр. 15—26*

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?

В № 10 «Русского Богатства»⁸⁵ за 1897 год г. Михайловский пишет, пересказывая отзыв г-на Минского о «диалектических материалистах»: «ему (г-ну Минскому) должно быть известно, что эти люди не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» (стр. 179), т. е. от «наследства 60—70-х годов», от которого торжественно отказывался в 1891 г. г-н В. Розанов в «Московских Ведомостях»⁸⁶ (стр. 178).

В этом отзыве г-на Михайловского о «русских учениках» масса фальши. Правда, г. Михайловский — не единственный и не самостоятельный автор этой фальши об «отказе русских учеников от наследства», — ее повторяют уже давно чуть ли не все представители либерально-народнической прессы, воюя против «учеников»⁸⁷. В начале своей яркой войны с «учениками» г. Михайловский, сколько помнится, еще не додумался до этой фальши, и ее раньше него придумали другие. Потом он счел нужным подхватить и ее. Чем дальше развивали свои воззрения в русской литературе «ученики», чем подробнее и обстоятельнее высказывались они по целому ряду и теоретических, и практических вопросов, — тем реже можно было встретить во враждебной прессе возражение по существу против основных пунктов нового направления, против взгляда на прогрессивность русского капитализма, на вздорность народнической идеализации мелкого производителя, на необходимость искать объяснения течению общественной мысли и юрико-политическим учреждениям в материальных интересах различных классов русского общества. Эти основные пункты замалчивались, о них предпочитали и предпочитают не говорить, но зато тем больше сочинялось выдумок, долженствующих дискредитировать новое направление. К числу

таких выдумок, «плохих выдумок», относится и эта ходячая фраза об «отказе русских учеников от наследства», о разрыве их с лучшими традициями лучшей, передовой части русского общества, о перерыве ими демократической нити и т. п., и т. д., и как там еще это ни выражалось. Чрезвычайная распространенность подобных фраз побуждает нас остановиться на подробном рассмотрении и опровержении их. Чтобы наше изложение не показалось голословным, мы начнем с одной историко-литературной параллели между двумя «публицистами деревни», взятыми для характеристики «наследства». Оговариваемся, что мы ограничиваемся исключительно вопросами экономическими и публицистическими, рассматривая из всего «наследства» только эти вопросы и оставляя в стороне вопросы философские, литературные, эстетические и т. п.

I

ОДИН ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «НАСЛЕДСТВА»

Тридцать лет тому назад, в 1867-м году, в журнале «Отечественные Записки»⁸⁸ начали печататься публицистические очерки Скалдина под заглавием: «В захолустье и в столице». Очерки эти печатались в течение трех лет, 1867—1869. В 1870-м году автор собрал их вместе и издал отдельной книгой под тем же заглавием*. Ознакомление с этой книгой, почти совсем забытой в настоящее время, чрезвычайно поучительно по интересующему нас вопросу, т. е. по вопросу об отношении представителей «наследства» к народникам и к «русским ученикам». Заглавие книги неточно. Автор сам заметил это и объясняет в предисловии к своей книге, что его тема — отношение «столицы» к «деревне», т. е. публицистические очерки деревни, и что особо о столице он говорить не намерен. То есть, пожалуй, и был бы намерен, да находит это неудобным: ὥς δύναιμι — οὐ βούλομαι, ὥς δὲ βούλομαι — οὐ δύναιμι (так, как я мог бы, я не хочу, а так, как хотел бы, не могу) — цитирует Скалдин, в пояснение этого неудобства, выражение одного греческого писателя.

Дадим вкратце изложение взглядов Скалдина.

Начнем с крестьянской реформы⁹⁰, — этого исходного пункта, к которому неизбежно должен восходить и по сию пору каждый, желающий изложить свои общие воззрения по экономическим и публицистическим вопросам. В книге

* Скалдин. «В захолустье и в столице», СПб., 1870 (стр. 451). Мы не имели возможности достать «Отеч. Зап.» за указанные годы и пользовались только этой книгой⁸⁹.

Скалдина крестьянской реформе уделено очень много места. Скалдин был едва ли не первым писателем, систематически, на основании обширных фактов и подробного рассмотрения всей жизни деревни, показавшим бедственное положение крестьян *после* проведения реформы, ухудшение их быта, новые формы их экономической, юридической и бытовой зависимости, — одним словом, показавшим все то, что с тех пор так обстоятельно и детально было показано и доказано многочисленными исследованиями и описаниями. Теперь все эти истины — не новость. Тогда — они были не только новы, но и возбуждали недоверие в либеральном обществе, которое боялось, не скрывается ли за этими указаниями на так называемые «недостатки реформы» осуждения ее и скрытого крепостничества. Интерес воззрений Скалдина усиливается еще тем, что автор был современником реформы (а может быть, даже и участником ее. Мы не имеем в своем распоряжении никаких историко-литературных сведений и биографических данных о Скалдине). Его воззрения основаны, следовательно, на непосредственном наблюдении и тогдашней «столицы», и тогдашней «деревни», а не на кабинетном изучении книжного материала.

В воззрениях Скалдина на крестьянскую реформу прежде всего обращает внимание современного читателя, привыкшего к народническим слащавым рассказам на эту тему, чрезвычайная *резвость* автора. Скалдин смотрит на реформу без всяких самообольщений, без всякой идеализации, смотрит как на сделку между двумя сторонами, помещиками и крестьянами, которые пользовались до сих пор сообща землею на известных условиях и теперь вот разделились, причем с этим разделом изменилось и юридическое положение обеих сторон. Фактором, определившим способ этого раздела и величину доли, полученной каждою стороною, были интересы сторон. Эти интересы определяли стремления обеих сторон, а возможность для одной стороны принимать непосредственное участие в самой реформе и в практическом развитии различных вопросов ее осуществления определила, между прочим, преобладание одной стороны. Именно таково понимание реформы у Скалдина. На главном вопросе реформы, наделах и платежах, Скалдин останавливается особенно подробно, возвращаясь к ним неоднократно в своих очерках. (Книга Скалдина разделяется на 11 очерков, которые имеют самостоятельное содержание, напоминая по форме отдельные письма из деревни. Первый очерк помечен 1866-ым годом, последний — 1869-ым.) О так называемых «малоземельных» крестьянах в книге Скалдина, разумеется, нет ничего нового

для современного читателя, но для конца 60-х годов его доказательства были и новы и ценны. Мы не станем, конечно, повторять их, и отметим лишь особенность той характеристики явления, которую дает Скалдин, — особенность, выгодно отличающую его от народников. Скалдин говорит не о «малоземелье», а о «слишком значительной отрезке от крестьянских наделов» (стр. 213, то же 214 и многие другие; ср. заглавие III очерка), о том, что высшие наделы, определенные положениями, оказались ниже действительных наделов (стр. 257), приводя, между прочим, чрезвычайно характерные и типичные отзывы крестьян об этой стороне реформы*. Разъяснения и доказательства этого факта у Скалдина чрезвычайно обстоятельны, сильны и даже резки для писателя вообще чрезвычайно умеренного, трезвого и по общим своим воззрениям, несомненно, буржуазного. Значит, сильно бросилось в глаза это явление, если даже такой писатель, как Скалдин, говорит об этом так энергично. О тяжести платежей Скалдин говорит тоже чрезвычайно энергично и обстоятельно, доказывая свои положения массою фактов. «Непомерные налоги, — читаем в подзаголовке III очерка (1867), — суть главная причина их (крестьян) бедности», и Скалдин показывает, что налоги выше дохода крестьян от земли, приводит из «Трудов податной комиссии» данные о распределении русских налогов на взимаемые с высших и с низших классов, причем, оказывается, на последние классы падает 76% всех налогов, а на первые — 17%, тогда как в Западной Европе отношения везде несравненно благоприятнее для низших классов. В подзаголовке VII очерка (1868) читаем: «Чрезмерные денежные повинности составляют одну из главных причин бедности крестьян», и автор показывает, как новые условия жизни сразу потребовали от крестьянина денег, денег и денег, как в «Положении» было принято за правило вознаграждать помещиков и за крепостное право (252), как высота оброка определена была «из подлинных сведений помещиков, их управляющих и старост, т. е. из данных совершенно произвольных и не представлявших ни малейшей достоверности» (255), вследствие чего средние оброки, выведенные комиссиями, оказались выше действительных средних оброков. «К тяжести налогов прибавилась для крестьян еще потеря земли, которою

* «Землю-то нашу он (курсив автора) так обрезал, что нам без этой отрезной земли жить нельзя; со всех сторон окружил нас своими полями, так что нам скотины выгнать некуда; вот и плати ты за надел особо да за обрезающую землю еще особо, сколько потребует». «Какое же это улучшение быта! — говорил мне один грамотный и бывалый мужик из прежних оброчных, — оброк-то на нас оставили прежний, а землю обрезали».

они пользовались века» (258). «Если бы оценка земли для выкупа сделана была не по капитализации оброка, а по ее действительной стоимости в эпоху освобождения, то выкуп мог бы совершиться весьма легко и не потребовал бы даже содействия правительства, ни выпуска кредитных билетов» (264). «Выкуп, долженствовавший, по мысли Положения 19-го февраля, облегчить крестьян и завершить собою дело улучшения их быта, в действительности нередко обращается к большему их стеснению» (269). Мы приводим все эти выписки — сами по себе мало интересные и отчасти устаревшие, — чтобы показать, с какой энергией высказывался за интересы крестьян писатель, враждебно относящийся к общине и высказавшийся по целому ряду вопросов как настоящий манчестерец⁹¹. Весьма поучительно отметить полное совпадение почти всех полезных и нереакционных положений народничества с положениями этого манчестерца. Само собою разумеется, что при таких взглядах Скалдина на реформу он никак не мог предаваться той сладенькой идеализации ее, которой предавались и предаются народники, говоря, что она санкционировала народное производство, что она была выше западноевропейских крестьянских реформ, что она сделала из России как бы *tabula rasa* * и т. д. Скалдин не только ничего подобного не говорил и не мог говорить, но даже прямо говорил, что у нас крестьянская реформа состоялась на условиях менее выгодных для крестьян, что она принесла меньше пользы, чем на Западе. «Вопрос будет поставлен прямо, — писал Скалдин, — если мы спросим себя: почему благие последствия освобождения не обнаружились у нас с такою же быстротою и прогрессивным возрастанием, как обнаружились они, напр., в Пруссии и Саксонии в первой четверти нынешнего столетия?» (221). «В Пруссии, как и во всей Германии, выкупались не наделы крестьян, давно уже признанные законом их собственностью, но крестьянские обязательные повинности помещикам» (272).

От экономической стороны реформы в оценке Скалдина перейдем к юридической. Скалдин — ярый враг круговой поруки⁹², паспортной системы и патриархальной власти «мира» в крестьянстве (и мещанского общества) над их членами. В III очерке (1867) он настаивает на отмене круговой поруки, подушной подати и паспортной системы, на необходимости уравнительного поимущественного налога, на замене паспортов бесплатными и бессрочными свидетельствами. «Налог на паспорта внутри отечества не существует ни в одном

* — чистое место. *Ред.*

другом цивилизованном государстве» (109). Известно, что этот налог отменен лишь в 1897 году. В заглавии IV очерка читаем: «произвол сельских обществ и градских дум при высылке паспортов и взимании налогов с отсутствующих плательщиков...». «Круговая порука, это — тяжелое ярмо, которое должны тянуть исправные и домовитые хозяева для гуляк и лентяев» (126). Замечавшееся уже и тогда разложение крестьянства Скалдин хочет объяснить личными качествами поднимающихся и опускающихся. — Автор описывает подробно те затруднения, с которыми крестьяне, живущие в С.-Петербурге, получают паспорта и отсрочивают их, и отвергает возражение тех, которые скажут: «слава богу, что вся эта масса безземельных крестьян не приписалась к городам, не увеличила собой количества городских жителей, не имеющих недвижимой собственности...» (130). «Варварская круговая порука...» (131)... «Спрашивается, можно ли назвать граждански свободными людей, поставленных в подобное положение? Не те же ли это — *glebae adscripti*?» * (132). Винят крестьянскую реформу. «Но разве крестьянская реформа виновна в том, что законодательство, освободив крестьянина от крепости помещику, не придумало ничего для избавления его от крепости обществу и месту приписки... Где же признаки гражданской свободы, когда крестьянин не может располагать ни своим местопребыванием, ни родом своих занятий?» (132). Нашего крестьянина Скалдин в высшей степени верно и метко называет «оседлым пролетарием» (231) **. В заглавии очерка VIII (1868 г.) читаем: «прикрепление крестьян к их обществам и наделам препятствует улучшению их быта... Препятствие к развитию отхожих промыслов». «После невежества крестьян и подавленности их прогрессивно возрастающими налогами, одною из причин, задерживающих развитие крестьянского труда и, следовательно, крестьянского благосостояния, служит прикрепление крестьян к их обществам и наделам. Привязывать рабочие руки к одному месту и оковывать поземельную общину нерасторжимыми узами — это есть

* — Крестьяне эпохи древней Римской империи, приписанные к земельным участкам, с которых они не могли уходить, как бы эти участки ни были убыточны. *Ред.*

** Скалдин очень подробно показал правильность не только первой, но и второй части этого определения (пролетарий). Он много места в своих очерках уделил описанию зависимого положения крестьян и их нищеты, описанию тяжелого положения батраков, «описанию голода 1868 г.» (заглавие очерка V) и всяческих форм кабалы и принижения крестьянина. И в 60-х годах были, как и в 90-х, люди, замалчивавшие и отрицавшие голод. Скалдин горячо восстает против них. Разумеется, было бы лишним приводить подробные выписки по этому предмету.

условие само по себе уже крайне невыгодное для развития труда, личной предприимчивости и мелкой поземельной собственности» (284). «Крестьяне, прикованные к наделам и обществам, лишенные возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгоднее, как бы застыли в той скученной, стадообразной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права» (285). Автор смотрит, след., на эти вопросы крестьянского быта с чисто буржуазной точки зрения, но, несмотря на это (вернее: именно благодаря этому), он чрезвычайно правильно оценивает вред прикрепления крестьян для всего общественного развития и для самих крестьян. С особенной силой (добавим от себя) вред этот сказывается на самых низших группах крестьянства, на сельском пролетариате. Очень метко говорит Скалдин: «превосходна заботливость закона о том, чтобы крестьяне не остались безземельны; но не надобно забывать, что у самих крестьян заботливость о том же предмете несравненно сильнее, чем у какого бы то ни было законодателя» (286). «Кроме прикрепления крестьян к их наделам и обществам, даже временные отлучки их для заработков сопряжены для них со множеством стеснений и расходов, вследствие круговой поруки и паспортной системы» (298). «Для множества крестьян был бы, по моему мнению, открыт выход из теперешнего затруднительного положения, если бы были приняты... меры, облегчающие крестьянам отказ от земли» (294). Здесь Скалдин выражает пожелание, резко противоречащее народническим проектам, которые все сводятся к обратному: к закреплению общины⁹³, неотчуждаемости наделов и т. п. Многочисленные факты вполне доказали с тех пор, что Скалдин был вполне прав: охранение прикрепления крестьян к земле и сословной замкнутости крестьянской общины только ухудшает положение сельского пролетариата и задерживает экономическое развитие страны, не будучи нисколько в силах защитить «оседлого пролетария» от худших видов кабалы и зависимости, от самого низкого падения заработной платы и жизненного уровня.

Из вышеприведенных выписок читатель мог уже заметить, что Скалдин — враг общины. Он восстает против общины и переделов с точки зрения личной собственности, предприимчивости и т. д. (стр. 142 и сл.). Защитникам общины Скалдин возражает, что «вековое обычное право» отжило свой век: «Во всех странах, по мере сближения сельских жителей с цивилизованною средою, обычное право их теряло свою первобытную чистоту, подвергалось порче и искажениям. У нас замечается то же самое явление: власть мира мало-помалу

превращается во власть мироедов и сельских писарей и вместо того, чтобы охранять личность крестьянина, ложится на него тяжелым ярмом» (143) — замечание очень верное, которое за эти 30 лет подтвердилось бездной фактов. «Патриархальная семья, общинное владение землею, обычное право», по мнению Скалдина, безвозвратно осуждены историей. «Те, которые желали бы навсегда удержать для нас эти почтенные памятники прожитых веков, тем самым доказывают, что они более способны увлекаться идеей, чем проникать действительность и разуметь неудержимый ход истории» (162), и Скалдин прибавляет к этому, фактически верному, замечанию — горячие манчестерские филиппики. «Общинное пользование землею, — говорит он в другом месте, — ставит каждого крестьянина в рабскую зависимость от всего общества» (222). Итак, безусловная вражда к общине с точки зрения чисто буржуазной соединяется у Скалдина с выдержанной защитой интересов крестьян. С враждою к общине Скалдин вовсе не соединяет тех глупеньких проектов насильственного уничтожения общины и насильственного введения такой же другой системы владения землей, — проектов, которые сочиняют обыкновенно современные противники общины, стоящие за грубое вмешательство в крестьянскую жизнь и высказывающиеся против общины вовсе не с точки зрения интересов крестьян. Скалдин, напротив, усиленно протестует против причисления его к сторонникам «насильственного уничтожения общинного пользования землею» (144). «Положение 19 февраля, — говорит он, — весьма мудро предоставило самим крестьянам... перейти... от общинного пользования к посемейному. Действительно, никто, кроме самих крестьян, не может решить основательно вопроса о времени такого перехода». Следовательно, Скалдин — противник общины только в том смысле, что она стесняет экономическое развитие, выход крестьян из общества, отказ от земли, т. е. в том же смысле, в каком враждебны к ней теперь «русские ученики»; с защитой своекорыстных интересов помещиков, с защитой остатков и духа крепостного права, с защитой вмешательства в жизнь крестьян, — эта вражда не имеет ничего общего. Различие это весьма важно иметь в виду, ибо современные народники, привыкшие видеть врагов общины лишь в лагере «Московских Ведомостей» и т. п., весьма охотно прикидываются непонимающими *иной* вражды к общине.

Общая точка зрения Скалдина на причины бедственного положения крестьян сводится к тому, что все эти причины лежат в остатках крепостного права. Описав голод 1868 года, Скалдин замечает, что на этот голод злорадно указывали

крепостники, видя причину голода в распушенности крестьян, в отмене помещичьей опеки и т. п. Скалдин горячо восстает против этих взглядов. «Причины обеднения крестьян, — говорит он, — *унаследованы от крепостного права* (212), а не результат его отмены; это — те общие причины, которые держат большинство наших крестьян на степени близкой к пролетариату», и Скалдин повторяет вышеприведенные отзвы о реформе. Нелепо нападать на семейные разделы: «Если разделы и наносят временный ущерб материальным выгодам крестьян, зато они спасают их личную свободу и нравственное достоинство крестьянской семьи, т. е. те высшие блага человека, без которых невозможны никакие успехи гражданственности» (217), и Скалдин справедливо указывает истинные причины похода против разделов: «многие помещики слишком преувеличивают вред, проистекающий от разделов, и сваливают на них, равно как и на пьянство, все последствия тех или других причин крестьянской бедности, признать которые помещикам так нежелательно» (218). Тем, кто говорит, что теперь много пишут о крестьянской бедности, тогда как прежде не писали, значит, положение крестьян ухудшилось, Скалдин отвечает: «Чтобы чрез сравнение нынешнего положения крестьян с прежним можно было судить о результатах освобождения из-под власти помещиков, для этого следовало бы, еще при господстве крепостного права, обрезать крестьянские наделы так, как они теперь обрезаны, обложить крестьян всеми теми повинностями, которые явились уже после освобождения, и посмотреть, как выносили бы крестьяне такое положение» (219). Это — в высшей степени характерная и важная черта воззрений Скалдина, что он *все* причины ухудшения положения крестьян сводит к остаткам крепостного права, оставившего в наследство отработки, оброки, обрезки земель, личную бесправность и оседлость крестьян. Того, что в самом строе новых общественно-экономических отношений, в самом строе пореформенного хозяйства могут заключаться причины крестьянского обеднения, — этого Скалдин не только не видит, но и абсолютно не допускает подобной мысли, глубоко веря, что с полной отменой всех этих остатков крепостного права наступит всеобщее благоденствие. Его точка зрения — именно отрицательная: устраните препятствия свободному развитию крестьянства, устраните унаследованные от крепостного права путы, — и все пойдет к лучшему в сем лучшем из миров. «Со стороны государственной власти, — говорит Скалдин, — здесь (т. е. по отношению к крестьянству) может быть только один путь: постепенно и неослабно *устранять те причины*, которые довели нашего крестьянина до его

настоящего притупления и бедности и не дают ему возможности подняться и стать на ноги» (224, курсив мой). Крайне характерен в этом отношении ответ Скалдина тем, кто защищает «общину» (т. е. прикрепление крестьян к обществам и наделам), указанием, что иначе «образуется сельский пролетариат». «Это возражение, — говорит Скалдин, — само собою падает, когда мы вспомним, какие необъятные пространства земли лежат у нас впусе, не находя для себя рабочих рук. Если закон не будет стеснять у нас естественного распределения рабочих сил, то в России действительными пролетариями могут быть только люди, нищенствующие по ремеслу или неисправимо порочные и пьянствующие» (144) — типичная точка зрения экономистов и «просветителей» XVIII века, веривших, что отмена крепостного права и всех его остатков создает на земле царство всеобщего благополучия. — Народник, вероятно, свысока взглянул бы на Скалдина и сказал, что это просто — буржуа. — Да, конечно, Скалдин — буржуа, но он представитель прогрессивной буржуазной идеологии, на место которой у народника является мелкобуржуазная, по целому ряду пунктов реакционная. А те практические и реальные интересы крестьян, которые совпадали и совпадают с требованиями всего общественного развития, этот «буржуа» умел защищать еще лучше народника! *

Чтобы закончить характеристику воззрений Скалдина, добавим, что он — противник сословности, защитник единства суда для всех сословий, сочувствует «в теории» бессословной волости, горячий сторонник народного образования, особенно общего, сторонник самоуправления и земских учреждений, сторонник широкого поземельного кредита, особенно мелкого, ибо на покупку земли сильный спрос у крестьян. «Манчестерец» сказывается и тут: Скалдин говорит, напр., что земские и городские банки — «патриархальная или первобытная форма банков», которая должна уступить место банкам частным, имеющим «все преимущества» (80). Придание земле ценности «может быть достигнуто оживлением промышленной и коммерческой деятельности в наших провинциях» (71) и т. п.

Подведем итоги. По характеру воззрений Скалдина можно назвать буржуа-просветителем. Его взгляды чрезвычайно

* И наоборот: все те прогрессивные практические мероприятия, которые мы встречаем у народников, по своему содержанию *вполне буржуазны*, т. е. идут на пользу именно капиталистическому, а не другому какому развитию. Только мелкие буржуа и могли сочинить теорию, будто расширение крестьянского землевладения, уменьшение податей, переселения, кредит, подъем техники, упорядочение сбыта и т. п. мероприятия служат какому-то «народному производству».

напоминают взгляды экономистов XVIII века (разумеется, с соответственным преломлением их через призму русских условий), и общий «просветительный» характер «наследства» 60-х годов выражен им достаточно ярко. Как и просветители западноевропейские, как и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что *ничего народнического в этом наследстве нет*. Есть не мало в России писателей, которые по своим взглядам подходят под указанные черты и которые не имели никогда ничего общего с народничеством. При наличности в миросозерцании писателя указанных черт его всегда и все признают «сохранившим традиции 60-х годов», совершенно независимо от того, как он относится к народничеству. Никто не вздумает, конечно, сказать, что, напр., г. М. Стасюлевич, юбилей которого недавно праздновался, «отрекся от наследства» на том основании, что он был противником народничества или относился безразлично к выдвинутому народничеством вопросам. Мы взяли в пример Скалдина * именно потому, что, будучи *несомненным пред-*

* Нам возразят, пожалуй, что Скалдин не типичен для 60-х годов по своей вражде к общине и по своему тону. Но дело тут вовсе не в одной общине. Дело в общих всем просветителям воззрениях, которые разделяет и Скалдин. Что же касается до его тона, то он действительно, пожалуй, не типичен по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепенности и т. д. Недаром Энгельс назвал Скалдина *liberalkonservativ* (умеренным консерватором. *Ред.*) ⁹⁴. Однако взять представителя наследства с более типичным тоном было бы, во-1-х, неудобно по разным причинам, а во-2-х, могло бы породить недоразумение при параллели с современным народничеством ⁹⁵. По самому характеру нашей задачи, *тон* (в противоположность пословице) *не делает музыки*, и не типичный тон Скалдина тем резче выделяет его «музыку», т. е. содержание его взглядов. А нас только это содержание и интересует. Только по содержанию взглядов (отнюдь не по тону писателей) мы и намерены провести параллель между представителями наследства и народниками современной эпохи.

ставителем «наследства», он в то же время и безусловный враг тех учреждений старины, которые взяло под свою защиту народничество.

Мы сказали выше, что Скалдин — буржуа. Доказательства этой характеристики были в достаточном количестве приведены выше, но необходимо оговориться, что у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним (*без различия исторических эпох*) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного. Скалдин недаром цитирует в одном месте своей книги Адама Смита: мы видели, что и воззрения его и характер его аргументации во многом повторяют тезисы этого великого идеолога передовой буржуазии.

И вот если мы сопоставим практические пожелания Скалдина, с одной стороны, с взглядами современных народников, а с другой стороны, с отношением к ним «русских учеников», то мы увидим, что «ученики» всегда будут стоять за поддержку пожеланий Скалдина, ибо эти пожелания выражают интересы прогрессивных общественных классов, насущные интересы всего общественного развития по данному, т. е. капиталистическому, пути. То же, что изменили народники в этих практических пожеланиях Скалдина или в его постановке вопросов, — является *минусом* и отвергается «учеником». Ученики «накидываются» не на «наследство» (это — вздорная выдумка), а на романтические и мелкобуржуазные прибавки к наследству со стороны народников. К этим прибавкам мы теперь и перейдем.

II

ПРИБАВКА НАРОДНИЧЕСТВА К «НАСЛЕДСТВУ»

От Скалдина перейдем к Энгельгардту. Его письма «Из деревни»⁹⁶ — тоже публицистические очерки деревни, так что и содержание и даже форма его книги очень похожи на книгу

Скалдина. Энгельгардт гораздо талантливее Скалдина, его письма из деревни написаны несравненно живее, образнее. У него нет длинных рассуждений солидного автора «В захолустье и в столице», но зато у него гораздо больше метких характеристик и других образов. Неудивительно, что книга Энгельгардта пользуется такой прочной симпатией читающей публики и недавно еще была переиздана вновь, тогда как книга Скалдина почти совсем забыта, хотя письма Энгельгардта начали печататься в «Отечеств. Записках» всего через два года спустя после выхода книги Скалдина. Поэтому нам нет никакой надобности знакомить читателя с содержанием книги Энгельгардта, а мы ограничимся лишь краткой характеристикой двух сторон его воззрений: во-1-х, воззрений, свойственных «наследству» вообще и в частности общих Энгельгардту и Скалдину; во-2-х, воззрений специфически народнических. Энгельгардт — *уже народник*, но в его взглядах так много еще черт, общих всем просветителям, так много того, что отброшено или изменено современным народничеством, что затрудняешься, куда отнести его: к представителям ли «наследства» вообще без народнической окраски или к народникам.

С первыми Энгельгардта сближает прежде всего замечательная трезвость его взглядов, простая и прямая характеристика действительности, беспощадное вскрывание всех отрицательных качеств, «устоев» вообще и крестьянства в частности, — тех самых «устоев», фальшивая идеализация и подкрашивание которых является необходимой составной частью народничества. Народничество Энгельгардта, будучи выражено чрезвычайно слабо и робко, находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной *действительности* деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью, и если бы какой-нибудь экономист или публицист взял за основание своих суждений о деревне те *данные и наблюдения*, которые приведены Энгельгардтом *, то народнические выводы из такого материала были бы невозможны. Идеализация крестьянина и его общины — одна из необходимых составных частей народничества, и народники всех оттенков, начиная

* Мимоходом сказать: это было бы не только чрезвычайно интересно и поучительно, но и вполне законным приемом экономиста-исследователя. Если ученые доверяют материалу анкет — ответам и отзывам многих хозяев, сплошь и рядом пристрастных, малосведущих, не выработавших цельного воззрения, не продумавших своих взглядов, — то отчего не доверять наблюдениям, которые целые 11 лет собирал человек замечательной наблюдательности, безусловной искренности, человек, превосходно изучивший то, с чем он говорит.

от г-на В. В. и кончая г-ном Михайловским, принесли обильную дань этому стремлению идеализации и подкрашивания «общины». У Энгельгардта нет и следа такого подкрашивания. В противоположность ходячим фразам об общинности нашего крестьянина, ходячим противопоставлениям этой «общинности» — индивидуализму городов, конкуренции в капиталистическом хозяйстве и т. д., Энгельгардт вскрывает поразительный *индивидуализм* мелкого земледельца с полной беспощадностью. Он подробно показывает, что наши «крестьяне в вопросах о собственности самые крайние собственники» (стр. 62, цит. по изд. 1885 г.), что они терпеть не могут «огульной работы», ненавидя ее по мотивам узко личным и эгоистическим: при огульной работе каждый «боится переработать» (стр. 206). Эта боязнь переработать доходит до высшей степени комизма (пожалуй, даже трагикомизма), когда автор рассказывает, как живущие в одном доме и связанные общим хозяйством и родством бабы моют каждая отдельно свою дольку стола, за которым обедают, или поочередно доят коров, собирая молоко для *своего* ребенка (опасаются утайки молока) и приготавливая отдельно каждая для своего ребенка кашу (стр. 323). Энгельгардт так подробно выясняет эти черты, подтверждает их такой массой примеров, что не может быть и речи о случайности этих фактов. Одно из двух: или Энгельгардт — никуда не годный и не заслуживающий доверия наблюдатель или рассказы об общинности и общинных качествах нашего мужика — пустая выдумка, переносящая на *хозяйство* черты, отвлеченные от формы *землевладения* (причем от этой формы землевладения отвлечены еще все ее фискально-административные стороны). Энгельгардт показывает, что тенденция мужика в его хозяйственной деятельности — кулачество: «известной дозой кулачества обладает каждый крестьянин» (стр. 491), «кулаческие идеалы царят в крестьянской среде»... «Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации»... «Каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася». Тенденция крестьянства — вовсе не к «общинному» строю, вовсе не к «народному производству», а к самому обыкновенному, всем капиталистическим обществам свойственному, мелкобуржуазному строю — показана Энгельгардтом превосходно. Стремления зажиточного крестьянина пускаться в торговые операции (363), раздавать под работу хлеб, покупать работу мужика бедного (стр. 457, 492 и др.), т. е., говоря экономическим языком, превращение хозяйственных мужичков в сельскую буржуазию, Энгельгардт описал и доказал бесповоротно. «Если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству, —

говорит Энгельгардт, — и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные и батраки. Скажу, более: полагаю, что разница в состояниях крестьян будет еще значительнее, чем теперь. Несмотря на общинное владение землей, рядом с «богачами» будет много обезземеленных фактически батраков. Что же мне или моим детям в том, что я имею право на землю, когда у меня нет ни капитала, ни орудий для обработки? Это все равно, что слепому дать землю — ешь ее!» (стр. 370). «Артельное хозяйство» с какой-то грустной иронией одиноко стоит здесь, как доброе, невинное пожелание, не только не вытекающее из данных о крестьянстве, но даже прямо опровергаемое и исключаемое этими данными.

Другая черта, сближающая Энгельгардта с представителями наследства без всякой народнической окраски, это — его вера в то, что главная и коренная причина бедственного положения крестьянства лежит в остатках крепостного права и в свойственной ему регламентации. Устраните эти остатки и эту регламентацию — и дело наладится. Безусловно отрицательное отношение Энгельгардта к регламентации, его едкое высмеивание всяких попыток путем регламентации сверху облагодетельствовать мужика — стоят в самой резкой противоположности с народническими упованиями на «разум и совесть, знания и патриотизм руководящих классов» (слова г-на Южакова в «Р. Б—ве», 1896, № 12, стр. 106), с народническим прожектерством насчет «организации производства» и т. п. Напомним, как саркастически обрушивался Энгельгардт на правило о том, что на мельнице нельзя продавать водку, правило, имеющее в виду «пользу» мужика; с каким негодованием говорит он об обязательном постановлении нескольких земств в 1880 г. не сеять рожь раньше 15 августа, об этом — вызванном тоже соображениями о пользе мужика — грубом вмешательстве кабинетных «ученых» в хозяйство «миллионов земледельцев-хозяев» (424). Указав на такие правила и распоряжения, как запрещение курить в хвойном лесу, стрелять щук весной, рубить березки на «май», разорять гнезда и т. п., Энгельгардт саркастически замечает: «...забота о мужике всегда составляла и составляет главную печаль интеллигентных людей. Кто живет для себя? Все для мужика живут!.. Мужик глуп, сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю испортит и сам весь перемрет» (398). Скажите, читатель, мог ли бы этот писатель сочувствовать хотя бы излюбленным народниками законам о неотчуждаемости наделов? Мог ли бы он сказать что-

либо подобное вышевыписанной фразе одного из столпов «Рус. Богатства»? Мог ли бы он разделить точку зрения другого столпа того же журнала, г. Н. Карышева, упрекающего наши губернские земства (в 90-х годах!) в том, что они «не находят места» «для систематических крупных, серьезных трат на организацию земледельческого труда»? *

Укажем еще одну черту, сближающую Энгельгардта с Скалдиным: это — бессознательное отношение Энгельгардта к многим чисто буржуазным пожеланиям и мероприятиям. Не то чтобы Энгельгардт старался подкрашивать мелких буржуа, сочинять какие-нибудь отговорки (*à la* ** г. В. В.) против применения к тем или другим предпринимателям этой квалификации, — совсем нет. Энгельгардт просто, будучи практиком-хозяином, увлекается всякими прогрессами, улучшениями в хозяйстве, совершенно не замечая того, что общественная форма этих улучшений дает лучшее опровержение его же собственных теорий о невозможности у нас капитализма. Напомним, напр., как увлекается он успехами, достигнутыми им в своем хозяйстве благодаря системе *сдельной платы* рабочим (за мятье льна, за молотьбу и т. п.). Энгельгардт и не подозревает как будто, что замена повременной платы штучною есть один из самых распространенных приемов развивающегося капиталистического хозяйства, которое достигает этим приемом усиления интенсификации труда и увеличения нормы сверхстоимости. Другой пример. Энгельгардт высмеивает программу «Земледельческой Газеты»⁹⁷: «прекращение сдачи полей кругами, устройство батрачного хозяйства, введение усовершенствованных машин, орудий, пород скота, многопольной системы, улучшение лугов и выгонов и проч. и проч.». — «Но ведь это только все общие фразы!» — восклицает Энгельгардт (128). И, однако, именно эту программу и осуществил Энгельгардт в своей хозяйственной практике, достигши технического прогресса в своем хозяйстве именно на основании батрачной организации его. Или еще: мы видели, как откровенно и как верно разоблачил Энгельгардт настоящие тенденции хозяйственного мужика; но это нисколько не помешало ему утверждать, что «нужны не фабрики и не заводы, а *маленькие* (курсив Энгельгардта) деревенские винокурни, маслобойни» и пр. (стр. 336), т. е. «нужен» переход сельской буржуазии к техническим сельскохозяйственным производствам, — переход, который везде

* «Русское Богатство», 1896 г., № 5, май. Статья г-на Карышева о затратах губернских земств на экономические мероприятия. Стр. 20.

** — вроде. *Ред.*

и всегда служил одним из важнейших симптомов земледельческого капитализма. Тут сказалось то, что Энгельгардт был не теоретиком, а практиком-хозяином. Одно дело — рассуждать о возможности прогресса без капитализма, другое дело — хозяйничать самому. Задавшись целью рационально поставить свое хозяйство, Энгельгардт *вынужден* был силою окружающих обстоятельств достигать этого приемами чисто капиталистическими и оставить в стороне все свои теоретические и отвлеченные сомнения насчет «батрачества». Скалдин в теории рассуждал как типичный манчестерец, совершенно не замечая ни этого характера своих рассуждений, ни соответствия их с нуждами капиталистической эволюции России. Энгельгардт на практике вынужден был действовать как типичный манчестерец, вопреки своему теоретическому протесту против капитализма и своему желанию верить в особые пути отечества.

А у Энгельгардта была эта вера, которая и заставляет нас назвать его народником. Энгельгардт уже ясно видит *действительную* тенденцию экономического развития России и начинает *отговариваться* от противоречий этого развития. Он силится доказать невозможность в России земледельческого капитализма, доказать, что «у нас нет кнехта» (стр. 556), — хотя сам же подробнейшим образом опроверг рассказ о дороговизне наших рабочих, сам же показал, за какую мизерную цену работает у него скотник Петр с семьей, которому остается кроме содержания 6 рублей в год «на покупку соли, постного масла, одежду» (стр. 10). «А и то ему завидуют, и откажи я ему — сейчас же найдется 50 охотников занять его место» (стр. 11). Указывая на успех своего хозяйства, на умелое обращение с плугом рабочих, Энгельгардт победоносно восклицает: «и кто же пахари? Невежественные, недобросовестные русские крестьяне» (стр. 225).

Опровергнув своим собственным хозяйничаньем и своим разоблачением крестьянского индивидуализма всякие иллюзии насчет «общинности», Энгельгардт, однако, не только «верил» в возможность перехода крестьян к артельному хозяйству, но и высказывал «убеждение», что это так и будет, что мы, русские, именно совершив это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья. «В этом-то и заключается наша самобытность, оригинальность нашего хозяйства» (стр. 349). Энгельгардт-реалист превращается в Энгельгардта-романтика, возмещающего полное отсутствие «самобытности» в способах своего хозяйства и в наблюденных им способах хозяйства крестьян — «*верую*» в грядущую «самобытность»! От этой веры уже рукой подать и до ультранароднических

черт, которые — хотя и совсем единично — попадаются у Энгельгардта, до узкого национализма, граничащего с шовинизмом («И Европу расколотим», «и в Европе мужик будет за нас» (стр. 387) — доказывал Энгельгардт по поводу войны одному помещику), и даже до идеализации отработков! Да, тот самый Энгельгардт, который посвятил так много превосходных страниц своей книги описанию забитого и униженного положения крестьянина, забравшего в долг денег или хлеба под работу и вынужденного работать почти задаром при самых худших условиях личной зависимости* — этот самый Энгельгардт договорился до того, что «хорошо было бы, если бы доктор (речь шла о пользе и надобности врача в деревне. В. И.) имел свое хозяйство, так, чтобы мужик мог отработать за лечение» (стр. 41). Комментарии излишни.

— В общем и целом, сопоставляя охарактеризованные выше положительные черты миросозерцания Энгельгардта (т. е. общие ему с представителями «наследства» без всякой народнической окраски) и отрицательные (т. е. народнические), мы должны признать, что первые безусловно преобладают у автора «Из деревни», тогда как последние являются как бы сторонней, случайной вставкой, навеянной извне и не вяжущейся с основным тоном книги.

III

ВЫИГРАЛО ЛИ «НАСЛЕДСТВО» ОТ СВЯЗИ С НАРОДНИЧЕСТВОМ?

— Да что же разумеете вы под народничеством? — спросит, вероятно, читатель. — Определение того, какое содержание вкладывается в понятие «наследства», было дано выше, а понятию «народничество» не дано никакого определения.

— Под народничеством мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом.* Отсюда стремления и пожелания «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и т. п. реакционные вопли. 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности.* К русским экономическим отношениям не считают нужным применять выработанные современной наукой понятия о различных общественных классах и их конфликтах. Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее,

* Вспомните картинку, как староста (т. е. управляющий помещика) зовет крестьянина на работу, когда у мужика свой хлеб сыпется, и его заставляет идти лишь упоминание о «спускании портков» в волости.

лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев». Среди крестьянства отрицаются и затушевываются те же противоречия, которые свойственны всякому товарному и капиталистическому хозяйству, отрицается связь этих противоречий с более развитой формой их в капиталистической промышленности и в капиталистическом земледелии. 3) *Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов.* Отрицание этой связи, отсутствие материалистического объяснения этих социальных факторов заставляет видеть в них силу, способную «тащить историю по другой линии» (г. В. В.), «свернуть с пути» (г. Н. — он, г. Южаков и т. д.) и т. п.

Вот что мы разумеем под «народничеством». Читатель видит, след., что мы употребляем этот термин в широком смысле слова, как употребляют его и все «русские ученики», выступающие против целой системы воззрений, а не против отдельных представителей ее. Между этими отдельными представителями, конечно, есть различия, иногда немалые. Никто этих различий не игнорирует. Но приведенные черты миросозерцания общи всем различнейшим представителям народничества, начиная от... ну, хоть скажем, г. Юзова и кончая г-м Михайловским. Гг. Юзовы, Сазоновы, В. В. и т. п. к указанным отрицательным чертам своих воззрений присоединяют еще другие отрицательные черты, которых, напр., нет ни в г-не Михайловском, ни в других сотрудниках теперешнего «Рус. Богатства». Отрицать эти различия народников в тесном смысле слова от народников вообще было бы, конечно, неправильно, но еще более неправильно было бы игнорировать, что *основные* социально-экономические взгляды всех и всяких народников совпадают по вышеприведенным главным пунктам. А так как «русские ученики» отвергают именно эти основные воззрения, а не только «печальные уклонения» от них в худшую сторону, то они имеют, очевидно, полное право употреблять понятие «народничество» в широком значении слова. Не только имеют право, но и не могут поступать иначе.

Обращаясь к вышеочерченным основным воззрениям народничества, мы должны прежде всего констатировать, что «наследство» *совершенно ни при чем в этих воззрениях.* Есть целый ряд несомненных представителей и хранителей «наследства», которые не имеют ничего общего с народничеством, вопроса о капитализме вовсе и не ставят, в самобытность России, крестьянской общины и т. п. вовсе не верят, в интеллигенции и в юридико-политических учреждениях никакого

фактора, способного «свернуть с пути», не усматривают. Мы назвали выше для примера издателя-редактора «Вестника Европы»⁹⁸, которого в чем другом, а в нарушении традиций наследства обвинять нельзя. Наоборот, есть люди, подходящие по своим воззрениям под указанные основные принципы народничества и при этом прямо и открыто «отрекающиеся от наследства», — назовем хоть того же г-на Я. Абрамова, которого указывает и г. Михайловский, или г. Юзова. Того народничества, против которого воюют «русские ученики», даже и не было вовсе в то время, когда (выражаясь юридическим языком) «открывалось» наследство, т. е. в 60-х годах. Зародыши, зачатки народничества были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше*, — но история народничества нас вовсе теперь не занимает. Нам важно только, повторяем еще раз, установить, что «наследство» 60-х годов в том смысле, как мы очертили его выше, не имеет ничего общего с народничеством, т. е. по существу воззрений между ними нет общего, они ставят разные вопросы. Есть хранители «наследства» ненародники, и есть народники, «отрекшиеся от наследства». Разумеется, есть и народники, хранящие «наследство» или претендующие на хранение его. Поэтому-то мы и говорим о связи наследства с народничеством. Посмотрим же, что дала эта связь.

Во-первых, народничество сделало крупный *шаг вперед* против наследства, *поставив* перед общественной мыслью на разрешение вопросы, которых хранители наследства частью еще не могли (в их время) поставить, частью же не ставили и не ставят по свойственной им узости кругозора. *Постановка* этих вопросов есть крупная *историческая* заслуга народничества, и вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни на есть) решение этим вопросам, заняло *тем самым* передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли.

Но решение этих вопросов народничеством оказалось никуда не годным, основанным на отсталых теориях, давно уже выброшенных за борт Западной Европой, основанным на романтической и мелкобуржуазной критике капитализма, на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действительности. Покуда развитие капитализма в России и свойственных ему противоречий было еще очень слабо, эта примитивная критика капитализма могла держаться. Современному же развитию капитализма в России, современному

* Ср. теперь книгу Туган-Барановского: «Русская фабрика» (СПБ., 1898 г.).

состоянию наших знаний о русской экономической истории и действительности, современным требованиям от социологической теории народничество безусловно не удовлетворяет. Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме, народничество является теперь теорией *реакционной* и *вредной*, сбивающей с толку общественную мысль, играющей на руку застою и всяческой азиатчине. Реакционный характер народнической критики капитализма придал народничеству в настоящее время даже такие черты, которые ставят его *ниже* того миросозерцания, которое ограничивается верным хранением наследства *. Что это так, — мы постараемся показать сейчас на разборе каждой из отмеченных выше трех основных черт народнического миросозерцания.

Первая черта — признание капитализма в России упадком, регрессом. Как только вопрос о капитализме в России был поставлен, очень скоро выяснилось, что наше экономическое развитие есть капиталистическое, и народники объявили это развитие регрессом, ошибкой, уклонением с пути, предписываемого якобы всей исторической жизнью нации, от пути, освященного якобы вековыми устоями и т. п. и т. д. Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние, основанные на том, что, чем дальше пойдут дела так, как они идут, тем хуже, тем труднее будет решить задачи, выдвигаемые новым развитием; являются приглашения «задержать» и «остановить» это развитие, является теория, что отсталость есть счастье России и т. д. С «наследством» все эти черты народнического миросозерцания не только не имеют ничего общего, но прямо противоречат ему. Признание русского капитализма «уклонением с пути», упадком и т. п. ведет к извращению всей экономической эволюции России, к извращению той «смены», которая происходит перед нашими глазами. Увлеченный желанием задержать и прекратить ломку вековых устоев капитализмом, народник впадает в поразительную историческую бестактность, забывает о том, что *позади* этого капитализма нет ничего, кроме такой же эксплуатации в соединении с бесконечными формами кабалы и личной зависимости,

* Я уже имел случай заметить выше в статье об экономическом романтизме, что наши противники проявляют поразительную близорукость, понимая термины: *реакционный*, *мелкобуржуазный* как полемические выходы, тогда как эти выражения имеют совершенно определенный историко-философский смысл. (См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 211; 4 изд., том 2, стр. 196. *Ред.*)

отягчавшей положение трудящегося, ничего, кроме рутины и застоя в общественном производстве, а следовательно, и во всех сферах социальной жизни. Сражаясь с своей романтической, мелкобуржуазной точки зрения против капитализма, народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, сопоставляя всегда *действительность* капитализма с *вымыслом* докапиталистических порядков. «Наследство» 60-х годов с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вымести дочиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше, — это «наследство» не только ни при чем в указанных воззрениях народничества, но прямо противоречит им.

Вторая черта народничества — вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п. Учение о самобытности России заставило народников хвататься за устарелые западноевропейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием к многим приобретениям западноевропейской культуры: народники успокаивали себя тем, что если мы не имеем тех или других черт цивилизованного человечества, то зато «нам суждено» показать миру новые способы хозяйничанья и т. п. Тот анализ капитализма и всех его проявлений, который дала передовая западноевропейская мысль, не только не принимался по отношению к святой Руси, а, напротив, все усилия были направлены на то, чтобы придумать отговорки, позволяющие о русском капитализме не делать тех же выводов, какие сделаны относительно европейского. Народники расшаркивались пред авторами этого анализа и... и продолжали себе преспокойно оставаться такими же романтиками, против которых всю жизнь боролись эти авторы. Это общее всем народникам учение о самобытности России опять-таки не только не имеет ничего общего с «наследством», но даже прямо противоречит ему. «60-ые годы», напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к общеевропейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную, почву. Всякое учение о самобытности России находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией. Еще более не соответствует этой традиции народническая идеализация, подкрашивание деревни. Эта фальшивая идеализация, желавшая во что бы то ни стало видеть в нашей деревне нечто особенное, вовсе непохожее на строй всякой другой деревни во всякой другой стране в период докапиталистических отношений, — находится в

самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства. Чем дальше и глубже развивался капитализм, чем сильнее проявлялись в деревне те противоречия, которые общи всякому товарно-капиталистическому обществу, тем резче и резче выступала противоположность между сладенькими росказнями народников об «общинности», «артельности» крестьянина и т. п., с одной стороны, — и фактическим расколом крестьянства на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат, с другой; тем быстрее превращались народники, продолжавшие смотреть на вещи глазами крестьянина, из сентиментальных романтиков в идеологов мелкой буржуазии, ибо мелкий производитель в современном обществе превращается в товаропроизводителя. Фальшивая идеализация деревни и романтические мечтания насчет «общинности» вели к тому, что народники с крайним легкомыслием относились к действительным нуждам крестьянства, вытекающим из данного экономического развития. В теории можно было сколько угодно говорить о силе устоев, но на практике каждый народник прекрасно чувствовал, что устранение остатков старины, остатков дореформенного строя, опутывающих и по сию пору с ног до головы наше крестьянство, откроет дорогу именно капиталистическому, а не какому другому развитию. Лучше застой, чем капиталистический прогресс — такова, в сущности, точка зрения каждого народника на деревню, хотя, разумеется, далеко не всякий народник с наивной прямолинейностью г-на В. В. решится открыто и прямо высказать это. «Крестьяне, прикованные к наделам и обществам, лишенные возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгоднее, как бы застыли в той скученной, стадообразной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права». Так смотрел один из представителей «наследства» с своей характерной точки зрения «просветителя»⁹⁹. — «Пусть лучше крестьяне продолжают застывать в своей рутинной, патриархальной форме быта, чем расчищать дорогу для капитализма в деревне» — так смотрит, в сущности, каждый народник. В самом деле, не найдется, вероятно, ни одного народника, который бы решился отрицать, что словная замкнутость крестьянской общины с ее круговой порукой и с запрещением продажи земли и отказа от надела стоит в самом резком противоречии с современной экономической действительностью, с современными товарно-капиталистическими отношениями и их развитием. Отрицать это противоречие невозможно, но вся суть в том, что народники как огня боятся такой постановки вопроса, такого сопоставления

юридической обстановки крестьянства с экономической действительностью, с данным экономическим развитием. Народник упорно хочет верить в несуществующее и романтически сфантазированное им развитие без капитализма, и поэтому... поэтому он готов задерживать данное развитие, идущее путем капиталистическим. К вопросам о сословной замкнутости крестьянской общины, о круговой поруке, о праве крестьян продавать землю и отказываться от надела народник относится не только с величайшей осторожностью и боязливостью за судьбу «устоев» (устоев рутины и застоя); мало того, народник падает даже до такой степени низко, что приветствует полицейское запрещение крестьянам продавать землю. «Мужик глуп, — можно сказать такому народнику словами Энгельгардта, — сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет». Народник здесь уже прямо «отказывается от наследства», становясь реакционным. И заметьте притом, что это разрушение сословной замкнутости крестьянской общины, по мере экономического развития, становится все более и более настоятельной необходимостью для сельского пролетариата, тогда как для крестьянской буржуазии неудобства, проистекающие отсюда, вовсе не так значительны. «Хозяйственный мужичок» легко может арендовать землю на стороне, открыть заведение в другой деревне, съездить куда угодно на любое время по торговым делам. Но для «крестьянина», живущего главным образом продажей своей рабочей силы, прикрепление к наделу и к обществу означает громадное стеснение его хозяйственной деятельности, означает невозможность найти более выгодного нанимателя, означает необходимость продавать свою рабочую силу именно местным покупателям ее, дающим всегда дешевле и изыскивающим всяческие способы кабалы. — Поддавшись раз во власть романтическим мечтаньям, задавшись целью поддержать и охранить устои вопреки экономическому развитию, народник незаметно для самого себя скатился по этой наклонной плоскости до того, что очутился рядом с аграрием, который от всей души жаждет сохранения и укрепления «связи крестьянина с землей». Стоит вспомнить хотя бы о том, как эта сословная замкнутость крестьянской общины породила особые способы наемки рабочих: рассылку хозяевами заводов и экономий своих приказчиков по деревням, особенно недоимочным, для наиболее выгодного найма рабочих. К счастью, развитие земледельческого капитализма, разрушая «оседлость» пролетария (таково действие так называемых отхожих земледельческих

промыслов), постепенно вытесняет эту кабалу вольным наймом.

Другое, пожалуй, не менее рельефное подтверждение нашего положения о вреде современных народнических теорий дает тот факт, что среди народников обычное явление — *идеализация отработков*. Мы выше привели пример того, как Энгельгардт, совершивши свое народническое грехопадение, дописался до того, что «хорошо было бы» развивать в деревне отработки! То же самое находили мы в знаменитом проекте г. Южакова о земледельческих гимназиях («Русское Богатство», 1895, № 5) *. Такой же идеализации предавался в серьезных экономических статьях сотрудник Энгельгардта по журналу, г. В. В., который утверждал, что крестьянин одержал победу над помещиком, желавшим будто бы ввести капитализм; но беда состояла в том, что крестьянин брался обработать земли помещика, получая за это от него землю «в аренду», — т. е. восстанавливал совершенно тот же самый способ хозяйства, который был и при крепостном праве. Это — самые резкие примеры реакционного отношения народников к вопросам нашего земледелия. В менее резкой форме вы встретите эту идею у каждого народника. Каждый народник говорит о вреде и опасности капитализма в нашем земледелии, ибо капитализм, изволите видеть, заменяет самостоятельного крестьянина батраком. *Действительность* капитализма («батрак») противопоставляется *вымыслу* о «самостоятельном» крестьянине: основывается этот вымысел на том, что крестьянин докапиталистической эпохи владеет средствами производства, причем скромно умалчивается о том, что за эти средства производства надо платить вдвое против их стоимости; что эти средства производства служат для отработков; что жизненный уровень этого «самостоятельного» крестьянина так низок, что в любой капиталистической стране его отнесли бы к пауперам; что к беспросветной нищете и умственной инертности этого «самостоятельного» крестьянина прибавляется еще личная зависимость, неизбежно сопровождающая докапиталистические формы хозяйства.

Третья характерная черта народничества — игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов — находится в самой неразрывной связи с предыдущими: только это отсутствие реализма в вопросах социологических и могло породить учение об «ошибочности»

* См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 61—69 и 471—504; 4 изд., том 2, стр. 58—65 и 427—457. *Ред.*

русского капитализма и о возможности «свернуть с пути». Это воззрение народничества опять-таки не стоит ни в какой связи с «наследством» и традициями 60-х годов, а, напротив, *прямо противоречит этим традициям*. Из этого воззрения, естественно, вытекает такое отношение народников к многочисленным остаткам дореформенной регламентации в русской жизни, которое ни в каком случае не могли бы разделить представители «наследства». Для характеристики этого отношения мы позволим себе воспользоваться прекрасными замечаниями г. В. Иванова в статье «Плохая выдумка» («Новое Слово»¹⁰⁰, сент. за 1897 г.). Автор говорит об известном романе г. Боборыкина «По-другому» и изобличает непонимание им спора народников с «учениками». Г-н Боборыкин вкладывает в уста героя своего романа, народника, такой упрек по адресу «учеников», что они-де мечтают «о казарме с нестерпимым деспотизмом регламентации». Г-н В. Иванов замечает по поводу этого:

«О нестерпимом деспотизме «регламентации» в качестве «мечты» своих противников они (народники) не только не говорили, *но и говорить, оставаясь народниками, не могут и не будут*. Суть их спора с «экономическими материалистами» в этой области заключается именно в том, что сохранившиеся у нас остатки старой регламентации могут, по мнению народников, послужить основанием для дальнейшего развития регламентации. Нестерпимость этой старой регламентации заслоняется от их глаз, с одной стороны, представлением, будто сама «крестьянская душа (единая и нераздельная) эволюционирует» в сторону регламентации, — с другой, убеждением в существующей или имеющей наступить нравственной красоте «интеллигенции», «общества» или вообще «руководящих классов». Экономических материалистов они обвиняют в пристрастии не к «регламентации», а, наоборот, к западноевропейским порядкам, основанным на отсутствии регламентации. И экономические материалисты действительно утверждают, что остатки старой регламентации, выросшей на основе натурального хозяйства, становятся с каждым днем все «нестерпимее» в стране, перешедшей к денежному хозяйству, вызывающему бесчисленные изменения как в фактическом положении, так и в умственной и нравственной физиономии различных слоев ее населения. Они убеждены поэтому, что условия, необходимые для возникновения новой благодетельной «регламентации» экономической жизни страны, могут развиваться не из остатков регламентации, приноровленной к натуральному хозяйству и крепостному праву, а лишь в атмосфере такого же широкого и всестороннего отсутствия этой

старой регламентации, какое существует в передовых странах Западной Европы и Америки. В таком положении находится вопрос о «регламентации» в споре между народниками и их противниками» (стр. 11—12, 1. с. *). Это отношение народников к «остаткам старой регламентации» представляет из себя самое, пожалуй, резкое отступление народничества от традиций «наследства». Представители этого наследства, как мы видели, отличались бесповоротным и ярким осуждением всех и всяческих остатков старой регламентации. Следовательно, с этой стороны «ученики» стоят несравненно ближе к «традициям» и «наследству» 60-х годов, чем народники.

Отсутствие социологического реализма, кроме указанной в высшей степени важной ошибки народников, ведет также у них к той особой манере мышления и рассуждения об общественных делах и вопросах, которую можно назвать узко интеллигентным самомнением или, пожалуй, бюрократическим мышлением. Народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать, какие бедствия встретятся, если «мы» направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы «мы» себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которым пошла старуха-Европа, если бы «взяли хорошее» и из Европы, и из нашей исконной общинности и т. д. и т. п. Отсюда полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами. Отсюда то поразительное легкомыслие, с которым пускается народник (забыв об окружающей его обстановке) во всевозможное социальное прожектерство, начиная от какой-нибудь «организации земледельческого труда» и кончая «обмирщением производства» стараниями нашего «общества». «Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist» ** — в этих словах *** выражено одно из самых глубоких и самых важных положений той историко-философской теории, которую никак не хотят и не могут понять наши народники. По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем. Народник же всегда рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности, как об объекте тех или других более или менее ра-

* — loco citato — в цитированном месте. *Ред.*

** *Marx*. «Die heilige Familie» (*Маркс*. «Святое семейство». *Ред.*), 120. ¹⁰¹ По Бельтову ¹⁰², стр. 235.

*** «Вместе с основательностью исторического действия будет расти и объем массы, делом которой оно является». *Ред.*

зумных мероприятий, как о материале, подлежащем направлению на тот или иной путь, и никогда не смотрел на различные классы населения, как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопроса о тех условиях данного пути, которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории.

Итак, хотя народничество сделало крупный шаг вперед против «наследства» просветителей, *поставив* вопрос о капитализме в России, но данное им *решение* этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие мелкобуржуазной точки зрения и сентиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось *позади* по сравнению с «просветителями». Присоединение народничества к наследству и традициям наших просветителей оказалось в конце концов *минусом*: тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сентиментальными и реакционными lamentациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загромозило своей романтикой и задержало их полное разрешение.

IV

«ПРОСВЕТИТЕЛИ», НАРОДНИКИ И «УЧЕНИКИ»

Мы можем теперь подвести итоги нашим параллелям. Попробуем охарактеризовать вкратце отношения каждого из указанных в заголовке течений общественной мысли друг к другу.

Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» верит в данное общественное развитие, ибо он видит залогов лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий. Первое и последнее направление стремится поэтому поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, устранить все препятствия, мешающие этому развитию и задерживающие его. Народничество, наоборот, стремится задержать и остановить это развитие, боится уничтожения некоторых препятствий развитию капитализма. Первое и последнее направление характеризуется тем, что можно бы назвать историческим оптимизмом: чем дальше и чем скорее дела пойдут так, как они идут, тем лучше.

Народничество, наоборот, естественно ведет к историческому пессимизму: чем дальше дела пойдут так, тем хуже. «Просветители» вовсе не ставили вопросов о характере пореформенного развития, ограничиваясь исключительно войной против остатков дореформенного строя, ограничиваясь отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития России. Народничество поставило вопрос о капитализме в России, но решило его в смысле реакционности капитализма и потому не могло целиком воспринять наследства просветителей: народники всегда вели войну против людей, стремившихся к европеизации России вообще, с точки зрения «единства цивилизации», вели войну не потому только, что они не могли ограничиться идеалами этих людей (такая война была бы справедлива), а потому, что они не хотели идти так далеко в развитии данной, т. е. капиталистической, цивилизации. «Ученики» решают вопрос о капитализме в России в смысле его прогрессивности и потому не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей. Просветители не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще. Народники желали представлять интересы труда, не указывая, однако, определенных групп в современной системе хозяйства; на деле они становились всегда на точку зрения мелкого производителя, которого капитализм превращает в товаропроизводителя. «Ученики» не только берут за критерий интересы труда, но при этом указывают совершенно определенные экономические группы капиталистического хозяйства, именно бесхозяйных производителей. Первое и последнее направление соответствуют, по содержанию своих пожеланий, интересам тех классов, которые создаются и развиваются капитализмом; народничество по своему содержанию соответствует интересам класса мелких производителей, мелкой буржуазии, которая занимает промежуточное положение среди других классов современного общества. Поэтому противоречивое отношение народничества к «наследству» вовсе не случайность, а необходимый результат самого содержания народнических воззрений: мы видели, что одна из основных черт воззрений просветителей состояла в горячем стремлении к европеизации России, а народники никак не могут, не переставая быть народниками, разделить вполне этого стремления.

В конце концов мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что *ученики — гораздо более последователь-*

ные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники. Не только они не отрекаются от наследства, а, напротив, одной из главнейших своих задач считают опровержение тех романтических и мелкобуржуазных опасений, которые заставляют народников по весьма многим и весьма важным пунктам отказываться от европейских идеалов просветителей. Но само собою разумеется, что «ученики» хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством, и к защите общих идеалов европеизма «ученики» присоединяют анализ тех противоречий, которые включает в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения.

V

**Г-Н МИХАЙЛОВСКИЙ ОБ ОТКАЗЕ «УЧЕНИКОВ»
ОТ НАСЛЕДСТВА**

В заключение вернемся опять к г-ну Михайловскому и рассмотрению его утверждения по интересующему нас вопросу. Г-н Михайловский заявляет не только то, что эти люди (ученики) «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» (1. с., 179), но к тому же еще, что «они» (наряду с другими лицами самых различных направлений, до г. Абрамова, г. Волынского, г. Розанова включительно) «накидываются на наследство с чрезвычайною злобностью» (180). — О каком наследстве говорит г. Михайловский? — О наследстве 60—70-х годов, о том наследстве, от которого торжественно отказывались и отказываются «Московские Ведомости» (178).

Мы уже показали, что если говорить о «наследстве», которое досталось современным людям, то надо различать *два наследства*: одно наследство — просветителей вообще, людей, безусловно враждебных всему дореформенному, людей, стоящих за европейские идеалы и за интересы широкой массы населения. Другое наследство — народническое. Мы уже показали, что смешивать две эти различные вещи было бы грубой ошибкой, ибо всякий знает, что были и есть люди, хранящие «традиции 60-х годов» и не имеющие ничего общего с народничеством. Все замечания г-на Михайловского всецело и исключительно основаны на смешении этих совершенно различных наследств. А так как г. Михайловский не может не знать этого различия, то его выходка приобретает совершенно определенный характер не только вздорной, но и клеветнической

выходки. Накидывались ли «Моск. Ведомости» специально на народничество? — Вовсе нет: они не менее, если не более, накидывались на просветителей вообще, и совершенно чуждый народничеству «Вестник Европы» — не меньший враг для них, чем народническое «Русское Богатство». С теми народниками, которые отказывались от наследства с наибольшей решительностью, напр., с Юзовым, «Моск. Ведомости», конечно, в очень многом не сошлись бы, но с злобностью накидываться на него они бы вряд ли стали, и уж во всяком случае похвалили бы его за то, чем он отличается от народников, желающих хранить наследство. — Накидывался ли г. Абрамов или г. Волынский на народничество? — Вовсе нет. Первый из них сам народник; оба они накидывались на просветителей вообще. — Накидывались ли «русские ученики» на русских просветителей? Отказывались ли они когда-нибудь от наследства, завещавшего нам безусловную вражду к дореформенному быту и его остаткам? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в стремлении поддержать некоторые из этих остатков ради мелкобуржуазных страхов перед капитализмом. — Накидывались ли они когда-нибудь на наследство, завещавшее нам европейские идеалы вообще? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали, что они вместо общеевропейских идеалов сочиняют по многим весьма важным вопросам всякие самобытные благоглупости. — Накидывались ли они когда-либо на наследство, завещавшее нам заботу об интересах трудящихся масс населения? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в том, что их забота об этих интересах непоследовательна (ибо они усиленно смешивают крестьянскую буржуазию и сельский пролетариат); что польза от этих забот обессиливается мечтаниями о том, что могло бы быть, вместо обращения своего внимания на то, что есть; что их заботы крайне узки, ибо они никогда не умели оценить по достоинству условия (хозяйственные и другие), облегчающие или затрудняющие для этих лиц возможность самим заботиться о себе.

Г-н Михайловский может не соглашаться с правильностью этих изобличений, и, будучи народником, он, разумеется, не согласится с ними, — но говорить о «злобных» нападках на «наследство 60—70-х годов» людей, которые на самом деле «злобно» нападают *только на народничество*, нападают за то, что оно не сумело решить новых, выдвинутых пореформенной историей, вопросов *в духе этого наследства и без противоречий ему*, — говорить подобную вещь значит прямо извращать дело.

Г-н Михайловский презабавно негодует на то, что «ученики» охотно смешивают «нас» (т. е. публицистов «Русск. Богатства») с «народниками» и другими лицами, к «Р. Б—ву» непричастными (стр. 180). Ничего, кроме смеха, эта курьезная попытка выделить себя из числа «народников», сохраняя в то же время все основные воззрения народничества, вызвать не может. Всякий знает, что все «русские ученики» употребляют слова «народник» и «народничество» в широком смысле. Что между народниками есть не мало различных оттенков, этого никто не забывал и не отрицал: ни П. Струве, ни Н. Бельтов, напр., в своих книгах не «смешивали» г-на Н. Михайловского не только с г. В. В., но даже и с г. Южаковым, т. е. не затушевывали различия в их воззрениях, не приписывали одному воззрений другого. П. Б. Струве даже прямо указывал на отличие взглядов г. Южакова от взглядов г. Михайловского. Одно дело — смешивать вместе различные воззрения; другое дело — обобщать и подводить под одну категорию писателей, которые, несмотря на различия по многим вопросам, солидарны по тем основным и главным пунктам, против которых и восстают «ученики». Для «ученика» важно вовсе не то, чтобы показать, напр., негодность воззрений, отличающих какого-нибудь г. Юзова от других народников: для него важно опровергнуть воззрения, *общие и г. Юзову и г. Михайловскому и всем народникам вообще*, т. е. их отношение к капиталистической эволюции России, их обсуждение вопросов экономических и публицистических с точки зрения мелкого производителя, их непонимание социального (или исторического) материализма. *Эти черты* составляют общее достояние целого течения общественной мысли, сыгравшего крупную историческую роль. В этом широком течении есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма и т. п., и есть люди, неповинные в этом; есть люди, с пренебрежительностью относившиеся ко многим заветам «наследства», и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т. е. елико возможно для народника). Ни один из «русских учеников» не отрицал этих различий между оттенками, ни одного из них г. Михайловский не мог бы уличить в том, что он приписывал взгляды народника одного оттенка народнику другого оттенка. Но раз мы выступаем против основных воззрений, *общих* всем этим различным оттенкам, то с какой же стати нам говорить о частных различиях общего течения? Ведь это совершенно бессмысленное требование! Общность воззрений на русский капитализм, на крестьянскую «общину», на всеислие так называемого «общества» у писателей, далеко

не во всем солидарных, отмечалась не раз нашей литературой задолго еще до появления «учеников», и не только отмечалась, но и восхвалялась как счастливая особенность России. Термин «народничество» в широком смысле употреблялся опять-таки в нашей литературе задолго до появления «учеников». Г-н Михайловский не только сотрудничал много лет в одном журнале с «народником» (в узком смысле) г. В. В., но и разделял с ним указанные выше основные черты воззрений. Возражая в 80-х и в 90-х годах против отдельных выводов г-на В. В., отвергая правильность его экскурсий в область отвлеченной социологии, г. Михайловский, однако, и в 80-х и в 90-х годах оговаривался, что его критика вовсе не направляется против экономических трудов г-на В. В., что он солидарен с ними в основных воззрениях на русский капитализм. Поэтому, если теперь столпы «Русского Богатства», так много сделавшие для развития, укрепления и распространения народнических (в широком смысле) воззрений, думают избавиться от критики «русских учеников» простым заявлением, что они не «народники» (в узком смысле), что они совсем особая «этико-социальная школа», — то, разумеется, подобные уловки вызывают только справедливые насмешки над людьми, столь храбрыми и в то же время столь дипломатичными.

На стр. 182-й своей статьи г. Михайловский выдвигает против «учеников» еще следующий феноменальный довод. Г-н Каменский ядовито нападает на народников¹⁰³; это, извольте видеть, «свидетельствует, что он сердится, а это ему не полагается (sic!! *). Мы, «субъективные старики», равно как и «субъективные юноши», не противореча себе, разрешаем себе эту слабость. Но представители учения, «справедливо гордого своею неумолимою объективностью» (выражение одного из «учеников»), находятся в ином положении».

Что это такое?! Если люди требуют, чтобы взгляды на социальные явления опирались на неумолимо объективный анализ *действительности* и действительного развития, — так из этого следует, что им не полагается сердиться?! Да ведь это просто галиматья, сапоги всмятку! Не слыхали ли Вы, г. Михайловский, о том, что одним из замечательнейших образцов неумолимой объективности в исследовании общественных явлений справедливо считается знаменитый трактат о «Капитале»? Целый ряд ученых и экономистов видят главный и основной недостаток этого трактата именно в неумолимой объективности. И, однако, в редком научном трактате вы найдете столько «сердца», столько горячих и страстных полемических

* — так!! Ред.

выходок против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые, по убеждению автора, тормозят общественное развитие. Писатель, с неумолимой объективностью показавший, что воззрения, скажем, Прудона являются естественным, понятным, неизбежным отражением взглядов и настроения французского *petit bourgeois* *, — тем не менее с величайшей страстностью, с горячим гневом «накидывался» на этого идеолога мелкой буржуазии. Не полагает ли г. Михайловский, что Маркс тут «противоречит себе»? Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается»? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д. Пустяковинная выходка г-на Михайловского показывает только, что он до сих пор не разобрался в весьма элементарном вопросе о различии детерминизма от фатализма.

««Капитал идет»! — это несомненно, — пишет г. Михайловский, — но (*sic!!*) вопрос в том, как его встретить» (стр. 189).

Г-н Михайловский открывает Америку, указывает «вопрос», над которым «русские ученики» вовсе, очевидно, и не задумывались! Вовсе не по этому вопросу, должно быть, разошлись «русские ученики» с народниками! «Встретить» развивающийся в России капитализм можно только двояко: либо признать его прогрессивным явлением, либо регрессивным; либо — шагом вперед по настоящему пути, либо уклонением с истинного пути; либо оценивать его с точки зрения класса мелких производителей, разрушаемого капитализмом, либо — с точки зрения класса бесхозяйных производителей, создаваемого капитализмом. Середины тут нет **. След., если

* — мелкого буржуа. *Ред.*

** Мы не говорим, разумеется, о той встрече, которая вовсе не считает нужным руководиться интересами труда или для которой самое обобщение, выражаемое термином «капитализм», непонятно и невразумительно. Как ни важны в русской жизни относящиеся сюда течения общественной мысли, но в споре между народниками и их противниками они совершенно ни при чем, и припутывать их не доводится.

г. Михайловский отвергает правильность того отношения к капитализму, на котором настаивают «ученики», то он принимает, значит, отношение народническое, которое он много раз в прежних своих статьях выражал с полной определенностью. Никаких ни дополнений, ни изменений в своих старых взглядах на этот вопрос г. Михайловский не давал и не дает, оставаясь по-прежнему народником. — Ничуть не бывало! Он — не народник, боже упаси! Он — представитель «этико-социологической школы»...

«Пусть не говорят, — продолжает г. Михайловский, — о тех грядущих (??) благах, которые принесет (?) с собой дальнейшее развитие капитализма».

Г-н Михайловский — не народник. Он только повторяет целиком ошибки народников и неправильные приемы их рассуждений. Сколько раз уже твердили народникам, что подобная постановка вопроса «о грядущем» неправильна, что речь идет не о «грядущих», а о действительных, уже имеющих место, прогрессивных изменениях докапиталистических отношений, — изменениях, которые приносит (а не принесет) развитие капитализма в России. Перенося вопрос в область «грядущего», г. Михайловский тем самым признает в сущности за доказанные именно те положения, которые «учениками» и оспариваются. Он признает за доказанное, что в действительности в том, что происходит у нас перед глазами, никаких прогрессивных изменений в старых общественно-экономических отношениях развитие капитализма *не приносит*. Именно в этом-то и состоит народническое воззрение, и именно против него полемизируют «русские ученики», доказывая обратное. Нет ни одной книжки, выпущенной «русскими учениками», в которой бы не говорилось и не показывалось, что замена отработков вольнонаемным трудом в земледелии, замена так называемой «кустарной» промышленности фабричною есть действительное явление, происходящее (и притом с громадной быстротой) перед нашими глазами, а вовсе не «грядущее» только; что эта замена — во всех отношениях явление прогрессивное, что она разрушает рутинное, отличавшееся вековой неподвижностью и застоєм, раздробленное, мелкое, ручное производство; что она повышает производительность общественного труда и тем самым создает возможность повышения жизненного уровня трудящегося; что она же создает условия, превращающие эту возможность в необходимость, именно: превращающие заброшенного «в захолустье» «оседлого пролетария», оседлого и в физическом, и в моральном смысле, в подвижного, превращающие азиатские формы труда с бесконечно развитой кабалой, со всяческими формами

личной зависимости — в европейские; что «европейский образ мыслей и чувствования не менее необходим (заметьте: необходим. В. И.) для успешной утилизации машин, чем пар, уголь и техника» * и т. д. Все это говорится и доказывается, повторяем, каждым «учеником», но все это не имеет, должно быть, никакого отношения к г-ну Михайловскому «с товарищами»: все это пишется только против «народников», «непричастных» «Русскому Богатству». «Русское Богатство» ведь это — «этико-социологическая школа», сущность которой состоит в том, чтобы под новым флагом провозить старый хлам.

Как мы уже заметили выше, задача нашей статьи — опровержение весьма распространенных в либерально-народнической прессе выдумок, будто «русские ученики» отрекаются от «наследства», порывают с лучшими традициями лучшей части русского общества и т. п. Небезынтересно будет отметить, что г. Михайловский, повторяя эти избитые фразы, сказал в сущности совершенно то же самое, что гораздо раньше и гораздо решительнее заявил «непричастный» «Р. Богатству» «народник» г. В. В. Знакомы ли вы, читатель, с теми статьями в «Неделе»¹⁰⁵, которые поместил этот писатель три года тому назад, в конце 1894 года, в ответ на книгу П. Б. Струве? Должен признаться, что, по моему мнению, вы ровно ничего не потеряли, если не познакомились с ними. Основная мысль этих статей состоит в том, что «русские ученики» обрывают будто бы демократическую нить, тянущуюся через все прогрессивные течения русской общественной мысли. Не то же ли самое, только в несколько иных выражениях, повторяет теперь г. Михайловский, обвиняя «учеников» в отречении от «наследства», на которое злобно накидываются «Московские Ведомости»? На самом деле, как мы видели, сочинители этой выдумки валят с больной головы на здоровую, утверждая, будто бесповоротный разрыв «учеников» с народничеством знаменует разрыв с лучшими традициями лучшей части русского общества. Не наоборот ли, господа? Не знаменует ли такой разрыв *очищение* этих лучших традиций от народничества?

Написано в ссылке в конце 1897 г.

*Впервые напечатано в 1898 г.
в сборнике: Владимир Ильин.
«Экономические этюды и статьи». СПб.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 2, стр. 505—550*

* Слова Шульце-Геверница в «Schmollers Jahrbuch»¹⁰⁴, 1896, в его статье о московско-владимирской хлопчатобумажной промышленности.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

НАБОЛЕВШИЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ ¹⁰⁶

«...Партийная борьба придает партии силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя...»

(Из письма Лассалья к Марксу
от 24 июня 1852 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая брошюра должна была, по первоначальному плану автора, быть посвящена подробному развитию тех мыслей, которые высказаны в статье «С чего начать?» ¹⁰⁷ («Искра» ¹⁰⁸ № 4, май 1901 г.) *. И мы должны прежде всего принести извинение читателю за позднее исполнение данного там (и повторенного в ответ на многие частные запросы и письма) обещания. Одной из причин такого запоздания явилась попытка объединения всех заграничных социал-демократических организаций, предпринятая в июне истекшего (1901) года ¹⁰⁹. Естественно было дожидаться результатов этой попытки, ибо при удаче ее пришлось бы, может быть, излагать организационные взгляды «Искры» под несколько иным углом зрения, и во всяком случае такая удача обещала бы положить очень быстро конец существованию двух течений в русской социал-демократии. Как известно читателю, попытка окончилась неудачей и, как мы постараемся доказать ниже, не могла не окончиться так после нового поворота «Рабочего Дела» ¹¹⁰ в № 10 к «экономизму». Оказалось безусловно необходимым вступить в решительную борьбу с этим расплывчатым и мало определенным, но зато тем более устойчивым и способным возрождаться в разнообразных формах направлением. Сообразно этому видоизменился и весьма значительно расширился первоначальный план брошюры.

Главной темой ее должны были быть три вопроса, поставленные в статье «С чего начать?». Именно: вопросы о харак-

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1—13; 4 изд., том 5, стр. 1—12.
Ред.

тере и главном содержании нашей политической агитации, о наших организационных задачах, о плане построения одновременно и с разных концов боевой общерусской организации. Вопросы эти давно уже интересуют автора, пытавшегося поднять их еще в «Рабочей Газете»¹¹¹ при одной из неудавшихся попыток ее возобновления (см. гл. V). Но первоначальное предположение ограничиться в брошюре разбором только трех этих вопросов и изложить свои воззрения по возможности в положительной форме, не прибегая или почти не прибегая к полемике, оказалось совершенно неосуществимым по двум причинам. С одной стороны, «экономизм» оказался гораздо более живучим, чем мы предполагали (мы употребляем слово «экономизм» в широком смысле, как оно было пояснено в № 12 «Искры» (декабрь 1901 г.) в статье «Беседа с защитниками экономизма», наметившей, так сказать, конспект предлагаемой читателю брошюры*). Стало несомненным, что различные взгляды на решение этих трех вопросов объясняются в гораздо большей степени коренной противоположностью двух направлений в русской социал-демократии, чем расхождением в частностях. С другой стороны, недоумение «экономистов» по поводу фактического проведения в «Искре» наших воззрений показывало с очевидностью, что мы часто говорим буквально на разных языках, что мы *не можем* поэтому ни до чего договориться, если не будем начинать *ab ovo***, что необходимо сделать попытку возможно более популярного, поясняемого самыми многочисленными и конкретными примерами, *систематического «объяснения» со всеми «экономистами» по всем коренным пунктам наших разногласий*. И я решил сделать такую попытку «объясниться», вполне сознавая, что это очень сильно увеличит размеры брошюры и замедлит ее выход, но не видя в то же время никакой возможности *иначе* исполнить данное мной в статье «С чего начать?» обещание. К извинению по поводу опоздания мне приходится таким образом прибавить еще извинение по поводу громадных недостатков в литературной отделке брошюры: я должен был работать *до последней степени наспех*, отрываемый притом всякими другими работами.

Разбор указанных выше трех вопросов составляет, по-прежнему, главную тему брошюры, но начать мне пришлось с двух более общих вопросов: почему такой «невинный» и «естественный» лозунг, как «свобода критики», является для нас

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 360—367; 4 изд., том 5, стр. 287—293. *Ред.*

** — с самого начала. *Ред.*

настоящим боевым сигналом? почему мы не можем столкнуться даже по основному вопросу о роли социал-демократии по отношению к стихийному массовому движению? Далее, изложение взглядов на характер и содержание политической агитации превратилось в объяснение разницы между тред-юнионистской и социал-демократической политикой, а изложение взглядов на организационные задачи — в объяснение разницы между удовлетворяющим «экономистов» кустарничеством и необходимой, на наш взгляд, организацией революционеров. Затем, на «плане» общерусской политической газеты я тем более настаиваю, чем несостоятельнее были сделанные против него возражения и чем менее ответили мне по существу на поставленный в статье «С чего начать?» вопрос о том, как могли бы мы одновременно со всех концов приняться за возведение необходимой нам организации. Наконец, в заключительной части брошюры я надеюсь показать, что мы сделали все от нас зависевшее, чтобы предупредить решительный разрыв с «экономистами», который оказался, однако, неизбежным; — что «Раб. Дело» приобрело особое, «историческое», если хотите, значение тем, что всего полнее, всего рельефнее выразило не последовательный «экономизм», а тот разброд и те шатания, которые составили отличительную черту *целого периода* в истории русской социал-демократии; — что поэтому приобретает значение и чрезмерно подробная, на первый взгляд, полемика с «Раб. Делом», ибо мы не можем идти вперед, если мы окончательно не ликвидируем этого периода.

Н. Ленин

Февраль 1902 г.

I

ДОГМАТИЗМ И «СВОБОДА КРИТИКИ»

а) ЧТО ЗНАЧИТ «СВОБОДА КРИТИКИ»?

«Свобода критики» — это, несомненно, самый модный лозунг в настоящее время, всего чаще употребляемый в спорах между социалистами и демократами всех стран. На первый взгляд, трудно себе представить что-либо более странное, чем эти торжественные ссылки одной из спорящих сторон на свободу критики. Неужели из среды передовых партий раздался голоса против того конституционного закона большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования? «Тут что-то не так!» — должен будет сказать себе всякий сторонний человек, который услышал повторяемый на всех перекрестках модный лозунг, но не вник еще в сущность разногласия между спорящими. «Этот лозунг, очевидно, одно из тех условных словечек, которые, как клички, узаконяются употреблением и становятся почти нарицательными именами».

В самом деле, ни для кого не тайна, что в современной международной * социал-демократии образовались два

* Кстати. В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и в своем роде чрезвычайно утешительное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенахцами ¹¹², между гедистами и POSSИБИЛИСТАМИ, между фабианцами ¹¹³ и социал-демократами ¹¹⁴, между народовольцами ¹¹⁵ и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министриалисты ¹¹⁶, немецкие бернштейнианцы, русские критики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма. Может быть, в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социал-демократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции?

направления, борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных «резолуций о перемирии». В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью *сказал* Бернштейн и *показал* Мильеран.

Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о *«конечной цели»* и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классовой борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.

Таким образом, требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма. А так как эта последняя критика велась уже издавна против марксизма и с политической трибуны и с университетской кафедры, и в массе брошюр и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий систематически воспитывалась на этой критике, — то неудивительно, что «новое критическое» направление в социал-демократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера¹¹⁷. По своему содержанию, этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую.

Далее. Если теоретическая критика Бернштейна и его политические вожеления оставались еще кому-либо неясными, то французы позаботились о наглядной демонстрации «новой метòды». Франция и на этот раз оправдала свою старинную репутацию «страны, в истории которой борьба классов, более чем где-либо, доводилась до решительного конца» (Энгельс, из предисловия к сочинению Маркса: «Der 18 Brumaire») ¹¹⁸. Французские социалисты стали не теоретизировать, а прямо действовать; более развитые в демократическом отношении

политические условия Франции позволили им сразу перейти к «практическому бернштейнианству» во всех его последствиях. Мильеран дал прекрасный образчик этого практического бернштейнианства, — не даром Мильерана так усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейн, и Фольмар! В самом деле: если социал-демократия в сущности есть просто партия реформ и должна иметь смелость открыто признать это, — тогда социалист не только вправе вступить в буржуазное министерство, но должен даже всегда стремиться к этому. Если демократия в сущности означает уничтожение классового господства, — то отчего же социалистическому министру не пленять весь буржуазный мир речами о сотрудничестве классов? Отчего не оставаться ему в министерстве даже после того, как убийства рабочих жандармами показали в сотый и тысячный раз истинный характер демократического сотрудничества классов? Отчего бы ему не принять лично участия в приветствовании царя, которого французские социалисты зовут теперь не иначе как героем виселицы, кнута и ссылки (*knouteur, pendeur et déportateur*)? А возмездием за это бесконечное унижение и самооплевание социализма перед всем миром, за развращение социалистического сознания рабочих масс — этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу, — в возмездие за это громкие *проекты* мизерных реформ, мизерных до того, что у буржуазных правительств удавалось добиться большего!

Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность *оппортунизма*. И если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют, — то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Свобода — великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду с старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «да здравствует

свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке.

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимают кричать: пойдете в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!

б) НОВЫЕ ЗАЩИТНИКИ «СВОБОДЫ КРИТИКИ»

И вот этот-то лозунг («свобода критики») торжественно выдвинут в самое последнее время «Раб. Делом» (№ 10), органом заграничного «Союза русских социал-демократов»¹¹⁹, выдвинут не как теоретический постулат, а как политическое требование, как ответ на вопрос: «возможно ли объединение действующих за границей социал-демократических организаций?» — «Для прочного объединения необходима свобода критики» (стр. 36).

Из этого заявления вытекают два совершенно определенных вывода: 1. «Раб. Дело» берет под свою защиту оппортунистическое направление в международной социал-демократии вообще; 2. «Р. Дело» требует свободы оппортунизма в русской социал-демократии. Рассмотрим эти выводы.

«Р. Делу» «в особенности» не нравится «склонность «Искры» и «Зари»¹²⁰ пророчить разрыв между *Горой* и *Жирондой*¹²¹ международной социал-демократии»*.

* Сравнение двух течений в революционном пролетариате (революционное и оппортунистическое) с двумя течениями в революционной буржуазии XVIII века (якобинское — «Гора» — и жирондистское) было сделано в передовой статье № 2 «Искры» (февраль 1901 г.). Автор этой

«Нам вообще, — пишет редактор «Р. Д.» Б. Кричевский, — разговор о *Горе* и *Жиронде* в рядах социал-демократии представляется поверхностной исторической аналогией, странной под пером марксиста: Гора и Жиронда представляли не разные темпераменты или умственные течения, как это может казаться историкам-идеологам, а разные классы или слои — среднюю буржуазию, с одной стороны, и мелкое мещанство с пролетариатом, с другой. В современном же социалистическом движении нет столкновения классовых интересов, оно все целиком, во *всех* (курс. Б. Кр.) своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнианцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение» (стр. 32—33).

Смелое утверждение! Не слышал ли Б. Кричевский о том, давно уже подмеченном, факте, что именно широкое участие в социалистическом движении последних лет *слоя* «академиков» обеспечило такое быстрое распространение бернштейнианства? А главное, — на чем основывает наш автор свое мнение, что и «самые отъявленные бернштейнианцы» стоят на почве классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата? Неизвестно. Решительная защита самых отъявленных бернштейнианцев ровно никакими ни доводами, ни соображениями не подкрепляется. Автор думает, очевидно, что раз он повторяет то, что говорят про себя и самые отъявленные бернштейнианцы, — то его утверждение и не нуждается в доказательствах. Но можно ли представить себе что-либо более «поверхностное», как это суждение о целом направлении на основании того, что говорят сами про себя представители этого направления? Можно ли представить себе что-либо более поверхностное, как дальнейшая «мораль» о двух различных и даже диаметрально противоположных типах или дорогах партийного развития (стр. 34—35 «Р. Д.»)? Немецкие социал-демократы, видите ли, признают полную свободу критики, — французы же нет, и именно их пример показывает весь «вред нетерпимости».

Именно пример Б. Кричевского — ответим мы на это — показывает, что иногда называют себя марксистами люди, которые смотрят на историю буквально «по Иловайскому». Чтобы объяснить единство германской и раздробленность французской социалистической партии, вовсе нет надобности копаться в особенностях истории той и другой страны, сопоставлять условия военного полуабсолютизма и республиканского парламентаризма, разбирать последствия Коммуны и

статьи — Плеханов. Говорить о «якобинстве» в русской социал-демократии до сих пор очень любят и кадеты, и «беззаглавцы»¹²², и меньшевики. Но о том, как Плеханов впервые выдвинул это понятие против правого крыла социал-демократии, — об этом ныне предпочитают молчать или... забывать. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

исключительного закона о социалистах, сравнивать экономический быт и экономическое развитие, вспоминать о том, как «беспримерный рост германской социал-демократии» сопровождался беспримерной в истории социализма энергией борьбы не только с теоретическими (Мюльбергер, Дюринг*, катедер-социалисты¹²⁵), но и с тактическими (Лассаль) заблуждениями, и проч. и проч. Все это лишнее! Французы ссорятся, потому что они нетерпимы, немцы едины, потому что они пай-мальчики.

И заметьте, что посредством этого бесподобного глубокомыслия «отводится» факт, всецело опровергающий защиту бернштейнианцев. *Стоят* ли они на почве классовой борьбы пролетариата, этот вопрос окончательно и бесповоротно может быть решен только историческим опытом. Следовательно, наиболее важное значение имеет в этом отношении именно пример Франции, как единственной страны, в которой бернштейнианцы попробовали *встать* самостоятельно на ноги, при горячем одобрении своих немецких коллег (а отчасти и русских оппортунистов: ср. «Р. Д.» № 2—3, стр. 83—84). Ссылка на «непримиримость» французов — помимо своего «исторического» (в ноздревском смысле) значения — оказывается просто попыткой замять сердитыми словами очень неприятные факты.

Да и немцев мы вовсе еще не намерены подарить Б. Кричевскому и прочим многочисленным защитникам «свободы критики». Если «самые отъявленные бернштейнианцы» терпимы еще в рядах германской партии, то лишь постольку, поскольку они *подчиняются* и ганноверской резолюции, решительно отвергнувшей «поправки» Бернштейна¹²⁶, и любекской, содержащей в себе (несмотря на всю дипломатичность) прямое предостережение Бернштейну¹²⁷. Можно спорить, с точки зрения интересов немецкой партии, о том, насколько уместна

* Когда Энгельс обрушился на Дюринга, ко взглядам последнего склонялись довольно многие представители германской социал-демократии, и обвинения в резкости, нетерпимости, нетоварищеской полемике и проч. сыпались на Энгельса даже публично на съезде партии. Мост с товарищами внес (на съезде 1877 года¹²³) предложение об устранении статей Энгельса из «Vorwärts'a»¹²⁴, как «не представляющих интереса для громадного большинства читателей», а Вальтейх (Vahlteich) заявил, что помещение этих статей принесло большой вред партии, что Дюринг тоже оказал услуги социал-демократии: «мы должны пользоваться всеми в интересах партии, а если профессора спорят, то «Vorwärts» вовсе не место для ведения таких споров» («Vorwärts», 1877, № 65 от 6-го июня). Как видите, это — тоже пример защиты «свободы критики», и над этим примером не мешало бы подумать нашим легальным критикам и нелегальным оппортунистам, которые так любят ссылаться на пример немцев!

была дипломатичность, лучше ли в данном случае худой мир, чем добрая ссора, можно расходиться, одним словом, в оценке целесообразности того или другого *способа* отклонить бернштейнианство, но нельзя не видеть факта, что германская партия дважды *отклонила* бернштейнианство. Поэтому думать, что пример немцев подтверждает тезис: «самые отъявленные бернштейнианцы стоят на почве классовой борьбы пролетариата за его экономическое и политическое освобождение» — значит совершенно не понимать происходящего у всех перед глазами*.

Мало того. «Раб. Дело» выступает, как мы уже заметили, перед *русской* социал-демократией с требованием «свободы критики» и с защитой бернштейнианства. Очевидно, ему пришлось убедиться в том, что у нас несправедливо обижали наших «критиков» и бернштейнианцев. Каких же именно? кто? где? когда? в чем именно состояла несправедливость? — Об этом «Р. Дело» молчит, не упоминая ни единого раза ни об одном русском критике и бернштейнианце! Нам остается только сделать одно из двух возможных предположений. *Или* несправедливо обиженной стороной является не кто иной, как само «Р. Дело» (это подтверждается тем, что в обеих статьях десятого номера речь идет только об обидах, нанесенных «Зарей» и «Искрой» «Р. Делу»). Тогда чем объяснить такую странность, что «Р. Дело», столь упорно отрекавшееся всегда от всякой солидарности с бернштейнианством, не могло защитить себя, не замолвив словечка за «самых отъявленных бернштейнианцев» и за свободу критики? *Или* несправедливо обижены какие-то третьи лица. Тогда каковы могут быть мотивы умолчания о них?

Мы видим, таким образом, что «Р. Дело» продолжает ту игру в прятки, которой оно занималось (как мы покажем ниже) с самого своего возникновения. А затем обратите

* Надо заметить, что по вопросу о бернштейнианстве в германской партии «Р. Дело» всегда ограничивалось голым пересказом фактов с полным «воздержанием» от собственной оценки их. См., напр., № 2—3, стр. 66 — о Штутгартском съезде¹²⁸; все разногласия сведены к «тактике», и констатируется лишь, что огромное большинство верно прежней революционной тактике. Или № 4—5, стр. 25 и след. — простой пересказ речей на Ганноверском съезде с приведением резолюции Бебеля; изложение и критика Бернштейна отложены опять (как и в № 2—3) до «особой статьи». Курьезно, что на стр. 33 в № 4—5 читаем: «...взгляды, изложенные Бебелем, имеют за себя огромное большинство съезда», а несколько ниже: «...Давид защищал взгляды Бернштейна... Раньше всего он старался показать, что... Бернштейн и его друзья все же (sic!) (так! *Ред.*) стоят на почве классовой борьбы...». Это писалось в декабре 1899 г., а в сентябре 1901 г. «Р. Дело», должно быть, уже разуверилось в правоте Бебеля и повторяет взгляд Давида как свой собственный!

внимание на это *первое* фактическое применение хваленной «свободы критики». На деле она сейчас же свелась не только к отсутствию всякой критики, но и к отсутствию самостоятельного суждения вообще. То самое «Р. Дело», которое умалчивает точно о секретной болезни (по меткому выражению Старовера¹²⁹) о русском бернштейнианстве, предлагает для лечения этой болезни *просто-напросто списать* последний немецкий рецепт против немецкой разновидности болезни! Вместо свободы критики — рабская,.. хуже: обезьянья подражательность! Одинаковое социально-политическое содержание современного интернационального оппортунизма проявляется в тех или иных разновидностях, сообразно национальным особенностям. В одной стране группа оппортунистов выступала издавна под особым флагом, в другой оппортунисты пренебрегали теорией, ведя практически политику радикалов-социалистов, в третьей — несколько членов революционной партии перебежали в лагерь оппортунизма и стараются добиться своих целей не открытой борьбой за принципы и за новую тактику, а постепенным, незаметным и, если можно так выразиться, ненаказуемым развращением своей партии, в четвертой — такие же перебежчики употребляют те же приемы в потемках политического рабства и при совершенно оригинальном взаимоотношении «легальной» и «нелегальной» деятельности и проч. Браться же говорить о свободе критики и бернштейнианства, как условию объединения *русских* социал-демократов, и при этом не давать разбора того, в чем именно проявилось и какие особенные плоды принесло *русское* бернштейнианство, — это значит браться говорить для того, чтобы ничего не сказать.

Попробуем же мы сами сказать, хотя бы в нескольких словах, то, чего не пожелало сказать (или, может быть, не сумело и понять) «Р. Дело».

в) КРИТИКА В РОССИИ

Основная особенность России в рассматриваемом отношении состоит в том, что уже *самое начало* стихийного рабочего движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником (устарелым социально-политическим мировоззрением). Мы говорим о медовом месяце «легального марксизма». Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов.

В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь *всякой* направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окруженных этим чадом начинающих марксистов оказался не один «писатель, который зазнался»... ¹³⁰

В настоящее время об этой полосе можно говорить спокойно, как о прошлом. Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целостности «союза»*.

Но если так, то не падает ли наибольшая ответственность за последующую «смуту» именно на революционных социал-демократов, которые вошли в этот союз с будущими «критиками»? Такой вопрос, вместе с утвердительным ответом на него, приходится слышать иногда от людей, чересчур прямолинейно смотрящих на дело. Но эти люди совершенно неправы. Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была

* Здесь имеется в виду вышенапечатанная статья К. Тулина против Струве (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 347—534; 4 изд., том 1, стр. 315—484. *Ред.*), составленная из реферата, который носил заглавие «Отражение марксизма в буржуазной литературе». См. предисловие ¹³¹. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором.

Разрыв вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления — естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим. Но «оригинальная» особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии» и «да здравствует свобода критики» (повторяемые теперь «Р. Делом») сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли и цензоры с жандармами, это видно из таких фактов, как появление *трех* русских изданий книги знаменитого (геростратовски знаменитого) Бернштейна¹³² или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. («Искра» № 10)¹³³. На социал-демо-

кратов легла теперь трудная сама по себе, и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями, задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к «критике» сопровождался встречным влечением практиков социал-демократов к «экономизму».

Как возникала и росла связь и взаимозависимость легальной критики и нелегального «экономизма», этот интересный вопрос мог бы послужить предметом особой статьи. Нам достаточно отметить здесь несомненное существование этой связи. Пресловутое «Credo»* потому и приобрело такую заслуженную знаменитость, что оно откровенно формулировало эту связь и проболтало основную политическую тенденцию «экономизма»: рабочие пусть ведут экономическую борьбу (точнее было бы сказать: тред-юнионистскую борьбу, ибо последняя объемлет и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенция пусть сливается с либералами для «борьбы» политической. Тред-юнионистская работа «в народе» оказывалась исполнением первой, легальная критика — второй половины этой задачи. Это заявление было таким прекрасным оружием против «экономизма», что если бы не было «Credo» — его стоило бы выдумать.

«Credo» не было выдуманно, но оно было опубликовано помимо воли и, может быть, даже против воли его авторов. По крайней мере, пишущему эти строки, который принимал участие в извлечении на свет божий новой «программы»**, приходилось слышать жалобы и упреки по поводу того, что набросанное ораторами резюме их взглядов было распространено в копиях, получило ярлык «Credo» и попало даже в печать вместе с протестом! Мы касаемся этого эпизода, потому что он вскрывает очень любопытную черту нашего «экономизма»: боязнь гласности. Это именно черта «экономизма» вообще, а не одних только авторов «Credo»: ее проявляли и «Рабочая Мысль»¹³⁶, самый прямой и самый честный сторонник «экономизма», и «Р. Дело» (возмущаясь опубликованием «экономических» документов в «Vademecum'e»***), и

* — символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

** Речь идет о *протесте 17-ти* против «Credo». Пишущий эти строки участвовал в составлении этого протеста (конец 1899 года). Протест вместе с «Credo» был напечатан за границей весной 1900 года¹³⁴. В настоящее время из статьи г-жи Кусковой (кажется, в «*Былом*»¹³⁵) уже известно, что автором «Credo» была она, а среди заграничных «экономистов» того времени виднейшую роль играл г. Прокопович. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

*** в «Путеводителе»¹³⁷. *Ред.*

Киевский комитет, не пожелавший года два тому назад дать разрешение на опубликование своего «Profession de foi»¹³⁸ вместе с написанным против него опровержением*, и многие, многие отдельные представители «экономизма».

Эта боязнь критики, проявляемая сторонниками свободы критики, не может быть объяснена одним лукавством (хотя кое-когда, несомненно, не обходится и без лукавства: нерасчетливо открывать для натиска противников неокрепшие еще ростки нового направления!). Нет, большинство «экономистов» совершенно искренно смотрит (и, по самому существу «экономизма», должны смотреть) с недоброжелательством на всякие теоретические споры, фракционные разногласия, широкие политические вопросы, проекты сорганизовывать революционеров и т. п. «Сдать бы все это за границу!» — сказал мне однажды один из довольно последовательных «экономистов», и он выразил этим очень распространенное (и опять-таки чисто тред-юнионистское) воззрение: наше дело — рабочее движение, рабочие организации здесь, в нашей местности, а остальное — выдумки доктринеров, «переоценка идеологии», как выразились авторы письма в № 12 «Искры» в унисон с № 10 «Р. Дела».

Спрашивается теперь: ввиду таких особенностей русской «критики» и русского бернштейнианства в чем должна была бы состоять задача тех, кто на деле, а не на словах только, хотел быть противником оппортунизма? Во-первых, надо было позаботиться о возобновлении той теоретической работы, которая только-только была начата эпохой легального марксизма и которая падала теперь опять на нелегальных деятелей; без такой работы невозможен был успешный рост движения. Во-вторых, необходимо было активно выступить на борьбу с легальной «критикой», вносящей сугубый разврат в умы. В-третьих, надо было активно выступить против разброда и шатания в практическом движении, разоблачая и опровергая всякие попытки сознательно или бессознательно принижать нашу программу и нашу тактику.

Что «Р. Дело» не делало ни того, ни другого, ни третьего, это известно, и ниже нам придется подробно выяснять эту известную истину с самых различных сторон. Теперь же мы хотим только показать, в каком вопиющем противоречии находится требование «свободы критики» с особенностями нашей отечественной критики и русского «экономизма».

* Насколько нам известно, состав Киевского комитета с тех пор изменился.

Взгляните, в самом деле, на текст той резолюции, которой «Союз русских социал-демократов за границей» подтвердил точку зрения «Р. Дела»:

«В интересах дальнейшего идейного развития социал-демократии мы признаем свободу критики социал-демократической теории в партийной литературе безусловно необходимой, поскольку критика не идет вразрез с классовым и революционным характером этой теории» («Два съезда», стр. 10).

И мотивировка: резолюция «в первой своей части совпадает с резолюцией любекского партийтага по поводу Бернштейна»... В простоте душевной, «союзники» и не замечают, какое *testimonium paupertatis* (свидетельство о бедности) подписывают они себе этим копированием!.. «но... во второй части более тесно ограничивает свободу критики, чем это сделал любекский партийтаг».

Итак, резолюция «Союза» направлена против русских бернштейнианцев? Иначе было бы полным абсурдом ссылаться на Любек! Но это неверно, что она «тесно ограничивает свободу критики». Немцы своей ганноверской резолюцией отклонили пункт за пунктом *именно те* поправки, которые делал Бернштейн, а любекской — объявили предостережение *Бернштейну лично*, назвав его в резолюции. Между тем, наши «свободные» подражатели *ни единым звуком* не намекают *ни на одно* проявление специально русской «критики» и русского «экономизма»; при этом умолчании голая ссылка на классовый и революционный характер теории оставляет гораздо больше простора лжетолкованиям, особенно если «Союз» отказывается отнести к оппортунизму «так называемый экономизм» («Два съезда», стр. 8, к п. I). Это, однако, мимоходом. Главное же то, что позиции оппортунистов по отношению к революционным социал-демократам диаметрально противоположны в Германии и в России. В Германии революционные социал-демократы стоят, как известно, за сохранение того, что есть: за старую программу и тактику, всем известную и опытом многих десятилетий разъясненную во всех деталях. «Критики» же хотят внести изменения, и так как этих критиков ничтожное меньшинство, а ревизионистские стремления их очень робки, то можно понять мотивы, по которым большинство ограничивается сухим отклонением «новшества». У нас же в России критики и «экономисты» стоят за сохранение того, что есть: «критики» хотят, чтобы их продолжали считать марксистами и обеспечили им ту «свободу критики», которой они во всех смыслах пользовались (ибо никакой *партийной* связи они, в сущности,

никогда не признавали *, да и не было у нас такого общепризнанного партийного органа, который мог бы «ограничить» свободу критики хотя бы советом); «экономисты» хотят, чтобы революционеры признавали «полноправность движения в настоящем» («Р. Д.» № 10, стр. 25), т. е. «законность» существования того, что существует; чтобы «идеологи» не пытались «совлечь» движение с того пути, который «определяется взаимодействием материальных элементов и материальной среды» («Письмо» в № 12 «Искры»); чтобы признали желательным вести ту борьбу, «какую только возможно вести рабочим при данных обстоятельствах», а возможной признали ту борьбу, «которую они ведут в действительности в данную минуту» («Отдельное приложение к «Р. Мысли»», стр. 14). Наоборот, мы, революционные социал-демократы, недовольны этим преклонением пред стихийностью, т. е. перед тем, что есть «в данную минуту»; мы требуем изменения господствующей в последние годы тактики, мы заявляем, что, «прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала решительно и определенно размежеваться» (из объявления об издании «Искры») **. Одним словом, немцы остаются при данном, отклоняя изменения; мы требуем изменения данного, отвергая преклонение пред этим данным и примирение с ним.

Этой «маленькой» разницы и не заметили наши «свободные» копировальщики немецких резолюций!

г) ЭНГЕЛЬС О ЗНАЧЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

«Догматизм, доктринерство», «окаменение партии — неизбежное наказание за насильственное зашнуровывание мысли», — таковы те враги, против которых рыцарски ополчаются

* Уже одно это отсутствие открытой партийной связи и партийной традиции составляет такое кардинальное отличие России от Германии, которое должно бы было предостеречь всякого разумного социалиста от слепого подражания. А вот образец того, до чего доходит «свобода критики» в России. Русский критик, г. Булгаков, делает такой выговор австрийскому критику, Герцу: «При всей независимости своих выводов, Герц в этом пункте (о кооперациях), по-видимому, все-таки остается слишком связан мнениями своей партии и, расходясь в подробностях, не решается расстаться с общим принципом» («Капитализм и земледелие», т. II, стр. 287). Подданный поработанного политически государства, в котором ⁹⁹⁹/₁₀₀₀ населения до мозга костей развращены политическим холопством и полным непониманием партийной чести и партийной связи, — высокомерно выговаривает гражданину конституционного государства за чрезмерную «связанность мнениями партии»! Только и остается нелегальным организациям нашим, как приняться за составление резолюций о свободе критики...

** См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 358; 4 изд., том 4, стр. 329. *Ред.*

поборники «свободы критики» в «Раб. Деле». — Мы очень рады постановке на очередь этого вопроса и предложили бы только дополнить его другим вопросом:

А судьи кто?

Перед нами два объявления о литературном издательстве. Одно — «Программа периодического органа Союза рус. с.-д. «Раб. Дело»» (оттиск из № 1 «Р. Д.»). Другое — «Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда»»¹³⁹. Оба помечены 1899 годом, когда «кризис марксизма» давно уже стоял на очереди дня. И что же? В первом произведении вы напрасно стали бы искать указания на это явление и определенного изложения той позиции, которую намерен занять по этому вопросу новый орган. О теоретической работе и ее насущных задачах в данное время — ни слова ни в этой программе, ни в тех дополнениях к ней, которые принял третий съезд «Союза» 1901 года¹⁴⁰ («Два съезда», стр. 15—18). За все это время редакция «Р. Дела» оставляла в стороне теоретические вопросы, несмотря на то, что они волновали всех социал-демократов всего мира.

Другое объявление, наоборот, прежде всего указывает на ослабление в последние годы интереса к теории, настоятельно требует «зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата» и призывает к «беспоощадной критике бернштейновских и других антиреволюционных тенденций» в нашем движении. Вышедшие номера «Зари» показывают, как выполнялась эта программа.

Итак, мы видим, что громкие фразы против окостенения мысли и проч. прикрывают собой беззаботность и беспомощность в развитии теоретической мысли. Пример русских социал-демократов особенно наглядно иллюстрирует то общеевропейское явление (давно уже отмеченное и немецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность. Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленных теоретически. Можно судить поэтому, какое отсутствие такта проявляет «Раб. Дело», когда выдвигает с победоносным видом изречение Маркса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»¹⁴¹. Повторять эти слова в эпоху теоретического разброда, это все равно что кричать

«таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии. Да и взяты эти слова Маркса из его письма о Готской программе¹⁴², в котором он *резко порицает* допущенный эклектизм в формулировке принципов: если уже надо было соединяться — писал Маркс вожакам партии — то заключайте договоры, ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок». Вот какова была мысль Маркса, а у нас находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значение теории!

Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности. А для русской социал-демократии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами, о которых часто забывают, именно: во-первых, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими свлечь движение с правильного пути. Напротив, именно самое последнее время ознаменовалось (как давно уже предсказывал «экономистам» Аксельрод¹⁴³) оживлением не социал-демократических революционных направлений. При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различие оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет.

Во-вторых, социал-демократическое движение международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уметь критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как гигантски разрослось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи.

В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что *роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!

Приведем замечания Энгельса по вопросу о значении теории в социал-демократическом движении, относящиеся к 1874 году. Энгельс признает *не две* формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), — как это принято делать у нас, — *а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу*. Его напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению так поучительно с точки зрения современных вопросов и споров, что читатель не посетует на нас, надеемся, за длинную выписку из предисловия к брошюре «Der deutsche Bauernkrieg»*, которая давно уже стала величайшей библиографической редкостью:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества пред рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создавался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так

* Dritter Abdruck. Leipzig, 1875. Verlag der Genossenschaftsbuchdruckerei («Крестьянская война в Германии». Третье издание. Лейпциг, 1875 г. Кооперативное издательство. *Ред.*).

медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл, — а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполняют, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих

старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче спланировать организацию партии и организацию профессиональных союзов...

...Если немецкие рабочие будут также идти вперед, то они будут — не то что маршировать во главе движения — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его, — но будут занимать почетное место в линии борцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии»¹⁴⁴.

Слова Энгельса оказались пророческими. Через несколько лет немецких рабочих постигли неожиданно тяжелые испытания в виде исключительного закона о социалистах. И немецкие рабочие действительно встретили их во всеоружии и сумели победоносно выйти из них.

Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией.

II

СТИХИЙНОСТЬ МАСС И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Мы сказали, что наше движение, гораздо более широкое и глубокое, чем движение 70-х годов, необходимо воодушевить такую же, как тогда, беззаветной решимостью и энергией. В самом деле, до сих пор, кажется, еще никто не сомне-

вался в том, что сила современного движения — пробуждение масс (и, главным образом, промышленного пролетариата), а слабость его — недостаток сознательности и инициативности руководителей-революционеров.

Однако в самое последнее время сделано сногшибательное открытие, грозящее перевернуть все господствовавшие до сих пор взгляды по данному вопросу. Это открытие сделано «Р. Делом», которое, полемизируя с «Искрой» и «Зарей», не ограничилось одними частными возражениями, а попыталось свести «общее разногласие» к более глубокому корню — к «различной оценке *сравнительного* значения стихийного и сознательно «планомерного» элемента». Обвинительный тезис «Рабоч. Дела» гласит: *«преуменьшение значения объективного или стихийного элемента развития»**. Мы скажем на это: если бы полемика «Искры» и «Зари» не дала даже ровно никаких других результатов кроме того, что побудила «Р. Дело» додуматься до этого «общего разногласия», то и один этот результат дал бы нам большое удовлетворение: до такой степени многозначителен этот тезис, до такой степени ярко освещает он всю суть современных теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами.

Вот почему вопрос об отношении сознательности к стихийности представляет громадный общий интерес, и на этом вопросе следует остановиться со всей подробностью.

а) НАЧАЛО СТИХИЙНОГО ПОДЪЕМА

Мы отметили в предыдущей главе *повальное* увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов. Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года¹⁴⁵. Их распространение по всей России явно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и если уже говорить о «стихийном элементе», то, конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным. Но ведь и стихийность стихийности — рознь. Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный

* «Раб. Дело» № 10, сент. 1901 г., стр. 17 и 18. Курсив «Раб. Дела».

элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки *классовой борьбы*, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой *тред-юнионистской*, но еще не *социал-демократической*, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания *социал-демократического*. В этом смысле стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным.

Мы сказали, что *социал-демократического сознания* у рабочих *и не могло быть*. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание *тред-юнионистское*, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. * Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли

* Тред-юнионизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают. Тред-юнионы всегда вели известную (но не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу. О различии тред-юнионистской и социал-демократической политики мы скажем в следующей главе.

у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом, налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что *первые* социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией* — (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»¹⁴⁶) — не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, с *самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности. Так, например, той группой петербургских социал-демократов, которая основала «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»¹⁴⁷, был составлен еще в конце 1895 года первый номер газеты под названием «Рабочее Дело». Вполне готовый к печати этот номер был схвачен жандармами в набег с 8-го на 9-е декабря 1895 года у одного из членов группы, Анат. Алекс. Ванеева*, и «Раб. Делу» первой формации не суждено было увидеть света. Передовая статья этой газеты (которую, может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы¹⁴⁸. Затем была статья «О чем думают наши министры?»**, посвященная полицейскому разгрому Комитетов грамотности, и ряд корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей России (напр., о побоище рабочих в Ярославской губ.¹⁴⁹). Таким образом этот, если не ошибаемся, «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету

* А. А. Ванеев скончался в 1899 году в Восточной Сибири от чахотки, которую он вынес из одиночного заключения в предварилке. Поэтому мы и сочли возможным опубликовать приводимые в тексте сведения, за достоверность которых мы ручаемся, ибо они исходят от лиц, непосредственно и ближайшим образом знавших А. А. Ванеева.

** См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 75—80; 4 изд., том 2, стр. 71—76. *Ред.*

не узко местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится, что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столицы и революционной интеллигенции и получила бы самое широкое распространение. Неудача же предприятия доказал лишь, что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности. То же самое надо сказать и про «СПБ. Рабочий Листок»¹⁵⁰ и в особенности про «Рабочую Газету» и про «Манифест» образованной весной 1898 года Российской социал-демократической рабочей партии¹⁵¹. Само собою разумеется, что нам и в голову не приходит ставить эту неподготовленность в вину тогдашним деятелям. Но для того, чтобы воспользоваться опытом движения и извлечь из этого опыта практические уроки, необходимо дать себе полный отчет о причинах и значении того или другого недостатка. Поэтому крайне важно установить, что часть (может быть, даже большинство) действовавших в 1895—1898 гг. социал-демократов вполне справедливо считали возможным тогда же, в самом начале «стихийного» движения, выступать с самой широкой программой и боевой тактикой*. Неподготовленность же большинства революционеров, будучи явлением вполне естественным, никаких особенных опасений возбуждать не могла. Раз постановка задач была правильная, раз была энергия на повторные попытки осуществить эти задачи, — временные неудачи представляли из себя полбеда. Революционная опытность и организаторская ловкость — вещи наживные. Была бы только охота вырабатывать в себе требуемые качества!

* «Отрицательно относясь к деятельности соц.-дем. конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие в то время условий для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования», — заявляют «экономисты» в своем «Письме в русские социал-демократические органы» («Искра» № 12). Приведенные в тексте факты доказывают, что это утверждение об «отсутствии условий» диаметрально противоположно истине. Не только в конце, но и в половине 90-х годов вполне были налицо все условия для *иной* работы, кроме борьбы за мелкие требования, все условия, кроме достаточной подготовки руководителей. И вот вместо того, чтобы открыто признать этот недостаток подготовки со стороны нас, идеологов, руководителей, — «экономисты» хотят свалить все на «отсутствие условий», на влияние материальной среды, определяющей путь, с которого не совлечь движения никаким идеологам. Что это такое, как не раболепство пред стихийностью? как не влюбленность «идеологов» в свои недостатки?

Было бы только сознание недостатков, равносильное в революционном деле больше чем половине исправления!

Но полбеда сделалось настоящей бедой, когда это сознание стало меркнуть (а оно было очень живо у деятелей названных выше групп), когда появились люди, — и даже социал-демократические органы, — которые недостаток готовы были возвести в добродетель, которые попытались даже *теоретически* обосновать свое *раболепство и преклонение пред стихийностью*. Этому направлению, содержание которого очень неточно характеризуется слишком узким для его выражения понятием «экономизма», пора подвести итоги.

б) ПРЕКЛОНЕНИЕ ПРЕД СТИХИЙНОСТЬЮ. «РАБОЧАЯ МЫСЛЬ»

Прежде чем переходить к литературным проявлениям этого преклонения, отметим следующий характерный факт (сообщенный нам из упомянутого выше источника), который бросает некоторый свет на то, как в среде действовавших в Петербурге товарищей возникала и росла рознь будущих двух направлений русской социал-демократии. В начале 1897 года А. А. Ванееву и некоторым из его товарищей пришлось участвовать, перед отправкой их в ссылку, на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»¹⁵². Беседа велась главным образом об организации и в частности о том самом «Уставе рабочей кассы», который в окончательном своем виде напечатан в № 9—10 «Листка «Работника»»¹⁵³ (стр. 46). Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы с «старыми» социал-демократами (это часто забывают нынешние «экономисты»). И если эта борьба не оставила, по большей части, «документальных» следов, то причина этого *единственно* та, что состав работающих кружков менялся невероятно часто,

никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласия не фиксировались никакими документами.

Возникновение «Раб. Мысли» вывело «экономизм» на свет божий, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себе условия работы и кратковременность жизни массы русских кружков (а конкретно представляет себе это только тот, кто это пережил), чтобы понять, как много случайного было в успехе или неуспехе нового направления в разных городах и как долго ни сторонники, ни противники этого «нового» не могли, буквально-таки не имели никакой возможности определить, действительно ли это особое направление или просто выражение неподготовленности отдельных лиц. Например, первые гектографированные номера «Раб. Мысли» остались даже совершенно неизвестны громадному большинству социал-демократов, и если мы теперь можем сослаться на передовицу первого ее номера, то только благодаря перепечатке ее в статье В. И—а («Листок «Работника»» № 9—10, стр. 47 и сл.), который не преминул, разумеется, усердно — не по разуму усердно — расхвалить новую газету, столь резко отличавшуюся от названных нами выше газет и проектов газет *. А на передовице этой стоит остановиться — настолько рельефно выразила она *весь дух* «Раб. Мысли» и «экономизма» вообще.

Указав на то, что руке в синем обшлаге не удержать развития рабочего движения, передовица продолжает: «...Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется наконец за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», и этот основной тезис подробно развивается дальше. На самом деле, руководители (т. е. социал-демократы, организаторы «Союза борьбы») были вырваны полицией из рук, можно сказать, рабочих **, — а дело представляется так, будто рабочие вели борьбу с этими руководителями и освободились от их ига! Вместо того, чтобы звать вперед, к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности, стали звать *назад*, к одной тред-

* Кстати, эта похвала «Р. Мысли» в ноябре 1898 г., когда «экономизм», особенно за границей, вполне определился, исходила от того самого В. И—а, который вскоре сделался одним из редакторов «Раб. Дела». И «Раб. Дело» отрицало еще существование двух направлений в русской социал-демократии, как продолжает отрицать и теперь!

** Что это сравнение правильно, можно видеть из следующего характерного факта. Когда после ареста «декабристов» среди рабочих Шлиссельбургского тракта распространилось известие, что провалу посоединствовал близкий к одной из соприкасавшихся с «декабристами» групп провокатор Н. Н. Михайлов (зубной врач), то эти рабочие были так возмущены, что решили убить Михайлова.

юнионистской борьбе. Провозгласили, что «экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал», что девиз рабочего движения — «борьба за экономическое положение» (!) или, еще лучше, «рабочие для рабочих»; объявлялось, что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций» (сравните это, относящееся к октябрю 1897 года, утверждение с спором «декабристов» с «молодыми» в начале 1897 года) и т. п. Словечки в том роде, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочих, а «среднего» рабочего, массового рабочего, что «политика всегда послушно следует за экономикой» * и т. д. и т. д., сделались модой и приобрели неотразимое влияние на массу привлекаемой к движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении.

Это было полным подавлением сознательности стихийностью — стихийностью тех «социал-демократов», которые повторяли «идеи» г-на В. В., стихийностью тех рабочих, которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм и всякая политика, что они должны вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей» (передовая № 1 «Р. Мысли»). Подобные фразы составляли всегда излюбленное оружие тех западноевропейских буржуа, которые, ненавидя социализм, сами работали (вроде немецкого «социал-политика» Гирша) над пересаживанием английского тред-юнионизма на родную почву, говоря рабочим, что только-профессиональная борьба ** есть именно борьба для самих себя и своих детей, а не для каких-то будущих поколений с каким-то будущим социализмом, — и теперь «В. В. русской социал-демократии» принялись повторять эти буржуазные фразы. Важно отметить здесь три обстоятельства, которые нам очень пригодятся при дальнейшем разборе *современных* разногласий ***.

* Из той же передовицы первого номера «Рабочей Мысли». Можно судить по этому, какова была теоретическая подготовленность этих «В. В. русской социал-демократии», которые повторяли грубое опoшление «экономического материализма» в то самое время, когда в литературе шла война марксистов против настоящего г. В. В., давно уже прозванного «реакционных дел мастером» за *такое же* понимание отношения политики и экономики!

** У немцев есть даже особое слово: «Nur-Gewerkschaftler», обозначающее сторонников «только-профессиональной» борьбы.

*** Мы подчеркиваем *современных* по адресу тех, кто фарисейски пожимет плечами и скажет: теперь легко разносить «Рабочую Мысль», но только это ведь архаизм! Mutato nomine de te fabula narratur (под другим

Во-первых, указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже *стихийным путем*. Это кажется каламбуром, но это — уввы! — горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров-«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» «В. В. русской социал-демократии». Всякий, кто — не скажу: участвовал в *современном* русском движении, а хотя бы только нюхал его воздух, превосходно знает, что дело обстоит именно так. И если мы тем не менее особенно настаиваем на том, чтобы читатель вполне уяснил себе этот общеизвестный факт, если мы для наглядности, так сказать, приводим данные о «Рабочем Деле» первой формации и о споре между «стариками» и «молодыми» в начале 1897 года, — то это потому, что на незнание широкой публикой (или совсем юной молодежью) этого факта спекулируют люди, хвастающиеся своим «демократизмом». Мы вернемся еще к этому ниже.

Во-вторых, уже на первом литературном проявлении «экономизма» мы можем наблюдать то в высшей степени своеобразное и крайне характерное для понимания всех разногласий в среде современных социал-демократов явление, что сторонники «чисто рабочего движения», поклонники самой тесной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой нерабочей интеллигенции (хотя бы это была и социалистическая интеллигенция) вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам *буржуазных* «только тред-юнионистов». Это показывает нам, что «Р. Мысль», с самого своего начала, принялась — бессознательно для самой себя — осуществлять программу «Credo». Это показывает, — (чего никак не может понять «Р. Дело»), — что *всякое* преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии *означает* тем самым, — *совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, — усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих*. Все, кто толкует о «переоценке идеологии»*, о преувеличении роли сознательного элемента** и т. п., воображают, что чисто рабочее движение само по

именем о тебе сказка сказывается. *Ред.*) — ответим мы таким современным фарисеям, полное порабощение которых идеями «Раб. Мысли» будет *доказано* ниже.

* Письмо «экономистов» в № 12 «Искры».

** «Р. Дело» № 10.

себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие «вырвали из рук руководителей свою судьбу». Но это глубокая ошибка. В дополнение к сказанному выше приведем еще следующие, глубоко справедливые и важные слова К. Каутского, сказанные им по поводу проекта новой программы австрийской социал-демократической партии*:

«Многие из наших ревизионистских критиков полагают, будто Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосредственно порождают *сознание* (курсив К. К.) его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия, всего более чужда этому сознанию. На основании проекта можно было бы думать, что этот якобы ортодоксально-марксистский взгляд, опровергаемый указанным способом, разделяет и комиссия, вырабатывавшая австрийскую программу. В проекте значится: «Чем более капиталистическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма. Пролетариат приходит к сознанию» возможности и необходимости социализма. В такой связи социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно неверно. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедности и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция* (курсив К. К.): в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное (*von außen Hineingetragenes*) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (*urwüchsig*) из нее возникшее. Соответственно этому старая Гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) *сознания* его положения и сознания его задачи. В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы. Новый же проект перенял это положение из старой программы и пришил его к вышеприведенному положению. Но это совершенно перервало ход мысли...»

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может

*«Neue Zeit», 1901—1902, XX, I, № 3, стр. 79. Проект комиссии, о котором говорит К. Каутский, принят Венским съездом (в конце прошлого года) в несколько измененном виде ¹⁵⁴.

быть и речи*, то вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* *отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, *идет именно по программе* «Credo», ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, есть *Nur-Gewerkschaftlerei*, а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит в *борьбе со стихийностью*, состоит в том, чтобы *совлечь* рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии. Фраза авторов «экономического» письма в № 12 «Искры», что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды, *совершенно равносильна* поэтому *отказу от социализма*, и если бы эти авторы способны были продумать то, что они говорят, до конца бесстрашно и последовательно, как должен продумывать свои мысли всякий, кто выступает на арену литературной и общественной деятельности, то им ничего не осталось бы, как «сложить на пустой груди ненужные руки» и... и предоставить поле действия гг. Струве и Прокоповичам, которые тянут рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т. е. по линии буржуазного тред-юнионизма, или гг. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской «идеологии».

* Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удастся овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим *чаще удавалось это*, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки «литературы для рабочих», а учились бы овладеть все больше и больше *общей литературой*. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» — были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное.

Вспомните пример Германии. В чем состояла историческая заслуга Лассалья пред немецким рабочим движением? В том, что он *совлек* это движение с того пути прогрессистского тред-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось (*при благосклонном участии Шульце-Деличей и им подобных*). Для исполнения этой задачи нужно было нечто, совсем не похожее на разговоры о преуменьшении стихийного элемента, о тактике-процессе, о взаимодействии элементов и среды и т. п. Для этого нужна была *отчаянная борьба со стихийностью*, и только в результате такой, долгие-долгие годы ведшейся борьбы достигнуто было, например, то, что рабочее население Берлина из опоры прогрессистской партии сделалось одной из лучших крепостей социал-демократии. И борьба эта отнюдь не закончена и по-сейчас (как могло бы показаться людям, изучающим историю немецкого движения по Прокоповичу, а философию его по Струве¹⁵⁵). И сейчас немецкий рабочий класс, если можно так выразиться, раздроблен между несколькими идеологиями: часть рабочих объединена в католические и монархические рабочие союзы, другая — в гирш-дункеровские¹⁵⁶, основанные буржуазными поклонниками английского тред-юнионизма, третья — в союзы социал-демократические. Последняя часть неизмеримо больше всех остальных, но этого главенства социал-демократическая идеология могла добиться и это главенство она сможет сохранить только путем неуклонной борьбы со всеми остальными идеологиями.

Но почему же — спросит читатель — стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* большими средствами распространения*. И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциа-

* Часто говорят: рабочий класс *стихийно* влечется к социализму. Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, *если* только эта теория сама не пасует перед стихийностью, *если* только она подчиняет себе стихийность. Обыкновенно это подразумевается само собою, но «Раб. Дело» как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему.

листическую идеологию, тем решительнее надо предостеречь рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п. Авторы «экономического» письма громят, в унисон с «Раб. Делом», нетерпимость, свойственную младенческому периоду движения. Мы ответим на это: да, наше движение действительно находится в младенческом состоянии, и для того, чтобы скорее возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношению к людям, задерживающим его рост своим преклонением пред стихийностью. Нет ничего смешнее и ничего вреднее, как корчить из себя стариков, давно уже переживших все решительные эпизоды борьбы!

В-третьих, первый номер «Раб. Мысли» показывает нам, что название «экономизм» (от которого мы не думаем, разумеется, отказываться, ибо так или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передает сущность нового направления. «Раб. Мысль» не отрицает совершенно политической борьбы: в том уставе кассы, который напечатан в № 1 «Раб. Мысли», говорится о борьбе с правительством. «Рабочая Мысль» полагает лишь, что «политика всегда послушно следует за экономикой» (а «Рабочее Дело» варьирует этот тезис, уверяя в своей программе, что «в России более, чем во всякой другой стране, экономическая борьба неразрывна с политической»). Эти положения «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» совершенно неверны, *если понимать под политикой социал-демократическую политику*. Очень часто экономическая борьба рабочих бывает связана (хотя и не неразрывно) с политикой буржуазной, клерикальной и проч., как мы уже видели. Положения «Раб. Дела» верны, *если понимать под политикой политику тред-юнионистскую*, т. е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т. е. не уничтожающих подчинения труда капиталу. Это стремление действительно обще и английским тред-юнионистам, враждебно относящимся к социализму, и католическим рабочим, и «зубатовским» рабочим, и проч. Есть политика и политика. Таким образом, мы видим, что и по отношению к политической борьбе «Раб. Мысль» проявляет не столько отрицание ее, сколько преклонение пред ее *стихийностью*, пред ее бессознательностью. Вполне признавая стихийно вырастающую из самого рабочего движения политическую борьбу (вернее: политические пожелания и требования рабочих), она совершенно отказывается от *самостоятельной выработки специфической социал-демократической*

политики, отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям. Ниже мы покажем, что такова же ошибка и «Раб. Дела».

в) «ГРУППА САМООСВОБОЖДЕНИЯ»¹⁵⁷ И «РАБОЧЕЕ ДЕЛО»

Мы разобрали так подробно мало известную и почти забытую в настоящее время передовицу первого номера «Раб. Мысли», потому что она всех раньше и всех рельефнее выразила ту общую струю, которая потом выплывала на свет божий бесчисленными мелкими струйками. В. И.—ъ был совершенно прав, когда, расхваливая первый номер и передовицу «Раб. Мысли», сказал, что она написана «резко, с задором» («Листок «Работника»» № 9—10, стр. 49). Всякий убежденный в своем мнении человек, думающий, что он дает нечто новое, пишет «с задором» и пишет так, что рельефно выражает свои взгляды. Только у людей, привыкших сидеть между двух стульев, нет никакого «задора», только такие люди способны, похвалив вчера задор «Раб. Мысли», нападать сегодня за «полемический задор» на ее противников.

Не останавливаясь на «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»» (нам придется ниже по различным поводам ссылаться на это произведение, всего последовательнее выражающее идеи «экономистов»), мы отметим только вкратце «Воззвание группы самоосвобождения рабочих» (март 1899 г., перепечатано в лондонском «Накануне»¹⁵⁸ № 7, июль 1899 г.). Авторы этого воззвания очень справедливо говорят, что «рабочая Россия *еще только просыпается*, только осматривается кругом и *инстинктивно хватается за первые попавшиеся средства борьбы*», но делают из этого тот же неправильный вывод, как и «Р. Мысль», забывая, что инстинктивность и есть бессознательность (стихийность), которой должны прийти на помощь социалисты, что «первыми попавшимися» средствами борьбы всегда будут в современном обществе тред-юнионистские средства борьбы, а «первой попавшейся» идеологией — буржуазная (тред-юнионистская) идеология. Точно так же не «отрицают» эти авторы и политики, а говорят только (только!), вслед за г. В. В., что политика есть надстройка, а потому «политическая агитация должна быть надстройкой над агитацией в пользу борьбы экономической, должна вырастать на почве этой борьбы и идти за нею».

Что касается до «Р. Дела», то оно прямо начало свою деятельность с «защиты» «экономистов». Сказав *прямую неправду* в первом же своем номере (№ 1, стр. 141—142),

будто оно «не знает, о каких молодых товарищах говорил Аксельрод», предостерегавший «экономистов» в своей известной брошюре*, «Раб. Дело» в разгоревшейся по поводу этой неправды полемике с Аксельродом и Плехановым должно было признать, что оно «в форме недоумения хотело *защитить* всех более молодых заграничных социал-демократов от этого несправедливого обвинения» (обвинения «экономистов» Аксельродом в узости)¹⁵⁹. На самом деле, обвинение это было вполне справедливо, и «Р. Дело» прекрасно знало, что оно падало, между прочим, и на члена его редакции В. И—на. Замечу кстати, что в указанной полемике Аксельрод был совершенно прав и «Р. Дело» совершенно не право в толковании моей брошюры: «Задачи русских социал-демократов»**. Эта брошюра писана в 1897 году, еще до появления «Раб. Мысли», когда я считал и вправе был считать господствующим *первоначальное* направление СПб. «Союза борьбы», охарактеризованное мной выше. И по крайней мере до половины 1898 года это направление действительно было господствующим. Поэтому ссылаться в опровержение существования и опасности «экономизма» на брошюру, излагавшую взгляды, которые были *вытеснены* в С.-Петербурге в 1897—1898 г. «экономическими» взглядами, «Р. Дело» не имело ни малейшего права***.

Но «Р. Дело» не только «защищало» «экономистов», а также и само сбивалось постоянно на их основные заблуждения. Источник этой сбивчивости лежал в двусмысленном понимании следующего тезиса программы «Р. Дела»: «важнейшим явлением русской жизни, которое главным образом *будет определять задачи* (курс. наш) и характер литературной

* «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898. Два письма в «Рабочую Газету», писанные в 1897 году.

** См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 433—470; 4 изд., том 2, стр. 299—326. *Ред.*

*** Первую свою неправду («мы не знаем, о каких молодых товарищах говорил П. Б. Аксельрод») «Р. Дело», защищаясь, дополнило второй, когда писало в «Ответе»: «С тех пор, как написана рецензия на «Задачи», среди некоторых русских социал-демократов возникли или более или менее ясно определились тенденции к экономической односторонности, являющиеся шагом назад по сравнению с тем состоянием нашего движения, которое изображено в «Задачах»» (стр. 9). Так говорит «Ответ», вышедший в 1900 году. А первый номер «Р. Д.» (с рецензией) вышел в апреле 1899 года. Неужели в 1899 году только возник «экономизм»? Нет, в 1899 г. впервые раздался протест русских социал-демократов против «экономизма» (протест против «Credo»). «Экономизм» же возник в 1897 году, как это отлично знает «Р. Дело», ибо В. И — в уже в ноябре 1898 года («Лист. «Раб.»» № 9—10) расхваливал «Раб. Мысль».

деятельности Союза, мы считаем возникшее за последние годы *массовое рабочее движение*» (курс. «Р. Д.»). Что массовое движение есть явление важнейшее, об этом не может быть спора. Но весь вопрос в том, как понимать «определение задач» этим массовым движением. Понимать это можно двояко: *или* в смысле преклонения пред стихийностью этого движения, т. е. сведения роли социал-демократии до простого прислужничества рабочему движению как таковому (понимание «Раб. Мысли», «Группы самоосвобождения» и прочих «экономистов»); *или* же в том смысле, что массовое движение ставит перед нами *новые* теоретические, политические, организационные задачи, гораздо более сложные, чем те, которыми можно было удовлетворяться в период до возникновения массового движения. «Раб. Дело» склонялось и склоняется именно к первому пониманию, потому что оно ни о каких новых задачах ничего определенного не говорило, а рассуждало все время именно так, как будто бы это «массовое движение» *избавляет* нас от необходимости ясно сознать и решить выдвигаемые им задачи. Достаточно сослаться на то, что «Р. Дело» считало невозможным ставить массовому рабочему движению *первой* задачей — низвержение самодержавия, принижая эту задачу (во имя массового движения) до задачи борьбы за ближайшие политические требования («Ответ», стр. 25).

Минуя статью редактора «Раб. Дела» Б. Кричевского в № 7 — «Экономическая и политическая борьба в русском движении», статью, повторяющую те же самые ошибки *, пе-

* «Теория стадий» или теория «робкого зигзага» в политической борьбе выражается, например, в этой статье так: «Политические требования, по своему характеру общие для всей России, должны, однако, на первых порах» (это писано в августе 1900 г.!) «соответствовать опыту, извлеченному данным слоем (sic!) рабочих из экономической борьбы. Только (!) на почве этого опыта можно и должно приступить к политической агитации» и т. д. (стр. 11). На стр. 4 автор, восставая против совершенно неосновательных, по его мнению, обвинений в экономической ереси, патетически восклицает: «Какой же социал-демократ не знает, что по учению Маркса и Энгельса экономические интересы отдельных классов играют решающую роль в истории и, следовательно, в частности борьба пролетариата за свои экономические интересы должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освободительной борьбы?» (курс. наш). Это «следовательно» совершенно неуместно. Из того, что экономические интересы играют решающую роль, *отнюдь не следует* никакого вывода о первостепенном значении экономической (= профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру бур-

рейдем прямо к № 10 «Р. Дела». Мы не станем, конечно, входить в разбор отдельных возражений Б. Кричевского и Мартынова против «Зари» и «Искры». Нас интересует здесь только та принципиальная позиция, которую заняло в № 10 «Рабочее Дело». Мы не будем, например, разбирать того курьеза, что «Р. Дело» усмотрело «диаметральное противоречие» между положением:

«Социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы, — она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии» и т. д. (№ 1 «Искры») *

и положением:

«Если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики» (№ 4 «Искры») **.

Смешать *принципиальное* признание всех средств борьбы, всех планов и приемов, лишь бы они были целесообразны, — с требованием *в данный политический момент* руководиться неуклонно проводимым планом, если хочешь толковать о тактике, это значило все равно что смешать признание медицинской всяких систем лечения с требованием держаться одной определенной системы при лечении данной болезни. Но в том-то и дело, что «Раб. Дело», само страдая болезнью, которую мы называли преклонением пред стихийностью, не хочет признать никаких «систем лечения» этой болезни. Оно сделало поэтому замечательное открытие, что «тактика-план противоречит основному духу марксизма» (№ 10, стр. 18), что тактика есть «*процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией*» (стр. 11, курс. «Р. Д.»). Это последнее изречение имеет все шансы сделаться знаменитым изречением, неразрушимым памятником «направления» «Раб. Дела». На вопрос: «*куда идти?*» руководящий орган дает ответ: движение есть процесс изменения расстояния между исходным и

жуазии диктатурой пролетариата. Б. Кричевский повторяет рассуждение «В. В. русской социал-демократии» (— политика следует за экономикой и т. п.) и бернштейнианцев немецкой (напр., Вольтман именно таким рассуждением доказывал, что рабочие должны сначала приобрести «экономическую силу», прежде чем думать о политической революции).

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 376; 4 изд., том 4, стр. 345—346. *Ред.*

** См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 6—7; 4 изд., том 5, стр. 6. *Ред.*

последующим пунктами движения. Это несравненное глубоко-мысле представление из себя, однако, не только курьез (тогда бы на нем не стоило особенно останавливаться), но и *программу целого направления*, именно: ту самую программу, которую Р. М. (в «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»») выразил словами: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет в данную минуту. Это как раз направление безграничного оппортунизма, пассивно приспособляющегося к стихийности.

«Тактика-план противоречит основному духу марксизма!» Да это клевета на марксизм, превращение его в ту самую карикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники. Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда как марксизм дает, напротив, гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса! Вся история международной социал-демократии кишит планами, которые выдвигались то одним, то другим политическим вождем, оправдывая дальновидность и верность политических, организационных взглядов одного, обнаруживая близорукость и политические ошибки другого. Когда Германия испытала один из величайших исторических переломов — образование империи, открытие рейхстага, дарование всеобщего избирательного права, — один план социал-демократической политики и работы вообще был у Либкнехта, другой у Швейцера. Когда на германских социалистов обрушился исключительный закон, — один план был у Моста и Гассельмана, готовых просто звать к насилию и террору, другой — у Хёхберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна, которые стали было проповедовать социал-демократам, что они своей неразумной резкостью и революционностью вызвали закон и должны теперь заслужить примерным поведением прощение; третий план — у тех, кто подготовлял и осуществлял издание нелегального органа¹⁶⁰. Глядя назад, много лет спустя после того, как борьба из-за вопроса о выборе пути закончилась и история сказала свое последнее решение о пригодности выбранного пути, — нетрудно, конечно, проявить глубокомыслие изречением о росте партийных задач, растущих вместе с партией. Но в момент смуты*, ко-

* Ein Jahr der Verwirrung (год смуты) — так озаглавил Меринг тот параграф своей «Истории германской социал-демократии», в котором он описывает колебания и нерешительность, проявленные сначала социалистами при выборе «тактики-плана», соответствующего новым условиям.

гда русские «критики» и «экономисты» принижают социал-демократию до тред-юнионизма, а террористы усиленно проповедуют принятие «тактики-плана», повторяющего старые ошибки, в такой момент ограничиваться подобным глубоко-мыслием значит выдавать себе «свидетельство о бедности». В момент, когда многие русские социал-демократы страдают именно недостатком инициативы и энергии, недостатком «размаха политической пропаганды, агитации и организации» *, недостатком «планов» более широкой постановки революционной работы, — в такой момент говорить: «тактика-план противоречит основному духу марксизма» — значит не только теоретически опошлять марксизм, но и практически *тащить партию назад*.

«Революционер-социал-демократ имеет задачей, — поучает нас далее «Р. Дело», — своей сознательной работой только ускорять объективное развитие, а не отменять его или заменять его субъективными планами. «Искра» в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к *преуменьшению значения объективного или стихийного элемента развития*» (стр. 18).

Опять величайшая теоретическая путаница, достойная г-на В. В. с братиею. Мы спросили бы нашего философа: в чем может выразиться «преуменьшение» объективного развития со стороны составителя субъективных планов? Очевидно в том, что он упустит из виду, что это объективное развитие создает или укрепляет, губит или ослабляет такие-то классы, слои, группы, такие-то нации, группы наций и т. п., обуславливая этим такую-то и такую-то международную политическую группировку сил, позицию революционных партий и проч. Но вина такого составителя будет состоять тогда не в преуменьшении стихийного элемента, а в преуменьшении, наоборот, *сознательного* элемента, ибо у него не хватит «сознательности» для правильного понимания объективного развития. Поэтому один уже разговор об «оценке *сравнительного* (курс. «Рабочего Дела») значения» стихийности и сознательности обнаруживает полное отсутствие «сознательности». Если известные «стихийные элементы развития» доступны вообще человеческому сознанию, то неправильная оценка их будет равносильна «преуменьшению сознательного элемента». А если они недоступны сознанию, то мы их не знаем и говорить о них не можем. О чем же толкует Б. Кричевский? Если он находит ошибочными «субъективные планы» «Искры» (а он их именно объявляет ошибочными), то

* Из передовой статьи № 1 «Искры». (См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 374; 4 изд., том 4, стр. 344. *Ред.*)

он должен был бы показать, какие именно объективные факты игнорируются этими планами, и обвинить «Искру» за это игнорирование *в недостатке сознательности*, в «преуменьшении сознательного элемента», выражаясь его языком. Если же он, недовольный субъективными планами, не имеет других аргументов, кроме ссылки на «преуменьшение стихийного элемента» (!!), то он доказывает этим лишь, что он (1) теоретически — понимает марксизм *à la* Кареевы и Михайловские, достаточно осмеянные Бельтовым, (2) практически — вполне доволен теми «стихийными элементами развития», которые увлекали наших легальных марксистов в бернштейнианство, а наших социал-демократов в «экономизм», и что он «зело сердит» на людей, решившихся во что бы то ни стало *совлечь* русскую социал-демократию с пути «стихийного» развития.

А дальше уже идут совсем веселые вещи. «Подобно тому, как люди, несмотря ни на какие успехи естественных наук, будут размножаться стародедовским способом, — так и появление на свет нового общественного порядка, несмотря ни на какие успехи общественных наук и рост сознательных борцов, и впредь будет являться результатом *преимущественно* стихийных взрывов» (19). Подобно тому, как стародедовская мудрость гласит: чтобы иметь детей, кому ума недоставало? — так мудрость «новейших социалистов» (*à la* Нарцис Тупорылов¹⁶¹) гласит: чтобы участвовать в стихийном появлении на свет нового общественного порядка, ума хватит у всякого. Мы думаем тоже, что у всякого хватит. Для такого участия достаточно *поддаваться* — «экономизму», когда царит «экономизм», — терроризму, когда возник терроризм. Так, «Раб. Дело» весной этого года, когда так важно было предостеречь от увлечения террором, с недоумением стояло перед «новым» для него вопросом. А теперь, полгода спустя, когда вопрос перестал быть такой злобой дня, оно в одно и то же время преподносит нам и заявление: «мы думаем, что задачей социал-демократии не может и не должно быть противодействие подъему террористических настроений» («Р. Д.» № 10, стр. 23) и резолюцию съезда: «Систематический наступательный террор съезд признает несвоевременным» («Два съезда», стр. 18). Как это замечательно ясно и связно! Не противодействуем, — но объявляем несвоевременным, притом объявляем так, что несистематический и оборонительный террор «резолюцией» не объемлется. Надо признать, что такая резолюция очень безопасна и вполне гарантирована от ошибочности, — как гарантирован от ошибок человек, который говорил для того, чтобы ничего не сказать! И для

составления такой резолюции нужно только одно: уметь держаться *за хвост* движения. Когда «Искра» посмеялась над тем, что «Раб. Дело» объявило вопрос о терроре новым вопросом*, то «Р. Дело» сердито обвинило «Искру» в «прямо невероятной претензии навязывать партийной организации решение тактических вопросов, данное группой писателей-эмигрантов более 15 лет тому назад» (стр. 24). Действительно, какая претенциозность и какое преувеличение сознательного элемента: решать вопросы заранее теоретически с тем, чтобы потом убеждать в правильности этого решения и организацию, и партию, и массу! ** То ли дело просто зады повторять и, никому ничего не «навязывая», подчиняться каждому «повороту» и в сторону «экономизма», и в сторону терроризма. «Раб. Дело» даже обобщает этот великий завет житейской мудрости, обвиняя «Искру» и «Зарю» в «противопоставлении своей программы движению как духа, витающего над бесформенным хаосом» (стр. 29). В чем же состоит роль социал-демократии, как не в том, чтобы быть «духом», не только витающим над стихийным движением, но и *поднимающим* это последнее *до «своей программы»*? Не в том же ведь, чтобы тащиться в *хвосте* движения: в лучшем случае это бесполезно для движения, в худшем — очень и очень вредно. «Рабочее» же «Дело» не только следует этой «тактике-процессу», но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не оппортунизм, а (от слова: хвост) *хвостизмом*. И нельзя не признаться, что люди, твердо решившие всегда идти за движением в качестве его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы от «преуменьшения стихийного элемента развития».

* * *

Итак, мы убедились, что основная ошибка «нового направления» в русской социал-демократии состоит в преклонении пред стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности. Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии.

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 7—8; 4 изд., том 5, стр. 6—8. *Ред.*

** Не надо забывать также и того, что, «теоретически» решая вопрос о терроре, группа «Освобождение труда» *обобщала* опыт предшествующего революционного движения.

Стихийный подъем масс в России произошел (и продолжает происходить) с такой быстротой, что социал-демократическая молодежь оказалась неподготовленной к исполнению этих гигантских задач. Эта неподготовленность — наша общая беда, беда *всех* русских социал-демократов. Подъем масс шел и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, даже и крестьянства). Революционеры же *отставали* от этого подъема и в своих «теориях», и в своей деятельности, им не удавалось создать непрерывной и преемственной организации, способной *руководить* всем движением.

В первой главе мы констатировали принижение «Раб. Делом» наших теоретических задач и «стихийное» повторение им модного клича «свобода критики»: у повторявших не хватило «сознательности» понять диаметрально противоположность позиций «критиков»-оппортунистов и революционеров в Германии и в России.

В следующих главах мы рассмотрим, как выражалось это преклонение пред стихийностью в области политических задач и в организационной работе социал-демократии.

III

ТРЕД-ЮНИОНИСТСКАЯ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Начнем опять-таки с похвалы «Раб. Делу». «Обличительная литература и пролетарская борьба» — так озаглавил Мартынов свою статью в № 10 «Рабочего Дела» о разногласиях с «Искрой». «Мы не можем ограничиться одним обличением порядков, стоящих на пути ее (рабочей партии) развития. Мы должны также откликаться на ближайшие и текущие интересы пролетариата» (стр. 63) — так формулировал он суть этих разногласий. «...«Искра»... фактически есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки и преимущественно политические порядки... Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой» (там же). Нельзя не быть благодарным Мартынову за эту формулировку. Она приобретает выдающийся общий интерес, ибо охватывает, в сущности, вовсе не одни только разногласия наши с «Р. Делом», но и все вообще разногласия между нами и «экономистами»

по вопросу о политической борьбе. Мы показали уже, что «экономисты» не отрицают безусловно «политику», а только сбиваются постоянно с социал-демократического на тред-юнионистское понимание политики. Совершенно так же сбивается и Мартынов, и мы согласны поэтому взять именно его за *образец* экономических заблуждений по данному вопросу. За такой выбор — мы постараемся показать это — на нас не вправе будут претендовать ни авторы «Отдельного приложения к «Раб. Мысли»», ни авторы прокламации «Группы самоосвобождения», ни авторы «экономического» письма в № 12 «Искры».

а) ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И ЕЕ СУЖЕНИЕ ЭКОНОМИСТАМИ

Всем известно, что широкое распространение и упрочение экономической* борьбы русских рабочих шло рука об руку с созданием «литературы» экономических (фабричных и профессиональных) обличений. Главным содержанием «листочков» были обличения фабричных порядков, и среди рабочих скоро вспыхнула настоящая страсть к обличениям. Как только рабочие увидали, что кружки социал-демократов хотят и могут доставлять им нового рода листовки, говорящие всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении их, — они стали, можно сказать, засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов. Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах. А так как нужды и бедствия рабочих разных заведений и разных профессий имеют много общего, то «правда про рабочую жизнь» восхищала *всех*. Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься» — благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении. И «листки» в громадном большинстве случаев были действительно объявлением войны, потому что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования

* Заметим, во избежание недоразумений, что в дальнейшем изложении мы понимаем везде под экономической борьбой (согласно установившемуся у нас словоупотреблению) ту «практически-экономическую борьбу», которую Энгельс назвал, в приведенной выше цитате, «сопротивлением капиталистам» и которая в свободных странах называется профессиональной, синдикальной или тред-юнионистской борьбой.

стачками. Сами фабриканты в конце концов до такой степени должны были признать значение этих листков, как объявления войны, что сплошь да рядом не хотели и дожидаться самой войны. Обличения, как и всегда, сделались сильны одним уже фактом своего появления, приобрели значение могучего нравственного давления. Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований. Одним словом, экономические (фабричные) обличения были и теперь остаются важным рычагом экономической борьбы. И это значение сохранится за ними, пока будет существовать капитализм, порождающий необходимо самозащиту рабочих. В самых передовых европейских странах можно наблюдать и теперь, как обличение безобразий какого-нибудь захолустного «промысла» или какой-нибудь всеми забытой отрасли домашней работы служит исходным пунктом к пробуждению классового сознания, к началу профессиональной борьбы и распространения социализма*.

Преобладающее большинство русских социал-демократов последнего времени было почти всецело поглощено этой работой по организации фабричных обличений. Достаточно вспомнить «Раб. Мысль», чтобы видеть, до какой степени доходило это поглощение, как при этом забывалось, что *сама по себе* это, в сущности, еще не социал-демократическая, а только тред-юнионистская деятельность. Обличения захватывали, в сущности, только отношения рабочих *данной профессии* к их хозяевам и достигали только того, что продавцы рабочей силы научались выгоднее продавать этот «товар» и бороться с покупателем на почве чисто коммерческой сделки. Эти обличения могли сделаться (при условии известного использования их организацией революционеров) началом и составной частью социал-демократической деятельности, но

* В настоящей главе мы говорим только о *политической* борьбе, о более широком или более узком ее понимании. Поэтому лишь мимоходом отметим, просто как курьез, обвинение «Раб. Делом» «Искры» в «излишнем воздержании» по отношению к экономической борьбе («Два съезда», стр. 27, разжевано Мартыновым в его брошюре «Социал-демократия и рабочий класс»). Если бы гг. обвинители выразили хотя бы в пудах или печатных листах (как они любят это делать) отдел экономической борьбы в «Искре» за год и сравнили с соответствующим отделом «Р. Дела» и «Р. Мысли», вместе взятых, то они легко увидели бы, что они отстают даже и в этом отношении. Очевидно, сознание этой простой истины заставляет их прибегать к доводам, ясно показывающим их смущение. «Искре», — пишут они, — «волей-неволей (!) приходится (!) считаться с властными запросами жизни и хотя бы (!!) помещать корреспонденции о рабочем движении» («Два съезда», стр. 27). Вот уже подлинно уничтожающий нас аргумент!

могли также (а при условии преклонения пред стихийностью должны были) вести к «только-профессиональной» борьбе и к не социал-демократическому рабочему движению. Социал-демократия руководит борьбой рабочего класса не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам. Социал-демократия представляет рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству, как организованной политической силе. Понятно отсюда, что социал-демократы не только не могут ограничиться экономической борьбой, но и не могут допустить, чтобы организация экономических обличений составляла их преобладающую деятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания. С этим *теперь*, после первого натиска на «экономизм» со стороны «Зари» с «Искрой», «все согласны» (хотя некоторые только на словах, как мы сейчас увидим).

Спрашивается, в чем же должно состоять политическое воспитание? Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочего класса самодержавию? Конечно, нет. Недостаточно *объяснять* политическое угнетение рабочих (как недостаточно было *объяснять* им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения (как мы стали агитировать по поводу конкретных проявлений экономического гнета). А так как это угнетение падает на самые различные классы общества, так как оно проявляется в самых различных областях жизни и деятельности, и профессиональной, и общегражданской, и личной, и семейной, и религиозной, и научной, и проч. и проч., то не очевидно ли, что *мы не исполним своей задачи* развивать политическое сознание рабочих, если мы не *возьмем на себя* организацию *всестороннего политического обличения* самодержавия? Ведь для того, чтобы агитировать по поводу конкретных проявлений гнета, надо обличить эти проявления (как надо было обличать фабричные злоупотребления, чтобы вести экономическую агитацию)?

Казалось бы, это ясно? Но именно тут-то и оказывается, что с необходимостью *всесторонне* развивать политическое сознание «все» согласны только на словах. Тут-то и оказывается, что «Раб. Дело», например, не только не брало на себя задачи организовать (или положить почин организации) всесторонних политических обличений, но стало *тащить назад*

и «Искру», которая взялась за эту задачу. Слушайте: «Политическая борьба рабочего класса есть лишь» (именно не лишь) «наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы» (программа «Раб. Дела», «Р. Д.» № 1, стр. 3). «Теперь перед социал-демократами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (Мартынов в № 10, стр. 42). «Экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу» (резолуция съезда Союза и «поправки»: «Два съезда», стр. 11 и 17). Все эти положения проникают собой «Раб. Дело», как видит читатель, с самого его возникновения и вплоть до последних «инструкций редакции», и все они выражают, очевидно, один взгляд на политическую агитацию и борьбу. Присмотритесь же к этому взгляду с точки зрения господствующего у всех «экономистов» мнения, что политическая агитация должна *следовать* за экономической. Верно ли это, что экономическая борьба есть вообще* «наиболее широко применимое средство» для вовлечения массы в политическую борьбу? Совершенно неверно. Нисколько не менее «широко применимым» средством такого «вовлечения» являются *все и всяческие* проявления полицейского гнета и самодержавного бесчинства, а отнюдь не такие только проявления, которые связаны с экономической борьбой. Земские начальники и телесное наказание крестьян, взяточничество чиновников и обращение полиции с городским «простонародьем», борьба с голодающими и травля народного стремления к свету и знанию, выколачивание податей и преследование сектантов, муштровка солдат и солдатское обращение со студентами и либеральной интеллигенцией, — почему все эти и тысячи других подобных проявлений гнета, непосредственно не связанных с «экономической» борьбой, представляют из себя вообще *менее* «широко применимые» средства и поводы политической агитации, вовлечения массы в политическую борьбу? Как раз напротив: в общей сумме тех

* Мы говорим «вообще», ибо речь идет в «Раб. Деле» именно об общих принципах и общих задачах всей партии. Несомненно, что бывают случаи на практике, когда политика действительно *должна* следовать за экономикой, — но об этом говорить в резолюции, предназначенной для всей России, могут только «экономисты». Бывают ведь и такие случаи, когда «с самого начала» *можно* вести политическую агитацию «только на экономической почве», — и тем не менее «Рабоч. Дело» додумалось наконец до того, что в этом «нет никакой необходимости» («Два съезда», стр. 11). В следующей главе мы покажем, что тактика «политиков» и революционеров не только не игнорирует тред-юнионистских задач социал-демократии, а, напротив, одна только и *обеспечивает* последовательное их выполнение.

жизненных случаев, когда рабочий страдает (за себя или за близких ему людей) от бесправия, произвола и насилия, — лишь небольшое меньшинство составляет, несомненно, случаи полицейского гнета именно в профессиональной борьбе. К чему же заранее *суживать* размах политической агитации, объявляя «наиболее широко применимым» лишь *одно* из средств, наряду с которыми для социал-демократа должны стоять другие, вообще говоря, не менее «широко применимые»?

Во времена давно, давно прошедшие (год тому назад!..) «Раб. Дело» писало: «Ближайшие политические требования становятся доступными для массы после одной или, в крайнем случае, нескольких стачек», «как только правительство пустило в ход полицию и жандармерию» (№ 7, стр. 15, *август* 1900 года). Эта оппортунистическая теория стадий в настоящее время уже отвергнута Союзом, который делает нам уступку, заявляя: «нет никакой необходимости с самого начала вести политическую агитацию только на экономической почве» («Два съезда», стр. 11). Будущий историк русской социал-демократии из одного этого отрицания «Союзом» части своих старых заблуждений увидит лучше, чем из всяких длинных рассуждений, до какого принижения доводили социализм наши «экономисты»! Но какая же наивность была со стороны Союза воображать, что ценой этого отказа от одной формы сужения политики нас можно побудить согласиться на другую форму сужения! Не логичнее ли было бы и тут сказать, что экономическую борьбу следует вести как можно более широко, что ей всегда следует пользоваться для политической агитации, но «нет никакой необходимости» считать экономическую борьбу *наиболее* широко применимым средством для вовлечения массы в активную политическую борьбу?

Союз придает значение тому, что он заменил выражением «наиболее широко применимое средство» выражение «лучшее средство», стоящее в соответственной резолюции 4-го съезда Еврейского рабочего союза (Бунда) ¹⁶². Мы, право, затруднились бы сказать, какая из этих резолюций лучше: по нашему мнению, *обе хуже*. И Союз и Бунд сбиваются тут (отчасти, может быть, даже бессознательно, под влиянием традиции) на экономическое, тред-юнионистское толкование политики. Дело нисколько, в сущности, не меняется от того, производится ли это посредством словечка: «лучший» или посредством словечка: «наиболее широко применимый». Если бы Союз сказал, что «политическая агитация на экономической почве» есть *наиболее широко применяемое* (а не «применимое»)

средство, то он был бы прав по отношению к известному периоду в развитии нашего социал-демократического движения. Именно он был бы прав по отношению к «экономистам», по отношению к многим практикам (если не к большинству их) 1898—1901 годов, ибо эти практики-«экономисты», действительно, политическую агитацию *применяли* (поскольку они вообще ее применяли!) *почти исключительно на экономической почве*. Такую политическую агитацию признавали и даже рекомендовали, как мы видели, и «Раб. Мысль» и «Группа самоосвобождения»! «Раб. Дело» должно было *решительно осудить* то, что полезное дело экономической агитации сопровождалось вредным сужением политической борьбы, а оно вместо того объявляет наиболее широко применяемое («экономистами») средство наиболее широко применимым! Неудивительно, что, когда мы называем этих людей «экономистами», им ничего не остается, как ругать нас на все корки и «мистификаторами», и «дезорганизаторами», и «папскими нунциями», и «клеветниками»*, как плакать перед всеми и каждым, что им нанесли кровную обиду, как заявлять чуть ли не с клятвами: «в «экономизме» теперь решительно ни одна социал-демократическая организация не повинна»**. Ах, эти клеветники, злые — политики! Не нарочно ли они весь «экономизм» выдумали, чтобы нанести людям, из-за одного только своего человеконенавистничества, обиды кровные?

Какой конкретный, реальный смысл имеет, в устах Мартынова, постановка социал-демократии задачи: «придать самой экономической борьбе политический характер»? Экономическая борьба есть коллективная борьба рабочих с хозяевами за выгодные условия *продажи рабочей силы*, за улучшение условий труда и жизни рабочих. Эта борьба по необходимости является борьбой профессиональной, потому что условия труда крайне разнообразны в разных профессиях, и, след., борьба за *улучшение* этих условий не может не вестись по профессиям (профессиональными союзами на Западе, профессиональными временными соединениями и листками в России и т. п.). Придать «самой экономической борьбе политический характер» значит, следовательно, добиваться осуществления тех же профессиональных требований, того же профессионального улучшения условий труда посредством «законодательных и административных мероприятий» (как выражается Мартынов на следующей, 43, странице своей

* Подлинные выражения брошюры «Два съезда», стр. 31, 32, 28 и 30.

** «Два съезда», стр. 32.

статьи). Это именно делают и всегда делали все профессиональные рабочие союзы. Загляните в сочинение основательных ученых (и «основательных» оппортунистов) супругов Вебб, и вы увидите, что английские рабочие союзы давным-давно уже сознали и осуществляют задачу «придать самой экономической борьбе политический характер», давным-давно борются за свободу стачек, за устранение всех и всяческих юридических препятствий кооперативному и профессиональному движению, за издание законов в защиту женщин и детей, за улучшение условий труда посредством санитарного и фабричного законодательства и пр.

Таким образом за пышной фразой: «придать *самой* экономической борьбе политический характер», которая звучит «ужасно» глубокомысленно и революционно, прячется, в сущности, традиционное стремление *принизить* социал-демократическую политику до политики тред-юнионистской! Под видом исправления односторонности «Искры», которая ставит — видите ли — «революционизирование догмы выше революционизирования жизни»*, нам преподносят как нечто новое *борьбу за экономические реформы*. В самом деле, ровно ничего другого, кроме борьбы за экономические реформы, не содержится в фразе: «придать самой экономической борьбе политический характер». И Мартынов сам бы мог додуматься до этого нехитрого вывода, если бы хорошенько вник в значение своих собственных слов. «Наша партия, — говорит он, выдвигая свое самое тяжелое орудие против «Искры», — могла бы и должна была бы ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий против экономической эксплуатации, против безработицы, против голода и т. д.» (стр. 42—43 в № 10 «Р. Д.»). Конкретные требования мероприятий — разве это не есть требование социальных реформ? И мы спрашиваем еще раз беспристрастных читателей, клевещем ли мы на рабочеделенцев (да простят мне это неуклюжее ходячее словечко!), называя их скрытыми бернштейнианцами, когда они выдвигают, как свое *разногласие* с «Искрой», тезис о необходимости борьбы за экономические реформы?

Революционная социал-демократия всегда включала и включает в свою деятельность борьбу за реформы. Но

* «Раб. Дело» № 10, стр. 60. Это — мартыновский вариант того применения к современному, хаотическому состоянию нашего движения тезиса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ», которое мы уже охарактеризовали выше. В сущности, это только перевод на русский язык пресловутой бернштейновской фразы: «движение — все, конечная цель — ничто».

«экономической» агитацией она пользуется для предъявления правительству не только требования всяких мероприятий, а также (и прежде всего) требования перестать быть самодержавным правительством. Кроме того, она считает своей обязанностью предъявлять правительству это требование *не только* на почве экономической борьбы, а и на почве всех вообще проявлений общественно-политической жизни. Одним словом, она подчиняет борьбу за реформы, как часть целому, революционной борьбе за свободу и за социализм. Мартынов же воскрешает в иной форме теорию стадий, стараясь предписать непременно экономический, так сказать, путь развития политической борьбы. Выступая в момент революционного подъема с особой якобы «задачей» борьбы за реформы, он этим тащит партию назад и играет на руку и «экономическому» и либеральному оппортунизму.

Далее. Стыдливо спрятав борьбу за реформы под напыщенный тезис: «придать самой экономической борьбе политический характер», Мартынов выставил как нечто особое *одни только экономические* (и даже *одни только фабричные*) *реформы*. Почему он это сделал, мы не знаем. Может быть, по недосмотру? Но если бы он имел в виду не только «фабричные» реформы, то тогда весь его тезис, только что нами приведенный, потерял бы всякий смысл. Может быть, потому, что он считает возможными и вероятными со стороны правительства «уступки» только в области экономической? * Если да, то это странное заблуждение: уступки возможны и бывают и в области законодательства о розге, о паспортах, о выкупных платежах, о сектантстве, о цензуре и проч. и проч. «Экономические» уступки (или лжеуступки) для правительства, разумеется, всего дешевле и всего выгоднее, ибо оно надеется внушить этим доверие рабочим массам к себе. Но именно потому мы, социал-демократы, и *не должны* никоим образом и абсолютно ничем давать место мнению (или недоразумению), будто для нас дороже экономические реформы, будто мы именно их считаем особо важными и т. п. «Такие требования, — говорит Мартынов о выдвинутых им выше конкретных требованиях законодательных и административных мероприятий, — не были бы пустым звуком, потому что, суля известные осязательные результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой»... Мы

* Стр. 43: «Конечно, если мы рекомендуем рабочим предъявлять известные экономические требования правительству, мы это делаем потому, что в области *экономической* самодержавное правительство по нужде готово идти на известные уступки».

не «экономисты», о нет! Мы только пресмыкаемся так же рабски пред «осязательностью» конкретных результатов, как господа Бернштейны, Прокоповичи, Струве, Р. М. и *tutti quanti* *! Мы только даем понять (вместе с Нарцисом Тупорыловым), что все, что не «сулит осязательных результатов», есть «пустой звук»! Мы только выражаемся так, как будто рабочая масса неспособна (и не доказала уже вопреки тем, кто сваливает на нее свое филистерство, свою способность) активно поддерживать *всякий* протест против самодержавия, даже *абсолютно никаких осязательных результатов ей не сулящий!*

Возьмите хотя бы те же, самым Мартыновым приведенные примеры о «мероприятиях» против безработицы и голода. В то время, как «Рабоч. Дело» занимается, судя по его обещанию, выработкой и разработкой «конкретных (в форме законопроектов?) требований законодательных и административных мероприятий», «сулящих осязательные результаты», — в это время «Искра», «неизменно ставящая революционизирование догмы выше революционизирования жизни», старалась объяснить неразрывную связь безработицы со всем капиталистическим строем, предупреждала, что «голод идет», обличала полицейскую «борьбу с голодающими» и возмутительные «временно-каторжные правила», в это время «Заря» выпускала отдельным оттиском, как агитационную брошюру, часть посвященного голоду «Внутреннего обозрения» **. Но, боже мой, как «односторонни» при этом были неисправимозкие ортодоксы, глухие к велениям «самой жизни» догматики! Ни в одной из их статей не было — о ужас! — *ни одного*, ну можете себе представить: решительно ни одного «конкретного требования», «сулящего осязательные результаты»! Несчастные догматики! Отдать их в науку Кричевским и Мартыновым для убеждения в том, что тактика есть процесс роста, растущего и т. д., и что нужно *самой* экономической борьбе придать политический характер!

«Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством («экономическая борьба с правительством»!), кроме своего непосредственного революционного значения, имеет еще то значение, что она наталкивает рабочих непрерывно на вопрос об их политическом бесправии» (Мартынов, стр. 44). Мы выписали эту цитату не для того, чтобы повторять в сотый и тысячный раз сказанное уже выше, а для того,

* — все им подобные. *Ред.*

** См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 297—319; 4 изд., том 5, стр. 231—251. *Ред.*

чтобы особо поблагодарить Мартынова за эту новую и превосходную формулировку: «Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством». Какая прелесть! С каким неподражаемым талантом, с каким мастерским элиминированием* всех частных разногласий и различий в оттенках между «экономистами» выражена здесь в кратком и ясном положении *вся суть* «экономизма», начиная с призыва рабочих к «политической борьбе, которую они ведут в интересах общих, имея в виду улучшение положения всех рабочих»**, продолжая теорией стадий и кончая резолюцией съезда о «наиболее широкой применимости» и проч. «Экономическая борьба с правительством» есть именно тред-юнионистская политика, от которой до социал-демократической политики еще очень и очень далеко.

б) ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК МАРТЫНОВ УГЛУБИЛ ПЛЕХАНОВА

«Как много появилось у нас в последнее время социал-демократических Ломоносовых!» заметил однажды один товарищ, имея в виду поразительную склонность многих из склонных к «экономизму» лиц доходить непременно «своим умом» до великих истин (вроде той, что экономическая борьба наталкивает рабочих на вопрос о бесправии) и игнорировать при этом, с великолепным пренебрежением гениального самородка, все то, что дало уже предыдущее развитие революционной мысли и революционного движения. Именно таким самородком является Ломоносов-Мартынов. Загляните в его статью: «Очередные вопросы» и вы увидите, как он *подходит* «своим умом» к тому, что давно уже сказано Аксельродом (о котором наш Ломоносов, разумеется, хранит полное молчание), как он *начинает*, например, понимать, что мы не можем игнорировать оппозиционность тех или иных слоев буржуазии («Р. Д.» № 9, стр. 61, 62, 71 — сравни с «Ответом» Аксельроду редакции «Р. Дела», стр. 22, 23—24) и т. п. Но — увы! — только «подходит» и только «начинает», не более того, ибо мысли Аксельрода он все-таки настолько еще не понял, что говорит об «экономической борьбе с хозяевами и правительством». В течение трех лет (1898—1901) «Раб. Дело» собиралось с силами, чтобы понять Аксельрода, и — и все-таки его не поняло! Может быть, это происходит тоже от того, что социал-демократия, «подобно человечеству», всегда ставит себе одни лишь осуществимые задачи?

* — устранением. *Ред.*

** «Раб. Мысль», «Отд. прилож.», стр. 14.

Но Ломоносовы отличаются не только тем, что они много не знают (это бы еще было полбеда!), а также и тем, что они не сознают своего невежества. Это уже настоящая беда, и эта беда побуждает их сразу браться за «углубление» Плеханова.

«С тех пор, как Плеханов писал названную книжку («О задачах социалистов в борьбе с голодом в России»), много воды утекло, — рассказывает Ломоносов-Мартынов. — Социал-демократы, которые руководили в течение 10 лет экономической борьбой рабочего класса... не успели еще дать широкое теоретическое обоснование партийной тактики. Теперь этот вопрос назрел, и, если бы мы захотели дать такое теоретическое обоснование, мы несомненно должны были бы значительно углубить те принципы тактики, которые развивал некогда Плеханов... Мы должны были бы теперь определить разницу между пропагандой и агитацией иначе, чем это сделал Плеханов» (Мартынов только что привел слова Плеханова: «пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или только несколько идей, зато он дает их целой массе лиц»). «Под пропагандой мы понимали бы революционное освещение всего настоящего строя или частичных его проявлений, безразлично, — делается ли это в форме доступной для единиц или для широкой массы. Под агитацией, в строгом смысле слова (*sic!*), мы понимали бы призыв массы к известным конкретным действиям, способствованию непосредственному революционному вмешательству пролетариата в общественную жизнь».

Поздравляем русскую — да и международную — социал-демократию с новой, мартыновской, терминологией, более строгой и более глубокой. До сих пор мы думали (вместе с Плехановым, да и со всеми вожаками международного рабочего движения), что пропагандист, если он берет, например, тот же вопрос о безработице, должен разъяснить капиталистическую природу кризисов, показать причину их неизбежности в современном обществе, обрисовать необходимость его преобразования в социалистическое общество и т. д. Одним словом, он должен дать «много идей», настолько много, что сразу все эти идеи, во всей их совокупности, будут усваиваться лишь немногими (сравнительно) лицами. Агитатор же, говоря о том же вопросе, возьмет самый известный всем его слушателям и самый выдающийся пример, — скажем, смерть от голодания безработной семьи, усиление нищенства и т. п. — и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать «массе» *одну идею*: идею о бессмысленности противоречия между ростом богатства и ростом нищеты, постарается *возбудить* в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью, предоставляя полное объяснение этого противоречия пропагандисту. Пропагандист действует поэтому главным образом *печатным*, агитатор — *живым* словом. От пропагандиста требуются не те качества,

что от агитатора. Каутского и Лафарга мы назовем, например, пропагандистами, Бебеля и Геда — агитаторами. Выделять же третью область или третью функцию практической деятельности, относя к этой функции «призыв массы к известным конкретным действиям», есть величайшая несуровица, ибо «призыв», как единичный акт, либо естественно и неизбежно дополняет собой и теоретический трактат, и пропагандистскую брошюру, и агитационную речь, либо составляет чисто исполнительную функцию. В самом деле, возьмите, например, теперешнюю борьбу германских социал-демократов против хлебных пошлин. Теоретики пишут исследования о таможенной политике, «призывая», скажем, бороться за торговые договоры и за свободу торговли; пропагандист делает то же в журнале, агитатор — в публичных речах. «Конкретные действия» массы — в данный момент представляют из себя подпись петиций рейхстагу о неповышении хлебных пошлин. Призыв к этим действиям исходит посредственно от теоретиков, пропагандистов и агитаторов, непосредственно — от тех рабочих, которые разносят по фабрикам и по всяческим частным квартирам подписные листы. По «мартыновской терминологии» выходит, что Каутский и Бебель — оба пропагандисты, а разносчики подписных листов — агитаторы, не так ли?

Пример немцев напомнил мне немецкое слово *Verballhornung*, по-русски буквально: обалгорнивание. Иван Балгорн был лейпцигский издатель в XVI веке; издал он букварь, причем поместил, по обычаю, и рисунок, изображающий петуха; но только вместо обычного изображения петуха со шпорами на ногах он изобразил петуха без шпор, но с парой яиц около него. А на обложке букваря добавил: «исправленное издание Ивана Балгорна». Вот с тех пор немцы и говорят *Verballhornung* про такое «исправление», которое на деле есть ухудшение. И невольно вспоминаешь про Балгорна, когда видишь, как Мартыновы «углубляют» Плеханова...

К чему «изобрел» наш Ломоносов эту путаницу? К иллюстрации того, что «Искра» «обращает внимание только на одну сторону дела, так же, как Плеханов это делал еще полтора десятка лет тому назад» (39). «У «Искры», по крайней мере для настоящего времени, задачи пропаганды отодвигают на задний план задачи агитации» (52). Если перевести это последнее положение с мартыновского языка на общечеловеческий язык (ибо человечество еще не успело принять вновь открытой терминологии), то мы получим следующее: у «Искры» задачи политической пропаганды и политической агитации отодвигают на задний план задачу «ставить прави-

тельству конкретные требования законодательных и административных мероприятий», «сулящие известные осязательные результаты» (или требования социальных реформ, если позволительно еще хоть разочек употребить старую терминологию старого человечества, которое еще не доросло до Мартынова). Предлагаем читателю сравнить с этим тезисом следующую тираду:

«Поражает нас в этих программах» (программах революционных социал-демократов) «и вечное выставление ими на первый план преимуществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте при полном игнорировании ими (благодаря их революционному нигилизму) важности участия рабочих в существующих у нас законодательных собраниях фабрикантов по фабричным делам... или хотя бы участия рабочих в городском самоуправлении...»

Автор этой тирады выражает немного прямее, яснее и откровеннее ту самую мысль, до которой дошел своим умом Ломоносов-Мартынов. Автор же этот — Р. М. в «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»» (стр. 15).

в) ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЛИЧЕНИЯ И «ВОСПИТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ»

Выдвигая против «Искры» свою «теорию» «повышения активности рабочей массы», Мартынов на самом деле обнаружил стремление *принизить* эту активность, ибо предпочтительным, особо важным, «наиболее широко применимым» средством пробуждения и поприщем этой активности он объявил ту же экономическую борьбу, пред которой пресмыкались и все «экономисты». Потому и характерно это заблуждение, что оно свойственно далеко не одному Мартынову. На самом же деле «повышение активности рабочей массы» может быть достигнуто *только* при том условии, если мы *не будем ограничиваться* «политической агитацией на экономической почве». А одним из основных условий необходимого расширения политической агитации является организация *всесторонних* политических обличений. Иначе как на этих обличениях *не может* воспитаться политическое сознание и революционная активность масс. Поэтому деятельность такого рода составляет одну из важнейших функций всей международной социал-демократии, ибо и политическая свобода несколько не устраняет, а только несколько передвигает сферу направления этих обличений. Например, германская партия особенно укрепляет свои позиции и расширяет свое влияние именно благодаря неослабной энергии ее политически-обличительной кампании. Сознание рабочего класса не может быть истинно

политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на *все* и *всяческие* случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, к *каким бы* классам ни относились эти случаи; — и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества. Вот почему так глубоко вредна и так глубоко реакционна по своему практическому значению проповедь наших «экономистов», что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство вовлечения масс в политическое движение. Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босняка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по-своему или хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, в таких-то цифрах, в таких-то судебных приговорах и проч., и проч., и проч. Эти всесторонние политические обличения представляют из себя необходимое и *основное* условие воспитания революционной активности масс.

Почему русский рабочий мало еще проявляет свою революционную активность по поводу зверского обращения полиции с народом, по поводу травли сектантов, битья крестьян,

по поводу безобразий цензуры, истязаний солдат, травли самых невинных культурных начинаний и т. п.? Не потому ли, что его не «наталкивает» на это «экономическая борьба», что ему мало «сулит» это «осязательных результатов», мало дает «положительного»? Нет, подобное мнение есть, повторяем, не что иное, как попытка свалить с больной головы на здоровую, свалить свое собственное филистерство (бернштейнианство тож) на рабочую массу. Мы должны винить себя, свою отсталость от движения масс, что мы не сумели еще организовать достаточно широких, ярких, быстрых обличений всех этих гнусностей. Сделай мы это (а мы должны сделать и можем сделать это), — и самый серый рабочий поймет *или почувствует*, что над студентом и сектантом, мужиком и писателем ругается и бесчинствует та самая темная сила, которая так гнетет и давит его на каждом шагу его жизни, а, почувствовав это, он захочет, неудержимо захочет отозваться и сам, он сумеет тогда — сегодня устроить кошачий концерт цензорам, завтра демонстрировать пред домом усмирившего крестьянский бунт губернатора, послезавтра проучить тех жандармов в рясе, что делают работу святой инквизиции, и т. д. Мы еще очень мало, почти ничего не сделали для того, чтобы *бросать* в рабочие массы всесторонние и свежие обличения. Многие из нас и не сознают еще этой своей *обязанности*, а стихийно волочатся за «серой текущей борьбой» в узких рамках фабричного быта. При таком положении дел говорить: ««Искра» имеет тенденцию умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей» (Мартынов, стр. 61) — значит тащить партию назад, значит защищать и прославлять нашу неподготовленность, отсталость.

Что же касается до призыва массы к действию, то это выйдет само собой, раз только есть налицо энергичная политическая агитация, живые и яркие обличения. Поймать кого-либо на месте преступления и заклеить перед всеми и повсюду тотчас же — это действует само по себе лучше всякого «призыва», это действует зачастую так, что потом и нельзя будет определить, кто собственно «призывал» толпу и кто собственно выдвинул тот или иной план демонстрации и т. п. Призвать — не в общем, а в конкретном смысле слова — можно только на месте действия, призвать может только тот, кто сам и сейчас идет. А наше дело, дело социал-демократических публицистов, углублять, расширять и усиливать политические обличения и политическую агитацию.

Кстати о «призывах». *Единственным органом, который до весенних событий призвал рабочих активно вмешаться в*

такой, не *сулящий* решительно никаких *осязательных результатов* рабочему, вопрос, как отдача студентов в солдаты, — была *«Искра»*. Тотчас же после опубликования распоряжения 11 января об «отдаче 183 студентов в солдаты» *«Искра»* поместила статью об этом (№ 2, февраль) и, до какого бы то ни было начала демонстраций, прямо звала *«рабочего идти на помощь студенту»*, звала *«народ»* открыто ответить правительству на его дерзкий вызов*. Мы спрашиваем всех и каждого: как и чем объяснить то выдающееся обстоятельство, что, говоря так много о «призывах», выделяя «призывы» даже в особый вид деятельности, Мартынов ни словечком не упомянул об этом призыве? И не филистерством ли является после этого мартыновское объявление *«Искры» одностороннею*, так как она недостаточно «призывает» к борьбе за требования, «сулящие осязательные результаты»?

Наши «экономисты», и в том числе *«Рабочее Дело»*, имели успех благодаря тому, что подделывались под неразвитых рабочих. Но рабочий-социал-демократ, рабочий-революционер (а число таких рабочих все растет) отвергнет с негодованием все эти рассуждения о борьбе за требования, «сулящие осязательные результаты», и проч., ибо он поймет, что это только варианты старой песенки о копейке на рубль. Такой рабочий скажет своим советчикам из *«Р. Мысли»* и из *«Раб. Дела»*: зря вы суетитесь, господа, вмешиваясь чересчур усердно в то дело, с которым мы и сами справляемся, и отлынивая от исполнения ваших настоящих обязанностей. Совсем ведь это неумно, когда вы говорите, что задача социал-демократов придать самой экономической борьбе политический характер; это только начало, и не в этом главная задача социал-демократов, ибо во всем мире и в России в том числе *полиция нередко сама начинает придавать* экономической борьбе политический характер, рабочие сами научаются понимать, за кого стоит правительство**. Ведь та «экономическая борьба

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 391—396; 4 изд., том 4, стр. 388—393. *Ред.*

** Требование «придать самой экономической борьбе политический характер» самым рельефным образом выражает *преклонение пред стихийностью* в области политической деятельности. Политический характер экономической борьбы принимает сплошь да рядом *стихийно*, то есть без вмешательства «революционной бациллы — интеллигенции», без вмешательства сознательных социал-демократов. Политический характер приобрела, например, и экономическая борьба рабочих в Англии без всякого участия социалистов. Задача же социал-демократов не исчерпывается политической агитацией на экономической почве, задача их — *превратить* эту тред-юнионистскую политику в социал-демократическую политическую борьбу, — *воспользоваться* теми проблесками политического сознания, кото-

рабочих с хозяевами и правительством», с которой вы носитесь, точно с открытой вами Америкой, — ведется в массе русских захолуствий самими рабочими, слышавшими о стачках, но о социализме почитай-что ничего и не слышавшими. Ведь та «активность» нас, рабочих, которую вы все хотите поддерживать, выставляя конкретные требования, сулящие осязательные результаты, в нас уже есть, и мы сами в нашей будничной, профессиональной, мелкой работе выставляем эти конкретные требования зачастую без всякой помощи интеллигентов. Но нам мало *такой* активности; мы не дети, которых можно накормить кашницей одной «экономической» политики; мы хотим знать все то, что знают и другие, мы хотим подробно познакомиться со *всеми* сторонами политической жизни и *активно* участвовать во всяком и каждом политическом событии. Для этого нужно, чтобы интеллигенты поменьше твердили то, что мы и сами знаем *, а побольше дали нам того, чего мы еще не знаем, чего мы сами из своего фабричного и «экономического» опыта и узнать никогда не можем, именно: политического знания. Это знание можете приобрести

рые заронила в рабочих экономическая борьба, для того, чтобы *поднять* рабочих до *социал-демократического* политического сознания. А Мартыновы, вместо того, чтобы поднимать и толкать вперед стихийно пробуждающееся политическое сознание, *падают ниц перед стихийностью* и твердят, до тошноты часто твердят, что экономическая борьба «наталкивает» рабочих на вопрос об их политическом бесправии. Плохо то, господа, что вас-то это стихийное пробуждение тред-юнионистского политического сознания не «*наталкивает*» на вопрос о ваших социал-демократических задачах!

* В подтверждение того, что всю эту речь рабочих к «экономистам» мы не зря выдумали, сошлемся на двух свидетелей, несомненно знакомых с рабочим движением непосредственно и всего менее склонных быть пристрастными к нам, «догматикам», ибо один свидетель — «экономист» (считающий даже «Рабочее Дело» органом политическим!), другой — террорист. Первый свидетель, автор замечательной по своей правдивости и живости статьи «Петербургское рабочее движение и практические задачи социал-демократии» в № 6 «Раб. Д.». Он делит рабочих на 1) сознательных революционеров, 2) промежуточный слой и 3) остальную массу. И вот промежуточный слой «часто интересуется больше вопросами политической жизни, чем своими ближайшими экономическими интересами, связь которых с общими социальными условиями давно понята»... «Раб. Мысль» «резко критикуют»: «все одно и то же, давно известно, давно читали», «в политическом-то обозрении опять ничего нет» (стр. 30—31). Но даже и третий слой: «более чуткая, более молодая, менее развращенная кабаком и церковью рабочая масса, почти никогда не имея возможности достать книгу политического содержания, толкует вкривь и вкось явления политической жизни, задумываясь над отрывочными сведениями о бунте студентов» и т. д. А террорист пишет: «... Раз-два прочтут о мелочах фабричной жизни, в разных, не своих городах, а потом и перестанут... Скучно... Не говорить в рабочей газете о государстве... значит смотреть на рабочего как на дитячко малое... Рабочий не дитячко» («Свобода» ¹⁶³, изд. революционно-социалистической группы, стр. 69 и 70).

себе вы, интеллигенты, и вы *обязаны* доставлять нам его во сто и в тысячу раз больше, чем вы это делали до сих пор, и притом доставлять не в виде только рассуждений, брошюр и статей (которые часто бывают — простите за откровенность! — скучноваты), а непременно в виде живых *обличений* того, что именно в данное время делает наше правительство и наши командующие классы во всех областях жизни. Исполняйте-ка поусерднее эту свою обязанность, и *поменьше толкуйте о «повышении активности рабочей массы»*. У нас активности гораздо больше, чем вы думаете, и мы умеем поддерживать открытой, уличной борьбой даже требования, никаких «осязательных результатов» не сулящие! И не вам «повышать» нашу активность, ибо *у вас самих как раз активности-то и не хватает*. Поменьше преклоняйтесь пред стихийностью и побольше думайте о повышении *своей* активности, господа!

г) ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ЭКОНОМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ?

Выше, в примечании, мы сопоставили «экономиста» и не социал-демократа-террориста, случайно оказавшихся солидарными. Но, вообще говоря, между теми и другими есть не случайная, а необходимая внутренняя связь, о которой нам еще ниже придется говорить и коснуться которой необходимо именно по вопросу о воспитании революционной активности. У «экономистов» и современных террористов есть один общий корень: это именно то *преклонение пред стихийностью*, о котором мы говорили в предыдущей главе, как о явлении общем, и которое мы рассматриваем теперь в его влиянии на область политической деятельности и политической борьбы. На первый взгляд, наше утверждение может показаться парадоксом: до такой степени велика, по-видимому, разница между людьми, подчеркивающими «серую текущую борьбу», — и людьми, зовущими к наиболее самоотверженной борьбе отдельных лиц. Но это не парадокс. «Экономисты» и террористы преклоняются перед разными полюсами стихийного течения: «экономисты» — перед стихийностью «чисто рабочего движения», террористы — перед стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением. Кто изверился или никогда не верил в эту возможность, тому действительно трудно найти иной выход своему возмущенному чувству и своей революционной энергии, кроме террора. Таким образом, преклонение пред стихийностью в обоих указанных нами направлениях есть не что иное, как *начало осуществления* знаменитой

программы «Credo»: рабочие ведут себе свою «экономическую борьбу с хозяевами и правительством» (да простит нам автор «Credo», что мы выражаем его мысль мартыновскими словами! Мы находим, что вправе делать это, ибо и в «Credo» говорится о том, как рабочие в экономической борьбе «наталкиваются на политический режим»), — а интеллигенты ведут себе своими силами политическую борьбу, естественно, при помощи террора! Это совершенно логичный и неизбежный *вывод*, на котором нельзя не настаивать, *хотя бы те*, кто начинает осуществлять эту программу, *сами и не сознавали* его неизбежности. Политическая деятельность имеет свою логику, не зависящую от сознания тех, кто в самых лучших намерениях взывает либо к террору, либо к приданию политического характера самой экономической борьбе. Благими намерениями вымощен ад, и в данном случае благие намерения не спасают еще от стихийного влечения по «линии наименьшего сопротивления», по линии *чисто буржуазной* программы «Credo». Не случайно ведь также и то обстоятельство, что многие русские либералы — и явные либералы и носящие марксистскую маску — всей душой сочувствуют террору и стараются поддержать подъем террористических настроений в данный момент.

И вот, когда возникла «революционно-социалистическая группа Свобода», поставившая себе задачей именно всестороннее содействие рабочему движению, но с включением *в программу* террора и с эмансипированием, так сказать, себя от социал-демократии, — то этот факт дал еще и еще подтверждение замечательной прозорливости П. Б. Аксельрода, который *буквально предсказал* эти результаты социал-демократических шатаний *еще в конце 1897 года* («К вопросу о современных задачах и тактике») и набросал свои знаменитые «две перспективы». Все последующие споры и разногласия между русскими социал-демократами заключаются уже, как растение в семечке, в этих двух перспективах *.

* Мартынов «представляет себе другую, более реальную (?) дилемму» («Социал-демократия и рабочий класс», 19): «Либо социал-демократия берет на себя непосредственное руководство экономической борьбой пролетариата и этим (!) превращает ее в революционную классовую борьбу»... «Этим», т. е., очевидно, непосредственным руководством экономической борьбой. Пусть укажет нам Мартынов, где это видано, чтобы *одним только* руководством профессиональной борьбой удавалось превратить тред-юнионистское движение в революционное классовое? Не сообразит ли он, что для этого «превращения» мы должны активно взяться за «непосредственное руководство» *всесторонней* политической агитацией?.. «Либо другая перспектива: социал-демократия устраняется от руководства экономической борьбой рабочих и тем... подсекает себе крылья»... «Устраняется», по

С указанной точки зрения становится понятно и то, что «Раб. Дело», не устоявшее против стихийности «экономизма», не устояло также и против стихийности терроризма. Очень интересно здесь отметить ту особенную аргументацию в защиту террора, которую выдвинула «Свобода». Устрашающую роль террора она «совершенно отрицает» («Возрождение революционизма», стр. 64), но зато выдвигает его «эксцитативное (возбуждающее) значение». Это характерно, во-первых, как одна из стадий разложения и упадка того традиционного (досоциал-демократического) круга идей, который заставлял держаться за террор. Признать, что правительство теперь «устрашить» — а следовательно, и дезорганизовать — террором нельзя, — значит, в сущности, совершенно осудить террор как систему борьбы, как программой освящаемую сферу деятельности. Во-вторых, это еще более характерно, как образец непонимания наших насущных задач в деле «воспитания революционной активности масс». «Свобода» пропагандирует террор как средство «возбуждать» рабочее движение, дать ему «сильный толчок». Трудно себе представить аргументацию, которая бы более наглядно опровергала сама себя! Неужели, спрашивается, в русской жизни мало еще таких безобразий, что нужно выдумывать особые «возбуждающие» средства? И, с другой стороны, если кто не возбуждается и невозбудим даже русским произволом, то не очевидно ли, что на единоборство правительства с горсткой террористов он тоже будет смотреть «ковыряя в носу»? В том-то и дело, что рабочие массы очень возбуждаются гнусностями русской жизни, но мы не умеем собирать, если можно так выразиться, и концентрировать все те капли и струйки народного возбуждения, которые высачиваются русской жизнью в количестве неизмеримо большем, чем все мы себе представляем и думаем, но которые надо именно соединить в *один* гигантский поток. Что это осуществимая задача, это неопровержимо доказывает громадный рост рабочего движения и отмеченная уже выше жадность рабочих к политической литературе. Призывы же к террору, равно как и призывы к тому, чтобы придать самой экономической борьбе политический характер, представляют из себя разные формы *отлынивания* от самой настоящей обязанности русских революционеров: организовать ведение всесторонней политической агитации. «Свобода»

приведенному выше мнению «Раб. Дела», «Искра». Но мы видели, что она делает для руководства экономической борьбой *гораздо больше, чем «Раб. Дело»*, причем она не ограничивается этим и *не суживает* во имя этого своих политических задач.

хочет *заменить* агитацию террором, признаваясь прямо, что, «раз начнется усиленная, энергичная агитация в массах, его эксцитативная (возбуждающая) роль сыграна» (стр. 68 «Возрожд. революцион.»). Это как раз и показывает, что и террористы и «экономисты» *недооценивают* революционную активность масс, вопреки явному свидетельству весенних событий*, причем одни бросаются искать искусственных «возбудителей», другие говорят о «конкретных требованиях». И те и другие недостаточно обращают внимание на развитие *своей собственной активности* в деле политической агитации и организации политических обличений. А *заменить* этого дела невозможно ничем другим ни теперь, ни когда бы то ни было в иное время.

д) РАБОЧИЙ КЛАСС КАК ПЕРЕДОВОЙ БОРЕЦ ЗА ДЕМОКРАТИЮ

Мы видели, что ведение самой широкой политической агитации, а следовательно, и организация всесторонних политических обличений есть безусловно необходимая и *настоятельная* *всего* необходимая задача деятельности, если это деятельность истинно социал-демократическая. Но мы сделали этот вывод, исходя *только* из самой насущной потребности рабочего класса в политическом знании и политическом воспитании. Между тем только такая постановка вопроса была бы слишком узка, игнорировала бы общедемократические задачи всякой социал-демократии вообще и современной русской социал-демократии в особенности. Чтобы возможно конкретнее пояснить это положение, попробуем подойти к делу с самой «близкой» для «экономиста», именно с практической стороны. «Все согласны», что необходимо развивать политическое сознание рабочего класса. Спрашивается, *как* это сделать и что надо для того, чтобы это сделать? Экономическая борьба «наталкивает» рабочих только на вопросы об отношении правительства к рабочему классу и поэтому, *сколько бы мы ни трудились* над задачей «придать самой экономической борьбе политический характер», мы *никогда не сможем* развить политическое сознание рабочих (до ступени социал-демократического политического сознания) в рамках этой задачи, ибо *самые эти рамки узки*. Мартыновская формула ценна для нас вовсе не потому, что она иллюстрирует способность Мартынова путать, а потому, что она рельефно выражает основную ошибку всех «экономистов», именно убеждение, что можно

* Речь идет о весне 1901 года, когда начались крупные уличные демонстрации¹⁶⁴. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

развить классовое политическое сознание рабочих *изнутри*, так сказать, их экономической борьбы, т. е. исходя только (или хотя бы главным образом) из этой борьбы, базируясь только (или хотя бы главным образом) на этой борьбе. Такой взгляд в корне ошибочен, — и именно потому, что «экономисты», сердясь на нас за полемику против них, не хотят подумать хорошенько об источнике разногласий, и получается такая вещь, что мы буквально не понимаем друг друга, говорим на разных языках.

Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне*, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание? нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к «экономизму», именно ответ: «идти к рабочим». Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны *идти во все классы населения*, должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии.

Мы нарочно выбираем такую угловатую формулировку, нарочно выражаемся упрощенно резко — вовсе не из желания говорить парадоксы, а для того, чтобы хорошенько «натолкнуть» «экономистов» на те задачи, которыми они непрестительно пренебрегают, на то различие между тред-юнионистской и социал-демократической политикой, которого они не хотят понять. И потому мы просим читателя не горячиться, а внимательно дослушать нас до конца.

Возьмите наиболее распространенный в последние годы тип кружка социал-демократов и присмотритесь к его работе. Он имеет «связи с рабочими» и удовлетворяется этим, издавая листки, в которых бичуются фабричные злоупотребления, пристрастное к капиталистам поведение правительства и полицейские насилия; на собраниях с рабочими беседа не выходит обыкновенно или почти не выходит за пределы тех же тем; рефераты и беседы по истории революционного движения, по вопросам внутренней и внешней политики нашего правительства, по вопросам экономической эволюции России и Европы и положения в современном обществе тех или иных классов и т. п. представляют из себя величайшую редкость, о систематическом приобретении и расширении связей в других классах общества никто и не помышляет. В сущности, идеалом деятеля рисуется в большинстве случаев для членов

такого кружка нечто гораздо более похожее на секретаря тред-юниона, чем на социалиста — политического вождя. Ибо секретарь любого, например, английского тред-юниона всегда помогает рабочим вести экономическую борьбу, организует фабричные обличения, разъясняет несправедливость законов и мероприятий, стесняющих свободу стачек, свободу выставления сторожевых постов (для предупреждения всех и каждого, что на данном заводе стачка), разъясняет пристрастность третейского судьи, принадлежащего к буржуазным классам народа, и пр. и пр. Одним словом, всякий секретарь тред-юниона ведет и помогает вести «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством». И нельзя достаточно настаивать на том, что *это еще не* социал-демократизм, что идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а *народный трибун*, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать *пред всеми* свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять *всем* и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата. Сравните, например, таких деятелей, как Роберт Найт (известный секретарь и вождь общества котельщиков, одного из самых могущественных английских тред-юнионов) и Вильгельм Либкнехт — и попробуйте применить к ним те противоположения, в которые укладывает Мартынов свои разногласия с «Искрой». Вы увидите, — я начинаю перелистывать статью Мартынова, — что Р. Найт гораздо больше «призывал массы к известным конкретным действиям» (39), а В. Либкнехт больше занимался «революционным освещением всего настоящего строя или частичных его проявлений» (38—39); что Р. Найт «формулировал ближайшие требования пролетариата и указывал на средства к их осуществлению» (41), а В. Либкнехт, делая и это, не отказывался также «одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев», «диктовать для них положительную программу действий» * (41); что Р. Найт старался именно «придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (42) и прекрасно умел «ставить правительству конкретные требования, сулящие известные осязательные

* Например, во время франко-прусской войны Либкнехт диктовал программу действий *всей демократии*, — и еще больше делали это Маркс с Энгельсом в 1848 году.

результаты» (43), тогда как В. Либкнехт гораздо более занимался «односторонними» «обличениями» (40); что Р. Найт больше придавал значения «поступательному ходу серой текущей борьбы» (61), а В. Либкнехт — «пропаганде блестящих и законченных идей» (61); что В. Либкнехт создавал из руководимой им газеты именно «орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки, и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения» (63), тогда как Р. Найт «работал для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой» (63) — если понимать «тесную и органическую связь» в смысле того преклонения пред стихийностью, которое мы изучали выше на примерах Кричевского и Мартынова — и «суживал сферу своего воздействия», уверенный, конечно, как и Мартынов, в том, что он «тем самым усложнял самое воздействие» (63). Одним словом, вы увидите, что *de facto* Мартынов принижает социал-демократию до тред-юнионизма, хотя делает он это, разумеется, отнюдь не потому, чтобы он не желал добра социал-демократии, а просто потому, что он немножечко поспешил углублять Плеханова вместо того, чтобы дать себе труд понять Плеханова.

Но вернемся к нашему изложению. Мы сказали, что социал-демократ, если он не на словах только стоит за необходимость всестороннего развития политического сознания пролетариата, должен «идти во все классы населения». Являются вопросы: как это сделать? есть ли у нас силы для этого? есть ли почва для такой работы во всех других классах? не будет ли это означать отступление или вести к отступлению от классовой точки зрения? Остановимся на этих вопросах.

«Идти во все классы населения» мы должны и в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве агитаторов, и в качестве организаторов. Что теоретическая работа социал-демократов должна направляться на изучение всех особенностей социального и политического положения отдельных классов, — в этом никто не сомневается. Но делается в этом отношении очень и очень мало, непропорционально мало сравнительно с работой, направленной на изучение особенностей фабричного быта. В комитетах и кружках вы встретите людей, углубляющихся даже в специальное ознакомление с каким-нибудь железоделательным производством, — но почти не найдете примеров, чтобы члены организаций (вынужденные, как это часто бывает, отойти по тем или иным причинам от практической работы) специально занимались собиранием материалов по какому-нибудь злободневному вопросу нашей общественной и политической

жизни, могущему дать повод для социал-демократической работы в других слоях населения. Говоря о малой подготовленности большинства современных руководителей рабочего движения, нельзя не упомянуть и о подготовке в этом отношении, ибо это тоже связано с «экономическим» пониманием «тесной органической связи с пролетарской борьбой». Но главное, разумеется, — *пропаганда* и *агитация* во всех слоях народа. Западноевропейскому социал-демократу облегчают эту задачу народные собрания и сходки, на которые приходит *всякий* желающий, — облегчает парламент, в котором он говорит пред депутатами от *всех* классов. У нас нет ни парламента, ни свободы сходок, — но мы умеем тем не менее устраивать собрания с рабочими, которые хотят слушать *социал-демократа*. Мы должны также уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать *демократа*. Ибо тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение»¹⁶⁵, что мы обязаны поэтому *пред всем народом* излагать и подчеркивать *общедемократические задачи*, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть *впереди всех* в постановке, обострении и разрешении *всякого* общедемократического вопроса.

«С этим решительно все согласны!» — перебивает нас нетерпеливый читатель — и новая инструкция для редакции «Раб. Дела», принятая на последнем союзном съезде, прямо говорит: «Поводами к политической пропаганде и агитации должны служить все явления и события общественной и политической жизни, которые затрагивают пролетариат либо непосредственно как особый класс, либо как *авангард всех революционных сил в борьбе за свободу*» («Два съезда», стр. 17, курсив наш). Да, это очень верные и очень хорошие слова, и мы были бы вполне довольны, если бы «Р. Дело» понимало их, если бы оно не говорило наряду с этими словами того, что идет вразрез с ними. Мало ведь назвать себя «авангардом», передовым отрядом, — надо и действовать так, чтобы *все* остальные отряды видели и вынуждены были признать, что мы идем впереди. И мы спрашиваем читателя: неужели же представители остальных «отрядов» такие дураки, чтобы поверить нам на слово насчет «авангарда»? Представьте только себе конкретно такую картину. В «отряд» русских образованных радикалов или либеральных конституционалистов является социал-демократ и говорит: мы — авангард; «теперь перед нами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический

характер». Сколько-нибудь умный радикал или конституционалист (а среди русских радикалов и конституционалистов много умных людей) только усмехнется, услышав такую речь, и скажет (про себя, конечно, ибо он в большинстве случаев опытный дипломат): «ну, и простоват же этот «авангард»! Не понимает даже того, что ведь это наша задача, задача передовых представителей буржуазной демократии — придать *самой* экономической борьбе рабочих политический характер. Ведь и мы, как и все западноевропейские буржуа, хотим втянуть рабочих в политику, *но только именно в тред-юнионистскую, а не в социал-демократическую политику*. Тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно *буржуазная политика* рабочего класса. А формулировка этим «авангардом» его задачи есть именно формулировка тред-юнионистской политики! Поэтому пускай даже называют они себя, сколько угодно, социал-демократами. Не ребенок же я, в самом деле, чтобы мне из-за ярлыков горячиться! Только пусть не поддаются этим злобредным ортодоксальным догматикам, пусть оставляют «свободу критики» за теми, кто бессознательно тащит социал-демократию в тред-юнионистское русло!»

И легкая усмешка нашего конституционалиста превратится в гомерический хохот, когда он узнает, что говорящие об авангарде социал-демократии социал-демократы в настоящее время почти полного господства стихийности в нашем движении всего больше на свете боятся «преуменьшения стихийного элемента», боятся «уменьшить значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей» и проч. и проч.! «Передовой» отряд, который боится, как бы сознательность не обогнала стихийности, который боится выдвинуть смелый «план», вынуждающий общее признание и у несогласно мыслящих! Да уж не смешивают ли они слово авангард с словом арьергард?

Вдумайтесь, в самом деле, в следующее рассуждение Мартынова. Он говорит на стр. 40, что обличительная тактика «Искры» односторонняя, что, «сколько бы мы ни сеяли недоверия и ненависти к правительству, мы цели не достигнем, покуда нам не удастся развить достаточную активную общественную энергию для его низвержения». Это, в скобках сказать, знакомая уже нам забота о повышении активности массы при стремлении принизить свою активность. Но дело теперь не в этом. Мартынов говорит здесь, следовательно, о *революционной* энергии («для низвержения»). И к какому же он приходит выводу? Так как в обычное время

разные общественные слои неизбежно идут вразброд, то «ввиду этого ясно, что мы, социал-демократы, не можем одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев, не можем для них диктовать положительную программу действий, не можем им указывать, какими способами следует изо дня в день бороться за свои интересы... Либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбе за свои ближайшие интересы, которая их столкнет лицом к лицу с нашим политическим режимом» (41). Таким образом, начав говорить о революционной энергии, об активной борьбе за низвержение самодержавия, Мартынов сейчас же сбился на профессиональную энергию, на активную борьбу за ближайшие интересы! Понятно само собой, что мы не можем руководить борьбой студентов, либералов и проч. за их «ближайшие интересы», но ведь не об этом же была речь, почтеннейший «экономист»! Речь шла о возможном и необходимом участии разных общественных слоев в низвержении самодержавия, а *этой* «активной деятельностью разных оппозиционных слоев» мы не только *можем*, но и непременно должны руководить, если мы хотим быть «авангардом». О том, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. «сталкивались лицом к лицу с нашим политическим режимом», позаботятся не только они сами, — об этом прежде всего и больше всего позаботится сама полиция и сами чиновники самодержавного правительства. Но «мы», если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. *Мы* должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои. *Мы* должны вырабатывать из практиков социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы, умели в нужную минуту «продиктовать положительную программу действий» и волнующимся студентам, и недовольным земцам, и возмущенным сектантам, и обиженным народным учителям, и проч., и проч. Поэтому *совершенно неверно* утверждение Мартынова, что «по отношению к ним мы можем выступать *лишь в отрицательной* роли обличителя порядков... Мы можем *только* рассеивать их надежды на разные правительственные комиссии» (курсив наш). Говоря это, Мартынов показывает тем самым,

что он *ровнехонько ничего не понимает* в вопросе о действительной роли революционного «авангарда». И если читатель примет это во внимание, то ему станет понятен *истинный смысл* следующих заключительных слов Мартынова: ««Искра» есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки, и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения. Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой. Суживая сферу своего воздействия, мы тем самым осложняем самое воздействие» (63). Истинный смысл этого вывода такой: «Искра» хочет *поднимать* тред-юнионистскую политику рабочего класса (которой по недоразумению, неподготовленности или по убеждению ограничиваются у нас так часто практики) до социал-демократической политики. А «Раб. Дело» хочет *принижать* социал-демократическую политику до тред-юнионистской. И при этом еще оно уверяет всех и каждого, что это — «вполне совместимые позиции в общем деле» (63). О, *sancta simplicitas!* *

Пойдем дальше. Есть ли у нас силы для того, чтобы направлять свою пропаганду и агитацию во *все* классы населения? Конечно, да. Наши «экономисты», склонные нередко отрицать это, упускают из виду тот гигантский шаг вперед, который сделало наше движение с 1894 (приблизительно) по 1901 г. Истинные «хвостисты», они живут зачастую в представлениях давно миновавшего периода начала движения. Тогда у нас действительно было поразительно мало сил, тогда была естественна и законна решимость всецело уйти в работу среди рабочих и сурово осуждать всякие отклонения от нее, тогда вся задача состояла в том, чтобы упрочиться в рабочем классе. Теперь в движение втянута гигантская масса сил, к нам идут все лучшие представители молодого поколения образованных классов, везде и повсюду по всей провинции вынуждены сидеть люди, принимавшие уже или желающие принять участие в движении, люди, тяготеющие к социал-демократии (тогда как в 1894 г. по пальцам можно было пересчитать русских социал-демократов). Один из основных политических и организационных недостатков нашего движения, — что мы *не умеем* занять все эти силы, дать всем подходящую работу (подробнее мы скажем об этом в следующей главе). Громадное большинство этих сил совершенно лишено возможности «идти к рабочим», так что с большой опасностью отвлечь силы от нашего основного дела не может

* — О, святая простота! *Ред.*

быть и речи. А для доставления рабочим настоящего, всестороннего и живого политического знания необходимы «свои люди», социал-демократы, везде и повсюду, во всех общественных слоях, на всяких позициях, дающих возможность знать внутренние пружины нашего государственного механизма. И необходимы такие люди не только в пропагандистском и агитационном, но еще более в организационном отношении.

Есть ли почва для деятельности во всех классах населения? Кто не видит этого, тот опять-таки отстает своей сознательностью от стихийного подъема масс. Рабочее движение вызвало и продолжает вызывать недовольство в одних, надежды на поддержку оппозиции в других, сознание невозможности самодержавия и неизбежности его краха в третьих. Мы были бы только на словах «политиками» и социал-демократами (как очень и очень часто бывает в действительности), если бы не сознавали своей задачи использовать все и всякие проявления недовольства, собрать и подвергнуть обработке все крупницы хотя бы зародышевого протеста. Не говорим уже о том, что вся многомиллионная масса трудящегося крестьянства, кустарей, мелких ремесленников и проч. всегда жадно стала бы слушать проповедь сколько-нибудь умелого социал-демократа. Но разве можно указать хотя бы один класс населения, в котором не было бы людей, групп и кружков, недовольных бесправием и произволом, а потому доступных проповеди социал-демократа, как выразителя самых наиболее общих демократических нужд? А кто хочет конкретно представить себе эту политическую агитацию социал-демократа во *всех* классах и слоях населения, тому мы укажем на *политические обличения* в широком смысле этого слова, как на главное (но, разумеется, не единственное) средство этой агитации.

«Мы должны, — писал я в статье «С чего начать?» («Искра» № 4, май 1901 г.), о которой нам придется подробно беседовать ниже, — пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть *политических* обличений. Не надо смущаться тем, что политически обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого — отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина — та, что у людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить, — нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов, — что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство... Мы в состоянии теперь, и мы

обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; — такой трибуной должна быть социал-демократическая газета» *.

Именно такой идеальной аудиторией для политических обличений является рабочий класс, которому всестороннее и живое политическое знание нужно прежде всего и больше всего; который наиболее способен претворять это знание в активную борьбу, хотя бы она никаких «осязательных результатов» и не сулила. А трибуной для *всенародных* обличений может быть только общерусская газета. «Без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического», а Россия в этом отношении, несомненно, относится также к современной Европе. Печать давно стала уже у нас силой — иначе бы правительство не тратило десятков тысяч рублей на подкуп ее и на субсидирование разных Катковых и Мещерских. И не новость в самодержавной России, что нелегальная печать проламывала цензурные запоры и *заставляла* открыто говорить о себе легальные и консервативные органы. Так было и в 70-х и даже в 50-х годах. А во сколько раз шире и глубже теперь те народные слои, которые готовы читать нелегальную печать и учиться по ней, «как жить и как умереть», употребляя выражение рабочего, обратившегося с письмом в «Искру» (№ 7)¹⁶⁶. Политические обличения являются именно таким объявлением войны *правительству*, как экономические обличения — объявляют войну фабриканту. И это объявление войны имеет тем большее нравственное значение, чем шире и сильнее эта обличительная кампания, чем многочисленнее и решительнее тот общественный *класс*, который *объявляет войну, чтобы начать войну*. Политические обличения являются поэтому уже сами по себе одним из могучих средств *разложения* враждебного строя, средств отвлечения от врага его случайных или временных союзников, средств посеять вражду и недоверие между постоянными участниками самодержавной власти.

Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия, которая *сорганизует* действительно *всенародные* обличения. А это слово: «всенародные» имеет очень большое содержание. Громадное большинство обличителей из нерабочего класса (а чтобы стать авангардом, надо именно привлечь другие классы) — трезвые политики и хладнокровные деловые люди. Они прекрасно знают, как

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 10—11; 4 изд., том 5, стр. 9—10. *Ред.*

небезопасно «жаловаться» даже на низшего чиновника, а не то что на «всемогущее» русское правительство. И они обратятся к нам с жалобой только тогда, когда увидят, что эта жалоба действительно способна оказать действие, что мы представляем из себя *политическую силу*. Чтобы стать таковой в глазах посторонних лиц, надо много и упорно работать над *повышением* нашей сознательности, инициативности и энергии; для этого недостаточно повесить ярлык «авангард» на теорию и практику арьергарда.

Но если мы должны взять на себя организацию действительно всенародных обличений правительства, то в чем же выразится тогда классовый характер нашего движения? — спросит и спрашивает уже нас усердный не по разуму поклонник «тесной органической связи с пролетарской борьбой». — Да вот именно в том, что организуем эти всенародные обличения мы, социал-демократы; — в том, что освещение всех поднимаемых агитацией вопросов будет даваться в неуклонно социал-демократическом духе без всяких потачек умышленным и неумышленным искажениям марксизма; — в том, что вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата, наряду с охраной его политической самостоятельности, и руководство экономической борьбой рабочего класса, утилизацию тех стихийных столкновений его с его эксплуататорами, которые поднимают и привлекают в наш лагерь новые и новые слои пролетариата!

Но одной из самых характерных черт «экономизма» является именно непонимание этой связи — более того: этого совпадения самой насущной потребности пролетариата (всестороннее политическое воспитание посредством политической агитации и политических обличений) и потребности общедемократического движения. Непонимание выражается не только в «мартыновских» фразах, но также и в тождественных по смыслу с этими фразами ссылок на классовую якобы точку зрения. Вот, напр., как выражаются об этом авторы «экономического» письма в № 12 «Искры»*: «Тот же основной недостаток «Искры» (переоценка идеологии) является

* Недостаток места не позволил нам в «Искре» с полной обстоятельностью ответить на это крайне характерное для «экономистов» письмо. Мы были очень рады его появлению, ибо толки о невыдержанности классовой точки зрения в «Искре» доходили до нас уже давно и с самых различных сторон, и мы искали только удобного случая или оформленного выражения ходячего обвинения, чтобы ответить на него. А отвечать на нападения мы привыкли не защитой, а контрнападением.

причиной ее непоследовательности в вопросах об отношении социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив посредством теоретических выкладок...» (а не посредством «роста партийных задач, растущих вместе с партией...») «задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел»... (и не только чувствуя, но прекрасно зная, что рабочим эта задача кажется менее трудной, чем заботящимся о малых детях «экономическим» интеллигентам, ибо рабочие готовы драться даже за требования, не сулящие, говоря языком незабвенного Мартынова, никаких «осязательных результатов»)... «но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, «Искра» начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции...».

Да, да, мы действительно потеряли уже всякое «терпение» «ждать» того блаженного, давным-давно уже нам всякими «примирителями» обещанного, времени, когда наши «экономисты» перестанут сваливать *свою* отсталость на рабочих, оправдывать недостаток своей энергии недостатком будто бы сил у рабочих. Мы спросим наших «экономистов»: в чем должно состоять «накопление рабочими сил для этой борьбы»? Не очевидно ли, что в политическом воспитании рабочих, в изобличении пред ними *всех* сторон нашего гнусного самодержавия? И не ясно ли, что *как раз для этой работы* нам и нужны «союзники в рядах либералов и интеллигенции», готовые делиться с нами обличениями политического похода на земцев, учителей, статистиков, студентов и проч.? Неужели в самом деле так уже трудно понять эту удивительно «хитрую механику»? Неужели П. Б. Аксельрод не твердит уже вам с 1897 года: «Задача приобретения русскими социал-демократами приверженцев и прямых или косвенных союзников среди непролетарских классов решается прежде всего и главным образом характером пропагандистской деятельности в среде самого пролетариата»? ¹⁶⁷ А Мартыновы и прочие «экономисты» все-таки продолжают представлять себе дело так, что рабочие *сначала* должны «экономической борьбой с хозяевами и с правительством» накопить себе силы (для тред-юнионистской политики), а *потом* уже «перейти», — должно быть, от тред-юнионистского «воспитания активности» к социал-демократической активности!

«...В своих поисках, — продолжают «экономисты», — «Искра» нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и

степень этого недовольства у «союзников» весьма различны. Таковы, напр., отношения «Искры» к земству... «Искра» будто бы «обещает неудовлетворенным правительственными подачками дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не обмолвившись о классовой розни этих слоев населения». Если читатель обратится к статьям «Самодержавие и земство» (№№ 2 и 4 «Искры») ¹⁶⁸, о которых, *вероятно*, говорят авторы письма, то увидит, что эти статьи* посвящены отношению *правительства* к «мягкой агитации сословно-бюрократического земства», к «самодеятельности даже имущих классов». В статье говорится, что рабочему нельзя смотреть равнодушно на борьбу правительства против земства, и земцы приглашаются бросить мягкие речи и сказать твердое и резкое слово, когда пред правительством встанет во весь рост революционная социал-демократия. С чем несогласны тут авторы письма? — неизвестно. Думают ли они, что рабочий «не поймет» слов: «имущие классы» и «сословно-бюрократическое земство»? — что *подталкивание* земцев к переходу от мягких к резким словам есть «переоценка идеологии»? Воображают ли они, что рабочие могут «накопить в себе силы» для борьбы с абсолютизмом, если они не будут знать об отношении абсолютизма *и* к земству? Все это опять-таки остается неизвестным. Ясно только одно: что авторы очень смутно представляют себе политические задачи социал-демократии. Еще яснее это из их фразы: «Таково же» (т. е. тоже «затемняющее классовые антагонизмы») «отношение «Искры» и к студенческому движению». Вместо призыва рабочих публичной демонстрацией заявить, что настоящим очагом насилия, бесчинства и разнузданности является не студенчество, а русское правительство (№ 2 «Искры»**) — мы должны были, вероятно, поместить рассуждение в духе «Р. Мысли»! И подобные мысли высказываются социал-демократами осенью 1901 года, после февральских и мартовских событий, накануне нового студенческого подъема, обнаруживающего, что и в этой области «стихийность» протеста против самодержавия *обгоняет* сознательное руководство движением со стороны социал-демократии. Стихийное стремление рабочих заступиться за избиваемых полицией и казаками студентов обгоняет сознательную деятельность социал-демократической организации!

* А *между* этими статьями (№ 3 «Искры») была помещена статья специально о классовых антагонизмах в нашей деревне (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 429—437; 4 изд., том 4, стр. 394—401. *Ред.*)

** См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 391—396; 4 изд., том 4, стр. 388—393. *Ред.*

«Между тем, в других статьях, — продолжают авторы письма, — «Искра» резко осуждает всякие компромиссы и выступает, например, на защиту нетерпимого поведения гедистов». Мы советуем людям, которые так самоуверенно и так легкомысленно заявляют обыкновенно по поводу разногласий в среде современных социал-демократов, что-де эти разногласия несущественны и раскола не оправдывают, — пораздумать хорошенько над этими словами. Возможна ли успешная работа в одной организации людей, которые говорят, что в деле выяснения враждебности самодержавия самым различным классам, в деле ознакомления рабочих с спозицией самодержавию самых различных слоев мы сделали еще поразительно мало — и людей, которые видят в этом деле «компромисс», очевидно, компромисс с теорией «экономической борьбы с хозяевами и с правительством»?

Мы говорили о необходимости внести классовую борьбу в деревню по поводу сорокалетия освобождения крестьян (№ 3) * и о непримиримости самоуправления и самодержавия по поводу тайной записки Витте (№ 4); мы нападали на крепостничество землевладельцев и служащего им правительства по поводу нового закона (№ 8) ** и приветствовали нелегальный земский съезд, поощряя земцев перейти к борьбе от униженных ходатайств (№ 8) ***; — мы поощряли студентов, начинавших понимать необходимость политической борьбы и переходивших к таковой (№ 3), и в то же время бичевали «дикое непонимание», обнаруженное сторонниками «только студенческого» движения, приглашавшими студентов не участвовать в уличных демонстрациях (№ 3, по поводу воззвания Исполнительного комитета московского студенчества от 25 февраля); — мы разоблачали «бессмысленные мечтания» и «лживое лицемерие» либеральных лукавцев газеты «Россия» ¹⁶⁹ (№ 5) и в то же время отмечали бешенство правительственного застенка, который «творил расправу над мирными литераторами, над старыми профессорами и учеными, над известными либеральными земцами» (№ 5: «Полицейский набег на литературу») ¹⁷⁰; мы разоблачали настоящее значение программы «государственной попечительности о благоустройстве быта рабочих» и приветствовали «ценное признание», что «лучше преобразованиями сверху предупредить

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 429—437; 4 изд., том 4, стр. 394—401. *Ред.*

** См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 87—92; 4 изд., том 5, стр. 78—83. *Ред.*

*** См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 93—94; 4 изд., том 5, стр. 84—85. *Ред.*

требования таковых снизу, чем дожидаться последнего» (№ 6) *; — мы поощряли статистиков-протестантов (№ 7) и порицали статистиков-штрейкбрехеров (№ 9)¹⁷¹. Кто усматривает в этой тактике затемнение классового сознания пролетариата и *компромисс с либерализмом*, — тот тем самым обнаруживает, что он совершенно не понимает истинного значения программы «Credo» и *de facto проводит именно эту программу*, сколько бы он от нее ни отрекался! Потому что он *тем самым* тащит социал-демократию к «экономической борьбе с хозяевами и с правительством» и *пасует перед либерализмом*, отказываясь от задачи активно вмешиваться в *каждый* «либеральный» вопрос и определять *свое*, социал-демократическое, отношение к этому вопросу.

е) ЕЩЕ РАЗ «КЛЕВЕТНИКИ», ЕЩЕ РАЗ «МИСТИФИКАТОРЫ»

Эти любезные слова принадлежат, как помнит читатель, «Раб. Делу», которое отвечает таким образом на наше обвинение его в «косвенном подготовке почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии». В простоте душевной «Раб. Дело» решило, что это обвинение есть не что иное, как полемическая выходка: порешили, дескать, эти злые догматики наговорить нам всяких неприятностей: ну, а что же может быть более неприятного, как явиться орудием буржуазной демократии? И вот печатается жирным шрифтом «опровержение»: «ничем не прикрашенная клевета» («Два съезда», стр. 30), «мистификация» (31), «маскарад» (33). Подобно Юпитеру, «Р. Дело» (хотя оно и мало похоже на Юпитера) сердится именно потому, что оно неправо, доказывая своими торопливыми ругательствами неспособность вдуматься в ход мысли своих противников. А ведь немного надо бы подумать, чтобы понять, почему *всякое* преклонение пред стихийностью массового движения, *всякое* принижение социал-демократической политики до тред-юнионистской есть именно подготовка почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии. Стихийное рабочее движение само по себе способно создать (и неизбежно создает) только тред-юнионизм, а тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса. Участие рабочего класса в политической борьбе и даже в политической революции несколько еще не делает его политики социал-демократической политикой. Не вздумает ли отрицать это «Р. Дело»? Не вздумает ли

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 78, 79; 4 изд., том 5, стр. 71, 72. *Ред.*

оно наконец изложить перед всеми прямо и без уверток свое понимание наболевших вопросов международной и русской социал-демократии? — О нет, оно никогда не вздумает ничего подобного, ибо оно твердо держится того приема, который можно назвать приемом «сказываться в нетях». Я не я, лошадь не моя, я не извозчик. Мы не «экономисты», «Раб. Мысль» не «экономизм», в России нет вообще «экономизма». Это — замечательно ловкий и «политичный» прием, имеющий только то маленькое неудобство, что органы, его практикующие, принято называть кличкой: «чего изволите?».

«Раб. Делу» кажется, что вообще буржуазная демократия в России есть «фантом» («Два съезда», с. 32) *. Счастливые люди! Подобно страусу, прячут они голову под крыло и воображают, что от этого исчезает все окружающее. Ряд либеральных публицистов, ежемесячно оповещающих всех о своем торжестве по поводу распада и даже исчезновения марксизма; ряд либеральных газет («СПБ. Ведомости»¹⁷², «Русские Ведомости»¹⁷³ и мн. др.), поощряющих тех либералов, которые несут рабочим брентановское понимание классовой борьбы¹⁷⁴ и тред-юнионистское понимание политики; — плеяда критиков марксизма, истинные тенденции которых так хорошо раскрыло «Credo» и литературные товары которых одни только безданно-беспошлинно гуляют по России; — оживление революционных *не* социал-демократических направлений, особенно после февральских и мартовских событий; — все это, должно быть, фантом! Все это не имеет ровно никакого отношения к буржуазной демократии!

«Раб. Делу», как и авторам «экономического» письма в № 12 «Искры», следовало бы «пораздумать над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление революционных не социал-демократических направлений, вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократии»? — Потому, что мы оказались не на высоте задачи, активность рабочих масс оказалась выше нашей активности, у нас не нашлось налицо достаточно подготовленных революционных руководителей и организаторов, которые бы прекрасно знали настроение во всех оппозиционных слоях и

* Здесь же ссылка на «конкретные русские условия, фатально толкающие рабочее движение на революционный путь». Не хотят люди понять того, что революционный путь рабочего движения может еще быть и не социал-демократическим путем! Ведь вся западноевропейская буржуазия при абсолютизме «толкала», сознательно толкала рабочих на революционный путь. Мы же, социал-демократы, не можем удовлетвориться этим. И если мы чем бы то ни было принижаем социал-демократическую политику до стихийной, тред-юнионистской политики, то мы именно этим и играем на руку буржуазной демократии.

умели встать во главе движения, превратить стихийную демонстрацию в политическую, расширить ее политический характер и т. д. При таких условиях нашей отсталостью неизбежно будут пользоваться более подвижные, более энергичные революционеры не социал-демократы, и рабочие, как бы они самоотверженно и энергично ни дрались с полицией и войском, как бы они революционно ни выступали, окажутся только силой, поддерживающей этих революционеров, окажутся арьергардом буржуазной демократии, а не социал-демократическим авангардом. Возьмите германскую социал-демократию, у которой наши «экономисты» хотят перенять только ее слабые стороны. Отчего *ни одно* политическое событие в Германии не проходит без того, чтобы не повлиять на большее и большее усиление авторитета и престижа социал-демократии? Оттого, что социал-демократия всегда оказывается впереди всех в наиболее революционной оценке этого события, в защите всякого протеста против произвола. Она не убаюкивает себя рассуждениями, что экономическая борьба натолкнет рабочих на вопрос об их бесправии и что конкретные условия фатально толкают рабочее движение на революционный путь. Она вмешивается во все области и все вопросы общественной и политической жизни, и в вопрос о неутверждении Вильгельмом городского головы из буржуазных прогрессистов (немцев еще не успели просветить наши «экономисты», что это есть, в сущности, компромисс с либерализмом!), и в вопрос об издании закона против «безнравственных» сочинений и изображений, и в вопрос о правительственном влиянии на выбор профессоров и проч. и т. п. Везде они оказываются впереди всех, возбуждая политическое недовольство во всех классах, расталкивая сонных, подтягивая отсталых, давая всесторонний материал для развития политического сознания и политической активности пролетариата. И в результате получается то, что к передовому политическому борцу проникаются уважением даже сознательные враги социализма, и нередко важный документ не только из буржуазных, но даже и бюрократических и придворных сфер каким-то чудом попадает в редакционный кабинет «Vorwärts'a».

Вот где лежит разгадка того кажущегося «противоречия», которое до такой степени превосходит меру понимания «Раб. Дела», что оно только воздевает руки горь и кричит: «маскарад»! Представьте себе в самом деле: мы, «Раб. Дело», ставим *во главу угла* массовое рабочее движение (и печатаем это жирным шрифтом!), мы предостерегаем всех и каждого от преуменьшения значения стихийного элемента, мы хотим

придать самой, *самой, самой* экономической борьбе политический характер, мы хотим остаться в тесной и органической связи с пролетарской борьбой! А нам говорят, что мы готовим почву для превращения рабочего движения в оружие буржуазной демократии. И кто говорит это? Люди, которые вступают в «компромисс» с либерализмом, вмешиваясь в каждый «либеральный» вопрос (какое непонимание «органической связи с пролетарской борьбой!»), обращая так много внимания и на студентов и даже (о ужас!) на земцев! Люди, которые вообще хотят уделять больший (по сравнению с «экономистами») процент своих сил на деятельность среди непролетарских классов населения! Это ли не «маскарад»??

Бедное «Раб. Дело»! Додумается ли оно когда-нибудь до разгадки этой хитрой механики?

IV

КУСТАРНИЧЕСТВО ЭКОНОМИСТОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Разобранные нами выше утверждения «Раб. Дела», что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство политической агитации, что наша задача теперь — придать самой экономической борьбе политический характер и т. п., выражают собою узкое понимание не только наших политических, но и наших *организационных* задач. Для «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» совершенно не нужна, — а потому на такой борьбе не может и выработаться, — общерусская централизованная организация, объединяющая в один общий натиск все и всяческие проявления политической оппозиции, протеста и возмущения, организация, состоящая из революционеров по профессии и руководимая настоящими политическими вождями всего народа. Да это и понятно. Характер организации всякого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения. Поэтому «Раб. Дело» своими вышеразобранными утверждениями освящает и узаконяет не только узость политической деятельности, но и узость организационной работы. И в этом случае, как и всегда, оно является органом, сознательность которого пасует перед стихийностью. А между тем преклонение перед стихийно складывающимися формами организации, отсутствие сознания того, насколько узка и примитивна наша организационная работа, какие еще мы «кустари» в этой важной области, отсутствие этого сознания, говорю я, представляет собою настоящую

болезнь нашего движения. Это не болезнь упадка, а болезнь роста, само собою разумеется. Но именно теперь, когда волна стихийного возмущения захлестывает, можно сказать, нас, как руководителей и организаторов движения, особенно необходима самая непримиримая борьба против всякой защиты отсталости, против всякого узаконения узости в этом деле, особенно необходимо пробудить в каждом, кто участвует в практической работе или только собирается взяться за нее, недовольство господствующим у нас *кустарничеством* и непреклонную решимость избавиться от него.

а) ЧТО ТАКОЕ КУСТАРНИЧЕСТВО?

Попробуем ответить на этот вопрос маленькой картинкой деятельности типичного социал-демократического кружка 1894—1901 годов. Мы уже указывали на повальное увлечение марксизмом учащейся молодежи этого периода. Это увлечение относилось, разумеется, не только и даже не столько к марксизму, как к теории, а как к ответу на вопрос: «что делать?», как к призыву идти в поход на врага. И новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину. Кружок студентов, без всякой связи с старыми деятелями движения, без всякой связи с кружками в других местностях или даже в других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период, заводит связи с рабочими и берется за дело. Кружок развертывает постепенно более и более широкую пропаганду и агитацию, привлекает фактом своего выступления сочувствие довольно широких слоев рабочих, сочувствие некоторой части образованного общества, доставляющего деньги и отдающего в распоряжение «Комитету» новые и новые группы молодежи. Растет обаяние комитета (или союза борьбы), растет размах его деятельности, и он расширяет эту деятельность совершенно стихийно: те же люди, которые год или несколько месяцев тому назад выступали в студенческих кружках и решали вопрос: «куда идти?», которые заводили и поддерживали сношения с рабочими, изготавливали и выпускали листки, заводят связи с другими группами революционеров, раздобывают литературу, берутся за издание местной газеты, начинают говорить об устройстве демонстрации, переходят, наконец,

к открытым военным действиям (причем этим открытым военным действием может явиться, смотря по обстоятельствам, и первый же агитационный листок, и первый номер газеты, и первая демонстрация). И обыкновенно первое же начало этих действий ведет за собою немедленно полный провал. Немедленно и полный именно потому, что эти военные действия явились не результатом систематического, заранее обдуманного и исподволь подготовленного плана длинной и упорной борьбы, а просто стихийным ростом традиционно ведущейся кружковой работы; потому что полиция, естественно, почти всегда знала всех главных деятелей местного движения, «за-рекомендовавших» себя еще со студенческой скамьи, и только выжидала самого удобного для нее момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разрастись и развернуться, чтобы иметь осязательный *corpus delicti* *, и нарочно оставляя всегда нескольких известных ей лиц «на разводку» (как гласит техническое выражение, употребляемое, насколько мне известно, и нашим братом, и жандармами). Такую войну нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска. И надо только удивляться жизненности движения, которое ширилось, росло и одерживало победы, несмотря на это полное отсутствие подготовки у сражавшихся. Правда, с исторической точки зрения, примитивность снаряжения была не только неизбежна вначале, но *даже законна*, как одно из условий широкого привлечения ратников. Но как только начались серьезные военные действия (а они начались уже, в сущности, с летних стачек 1896 года), — недостатки нашей военной организации стали все сильнее и сильнее давать себя чувствовать. Опешив на первых порах и наделав ряд ошибок (вроде обращения к обществу с описанием злодейств социалистов или ссылки рабочих из столиц в промышленные центры провинции), правительство вскоре приспособилось к новым условиям борьбы и сумело поставить на надлежащие места свои, вооруженные всеми усовершенствованиями, отряды провокаторов, шпионов и жандармов. Погромы стали так часто повторяться, захватывать такую массу лиц, выметать до такой степени начисто местные кружки, что рабочая масса теряла буквально всех руководителей, движение приобретало невероятно скачкообразный характер, и абсолютно никакой преемственности и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность местных деятелей, случайность состава кружков, неподготовленность и узкий кругозор в области

* — состав преступления. *Ред.*

теоретических, политических и организационных вопросов были неизбежным результатом описанных условий. Дело дошло до того, что в некоторых местах рабочие в силу недостатка у нас выдержки и конспиративности проникаются недоверием к интеллигенции и сторонятся от нее: интеллигенты, говорят они, слишком необдуманно приводят к провалам!

Что это кустарничество стало, наконец, ощущаться всеми мыслящими социал-демократами, как болезнь, — это знает каждый, сколько-нибудь знакомый с движением. А чтобы читатель, незнакомый с ним, не подумал, что мы «конструируем» искусственно особую стадию или особую болезнь движения, — мы сошлемся на упомянутого уже раз свидетеля. Пусть не посетуют на нас за длинную выписку.

«Если постепенный переход к более широкой практической деятельности, — пишет Б—в в № 6 «Раб. Дела», — переход, находящийся в прямой зависимости от общего переходного времени, переживаемого русским рабочим движением, является характерной чертой... то есть еще другая не менее интересная черта в общем механизме русской рабочей революции. Мы говорим о том *общем недостатке годных к действию революционных сил**, который ощущается не только в Петербурге, но и во всей России. С общим оживлением рабочего движения, с общим развитием рабочей массы, с все учащающимися случаями стачек, с все более открытой массовой борьбой рабочих, усиливающей правительственные преследования, аресты, ссылку и высылку, этот недостаток в качественно высоких революционных силах становится все заметнее и, несомненно, остается не без влияния на глубину и общий характер движения. Многие стачки проходят без сильного и непосредственного воздействия революционных организаций... чувствуется недостаток в агитационных листках и нелегальной литературе... рабочие кружки остаются без агитаторов... Рядом с этим замечается постоянная нужда в денежных средствах. Словом, *рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций*. Наличный состав действующих революционеров оказывается слишком незначительным, чтобы сосредоточить в своих руках влияние на всю волнующуюся рабочую массу, чтобы придать всем волнениям хотя бы оттенок стройности и организованности... Отдельные кружки, отдельные революционеры не собраны, не объединены, не составляют единой, сильной и дисциплинированной организации с планомерно развитыми частями»... И, оговорившись, что немедленное появление новых кружков, на место разбитых, «доказывает только жизненность движения... но не показывает еще наличность достаточного количества вполне пригодных революционных деятелей», автор заключает: «Практическая неподготовленность петербургских революционеров сказывается и в результатах их работы. Последние процессы, особенно групп «Самоосвобождение» и «Борьба труда с капиталом»¹⁷⁵, ясно показали, что молодой агитатор, незнакомый детально с условиями труда, а следовательно, и агитации на данном заводе, не знающий принципов конспирации и усвоивший» (усвоивший ли?) «только общие взгляды социал-демократии, может проработать каких-нибудь 4, 5, 6 месяцев. Затем наступает арест, часто влекущий за собой разгром всей организации или по крайней мере части ее. Спрашивается, возможна ли успешная и

* Курсив везде наш.

плодотворная деятельность группы, если время существования этой группы определяется месяцами? Очевидно, недостатки существующих организаций нельзя целиком относить на счет переходного времени... очевидно, количественный и, главное, качественный состав действующих организаций играет здесь немаловажную роль, и первой задачей наших социал-демократов... должно быть *реальное объединение организаций при строгом выборе членов*».

б) КУСТАРНИЧЕСТВО И ЭКОНОМИЗМ

Мы должны теперь остановиться на вопросе, который наверное напрашивается уже у всякого читателя. Можно ли ставить в связь это кустарничество, как болезнь роста, свойственную *всему* движению, с «экономизмом», как с *одним* из течений в русской социал-демократии? Мы думаем, что да. Практическая неподготовленность, неумелость организационной работы обща действительно *всем нам*, в том числе и тем, кто с самого начала неуклонно стоял на точке зрения революционного марксизма. И за неподготовленность самое по себе никто не мог бы, конечно, и винить практиков. Но кроме неподготовленности в понятие «кустарничества» входит еще и нечто другое: узкий размах всей революционной работы вообще, непонимание того, что на этой узкой работе и не может сложиться хорошая организация революционеров, наконец — и это главное — попытки оправдать эту узость и возвести в особую «теорию», т. е. преклонение пред стихийностью и в этой области. Раз только обнаружились такие попытки, — стало уже несомненным, что кустарничество связано с «экономизмом» и что мы не избавимся от узости нашей организационной деятельности, не избавившись от «экономизма» вообще (т. е. узкого понимания и теории марксизма и роли социал-демократии и политических задач ее). А попытки эти обнаружились в двояком направлении. Одни стали говорить: рабочая масса не выдвинула еще сама таких широких и боевых политических задач, которые ей «навязывают» революционеры, она должна еще бороться за *ближайшие* политические требования, вести «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством»* (а этой «доступной» массовому движению борьбе естественно соответствует и «доступная» даже самой неподготовленной молодежи организация). Другие, далекие от всякой «постепеновщины», стали говорить: возможно и должно «совершить политическую революцию», но для этого нет никакой надобности в создании крепкой организации революционеров, воспитывающей пролетариат стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно, чтобы мы

* «Раб. Мысль» и «Раб. Дело», особ. «Ответ» Плеханову.

все схватились за «доступную» и знакомую уже дубину. Говоря без аллегорий — чтобы мы устроили всеобщую стачку*; или чтобы мы возбудили «вялый» ход рабочего движения посредством «эксцитативного террора»**. Оба эти направления, и оппортунисты и «революционисты», пасуют перед господствующим кустарничеством, не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоящей практической задачи: создать *организацию революционеров*, способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы.

Мы сейчас привели слова Б—ва: «рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций». Это «ценное сообщение близкого наблюдателя» (отзыв редакции «Рабочего Дела» о статье Б—ва) имеет для нас двойную ценность. Оно показывает, что мы были правы, усматривая основную причину современного кризиса в русской социал-демократии в *отсталости руководителей* («идеологов», революционеров, социал-демократов) от *стихийного подъема масс*. Оно показывает, что именно прославлением и защитой кустарничества являются все эти рассуждения авторов «экономического» письма (в № 12 «Искры»), Б. Кричевского и Мартынова об опасности преуменьшать значение стихийного элемента, серой текущей борьбы, о тактике-процессе и проч. Эти люди, которые без пренебрежительной гримасы не могут произносить слово: «теоретик», которые называют «чутьем к жизни» свое коленопреклонение перед житейской неподготовленностью и неразвитостью, обнаруживают на деле непонимание самых настоятельных наших *практических* задач. Людям отставшим кричат: идите в ногу! не опережайте! Людям, страдающим от недостатка энергии и инициативы в организационной работе, от недостатка «планов» широкой и смелой постановки дела, кричат о «тактике-процессе»! Основной наш грех состоит в *принижении* наших политических и *организационных* задач до ближайших, «осязательных», «конкретных» интересов текущей экономической борьбы, — а нам продолжают напевать: самой экономической борьбе надо придать политический характер! Еще раз: это буквально такое же «чутье к жизни», которое обнаруживал герой народного эпоса, кричавший: «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии.

* Брошюра: «Кто совершит политическую революцию?» — в изданном в России сборнике «Пролетарская борьба». Была также переиздана Киевским комитетом.

** «Возрождение революционизма» и «Свобода».

Вспомните, с каким несравненным, поистине «нарцисовским» высокомерием поучали эти мудрецы Плеханова: «рабочим *кружкам* вообще (*sic!*) недоступны политические задачи в действительном, *практическом* смысле этого слова, т. е. в смысле целесообразной и успешной *практической* борьбы за политические требования» («Ответ редакции «Р. Д.»», стр. 24). Есть кружки и кружки, господа! Кружку «кустарей», конечно, недоступны политические задачи, покуда эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились от него. Если же эти кустари кроме того влюблены в свое кустарничество, если они пишут слово «практический» непременно курсивом и воображают, что практичность требует принижения своих задач до уровня понимания самых отсталых слоев массы, — то тогда, разумеется, эти кустари безнадежны, и им, действительно, *вообще недоступны политические задачи*. Но кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса. Плеханов был тысячу раз прав, когда он не только указал этот революционный класс, не только доказал неизбежность и неминуемость его стихийного пробуждения, но и поставил даже перед «рабочими кружками» высокую и великую политическую задачу. А вы ссылаетесь на возникшее с тех пор массовое движение для того, чтобы *принизить* эту задачу, — для того, чтобы *сузить* энергию и размах деятельности «рабочих кружков». Что это такое, как не влюбленность кустика в свое кустарничество? Вы хвастаетесь своей практичностью, а не видите того, знакомого всякому русскому практику факта, какие чудеса способна совершить в революционном деле энергия не только кружка, но даже отдельной личности. Или вы думаете, что в нашем движении не может быть таких корифеев, которые были в 70-х годах? Почему бы это? Потому что мы мало подготовлены? Но мы готовимся, будем готовиться и подготовимся! Правда, на стоячей воде «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» образовалась у нас, к несчастью, плесень, появились люди, которые становятся на колени и молятся на стихийность, благоговейно созерцая (по выражению Плеханова) «заднюю» русского пролетариата. Но мы сумеем избавиться от этой плесени. Именно теперь русский революционер, руководимый истинно революционной теорией,

опираясь на истинно революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец — наконец! — выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатырские силы. Для этого нужно только, чтобы среди массы практиков, среди еще большей массы людей, мечтающих о практической работе уже со школьной скамьи, всякое поползновение принизить наши политические задачи и размах нашей организационной работы встречало насмешку и презрение. И мы добьемся этого, будьте спокойны, господа!

В статье «С чего начать?» я писал против «Рабочего Дела»: «В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно, боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев»*. «Рабочее Дело» отвечает: «Это единственное из претендующих на фактический характер обвинение «Искры» ни на чем не основано. Читатели «Р. Дела» хорошо знают, что мы с самого начала не только звали к политической агитации, не дожидаясь появления «Искры»... (говоря при этом, что не только рабочим кружкам, «но и массовому рабочему движению невозможно ставить первой политической задачей — низвержение абсолютизма», а только борьбу за ближайшие политические требования, и что «ближайшие политические требования становятся доступными для массы после одной или, в крайнем случае, нескольких стачек»)... «а и своими изданиями доставляли из-за границы действующим в России товарищам *единственный* социал-демократический политически-агитационный материал»... (причем вы в этом единственном материале не только применяли наиболее широко политическую агитацию лишь на почве экономической борьбы, но и додумались наконец до того, что эта суженная агитация «наиболее широко применима». И вы не замечаете, господа, что ваша аргументация доказывает именно необходимость появления «Искры» — при такого рода *единственном* материале — и необходимость борьбы «Искры» с «Рабочим Делом»?)... «С другой стороны, наша издательская деятельность на деле подготовляла тактическое единство партии»... (единство убеждения в том, что тактика есть процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией? Ценное единство!)... «и тем самым возможность «боевой

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 6; 4 изд., том 5, стр. 6. *Ред.*

организации», для создания которой Союз делал вообще все доступное для заграничной организации» («Р. Д.» № 10, стр. 15). Напрасная попытка извернуться! Что вы делали все для вас доступное, этого я никогда и не думал отрицать. Я утверждал и утверждаю, что *пределы* «доступного» вам суживаются близорукостью вашего понимания. Смешно и говорить о «боевой организации» для борьбы за «ближайшие политические требования» или для «экономической борьбы с хозяевами и с правительством».

Но если читатель хочет видеть перлы «экономической» влюбленности в кустарничество, то он, разумеется, должен обратиться от эклектического и неустойчивого «Раб. Дела» к последовательной и решительной «Раб. Мысли». «Теперь два слова о собственно так называемой революционной интеллигенции, — писал Р. М. в «Отдельном приложении», стр. 13, — она, правда, не раз показала на деле свою полную готовность «вступить в решительную схватку с царизмом». Вся беда только в том, что, беспощадно преследуемая политической полицией, наша революционная интеллигенция принимала борьбу с этой политической полицией за политическую борьбу с самодержавием. Поэтому-то для нее до сих пор и остается невыясненным вопрос, «откуда взять силы для борьбы с самодержавием?»».

Не правда ли, как бесподобно это великолепное пренебрежение к борьбе с полицией со стороны поклонника (в худом смысле поклонника) *стихийного* движения? Нашу конспиративную неумелость он готов *оправдать* тем, что нам, при стихийном массовом движении, и не важна, в сущности, борьба с политической полицией!! Под этим чудовищным выводом подпишутся очень и очень немногие: до такой степени наболел у всех вопрос о недостатках наших революционных организаций. Но если под ним не подпишется, например, Мартынов, то только потому, что он не умеет или не имеет смелости додумывать до конца своих положений. В самом деле, разве такая «задача», как выставление массой конкретных требований, сулящих осязательные результаты, требует особенной заботливости о создании прочной, централизованной, боевой организации революционеров? разве эту «задачу» не выполняет и такая масса, которая вовсе не «борется с политической полицией»? Больше того: разве эта задача была бы выполнима, если бы кроме немногих руководителей за нее не брались также (в громадном большинстве) такие рабочие, которые вовсе *неспособны* «бороться с политической полицией»? Такие рабочие, средние люди массы, способны проявить гигантскую энергию и самоотвержение в стачке, в

уличной борьбе с полицией и войском, способны (и одни только могут) *решить* исход всего нашего движения, — но именно борьба с *политической* полицией требует особых качеств, требует революционеров *по профессии*. И мы должны заботиться не только о том, чтобы масса «выставляла» конкретные требования, но и о том, чтобы масса рабочих «выставляла» все в большем числе таких революционеров по профессии. Мы подошли таким образом к вопросу о соотношении между организацией профессиональных революционеров и чисто рабочим движением. Мало отразившийся в литературе, этот вопрос много занимал нас, «политиков», в разговорах и спорах с более или менее тяготеющими к «экономизму» товарищами. На нем стоит особо остановиться. Но сначала закончим еще одной цитатой иллюстрацию нашего положения о связи кустарничества с «экономизмом».

«Группа «Осв. труда», — писал г. Н. Н. в своем «Ответе», — требует прямой борьбы с правительством, не взвесив, где материальная сила для этой борьбы, не указав, *где пути для нее*». И, подчеркнув последние слова, автор делает к слову «пути» такое примечание: «Это обстоятельство не может быть объяснено конспиративными целями, так как в программе речь идет не о заговоре, а о *массовом движении*. Масса же не может идти тайными путями. Разве возможна тайная стачка? Разве возможна тайная манифестация и петиция?» («Vademecum», стр. 59.) Автор вплотную подошел и к этой «материальной силе» (устроители стачек и манифестаций) и к «путям» для борьбы, но оказался все-таки в растерянном недоумении, ибо он «преклоняется» пред массовым движением, т. е. смотрит на него как на нечто, *избавляющее* нас от нашей, революционной, активности, а не как на нечто, долженствующее ободрять и *подталкивать* нашу революционную активность. Тайная стачка невозможна — для участников ее и непосредственно соприкасающихся с ней лиц. Но для массы русских рабочих эта стачка может остаться (и большей частью остается) «тайной», ибо правительство позаботится отрезать всякое сношение с стачечниками, позаботится сделать невозможным всякое распространение сведений о стачке. Вот тут уже нужна специальная «борьба с политической полицией», борьба, которую никогда не сможет активно вести столь же широкая масса, какая участвует в стачках. Эту борьбу должны организовать «по всем правилам искусства» люди, профессионально занятые революционной деятельностью. Организация этой борьбы не стала *менее нужной* оттого, что в движение стихийно втягивается масса. Напротив, от этого организация становится *более*

нужной, ибо мы, социалисты, не исполнили бы своих прямых обязанностей перед массой, если бы не сумели помешать полиции делать тайной (а иногда и сами не подготовляли тайно) всякую стачку и всякую манифестацию. Суметь же это мы в состоянии именно потому, что стихийно пробуждающаяся масса будет *выдвигать также из своей среды* все большее и большее число «революционеров по профессии» (если мы не вздумаем на всякие лады приглашать рабочих топтаться на одном месте).

в) ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧИХ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Если понятие политической борьбы для социал-демократа покрывается понятием «экономической борьбы с хозяевами и правительством», то естественно ожидать, что понятие «организация революционеров» будет для него более или менее покрываться понятием: «организация рабочих». И это действительно случается, так что, разговаривая об организации, мы оказываемся буквально говорящими на разных языках. Как сейчас помню, например, разговор с одним довольно последовательным «экономистом», которого мне не доводилось знать раньше¹⁷⁶. Речь зашла о брошюре «Кто совершит политическую революцию?», и мы быстро сошлись на том, что ее основной недостаток — игнорирование вопроса об организации. Мы воображали уже, что мы солидарны друг с другом — но... разговор идет дальше, и оказывается, что мы говорим про разное. Мой собеседник обвиняет автора за игнорирование стачечных касс, обществ взаимопомощи и т. п., я же имел в виду организацию революционеров, необходимую для «совершения» политической революции. И, как только обнаружилось это разногласие, — я не запомню уже, чтобы мне приходилось вообще по какому бы то ни было принципиальному вопросу соглашаться с этим «экономистом»!

В чем же состоял источник наших разногласий? Да именно в том, что «экономисты» постоянно сбиваются с социал-демократизма на тред-юнионизм и в организационных, как и в политических, задачах. Политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно так же (и вследствие этого) организация революционной социал-демократической партии неизбежно должна быть *иного рода*, чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она

должна быть возможно менее конспиративной (я говорю, разумеется, здесь и ниже, имея в виду только самодержавную Россию). Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, чья профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации *революционеров*, имея в виду революционеров-социал-демократов). Пред этим общим признаком членов такой организации *должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов*, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной. Остановимся на этом трояком различии.

В странах с политической свободой различие профессиональной и политической организации совершенно ясно, как ясно и различие тред-юнионов и социал-демократии. Отношения последней к первым неизбежно видоизменяются, конечно, в разных странах смотря по историческим, юридическим и другим условиям, — они могут быть более или менее тесными, сложными и проч. (они должны быть, с нашей точки зрения, возможно более тесными и возможно менее сложными), но о совпадении организации профессиональных союзов с организацией социал-демократической партии в свободных странах нет и речи. В России же гнет самодержавия стирает, на первый взгляд, всякое различие между социал-демократической организацией и рабочим союзом, ибо *всякие* рабочие союзы и *всякие* кружки запрещены, ибо главное проявление и орудие экономической борьбы рабочих — стачка — является вообще уголовным (а иногда даже политическим!) проступком. Таким образом, наши условия, с одной стороны, очень «наталкивают» ведущих экономическую борьбу рабочих на политические вопросы, а, с другой стороны, «наталкивают» социал-демократов на смешение тред-юнионизма и социал-демократизма (и наши Кричевские, Мартыновы и К^о, усердно толкуя о «наталкивании» первого рода, не замечают «наталкивания» второго рода). В самом деле, представьте себе людей, на 99 сотых поглощенных «экономической борьбой с хозяевами и правительством». Одни из них в течение *всего* периода их деятельности (4—6 мес.) ни разу не натолкнутся на вопрос о необходимости более сложной организации революционеров; другие «натолкнутся», пожалуй, на сравнительно распространенную бернштейнианскую литературу, из которой почерпнут убеждение в сугубой важности «поступательного хода серой текущей борьбы». Третьи, наконец, увлекутся, может быть, соблазнительной идеей явить миру

новый образец «тесной и органической связи с пролетарской борьбой», связи профессионального и социал-демократического движения. Чем позже выступает страна на арену капитализма, а следовательно, и рабочего движения, — могут рассуждать такие люди, — тем больше могут социалисты принимать участия в профессиональном движении и оказывать ему поддержку, тем меньше может и должно быть не социал-демократических профессиональных союзов. До сих пор такое рассуждение вполне правильно, но беда в том, что идут еще дальше и мечтают о полном слиянии социал-демократизма и тред-юнионизма. Мы сейчас увидим на примере «Устава С.-Петербургского Союза борьбы», как вредно отражаются эти мечты на наших организационных планах.

Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ-рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях. Это так. Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами «цеховых» союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым, сознательным воздействием социалистических членов союза на товарищей. Но при широком составе организации невозможна строгая конспирация (требующая гораздо большей подготовки, чем необходимо для участия в экономической борьбе). Как примирить это противоречие между необходимостью широкого состава и строгой конспирации? Как достигнуть того, чтобы цеховые организации были возможно менее конспиративны? Для этого может быть, вообще говоря, только два пути: либо легализация цеховых союзов (в некоторых странах предшествовавшая легализации социалистических и политических союзов), либо сохранение организации тайной, но настолько «свободной», мало оформленной, *lose*, как говорят немцы, чтобы конспирация для массы членов сводилась почти к нулю.

Легализация несоциалистических и неполитических рабочих союзов в России уже началась, и не может подлежать

никакому сомнению, что каждый шаг нашего быстро растущего социал-демократического рабочего движения будет умножать и поощрять попытки этой легализации, — попытки, исходящие главным образом от сторонников существующего строя, но отчасти и от самих рабочих и от либеральной интеллигенции. Знамя легализации уже выкинуто Васильевыми и Зубатовыми, содействие ей уже обещано и дано гг. Озеровыми и Вормсами, среди рабочих есть уже последователи нового течения. И мы не можем отныне не считаться с этим течением. Как считаться, — об этом среди социал-демократов вряд ли может быть два мнения. Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении и разъяснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительные, «гармонические» нотки, которые будут проскальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих, — все равно, берут ли они эти ноты в силу искреннего своего убеждения в желательности мирного сотрудничества классов, в силу ли желания подслужиться начальству или, наконец, просто по неловкости. Мы обязаны, наконец, предостерегать рабочих от той ловушки, которую им ставит зачастую полиция, высматривая «людей с огоньком» на этих открытых собраниях и в дозволенных обществах, пытаясь чрез посредство легальных организаций ввести провокаторов и в нелегальные.

Но делать все это — вовсе не значит забывать о том, что *в конце концов* легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым. Напротив, как раз своей обличительной кампанией мы и отделяем плевелы от пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница, это — привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это — освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.) и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации. В этом смысле мы можем и должны сказать Зубатовым и Озеровым: старайтесь, господа, старайтесь! Поскольку вы ставите рабочим ловушку (в смысле ли прямого провокаторства или в смысле «честного» развращения рабочих «струвизмом») — мы уже позаботимся о вашем разоблачении. Поскольку вы делаете действительный шаг вперед, — хотя бы в форме самого «робкого зигзага», но шаг вперед — мы скажем: сделайте одолжение! Действительным шагом вперед может быть только действительное, хотя бы миниатюрное,

расширение простора для рабочих. А всякое такое расширение послужит на пользу нам и ускорит появление таких легальных обществ, в которых не провокаторы будут ловить социалистов, а социалисты будут ловить себе адептов. Одним словом, наше дело теперь бороться с плевелами. Не наше дело растить в комнатных горшках пшеницу. Вырывая плевелы, мы тем самым очищаем почву для возможного прорастания семян пшеницы. И покуда Афанасии Ивановы с Пульхериями Ивановнами занимаются комнатным растениеводством, мы должны готовить жнецов, которые сумели бы и косить сегодняшние плевелы, и жать завтрашнюю пшеницу*.

Итак, посредством легализации *решать* вопрос о создании возможно менее конспиративной и возможно более широкой профессиональной организации *мы* не можем (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли нам хотя частичную возможность такого решения, — для чего нам следует как можно энергичнее воевать с ними!). Остается путь тайных профессиональных организаций, и *мы должны* оказать всяческое содействие рабочим, которые уже вступают (как нам доподлинно известно) на этот путь. Профессиональные организации не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным пособником политической агитации и революционной организации. Для того, чтобы достигнуть этого результата, для того, чтобы направить начинающееся профессиональное движение в желательное для социал-демократии русло, — необходимо прежде всего ясно представить себе нелепость того плана организации, с которым вот уже почти пять лет носятся петербургские «экономисты». План этот изложен и в «Уставе рабочей кассы» июля 1897 года («Лист. «Раб.»» № 9—10, стр. 46, — из № 1 «Раб. Мысли») и в «Уставе союзной рабочей организации» октября 1900 года (особый листок, печатанный в С.-Петербурге и упомянутый в № 1 «Искры»). Основной недостаток обоих уставов — детальное оформление широкой рабочей организации и смеше-

* Борьба «Искры» с плевелами вызвала со стороны «Раб. Дела» такую сердитую выходку: «Для «Искры» же знаменем времени служат не столько эти крупные события (весенние), как жалкие попытки зубатовских агентов «легализировать» рабочее движение. Она не видит, что эти факты именно и говорят против нее; они-то и свидетельствуют о том, что рабочее движение приняло очень угрожающие размеры в глазах правительства» («Два съезда», стр. 27). Виной всему — «догматизм» этих «глухих к властным велениям жизни» ортодоксов. Упорно не хотят видеть аршинной пшеницы и воюют с вершковыми плевелами! Это ли не «извращенное чувство перспективы по отношению к русскому рабочему движению» (там же, стр. 27)?

ние с этой последнею организации революционеров. Возьмем второй устав, как более разработанный. Корпус его состоит из *пятидесяти двух* параграфов: 23 параграфа излагают устройство, порядок ведения дел и пределы ведомства «рабочих кружков», устраиваемых на каждой фабрике («не более 10 человек») и выбирающих «центральные (фабричные) группы». «Центральная группа — гласит § 2 — следит за всем, что происходит на ее фабрике или заводе, и ведет хронику событий на нем». «Центральная группа ежемесячно дает отчет всем плательщикам о состоянии кассы» (§ 17) и т. п. 10 параграфов посвящены «районной организации» и 19 — крайне сложному сплетению «Комитета рабочей организации» и «Комитета СПб. Союза борьбы» (выборные от каждого района и от «исполнительных групп» — «групп пропагандистов, для сношения с провинцией, для сношения с заграницей, для заведования складами, издательской, кассовой»).

Социал-демократия = «исполнительные группы» по отношению к экономической борьбе рабочих! Трудно было бы рельефнее продемонстрировать, как сбивается мысль «экономиста» с социал-демократизма на тред-юнионизм, как чуждо ему всякое представление о том, что социал-демократ должен прежде всего думать об организации революционеров, способных руководить *всей* освободительной борьбой пролетариата. Говорить о «политическом освобождении рабочего класса», о борьбе с «царским произволом» — и писать такие уставы организации значит не иметь ровно никакого понятия о настоящих политических задачах социал-демократии. Ни единый из полусотни параграфов не обнаруживает и проблеска понимания того, что необходима самая широкая политическая агитация в массах, освещающая все стороны русского абсолютизма, весь облик разных общественных классов в России. Да и не только политические, даже тред-юнионистские цели неосуществимы при таком уставе, ибо они требуют организации *по профессиям*, о которой вовсе и не упоминается.

Но едва ли не всего более характерна поразительная тяжеловесность всей этой «системы», пытающейся связать каждую отдельную фабрику с «комитетом» постоянной нитью единообразных и до смешного мелочных правил, при трехстепенной системе выборов. Сдавленная узким кругозором «экономизма», мысль ударяется здесь в детали, от которых так и отдает волокитой и канцелярщиной. На деле, конечно, три четверти всех этих параграфов никогда не применяются, но зато жандармам такая «конспиративная» организация с центральной группой на каждой фабрике облегчает устройство

неимоверно широких провалов. Польские товарищи пережили уже такую полосу движения, когда все увлекались широким основанием рабочих касс, но они очень скоро отказались от этой мысли, убедившись, что доставляют только обильную жатву жандармам. Если мы хотим широких рабочих организаций и не хотим широких провалов, не хотим доставлять удовольствия жандармам, то мы должны стремиться к тому, чтобы эти организации были совершенно не оформлены. — Возможно ли будет тогда функционирование их? — А вот посмотрите на эти функции: «...следить за всем, что происходит на фабрике, и вести хронику событий на ней» (§ 2 устава). Неужели это непременно нужно оформливать? Неужели это не может быть еще лучше достигнуто корреспонденциями в нелегальные газеты без всякого образования для этого особых групп? «...Руководить борьбой рабочих за улучшение их положения на заводе» (§ 3 устава). Опять не к чему оформливать. Какие требования хотят выдвинуть рабочие, это всякий мало-мальски толковый агитатор выведает досконально из простой беседы, а выведав, сумеет передать в узкую уже, а не широкую, организацию революционеров для доставки соответствующего листка. «...Организовать кассу... со взносом по 2 коп. с рубля» (§ 9) — и затем ежемесячно давать всем отчет о кассе (§ 17), исключать неплатящих членов (§ 10) и т. п. Вот это для полиции прямо рай, потому что ничего нет легче проникнуть во всю эту конспирацию «центральной фабричной кассы» и деньги конфисковать и всех лучших людей убрать. Не проще ли пускать копеечные или двухкопеечные марки со штемпелем известной (очень узкой и очень конспиративной) организации, или без всяких марок делать сборы, отчеты по которым печатает, с известным условным паролем, нелегальная газета? Цель будет достигнута та же, а жандармы во сто раз труднее доберутся тогда до нитей.

Я мог бы продолжать свой примерный разбор устава, но думаю, что и сказанного довольно. Маленькое, тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющее доверенных людей в главных районах и связанное, по всем правилам строжайшей конспирации, с организацией революционеров, вполне сможет выполнить, при самом широком содействии массы и без всякого оформления, все функции, которые лежат на профессиональной организации, и кроме того выполнить именно так, как это желательно для социал-демократии. Только таким путем и можно достигнуть *упрочения* и развития, вопреки всем жандармам, *социал-демократического профессионального движения*.

Мне возразят: организация до такой степени *lose**, что она и вовсе не оформлена, что в ней и членов-то даже, заведомых и зарегистрированных, никаких нет, не может быть и названа организацией. — Может быть. Я за названием не гонюсь. Но все, что нужно, эта «организация без членов» сделает и обеспечит с самого начала прочную связь наших будущих тред-юнионов с социализмом. А кто хочет *широкой* организации рабочих с выборами, отчетами, всеобщими голосованиями и пр. при абсолютизме, — тот просто несправимый утопист.

Мораль отсюда простая: если мы начнем с прочной постановки крепкой организации революционеров, то мы сможем обеспечить устойчивость движения в его целом, осуществить и социал-демократические и собственно тред-юнионистские цели. Если же мы начнем с наиболее якобы «доступной» массе (а на деле с наиболее доступной жандармам и делающей революционеров наиболее доступными полиции) широкой рабочей организации, то мы ни тех, ни других целей не осуществим, от кустарничества не избавимся и своей раздробленностью, своей вечной разгромленностью будем только делать наиболее доступными массе тред-юнионы зубатовского или озеровского типа.

В чем же собственно должны состоять функции этой организации революционеров? — Об этом мы сейчас подробно побеседуем. Но сначала разберем еще одно весьма типичное рассуждение нашего террориста, который опять-таки оказывается (печальная его судьба!) в ближайшем соседстве с «экономистом». В журнале для рабочих «Свобода» (№ 1) есть статья «Организация», автор которой хочет защитить своих знакомых, иваново-вознесенских рабочих-«экономистов».

«Плохо, — пишет он, — когда толпа безмолвна, бессознательна, когда движение идет не с низов. Вот посмотрите: студенты из университетского города разъезжаются на праздники или на лето по домам — и рабочее движение приостанавливается. Разве такое рабочее движение, подталкиваемое со стороны, может быть действительной силой? Куда там... Оно еще не выучилось ходить своими ногами, и его водят на помочах. И так во всем: студенты разъехались — остановка; выхватили наиболее способных из сливок — молоко закисло; арестовали «Комитет» — пока-то устроится новый, опять затишье; да неизвестно еще, какой устроится — может быть, совсем непохожий на прежний: тот говорил одно, а этот скажет обратное. Связь между вчерашним и завтрашним днем теряется, опыт прошлого не в поученье будущему. И все оттого, что нет корней в глубине, в толпе, работает не сотня дураков, а десяток умников.

* — свободная, широкая. *Ред.*

Десяток всегда можно выловить щучьим хайлом, но, раз организация охватывает толпу, все идет от толпы, — ничье усердие не в состоянии погубить дела» (63 стр.).

Факты описаны верно. Картинка нашего кустарничества недурная. Но выводы — достойные «Рабочей Мысли» и по их неразумности, и по их политической бестактности. Это — верх неразумия, ибо автор смешивает философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения в «глубине» с технически-организационным вопросом о лучшей борьбе с жандармами. Это — верх политической бестактности, ибо вместо того, чтобы апеллировать от плохих руководителей к хорошим руководителям, автор апеллирует от руководителей вообще к «толпе». Это — такая же попытка тащить нас назад в организационном отношении, как в политическом отношении тащит назад мысль о замене политической агитации эксцессивным террором. Я, право, испытываю настоящий *embarras de richesses* *, не зная, с чего начать разбор преподносимой нам «Свободою» путаницы. Попробую начать, для наглядности, с примера. Возьмите немцев. Надеюсь, вы не станете отрицать, что у них организация охватывает толпу, все идет от толпы, рабочее движение научилось ходить своими ногами? А между тем как умеет эта миллионная толпа ценить «десяток» своих испытанных политических вождей, как крепко держится она за них! В парламенте бывало не раз, что депутаты враждебных партий дразнили социалистов: «хороши демократы! на словах только у вас движение рабочего класса, — а на деле выступает все та же компания вожаков. Все тот же Бебель, все тот же Либкнехт из года в год, из десятилетия в десятилетие. Да ваши якобы-выборные делегаты от рабочих более несменяемы, чем назначаемые императором чиновники!» Но немцы встречали только презрительной усмешкой эти демагогические попытки противопоставить «вожакам» «толпу», разжечь в последней дурные и тщеславные инстинкты, отнять у движения его прочность и его устойчивость посредством подрыва доверия массы к «десятку умников». У немцев достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политического опыта, чтобы понимать, что без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса. Немцы выдвигали и в своей среде демагогов, которые льстили «сотням дураков», превознося их над

* — затруднение от избытка. *Ред.*

«десятками умников», льстили «мускулисту кулаку» массы, возбуждая ее (подобно Мосту или Гассельману) на необдуманно «революционные» действия и поселяя недоверие к выдержанным и стойким вождям. И только благодаря неуклонной и непримиримой борьбе со всеми и всяческими демагогическими элементами внутри социализма так вырос и окреп немецкий социализм. А наши мудрецы в такой период, когда весь кризис русской социал-демократии объясняется тем, что у стихийно пробужденных масс не оказывается налицо достаточно подготовленных, развитых и опытных руководителей, вещают с глубокомыслием Иванушки: «плохо, когда движение идет не с низов»!

«Комитет из студентов не годится, он неустойчив». — Совершенно справедливо. Но отсюда вывод тот, что нужен комитет из профессиональных *революционеров*, все равно, студент ли или рабочий сумеет выработать из себя профессионального революционера. А вы делаете вывод тот, что не след подталкивать рабочее движение со стороны! По своей политической наивности вы и не замечаете, что играете этим на руку нашим «экономистам» и нашему кустарничеству. В чем это выражалось, позвольте спросить, «подталкивание» наших рабочих нашими студентами? *Единственно* в том, что студент нес рабочему те обрывки политического знания, которые у него были, те крохи социалистических идей, которые ему перепали (ибо главная умственная пища современного студента — легальный марксизм и не мог дать ничего кроме азбуки, кроме крох). *Этакого-то* «подталкивания со стороны» не слишком много, а, наоборот, слишком мало, безбожно и бессовестно мало было в нашем движении, ибо мы чересчур усердно варились в собственном соку, чересчур рабски преклонялись пред элементарной «экономической борьбой рабочих с хозяевами и с правительством». *Этаким-то* «подталкиванием» во сто раз больше должны заниматься и будем заниматься мы, революционеры по профессии. Но именно тем, что вы выбираете такое гнусное слово, как «подталкивание со стороны», которое неизбежно вызывает у рабочего (по крайней мере, у рабочего, столь же неразвитого, как неразвиты вы) недоверие ко *всем*, кто несет ему со стороны политическое знание и революционный опыт, вызывает инстинктивное желание дать отпор *всем* таким людям, — вы оказываетесь *демагогом*, а демагоги худшие враги рабочего класса.

Да, да! Не спешите поднимать вопль по поводу «нетоварищеских приемов» моей полемики! Я и не думаю заподозривать чистоту ваших намерений, я уже сказал, что демагогом можно сделаться и в силу одной только политической

наивности. Но я показал, что вы опустились до демагогии. И я никогда не устану повторять, что демагоги худшие враги рабочего класса. Худшие именно потому, что они разжигают дурные инстинкты толпы, что неразвитым рабочим невозможно распознать этих врагов, выступающих и иногда искренне выступающих в качестве их друзей. Худшие — потому, что в период разброда и шатания, в период, когда только еще складывается физиономия нашего движения, нет ничего легче, как демагогически увлечь толпу, которую потом только самые горькие испытания смогут убедить в ее ошибке. Вот почему лозунгом момента для современного русского социал-демократа должна быть решительная борьба и против опускающейся до демагогии «Свободы» и против опускающегося до демагогии «Рабочего Дела» (о чем еще подробно будет говорено * ниже).

«Десяток умников легче выловить, чем сотню дураков». Эта великолепная истина (за преподнесение которой вам всегда будет аплодировать сотня дураков) кажется самоочевидной только благодаря тому, что вы во время хода рассуждения перескочили с одного вопроса на другой. Вы начали говорить и продолжаете говорить о вылавливании «комитета», о вылавливании «организации», а теперь перескочили на вопрос о вылавливании «корней» движения «в глубине». Конечно, наше движение неуловимо только потому, что оно имеет сотни и сотни тысяч корней в глубине, но речь-то ведь идет совсем не об этом. В смысле «корней в глубине» нас не могут «выловить» и теперь, несмотря на все наше кустарничество, и тем не менее все мы жалуемся и не можем не жаловаться на вылавливание «*организаций*», разрушающее всякую преемственность движения. А раз вы поставите вопрос о вылавливании *организаций* и не будете сбиваться с него, то я вам скажу, что десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков. И я буду защищать это положение, сколько бы вы ни науськивали на меня толпу за мой «антидемократизм» и т. п. Под «умниками» в отношении организационном надо разуметь только, как я уже не раз указывал, *профессиональных революционеров*, все равно — из студентов или из рабочих они выработаются. И вот я утверждаю: 1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руко-

* Здесь же заметим только, что все сказанное нами по поводу «подталкивания со стороны» и всех дальнейших рассуждений «Свободы» об организации *целиком* относится ко *всем* «экономистам» и «рабочеделенцам» в том числе, ибо они частью активно проповедовали и защищали те же взгляды на вопросы организации, частью сбивались на них.

водителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); 3) что такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более мы *сузим* состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию, и — 5) — тем *шире* будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем.

Предлагаю нашим «экономистам», террористам и «экономистам-террористам»* опровергнуть эти положения, из которых я останавлиюсь сейчас на двух последних. Вопрос о легкости выловить «десяток умников» и «сотню дураков» сводится к разобранному выше вопросу о том, возможна ли массовая *организация* при необходимости строжайшей конспирации. Широкую организацию мы никогда не сможем поставить на ту конспиративную высоту, без которой не может быть и речи об устойчивой и хранящей преемственность борьбе с правительством. И сосредоточение всех конспиративных функций в руках возможно небольшого числа профессиональных революционеров вовсе не означает, что эти последние будут «думать за всех», что толпа не будет принимать деятельного участия в *движении*. Напротив, эти профессиональные революционеры будут выдвигаться толпой все в большем числе, ибо толпа будет тогда знать, что недостаточно собраться несколькими студентам и ведущим экономическую борьбу

* Этот термин, может быть, более правилен по отношению к «Свободе», чем предыдущий, ибо в «Возрождении революционизма» защищается терроризм, а в разбираемой статье — «экономизм». Охота смертная, да участь горькая! — можно вообще сказать про «Свободу». Самые хорошие задатки и самые лучшие намерения — и путаница в результате, путаница главным образом благодаря тому, что, защищая преемственность организации, «Свобода» не хочет знать преемственности революционной мысли и социал-демократической теории. Стараться опять вызвать к жизни профессионального революционера («Возр. рев.») и предлагать для этого, во-первых, экситативный террор, а во-вторых, «организацию рабочих-середняков» («Свобода» № 1, стр. 66 и сл.), поменьше «подталкиваемых со стороны», — это значит, поистине, для согревания своего жилища ломать на дрова это самое жилище.

рабочим, чтобы составить «комитет», а что необходимо годами выработать из себя профессионального революционера, и толпа будет «думать» не об одном только кустарничестве, а именно о такой выработке. Централизация конспиративных функций *организации* вовсе не означает централизации всех функций *движения*. Активное участие самой широкой массы в нелегальной литературе не уменьшится, а вдесятеро *усилится* оттого, что «десяток» профессиональных революционеров централизует конспиративные функции этого дела. Так и только так мы добьемся того, что чтение нелегальной литературы, сотрудничество в ней, отчасти даже и распространение ее *почти перестанут быть конспиративным делом*, ибо полиция скоро поймет нелепость и невозможность судебной и административной волокиты по поводу каждого экземпляра из разбрасываемых тысячами изданий. И это относится не только к печати, а и ко всем функциям движения, вплоть до демонстрации. Самое активное и самое широкое участие в ней массы не только не страдает, а, напротив, много выиграет от того, что «десяток» испытанных, профессионально-вышколенных не менее нашей полиции, революционеров централизует все конспиративные стороны дела, подготовку листов, выработку приблизительного плана, назначение отряда руководителей для каждого района города, для каждого фабричного квартала, для каждого учебного заведения и т. п. (я знаю, мне возразят о «недемократичности» моих воззрений, но я отвечу на это, совсем неумное, возражение подробно ниже). Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во всех других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в *самом широком* числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно *смешивать* их с организацией революционеров, стирать грань между ними, угащать в массе и без того невероятно потускневшее сознание того, что для «обслуживания» массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и что такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров.

Да, это сознание невероятно потускнело. Основной наш грех в организационном отношении — что *мы своим кустарничеством уронили престиж революционера на Руси*. Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря тред-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве, — борьбе с политической полицией, — помилуйте! это — не революционер, а какой-то жалкий кустарь.

Пусть не обижается на меня за это резкое слово ни один практик, ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе. Я работал в кружке¹⁷⁷, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, — и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию! И чем чаще мне с тех пор приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накоплялось горечи против тех лжесоциал-демократов, которые своей проповедью «позорят революционера сан», которые не понимают того, что наша задача — не защищать принижение революционера до кустаря, а *поднимать* кустарей до революционеров.

г) РАЗМАХ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Мы слышали выше от Б—ва «о том недостатке годных к действию революционных сил, который ощущается не только в Петербурге, но и по всей России». И вряд ли кто станет оспаривать этот факт. Но вопрос в том, как объяснить его? Б—в пишет:

«Мы не будем вдаваться в выяснение исторических причин этого явления; скажем только, что общество, деморализованное продолжительной политической реакцией и разрозненное совершившимися и совершающимися экономическими изменениями, выделяет из своей среды *крайне малое число лиц, годных к революционной работе*; что рабочий класс, выделяя революционеров-рабочих, отчасти пополняет ряды нелегальных организаций, — но что число таких революционеров не отвечает потребностям времени. Тем более, что рабочий, занятый на фабрике 11½ часов, по своему положению может исполнять преимущественно функции агитатора; пропаганда же и организация, доставка и воспроизведение нелегальной

литературы, выпуск прокламаций и т. д. поневоле главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы» («Р. Дело» № 6, с. 38—39).

Мы во многом не согласны с этим мнением Б—ва и особенно не согласны с подчеркнутыми нами словами, которые особенно рельефно показывают, что, исстрадавшись (как и всякий сколько-нибудь думавший практик) от нашего кустарничества, Б—в не может, вследствие его придавленности «экономизмом», нащупать выход из невыносимого положения. Нет, общество выделяет крайне *много* лиц, годных для «дела», но мы не умеем утилизировать всех их. Критическое, переходное состояние нашего движения в рассматриваемом отношении можно формулировать словами: *людей нет и — людей масса*. Людей масса, потому что и рабочий класс и все более и более разнообразные слои общества выделяют с каждым годом все больше и больше недовольных, желающих протестовать, готовых оказать посильное содействие борьбе с абсолютизмом, невыносимость которого еще не всеми сознается, но все более широкой массой и все острее ощущается. И в то же время людей нет, потому что нет руководителей, нет политических вождей, нет организаторских талантов, способных поставить такую широкую и в то же время единую и стройную работу, которая бы давала применение каждой, хотя бы самой незначительной силе. «Рост и развитие революционных организаций» отстает не только от роста рабочего движения, что признает и Б—в, но и от роста общедемократического движения во всех слоях народа. (Впрочем, в настоящее время, вероятно, Б—в признал бы и это дополнением к его выводу.) Размах революционной работы слишком узок сравнительно с широким стихийным базисом движения, слишком придавлен убогой теорией «экономической борьбы с хозяевами и с правительством». А между тем в настоящее время не только политические агитаторы, но и организаторы-социал-демократы должны «идти во все классы населения» *. И вряд ли хоть один практик усомнится в том, что социал-демократы могли бы распределить тысячи дробных функций своей организационной работы между отдельными представителями самых различных классов. Недостаток специализации — один из самых крупных недостатков нашей

* Например, в военной среде в последнее время замечается несомненное оживление демократического духа, отчасти вследствие учащающихся случаев уличной борьбы против таких «врагов», как рабочие и студенты. И, как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию.

техники, на который так горько и так справедливо жалуется Б—в. Чем мельче будут отдельные «операции» общего дела, тем больше можно найти лиц, способных к выполнению таких операций (и совершенно неспособных в большинстве случаев к тому, чтобы стать профессиональными революционерами), и тем труднее для полиции «выловить» всех этих «детальных работников», тем труднее для нее смастерить из поимки человека на какой-либо мелочи «дело», окупающее расходы казны на «охрану». А что касается числа готовых оказывать нам содействие лиц, то мы уже и в предыдущей главе указывали на гигантскую перемену, происшедшую в этом отношении за каких-нибудь пять лет. Но, с другой стороны, и для того, чтобы собрать воедино все эти мелкие дробы, и для того, чтобы не раздробить вместе с функциями движения самого движения, и для того, чтобы внушить исполнителю мелких функций ту веру в необходимость и значение его работы, без которой он никогда и не будет работать* — для всего этого необходима именно крепкая организация испытанных революционеров. При такой организации вера в силу партии укрепитя тем более и распространится тем шире, чем конспиративнее будет эта организация, — а ведь на войне, известное дело, важнее всего внушить веру в свои силы не только своей армии, но и неприятелю и всем *нейтральным* элементам; дружественный нейтралитет может иногда решить дело. При такой организации, стоящей на твердом теоретическом базисе и располагающей социал-демократическим органом, нечего будет бояться того, что движение собьют с пути многочисленные, привлеченные к нему, «сторонние» элементы (напротив, имен-

* Я помню, один товарищ передавал мне, как горько жаловался готовый помогать и помогавший социал-демократии фабричный инспектор на то, что он не знает, доходит ли его «информация» до настоящего революционного центра, насколько нужна его помощь и насколько имеется возможность утилизировать его маленькие и мелкие услуги. Всякий практик знает, конечно, не один подобный случай, когда наше кустарничество отнимало у нас союзников. А «мелкие» в отдельности и неоценимые в сумме услуги могли бы и стали бы нам оказывать служащие и чиновники не только по фабричной, но и по почтовой, железнодорожной, таможенной, дворянской, поповской и *всякой* другой части, вплоть даже до полицейской и придворной! Если бы у нас была уже настоящая партия, действительно боевая организация революционеров, мы не ставили бы ребром всех таких «пособников», не торопились бы всегда и безусловно втягивать их в самую сердцевину «нелегальщины», а, напротив, особенно берегли бы их, и даже специально подготавливали бы людей на такие функции, памятуя, что многие студенты могли бы больше пользы принести партии в качестве «пособников» — чиновников, чем в качестве «краткосрочных» революционеров. Но — повторяю еще раз — применять эту тактику вправе только вполне уже прочная организация, не испытывающая недостатка в активных силах.

но теперь, при господствующем кустарничестве, мы наблюдаем, как многие социал-демократы тянут по линии «Credo», воображая только себя социал-демократами). Одним словом, специализация необходимо предполагает централизацию и, в свою очередь, безусловно требует ее.

Но сам же Б—в, так прекрасно обрисовавший всю необходимость специализации, недостаточно оценивает ее, по нашему мнению, во второй части приведенного рассуждения. Число революционеров из рабочих недостаточно, говорит он. Это совершенно справедливо, и мы опять-таки подчеркиваем, что «ценное сообщение близкого наблюдателя» вполне подтверждает наш взгляд на причины современного кризиса в социал-демократии, а следовательно, и на средства исцеления от него. Не только вообще отстают революционеры от стихийного подъема масс, но даже и рабочие-революционеры отстают от стихийного подъема рабочих масс. А этот *факт* самым наглядным образом подтверждает, даже с «практической» точки зрения, не только нелепость, но и *политическую реакционность* той «педагогики», которою нас так часто угощают при обсуждении вопроса о наших обязанностях по отношению к рабочим. Этот факт свидетельствует, что самая первая, самая настоящая наша обязанность — содействие выработке рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне *в отношении партийной деятельности*, как и интеллигенты-революционеры (мы подчеркиваем слова: в отношении партийной деятельности, ибо в других отношениях достижение такого же уровня рабочими, хотя и необходимо, но далеко не так легко и не так настоятельно). Поэтому *главное* внимание должно быть обращено на то, чтобы *поднимать* рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы *опускаться* самим непременно до «рабочей массы», как хотят «экономисты», непременно до «рабочих-середняков», как хочет «Свобода» (поднимающаяся в этом отношении на вторую ступеньку экономической «педагогики»). Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих. Но меня возмущает это постоянное припутывание педагогики к вопросам политики, к вопросам организации. Ведь вы, господа радетели о «рабочем-середняке», в сущности, скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно *нагнуться*, прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации. Да говорите же вы о серьезных вещах выпрямившись, и предоставьте педагогию педагогам, а не политикам и не организаторам! Разве среди интеллигенции нет тоже передовиков,

«середняков» и «массы»? Разве для интеллигенции не признается также всеми необходимость популярной литературы и не пишется эта литература? Но представьте только себе, что в статье об организации студентов или гимназистов автор станет, как открытие какое-то, разжевывать, что нужна прежде всего организация «студентов-середняков». Такого автора наверное осмеют — и поделом. Да вы дайте нам, скажут ему, организационные идейки, ежели они у вас есть, а уж там мы сами разберем, кто из нас «середняк», кто выше и кто ниже. А ежели у вас *своих* организационных идей нет, — все ваши потуги насчет «массы» и «середняков» окажутся просто скучными. Поймите же, что самые уже вопросы о «политике», об «организации» настолько серьезны, что об них нельзя говорить иначе как вполне серьезно: можно и должно *подготавливать* рабочих (и студентов и гимназистов) к тому, чтобы с ними *можно было заговорить* об этих вопросах, но, раз уже вы заговорили о них, давайте настоящие ответы, не пятьтесь назад, к «середнякам» или к «массе», не отделяйтесь прибаутками или фразами*.

Рабочий-революционер для полной подготовки к своему делу тоже должен становиться профессиональным революционером. Поэтому не прав Б—в, когда он говорит, что так как рабочий занят на фабрике по 11½ часов, то остальные революционные функции (кроме агитации) «*поневоле* главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы». Вовсе это не «поневоле» так делается, а по нашей отсталости, потому что мы не сознаем своей обязанности помогать всякому выдающемуся по своим способностям рабочему превращаться в *профессионального* агитатора, организатора, пропагандиста, развозчика и пр. и пр. В этом отношении мы прямо позорно расхищаем свои силы, не умея беречь то, что надо особенно заботливо растить и выращивать. Посмотрите на немцев: у них во сто раз больше сил, чем у нас, но они прекрасно понимают, что действительно способные агитаторы и пр. выделяются «середняками» вовсе не слишком часто. Поэтому они тотчас же стараются поставить всякого способного рабочего в такие условия, при

* «Свобода» № 1, статья «Организация», стр. 66: «тяжелой поступью рабочая громада будет крепить все требования, которые выставятся от лица российского Труда», — непременно с большой буквы! И этот же автор восклицает: «я вовсе не отношусь враждебно к интеллигенции, но»... (это то самое *но*, которое Щедрин переводил словами: выше лба уши не растут!)... «но меня всегда страшно сердит, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей и требует, чтобы они были приняты за свою (его?) красоту и иные достоинства» (62). Да, меня это тоже «всегда страшно сердит»...

которых его способности могли бы получить полное развитие и полное применение: его делают профессиональным агитатором, его побуждают расширить поприще его деятельности, распространяя ее с одной фабрики на все ремесло, с одной местности на всю страну. Он приобретает опытность и ловкость в своей профессии, он расширяет свой кругозор и свои знания, он наблюдает бок о бок выдающихся политических вождей других местностей и других партий, он старается подняться сам на такую же высоту и соединить в себе знание рабочей среды и свежесть социалистических убеждений с той профессиональной выучкой, без которой пролетариат *не может* вести упорную борьбу с великолепно обученными рядами его врагов. Так и только так выдвигаются из рабочей массы Бебели и Ауэры. Но то, что в политически свободной стране делается в значительной степени само собою, то у нас должны систематически проводить наши организации. Сколько-нибудь талантливый и «подающий надежды» агитатор из рабочих *не должен* работать на фабрике по 11 часов. Мы должны позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии, чтобы он умел вовремя перейти на нелегальное положение, чтобы он переменил место своей деятельности, ибо иначе он не выработает большой опытности, не расширит своего кругозора, не сумеет продержаться несколько, по крайней мере, лет в борьбе с жандармами. Чем шире и глубже становится стихийный подъем рабочих масс, тем больше выдвигают они не только талантливых агитаторов, но и талантливых организаторов и пропагандистов и «практиков» в хорошем смысле (которых так мало среди нашей интеллигенции, большей частью немножко по-российски халатной и неповоротливой). Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом, разумеется, революционеров «всех родов оружия»), — тогда с этими отрядами не совладает никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс. И это — наша прямая вина, что мы слишком мало «подталкиваем» рабочих на эту общую им с «интеллигентами» дорогу профессионально-революционной выучки, слишком часто тащим их назад своими глупыми речами о том, что «доступно» рабочей массе, «рабочим-середнякам» и т. п.

В этих, как и в других, отношениях узкий размах организационной работы стоит в несомненной и неразрывной (хотя громадным большинством «экономистов» и начинающих практиков несознаваемой) связи с сужением нашей теории и

наших политических задач. Преклонение пред стихийностью вызывает какую-то боязнь хотя на шаг отойти от «доступного» массе, боязнь подняться слишком высоко над простым прислуживанием ближайшим и непосредственным запросам массы. Не бойтесь, господа! Помните, что мы стоим в организационном отношении так низко, что нелепа даже самая мысль о том, чтобы мы *могли* подняться *слишком* высоко!

д) «ЗАГОВОРЩИЧЕСКАЯ» ОРГАНИЗАЦИЯ И «ДЕМОКРАТИЗМ»

А есть среди нас очень много людей, которые так чутки к «голосу жизни», что всего больше боятся именно этого, обвиняя тех, кто держится излагаемых здесь взглядов, в «народовольчестве», в непонимании «демократизма» и проч. Приходится остановиться на этих обвинениях, которые подхватило, разумеется, и «Рабочее Дело».

Пишущему эти строки очень хорошо известно, что петербургские «экономисты» обвиняли в народовольчестве еще «Рабочую Газету» (что и понятно, если сравнить ее с «Раб. Мыслью»). Нас несколько не удивило поэтому, когда, вскоре после возникновения «Искры», один товарищ сообщил нам, что социал-демократы города X называют «Искру» «народовольческим» органом. Нам это обвинение, разумеется, было только лестно, ибо какого же порядочного социал-демократа не обвиняли «экономисты» в народовольчестве?

Вызываются эти обвинения недоразумениями двоякого рода. Во-первых, у нас так плохо знают историю революционного движения, что называют «народовольчеством» всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*, расколовшимися на чернопередельцев и народовольцев¹⁷⁸. Таким образом, видеть в боевой революционной организации что-либо специфически народовольческое нелепо и исторически и логически, ибо *всякое* революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации. Не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или

не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества. И только самое грубое непонимание марксизма (или «понимание» его в духе «струвизма») могло породить мнение, что возникновение массового, стихийного рабочего движения *избавляет* нас от обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров. Напротив, это движение именно *возлагает* на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не делается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров.

Во-вторых, многие — и в том числе, по-видимому, Б. Кричевский («Р. Д.» № 10, с. 18) — неправильно понимают ту полемику против «заговорщического» взгляда на политическую борьбу, которую вели всегда социал-демократы. Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против *сужения* политической борьбы до заговора*, но это, разумеется, вовсе не означало отрицание необходимости крепкой революционной организации. И, напр., в брошюре, названной в примечании, наряду с полемикой против сведения политической борьбы к заговору, обрисовывается (как социал-демократический идеал) организация, настолько крепкая, чтобы она могла «прибегнуть для нанесения решительного удара абсолютизму» и к «восстанию» и ко всякому «другому приему атаки»**. По своей *форме* такая крепкая революционная организация в самодержавной стране может быть названа и «заговорщической» организацией, ибо французское слово «конспирация» равносильно русскому «заговор», а конспиративность необходима для такой организации в максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и проч.) должны быть

* Ср. «Задачи русских социал-демократов», стр. 21, полемика против П. Л. Лаврова (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 459—460; 4 изд., том 2, стр. 316—317. *Ред.*).

** «Задачи рус. соц.-дем.», стр. 23 (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 461; 4 изд., том 2, стр. 318. *Ред.*). Кстати, вот еще одна иллюстрация того, что «Раб. Дело» либо не понимает того, что оно говорит, либо меняет свои взгляды «по ветру». В № 1 «Р. Дела» напечатано курсивом: «*изложенная суть брошюры совпадает целиком с редакционной программой «Рабочего Дела»*» (стр. 142). В самом деле? С «Задачами» совпадает воззрение, что массовому движению нельзя ставить первой задачей низвержение самодержавия? совпадает теория «экономической борьбы с хозяевами и с правительством»? совпадает теория стадий? Предлагаем читателю судить, может ли быть речь о принципиальной устойчивости органа, так оригинально понимающего «совпадение».

сообразованы с ним. Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию. Эти обвинения должны быть так же лестны для каждого врага «экономизма», как и обвинения в «народовольчестве».

Нам возразят: такая могучая и строго тайная организация, концентрирующая в своих руках все нити конспиративной деятельности, организация по необходимости централистическая, может слишком легко броситься в преждевременную атаку, может необдуманно обострить движение, раньше чем это можно и нужно по росту политического недовольства, по силе брожения и озлобления в рабочем классе и проч. Мы ответим на это: абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организация *может* повести на необдуманный бой, который *может* кончиться вовсе не необходимым при других условиях поражением. Но ограничиваться абстрактными соображениями в таком вопросе невозможно, ибо всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства *уменьшить* эту возможность, как организованная подготовка сражения. Если же мы поставим вопрос на конкретную почву современных русских условий, то придется сделать положительный вывод, что крепкая революционная организация безусловно необходима именно для того, чтобы придать устойчивость движению и *предохранить* его от возможности необдуманных атак. Именно теперь, при отсутствии такой организации и при быстром стихийном росте революционного движения, *наблюдаются уже* две противоположные крайности (которые, как им и полагается, «сходятся»): то совершенно несостоятельный «экономизм» и проповедь умеренности, то столь же несостоятельный «эксцитативный террор», стремящийся «в развивающемся и укрепляющемся, но еще находящемся ближе к началу, чем к концу, движении искусственно вызвать симптомы его конца» (В. З. в «Заре» № 2—3, с. 353). И пример «Раб. Дела» показывает, что *есть уже* социал-демократы, пасующие пред обеими крайностями. Такое явление неудивительно, помимо остальных причин, и потому, что «экономическая борьба с хозяевами и с правительством» *никогда* не удовлетворит революционера, и противоположные крайности всегда будут возникать то здесь, то там. Только централизованная боевая организация, выдержанно проводящая социал-демократическую политику и удовлетворяющая, так сказать, все революционные инстинкты и стремления, в состоянии предохранить движение от необдуманной атаки и подготовить обещающую успех атаку.

Нам возразят далее, что излагаемый взгляд на организацию противоречит «демократическому принципу». Насколько предыдущее обвинение специфически русского происхождения, настолько это — *специфически заграничного* характера. И только заграничная организация («Союз русских с.-д.») могла дать своей редакции, в числе прочих инструкций, следующую:

«Организационный принцип. В интересах успешного развития и объединения социал-демократии следует подчеркивать, развивать, бороться за широкий демократический принцип ее партийной организации, что особенно необходимо ввиду обнаруживавшихся в рядах нашей партии антидемократических тенденций» («Два съезда», стр. 18).

Как именно борется «Раб. Дело» с «антидемократическими тенденциями» «Искры», это мы увидим в следующей главе. А теперь присмотримся поближе к этому «принципу», выдвигаемому «экономистами». Всякий согласится, вероятно, что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и, во-вторых, выборность всех функций. Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации. Мы назовем демократической организацию немецкой социалистической партии, ибо в ней все делается открыто, вплоть до заседаний партийного съезда; но никто не назовет демократической организацией — такую, которая закрыта от всех не членов покровом тайны. Спрашивается, какой же смысл имеет выставление *«широкого демократического принципа»*, когда основное условие этого принципа *неисполнимо* для тайной организации? *«Широкий принцип»* оказывается просто звонкой, но пустой фразой. Мало того. Эта фраза свидетельствует о полном непонимании насущных задач момента в организационном отношении. Все знают, как велика господствующая у нас неконспиративность «широкой» массы революционеров. Мы видели, как горько жалуется на это Б—в, требующий совершенно справедливо «строгого выбора членов» («Р. Д.» № 6, стр. 42). И вот являются люди, хвастающиеся своим «чутьем к жизни», которые при таком положении дел *подчеркивают* не необходимость строжайшей конспирации и строжайшего (а след., более тесного) выбора членов, а — *«широкий демократический принцип»*! Это называется попасть пальцем в небо.

Не лучше обстоит дело и со вторым признаком демократизма, — с выборностью. В странах с политической свободой это условие подразумевается само собою. «Членом партии считается всякий, кто признает принципы партийной

программы и поддерживает партию по мере своих сил» — гласит первый параграф организационного устава немецкой социал-демократической партии. И так как вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра, то это признание или непризнание, поддержка или противодействие известны всем и каждому и из газет и из народных собраний. Все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами, — и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность *все* члены партии. Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! Мыслимо ли у нас, чтобы все, «кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил», контролировали каждый шаг революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер *обязан* в интересах работы скрывать от девяти десятых этих «всех», кто он такой? Вдумайтесь хоть немного в настоящее значение тех громких слов, с которыми выступает «Раб. Дело», и вы увидите, что «широкий демократизм» партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь *пустая и вредная игрушка*. Это — пустая игрушка, ибо на деле никогда никакая революционная организация *широкого* демократизма не проводила и не может проводить даже при всем своем желании. Это — вредная игрушка, ибо попытки проводить на деле «широкий демократический принцип» облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество, отвлекают мысль практиков от серьезной, настоящей задачи вырабатывать из себя профессиональных революционеров к составлению подробных «бумажных» уставов о системах выборов. Только за границей, где нередко собираются люди, не имеющие

возможности найти себе настоящего, живого дела, могла кое-где и особенно в разных мелких группах развиться эта «игра в демократизм».

Чтобы показать читателю всю неблаговидность излюбленного приема «Раб. Дела» выдвигать такой благовидный «принцип», как демократизм в революционном деле, мы сошлемся опять-таки на свидетеля. Свидетель этот — Е. Серебряков, редактор лондонского журнала «Накануне», — питает большую слабость к «Раб. Делу» и большую ненависть к Плеханову и «плехановцам»; в статьях по поводу раскола заграничного «Союза русских социал-демократов» «Накануне» решительно взяло сторону «Р. Дела» и обрушилось целой тучей жалких слов на Плеханова¹⁷⁹. Тем ценнее для нас этот свидетель по данному вопросу. В № 7 «Накануне» (июль 1899 г.), в статье: «По поводу воззвания Группы самоосвобождения рабочих» Е. Серебряков указывал на «неприличие» поднимать вопросы «о самообольщении, о главенстве, о так называемом ареопаге в серьезном революционном движении» и писал, между прочим:

«Мышкин, Рогачев, Желябов, Михайлов, Перовская, Фигнер и пр. никогда не считали себя вожаками, и никто их не выбирал и не назначал, хотя в действительности они были таковыми, ибо как в период пропаганды, так и в период борьбы с правительством они взяли на себя наибольшую тяжесть работы, шли в наиболее опасные места, и их деятельность была наиболее продуктивна. И главенство являлось не результатом их желаний, а доверия к их уму, к их энергии и преданности со стороны окружающих товарищей. Бояться же какого-то ареопага (а если не бояться, то зачем писать о нем), который может самовластно управлять движением, уже слишком наивно. Кто же его будет слушать?»

Мы спрашиваем читателя, чем отличается «ареопаг» от «антидемократических тенденций»? И не очевидно ли, что «благовидный» организационный принцип «Р. Дела» точно так же и наивен и неприличен, — наивен, потому что «ареопага» или людей с «антидемократическими тенденциями» никто просто не станет слушаться, раз не будет «доверия к их уму, энергии и преданности со стороны окружающих товарищей». Неприличен, — как демагогическая выходка, спекулирующая на тщеславие одних, на незнакомство с действительным состоянием нашего движения других, на неподготовленность и незнакомство с историей революционного движения третьих. Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, — обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами.

А это большее безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными: им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою *ответственность* чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами. Да и есть у нас довольно развитое, имеющее за собой целую историю, общественное мнение русской (и международной) революционной среды, карающее с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества (а ведь «демократизм», настоящий, не игрушечный демократизм входит, как часть в целое, в это понятие товарищества!). Примите все это во внимание — и вы поймете, какой затхлый запах заграничной игры в генеральство поднимается от этих разговоров и резолюций об «антидемократических тенденциях»!

Надо заметить еще, что другой источник таких разговоров, т. е. наивность, питается также смутностью представлений о том, что такое демократия. В книге супругов Вебб об английских тред-юнионах есть любопытная глава: «Примитивная демократия». Авторы рассказывают там, как английские рабочие в первый период существования их союзов считали необходимым признаком демократии, чтобы все делали всё по части управления союзами: не только все вопросы решались голосованием всех членов, но и должности отправлялись всеми членами по очереди. Нужен был долгий исторический опыт, чтобы рабочие поняли нелепость такого представления о демократии и необходимость представительных учреждений, с одной стороны, профессиональных должностных лиц, с другой. Нужно было несколько случаев финансового краха союзных касс, чтобы рабочие поняли, что вопрос о пропорциональном отношении платимых взносов и получаемых пособий не может быть решен одним только демократическим голосованием, а требует также голоса специалиста по страховому делу. Возьмите, далее, книгу Каутского о парламентаризме и народном законодательстве, — и вы увидите, что выводы теоретика-марксиста совпадают с уроком многолетней практики «стихийно» объединявшихся рабочих. Каутский решительно восстает против примитивного понимания демократии Риттингхаузенем, высмеивает

людей, готовых во имя ее требовать, чтобы «народные газеты прямо редактировались народом», доказывает необходимость профессиональных журналистов, парламентариев и пр. для социал-демократического руководства классовой борьбой пролетариата, нападает на «социализм анархистов и литераторов», в «погоне за эффектами» превозносящих прямое народное законодательство и не понимающих весьма условной применимости его в современном обществе.

Кто работал практически в нашем движении, тот знает, как широко распространено среди массы учащейся молодежи и рабочих «примитивное» воззрение на демократию. Неудивительно, что это воззрение проникает и в уставы и в литературу. «Экономисты» бернштейнианского толка писали в своем уставе: «§ 10. Все дела, касающиеся интересов всей союзной организации, решаются большинством голосов всех членов ее». «Экономисты» террористского толка вторят им: «необходимо, чтобы комитетские решения обходили все кружки и только тогда становились действительными решениями» («Свобода» № 1, с. 67). Заметьте, что это требование широко применять референдум выдвигается *сверх* требования построить на выборном начале *всю* организацию! Мы далеки от мысли, конечно, осуждать за это практиков, имевших слишком мало возможности познакомиться с теорией и практикой действительно демократических организаций. Но когда «Раб. Дело», которое претендует на руководящую роль, ограничивается при таких условиях резолюцией о широком демократическом принципе, то как же не назвать это простой «погоней за эффектом»?

е) МЕСТНАЯ И ОБЩЕРУССКАЯ РАБОТА

Если возражения против излагаемого здесь плана организации с точки зрения ее недемократизма и заговорщического характера совершенно неосновательны, то остается еще вопрос, очень часто выдвигаемый и заслуживающий подробного рассмотрения. Это вопрос о соотношении местной и общерусской работы. Высказывается опасение, не поведет ли образование централистической организации к перемещению центра тяжести с первой на вторую? не повредит ли это движению, ослабив прочность наших связей с рабочей массой и вообще устойчивость местной агитации? Мы ответим на это, что наше движение последних лет страдает как раз от того, что местные деятели чересчур поглощены местной работой; что поэтому несколько передвинуть центр тяжести на общерусскую работу безусловно необходимо; что такое

передвижение не ослабит, а укрепит и прочность наших связей и устойчивость нашей местной агитации. Возьмем вопрос о центральном и местных органах и попросим читателя не забывать, что газетное дело является для нас не более как *примером*, иллюстрирующим неизмеримо более широкое и разностороннее революционное дело вообще.

В первый период массового движения (1896—1898 гг.) делается местными деятелями попытка поставить общерусский орган — «Рабочую Газету»; в следующий период (1898—1900 гг.) — движение делает громадный шаг вперед, но внимание руководителей всецело поглощается местными органами. Если подсчитать вместе все эти местные органы, то окажется *, что приходится круглым счетом по одному номеру газеты в месяц. Разве это не наглядная иллюстрация нашего кустарничества? Разве это не показывает сочевидностью отсталости нашей революционной организации от стихийного подъема движения? Если бы *то же число* номеров газет было выпущено не раздробленными местными группами, а единой организацией, — мы не только сэкономили бы массу сил, но и обеспечили бы неизмеримо большую устойчивость и преемственность нашей работы. Это простое соображение слишком часто упускают из виду и те практики, которые *активно* работают почти исключительно над местными органами (к сожалению, в громадном большинстве случаев это и сейчас обстоит так), и те публицисты, которые проявляют в данном вопросе удивительное донкихотство. Практик довольствуется обыкновенно тем соображением, что местным деятелям «трудно» ** заняться постановкой общерусской газеты и что лучше местные газеты, чем никаких газет. Последнее, конечно, вполне справедливо, и мы не уступим никакому практику в признании громадного значения и громадной пользы местных газет *вообще*. Но ведь речь идет не об этом, а о том, нельзя ли избавиться от раздробленности и кустарничества, так наглядно выражающихся в 30 номерах местных газет по всей России за 2½ года. Не ограничивайтесь же бесспорным, но слишком общим положением о пользе местных газет вообще, а имейте также мужество открыто признать их отрицательные стороны, обнаруженные опытом двух с половиной лет. Этот опыт свидетельствует, что местные

* См. «Доклад Парижскому конгрессу» ¹⁸⁰, стр. 14: «С того времени (1897 г.) до весны 1900 года вышли в разных местах 30 номеров разных газет... В среднем появлялось больше одного номера в месяц».

** Трудность эта только кажущаяся. На самом деле *нет* такого местного кружка, который не имел бы возможности активно взяться за ту или иную функцию общерусского дела. «Не говори: не могу, а говори: не хочу».

газеты при наших условиях оказываются в большинстве случаев принципиально неустойчивыми, политически лишенными значения, в отношении расхода революционных сил — непомерно дорогими, в отношении техническом — совершенно неудовлетворительными (я имею в виду, разумеется, не технику печатания, а частоту и регулярность выхода). И все указанные недостатки — не случайность, а неизбежный результат той раздробленности, которая, с одной стороны, объясняет преобладание местных газет в рассматриваемый период, а с другой стороны, *поддерживается* этим преобладанием. Отдельной местной организации прямо-таки *не под силу* обеспечить принципиальную устойчивость своей газеты и поставить ее на высоту политического органа, *не под силу* собрать и использовать достаточный материал для освещения всей нашей политической жизни. А тот довод, которым защищают обыкновенно необходимость многочисленных местных газет в свободных странах — дешевизна их при печатании местными рабочими и большая полнота и быстрота информации местного населения — этот довод обращается у нас, как свидетельствует опыт, *против* местных газет. Они оказываются непомерно дорогими, в смысле расхода революционных сил, и *особенно* редко выходящими по той простой причине, что для *нелегальной* газеты, как бы она мала ни была, необходим такой громадный конспиративный аппарат, который требует фабричной крупной промышленности, ибо в кустарной мастерской и не изготовить этого аппарата. Прimitивность же конспиративного аппарата ведет сплошь и рядом к тому (всякий практик знает массу примеров такого рода), что полиция пользуется выходом и распространением одного-двух номеров для *массового* провала, сметающего все настолько чисто, что приходится начинать опять сначала. Хороший конспиративный аппарат требует хорошей профессиональной подготовки революционеров и последовательнейшим образом проведенного разделения труда, а оба эти требования совершенно неподсильны для отдельной местной организации, как бы сильна она в данную минуту ни была. Не говоря уже об общих интересах всего нашего движения (принципиально-выдержанное социалистическое и политическое воспитание рабочих), но и специально местные интересы *лучше обслуживаются не местными органами*: это кажется парадоксом только на первый взгляд, а на деле указанный нами опыт двух с половиной лет неопровержимо доказывает это. Всякий согласится, что если бы все те местные силы, которые выпустили 30 номеров газет, работали над одной газетой, то эта последняя легко дала бы 60, если не сто, номеров,

а следовательно, и полнее отразила бы все особенности движения чисто местного характера. Несомненно, что такая организованность нелегка, но надо же, чтобы мы сознали ее необходимость, чтобы каждый местный кружок думал и *активно работал* над ней, не ожидая толчка извне, не обольщаясь той доступностью, той близостью местного органа, которая — на основании данных нашего революционного опыта — оказывается в значительной степени призрачной.

И плохую услугу оказывают практической работе те, мнящие себя особенно близкими к практикам, публицисты, которые не видят этой призрачности и отделиваются удивительно-дешевым и удивительно-пустым рассуждением: нужны местные газеты, нужны районные газеты, нужны общерусские газеты. Конечно, все это, вообще говоря, нужно, но нужно ведь тоже и думать об условиях среды и момента, раз берешься за конкретный организационный вопрос. Разве это не донкихотство в самом деле, когда «Свобода» (№ 1, стр. 68), специально «останавливаясь на *вопросе о газете*», пишет: «Нам кажется, что во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих — должна быть своя собственная рабочая газета. Не привозная откуда-нибудь, а именно своя собственная». Если этот публицист не хочет думать о значении своих слов, то подумайте хоть вы за него, читатель: сколько в России десятков, если не сотен, «мало-мальски значительных мест скопления рабочих», и каким бы это было увековечением нашего кустарничества, если бы действительно всякая местная организация принялась за свою собственную газету! Как бы облегчила эта раздробленность задачу наших жандармов вылавливать — и притом без «мало-мальски значительного» труда — местных деятелей в самом начале их деятельности, не давая развиться из них настоящим революционерам! — В общероссийской газете — продолжает автор — не интересны были бы описания проделок фабрикантов и «мелочей фабричной жизни в разных, не своих городах», а «орловцу о своих орловских делах вовсе не скучно читать. Каждый раз он знает, кого «прохватили», кого «пробрали», и дух его играет» (стр. 69). Да, да, дух орловца играет, но слишком «играет» также и мысль нашего публициста. Тактична ли эта защита крохоборства? — вот о чем следовало бы ему подумать. Мы никому не уступим в признании необходимости и важности фабричных обличений, но надо же помнить, что мы дошли уже до того, что петербуржцам стало скучно читать петербургские корреспонденции петербургской газеты «Рабочая Мысль». Для фабричных обличений на местах у нас всегда были и *всегда должны будут*

остаться листки, — но тип газеты мы должны поднимать, а не принижать до фабричного листка. Для «газеты» нам нужны обличения не столько «мелочей», сколько крупных, типичных недостатков фабричной жизни, обличения, сделанные на примерах особенно рельефных и способные потому заинтересовать *всех* рабочих и всех руководителей движения, способные действительно обогатить их знания, расширить их кругозор, положить начало пробуждению нового района, нового профессионального слоя рабочих.

«Затем, в местной газете все проделки фабричного начальства, других ли властей можно схватывать сейчас же на горячем месте. А до газеты общей, далекой пока-то дойдет известие — на месте уже и позабыть успели о том, что случилось: «Когда, бишь, это — дай бог памяти!»» (там же). Вот именно: дай бог памяти! Изданные в 2½ года 30 номеров приходится, как мы узнаем из того же источника, на 6 городов. Это дает на один город в среднем *по номеру газеты в полгода!* И если даже наш легкомысленный публицист *утроит* в своем предположении производительность местной работы (что было бы безусловно неправильно по отношению к среднему городу, ибо в рамках кустарничества невозможно значительное расширение производительности), — то все-таки получим только по номеру в два месяца, т. е. нечто вовсе непохожее на «схватыванье на горячем месте». А между тем достаточно объединиться десяти местным организациям и отрядить своих делегатов на активные функции по оборудованию общей газеты, — и тогда можно было бы *по всей России* «схватывать» не мелочи, а действительно выдающиеся и типичные безобразия раз в две недели. В этом не усомнится никто, знакомый с положением дел в наших организациях. О поимке же врага на месте преступления, если понимать это серьезно, а не в смысле только красного словца, нечего и думать нелегальной газете вообще: это доступно только подметному листку, ибо предельный срок для такой поимки не превышает большей частью одного-двух дней (возьмите, например, обычную кратковременную стачку или фабричное побоище или демонстрацию и т. п.).

«Рабочий живет не только на фабрике, но и в городе», — продолжает наш автор, поднимаясь от частного к общему с такой строгой последовательностью, которая сделала бы честь самому Борису Кричевскому. И он указывает на вопросы о городских думах, городских больницах, городских школах, требуя, чтобы рабочая газета не обходила молчанием городские дела вообще. — Требование само по себе прекрасное, но иллюстрирующее особенно наглядно ту бессодержательную

абстрактность, которой слишком часто ограничиваются при рассуждении о местных газетах. Во-первых, если бы действительно «во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих» появились газеты с таким подробным городским отделом, как хочет «Свобода», то это неминуемо выродилось бы, при наших русских условиях, в настоящее крохоборство, повело бы к ослаблению сознания о важности общерусского революционного натиска на царское самодержавие, усилило бы очень живучие и скорее притаившиеся или придавленные, чем вырванные с корнем, ростки того направления, которое уже прославилось знаменитым изречением о революционерах, слишком много говорящих о несуществующем парламенте и слишком мало о существующих городских думах¹⁸¹. Мы говорим: неминуемо, подчеркивая этим, что «Свобода» заведомо не хочет этого, а хочет обратного. Но одних благих намерений недостаточно. — Для того, чтобы поставить освещение городских дел в надлежащую перспективу ко всей нашей работе, нужно *сначала*, чтобы эта перспектива была вполне выработана, твердо установлена не одними только рассуждениями, но и массой примеров, чтобы она приобрела уже прочность *традиции*. Этого у нас далеко еще нет, а нужно это именно *сначала*, прежде чем позволительно будет думать и толковать о широкой местной прессе.

Во-вторых, чтобы действительно хорошо и интересно написать о городских делах, надо хорошо и не по книжке только знать эти дела. А социал-демократов, обладающих этим знанием, почти совершенно нет *во всей России*. Чтобы писать в газете (а не в популярной брошюре) о городских и государственных делах, надо иметь свежий, разносторонний, умелым человеком собранный и обработанный материал. А для того, чтобы собирать и обрабатывать такой материал, недостаточна «примитивная демократия» примитивного кружка, в котором все делают всё и забавляются игрой в референдумы. Для этого необходим штаб специалистов-писателей, специалистов-корреспондентов, армия репортеров-социал-демократов, заводящих связи везде и повсюду, умеющих проникнуть во все и всяческие «государственные тайны» (которыми российский чиновник так важничает и которые он так легко разбалтывает), пролезть во всякие «закулисы», армия людей, обязанных «по должности» быть вездесущими и всезнающими. И мы, партия борьбы против *всякого* экономического, политического, социального, национального гнета, можем и должны найти, собрать, обучить, мобилизовать и двинуть в поход такую армию всезнающих людей, — но ведь это надо еще сделать! А у нас не только еще не сделано

в громадном большинстве местностей ни шагу в этом направлении, но нет даже сплошь да рядом и *сознания* необходимости сделать это. Поищите-ка в нашей социал-демократической прессе живых и интересных статей, корреспонденций и обличений наших дипломатических, военных, церковных, городских, финансовых и пр. и пр. дел и делишек: вы не найдете *почти ничего* или совсем мало*. Вот почему «меня всегда страшно сердит, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей» о необходимости «во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих» газет, обличающих и фабричные, и городские, и государственные безобразия!

Преобладание местной прессы над центральной есть признак либо скудости, либо роскоши. Скудости — когда движение не выработало еще сил для крупного производства, когда оно прозябает еще в кустарничестве и почти тонет в «мелочах фабричной жизни». Роскоши — когда движение *вполне осилило уже* задачу всесторонних обличений и всесторонней агитации, так что кроме центрального органа становятся необходимы многочисленные местные. Пусть решает уже каждый для себя, о чем свидетельствует преобладание местных газет у нас в настоящее время. Я же ограничусь точной формулировкой своего вывода, чтобы не подать повода к недоразумениям. До сих пор у нас большинство местных организаций думает почти исключительно о местных органах и почти только над ними активно работает. Это ненормально. Должно быть наоборот: чтобы большинство местных организаций думало главным образом об общерусском органе и главным образом над ним работало. До тех пор, пока не будет этого, мы не сумеем поставить *ни одной* газеты, сколько-нибудь способной действительно обслуживать движение *всесторонней* агитацией в печати. А когда это будет, — тогда нормальное отношение между необходимым центральным и необходимыми местными органами установится само собой.

* Вот почему даже пример исключительно хороших местных органов вполне подтверждает нашу точку зрения. Например, «Южный Рабочий»¹⁸² — прекрасная газета, совсем неповинная в принципиальной неустойчивости. Но то, что она хотела дать для местного движения, было не достигнуто благодаря редкому выходу и широким провалам. То, что всего более настоятельно для партии в данный момент, — принципиальная постановка коренных вопросов движения и всесторонняя политическая агитация, — оказалось не под силу местному органу. А то, что она давала особенно хорошего, вроде статей о съезде горнопромышленников, о безработице и т. п. — не представляло из себя строго местного материала и *требовалось для всей России*, а не для одного юга. Таких статей не было и во всей нашей социал-демократической прессе.

* * *

На первый взгляд может показаться, что к области специально-экономической борьбы неприменим вывод о необходимости передвинуть центр тяжести с местной на общерусскую работу: непосредственным врагом рабочих являются здесь отдельные предприниматели или группы их, не связанные организацией, хотя бы отдаленно напоминающей чисто военную, строго централистическую, руководимую до самых мелочей единой волей организацию русского правительства, нашего непосредственного врага в политической борьбе.

Но это не так. Экономическая борьба — мы уже много раз указывали на это — есть профессиональная борьба, и потому она требует объединения по профессиям рабочих, а не только по месту работы их. И это профессиональное объединение становится тем более настоятельно необходимым, чем быстрее идет вперед объединение наших предпринимателей во всякого рода общества и синдикаты. Наша раздробленность и наше кустарничество прямо мешают этому объединению, для которого необходима единая общерусская организация революционеров, способная взять на себя руководство общерусскими профессиональными союзами рабочих. Мы уже говорили выше о желательном типе организации для этой цели и теперь добавим только несколько слов в связи с вопросом о нашей прессе.

Что в каждой социал-демократической газете должен быть *отдел* профессиональной (экономической) борьбы, — это едва ли кем-нибудь подвергается сомнению. Но рост профессионального движения заставляет думать и о профессиональной прессе. Нам кажется, однако, что о профессиональных газетах в России, за редкими исключениями, пока не может быть и речи: это — роскошь, а у нас нет сплошь да рядом и хлеба насущного. Подходящей к условиям нелегальной работы и необходимой теперь уже формой профессиональной прессы должны были бы быть у нас *профессиональные брошюры*. В них следовало бы собирать и систематически группировать *легальный** и нелегальный материал по вопросу об условиях труда в данном промысле, о различии в этом

* Легальный материал особенно важен в этом отношении, и мы особенно отстали в умении систематически собирать и утилизировать его. Не будет преувеличением сказать, что по одному легальному материалу можно еще кое-как написать профессиональную брошюру, а по одному нелегальному — невозможно. Собирая нелегальный материал от рабочих по вопросам вроде изданных «Раб. Мыслью»¹⁸³, мы понапрасну тратим массу сил революционера (которого в этом легко заменил бы легальный деятель) и все-таки никогда не получаем хорошего материала, ибо рабочим, знаю-

отношении разных местностей в России, о главных требованиях рабочих данной профессии, о недостатках относящегося к ней законодательства, о выдающихся случаях экономической борьбы рабочих этого цеха, о зачатках, современном состоянии и нуждах их профессиональной организации и т. п. Такие брошюры, во-первых, избавили бы нашу социал-демократическую прессу от массы таких профессиональных подробностей, которые специально интересуют только рабочих данного ремесла; во-вторых, они фиксировали бы результаты нашего опыта в профессиональной борьбе, сохраняли бы собираемый материал, который теперь буквально теряется в массе листков и отрывочных корреспонденций, и обобщали этот материал; в-третьих, они могли бы служить своего рода руководством для агитаторов, ибо условия труда изменяются сравнительно медленно, основные требования рабочих данного ремесла чрезвычайно устойчивы (ср. требования ткачей московского района в 1885 г.¹⁸⁴ и петербургского в 1896 г.), и свод этих требований и нужд мог бы годами служить прекрасным пособием для экономической агитации в отсталых местностях или среди отсталых слоев рабочих; примеры успешных стачек в одном районе, данные о более высоком уровне жизни, о лучших условиях труда в одной местности поощряли бы и рабочих других местностей к новой и новой борьбе; в-четвертых, взяв на себя почин обобщения профессиональной борьбы и закрепив таким образом связь русского профессионального движения с социализмом, социал-демократия позаботилась бы в то же время о том, чтобы наша тред-юнионистская работа занимала не слишком малую и не слишком большую долю в общей сумме нашей социал-демократической работы. Местной организации, если она оторвана от организаций в других городах, очень трудно, иногда

щим сплошь да рядом только одно отделение большой фабрики и почти всегда знающим экономические результаты, а не общие условия и нормы своей работы, невозможно и приобрести таких знаний, какие есть у фабричных служащих, инспекторов, врачей и т. п. и какие в массе рассеяны в мелких газетных корреспонденциях и в специальных промышленных, санитарных, земских и пр. изданиях.

Как сейчас помню свой «первый опыт», которого бы я никогда не повторил. Я возился много недель, допрашивая «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но зато рабочий, бывало, вытирая пот, говорил под конец занятий с улыбкой: «мне легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать!».

Чем энергичнее будем мы вести революционную борьбу, тем больше вынуждено будет правительство легализовать часть «профессиональной» работы, снимая тем с нас часть нашего бремени,

даже почти невозможно бывает соблюсти при этом правильную пропорцию (и пример «Рабочей Мысли» показывает, до какого чудовищного преувеличения в сторону тред-юнионизма можно при этом доходить). Но общерусская организация революционеров, стоящая на неуклонной точке зрения марксизма, руководящая всей политической борьбой и располагающая штабом профессиональных агитаторов, никогда не затруднится в определении этой правильной пропорции.

V

«ПЛАН» ОБЩЕРУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ

«Самый крупный промах «Искры» в этом отношении», — пишет Б. Кричевский («Р. Д.» № 10, с. 30), обвиняя нас в тенденции «превратить теорию, путем ее изолирования от практики, в мертвую доктрину», — «ее «план» общепартийной организации» (т. е. статья «С чего начать?» *). И Мартынов вторит ему, заявляя, что «тенденция «Искры» умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей... увенчалась планом организации партии, который она предлагает в № 4 в статье «С чего начать?»» (там же, с. 61). Наконец, в самое последнее время к людям, возмущенным этим «планом» (кавычки должны выражать ироническое к нему отношение), присоединился и Л. Надеждин в только что полученной нами брошюре «Канун революции» (издание знакомой уже нам «революционно-социалистической группы» *Свобода*), где заявляется, что «говорить теперь об организации, тянувшейся нитками от общерусской газеты, — это плодить кабинетные мысли и кабинетную работу» (стр. 126), это — проявление «литературщины» и т. п.

Что наш террорист оказался солидарным с защитниками «поступательного хода серой текущей борьбы», — это не может нас удивить после того, как мы проследили корни этой близости в главах о политике и об организации. Но мы должны заметить теперь же, что Л. Надеждин, и один только он, попытался добросовестно вникнуть в ход мысли не понравившейся ему статьи, попытался ответить на нее по существу, — между тем как «Раб. Дело» не сказало ровно ничего по существу, а постаралось только запутать вопрос посредством целой кучи непристойных демагогических выходов. И, как это ни неприятно, приходится потратить время сначала на расчистку авгиевой конюшни¹⁸⁵.

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1—13; 4 изд., том 5, стр. 1—12. *Ред.*

а) КТО ОБИДЕЛСЯ ЗА СТАТЬЮ «С ЧЕГО НАЧАТЬ?»? *

Приведем букет тех выражений и восклицаний, с которыми обрушилось на нас «Раб. Дело». «Не газета может создать партийную организацию, а наоборот»... «Газета, стоящая *над* партией, *вне ее контроля* и независимая от нее благодаря собственной сети агентов»... «Каким чудом «Искра» забыла о фактически существующих социал-демократических организациях той партии, к которой она принадлежит?»... «Обладатели твердых принципов и соответственного плана являются и верховными регуляторами реальной борьбы партии, диктующими ей выполнение своего плана»... «План изгоняет наши живые и жизненные организации в царство теней и хочет вызвать к жизни фантастическую сеть агентов»... «Если бы план «Искры» был приведен в исполнение, он привел бы к полному вытравлению следов складывавшейся у нас Российской социал-демократической рабочей партии»... «Орган пропагандистский становится бесконтрольным, самодержавным законодателем всей практической революционной борьбы»... «Как должна отнестись наша партия к ее *полному* подчинению автономной редакции» и т. д. и т. д.

Как видит читатель из содержания и тона этих цитат, «Раб. Дело» *обиделось*. Но обиделось оно не за себя, а за организации и комитеты нашей партии, которых будто бы «Искра» хочет изгнать в царство теней и даже вытравить их следы. Какие ужасы, подумаешь! Странно только одно. Статья «С чего начать?» появилась в мае 1901 года, статьи «Р. Дела» — в сентябре 1901 года, теперь уже половина января 1902 года. За все эти 5 месяцев (и до сентября и после сентября) *ни один* комитет и *ни одна* организация партии не выступила с формальным протестом против этого чудища, которое хочет комитеты и организации изгнать в царство теней! А ведь за это время и в «Искре» и в массе других, местных и не местных, изданий появились десятки и сотни сообщений из всех концов России. Как это произошло, что те, кого хотят изгнать в царство теней, не заметили этого и не обиделись на это, — а обиделось третье лицо?

Произошло это оттого, что комитеты и другие организации заняты настоящим делом, а не игрой в «демократизм».

* В сборнике «За 12 лет» В. И. Ленин опустил параграф «а» пятой главы и дал следующее примечание: «Параграф «а) Кто обиделся за статью «С чего начать?»?» — опускается в настоящем издании, ибо он содержит исключительно полемику с «Раб. Дело» и Бундом по вопросу о попытках «Искры» «командовать» и т. п. В этом параграфе, между прочим, говорилось, что сам же Бунд приглашал (в 1898—1899 гг.) членов «Искры» возобновить ЦО партии и организовать «литературную лабораторию». *Ред.*

Комитеты прочли статью «С чего начать?», увидели, что это попытка «выработать известный план организации, чтобы к постройке ее могло быть приступлено со всех сторон», и так как они прекрасно знали и видели, что ни одна из этих «всех сторон» не подумает «приступить к постройке», пока не убедится в ее необходимости и верности архитектурного плана, то они, естественно, и не подумали «обижаться» за продерзость людей, сказавших в «Искре»: «Ввиду неотложной важности вопроса мы решаемся, с своей стороны, предложить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре»*. Неужели можно было, при добросовестном отношении к делу, не понять того, что если товарищи примут предложенный их вниманию план, то они будут проводить его не из «подчинения», а из убеждения в его необходимости для нашего общего дела, а если они не примут его, — то «набросок» (какое претенциозное слово, не правда ли?) так и останется простым наброском? Неужели это не демагогия, когда с наброском плана воюют не только тем, что «разносят» его и советуют товарищам отвергнуть этот план, — а тем, что науськивают малоопытных в революционном деле людей на авторов наброска за одно то, что они смеют «законодательствовать», выступать «верховными регуляторами», т. е. смеют предлагать набросок плана?? Может ли наша партия развиваться и идти вперед, если за попытку поднять местных деятелей до более широких взглядов, задач, планов и т. п. будут возражать не только с точки зрения неверности этих взглядов, а с точки зрения «обид» за то, что нас «хотят» «поднимать»? Ведь вот Л. Надеждин тоже «разнес» наш план, но до такой демагогии, которая уже не может быть объяснена одной наивностью или примитивностью политических взглядов, он не опустился, обвинение в «инспекторстве над партией» он отверг решительно и с самого начала. И потому Надеждину можно и должно на его критику плана ответить по существу, а «Раб. Делу» можно ответить только презрением.

Но презрение к унижающемуся до криков о «самодержавии» и «подчинении» писателю не избавляет еще нас от обязанности распутать ту путаницу, которая преподносится такими людьми читателю. И вот тут мы можем наглядно показать всем, какого пошиба эти ходячие фразы о «широком демократизме». Нас обвиняют в забвении комитетов, в желании или попытке изгнать их в царство теней и пр. Как ответить на эти обвинения, когда мы не можем рассказать

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 9; 4 изд., том 5, стр. 8. *Ред.*

читателю *почти ничего фактического* о наших действительных отношениях к комитетам, не можем по условиям конспирации? Люди, бросающие хлесткое и раздражающее толпу обвинение, оказываются впереди нас благодаря их развязности, благодаря их пренебрежительному отношению к обязанностям революционера, который тщательно скрывает от глаз света те отношения и связи, которые он имеет, которые он налаживает или пытается наладить. Понятно, что конкурировать на поприще «демократизма» с такими людьми мы раз навсегда отказываемся. Что же касается до непосвященного во все партийные дела читателя, то единственным средством исполнить свой долг по отношению к нему является рассказ не о том, что́ есть и что́ находится *im Werden**, а о *частичке* того, что было и о чем позволительно рассказывать, как о прошлом.

Бунд намекает на наше «самозванство»**, заграничный «Союз» обвиняет нас в попытке вытравить следы партии. Извольте, господа. Вы получите полное удовлетворение, когда мы расскажем публике *четыре факта* из прошлого¹⁸⁶.

Первый*** факт. Члены одного из «Союзов борьбы», принимавшие непосредственное участие в образовании нашей партии и в посылке делегата на партийный съезд, основавший ее, договариваются с одним из членов группы «Искры» об основании особой рабочей библиотеки для обслуживания нужд всего движения. Основать рабочую библиотеку не удастся, и написанные для нее брошюры «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон»**** попадают окольным путем и через третьих лиц за границу, где их и печатают.

Второй факт. Члены Центр. комитета Бунда обращаются к одному из членов группы «Искры» с предложением сорганизовать, как Бунд тогда выражался, «литературную лабораторию». Притом они указывают, что если это не удастся сделать, то наше движение может сильно пойти назад. Результатом переговоров является брошюра «Рабочее дело в России»*****.

* — в процессе становления, возникновения. *Ред.*

** «Искра» № 8, ответ Центрального комитета Всеобщего еврейского союза в России и Польше на нашу статью по национальному вопросу.

*** Мы размещаем эти факты нарочно не в том порядке, в каком они имели место.

**** См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 433—470 и 263—314; 4 изд., том 2, стр. 299—326 и 243—291. *Ред.*

***** Кстати, автор этой брошюры просит меня заявить, что она, как и прежние его брошюры, была послана в «Союз» при предположении, что редактором его изданий является группа «Освобождение труда» (в силу некоторых условий он в это время, т. е. в феврале 1899 г., не мог знать о перемене редакции). Брошюра эта будет скоро переиздана Лигой¹⁸⁷.

Третий факт. Центральный комитет Бунда чрез посредство одного провинциального городка обращается к одному из членов «Искры» с предложением принять на себя редакцию возобновляемой «Рабочей Газеты» и получает, конечно, согласие. Предложение затем изменяется: предлагают сотрудничество, ввиду новой комбинации с редакцией. И на это получается, разумеется, согласие. Посылаются статьи (которые удалось сохранить) — «Наша программа» — с прямым протестом против бернштейниады, поворота в легальной литературе и «Рабочей Мысли»; «Наша ближайшая задача» («организация правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии»; недостатки господствующего «кустарничества»); «Насущный вопрос» (разбор возражения, что надо *сначала* развить деятельность местных групп, прежде чем браться за постановку общего органа; настаивание на первостепенной важности «революционной организации» — на необходимости «довести организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства») *. Предложение возобновить «Рабочую Газету» не осуществляется, и статьи остаются не напечатанными.

Четвертый факт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщает члену группы «Искры» программу съезда и ставит кандидатуру этой группы на функцию редактирования возобновляемой «Рабочей Газеты». Его предварительный, так сказать, шаг санкционируется затем и тем комитетом, к которому он принадлежал, и Центр. комитетом Бунда; группа «Искры» получает указание о месте и времени съезда, но (неуверенная, можно ли ей будет, по некоторым причинам, послать делегата на этот съезд) составляет также письменный доклад съезду. В этом докладе проводится та мысль, что одним выбором Центрального Комитета мы не только не решим вопроса об объединении в такое время полного разброда, как переживаемое нами, но и рискуем компрометировать великую идею создания партии в случае нового быстрого и полного провала, который более чем вероятен при господствующей неконспиративности; что надо начать поэтому с приглашения всех комитетов и всех других организаций поддерживать возобновленный общий орган, который *реально* свяжет все комитеты *фактической* связью, *реально* подготовит группу руководителей всем движением, — а превратить такую созданную комитетами группу в ЦК комитеты и партия легко уже сумеют, раз такая

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 182—186, 187—192 и 193—198; 4 изд., том 4, стр. 190—194, 195—200 и 201—206. *Ред.*

группа вырастет и окрепнет. Съезд, однако, не осуществляется вследствие ряда провалов, и доклад по конспиративным соображениям уничтожается, будучи прочтен только несколькими товарищами, в том числе уполномоченными одного комитета.

Пусть теперь читатель сам судит о характере таких приемов, как намек на самозванство со стороны Бунда или как довод «Раб. Дела», что мы хотим изгнать комитеты в царство теней, «заменить» организацию партии организацией распространения идей одной газеты. Да именно комитетам, *по неоднократным приглашениям их*, и докладывали мы о необходимости принять определенный план общей работы. Именно для партийной организации разрабатывали мы этот план в статьях в «Рабочую Газету» и в докладе съезду партии, опять-таки по приглашению тех, кто занимал такое влиятельное положение в партии, что брал на себя инициативу ее (фактического) восстановления. И только после того, как окончились неудачей *двукратные* попытки партийной организации *вместе с нами* возобновить центральный орган партии *официально*, мы сочли своей прямой обязанностью выступить с органом *неофициальным* для того, чтобы при *третьей* попытке товарищи имели уже перед собою известные результаты *опыта*, а не одни гадательные предположения. В настоящее время некоторые результаты этого опыта находятся уже у всех перед глазами, и все товарищи могут судить, правильно ли мы понимали свою обязанность и что следует думать о людях, которые стараются ввести в заблуждение лиц, незнакомых с ближайшим прошлым, из досады на то, что мы доказывали одним — их непоследовательность в «национальном» вопросе, другим — непозволительность беспринципных шатаний.

6) МОЖЕТ ЛИ ГАЗЕТА БЫТЬ КОЛЛЕКТИВНЫМ ОРГАНИЗАТОРОМ?

Весь гвоздь статьи «С чего начать?» состоит в постановке *именно* этого вопроса и в утвердительном его решении. Единственную, известную нам, попытку разобрать этот вопрос по существу и доказать необходимость отрицательного его решения делает Л. Надеждин, доводы которого мы и воспроизведем целиком:

«...Нам очень нравится постановка в «Искре» (№ 4) вопроса о необходимости общерусской газеты, но мы никак не можем согласиться, чтобы эта постановка подходила под заглавие статьи: «С чего начать?». Это одно из дел, несомненно крайне важных, но не им, не целой серией популярных листков, не горою прокламаций может быть положено начало боевой организации для революционного момента. Необходимо приступить

к сильным политическим организациям на местах. У нас их нет, у нас шла главным образом работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу. *Если не воспитаются сильные политические организации на местах, что значит хотя бы и превосходно поставленная общерусская газета?* Неопалимая купина, сама горящая, не сгорающая, но и никого не зажигающая! Вокруг нее, в деле для нее соберется народ, сорганизуется — думает «Искра». *Да ему гораздо ближе собраться и сорганизоваться вокруг дела более конкретного!* Таким может и должна явиться широкая постановка местных газет, приготовление теперь же рабочих сил к демонстрациям, постоянная работа местных организаций среди безработных (неотступно распространять между ними листки и листовки, созывать их на собрания, на отпоры правительству и т. п.). Надо на местах завязать живую политическую работу, и когда явится необходимым объединение на этой реальной почве, — оно будет не искусственным, не бумажным, — не газетами достигается такое объединение местных работ в общерусское дело!» («Канун рев.», с. 54).

Мы подчеркивали те места этой красноречивой тирады, которые наиболее рельефно показывают и неправильность оценки автором нашего плана и неправильность его точки зрения вообще, противопоставляемой здесь «Искре». Если не воспитаются сильные политические организации на местах, — ничего не будет значить и превосходнейшая общерусская газета. — Совершенно справедливо. Но в том-то и суть, что *нет иного средства воспитать* сильные политические организации, как посредством общерусской газеты. Автор просмотрел самое существенное заявление «Искры», сделанное ею *до перехода* к изложению ее «плана»: необходим «призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением *не только по названию, но и на самом деле, т. е. быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки*, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя». Но принципиально-то с этим теперь, после февраля и марта, все согласятся — продолжает «Искра» — а нам нужно не принципиальное, а *практическое решение вопроса*, нужно немедленно выставить такой определенный план постройки, чтобы сейчас же *с разных сторон* все могли приняться за постройку. А нас опять от практического решения тащат назад — к принципиально верной, бесспорной, великой, но совершенно недостаточной, совершенно непонятной для широкой массы работающих истине: «воспитывать сильные политические организации!» Не об этом уже идет речь, почтенный автор, а о том, *как именно* воспитывать и воспитать надо!

Неверно, что «у нас шла главным образом работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу». В такой форме это положение

сбивается на обычное для «Свободы» и ошибочное в корне противопоставление интеллигентных рабочих «массе». У нас и интеллигентные-то рабочие в последние годы «почти что исключительно вели экономическую борьбу». Это с одной стороны. А с другой стороны, никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможем *воспитаться* руководителям этой борьбы и из интеллигентных рабочих, и из интеллигентов; воспитаться же такие руководители могут *исключительно* на систематической, текущей оценке *всех* сторон нашей политической жизни, *всех* попыток протеста и борьбы различных классов и по различным поводам. Поэтому говорить о «воспитании политических организаций» и в то же время *противопоставлять* «бумажное дело» политической газеты — «живой политической работе на местах» просто смешно! Да ведь «Искра» и подводит свой «план» газеты к «плану» выработать такую «боевую готовность», чтобы поддерживать и движение безработных, и крестьянские бунты, и недовольство земцев, и «возмущение населения против зарвавшегося царского башибузука» и проч. Ведь всякий знакомый с движением знает досконально, что об этом *даже и не думает* громадное большинство местных организаций, что многие из намечаемых здесь перспектив «живой политической работы» *ни разу еще* не проводились в жизни ни единой организацией, что попытка, напр., обратить внимание на рост недовольства и протеста в земской интеллигенции вызывает чувство растерянного недоумения и у Надеждина («господи, да не для земцев ли этот орган?», «Канун», с. 129), и у «экономистов» (№ 12 «Искры», письмо), и у многих практиков. При этих условиях «начать» можно *только* с того, чтобы побудить людей *думать* обо всем этом, побудить их суммировать и обобщать все и всяческие проблемски брожения и активной борьбы. «Живую политическую работу» можно *начать* в наше время принижения социал-демократических задач *исключительно* с живой политической агитации, невозможной без общерусской, часто выходящей и правильно распространяемой газеты.

Люди, усматривающие в «плане» «Искры» проявление «литературщины», не поняли совершенно самой сути плана, увидев цель в том, что выдвигается как наиболее подходящее в настоящий момент средство. Эти люди не дали себе труда подумать о двух сравнениях, которыми наглядно иллюстрировался предлагаемый план. Постановка общерусской политической газеты — говорилось в «Искре» — должна быть *основной нитью*, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию (т. е.

революционную организацию, всегда готовую к поддержке всякого протеста и всякой вспышки). Скажите, пожалуйста: когда каменщики кладут в разных местах камни громадной и совершенно невиданной постройки, — не «бумажное» ли это дело проведение нитки, помогающей находить правильное место для кладки, указывающей на конечную цель общей работы, дающей возможность пустить в ход не только каждый камень, но и каждый кусок камня, который, смыкаясь с предыдущими и последующими, возводит законченную и всеобъемлющую линию? И разве мы не переживаем как раз такого момента в нашей партийной жизни, когда у нас есть и камни и каменщики, а не хватает именно видимой для всех нити, за которую все могли бы взяться? Пусть кричат, что, протягивая нить, мы хотим командовать: если бы мы хотели командовать, господа, мы бы написали вместо «Искра № 1» — «Рабочая Газета № 3», как нам предлагали некоторые товарищи и как мы *имели бы полное право сделать* после тех событий, о которых было рассказано выше. Но мы не сделали этого: мы хотели оставить себе свободные руки для непримиримой борьбы со всякими лжесоциал-демократами; мы хотели, чтобы нашу нитку, ежели она проведена правильно, стали уважать за ее правильность, а не за то, что она проведена официальным органом.

«Вопрос объединения местной деятельности в центральных органах вертится в заколдованном кругу, — поучает нас Л. Надеждин, — для объединения требуется однородность элементов, а эта однородность сама может быть создана только чем-нибудь объединяющим, но это объединяющее может явиться продуктом сильных местных организаций, которые теперь отнюдь не отличаются однородным характером». Истина столь же почтенная и столь же бесспорная, как и та, что надо воспитывать сильные политические организации. Истина столь же, как и та, бесплодная. *Всякий* вопрос «вертится в заколдованном кругу», ибо вся политическая жизнь есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политика в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звеньишко, которое всего меньше может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звеньишка обладание всей цепью *. Будь у нас отряд опытных

* Товарищ Кричевский и товарищ Мартынов! Обращаю ваше внимание на это возмутительное проявление «самодержавия», «бесконтрольной авторитетности», «верховного регулирования» и пр. Помилуйте: хочет *обладать* всей цепью!! Пишите же скорее жалобу. Вот вам готовая тема для двух передовиц в № 12 «Рабочего Дела»!

каменщиков, настолько спевшихся, чтобы они и без нитки могли класть камни именно там, где нужно (это вовсе не невозможно, если говорить абстрактно), — тогда мы могли бы, пожалуй, взяться и за другое звеношко. Но в том-то и беда, что опытных и спевшихся каменщиков у нас еще нет, что камни сплошь да рядом кладутся совсем зря, кладутся не по общей нитке, а до того раздробленно, что неприятель сдувает их, как будто бы это были не камни, а песчинки.

Другое сравнение: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении *ее можно сравнить с лесами*, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом» *. Не правда ли, как это похоже на преувеличение своей роли литератором, человеком кабинетной работы? Леса для самого жилища вовсе не требуются, леса строятся из худшего материала, леса возводятся на небольшой срок и выкидываются в печку, раз только здание хотя бы вчерне закончено. Относительно построек революционных организаций опыт свидетельствует, что их и без лесов удастся иногда построить — возьмите семидесятые годы. Но теперь у нас и представить себе нельзя возможности возвести без лесов необходимую для нас постройку.

Надеждин не соглашается с этим и говорит: «вокруг газеты, в деле для нее соберется народ, сорганизуется — думает «Искра». *Да ему гораздо ближе собраться и сорганизоваться вокруг дела более конкретного!*» Так, так: «гораздо ближе вокруг более конкретного»... Русская пословица говорит: не плюй в колодец, — пригодится воды напиться. Но есть люди, что не прочь напиться и из такого колодца, в который уже наплевано. До каких только гадостей не договорились наши великолепные легальные «критики марксизма» и нелегальные поклонники «Рабочей Мысли» во имя этой большей конкретности! Как придавлено все наше движение нашей узостью, безынициативностью и робостью, оправдываемой традиционными доводами «гораздо ближе вокруг более конкретного!» И Надеждин, — считающий себя особенно чутким к «жизни», осуждающий особенно строго «кабинетных» людей,

* Мартынов, приведя в «Р. Деле» первую фразу этой цитаты (№ 10, с. 62), опустил именно вторую фразу, как бы подчеркивая этим свое нежелание касаться существа вопроса или свою неспособность понять это существо.

обвиняющий (с претензией на остроумие) «Искру» в слабости везде видеть «экономизм», воображающий, что он стоит гораздо выше этого деления на ортодоксов и критиков, — не замечает того, что он играет своими доводами на руку возмущающей его узости, что он пьет из самого что ни на есть проплеванного колодца! Да, самого искреннего возмущения узостью, самого горячего желанья поднять преклоняющихся перед ней людей еще недостаточно, если возмущающийся носится без руля и без ветрил и так же «стихийно», как и революционеры 70-х годов, хватается за «эксцитативный террор», за «аграрный террор», за «набат» и т. п. Посмотрите на это «более конкретное», вокруг чего — он думает — «гораздо ближе» будет собраться и организовать: 1. местные газеты; 2. приготовление к демонстрациям; 3. работа среди безработных. С первого же взгляда видно, что все эти дела выхвачены совершенно случайно, наудачу, чтобы сказать что-нибудь, ибо, как бы мы ни смотрели на них, видеть в них что-либо специально пригодное «собрать и организовать» совсем уже несуразно. Ведь тот же самый Надеждин парой страниц ниже говорит: «пора бы нам просто констатировать факт: на местах ведется крайне жалкая работа, комитеты не делают и десятой части того, что могли бы делать... те объединяющие центры, какие у нас есть теперь, это — фикция, это — революционная канцелярщина, взаимное пожалование друг друга в генералы, и так будет до тех пор, пока не вырастут местные сильные организации». В этих словах, несомненно, наряду с преувеличениями, заключается много горькой истины, и неужели Надеждин не видит связи между жалкой работой на местах и той узостью кругозора деятелей, узостью размаха их деятельности, которые неизбежны при неподготовленности замыкающихся в рамки местных организаций деятелей? Неужели он, подобно автору статьи об организации в «Свободе», забыл о том, как переход к широкой местной прессе (с 1898 года) сопровождался особенным усилением «экономизма» и «кустарничества»? Да если бы даже и возможна была сколько-нибудь удовлетворительная постановка «широкой местной прессы» (а мы показали выше, что она невозможна, за исключением совершенно особенных случаев), то и тогда местные органы не могли бы «собрать и организовать» *все* силы революционеров для *общего* натиска на самодержавие, для руководства *единой* борьбой. Не забудьте, что речь идет здесь *только* о «собирающем», об организаторском значении газеты, и мы могли бы предложить защищающему раздробленность Надеждину им же поставленный иронический вопрос: «не получили ли мы откуда-

нибудь в наследство 200 000 революционных организаторских сил?». Далее, «приготовление к демонстрациям» нельзя *противопоставлять* плану «Искры» уже потому, что этот план как раз самые широкие демонстрации и предусматривает *как одну из целей*; речь же идет о выборе практического *средства*. Надеждин опять запутался здесь, упустив из виду, что «приготавливать» демонстрации (до сих пор происходившие в громадном большинстве случаев совершенно стихийно) может только уже «собранное и организованное» войско, а мы именно *не умеем* собрать и организовать. «Работа среди безработных». Опять та же путаница, ибо это тоже представляет из себя одно из военных действий мобилизованного войска, а не план мобилизовать войско. До какой степени и тут недооценивает Надеждин вреда нашей раздробленности, отсутствия у нас «200 000 сил», видно из следующего. «Искру» упрекали многие (в том числе и Надеждин) за бедность сведений о безработице, за случайность корреспонденций о самых обыденных явлениях деревенской жизни. Упрек справедлив, но «Искра» тут «без вины виновата». Мы стараемся «провести ниточку» и через деревню, но каменщиков там почти нигде нет, и *приходится* поощрять *всякого*, сообщающего даже обыденный факт, — в надежде, что это умножит число сотрудников по этой области и *научит всех нас* выбирать, наконец, и действительно выпуклые факты. Но материала-то для учебы так мало, что без обобщения его по всей России учиться решительно не на чем. Несомненно, что человек, обладающий хотя приблизительно такими же агитаторскими способностями и таким знанием жизни босяка, какие видны у Надеждина, мог бы оказать агитацией среди безработных неоценимые услуги движению, — но такой человек зарыл бы в землю свой талант, если бы не позаботился оповещать *всех* русских товарищей о каждом шаге своей работы на поученье и пример людям, которые, в массе своей, и не умеют еще взяться за новое дело.

О важности объединения, о необходимости «собрать и организовать» говорят теперь решительно все, но нет в большинстве случаев никакого определенного представления о том, с чего начать и как вести это дело объединения. Все согласятся, наверное, что если мы «объединяем» отдельные — скажем, районные — кружки одного города, то для этого необходимы *общие учреждения*, т. е. не одно только общее звание «союза», а действительно *общая* работа, обмен материалом, опытом и силами, распределение функций уже не только по районам, а по специальностям всей городской деятельности. Всякий согласится, что солидный конспиративный

аппарат не окупится (если можно употребить коммерческое выражение) «средствами» (и материальными и личными, разумеется) одного района, что на этом узком поприще не развернуться таланту специалиста. То же самое относится, однако, и к объединению разных городов, ибо и такое поприще, как отдельная местность, *оказывается* и оказалось уже в истории нашего социал-демократического движения непомерно узким: мы это подробно доказывали выше на примере и политической агитации и организационной работы. Надо, необходимо надо и прежде всего надо расширить это поприще, создать *фактическую* связь между городами на *регулярной общей* работе, ибо раздробленность придавливает людей, которые «сидят, как в яме» (по выражению автора одного письма в «Искру»¹⁸⁸), не зная, что делается на белом свете, у кого им поучиться, как добыть себе опыт, как удовлетворить желание широкой деятельности. И я продолжаю настаивать, что эту *фактическую* связь можно *начать* создавать только на общей газете, как единственном регулярном общерусском предприятии, суммирующем итоги самых разнообразных видов деятельности и тем *подталкивающим* людей идти неустанно вперед по *всем* многочисленным путям, ведущим к революции, как все дороги ведут в Рим. Если мы не на словах только хотим объединения, то надо, чтобы каждый местный кружок *тотчас же* уделил, скажем, четверть своих сил *активной* работе над *общим* делом, и газета сразу показывает ему* общий абрис, размеры и характер этого дела, показывает, какие именно пробелы всего сильнее ощущаются во всей общерусской деятельности, где нет агитации, где слабы связи, какие колесики громадного общего механизма мог бы данный кружок подправить или заменить лучшими. Кружок, не работавший еще, а только ищущий работы, мог бы начинать уже не как кустарь в отдельной маленькой мастерской, не ведающий ни развития «промышленности» до него, ни общего состояния данных промышленных способов производства, а как участник широкого предприятия, *отражающего* весь общереволюционный натиск на самодержавие. И чем совершеннее была бы отделка каждого колесика, чем больше число детальных работников над

* Оговорка: если он сочувствует направлению этой газеты и считает полезным для дела стать ее сотрудником, понимая под этим не только литературное, а вообще всякое революционное сотрудничество. *Примечание для «Рабочего Дела»:* между революционерами, которые ценят дело, а не игру в демократизм, которые не отделяют «сочувствия» от самого активного и живого участия, эта оговорка подразумевается сама собою.

общим делом, тем чаще становилась бы наша сеть и тем меньше смятения в общих рядах вызывали бы неизбежные провалы.

Фактическую связь начала бы создавать уже одна функция распространения газеты (если бы таковая заслуживала названия газеты, т. е. выходила регулярно и не раз в месяц, как выходят толстые журналы, а раза четыре в месяц). Теперь сношения между городами по надобностям революционного дела являются величайшей редкостью и, во всяком случае, исключением; тогда эти сношения стали бы правилом и обеспечивали, разумеется, не только распространение газеты, а также (что гораздо важнее) обмен опытом, материалами, силами и средствами. Размах организационной работы сразу стал бы во много раз шире, и успех одной местности поощрял бы постоянно к дальнейшему усовершенствованию, к желанию воспользоваться готовым уже опытом действующего в другом конце страны товарища. Местная работа стала бы гораздо богаче и разностороннее, чем теперь: политические и экономические обличения, собираемые по всей России, давали бы умственную пищу рабочим всех профессий и *всех ступеней развития*, давали материал и повод для бесед и чтений по самым разнообразным вопросам, поднятым к тому же и намеками легальной печати, и разговорами в обществе, и «стыдливymi» правительственными сообщениями. Каждая вспышка, каждая демонстрация оценивалась и обсуждалась бы со всех сторон во всех концах России, вызывая желание не отстать от других, сделать лучше других — (мы, социалисты, вовсе не отвергаем вообще всякого соревнования, всякой «конкуренции»!), — подготовить сознательно то, что в первый раз вышло как-то стихийно, воспользоваться благоприятными условиями данной местности или данного момента для видоизменения плана атаки и проч. В то же время это оживление местной работы не приводило бы к тому отчаянному «предсмертному» напряжению *всех* сил и постановке ребром *всех* людей, каковым является зачастую теперь всякая демонстрация или всякий номер местной газеты: с одной стороны, полиции гораздо труднее добраться до «корней», раз неизвестно, в какой местности надо искать их; с другой стороны, регулярная общая работа приучала бы людей сообразовать силу *данной* атаки с данным состоянием сил такого-то отряда общей армии (сейчас о таком соображении почти никто никогда и не думает, ибо атаки случаются на девять десятых стихийно) и облегчала бы «перевозку» из другого места не только литературы, но и революционных сил.

Теперь эти силы истекают в массе случаев кровью на узкой местной работе, а тогда являлась бы возможность и постоянно были бы поводы перебрасывать сколько-нибудь способного агитатора или организатора из конца в конец страны. Начиная с маленькой поездки по делам партии на счет партии, люди привыкали бы переходить целиком на содержание партии, делаться профессиональными революционерами, вырабатывать из себя настоящих политических вождей.

И если бы нам действительно удалось достигнуть того, чтобы все или значительное большинство местных комитетов, местных групп и кружков активно взялись за общее дело, мы могли бы в самом недалеком будущем поставить еженедельную газету, регулярно распространяемую в десятках тысяч экземпляров по всей России. Эта газета стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого, самого по себе очень еще невинного и очень еще небольшого, но регулярного и в полном значении слова *общего* дела систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных борцов. По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятием России.

Вот о чем нам надо мечтать!

* * *

«Надо мечтать!» Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на «объединительном съезде», против меня сидят редакторы и сотрудники «Рабочего Дела». И вот встает товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: «А позвольте вас спросить, имеет ли еще автономная редакция право мечтать без предварительного опроса комитетов партии?». А за ним встает товарищ Кричевский и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубил товарища Плеханова) еще более грозно продолжает: «Я иду дальше. Я спрашиваю, имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что по Марксу человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?».

От одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

«Разлад разладу рознь, — писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев. — Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно»¹⁸⁹.

Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей «близостью» к «конкретному» представители легальной критики и нелегального «хвостизма».

в) КАКОГО ТИПА ОРГАНИЗАЦИЯ НАМ НУЖНА?

Из предыдущего читатель видит, что наша «тактика-план» состоит в отрицании немедленного *призыва* к штурму, в требовании устроить «правильную осаду неприятельской крепости», или иначе в требовании направить все усилия на то, чтобы собрать, сорганизовать и *мобилизовать* постоянное войско. Когда мы осмеяли «Рабочее Дело» за его прыжок от «экономизма» к воплям о штурме (раздавшимся в *апреле* 1901 г. в № 6 «Листка «Р. Дела»»¹⁹⁰), оно обрушилось, разумеется, на нас с обвинением в «доктринерстве», непонимании

революционного долга, в призыве к осторожности и т. п. Нас несколько не удивили, конечно, эти обвинения в устах людей, не имеющих никаких устоев и отделяющихся глубокомысленной «тактикой-процессом», как не удивило и то, что такие обвинения повторил Надеждин, питающий вообще самое величественное презрение к прочным программным и тактическим устоям.

Говорят, что история не повторяется. Но Надеждин из всех сил старается повторить ее и усердно копирует Ткачева, разнося «революционное культурничество», крича о «набате вечевоего колокола», об особой «точке зрения кануна революции» и т. п. Он забывает, по-видимому, известное изречение, что если оригинал исторического события представляет из себя трагедию, то копия с него является лишь фарсом¹⁹¹. Подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством «ужасного» и действительно устрашавшего террора попытка захватить власть — была величественна, а «эксцитативный» террор маленького Ткачева просто смешон и особенно смешон, когда дополняется идеей организации середняков.

«Если бы «Искра», — пишет Надеждин, — вышла из своей сферы литературщины, она увидела бы, что это (такие явления, как письмо рабочего в «Искре» № 7, и т. п.) симптомы того, что очень-очень скоро начнется «штурм», и говорить теперь (sic!) об организации, тянувшейся нитками от общерусской газеты, это — плодить кабинетные мысли и кабинетную работу». Посмотрите же, какая это невообразимая путаница: с одной стороны, эксцитативный террор и «организация середняков» наряду с мнением, что «гораздо ближе» собраться вокруг «более конкретного», вроде местных газет, — а с другой стороны, «теперь» говорить об общерусской организации значит плодить кабинетные мысли, т. е., говоря прямее и проще, «теперь» уже поздно! А «широкая постановка местных газет», — это не поздно, почтеннейший Л. Надеждин? И сравните с этим точку зрения и тактику «Искры»: эксцитативный террор — пустяки, говорить об организации именно середняков и о *широкой* постановке местных газет значит открывать настежь дверь «экономизму». Надо говорить о единой общерусской организации революционеров, и говорить о ней не поздно до тех самых пор, когда начнется настоящий, а не бумажный штурм.

«Да, насчет организации у нас обстоят дела крайне не блестяще, — продолжает Надеждин, — да, «Искра» совершенно права, говоря, что главная масса наших военных сил — добровольцы и повстанцы... Это хорошо, что вы трезво представляете себе положение наших сил, но зачем же при

этом забывать, что *толпа вовсе не наша* и что поэтому *она у нас не спросит*, когда открывать военные действия, и пойдет «бунтоваться»... Когда выступит сама толпа с ее стихийной разрушительной силой, ведь она *может* смять, оттереть «постоянное войско», в которое всё собирались, да не *поспели* вносить чрезвычайно систематическую организацию». (Курсив наш.)

Удивительная логика! *Именно потому*, что «толпа не наша», неразумно и неприлично кричать о «штурме» сию минуту, ибо штурм есть атака постоянного войска, а не стихийный взрыв толпы. Именно потому, что толпа *может* смять и оттереть постоянное войско, нам обязательно необходимо «поспевать» за стихийным подъемом со своей работой «внешения чрезвычайно систематической организации» в постоянное войско, ибо, чем больше «поспеем» мы внести такой организованности, тем более вероятно, что постоянное войско не будет смято толпой, а встанет впереди и во главе толпы. Надеждин путается потому, что воображает, будто это систематически организуемое войско занято чем-либо отрывающим его от толпы, тогда как на самом деле оно занято исключительно всесторонней и всеобъемлющей политической агитацией, т. е. именно работой, *сближающей и сливающей воедино* стихийно-разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу организации революционеров. Ведь вы, господа, валите с больной головы на здоровую, ибо именно группа «Свобода», внося *в программу* террор, тем самым зовет к организации террористов, а такая организация действительно отвлекла бы наше войско от сближения его с толпой, которая еще, к сожалению, не наша, которая еще, к сожалению, не спрашивает или мало спрашивает нас о том, когда и как открывать военные действия.

«Мы проглядим самое революцию, — продолжает Надеждин пугать «Искру», — как проглядели нынешние события, свалившиеся нам словно снег на голову». Эта фраза, в связи с приведенными выше, наглядно показывает нам нелепость сочиненной «Свободою» особой «точки зрения кануна революции» *. Особая «точка зрения» сводится, если прямо говорить, к тому, что «теперь» поздно уже рассуждать и готовиться. Если так, о почтеннейший враг «литературщины», — то к чему же было писать на 132 печатных страницах «о вопросах теории ** и тактики»? Не находите ли вы, что «точке

* Стр. 62. «Канун революции».

** Впрочем, по вопросам теории в своем «обозрении вопросов теории» Л. Надеждин почти что ничего не дал, если не считать следующего, весьма любопытного с «точки зрения кануна революции» пассажа: «Бернштейниада в ее целом теряет для нашего момента свой острый характер точно так же,

зрения кануна революции» более приличествовало бы издание 132 тысяч листов с кратким воззванием: «бей их!»?

Проглядеть революцию всего менее рискует именно тот, кто ставит во главу угла всей своей и программы, и *тактики, и организационной работы* всенародную политическую агитацию, как делает «Искра». Люди, занятые по всей России витием нитей организации, тянущейся от общерусской газеты, не только не проглядели весенних событий, а дали нам, наоборот, возможность предсказать их. Не проглядели они и тех демонстраций, которые описаны в №№ 13 и 14 «Искры»¹⁹²: напротив, они участвовали в них, живо сознавая свою обязанность идти на помощь стихийному подъему толпы и помогая в то же время, чрез посредство газеты, ознакомляться с этими демонстрациями и утилизировать их опыт всем русским товарищам. Не проглядают они, если живы будут, и революций, которая потребует от нас прежде всего и больше всего опытности в агитации, умения поддерживать (по-социал-демократически поддерживать) всякий протест, умения направлять стихийное движение, оберегая его и от ошибок друзей, и от ловушек врагов!

Мы подошли таким образом к последнему соображению, которое заставляет нас особенно настаивать на плане организации вокруг общерусской газеты, посредством совместной работы над общей газетой. Только такая организация обеспечит необходимую для социал-демократической боевой организации *гибкость*, т. е. способность приспособляться немедленно к самым разнообразным и быстро меняющимся условиям борьбы, умение, «с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своей силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения» *. Было бы величайшей ошибкой строить партийную

как докажет ли г. Адамович, что г. Струве уже заслужил пряжку, или, наоборот, г. Струве опровергнет г. Адамовича и не согласится на выход в отставку, — это решительно все равно, ибо настает «слушный час» революции» (стр. 110). Трудно было бы рельефнее изобразить бесконечную беззаботность Л. Надеждина насчет теории. Мы провозгласили «канун революции» — *поэтому* «решительно все равно», удастся ли ортодоксам окончательно сбить с позиции критиков!! И не замечает наш мудрец, что именно во время революции понадобятся нам результаты теоретической борьбы с критиками для решительной борьбы с их *практическими* позициями!

* «Искра» № 4: «С чего начать?». — «Революционных культурников, не стоящих на точке зрения кануна революции, долгота работы ничуть не смущает», — пишет Надеждин (с. 62). Мы заметим по поводу этого: если мы не сумеем выработать такой политической тактики, такого организа-

организацию в расчете только на взрыв и уличную борьбу или только на «поступательный ход серой текущей борьбы». Мы должны *всегда* вести нашу будничную работу и всегда быть готовы ко всему, потому что предвидеть заранее смену периодов взрыва периодами затишья очень часто бывает почти невозможно, а в тех случаях, когда возможно, нельзя было бы воспользоваться этим предвидением для перестройки организации, ибо смена эта в самодержавной стране происходит поразительно быстро, будучи иногда связана с одним ночным набегом царских янычар¹⁹³. И самое революцию надо представлять себе отнюдь не в форме единичного акта (как мерещится, по-видимому, Надеждиным), а в форме нескольких быстрых смен более или менее сильного взрыва и более или менее сильного затишья. Поэтому основным содержанием деятельности нашей партийной организации, фокусом этой деятельности должна быть такая работа, которая и возможна и нужна, как в период самого сильного взрыва, так и в период полнейшего затишья, именно: работа политической агитации, объединенной по всей России, освещающей все стороны жизни и направленной в самые широкие массы. А эта работа *немыслима* в современной России без общерусской, очень часто выходящей газеты. Организация, складывающаяся сама собою вокруг этой газеты, организация ее *сотрудников* (в широком смысле слова, т. е. всех трудящихся над ней) будет именно готова *на все*, начиная от спасенья чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, назначением и проведением *всенародного вооруженного восстания*.

В самом деле, представьте себе очень обычный у нас случай полного провала в одной или нескольких местностях. При отсутствии у *всех* местных организаций *одного* общего регулярного дела такие провалы сопровождаются часто перерывом работы на много месяцев. При наличии же общего дела у всех, — достаточно было бы, при самом сильном провале, нескольких недель работы двух-трех энергичных людей,

ционного плана, которые были бы непременно рассчитаны на *весьма долгую работу* и в то же время обеспечивали бы *самым процессом этой работы* готовность нашей партии оказаться на своем посту и выполнить свой долг при всякой неожиданности, при всяком ускорении хода событий, — то мы окажемся просто жалкими политическими авантюристами. Только Надеждин, со вчерашнего дня начавший себя называть социал-демократом, может забывать о том, что цель социал-демократии — коренное преобразование условий жизни всего человечества, что поэтому социал-демократу непозволительно «смущаться» вопросом о долготе работы.

чтобы связать с общим центром новые кружки молодежи, возникающие, как известно, весьма быстро даже теперь; — а когда это общее дело, страдающее от провала, у всех на виду, то новые кружки могут возникать и связываться с ним еще быстрее.

С другой стороны, представьте себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласится, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но как готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был ЦК, он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов*, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы *все* местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти «происшествия» возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее, — а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие *фактическое* единство партии, — а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план

* Увы, увы! Опять сорвалось у меня это ужасное слово «агент», так режущее демократическое ухо Мартыновых! Мне странно, почему это слово не обижало корифеев 70-х годов и обижает кустарей 90-х годов? Мне нравится это слово, ибо оно ясно и резко указывает на *общее дело*, которому все агенты подчиняют свои помыслы и действия, и если нужно заменить это слово другим, то я бы мог остановиться только разве на слове «сотрудник», если бы оно не отзывалось некоторой литературщиной и некоторой расплывчатостью. А нам нужна военная организация агентов. Впрочем, те многочисленные (особенно за границей) Мартыновы, которые любят заниматься «взаимным пожалованием друг друга в генералы», могли бы говорить вместо «агент по паспортной части» — «главноначальствующий отдельной частью по снабжению революционеров паспортами» и т. п.

восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне.

Одним словом, «план общерусской политической газеты» не только не представляет из себя плод кабинетной работы лиц, зараженных доктринерством и литературщиной (как это показалось плохо вдумавшимся в него людям), а наоборот, он является самым практическим планом начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая в то же время ни на минуту своей будничной насущной работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История русской социал-демократии явственно распадается на три периода.

Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884—1894 гг. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития.

Второй период обнимает три-четыре года, 1894—1898 гг. Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия. Это — период детства и отрочества. С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей — совсем молодые люди, далеко не достигшие того «тридцатипятилетнего возраста», который казался г. Н. Михайловскому какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить, как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой героической традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая

ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы.

Третий период готовится, как мы видели, в 1897 году и окончательно выступает на смену второго периода в 1898 году (1898—?). Это — период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью, — с одной стороны, в произведениях гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны — у В. И.—на и Р. М., у Б. Кричевского и Мартынова. Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема; среди социал-демократов преобладала уже другая полоса — полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем большей сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выпренными доводами. Социал-демократизм принижался до тред-юнионизма и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы. Программа «Credo» начинала осуществляться, особенно когда «кустарничество» социал-демократов вызвало оживление революционных не социал-демократических направлений.

И вот, если читатель упрекнет меня за то, что я чересчур подробно занимался каким-то «Раб. Делом», я отвечу на это: «Р. Дело» приобрело «историческое» значение потому, что всего рельефнее отразило в себе «дух» этого третьего периода *. Не последовательный Р. М., а именно флюгерствующие Кричевские и Мартыновы могли настоящим образом

* Я мог бы также ответить немецкой пословицей: Den Sack schlägt man, den Esel meint man, или по-русски: кошку бьют, невестке наветки дают. Не одно «Раб. Дело», а *широкая масса практиков и теоретиков* увлекалась модной «критикой», путалась в вопросе о стихийности, сбивалась с социал-демократического на тред-юнионистское понимание наших политических и организационных задач.

выразить разброд и шатания, готовность идти на уступки и перед «критикой», и перед «экономизмом», и перед терроризмом. Не величественное пренебрежение к практике со стороны какого-нибудь поклонника «абсолюта» характерно для этого периода, а именно соединение мелкого практицизма с полнейшей теоретической беззаботностью. Не столько прямым отрицанием «великих слов» занимались герои этого периода, сколько их опошлением: научный социализм перестал быть целостной революционной теорией, а превращался в мешанину, к которой «свободно» добавляли жидкости из всякого нового немецкого учебника; лозунг «классовая борьба» не толкал вперед к все более широкой, все более энергичной деятельности, а служил средством успокоения, так как ведь «экономическая борьба неразрывно связана с политической»; идея партии не служила призывом к созданию боевой организации революционеров, а оправдывала какую-то «революционную канцелярщину» и ребяческую игру в «демократические» формы.

Когда кончается третий и начинается четвертый период (во всяком случае предвещаемый уже многими признаками), — мы не знаем. Из области истории мы переходим здесь в область настоящего, отчасти будущего. Но мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей, что «на смену» арьергарда оппортунистов выступит действительный передовой отряд самого революционного класса.

В смысле призыва к такой «смене» и сводя вместе все изложенное выше, мы можем на вопрос: что делать? дать краткий ответ:

Ликвидировать третий период.

*Написано осенью 1901 —
в феврале 1902 г.*

*Напечатано в марте 1902 г. в Штутгарте
отдельной книгой*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 6, стр. 1—192*

Приложение¹⁹⁴**ПОПЫТКА ОБЪЕДИНЕНИЯ «ИСКРЫ» С «РАБОЧИМ ДЕЛОМ»**

Нам остается обрисовать ту тактику, которую приняла и последовательно проводила «Искра» в организационных отношениях к «Раб. Делу». Тактика эта выражена вполне уже в № 1 «Искры», в статье о «Расколе в Заграничном союзе русских социал-демократов»*. Мы сразу встали на ту точку зрения, что *настоящий* «Союз русских социал-демократов за границей», который был признан на первом съезде нашей партии ее заграничным представителем, *раскололся* на две организации; — что вопрос о представительстве партии остается открытым, будучи только временно и условно решен тем, что на Парижском международном конгрессе в постоянное Международное социалистическое бюро¹⁹⁵ было выбрано от России два члена, по одному от каждой части расколовшегося «Союза». Мы заявили, что по существу «Раб. Дело» *неправо*, мы решительно встали в принципиальном отношении на сторону группы «Осв. труда», но отказались в то же время входить в подробности раскола и отметили заслугу «Союза» в области чисто практической работы**.

Таким образом, наша позиция была до известной степени выжидательная: мы сделали уступку господствовавшему среди большинства русских социал-демократов мнению, что рука об руку с «Союзом» могут работать и самые решительные враги «экономизма», ибо «Союз» не раз заявлял о своем принципиальном согласии с группой «Освобождение труда», не претендуя, будто бы, на самостоятельную физиономию в

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 384—385; 4 изд., том 4, стр. 353—354. *Ред.*

** В основе такой оценки раскола лежало не только ознакомление с литературой, но также и данные, собранные за границей некоторыми побывавшими там членами нашей организации.

коренных вопросах теории и тактики. Правильность занятой нами позиции косвенно была подтверждена тем, что почти одновременно с выходом первого номера «Искры» (декабрь 1900) от «Союза» отделились три члена, которые образовали так называемую «Группу инициаторов» и обратились: 1. к заграничному отделу организации «Искры», 2. к революционной организации «Социал-демократ»¹⁹⁶ и 3. к «Союзу» — с предложением посредничества в ведении переговоров о примирении. Первые две организации сразу ответили согласием, третья — отказом. Правда, когда один оратор изложил эти факты на «объединительном» съезде прошлого года, член администрации «Союза» заявил, что их отказ был вызван *исключительно* тем, что «Союз» был недоволен составом группы инициаторов. Считая своим долгом привести это объяснение, я не могу, однако, не заметить с своей стороны, что считаю его неудовлетворительным: зная о согласии двух организаций на переговоры, «Союз» мог обратиться к ним и через другого посредника или непосредственно.

Весной 1901 г. с прямой полемикой против «Р. Дела» выступила и «Заря» (№ 1, апрель) и «Искра» (№ 4, май)*. Последняя особенно напала на «Исторический поворот» «Р. Дела», которое в своем *апрельском* листке, следовательно, уже после весенних событий, проявило неустойчивость по отношению к увлечению террором и «кровавыми» призывами. Несмотря на эту полемику, «Союз» ответил согласием на возобновление переговоров о примирении при посредстве новой группы «примирителей»¹⁹⁷. Предварительная конференция из представителей от трех вышеназванных организаций состоялась в июне и выработала проект договора на базисе подробнейшего «принципиального соглашения», напечатанного «Союзом» в брошюре «Два съезда» и Лигой в брошюре «Документы «объединительного» съезда».

Содержание этого принципиального соглашения (или резолюций июньской конференции, как его чаще называют) показывает с полнейшей ясностью, что мы ставили *непременным* условием соединения *самое решительное* отрицание всех и всяких проявлений оппортунизма вообще и русского оппортунизма в частности. «Мы отвергаем, — гласит 1 п., — всякие попытки внесения оппортунизма в классовую борьбу пролетариата, — попытки, выразившиеся в так называемом «экономизме», бернштейнианстве, мильеранизме и т. п.». «В круг деятельности социал-демократии входит... идейная борьба со всеми противниками революционного марксизма» (4, с); «Во

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1—13; 4 изд., том 5, стр. 1—12. *Ред.*

всех сферах организационно-агитационной деятельности социал-демократия не должна ни на минуту упускать из виду ближайшую задачу русского пролетариата — низвержение самодержавия» (5, а); ...«агитация не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом» (5, b); ...«не признавая... стадию чисто экономической борьбы и борьбы за частные политические требования» (5, с); ...«считаем важной для движения критику течений, возводящих в принцип... элементарность... и узость низших форм движения» (5, d). Даже совершенно посторонний человек, сколько-нибудь внимательно прочитавший эти резолюции, увидит из самой уже их формулировки, что они направлены против людей, которые были оппортунистами и «экономистами», которые забывали хотя на минуту о задаче низвержения самодержавия, которые признавали теорию стадий, возводили в принцип узость и пр. И кто хотя сколько-нибудь знаком с полемикой против «Р. Дела» группы «Осв. труда», «Зари» и «Искры», тот ни на минуту не усомнится в том, что эти резолюции отвергают пункт за пунктом именно те заблуждения, в которые впадало «Раб. Дело». Поэтому когда на «объединительном» съезде один из членов «Союза» заявил, что статьи в № 10 «Р. Дела» вызваны не новым «историческим поворотом» «Союза», а чрезмерной «абстрактностью» * резолюций, — то один оратор имел полное право посмеяться над этим. Резолюции не только не абстрактны — ответил он — а невероятно конкретны: одного взгляда на них достаточно, чтобы видеть, что тут «кого-то ловили».

Это последнее выражение подало повод к характерному эпизоду на съезде. С одной стороны, Б. Кричевский ухватился за слово «ловили», решив, что это — обмолвка, выдающая дурной умысел с нашей стороны («подставить ловушку»), и патетически воскликнул: «Кого же именно, кого тут ловили?». — «Вот, в самом деле, кого?» — иронически спросил Плеханов. — «Я помогу недогадливости товарища Плеханова, — отвечал Б. Кричевский, — я объясню ему, что тут ловили редакцию «Рабочего Дела» (общий хохот). Но мы не дали себя поймать!» (замечания слева: тем хуже для вас!). — С другой стороны, член группы «Борьба» (группы примирителей), говоря против поправок «Союза» к резолюциям и желая защищать нашего оратора, заявил, что выражение «ловили», очевидно, нечаянно сорвалось в пылу полемики.

Что касается меня, то я думаю, что от такой «защиты» не поздоровится оратору, употребившему разбираемое

* Утверждение это повторено в «Двух съездах», стр. 25.

выражение. Я думаю, что слова «кого-то ловили» «в шутку сказаны, да всерьез задуманы»: мы всегда обвиняли «Р. Дело» в неустойчивости, в шатаниях, и потому, естественно, *должны были* постараться *поймать* его, чтобы сделать впредь шатания невозможными. О дурном умысле не могло тут быть и речи, ибо дело шло о принципиальной неустойчивости. И мы сумели «поймать» «Союз» настолько по-товарищески*, что июньские резолюции подписал сам Б. Кричевский и еще один член администрации «Союза».

Статьи в № 10 «Р. Дела» (наши товарищи увидели этот номер только тогда, когда приехали на съезд, за несколько дней до начала заседаний) ясно показали, что с лета по осень в «Союзе» произошел новый поворот: «экономисты» опять взяли верх, и редакция, послушная всякому «веянию», принялась опять защищать «самых отъявленных бернштейнианцев» и «свободу критики», защищать «стихийность» и проповедовать устами Мартынова «теорию сужения» сферы нашего политического воздействия (в видах, будто бы, осложнения самого воздействия). Еще раз подтвердилось меткое замечание Парвуса, что оппортуниста трудно поймать какой бы то ни было формулой: он легко подпишет *всякую* формулу и легко отступит от нее, так как оппортунизм состоит именно в отсутствии сколько-нибудь определенных и твердых принципов. Сегодня оппортунисты отвергли *всякие* попытки внесения оппортунизма, отвергли *всякую* узость, обещали торжественно «ни на минуту не забывать о низвержении самодержавия», вести «агитацию не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом» и пр. и пр. А завтра они меняют способ выражения и принимаются за старое под видом защиты стихийности, поступательного хода серой, текущей борьбы, превознесения требований, сулящих осязательные результаты, и т. п. Продолжая утверждать, что в статьях № 10 «Союз» не видел и не видит никакого

* Именно: мы сказали во вступлении к июньским резолюциям, что русская социал-демократия в целом всегда стояла на почве принципов группы «Осв. тр.» и что заслугой «Союза» была в особенности его издательская и организационная деятельность. Другими словами, мы выражали полную готовность предать забвению все прошлое и признать полезность (для дела) работы наших товарищей из «Союза» *под условием* того полного прекращения шатаний, которые мы преследовали «уловлением». Всякий беспристрастный человек, прочитав июньские резолюции, именно так только и поймет их. Если же «Союз» теперь, после того как он *вызвал* разрыв своим новым поворотом к «экономизму» (в статьях № 10 и в поправках), обвиняет нас торжественно в *неправде* («Два съезда», с. 30) за эти слова о его заслугах, то такое обвинение способно вызвать, конечно, только улыбку.

еретического отступления от общих принципов проекта конференции» («Два съезда», с. 26), «Союз» обнаруживает этим только полную неспособность или нежелание понять суть разногласий.

После № 10 «Р. Д.» нам оставалось сделать только одну попытку: начать общую дискуссию, чтобы убедиться, солидарен ли весь «Союз» с этими статьями и с своей редакцией. «Союз» особенно недоволен нами за это, обвиняя нас в попытке посеять рознь в «Союзе», в вмешательстве не в свое дело и проч. Обвинения явно неосновательные, ибо при выборной редакции, «поворачивающей» при самом легком ветерке, все зависит именно от направления ветра, и мы определяли это направление в закрытых заседаниях, на которых, кроме членов собравшихся объединяться организаций, никого не было. Внесение от имени «Союза» поправок к июньским резолюциям отняло у нас и последнюю тень надежды на соглашение. Поправки документально засвидетельствовали новый поворот к «экономизму» и солидарность большинства «Союза» с № 10 «Р. Д.». Из круга проявлений оппортунизма вычеркивался «так называемый экономизм» (ввиду якобы «неопределенности смысла» этих трех слов, — хотя из такой мотивировки вытекает лишь необходимость более точно определить сущность широко распространенного заблуждения), вычеркивался и «мильеранизм» (хотя Б. Кричевский защищал его и в «Р. Д.» № 2—3, стр. 83—84 и еще прямее в «Vorwärts'e» *). Несмотря на то, что июньские резолюции определенно указали задачу социал-демократии — «руководить *всякими* проявлениями борьбы пролетариата против *всех* форм политического, экономического и социального угнетения», требуя тем самым внесения планомерности и единства во все эти проявления борьбы, — «Союз» добавлял еще совершенно лишние слова, что «экономическая борьба является могучим стимулом массового движения» (сами по себе эти слова бесспорны, но, при существовании узкого «экономизма», они не могли не дать повода к лжетолкованиям). Мало того, в июньские резолюции вносилось даже прямое *сужение* «политики» как посредством удаления слов «ни на минуту» (не забывать о цели низвержения самодержавия), так и посредством добавления слов, что «экономическая борьба есть *наиболее широко* применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу». Понятно, что после внесения таких поправок все ораторы нашей

* В «Vorwärts'e» началась полемика по этому поводу между теперешней редакцией его, Каутским и «Зарей». Мы не преминем познакомить русских читателей с этой полемикой ¹⁹⁸.

стороны стали один за другим отказываться от слова, находя совершенно бесполезным дальнейшие переговоры с людьми, опять поворачивающими к «экономизму» и обеспечивающими себе свободу шатания.

«Именно то, что «Союз» считал условием *sine qua non* * прочности будущего соглашения, т. е. сохранения самостоятельной физиономии «Р. Д.» и его автономии, — именно это «Искра» считала камнем преткновения для соглашения» («Два съезда», стр. 25). Это очень неточно. На автономию «Р. Дела» мы никогда не посягали **. Самостоятельность его физиономии мы действительно *безусловно отвергали*, если понимать под этим «самостоятельную физиономию» в принципиальных вопросах теории и тактики: июньские резолюции именно и содержат в себе безусловное отрицание *такой* самостоятельности физиономии, ибо эта «самостоятельность физиономии» на практике всегда означала, повторяем, всяческие шатания и поддержку этими шатаниями господствующего у нас и невыносимого в партийном отношении разброда. Статьями в № 10 и «поправками» «Рабочее Дело» ясно показало свое желание сохранить за собою именно эту самостоятельность физиономии, а такое желание естественно и неизбежно повело к разрыву и объявлению войны. Но мы все готовы были признать «самостоятельную физиономию» «Р. Д.» в смысле сосредоточения его на определенных литературных функциях. Правильное распределение этих функций напрашивалось само собою: 1. научный журнал, 2. политическая газета и 3. популярные сборники и популярные брошюры. Только согласие «Р. Д.» на такое распределение доказало бы *искреннее* желание его свести окончательно счеты с теми заблуждениями, против которых направлены июньские резолюции, только такое распределение устранило бы всякую возможность трений и обеспечило на самом деле прочность соглашения, послужив в то же время базисом для нового подъема нашего движения и новых успехов его.

Теперь ни один русский социал-демократ не может уже сомневаться в том, что окончательный разрыв революционного направления с оппортунистическим вызван не «организационными» какими-либо обстоятельствами, а именно желанием оппортунистов упрочить самостоятельную физиономию оппортунизма и продолжать вносить в умы путаницу рассуждениями Кричевских и Мартыновых.

* — абсолютно необходимым. *Ред.*

** Если не считать стеснением автономии те редакционные совещания в связи с учреждением общего верховного совета объединенных организаций, на которые согласилось в июне и «Раб. Дело».

ПОПРАВКА К «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

«Группа инициаторов», о которой я рассказываю в брошюре «Что делать?», стр. 141 *, просит меня сделать следующую поправку к изложению ее участия в попытке примирения заграничных социал-демократических организаций: «Из трех членов этой группы только один вышел из «Союза» в конце 1900 года, остальные же — в 1901 году, лишь после того, как они убедились в невозможности добиться от «Союза» согласия на конференцию с заграничной организацией «Искры» и «Революционной организацией Социал-демократ», — в чем и состояло предложение «Группы инициаторов». Это предложение администрация «Союза» сначала отвергла, мотивируя свой отказ от конференции «некомпетентностью» лиц, входящих в состав посреднической «Группы инициаторов», причем выразила желание войти в непосредственные сношения с заграничной организацией «Искры». Вскоре, однако, администрация «Союза» известила «Группу инициаторов», что она после появления первого номера «Искры», в котором напечатана заметка о расколе в «Союзе», изменила свое решение и не желает входить в сношения с «Искрой». Как объяснить после этого заявление члена администрации «Союза», что отказ «Союза» от конференции был вызван *исключительно* недовольством последнего составом «Группы инициаторов»? Правда, непонятно также согласие администрации «Союза» на конференцию в июне прошлого года: ведь заметка в первом номере «Искры» осталась в силе, а «отрицательное» отношение «Искры» к «Союзу» еще яснее выступило в первой книжке «Зари» и 4-ом номере «Искры», появившихся до июньской конференции».

Н. Ленин

«Искра» № 19, 1 апреля 1902 г.

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
5 изд., том 6, стр. 192

* См. настоящий том, стр. 231. *Ред.*

ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД

(КРИЗИС В НАШЕЙ ПАРТИИ) ¹⁹⁹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда идет продолжительная, упорная, горячая борьба, то по истечении некоторого времени начинают обыкновенно вырисовываться центральные, основные спорные пункты, от решения которых зависит окончательный исход кампании и по сравнению с которыми все более и более отодвигаются на задний план все и всяческие мелкие и мелочные эпизоды борьбы.

Так обстоит дело и с нашей внутрипартийной борьбой, которая вот уже полгода приковывает к себе внимание всех членов партии. И именно потому, что мне пришлось в предлагаемом читателю очерке всей борьбы касаться многих мелочей, имеющих ничтожный интерес, многих дрызг, не имеющих, в сущности, никакого интереса, именно поэтому мне хотелось бы с самого начала обратить внимание читателя на два действительно центральных, основных пункта, которые представляют громадный интерес, которые имеют несомненное историческое значение и являются самыми насущными политическими вопросами на очереди дня в нашей партии.

Первый такой вопрос — вопрос о политическом значении того деления нашей партии на «большинство» и «меньшинство», которое сложилось на втором съезде партии ²⁰⁰ и отодвинуло далеко назад все прежние деления русских социал-демократов.

Второй вопрос — вопрос о принципиальном значении позиции новой «Искры» по организационным вопросам, поскольку эта позиция является действительно принципиальной.

Первый вопрос есть вопрос об исходном пункте нашей партийной борьбы, об ее источнике, об ее причинах, об ее

основном политическом характере. Второй вопрос есть вопрос о конечных результатах этой борьбы, об ее финале, о том принципиальном итоге, который получается по сложении всего, что относится к области принципов, и по вычитании всего, что относится к области дрызг. Первый вопрос решается анализом борьбы на партийном съезде, второй — анализом нового принципиального содержания новой «Искры». Тот и другой анализ, составляющий содержание девяти десятых моей брошюры, приводит к выводу, что «большинство» есть революционное, а «меньшинство» — оппортунистическое крыло нашей партии; разногласия, разделяющие то и другое крыло в настоящее время, сводятся, главным образом, не к программным и не к тактическим, а лишь к организационным вопросам; та новая система воззрений, которая тем яснее вырисовывается в новой «Искре», чем больше старается она углубить свою позицию и чем чище становится эта позиция от дрызг из-за кооптации, есть оппортунизм в организационных вопросах.

Главным недостатком наличной литературы о нашем партийном кризисе является, в области изучения и освещения фактов, почти полное отсутствие анализа протоколов партийного съезда, а в области выяснения основных принципов организационного вопроса, отсутствие анализа той связи, которая несомненно существует между коренной ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода в формулировке параграфа первого устава и в защите этой формулировки, с одной стороны, и всей «системой» (поскольку тут может быть речь о системе) теперешних принципиальных взглядов «Искры» по организационному вопросу. Нынешняя редакция «Искры», по-видимому, даже не замечает этой связи, хотя значение споров о параграфе первом отмечалось уже много и много раз в литературе «большинства». В сущности, тов. Аксельрод и тов. Мартов только углубляют теперь, развивают и расширяют свою первоначальную ошибку по параграфу первому. В сущности, уже в спорах о параграфе первом стала намечаться вся позиция оппортунистов в организационном вопросе: и их защита расплывчатой, не сплоченной крепко партийной организации, и их вражда к идее («бюрократической» идее) построения партии сверху вниз, исходя из партийного съезда и из созданных им учреждений, и их стремление идти снизу вверх, предоставляя зачислять себя в члены партии всякому профессору, всякому гимназисту и «каждому стачечнику», и их вражда к «формализму», требующему от члена партии принадлежности к одной из признанных партией организаций, и их склонность к психологии буржуазного интеллиген-

та, готового лишь «платонически признавать организационные отношения», и их податливость к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическим фразам, и их тенденция к автономизму против централизма, одним словом, все то, что расцветает теперь пышным цветом в новой «Искре», все более и более содействуя полному и наглядному выяснению сделанной первоначально ошибки.

Что касается до протоколов партийного съезда, то поистине незаслуженное невнимание к ним может быть объяснено только засорением наших споров дразгами, да еще, пожалуй, слишком большим количеством слишком горькой правды в этих протоколах. Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу. Именно протоколы партийного съезда и только эти протоколы показывают нам, насколько нам удалось в действительности смести все остатки старых, чисто кружковщинских связей и заменить их единой великой партийной связью. Каждый член партии, если он хочет сознательно участвовать в делах своей партии, обязан тщательно изучать наш партийный съезд, — именно: изучать, потому что одно чтение груды сырого материала, составляющей протоколы, еще не дает картины съезда. Лишь путем тщательного и самостоятельного изучения можно добиться (и должно добиваться) того, чтобы краткие конспекты речей, сухие экстракты из прений, мелкие стычки по мелким (по-видимому, мелким) вопросам слились в нечто цельное, чтобы перед членами партии встала, как живая, фигура каждого выдающегося оратора, выяснилась вся политическая физиономия каждой группы делегатов партийного съезда. Пишущий эти строки будет считать свою работу не пропавшей даром, если ему удастся дать хотя бы толчок к широкому и самостоятельному изучению протоколов партийного съезда.

Еще одно слово по адресу противников социал-демократии. Они злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдергивать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвященной недостаткам и недочетам нашей партии. Русские социал-демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими

щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения. А господа противники пусть попробуют представить нам картину *действительного* положения дел в их «партиях», хоть отдаленно приближающуюся к той, которую дают протоколы нашего второго съезда!

Н. Ленин

Май 1904 года.

а) ПОДГОТОВКА СЪЕЗДА

Существует изречение, что каждый имеет право в течение 24 часов проклинать своих судей. Наш партийный съезд, как и всякий съезд всякой партии, явился тоже судьей некоторых лиц, претендовавших на должность руководителей и потерпевших крушение. Теперь эти представители «меньшинства», с наивностью, доходящей до умиленности, «проклинают своих судей» и стараются всячески дискредитировать съезд, умалить его значение и авторитетность. Всего рельефнее, пожалуй, выразилось это стремление в статье Практика в № 57 «Искры», возмущающегося идеей о суверенной «божественности» съезда. Это — такая характерная черточка новой «Искры», что ее нельзя обойти молчанием. Редакция, состоящая в большинстве своем из лиц, *отвергнутых* съездом, продолжает, с одной стороны, называть себя «партийной» редакцией, а, с другой стороны, открывает объятия лицам, утверждающим, что съезд — не божество. Это мило, не правда ли? Да, господа, съезд, конечно, не божество, но что следует думать о людях, начинающих «разносить» съезд *после того*, как они потерпели на нем поражение?

Припомните, в самом деле, главные факты по истории подготовки съезда.

«Искра» с самого начала, в своем анонсе 1900 года *, предшествовавшем выпуску газеты, объявила, что, прежде чем объединяться, нам надо размежеваться. «Искра» постаралась превратить конференцию 1902 года ²⁰¹ в частное совещание, а не в партийный съезд **. «Искра» чрезвычайно осторожно действовала летом и осенью 1902 года, возобновляя

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 354—360; 4 изд., том 4, стр. 326—331. *Ред.*

** См. протоколы второго съезда, стр. 20.

выбранный на этой конференции Организационный комитет. Наконец, дело размежевания кончилось, — кончилось по нашему общему признанию. Организационный комитет конституировался в самом конце 1902 г. «Искра» приветствует его упрочение и заявляет, — в редакционной статье № 32, — что созыв партийного съезда дело *самой настоятельной*, неотложной надобности*. Таким образом, нас всего уже меньше можно упрекнуть в торопливости по отношению к созыву второго съезда. Мы действовали именно по правилу: семь раз отмерь, один отрежь; мы имели полное нравственное право полагаться на товарищей, что после того, как отрезано, они не примутся плакаться и перемеривать.

Организационный комитет выработал чрезвычайно тщательный (формалистический и бюрократический, сказали бы люди, которые прикрывают теперь этими словечками свою политическую бесхарактерность) устав второго съезда, провел этот устав по всем комитетам и, наконец, утвердил его, постановив между прочим в § 18: «Все постановления съезда и все произведенные им выборы являются решением партии, обязательным для всех организаций партии. Они никем и ни под каким предлогом не могут быть опротестованы и могут быть отменены или изменены только следующим съездом партии»**. Не правда ли, как невинны сами по себе эти слова, принятые в свое время молча, как нечто само собою подразумевающееся, и как странно звучат они теперь, точно приговор, изрекаемый над «меньшинством»! С какой целью составлен был подобный параграф? Для соблюдения одной формальности? Конечно, нет. Это постановление казалось необходимым и было действительно необходимо, ибо партия состояла из ряда раздробленных и самостоятельных групп, от которых можно было ждать непризнания съезда. Это постановление выражало собою именно *добрую волю* всех революционеров (о которой так часто и так неуместно говорят теперь, эвфемистически характеризуя термином добрый то, что более заслуживает эпитета капризный). Оно равнялось взаимному *честному слову*, которое дали все русские социал-демократы. Оно должно было гарантировать, что громадные труды, опасности, расходы, связанные со съездом, не пропадут даром, что съезд не превратится в комедию. Оно заранее квалифицировало всякое непризнание решений и *выборов* съезда, как *нарушение доверия*.

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 91—93; 4 изд., том 6, стр. 277—278. *Ред.*

** См. протоколы второго съезда, стр. 22—23 и 380.

Над кем же смеется новая «Искра», сделавшая новое открытие, что съезд не божество и решения его не святыня? Содержит ли ее открытие «новые организационные взгляды» или только новые попытки замести старые следы?

б) ЗНАЧЕНИЕ ГРУППИРОВОК НА СЪЕЗДЕ

Итак, съезд был созван после самой тщательной подготовки, на началах в высшей степени полного представительства. Общее признание правильности состава съезда и *безусловной* обязательности его решений нашло себе выражение и в заявлении председателя (стр. 54 протоколов) после конституирования съезда.

В чем же состояла главная задача съезда? В создании *действительной* партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». Что именно в этом направлении съезд должен был работать, это было предрешиено трехлетней деятельностью «Искры» и ее признанием со стороны большинства комитетов. Искровская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, искровские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии. Но само собою разумеется, что такой результат не мог быть достигнут без борьбы: полнота представительства на съезде обеспечила присутствие на нем и таких организаций, которые вели решительную борьбу с «Искрой» (Бунд и «Рабочее Дело»), и таких, которые, признавая «Искру» руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении (группа «Южного рабочего» и примыкающие к ней делегаты некоторых комитетов). При таких условиях съезд не мог не превратиться в *арену борьбы за победу искровского направления*. Что съезд и был на самом деле такой борьбой, — это сразу станет ясно для всякого, кто сколько-нибудь внимательно прочтет его протоколы. Наша же задача теперь состоит в том, чтобы детально проследить главнейшие группировки, обнаружившиеся по разным вопросам на съезде, и восстановить, по точным данным протоколов, политическую физиономию каждой из основных групп съезда. Что именно представляли из себя те группы, те направления и те оттенки, которым предстояло на съезде слиться, под руководством «Искры», в единую партию? — вот что должны мы показать анализом прений и голосований. Выяснение этого обстоятельства имеет кардинальную важность и для изучения того, чем являются на деле

наши социал-демократы, и для понимания причин расхождения. Вот почему я в своей речи на съезде Лиги и в своем письме в редакцию новой «Искры» выдвигал на первый план именно анализ различных группировок*. Мои оппоненты из представителей «меньшинства» (и Мартов во главе их) совершенно не поняли сущности вопроса. На съезде Лиги они ограничивались частичными поправками, «оправдываясь» от того обвинения в повороте к оппортунизму, которое было против них выдвинуто, и не пытаюсь даже нарисовать, в противовес мне, *хоть какую-нибудь другую* картину группировок на съезде. Теперь в «Искре» (№ 56) Мартов пытается выставить все попытки точно отграничить различные политические группы на съезде — простым «кружковым политиканством». Сильно сказано, тов. Мартов! Но сильные слова новой «Искры» имеют одно оригинальное свойство: стоит точно воспроизвести все перипетии расхождения, начиная со съезда, и все эти сильные слова обращаются *целиком и прежде всего* против теперешней редакции. Оглянитесь-ка на себя, гг. так называемые партийные редакторы, поднимающие вопрос о кружковом политиканстве!

Мартову до такой степени неприятны теперь факты нашей борьбы на съезде, что он старается совершенно затушевать их. «Искровец, — говорит он, — это тот, кто на съезде партии и до него выражал свою полную солидарность с «Искрой», отстаивал ее программу и ее организационные взгляды и поддерживал ее организационную политику. На съезде таких искровцев было свыше сорока — столько голосов было подано за программу «Искры» и за резолюцию о признании «Искры» Центральным Органом партии». Откройте протоколы съезда, и вы увидите, что программа принята *всеми* (стр. 233), кроме воздержавшегося Акимова. Тов. Мартов хочет, таким образом, уверить нас, что и бундовцы, и Брукэр, и Мартынов *доказали* свою «полную солидарность» с «Искрой» и *отстаивали* ее организационные взгляды! Это смешно. Превращение *после* съезда *всех* его участников в равноправных членов партии (да и то не всех, ибо бундовцы ушли) смешивается здесь с той группировкой, которая вызывала борьбу на съезде. Изучение того, *из каких элементов* сложилось после съезда «большинство» и «меньшинство», подменяется официальной фразой: признали программу!

Возьмите голосование о признании «Искры» Центральным Органом. Вы увидите, что именно Мартынов, которому

* См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 41—52, 98—104; 4 изд., том 7, стр. 57—67, 102—108. *Ред.*

тов. Мартов со смелостью, достойной лучшего дела, приписывает теперь отстаивание организационных взглядов и организационной политики «Искры», настаивает на отделении двух частей резолюции: голого признания «Искры» ЦО и признания ее заслуг. При голосовании первой части резолюции (признание заслуг «Искры», выражение *солидарности* с нею) за — подано *только 35 голосов*, два — против (Акимов и Брукэр) и одиннадцать воздержались (Мартынов, пять бундовцев и пять голосов редакции: по два у меня и у Мартова и один у Плеханова). Группа антиискровцев (пять бундовцев и три рабочедельца) обнаруживается, следовательно, с полной ясностью и здесь, на этом, самом выгодном для теперешних взглядов Мартова и им самим выбранном примере. Возьмите голосование за вторую часть резолюции — признание «Искры» Центральным Органом без всякой мотивировки и без выражения солидарности (страница 147 протоколов): за подано 44 голоса, которые и причисляются нынешним Мартовым к искровцам. Всего был 51 голос; за вычетом пяти голосов воздерживавшихся редакторов остается 46; два голосовали *против* (Акимов и Брукэр); в число остальных 44 входят, следовательно, *все пять бундовцев*. Итак, бундовцы на съезде «выражали полную солидарность с «Искрой»» — так пишется официальная история официальной «Искрой»! Забегая вперед, объясним читателю истинные мотивы этой официальной правды: нынешняя редакция «Искры» могла бы быть и была бы партийной редакцией на деле (а не *quasi** — партийной, как теперь), *если бы бундовцы и рабочедельцы не ушли со съезда*; вот почему этих вернейших стражей теперешней так называемой партийной редакции и надо было возвести в «искровцев». Но об этом подробно после.

Спрашивается далее: если съезд представлял из себя борьбу искровских и антиискровских элементов, то не было ли промежуточных, неустойчивых элементов, которые колебались между теми и другими? Всякий, сколько-нибудь знакомый с нашей партией и с обычной физиономией всяких съездов, уже *a priori*** склонен будет ответить на этот вопрос утвердительно. Тов. Мартову очень не хочется теперь вспоминать об этих неустойчивых элементах, и он изображает группу «Южного рабочего» с тяготеющими к ней делегатами, как типичных искровцев, а разногласия наши с ними ничтожными и неважными. К счастью, теперь перед нами лежит полный текст протоколов, и мы можем разрешить этот

* — мнимо. *Ред.*

** — заранее. *Ред.*

вопрос — вопрос факта, разумеется, — на основании документальных данных. То, что мы сказали выше об общей группировке на съезде, конечно, не претендует на решение этого вопроса, а лишь на правильную постановку его.

Без анализа политических группировок, без картины съезда, как борьбы таких-то оттенков, нельзя ничего понять в нашем расхождении. Попытка Мартова смазать различие оттенков путем причисления даже бундовцев к искровцам есть простое уклонение от вопроса. А priori уже, на основании истории русской социал-демократии до съезда, намечаются (для дальнейшей проверки и детального изучения) три главных группы: искровцев, антиискровцев и неустойчивых, колеблющихся, шатких элементов.

в) НАЧАЛО СЪЕЗДА. — ИНЦИДЕНТ С ОРГАНИЗАЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ

Анализ прений и голосований на съезде всего удобнее вести в порядке заседаний съезда, чтобы последовательно отмечать все более и более обрисовывающиеся политические оттенки. Лишь тогда, когда это безусловно необходимо, будут делаться отступления от хронологического порядка для совместного рассмотрения тесно связанных вопросов или однородных группировок. В интересах беспристрастия мы будем стараться отмечать *все* главнейшие голосования, опуская, конечно, массу вотировок по мелочам, которые заняли у нашего съезда непомерное количество времени (отчасти вследствие нашей неопытности и неумения распределить материал между комиссионными и пленарными заседаниями, отчасти вследствие проволочек, граничивших с обструкцией).

Первым вопросом, который вызвал дебаты, начинающие обнаруживать различие оттенков, был вопрос о постановке на первое место (в «порядке дня» съезда) пункта: «положение Бунда в партии» (стр. 29—33 протоколов). С точки зрения искровской, которую защищали Плеханов, Мартов, Троцкий и я, не могло быть никаких сомнений на этот счет. Уход Бунда из партии показал воочию правильность наших соображений: если Бунд не хотел идти вместе с нами и признать те организационные начала, которые разделяло, вместе с «Искрой», большинство партии, — то было бесполезно и бессмысленно «делать вид», что мы идем вместе, и только затягивать съезд (как затягивали его бундовцы). Вопрос был уже выяснен вполне в литературе, и для всякого сколько-нибудь вдумчивого члена партии было очевидно, что остается только

открыто поставить вопрос и прямо, честно сделать выбор: автономия (идем вместе) или федерация (расходимся).

Уклончивые во всей своей политике, бундовцы пожелали уклониться и тут, оттягивая вопрос. К ним присоединяется тов. Акимов, выдвигающий сразу, видимо от лица всех сторонников «Рабочего Дела», организационные разногласия с «Искрой» (стр. 31 протоколов). На сторону Бунда и «Рабочего Дела» становится тов. Махов (два голоса Николаевского комитета, незадолго перед тем выражавшего свою солидарность с «Искрой!»). Для тов. Махова вопрос совершенно неясен, а «больным местом» он считает и «вопрос о демократическом устройстве или, наоборот (это заметьте!), о централизме» — точь-в-точь, как большинство теперешней нашей «партийной» редакции, которое на съезде не заметило еще этого «больного места»!

Итак, против искровцев выступает Бунд, «Рабочее Дело» и тов. Махов, имеющие вместе как раз те десять голосов, которые и поданы были против нас (стр. 33). *За* подано 30 голосов — цифра, около которой, как увидим ниже, часто колеблются голоса искровцев. Одиннадцать голосов, оказывается, воздержались — видимо, не становясь на сторону ни той, ни другой из борющихся «партий». Интересно отметить, что когда мы голосовали § 2 устава Бунда (отклонение этого § 2 вызвало уход Бунда из партии), то вотировавших за § 2 и воздержавшихся оказалось тоже десять голосов (стр. 289 протоколов), причем воздерживались именно трое рабочедельцев (Брукэр, Мартынов и Акимов) и тов. Махов. Очевидно, что голосование по вопросу о *месте* вопроса о Бунде дало *не случайную* группировку. Очевидно, что не только по техническому вопросу о порядке обсуждения, а *и по существу* расходились с «Искрой» все эти товарищи. Со стороны «Рабочего Дела» это расхождение по существу ясно для всякого, а тов. Махов бесподобно охарактеризовал свое отношение в речи по поводу ухода Бунда (стр. 289—290 прот.). На этой речи стоит остановиться. Тов. Махов говорит, что после резолюции, которая отвергла федерацию, «вопрос о положении Бунда в РСДРП для него из вопроса принципиального становился вопросом реальной политики по отношению к исторически сложившейся национальной организации; здесь я, — продолжает оратор, — не мог не считаться со всеми последствиями, какие могут явиться в результате нашего голосования, и потому вотировал бы за пункт второй в целом». Тов. Махов прекрасно усвоил себе дух «реальной политики»: принципиально он *уже* отверг федерацию, *поэтому* на практике он *вотировал* бы за такой пункт устава, который проводит эту

федерацию! И этот «практичный» товарищ поясняет свою глубоко-принципиальную позицию следующими словами: «Но (знаменитое щедринское «но»!), так как то или иное мое голосование имело лишь принципиальный характер (!!)) и не могло носить характера практического, ввиду почти единогласного голосования всех остальных участников съезда, то я предпочел воздержаться от голосования, чтобы принципиально»... (упаси нас, господи, от этакой принципиальности!)... «оттенить различие своей позиции в данном случае от позиции, защищаемой делегатами Бунда, голосовавшими за пункт. Обратно, я вотировал бы за этот пункт, если бы делегаты Бунда воздержались от голосования его, на чем они предварительно настаивали». Пойми, кто может! Принципиальный человек воздерживается от того, чтобы громко сказать: да, ибо это практически бесполезно, когда все говорят: нет.

Вслед за голосованием по вопросу о месте вопроса о Бунде, на съезде выплыл вопрос о группе «Борьба», приведший тоже к чрезвычайно интересной группировке и тесно связанный с самым «больным» вопросом съезда, вопросом о личном составе центров. Комиссия по определению состава съезда высказывается против приглашения группы «Борьба», согласно *двукратному* решению Организационного комитета (см. стр. 383 и 375 прот.) и докладу *его представителей в комиссии* (стр. 35).

Тов. Егоров, *член ОК*, заявляет, что «вопрос о «Борьбе» (заметьте: о «Борьбе», а не о том или ином ее члене) для него новый», и просит перерыва. Каким образом для члена ОК мог быть новым вопрос, дважды решенный ОК, остается покрытым мраком неизвестности. Во время перерыва происходит заседание ОК (стр. 40 прот.) в том его составе, который случайно находился на съезде (несколько членов ОК из старых членов организации «Искры» на съезде отсутствовало)*. Начинаются прения о «Борьбе». Рабочедельцы высказываются за (Мартынов, Акимов и Брукэр, стр. 36—38). Искровцы (Павлович, Сорокин, Ланге, Троцкий, Мартов и др.) — против. Съезд разделяется опять в знакомой уже нам группировке. Борьба из-за «Борьбы» завязывается упорная, и тов. Мартов выступает с особенно обстоятельной (стр. 38) и «боевой» речью, в которой указывает справедливо на «неравномерность представительства» русских и заграничных групп, на то, что едва ли «хорошо» было бы давать загра-

* О заседании этом см. «Письмо» Павловича²⁰², члена ОК и *единогласно* выбранного до съезда доверенным лицом редакции, ее седьмым членом (прот. Лиги, стр. 44).

ничной группе «привилегию» (золотые слова, особенно поучительные теперь, с точки зрения событий, бывших после съезда!), что не следует поощрять «организационного хаоса в партии, который характеризовался дроблением, не вызываемым никакими принципиальными соображениями» (не в бровь, а в глаз... — «меньшинству» нашего партийного съезда!). Кроме сторонников «Рабочего Дела» *никто* открыто и мотивированно не выступает за «Борьбу» вплоть до закрытия списка ораторов (стр. 40): надо отдать справедливость тов. Акимову и его друзьям, что они, по крайней мере, не вили и не прятались, а открыто вели свою линию, открыто говорили о том, чего хотели.

После закрытия списка ораторов, когда *по существу* высказываться уже нельзя, тов. Егоров «настоятельно требует, чтобы было выслушано постановление ОК, принятое только что». Неудивительно, что члены съезда возмущены таким приемом, и тов. Плеханов, как председатель, выражает свое «недоумение, как может тов. Егоров настаивать на своем требовании». Казалось бы, одно из двух: или высказываться открыто и определенно по существу вопроса перед всем съездом, или не высказываться вовсе. Но дать закрыть список ораторов и затем, под видом «заключительного слова», преподнести съезду *новое* постановление ОК — именно по обсуждавшемуся вопросу — это равносильно удару из-за угла!

Заседание возобновляется после обеда, и бюро, продолжающее недоумевать, решает отступить от «формальности» и прибегнуть к последнему, на съездах лишь в крайних случаях употребительному средству «товарищеского объяснения». Представитель ОК, Попов, сообщает постановление ОК, принятое всеми его членами против одного, Павловича (стр. 43), и предлагающее съезду пригласить Рязанова.

Павлович заявляет, что он отрицал и отрицает законность собрания ОК, что новое постановление ОК *«противоречит его прежнему решению»*. Заявление производит бурю. Тов. Егоров, тоже член ОК и член группы «Южного рабочего», уклоняется от ответа по существу и хочет перенести центр тяжести на вопрос о дисциплине. Тов. Павлович будто бы нарушил партийную дисциплину (!), ибо ОК, обсудив протест Павловича, решил «не доводить до сведения съезда отдельное мнение Павловича». Дебаты переносятся на вопрос о партийной дисциплине, и Плеханов назидательно разъясняет тов. Егорову, при шумных аплодисментах съезда, что *«императивных мандатов у нас нет»* (стр. 42, сравни стр. 379, устав съезда, § 7: «Депутаты не должны быть ограничены в своих полномочиях императивными мандатами. В отправлении

своих полномочий они совершенно свободны и независимы»). «Съезд есть самая высшая партийная инстанция», и, следовательно, нарушает партийную дисциплину и устав съезда именно тот, кто стесняет чем бы то ни было обращение любого делегата *прямо* к съезду по *всем*, без исключения и изъятия, вопросам партийной жизни. Спорный вопрос сводится, таким образом, к дилемме: кружковщина или партийность? Ограничение прав делегатов на съезде во имя воображаемых прав или уставов разных коллегий и кружков, или *полное*, не на словах только, а на деле, распускание *всех* низших инстанций и старых группок перед съездом впредь до создания действительно партийных должностных учреждений. Читатель видит уже отсюда, какую громадную принципиальную важность имел этот спор в самом начале съезда (третье заседание), поставившего себе целью фактически восстановить партию. На этом споре сконцентрировался, так сказать, конфликт старых кружков и группок (вроде «Южного рабочего») с возрождающейся партией. И антиискровские группы сейчас же обнаруживают себя: и бундовец Абрамсон, и тов. Мартынов, горячий союзник нынешней редакции «Искры», и наш знакомый тов. Махов — все они высказываются за Егорова и группу «Южного рабочего» против Павловича. Тов. Мартынов, щеголяющий теперь, наперерыв с Мартовым и Аксельродом, организационным «демократизмом», вспоминает даже... армию, где можно апеллировать к высшей инстанции только чрез посредство низшей!! Истинный смысл этой «компактной» антиискровской оппозиции был совершенно ясен для всякого, кто был на съезде или кто следил внимательно за внутренней историей нашей партии до съезда. Задача оппозиции (может быть, даже не всегда всеми ее представителями сознаваемая, а иногда отстаиваемая по инерции) состояла в том, чтобы оградить независимость, особность, приходские интересы мелких группок от поглощения их широкой партией, создаваемой на искровских началах.

Именно с этой точки зрения подошел к вопросу и тов. Мартов, тогда еще не успевший объединиться с Мартыновым. Тов. Мартов решительно ополчается, и справедливо ополчается, против тех, кто «в представлении о партийной дисциплине не идет дальше обязанностей революционера к той группе *низшего* порядка, в которую он входит». «Никакая *принудительная* (курсив Мартова) группировка внутри единой партии недопустима», — разъясняет Мартов поборникам кружковщины, не предвидя того, как бичует он этими словами свое собственное политическое поведение в конце съезда и после него... Принудительная группировка недопустима для

ОК, но допустима вполне для редакции. Принудительная группировка осуждается Мартовым, смотрящим из центра, и отстаивается Мартовым с того самого момента, когда он оказался недовольным составом центра...

Интересно отметить факт, что тов. Мартов в своей речи особенно подчеркнул, кроме «огромной ошибки» тов. Егорова, обнаруженную ОК политическую неустойчивость. «От имени ОК, — справедливо негодовал Мартов, — внесено предложение, *идущее вразрез* с докладом комиссии (основанным, добавим от себя, на докладе членов ОК: стр. 43, слова Кольцова) и *с предыдущими предложениями ОК*» (курсив мой). Как видите, Мартов ясно понимал *тогда*, до своего «поворота», что замена «Борьбы» Рязановым несколько не устраняет полнейшей противоречивости и шаткости действий ОК (из протоколов съезда Лиги, стр. 57, члены партии могут узнать, как представлялось дело Мартову после его поворота). Мартов не ограничился тогда разбором вопроса о дисциплине; он прямо спросил также ОК: «что случилось нового, чтобы сделать нужной *переделку?*» (курсив мой). В самом деле, ведь ОК, внося свое предложение, не имел даже достаточно мужества, чтобы защищать свое мнение открыто, как защищали его Акимов и др. Мартов опровергает это (прот. Лиги, стр. 56), но читатели протоколов съезда увидят, что Мартов ошибается. Попов, вносящий предложение от имени ОК, *ни слова* не говорит о мотивах (стр. 41 прот. съезда партии). Егоров передвигает вопрос на пункт о дисциплине, а по существу говорит лишь: «у ОК могли явиться новые соображения»... (но явились ли и какие? — неизвестно)... «он мог забыть внести кого-нибудь и т. д.». (Это «и т. д.» — единственное прибежище оратора, ибо ОК не мог *забыть* дважды обсуждавшегося им до съезда и раз перед комиссией вопроса о «Борьбе»). «ОК принял это решение не потому, что изменил свое отношение к группе «Борьба», но потому, что хочет устранить лишние камни на пути будущей центральной организации партии при первых шагах ее деятельности». Это — не мотивировка, а именно уклонение от мотивировки. Всякий искренний социал-демократ (а мы не допускаем и сомнения в искренности кого бы то ни было из участников съезда) заботится об устранении того, что *он считает* подводным камнем, об устранении *теми способами*, какие *он признает* целесообразными. Мотивировать — значит объяснить и точно высказать свой взгляд на вещи, а не отделаться трюизмом. И мотивировать *нельзя бы было*, не «изменяя своего отношения к «Борьбе»», потому что прежние, противоположные решения ОК тоже заботились об устранении подводных

камней, но видели эти «камни» как раз в обратном. Тов. Мартов и напал чрезвычайно резко и чрезвычайно основательно на этот довод, назвав его «мелким» и вызванным желанием «отговариваться», дав совет ОК «не бояться того, что люди скажут». Этими словами тов. Мартов превосходно охарактеризовал суть и смысл того политического оттенка, который сыграл громадную роль на съезде и который отличается именно несамостоятельностью, мелкостью, отсутствием своей линии, боязнью того, что скажут люди, вечным колебанием между обеими определенными сторонами, боязнью открытого изложения своего *credo**, — одним словом «болотностью»**.

Эта политическая бесхарактерность неустойчивой группы привела, между прочим, к тому, что *никто*, кроме бундовца Юдина (стр. 53), так и не внес на съезд резолюции о приглашении одного из членов группы «Борьба». Вотировали за резолюцию Юдина пять голосов — очевидно, все бундовцы: колеблющиеся элементы еще раз переметнулись! Как велико было приблизительно число голосов средней группы, показали вотировки резолюций Кольцова и Юдина по этому вопросу: за искровцем шло 32 голоса (стр. 47), за бундовцем — 16, т. е., кроме восьми антиискровских голосов, два голоса тов. Махова (ср. стр. 46), четыре голоса членов группы «Южного рабочего» и еще два голоса. Мы покажем сейчас, что такое распределение отнюдь нельзя считать случайным, но сначала отметим вкратце *теперешнее* мнение Мартова об этом инциденте с ОК. Мартов утверждал в Лиге, что «Павлович и другие раздували страсти». Достаточно справиться с протоколами съезда, чтобы видеть, что самые обстоятельные, горячие и резкие речи против «Борьбы» и ОК принадлежат самому Мартову. Пытаясь свалить «вину» на Павловича, он только демонстрирует свою неустойчивость: до съезда именно Павловича он выбирал седьмым в редакцию, на съезде вполне присоединялся к Павловичу (стр. 44) против Егорова, а потом, потерпев поражение от Павловича, начинает обвинять его в «раздувании страстей». Это только смешно.

* — символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

** У нас есть теперь в партии люди, которые, слыша это слово, приходят в ужас и кричат о нетоварищеской полемике. Странное извращение чутья под влиянием официальности.., не к месту применяемой! Едва ли хоть одна политическая партия, знающая внутреннюю борьбу, обходилась без этого термина, которым всегда обозначают неустойчивые элементы, колеблющиеся между борцами. И немцы, умеющие двигать внутреннюю борьбу в превосходно выдержанные рамки, не обижаются по поводу слова «versumpft» (— «болотный». *Ред.*) и не приходят в ужас, не проявляют смешной официальной pruderie (— лицемерной стыдливости, ханжества. *Ред.*).

В «Искре» (№ 56) Мартов иронизирует по поводу того, что придается важное значение вопросу о приглашении икса или игрека. Ирония эта обращается опять против Мартова, ибо именно инцидент с ОК послужил завязкой к спорам о таком «важном» вопросе, как приглашение икса или игрека в ЦК и в ЦО. Нехорошо это — мерить на два разных аршина, смотря по тому, *своей* ли «группы низшего порядка» (по отношению к партии) касается дело или *чужой*. Это именно обывательщина и кружковщина, а не партийное отношение к делу. Простое сопоставление речи Мартова в Лиге (стр. 57) с речью на съезде (стр. 44) достаточно доказывает это. «Мне непонятно, — сказал Мартов, между прочим, в Лиге, — как это люди в одно и то же время ухитряются называть себя во что бы то ни стало искровцами и — стыдятся быть искровцами». Странное непонимание различия между «называть себя» и «быть», между словом и делом. Сам Мартов на съезде *называл себя* противником принудительных группировок, а после съезда *был* их сторонником...

г) РАСПУЩЕНИЕ ГРУППЫ «ЮЖНОГО РАБОЧЕГО»

Распределение делегатов в вопросе об ОК могло бы показаться, пожалуй, случайным. Но такое мнение было бы ошибочным, и чтобы устранить его, мы отступим от хронологического порядка и рассмотрим сейчас же инцидент, имевший место в конце съезда, но самым тесным образом связанный с предыдущим. Инцидент этот — распускание группы «Южного рабочего». Против искровских организационных тенденций — полного сплочения партийных сил и устранения дробящего силы хаоса — выступили здесь интересы *одной* из групп, которая делала полезное дело при отсутствии настоящей партии и которая стала излишней при централистической постановке работы. Во имя интересов кружка — группа «Южного рабочего» с неменьшим правом, чем старая редакция «Искры», могла претендовать на сохранение «преемственности» и на свою неприкосновенность. Во имя интересов партии — группа эта должна была подчиниться перемещению ее сил в «соответствующие партийные организации» (стр. 313, конец резолюции, принятой съездом). С точки зрения интересов кружка и «обывательщины» не могло не казаться «щекотливым» (выражение тов. Русова и тов. Дейча) распускание полезной группы, которая так же не хотела этого, как не хотела и старая редакция «Искры». С точки зрения интересов партии являлось необходимым распускание, «растворение» (выражение Гусева) в партии. Группа «Южного рабочего»

прямо заявила, что она «не находит нужным» объявить себя распущенной и требует, чтобы «съезд решительно заявил свое мнение» и притом «немедленно: да или нет». Группа «Южного рабочего» прямо ссыалась на ту самую «преемственность», к которой стала апеллировать старая редакция «Искры»... после ее распускания! «Хотя все мы поодиночке составляем единую партию, — сказал тов. Егоров, — но она все-таки состоит из целого ряда организаций, с которыми приходится считаться, *как с историческими величинами*... Если подобная организация *не вредна партии, то ее не к чему распускать*».

Таким образом, важный *принципиальный* вопрос был поставлен совершенно определенно, и все искровцы — покуда еще интересы их собственной кружковщины не выплывали вперед — решительно встали против неустойчивых элементов (бундовцы и двое из рабочедельцев в это время уже не были на съезде; они несомненно стояли бы горой за необходимость «считаться с историческими величинами»). Голосование дало 31 за, пять против и пять воздержавшихся (четыре голоса членов группы «Южного рабочего» и еще один, вероятно, Белова, судя по его прежним заявлениям, стр. 308). Группа в *десять голосов*, относящаяся резко отрицательно к последовательному организационному плану «Искры» и отстаивающая кружковщину против партийности, обрисовывается с полной определенностью. В дебатах искровцы ставят этот вопрос именно принципиально (см. речь Ланге, стр. 315), высказываясь против кустарничества и разброда, отказываясь считаться с «симпатиями» отдельных организаций, говоря прямо, что «если бы товарищи из «Южного рабочего» держались более принципиальной точки зрения раньше, еще год или два тому назад, то дело объединения партии и торжество тех начал программы, которые мы здесь санкционировали, было бы достигнуто раньше». В этом духе высказываются и Орлов, и Гусев, и Лядов, и Муравьев, и Русов, и Павлович, и Глебов, и Горин. Искровцы из «меньшинства» не только не восстают против этих, неоднократно поднимавшихся на съезде, определенных указаний на недостаточно принципиальную политику и «линию» «Южного рабочего», Махова и других, не только не делают каких-либо оговорок на этот счет, а напротив, в лице Дейча, решительно присоединяются к ним, осуждая «хаос» и приветствуя «прямую постановку вопроса» (стр. 315) того самого тов. Русова, который в *этом же заседании* имел — о ужас! — дерзость «прямо поставить» и вопрос о старой редакции на чисто партийную почву (стр. 325).

Со стороны группы «Южного рабочего» вопрос об ее распускании вызвал страшное возмущение, следы которого есть

и в протоколах (надо не забывать, что протоколы дают лишь бледную картину прений, ибо, вместо полных речей, они приводят самые сжатые конспекты и экстракты). Тов. Егоров назвал даже «ложью» простое упоминание имени группы «Рабочая мысль» наряду с «Южным рабочим» — характерный образчик того, какое отношение к последовательному экономизму господствовало на съезде. Егоров даже гораздо позже, в 37-ом заседании, говорит о распусчении «Южного рабочего» с величайшим раздражением (стр. 356), прося занести в протокол, что при обсуждении вопроса об «Южном рабочем» членов этой группы не спрашивали ни о средствах на издание, ни о контроле ЦО и ЦК. Тов. Попов намекает во время прений о «Южном рабочем» на компактное большинство, как бы предрешившее вопрос об этой группе. *«Теперь, — говорит он (стр. 316), — все, после речей тов. Гусева и Орлова, ясно».* Смысл этих слов несомненен: теперь, когда искровцы высказались и предложили резолюцию, все ясно, т. е. ясно, что «Южный рабочий» будет распущен, вопреки его воле. Представитель «Южного рабочего» сам отделяет здесь искровцев (и притом таких, как Гусева и Орлова) от своих сторонников, как представителей разных «линий» организационной политики. И когда теперешняя «Искра» выставляет группу «Южного рабочего» (а также, вероятно, Махова?) «типичными искровцами», то это лишь наглядно показывает забвение самых крупных (с точки зрения этой группы) событий съезда и желание новой редакции замести следы, указывающие, из каких элементов создалось так называемое «меньшинство».

К сожалению, на съезде не поднялось вопроса о популярном органе. Все искровцы чрезвычайно оживленно обсуждали этот вопрос и до съезда и во время съезда вне заседаний, соглашаясь в том, что в настоящий момент партийной жизни предпринимать издание такого органа или превращать в него один из существующих чрезвычайно нерационально. Антиискровцы высказались на съезде в противоположном смысле, группа «Южного рабочего» тоже в своем докладе, и только случайностью или нежеланием поднимать «безнадежный» вопрос можно объяснить, что за подписью десяти лиц не было внесено соответствующей резолюции.

д) ИНЦИДЕНТ С РАВНОПРАВИЕМ ЯЗЫКОВ

Вернемся к порядку заседаний съезда.

Мы убедились теперь, что еще до перехода к обсуждению вопросов по существу на съезде ясно обнаружилась не только совершенно определенная группа антиискровцев (8 голосов),

но и группа промежуточных, неустойчивых элементов, готовых поддержать эту восьмерку и увеличить ее приблизительно до 16—18 голосов.

Вопрос о месте Бунда в партии, обсуждавшийся на съезде чрезвычайно, чересчур подробно, свелся к решению принципиального тезиса, практическое же решение было отложено до обсуждения организационных отношений. Ввиду того, что в литературе до съезда довольно много места было уделено разъяснению относящихся сюда тем, на съезде обсуждение дало мало сравнительно нового. Нельзя не заметить только, что сторонники «Рабочего Дела» (Мартынов, Акимов и Брукэр), соглашаясь с резолюцией Мартова, оговаривали, что признают ее недостаточность и расходятся в выводах из нее (стр. 69, 73, 83, 86).

От вопроса о месте Бунда съезд перешел к программе. Прения вращались здесь большей частью около частных поправок, представляющих мало интереса. Принципиально оппозиция антиискровцев выразилась лишь в походе тов. Мартынова против пресловутой постановки вопроса о стихийности и сознательности. За Мартынова встали, конечно, бундовцы и рабочедельцы целиком. Неосновательность его возражений показали, между прочим, Мартов и Плеханов. Как курьез надо отметить, что теперь редакция «Искры» (подумав, должно быть) перешла на сторону Мартынова и говорит обратное тому, что говорила на съезде!²⁰³ Должно быть, это соответствует знаменитому принципу «преемственности»... Остается выждать, когда редакция разберется вполне и выяснит нам вопрос, в какой именно мере согласилась она с Мартыновым, в чем именно и с какого именно времени. В ожидании этого мы спросим только, видан ли где-нибудь такой *партийный* орган, редакция которого заговорила после съезда как раз обратное тому, что она говорила на съезде?

Минуя споры о признании «Искры» Центральным Органом (мы касались уже их выше) и начало дебатов об уставе (их удобнее будет рассмотреть в связи со всем обсуждением устава), перейдем к обнаружившимся при обсуждении программы принципиальным оттенкам. Отметим прежде всего одну деталь чрезвычайно характерного свойства: прения по вопросу о пропорциональном представительстве. Тов. Егоров из «Южного рабочего» защищал внесение его в программу и защищал так, что вызвал справедливое замечание Посадовского (искровец из меньшинства) о «серьезном разногласии». «Несомненно, — сказал тов. Посадовский, — что мы не сходимся по следующему основному вопросу: *нужно ли подчи-*

нить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии? Я решительно высказываюсь за последнее». Плеханов «вполне присоединяется» к Посадовскому, восставая в еще более определенных и более решительных выражениях против «абсолютной ценности демократических принципов», против «отвлеченного» рассматривания их. «Гипотетически мыслим случай, — говорит он, — когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права». Речь Плеханова встречена рукоплесканиями и *шikanьем*, и когда Плеханов опротестовывает *Zwischenruf* * «вы не должны шикать» и просит товарищей не стесняться, то тов. Егоров встает и говорит: «раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать». Вместе с тов. Гольдблатом (делегатом Бунда) тов. Егоров высказывается против взглядов Посадовского и Плеханова. К сожалению, дебаты были закрыты, и выплывший по поводу них вопрос сошел тотчас со сцены. Но напрасно старается теперь тов. Мартов ослабить и даже свести на нет его значение, говоря на съезде Лиги: «Эти слова (Плеханова) вызвали негодование части делегатов, которого легко было бы избежать, если бы тов. Плеханов добавил, что, разумеется, нельзя себе представить такого трагического положения дел, при котором пролетариату для упрочения своей победы приходилось бы попирать такие политические права, как свободу печати... (Плеханов: «тегсі»)» (стр. 58 прот. Лиги). Это толкование *прямо* противоречит совершенно категорическому заявлению тов. Посадовского *на съезде* о «серьезном разногласии» и расхождении по «основному вопросу». По этому основному вопросу все искровцы высказались на съезде *против* представителей антиискровской «правой» (Гольдблат) и съездовского «центра» (Егоров). Это факт, и можно смело ручаться, что если бы «центру» (надеюсь, это слово будет менее шокировать «официальных» сторонников мягкости, чем какое-либо другое...), если бы «центру» пришлось (в лице тов. Егорова или Махова) высказываться «*непринужденно*» по этому или

* — замечание с места во время речи оратора, реплика, *Ред.*

аналогичным вопросам, то серьезное разногласие обнаружилось бы немедленно.

Оно обнаружилось еще рельефнее по вопросу о «равноправии языков» (стр. 171 и след. прот.). По этому пункту красноречивы не столько прения, сколько голосования: подсчитывая сумму их, получаем невероятное число — *шестнадцать!* Из-за чего? Из-за того, достаточно ли в программе оговорить равноправность всех граждан, независимо от пола и т. д. и языка или же необходимо сказать: «свобода языка» или «равноправие языков». Тов. Мартов на съезде Лиги довольно верно охарактеризовал этот эпизод, сказавши, что «ничтожный спор о редакции одного пункта программы принял принципиальное значение, потому что половина съезда готова была свергнуть программную комиссию». Именно так*. Повод к столкновению был именно ничтожный, и тем не менее столкновение приняло действительно *принципиальный* характер, а потому и страшно ожесточенные формы вплоть до попытки «свергнуть» программную комиссию, вплоть до подозрений в желании «подвести съезд» (в этом заподозрил Егоров Мартова!), вплоть до обмена личными замечаниями самого... ругательного свойства (с. 178). Даже тов. Попов «выражал сожаление, что по поводу пустяков создается *такая атмосфера*» (курсив мой, с. 182), которая царила в течение трех заседаний (16, 17 и 18).

Все эти выражения в высшей степени определено и категорически указывают на тот важнейший факт, что атмосфера «подозрений» и самых ожесточенных форм борьбы («свержение»), — в создании которой обвинялось потом, на съезде Лиги, большинство искровцев! — на самом деле создавалась *гораздо раньше, чем мы раскололись на большинство и меньшинство*. Повторяю, это факт громадной важности, основной факт, непонимание которого приводит очень и очень мно-

* Мартов добавляет: «В этом случае нам сильно повредила острота Плеханова об ослах» (когда говорили о свободе языка, то один бундовец, кажется, упомянул среди учреждений учреждение коннозаводства, и Плеханов бросил про себя: «лошади не говорят, а вот ослы иногда разговаривают»). Я, конечно, не могу видеть в этой остроте особой мягкости, уступчивости, осмотрительности и гибкости. Но мне все же странно, что Мартов, признавши *принципиальное значение* спора, не останавливается совершенно на разборе того, в чем тут принципиальность и какие оттенки тут сказались, а ограничивается указанием на «вред» острот. Это уж вот поистине бюрократическая и формалистическая точка зрения! Резкие остроты действительно «сильно повредили на съезде» и не только остроты насчет бундовцев, но и насчет тех, кого иногда поддерживали и даже спасали от поражения бундовцы. Однако, раз признано принципиальное значение инцидента, нельзя отделяться фразой о «непозволительности» (стр. 58 прот. Лиги) некоторых острот,

гих к самым легкомысленным мнениям относительно искусственности большинства в конце съезда. С теперешней точки зрения тов. Мартова, уверяющего, что на съезде было $\frac{9}{10}$ искровцев, абсолютно необъясним и нелеп тот факт, что из-за «пустяков», из-за «ничтожного» повода могло произойти столкновение, получившее «принципиальный характер» и едва не доведшее до свержения съездовской комиссии. Было бы смешно отделываться от этого факта сетованиями и сожалениями по поводу «повредивших» острот. *Принципиального* значения столкновение не могло получить ни из-за каких резких острот, такое значение могло получиться исключительно в силу характера политических группировок на съезде. Не резкости и не остроты создали конфликт, — они были только *симптомом* того, что в самой политической группировке съезда есть «противоречие», есть все залог конфликта, есть внутренняя неоднородность, которая с имманентной силой прорывается при каждом, *даже ничтожном*, поводе.

Напротив, с той точки зрения, с которой я смотрю на съезд и которую я считаю своим долгом отстаивать, как известное политическое понимание событий, хотя бы это понимание и казалось кому-либо обидным, — с этой точки зрения вполне объясним и неизбежен отчаянно-резкий конфликт *принципиального* характера по «ничтожному» поводу. Раз у нас на съезде *все время* шла борьба искровцев с антиискровцами, раз между ними стояли неустойчивые элементы, раз эти последние вместе с антиискровцами составляли $\frac{1}{3}$ голосов ($8 + 10 = 18$ из 51, по моему счету, разумеется, приблизительно), — то совершенно понятно и естественно, что *всякое отпадение от искровцев хотя бы небольшого меньшинства их* создавало возможность победы антиискровского направления и вызывало, поэтому, «бешеную» борьбу. Это не результат неуместно резких выходов и нападок, а результат политической комбинации. Не резкости создавали политический конфликт, а существование политического конфликта в самой группировке съезда создавало резкости и нападки, — в этом противопоставлении заключается основное наше принципиальное расхождение с Мартовым в оценке политического значения съезда и результатов съезда.

В течение всего съезда было три наиболее крупных случая отпадения незначительного числа искровцев от большинства их, — равноправие языков, § 1 устава и выборы — и во всех этих трех случаях получалась ожесточенная борьба, приведшая в конце концов к теперешнему тяжелому кризису в партии. Чтобы политически осмыслить этот кризис и эту борьбу, надо не ограничиваться фразами о непозволительных

остротах, а рассмотреть политические группировки оттенков, столкнувшихся на съезде. Инцидент с «равноправием языков» представляет поэтому двойной интерес с точки зрения выяснения причин расхождения, ибо здесь еще Мартов был (еще был!) искровцем и воевал едва ли не больше всех против антиискровцев и «центра».

Война началась спором тов. Мартова с лидером бундовцев, тов. Либером (стр. 171—172). Мартов доказывает достаточность требования «равноправия граждан». «Свобода языка» отклоняется, но сейчас же выдвигается «равноправие языков», и вместе с Либером ополчается на бой тов. Егоров. Мартов заявляет, что это — *фетишизм*, «когда ораторы настаивают на равноправии национальностей и переносят неравноправность в область языка. Между тем, вопрос следует рассматривать как раз с другой стороны: существует неравноправность национальностей, которая выражается, между прочим, и в том, что люди, принадлежащие к известной нации, лишены права пользоваться родным языком» (стр. 172). Мартов был тогда совершенно прав. Действительно, каким-то фетишизмом являлась абсолютно несостоятельная попытка Либера и Егорова защитить правильность их формулировки и найти у нас нежелание или неумение провести принцип равноправия национальностей. На самом деле они, как «фетишисты», отстаивали именно слово, а не принцип, действовали не из боязни какой-либо принципиальной ошибки, а из боязни того, что скажут люди. Как раз эту психологию неустойчивости (а что если нас за это «другие» обвинят?), — отмеченную нами в инциденте с Организационным комитетом, — проявил тут с полной ясностью и весь наш «центр». Другой представитель его, близко стоящий к «Южному рабочему» горнозаводский делегат Львов, «считает вопрос об угнетении языков, выдвинутый окраинами, очень серьезным. Важно, чтобы мы, поставивши пункт об языке в нашей программе, удалили всякое предположение о русификаторстве, в котором могут подозревать социал-демократов». Вот замечательная мотивировка «серьезности» вопроса. Вопрос очень серьезен *потому*, что надо удалить возможные подозрения окраин! Оратор не дает ровно ничего по существу, он не отвечает на обвинения в фетишизме, а целиком подтверждает их, выказывая полное отсутствие своих доводов, отделяваясь ссылкой на то, что скажут окраины. Все, что они *могли бы* сказать, *неверно*, — говорят ему. Вместо разбора, верно это или неверно, он отвечает: «*могут подозревать*».

Такая постановка вопроса, с претензией на его серьезность и важность, действительно уже получает принципиаль-

ный характер, только вовсе не тот, который хотели найти тут Либеры, Егоровы, Львовы. Принципиальным становится вопрос: должны ли мы предоставить организациям и членам партии применять общие и основные положения программы, применяя их к конкретным условиям и развивая их в направлении такого применения, или мы должны, из простой боязни подозрений, заполнять программу мелкими деталями, частными указаниями, повторениями, казуистикой. Принципиальным становится вопрос о том, как могут социал-демократы в борьбе с казуистичностью усматривать («подозревать») попытки сужения элементарных демократических прав и вольностей. Да когда же, наконец, мы отучимся от этого фетишистского преклонения пред казусами? — вот мысль, которая мелькала у нас при виде борьбы из-за «языков».

Группировка делегатов в этой борьбе особенно ясна, благодаря обилию именных голосований. Их было целых три. Против искровского ядра горой стоят все время все антиискровцы (8 голосов) и, с самыми небольшими колебаниями, весь центр (Махов, Львов, Егоров, Попов, Медведев, Иванов, Царев, Белов, — только два последние колебались вначале, то воздерживаясь, то голосуя с нами, и определились вполне лишь к третьему голосованию). От искровцев отпадает часть — главным образом, кавказцы (трое с шестью голосами) — и благодаря этому перевес, в конце концов, получает направление «фетишизма». При третьем голосовании, когда сторонники обеих тенденций наиболее выяснили свои позиции, от искровцев большинства отделились к противной стороне трое кавказцев с шестью голосами; от искровцев меньшинства отделились двое с двумя голосами — Посадовский и Костич; при двух первых голосованиях переходили к противной стороне или воздерживались: Ленский, Степанов и Горский из большинства искровцев, Дейч из меньшинства. *Отделение восьми искровских голосов (от всего числа 33) дало перевес коалиции антиискровцев и неустойчивых элементов.* Это — именно тот основной факт съездской группировки, который повторился (при отделении других только искровцев) и при голосовании § 1 устава и при выборах. Неудивительно, что потерпевшие поражение на выборах старательно закрывают теперь глаза на *политические причины* этого поражения, на *исходные пункты* той борьбы оттенков, которая все более вскрывала и все беспощаднее разоблачала перед партией неустойчивые и политически бесхарактерные элементы. Инцидент с равноправием языков показывает нам эту борьбу тем рельефнее, что тогда еще и тов. Мартов не успел заслужить похвал и одобрения Акимова и Махова.

е) АГРАРНАЯ ПРОГРАММА

Принципиальная невыдержанность антиискровцев и «центра» сказалась рельефно и на прениях об аграрной программе, которые заняли немало времени у съезда (см. стр. 190—226 прот.) и поставили немало чрезвычайно интересных вопросов. Как и следовало ожидать, поход против программы поднимает тов. Мартынов (после мелких замечаний тов. Либера и Егорова). Он выдвигает старый довод об исправлении «именно данной исторической несправедливости», чем будто бы косвенно мы «освящаем другие исторические несправедливости» и т. д. На его сторону становится и тов. Егоров, которому даже «неясно, каково значение этой программы. Есть ли это — программа для нас, т. е. определяет ли она требования, которые мы выставляем, или мы хотим сделать ее популярной» (!?!?). Тов. Либер «хотел бы сделать те же указания, что и тов. Егоров». Тов. Махов выступает со свойственной ему решительностью, заявляя, что «большинство (?) из говоривших решительно не понимает, что из себя представляет выставленная программа и какие цели она преследует». Предлагаемую программу, видите ли, «трудно считать за соц.-дем. аграрную программу»; она... «несколько пахнет игрой в исправление исторических несправедливостей», на ней лежит «оттенок демагогии и авантюризма». Теоретическим подтверждением этого глубокомыслия является обычная утрировка и упрощение вульгарного марксизма: искровцы будто бы «с крестьянами хотят оперировать, как с чем-то единым по составу; а так как крестьянство уж давно (?) расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь делается авантюрой» (202). Тов. Махов «выбалтывает» здесь истинную причину отрицательного отношения к нашей аграрной программе со стороны многих социал-демократов, готовых «признавать» «Искру» (как признал ее и сам Махов), но совершенно не продумавших ее направление, ее теоретическую и тактическую позицию. Именно вульгаризация марксизма в применении его к такому сложному и многостороннему явлению, как современный уклад русского крестьянского хозяйства, вызывала и вызывает непонимание этой программы, а вовсе не расхождение по отдельным частностям. И на такой вульгарно-марксистской точке зрения быстро сошлись лидеры антиискровских элементов (Либер и Мартынов) и «центра» — Егоров и Махов. Тов. Егоров откровенно выразил также одну из характерных черт «Южного рабочего» и тяго-

теющих к нему групп и кружков, именно — непонимание значения крестьянского движения, непонимание того, что не переоценка, а, наоборот, скорее недооценка этого значения (и недостаток сил для использования движения) составляла слабую сторону наших социал-демократов во время первых знаменитых крестьянских восстаний. «Я далек от увлечения редакцией крестьянским движением, — сказал т. Егоров, — увлечения, после крестьянских волнений охватившего многих социал-демократов». Тов. Егоров не потрудился только, к сожалению, познакомить съезд сколько-нибудь точно с тем, в чем же выразилось это увлечение *редакции*, не потрудился привести конкретных указаний на литературный материал, данный «Искрой». Он забыл, кроме того, что *все* основные пункты нашей аграрной программы были развиты «Искрой» еще в ее третьем номере*, т. е. *задолго* до крестьянских волнений. Кто «признавал» «Искру» не на словах только, тому не грех было бы проявить немного больше внимания к ее теоретическим и тактическим принципам!

«Нет, в крестьянстве мы много сделать не можем!» — восклицает т. Егоров и объясняет далее это восклицание не в смысле протеста против того или другого отдельного «увлечения», а в смысле отрицания всей нашей позиции: «Это и значит, что наш лозунг не может конкурировать с авантюристским лозунгом». Прехарактерная формулировка беспринципного отношения к делу, сводящего все к «конкуренции» лозунгов разных партий! И это говорится после того, как оратор объявляет себя «удовлетворенным» теоретическими объяснениями, в которых указывалось, что мы стремимся к прочному успеху в агитации, не смущаясь временными неудачами, и что прочный успех (вопреки шумным крикам «конкурентов»... на минуту) невозможен без устойчивого теоретического базиса программы (с. 196). Какая путаница вскрывается этим уверением об «удовлетворенности» и немедленным повторением вульгарных положений, унаследованных от старого экономизма, для которого «конкуренция лозунгов» решала все вопросы не аграрной только, а всей программы и всей тактики экономической и политической борьбы. «Вы не заставьте батрака, — говорил т. Егоров, — бороться рядом с богатым крестьянином за отрезки, которые уже в немалой части находятся в руках этого богатого крестьянина».

Опять то же упрощение, несомненно приходящееся сродни нашему оппортунистическому экономизму, который настаивал,

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 429—437; 4 изд., том 4, стр. 394—401. *Ред.*

что невозможно «заставить» пролетария бороться за то, что в немалой части находится в руках буржуазии и в еще большей части попадет в ее руки в будущем. Опять та же вульгаризация, забывающая о русских особенностях общекапиталистического отношения между батраком и богатым крестьянином. Отрезки дают сейчас, дают на деле и батрака, которого нечего «заставлять» бороться за освобождение от кабалы. «Заставлять» приходится некоторых интеллигентов — заставлять пошире взглянуть на свои задачи, заставлять отказаться от шаблонов при обсуждении конкретных вопросов, заставлять считаться с исторической конъюнктурой, усложняющей и модифицирующей наши цели. Именно только предрассудок, что мужик глуп, — предрассудок, проскальзывавший, по справедливому замечанию т. Мартова (с. 202), в речах т. Махова и других противников аграрной программы, — только предрассудок объясняет забвение этими противниками реальных условий быта нашего батрака.

Упростив вопрос до голого противоположения: рабочий и капиталист, представители нашего «центра» старались, как водится, свалить свою узость на мужика. «Именно потому, — говорил т. Махов, — что я считаю мужика в меру его узкой классовой точки зрения умным, я полагаю, что он будет стоять за мелкобуржуазный идеал захвата и раздела». Тут смешиваются явно две вещи: характеристика классовой точки зрения мужика, как мелкого буржуа, и *сужение* этой точки зрения, сведение ее к «узкой мере». Вот в этом-то сведении и заключается ошибка Егоровых и Маховых (точно так же, как в сведении к «узкой мере» точки зрения пролетария состояла ошибка Мартыновых и Акимовых). Между тем и логика, и история учат, что мелкобуржуазная классовая точка зрения может быть более или менее узкой, более или менее прогрессивной, именно ввиду двойственности положения мелкого буржуа. И наша задача никоим образом не может состоять в опускании рук по поводу узости («глупости») мужика или господства над ним «предрассудка», а, наоборот, в неустанном расширении его точки зрения, в содействии победе его рассудка над его предрассудком.

Вульгарно-«марксистская» точка зрения на русский аграрный вопрос нашла свое кульминационное выражение в заключительных словах принципиальной речи т. Махова, верного защитника старой редакции «Искры». Недаром встречены были эти слова аплодисментами... правда, ироническими. «Я не знаю, конечно, что называть бедой», — говорит т. Махов, возмущенный указанием Плеханова, что движение в пользу черного передела нас несколько не пугает, что

не мы стали бы задерживать это прогрессивное (буржуазно-прогрессивное) движение. — «Но революция эта, если ее можно так назвать, будет нереволюционной. Я сказал бы правильнее, что это будет уже не революция, а реакция (с м е х), революция вроде бунта... Подобная революция отбросит нас назад, и потребуются известное время для того, чтобы вновь прийти к тому положению, которое мы теперь имеем. А мы теперь имеем гораздо больше, чем во время французской революции (и р о н и ч е с к и е а п л о д и с м е н т ы), мы имеем социал-демократическую партию (с м е х)»... Да, такая социал-демократическая партия, которая рассуждала бы по-маховски, или имела центральные учреждения, опирающиеся на Маховых, действительно заслуживала бы только смеха...

Мы видим, таким образом, что и по чисто принципиальным вопросам, поднятым аграрной программой, сейчас же сказалась знакомая уже нам группировка. Антиискровцы (8 голосов) идут в поход во имя вульгарного марксизма, за ними плетутся вожди «центра», Егоровы и Маховы, путаясь и сбиваясь постоянно на ту же узкую точку зрения. Совершенно естественно поэтому, что голосование некоторых пунктов аграрной программы дает цифры 30 и 35 голосов за (стр. 225 и 226), т. е. как раз именно то приблизительное число, которое мы видели и при споре о месте обсуждения вопроса о Бунде, и на инциденте с ОК, и на вопросе о закрытии «Южного Рабочего». Стоит подняться вопросу, сколько-нибудь выходящему из рамок обычного и установленного уже шаблона, сколько-нибудь требующему самостоятельного приложения теории Маркса к своеобразным и новым (для немцев новым) социально-экономическим отношениям, — и тотчас же искровцев, умеющих стать на высоту задачи, оказывается лишь $\frac{3}{5}$ голосов, тотчас же весь «центр» поворачивает за Либерами и Мартыновыми. А тов. Мартов усиливается еще затушевывать этот очевидный факт, боязливо обходя те голосования, где ясно обнаружились оттенки!

Из прений по аграрной программе ясно видна борьба искровцев против добрых двух пятых съезда. Кавказские делегаты занимали тут совершенно правильную позицию, — в значительной степени, вероятно, благодаря тому, что близкое знакомство с местными формами многочисленных остатков крепостничества предостерегало их от абстрактно-школьнических голых противопоставлений, удовлетворявших Маховых. Против Мартынова и Либера, Махова и Егорова ополчались и Плеханов, и Гусев (подтверждающий, что «такой пессимистический взгляд на нашу работу в деревне»... как взгляд

тов. Егорова... ему «приходилось встречать нередко среди действовавших в России товарищей»), и Костров, и Карский, и Троцкий. Последний правильно указывает, что «благожелательные советы» критиков аграрной программы «слишком отдают *филистерством*». Надо заметить лишь к вопросу об изучении политических группировок на съезде, что в этом месте его речи (страница 208) едва ли правильно поставлен рядом с Егоровым и Маховым товарищ Ланге. Кто внимательно прочтет протоколы, тот увидит, что Ланге и Горин занимают совсем не ту позицию, какую занимают Егоров и Махов. Ланге и Горину не нравится формулировка пункта об отрезках, они понимают вполне идею нашей аграрной программы, пытаюсь *иначе* провести ее в жизнь, работая положительно над тем, чтобы подыскать более безупречную, с их точки зрения, формулировку, внося проекты резолюций с тем, чтобы убедить авторов программы или встать на их сторону против всех неискровцев. Достаточно сравнить, напр., предложения Махова об отклонении всей аграрной программы (стр. 212, за *девять*, против 38) и ее отдельных пунктов (стр. 216 и др.) с позицией Ланге, *вносящего* самостоятельную редакцию пункта об отрезках (стр. 225), чтобы убедиться в коренном различии между ними*.

Говоря дальше о доводах, отдающих «филистерством», тов. Троцкий указал, что «в наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством»... «Пред лицом этой задачи скептицизм и политическая «дальновидность» Махова и Егорова вреднее всякой близорукости». Тов. Костич, другой искровец меньшинства, очень метко указал на «неуверенность в себе, в своей принципиальной устойчивости» со стороны тов. Махова, — характеристика, попадающая не в бровь, а в глаз нашему «центру». «В пессимизме тов. Махов сошелся с тов. Егоровым, хотя между ними есть оттенки, — продолжал тов. Костич. — Он забывает, что уже в данное время социал-демократы работают в крестьянстве, уже руководят их движением в той мере, как это возможно. И этим своим пессимизмом они суживают размах нашей работы» (стр. 210).

Чтобы покончить с вопросом о программных прениях на съезде, стоит отметить еще краткие дебаты о поддержке оппозиционных течений. В нашей программе ясно сказано, что социал-демократическая партия поддерживает «всякое *оппозиционное* и революционное движение, *направленное против существующего в России общественного и политического по-*

* Ср. речь Горина, стр. 213.

рядка»²⁰⁴. Казалось бы, эта последняя оговорка достаточно точно показывает, *какие именно* из оппозиционных течений мы поддерживаем. Тем не менее различие оттенков, давно уже сложившихся в нашей партии, сразу обнаружилось *и тут*, как ни трудно было предположить, что возможны еще «недоумения и недоразумения» по вопросу, до такой степени разжеванному! Дело было, очевидно, именно не в недоразумениях, а в *оттенках*. Махов, Либер и Мартынов сейчас же забили тревогу и опять-таки оказались в таком «компактном» меньшинстве, что тов. Мартову пришлось бы, пожалуй, и здесь объяснять это интригой, подстраиванием, дипломатией и прочими милыми вещами (см. речь его на съезде Лиги), к которым прибегают люди, неспособные вдуматься в политические причины образования «компактных» групп и меньшинства и большинства.

Махов начинает опять с вульгарного упрощения марксизма. «У нас единственный революционный класс — пролетариат, — заявляет он, и из этого справедливого положения делает сейчас же несправедливый вывод: — остальные так себе, сбоку припека (общий смех)... Да, сбоку припека и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать» (с. 226). Бесподобная формулировка своей позиции тов. Маховым многих (из его сторонников) смутила, но по существу дела с ним сошлись и Либер и Мартынов, предлагая устранить слово «оппозиционное» или ограничить его добавлением «демократическое-оппозиционное». Против этой поправки Мартынова справедливо восстал Плеханов. «Мы должны критиковать либералов, — говорил он, — разоблачать их половинчатость. Это верно... Но, разоблачая узость и ограниченность всех других движений, кроме социал-демократического, мы обязаны разъяснять пролетариату, что по сравнению с абсолютизмом даже конституция, не дающая всеобщего избирательного права, есть шаг вперед и что поэтому он не должен предпочитать существующий порядок такой конституции». Товарищи Мартынов, Либер и Махов не соглашались с этим и отстаивают свою позицию, на которую нападают Аксельрод, Старовер, Троцкий и еще раз Плеханов. Тов. Махов успел при этом еще раз побить самого себя. Сначала он сказал, что остальные классы (кроме пролетариата) «так себе» и он «против того, чтобы их поддерживать». Потом он смиростивился и признал, что, «будучи реакционной по существу, буржуазия часто бывает революционной, — когда, например, идет речь о борьбе с феодализмом и его остатками». «Но есть группы, — продолжал он, поправляясь еще раз из кулька в рогожку, — которые всегда (?)»

реакционны, — таковы ремесленники». Вот до каких перлов в принципиальном отношении договаривались те самые лидеры нашего «центра», которые потом с пеной у рта защищали старую редакцию! Именно ремесленники даже в Западной Европе, где цеховое устройство было так сильно, проявляли, как и другие мелкие буржуа в городах, особенную революционность в эпоху падения абсолютизма. Именно русскому социал-демократу особенно нелепо повторять, не подумавши, то, что говорят западные товарищи про теперешних ремесленников в эпоху, отстоящую на столетие и полустолетие от падения абсолютизма. В России реакционность ремесленников по сравнению с буржуазией в области политических вопросов является не более как шаблонно заученной фразой.

К сожалению, в протоколах не сохранилось никаких указаний на число голосов, которое собрали отвергнутые поправки Мартынова, Махова и Либера по данному вопросу. Мы можем сказать лишь, что лидеры антиискровских элементов и один из лидеров «центра»* сплотились и тут в знакомой уже нам группировке против искровцев. Подводя итог всем прениям о программе, нельзя не сделать того вывода, что не было *ни разу* сколько-нибудь оживленных, возбуждавших всеобщий интерес, дебатов, которые бы не обнаружили разницы оттенков, замалчиваемой ныне товарищем Мартовым и новой редакцией «Искры».

ж) УСТАВ ПАРТИИ. ПРОЕКТ т. МАРТОВА

От программы съезд перешел к уставу партии (мы минуем затронутый выше вопрос о ЦО и делегатские доклады, которые, к сожалению, не могли быть представлены в удовлетворительном виде большинством делегатов). Нечего и говорить, что вопрос об уставе имел для всех нас громадное значение. В самом деле, ведь «Искра» выступила с самого начала не только в качестве литературного органа, но и в качестве *организационной* ячейки. В редакционной статье четвертого номера («С чего начать?») «Искра» выдвинула це-

* Другой лидер той же группы, «центра», тов. Егоров, высказался по вопросу о поддержке оппозиционных течений в другом месте, по поводу резолюции Аксельрода о социалистах-революционерах²⁰⁵ (стр. 359). Тов. Егоров усмотрел «противоречие» между требованием программы *поддерживать* всякое оппозиционное и революционное движение и *отрицательным* отношением и к социалистам-революционерам и к либералам. В иной форме и несколько с другой стороны подходя к вопросу, тов. Егоров обнаружил здесь то же узкое понимание марксизма и то же неустойчивое, полувраждебное отношение к («признанной» им) позиции «Искры», как и товарищи Махов, Либер и Мартынов.

лый организационный план*, и систематически, неуклонно проводила этот план в течение *трех лет*. Когда второй съезд партии признал «Искру» Центральным Органом, то в числе трех пунктов мотивировки соответствующей резолюции (стр. 147) два пункта были посвящены *именно этому организационному плану и организационным идеям «Искры»*: роль ее в деле руководства *практической* партийной работой и руководящая роль в объединительной работе. Совершенно естественно поэтому, что работа «Искры» и все дело партийной организации, все дело *фактического* восстановления партии *не могло* считаться оконченным без признания всей партией и формального закрепления определенных организационных идей. Выполнить эту задачу и должен был организационный устав партии.

Основные идеи, которые «Искра» стремилась положить в основу партийной организации, сводились в сущности к следующим двум. Первая, идея централизма, принципиально определяла способ решения всей массы частных и детальных организационных вопросов. Вторая — особая роль идейно руководящего органа, газеты, учитывала временные и особые нужды именно русского социал-демократического рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания *первоначальной* операционной базы революционного натиска за границей. Первая идея, как единственно принципиальная, должна была проникать собой весь устав; вторая, как частная, порождаемая временными обстоятельствами места и образа действия, выражалась в *кажущемся* отступлении от централизма, в создании *двух центров, ЦО и ЦК*. Обе эти основные идеи искровской организации партии были развиты мной и в редакционной статье «Искры» (№ 4) «С чего начать?»** и в «Что делать?»*** и, наконец, подробно разъяснены в виде почти что устава в «Письме к товарищу»****. Оставалась только, в сущности, редакционная

* В речи своей о признании «Искры» Центральным Органом тов. Попов, между прочим, говорил: «Я вспоминаю статью в 3 или 4 номере «Искры» — «С чего начать?». Многие из действующих в России товарищей нашли ее нетактичной; другим этот план казался фантастическим, и большинство (? вероятно, большинство окружавших тов. Попова лиц) объясняло его только честолюбием» (стр. 140). Как видит читатель, мне уже не привыкать стать к этому объяснению моих политических взглядов честолюбием, объяснению, подогретому теперь тов. Аксельродом и тов. Мартовым.

** См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1—13; 4 изд., том 5, стр. 1—12. *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 80—236. *Ред.*

**** См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 7—25; 4 изд., том 6, стр. 205—224. *Ред.*

работа для того, чтобы сформулировать параграфы устава, который должен был воплотить в жизнь именно эти идеи, если признание «Искры» не оставалось на бумаге, не было только условной фразой. В предисловии к переизданной мной «Письму к товарищу» я уже указывал, что достаточно простого сличения устава партии с этой брошюрой для установления полного тождества организационных идей там и здесь*.

По поводу редакционной работы формулировки искровских организационных идей в уставе мне приходится коснуться одного инцидента, поднятого тов. Мартовым. «...Фактическая справка вам покажет, — говорил Мартов на съезде Лиги (стр. 58), — насколько неожиданным было для Ленина мое впадение в оппортунизм по этому (т. е. первому) параграфу. За 1½—2 месяца до съезда я показал Ленину мой проект, где § 1 был изложен как раз так, как это было мной предложено на съезде. Ленин высказался против моего проекта, как слишком детального, и сказал мне, что ему нравится только идея § 1 — определение членства, которую он воспримет в свой устав с видоизменениями, ибо находит мою формулировку неудачной. Таким образом, Ленин был знаком с моей формулировкой уже давно, он знал мои взгляды по этому вопросу. Вы видите, таким образом, что я поехал на съезд с открытым забралом, не скрывая своих взглядов. Я предупредил, что буду бороться с взаимной кооптацией, с принципами единогласия при кооптации в Центральный Комитет и Центральный Орган и так далее».

Насчет предупреждения о борьбе с взаимной кооптацией мы в своем месте увидим, как было дело. Теперь остановимся на этом «открытом забрале» мартовского устава. Передавая в Лиге по памяти эпизод со своим неудачным проектом (который Мартов на съезде сам взял назад, как неудачный, а после съезда, со свойственной ему последовательностью, опять извлек на свет божий), — Мартов, как водится, многое перезабыл и поэтому опять напутал. Казалось бы, довольно уже было фактов, предостерегающих от ссылок на частные разговоры и на свою память (невольны вспоминают люди только то, что им выгодно!), — и все же тов. Мартов, за неимением другого материала, пользуется недоброкачественным. Теперь даже и тов. Плеханов начинает подражать ему — должно быть, дурной пример заразителен.

«Идея» первого параграфа в проекте Мартова не могла мне «нравиться», ибо *никакой идеи*, выплывшей на

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 5—6; 4 изд., том 7, стр. 115—116. *Ред.*

съезде, в его проекте и не было. Память ему изменила. Мне посчастливилось найти в бумагах проект Мартова, где *«первый параграф изложен как раз не так, как это было им предложено на съезде»!* Вот вам и «открытое забрало»!

§ 1 в проекте Мартова: «Принадлежащим к Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов (sic! *) партии».

§ 1 в моем проекте: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

§ 1 в формулировке, предложенной Мартовым на съезде и принятой съездом: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Из этого сопоставления ясно видно, что в проекте Мартова именно нет никакой *идеи*, а есть только *пустая фраза*. Что члены партии работают под контролем и руководством *органов* партии, это ясно само собой, *это не может быть иначе*, об этом говорят только люди, любящие говорить, чтобы ничего не сказать, любящие наполнять «уставы» бездной словесной воды и бюрократических (т. е. ненужных для дела и якобы нужных для парада) формул. *Идея* первого параграфа появляется лишь с постановкой вопроса: могут ли *органы партии* осуществлять *на деле* свое руководство над членами партии, *не входящими* ни в одну из партийных организаций. Этой идеи даже и следа нет в проекте тов. Мартова. Следовательно, *я не мог быть знаком со «взглядами» тов. Мартова «по этому вопросу», ибо никаких взглядов по этому вопросу в проекте тов. Мартова не имеется.* Фактическая справка тов. Мартова оказывается *путаницей*.

Наоборот, именно про тов. Мартова приходится сказать, что он из моего проекта «знал мои взгляды по этому вопросу» и не опротестовал, не опровергал их ни в редакционной коллегии, хотя мой проект был показан всем недели за 2—3 до съезда, ни перед делегатами, знакомившимися *только* с моим проектом. Мало того. Даже *на съезде*, когда я внес

* — так! Ред.

свой проект устава * и защищал его *до выбора уставной комиссии*, — то тов. Мартов заявил прямо: «присоединяюсь к выводам тов. Ленина. *Только в двух вопросах я расхожусь с последним*» (курсив мой) — в вопросе о способе составления Совета и об единогласной кооптации (стр. 157). О *несогласии* по § 1 тут еще *не говорится ни слова*.

В своей брошюре об осадном положении тов. Мартов нашел нужным еще раз и с особенной подробностью вспомнить о своем уставе. Он уверяет там, что его устав, под которым он и теперь бы (февраль 1904 г. — неизвестно, что будет месяца через три) готов подписаться, за исключением некоторых второстепенных частных, «достаточно ясно выражал его отрицательное отношение к гипертрофии централизма» (стр. IV). Невнесение этого проекта на съезд тов. Мартов объясняет *теперь*, во-1-х, тем, что «искровское воспитание внушило ему пренебрежительное отношение к уставам» (когда это нравится тов. Мартову, тогда слово искровский означает уже для него не узкую кружковщину, а самое выдержанное направление! Жаль только, что искровское воспитание за три года не внушило тов. Мартову пренебрежительное отношение к анархической фразе, которою интеллигентская неустойчивость способна оправдывать нарушение соображения принятого устава). Во-2-х, видите ли, он, тов. Мартов, избегал «внесения какого бы то ни было диссонанса в тактику того основного организационного ядра, каким была «Искра»». Это замечательно как связно выходит! В *принципиальном* вопросе об оппортунистической формулировке § 1 или о гипертрофии централизма тов. Мартов так боялся диссонанса (страшного только с самой узкой кружковой точки зрения), что не вынес своих разногласий даже и перед таким ядром, как редакция! По *практическому* вопросу о составе центров тов. Мартов от востума большинства членов организации «Искры» (этого настоящего *основного организационного*

* Кстати. Протокольная комиссия напечатала в приложении XI проект устава, «*внесенный на съезд Лениным*» (стр. 393). Протокольная комиссия тут тоже немножко напутала. Она смешала мой *первоначальный* проект (см. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 256—258; 4 изд., том 6, стр. 432—433. *Ред.*), показанный всем делегатам (и очень многим до съезда), с *внесенным на съезд* проектом и *напечатала первый* под видом второго. Я ничего не имею, конечно, против опубликования своих проектов, *хотя бы и во всех стадиях их подготовки*, но путаницу вносить все же не следует. А путаница получилась, ибо Попов и Мартов (стр. 154 и 157) критикуют такие формулировки моего внесенного действительно на съезд проекта, *каких нет в проекте*, напечатанном протокольной комиссией (ср. стр. 394, §§ 7 и 11). При более внимательном отношении к делу легко было заметить ошибку из простого сличения указанных мною страниц.

ядра) апеллировал к помощи Бунда и рабочедельцев. «Диссонанса» в своих фразах, подсовывающих кружковщину в защиту quasi-редакции для отрицания «кружковщины» в оценке вопроса теми, кто наиболее компетентны, диссонанса этого тов. Мартов не замечает. В наказание ему мы приведем *полностью* его проект устава, отмечая с своей стороны, какие *взгляды* и какую *гипертрофию* он обнаруживает*:

«Проект устава партии. — I. Принадлежность к партии. — 1) Принадлежащим к Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов партии. — 2) Исключение члена из партии за поступки, несовместимые с интересами партии, постановляется Центральным Комитетом. [Мотивированный приговор об исключении сохраняется в архиве партии и сообщается, по требованию, каждому комитету партии. Решение ЦК об исключении подлежит апелляции съезда в случае требования двух или более комитетов]... Скобками я буду обозначать *явно* бессодержательные положения мартовского проекта, не содержащие в себе не только никакой «идеи», но и никакого определенного условия или требования, — вроде бесподобного указания в «уставе», *где именно* надо сохранять приговор, или ссылки на то, что решения ЦК об исключении (а не все вообще и всякие его решения?) подлежат апелляции съезда. Это именно гипертрофия фразы, или настоящий бюрократический формализм в смысле сочинения лишних, заведомо бесполезных или волокитных, пунктов и параграфов. «...II. Местные комитеты. — 3) Представителями партии в ее местной работе являются комитеты партии...» (и ново и умно!) «...4) [Комитетами партии признается наличный в момент второго съезда состав представленных на съезде комитетов]. — 5) Новые, сверх обозначенных в § 4, комитеты партии назначаются Центральным Комитетом [который либо признает комитетом наличный состав данной местной организации, либо составляет местный комитет путем реформы последней]. — 6) Комитеты пополняют свой состав путем кооптации. — 7) ЦК имеет право дополнить состав местного комитета таким количеством (известных ему) товарищей, чтобы оно составляло не более $\frac{1}{3}$ всего данного состава...» Образчик канцелярщины: почему не более $\frac{1}{3}$? к чему это? какой смысл в этом ограничении, ничего не ограничивающем, ибо *дополнение* может быть повторено много раз? «...8) [В случае, если местный комитет распался или разбит» (т. е. не весь взят?) «преследованиями, ЦК восстанавливает его»]... (уже не считаясь с § 7? А не находит ли тов. Мартов сходства между § 8 и теми российскими законами о благочинии, которые повелевают в будни работать, а в праздники отдыхать?) «...9) [Очередной съезд партии может поручить ЦК реформировать состав какого-либо местного комитета, если деятельность последнего признана несовместимой с интересами партии. В последнем случае комитет в данном составе признается распущенным и товарищи в месте его действий свободными от подчинения** ему.>]... Правило, содержащееся в сем §, столь же высокополезно, как и имеющаяся до сих пор в русских законах статья, которая гласит: всем и каждому воспрещается пьянство.

* Замечу, что я не мог найти, к сожалению, первого варианта мартовского проекта, который состоял что-то из 48 параграфов, страдая еще более «гипертрофией» никчемного формализма.

** Обращаем внимание тов. Аксельрода на это словечко. Ведь это ужас что такое! Вот где корни-то «якобинства», доходящего даже... даже до изменения состава редакции...

«...10) [Местные комитеты партии руководят всей местной пропагандистской, агитационной и организационной деятельностью партии и содействуют по мере сил ЦК и ЦО партии в выполнении лежащих на них общепартийных задач.]... Уф! К чему это, ради всего святого?.. 11) [«Внутренние порядки местной организации, взаимные отношения между комитетом и подчиненными» (слышите, слышите, тов. Аксельрод?) «ему группами и пределы компетенции и автономии» (а разве пределы компетенции не одно и то же, что пределы автономии?) «этих групп устанавливаются самим комитетом и сообщаются к сведению ЦК и редакции ЦО»].... (Пробел: не сказано, где сохраняются эти сообщения)... «12) [Все подчиненные комитетам группы и отдельные члены партии имеют право требовать, чтобы их мнение или пожелание по любому вопросу было сообщено ЦК партии и ее Центральным Органам]. — 13) Местный комитет партии из своих доходов обязан отчислять в кассу ЦК долю, приходящуюся на него по раскладке, производимой ЦК. — III. Организации для целей агитации на иных (кроме русского) языках. — 14) [Для целей агитации на одном из не русских языков и организации рабочих, среди которых такая агитация ведется, могут образовываться отдельные организации в тех пунктах, где представляется необходимость в специализировании такой агитации и выделении подобной организации.] — 15) Решение вопроса о том, насколько такая потребность существует, предоставляется ЦК партии, а в спорных случаях — съезду партии»... Первая часть параграфа излишня, если принять во внимание дальнейшие постановления устава, а вторая часть насчет спорных случаев просто смехотворна... «16) [Местные организации, обозначенные в § 14, в своих специальных делах автономны, но действуют под контролем местного комитета и подчинены ему, причем формы этого контроля и норма организационных отношений между данным комитетом и данной специальной организацией устанавливаются местным комитетом]... (ну и слава богу! вот и видно теперь, что не к чему было и городить весь этот огород пустых слов.)... «По отношению к общим делам партии такие организации действуют, как часть комитетской организации.] — 17) [Местные организации, обозначенные в § 14, могут образовывать автономный союз для успешного достижения своих специальных задач. Такой союз может иметь свои специальные литературные и административные органы; причем те и другие состоят под непосредственным контролем ЦК партии. Устав такого союза вырабатывается им самим, но утверждается ЦК партии.] — 18) [В состав обозначенного в § 17 автономного союза могут входить и местные комитеты партии, если они по местным условиям посвящают себя преимущественно агитации на данном языке. *Примечание.* Являясь частью автономного союза, такой комитет не перестает быть комитетом партии]... (весь параграф чрезвычайно полезен и отменно умен, а примечание еще того больше)... «19) [Местные организации, входящие в состав автономного союза, в своих сношениях с его центральными органами находятся под контролем местных комитетов.] — 20) [Центральные литературные и административные органы автономных союзов состоят к ЦК партии в тех же отношениях, как и местные комитеты партии.] — IV. Центральный Комитет и литературные органы партии. — 21) [Представителями партии в целом являются ее ЦК и литературные органы — политический и научный.] — 22) На ЦК лежит общее руководство всей практической деятельностью партии; забота о правильном использовании и распределении всех ее сил; контроль над деятельностью всех частей партии; снабжение местных организаций литературой; постановка технического аппарата партии; созыв партийных съездов. — 23) На литературных органах партии лежит идейное руководство партийной жизнью; пропаганда партийной программы и научная и публицистическая разработка мировоззрения социал-демократии. — 24) Все местные комитеты партии и автономные союзы

состоят в непосредственных сношениях как с ЦК партии, так и с редакцией партийных органов и периодически осведомляют их о ходе движения и организационной работы на местах. — 25) Редакция литературных органов партии назначается съездом партии и функционирует до следующего съезда. — 26) [Редакция автономна в своих внутренних делах] и может, в промежутки между двумя съездами, пополнять и изменять свой состав, о чем каждый раз сообщается ЦК. — 27) Все заявления, исходящие от ЦК или получившие его санкцию, печатаются, по требованию ЦК, в партийном органе. — 28) ЦК, по соглашению с редакцией партийных органов, образует специальные литературные группы для тех или иных видов литературной работы. — 29) ЦК назначается на съезде партии и функционирует до следующего съезда. ЦК пополняет свой состав путем кооптации в неограниченном количестве, о чем он каждый раз доводит до сведения редакции центральных органов партии. — V. Заграничная организация партии. — 30) Заграничная организация партии заведует пропагандой среди проживающих за границей русских и организацией социалистических элементов среди них. Во главе ее стоит выборная администрация. — 31) Автономные союзы, входящие в состав партии, могут иметь свои отделения за границей для содействия специальным задачам этих союзов. Эти отделения входят, как автономные группы, в состав общей заграничной организации. — VI. Съезды партии. — 32) Высшей партийной инстанцией является ее съезд. — 33) [Съезд партии устанавливает ее программу, устав и руководящие принципы ее деятельности; контролирует работу всех партийных органов и разбирает конфликты между ними.] — 34) Представительство на съезде принадлежит: а) всем местным комитетам партии; б) центральным административным органам всех автономных союзов, входящих в состав партии; в) ЦК партии и редакции ее центральных органов; г) заграничной организации партии. — 35) Передача мандатов допускается, но с тем, чтобы один делегат не представлял более, чем три действительных мандата. Допускается раздел мандата между двумя представителями. Императивные мандаты не допускаются. — 36) ЦК предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом товарищей, присутствие коих может быть полезно. — 37) В вопросах об изменении программы или устава партии требуется большинство $\frac{2}{3}$ наличных голосов; прочие вопросы решаются простым большинством. — 38) Съезд считается действительным, если на нем представлено более половины всех наличных в момент съезда комитетов партии. — 39) Съезд созывается — по мере возможности — раз в два года. [В случае независимых от воли ЦК помех к созыву съезда в этот срок, он за своей ответственностью откладывает его].

Читатель, у которого хватило, в виде исключения, терпения дочитать до конца этот так называемый устав, наверное не потребует от нас особого рассмотрения нижеследующих выводов. Первый вывод: устав страдает трудно излечимой водянкой. Второй вывод: особого оттенка организационных взглядов в смысле отрицательного отношения к гипертрофии централизма открыть в сем уставе не представляется возможности. Третий вывод: тов. Мартов поступил в высокой степени благоразумно, когда скрыл от глаз света (и от обсуждения на съезде) свыше $\frac{38}{39}$ своего устава. Несколько оригинально лишь то, что по поводу этого скрытия говорится об открытом забрале.

з) ПРЕНИЯ О ЦЕНТРАЛИЗМЕ ДО РАСКОЛА ВНУТРИ ИСКРОВЦЕВ

Прежде чем переходить к действительно интересному и несомненно вскрывающему различные оттенки взглядов вопросу о формулировке § 1 устава, остановимся еще немного на тех кратких общих прениях об уставе, которые заняли 14 заседание съезда и часть 15. Прения эти представляют известное значение потому, что они *предшествовали* полному расхождению организации «Искры» по вопросу о составе центров. Наоборот, позднейшие прения об уставе вообще, и кооптации в особенности, имели место *после* нашего расхождения в организации «Искры». Естественно, что *до* расхождения мы способны были высказывать свои взгляды более беспристрастно в смысле большей независимости соображений от взволновавшего всех вопроса о личном составе ЦК. Тов. Мартов, как я уже отмечал, *присоединился* (стр. 157) к моим организационным взглядам, оговорив только два несогласия по *частностям*. Напротив, и антиискровцы, и «центр» сейчас же подняли поход против обеих *основных* идей всего организационного плана «Искры» (и, следовательно, всего устава): и против централизма, и против «двух центров». Тов. Либер назвал мой устав «организованным недоверием», усмотрел *децентрализм* в двух центрах (как и тов. Попов и Егоров). Тов. Акимов выразил желание определить сферу компетенции местных комитетов шире, в частности предоставить им самим «право изменения своего состава». «Необходимо предоставить им большую свободу деятельности... Местные комитеты должны быть избираемы активными работниками данной местности, как избирается ЦК представителями всех активных организаций в России. Если же нельзя допустить и этого, то пусть будет ограничено число членов, назначаемых ЦК в местные комитеты...» (158). Тов. Акимов подсказывает, как видите, довод против «гипертрофии централизма», но тов. Мартов остается глух к этим авторитетным указаниям, пока еще поражение по вопросу о составе центров не побуждает его идти за Акимовым. Он остается глух даже тогда, когда тов. Акимов подсказывает ему «*идею*» *его же устава* (§ 7 — ограничение прав ЦК вводить членов в комитеты)! Тогда еще тов. Мартов не хотел «диссонанса» с нами и потому терпел диссонанс и с т. Акимовым, и с самим собой... Тогда еще против «чудовищного централизма» ратовали только те, кому явно был *невыгоден* централизм «Искры»: ратовали Акимов, Либер, Гольдблат, за ними *шли* осторожно, осмотрительно (так, чтобы всегда

назад повернуть можно было) Егоров (см. стр. 156 и 276) и т. д. Тогда еще для громадного большинства партии было ясно, что именно приходские, кружковые интересы Бунда, «Южного рабочего» и т. д. вызывают протест против централизма. Впрочем, и теперь ведь для большинства партии ясно, что именно кружковые интересы старой редакции «Искры» вызывают ее протест против централизма...

Возьмите, например, речь т. Гольдблата (160—161). Он ратует против моего «чудовищного» централизма, якобы ведущего к «уничтожению» низших организаций, «проникнутого насквозь стремлением предоставить центру неограниченную власть, право неограниченного вмешательства во все», предоставляющего организациям «одно лишь право — повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше» и т. д. «Создаваемый проектом центр очутится в пустом пространстве, вокруг него не будет никакой периферии, а лишь некая аморфная масса, в которой будут двигаться его исполнительные агенты». Ведь это точь-в-точь такое же *фальшивое фразерство*, которым после своего поражения на съезде стали угощать нас Мартовы и Аксельроды. Смеялись над Бундом, который, воюя против *нашего* централизма, сам *у себя* предоставляет центру *еще определеннее* очерченные неограниченные права (хотя бы, например, ввода и исключения членов, даже недопущения делегатов на съезды). Смеяться будут, разобрав дело, и над воплями *меньшинства*, которое кричит против централизма и против устава, когда оно в меньшинстве, и сейчас же опирается на устав, когда оно пробралось в большинство.

По вопросу о двух центрах группировка тоже сказалась ясно: против *всех* искровцев стоят и Либер, и Акимов (первый затянувший любимую теперь аксельродовски-мартовскую песню о превалировании в Совете ЦО над ЦК), и Попов, и Егоров. Из тех организационных идей, которые всегда развивала старая «Искра» (и которые были одобрены *на словах* тов. Поповыми и Егоровыми!), план двух центров вытекал сам собою. С планами «Южного рабочего», с планами создания параллельного популярного органа и превращения его в фактически преобладающий орган, шла вразрез политика *старой* «Искры». Вот где лежит корень того странного на первый взгляд противоречия, что за один центр, т. е. за *больший якобы централизм*, стоят все антиискровцы и все болото. Конечно, были (особенно среди болота) и такие делегаты, которые едва ли понимали ясно, к чему приведут и должны, в силу хода вещей, привести организационные планы

«Южного рабочего», но их толкала на сторону антиискровцев самая уже их нерешительная и неуверенная в себе натура.

Из речей искровцев во время *этих* (предшествовавших расколу искровцев) дебатов об уставе особенно замечательны речи тт. Мартова («присоединение» к моим организационным идеям) и Троцкого. Последний ответил тт. Акимову и Либеру так, что этот ответ каждым словом изобличает всю фальшь послесъездовского поведения и послесъездовских теорий «меньшинства». «Устав, — говорил он (т. Акимов), — определяет сферу компетенции ЦК недостаточно точно. Я не могу согласиться с ним. Наоборот, это определение точно и означает: поскольку партия есть целое, необходимо обеспечить ее контролем над местными комитетами. Тов. Либер говорил, что устав есть, употребляя мое выражение, «организованное недоверие». Это верно. Но это выражение было употреблено мной по отношению к предложенному представителями Бунда уставу, который представлял организованное недоверие со стороны части партии ко всей партии. Наш же устав» (тогда этот устав был «наш», до поражения по вопросу о составе центров!) «представляет организованное недоверие со стороны партии ко всем ее частям, т. е. контроль над всеми местными, районными, национальными и другими организациями» (158). Да, *наш* устав охарактеризован *здесь* правильно, и мы почаще советовали бы вспоминать эту характеристику людям, которые теперь со спокойной совестью уверяют, что это злокозненное большинство придумало и ввело систему «организованного недоверия» или, что то же, «осадного положения». Достаточно сличить приведенную речь с речами на съезде Заграничной лиги, чтобы получить образчик политической бесхарактерности, образчик того, как менялись взгляды Мартова и К^о, смотря по тому, шла ли речь об их собственной или о чужой коллегии низшего порядка.

и) ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ УСТАВА

Мы уже привели те различные формулировки, из-за которых разгорелись интересные дебаты на съезде. Дебаты эти заняли почти два заседания и закончились *двумя именными* голосованиями (в течение всего съезда было, если я не ошибаюсь, только восемь именных голосований, которые предпринимались лишь в особо важных случаях вследствие громадной потери времени, вызывавшейся этими голосованиями). Вопрос затронут был, несомненно, принципиальный. Интерес съезда к дебатам был громадный. В голосовании участвовали *все* делегаты — явление редкое на нашем съезде

(как и на всяком большом съезде) и свидетельствующее равным образом о заинтересованности споривших.

В чем же, спрашивается, заключалась суть спорного вопроса? Я сказал уже на съезде и повторял потом не раз, что «вовсе не считаю наше разногласие (по § 1) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы далеко еще не погибнем!» (250) *. Само по себе это разногласие, хотя оно и вскрывает принципиальные оттенки, никоим образом не могло вызвать такого расхождения (фактически, если говорить без условностей, того раскола), которое состоялось после съезда. Но всякое *маленькое* разногласие может сделаться *большим*, если на нем настаивать, если выдвинуть его на первый план, если *приняться* за разыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое *маленькое* разногласие может получить *огромное* значение, если оно послужит исходным пунктом *поворота* к известным ошибочным воззрениям и если эти ошибочные воззрения соединятся, в силу новых и добавочных расхождений, с *анархическими* действиями, доводящими партию до раскола.

Именно так обстояло дело и в данном случае. Небольшое сравнительно разногласие по § 1 получило теперь громадное значение, ибо именно оно послужило поворотным пунктом к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическому фразерству меньшинства (на съезде Лиги в особенности, а потом и на страницах новой «Искры»). Именно оно *положило начало* той коалиции искровского меньшинства с антиискровцами и с болотом, которая окончательно отлилась в определенные формы ко времени выборов и без понимания которой *нельзя понять* и главного, коренного расхождения в вопросе о составе центров. Маленькая ошибка Мартова и Аксельрода по § первому представляла из себя маленькую щель в нашей посудине (как я выразился на съезде Лиги). Можно было связать посудину покрепче, мертвым *узлом* (а не мертвой петлей, как слышалось Мартову, находившемуся во время съезда Лиги в состоянии, близком к истерике). Можно было направить *все* усилия на то, чтобы сделать щель большой, чтобы расколоть посудину. Вышло, благодаря бойкоту и тому подобным анархическим мерам усердных мартовцев, именно последнее. Разногласие по параграфу первому сыграло немалую роль в вопросе о выборе центров, а поражение Мартова по этому вопросу привело его к «принципиальной борьбе» путем грубо-механических и даже скандальных (речи на

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 287; 4 изд., том 6, стр. 456. *Ред.*

съезде «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии») средств.

Теперь, после всех этих происшествий, вопрос о § первом получил, таким образом, *огромное значение*, и мы должны дать себе точный отчет и в характере группировок на съезде при голосовании этого § и, — что еще несравненно важнее, — в действительном характере тех *оттенков в воззрениях*, которые наметились или начали намечаться по § первому. *Теперь*, после известных читателям происшествий, вопрос *поставлен* уже таким образом: отразилась ли на формулировке Мартова, защищавшейся Аксельродом, его (или их) неустойчивость, шаткость и политическая расплывчатость, как выражался я на съезде партии (333), его (или их) уклонение в жоресизм и анархизм, как полагал Плеханов на съезде Лиги (102 и др. прот. Лиги)? Или на формулировке моей, защищавшейся Плехановым, отразилось неправильное, бюрократическое, формалистическое, помпадурское, не социал-демократическое понимание централизма? *Оппортунизм и анархизм или бюрократизм и формализм?* — так поставлен вопрос *теперь*, когда маленькое расхождение сделалось большим. И мы должны *иметь в виду* именно *эту*, — событиями навязанную нам всем, — исторически данную, сказал бы я, если б это не звучало слишком громко, — постановку вопроса при обсуждении *по существу* доводов за и против моей формулировки.

Начнем разбор этих доводов с анализа съездовских прений. Первая речь, тов. Егорова, интересна только тем, что его отношение (*non liquet*, мне еще не ясно, я еще не знаю, где правда) очень характерно для отношения многих делегатов, которым не легко было разобраться в действительно новом, довольно сложном и детальном вопросе. Следующая речь, тов. Аксельрода, ставит уже сразу вопрос принципиально. Это — первая принципиальная, вернее даже сказать, вообще первая речь тов. Аксельрода на съезде, и трудно признать его дебют с пресловутым «профессором» особенно удачным. «Я думаю, что нам нужно, — говорил тов. Аксельрод, — разграничить понятия — партия и организация. А здесь эти два понятия смешиваются. Это смешение опасно». Таков первый довод против моей формулировки. Присмотритесь к нему поближе. Если я говорю, что партия должна быть *суммой* (и не простой арифметической суммой, а комплексом) *организаций**, то значит ли это, что я «смешиваю» понятия

* Слово «организация» употребляется обыкновенно в двух смыслах, широком и узком. В узком смысле оно означает отдельную ячейку человеческого коллектива, хотя бы в минимальной степени оформленного. В ши-

партия и организация? Конечно, нет. Я выражаю этим совершенно ясно и точно свое пожелание, свое требование, чтобы партия, как передовой отряд класса, представляла собою нечто возможно более *организованное*, чтобы партия воспринимала в себя лишь такие элементы, которые *допускают хотя минимум организованности*. Наоборот, мой оппонент *смешивает* в партии организованные элементы с неорганизованными, поддающиеся руководству и не поддающиеся, передовые и неисправимо-отсталые, ибо исправимо-отсталые могут войти в организацию. Вот это *смещение* действительно *опасно*. Тов. Аксельрод ссылается дальше на «строгие конспиративные и централистические организации прошлого» («Земли и воли» и «Народной воли»): вокруг них-де «группировался целый ряд лиц, не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами партии... Этот принцип должен быть еще более строго проведен в социал-демократической организации». Вот именно тут мы и подошли к одному из *гвоздей* вопроса: действительно ли «этот принцип» есть социал-демократический, — принцип, разрешающий называть себя членами партии тем, кто ни в одну из организаций партии не входит, а только «так или иначе помогает ей»? И Плеханов дал единственно возможный ответ на этот вопрос: «Аксельрод был неправ в своей ссылке на 70-ые годы. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии 70-х годов, а избегать ее». Таким образом, «этот принцип», который тов. Аксельрод хотел выдать за социал-демократический, на самом деле есть *принцип анархический*. Чтобы опровергнуть это, надо показать *возможность*

роком смысле оно означает сумму таких ячеек, сплоченных в одно целое. Например, флот, армия, государство представляют из себя в одно и то же время сумму организаций (в узком смысле слова) и разновидность общественной организации (в широком смысле слова). Учебное ведомство есть организация (в широком смысле слова), учебное ведомство состоит из ряда организаций (в узком смысле слова). Точно так же и партия есть организация, *должна быть* организацией (в широком смысле слова); в то же время партия должна состоять из целого ряда разнообразных организаций (в узком смысле слова). Поэтому тов. Аксельрод, говорящий о разграничении понятий — партия и организация, во-первых, не принял во внимание этой разницы в широком и узком значении слова организация, а во-вторых, не заметил того, что он сам *смешивал* организованные и неорганизованные элементы в одну кучу.

контроля, руководства и дисциплины вне организации, надо показать *необходимость* того, чтобы «элементам хаоса» было присваиваемо название членов партии. Защитники формулировки тов. Мартова не показали и не могли показать *ни того, ни другого*. Тов. Аксельрод для примера взял «профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом». Чтобы довести до конца мысль, заключающуюся в этом примере, тов. Аксельрод должен был бы сказать далее: признают ли сами организованные социал-демократы этого профессора социал-демократом? Не поставив этого дальнейшего вопроса, тов. Аксельрод бросил свою аргументацию на половине. В самом деле, одно из двух. Или организованные социал-демократы признают интересующего нас профессора социал-демократом, — и тогда почему бы им не включить его в ту или другую социал-демократическую организацию? Только при условии такого включения «заявления» профессора будут соответствовать его делам, будут не пустыми фразами (каковыми слишком часто остаются профессорские заявления). Или организованные социал-демократы *не признают* профессора социал-демократом, — и тогда нелепо, бессмысленно и *вредно* давать ему право носить почетное и ответственное звание члена партии. Дело сводится, таким образом, именно к последовательному проведению принципа организации или к освящению разброда и анархии. Строим ли мы партию, исходя из того уже создавшегося и сплотившегося ядра *социал-демократов*, которое создало, скажем, партийный съезд и которое должно расширять и умножать всяческие партийные организации, или мы довольствуемся успокоительной *фразой*, что все помогающие суть члены партии? «Если мы примем формулу Ленина, — продолжал тов. Аксельрод, — то мы выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами партии». Смещение понятий, в котором хотел обвинить меня тов. Аксельрод, выступает тут у него самого с полной ясностью: он принимает уже за данное, что все помогающие *являются* членами партии, тогда как из-за этого и идет спор, и оппоненты должны еще *доказать* необходимость и пользу такого толкования. Какое содержание этой страшной, на первый взгляд, фразы: выбросить за борт? Если членами партии признаются только члены организаций, признанных за партийные, то люди, не могущие «непосредственно» войти ни в одну партийную организацию, могут ведь работать в организации непартийной, но примыкающей к партии. О выбрасывании за борт в смысле отстранения от работы, от участия в движении не может быть, сле-

довательно, и речи. Напротив, чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себя *действительных* социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет *внутри* партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих *масс*. Ведь нельзя же смешивать, в самом деле, партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом. А именно в такое смешение (характерное для нашего оппортунистического экономизма вообще) впадает тов. Аксельрод, когда он говорит: «Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя быть может и не совсем активно, примыкающих к этой партии». Во-первых, в число активных элементов социал-демократической рабочей партии войдут вовсе не одни только организации революционеров, а *целый ряд* рабочих организаций, признанных за партийные. Во-вторых, по какой бы это причине, в силу какой логики из того факта, что мы — партия класса, мог следовать вывод о ненужности различия между *входящими* в партию и *примыкающими* к партии? Как раз напротив: именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности необходимо провести различие по степени близости к партии. Мы — партия класса, и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи — значило бы забывать о различии между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать* все более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными — и помогающими.

Ссылаться на то, что мы — партия класса, в оправдание организационной расплывчатости, в оправдание смешения организации и дезорганизации — значит повторять ошибку Надеждина, который смешивал «философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения в «глубине» с технически-организационным вопросом» («Что делать?», стр. 91) *. Именно это смешение, с легкой руки тов. Аксельрода, повторяли затем десятки раз ораторы, защищавшие формулировку тов. Мартова. «Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше» — говорит Мартов, не объясняя, однако, какая же польза от широкого распространения *названия*, не соответствующего содержанию. Можно ли отрицать, что контроль за не входящими в организацию партии членами есть фикция? Широкое распространение фикции вредно, а не полезно. «Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявить себя членом партии» (стр. 239). В самом деле? *Каждый стачечник* должен иметь право *объявить себя членом партии*? Этим положением тов. Мартов сразу доводит свою ошибку до абсурда, *принижая* социал-демократизм до стачкизма, повторяя злоключения Акимовых. Мы можем только радоваться, если социал-демократии удастся руководить каждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность социал-демократии руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, а стачка есть одно из глубочайших и наиболее могучих проявлений этой борьбы. Но мы будем хвостистами, если допустим *отождествление* такой первоначальной, *ipso facto* ** не более, как тред-юнионистской формы борьбы с всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой. Мы будем оппортунистически *узаконять заведомую фальшь*, если дадим право каждому стачечнику «объявлять себя членом партии», ибо такое «объявление» в *массе случаев* будет объявлением *ложным*. Мы станем убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вздумаем уверять себя и других, что *каждый стачечник* может *быть* социал-демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отуплении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над очень и очень широкими слоями «необученных», неквалифицированных рабочих. Именно на примере «*стаечника*» особенно ясно видна разница между *революционным стремлением* социал-демократически руководить

* См. настоящий том, стр. 177—178. *Ред.*

** — в силу самого факта, по существу. *Ред.*

каждой стачкой и *оппортунистической фразой*, объявляющей членом партии *каждого* стачечника. Мы — партия класса, поскольку мы *на деле* социал-демократически руководим почти всем или даже всем классом пролетариата; но из этого только Акимовы могут делать вывод, что мы *на словах* должны отождествлять партию и класс.

«Я не боюсь заговорщической организации», говорил в той же речи тов. Мартов, — но, добавлял он, «заговорщическая организация для меня имеет смысл лишь постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая рабочая партия» (стр. 239). Надо было сказать, чтобы быть точным: поскольку ее облекает широкое социал-демократическое рабочее *движение*. И в такой форме положение тов. Мартова не только бесспорно, оно является прямым трюизмом. Я останавливаюсь на этом пункте лишь потому, что из трюизма тов. Мартова последующие ораторы сделали очень *ходкий и очень вульгарный* довод, что-де Ленин хочет «ограничить всю сумму членов партии суммой заговорщиков». Этот вывод, способный вызвать лишь улыбку, делал и тов. Посадовский и тов. Попов, а когда его подхватили Мартынов и Акимов, то истинный его характер обрисовался уже вполне, именно характер оппортунистической фразы. В настоящее время этот же довод развивает в новой «Искре» тов. Аксельрод для ознакомления читающей публики с новыми организационными взглядами новой редакции. Еще на съезде, в первом же заседании, обсуждавшем вопрос о § 1, я заметил, что оппоненты хотят воспользоваться таким дешевым оружием, и потому предостерегал в своей речи (стр. 240): «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными, *lose Organisationen*»*. Это — до такой степени самоочевидная, сама собою разумеющаяся истина, что на ней останавливаться я считал лишним. Но по нынешним временам, когда нас оттащили назад в очень и очень многом, приходится «повторять зады» и здесь. Для такого повторения приведу несколько выписок из «Что делать?» и из «Письма к товарищу»:

...«Кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 287; 4 изд., том 6, стр. 455. *Ред.*

проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса» *. Чтобы быть социал-демократической партией, надо добиться *поддержки* именно *класса*. Не партия должна облекать заговорщическую организацию, как думал тов. Мартов, а революционный класс, пролетариат, должен облекать партию, включающую в себя и заговорщические и незаговорщические организации.

...«Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях... Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами цеховых союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым сознательным воздействием на товарищей социалистических членов союза» (стр. 86) **. Кстати сказать, пример профессиональных союзов особенно характерен для оценки спорного вопроса о § 1. Что эти союзы *должны* работать «под контролем и руководством» социал-демократических организаций, — об этом не может быть двух мнений среди социал-демократов. Но *на этом основании* давать право всем членам таких союзов «объявлять себя» членами социал-демократической партии было бы явной нелепостью и грозило бы принести двоякий вред: *сузить* размеры цехового движения и ослабить солидарность рабочих на этой почве, с одной стороны. С другой стороны, это открывало бы двери социал-демократической партии для расплывчатости и шаткости. Германская социал-демократия имела случай разрешать подобный вопрос в конкретной постановке, когда всплыл знаменитый инцидент с гамбургскими каменщиками, работавшими сдельно²⁰⁶. Социал-демократия ни минуты не колебалась признать штрейк-брехерство бесчестным с точки зрения социал-демократа по-

* См. настоящий том, стр. 166. *Ред.*

** Там же, стр. 172. *Ред.*

ступком, т. е. признать руководство стачками, поддержку их своим кровным делом, но в то же время она столь же решительно отвергла требование отождествить интересы партии с интересами цеховых союзов, *возложить на партию ответственность* за отдельные шаги отдельных союзов. Партия должна и будет стараться пропитать своим духом, подчинить своему влиянию цеховые союзы, но именно в интересах этого влияния она должна выделять вполне социал-демократические (входящие в социал-демократическую партию) элементы этих союзов от не вполне сознательных и не вполне политически активных, а не смешивать те и другие, как хочет тов. Аксельрод.

...«Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во *всех* других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в *самом широком* числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно *смешивать* их с организацией *революционеров*, стирать грань между ними»... (стр. 96) *. Из этой справки видно, как некстати напоминал мне тов. Мартов, что организацию революционеров должны *облекать* широкие рабочие организации. Я указывал на это еще в «Что делать?», а в «Письме к товарищу» развивал эту идею конкретнее. Заводские кружки — писал я там — «для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения — в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью... Заводской подкомитет должен стараться охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков (или агентов)... Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своем желании войти в состав Российской социал-демократической рабочей партии и, *при условии утверждения* комитетом, войдут в ее состав, примут на себя

* См. настоящий том, стр. 182. *Ред.*

(по поручению комитета или по соглашению с ним) известные функции, обяжутся повиноваться распоряжениям органов партии, *получат права всех членов партии*, будут считаться ближайшими кандидатами в члены комитета и т. д. Другие *не войдут* в РСДРП, будучи на положении кружков, устроенных членами партии, или примыкающих к той или иной группе партии и т. д.» (стр. 17—18) *. Из подчеркнутых мною слов особенно ясно видно, что *идея* моей формулировки § 1 вполне выражена уже в «Письме к товарищу». Условия вхождения в партию прямо указаны здесь, именно: 1) известная степень организованности и 2) утверждение комитета партии. Страницей дальше я указываю примерно и то, какие группы и организации и по каким соображениям должны (или не должны) быть вводимы в партию: «Группы разносчиков должны принадлежать к РСДРП и знать известное число ее членов и ее должностных лиц. Группа, изучающая профессиональные условия труда и вырабатывающая виды профессиональных требований, не обязательно должна принадлежать к РСДРП. Группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием *при участии* одного-двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д.» (стр. 18—19) **.

Вот вам еще материал к вопросу об «открытом забрале»! В то время, как формула проекта тов. Мартова совершенно не затрагивает даже отношения партии к организациям, — я указывал уже чуть ли не за год до съезда, что одни организации должны войти в партию, другие — нет. В «Письме к товарищу» ясно выступает уже идея, защищавшаяся мною на съезде. Дело наглядно могло бы быть представлено следующим образом. По степени организованности вообще и конспиративности организации в частности можно различать такие, примерно, разряды: 1) организации революционеров; 2) организации рабочих, возможно более широкие и разнообразные (я ограничиваюсь одним рабочим классом, предполагая само собою разумеющимся, что известные элементы других классов тоже войдут сюда, при известных условиях). Эти два разряда составляют партию. Далее, 3) организации рабочих, примыкающие к партии; 4) организации рабочих, не примыкающие к партии, но фактически подчиняющиеся ее контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочего класса, которые отчасти тоже подчиняются, по край-

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 15, 18—19; 4 изд., том 6, стр. 216, 218, 219. *Ред.*

** См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 19; 4 изд., том 6, стр. 220. *Ред.*

ней мере в случаях крупных проявлений классовой борьбы, руководству социал-демократии. Вот как, приблизительно, представляется дело, с моей точки зрения. Наоборот, с точки зрения тов. Мартова, граница партии остается совершенно неопределенной, ибо «каждый стачечник» может «объявлять себя членом партии». Какая польза от этой расплывчатости? Широкое распространение «названия». Вред ее — внесение дезорганизующей идеи о смешении класса и партии.

Для иллюстрации выставленных нами общих положений бросим еще беглый взгляд на дальнейшие прения на съезде по § 1. Тов. Брукэр высказывается (к удовольствию тов. Мартова) за мою формулировку, но *его* союз со мною оказывается, в отличие от союза тов. Акимова с Мартовым, основанным на недоразумении. Тов. Брукэр «не согласен со всем уставом и всем его духом» (стр. 239) и защищает мою формулу, как *основу демократизма*, желанного для сторонников «Рабочего Дела». Тов. Брукэр не поднялся еще на ту точку зрения, что в политической борьбе приходится иногда выбирать *меньшее из зол*; т. Брукэр не заметил, что защищать демократизм на таком съезде, как наш, бесполезно. Тов. Акимов оказался прозорливее. Он совершенно верно поставил вопрос, признавши, что «тт. Мартов и Ленин спорят, какая (формулировка) лучше достигает их общей цели» (стр. 252). «Я и Брукэр, — продолжает он, — хотим выбрать ту, которая *меньше достигает цели*. В этом отношении я выбираю формулировку Мартова». И тов. Акимов с откровенностью пояснил, что «самую цель их» (Плеханова, Мартова и мою — создание руководящей организации революционеров) он считает «неосуществимой и вредной»; он отстаивает, как и тов. Мартынов*, идею экономистов о ненужности «организации революционеров». Он «полон веры, что жизнь все же ворвется в нашу партийную организацию, независимо от того, загородите вы ей дорогу формулой Мартова или формулой Ленина». На этом «хвостистском» понимании «жизни» не стоило бы останавливаться, если бы мы не встретили его

* Тов. Мартынов, впрочем, хочет отличаться от тов. Акимова, хочет доказать, что заговорщический будто бы не значит конспиративный, что за разницей этих слов скрывается разница понятий. Какая это разница, ни тов. Мартынов, ни идущий теперь по его стопам тов. Аксельрод так и не объяснили. Тов. Мартынов «делает вид», будто я, например, в «Что делать?» не высказался решительно (как и в «Задачах» (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 433—470; 4 изд., том 2, стр. 299—326. *Ред.*)) против «сужения политической борьбы до заговора». Тов. Мартынов хочет заставить слушателей забыть, что те, с кем я воевал, *не видели* надобности в организации революционеров, как не видит ее и сейчас товарищ Акимов.

также у т. Мартова. Вторая речь т. Мартова (стр. 245) вообще настолько интересна, что ее стоит разобрать подробно.

Первый довод т. Мартова: контроль партийных организаций над не входящими в организации членами партии «осуществим, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней» (стр. 245). Этот тезис замечательно характерен, ибо он «выдает», если можно так выразиться, *кому* нужна и кому будет *на деле* служить формулировка Мартова: интеллигентным ли одиночкам или рабочим группам и рабочим массам. Дело в том, что возможны два толкования формулы Мартова: 1) членом партии вправе «*объявлять себя*» (слова самого тов. Мартова) всякий, кто оказывает ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций; 2) членом партии всякая ее организация *вправе признать* всякого, кто оказывает ей регулярное личное содействие под ее руководством. Только первое толкование дает действительно возможность «каждому стачечнику» назваться членом партии, и *только оно*, поэтому, и завоевало сразу сердца Либеров, Акимовых и Мартыновых. Но это толкование является уже, очевидно, фразой, ибо тогда сюда подойдет весь рабочий класс, и сотрется различие между партией и классом; о контроле и руководстве за «каждым стачечником» можно говорить только «символически». Вот почему т. Мартов и сбился во второй своей речи сейчас же на второе толкование (хотя, в скобках сказать, *оно прямо отклонено съездом*, отвергшим резолюцию Костича²⁰⁷, стр. 255): комитет будет поручать функции и следить за их выполнением. Такие специальные поручения никогда, конечно, не будут иметь места по отношению к *массе* рабочих, к *тысячам* пролетариев (о которых говорят т. Аксельрод и т. Мартынов), — они будут даваться зачастую вот именно тем *профессорам*, которых поминал т. Аксельрод, тем *гимназистам*, о которых заботился т. Либер и т. Попов (стр. 241), той *революционной молодежи*, на которую ссылался т. Аксельрод в своей второй речи (стр. 242). Одним словом, формула т. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесет пользу главным образом и почти исключительно «*интеллигентам, насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом*» и не желающим входить в организацию. *На словах* формула Мартова отстаивает интересы широких слоев пролетариата; *на деле* эта формула послужит интересам *буржуазной интеллигенции*, чужрающейся пролетарской дисциплины и организации. Никто не решится отрицать, что *интеллигенция, как особый слой* современных капиталистических обществ, характеризуется,

в общем и целом, *именно индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известные статьи Каутского об интеллигенции); в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям *мелкобуржуазного существования* (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.). Не случайность, наконец, и то, что именно защитники формулы т. Мартова должны были выдвинуть примеры профессоров и гимназистов! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили, в спорах о § 1, против поборников радикально-заговорщической организации, как думали тт. Мартынов и Аксельрод, а сторонники *буржуазно-интеллигентского индивидуализма* столкнулись с сторонниками *пролетарской организации и дисциплины*.

Тов. Попов говорил: «Всюду в Петербурге, как в Николаеве или Одессе, по свидетельству представителей этих городов, есть десятки рабочих, которые распространяют литературу, ведут устную агитацию и которые не могут быть членами организации. Их можно приписать к организации, но считать членами нельзя» (стр. 241). Почему они не могут быть членами организации? это осталось тайной т. Попова. Я уже цитировал выше место из «Письма к товарищу», показывающее, что именно включение всех таких рабочих (сотнями, а не десятками) в организации и возможно и необходимо, причем очень и очень многие из этих организаций могут и должны войти в партию.

Второй довод т. Мартова: «Для Ленина нет иных организаций в партии кроме партийных организаций»... Совершенно верно!.. «Для меня, напротив, такие организации должны существовать. Жизнь создает и плодит организации скорее, чем мы успеем включить их в иерархию нашей боевой организации профессиональных революционеров»... Это в двух отношениях неверно: 1) «жизнь» плодит гораздо меньше дельных организаций революционеров, чем нам нужно, чем требуется рабочим движением; 2) партия наша должна быть иерархией не только организаций революционеров, но и массы рабочих организаций... «Ленин думает, что ЦК утвердит в звании партийных только те организации, которые будут вполне надежны в принципиальном отношении. Но т. Брукэр хорошо понимает, что жизнь (*sic!*) возьмет свое и что ЦК, чтобы

не оставить вне партии множества организаций, должен будет их легализировать, несмотря на их не вполне надежный характер; поэтому т. Брукэр и присоединяется к Ленину»... Вот уже поистине хвостистское понимание «жизни»! Конечно, если бы ЦК *обязательно* состоял из людей, руководящихся не своим мнением, а тем, что другие скажут (см. инцидент с ОК), тогда «жизнь» взяла бы «свое» в том смысле, что наиболее отсталые элементы партии взяли бы верх (как это и случилось теперь, когда составилось из отсталых элементов партийное «меньшинство»). Но ни одной осмысленной причины нельзя привести, которая бы заставила толковый ЦК вводить в партию «ненадежные» элементы. Именно этой ссылкой на «жизнь», которая «плодит» ненадежные элементы, т. Мартов и показывает воочию оппортунистический характер своего организационного плана!.. «Я же думаю, — продолжает он, — что если такая организация (не вполне надежная) согласна принять партийную программу и партийный контроль, то мы можем ввести ее в партию, не делая ее тем самым партийной организацией. Я бы считал большим торжеством нашей партии, если бы, например, какой-нибудь союз «независимых» определил, что он принимает точку зрения социал-демократии и ее программу и вступает в партию, что не значит, однако, что мы включаем союз в партийную организацию»... Вот до какой путаницы доводит формула Мартова: непартийные организации, входящие в партию! Представьте только себе *его* схему: партия = 1) организации революционеров + 2) организации рабочих, признанные партийными, + 3) организации рабочих, непризнанные партийными (преимущественно из «независимых»), + 4) одиночки, исполняющие разные функции, профессора, гимназисты и т. д. + 5) «каждый стачечник». Рядом с этим замечательным планом можно поставить лишь слова т. Либера: «Наша задача не только организовать организацию (!!), мы можем и должны организовать партию» (стр. 241). Да, конечно, мы можем и должны сделать это, но для этого нужны не лишние слова об «организации организаций», а *прямое требование* от членов партии, чтобы они работали над *организацией* на деле. Говорить об «организации партии» и защищать прикрытие словом партия всякой неорганизованности и всякого разброда — значит говорить пустые слова.

«Наша формулировка, — говорит т. Мартов, — выражает стремление к тому, чтобы между организацией революционеров и массой был ряд организаций». Именно нет. Этого-то действительно обязательного стремления и *не выражает* формула Мартова, ибо она *не дает стимула* организовать,

не содержит требования организоваться, не отделяет организованного от неорганизованного. Она дает одно только звание*, и по этому поводу нельзя не вспомнить слов т. Аксельрода: «Никакими декретами нельзя запретить им (кружкам революционной молодежи и проч.) и отдельным лицам называть себя социал-демократами» (святая истина!) «и даже считать себя частью партии»... вот это уже безусловно неверно! Запрещать называться социал-демократом нельзя и незачем, ибо это слово выражает непосредственно лишь систему убеждений, а не определенные организационные отношения. Запрещать отдельным кружкам и лицам «считать себя частью партии» можно и должно, когда эти кружки и лица вредят делу партии, развращают или дезорганизуют ее. Смешно было бы говорить о партии, как целом, как политической величине, если бы она не могла «декретом запретить» кружку «считать себя частью» целого! И к чему бы тогда определять порядок и условия исключения из партии? Тов. Аксельрод наглядно привел к абсурду основную ошибку т. Мартова; он возвел даже эту ошибку в оппортунистическую теорию, когда добавил: «в формулировке Ленина § 1 является прямым принципиальным противоречием с самой сущностью (!!), с задачами социал-демократической партии пролетариата» (стр. 243). Это значит не больше и не меньше,

* На съезде Лиги тов. Мартов выдвинул еще один довод в пользу своей формулировки, над которым стоит посмеяться. «Мы могли бы указать, — говорит он, — что формула Ленина, понятая буквально, исключает из партии агентов ЦК, ибо последние не составляют организации» (стр. 59). Довод этот и на съезде Лиги был встречен смехом, как значится в протоколах. Тов. Мартов полагает, что указанное им «затруднение» разрешимо только тем, что агенты ЦК входят в «организацию ЦК». Но дело не в этом. Дело в том, что своим примером тов. Мартов наглядно показал свое полное непонимание идеи § 1, показал чисто буквоедский образчик критики, действительно заслуживающий насмешки. Формально, достаточно было бы образовать «организацию агентов ЦК», составить постановление о включении ее в партию, и «затруднение», причинившее столько головомойной работы мысли тов. Мартову, сразу исчезло бы. Идея же § 1 в моей формулировке состоит в стимуле: «организовуйтесь!», в обеспечении реального контроля и руководства. С точки зрения существа дела смешон самый вопрос о том, войдут ли в партию агенты ЦК, ибо реальный контроль за ними обеспечен вполне и безусловно уже тем, что они назначены в агенты, уже тем, что их оставляют в должности агентов. Следовательно, о смешении организованного и неорганизованного (корень ошибки в формулировке тов. Мартова) здесь нет и речи. Негодность формулы тов. Мартова состоит в том, что всякий и каждый может объявить себя членом партии, всякий оппортунист, всякий праздноболтающий, всякий «профессор» и всякий «гимназист». Эту ахиллесову пяту своей формулировки тов. Мартов тщетно пытается заговорить посредством таких примеров, когда не может быть и речи о самозачислении себя в члены, об объявлении себя членом.

как: предъявление более высоких требований к партии, чем к классу, есть принципиальное противоречие с самой сущностью задач пролетариата. Неудивительно, что Акимов горой встал за такую теорию.

Справедливость требует отметить, что тов. Аксельрод, теперь желающий превратить эту ошибочную, явно клонящую к оппортунизму, формулировку в зерно новых взглядов, — на съезде выразил, наоборот, готовность «поторговаться», сказавши: «Но я замечаю, что стучусь в открытую дверь»... (я замечаю также это и на новой «Искре»)... «потому что тов. Ленин со своими периферийными кружками, считающимися частями партийной организации, идет навстречу моему требованию»... (и не только с периферийными кружками, но и со всякого рода рабочими союзами: ср. стр. 242 прот., из речи тов. Страхова, и цитированные выше выписки из «Что делать?» и «Письма к товарищу»)... «Остаются еще отдельные лица, но и тут можно бы еще поторговаться». Я ответил тов. Аксельроду, что поторговаться, вообще говоря, не прочь*, и должен пояснить теперь, в каком смысле было сказано это. Именно насчет отдельных лиц, всех этих профессоров, гимназистов и проч., всего менее согласился бы я на уступки; но если возбуждено было сомнение насчет рабочих организаций, то я согласился бы (несмотря на доказанную мною выше полную неосновательность этих сомнений) добавить к моему 1 § примечание вроде такого: «Рабочие организации, принимающие программу и устав Российской социал-демократической рабочей партии, должны быть в возможно большем числе включены в число партийных организаций». Конечно, говоря строго, такому пожеланию место не в уставе, который должен ограничиваться юридическими определениями, а в пояснительных комментариях, в брошюрах (и я уже указал, что в своих брошюрах я задолго до устава приводил такие пояснения), но такое примечание не содержало бы, по крайней мере, в себе ни тени *неверных*, способных вести к дезорганизации, мыслей, ни тени *оппортунистических* рассуждений** и «анархических концепций», несомненно входящих в формулировку тов. Мартова.

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 287; 4 изд., том 6, стр. 456. *Ред.*

** К числу таких рассуждений, неизбежно всплывающих при попытках обоснования мартовской формулы, принадлежит в особенности фраза тов. Троцкого (стр. 248 и 346), что «оппортунизм создается более сложными (или: определяется более глубокими) причинами, чем тот или другой пункт устава, — он вызывается относительным уровнем развития буржуазной демократии и пролетариата»... Не в том дело, что пункты устава могут создавать оппортунизм, а в том, чтобы сковать при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины,

Последнее, приведенное мною в кавычках, выражение принадлежит тов. Павловичу, который очень справедливо отнес к *анархизму* признание членов «*безответственных и самих себя зачисляющих* в партию». «В переводе на простой язык» — разъяснял тов. Павлович мою формулировку тов. Либера — она означает: «раз ты хочешь быть членом партии, ты должен не только платонически признавать и организационные отношения». Как ни прост этот «перевод», он оказался, однако, не лишним (как показали события после съезда) не только для разных сомнительных профессоров и гимназистов, но и для самых доподлинных членов партии, для людей верха... Не менее справедливо указал тов. Павлович на противоречие между формулой тов. Мартова и тем бесспорным положением научного социализма, которое цитировал так неудачно тот же тов. Мартов. «Наша партия есть сознательная выразительница бессознательного процесса».

тем острее должно быть это оружие. Поэтому *оправдывать* «глубокими причинами» оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостизм чистейшей воды. Когда тов. Троцкий был против тов. Либера, он понимал, что устав есть «организованное недоверие» целого к части, передового отряда к отсталому отряду; а когда тов. Троцкий оказался на стороне тов. Либера, он уже забыл это и даже стал оправдывать *слабость* и шаткость *нашей* организации этого недоверия (недоверия к оппортунизму) «сложными причинами», «уровнем развития пролетариата» и т. п. Другой довод тов. Троцкого: «интеллигентной молодежи, так или иначе организованной, гораздо легче *занести себя* (курс. мой) в списки партии». Именно. Поэтому страдает интеллигентской расплывчатостью та формулировка, в силу коей даже неорганизованные элементы *объявляют себя* членами партии, а не моя, *устраняющая* право «*заносить себя*» в списки. Тов. Троцкий говорит, что если ЦК «не признает» организации оппортунистов, то только из-за характера лиц, а раз эти лица известны, как политические индивидуальности, то они не опасны, их можно удалить общепартийным бойкотом. Это верно лишь по отношению к тем случаям, когда нужно *удалить из партии* (да и то верно наполовину, ибо организованная партия *удаляет* вотумом, а не бойкотом). Это совершенно неверно по отношению к гораздо более частым случаям, когда нелепо *удалять*, когда надо лишь *контролировать*. Для целей контроля ЦК *нарочно* может включить в партию, на известных условиях, не совсем надежную, но работоспособную организацию с тем, чтобы испытать ее, чтобы попытаться *направить ее на путь истины*, чтобы своим руководством парализовать ее частичные уклонения и т. д. Такое включение не опасно, *если* не допускается вообще «*занесение себя*» в списки партии. Такое включение часто будет полезно для открытого и *ответственного*, подконтрольного, выражения (и обсуждения) ошибочных взглядов и ошибочной тактики. «Но если юридические определения должны соответствовать фактическим отношениям, то формула тов. Ленина должна быть отвергнута» — говорит тов. Троцкий и говорит опять, как оппортунист. Фактические отношения не мертвы, а живут и развиваются. Юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих отношений, но могут также (если эти определения плохи) «соответствовать» регрессу или застою. Этот последний случай и есть «случай» тов. Мартова.

Именно так. И именно поэтому неправильно тянуться за тем, чтобы «каждый стачечник» мог называть себя членом партии, ибо если бы «каждая стачка» была не только стихийным выражением могучего классового инстинкта и классовой борьбы, неизбежно ведущей к социальной революции, а *сознательным выражением* этого процесса, тогда... тогда всеобщая стачка не была бы анархической фразой, тогда наша партия сейчас же и сразу *покрыла бы собой* весь рабочий класс, а следовательно, сразу покончила бы и со *всем буржуазным обществом*. Чтобы быть *на деле* сознательной выразительницей, партия должна уметь выработать такие организационные отношения, которые бы *обеспечивали известный уровень* сознательности и систематически поднимали этот уровень. «Уж если идти путем Мартова, — сказал тов. Павлович, — то прежде всего нужно выкинуть пункт о признании *программы*, ибо, чтобы принять программу, ее нужно усвоить и понять... Признание программы обуславливается довольно высоким уровнем политического сознания». Мы никогда не допустим, чтобы *поддержка* социал-демократии, чтобы *участие* в руководимой ею борьбе искусственно *ограничивалось* какими бы то ни было требованиями (усвоения, понимания и проч.), ибо самое это *участие* одним уже фактом своего проявления *поднимает* и сознательность и организационные инстинкты, но раз *мы соединились в партию* для планомерной работы, то мы должны позаботиться об обеспечении этой планомерности.

Что предостережение тов. Павловича насчет программы оказалось не лишним, это обнаружилось *тотчас же*, в течение *того же самого* заседания. Тов. Акимов и Либер, которые провели формулировку тов. Мартова*, *сейчас же* обнаружили свою истинную натуру, потребовав (стр. 254—255), чтобы и программу надо было (для «членства» в партии) признавать лишь платонически, лишь ее «основные положения». «Предложение тов. Акимова вполне логично с точки зрения тов. Мартова» — отметил тов. Павлович. К сожалению, мы не видим из протоколов, *сколько* голосов объединило это акимовское предложение, — по всей вероятности, не менее семи (пять бундовских, Акимов и Брукэр). И как

* За нее было подано 28 голосов, против 22. Из восьми антиискровцев семь было за Мартова, один за меня. Без помощи оппортунистов тов. Мартов не провел бы своей оппортунистической формулы. (На съезде Лиги тов. Мартов очень неудачно пытался опровергнуть этот несомненный факт, ограничиваясь почему-то голосами одних бундовцев и забывая о тов. Акимове и его друзьях, — вернее, вспоминая о них *лишь* тогда, когда это могло свидетельствовать против меня — согласие со мной тов. Брукэра.)

раз уход именно *семи* делегатов со съезда превратил «компактное большинство» (антиискровцев, «центра» и мартовцев), начавшее складываться по § 1 устава, в компактное меньшинство! Как раз уход именно *семи* делегатов повел к провалу предложения об утверждении старой редакции, этому якобы вопиющему нарушению «преемственности» в ведении «Искры»! Оригинальная же *семерка* была единственным спасением и залогом искровской «преемственности»: эту семерку составляли бундовцы, Акимов и Брукэр, т. е. как раз делегаты, вотировавшие против *мотивов* признания «Искры» Центральным Органом, как раз делегаты, оппортунизм которых десятки раз был признаваем съездом и признан, в частности, Мартовым и Плехановым по вопросу о *смягчении* § 1 насчет программы. «Преемственность» «Искры», охраняемая антиискровцами! — мы подходим тут к *завязке* послесъездовской трагикомедии.

* * *

Группировка голосов по § первому устава обнаружила явление совершенно того же типа, как и в инциденте с равноправием языков: отпадение от искровского большинства четвертой (приблизительно) его части дает возможность победы антиискровцам, за которыми идет «центр». Конечно, и здесь есть отдельные голоса, нарушающие полную стройность картины, — в таком большом собрании, как наш съезд, неизбежно оказывается часть «диких», случайно попадающих то на ту, то на другую сторону, особенно по такому вопросу, как § первый, где истинный характер расхождения только еще намечался и многие прямо *не успевали разобратся* (при отсутствии предварительной разработки вопроса в литературе). От искровцев большинства отпало пять голосов (Русов и Карский по два голоса и Ленский с одним голосом); наоборот, к ним примкнули один антиискровец (Брукэр) и трое из центра (Медведев, Егоров и Царев); получилась сумма в 23 голоса (24—5+4), на один голос меньше окончательной группировки по выборам. *Большинство дали Мартову антиискровцы*, из которых 7 было за него и один за меня (из «центра» тоже семь было за Мартова, три за меня). Та коалиция меньшинства искровцев с антиискровцами и с «центром», которая образовала компактное меньшинство в конце съезда и после съезда, *начала складываться*. Политическая ошибка Мартова и Аксельрода, сделавших *несомненный шаг к оппортунизму и к анархическому индивидуализму* в формулировке § первого и особенно в защите этой формулировки, обнаружилась тотчас же и особенно рельефно

благодаря свободной и открытой арене съезда, обнаружилась тем, что наименее устойчивые и наименее принципиально-выдержанные элементы сразу двинули все свои силы для расширения той щели, той пробоины, которая оказалась во взглядах революционной социал-демократии. Совместная работа на съезде людей, которые открыто преследовали в организационной области *разные цели* (см. речь Акимова), тотчас же толкнула *принципиальных* противников нашего организационного плана и нашего устава к поддержке ошибки гг. Мартова и Аксельрода. Искровцы, оставшиеся и в этом вопросе верными взглядам революционной социал-демократии, оказались *в меньшинстве*. Это — обстоятельство *громадной важности*, ибо без уяснения его совершенно нельзя понять ни борьбы из-за частных уставов, ни борьбы из-за личного состава Центрального Органа и Центрального Комитета.

і) НЕВИННО ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ЛОЖНОГО ОБВИНЕНИЯ В ОПОРТУНИЗМЕ

Прежде чем переходить к дальнейшим прениям об уставе, необходимо, для выяснения нашего расхождения по вопросу о личном составе центральных учреждений, коснуться *частных* заседаний организации «Искры», происходивших во время съезда. Последнее и самое важное из этих четырех заседаний имело место *как раз после* голосования о § первом устава, — таким образом, происшедший на этом заседании раскол организации «Искры» явился и хронологически и логически предшествующим условием дальнейшей борьбы.

Частные заседания организации «Искры»* начались вскоре после инцидента с ОК, который дал повод к обсуждению вопроса о возможных кандидатурах в ЦК. Само собою понятно, что в силу отмены императивных мандатов эти заседания носили исключительно совещательный, никого не связывающий характер, но их значение тем не менее было огромно. Выбор в ЦК представлял значительные трудности для делегатов, не знавших ни конспиративных имен, ни внутренней работы организации «Искры», — организации, создавшей фактическое единство партии, осуществившей то руководство практическим движением, которое послужило одним из мотивов официального признания «Искры». Мы уже видели, что при единстве искровцев им было вполне обеспе-

* Я уже на съезде Лиги старался наметить по возможности узкие рамки изложения того, что было на частных собраниях, во избежание неразрешимых споров. Основные факты изложены и в моем «Письме в редакцию «Искры»» (с. 4). Тов. Мартов не опротестовал их в своем «Ответе»

чено крупное, до $\frac{3}{5}$, большинство на съезде, и все делегаты прекрасно понимали это. Все искровцы именно и ждали того, чтобы организация «Искры» выступила с рекомендацией определенного личного состава ЦК, и ни один член этой организации не возразил ни словом против предварительного обсуждения в ней состава ЦК, ни один не заикнулся об утверждении всего состава ОК, т. е. превращении его в ЦК, не заикнулся *даже о совещании* со всем составом ОК относительно кандидатов в ЦК. Это обстоятельство тоже чрезвычайно характерно, и его крайне важно иметь в виду, ибо *теперь* мартовцы *задним числом* усердно защищают ОК, доказывая этим только в сотый и тысячный раз свою политическую бесхарактерность*. Покуда еще раскол из-за состава центров не сплотил Мартова с Акимовыми, — для всех ясно было на съезде то, в чем легко убедиться, из протоколов съезда и из всей истории «Искры», всякий беспристрастный человек, именно: что ОК был *главным образом* комиссией по созыву съезда, комиссией, составленной нарочно из представителей разных оттенков вплоть до бундовского; действительную же работу *создания* организационного единства партии всецело вынесла на своих плечах организация «Искры» (надо иметь также в виду, что на съезде совершенно случайно отсутствовали *несколько* искровских членов ОК как в силу арестов, так и по другим «независящим» обстоятельствам). Состав бывшей на съезде организации «Искры» приведен уже в брошюре т. Павловича (см. его «Письмо о II съезде», стр. 13) ²⁰⁸.

Окончательным результатом жарких дебатов в организации «Искры» было два вотума, приведенных уже мной в «Письме в редакцию». Первый вотум: «отвергается одна из поддерживаемых Мартовым кандидатур девятью голосами против четырех при трех воздержавшихся». Казалось бы, что может быть проще и естественнее такого факта: с общего согласия всех шестнадцати бывших на съезде членов организации «Искры» обсуждается вопрос о возможных кандидатурах, и большинством отвергается одна из кандидатур т. Мартова (именно кандидатура т. Штейна, как выболтал уже теперь, не утерпев, и сам т. Мартов, стр. 69 «Осадного

* Представьте только себе хорошенько эту «картину нравов»: делегат организации «Искры» на съезде совещается *только* с нею и *не заикается* даже о совещании с ОК. После же поражения своего и в этой организации и на съезде, он начинает *жалеть* о неутверждении ОК, воспевать его задним числом и величественно игнорировать организацию, которая дала ему мандат! Можно ручаться, что не найдется аналогичного факта в истории ни единой действительно социал-демократической и действительно рабочей партии.

положения»)? Ведь на партийный съезд мы и собрались, между прочим, как раз для того, чтобы обсудить и решить вопрос о том, кому вручить «дирижерскую палочку» — и нашей общей партийной обязанностью было уделить этому пункту порядка дня самое серьезное внимание, решить этот вопрос с точки зрения *интересов дела*, а не «обывательских нежностей», как выразился потом совершенно справедливо т. Русов. Конечно, при обсуждении вопроса о кандидатах *на съезде* нельзя было не коснуться и известных личных качеств, нельзя было не высказать своего одобрения или неодобрения*, особенно в неофициальном и тесном собрании. *И я уже на съезде Лиги предупреждал*, что неодобрение кандидатуры нелепо считать чем-то «позорящим» (с. 49 прот. Лиги), нелепо делать «сцену» и поднимать истерику из-за того, что входит в прямое выполнение партийной обязанности выбирать должностных лиц сознательно и осмотрительно. А, между тем, ведь для нашего меньшинства отсюда-то и загорелся сыр-бор, они стали кричать *после съезда* о «разрушении репутации» (с. 70 прот. Лиги) и уверять *печатно широкую публику*, что т. Штейн был «главным деятелем» бывшего ОК и что его неосновательно обвиняли «в каких-то адских планах» (с. 69 «Осадное положение»). Ну, разве это не истерика, когда по поводу одобрения или неодобрения кандидатов кричат о «разрушении репутации»? Разве это не дразга, когда, потерпев поражение и в частном собрании организации «Искры», и в официальном, высшем партийном собрании, на съезде, люди потом поднимают жалобы перед улицей и рекомендуют почтеннейшей публике забракованных кандидатов как «главных деятелей»? — когда люди потом навязывают партии своих кандидатов путем раскола и требования *кооптации*? У нас до того смешались в затхлой заграничной атмосфере политические понятия, что т. Мартов не умеет уже отличить партийного долга от кружковщины и кумовства! Это, должно быть, бюрократизм и формализм — думать, что

* Тов. Мартов горько жаловался в Лиге на резкость моего неодобрения, не замечая, что из его жалоб получается вывод против него самого. Ленин вел себя, — употребляя его же выражение, — бешено (с. 63 протоколов Лиги). Верно. Он хлопал дверью. Правда. Он возмутил своим поведением (на втором или третьем заседании орг. «Искры») оставшихся на собрании членов. Истина. — Но что же отсюда следует? Только то, что мои доводы по существу спорных вопросов были убедительны и подтверждались ходом съезда. В самом деле, если со мной оказалось все же, в конце концов, девять из шестнадцати членов организации «Искры», то ясно, что это произошло *несмотря* на зловердные резкости, *вопреки* им. Значит, если бы не было «резкостей», то может быть еще больше, чем девять, было бы на моей стороне. Значит, тем более убедительны были доводы и факты, чем большее «возмущение» должны были они перевесить.

вопрос о кандидатах уместно обсуждать и решать *только* на съездах, где делегаты собираются для обсуждения, прежде всего, важных принципиальных вопросов, где сходятся представители движения, способные беспристрастно отнестись к вопросу о лицах, способные (и обязанные) *затребовать* и собрать все сведения о кандидатах для подачи решающего голоса, где уделение известного места спорам из-за дирижерской палочки естественно и необходимо. Вместо этого бюрократического и формалистического взгляда у нас введены теперь иные нравы: мы будем, после съездов, говорить направо и налево о политических похоронах Ивана Ивановича, о разрушении репутации Ивана Никифоровича; кандидатов будут рекомендовать в брошюрах те или иные литераторы и при этом фарисейски уверять, бия себя в грудь: не кружок, а партия... Читающая публика из тех, кто охоч до скандалов, так жадно будет упиваться этой сенсационной новостью, что вот такой-то был главным деятелем ОК, по уверению самого Мартова*. Эта читающая публика гораздо более способна обсудить и решить вопрос, чем формалистические учреждения вроде съездов с их грубо-механическими решениями по большинству... Да, большие еще Авгиевы конюшни заграничной дрязги предстоит очистить нашим настоящим партийным работникам!

Другой вотум организации «Искры»: «принимается десятью голосами против двух, при четырех воздержавшихся, список пяти (в ЦК), в который введен, по моему предложению, один лидер неискровских элементов и один лидер искровского меньшинства»**. Этот вотум крайне важен, ибо он ясно и неопровержимо доказывает всю лживость наросших потом, в атмосфере дрязги, рассказней, будто мы хотели вышибать из партии или отстранять неискровцев, будто большинство выбирало только одной половиной съезда из одной половины и т. п. Все это — сплошная фальшь. Приведенный мной вотум показывает, что не только из партии, но даже и из ЦК неискровцев мы не устранили, а давали своим оппонентам весьма значительное *меньшинство*. Все дело было в

* Я тоже проводил в организации «Искры» и тоже не провел, подобно Мартову, одного кандидата в ЦК, относительно которого я тоже мог бы говорить о его великолепной, исключительными фактами доказываемой, репутации до съезда и в начале съезда. Но мне это не приходит в голову. Этот товарищ *достаточно уважает себя*, чтобы не позволить никому выдвигать после съезда печатно его кандидатуру или жаловаться на политические похороны, на разрушение репутации и т. д.

** См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 100; 4 изд., том 7, стр. 103—104. *Ред.*

том, что они *хотели иметь большинство* и, когда это скромное желание не осуществилось, они подняли *скандал*, с полным отказом от участия в центрах. Что дело было именно так, вопреки утверждениям т. Мартова в Лиге, это видно из следующего *письма*, посланного нам, большинству искровцев (и большинству съезда, по уходе семи) меньшинством организации «Искры» вскоре после принятия 1 § устава на съезде (надо заметить, что собрание организации «Искры», о котором я говорил, было *последним*: после него *фактически* организация распалась, и обе стороны старались убедить в своей правоте остальных делегатов съезда).

Вот текст письма:

«Выслушав объяснения делегатов Сорокина и Саблиной по вопросу о желании большинства редакции и группы «Освобождение труда» участвовать на собрании (такого-то числа*) и установив с помощью этих делегатов, что на предыдущем собрании читался, как якобы исходящий от нас список кандидатов в ЦК, которым пользовались для неправильной характеристики всей нашей *политической* позиции, и имея в виду, что, во-первых, нам этот список приписан без всякой попытки проверить происхождение этого списка; что, во-вторых, это обстоятельство стоит в несомненной связи с распространяемым открыто обвинением большинства редакции «Искры» и группы «Освобождение труда» в оппортунизме; и что, в-третьих, для нас совершенно ясна связь этого обвинения с имеющимся вполне определенным планом *изменения состава редакции «Искры»*, — мы находим данные нам объяснения о причинах недопущения на собрание неудовлетворяющими нас, а нежелание допустить на собрание — доказательством нежелания дать нам возможность рассеять вышеуказанные ложные обвинения.

По вопросу о возможном соглашении между нами об общем списке кандидатов в ЦК мы заявляем, что единственным списком, который мы можем принять, как основу соглашения, является такой: Попов, Троцкий, Глебов, причем подчеркиваем характер этого списка, как списка *компромиссного*, так как включение в этот список тов. Глебова имеет значение только уступки желаниям большинства, ибо, после выяснившейся для нас роли тов. Глебова на съезде, *мы не считаем тов. Глебова* удовлетворяющим требованиям, которые следует предъявлять к кандидату в ЦК.

Вместе с тем, мы подчеркиваем то обстоятельство, что, вступая в переговоры о кандидатурах в ЦК, мы это делаем без всякого отношения к вопросу о составе редакции ЦО, так как мы ни в какие переговоры по этому вопросу (о составе редакции) не согласны вступать.

За товарищей Мартов и Старовер»

* По моему расчету (см. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 481. *Ред.*), дата, приведенная в письме, приходится на вторник. Собрание было во вторник вечером, т. е. *после* 28-го заседания съезда. Эта хронологическая справка очень важна. Она *документально опровергает* мнение тов. Мартова, что мы разошлись по вопросу об организации центров, а не по вопросу об их личном составе. Она *документально доказывает* правильность моего изложения на съезде Лиги и в «Письме в редакцию». *После* 28-го заседания съезда тт. Мартов и Старовер усиленно толкуют о ложном обвинении в оппортунизме и *ни слова не говорят* о расхождении по вопросу о составе Совета или о кооптации в центре (о чем мы спорили в 25, 26 и 27 заседаниях).

Это письмо, точно воспроизводящее настроение спорящих сторон и положение спора, сразу вводит нас в «сердцевину» начинающегося раскола и показывает его действительные причины. Меньшинство организации «Искры», не пожелав согласиться с большинством, предпочтя свободную агитацию на съезде (имея на то, конечно, полное право), добивается, тем не менее, от «делегатов» большинства допущения на их частное собрание! Понятно, что забавное требование встретило в нашем собрании (письмо было, разумеется, прочтено на собрании) только улыбку и пожиманье плеч, а вскрикивания, переходящие уже в истерику, относительно «ложных обвинений в оппортунизме» вызвали прямо смех. Но разберем сначала, по пунктам, горькие жалобы Мартова и Старовера.

Им неправильно приписали список; их политическую позицию неправильно характеризуют. — Но как Мартов признает и сам (стр. 64 протоколов Лиги), я не подумал заподозрить правдивость его слов, что не он автор списка. Вопрос об авторстве вообще тут ни при чем, и был ли список наметчен кем-либо из искровцев или кем-либо из представителей «центра» и т. п. — это не имеет ровно никакого значения. Важно то, что список этот, сплошь состоящий из членов теперешнего меньшинства, циркулировал на съезде, хотя бы даже в качестве простой догадки или предположения. *Важнее всего*, наконец, то, что т. Мартову *приходилось* на съезде отбояриваться руками и ногами от *такого* списка, который он теперь *должен бы был* встретить с восторгом. Нельзя рельефнее обрисовать неустойчивость в оценке людей и оттенков, как этим прыжком за пару месяцев от воплей о «позорящем слухе» до навязывания партии в центр этих самых кандидатов позорящего, якобы, списка! *

Этот список, — говорил т. Мартов на съезде Лиги, — «означал политически коалицию нашу и «Южного рабочего» с Бундом, коалицию в смысле *прямого соглашения*» (стр. 64). Это неверно, ибо, во-первых, Бунд никогда не пошел бы на «соглашение» о списке, в коем не было ни единого бундовца; а, во-вторых, о прямом соглашении (которое казалось Мартову позорным) не было *и не могло быть речи* не только с Бундом, но и с группой «Южного рабочего». Дело шло именно не о соглашении, а о коалиции, не о том, чтобы т. Мартов заключал сделку, а о том, что его *неизбежно*

* Предыдущие строки были уже набраны, когда мы получили сообщение об инциденте тов. Гусева и тов. Дейча. Мы рассмотрим этот инцидент особо в *приложении* (см. настоящий том, стр. 414—421, *Ред.*).

должны были поддержать те самые антиискровские и шаткие элементы, с которыми он боролся в течение первой половины съезда и которые ухватились за его ошибку в § 1 устава. Письмо, приведенное мною, доказывает самым бесспорным образом, что *корень «обиды» заключался именно в открытом, да еще притом ложном, обвинении в оппортунизме.* «Обвинения» эти, из-за которых загорелся сыр-бор и которые так тщательно обходит теперь т. Мартов, несмотря на мое напоминание в «Письме в редакцию», были двоякого рода: во-первых, во время прений о § 1 устава Плеханов прямо сказал, что вопрос о § 1 является вопросом об «отделении» от нас «всякого рода представителей оппортунизма» и что за мой проект, как оплот против их вторжения в партию, «уже по одному этому должны голосовать все противники оппортунизма» (стр. 246 протоколов съезда). Эти энергичные слова, несмотря на маленькое смягчение, которое я внес в них (стр. 250) *, вызвали сенсацию, ясно выразившуюся в речах тт. Русова (стр. 247), Троцкого (стр. 248) и Акимова (стр. 253). В «кулуарах» нашего «парламента» тезис Плеханова живо комментировался и вариировался на тысячи ладов в бесконечных спорах о § 1. И вот, вместо того, чтобы защищаться по существу, наши дорогие товарищи ударились в смешную обиду вплоть до письменных жалоб на «ложное обвинение в оппортунизме»!

Психология кружковщины и поразительной партийной незрелости, неспособной выносить свежего ветерка открытых споров перед всеми, сказалась тут воочию. Это — та знакомая российскому человеку психология, которая выражается старинным изречением: либо в зубы, либо ручку пожалуйста! Люди так привыкли к стеклянному колпаку тесной и теплой компанийки, что упали в обморок от первого же выступления, за своей ответственностью, на свободной и открытой арене. Обвинять, и кого же? Группу «Освобождение труда», да еще большинство ее, в оппортунизме, — можете себе представить такой ужас! Либо партийный раскол из-за такого несмываемого оскорбления, либо замять эту «домашнюю неприятность» восстановлением «преемственности» стеклянного колпака — эта дилемма намечается уже довольно определенно в рассматриваемом письме. Психология интеллигентского индивидуализма и кружковщины столкнулась с требованием открытого выступления перед партией. Представьте себе только, чтобы в немецкой партии возможна была такая

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 288; 4 изд., том 6, стр. 456—457. *Ред.*

нелепость, такая дрязга, как жалоба на «ложное обвинение в оппортунизме»! Пролетарская организация и дисциплина давно отучили там от этой интеллигентской хлюпкости. Никто не относится иначе, как с величайшим уважением, скажем, к Либкнехту, но как бы осмеяли там *жалобы* на то, что его «открыто обвиняли в оппортунизме» (вместе с Бебелем) на съезде 1895 года²⁰⁹, когда он оказался по аграрному вопросу в дурной компании заведомого оппортуниста Фольмара и его друзей. Имя Либкнехта неразрывно связано с историей немецкого рабочего движения не потому, конечно, что Либкнехту довелось впасть в оппортунизм по такому сравнительно мелкому и частному вопросу, а несмотря на это. И точно так же, несмотря ни на какое раздражение борьбы, имя, скажем, т. Аксельрода внушает и всегда будет внушать уважение всякому русскому социал-демократу, но не потому, что т. Аксельроду случилось защищать оппортунистическую идейку на втором съезде нашей партии, случилось выкопать старую анархическую дребедень на втором съезде Лиги, а несмотря на это. Только самая заскорузлая кружковщина с ее логикой: либо в зубы, либо ручку пожалуйста, могла поднять истерику, дрязгу и партийный раскол из-за «ложного обвинения в оппортунизме большинства группы «Освобождение труда»».

Другое основание этого ужасного обвинения связано с предыдущим самым неразрывным образом (т. Мартов тщетно пытался на съезде Лиги (стр. 63) обойти и затушевать *одну* из сторон этого инцидента). Оно относится именно к той *коалиции* антиискровских и шатких элементов с т. Мартовым, которая *наметилась* по § 1 устава. Разумеется, никакого ни прямого, ни косвенного соглашения между т. Мартовым и антиискровцами не было и быть не могло, и никто его в этом не подозревал: это ему только со страху показалось. Но его ошибка *политически* обнаружилась именно в том, что люди, несомненно тяготеющие к оппортунизму, стали образовывать вокруг него все более и более плотное «компактное» большинство (ставшее теперь меньшинством *только* благодаря «случайному» уходу семи делегатов). На эту «коалицию» мы указывали, конечно, тоже *открыто* тотчас же после § 1 и на съезде (см. отмеченное уже выше замечание т. Павловича, стр. 255 прот. съезда) и в организации «Искры» (особенно указывал на это, помнится, Плеханов). Это буквально то же самое указание и та же самая насмешка, которая падала и на Бебеля с Либкнехтом в 1895 году, когда Цеткина сказала им: «Es tut mir in der Seele weh, daß ich dich in der Gesellschaft seh'» (горько у меня на душе, что я вижу тебя —

т. е. Бебеля — в такой компании — т. е. с Фольмаром и К⁰) ²¹⁰. Странно это, право, что Бебель с Либкнехтом не послали тогда Каутскому и Цеткиной истерического послания о ложном обвинении в оппортунизме...

Что касается до списка кандидатов в ЦК, то письмо это показывает ошибку т. Мартова, утверждавшего в Лиге, что отказ столкнуться с нами не был еще окончательный, — лишний пример того, как неразумно в политической борьбе пытаться воспроизводить на память *разговоры*, вместо справки с документами. На самом деле «меньшинство» было так скромно, что предъявляло «большинству» ультиматум: взять двух из «меньшинства» и одного (в виде компромисса и *только* для уступки собственно!) от «большинства». Это чудовищно, но это факт. И этот факт показывает воочию, как вздорны теперешние рассказы, будто «большинство» одной половиной съезда выбирало представителей одной только половины. *Как раз наоборот*: мартовцы лишь для уступки предлагали нам одного из трех, желая, следовательно, в случае несогласия нашего на эту оригинальную «уступку», провести *всех* своих! Мы посмеялись, на нашем частном собрании, над скромностью мартовцев и составили себе список: Глебов — Травинский (выбранный потом в ЦК) — *Попов*. Этот последний был заменен нами (тоже на частном собрании 24-х) тов. Васильевым (выбранным потом в ЦК) *лишь потому*, что тов. Попов отказался идти в нашем списке, отказался сначала в частной беседе, а потом и на съезде открыто (стр. 338).

Вот как было дело.

Скромное «меньшинство» имело скромное желание быть в большинстве. Когда это скромное желание не было удовлетворено, «меньшинство» изволило вовсе отказаться и начать скандалчик. А теперь находятся еще люди, которые величественно-снисходительно толкуют о «неуступчивости» «большинства»!

«Меньшинство» предъявляло забавные ультиматумы «большинству», идучи на рать свободной агитации на съезде. Потерпев поражение, *наши герои расплакались и закричали об осадном положении. Voilà tout* *.

Ужасное обвинение в том, что мы намерены изменить состав редакции, мы (частное собрание 24-х) встретили тоже улыбкой: все прекрасно знали с самого начала съезда и еще до съезда о плане *обновления* редакции путем выбора перво-

* — Вот и все. *Ред.*

начальной тройки (подробнее я скажу об этом, когда будет речь о выборе редакции на съезде). Что «меньшинство» испугалось этого плана *после того*, как увидело, что прекрасным подтверждением правильности этого плана явилась коалиция «меньшинства» с антиискровцами, — это нас не удивило, это было вполне естественно. Мы не могли, конечно, брать всерьез предложение превратиться, по доброй воле, до борьбы на съезде, в меньшинство, не могли брать всерьез всего письма, авторы которого дошли до такой невероятной степени раздражения, что говорили о «ложных обвинениях в оппортунизме». Мы твердо надеялись, что партийный долг возьмет очень быстро верх над естественным желанием «сорвать сердце».

к) ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕНИЙ ОБ УСТАВЕ. СОСТАВ СОВЕТА

Дальнейшие пункты устава вызывали гораздо больше споров о частностях, чем о принципах организации. 24-ое заседание съезда целиком посвящено было вопросу о представительстве на партийных съездах, причем решительную и определенную борьбу против общих всем искровцам планов вели опять-таки лишь бундовцы (Гольдблат и Либер, стр. 258—259) и т. Акимов, который с похвальной откровенностью признал свою роль на съезде: «Я каждый раз говорю с полным сознанием того, что я своими доводами не влияю на товарищей, но, наоборот, поврежу тому пункту, который я защищаю» (стр. 261). Это меткое замечание было особенно уместно тотчас же после § 1 устава; не совсем правильно только употреблено здесь выражение «наоборот», ибо т. Акимов умел не только вредить известным пунктам, но в то же время и тем самым также и «влиять на товарищей»... из числа очень непоследовательных искровцев, склонных к оппортунистической фразе.

В общем, § 3 устава, определяющий условия представительства на съезде, был принят большинством при 7 воздержавшихся (стр. 263), — очевидно, из числа антиискровцев.

Спор о составе Совета, занявший большую часть 25-го заседания съезда, обнаружил чрезвычайную дробность группировок вокруг громадного числа различных проектов. Абрамсон и Царев совсем отвергают план Совета. Панин упорно хочет сделать Совет исключительно третейским судом и потому вполне последовательно предлагает выкинуть определение, что Совет есть высшее учреждение и что его могут

созывать любые два члена Совета *. Герц, Русов отстаивают разные способы составления Совета в дополнение к *трем* способам, предложенным *пятью* членами уставной комиссии.

Спорные вопросы сводились прежде всего к определению задач Совета: третейский суд или высшее учреждение партии? Последовательно за первое стоял, как я уже сказал, т. Панин. Но он был одинок. Тов. Мартов решительно высказался против: «Предложение о том, чтобы вычеркнуть слова: «Совет есть высшее учреждение», я предлагаю отвергнуть: наша формулировка» (т. е. формулировка задач Совета, на которой мы сошлись в уставной комиссии) «умышленно оставляет возможность развития Совета в высшее партийное учреждение. Для нас Совет не только примирительное учреждение». Между тем состав Совета, по проекту т. Мартова, соответствовал всецело и исключительно характеру «примирительных учреждений» или третейских судов: по два члена от обоих центров и пятый, приглашаемый этими четырьмя. Не только такой состав Совета, но и тот, который принят съездом, по предложению тт. Русова и Герца (пятый член назначается съездом), соответствует исключительно целям примирения или посредничества. Между таким составом Совета и назначением его стать высшим учреждением партии — противоречие непримиримое. Высшее учреждение партии должно быть постоянно в составе, а не зависеть от случайных (иногда в силу провалов) изменений в составе центров. Высшее учреждение должно находиться в непосредственной связи с партийным съездом, от него получая свои полномочия, а не от двух других, подчиненных съезду, партийных учреждений. Высшее учреждение должно состоять из лиц, известных партийному съезду. Наконец, *высшее* учреждение не может быть *организовано* так, что *самое его существование* зависит от случая: не сойдутся две коллегии в выборе пятого, и партия остается без высшего учреждения! Против этого возражали: 1) что при воздержании одного из пяти и при разделении остальных четырех на две пары положение тоже может оказаться безвыходным (Егоров). Это возражение несостоятельно, ибо невозможность *принять решение* неизбежна иногда для *всякой* коллегии, но это совсем не то, что невозможность *составить* коллегию. Второе возражение: «если

* Тов. Старовер, видимо, тоже склонялся к взглядам т. Панина, с тем только отличием, что последний знал, чего он хочет, и вполне последовательно вносил резолюции, превращающие Совет в чисто третейское, примирительное учреждение, тогда как т. Старовер не знал, чего он хочет, говоря, что Совет собирается, по проекту, «только по желанию сторон» (стр. 266). Это прямо неверно.

такое учреждение, как Совет, не сможет выбрать пятого члена, то это значит тогда, что учреждение вообще недееспособно» (Засулич). Но дело тут не в недееспособности, а в несуществовании *высшего* учреждения: без пятого члена *не будет* никакого Совета, не будет *никакого «учреждения»*, и о дееспособности нельзя будет и говорить. Наконец, было бы еще поправимым злом, если бы возможны были случаи, когда не составляется одна из таких партийных коллегий, над которой стоит другая, высшая, ибо тогда эта высшая коллегия могла бы в экстренных случаях всегда пополнить пробел так или иначе. Но над Советом никакой коллегии, кроме съезда, *нет*, и поэтому оставить в уставе *возможность* того, что Совета нельзя будет *даже и составить*, — явная нелогичность.

Обе мои коротенькие речи на съезде по этому вопросу и были посвящены разбору (стр. 267 и 269) * *только двух этих* неправильных возражений, которыми защищали проект Мартова он сам и другие товарищи. Вопрос же о преобладании ЦО или ЦК в Совете *мною не был даже задет*. Вопрос этот затронул, *впервые* в смысле указания на опасность преобладания ЦО, т. Акимов еще в 14-ом заседании съезда (стр. 157), и *только* за Акимовым пошли *после съезда* тт. Мартов, Аксельрод и другие в создании нелепой и демагогической сказки о желании «большинства» превратить ЦК в орудие редакции. Касаясь этого вопроса в своем «Осадном положении», т. Мартов скромно обошел его настоящего инициатора!

Кто захочет познакомиться со *всей* постановкой вопроса о преобладании ЦО над ЦК на съезде партии, а не ограничиваться отдельными вырванными из связи цитатами, тот легко увидит извращение дела т. Мартовым. Еще в 14-ом заседании *не кто иной, как т. Попов* начинает с полемики *против взглядов т. Акимова*, желающего «на вершине партии защищать «самую строгую централизацию», *чтобы ослабить влияние ЦО»* (стр. 154, курсив мой), «в чем собственно и заключается весь смысл такой (акимовской) системы». «Такой централизации, — добавляет т. Попов, — я не только не защищаю, но я готов всячески с ней бороться, потому что она — *знамя оппортунизма*». Вот где *корень* пресловутого вопроса о преобладании ЦО над ЦК, и неудивительно, что т. Мартову *приходится* теперь замалчивать истинное происхождение вопроса. *Даже* т. Попов не мог не видеть *оппортунистического* характера этих акимовских толков о преобладании

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 292. *Ред.*

ЦО* и, чтобы хорошенько отделить себя от т. Акимова, товарищ Попов категорически заявлял: «пусть в этом центре (Совете) три члена будут от редакции и два члена от ЦК. *Это вопрос второстепенный* (курсив мой), важно же то, чтобы руководство, высшее руководство партией, шло из одного источника» (стр. 155). Тов. Акимов возражает: «по проекту, ЦО обеспечено превалирование в Совете уже потому, что состав редакции постоянный, а ЦК переменный» (стр. 157) — довод, относящийся лишь к «постоянству» *принципиального* руководства (явление нормальное и желательное), отнюдь не к «превалированию» в смысле вмешательства или посягательства на самостоятельность. И т. Попов, который еще тогда не принадлежал к «меньшинству», прикрывающему недовольство составом центров сплетничаньем о несамостоятельности ЦК, отвечает товарищу Акимову совершенно резонно: «Я предлагаю считать его (Совет) руководящим центром партии, и тогда *совершенно не важен вопрос, будет ли в Совете большее число представителей от ЦО или от ЦК*» (стр. 157—158. Курсив мой).

Когда обсуждение вопроса о составе Совета возобновилось в 25-ом заседании, тов. Павлович, продолжая старые прения, высказывается за преобладание ЦО над ЦК «ввиду устойчивости первого» (264), имея в виду именно *принципиальную* устойчивость, как и понял это тов. Мартов, который говорил сейчас же после тов. Павловича, находил ненужным «фиксировать перевес одного учреждения над другим» и указывал на возможность пребывания одного из членов ЦК за границей: «этим сохранится до известной степени *принципиальная* устойчивость ЦК» (264). Тут нет еще и тени демагогического *смещения* вопроса о *принципиальной* устойчивости и ее охране с охраной самостоятельности и независимости ЦК. Это смещение, *после съезда* ставшее едва ли не главным козырем тов. Мартова, *на съезде* упорно проводил только тов. Акимов, который и говорил тогда еще об «аракчеевском

* Тов. Акимова ни т. Попов, ни т. Мартов не стеснялись называть оппортунистом, они стали обижаться и возмущаться лишь тогда, когда к ним самим применили это название и применили справедливо за «равноправие языков» или за § 1. Тов. Акимов, по стопам которого пошел т. Мартов, умел, однако, держать себя с большим достоинством и мужеством на партийном съезде, чем т. Мартов и К⁰ на съезде Лиги. «Меня здесь, — говорил т. Акимов на съезде партии, — называют оппортунистом; я лично считаю это слово бранным, оскорбительным, и думаю, что я его совершенно не заслужил; однако я против этого не протестую» (стр. 296). Может быть, тт. Мартов и Старовер предлагали т. Акимову подписаться под их протестом против ложного обвинения в оппортунизме, но т. Акимов отказался?

духе устава» (268), о том, что *«если в Совете партии окажутся три члена ЦО, то ЦК превратится в простого исполнителя воли редакции (курсив мой)»*. Три лица, живущие за границей, получают право безгранично (!!) распоряжаться работой всей (!!) партии. Они обеспечены в смысле безопасности, и потому их власть пожизненна» (268). Вот против этих-то, совершенно вздорных и демагогических фраз, которые подменяют *идейное руководство — вмешательством в работу всей партии* (и которые после съезда доставили дешевенький лозунг тов. Аксельроду с его речами о «теократии»²¹¹), — *против них* возражал опять товарищ Павлович, подчеркнувший, что он стоит «за прочность и чистоту тех принципов, представителем которых является «Искра». Давая перевес редакции Центрального Органа, я этим укрепляю эти принципы» (268).

Вот как стоит на самом деле вопрос о пресловутом преобладании ЦО над ЦК. Это знаменитое «принципиальное разногласие» тт. Аксельрода и Мартова есть не что иное, как *повторение оппортунистических и демагогических фраз товарища Акимова*, фраз, истинный характер которых ясно видел даже товарищ Попов, видел тогда, когда еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров!

* * *

Итог вопроса о составе Совета: вопреки попыткам тов. Мартова доказать в «Осадном положении» противоречивость и неправильность моего изложения в «Письме в редакцию», протоколы съезда ясно показывают, что вопрос этот *по сравнению с § 1 действительно лишь деталь, что полным извращением было заявление статьи «Наш съезд» (№ 53 «Искры»)*, будто «почти исключительно» мы спорили об организации центральных учреждений партии. Извращение это тем более вопиющее, что автор статьи *вовсе обошел споры о § 1*. Далее, что определенной группировки искровцев по вопросу о составе Совета не было, это тоже подтверждают протоколы: именных голосований нет, Мартов расходится с Паниным, я схожусь с Поповым, Егоров и Гусев стоят особо и т. д. Наконец, последнее мое утверждение (на съезде «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии»), что коалиция мартовцев с антиискровцами крепла, *тоже подтверждается* видным теперь для всех поворотом товарищей Мартова и Аксельрода к т. Акимову и в этом вопросе.

л) КОНЕЦ ПРЕНИЙ ОБ УСТАВЕ. КООПТАЦИЯ В ЦЕНТРЫ.
УХОД ДЕЛЕГАТОВ «РАБОЧЕГО ДЕЛА»

Из дальнейших прений об уставе (26-ое заседание съезда) стоит отметить лишь вопрос об ограничении власти Центрального Комитета, проливающий свет на характер *теперешних* нападков мартовцев на гиперцентрализм. Тт. Егоров и Попов стремились к ограничению централизма с несколько большей убежденностью, независимо от их собственной или проводимой ими кандидатуры. Они предложили еще в уставной комиссии ограничить право ЦК на распускание местных комитетов согласием Совета и, кроме того, случаями, особо перечисленными (стр. 272, прим. 1). Трое членов уставной комиссии (Глебов, Мартов и я) высказались против, и на съезде тов. Мартов защищал наше мнение (стр. 273), возражая Егорову и Попову, что «ЦК и без того будет обсуждать, прежде чем решится сделать такой серьезный шаг, как распустить организацию». Как видите, *тогда* еще тов. Мартов оставался глух ко *всяким* антицентралистическим поползновениям, и съезд отклонил предложение Егорова и Попова, — к сожалению, мы не узнаем только из протоколов, каким числом голосов.

На съезде партии тов. Мартов был также «против замены слова организует (ЦК организует комитеты и т. д. в § 6 устава партии) словом утверждает. Нужно дать право и организовать», говорил *тогда* тов. Мартов, не додумавшийся еще до замечательной, открытой лишь на съезде Лиги идеи, что утверждение не входит в понятие «организовать».

Кроме этих двух пунктов, вряд ли представляют интерес остальные, совершенно уже мелочные дебаты по частностям §§ 5—11 устава (стр. 273—276 протоколов). Параграф 12—вопрос о кооптации во все партийные коллегии вообще и в центры в частности. Комиссия предлагает повысить квалифицированное большинство, необходимое для кооптации, с $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$. Докладчик (Глебов) предлагает *единогласную* кооптацию в ЦК. Тов. Егоров, признавая нежелательным *шероховатости*, стоит за простое большинство при отсутствии мотивированного veto. Тов. Попов не согласен ни с комиссией, ни с тов. Егоровым и требует либо простого большинства (без права veto), либо единогласия. Тов. Мартов не согласен ни с комиссией, ни с Глебовым, ни с Егоровым, ни с Поповым, высказываясь против единогласия, против $\frac{4}{5}$ (за $\frac{2}{3}$), *против «взаимной кооптации», т. е. права редакции ЦО опротестовывать кооптацию в ЦК и обратно («права взаимного контроля над кооптацией»).*

Как видит читатель, группировка получается самая пестрая, и разногласия дробятся чуть ли не на «единогласные» особенности во взглядах каждого делегата!

Тов. Мартов говорит: «Психологическую невозможность работать с лицами неприятными я признаю. Но нам важно также, чтобы наша организация была жизне- и дееспособна... Право взаимного контроля ЦК и редакции ЦО при кооптации не нужно. Я не потому против этого, что думаю, что они не компетентны один в области другого. Нет! Редакция ЦО, например, могла бы дать ЦК хороший совет, следует ли господин Надеждина, напр., принять в ЦК. Я восстаю потому, что не хочу создавать взаимно раздражающей волокиты».

Я возражаю ему: «Здесь два вопроса. Первый о квалифицированном большинстве, и я против предложения понизить с $\frac{4}{5}$ до $\frac{2}{3}$. Вводить мотивированный протест не расчетливо, и я против него. Неизмеримо важнее второй вопрос о праве взаимного контроля ЦК и ЦО над кооптацией. Взаимное согласие двух центров есть необходимое условие гармонии. Здесь вопрос идет о разрыве двух центров. Кто не хочет раскола, должен заботиться о том, чтобы была гармония. Из жизни партии известно, что бывали люди, вносившие раскол. Вопрос этот принципиальный, вопрос важный, от него может зависеть вся будущая судьба партии» (276—277) *. Таков полный текст записанного на съезде конспекта моей речи, которой придает особенно серьезное значение т. Мартов. К сожалению, придавая ей серьезное значение, он не потрудился поставить ее в связь со всеми прениями и со всем политическим моментом съезда, когда эта речь была произнесена.

Прежде всего, является вопрос: почему я в первоначальном своем проекте (см. страницу 394, § 11) ** ограничивался $\frac{2}{3}$ и не требовал взаимного контроля над кооптацией в центры? Тов. Троцкий, говоривший после меня (с. 277), сейчас же и поднял этот вопрос.

Ответ на этот вопрос дает моя речь на съезде Лиги и письмо т. Павловича о II съезде. § 1 устава «разбил посудину», и ее надо было связать «двойным узлом» — говорил я на съезде Лиги. Это значило, во-1-х, то, что в чисто теоретическом вопросе Мартов оказался оппортунистом, и его ошибку отстаивали Либер и Акимов. Это значило, во-2-х, то, что коалиция мартовцев (т. е. ничтожного меньшинства искровцев) с антиискровцами давала им большинство на

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 293. *Ред.*

** См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 257; 4 изд., том 6, стр. 433. *Ред.*

съезде при проведении личного состава центров. А я именно говорил здесь о *личном составе* центров, подчеркивая необходимость гармонии и *предупреждая* от «людей, вносивших раскол». Предупреждение это получало действительно важное принципиальное значение, ибо организация «Искры» (несомненно, более компетентная в вопросе о личном составе центров, как наиболее близко знакомая со всеми делами на практике и со всеми кандидатами), организация «Искры» вынесла уже свой совещательный голос по этому вопросу, приняла известное нам решение относительно возбуждавших ее опасение кандидатур. И морально и по существу дела (т. е. по компетентности выносящего решение) организация «Искры» должна была иметь решающее значение в этом деликатном вопросе. Но *формально* т. Мартов имел, разумеется, полнейшее право апеллировать *против* большинства организации «Искры» к Либерам и Акимовым. А т. Акимов в своей блестящей речи о § 1 сказал замечательно ясно и умно, что когда он видит среди искровцев разногласие о способах достижения их общей, искровской, цели, то он сознательно и намеренно *вотирует за худший способ*, ибо его, Акимова, цели диаметрально противоположны искровским. Не могло подлежать, таким образом, *никакому сомнению*, что, независимо даже от воли и сознания т. Мартова, *именно худший состав центров* получит поддержку Либеров и Акимовых. Они *могут вотировать*, они должны вотировать (судя не по их словам, а по их делам, по их воту в § 1) именно за тот список, который может обещать присутствие «людей, вносивших раскол», вотировать именно *для того*, чтобы «внести раскол». Удивительно ли, что при такой ситуации я говорил о важном принципиальном вопросе (гармония двух центров), от которого может зависеть вся будущая судьба партии?

Ни один социал-демократ, сколько-нибудь знакомый с искровскими идеями, планами и историей движения, сколько-нибудь искренно разделявший эти идеи, не мог ни на минуту усомниться в том, что решение Либерами и Акимовыми спора внутри организации «Искры» о составе центров было формально правильно, но обеспечивало *наихудшие* возможные результаты. С этими наихудшими возможными результатами обязательно надо было бороться.

Спрашивается: как бороться? Мы боролись не истерикой и не скандалчиком, конечно, а такими средствами, которые *вполне лояльны и вполне законны*: чувствуя, что мы в меньшинстве (как и по § 1), мы стали ходатайствовать перед съездом об ограждении прав меньшинства. И большая строгость квалификации при приеме членов ($\frac{4}{5}$ вместо $\frac{2}{3}$), и еди-

ногласие при кооптации, и взаимный контроль над кооптацией в центры, — все это мы стали отстаивать, *когда мы оказались в меньшинстве по вопросу о личном составе центров*. Этот факт постоянно игнорируют Иваны и Петры, охочие судить и рядить о съезде с кондачка, после пары приятельских бесед, без серьезного изучения *всех* протоколов и всех «показаний» заинтересованных лиц. И всякий, кто захочет добросовестно изучить эти протоколы и эти показания, неизбежно придет к указанному мною факту: *корень* спора лежит в *данный момент съезда* именно в вопросе о личном составе центров, и более строгих условий контроля мы добивались именно потому, что были в меньшинстве, что хотели «двойным узлом связать посудину», разбитую Мартовым при ликованиях и при ликующем участии Либеров и Акимовых.

«Если бы дело было не так, — говорит об этом моменте съезда т. Павлович, — то остается предположить, что, выставляя пункт об единогласии при кооптации, мы заботились о своих противниках, ибо для преобладающей партии в том или ином учреждении единогласие не только не нужно, но даже невыгодно» (с. 14 «Письма о II съезде»). Но в настоящее время слишком и слишком часто забывают хронологию событий, забывают, что *в течение целого периода съезда* теперешнее меньшинство было большинством (благодаря участию Либеров и Акимовых) и что именно к этому периоду относится спор о кооптации в центры, подоплекой которого было расхождение в организации «Искры» из-за личного состава центров. Кто уяснит себе это обстоятельство, тот поймет и страстность наших дебатов, тот не будет удивляться и тому *кажущемуся* противоречию, что какие-то мелкие, детальные разногласия вызывают действительно важные, принципиальные вопросы.

Тов. Дейч, говоривший в том же заседании (с. 277), был в значительной степени прав, когда заявил: «Несомненно, что это предложение рассчитано на *данный момент*». Действительно, только поняв *данный момент* во всей его сложности, можно понять истинное значение спора. И в высшей степени важно иметь в виду, что, когда *мы* были в меньшинстве, мы отстаивали права меньшинства *такими приемами*, которые признает законными и допустимыми любой европейский социал-демократ: именно, ходатайством перед съездом о более строгом контроле за личным составом центров. Точно так же в значительной степени прав и т. Егоров, когда он говорил на съезде же, но в другом заседании: «Меня крайне удивляет, что я опять слышу в дебатах ссылку на принципы»... (Это говорится по поводу выборов в ЦК, в 31-ом заседании съезда,

т. е., если я не ошибаюсь, утром в четверг, а 26-ое заседание, о котором сейчас идет речь, было вечером в понедельник)... «Кажется, для всех ясно, что в последние дни все дебаты вертелись не вокруг той или иной принципиальной постановки дела, а исключительно вокруг того, как обеспечить или воспрепятствовать доступ в центральные учреждения тому или иному лицу. Признаем, что принципы давно растеряны на этом съезде и будем называть вещи их настоящими именами. (Общий смех. Муравьев: «Прошу занести в протокол, что т. Мартов улыбался».)» (Стр. 337.) Неудивительно, что и т. Мартов и все мы хохотали над жалобами т. Егорова, которые действительно смешны. Да, *«в последние дни»* очень и очень многое *вертелось* вокруг вопроса о личном составе центров. Это правда. Это действительно на съезде было для всех ясно (и только теперь меньшинство старается затемнить это ясное обстоятельство). Правда, наконец, и то, что следует называть вещи их настоящими именами. Но, ради бога, при чем же тут «растерянность принципов»? Ведь мы и сошлись на съезд для того (см. с. 10, порядок дня съезда), чтобы в первые дни поговорить о программе, тактике, уставе и вырешить соответствующие вопросы и чтобы в последние дни (пункты 18—19 порядка дня) поговорить о личном составе центров и вырешить эти вопросы. Когда люди употребляют на борьбу из-за дирижерской палочки последние дни съездов, это явление естественное и вполне, вполне законное. (Вот когда из-за дирижерской палочки дерутся после съездов, тогда это есть дрязга.) Если кто на съезде потерпел поражение в вопросе о личном составе центров (как товарищ Егоров), то говорить после этого о «растерянности принципов» просто смешно. Понятно поэтому, что над т. Егоровым все смеялись. Понятно также, почему т. Муравьев просил занести в протокол участие в этом смехе т. Мартова: т. Мартов, смеясь над т. Егоровым, смеялся над самим собой...

В дополнение к иронии т. Муравьева, не лишне, может быть, сообщить такой факт. После съезда т. Мартов, как известно, уверял направо и налево, что кардинальную роль в нашем расхождении играл именно вопрос о кооптации в центры, что «большинство старой редакции» было сугубо против взаимного контроля над кооптацией в центры. До съезда, принимая мой проект выбора двух троек, с обоюдной кооптацией в $\frac{2}{3}$, т. Мартов писал мне об этом: «Принимая такую форму взаимокооптации, следует подчеркнуть, что после съезда пополнение каждой коллегии будет совершаться на иных несколько началах (я бы советовал так: каждая коллегия кооптирует новых членов, заявляя о своем намере-

нии другой коллегии: *последняя может заявить протест, и тогда спор решает Совет*. Дабы не было волокиты, эта процедура продельвается по отношению к *заранее намеченным кандидатам, по крайней мере для ЦК*, из которых уже пополнение может совершаться более скорым путем). Чтобы оттенить, что дальнейшая кооптация совершается в порядке, который будет предусмотрен уставом партии, надо прибавить в § 22*: «...который и утверждает состоявшиеся решения» (курсив мой).

Комментарии излишни.

Объяснив значение момента, когда шел спор о кооптации в центры, мы должны несколько остановиться на относящихся сюда *голосованиях* — на *прениях* не приходится останавливаться, ибо после приведенных мною речей тов. Мартова и моей следуют только краткие реплики, в которых принимает участие ничтожное число делегатов (смотри стр. 277—280 протоколов). По поводу голосований тов. Мартов утверждал на съезде Лиги, что я сделал в своем изложении «величайшее извращение» (стр. 60 протоколов Лиги), «когда представил борьбу около устава»... (тов. Мартов нечаянно сказал большую правду: после § 1 горячие споры шли именно *около устава*)... «как борьбу «Искры» с мартовцами, вступившими в коалицию с Бундом».

Присмотримся к этому интересному вопросу о «величайшем извращении». Тов. Мартов соединяет голосования по вопросу о составе Совета с голосованиями по вопросу о кооптации и приводит *восемь* голосований: 1) выбор в Совет по два от ЦО и ЦК — за 27 (М), против 16 (Л), возд. — 7**. (Заметим в скобках, что в протоколах, стр. 270, число воздержавшихся показано 8, но это мелочь.) — 2) избрание пятого члена Совета съездом: — за 23 (Л), против 18 (М), возд. 7. — 3) замещение выбывших членов Совета самим Советом — против 23 (М), за 16 (Л), возд. 12. — 4) единогласие в ЦК — за 25 (Л), против 19 (М), возд. 7. — 5) требование *одного* мотивированного протеста для непринятия члена — за 21 (Л),

* Речь идет о моем первоначальном проекте Tagesordnung'a съезда и комментарии к нему, известном всем делегатам. § 22 этого проекта говорил именно о выборе двух троек в ЦО и ЦК, о «взаимокооптации» этой шестеркой по большинству $\frac{2}{3}$, об утверждении этой взаимокооптации съездом и о самостоятельной дальнейшей кооптации в ЦО и ЦК.

** Буквы М и Л в скобках указывают, на какой стороне стояли я (Л) и Мартов (М).

против 19 (М), возд. 11. — 6) единогласие при кооптации в ЦО — за 23 (Л), против 21 (М), возд. 7. — 7) допустимость вота о праве Совета кассировать решения ЦО и ЦК о непринятии нового члена — за 25 (М), против 19 (Л), возд. 7. — 8) само предложение об этом — за 24 (М), против 23 (Л), возд. 4. *«Тут очевидно, — заключает тов. Мартов (стр. 61 протоколов Лиги), — один делегат Бунда вотировал за предложение, остальные воздержались».* (Курсив мой.)

Спрашивается, почему считает тов. Мартов очевидным, что бундовец вотировал за него, Мартова, когда нет именных голосований?

Потому что он берет во внимание *число вотировавших* и, когда это число указывает на *участие* Бунда в голосовании, то он, тов. Мартов, не сомневается, что это *участие* было в его, Мартова, пользу.

Где же тут «величайшее извращение» с моей стороны?

Всего голосов 51, а без бундовских 46, без рабочедельских 43. В семи голосованиях из восьми, приведенных тов. Мартовым, участвовало 43, 41, 39, 44, 40, 44 и 44 делегата, в *одном* участвовало 47 делегатов (вернее, голосов), и здесь сам тов. Мартов признает, что его поддерживал бундовец. Оказывается таким образом, что картина, нарисованная Мартовым (и нарисованная неполно, как мы сейчас увидим), *только подтверждает и усиливает мое изображение борьбы!* Оказывается, что в очень многих случаях число воздержавшихся было *весьма велико*: это именно указывает на *малый сравнительно* интерес всего съезда к известным деталям, на отсутствие вполне определенной группировки искровцев по этим вопросам. Слова Мартова, что бундовцы «своим воздержанием явно содействуют Ленину» (стр. 62 прот. Лиги), *как раз и говорят против Мартова*: значит, *только* при отсутствии бундовцев, или при воздержании их, я мог иногда рассчитывать на победу. Но всякий раз, когда бундовцы *считают стоящим* вмешиваться в борьбу, они поддерживают тов. Мартова, а такое вмешательство было *не только* в вышеприведенном случае участия 47 делегатов. Кто захочет справиться с протоколами съезда, тот увидит *весьма странную неполноту* картины тов. Мартова. Тов. Мартов *просто опустил еще целых три случая*, когда Бунд участвовал в голосованиях, причем *во всех этих случаях* тов. Мартов, *разумеется*, оказался победителем. Вот эти случаи: 1) Принимается поправка тов. Фомина, понижающая квалифицированное большинство с $\frac{4}{5}$ до $\frac{2}{3}$. За 27, против 21 (стр. 278), значит, участвовало 48 голосов. 2) Принято предложение тов. Мартова об устранении взаимной кооптации. За 26, про-

тив 24 (стр. 279), значит, участвовало в голосовании 50 голосов. Наконец, 3) отклонено мое предложение о допустимости кооптации в ЦО и ЦК лишь с согласия всех членов Совета (стр. 280). Против 27, за 22 (было даже поименное голосование, к сожалению, не сохранившееся в протоколах), значит, число голосовавших — 49.

Итог: по вопросам о кооптации в центры бундовцы участвовали *только в четырех голосованиях* (три приведенных сейчас мной, с 48, 50 и 49 участниками, и одно, приведенное тов. Мартовым, с 47 участниками). *Во всех этих голосованиях* победителем оказался тов. Мартов. *Мое изложение* оказывается *правильным во всех пунктах*, и в указании на коалицию с Бундом, и в констатировании детального сравнительно характера вопросов (масса случаев с большим числом воздержавшихся), и в указании на отсутствие определенной группировки искровцев (нет именных голосований; крайне мало высказавшихся в прениях).

Покушение тов. Мартова найти в моем изложении противоречие оказывается покушением с негодными средствами, ибо тов. Мартов вырвал отдельные словечки, не потрудившись восстановить картины в целом.

Последний параграф устава, посвященный вопросу о заграничной организации, вызвал опять-таки прения и голосования, замечательно характерные с точки зрения съездовских группировок. Дело шло о признании Лиги заграничной организацией партии. Тов. Акимов, разумеется, тотчас же восстал, напоминая о заграничном Союзе, утвержденном первым съездом, указывая на принципиальное значение вопроса. «Оговорюсь прежде всего, — заявил он, — что я не придаю особенного практического значения тому или иному решению этого вопроса. Идейная борьба, которая до сих пор велась в нашей партии, несомненно не закончена; но она будет продолжаться в иных плоскостях и при иной группировке сил... На § 13 устава отразилась еще раз и очень резко тенденция превратить наш съезд из партийного в фракционный. Вместо того, чтобы заставить всех социал-демократов в России преклониться пред решениями партийного съезда во имя партийного единства, соединив все партийные организации, съезду предлагается уничтожить организацию меньшинства, заставить меньшинство исчезнуть» (281). Как видит читатель, «преемственность», которая стала так дорога тов. Мартову после его поражения в вопросе о составе центров, была не менее дорога и тов. Акимову. Но на съезде люди, прилагающие

разные мерки к себе и к другим, восстали горячо против тов. Акимова. Несмотря на принятие программы, признание «Искры» и принятие почти всего устава, на сцену выдвигается именно тот «принцип», который «принципиально» отделял Лигу от Союза. «Если т. Акимов хочет ставить вопрос на принципиальную почву, — восклицает т. Мартов, — мы не имеем ничего против; особенно ввиду того, что т. Акимов говорил о возможных комбинациях в борьбе с двумя течениями. Не в том смысле надо *санкционировать победу одного направления* (заметьте, что это говорится на 27-м заседании съезда!), чтобы раскланяться лишний раз по адресу «Искры», а в том, чтобы *раскланяться окончательно со всякими возможными комбинациями, о которых заговорил тов. Акимов*» (282. Курс. мой).

Картина: тов. Мартов, после завершения всех программных споров на съезде, продолжает еще *окончательно раскланиваться* со всякими возможными комбинациями... пока он еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров! Тов. Мартов «окончательно раскланивается» на съезде с той *возможной «комбинацией»*, которую он преблагополучно осуществляет *на другой день после съезда*. Но тов. Акимов оказался *уже тогда* гораздо прозорливее тов. Мартова; тов. Акимов сослался на пятилетнюю работу «старой партийной организации, носящей по воле первого съезда имя комитета», и закончил преядовитым *провиденциальным* уколом: «Что же касается мнения тов. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновение иного течения в нашей партии, то я должен сказать, что *даже он сам подает мне надежды*» (стр. 283. Курс. мой).

Да, надо сознаться, т. Мартов блестяще оправдал надежды т. Акимова!

Тов. Мартов пошел за т. Акимовым, убедившись в его правоте после того, как была нарушена «преемственность» старой партийной коллегии, которая числилась работающей три года. Не дорого же досталась т. Акимову его победа.

На съезде, однако, за т. Акимова встали — и последовательно встали — только тт. Мартынов, Брукэр и бундовцы (8 голосов). Тов. Егоров, как настоящий вождь «центра», занимает золотую середину: он согласен, видите ли, с искровцами, «сочувствует» им (стр. 282) и *доказывает* это сочувствие *предложением* (стр. 283) обойти вовсе поднятый принципиальный вопрос, *умолчать* и о Лиге и о Союзе. Предложение отклоняется 27 голосами против 15. Очевидно, кроме антиискровцев (8) почти весь «центр» (10) вотирует с т. Егоровым (все число голосовавших 42, так что значительное

число воздерживалось или *отсутствовало*, как это часто бывало при голосованиях, неинтересных и *несомненных* (с точки зрения результата). *Как только заходит речь* о проведении *искровских принципов на деле*, сейчас же оказывается, что «сочувствие» «центра» чисто *словесное*, и за нами идет не больше тридцати или тридцати с небольшим голосов. Дебаты и голосования по предложению Русова (признать Лигу *единственной* заграничной организацией) еще нагляднее показывают это. Антиискровцы и «болото» становятся прямо уже на *принципиальную* точку зрения, причем защищают ее тт. Либер и Егоров, объявляющие предложение т. Русова недопустимым к голосованию, незаконным: «Им умерщвляются все остальные заграничные организации» (Егоров). И оратор, не желающий участвовать в «умерщвлении организаций», не только отказывается от голосования, но даже оставляет зал. Надо отдать, однако, справедливость лидеру «центра»: он проявил вдесятеро больше убежденности (в своих ошибочных принципах) и политического мужества, чем т. Мартов и К⁰, он заступался за «умерщвляемую» организацию *не только тогда, когда дело шло о собственном кружке*, потерпевшем поражение в открытой борьбе.

Предложение т. Русова признается допустимым к голосованию 27 голосами против 15, и затем принимается 25 против 17. Прибавляя к этим 17 отсутствующего тов. Егорова, получаем *полный комплект (18) антиискровцев и «центра»*.

Весь § 13 устава о заграничной организации принимается только *31 голосом* против 12 при шести воздержавшихся. Это число, 31, показывающее нам приблизительную численность на съезде искровцев, т. е. людей, последовательно отстаивающих и *на деле* проводящих взгляды «Искры», мы встречаем уже не менее как *шестой раз* в анализе голосований съезда (место вопроса о Бунде, инцидент с ОК, распускание группы «Южного рабочего» и два голосования об аграрной программе). А т. Мартов хочет серьезно уверить нас, что нет никаких оснований выделять такую «узкую» группу искровцев!

Нельзя не отметить также, что принятие § 13 устава вызвало крайне характерные прения по поводу заявления тт. Акимова и Мартынова об «отказе от участия в голосовании» (стр. 288). Бюро съезда обсудило это заявление и признало — совершенно резонно, — что даже прямое закрытие Союза не давало бы никакого права делегатам Союза отказываться от участия в работах съезда. Отказ от голосований — вещь безусловно ненормальная и недопустимая, вот та

точка зрения, на которую встал вместе с бюро весь съезд, в том числе и те искровцы меньшинства, которые в 28-ом заседании *горячо осуждали то, что сами проделывали в 31-м!* Когда т. Мартынов стал защищать свое заявление (стр. 291), против него восстали и Павлович, и Троцкий, и Карский, и Мартов. Тов. Мартов особенно ясно сознавал обязанности недовольного меньшинства (покуда сам он не остался в меньшинстве!) и особенно назидательно ораторствовал насчет них. «Или вы члены съезда, — восклицал он по адресу тт. Акимова и Мартынова, — тогда вы *должны* участвовать во *всех* его работах» (курсив мой; тогда еще тов. Мартов не замечал формализма и бюрократизма в подчинении меньшинства большинству!), «или вы не члены, и тогда не можете оставаться на заседании... Своим заявлением делегаты Союза принуждают меня поставить два вопроса: члены ли они партии и члены ли они съезда?» (стр. 292).

Тов. Мартов поучает т. Акимова обязанностям членов партии! Но т. Акимов не даром уже сказал, что возлагает некоторые надежды на т. Мартова... Этим надеждам суждено было осуществиться, однако, лишь *после* поражения Мартова на выборах. Когда дело шло не о нем самом, а о других, т. Мартов оставался даже глух к страшному словечку «исключительный закон», *пущенному в ход впервые* (если я не ошибаюсь) т. Мартыновым. «Данные нам разъяснения, — отвечает т. Мартынов тем, кто убеждал его взять назад свое заявление, — не выяснили, было ли решение принципиальное или это была *исключительная мера* против Союза. В таком случае мы считаем, что Союзу нанесено оскорбление. Товарищ Егоров так же, как и мы, вынес впечатление, что это *исключительный закон* (курсив мой) против Союза, и потому даже удалился из залы заседания» (295). И т. Мартов, и т. Троцкий энергично восстают, вместе с Плехановым, против нелепой, *действительно нелепой*, идеи усматривать *оскорбление* в вотуме съезда, и т. Троцкий, защищая принятую съездом, по его предложению, резолюцию (что тт. Акимов и Мартынов могут счесть себя вполне удовлетворенными), уверяет, что «резолюция имеет принципиальный, а не обывательский характер, и *нам нет дела до того, что кто-нибудь ею обиделся*» (стр. 296). Очень скоро оказалось, однако, что кружковщина и обывательщина слишком еще сильны в нашей партии, и подчеркнутые мной гордые слова оказались пустой звонкой фразой.

Тт. Акимов и Мартынов отказались взять свое заявление назад и удалились со съезда, при общих восклицаниях делегатов: «совершенно напрасно!».

м) ВЫБОРЫ. КОНЕЦ СЪЕЗДА

После принятия устава съезд принял резолюцию о районных организациях, ряд резолюций об отдельных организациях партии и, после крайне поучительных прений о группе «Южного рабочего», анализированных мною выше, перешел к вопросу о выборах в центральные учреждения партии.

Мы уже знаем, что организация «Искры», от которой весь съезд ждал авторитетной рекомендации, раскололась по этому вопросу, ибо *меньшинство* организации пожелало испытать на съезде в открытой и свободной борьбе, не удастся ли ему завоевать себе *большинства*. Мы знаем также, что задолго до съезда и на съезде всем делегатам был известен план *обновления* редакции путем выбора двух троек в ЦО и в ЦК. Остановимся на этом плане подробнее для уяснения прений на съезде.

Вот точный текст моего комментария к проекту Tagesordnung съезда, где был изложен этот план*: «Съезд выбирает трех лиц в редакцию ЦО и трех в ЦК. Эти шесть лиц *вместе*, по большинству $\frac{2}{3}$, дополняют, если это необходимо, состав редакции ЦО и ЦК кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения съездом этого доклада дальнейшая кооптация производится редакцией ЦО и ЦК отдельно».

Из этого текста план выясняется с полнейшей определенностью и недвусмысленностью: он означает *обновление* редакции *при участии* самых влиятельных руководителей практической работы. Обе отмеченные мной черты этого плана сразу выступают для каждого, кто даст себе труд хоть сколько-нибудь внимательно прочитать приведенный текст. Но по нынешним временам приходится останавливаться на разъяснении даже самых азбучных вещей. План означает именно *обновление* редакции, не обязательное расширение и не обязательное сокращение числа ее членов, а именно *обновление*, ибо вопрос о возможном расширении или сокращении оставлен *открытым*: кооптация предусматривается лишь на тот случай, *если это необходимо*. Из числа предположений, высказывавшихся разными лицами по вопросу об этом обновлении, были и планы возможного сокращения и увеличения числа членов редакции до семи (семерку я лично всегда считал несравненно более целесообразной, чем шестерку) и даже увеличения этого числа до одиннадцати (я считал это

* Смотри мое «Письмо в редакцию «Искры»», стр. 5, и протоколы Лиги, стр. 53.

возможным в случае мирного соединения со всеми социал-демократическими организациями вообще, в особенности с Бундом и с польской социал-демократией). Но самое главное, что обыкновенно упускают из виду люди, говорящие о «тройке», это *требование участия членов ЦК в решении вопроса о дальнейшей кооптации в ЦО*. Ни единый товарищ из всей массы членов организации и делегатов съезда из «меньшинства», знавших этот план и одобрявших его (одобрявших либо специальным выражением своего согласия, либо своим молчанием), не потрудился объяснить значения этого требования. Во-первых, почему за исходный пункт для обновления редакции взята была именно тройка и только тройка? Очевидно, что это было бы *совершенно бессмысленно*, если бы имелось в виду *исключительно*, или, хотя бы, главным образом, *расширение* коллегии, если бы эта коллегия признавалась действительно «гармонической». Странно было бы для расширения «гармонической» коллегии *исходить* не из всей этой коллегии, а только от *ее части*. Очевидно, что *не все* члены коллегии признавались вполне пригодными для обсуждения и *решения* вопроса об обновлении ее состава, о превращении старого редакторского кружка в *партийное учреждение*. Очевидно, что даже тот, кто сам лично желал обновления в виде расширения, признавал старый состав негармоничным, несоответствующим идеалу партийного учреждения, ибо иначе незачем было бы для расширения шестерки *сначала* понижать ее до *тройки*. Повторяю: это ясно само собою, и только временное засорение вопроса «личностями» могло заставить забыть об этом.

Во-вторых, из текста, приведенного выше, видно, что даже *согласия всех трех членов ЦО* недостаточно было бы еще для расширения тройки. Это тоже всегда упускается из виду. Для кооптации нужно $\frac{2}{3}$ от *шести*, т. е. *четыре* голоса; значит, стоило бы только трем выбранным членам ЦК сказать «veto», и *никакое расширение тройки не было бы возможно*. Наоборот, если бы даже двое из трех членов редакции ЦО были против дальнейшей кооптации, — кооптация все же могла бы состояться, при согласии на нее всех трех членов ЦК. Очевидно, таким образом, что имелось в виду, при превращении старого кружка в партийное учреждение, дать *решающий* голос руководителям практической работы, выбираемым съездом. Какие товарищи приблизительно намечались нами при этом, видно из того, что редакция до съезда единогласно выбрала седьмым в свой состав т. Павловича, на случай, если придется на съезде выступать от имени коллегии; кроме товарища Павловича на место седьмого был предлагаем один

старый член организации «Искры» и член ОК, *выбранный впоследствии в члены ЦК*²¹².

Таким образом, план выбора двух троек был рассчитан явным образом: 1) на обновление редакции, 2) на устранение из нее некоторых черт старой кружковщины, неуместной в партийном учреждении (если бы нечего было устранять, то незачем бы и придумывать первоначальной тройки!), наконец, 3) на устранение «теократических» черт литературской коллегии (устранение посредством привлечения выдающихся практиков *к решению* вопроса о расширении тройки). Этот план, с которым ознакомлены были все редакторы, основывался, очевидно, на *трехлетнем опыте* работы и соответствовал *вполне* последовательно проводимым нами принципам революционной организации: в эпоху *разброда*, когда выступила «Искра», отдельные группы складывались часто случайно и стихийно, неизбежно страдая от некоторых вредных проявлений кружковщины. Создание партии предполагало устранение таковых черт и требовало их устранения; участие выдающихся практиков в этом устранении было *необходимо*, ибо некоторые члены редакции *всегда* ведали организационные дела, и в систему партийных учреждений должна была войти не литературская только коллегия, а коллегия политических руководителей. Предоставление съезду выбора первоначальной тройки было равным образом естественно, с точки зрения всегдашней политики «Искры»: мы до последней степени *осторожно* готовили съезд, выжидая *полного* выяснения спорных принципиальных вопросов программы, тактики и организации; мы *не сомневались*, что съезд будет *искровским* в смысле солидарности громадного большинства в этих основных вопросах (об этом свидетельствовали отчасти и резолюции о признании «Искры» руководящим органом); мы *должны были* поэтому предоставить товарищам, которые вынесли на своих плечах всю работу распространения идей «Искры» и приготовления ее превращения в партию, предоставить *им самим* решить вопрос о наиболее пригодных кандидатах в новое партийное учреждение. *Только* этой естественностью плана «двух троек», *только* его *полным соответствием* со всей политикой «Искры» и со всем тем, что знали про «Искру» сколько-нибудь близко стоящие к делу лица, и можно *объяснить* общее одобрение этого плана, отсутствие какого бы то ни было конкурирующего плана.

И вот на съезде тов. Русов прежде всего и предложил *выбрать две тройки*. Сторонники Мартова, который *письменно уведомлял нас о связи этого плана с ложным обвинением в оппортунизме*, и не подумали, однако, свести спор о шестерке

и тройке на вопрос о правильности или неправильности этого обвинения. *Ни один из них и не заикнулся об этом! Ни один из них не решился сказать ни слова о принципиальном отличии оттенков, связанных с шестеркой и тройкой.* Они предпочли более ходкий и дешевый прием — апеллировать к жалости, ссылаться на возможную обиду, притворяться, что вопрос о редакции решен уже назначением «Искры» Центральным Органом. Этот последний довод, выдвинутый тов. Кольцовым против товарища Русова, представляет из себя *прямую фальшь*. В порядок дня съезда были, — конечно, не случайно, — поставлены два особые пункта (см. стр. 10 протоколов): п. 4 — «ЦО партии» и п. 18 — «Выборы ЦК и редакции ЦО». Это во-первых. Во-вторых, при назначении ЦО все делегаты категорически заявляли, что этим *не утверждается редакция, а лишь направление**, *ни одного протеста* против этих заявлений не последовало.

Таким образом, заявление, что, утвердив определенный орган, съезд уже в сущности тем самым утвердил и редакцию, — заявление, повторявшееся много раз сторонниками меньшинства (Кольцовым, с. 321, Посадовским, там же, Поповым, с. 322 и мн. др.), — было *прямо фактически неверно*. Это был явный для всех маневр, прикрывающий отступление от позиции, занятой тогда, когда к вопросу о составе центров все могли еще относиться *действительно беспристрастно*. Отступление невозможно было оправдать ни принципиальными мотивами (ибо на съезде поднимать вопрос о «ложном обвинении в оппортунизме» было слишком невыгодно для меньшинства, которое *и не заикнулось* об этом), ни ссылкой на фактические данные относительно действительной работоспособности шестерки или тройки (ибо одно прикосновение к этим данным дало бы гору указаний против меньшинства). Пришлось отделяться фразой о «стройном целом», о «гармо-

* См. стр. 140 протоколов, речь Акимова: ...«мне говорят, что о выборах в ЦО мы будем говорить в конце», речь Муравьева против Акимова, «очень близко к сердцу принимающего вопрос о будущей редакции ЦО» (стр. 141), речь Павловича о том, что, назначив орган, мы получили «конкретный материал, над которым мы можем производить те операции, о которых так заботится тов. Акимов», и о том, что насчет «подчинения» «Искры» «решениям партии» не может быть и тени сомнения (стр. 142); речь Троцкого: «раз мы не утверждаем редакции, что утверждаем мы в «Искре»?.. Не имя, а направление... не имя, а знамя» (страница 142); речь Мартынова: ...«Я полагаю, как и многие другие товарищи, что, обсуждая вопрос о признании «Искры», как газеты известного направления, нашим Центральным Органом, мы сейчас не должны касаться способа выбора или утверждения ее редакции; об этом будет речь впоследствии, в соответственном месте порядка дня»... (стр. 143).

ническом коллективе», о «стройном и кристаллически-цельном целом» и т. п. Неудивительно, что такие доводы сейчас же и были названы настоящим именем: *«жалкие слова»* (с. 328). Самый план тройки ясно уже свидетельствовал о недостатке «гармоничности», а впечатления, собранные делегатами в течение более чем месячных совместных работ, очевидно, дали массу материала для *самостоятельного* суждения делегатов. Когда тов. Посадовский намекнул (неосторожно и необдуманно с его точки зрения: см. стр. 321 и 325 об «условном» употреблении им слова «шероховатости») на этот материал, то тов. Муравьев прямо заявил: «По моему мнению, для большинства съезда в настоящий момент вполне ясно видно, что такие* шероховатости несомненно существуют» (321). Меньшинство пожелало понять слово «шероховатости» (пущенное в ход Посадовским, а не Муравьевым) исключительно в смысле чего-то личного, не решившись поднять брошенной тов. Муравьевым перчатки, не решившись выдвинуть *ни единого* довода *по существу дела* в защиту шестерки. Получился прекомичный, по своей бесплодности, спор: большинство (устаи тов. Муравьева) заявляет, что ему *вполне ясно видно* настоящее значение шестерки и тройки, а меньшинство упорно не слышит этого и уверяет, что «мы *не имеем возможности* входить в разбор». Большинство не только считает возможным входить в разбор, но уже «вошло в разбор» и говорит о *вполне ясных* для него результатах этого разбора, а меньшинство, видимо, *боится разбора*, прикрываясь одними «жалкими словами». Большинство советует «иметь в виду, что наш ЦО не есть только литературная группа», большинство «хочет, чтобы во главе ЦО стояли *лица, вполне определенные, известные съезду, лица, удовлетворяющие требованиям*, о которых я говорил» (т. е. именно требованиям не только литературным, стр. 327, речь тов. Ланге). Меньшинство опять-таки не решается поднять перчатки и ни слова не говорит о том, кто пригоден, по его мнению, для коллегии не только литературной, кто является «вполне определенной и известной съезду» величиной. Меньшинство по-прежнему прячется за пресловутую «гармоничность». Мало того.

* Какие именно «шероховатости» имел в виду тов. Посадовский, мы так и не узнали на съезде. Тов. же Муравьев в том же заседании (с. 322) оспаривал верность передачи его мысли, а во время утверждения протоколов прямо заявил, что он «говорил о тех шероховатостях, которые проявлялись в прениях съезда по разным вопросам, шероховатостях принципиального характера, существование которых в настоящий момент представляет уже, к сожалению, факт, которого никто не будет отрицать» (с. 353).

Меньшинство вносит даже в аргументацию такие доводы, которые абсолютно неверны принципиально и потому вызывают по справедливости резкий отпор. «Съезд, — видите ли, — не имеет ни нравственного, ни политического права перекраивать редакцию» (Троцкий, стр. 326), «это слишком щекотливый (sic!) вопрос» (он же), «как должны отнестись неизбранные члены редакции к тому, что съезд не желает долее их видеть в составе редакции?» (Царев, страница 324) *.

Такие доводы всецело уже переносили вопрос на почву жалости и обиды, будучи прямым признанием банкротства в области аргументов действительно принципиальных, действительно политических. И большинство сейчас же характеризовало эту постановку вопроса *настоящим* словом: *обывательщина* (тов. Русов). «На устах революционеров, — справедливо сказал тов. Русов, — раздаются такие странные речи, которые находятся в резкой дисгармонии с понятием партийной работы, партийной этики. Основной довод, на который стали противники выбора троек, сводится на *чисто обывательский взгляд на партийные дела*» (курсив везде мой)... «Становясь на эту не партийную, а *обывательскую* точку зрения, мы при каждом выборе будем стоять перед вопросом: а не обидится ли Петров, что не его, а Иванова выбрали, не обидится ли такой-то член ОК, что не его, а другого выбрали в ЦК. Куда же, товарищи, нас это приведет? Если мы собрались сюда *не для взаимно приятных речей, не для обывательских нежностей*, а для создания партии, то мы не можем никак согласиться на такой взгляд. Мы стоим перед вопросом *выбора должностных лиц*, и тут не может быть вопроса о недоверии к тому или иному невыбранному, а *только вопрос о пользе дела и соответствии выбранного лица с той должностью, на которую он выбирается*» (стр. 325).

Мы бы посоветовали всем, кто хочет самостоятельно разобраться в причинах партийного раскола и доискаться *корней* его на съезде, *читать и перечитывать* речь тов. Русова, доводы которого меньшинство не только не опровергло, но и не оспорило даже. Да и нельзя оспорить таких элементарных, азбучных истин, забвение которых уже сам тов. Русов справедливо объяснял одним лишь «*нервным возбуждением*». И это действительно наименее неприятное для меньшинства

* Ср. речь тов. Посадовского: ...«Выбирая из шести лиц старой редакции трех, вы этим самым трех других признаете ненужными, лишними. А вы для этого не имеете ни права, ни основания»,

объяснение того, как могли они с партийной точки зрения сойти на точку зрения обывательщины и кружковщины*.

Но меньшинство до такой степени лишено было возможности подыскать разумные и деловые доводы против выборов, что, кроме внесения в партийное дело обывательщины, оно дошло до *приемов* прямо *скандального* характера. В самом деле, как не назвать таким именем прием тов. Попова, посоветовавшего тов. Муравьеву «не брать на себя деликатных *поручений*» (стр. 322)? Что это, как не «залезание в чужую душу», по справедливому выражению тов. Сорокина (стр. 328)? Что это, как не спекуляция на «*личности*», при отсутствии доводов *политических*? Правду или неправду сказал тов. Сорокин, что «против таких приемов мы всегда протестовали»? «*Позволительно ли поведение тов. Дейча, когда*

* Тов. Мартов в своем «Осадном положении» отнесся и к этому вопросу так же, как к остальным затронутым им вопросам. Он не потрудился дать цельной картины спора. Он скромненько обошел единственный действительно *принципиальный* вопрос, всплывший в этом споре: обывательские нежности или выбор должностных лиц? Партийная точка зрения или обида Иванов Иванычей? Тов. Мартов и здесь ограничился вырыванием отдельных и бессвязных кусочков происшествия с добавлением всяческих ругательств по моему адресу. Маловато этого, тов. Мартов!

Особенно пристает *ко мне* тов. Мартов с вопросом, *почему* не выбрали на съезде гг. Аксельрода, Засулич и Старовера. Обывательская точка зрения, на которую он встал, мешает ему видеть *неприличие* этих вопросов (почему не спросит он своего коллегу по редакции, тов. Плеханова?). Он видит противоречие в том, что я считаю «бестактным» поведение меньшинства на съезде в вопросе о шестерке, и что я в то же время требую партийной гласности. Противоречия тут нет, как легко увидел бы и сам Мартов, если бы потрудился дать связное изложение *всех* перипетий вопроса, а не обрывков его. Бестактно было ставить вопрос на обывательскую точку зрения, апеллировать к жалости и обиде; интересы партийной огласки требовали бы оценки *по существу* преимуществ шестерки над тройкой, оценки кандидатов на должность, оценки оттенков: *меньшинство и не заикнулось об этом на съезде*.

Внимательно изучая протоколы, тов. Мартов увидел бы в речах делегатов *целый ряд* доводов против шестерки. Вот выборка из этих речей: во-первых, в старой шестерке ясно видны шероховатости в смысле принципиальных оттенков; во-вторых, желательно техническое упрощение редакционной работы; в-третьих, польза дела стоит выше обывательских нежностей; только выбор обеспечит соответствие выбранных лиц с их должностями; в-четвертых, нельзя ограничивать свободы выбора съездом; в-пятых, партии нужна теперь не только литературная группа в ЦО, в ЦО необходимы не только литераторы, но и администраторы; в-шестых, в ЦО должны быть лица вполне определенные, известные *съезду*; в-седьмых, коллегия из шести часто недееспособна, и ее работа осуществлена *не благодаря* ненормальному уставу, *а несмотря на это*; в-восьмых, ведение газеты — партийное (а не кружковое) дело, и т. д. — Пусть попробует тов. Мартов, если он так интересуется вопросом о причинах невыбора, *вникнуть* в каждое из этих соображений и опровергнуть *хоть одно* из них.

он демонстративно пытался пригвоздить к позорному столбу товарищей, несогласных с ним?» * (стр. 328).

Подведем итог прениям по вопросу о редакции. Меншинство не опровергло (и не опровергало) многочисленных указаний большинства на то, что проект тройки был известен *делегатам* в самом начале съезда и до съезда, что, следовательно, проект этот исходил из *соображений и данных, независимых от происшествий и споров на съезде*. Меншинство заняло, при отстаивании шестерки, *принципиально неправильную и недопустимую* позицию *обывательских* соображений. Меншинство проявило полное забвение *партийной* точки зрения на выбор *должностных лиц*, не прикоснувшись даже к *оценке* каждого кандидата на должность и его соответствия или несоответствия с функциями данной должности. Меншинство *уклонялось* от обсуждения вопроса по существу, ссылаясь на пресловутую гармоничность, «проливая слезы» и «впадая в пафос» (стр. 327, речь Ланге), как будто кого-то «хотели убить». Меншинство дошло даже до «залезания в чужую душу», воплей о «преступности» выбора и тому подобных *непозволительных* приемов, дошло под влиянием «*нервного возбуждения*» (стр. 325).

Борьба *обывательщины* с *партийностью*, худшего сорта «*личностей*» с *политическими соображениями*, жалких слов с элементарными понятиями *революционного долга* — вот чем была борьба из-за шестерки и тройки на тридцатом заседании нашего съезда.

И на 31-ом заседании, когда съезд большинством 19 голосов против 17 при трех воздержавшихся *отверг* предложение об утверждении всей старой редакции (см. 330 стр. и *опечатки*) и когда *бывшие редакторы* вернулись в зал заседания, тов. Мартов в своем «заявлении от имени большинства бывшей редакции» (стр. 330—331) проявил в еще больших

* Так понял слова тов. Дейча (ср. стр. 324 — «резкий диалог с Орловым») тов. Сорокин в том же заседании. Тов. Дейч объясняет (стр. 351), что он «ничего подобного не говорил», но сам же признает *тут же*, что сказал нечто *весьма и весьма* «подобное». «Я не говорил: кто решится, — объясняет тов. Дейч, — а сказал: мне интересно посмотреть, кто эти лица, которые решатся (*sic!* тов. Дейч поправляется из кулька в рогожку!) поддерживать такое преступное (*sic!*) предложение, как избрание трех» (стр. 351). Тов. Дейч не опроверг, а *подтвердил* слова тов. Сорокина. Тов. Дейч подтвердил упрек тов. Сорокина, что «все понятия здесь перепутались» (в доводах меньшинства за шестерку). Тов. Дейч подтвердил уместность напоминания со стороны тов. Сорокина такой *азбучной* истины, что «мы члены партии и должны поступать, руководствуясь исключительно политическими соображениями». Кричать о *преступности* выборов значит унижаться не только до обывательщины, но прямо до *скандальчика!*

размерах ту же шаткость и неустойчивость политической позиции и *политических понятий*. Разберем подробнее каждый пункт коллективного заявления и моего ответа (стр. 332—333) на него.

«Отныне, — говорит тов. Мартов после неутверждения старой редакции, — старой «Искры» не существует, и было бы последовательнее переменить ее название. Во всяком случае в новом постановлении съезда мы видим существенное ограничение того вотума доверия «Искре», который был принят в одном из первых заседаний съезда».

Тов. Мартов с коллегами поднимает действительно интересный и поучительный во многих отношениях вопрос о *политической последовательности*. Я ответил уже на это ссылкой на то, что *все* говорили при утверждении «Искры» (стр. 349 прот. ср. выше, стр. 82) *. Несомненно, что перед нами один из самых вопиющих случаев политической непоследовательности; с чьей стороны, — со стороны ли большинства съезда или со стороны большинства старой редакции, предоставим судить читателю. Читателю же мы предоставим решение и двух других, очень кстати поставленных тов. Мартовым и коллегами его вопросов: 1) *обывательская* или *партийная* точка зрения проявляется в желании видеть «ограничение вотума доверия «Искре»» в решении *съезда* произвести *выбор должностных лиц в редакцию ЦО?* 2) с какого момента действительно *не существует старой «Искры»*: с номера ли 46-го, когда мы стали вести ее вдвоем с Плехановым, или с номера 53-го, когда ее повело большинство старой редакции? Если первый вопрос есть интереснейший *вопрос принципа*, то второй — интереснейший *вопрос факта*.

«Так как теперь решено, — продолжал тов. Мартов, — выбрать редакцию из трех лиц, то я от имени своего и трех других товарищей заявляю, что ни один из нас не примет участия в такой новой редакции. Лично о себе прибавляю, что, если верно, что некоторые товарищи хотели вписать мое имя, как одного из кандидатов в эту «тройку», то я должен усмотреть в этом оскорбление, мною не заслуженное (sic!). Говорю это ввиду обстоятельств, при которых было решено изменить редакцию. Решено это было ввиду каких-то «трений» **, неработоспособности бывшей редакции, причем съезд

* См. настоящий том, стр. 325—326. *Ред.*

** Тов. Мартов, вероятно, имеет в виду выражение тов. Посадовского: «шероховатости». Повторяю, что тов. Посадовский так и не объяснил съезду, что *он* хотел сказать, а тов. Муравьев, употребивший то же выражение, объяснил, что говорил о *принципиальных шероховатостях, проявившихся в прениях съезда*. Читатели припомнят, что *единственный*

решил этот вопрос в определенном смысле, не спросив редакцию об этих трениях и не назначив хотя бы комиссии для внесения вопроса об ее неработоспособности»... (Странно, что никто из меньшинства не догадался предложить съезду «спросить редакцию» или назначить комиссию! Не произошло ли это оттого, что после раскола организации «Искры» и неудачи переговоров, о которых писали тов. Мартов и Старовер, это было бы бесполезно?)... «При таких обстоятельствах предположение некоторых товарищей, что я соглашусь работать в реформированной таким образом редакции, я должен считать пятном на моей политической репутации»... *

Я нарочно выписал целиком это рассуждение, чтобы показать читателю образчик и начало того, что так пышно расцвело *после съезда* и что нельзя назвать иначе как *дрязгой*. Я употребил уже это выражение в моем «Письме в редакцию «Искры»» и, несмотря на недовольство редакции, вынужден повторить его, ибо правильность его неоспорима. Ошибочно думают, что дрязга предполагает «низменные мотивы» (как умозаключила редакция новой «Искры»): всякий революционер, сколько-нибудь знакомый с нашими ссыльными и эмигрантскими колониями, видал, наверное, десятки случаев дрязг, когда выдвигались и пережевывались самые нелепые обвинения, подозрения, самообвинения, «личности» и т. п. на почве «нервного возбуждения» и ненормальных, затхлых условий жизни. Низменных *мотивов* ни один разум-

случай действительно *принципиальных* прений, в которых участвовало четыре редактора (Плеханов, Мартов, Аксельрод и я), касался § 1 устава и что тов. Мартов и Старовер *письменно* жаловались на «ложное обвинение в оппортунизме», как один из доводов «изменения» редакции. Тов. Мартов в этом *письме* усматривал ясную связь «оппортунизма» с планом изменения редакции, а на *съезде* ограничился туманным намеком на «какие-то трения». «Ложное обвинение в оппортунизме» уже забыто!

* Тов. Мартов добавил еще: «На такую роль согласится разве Рязанов, а не тот Мартов, которого, как я думаю, вы знаете по его работе». Поскольку это есть *личное* нападение на Рязанова, постольку тов. Мартов взял это назад. Но Рязанов фигурировал на съезде в качестве нарицательного имени вовсе не за те или иные его личные свойства (касаться коих было бы неуместно), а за *политическую физиономию* группы «Борьба», за ее *политические ошибки*. Тов. Мартов очень хорошо делает, если берет назад предполагаемые или действительно нанесенные личные оскорбления, но не следует забывать из-за этого *политических ошибок*, которые должны служить *уроком партии*. Группа «Борьба» обвинялась у нас на съезде в внесении «организационного хаоса» и «дробления, не вызываемого никакими принципиальными соображениями» (стр. 38, речь тов. Мартова). Такое политическое поведение безусловно заслуживает порицания не только тогда, когда мы видим его у маленькой группы до съезда партии в период *общего хаоса*, но и тогда, когда мы видим его *после съезда* партии, в период устранения хаоса, видим со стороны хотя бы и «большинства редакции «Искры» и большинства группы «Освобождение труда»».

ный человек не станет непременно искать в этих дрызгах, как бы *низменны ни были их проявления*. И именно только «нервным возбуждением» можно объяснить этот запутанный клубок нелепостей, личностей, фантастических ужасов, залезания в душу, вымученных оскорблений и пятнаний, каковым является выписанный мною абзац из речи тов. Мартова. Затхлые условия жизни сотнями порождают у нас такие дрызги, и политическая партия не заслуживала бы уважения, если бы она не смела называть свою болезнь настоящим именем, ставить беспощадный диагноз и отыскивать средства лечения.

Поскольку можно выделить из этого клубка нечто принципиальное, постольку *неизбежно* прийти к выводу, что «выборы не имеют ничего общего с оскорблением политической репутации», что «отрицать право съезда на новые выборы, на всяческое изменение состава должностных лиц, на переборку уполномочиваемых им коллегий» значит вносить *путаницу* в вопрос и что «в воззрениях тов. Мартова на допустимость выборов части прежней коллегии проявляется *величайшее смещение политических понятий*» (как я выразился на съезде, стр. 332) *.

Опускаю «личное» замечание тов. Мартова к вопросу о том, от кого исходит план тройки, и перехожу к его «политической» характеристике того значения, какое имеет неутверждение старой редакции: ...«Происшедшее теперь есть последний акт борьбы, имевшей место в течение второй половины съезда»... (Правильно! и эта вторая половина начинается с того момента, когда Мартов в вопросе о § 1 устава попал в цепкие объятия тов. Акимова.)... «Для всех не тайна, что дело при этой реформе идет не о «работоспособности», а о борьбе за влияние на ЦК»... (Во-первых, для всех не тайна, что дело шло тут *и* о работоспособности *и* о расхождении из-за *состава* ЦК, ибо план «реформы» выдвинут был тогда, когда еще о втором расхождении *не могло быть и речи*, тогда, когда мы вместе с тов. Мартовым выбирали седьмым участником редакционной коллегии тов. Павловича! Во-вторых, мы уже показали на основании *документальных* данных, что дело шло о *личном составе* ЦК, что дело свелось à la fin des fins ** к различию списков: Глебов — Травинский — Попов и Глебов — Троцкий — Попов.)... «Большинство редакции показало, что оно не желает превращения ЦК в орудие редакции»... (Начинается акимовская песня: вопрос о влиянии,

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 305; 4 изд., том 6, стр. 460. *Ред.*

** — в конце концов. *Ред.*

за которое борется всякое большинство на всяком партийном съезде всегда и везде, чтобы *закрепить* это влияние *большинством* в центральных учреждениях, переносится в область *оппортунистической сплетни* об «орудии» редакции, о «простом *придатке*» редакции, как сказал тот же тов. Мартов немного позже, стр. 334.)... «Вот почему понадобилось сократить число членов редакции (!!). А потому я и не могу вступить в такую редакцию»... (Посмотрите-ка внимательнее на это «потому»: как *могла бы* редакция превратить ЦК в придаток или в орудие? *только* так и в том случае, если бы она имела три голоса в Совете и *злоупотребляла* этим перевесом? не ясно ли это? И не ясно ли также, что выбранный третьим тов. Мартов всегда мог бы помешать всякому злоупотреблению и уничтожить *одним своим голосом* всякий перевес редакции в Совете? Дело сводится, следовательно, именно к личному составу ЦК, а речи об орудии и придатке сразу оказываются *сплетней*.)... «Вместе с большинством старой редакции я думал, что съезд положит конец «осадному положению» внутри партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено и даже обострено. Только в составе всей старой редакции мы можем ручаться, что права, предоставленные редакции уставом, не послужат ко вреду для партии»...

Вот целиком то место из речи тов. Мартова, в котором он *впервые бросил пресловутый лозунг «осадного положения»*. И теперь взгляните на мой ответ ему:

...«Исправляя заявление Мартова о частном характере плана двух троек, я и не думаю, однако, затрагивать этим утверждения того же Мартова о «политическом значении» того шага, который мы сделали, не утвердив старой редакции. Напротив, я вполне и безусловно согласен с тов. Мартовым в том, что этот шаг имеет крупное политическое значение, — только не то, какое приписывает ему Мартов. Он говорил, что это есть акт борьбы за влияние на ЦК в России. Я пойду дальше Мартова. Борьбой за влияние была до сих пор вся деятельность «Искры», как частной группы, а теперь речь идет уже о *большем*, об организационном закреплении влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь политически с тов. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в вину это желание влиять на ЦК, а я ставлю себе в заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорим даже на разных языках. К чему была бы вся наша работа, все наши усилия, если бы венцом

их была все та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния? Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть несомненно крупный политический шаг, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. *И меня нисколько не пугают страшные слова об «осадном положении в партии», об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п.* По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер» *.

Я подчеркнул в этом конспекте моей речи на съезде фразу, которую тов. Мартов в своем «Осадном положении» (стр. 16) предпочел опустить. Неудивительно, что эта фраза ему не понравилась и что он не захотел понять ее ясного смысла.

Что значит выражение: «страшные слова», тов. Мартов?

Оно означает *насмешку*, насмешку над тем, кто к маленьким вещам прилагает большие названия, кто запутывает простой вопрос претенциозным фразерством.

Маленький и простой факт, который *один только* мог подать и подал повод к «нервному возбуждению» тов. Мартова, состоял *исключительно* в том, что тов. Мартов *потерпел поражение на съезде* в вопросе о личном составе центров. Политическое значение этого простого факта состояло в том, что большинство партийного съезда, победив, закрепляло свое влияние проведением большинства и в партийное правление, созданием организационного базиса для борьбы при помощи устава с тем, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью и расплывчатостью **. Говорить по этому поводу о «борьбе за влияние» с каким-то ужасом в глазах и

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 307—308; 4 изд., том 6, стр. 462. *Ред.*

** В чем проявилась на съезде неустойчивость, шаткость и расплывчатость искровского меньшинства? Во-первых, в оппортунистических фразах о § 1 устава; во-вторых, в коалиции с тов. Акимовым и Либером, которая быстро росла во вторую половину съезда; в-третьих, в способности приносить вопрос о выборе должностных лиц в ЦО до обывательщины, жалких слов и даже до залезания в чужую душу. После же съезда все эти милые качества созрели из бутончиков в цветочки и ягодки.

жаловаться на «осадное положение» было не чем иным, как *претенциозным фразерством*, страшными словами.

Тов. Мартов не согласен с этим? Не попробует ли он показать нам, что был на свете такой партийный съезд, что мыслим вообще такой партийный съезд, в котором бы большинство не закрепляло завоеванного влияния: 1) проведением большинства же в центры, 2) вручением ему власти для парализования шаткости, неустойчивости и расплывчатости?

Перед выборами нашему съезду предстояло решить вопрос: предоставить ли *одну треть* голосов в ЦО и в ЦК партийному большинству или партийному меньшинству? Шестерка и список тов. Мартова означали предоставление одной трети нам, двух третей его сторонникам. Тройка в ЦО и список наш означали предоставление двух третей нам, одной трети — сторонникам тов. Мартова. Тов. Мартов отказался войти в сделку с нами или уступить *и письменно* вызвал нас на бой перед съездом; потерпев же поражение перед съездом, он расплакался и стал жаловаться на «осадное положение»! Ну, разве же это не дразга? Разве это не новое проявление интеллигентской хлюпкости?

Нельзя не припомнить по этому поводу блестящей социально-психологической характеристики этого последнего качества, которую дал недавно К. Каутский. Социал-демократическим партиям разных стран нередко приходится теперь переживать одинаковые болезни, и нам очень, очень полезно поучиться правильному диагнозу и правильному лечению у более опытных товарищей. Характеристика некоторых интеллигентов К. Каутским будет поэтому только кажущимся отступлением от нашей темы.

...«В настоящее время нас опять живо интересует вопрос об *антагонизме между интеллигенцией** и пролетариатом. Мои коллеги» (Каутский сам интеллигент, литератор и редактор) «будут сплошь да рядом возмущаться тем, что я признаю этот антагонизм. Но ведь он фактически существует, и было бы самой нецелесообразной тактикой (и здесь, как и в других случаях) пытаться отделаться от него отрицанием факта. Антагонизм этот есть социальный антагонизм, проявляющийся на классах, а не на отдельных личностях. Как отдельный капиталист, так и отдельный интеллигент может всецело войти в классовую борьбу пролетариата. В тех случаях, когда это имеет место, интеллигент изменяет и свой характер. И в дальнейшем изложении речь будет идти, главным образом, не об *этого типа* интеллигентах, которые и поныне являются еще исключением среди своего класса. В дальнейшем изложении, если нет особых оговорок, *под*

* Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения Literat, Literatentum, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда.

интеллигентом разумею я лишь обыкновенного интеллигента, стоящего на почве буржуазного общества и являющегося характерным представителем класса интеллигенции. Этот класс находится в известном антагонизме к пролетариату.

Антагонизм этот — иного рода, чем антагонизм между трудом и капиталом. Интеллигент — не капиталист. Правда, его уровень жизни буржуазный, и он вынужден поддерживать этот уровень, пока не превращается в босняка, но в то же время он вынужден продавать продукт своего труда, а часто и свою рабочую силу, он терпит нередко эксплуатацию со стороны капиталиста и известное социальное принижение. Таким образом, интеллигент не находится ни в каком экономическом антагонизме к пролетариату. Но его жизненное положение, его условия труда — не пролетарские, и отсюда вытекает известный антагонизм в настроении и в мышлении.

Пролетарий — ничто, пока он остается изолированным индивидуумом. Всю свою силу, всю свою способность к прогрессу, все свои надежды и чаяния черпает он из *организации*, из планомерной совместной деятельности с товарищами. Он чувствует себя великим и сильным, когда он составляет часть великого и сильного организма. Этот организм для него — все, отдельный же индивидуум значит, по сравнению с ним, очень мало. Пролетарий ведет свою борьбу с величайшим самопожертвованием, как частичка анонимной массы, без видов на личную выгоду, на личную славу, исполняя свой долг на всяком посту, куда его поставят, добровольно подчиняясь дисциплине, проникающей все его чувство, все его мышление.

Совсем иначе обстоит дело с интеллигентом. Он борется не тем или иным применением силы, а при помощи аргументов. Его оружие — это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы. Лишь с трудом подчиняется он известному целому в качестве служебной части этого целого, подчиняется по необходимости, а не по собственному побуждению. Необходимость дисциплины признает он лишь для массы, а не для избранных душ. Себя же самого он, разумеется, причисляет к избранным душам...

...Философия Ницше, с ее культом сверхчеловека, для которого все дело в том, чтобы обеспечить полное развитие своей собственной личности, которому всякое подчинение его персоны какой-либо великой общественной цели кажется пошлым и презренным, эта философия есть настоящее миросозерцание интеллигента, она делает его совершенно негодным к участию в классовой борьбе пролетариата.

Наряду с Ницше, выдающимся представителем миросозерцания интеллигенции, соответствующего ее настроению, является Ибсен. Его доктор Штокман (в драме «Враг народа») — не социалист, как думали многие, а тип интеллигента, который неизбежно должен прийти в столкновение с пролетарским движением, вообще со всяким народным движением, раз он попытается действовать в нем. Это — потому, что основой пролетарского, как и всякого демократического*, движения является уважение к большинству товарищей. Типичный интеллигент à la Штокман видит в «компактном большинстве» чудище, которое должно быть ниспровергнуто.

...Идеальным образчиком интеллигента, который всецело проникся пролетарским настроением, который, будучи блестящим писателем,

* Прехарактерно для той путаницы, которую внесли во все организационные вопросы наши мартовцы, что, повернув к Акимову и к неуместному демократизму, они в то же время озлоблены на демократический выбор редакции, выбор на съезде, заранее намеченный всеми! И это, может быть, ваш принцип, господа?

утратил специфически интеллигентские черты психики, который без воркотни шел в ряду и шеренге, работал на всяком посту, на который его назначали, подчинял себя всецело нашему великому делу и презирал то дряблое хныканье (*weichliches Gewinsel*) по поводу подавления своей личности, какое мы слышим часто от интеллигентов, воспитавшихся на Ибсене и Ницше, когда им случается остаться в меньшинстве, — идеальным образчиком такого интеллигента, какие нужны социалистическому движению, был Либкнехт. Можно назвать здесь также и Маркса, который никогда не протискивался на первое место и образцовым образом подчинялся партийной дисциплине в Интернационале, где он не раз оставался в меньшинстве» *.

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигента, оставшегося в меньшинстве, и ничем больше — был отказ Мартова с коллегами от должности после одного только неутверждения старого кружка, были жалобы на осадное положение и исключительные законы «против отдельных групп», которые не были дороги Мартову при распусчении «Южного рабочего» и «Рабочего Дела», а стали дороги при распусчении *его* коллегии.

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигентов, оставшихся в меньшинстве, были все эти бесконечные жалобы, упреки, намеки, попреки, сплетни и инсинуации насчет «компактного большинства», которые рекой полились на нашем партийном съезде ** (и еще более после него) с легкой руки Мартова.

Горько сетовало меньшинство на то, что компактное большинство имело свои частные собрания: надо же было, в самом деле, меньшинству прикрыть чем-нибудь тот неприятный для него факт, что те делегаты, кого оно приглашало на свои частные собрания, отказывались идти на них, а те, кто охотно пошел бы (Егоровы, Маховы, Брукэры), не могли быть приглашены меньшинством после всей съездовской борьбы между теми и другими.

Горько сетовали на «ложное обвинение в оппортунизме»: надо же было, в самом деле, прикрыть чем-нибудь тот неприятный факт, что *именно оппортунисты*, гораздо чаще шедшие за антиискровцами, а отчасти и сами эти антиискровцы, составили компактное меньшинство, уцепились обеими руками за поддержку кружковщины в учреждениях, оппортунизма в рассуждениях, обывательщины в партийном деле, интеллигентской шаткости и хлюпкости.

Мы покажем в следующем параграфе, в чем заключается объяснение того интереснейшего *политического факта*, что в

* *Karl Kautsky*: «Franz Mehring», «Neue Zeit», XXII, I, S. 99—101, 1903, № 4 (*Карл Каутский*: «Франц Меринг», «Новое Время», XXII, I, стр. 99—101, 1903, № 4. *Ред.*).

** См. стр. 337, 338, 340, 352 и др. протоколов съезда.

конце съезда образовалось «компактное большинство», и почему меньшинство так тщательно-тщательно, несмотря на все вызовы, *обходит* вопрос о *причинах* и *истории* его образования. Но сначала закончим анализ прений на съезде.

При выборах в ЦК т. Мартов внес чрезвычайно характерную резолюцию (стр. 336), три основные черты которой я, бывало, называл «матом в три хода». Вот эти черты: 1) баллотировались *списки* кандидатов в ЦК, а не отдельные кандидаты; 2) после прочтения списков пропускается два заседания (на обсуждение, очевидно); 3) при отсутствии абсолютного большинства, вторая баллотировка признается окончательной. Эта резолюция — прекрасно обдуманная стратегия (надо отдать справедливость и противнику!), с которой не соглашается т. Егоров (стр. 337), но которая *наверняка* обеспечила бы полную победу Мартову, *если бы семерка бундовцев и рабочедельцев не ушла со съезда*. Объясняется стратегия именно тем, что у искровского меньшинства *не было и не могло быть* «прямого соглашения» (которое было у искровского большинства) не только с Бундом и с Брукэром, но и с тт. Егоровыми и Маховыми.

Вспомните, что т. Мартов плакался на съезде Лиги, будто «ложное обвинение в оппортунизме» предполагало его прямое соглашение с Бундом. Повторяю, это т. Мартову со страху показалось, и *именно несогласие т. Егорова на баллотирование списков* (т. Егоров «не растерял еще своих принципов», должно быть тех принципов, которые заставляли его слиться с Гольдблатом в оценке абсолютного значения демократических гарантий) показывает *наглядно* тот громадной важности факт, что *даже с Егоровым не могло быть и речи о «прямом соглашении»*. Но коалиция могла быть и была и с Егоровым и с Брукэром, коалиция в том смысле, что мартовцам *была обеспечена* поддержка их всякий раз, когда мартовцы приходили в серьезный конфликт с нами и когда Акимову и его друзьям предстояло выбирать *меньшее из зол*. Не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что в качестве *меньшего из зол*, в качестве того, что *хуже достигает искровских целей* (см. речь Акимова о § 1 и его «надежды» на Мартова), тт. Акимов и Либер непременно выбрали бы и *шестерку в ЦО и мартовский список в ЦК*. Баллотирование списков, пропуск двух заседаний и перебаллотировка были предназначены именно для того, чтобы достигнуть этого результата с почти механической правильностью без всякого прямого соглашения.

Но поскольку наше компактное большинство оставалось компактным большинством, — обходный путь т. Мартова был

только проволочкой, и мы не могли не отклонить его. Большинство письменно (в заявлении, с. 341) излило свои жалобы на это, *отказавшись, по примеру Мартынова и Акимова, от голосований* и выборов в ЦК «ввиду тех условий, при которых они производились». После съезда эти жалобы на ненормальность условий выбора (см. «Ос. пол.», стр. 31) изливались направо и налево перед сотнями партийных кумушек. Но в чем же была тут *ненормальность*? В тайном голосовании, которое было предусмотрено еще заранее регламентом съезда (§ 6, стр. 11 прот.) и в котором смешно было видеть «лицемерие» или «несправедливость»? В образовании компактного большинства, этого «чудища» для хлюпких интеллигентов? Или в *ненормальном* желании сих почтенных интеллигентов *нарушать то слово*, которое они дали перед съездом о признании всех его выборов (стр. 380, § 18 устава съезда)?

Товарищ Попов *тонко* намекнул на это желание, выступив на съезде в день выборов с прямым вопросом: «Уверено ли бюро, что решение съезда действительно и законно, если половина участвующих отказалась от голосования?»*. Бюро ответило, конечно, что уверено, и напомнило инцидент с товарищами Акимовым и Мартыновым. Тов. Мартов присоединился к бюро и прямо заявил, что т. Попов ошибается, что «*решения съезда законны*» (стр. 343). Пусть читатель уже сам судит об этой, — в высокой степени, должно быть, нормальной, — политической последовательности, которая обнаруживается при сопоставлении *этого заявления перед партией* с поведением после съезда и с фразой «Осадного положения» о «*начавшемся еще на съезде восстании половины партии*» (стр. 20). Надежды, которые возлагал на тов. Мартова т. Акимов, перевесили мимолетные добрые намерения самого Мартова.

«*Ты победил*», товарищ Акимов!

* * *

К характеристике того, до какой степени «страшным словом» была пресловутая фраза об «осадном положении», которой придан теперь навеки трагикомический смысл, — могут служить некоторые мелкие по виду, но очень важные по сущности черточки *конца* съезда, того конца, который имел место *после* выборов. Тов. Мартов носится теперь с этим

* Стр. 342. Речь идет о выборе пятого члена в Совет. Подано 24 записки (всего 44 голоса), из них две пустых.

трагикомическим «осадным положением», всерьез уверяя и себя и читателей, что это выдуманное им пугало означало какое-то ненормальное преследование, затравливание, заезжание «меньшинства» «большинством». Мы покажем сейчас, как было дело *после* съезда. Но возьмите даже конец съезда, и вы увидите, что *после выборов* «компактное большинство» не только не преследует несчастненьких, заезжаемых, обижаемых и ведомых на казнь мартовцев, а напротив *само предлагает* им (устаами Лядова) *два места из трех* в протокольной комиссии (стр. 354). Возьмите резолюции по тактическим и другим вопросам (стр. 355 и след.) и вы увидите чисто деловое обсуждение по существу, когда подписи товарищей, вносивших резолюции, зачастую показывают вперемежку и представителей чудовищного компактного «большинства», и сторонников «униженного и оскорбленного» «меньшинства» (стр. 355, 357, 363, 365, 367 прот.). Не правда ли, как это похоже на «отстранение от работы» и иное всякое «заезжание»?

Единственный интересный, но, к сожалению, слишком краткий спор по существу возник по поводу староверовской резолюции о либералах. Она была принята съездом, как можно судить по подписям под ней (стр. 357 и 358), потому, что трое сторонников «большинства» (Браун, Орлов, Осипов) вотировали и *за нее* и за плехановскую резолюцию, не усматривая непримиримого противоречия между обеими. Непримиримого противоречия, на первый взгляд, между ними нет, ибо плехановская устанавливает общий принцип, выражает определенное принципиальное и тактическое отношение к *буржуазному либерализму в России*, а староверовская пытается определить *конкретные условия допустимости «временных соглашений»* с «либеральными или либерально-демократическими течениями». Темы обеих резолюций разные. Но староверовская страдает именно *политической расплывчатостью*, будучи в силу этого мелкой и мелочной. Она *не определяет классового содержания русского либерализма*, она не указывает *определенных* политических течений, выражающих его, она не разъясняет пролетариату его *основных* задач пропаганды и агитации в отношении к этим определенным течениям, она смешивает (в силу своей расплывчатости) такие различные вещи, как студенческое движение и «Освобождение», она слишком мелочно, казуистически предписывает *три* конкретных условия, при которых допустимы «временные соглашения». Политическая расплывчатость и в этом случае, как и во многих других, ведет к казуистичности. Отсутствие общего принципа и попытка перечислить «условия»

ведет к мелочному и, строго говоря, *неправильному* указанию этих условий. В самом деле, посмотрите на эти три староверовских условия: 1) «либеральные или либерально-демократические течения» должны «ясно и недвусмысленно заявить, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской социал-демократии». В чем состоит отличие либеральных и либерально-демократических течений? Резолюция не дает никакого материала для ответа на этот вопрос. Не в том ли, что либеральные течения выражают позицию наименее прогрессивных политически слоев буржуазии, а либерально-демократические — позицию наиболее прогрессивных слоев буржуазии и мелкой буржуазии? Если да, то неужели т. Старовер считает возможным, что наименее прогрессивные (но все же прогрессивные, ибо иначе нельзя было бы говорить о либерализме) слои буржуазии «встанут решительно на сторону социал-демократии»? Это абсурд, и если представители такого течения даже и *«заявили бы это ясно и недвусмысленно»* (предположение совершенно невозможное), то мы, партия пролетариата, *обязаны были бы не верить* их заявлениям. Быть либералом и становиться решительно на сторону социал-демократии, — одно исключает другое.

Далее. Допустим такой случай, что «либеральные или либерально-демократические течения» ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавием они становятся решительно на сторону *социалистов-революционеров*. Предположение это гораздо менее невероятно (в силу буржуазно-демократической сущности направления социалистов-революционеров), чем предположение тов. Старовера. По смыслу его резолюции, в силу ее расплывчатости и казуистичности, выходит, что *в таком случае временные соглашения* с подобными либералами *недопустимы*. Между тем, этот неизбежный вывод из резолюции т. Старовера приводит к положению *прямо неверному*. Временные соглашения допустимы и с социалистами-революционерами (см. резолюцию съезда о них), а *следовательно*, и с либералами, которые встали бы на сторону социалистов-революционеров.

Второе условие: если эти течения «не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание». И тут та же ошибка: не бывало и быть не может таких либерально-демократических течений, которые бы не выставляли в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и не затемняли его (пролетариата) сознание. Даже одна из самых демократических

фракций нашего либерально-демократического течения, фракция социалистов-революционеров, выставляет в своей программе, запутанной, как и все либеральные программы, требования, идущие вразрез с интересами рабочего класса и затемняющие его сознание. Из этого факта следует выводить *необходимость* «разоблачать ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии», но отнюдь не недопустимость временных соглашений.

Наконец, и третье «условие» тов. Старовера (чтобы лозунгом своей борьбы либералы-демократы сделали всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право) *неправильно* в той общей постановке, которая ему придана: временные и частные соглашения *неразумно было бы* объявлять ни в каком случае недопустимыми с такими либерально-демократическими течениями, которые выставляли бы лозунг цензовой конституции, «куцой» конституции вообще. В сущности, именно сюда подошло бы «течение» гг. «освобожденцев», но связывать себе руки, запрещая наперед «временные соглашения», хотя бы и с самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовместимой с принципами марксизма.

Итог: резолюция тов. Старовера, подписанная также гг. Мартовым и Аксельродом, *ошибочна*, и третий съезд поступит разумно, если отменит ее. Она страдает *политической расплывчатостью* теоретической и тактической позиции, казуистичностью — практических «условий», требуемых ею. Она *смешивает два вопроса*: 1) разоблачение «антиреволюционных и пролетарских» черт *всякого* либерально-демократического течения и обязательность *борьбы* с этими чертами и 2) *условие* временных и частных *соглашений* с любым из таких течений. Она не дает того, что надо (анализа классового содержания либерализма), и дает то, чего не надо (предписание «условий»). На партийном съезде вообще нелепо вырабатывать конкретные «условия» временных соглашений, когда нет налицо даже определенного контрагента, — субъекта таких возможных соглашений; да если бы и был таковой «субъект» налицо, то во сто раз рациональнее было бы предоставить определение «условий» временного соглашения центральным учреждениям партии, как это и сделано съездом по отношению к «течению» гг. социалистов-революционеров (см. плехановское видоизменение конца резолюции тов. Аксельрода, стр. 362 и 15 протоколов).

Что касается до возражений «меньшинства» против резолюции Плеханова, то единственный довод т. Мартова гласил: резолюция Плеханова «кончает мизерным выводом: надо

разоблачать одного литератора. Не будет ли это — идти «на муху с обухом»?» (стр. 358). Довод этот, в котором отсутствие мысли прикрывается хлестким словечком — «мизерный вывод», — дает нам новый образчик претенциозной фразы. Во-первых, резолюция Плеханова говорит о «разоблачении перед пролетариатом ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность». Поэтому чистейшими пустяками является утверждение тов. Мартова (на съезде Лиги, стр. 88 протоколов), что «все внимание должно быть обращено на одного Струве, одного либерала». Во-вторых, сравнивать господина Струве с «мухой», когда речь идет о возможности временных соглашений с русскими либералами, значит приносить в жертву хлесткости элементарную политическую очевидность. Нет, г. Струве не муха, а политическая величина, и он является таковой не потому, чтобы он лично был очень крупной фигурой. Значение политической величины дает ему его позиция, позиция единственного представителя русского либерализма, хоть сколько-нибудь дееспособного и организованного либерализма, в нелегальном мире. Поэтому говорить о русских либералах и об отношении к ним нашей партии и не иметь в виду именно г. Струве, именно «Освобождения»²¹³ — значит говорить, чтобы ничего не сказать. Или, может быть, тов. Мартов попробует указать нам *хоть одно единственное* «либеральное или либерально-демократическое течение» в России, которое хоть отдаленно могло бы сравниться в настоящее время с «освободенским» течением? Интересно было бы посмотреть на такую попытку! *

* На съезде Лиги тов. Мартов привел еще такой довод против резолюции тов. Плеханова: «Главное соображение против нее, главный недостаток этой резолюции заключается в том, что она совершенно игнорирует то, что наша обязанность — не уклоняться в борьбе с самодержавием от союза с либерально-демократическими элементами. Тов. Ленин назвал бы подобную тенденцию мартыновской. В новой «Искре» тенденция эта уже проявляется» (стр. 88).

Этот пассаж — редкое, по своему богатству, собрание «перлов». 1) Сугубой путаницей являются слова о *союзе* с либералами. Никто и не говорил о союзе, тов. Мартов, а лишь о временных или частных соглашениях. Это большая разница. 2) Если Плеханов в резолюции игнорирует невероятный «союз» и говорит лишь вообще о «поддержке», то это не недостаток, а достоинство его резолюции. 3) Не потрудится ли тов. Мартов объяснить нам, чем характеризуются вообще «мартыновские тенденции»? Не расскажет ли он нам об отношении этих тенденций к оппортунизму? Не проследит ли он отношение этих тенденций к параграфу первому устава? 4) Я положительно сгораю от нетерпения услышать от тов. Мартова, в чем проявились «мартыновские тенденции» в «новой» «Искре»? Пожалуйста, избавьте меня скорее от муки ожидания, тов. Мартов!

«Имя Струве ничего не говорит рабочим», — поддерживал т. Костров тов. Мартова. Это уже довод, не во гнев будь сказано т. Кострову и т. Мартову, — акимовский. Это уже вроде пролетариата в родительном падеже²¹⁴.

Каким рабочим «ничего не говорит имя Струве» (и имя «Освобождения», названного в резолюции т. Плеханова рядом с именем г. Струве)? Таким, которые до последней степени мало знакомы или вовсе незнакомы с «либеральными и либерально-демократическими течениями» в России. Спрашивается, в чем должно состоять отношение нашего партийного съезда к таким рабочим: в том ли, чтобы поручить членам партии знакомить этих рабочих с единственным определенным либеральным течением в России? или в том, чтобы *умалчивать* об мало знакомом для рабочих имени по случаю собственно их малого знакомства с политикой? Если т. Костров, сделав первый шаг за т. Акимовым, не захочет сделать и второго шага за ним, то он наверное решит этот вопрос в первом смысле. А решив его в первом смысле, он увидит, как несостоятелен был его довод. *Во всяком случае* слова: «Струве» и «Освобождение» в плехановской резолюции во много раз больше *могут дать* рабочим, чем слова: «либеральное и либерально-демократическое течение» в резолюции Старовера.

Русский рабочий не может в настоящее время ознакомиться на практике с сколько-нибудь откровенными политическими тенденциями нашего либерализма иначе, как по «Освобождению». Легальная либеральная литература негодна тут именно в силу ее туманности. И мы должны как можно усерднее (и перед возможно более широкими массами рабочих) направлять оружие своей критики против освободителей, чтобы в момент грядущей революции русский пролетариат мог настоящей критикой оружия парализовать неизбежные попытки гг. освободителей урезать демократический характер переворота.

Кроме отмеченного мною выше «недоумения» тов. Егорова по вопросу о «поддержке» нами оппозиционного и революционного движения, прения о резолюциях не дали интересного материала, да и прений почти не было.

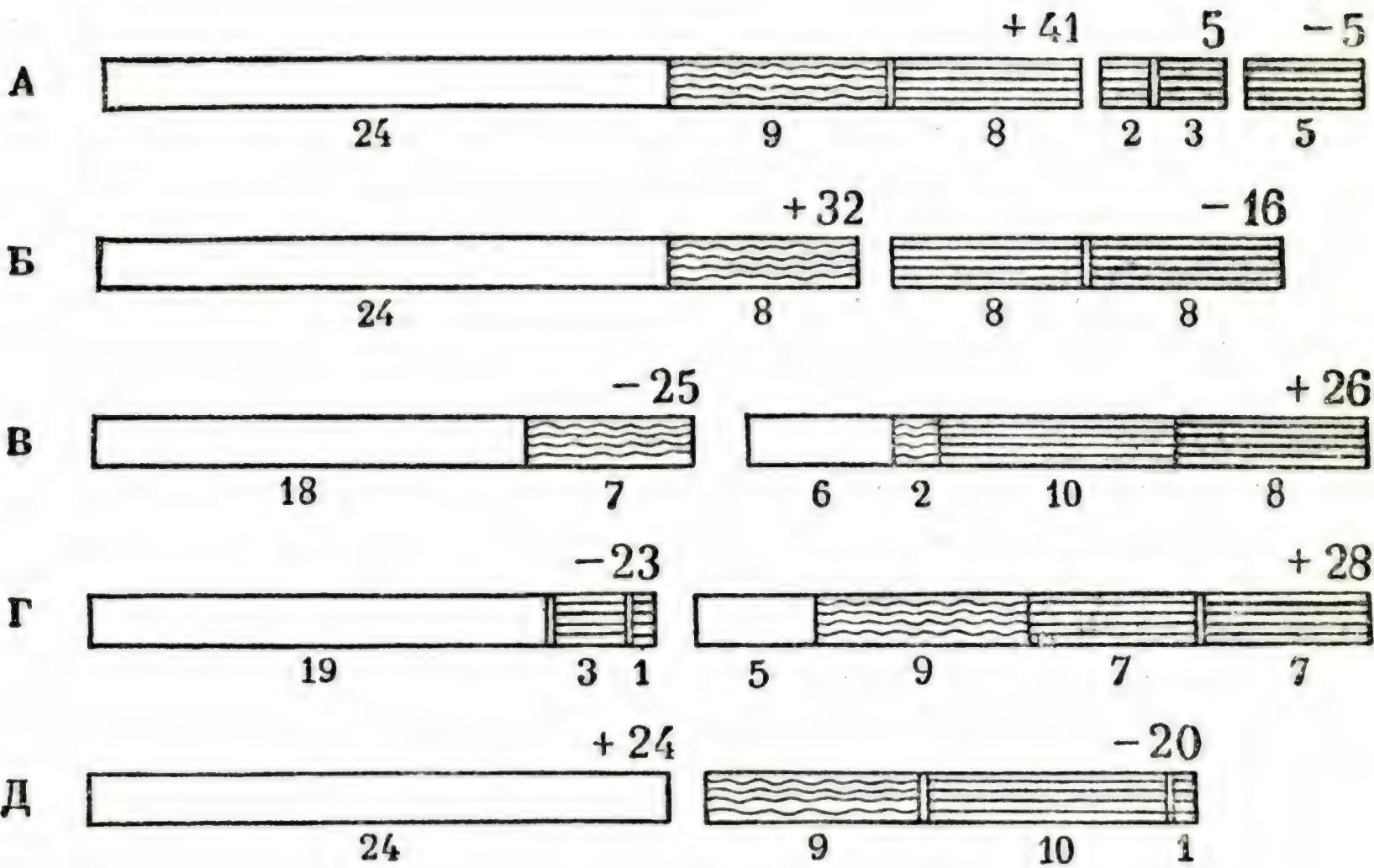
Съезд закончился кратким напоминанием председателя об обязательности постановлений съезда для всех членов партии.

н) ОБЩАЯ КАРТИНА БОРЬБЫ НА СЪЕЗДЕ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ И ОППОРТУНИСТИЧЕСКОЕ КРЫЛО ПАРТИИ

Закончив анализ прений и голосований на съезде, мы должны теперь подвести итоги, чтобы на основании *всего* съездского материала ответить на вопрос: из каких элементов, групп и оттенков сложилось то окончательное большинство и меньшинство, которое мы видели на выборах и которому суждено было на некоторое время стать основным нашим партийным делением? Необходимо подвести итоги всему тому материалу относительно принципиальных, теоретических и тактических, оттенков, который в таком богатстве представлен протоколами съезда. Без общей «сводки», без общей картины всего съезда и всех главнейших группировок при голосованиях, этот материал остается слишком дробным, разбросанным, так что на первый взгляд те или иные отдельные группировки кажутся случайными, особенно тому, кто не дает себе труда самостоятельного и всестороннего *изучения* протоколов съезда (а много ли таких читателей, которые дали себе этот труд?).

В английских парламентских отчетах часто встречается характерное слово *division* — разделение. Палата «разделилась» на такое-то большинство и меньшинство, — говорят про голосование известного вопроса. «Разделение» нашей социал-демократической палаты по различным, обсуждавшимся на съезде, вопросам дает *единственную в своем роде, незаменимую по полноте и точности* картину внутренней борьбы в партии, картину ее оттенков и групп. Чтобы сделать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую *картину*, а не грудку бессвязных, дробных, изолированных фактов и фактиков, чтобы положить конец бесконечным и бестолковым спорам об отдельных голосованиях (кто за кого голосовал и кто кого поддерживал?), я решил попытаться изобразить *все основные типы «разделений»* нашего съезда в виде *диаграммы*. Такой прием покажется, наверное, странным очень и очень многим, но я сомневаюсь, можно ли найти другой способ изложения, действительно обобщающего и подводящего итоги, возможно более полного и наиболее точного. Вотировал ли за или против известного предложения тот или иной делегат, — это можно установить при именных голосованиях с безусловной точностью, а по некоторым важным неименным голосованиям это можно определить, на основании протоколов, с громадной степенью вероятности, с достаточной степенью приближения к истине. Если принять при этом во внимание *все* именные голосования и все те неименные, в которых затрагивались

ОБЩАЯ КАРТИНА БОРЬБЫ НА СЪЕЗДЕ

Цифры с + и с — означают общее число голосов, поданных по известным вопросам за или против. Цифры внизу полосок означают число голосов каждой из четырех групп. Какого рода голосования объемлются типами А — Д, изложено в тексте.

Обозначение групп:

- — ИСКРОВЦЫ БОЛЬШИНСТВА
- ▤ — ИСКРОВЦЫ МЕНЬШИНСТВА
- ▥ — ЦЕНТР
- ▧ — АНТИИСКРОВЦЫ

сколько-нибудь важные (судя, например, по обстоятельности и страстности прений) вопросы, то получится изображение нашей внутрипартийной борьбы, отличающееся наиболее достижимой, при наличном материале, объективностью. При этом вместо фотографического изображения, т. е. изображения каждого голосования в отдельности, мы постараемся дать картину, т. е. привести все главные *типы* голосований, игнорируя неважные сравнительно отступления и разновидности, которые могли бы только запутать дело. Во всяком случае на основании протоколов всякий в состоянии будет проверить каждый штрих в нашей картине, дополнить ее каким угодно отдельным голосованием, одним словом, критиковать ее не только путем соображений, сомнений и указаний на единичные казусы, а путем составления *иной картины* на основании того же материала.

Нанося на диаграмму каждого принимавшего участие в голосовании делегата, мы будем отмечать особой штриховкой те четыре основные группы, которые мы подробно прослеживали в течение всего хода дебатов на съезде, именно: 1) искровцев большинства; 2) искровцев меньшинства; 3) «центр» и 4) антиискровцев. Различие принципиальных оттенков между этими группами мы видели *на массе примеров*, и если кому-либо не нравятся *названия* групп, слишком напоминающие любителям зигзагов об организации «Искры» и о направлении «Искры», то мы заметим им, что дело не в названии. Теперь, когда оттенки прослежены нами на *всех* дебатах съезда, легко можно заменить установившиеся уже и привычные партийные клички (режущие кое-кому ухо) характеристикой *существа оттенков между группами*. При такой замене мы получили бы для тех же четырех групп следующие названия: 1) последовательные революционные социал-демократы; 2) оппортунисты маленькие; 3) оппортунисты средние и 4) оппортунисты большие (на наш русский масштаб большие). Будем надеяться, что эти названия меньше станут шокировать тех, кто с некоторого времени стал уверять себя и других, будто «искровец» — есть название, объемлющее лишь «кружок», а не *направление*.

Перейдем к подробному изложению того, какие типы голосований «сняты» на прилагаемой диаграмме (см. диаграмму: «Общая картина борьбы на съезде»).

Первый тип голосований (А) охватывает те случаи, когда вместе с искровцами шел «центр» против антиискровцев или против части их. Сюда относятся голосование программы в целом (один только т. Акимов воздержался, остальные за), голосование принципиальной резолюции против федерации

(все за, кроме пяти бундовцев), голосование § 2 устава Бунда (против нас пять бундовцев, воздержались пятеро: Мартынов, Акимов, Брукэр и Махов с двумя голосами, остальные с нами); *это голосование и представлено на диаграмме А.* Далее, того же типа были *три* голосования по вопросу об утверждении Центральным Органом партии «Искры»; редакция (пять голосов) воздерживалась, против были во всех трех голосованиях двое (Акимов и Брукэр) и, кроме того, при голосовании *мотивов* утверждения «Искры» воздержались пять бундовцев и тов. Мартынов*.

Рассматриваемый тип голосований дает ответ на чрезвычайно интересный и важный вопрос: когда «центр» съезда шел вместе с искровцами? Либо тогда, когда *и антиискровцы были с нами*, за малыми исключениями (принятие программы, утверждение «Искры» независимо от мотивов), либо тогда, когда дело шло о таких *заявлениях*, которые еще непосредственно к определенной политической позиции не обязывают (признание организационной работы «Искры» не обязывает еще проводить на деле ее организационную политику в отношении частных групп; отвержение федерации не мешает еще воздерживаться по вопросу о конкретном проекте федерации, как мы видели на примере т. Махова). Мы видели уже выше, говоря о значении группировок на съезде вообще, до какой степени неверно представляется этот вопрос в официальном изложении официальной «Искры», которая (устаами т. Мартова) *затирает и затушевывает* разницу между искровцами и «центром», между последовательными революционными социал-демократами и оппортунистами, посредством ссылки на *такие случаи, когда и антиискровцы шли с нами!* Даже наиболее «правые» из немецких и французских оппортунистов в социал-демократических партиях не вотируют против по таким пунктам, как *признание программы в целом.*

Второй тип голосований (Б) обнимает те случаи, когда искровцы последовательные и непоследовательные шли вместе против всех антиискровцев и всего «центра». Эти случаи относятся, главным образом, к тем вопросам, когда дело шло о проведении в жизнь конкретно-определенных планов

* Почему для изображения на диаграмме взято именно голосование о § 2 устава Бунда? Потому что голосования о признании «Искры» менее полны, а голосования о программе и о федерации касаются менее определенных конкретно политических решений. Вообще выбор того или другого из ряда *однородных* голосований несколько не изменит основных черт картины, как в этом легко убедится каждый, сделав соответствующие изменения.

искровской политики, когда речь шла о признании «Искры» *на деле, а не на словах только*. Сюда относятся *инцидент с ОК**, постановка вопроса о положении Бунда в партии на первое место, распускание группы «Южный рабочий», два голосования об аграрной программе и, наконец, в-шестых, голосование *против* заграничного Союза русских социал-демократов («Рабочего Дела»), т. е. признание Лиги единственной организацией партии за границей. Старая, допартийная кружковщина, интересы оппортунистических организаций или группок, узкое понимание марксизма боролись здесь с принципиально выдержанной и последовательной политикой революционной социал-демократии; искровцы меньшинства шли еще с нами в целом ряде случаев, в целом ряде крайне важных (с точки зрения ОК, «Южного рабочего», «Рабочего Дела») голосований,.. пока дело не коснулось *их собственной* кружковщины, их собственной непоследовательности. «Разделения» рассматриваемого типа наглядно показывают, что в ряде вопросов о проведении в жизнь наших принципов *центр шел с антиискровцами*, оказывался гораздо ближе к ним, чем к нам, гораздо более склонным *на деле* к оппортунистическому, чем к революционному крылу социал-демократии. «Искровцы» *по названию*, стыдившиеся *быть* искровцами, обнаруживали свою природу, и неизбежная борьба вносила немало раздражения, которое заслоняло от наименее вдумчивых и наиболее впечатлительных лиц значение вскрывающихся в этой борьбе принципиальных оттенков. Но теперь, когда улегся несколько пыл борьбы и протоколы остались объективным экстрактом ряда горячих сражений, теперь только люди, закрывающие глаза, могут не видеть, что соединение Маховых и Егоровых с Акимовыми и Либерами не было случайностью и не могло быть случайностью. Мартову и Аксельроду только и остается сторониться от всестороннего и точного анализа протоколов или пытаться задним числом *переделать* свое поведение на съезде, посредством всяческих выражений *сожаления*. Точно

* Именно это голосование изображено на диаграмме Б: у искровцев было 32 голоса, за резолюцию бундовца 16. Заметим, что из голосований этого типа нет *ни одного именно* голосования. На распределение делегатов указывают лишь с громадной степенью вероятности двоякого рода данные: 1) в прениях ораторы обеих групп искровцев высказываются за, ораторы антиискровцев и центра — против; 2) числа голосов «за» всегда очень близко подходят к цифре 33. Не надо забывать также, что, анализируя прения на съезде, мы отмечали, и помимо голосований, *целый ряд* случаев, когда «центр» шел с антиискровцами (с оппортунистами) против нас. Сюда относятся вопросы об абсолютной ценности демократических требований, о поддержке оппозиционных элементов, об ограничении централизма и т. д.

сожалением можно устранить различие взглядов и различие политики! точно теперешний союз Мартова и Аксельрода с Акимовым, Брукэром и Мартыновым может заставить нашу партию, восстановленную на втором съезде, забыть о борьбе, которую вели искровцы с антиискровцами в течение почти всего съезда!

Третий тип голосований на съезде, охватывающий три последние части диаграммы из пяти (именно В, Г и Д), характеризуется тем, что *небольшая часть искровцев отделяется и переходит на сторону антиискровцев*, которые поэтому и побеждают (пока остаются на съезде). Чтобы проследить с полной точностью развитие этой знаменитой *коалиции* искровского меньшинства с антиискровцами, одно упоминание о которой доводило Мартова до истерических посланий на съезде, приводятся все три основных типа *именных* голосований этого рода. В — это голосование по вопросу о равноправии языков (взято последнее из трех именных голосований по этому пункту, как самое полное). Все антиискровцы и весь центр стеной стоят против нас, из искровцев же отделилась часть большинства и часть меньшинства. *Еще не видно, какие искровцы способны к окончательной и прочной коалиции с оппортунистической «правой» съезда.* Далее, голосование типа Г — о первом параграфе устава (из двух голосований взято более определенное, т. е. когда никто не воздерживался). *Коалиция обрисовывается рельефнее и складывается прочнее**: искровцы меньшинства все уже стоят на стороне Акимова и Либера, из искровцев большинства — очень небольшое число, возмещающее перешедших на нашу сторону трех из «центра» и одного из антиискровцев. Достаточно простого взгляда на диаграмму, чтобы убедиться в том, какие элементы случайно и временно переходили то на одну, то на другую сторону и какие *шли с неудержимой силой к прочной коалиции с Акимовыми.* На последнем голосовании (Д — выборы в ЦО, в ЦК и в Совет партии), которое представляет именно окончательное деление на большинство и меньшинство, ясно видно полное слияние искровского меньшинства со всем «центром» и с остатками антиискровцев.

* Судя по всему, того же типа было еще четыре голосования по уставу, стр. 278 — 27 за Фомина против 21 наших; стр. 279 — 26 за Мартова против 24 за нас; стр. 280 — 27 против меня, 22 за; и там же — за Мартова 24 против 23 за нас. Это — затронутые уже мной раньше голосования по вопросам о кооптации в центры. Именных голосований нет (одно было, но затеряно). Бундовцы (все или часть), видимо, спасают Мартова. Ошибочные утверждения Мартова (в Лиге) относительно голосований этого типа исправлены выше.

Из восьми антиискровцев к этому времени остался на съезде один тов. Брукэр (которому тов. Акимов разъяснил уже его ошибку и который занял принадлежащее ему по праву место в рядах мартовцев). Уход семерки наиболее «правых» оппортунистов решил судьбу выборов против Мартова*.

И вот теперь подведем итоги съезду, опираясь на объективные данные о голосованиях всякого типа.

Много толковали о «случайном» характере большинства на нашем съезде. Тов. Мартов только этим доводом и утешал себя в своем «Еще раз в меньшинстве». Из диаграммы ясно видно, что в одном смысле, но только в одном, можно назвать большинство случайным, именно в том смысле, что-де семерка наиболее оппортунистических элементов «правой» ушла случайно. Поскольку случаен этот уход, постольку (не более) случайно и наше большинство. Простой взгляд на диаграмму лучше длинных рассуждений показывает, на чьей стороне была бы, должна бы была быть эта семерка**. Но, спрашивается, поскольку действительно можно считать случайным уход этой семерки? Вот вопрос, которого не любят задавать себе люди, охотно говорящие о «случайности» большинства. Неприятный это для них вопрос. Случайно ли то, что ушли наиболее ярые представители правого, а не левого крыла нашей партии? Случайно ли то, что ушли оппортунисты, а не последовательные революционные социал-демократы? Не стоит ли этот «случайный» уход в некоторой связи с той борьбой против оппортунистического крыла, которая велась в течение всего съезда и которая так наглядно выступает на нашей диаграмме?

Достаточно поставить эти неприятные для меньшинства вопросы, чтобы выяснить себе, какой факт прикрывается толками о случайности большинства. Это — тот несомненный и неоспоримый факт, что меньшинство составили наиболее тяготеющие к оппортунизму члены нашей партии. Меньшинство составили наименее устойчивые теоретически, наименее выдержанные принципиально элементы партии. Меньшинство образовалось именно из правого крыла партии. Разделение

* Семь оппортунистов, ушедших с 2-го съезда, это пять бундовцев (Бунд вышел из партии на втором съезде после отклонения федеративного принципа) и два «рабочедельца», т. Мартынов и т. Акимов. Эти последние ушли со съезда после того, как заграничной организацией партии была признана только искровская Лига, то есть был распущен рабочедельческий заграничный «Союз русских социал-демократов». (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

** Мы увидим ниже, что после съезда и т. Акимов и Воронежский комитет, наиболее родственные т. Акимову, прямо и выразили свое сочувствие «меньшинству».

на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую, на Гору и Жиронду, которое не вчера только появилось не в одной только русской рабочей партии и которое, наверное, не завтра исчезнет.

Этот факт имеет кардинальное значение в деле выяснения причин и перипетий расхождений. Пытаться *обойти* этот факт посредством отрицания или затушевывания борьбы на съезде и сказавшихся в ней принципиальных оттенков, — значит выдавать себе полнейшее свидетельство об умственной и политической бедности. А чтобы *опровергнуть* этот факт, надо, *во-первых*, показать, что общая картина голосований и «разделений» на нашем партийном съезде была не такая, которая приведена мною; надо, *во-вторых*, показать, что *по существу* всех тех вопросов, из-за которых «разделялся» съезд, *неправы были* те наиболее последовательные революционные социал-демократы, которые связали себя в России с именем искровцев *. Попробуйте-ка показать это, господа!

Факт составления меньшинства из наиболее оппортунистических, наименее устойчивых и наименее выдержанных элементов партии указывает, между прочим, ответ на многие недоумения и возражения, с которыми обращаются к большинству люди, плохо знакомые с делом или плохо продумавшие вопрос. Не мелко ли это, говорят нам, объяснять *расхождение* маленькой ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода? Да, господа, ошибка тов. Мартова была невелика (и я еще на съезде, в пылу борьбы, отметил это), но из этой маленькой ошибки *могло* получиться (*и получилось*) много вреда в силу того, что тов. Мартова перетянули на свою сторону делегаты, сделавшие *целый ряд ошибок*, проявившие на целом ряде вопросов тяготение к оппортунизму и принципиальную невыдержанность. Индивидуальным и неважным

* Примечание для тов. Мартова. Если тов. Мартов забыл теперь, что *искровец* означает *сторонник направления*, а не *член кружка*, то мы советуем ему прочесть в протоколах съезда разъяснение этого вопроса тов. Троцким тов. Акимову. Искровскими *кружками* были на съезде (по отношению к партии) три кружка: группа «Освобождение труда», редакция «Искры», организация «Искры». Два кружка из этих трех были так разумны, что сами распустили себя; третий проявил недостаточно партийности, чтобы сделать это, и был распущен съездом. Самый широкий искровский кружок, организация «Искры» (включавшая в себя и редакцию и группу «Освобождение труда»), насчитывал на съезде всего 16 человек, из которых *только одиннадцать* имели решающий голос. Искровцев же *по направлению*, не принадлежавших ни к какому искровскому «кружку», было на съезде, по моему счету, *27 с 33 голосами*. Значит, из искровцев *меньше половины* принадлежали к искровским *кружкам*.

фактом было проявление неустойчивости со стороны тов. Мартова и тов. Аксельрода, но не индивидуальным, а *партийным* и *не совсем неважным* фактом было образование весьма и весьма значительного меньшинства из *всех*, наименее устойчивых элементов, *из всех тех*, кто либо вовсе не признавал направления «Искры» и прямо боролся с ним, либо признавал на словах, а на деле сплошь да рядом шел с антиискровцами.

Не смешно ли *объяснять* расхождение господством заско-рузлой кружковщины и революционной обывательщины в маленьком кружке старой редакции «Искры»? Нет, это не смешно, потому что на поддержку *этой индивидуальной* кружковщины *встало все то в нашей партии*, что боролось в течение всего съезда *за всякую кружковщину*, все то, что *вообще не могло подняться* над революционной обывательщиной, все то, что ссылалось на «исторический» характер обывательского и кружковщинского зла для оправдания и сохранения этого зла. Случайностью можно бы еще, пожалуй, считать то, что узкокружковые интересы одержали верх над партийностью в одном маленьком кружке редакции «Искры». Но не случайностью было то, что на поддержку этой кружковщины горой встали тт. Акимовы и Брукэры, которым не менее (если не более) дорога была «историческая преемственность» знаменитого Воронежского комитета и пресловутой петербургской «Рабочей организации»²¹⁵, встали тт. Егоровы, которые оплакивали «убийство» «Рабочего Дела» так же горько (если не еще более горько), как и «убийство» старой редакции, встали тт. Маховы и пр. и пр. Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты такой, — гласит житейская мудрость. Скажи мне, кто твой политический союзник, кто за тебя голосует, — и я тебе скажу, какова твоя *политическая физиономия*.

Мелкая ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода оставалась и могла остаться *мелкой*, покуда она не послужила исходным пунктом для *прочного союза* их со всем оппортунистическим крылом нашей партии, покуда она не повела в силу этого союза к *отрыжке* оппортунизма, к *реванишу* всех тех, с кем боролась «Искра» и кто готов был с величайшей радостью *сорвать теперь сердце* на последовательных сторонниках революционной социал-демократии. Послесъездовские события как раз и привели к тому, что в новой «Искре» мы видим именно *отрыжку* оппортунизма, *реванш* Акимовых и Брукэров (см. листок Воронежского комитета *), восторги

* См. настоящий том, стр. 407—409. *Ред.*

Мартыновых, которым наконец-то (наконец-то!) позволили в ненавистной «Искре» лягнуть ненавистного «врага» за все и всяческие прошлые обиды. Это особенно наглядно показывает нам, до какой степени необходимо было «восстановление старой редакции «Искры»» (из ультиматума тов. Старовера от 3 ноября 1903 г.) для охранения искровской «преемственности»...

Сам по себе факт разделения съезда (и партии) на левое и правое, революционное и оппортунистическое крыло не представлял еще из себя не только ничего страшного и ничего критического, но даже и ровно ничего ненормального. Напротив, все последнее десятилетие в истории русской (и не только русской) социал-демократии неизбежно и неминуемо приводило к такому разделению. Что основанием для разделения был ряд весьма *мелких* ошибок правого крыла, весьма неважных (сравнительно) разногласий, — это обстоятельство (которое поверхностному наблюдателю и филистерскому уму кажется шокирующим) означало *большой шаг вперед всей нашей партии в целом*. Раньше мы расходились из-за крупных вопросов, которые могли иногда даже оправдать и раскол, теперь мы сошлись уже на всем крупном и важном, теперь нас разделяют лишь *оттенки*, из-за которых можно *и должно* спорить, но нелепо и ребячески было бы расходиться (как и сказал уже совершенно справедливо товарищ Плеханов в интересной статье «Чего не делать», к которой мы еще вернемся). *Теперь, когда анархическое поведение меньшинства после съезда почти привело партию к расколу, часто можно встретить мудрецов, которые говорят: да стоило ли вообще бороться на съезде из-за таких мелочей, как инцидент с ОК, распускание группы «Южного рабочего», или «Рабочего Дела», § 1, распускание старой редакции и т. п.? Кто рассуждает так*, тот вносит именно кружковую точку зрения в партийные дела: борьба оттенков в партии неизбежна и необходима, покуда борьба не ведет к анархии и к расколу,*

* Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». «Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!» — жаловался он мне. — «Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..» «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — отвечал я ему. — «Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»

Товарищ из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разных языках.

покуда борьба идет *в рамках*, одобренных сообща всеми товарищами и членами партии. И *наша борьба* с правым крылом партии *на съезде*, с Акимовым и Аксельродом, с Мартыновым и Мартовым, *отнюдь не выходила из этих рамок*. Достаточно вспомнить два факта, свидетельствующих об этом самым бесспорным образом: 1) когда гг. Мартынов и Акимов уходили со съезда, мы *все готовы были* всячески отстранить мысль об «оскорблении», мы *все принимали* (32 голосами) резолюцию тов. Троцкого, приглашающую этих товарищей удовлетвориться разъяснениями и взять назад свое заявление; 2) когда дело дошло до выбора центров, мы давали меньшинству (или оппортунистическому крылу) съезда *меньшинство в обоих центрах*: Мартову в ЦО, Попову в ЦК. Иначе мы *не могли* поступить с партийной точки зрения, раз было решено нами еще до съезда выбирать две тройки. Если различие оттенков, обнаружившихся на съезде, было невелико, то невелик, ведь, был и *практический вывод*, сделанный нами из борьбы этих оттенков: этот вывод *исключительно* сводился к тому, что *две трети* в обеих тройках следует предоставить *большинству* партийного съезда.

Только *несогласие* меньшинства на партийном съезде быть *меньшинством в центрах* привело сначала к «дряблему хныканью» потерпевших поражение интеллигентов, а потом к *анархической фразе* и к анархическим действиям.

В заключение, взглянем еще раз на диаграмму с точки зрения вопроса о составе центров. Совершенно естественно, что, *кроме* вопроса об оттенках, перед делегатами стоял также при выборах вопрос о *пригодности*, работоспособности и т. п. того или другого *лица*. Теперь меньшинство очень охотно прибегает к смешению этих вопросов. А что это вопросы разные, — понятно само собой и видно хотя бы из того простого факта, что выбор *первоначальной* тройки в ЦО был намечен еще *до съезда*, когда союза Мартова и Аксельрода с Мартыновым и Акимовым не мог предвидеть ни единый человек. На разные вопросы и ответ должен быть получаем разными способами: на вопрос об оттенках надо искать ответа в *протоколах съезда*, в открытом обсуждении и голосовании всех и всяческих пунктов. Вопрос о пригодности *лиц* решено было всеми на съезде решать *тайными голосованиями*. Почему *весь съезд единогласно* принял такое решение? — это такой азбучный вопрос, на котором странно было бы останавливаться. Но меньшинство стало забывать (после своего поражения на выборах) даже азбуку. Мы слышали потоки горячих, страстных, возбужденных почти до невменяемости речей в защиту старой редакции, но мы не слышали *ровно*

ничего о тех оттенках на съезде, которые связаны были с борьбой за шестерку и за тройку. Мы слышим из всех углов толки и рассказы о недееспособности, непригодности, злонамеренности и пр. лиц, выбранных в ЦК, но мы не слышим ровно ничего о тех оттенках на съезде, которые боролись за преобладание в ЦК. Мне кажется, что вне съезда неприличны и недостойны рассказы и толки о качествах и действиях лиц (ибо эти действия составляют, в 99 случаях из 100, организационную тайну, раскрываемую лишь перед высшей инстанцией партии). Вести вне съезда борьбу посредством таких рассказов значило бы, по моему убеждению, действовать сплетнически. И единственный ответ, который я мог бы дать публике по поводу этих толков, состоял бы в указании на съездовскую борьбу: вы говорите, что ЦК выбран небольшим большинством. Это верно. Но это небольшое большинство составилось из всех тех, кто самым последовательным образом, не на словах, а на деле, боролся за проведение искровских планов. Моральный авторитет этого большинства должен быть поэтому еще несравненно выше его формального авторитета, — выше для всех, кто ценит преемственность направления «Искры» выше преемственности того или иного кружка «Искры». Кто компетентнее мог бы судить о пригодности тех или иных лиц для проведения политики «Искры»? те ли, кто проводил эту политику на съезде, или те, кто в целом ряде случаев боролся с этой политикой и отстаивал всякую отсталость, всякий хлам, всякую кружковщину?

о) ПОСЛЕ СЪЕЗДА. ДВА ПРИЕМА БОРЬБЫ

Анализ прений и голосований на съезде, с которым мы покончили, объясняет собственно *in puse* (в зародыше) *все, что было после съезда*, и мы можем быть краткими, отмечая дальнейшие этапы нашего партийного кризиса.

Отказ Мартова и Попова от выборов внес сразу атмосферу *дразги* в партийную борьбу партийных оттенков. Тов. Глебов, считая невероятным, что невыбранные редакторы серьезно решили *повернуть* к Акимову и Мартынову, и объясняя дело прежде всего раздражением, предложил мне и Плеханову на другой же день после съезда покончить миром, «кооптировать» всех четырех под условием обеспечения представительства в Совете от редакции (т. е. чтобы из двух представителей один обязательно принадлежал к *партийному* большинству). Условие это показалось Плеханову и мне рациональным, ибо согласие на него означало *молчаливое*

признание ошибки на съезде, желание мира, а не войны, желание быть ближе к нам с Плехановым, чем к Акимову с Мартыновым, к Егорову с Маховым. Уступка по части «кооптации» принимала, таким образом, *личный* характер, а отказываться от личной уступки, которая должна устранить раздражение и восстановить мир, не стоило. Поэтому мы дали с Плехановым свое согласие. Редакционное большинство отвергло условие. *Глебов уехал*. Мы стали выжидать последствий: удержится ли Мартов на лояльной почве, на которую он встал (*против* представителя центра, тов. Попова) на съезде, или неустойчивые и склонные к расколу элементы, за которыми он пошел, возьмут верх.

Мы стояли перед дилеммой: пожелает ли тов. Мартов считать свою съездовскую «коалицию» единичным политическим фактом (вроде того, как была единичным случаем коалиция Бебеля с Фольмаром в 1895 г., — *si licet parva componere magnis* *), или он пожелает *закрепить* эту коалицию, направит все усилия, чтобы доказать *нашу с Плехановым* ошибку на съезде, станет настоящим вожаком оппортунистического крыла нашей партии. Иными словами эта дилемма формулировалась так: дразга или политическая партийная борьба? Из нас троих, которые были на другой день после съезда единственными наличными членами центральных учреждений, Глебов наиболее склонялся к первому решению дилеммы и наиболее старался помирить поссорившихся детей. Ко второму решению наиболее склонялся тов. Плеханов, к которому, что называется, приступу не было. Я изображал из себя на этот раз «центр» или «болото» и попробовал обратиться с убеждениями. В настоящее время пытаться восстанавливать словесные убеждения было бы предприятием безнадежно-путаным, и я не последую дурному примеру тов. Мартова и тов. Плеханова. Но некоторые места из одного письменного убеждения, адресованного мною к одному из искряков «меньшинства», считаю необходимым воспроизвести:

...«Отказ от редакции Мартова, отказ от сотрудничества его и др. литераторов партии, отказ работать на ЦК целого ряда лиц, пропаганда идеи бойкота или пассивного сопротивления, — все это неминуемо приведет, даже против воли Мартова и его друзей, приведет к расколу партии. Если даже Мартов будет удерживаться на лояльной почве (на которую он так решительно встал на съезде), то другие не удержатся, — и указанный мною исход будет неизбежен...

* — если позволительно сравнивать малое с большим. *Ред.*

И вот я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся?.. Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, «бешено», я охотно готов признать пред кем угодно эту свою вину, если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc. Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства.

Конечно, обидным не могло не быть уже то, что пришлось остаться в меньшинстве, но я категорически протестую против мысли о том, чтобы мы «пятнали» кого-либо, чтобы мы *хотели* оскорбить или унижить кого-либо. Ничего подобного. И не след допускать, чтобы политическое расхождение вело к истолкованию событий посредством обвинения другой стороны в недобросовестности, прохвостничестве, интриганстве и прочих милых вещах, о которых все чаще и чаще слышишь в атмосфере надвигающегося раскола. Не след допустить этого, ибо это, по меньшей мере, до *пес plus ultra** неразумно.

Мы политически (и организационно) разошлись с Мартовым, как расходились с ним десятки раз. Будучи побежден на вопросе о § 1 устава, я не мог не стремиться со всей энергией к реваншу на том, что у меня (и у съезда) оставалось. Я не мог не стремиться, с одной стороны, к строго искровскому ЦК, — с другой, к редакционной тройке... Я считаю эту тройку *единственно* способной быть должностным учреждением, а не коллегией, основанной на семейственности и халатности, единственным настоящим центром, в котором каждый и всегда вносил бы и отстаивал свою партийную точку зрения, ни на волос больше и *irrespective*** от всего личного, от всяких соображений об обиде, об уходе и пр.

Эта тройка, после событий на съезде, несомненно узаконила политическую и организационную линию, в одном отношении направленную против Мартова. Несомненно. Из-за этого рвать? Из-за этого ломать партию?? А разве по вопросу о демонстрациях не были Мартов и Плеханов против меня? А разве по вопросу о программе не был я и Мартов против Плеханова? Разве всякая тройка не обращается всегда одной своей стороной против каждого участника?

* — до последней степени. *Ред.*

** — независимо. *Ред.*

Если большинство искровцев и в организации «Искры», и на съезде нашло ошибочным вот этот специальный оттенок мартовской линии в организационном и политическом отношении, неужели не безумны, в самом деле, попытки объяснять это каким-то «подстраиваньем», да «натравливаньем» и т. п.? Неужели не безумно было бы отговариваться от этого факта, *обругавши* это большинство «шпаной»?

Повторяю: я, как и большинство искровцев съезда, глубоко убежден, что Мартов взял неверную линию и что его надо было поправить. Строить обиду из-за этой поправки, выводить отсюда оскорбление etc. — неразумно. Никого и ни в чем мы не «пятнали», не «пятнаем» и не устраняем от *работы*. А из-за устранения от *центра* поднимать раскол было бы непостижимым для меня безумием» *.

Эти письменные мои заявления я считал необходимым восстановить теперь, ибо они *точно* показывают стремление большинства *сразу* провести определенную грань между возможными (и неизбежными при горячей борьбе) личными обидами и личным раздражением в силу резкости и «бешенства» нападков и т. п., с одной стороны, — и известной политической ошибкой, политической линией (коалиция с правым крылом), с другой стороны.

Эти заявления доказывают, что *пассивное сопротивление* меньшинства *началось сейчас же после съезда* и сразу вызвало с нашей стороны предостережение, что это есть *шаг к расколу партии*; — что это прямо противоречит *лояльным заявлениям на съезде*; — что это будет расколом исключительно *из-за отстранения от центральных учреждений* (сиречь из-за невыбора), ибо *от работы* никого из членов партии никто никогда не думал отстранять; — что политическое расхождение между нами (неизбежное, поскольку не выяснен и не решен еще вопрос, Мартов или мы ошиблись в своей линии на съезде) *начинает все более извращаться в дразгу с руготней, заподозриваниями и пр. и пр.*

Предостережения не помогли. Поведение меньшинства показывало, что наименее устойчивые и *наименее ценящие партию* элементы среди него берут верх. Это заставило нас с Плехановым взять назад свое согласие на предложение

* Это письмо писано еще в сентябре (н. ст.). (См. Сочинения, 5 изд., том 46, стр. 297—300; 4 изд., том 34, стр. 137—139. *Ред.*) Опущено из него то, что мне кажется не относящимся к делу. Если адресат письма считает именно опущенное важным, то ему легко будет пополнить пробел. Кстати. Пользуюсь этим случаем, чтобы раз навсегда предоставить всем моим оппонентам публикацию всех моих частных писем, буде они считают это полезным для дела.

Глебова: в самом деле, если меньшинство *делами* своими доказывало политическую неустойчивость свою не только в области принципов, но и в области *элементарной партийной лояльности*, то какое значение могли иметь *слова* о пресловутой «преемственности»? Никто не осмеивал так остроумно, как Плеханов, всей нелепости требования «кооптировать» в партийную редакцию большинство таких людей, которые прямо заявляют о своих новых и растущих несогласиях! Да где же это видано на свете, чтобы *до выяснения* в печати, перед партией, *новых* разногласий партийное большинство в центральных учреждениях само превращало себя в меньшинство? Пусть сначала изложены будут разногласия, пусть партия обсудит их глубину и значение, пусть партия сама исправит свою ошибку, сделанную ею на втором съезде, если доказана будет та или иная ошибка! Одно уже выставление подобного требования *во имя* неведомых еще разногласий показывало полную неустойчивость требующих, полное подавление политических расхождений дразгой, полное неуважение и ко всей партии и к своим собственным убеждениям. Не бывало еще на свете и не будет никогда таких *принципально убежденных* людей, которые бы отказывались *убеждать* раньше, чем они получают (*приватным образом*) большинство в том учреждении, которое они собираются переубедить.

Наконец, 4 октября тов. Плеханов объявляет, что сделает *последнюю* попытку покончить с этой нелепостью. Собирается собрание всех шести членов старой редакции в присутствии нового члена ЦК *. Битых три часа доказывает т. Плеханов неразумность требования «кооптировать» четырех из «меньшинства» на двух из «большинства». Он предлагает *кооптировать двоих*, чтобы, с одной стороны, устранить всякие опасения, что мы хотим кого-то «заезжать», задавить, осадить, казнить и похоронить, а с другой стороны, чтобы охранять права и позицию партийного «большинства». *Кооптация двух тоже отвергается.*

6-го октября мы пишем с Плехановым официальное письмо всем старым редакторам «Искры» и сотруднику, тов. Троцкому, следующего содержания:

«Уважаемые товарищи! Редакция ЦО считает долгом официально выразить свое сожаление по поводу Вашего отстранения от участия в «Искре» и «Заре». Несмотря на

* Этот член ЦК ²¹⁶, кроме того, специально устраивал ряд частных и коллективных бесед с меньшинством, опровергая нелепые рассказы и взывая к партийному долгу.

многократные приглашения сотрудничать, которые мы делали и тотчас после второго съезда партии и повторяли неоднократно после того, мы не получили от Вас ни одного литературного произведения. Редакция ЦО заявляет, что она считает Ваше отстранение от сотрудничества ничем с ее стороны не вызванным. Какое-либо личное раздражение не должно, конечно, служить препятствием к работе в Центральном Органе партии. Если же Ваше отстранение вызвано тем или иным расхождением во взглядах между Вами и нами, то мы считали бы чрезвычайно полезным в интересах партии обстоятельное изложение таких разногласий. Более того. Мы считали бы чрезвычайно желательным, чтобы характер и глубина этих разногласий были как можно скорее выяснены перед всей партией на страницах редактируемых нами изданий» *.

Как видит читатель, нам все еще оставалось совершенно неясным, преобладает ли личное раздражение в действиях «меньшинства» или желание дать органу (и партии) *новый курс*, какой именно, в чем именно. Я думаю, что и сейчас, если посадить 70 толковников за работу выяснения этого вопроса на основании какой угодно литературы и каких угодно свидетельских показаний, то и они никогда бы не разобрались в этой путанице. Дрызгу вряд ли когда можно распутать: ее надо либо разрубить, либо отстраниться от нее **.

На письмо от 6 октября Аксельрод, Засулич, Старовер, Троцкий и Кольцов ответили нам парой строк о том, что нижеподписавшиеся никакого участия в «Искре» со времени ее перехода в руки новой редакции не принимают. Тов. Мартов был более разговорчив и почтил нас таким ответом:

«В редакцию ЦО РСДРП. Уважаемые товарищи! В ответ на Ваше письмо от 6 октября я заявляю следующее: Я считаю все наши объяснения по вопросу о совместной работе в одном органе законченными после совещания, имевшего место в присутствии члена ЦК 4 октября, на котором Вы отказались ответить на вопрос о причинах, побудивших Вас взять назад предложение, сделанное нам о вступлении Аксельрода, Засулич, Старовера и меня в редакцию под условием, что мы дадим обязательство избрать своим «представителем» в Совет тов. Ленина. После того, как на

* В письме к тов. Мартову было добавлено еще одно место с вопросом об одной брошюре и следующая фраза: «Наконец, в интересах дела мы еще раз ставим Вам на вид, что мы и в настоящее время готовы кооптировать Вас в члены редакции ЦО для того, чтобы дать Вам полную возможность официально заявлять и отстаивать все свои взгляды в высшем партийном учреждении». (См. Сочинения, 5 изд., том 46, стр. 306; 4 изд., том 34, стр. 146. *Ред.*)

** Тов. Плеханов, вероятно, добавил бы здесь: либо удовлетворить *все и всякие претензии* инициаторов дрызги. Мы увидим, почему это было невозможно.

упомянутом совещании Вы неоднократно уклонялись от формулировки Ваших же собственных, при свидетелях сделанных, заявлений, я не считаю нужным в письме к Вам объяснять мотивы моего отказа работать в «Искре» при нынешних обстоятельствах. Если понадобится, я выскажусь об этом подробно перед лицом всей партии, которая уже из протоколов второго съезда узнает, почему я отказался от ныне повторяемого Вами предложения занять место в редакции и в Совете... *

Л. Мартов»

Это письмо, вместе с предыдущими документами, дает неопровержимое разъяснение по тому вопросу о бойкоте, дезорганизации, анархии и подготовке раскола, который так усердно обходит (посредством восклицательных знаков и многоточий) т. Мартов в своем «Осадном положении», — вопросу о лояльных и нелояльных средствах борьбы.

Тов. Мартову и другим *предлагают* изложить разногласия, *просят* сказать прямо, в чем же дело и каковы их намерения, *угovarивают* перестать капризничать и разобрать спокойно ошибку по § 1 (неразрывно связанную с ошибкой в повороте вправо), — а т. Мартов с К⁰ *отказывается разговаривать* и кричит: меня осаждают, меня заезжают! Насмешка над «страшным словом» не охладила пыл этих комичных воплей.

Да как же можно *осаждать* того, кто *отказывается совместно работать?* — спрашивали мы т. Мартова. Как можно обидеть, «заезжать» и притеснить меньшинство, когда оно *отказывается быть в меньшинстве??* Ведь всякое пребывание в меньшинстве означает обязательно и непременно известные невыгоды для того, кто в меньшинстве остался. Невыгоды эти состоят либо в том, что придется войти в коллегию, которая будет майоризировать по известным вопросам, либо придется встать вне коллегии, нападая на нее и подвергаясь, следовательно, огню хорошо укрепленных батарей.

Криками об «осадном положении» тов. Мартов хотел сказать, что с ними, оставшимися в меньшинстве, борются или ими управляют несправедливо и нелояльно? *Только* такой тезис имел бы (в глазах Мартова) хоть тень разумности, ибо, повторяю, известные невыгоды пребывания в меньшинстве влечет за собой обязательно и непременно. Но в том-то и комизм, что с т. Мартовым нельзя было *никак бороться*, пока он отказывался разговаривать! меньшинством нельзя было *никак управлять*, пока оно отказывалось быть в меньшинстве!

Ни единого факта превышения власти или злоупотребления властью не доказал т. Мартов по отношению к редакции

* Опускаю ответ насчет брошюры Мартова, переиздававшейся в то время.

ЦО, когда мы с Плехановым были в редакции. *Ни единого факта* не доказали и практики меньшинства со стороны Центрального Комитета. Как ни вертится теперь тов. Мартов в своем «Осадном положении», — остается совершенно неопровержимым, что *ровно ничего, кроме «дряблого хныканья», в воплях об осадном положении не было.*

Полнейшее отсутствие *разумных* доводов против редакции, назначенной съездом, у т. Мартова и К^о всего лучше иллюстрируется их же словечком: «мы не крепостные!» («Осадное положение», стр. 34). Психология буржуазного интеллигента, который причисляет себя к «избранным душам», стоящим выше массовой организации и массовой дисциплины, выступает здесь замечательно отчетливо. *Объяснять* отказ от работы в партии тем, что «мы не крепостные», значит *с головой выдать себя*, признать полное отсутствие доводов, полную неспособность мотивировки, полное отсутствие разумных причин недовольства. Мы с Плехановым заявляем, что считаем отказ ничем с нашей стороны не вызванным, просим изложить разногласия, а нам отвечают: «мы не крепостные» (с добавлением: мы еще насчет кооптации не торговались).

Интеллигентскому индивидуализму, который выказал себя уже в спорах о § 1, обнаружив свою склонность к оппортунистическому рассуждению и к анархической фразе, *всякая* пролетарская организация и дисциплина кажутся *крепостным правом*. Читающая публика скоро узнает, что и новый *партийный съезд* кажется этим «членам партии» и «должностным лицам» партии — крепостным учреждением, страшным и невыносимым для «избранных душ»... Это «учреждение» и в самом деле страшно для тех, кто охоч попользоваться титулом партийности, но чувствует *несоответствие* этого титула с интересами партии и волей партии.

Резолюции комитетов, перечисленные мной в письме в редакцию новой «Искры» и напечатанные т. Мартовым в «Осадном положении», доказывают фактически, что поведение меньшинства было сплошным *неподчинением* постановлениям съезда, *дезорганизацией* положительной практической работы. Составившееся из оппортунистов и ненавистников «Искры» меньшинство *рвало партию*, портило, дезорганизовало работу, желая отомстить за поражение на съезде и чувствуя, что *честными и лояльными* средствами (разъяснением дела в печати или на съезде) оно *никогда* не сумеет опровергнуть выдвинутого против них на втором съезде обвинения в оппортунизме и в интеллигентской неустойчивости. Сознавая свое бессилие *убедить* партию, они воздейство-

вали тем, что *дезорганизовывали* партию и *мешали всякой работе*. Их упрекали в том, что они (напутав на съезде) сделали щель в нашей посудине; они отвечали на упрек тем, что *всеми силами* старались *совершенно разбить* треснувшую посудину.

Понятия запутывались до того, что бойкот и отстранение от работы объявлялись «*честным*» * средством борьбы. Тов. Мартов всячески вертится теперь около этого щекотливого пункта. Тов. Мартов так «принципиален», что защищает бойкот,.. когда он ведется меньшинством, и осуждает бойкот, когда он грозит самому Мартову, попавшему в большинство!

Я думаю, можно оставить без разбора вопрос о том, дразга ли это или «принципиальное разногласие» относительно честных средств борьбы в соц.-дем. рабочей партии.

После неудачных попыток (4 и 6 октября) добиться объяснения от начавших историю из-за «кооптации» товарищей, центральным учреждениям оставалось только посмотреть, какова будет на деле обещанная ими на словах лояльность борьбы. 10 октября ЦК обращается с циркуляром к Лиге (см. прот. Лиги, стр. 3—5), заявляя о вырабатываемом им уставе и приглашая членов Лиги к содействию. Съезд Лиги в то время был отклонен администрацией ее (двумя голосами против одного, см. стр. 20 там же). Ответы сторонников меньшинства на этот циркуляр сразу показали, что пресловутая лояльность и признание решений съезда были лишь фразой, что на деле меньшинство решило безусловно *не подчиниться* центральным учреждениям партии, отвечая на их призывы к объединенной работе *отписками*, полными софизмов и *анархических* фраз. На пресловутое открытое письмо члена администрации, Дейча (с. 10), мы ответили вместе с Плехановым и другими сторонниками большинства решительным выражением «протеста против тех грубых нарушений партийной дисциплины, при помощи которых должностное лицо Лиги позволяет себе тормозить организационную деятельность партийного учреждения и призывает к такому же нарушению дисциплины и устава других товарищей. Фразы вроде того, что «в такой работе по приглашению ЦК я считаю себя не вправе принять участие», или «товарищи! мы ни в коем случае не должны предоставить ему (ЦК) выработку нового устава для Лиги» и т. п., принадлежат к такого сорта агитационным приемам, что могут вызвать

* Горнозаводская резолюция (стр. 38 «Осадное положение»).

только негодование у всякого человека, мало-мальски разбирающегося в том, что значат понятия: партия, организация, партийная дисциплина. Приемы такого сорта тем более возмутительны, что они употребляются по отношению к только что созданному партийному учреждению, являются, таким образом, несомненной попыткой подорвать к нему доверие в среде партийных товарищей и притом пускаются в ход подфирмой члена администрации Лиги и за спиной ЦК» (стр. 17).

Съезд Лиги, при таких условиях, обещал быть только скандалом.

Тов. Мартов с самого начала продолжил свою съездовскую тактику «залезания в душу», на этот раз тов. Плеханову, посредством извращения частных разговоров. Тов. Плеханов протестует, и т. Мартову приходится брать назад (с. 39 и 134 прот. Лиги) легкомысленные или раздраженные попреки.

Доходит очередь до доклада. Делегатом от Лиги на партийном съезде был я. Простая справка с конспектом моего доклада (с. 43 и след.) * покажет читателю, что я дал черновой набросок того самого анализа голосований на съезде, который в разработанном виде составляет содержание и настоящей брошюры. Весь центр тяжести доклада лежал именно в доказательстве того, что Мартов и К^о, в силу сделанных ими ошибок, оказались в оппортунистическом крыле нашей партии. Несмотря на то, что доклад делался перед большинством самых озлобленных противников, они не могли открыть в нем ровно ничего, отступающего от лояльных приемов партийной борьбы и полемики.

Доклад Мартова, помимо мелких и частных «поправок» к моему изложению (неверность этих поправок мы показали выше), представлял из себя, наоборот,.. некоторый продукт больных нервов.

Неудивительно, что большинство отказалось вести борьбу в такой атмосфере. Тов. Плеханов заявил протест против «сцены» (с. 68) — это была, действительно, настоящая «сцена»! — и удалился со съезда, не желая излагать приготовленных им уже возражений по существу доклада. Ушли со съезда и почти все остальные сторонники большинства, подав письменный протест против «недостойного поведения» т. Мартова (с. 75 прот. Лиги).

Приемы борьбы меньшинства выступили перед всеми с полной наглядностью. Меньшинство мы обвиняли в полити-

* См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 41—52; 4 изд., том 7, стр. 57—67, *Ред.*

ческой ошибке на съезде, в повороте к оппортунизму, в коалиции с бундовцами, Акимовыми, Брукэрами, Егоровыми и Маховыми. Меньшинство потерпело поражение на съезде и «выработало» теперь *два* приема борьбы, обнимающие все бесконечное разнообразие отдельных вылазок, атак, нападений и т. д.

Первый прием — дезорганизация всей партийной работы, порча дела, стремление тормозить все и вся «без объяснения причин».

Второй прием — устройство «сцен» и пр. и пр. *

Этот «второй прием борьбы» сказывается и на пресловутых «принципиальных» резолюциях Лиги, в обсуждении которых «большинство», разумеется, не участвовало. Присмотримся к этим резолюциям, которые тов. Мартов перепечатал теперь в своем «Осадном положении».

Первая резолюция, подписанная товарищами Троцким, Фоминым, Дейчем и друг., содержит два тезиса, направленных против «большинства» партийного съезда: 1) «Лига выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что, благодаря проявившимся на съезде тенденциям, по существу идущим вразрез с прежней политикой «Искры», при выработке партийного устава не было обращено должного внимания на создание достаточных гарантий для ограждения независимости и авторитета ЦК» (стр. 83 прот. Лиги).

Этот «принципиальный» тезис сводится, как мы уже видели, к *акимовской* фразе, *оппортунистический* характер которой разоблачал на съезде партии *даже* тов. Попов! По существу дела, уверения в том, что «большинство» не думает ограждать независимость и авторитет ЦК, всегда оставались не более как *сплетней*. Достаточно указать, что, когда мы с Плехановым были в редакции, у нас *не было* в Совете перевеса ЦО над ЦК, а когда мартовцы вошли в редакцию, в Совете *получилось* преобладание ЦО над ЦК! Когда мы были в редакции, в Совете *преобладали русские практики* над заграничными литераторами; у мартовцев оказалось обратное. Когда мы были в редакции, Совет *ни разу* не покушался вмешиваться ни в один *практический* вопрос; со времени единогласной кооптации *началось* такое вмешатель-

* Я уже указывал, что самые низменные формы проявления этих обычных в эмигрантской и ссыльной атмосфере дрызг неразумно было бы сводить к низменным мотивам. Это — своего рода болезнь, эпидемически распространяющаяся при известных ненормальных условиях жизни, при известной расшатанности нервов и т. д. Мне *пришлось* здесь восстановить истинный характер этой системы борьбы, ибо тов. Мартов *целиком повторил* ее в своем «Осадном положении».

ство, как узнает досконально читающая публика в непродолжительном времени.

Следующий тезис разбираемой резолюции: «...съезд при учреждении официальных центров партии игнорировал преемственную связь с фактически сложившимися центрами...»

Этот тезис сводится целиком к вопросу о *личном* составе центров. «Меньшинство» предпочитало обходить то, что старые центры на съезде доказали свою непригодность и наделали ряд ошибок. Но всего комичнее ссылка на «преемственность» по отношению к Организационному комитету. На съезде, как мы видели, ни один человек не заикнулся об утверждении всего состава ОК. На съезде Мартов кричал даже в исступлении, что его позорит список с тремя членами ОК. На съезде «меньшинство» предлагало свой *последний* список с *одним* членом ОК (Попов, Глебов или Фомин и Троцкий), а «большинство» провело список с *двумя* членами ОК из трех (Травинский, Васильев и Глебов). Спрашивается, неужели эта ссылка на «преемственность» может быть названа «принципиальным разногласием»?

Перейдем к другой резолюции, подписанной четырьмя членами старой редакции с товарищем Аксельродом во главе. Здесь мы встречаем все главные обвинения против «большинства», не раз повторенные потом в печати. Рассмотрим их всего удобнее именно в формулировке членов редакторского кружка. Обвинения направлены против «системы самодержавно-бюрократического управления партией», против «централизма бюрократического», который, в отличие от «централизма истинно социал-демократического», определяется следующим образом: он «ставит на первый план не внутреннее объединение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самодеятельности»; он, поэтому, «по самой своей сущности неспособен органически объединить составные элементы общества».

О каком это «обществе» говорит здесь т. Аксельрод с К⁰, один аллах ведает. Тов. Аксельрод, видимо, и сам хорошенько не знал, пишет ли он земский адрес о желательных реформах в управлении, или изливает жалобы «меньшинства». Что *может означать* «самодержавие» в партии, о котором кричат недовольные «редакторы»? Самодержавие есть верховная, бесконтрольная, безответственная, невыборная власть одного лица. Из литературы «меньшинства» очень хорошо известно, что таковым самодержцем считают *меня*, а никого другого. Когда писалась и принималась разбираемая

резолюция, я был в ЦО вместе с Плехановым. Следовательно, тов. Аксельрод с К^о выражает свое убеждение в том, что и Плеханов и все члены ЦК «управляли партией» не согласно их взглядам на пользу дела, а согласно *воле* самодержца Ленина. Обвинение в самодержавном управлении необходимо и неизбежно ведет к признанию всех остальных участников управления, кроме самодержца, простыми орудиями в чужих руках, пешками, исполнителями чужой воли. И мы спрашиваем еще и еще раз: неужели это в самом деле «принципиальное разногласие» почтеннейшего тов. Аксельрода?

Далее. О каком внешнем, формальном единстве говорят здесь наши «члены партии», только что вернувшиеся с партийного съезда, решения которого они торжественно признали законными? Уж не знают ли они другого способа достигать единства в партии, организованной на скольконибудь прочных началах, кроме партийного съезда? Если да, то почему же они не имеют мужества прямо сказать, что второй съезд они уже не признают законным съездом? Почему они не попробуют изложить нам их новые мысли и новые способы достижения единства в якобы организованной якобы партии?

Далее. О каком «подавлении индивидуальной инициативы» говорят наши интеллигенты-индивидуалисты, которых ЦО партии только что перед этим *упрашивал* изложить свои разногласия и которые *вместо этого* торговались о «кооптации»? Как могли, вообще, мы с Плехановым или ЦК подавить инициативу и самостоятельность людей, которые отказывались от *всякой* «деятельности» вместе с нами! Как можно «подавить» кого-либо в таком учреждении или в такой коллегии, где подавляемый *отказался участвовать*? Как могут невыбранные редакторы жаловаться на «систему управления», когда они отказались *«быть управляемыми»*? Мы не могли совершить *никаких* ошибок при руководстве нашими товарищами по той простой причине, что эти товарищи вовсе и не работали под нашим руководством.

Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров, есть фиговый листок, скрашивающий нарушение слова, торжественно данного на съезде. Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие; ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на «механическое» большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть

кооптированным; ты — самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, теплой компании, которая тем энергичнее отстаивает свою кружковщинскую «преемственность», чем неприятнее ей прямое неодобрение съездом этой кружковщины.

Никакого *реального* содержания, кроме указанного, не было и нет в этих криках о бюрократизме*. И именно такой способ борьбы доказывает только лишний раз интеллигентскую неустойчивость меньшинства. Оно хотело убедить партию в неудачном выборе центров. Убедить чем? Критикой той «Искры», которую вели мы с Плехановым? Нет, этого они не в силах были дать. Они хотели убедить посредством отказа части партии работать под руководством ненавистных центров. Но ни одно центральное учреждение ни одной партии в мире не в состоянии будет доказать свою способность руководить теми, кто не хочет подчиняться руководству. Отказ от подчинения руководству центров равняется отказу быть в партии, равняется разрушению партии, это не мера убеждения, а мера *сокрушения*. И именно эта замена убеждения сокрушением показывает отсутствие принципиальной выдержанности, отсутствие веры в свои идеи.

Толкуют о бюрократизме. Бюрократизм можно перевести на русский язык словом: местничество. Бюрократизм означает подчинение интересов *дела* интересам *карьеры*, обращение сугубого внимания на *местечки* и игнорирование работы, свалку за *кооптацию* вместо борьбы за *идеи*. Такой бюрократизм, действительно, безусловно нежелателен и вреден для партии, и я спокойно предоставляю читателю судить, которая из двух борющихся теперь в нашей партии сторон повинна в таком бюрократизме... Говорят о грубо-механических приемах объединения. Разумеется, грубо-механические приемы вредны, но я опять-таки предоставляю судить читателю, можно ли представить себе более грубый и более механический способ борьбы нового направления со старым, как введение лиц в партийные учреждения, раньше чем партию убедили в правильности новых воззрений, раньше чем партии изложили эти воззрения?

Но, может быть, излюбленные меньшинством словечки имеют и некоторое принципиальное значение, выражают некоторый особый круг идей, независимо от того мелкого и частного повода, который послужил, несомненно, исходным

* Достаточно указать, что тов. Плеханов перестал, в глазах меньшинства, быть сторонником «бюрократического централизма» после того, как он произвел благотворительную кооптацию.

пунктом «поворота» в данном случае? Может быть, если отвлечься от свалки из-за «кооптации», эти словечки окажутся все же отражением иной системы воззрений?

Рассмотрим вопрос с этой стороны. Нам придется при этом прежде всего отметить, что первый сделал приступ к такому рассмотрению тов. Плеханов в Лиге, указавший на поворот меньшинства к *анархизму* и *оппортунизму*, и что именно тов. Мартов (очень обижающийся ныне, что не все хотят признать его позицию принципиальной* позицией) предпочел *совершенно обойти* этот инцидент в своем «Осадном положении».

На съезде Лиги был поднят общий вопрос о том, действителен ли устав, вырабатываемый для себя Лигой или комитетом, без утверждения этого устава ЦК? вопреки утверждению ЦК? Казалось бы, вопрос яснее ясного: устав есть формальное выражение организованности, а право организовать комитеты категорически предоставлено § шестым нашего устава партии именно ЦК; устав определяет границы автономии комитета, а решающий голос в определении этих границ имеет центральное, а не местное учреждение партии. Это — азбука, и чистым ребячеством было глубокомысленное рассуждение, что «организовать» не всегда предполагает «утвердить устав» (как будто бы сама Лига не выразила самостоятельно своего желания быть организованной именно на основании формального устава). Но тов. Мартов позабыл даже (на время, надо надеяться) азбуку социал-демократии. По его мнению, требование утверждения устава выражает лишь то, что «прежний революционный искровский централизм замещается бюрократическим» (стр. 95 прот. Лиги), причем т. Мартов в той же речи заявляет, что именно здесь он видит «принципиальную сторону» дела (стр. 96), каковую принципиальную сторону он предпочел обойти в своем «Осадном положении»!

* Нет ничего комичнее, как эта *обида* новой «Искры» по поводу того, что Ленин-де не хочет видеть принципиальных разногласий или отрицает их. Чем принципиальнее относились бы вы к делу, тем скорее рассмотрели бы вы мои повторные указания на поворот к оппортунизму. Чем принципиальнее была бы ваша позиция, тем менее могли бы вы принижать идейную борьбу до местных счетов. Пеняйте на себя, если вы сами сделали все, чтобы помешать рассматривать вас как принципиальных людей. Вот, напр., тов. Мартов, говоря в «Осадном положении» о съезде Лиги, замалчивает спор с Плехановым об анархизме, но зато рассказывает о том, что Ленин — это сверхцентр, что Ленину достаточно мигнуть, чтобы центр распорядился, что ЦК въехал в Лигу на белом коне и т. п. Я далек от сомнения в том, что именно этим выбором темы тов. Мартов доказал свою глубокую идейность и принципиальность.

Тов. Плеханов отвечает Мартову тотчас же, прося воздерживаться от таких, «нарушающих достоинство съезда», выражений, как бюрократизм, помпадурство²¹⁷ и пр. (стр. 96). Происходит обмен замечаний с тов. Мартовым, усматривающим в этих выражениях «принципиальную характеристику известного направления». Тов. Плеханов, как и все сторонники большинства, рассматривал *тогда* эти выражения в их конкретном значении, ясно понимая их не принципиальный, а исключительно «кооптационный», если можно так выразиться, смысл. Он делает, однако, уступку настояниям Мартовых и Дейчей (стр. 96—97) и переходит к *принципиальному* рассмотрению якобы принципиальных взглядов. «Если бы это было так, — говорит он (т. е., если бы комитеты были автономны в создании своей организации, в выработке своего устава), то они были бы автономны по отношению к целому, к партии. Это уже не бундистская точка зрения, а прямо анархическая. В самом деле, анархисты рассуждают так: права индивидуумов не ограничены; они могут прийти в столкновение; каждый индивидуум сам определяет пределы своих прав. Пределы автономии должны быть определены не самой группой, а тем целым, частью которого она является. Наглядным примером нарушения этого принципа может служить Бунд. Значит, пределы автономии определяет или съезд, или та высшая инстанция, которую создал съезд. Власть центрального учреждения должна основываться на нравственном и умственном авторитете. С этим я, конечно, согласен. Всякий представитель организации должен позаботиться, чтобы учреждение имело нравственный авторитет. Но из этого не следует, что если нужен авторитет, то не нужно власти... Противопоставлять авторитету идей авторитет власти, это — анархическая фраза, которой не должно быть здесь места» (98). Эти положения донельзя элементарны, это поистине аксиомы, которые странно даже было ставить на голосование (стр. 102) и которые подвергались сомнению только потому, что «в настоящее время понятия спутались» (там же). Но интеллигентский индивидуализм неизбежно довел меньшинство до желания сорвать съезд, не подчиниться большинству; оправдать же это желание нельзя было иначе как *анархической фразой*. Прекурьезно, что Плеханову меньшинство ничего не могло выразить кроме *жалобы* на употребление чрезмерно сильных выражений вроде оппортунизма, анархизма и проч. Плеханов справедливо высмеял эти жалобы, спросивши, почему это «жоресизм и анархизм употреблять неудобно, а *lèse-majesté* (оскорбление величества) и помпадурство — удобно»? Ответа на эти вопросы

дано не было. Это оригинальное *qui pro quo* * постоянно случается с тт. Мартовым, Аксельродом и К⁰: их новые словечки носят на себе явный отпечаток «сердца»; указание на это их обижает — мы-де принципиальные люди; но если вы *по принципу* отвергаете подчинение части целому, то вы — анархисты, говорят им. Новая обида за сильное выражение! Другими словами: они хотят сражаться с Плехановым, но под тем условием, чтобы он не нападал на них всерьез!

Сколько раз тов. Мартов и всякие другие «меньшевики» занимались не менее детским изобличением меня в следующем «противоречии». Берется цитата из «Что делать?» или из «Письма к товарищу», где говорится об идейном воздействии, о борьбе за влияние и т. п., и противопоставляется «бюрократическое» воздействие посредством устава, «самодержавное» стремление опереться на власть и проч. Наивные люди! Они уже забыли, что *прежде* наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. *Теперь* мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших. Право, даже как-то неловко разжевывать старым своим товарищам такую азбуку, особенно когда чувствуешь, что дело сводится просто к нежеланию меньшинства подчиниться большинству насчет выборов! Но *принципально* все эти бесконечные изобличения меня в противоречии сводятся *целиком* к анархической фразе. Новая «Искра» не прочь пользоваться титулом и правом партийного учреждения, но подчиниться большинству партии ей не хочется.

Если есть принцип в фразах о бюрократизме, если это не анархическое отрицание обязанности со стороны части подчиняться целому, то перед нами — *принцип оппортунизма*, стремящегося ослабить ответственность отдельных интеллигентов перед партией пролетариата, ослабить влияние центральных учреждений, усилить автономию наименее выдержанных партийных элементов, свести организационные отношения к чисто платоническому признанию их на словах. Мы видели это на съезде партии, где Акимовы и Либеры говорили точь-в-точь такие же речи о «чудовищном» централизме, какие полились на съезде Лиги из уст Мартова и К⁰. Что

* — недоразумение. *Ред.*

оппортунизм не случайно, а по самой своей природе, и не в России только, а во всем свете, приводит к мартовским и аксельродовским организационным «взглядам», это мы увидим ниже, при разборе статьи тов. Аксельрода в новой «Искре».

**п) МАЛЕНЬКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ
НЕ ДОЛЖНЫ МЕШАТЬ БОЛЬШОМУ УДОВОЛЬСТВИЮ**

Отклонение Лигой резолюции о необходимости утверждения ее устава со стороны ЦК (стр. 105 протоколов Лиги) было, как все большинство партийного съезда тотчас и отметило, *«вопиющим нарушением устава партии»*. Такое нарушение, если его рассматривать как акт людей принципиальных, было чистейшим анархизмом, в обстановке же после-съездовской борьбы оно неминуемо производило впечатление «сведения счетов» партийного меньшинства с партийным большинством (стр. 112 прот. Лиги), оно означало нежелание подчиняться партии и быть в партии. Отказ Лиги принять резолюцию по заявлению ЦК о необходимости изменить устав (стр. 124—125) неизбежно повел за собой признание *незаконным* собрание, которое желало *числиться* собранием партийной организации и в то же время не подчиняться центральному учреждению партии. Сторонники партийного большинства и покинули немедленно это quasi-партийное собрание, чтобы не участвовать в недостойной комедии.

Интеллигентский индивидуализм, с его платоническим признанием организационных отношений, который обнаружился в шатании мысли по вопросу о § 1 устава, дошел, таким образом, на практике до своего логического, еще в сентябре, т. е. за 1½ месяца, предсказанного мною конца — до *разрушения* партийной организации. И в этот момент, вечером того же дня, когда кончился съезд Лиги, тов. Плеханов заявил своим коллегам из обоих центральных учреждений партии, что он не в силах «стрелять по своим», что «лучше пулю в лоб, чем раскол», что надо во избежание большего зла сделать максимальные личные уступки, из-за которых, в сущности (несравненно больше, чем из-за принципов, проглянувших в неверной позиции по § 1), ведется эта сокрушительная борьба. Чтобы точнее охарактеризовать этот поворот тов. Плеханова, получивший известное общепартийное значение, я считаю более целесообразным опереться не на частные разговоры и не на частные письма (это прибежище на случай крайности), а на собственное изложение дела самим Плехановым перед всей партией, на его статью «Чего не делать» в № 52 «Искры», писанную как раз после съезда

Лиги, после моего выхода из редакции ЦО (1 ноября 1903 г.) и до кооптации мартовцев (26 ноября 1903 г.).

Основная мысль статьи «Чего не делать» состоит в том, что не следует быть в политике прямолинейным, неуместно резким и неуместно неуступчивым, что иногда необходимо, во избежание раскола, уступить и ревизионистам (из сближающихся с нами или из непоследовательных) и анархическим индивидуалистам. Совершенно естественно, что эти абстрактные общие положения вызвали всеобщее недоумение читателей «Искры». Нельзя без смеха читать великолепные и гордые заявления тов. Плеханова (в последующих статьях), что его не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнакомства с диалектикой. На самом деле, статью «Чего не делать», когда она была писана, могли понять только какие-нибудь десять человек в двух женевских предместьях, названия которых начинаются с двух одинаковых первых букв²¹⁸. Беда тов. Плеханова состояла в том, что он пустил в обращение перед десятком тысяч читателей сумму намеков, попреков, алгебраических знаков и загадок, которые были адресованы только к этому десятку лиц, участвовавших во всех перипетиях послесъездовской борьбы с меньшинством. Тов. Плеханов впал в эту беду, потому что нарушил основное положение столь неудачно помянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Именно поэтому и неуместно было облекать в отвлеченную форму весьма конкретную мысль об уступке мартовцам после съезда Лиги.

Уступчивость, выдвинутая как новое боевое словечко тов. Плехановым, законна и необходима в двух случаях: либо тогда, когда уступающий убедился в правоте тех, кто добивается уступки (честные политические деятели в этом случае прямо и открыто признают свою ошибку), либо тогда, когда уступка неразумному и вредному для дела требованию делается для избежания большего зла. Из разбираемой статьи совершенно ясно, что автор имеет в виду второй случай: он прямо говорит об уступке ревизионистам и анархическим индивидуалистам (т. е. мартовцам, как знают теперь все члены партии из протоколов Лиги), уступке, обязательной во избежание раскола. Как видите, якобы новая мысль тов. Плеханова сводится целиком к не очень новой житейской мудрости: маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию, маленькая оппортунистическая глупость и небольшая анархическая фраза лучше, чем большой партийный раскол. Тов. Плеханов ясно видел, когда писал эту статью, что меньшинство представляет из себя

оппортунистическое крыло нашей партии и что борется оно средствами анархическими. Тов. Плеханов выступил с проектом — бороться с этим меньшинством путем личных уступок, вроде того (опять-таки *si licet parva comperere magnis*), как немецкая социал-демократия боролась с Бернштейном. Бебель публично на конгрессах своей партии заявлял, что не знает человека, более поддающегося влиянию среды, чем товарищ Бернштейн (не господин Бернштейн, как любил выражаться раньше товарищ Плеханов, а товарищ Бернштейн): мы возьмем его в свою среду, мы возьмем его в делегаты рейхстага, мы будем бороться против ревизионизма, не воюя с неуместной резкостью (*à la Собакевич-Parvus*) против ревизиониста, мы этого ревизиониста «убьем посредством мягкости» (*kill with kindness*), как охарактеризовал это, помнится, тов. М. Бер (M. Beer) на одном английском социал-демократическом собрании, защищая немецкую уступчивость, миролюбие, мягкость, гибкость и осмотрительность против нападок английского Собакевича-Гайндмана. Вот точно так же и тов. Плеханов пожелал «посредством мягкости убить» маленький анархизм и маленький оппортунизм тт. Аксельрода и Мартова. Правда, наряду с совершенно ясными намеками на «анархических индивидуалистов» тов. Плеханов умышленно неявно выразился насчет ревизионистов, выразился так, как будто он имел в виду рабочедельцев, поворачивающих от оппортунизма к ортодоксии, а не Аксельрода с Мартовым, начавших поворачивать *от ортодоксии к ревизионизму*, но это была невинная военная хитрость*, это было плохенькое фортификационное сооружение, неспособное устоять пред артиллерийским огнем партийной гласности.

И вот, кто ознакомится с конкретной конъюнктурой описываемого политического момента, кто вникнет в психологию

* Об уступках по отношению к тт. Мартынову, Акимову и Брукэру не было и речи после съезда партии. Я не слыхал, чтобы они тоже требовали «кооптации». Я сомневаюсь даже, советовался ли тов. Старовер или тов. Мартов с тов. Брукэром, когда они писали нам свои бумаги и «ноты» от имени «половины партии»... На съезде Лиги тов. Мартов с глубоким возмущением непреклонного политического борца отвергал самую мысль о «соединении с Рязановым или Мартыновым», о возможности «сделки» с ними или хотя бы даже совместной (в качестве редактора) «службы партии» (стр. 53 прот. Лиги). «Мартыновские тенденции» тов. Мартов сурово осуждал на съезде Лиги (стр. 88), а когда тов. Ортодокс тонко намекнул на то, что, пожалуй, Аксельрод с Мартовым «признают право и за тт. Акимовым, Мартыновым и другими собраться, выработать для себя устав и действовать по нему, как им нравится» (стр. 99), то мартовцы стали отрекаться, как Петр от Христа (стр. 100: «опасения тов. Ортодокса» «относительно Акимовых, Мартыновых и т. д.» «не имеют основания»).

тов. Плеханова, тот поймет, что я не мог тогда поступить иначе, чем я поступил. Говорю это по адресу тех сторонников большинства, которые упрекали меня за отдачу редакции. Когда тов. Плеханов повернул после съезда Лиги и из сторонника большинства сделался сторонником примирения во что бы то ни стало, то я обязан был истолковать этот поворот в самом лучшем смысле. Может быть, тов. Плеханов хотел дать в своей статье программу доброго и честного мира? Всякая такая программа сводится к искреннему признанию ошибок обеими сторонами. Какую ошибку указывал тов. Плеханов у большинства? — Неуместную, достойную Собакевича, резкость к ревизионистам. Неизвестно, что имел при этом в виду тов. Плеханов: свою ли остроту насчет ослов или крайне неосторожное, при Аксельроде, упоминание об анархизме и оппортунизме; тов. Плеханов предпочел выразиться «отвлеченно» и притом с киванием на Петра. Это дело вкуса, конечно. Но ведь я признавался в своей личной резкости открыто и в письме к искряку, и на съезде Лиги; как же мог я не признать такой «ошибки» у большинства? Что же касается до меньшинства, то тов. Плеханов ясно указывал их ошибку: ревизионизм (ср. его замечания об оппортунизме на съезде партии и о жоресизме на съезде Лиги) и анархизм, доведший до раскола. Мог ли я препятствовать попытке путем личных уступок и всяческой вообще «kindness» (любезности, мягкости и т. д.) добиться признания этих ошибок и парализования вреда от них? Мог ли я препятствовать такой попытке, когда тов. Плеханов прямо убеждал в статье «Чего не делать» «*щадить противников*» из числа ревизионистов, являющихся ревизионистами «только вследствие некоторой непоследовательности»? И если я не верил в эту попытку, то мог ли я поступить иначе, как сделать личную уступку насчет ЦО и перебраться, для защиты позиции большинства, в ЦК? * Отрицать абсолютно возможность таких попыток и

* Тов. Мартов очень метко выразился на этот счет, сказавши, что я перебрался *avec armes et bagages* (с оружием и багажом. *Ред.*). Тов. Мартов охотно употребляет военные сравнения: поход на Лигу, сражение, неизлечимые раны и пр. и пр. Признаться, я тоже питаю большую слабость к военным сравнениям, особенно в настоящее время, когда с таким захватывающим интересом следишь за вестями с Тихого океана. Но, ведь, если говорить по-военному, тов. Мартов, то дело вот как было. Мы завоевали два форта на съезде партии. Вы атаковали их на съезде Лиги. После первой же легкой перестрелки мой коллега, комендант одной крепости, открывает ворота неприятелю. Я, разумеется, собираю свою маленькую артиллерию и ухожу в другой, почти неукрепленный форт — «отсиживаться» от подавляющего своей численностью неприятеля. Я даже предлагаю мир: где же воевать с двумя державами? Но новые союзники,

брать на одного себя ответственность за грозящий раскол я не мог уже потому, что сам склонен был, в письме от 6 октября, объяснять свалку «личным раздражением». А защищать позицию большинства я считал и считаю своим политическим долгом. Положиться в этом отношении на тов. Плеханова было трудно и рискованно, ибо по всему видно было, что свою фразу: «руководитель пролетариата не вправе поддаваться своим воинственным наклонностям, когда они противоречат политическому расчету» тов. Плеханов готов был диалектически толковать в том смысле, что если уже надо стрелять, то расчетливее (по состоянию женеvской погоды в ноябре) стрелять в большинство... Защищать позицию большинства было необходимо, потому что тов. Плеханов, — в насмешку над диалектикой, которая требует конкретного и всестороннего рассмотрения, — касаясь вопроса о доброй (?) воле революционера, скромно обошел вопрос о *доверии к революционеру*, о вере в такого «руководителя пролетариата», который руководил определенным крылом партии. Говоря об анархическом индивидуализме и советуя «временами» закрывать глаза на нарушение дисциплины, «иногда» уступать интеллигентской распушенности, которая «коренится в чувстве, не имеющем ничего общего с преданностью революционной идее», тов. Плеханов, видимо, забывал, что надо считаться также и с доброй волей большинства партии, что надо предоставить определение *меры* уступок анархическим индивидуалистам *именно практикам*. Насколько легка литературная борьба с детским анархическим вздором, настолько же трудна практическая работа с анархическим индивидуалистом в одной и той же организации. Литератор, который взял бы на себя определение меры возможных анархизму уступок на практике, обнаружил бы этим только свое непомерное, поистине доктринерское, литераторское самомнение. Тов. Плеханов величественно замечал (для ради важности, как выражался Базаров²¹⁹), что в случае нового раскола рабочие перестанут понимать нас, и в то же время сам полагал начало бесконечному ряду таких статей в новой «Искре», которые в своем настоящем, конкретном значении оставались неизбежно непонятными не только для рабочих, но и вообще для всего света. Неудивительно, что член ЦК²²⁰, читавший статью «Чего не делать» в корректуре, предупреждал тов. Плеханова, что его план некоторого сокращения некото-

в ответ на предложение мира, бомбардируют мой «остатний» форт. Я отстреливаюсь. Тогда мой бывший коллега — комендант — с великолепным негодованием восклицает: смотрите-ка, добрые люди, какой у этого Чемберлена недостаток миролюбия!

рой публикации (протоколов съезда партии и съезда Лиги) разрушается именно этой статьей, которая разжигает любопытство, выносит что-то пикантное и в то же время совершенно неясное на суд улицы*, вызывает неизбежно недоумевающие вопросы: «что случилось?». Неудивительно, что именно эта статья тов. Плеханова, вследствие абстрактности его рассуждений и неясности его намеков, вызвала ликование в рядах врагов социал-демократии: и канкан на страницах «Революционной России»²²² и восторженные похвалы последовательных ревизионистов «Освобождения». Источник всех этих забавных и грустных недоразумений, из которых так забавно и так грустно выпутывался потом тов. Плеханов²²³, лежал именно в нарушении основного положения диалектики: разбирать конкретные вопросы надо во всей их конкретности. В частности, восторги г. Струве были совершенно естественны: ему не было дела до тех «хороших» целей (kill with kindness), которые преследовал (но мог и не достигнуть) тов. Плеханов; г. Струве приветствовал и не мог не приветствовать тот поворот в сторону оппортунистического крыла нашей партии, который начался в новой «Искре», как видят теперь все и каждый. Не одни только русские буржуазные демократы приветствуют каждый, хотя бы самый мелкий и временный, поворот к оппортунизму во всех социал-демократических партиях. В оценке умного врага реже всего бывает сплошное недоразумение: скажи мне, кто тебя хвалит, и я тебе скажу, в чем ты ошибся. И напрасно рассчитывает тов. Плеханов на невнимательного читателя, думая представить дело так, что большинство безусловно восставало против личной уступки насчет кооптации, а не против перехода с левого крыла партии на правое. Вовсе не в том суть, что тов. Плеханов, во избежание раскола, сделал личную уступку (это весьма похвально), а в том, что, вполне признавши необходимость спорить с непоследовательными ревизионистами и анархическими индивидуалистами, он предпочел спорить с большинством, с которым он разошелся из-за меры возможных практических уступок анархизму. Вовсе не в том суть,

* Мы спорили горячо и страстно в некотором закрытом помещении. Вдруг один из нас вскакивает, распахивает окно на улицу и начинает кричать против Собакевичей, анархических индивидуалистов, ревизионистов и пр. Естественно, что на улице собралась толпа любопытных зевак и что враги наши принялись злорадствовать. Другие участники спора тоже подходят к окну, выражая желание рассказать дело толково с самого начала и без намеков на то, чего не ведает никто. Тогда окно захлопывается: не стоит-де говорить о дразгах («Искра» № 53, стр. 8, столб. 2, строка 24 снизу). Не стоило начинать в «Искре» разговора о «дразгах», тов. Плеханов²²¹, — вот это будет правда!

что тов. Плеханов изменил личный состав редакции, а в том, что он изменил своей позиции спора с ревизионизмом и анархизмом, перестал отстаивать эту позицию в ЦО партии.

Что касается до ЦК, который *тогда* выступал в качестве единственного организованного представителя большинства, то с ним (ЦК) тов. Плеханов разошелся тогда *исключительно из-за меры возможных практических уступок анархизму*. Прошел почти месяц с 1 ноября, когда я своим уходом развязал руки политике *kill with kindness*. Тов. Плеханов имел полнейшую возможность путем всяческих сношений проверить пригодность этой политики. Товарищ Плеханов выпустил в это время в свет статью «Чего не делать», которая была — *и остается* — единственным, так сказать, входным билетом мартовцев в редакцию. Лозунги: ревизионизм (с которым следует спорить, щадя противника) и анархический индивидуализм (который надо обхаживать, убивая посредством мягкости) напечатаны на этом билете внушительным курсивом. Пожалуйста, господа, милости просим, я вас убью посредством мягкости, — вот что говорит тов. Плеханов этим пригласительным билетом своим новым коллегам по редакции. Естественно, что ЦК оставалось только сказать свое последнее слово (ультиматум, это и значит: последнее слово о возможном мире) о мере допустимых, с его точки зрения, практических уступок анархическому индивидуализму. Либо вы хотите мира, — и тогда вот вам такое-то количество местечек, доказывающих нашу мягкость, миролюбие, уступчивость etc. (больше не можем дать, гарантируя мир в партии, мир не в смысле отсутствия споров, а в смысле неразрушения партии анархическим индивидуализмом), берите эти местечки и поворачивайте помаленьку опять от Акимова к Плеханову. Либо вы хотите отстоять и развивать свою точку зрения, повернуть окончательно (хотя бы в области организационных только вопросов) к Акимову, убедить партию в правоте вашей против Плеханова, — тогда берите себе литературную группу, получайте представительство на съезде и начинайте честной борьбой, открытой полемикой завоевывать себе большинство. Эта альтернатива, совершенно ясно поставленная перед мартовцами в ультиматуме Центрального Комитета от 25 ноября 1903 г. (см. «Осадное положение» и «Комментарий к протоколам Лиги» *), нахо-

* Я, разумеется, оставляю без разбора тот клубок, который напутал Мартов в «Осадном положении» около этого ультиматума ЦК, ссылаясь на частные разговоры etc. Это — характеризованный мною в предыдущем § «второй прием борьбы», разбирать каковой с надеждой на успех мог бы

дится в полнейшем соответствии с моим и Плеханова письмом от 6 октября 1903 г. к бывшим редакторам: либо личное раздражение (и тогда можно, *на худой конец*, и «кооптировать»), либо принципиальное расхождение (и тогда надо *сначала* убедить партию, а потом уже заговаривать о переделке личного состава центров). Предоставить решение этой деликатной дилеммы самим мартовцам ЦК мог тем более, что *именно в то время* тов. Мартов писал в своем *profession de foi* * («Еще раз в меньшинстве») следующие строки:

«Меньшинство претендует на одну честь — дать первый в истории нашей партии пример того, что можно, оказавшись «побежденными», не образовать новой партии. Такая позиция меньшинства вытекает из всех его взглядов на организационное развитие партии, она вытекает из сознания своей крепкой связи с предыдущей партийной работой. Меньшинство не верит в мистическую силу «бумажных революций» и видит в глубокой жизненной обоснованности своих стремлений залог того, что чисто идейной пропагандой внутри партии оно добьется торжества своих организационных принципов». (Курсив мой.)

Какие это прекрасные, гордые слова! И как горько было убедиться на опыте, что это — *только слова...* Вы уже меня извините, товарищ Мартов, а теперь я заявляю претензию от имени большинства на эту «честь», которой *вы не заслужили*. Честь эта будет действительно большая, из-за которой стоит повоевать, потому что традиции кружковщины оставили нам

только специалист по невропатологии. Достаточно сказать, что тов. Мартов настаивает там на соглашении с ЦК о неопубликовании переговоров, какового соглашения, несмотря на все розыски, до сих пор не отыскано. Тов. Травинский, ведущий переговоры от имени ЦК, письменно сообщил мне, что считает меня вправе печатать вне «Искры» мое письмо в редакцию.

Одно только словечко тов. Мартова особенно мне понравилось. Это словечко — «бонапартизм худшего сорта». Я нахожу, что тов. Мартов выдвинул эту категорию весьма кстати. Давайте посмотрим хладнокровно, что означает это понятие. По-моему, оно означает приобретение власти путем *формально* законным, но *по существу дела* вопреки воле народа (или партии). Не так ли, тов. Мартов? А если так, то я спокойно предоставляю публике судить, с чьей стороны был этот «бонапартизм худшего сорта», со стороны ли Ленина и Игрека, которые могли воспользоваться своим *формальным* правом не пускать мартовцев, опираясь притом на волю II съезда, но *не воспользовались* этим правом; — или же со стороны тех, кто *формально правильно* занял редакцию («единогласная кооптация»), зная, что это *по существу* не отвечает воле II съезда, и боясь проверки этой воли III съездом?

* — символ веры, программа, изложение миросозерцания, *Ред.*

в наследие необыкновенно легкие расколы и необыкновенно усердное применение правила: либо в зубы, либо ручку пожалуйте.

Большое удовольствие (иметь единую партию) должно было перевесить и перевесило маленькие неприятности (в виде дразг из-за кооптации). Я ушел из ЦО, товарищ Игрэк (делегированный мной и Плехановым в Совет партии от редакции ЦО) ушел из Совета. Мартовцы ответили на последнее слово ЦК о мире письмом (см. цитированные издания), равносильным объявлению войны. Тогда, и только тогда, я пишу письмо в редакцию (№ 53 «Искры») о гласности*. Если, дескать, говорить о ревизионизме, спорить о непоследовательности и об анархическом индивидуализме, о поражении разных руководителей, то давайте, господа, расскажем все, без утайки, как дело было — вот содержание этого письма о гласности. Редакция отвечает на него сердитой бранью и великолепным назиданием: не смей поднимать *«мелочи и дразги кружковой жизни»* (№ 53 «Искры»). Ах, вот как, думаю про себя: «мелочи и дразги кружковой жизни»... *es ist mir recht*, господа, с этим-то я согласен. Ведь это значит, что возня с «кооптацией» прямо относится вами к *кружковым дразгам*. Это правда. Но что же это за диссонанс, если в передовой статье того же № 53, та же (будто бы та же) редакция поднимает толки о бюрократизме, формализме и прочем**. Ты не смеешь поднимать вопроса о борьбе за кооптацию в ЦО, ибо это дразги. А мы будем поднимать вопрос о кооптации в ЦК и называть это не дразгой, а принципиальным расхождением о «формализме». — Нет уже, думаю, дорогие товарищи, позвольте вам этого не позволить. Вы хотите стрелять по моему форту, а от меня требуете выдать вам артиллерию. Шутники! И я пишу и печатаю отдельно от «Искры» «Письмо в редакцию» («Почему я вышел из редакции «Искры»?»)***, рассказываю там вкратце, как дело было, и осведомляюсь паки и паки, возможен ли мир на основании такого распределения: вам Центральный Орган, нам Центральный Комитет. Ни одна сторона не будет себя

* См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 93—97; 4 изд., том 7, стр. 98—101. *Ред.*

** Как оказалось впоследствии, «диссонанс» объясняется весьма просто диссонансом в составе редакции ЦО. О «дразгах» писал Плеханов (см. его признание в «Грустном недоразумении», № 57), а передовую «Наш съезд» — Мартов («Осадное положение», стр. 84). Кто в лес, кто по дрова.

*** См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 98—104; 4 изд., том 7, стр. 102—108. *Ред.*

чувствовать «чужой» в своей партии, и мы поспорим насчет поворота к оппортунизму, поспорим сначала в литературе, а потом, может быть, и на третьем съезде партии.

В ответ на упоминание о мире последовало открытие огня из всех неприятельских батарей, вплоть до Совета включительно. Заряды посыпались градом. Самодержец, Швейцер, бюрократ, формалист, сверхцентр, односторонний, прямолинейный, упрямый, узкий, подозрительный, неуживчивый... Очень хорошо, друзья мои! Вы кончили? У вас больше ничего нет в запасе? Плохи же ваши заряды...

Теперь слово за мною. Посмотрим на *содержание* новых организационных взглядов новой «Искры» и на отношение этих взглядов к тому делению нашей партии на «большинство» и «меньшинство», истинный характер которого мы показали анализом прений и голосований второго съезда.

р) НОВАЯ «ИСКРА». ОППОРТУНИЗМ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ВОПРОСАХ

За основу разбора принципиальной позиции новой «Искры» следует взять, несомненно, два фельетона т. Аксельрода *. Конкретное значение целого ряда излюбленных им словечек мы уже показали подробно выше и должны постараться теперь отвлечься от этого конкретного значения, вникнуть в тот ход мысли, который заставил «меньшинство» (по тому или иному мелкому и мелочному поводу) прийти именно к этим, а не к другим каким-либо лозунгам, рассмотреть принципиальное значение этих лозунгов независимо от их происхождения, независимо от «кооптации». Мы живем теперь под знаком уступчивости: сделаем же уступку товарищу Аксельроду и «возьмем всерьез» его «теорию».

Основной тезис тов. Аксельрода (№ 57 «Искры») тот, что «наше движение с самого начала скрывало в себе две противоположные тенденции, взаимный антагонизм которых не мог не развиваться и не отражаться на нем параллельно с его собственным развитием». Именно: «принципиально, пролетарская цель движения (в России) та же, что и у западной социал-демократии». Но у нас воздействие на рабочие массы исходит «со стороны чуждого им социального элемента» — радикальной интеллигенции. Итак, тов. Аксельрод констатирует антагонизм между пролетарскими и радикально-интеллигентскими тенденциями в нашей партии.

* Эти фельетоны вошли в сборник ««Искра» за два года», ч. II, стр. 122 и сл. (СПБ., 1906). (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

В этом тов. Аксельрод безусловно прав. Наличие этого антагонизма (и не в одной только русской социал-демократической партии) не подлежит сомнению. Мало того. Всем и каждому известно, что именно этот антагонизм в значительной степени и объясняет то деление современной социал-демократии на революционную (ортодоксальную тож) и оппортунистическую (ревизионистскую, министриалистскую, реформистскую), которое вполне обнаружилось и в России за последние десять лет нашего движения. Всем известно также, что именно пролетарские тенденции движения выражает ортодоксальная, а демократически-интеллигентские — оппортунистическая социал-демократия.

Но тов. Аксельрод, подойдя вплотную к этому общеизвестному факту, начинает боязливо пятиться. Он не делает *ни малейшей попытки* проанализировать, как проявилось указанное деление в истории русской социал-демократии вообще и на нашем партийном съезде в частности, — хотя пишет т. Аксельрод именно по поводу съезда! Как и вся редакция новой «Искры», т. Аксельрод проявляет *смертельную боязнь* перед протоколами этого съезда. Это не должно нас удивлять, после всего изложенного выше, но со стороны «теоретика», исследующего якобы разные тенденции в нашем движении, это является оригинальным случаем *правдобоязни*. Отодвинув от себя, в силу этого своего свойства, самый новый и самый точный материал о тенденциях нашего движения, тов. Аксельрод ищет спасения в области приятных мечтаний. «Ведь дал же легальный или полумарксизм литературного вождя нашим либералам, — говорит он. — Почему бы проказнице-истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального, революционного марксизма?» По поводу этого, приятного для тов. Аксельрода, мечтания мы можем только сказать, что если истории случается проказничать, то это не оправдывает *проказ мысли* у того, кто берется за анализ этой истории. Когда из вождя полумарксизма проглядывал либерал, то люди, желавшие (*и умевшие*) проследить его «тенденции», ссылались не на возможные проказы истории, а на десятки и сотни образчиков психологии и логики этого вождя, на те особенности всей его литературной физиономии, которые выдавали отражение марксизма в буржуазной литературе²²⁴. Если же тов. Аксельрод, взявшийся проанализировать «общереволюционные и пролетарские тенденции в нашем движении», не сумел *ничем, ну ровнехонько-таки ничем* доказать и показать у таких-то и таких-то представителей ненавистного ему ортодоксального крыла партии известные тенденции, то

он этим выдал лишь себе торжественное свидетельство о бедности. Должно быть, уже совсем плохи дела тов. Аксельрода, если остается ссылаться лишь на возможные проказы истории!

Другая ссылка тов. Аксельрода — на «якобинцев» — еще более поучительна. Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что деление современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую давно уже, и не в одной только России, подало повод к «историческим аналогиям эпохи великой французской революции». Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что *жирондисты современной социал-демократии* везде и всегда прибегают к терминам «якобинство», «бланкизм» и т. п. для характеристики своих противников. Не будем же подражать правдобоязни тов. Аксельрода и посмотрим на протоколы нашего съезда: нет ли в них материала для анализа и проверки рассматриваемых нами тенденций и разбираемых нами аналогий.

Первый пример. Спор о программе на партийном съезде. Тов. Акимов («вполне согласный» с тов. Мартыновым) заявляет: «абзац о завоевании политической власти (о диктатуре пролетариата) получил, по сравнению со всеми другими социал-демократическими программами, такую редакцию, что может быть истолкован и действительно толковался Плехановым в том смысле, в котором роль руководящей организации должна будет отодвинуть назад руководимый ею класс и обособить первую от второго. И формулировка наших политических задач, поэтому, совершенно такая же, как у «Народной воли»» (стр. 124 прот.). Тов. Акимову возражают тов. Плеханов и другие искровцы, упрекая его в оппортунизме. Не находит ли т. Аксельрод, что этот спор показывает нам (на деле, а не в воображаемых проказах истории) антагонизм *современных якобинцев* и *современных жирондистов* в социал-демократии? И не потому ли заговорил тов. Аксельрод о якобинцах, что он оказался (в силу сделанных им ошибок) в компании *жирондистов* социал-демократии?

Второй пример. Тов. Посадовский поднимает вопрос о «серьезном разногласии» по «основному вопросу» об «абсолютной ценности демократических принципов» (стр. 169). Вместе с Плехановым он отрицает их абсолютную ценность. Лидеры «центра» или болота (Егоров) и антиискровцев (Гольдблат) решительно восстают против этого, видя у Плеханова «подражание буржуазной тактике» (стр. 170) — это именно идея тов. Аксельрода о связи ортодоксии с буржуазной тенденцией, с тем лишь отличием, что у Аксельрода эта

идея висит в воздухе, а у Гольдблата связана с определенными дебатами. Мы спрашиваем еще раз: не находит ли т. Аксельрод, что и этот спор показывает нам *воочию*, на нашем партийном съезде, антагонизм якобинцев и жирондистов современной социал-демократии? Не потому ли кричит тов. Аксельрод против якобинцев, что он оказался в компании жирондистов?

Третий пример. Споры о § 1 устава. Кто отстаивает *«пролетарские тенденции в нашем движении»*, кто подчеркивает, что рабочий не боится организации, что пролетарий не сочувствует анархии, что он ценит стимул *«организовуйтесь!»*, кто предостерегает от буржуазной интеллигенции, насквозь пропитанной оппортунизмом? *Якобинцы социал-демократии*. И кто протаскивает в партию радикальную интеллигенцию, кто заботится о профессорах, гимназистах, об одиночках, о радикальной молодежи? *Жирондист Аксельрод вместе с жирондистом Либером*.

Неискусно же защищается т. Аксельрод от «ложного обвинения в оппортунизме», которое открыто распространялось на нашем партийном съезде против большинства группы «Освобождение труда»! Он защищается так, что подтверждает обвинение своим перепевом избитой бернштейнианской мелодии о якобинстве, бланкизме и проч.! Он кричит об опасности радикальной интеллигенции, чтобы заглушить свои собственные речи на партийном съезде, дышащие заботой об этой интеллигенции.

Ровно ничего, кроме *оппортунизма*, не выражают эти «страшные словечки»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть *оппортунист*. Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в заговорщических организациях, когда мысль о сужении политической борьбы до заговора опровергнута тысячи раз в литературе, опровергнута и вытеснена давно жизнью; когда кардинальная важность массовой политической агитации выяснена и разжевана до тошноты. Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или иная обнаружившаяся черта практического движения (как давно и тщетно старается показать Бернштейн и К^о), а жирондистская робость буржуазного интеллигента, психология которого так часто прорывается среди современных социал-демократов. Нет ничего

комичнее, как эти потуги новой «Искры» сказать *новое слово* (сказанное в свое время сотни раз) в виде предостережения от тактики французских революционеров-заговорщиков сороковых и шестидесятых годов (№ 62, передовая) ²²⁵. В ближайшем номере «Искры» жирондисты современной социал-демократии укажут нам, вероятно, такую группу французских заговорщиков сороковых годов, для которой значение политической агитации в рабочих массах, значение рабочих газет, как основы воздействия на класс со стороны партии, являлось бы давно заученной и разученной азбукой.

Стремление новой «Искры» под видом новых слов твердить зады и пережевывать азбуку является, однако, вовсе не случайностью, а неизбежным следствием того положения, в котором оказались Аксельрод и Мартов, попавшие в оппортунистическое крыло нашей партии. Положение обязывает. Приходится повторять оппортунистические фразы, приходится *пятиться назад*, чтобы в *далеком прошлом* попытаться найти хоть какое-нибудь оправдание своей позиции, незащитимой с точки зрения съездовской борьбы и сложившихся на съезде оттенков и делений партии. К акимовскому глубоко-мыслию насчет якобинства и бланкизма товарищ Аксельрод присоединяет акимовские же сетования насчет того, что не только «экономисты», но и «политики» были «односторонни», чересчур «увлекались» и пр., и пр. Читая выпренные рассуждения на эту тему в новой «Искре», чванливо претендующей на то, что она стоит выше всех этих односторонностей и увлечений, с недоумением спрашиваешь себя: с кого они портреты пишут? где разговоры эти слышат? ²²⁶ Да кто же не знает, что деление русских социал-демократов на экономистов и политиков уж давно отжило свой век? Пересмотрите «Искру» за последний год-два перед съездом партии, и вы увидите, что борьба с «экономизмом» стихает и прекращается совершенно еще в 1902 году, вы увидите, что, например, в июле 1903 года (№ 43) о «временах экономизма» говорят, как об «окончательно пережитых», экономизм считают «окончательно похороненным», увлечения политиков рассматривают как очевидный атавизм. С какой же стати новая редакция «Искры» возвращается к этому окончательно похороненному делению? Неужели мы боролись на съезде с Акимовыми за те ошибки, которые они делали два года тому назад в «Рабочем Деле»? Если бы мы поступали так, то мы были бы круглыми идиотами. Но всякий знает, что мы поступали не так, что мы боролись с Акимовыми на съезде не за их старые, окончательно похороненные ошибки «Рабочего Дела», а за те *новые ошибки*, которые они делали в своих рассуждениях и в

своих голосованиях на съезде. Не по их позиции в «Рабочем Деле», а по их позиции на съезде судили мы о том, какие ошибки действительно пережиты и какие еще живут и вызывают необходимость споров. Ко времени съезда не существовало уже старого деления на экономистов и политиков, но продолжали еще существовать разнообразные оппортунистические тенденции, которые выразились в прениях и голосованиях по ряду вопросов и которые привели в конце концов к новому делению партии на «большинство» и «меньшинство». Вся суть в том, что новая редакция «Искры» стремится, в силу легко понятных причин, затушевать связь этого нового деления с *современным* оппортунизмом в нашей партии, и что она поэтому вынуждена пятиться назад от нового деления к старому. Неумение объяснить политическое происхождение нового деления (или желание, во имя уступчивости, набросить флер* на это происхождение) заставляет пережевывать жвачку относительно давно отжитого старого деления. Всем и каждому известно, что в основе нового деления лежит расхождение по вопросам *организационным*, начавшееся спором о принципах организации (§ 1 устава) и закончившееся «практикой», достойной анархистов. В основе старого деления на экономистов и политиков лежало расхождение по вопросам, главным образом, *тактическим*.

Это отступление от более сложных, действительно современных и насущных вопросов партийной жизни к вопросам, давно решенным и выкапываемым искусственно, новая «Искра» старается оправдать забавным глубокомыслием, которое нельзя назвать иначе, как хвостизмом. С легкой руки тов. Аксельрода через все писания новой «Искры» красной нитью проходит та глубокая «мысль», что содержание важнее формы, программа и тактика важнее организации, что «жизнеспособность организации прямо пропорциональна объему и значению того содержания, которое она внесет в движение», что централизм не есть «нечто самодовлеющее»,

* См. статью Плеханова об «экономизме» в № 53 «Искры». В подзаголовке этой статьи вкралась, видимо, маленькая опечатка. Вместо: «мысли вслух по поводу второго съезда партии» надо, очевидно, читать: «по поводу съезда *Лиги*» или, пожалуй, «по поводу *кооптации*». Насколько уместна, при известных условиях, уступчивость насчет личных претензий, настолько недопустимо (с партийной, а не обывательской точки зрения) смешение волнующих партию вопросов, подмен вопроса о новой ошибке Мартова и Аксельрода, начавших поворачивать от ортодоксии к оппортунизму, — вопросом о старой (никем, кроме новой «Искры», не вспоминаемой теперь) ошибке Мартыновых и Акимовых, готовых, может быть, ныне повернуть во многих вопросах программы и тактики от оппортунизма к ортодоксии.

не есть «талисман всеспасающий» и пр., и пр. Глубокие, великие истины! Программа, действительно, важнее тактики, тактика важнее организации. Азбука важнее этимологии, этимология важнее синтаксиса, — но что сказать о людях, которые срезались на экзамене по синтаксису и теперь важничают и хвастаются тем, что они остались на второй год в низшем классе? Тов. Аксельрод рассуждал о принципиальных вопросах организации, как оппортунист (§ 1), а действовал в организации, как анархист (съезд Лиги), — и теперь он углубляет социал-демократию: зелен виноград! Собственно, что такое организация? ведь это лишь форма; что такое централизм? ведь это не талисман; что такое синтаксис? ведь это менее важно, чем этимология, это лишь форма соединения элементов этимологии... «Не согласится ли с нами тов. Александров, — победоносно вопрошает новая редакция «Искры», — если мы скажем, что выработкой партийной программы съезд гораздо более содействовал централизации партийной работы, чем принятием устава, сколь совершенным ни казался бы этот последний?» (№ 56, приложение). Надо надеяться, что это классическое изречение получит не менее широкую и не менее прочную историческую известность, чем знаменитая фраза тов. Кричевского о том, что социал-демократия, подобно человечеству, всегда ставит себе осуществимые задачи. Ведь это глубокомыслие новой «Искры» совершенно такого же пошиба. За что осмеивали фразу т. Кричевского? За то, что он оправдывал ошибку известной части социал-демократов в вопросах тактики, неумение правильно поставить политические задачи, — пошлостью, выдаваемой за философию. Точь-в-точь так же и новая «Искра» оправдывает ошибку известной части социал-демократов в вопросах организации, интеллигентскую неустойчивость известных товарищей, доведшую их до анархической фразы, — пошлостью, что-де программа важнее устава, что программные вопросы важнее организационных! Ну, разве же это не хвостизм? Разве это не хвастовство по поводу того, что люди остались на второй год в низшем классе?

Принятие программы более содействует централизации работы, чем принятие устава. Как пахнет эта пошлость, выдаваемая за философию, духом радикального интеллигента, гораздо более близкого к буржуазному декадентству, чем к социал-демократизму! Ведь слово централизация в этой знаменитой фразе понимается в смысле совсем уже *символическом*. Если авторы этой фразы не умеют или не хотят думать, то пусть бы хоть они вспомнили, по крайней

мере, тот простой факт, что принятие программы вместе с бундовцами не только не привело к централизации нашей общей работы, а и не предоохранило нас от раскола. Единство в вопросах программы и в вопросах тактики есть необходимое, но еще недостаточное условие партийного объединения, централизации партийной работы (господи боже мой! какую азбуку приходится, по нынешним временам, когда все понятия спутались, разжевывать!). Для этого последнего необходимо еще единство организации, немыслимое в сколько-нибудь выросшей из рамок семейного кружка партии без оформленного устава, без подчинения меньшинства большинству, без подчинения части целому. Пока у нас не было единства в основных вопросах программы и тактики, мы прямо и говорили, что живем в эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявляли, что, прежде чем объединяться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формах совместной организации, а толковали исключительно о новых (тогда действительно новых) вопросах программной и тактической борьбы с оппортунизмом. Теперь эта борьба, по общему нашему признанию, обеспечила уже достаточное единство, сформулированное в партийной программе и в партийных резолюциях о тактике; теперь нам надо сделать следующий шаг, и мы его, по общему нашему согласию, сделали: выработали *формы* единой, сливающей все кружки воедино, организации. Нас оттащили теперь назад, разрушив наполовину эти формы, оттащили к анархическому поведению, к анархической фразе, к восстановлению кружка вместо партийной редакции, и теперь оправдывают этот шаг назад тем, что азбука более содействует грамотной речи, чем знание синтаксиса!

Философия хвостизма, процветавшая три года тому назад в вопросах тактики, воскресает теперь в применении к вопросам организации. Возьмите такое рассуждение новой редакции. «Боевое социал-демократическое направление, — говорит тов. Александров, — в партии должно проводиться не одной идейной борьбой, но и определенными формами организации». Редакция поучает нас: «Недурно это сопоставление идейной борьбы и форм организации. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только... формы» (ей-богу, так и напечатано в № 56, приложение, стр. 4, столб. 1, внизу!), «долженствующие облекать текучее, развивающееся содержание, — развивающуюся практическую работу партии». Это уже совершенно в духе анекдота о том, что ядро есть ядро, а бомба есть бомба. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы, облекающие содержание! Вопрос идет о том, будет ли наша идейная борьба обле-

каться формами *более высокими*, формами обязательной для всех партийной организации, или формами старого разброда и старой кружковщины. Нас оттащили назад от более высоких форм к более примитивным формам и оправдывают это тем, что идейная борьба есть процесс, а формы — это только формы. Точь-в-точь так же тов. Кричевский во времена оны тащил нас назад от тактики-плана к тактике-процессу.

Возьмите эти претенциозные фразы новой «Искры» о «самовоспитании пролетариата», противопоставляемые тем, кто якобы из-за формы способен проглядеть содержание (№ 58, передовая). Разве это не акимовщина номер второй? Акимовщина номер первый оправдывала отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в постановке тактических задач ссылками на более «глубокое» содержание «пролетарской борьбы», ссылками на самовоспитание пролетариата. Акимовщина номер второй оправдывает отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в вопросах теории и практики организации такими же глубокомысленными ссылками на то, что организация есть лишь форма и что вся суть в самовоспитании пролетариата. Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа пекущиеся о меньшем брате! Пролетариат не станет пещись о том, чтобы гг. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию, признавались членами партии за работу под контролем организации. Пролетариат воспитывается к организации всей своей жизнью гораздо радикальнее, чем многие интеллигентики. Пролетариат, сколько-нибудь сознавший нашу программу и нашу тактику, не станет оправдывать отсталость в организации ссылками на то, что форма менее важна, чем содержание. Не пролетариату, а некоторым интеллигентам в нашей партии недостает самовоспитания в духе организации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе. Акимовы номер второй так же клеветают на пролетариат по вопросу о неподготовленности к организации, как клеветали на него Акимовы номер первый по вопросу о неподготовленности к политической борьбе. Пролетарий, ставший сознательным социал-демократом и почувствовавший себя членом партии, с таким же презрением отвергнет хвостизм в организационных вопросах, с каким он отверг хвостизм в вопросах тактики.

Возьмите, наконец, глубокомыслие «Практика» новой «Искры». «Настоящим образом понятая идея «боевой» централистической организации, — говорит он, — объединяющей и централизирующей *деятельность*» (углубляющий курсив) «революционеров, естественно претворяется в жизнь лишь при

наличности этой деятельности» (и ново и умно); «сама организация, как форма» (слушайте, слушайте!), «может вырастать лишь *одновременно*» (курсив автора, как и везде в этой цитате) «с ростом революционной работы, составляющей ее содержание» (№ 57). Не напоминает ли это паки и паки того героя народного эпоса, который при виде похоронной процессии кричал: таскать вам не перетаскать? Наверное, в нашей партии не найдется ни одного практика (без кавычек), который бы не понимал, что именно форма нашей деятельности (т. е. организация) давным-давно отстает, и отчаянно отстает, от содержания, что крики по адресу отстающих людей: идите в ногу! не опережайте! — достойны одних только партийных Иванушек. Попробуйте сравнить хотя бы, например, нашу партию с Бундом. Не подлежит ни малейшему сомнению, что *содержание** работы нашей партии неизмеримо богаче, разностороннее, шире и глубже, чем у Бунда. Крупнее теоретический размах, развитее программа, шире и глубже воздействие на рабочие массы (а не на одних только организованных ремесленников), разностороннее пропаганда и агитация, живее пульс политической работы у передовиков и рядовых, величественнее *народные* движения при демонстрациях и всеобщих стачках, энергичнее деятельность среди непролетарских слоев. А «форма»? «Форма» нашей работы отстала, по сравнению с бундовской, непозволительно, отстала до того, что это колет глаза, вызывает краску стыда у всякого, кто не смотрит на дела своей партии «ковыряя в носу». Отсталость организации работы по сравнению с ее содержанием — наше больное место, и она была больным местом еще задолго до съезда, задолго до образования ОК. Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом. Все исстрадались от этого несоответствия, — а тут являются Аксельроды и «Практики» новой «Искры» с глубокомысленной проповедью: форма должна естественно вырастать лишь одновременно с содержанием!

* Я уже не говорю о том, что *содержание* нашей партийной работы намечено (в программе и пр.) на съезде в духе революционной социал-демократии лишь *ценой борьбы*, борьбы с теми самыми антиискровцами и тем самым болотом, представители которого численно преобладают в нашем «меньшинстве». Интересно также, по вопросу о «содержании», сравнить, к примеру, скажем, шесть номеров старой «Искры» (№№ 46—51) и двенадцать номеров новой «Искры» (№№ 52—63). Но это когда-нибудь в другой раз.

Вот куда приводит маленькая ошибка по организационному вопросу (§ 1), если вы вздумаете *углублять* вздор и философски обосновывать оппортунистическую фразу. Медленным шагом, робким зигзагом! ²²⁷ — мы слышали этот мотив в применении к вопросам тактики; мы слышим его теперь в применении к вопросам организации. *Хвостизм в организационных вопросах* представляет из себя естественный и неизбежный продукт психологии *анархического индивидуалиста*, когда этот последний начинает возводить в *систему воззрений*, в особые *принципиальные разногласия* свои (вначале, может быть, случайные) анархические уклоны. На съезде Лиги мы видели начало этого анархизма, в новой «Искре» мы видим попытки возведения его в систему воззрений. Попытки эти замечательно подтверждают высказанное уже на съезде партии соображение о различии точек зрения буржуазного интеллигента, присоединяющегося к социал-демократии, и пролетария, сознавшего свои классовые интересы. Напр., тот же «Практик» новой «Искры», с глубокомыслием которого мы уже познакомились, изобличает меня в том, что партия представляется мне «как огромная фабрика» с директором, в виде ЦК, во главе ее (№ 57, приложение). «Практик» и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово сразу выдает психологию буржуазного интеллигента, не знакомого ни с практикой, ни с теорией пролетарской организации. Именно фабрика, которая кажется иному одним только пугалом, и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе». Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, который немецкие социал-демократы называют *Edelanarchismus*, т. е. анархизм «благородного» господина, барский анархизм, как я бы сказал. Русскому нигилисту этот

барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики» (причем особенно убийственным видом этого превращения считается превращение редакторов в сотрудников), упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу «формалистов») замечание, что можно бы и вовсе без устава.

Это невероятно, но это — факт: именно такое назидательное замечание делает мне тов. Мартов в № 58 «Искры», ссылаясь, для вящей убедительности, на мои же собственные слова из «Письма к товарищу». Ну разве это не «барский анархизм», разве это не хвостизм, когда примерами из эпохи разброда, эпохи кружков *оправдывают* сохранение и прославление кружковщины и анархии в эпоху партийности?

Почему не нужны нам были раньше уставы? Потому что партия состояла из отдельных кружков, не связанных вместе никакой организационной связью. Переход из кружка в кружок был делом одной только «доброй воли» того или другого индивидуума, не имевшего перед собой никакого оформленного выражения воли целого. Спорные вопросы внутри кружков решались не по уставу, *«а борьбой и угрозой уйти»*: так выразился я в «Письме к товарищу»*, основываясь на опыте ряда кружков вообще и, в частности, нашей собственной редакционной шестерки. В эпоху кружков такое явление было естественно и неизбежно, но никому не приходило в голову восхвалять его, считать идеалом, все жаловались на этот разброд, все тяготились им и жаждали слияния разрозненных кружков в оформленную партийную организацию. И теперь, когда это слияние состоялось, нас тащат назад, нас угощают — под видом высших организационных взглядов — анархической фразой! Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и изменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного «процесса» идейной борьбы. Барский анархизм не понимает, что формальный устав необходим именно для замены узких кружковых связей широкой партийной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта

* См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 24; 4 изд., том 6, стр. 224. *Ред.*

связь держалась на приятельстве или на безотчетном, немотивированном «доверии». Связь партийная не может и не должна держаться ни на том, ни на другом, ее необходимо базировать именно на *формальном*, «бюрократически» (с точки зрения распущенного интеллигента) редижированном уставе, строгое соблюдение которого одно лишь гарантирует нас от кружкового самодурства, от кружковых капризов, от кружковых приемов свалки, называемой свободным «процессом» идейной борьбы.

Редакция новой «Искры» козыряет против Александрова назидательным указанием на то, что «доверие — вещь деликатная, которую никак нельзя вколотить в сердца и головы» (№ 56, приложение). Редакция не понимает, что именно это выдвигание категории доверия, *голо*го доверия, выдает еще и еще раз с головой ее барский анархизм и организационный хвостизм. Когда я был членом только кружка, редакционной ли шестерки или организации «Искры», я имел право сослаться в оправдание, скажем, своего нежелания работать с Иксом на одно лишь недоверие, безотчетное и немотивированное. Когда я стал членом партии, я *не имею права* сослаться только на неоформленное недоверие, ибо такая ссылка открывала бы настежь двери для всякой блажи и для всякого самодурства старой кружковщины; я *обязан* мотивировать свое «доверие» или «недоверие» формальным доводом, т. е. ссылкой на то или иное формально установленное положение нашей программы, нашей тактики, нашего устава; я обязан не ограничиваться безотчетным «доверяю» или «не доверяю», а признать *подотчетность* своих решений и всех вообще решений всякой части партии перед всей партией; я обязан следовать *формально предписанному* пути для выражения своего «недоверия», для проведения тех взглядов и тех желаний, которые вытекают из этого недоверия. Мы поднялись уже от *кружковой* точки зрения безотчетного «доверия» до *партийной* точки зрения, требующей соблюдения подотчетных и формально предписанных способов выражения и *проверки* доверия, а редакция тащит нас назад и называет свой хвостизм новыми организационными взглядами!

Посмотрите, как рассуждает наша так называемая партийная редакция о литературных группах, которые могли бы потребовать себе представительства в редакции. «Мы не возмутимся, не начнем кричать о дисциплине», — поучают нас барские анархисты, которые всегда и везде сверху вниз смотрели на какую-то там дисциплину. Мы-де либо «столкуемся» (*sic!*) с группой, буде она дельная, либо посмеемся над ее требованиями.

Подумаешь, какое возвышенное благородство выступает здесь против вульгарно-«фабричного» формализма! А на самом деле — перед нами подновленная фразеология кружковщины, преподносимая партии редакцией, которая чувствует, что она представляет из себя не партийное учреждение, а обломок старого кружка. Внутренняя фальшь этой позиции неизбежно приводит к *анархическому* глубокомыслию, возводящему в *принцип* социал-демократической организации тот разброд, который на словах фарисейски объявляется уже пережитым. Не нужно никакой иерархии низших и высших партийных коллегий и инстанций, — барскому анархизму такая иерархия кажется канцелярским измышлением ведомств, департаментов и прочее (см. фельетон Аксельрода), — не нужно никакого подчинения части целому, не нужно никакого «формально-бюрократического» определения *партийных* способов «столковываться» или размежевываться, пусть старая кружковая свалка освящается фразерством об «истинно социал-демократических» приемах организации.

Вот где прошедший школу «фабрики» пролетарий может и должен дать урок анархическому индивидуализму. Сознательный рабочий давно уже вышел из тех пеленок, когда он чурался интеллигента, как такового. Сознательный рабочий умеет ценить тот более богатый запас знаний, тот более широкий политический кругозор, который он находит у социал-демократов интеллигентов. Но по мере того, как складывается у нас *настоящая* партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголяющего анархической фразой, должен научиться *требовать* исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от «людей верха», должен научиться встречать таким же презрением хвостизм в вопросах организационных, каким награждал он во времена оны хвостизм в вопросах тактики!

В неразрывной связи с жирондизмом и барским анархизмом стоит последняя характерная особенность позиции новой «Искры» в организационных вопросах: это — защита *автономизма* против централизма. Именно такой принципиальный смысл имеют (если имеют *) вопли о бюрократизме и о самодержавии, сожаления о «незаслуженном невнимании к неискровцам» (защищавшим автономизм на съезде), комичные крики о требовании «беспрекословного повиновения», горькие жалобы на «помпадурство» и проч., и т. д., и т. п. Оппор-

* Я оставляю в стороне здесь, как и вообще в этом параграфе, «кооптационный» смысл этих воплей.

тунистическое крыло всякой партии всегда отстаивает и оправдывает всякую отсталость, и программную, и тактическую, и организационную. Защита организационной отсталости (хвостизм) новой «Искры» тесно связана с защитой *автономизма*. Правда, автономизм настолько уже дискредитирован, вообще говоря, трехлетней проповедью старой «Искры», что открыто высказаться за него новой «Искре» еще стыдно; она еще уверяет нас в своих симпатиях к централизму, но доказывается это только тем, что слово централизм пишется курсивом. На деле самое легкое прикосновение критики к «принципам» «истинно социал-демократического» (а не анархического?) *quasi*-централизма новой «Искры» изобличает на каждом шагу точку зрения автономизма. Разве не ясно теперь всем и каждому, что Аксельрод и Мартов повернули в организационных вопросах к Акимову? Разве не признали они этого торжественно сами в знаменательных словах о «незаслуженном невнимании к неискровцам»? И разве не автономизм защищали на нашем партийном съезде Акимов и его друзья?

Именно автономизм (если не анархизм) защищали Мартов и Аксельрод на съезде Лиги, когда они с забавным усердием доказывали, что часть не должна подчиняться целому, что часть автономна в определении своих отношений к целому, что устав Заграничной лиги, формулирующий эти отношения, действителен вопреки воле большинства партии, вопреки воле партийного центра. Именно автономизм защищает теперь тов. Мартов открыто и на страницах новой «Искры» (№ 60) по вопросу о введении членов в местные комитеты Центральным Комитетом²²⁸. Я не буду говорить о тех детских софизмах, которыми защищал автономизм тов. Мартов на съезде Лиги и защищает в новой «Искре»*, — мне важно здесь отметить несомненную тенденцию *защищать автономизм против централизма*, как принципиальную черту, свойственную оппортунизму в организационных вопросах.

Едва ли не единственной попыткой *анализа* понятия бюрократизма является противоположение в новой «Искре» (№ 53) «формально-демократического начала» (курсив автора) «формально-бюрократическому». Это противоположение (к сожалению, столь же не развитое и не разъясненное, как и указание на неискровцев) содержит в себе зерно истины.

* Перебирая разные §§ устава, тов. Мартов *опустил* именно тот §, который говорит об отношении целого к части: ЦК «распределяет силы партии» (§ 6). Можно ли распределять силы без перевода работников из комитета в комитет? На этой азбуке, право, неловко как-то останавливаться.

Бюрократизм versus* демократизм, это и есть централизм versus автономизм, это и есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов социал-демократии. Последний стремится идти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно и насколько можно, автономизм, «демократизм», доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части. В эпоху разброда и кружковщины этим верхом, от которого стремилась организационно исходить революционная социал-демократия, был неизбежно один из кружков, наиболее влиятельный в силу своей деятельности и своей революционной последовательности (в нашем случае — организация «Искры»). В эпоху восстановления фактического единства партии и распускания в этом единстве устарелых кружков, таким верхом неизбежно является *партийный съезд*, как верховный орган партии; съезд соединяет по возможности всех представителей активных организаций и, назначая центральные учреждения (нередко в таком составе, который более удовлетворяет передовые, чем отсталые элементы партии, более нравится революционному, чем оппортунистическому крылу ее), делает их верхом впредь до следующего съезда. Так бывает, по крайней мере, у европейцев социал-демократии, хотя мало-помалу, не без труда, не без борьбы и не без дразг, этот принципиально ненавистный анархистам обычай начинает распространяться и на азиатов социал-демократии.

В высшей степени интересно отметить, что указанные мной принципиальные черты оппортунизма в организационных вопросах (автономизм, барский или интеллигентский анархизм, хвостизм и жирондизм) наблюдаются *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями) во всех социал-демократических партиях всего мира, где только есть деление на революционное и оппортунистическое крыло (а где его нет?). Особенно рельефно выступило это на свет божий именно в самое последнее время в германской социал-демократической партии, когда поражение на выборах в 20-ом саксонском избирательном округе (так назыв. инцидент Гёрэ**) поставило на очередь дня *принципы* партийной организации. Возбуждению принципиального вопроса по поводу

* versus — по отношению к.

** Гёрэ был выбран в рейхстаг 16 июня 1903 года в 15-ом саксонском округе, но после Дрезденского съезда²²⁹ сложил с себя мандат; избиратели 20-го округа, ставшего вакантным после смерти Розенова, хотели предложить кандидатуру снова Гёрэ. Центральное правление партии и сак-

указанного инцидента особенно содействовало усердие немецких оппортунистов. Гёрэ (бывший пастор, автор небезызвестной книги: «Drei Monate Fabrikarbeiter» * и один из «героев» Дрезденского съезда) — сам ярый оппортунист, и орган последовательных немецких оппортунистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник») ²³⁰ сейчас же «заступился» за него.

Оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных. Излагать «новую» точку зрения взялся тов. Вольфганг Гейне. Чтобы охарактеризовать читателю физиономию этого типичного интеллигента, примкнувшего к социал-демократии и принесшего с собой оппортунистические навыки мысли, достаточно будет сказать, что тов. Вольфганг Гейне, это — немножко меньше, чем немецкий тов. Акимов, и немножечко больше, чем немецкий тов. Егоров.

Товарищ Вольфганг Гейне пошел в поход в «Социалистическом Ежемесячнике» с меньшей помпой, чем тов. Аксельрод в новой «Искре». Чего стоит одно уж заглавие статьи: «Демократические заметки по поводу инцидента Гёрэ» (№ 4, апрель, «Sozialistische Monatshefte»). И содержание — не менее громовое. Тов. В. Гейне восстает против «посягательств на автономию избирательного округа», отстаивает «демократический принцип», протестует против вмешательства «назначенного начальства» (т. е. центрального правления партии) в свободный выбор делегатов народом. Дело тут не в случайном инциденте, поучает нас тов. В. Гейне, а в общей *«тенденции к бюрократизму и централизму в партии»*, тенденции, которая замечалась-де и раньше, но теперь становится особенно опасной. Надо «принципиально признать, что местные учреждения партии являются носителями ее жизни» (плагиат из брошюры тов. Мартова: «Еще раз в меньшинстве»). Не следует «привыкать к тому, чтобы все важные политические решения исходили из одного центра», надо предостеречь партию от «доктринерской политики, теряющей связь с жизнью» (позаимствовано из речи тов. Мартова на съезде партии о том, что «жизнь возьмет свое»). «...Если смотреть в корень вещей, — углубляет свою аргументацию тов. В. Гейне, — если отвлечься от личных столкновений, которые и здесь, как и всегда, играли немалую роль, то мы увидим

соиский центральный агитационный комитет восстали против этого и, не имея права формально запретить кандидатуру Гёрэ, добились, однако, того, что Гёрэ отказался от кандидатуры. При выборах социал-демократы потерпели поражение.

* — «Три месяца рабочим на фабрике». *Ред.*

в этом ожесточении против *ревизионистов* (курсив автора, намекающего, надо думать, на различие понятий: борьба с ревизионизмом и борьба с ревизионистами) главным образом недоверие официальных лиц в партии против «*постороннего элемента*» (В. Гейне, видимо, не читал еще брошюры о борьбе с осадным положением, и потому прибегает к англицизму: Outsiders), недоверие традиции к тому, что необычно, — безличного учреждения к тому, что индивидуально» (см. резолюцию Аксельрода на съезде Лиги о подавлении индивидуальной инициативы), «одним словом, ту же самую тенденцию, которую мы уже охарактеризовали выше как тенденцию к бюрократизму и централизму в партии».

Понятие «дисциплины» внушает тов. В. Гейне не менее благородное негодование, чем тов. Аксельроду. «...Ревизионистов, — пишет он, — упрекали в недостатке дисциплины за то, что они писали в «Социалистическом Ежемесячнике» — органе, который не хотели даже признавать социал-демократическим, ибо он не стоит *под контролем партии*. Одна уже эта попытка сужения понятия: «социал-демократический», одно уже это требование *дисциплины* в области идейного производства, где должна господствовать безусловная свобода» (вспомните: идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы), «свидетельствуют о тенденции к бюрократизму и к подавлению индивидуальности». И долго еще, долго громит В. Гейне на всевозможные лады эту ненавистную тенденцию создать «*одну* всеохватывающую большую организацию, возможно более централизованную, *одну* тактику, *одну* теорию», громит требование «безусловнейшего повиновения», «слепого подчинения», громит «упрощенный централизм» и т. д. и т. п., буквально «по Аксельроду».

Поднятый В. Гейне спор разгорелся, и так как в немецкой партии никакие дразги из-за кооптации не засоряли его, так как немецкие Акимовы выясняют свою физиономию не только на съездах, а постоянно в особом органе, то спор быстро свелся к анализу принципиальных тенденций ортодоксии и ревизионизма в организационном вопросе. Одним из представителей революционного направления (обвиняемого, разумеется, как и у нас, в «диктаторстве», «инквизиторстве» и прочих страшных вещах) выступил К. Каутский («Neue Zeit», 1904, № 28, статья «Wahlkreis und Partei» — «Избирательный округ и партия»). Статья В. Гейне, — заявляет он, — «показывает ход мысли всего ревизионистского направления». Не в одной только Германии, а и во Франции, и в Италии оппортунисты горой стоят за автономизм, за ослабление партийной дисциплины, за сведение ее к нулю, везде их тен-

денции приводят к *дезорганизации*, к извращению «демократического принципа» в *анархизм*. «Демократия не есть отсутствие власти, — поучает К. Каутский оппортунистов в организационном вопросе, — демократия не есть анархия, она есть господство массы над ее уполномоченными, в отличие от других форм власти, когда мнимые слуги народа в действительности являются его владыками». К. Каутский прослеживает подробно дезорганизаторскую роль оппортунистического автономизма в разных странах, показывает, что именно присоединение к социал-демократии «*массы буржуазных элементов*» * усиливает оппортунизм, автономизм и тенденции к нарушению дисциплины, напоминает паки и паки, что именно «организация есть то оружие, которым освободит себя пролетариат», именно «организация есть свойственное пролетариату оружие классовой борьбы».

В Германии, где оппортунизм слабее, чем во Франции и Италии, «автономистские тенденции привели пока лишь к более или менее патетическим декламациям против диктаторов и великих инквизиторов, против отлучений от церкви ** и выискиваний ереси, к бесконечным придиркам и дрызгам, разбор которых повел бы лишь к бесконечной ссоре».

Неудивительно, что в России, где оппортунизм в партии еще более слаб, чем в Германии, автономистские тенденции породили меньше идей и больше «патетических декламаций» и дрызг.

Неудивительно, что Каутский приходит к заключению: «Может быть, ни в каком другом вопросе ревизионизм всех стран не отличается такой однородностью, несмотря на все его разновидности, всю его разноцветность, как именно в организационном вопросе». Основные тенденции ортодоксии и ревизионизма в этой области и К. Каутский формулирует при помощи «страшного слова»: бюрократизм *versus* (против) демократизма. Нам говорят, пишет К. Каутский, что дать право правлению партии влиять на выбор кандидата (в депутаты парламента) местными избирательными округами — значит «постыдно посягать на демократический принцип, который требует, чтобы вся политическая деятельность развертывалась снизу вверх, путем самодеятельности масс, а не сверху вниз, путем бюрократическим... Но если есть

* В качестве примера К. Каутский называет *Жореса*. По мере их уклонения в оппортунизм, таким людям «партийная дисциплина неизбежно должна была казаться непозволительным стеснением их свободной личности».

** *Bannstrahl* — анафема. Это немецкий эквивалент русского «осадного положения» и «исключительных законов». Это — «страшное слово» немецких оппортунистов.

какой-нибудь действительно демократический принцип, так это тот, что большинство должно иметь перевес над меньшинством, а не наоборот...» Выбор депутатов в парламент от какого бы то ни было отдельного избирательного округа есть важный вопрос всей партии в целом, которая и должна влиять на назначение кандидатов хотя бы через посредство доверенных людей партии (Vertrauensmänner). «Кому кажется это слишком бюрократическим или централистическим, тот пусть попробует предложить, чтобы кандидатов намечали прямые голосования всех членов партии вообще (sämtliche Parteigenossen). Раз это неисполнимо, то нечего и жаловаться на недостаток демократизма, когда указанная функция, подобно многим другим, касающимся всей партии, выполняется одной или несколькими партийными инстанциями». По «обычному праву» германской партии и раньше отдельные избирательные округа «товарищески договаривались» с правлением партии о выставлении того или иного кандидата. «Но партия стала уже слишком велика, чтобы достаточно было этого молчаливого обычного права. Обычное право перестает быть правом, когда его перестают признавать, как нечто само собою разумеющееся, когда содержание его определений и даже самое его существование оспаривается. Тогда становится безусловно необходимым точно формулировать это право, кодифицировать его...», перейти к более «точному уставному закреплению»* (statutarische Festlegung), а вместе с тем к усилению строгости (größere Straffheit) организации».

Вы видите, таким образом, в другой обстановке ту же борьбу оппортунистического и революционного крыла партии по организационному вопросу, тот же конфликт автономизма и централизма, демократизма и «бюрократизма», тенденций к ослаблению строгости и к усилению строгости организации и дисциплины, психологии неустойчивого интеллигента и выдержанного пролетария, интеллигентского индивидуализма и пролетарской сплоченности. Спрашивается, как отнеслась к этому конфликту *буржуазная демократия*, — не та, которую проказница-история только еще обещала по секрету показать когда-нибудь тов. Аксельроду, — а настоящая, реальная буржуазная демократия, имеющая и

* В высшей степени поучительно сопоставить эти замечания К. Каутского о замене молчаливо признаваемого обычного права формально закрепленным уставным правом со всей той «сменой», которую переживает наша партия вообще и редакция в частности со времени партийного съезда. Ср. речь В. И. Засулич (на съезде Лиги, стр. 66 и след.), которая вряд ли реализует себе все значение происходящей смены.

в Германии не менее умных и наблюдательных представителей, чем наши господа освобожденцы? Немецкая буржуазная демократия сразу откликнулась на новый спор и горой встала, — как и русская, как и всегда, как и везде, — за оппортунистическое крыло социал-демократической партии. Выдающийся орган немецкого биржевого капитала, «Франкфуртская Газета»²³¹, выступил с громовой передовицей («Frankf. Ztg.», 1904, 7 Apr., № 97, Abendblatt*), которая показывает, что бессовестные плагиаты из Аксельрода становятся прямо какой-то болезнью немецкой печати. Грозные демократы франкфуртской биржи бичуют «самодержавие» в социал-демократической партии, «партийную диктатуру», «автократическое господство партийного начальства», эти «отлучения от церкви», которыми хотят «как бы наказать весь ревизионизм» (вспомните «ложное обвинение в оппортунизме»), это требование «слепого повиновения», «мертвящей дисциплины», требование «лакейского подчинения», превращения членов партии в «политические трупы» (это еще много покрепче будет винтиков и колесиков!). «Всякая личная своеобразность, — негодуют рыцари биржи при виде антидемократических порядков у социал-демократии, — всякая индивидуальность должна, изволите ли видеть, подвергнуться преследованию, потому что они грозят привести к французским порядкам, к жоресизму и мильеранизму, как прямо заявил Зиндерманн, реферировавший по этому вопросу» на партийном съезде саксонских социал-демократов.

Итак, поскольку есть принципиальный смысл в новых словечках новой «Искры» по организационному вопросу, постольку не подлежит никакому сомнению, что смысл этот оппортунистический. Этот вывод подкрепляется и всем анализом нашего партийного съезда, разделившегося на революционное и оппортунистическое крыло, и примером *всех* европейских социал-демократических партий, в которых оппортунизм по организационному вопросу выражается в тех же тенденциях, в тех же обвинениях, а сплошь да рядом и в тех же самых словечках. Конечно, национальные особенности различных партий и неодинаковость политических условий в разных странах налагают свой отпечаток, делая немецкий оппортунизм совсем не похожим на французский, французский на итальянский, итальянский на русский. Но однородность основного деления всех этих партий на

* — «Франкфуртская Газета», 1904, 7 апреля, № 97, вечерний выпуск. *Ред.*

революционное и оппортунистическое крыло, однородность хода мысли и тенденций оппортунизма в организационном вопросе выступают отчетливо, несмотря на все указанное различие условий*. Обилие представителей радикальной интеллигенции в рядах наших марксистов и наших социал-демократов сделало и делает неизбежным наличие порождаемого ее психологией оппортунизма в самых различных областях и в самых различных формах. Мы боролись с оппортунизмом в основных вопросах нашего мирозерцания, в вопросах программы, и полное расхождение в целях неизбежно привело к бесповоротному размежеванию между испортившими наш легальный марксизм либералами и социал-демократами. Мы боролись с оппортунизмом в вопросах тактики, и расхождение с тт. Кричевским и Акимовым по этим менее важным вопросам, естественно, было лишь временным и не сопровождалось никаким образованием различных партий. Мы должны теперь побороть оппортунизм Мартова и Аксельрода в вопросах организационных, еще менее коренных, разумеется, чем вопросы программные и тактические, но выплывших в настоящий момент на авансцену нашей партийной жизни.

Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч. Оппортунист в вопросах программы, тов. Эд. Бернштейн, «согласен» с революционной программой партии и хотя желал бы, наверное, «коренной реформы» ее, но считает это несвоевременным, нецелесообразным, не столь важным, как выяснение

* Никто не усомнится в настоящее время, что старое деление русских социал-демократов по вопросам тактики на экономистов и политиков было однородно с делением всей международной социал-демократии на оппортунистов и революционеров, хотя различие между тт. Мартыновым и Акимовым, с одной стороны, и тт. фон-Фольмаром и фон-Эльмом или Жоресом и Мильераном, с другой, очень велико. Точно так же несомненна и однородность основных делений по организационному вопросу, несмотря на громадные различия условий между политически бесправными и политически свободными странами. Крайне характерно, что принципиальная редакция новой «Искры», бегло коснувшись спора Каутского с Гейне (№ 64), боязливо обошла вопрос о принципиальных тенденциях всякого оппортунизма и всякой ортодоксии в организационном вопросе.

«общих принципов» «критики» (состоящих главным образом в некритическом заимствовании принципов и словечек у буржуазной демократии). Оппортунист в вопросах тактики, тов. фон-Фольмар, тоже согласен со старой тактикой революционной социал-демократии и тоже ограничивается больше декламацией, поправочками, насмешечками, отнюдь не выступая ни с какой определенной «министералистской» тактикой²³². Оппортунисты в вопросах организационных, тт. Мартов и Аксельрод, тоже не дали до сих пор, несмотря на прямые вызовы, никаких определенных принципиальных тезисов, которые могли бы быть «закреплены уставным путем»; они тоже желали бы, безусловно желали бы, «коренной реформы» нашего организационного устава («Искра» № 58, стр. 2, столбец 3), но предпочтительно они бы занялись сначала «общими вопросами организации» (потому что действительно коренная реформа нашего, несмотря на § 1, все же централистического устава неизбежно привела бы, будучи произведена в духе новой «Искры», к автономизму, а признаться в своей *принципиальной* тенденции к автономизму тов. Мартову не хочется, конечно, даже и перед самим собой). Их «принципиальная» позиция по организационному вопросу играет, поэтому, всеми цветами радуги: преобладают невинные патетические декламации о самодержавии и бюрократизме, о слепом повиновении, винтиках и колесиках, — декламации настолько невинные, что в них еще очень и очень трудно отделить действительно принципиальный от действительно кооптационного смысла. Но — дальше в лес, больше дров: попытки анализа и точного определения ненавистного «бюрократизма» неизбежно ведут к автономизму, попытки «углубления» и обоснования неминуемо приводят к оправданию отсталости, к хвостизму, к жирондистским фразам. Наконец, в качестве единственного, действительно определенного, и на практике поэтому выступающего особенно ярко (практика всегда идет впереди теории) принципа появляется принцип *анархизма*. Высмеивание дисциплины — автономизм — анархизм, вот та лесенка, по которой то спускается, то поднимается наш организационный оппортунизм, прыгая со ступеньки на ступеньку и искусно увертываясь от всякой определенной формулировки своих принципов*.

* Кто припомнит прения о § 1, тот увидит теперь ясно, что ошибка т. Мартова и т. Аксельрода по § 1 неизбежно приводит, при ее развитии и углублении, к организационному оппортунизму. Основная идея тов. Мартова — самозачисление себя в партию — есть именно ложный «демократизм», идея построения партии снизу вверх. Наоборот, моя идея «бюрократична» в том смысле, что партия строится сверху вниз, от партийного

Точь-в-точь та же градация наблюдается и на оппортунизме в программе и в тактике: высмеивание «ортодоксии», правоверия, узости и неподвижности — ревизионистская «критика» и министерализм — буржуазная демократия.

В тесной психологической связи с ненавистью к дисциплине стоит та неумолчная, тягучая нота *обида*, которая звучит во всех писаниях всех современных оппортунистов вообще и нашего меньшинства в частности. Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осаждают, их заезжают. В этих словечках гораздо больше психологической и политической правды, чем, вероятно, подозревал сам автор милой и остроумной шутки насчет заезжаемых и заезжателей²³³. Возьмите, в самом деле, протоколы нашего партийного съезда, — вы увидите, что меньшинство это все обиженные, все те, кого когда-либо и за что-либо обижала революционная социал-демократия. Тут бундовцы и рабочедельцы, которых мы «обижали» до того, что они ушли со съезда, тут южнорабоченцы, смертельно обиженные умерщвлением организаций вообще и их собственной в частности, тут тов. Махов, которого обижали всякий раз, когда он брал слово (ибо он всякий раз аккуратно срамялся), тут, наконец, тов. Мартов и тов. Аксельрод, которых обидели «ложным обвинением в оппортунизме» за § 1 устава и поражением на выборах. И все эти горькие обиды были не случайным результатом непозволительных острот, резких выходов, бешеной полемики, хлопанья дверью и показыванья кулака, как думают и по сию пору очень и очень многие филистеры, а неизбежным политическим результатом всей трехлетней идейной работы «Искры». Если мы в течение этих трех лет не языком только распутничали, а выражали те убеждения, которые должны перейти в дело, то мы не могли не бороться на съезде с

съезда к отдельным партийным организациям. И психология буржуазного интеллигента, и анархические фразы, и оппортунистическое, хвостистское глубокомыслие — все это наметилось уже в прениях о § 1. Тов. Мартов говорит в «Ос. пол.» (стр. 20) о «начавшейся работе мысли» в новой «Искре». Это правда в том отношении, что он и Аксельрод действительно двигают мысль в новом направлении, начиная с § 1. Беда только в том, что направление это оппортунистическое. Чем дальше будут они «работать» в этом направлении, чем чище будет эта работа от кооптационных дрызг, тем глубже они будут увязать в болоте. Тов. Плеханов ясно видел это уже на съезде партии, и в статье «Чего не делать» вторично предостерегал их: я готов-де кооптировать вас даже, только не идите вы по этой дороге, которая ведет исключительно к оппортунизму и к анархизму. — Мартов и Аксельрод не послушались доброго совета: как? не идти? согласиться с Лениным, что кооптация есть одна только дрызга? Никогда! Мы ему покажем, что мы принципиальные люди! — И показали. Показали всем воочию, что, поскольку у них есть новые принципы, это — принципы оппортунизма.

антиискровцами и с «болотом». А когда мы, вместе с тов. Мартовым, который бился в первых рядах с открытым забралом, переобидели такую кучу народа, — нам оставалось уже совсем немножечко, чуть-чутьочку обидеть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. Количество перешло в качество. Произошло отрицание отрицания. Все обиженные забыли взаимные счеты, бросились с рыданиями в объятия друг к другу и подняли знамя «восстания против ленинизма» *.

Восстание — прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных. Когда революционное крыло восстает против оппортунистического, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного, это дурно.

Тов. Плеханову приходится участвовать в этом дурном деле в качестве, так сказать, военнопленного. Он старается «сорвать сердце», вылавливая отдельные неловкие фразы у авторов той или иной резолюции в пользу «большинства», и восклицает при этом: «Бедный товарищ Ленин! Хороши же его ортодоксальные сторонники!» («Искра» № 63, приложение).

Ну, знаете ли, т. Плеханов, если я бедствую, то ведь редакция-то новой «Искры» совсем уже нищенствует. Как я ни беден, я еще не дошел до такого абсолютного обнищания, чтобы мне приходилось закрывать глаза на партийный съезд и отыскивать материал для упражнения своего остроумия в резолюциях комитетчиков. Как я ни беден, я в тысячу раз богаче тех, сторонники которых не случайно высказывают ту или иную неловкую фразу, а во всех вопросах, и в организационных, и в тактических, и в программных держатся упорно и стойко принципов, противоположных принципам революционной социал-демократии. Как я ни беден, я еще не дошел до того, чтобы мне приходилось *скрывать от публики* преподносимые мне похвалы таких сторонников. А редакции новой «Искры» приходится делать это.

Знаете ли вы, читатель, что такое Воронежский комитет Российской социал-демократической рабочей партии? Если вы не знаете этого, то почитайте протоколы партийного съезда. Вы узнаете оттуда, что направление этого комитета всецело выражают тов. Акимов и тов. Брукэр, которые боролись по всей линии против революционного крыла партии на

* Это удивительное выражение принадлежит тов. Мартову («Ос. пол.», стр. 68). Тов. Мартов дожидался того времени, когда он будет сам-пят, чтобы поднять «восстание» против меня одного. Неискусно полемизирует тов. Мартов: он хочет уничтожить своего противника тем, что говорит ему величайшие комплименты.

съезде и которые десятки раз относимы были к оппортунистам всеми, начиная от тов. Плеханова и кончая тов. Поповым. И вот, этот Воронежский комитет в январском листке своем (№ 12, 1904 г., январь) заявляет:

«В нашей непрестанно растущей партии совершилось в прошлом году крупное и важное для партии событие: состоялся второй съезд РСДРП — представителей ее организаций. Созыв съезда партии дело очень сложное и при условиях монархических очень рискованное, трудное дело, а потому не удивительно, что дело созыва съезда было исполнено *далеко несовершенно*, и сам съезд, хотя прошел совершенно благополучно, но не удовлетворял все требования, которые к нему предъявила партия. Товарищи, которым было поручено конференцией (совещанием) 1902 года созвать съезд — были арестованы и *устраивали съезд лица, выделенные одним только направлением в русской социал-демократии — искрянским*. Многие организации социал-демократов, но не искрянские, не были привлечены к работам съезда: *отчасти потому* задача съезда по выработке программы и устава партии исполнена *крайне несовершенно*, крупные пробелы в уставе, «могущие повести к опасным недоразумениям», признаются самими участниками съезда. На съезде сами искрянцы раскололись, и многие крупные деятели РСДРП нашей, раньше, казалось, целиком принимавшие программу действия «Искры», сознали нежизненность многих ее взглядов, проводимых *главным образом Лениным и Плехановым*. Хотя на съезде последние и взяли верх, но сила практической жизни, требования реальной работы, в ряду которой стоят и все неискрянцы, быстро исправляют ошибки теоретиков и после съезда уже внесли серьезные поправки. «Искра» *сильно изменилась и обещает* внимательно прислушиваться к требованиям деятелей вообще социал-демократии. Таким образом, хотя *работы съезда подлежат пересмотру* следующего съезда и, как очевидно для самих участников съезда, не являются удовлетворительными, *а потому и не могущими войти в партию, как непреложные постановления*, но съезд выяснил положение дел в партии, дал большой материал для дальнейшей теоретической и организационной деятельности партии и явился громадным поучительным опытом для общепартийной работы. Постановления съезда и устав, им выработанный, будут всеми организациями *приняты во внимание*, но многие *воздержатся руководиться исключительно ими, ввиду их очевидных несовершенств*.

Воронежский комитет, понимая всю важность общепартийной работы, живо *отзывался* на все вопросы по организации съезда. Он сознает всю важность происшедшего на съезде, *приветствует поворот, совершившийся в «Искре»*, сделавшейся Центральным Органом (главным органом). Хотя положение дел в партии и в ЦК нас *еще* не удовлетворяет, но мы верим, что общими усилиями трудная работа организации партии будет усовершенствована. Ввиду ложных слухов Воронежский комитет заявляет товарищам, что о выходе Воронежского комитета из партии не может быть и речи. Воронежский комитет прекрасно понимает, каким опасным прецедентом (примером) стал бы выход рабочей организации, какой является Воронежский комитет, из РСДРП и *каким бы это упреком легло на партию* и как бы это было бы невыгодно рабочим организациям, могущим последовать такому примеру. Нам надо не создавать новых расколов, а *настойчиво стремиться к объединению всех сознательных ра-*

бочих и социалистов в одну партию. Притом второй съезд был съездом очередным, а не учредительным. Исключение из партии может быть лишь по партийному суду, и никакая организация, ни самый Центральный Комитет не имеют права исключать какую-либо социал-демократическую организацию из партии. Больше того, на втором съезде принят восьмой параграф устава, по которому всякая организация в своих местных делах автономна (самостоятельна), а потому *Воронежский комитет имеет полное право проводить свои организационные взгляды в жизнь и в партию*».

Редакция новой «Искры», сославшись на этот листок в № 61, перепечатала вторую, набранную крупным шрифтом, часть приведенной тирады; первую же, набранную петитом, часть редакция *предпочла опустить*.

Стыдно стало.

с) НЕЧТО О ДИАЛЕКТИКЕ. ДВА ПЕРЕВОРОТА

Бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса, мы легко увидим, что основной состав обеих борющихся сторон все время был, за малыми исключениями, один и тот же. Это была борьба революционного и оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии, и точное знакомство с особенностями каждой из этих стадий необходимо иметь всякому, кто хочет разобраться в накопившейся уже громадной литературе, в массе отрывочных указаний, вырванных из связи цитат, отдельных обвинений и пр. и пр.

Перечислим главные стадии, явственно отличающиеся одна от другой: 1) Спор о § 1 устава. Чисто идейная борьба об основных принципах организации. Мы с Плехановым в меньшинстве. Мартов и Аксельрод предлагают оппортунистическую формулировку и оказываются в объятиях оппортунистов. 2) Раскол организации «Искры» по вопросу о списках кандидатов в ЦК: Фомин или Васильев в пятерке, Троцкий или Травинский в тройке. Мы с Плехановым завоевываем большинство (девять против семи), — отчасти именно благодаря тому, что мы были меньшинством по § 1. Коалиция Мартова с оппортунистами подтвердила на деле все мои опасения, вызванные инцидентом с ОК. 3) Продолжение споров о деталях устава. Мартова опять спасают оппортунисты. Мы опять в меньшинстве и отстаиваем права меньшинства в центрах. 4) Семерка крайних оппортунистов уходит со съезда. Мы оказываемся в большинстве и побеждаем коалицию (искровского меньшинства, «болота» и антиискровцев)

на выборах. Мартов и Попов отказываются от мест в наших тройках. 5) Послесъездовская дрызга из-за кооптации. Разгул анархического поведения и анархической фразы. Наименее выдержанные и устойчивые элементы в «меньшинстве» берут верх. 6) Плеханов переходит, во избежание раскола, к политике «kill with kindness». «Меньшинство» занимает редакцию ЦО и Совет и атакует всеми силами ЦК. Дрызга продолжает заполонять все и вся. 7) Первая атака на ЦК отбита. Дрызга начинает как будто несколько затихать. Получается возможность сравнительно спокойно обсуждать два чисто идейные, глубоко волнующие партию, вопроса: а) каково политическое значение и объяснение того деления нашей партии на «большинство» и «меньшинство», которое сложилось на втором съезде и заменило собой все старые деления? б) каково принципиальное значение новой позиции новой «Искры» по организационному вопросу?

Каждая из этих стадий характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной целью атаки; каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельное сражение в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) «отрицается», уступая место все заполняющей дрызге*, но затем начинается «отрицание отрицания» и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший синтезис, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю.

* Трудный вопрос о разграничении дрызг и принципиального расхождения решается теперь сам собою: все, что относится к кооптации, есть дрызга; все, что относится к анализу борьбы на съезде, к спорам о § 1 и о повороте к оппортунизму и к анархизму, есть принципиальное расхождение.

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: *mettere la coda dove non va il saro* (просунуть хвост, где голова не лезет).

Итог диалектического развития нашей партийной борьбы сводится к двум переворотам. Партийный съезд был настоящим переворотом, как справедливо отметил тов. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Правы также и те остряки из меньшинства, которые говорят: мир движется революциями, вот мы и совершили революцию! Они действительно совершили после съезда революцию; правда и то, что мир, вообще говоря, движется революциями. Но конкретное значение каждой конкретной революции этим общим изречением еще не определяется: бывают революции вроде реакции, перефразируя незабвенное выражение незабвенного тов. Махова. Надо знать, революционное или оппортунистическое крыло партии являлось реальной силой, совершавшей переворот, надо знать, революционные или оппортунистические принципы воодушевляли борцов, чтобы определить, вперед или назад двигала «мир» (нашу партию) та или иная конкретная революция.

Наш партийный съезд был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход нашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее, сколько-нибудь заметной, части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распушенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особностью и групповой

самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: *партии*. Но в политике жертвы не даются даром, а берутся с боя. Бой из-за умерщвления организаций неизбежно вышел страшно ожесточенным. Свежий ветер открытой свободной борьбы превратился в вихрь. Этот вихрь смел — и прекрасно, что смел! — все и всяческие остатки всех без исключения кружковщинских интересов, чувств и традиций, создав впервые действительно партийные должностные коллегии.

Но одно дело называться, другое дело быть. Одно дело жертвовать в принципе кружковщиной в пользу партии, другое дело отказываться от своего кружка. Свежий ветер оказался еще слишком свеж для привыкших к затхлой обывательщине. «Партия не вынесла своего первого конгресса», как справедливо выразился (нечаянно справедливо выразился) т. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Обида за умерщвление организаций была слишком сильна. Бешеный вихрь поднял всю муть со дна нашего партийного потока, и эта муть взяла реванш. Старая заскорузлая кружковщина осилила молодую еще партийность. Разбитое наголову оппортунистическое крыло партии одержало — временно, конечно, — верх над революционным крылом, подкрепившись случайной акимовской добычей.

В итоге получилась новая «Искра», вынужденная развивать и углублять ошибку, сделанную ее редакторами на съезде партии. Старая «Искра» учила истинам революционной борьбы. Новая «Искра» учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая «Искра» была органом воинствующей ортодоксии. Новая «Искра» преподносит нам отрыжку оппортунизма — главным образом в вопросах организационных. Старая «Искра» заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западноевропейских оппортунистов. Новая «Искра» «поумнела» и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая «Искра» неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой «Искре» внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает — независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания — политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола в сколько-нибудь организованной сколько-нибудь партии, кроме подчинения меньшинства большинству. Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая

похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партии*. Какой позор! Как они осрамили нашу старую «Искру»!

Шаг вперед, два шага назад... Это бывает и в жизни индивидуумов, и в истории наций, и в развитии партий. Было бы преступнейшим малодушием усомниться хоть на минуту в неизбежном, полном торжестве принципов революционной социал-демократии, пролетарской организации и партийной дисциплины. Мы завоевали уже очень многое, мы должны бороться и дальше, не падая духом при неудачах, бороться выдержанно, презирая обывательские приемы кружковой свалки, до последней возможности охраняя созданную с такими усилиями единую партийную связь всех социал-демократов России и добиваясь упорным и систематическим трудом полного и сознательного ознакомления всех членов партии и рабочих в особенности с партийными обязанностями, с борьбой на II партийном съезде, со всеми причинами и перипетиями нашего расхождения, со всей гибельностью оппортунизма, который и в области организационного дела также беспомощно пасует пред буржуазной психологией, так же некритически перенимает точку зрения буржуазной демократии, так же притупляет оружие классовой борьбы пролетариата, как и в области нашей программы и нашей тактики.

У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии, несмотря на самодовольное восхваление отсталой кружковщины, несмотря на блески и шумиху *интеллигентского* анархизма.

* Для этого милого занятия выработалась уже и стереотипная форма: наш собственный корреспондент X сообщает про комитет большинства Y, что он дурно обошелся с товарищем из меньшинства Z.

*Приложение***ИНЦИДЕНТ ТОВ. ГУСЕВА С ТОВ. ДЕЙЧЕМ**

Сущность этого инцидента, тесно связанного с так называемым «фальшивым» (по выражению тов. Мартова) списком, упомянутым в письме тт. Мартова и Старовера, которое приведено в тексте § i, состоит в следующем. Тов. Гусев сообщил тов. Павловичу, что этот список, состоявший из тт. Штейна, Егорова, Попова, Троцкого и Фомина, был передан ему, Гусеву, тов. Дейчем (стр. 12 «Письма» тов. Павловича). Тов. Дейч обвинил за это сообщение тов. Гусева в «умышленной клевете», и товарищеский третейский суд признал «сообщение» тов. Гусева «неправильным» (см. резолюцию суда в № 62 «Искры»). После того, как редакция «Искры» напечатала резолюцию суда, тов. Мартов (уже не редакция) выпустил отдельный листок под заглавием: «Резолюция товарищеского третейского суда», где перепечатал целиком не только резолюцию суда, но и полный отчет обо всем разборе дела, а также *свое послесловие*. В этом послесловии тов. Мартов, между прочим, называет «позорным» «факт подделки списка в интересах фракционной борьбы». На этот листок ответили делегаты II съезда тт. Лядов и Горин листком под заглавием: «Четвертое лицо в третейском суде», где они «энергично протестуют против того, что тов. Мартов позволяет себе идти дальше решений суда, приписывая тов. Гусеву дурные мотивы», тогда как суд личности умышленной клеветы не признал, а постановил исключительно, что сообщение тов. Гусева неправильно. Тт. Горин и Лядов подробно объясняют, что сообщение тов. Гусева могло быть вызвано вполне естественной ошибкой, и характеризуют, как «недостойное», поведение тов. Мартова, который сам делал (и делает в своем листке) ряд ошибочных заявлений, произвольно приписывая тов. Гусеву дурной умысел. Дурного умысла, говорят они, тут вообще и быть

не могло. Вот, если я не ошибаюсь, вся «литература» по этому вопросу, содействовать разъяснению которого я считаю своим долгом.

Прежде всего, необходимо, чтобы читатель дал себе точный отчет относительно времени и условий возникновения этого списка (списка кандидатов в ЦК). Как я уже указывал в тексте, организация «Искры» совещалась на съезде относительно списка кандидатов в ЦК, каковой список она могла бы сообщая предложить съезду. Совещание кончилось расхождением; большинство организации «Искры» приняло список: Травинский, Глебов, Васильев, Попов и Троцкий, но меньшинство не пожелало уступить, настаивая на списке: Травинский, Глебов, Фомин, Попов, Троцкий. Обе части организации «Искры» не собирались уже вместе после того собрания, на котором были выдвинуты и провотированы эти списки. Обе части пошли в свободную агитацию на съезде, желая решить разделявший их спорный вопрос вотумом всего партийного съезда и стараясь привлечь возможно большее число делегатов на свою сторону. Эта свободная агитация на съезде сразу обнаружила тот политический факт, который так подробно проанализирован мной в тексте, именно: необходимость для меньшинства искровцев (с Мартовым во главе) опереться на «центр» (болото) и на антиискровцев для победы над нами. Это было необходимо, потому что громадное большинство делегатов, последовательно отстаивавших программу, тактику и организационные планы «Искры» против натиска антиискровцев и «центра», очень быстро и очень твердо встало на нашу сторону. Из 33 делегатов (точнее: голосов), не принадлежащих ни к антиискровцам, ни к «центру», мы очень быстро завоевали себе 24 и заключили «прямое соглашение» с ними, образовали «компактное большинство». Товарищ же Мартов оставался всего с девятью голосами; для победы ему необходимы были все голоса антиискровцев и «центра», с каковыми группами он мог идти вместе (как и по § 1 устава), мог «коалировать», т. е. мог иметь их поддержку, но не мог заключить прямого соглашения, не мог именно потому, что в течение всего съезда он не менее резко, чем мы, боролся с этими группами. В этом-то и состоял трагикомизм положения тов. Мартова! Тов. Мартов хочет уничтожить меня в своем «Осадном положении» убийственно ядовитым вопросом: «почтительно просим тов. Ленина прямо ответить на вопрос: посторонним кому являлся на съезде «Южный рабочий»?» (стр. 23, прим.). Отвечаю почтительно и прямо: посторонним по отношению к тов. Мартову. Доказательство: я очень быстро заключил прямое соглашение с искровцами,

а тов. Мартов не заключил и не мог заключить прямого соглашения ни с «Южным рабочим», ни с тов. Маховым, ни с тов. Брукэром.

Только уяснив себе эту политическую ситуацию, можно понять, в чем «гвоздь» больного вопроса о пресловутом «фальшивом» списке. Представьте себе конкретно положение дела: организация «Искры» раскололась, и мы свободно агитируем на съезде, защищая свои списки. При этой защите в массе отдельных частных бесед списки комбинируются на сотни ладов, вместо пятерки намечают тройку, предлагают всевозможные замены одного кандидата другим. Я, например, хорошо помню, что в частных беседах большинства выдвигались и затем, после обсуждения и споров, отклонялись кандидатуры тт. Русова, Осипова, Павловича, Дедова. Очень может быть, что выдвигались и другие, неизвестные мне, кандидатуры. Каждый делегат съезда высказывал в беседах свое мнение, предлагал поправки, спорил и т. д. В высшей степени трудно предположить, чтобы это имело место исключительно среди большинства. Даже несомненно, что среди меньшинства происходило то же самое, ибо первоначальная их пятерка (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский) заменилась потом, как мы видели из письма тт. Мартова и Старовера, тройкой: Глебов, Троцкий, Попов, причем Глебов им не нравился, и они охотно заменяли его Фоминым (см. листок тт. Лядова и Горина). Не надо забывать, что те группы, на которые я делю делегатов съезда в тексте брошюры, размежеваны мной на основании анализа, произведенного *post factum*: в действительности же эти группы в предвыборной агитации только намечались, и обмен мнений между делегатами шел совершенно свободно; никакой «стены» между нами не было, и каждый говорил с любым делегатом, с кем он только желал говорить частным образом. Нет ровно ничего удивительного в том, что при такой обстановке среди всевозможных комбинаций и списков возник, наряду со списком меньшинства организации «Искры» (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский), не очень много отличающийся от него список: Попов, Троцкий, Фомин, Штейн и Егоров. Возникновение такой комбинации кандидатов в высшей степени естественно, потому что наши кандидаты, Глебов и Травинский, заведомо не нравились меньшинству организации «Искры» (см. их письмо в тексте § i, где они удаляют из тройки Травинского, а про Глебова прямо говорят, что это — компромисс). Замена Глебова и Травинского членами Орг. комитета, Штейном и Егоровым, была совершенно натуральна, и было бы странно, если бы никому из делегатов

партийного меньшинства не пришла в голову идея такой замены.

Рассмотрим теперь два следующие вопроса: 1) от кого исходил список: Егоров, Штейн, Попов, Троцкий, Фомин? и 2) почему тов. Мартов глубоко возмущался приписыванием ему такого списка? Чтобы ответить *точно* на первый вопрос, необходимо было бы произвести опрос всех делегатов съезда. Теперь это невозможно. Необходимо было бы, в особенности, выяснить, какие делегаты партийного меньшинства (не надо смешивать его с меньшинством организации «Искры») слышали на съезде о списках, вызвавших раскол организации «Искры»? как отнеслись они к обоим спискам большинства и меньшинства организации «Искры»? не предлагали ли и не слышали ли каких-либо предположений или мнений относительно желательного видоизменения списка меньшинства организации «Искры»? К сожалению, эти вопросы не были предложены, по-видимому, и на третейском суде, которому (судя по тексту решения) осталось даже неизвестным, из-за каких «пятерок» разошлась организация «Искры». Тов. Белов, например (относимый мной к «центру»), «показал, что он был в добрых товарищеских отношениях с Дейчем, который делился с ним своими впечатлениями по поводу работ съезда, и если бы Дейч вел какую-либо агитацию за тот или другой список, то он сообщил бы об этом и Белову». Нельзя не пожалеть, что осталось невыясненным, делился ли тов. Дейч на съезде с тов. Беловым впечатлениями по поводу списков организации «Искры»? и если да, то как относился тов. Белов к пятерному списку меньшинства организации «Искры»? не предлагал ли или не слышал ли о каких-либо желательных изменениях в нем? Благодаря невыясненности этого обстоятельства получается то противоречие в показаниях тт. Белова и Дейча, которое уже отметили тт. Горин и Лядов, именно, что тов. Дейч, вопреки своим утверждениям, «вел агитацию в пользу тех или других кандидатов ЦК», намеченных организацией «Искры». Тов. Белов показывает далее, что «о циркулировавшем на съезде списке он узнал, частным образом, дня за два до окончания съезда, встретившись с тт. Егоровым, Поповым и делегатами Харьковского комитета. При этом Егоров выразил удивление по поводу того, что его имя помещено в списке кандидатов в ЦК, так как по его, Егорова, мнению, его кандидатура не могла бы встретить сочувствия среди делегатов на съезде, как большинства, так и меньшинства». Крайне характерно, что здесь говорится, очевидно, о меньшинстве *организации «Искры»*, ибо среди остального меньшинства партийного

съезда кандидатура тов. Егорова, члена ОК и видного оратора «центра», не только могла, но, по всей вероятности, должна была бы встретить сочувствие. К сожалению, именно о сочувствии или несочувствии тех членов партийного меньшинства, которые не принадлежали к организации «Искры», мы не узнаем ничего от тов. Белова. А между тем этот-то вопрос и важен, ибо тов. Дейч возмущался приписыванием этого списка меньшинству организации «Искры», а список мог исходить от меньшинства, не принадлежавшего к этой организации!

Разумеется, в настоящее время очень трудно припомнить, кто первый высказал предположение о такой комбинации кандидатов и от кого услышал об ней каждый из нас. Я, напр., не берусь припомнить не только этого, но и того, кто именно из большинства первый выдвинул упоминавшиеся мной кандидатуры Русова, Дедова и других: из массы разговоров, предположений, слухов о всевозможных комбинациях кандидатов в моей памяти запечатлелись только те «списки», которые прямо ставились на вот в организации «Искры» или на частных собраниях большинства. «Списки» эти большей частью передавались устно (в моем «Письме в редакцию «Искры»», стр. 4, строка 5 снизу, я называю «списком» именно устно предложенную мной на собрании комбинацию пяти кандидатов), но сплошь да рядом заносились и на записки, которые вообще посылались от делегата к делегату во время заседаний съезда и уничтожались обыкновенно после заседания.

Раз нет точных данных о происхождении пресловутого списка, остается предположить, что либо неизвестный меньшинству организации «Искры» делегат партийного меньшинства высказался за такую комбинацию кандидатов, которую мы имеем в этом списке, и эта комбинация, в устном и письменном виде, пошла гулять по съезду; либо за эту комбинацию высказался на съезде кто-либо из членов меньшинства организации «Искры», впоследствии забывший об этом. Более вероятным мне кажется второе предположение, и вот почему: кандидатура тов. Штейна, несомненно, встречала еще на съезде сочувствие меньшинства организации «Искры» (см. в тексте моей брошюры), а к идее о кандидатуре тов. Егорова это меньшинство, несомненно, пришло после съезда (ибо и на съезде Лиги и в «Осадном положении» выражается сожаление о неутверждении Организационного комитета Центральным Комитетом, а тов. Егоров был членом ОК). Не естественно ли предположить, что эта, носившаяся, очевидно, в воздухе, идея о превращении членов ОК в члены ЦК была

высказана кем-нибудь из членов меньшинства в частном разговоре и на съезде партии?

Но тов. Мартов и тов. Дейч склонны, вместо естественного объяснения, усматривать непременно какую-то *грязь*, подвох, нечто нечестное, распространение «заведомо ложных слухов с целью опорочить», «*подделку в интересах фракционной борьбы*» и т. п. Это болезненное стремление может быть объяснено только нездоровыми условиями эмигрантской жизни или ненормальным состоянием нервов, и я не стал бы даже и останавливаться на этом вопросе, если бы дело не дошло до недостойного посягательства на честь товарища. Подумайте только: какие основания могли быть у тт. Дейча и Мартова искать грязного, дурного умысла в неверном сообщении, в неверном слухе? Их больное воображение нарисовало им, очевидно, такую картину, что большинство «порочило» их не указанием на политическую ошибку меньшинства (§ 1 и коалиция с оппортунистами), а приписываньем меньшинству «заведомо ложных», «подделанных» списков. Меньшинство предпочитало объяснить дело не своей ошибкой, а грязными, нечестными, позорными приемами большинства! До какой степени безрассудно искать дурного умысла в «неправильном сообщении», это мы показали уже и выше, обрисовав обстановку дела; это ясно видел и товарищеский третий суд, который никакой клеветы и ничего злоумышленного, ничего позорного не констатировал. Это, наконец, всего нагляднее доказывается тем фактом, что уже на съезде партии, еще до выборов, меньшинство организации «Искры» объяснялось с большинством по поводу неверного слуха, а тов. Мартов объяснялся даже в письме, которое было прочтено на собрании всех 24 делегатов большинства! Большинство и не думало скрывать от меньшинства организации «Искры», что на съезде циркулирует такой-то список: тов. Ленский сказал об этом тов. Дейчу (см. решение суда), тов. Плеханов говорил об этом тов. Засулич («с ней невозможно говорить, она, кажется, принимает меня за Трепова» — сказал мне тов. Плеханов, и эта шутка, много раз повторявшаяся, показывает еще раз ненормальное возбуждение меньшинства), я заявил тов. Мартову, что его утверждения (о непринадлежности списка ему, Мартову) для меня достаточно (протоколы Лиги, стр. 64). Тогда тов. Мартов (помнится, вместе с тов. Старовером) прислал нам записку в бюро следующего приблизительно содержания: «Большинство редакции «Искры» просит допустить его на частное собрание большинства для опровержения распространяемых против него позорящих слухов». Мы с Плехановым ответили на этой же

записке: «Никаких позорящих слухов мы не слышали. Если требуется собрание редакции, то об этом надо условиться особо. Ленин. Плеханов». Придя вечером на собрание большинства, мы рассказали об этом всем 24-м делегатам. Чтобы устранить возможность всяких недоразумений, решено было выбрать сообща делегатов от всех нас 24-х и послать этих делегатов объяснить с тт. Мартовым и Старовером. Выбранные делегаты, тт. Сорокин и Саблина, пошли и объяснили, что никто специально Мартову или Староверу списка не приписывает, особенно после их заявления, и что вовсе неважно, от меньшинства ли организации «Искры» или от не принадлежащего к этой организации меньшинства съезда исходит так или иначе этот список. Ведь не дознание же, в самом деле, производить на съезде! не опрашивать же всех делегатов насчет такого списка! Но тт. Мартов и Старовер, кроме того, написали нам еще письмо с формальным опровержением (см. § i). Письмо это наши уполномоченные, тт. Сорокин и Саблина, прочли на собрании 24-х. Казалось бы, инцидент можно уже считать законченным, — законченным не в смысле розысков о происхождении списка (если это кому интересно), а в смысле полнейшего устранения всякой мысли о каком бы то ни было намерении «повредить меньшинству» или «опорочить» кого-либо или воспользоваться «подделкой в интересах фракционной борьбы». Между тем тов. Мартов в Лиге (стр. 63—64) опять вытаскивает эту вымученную больным воображением грязь, причем делает целый ряд *неправильных сообщений* (очевидно, вследствие своего возбужденного состояния). Он говорил, что в списке был бундовец. Это неверно. Все свидетели на третейском суде, и тт. Штейн и Белов в том числе, подтверждают, что список был с тов. Егоровым. Тов. Мартов говорил, что список означал коалицию в смысле прямого соглашения. Это неверно, как я уже объяснил. Тов. Мартов говорит, что других списков, исходящих от меньшинства организации «Искры» (и способных оттолкнуть от этого меньшинства большинство съезда), «не было даже и подделано». Это неверно, ибо все большинство партийного съезда знало не менее трех списков, исходявших от тов. Мартова и К⁰ и не встретивших одобрения большинства (см. листок Лядова и Горина).

Почему так возмущал вообще этот список тов. Мартова? Потому, что список означал поворот к правому крылу партии. Тогда тов. Мартов вопиял против «ложного обвинения в оппортунизме», возмущался «неправильной характеристикой его политической позиции», а теперь все и каждый видят, что вопрос о принадлежности известного списка тов. Мартову и

тов. Дейчу никакого политического значения сыграть не мог, что *по существу, независимо ни от этого, ни от какого другого списка*, обвинение было не ложно, а истинно, характеристика политической позиции была совершенно правильна.

Итог этого тяжелого, вымученного дела о пресловутом фальшивом списке получается следующий:

1) Посягательство тов. Мартова на честь тов. Гусева посредством криков о «позорном факте подделки списка в интересах фракционной борьбы» нельзя не назвать, вместе с тт. Гориным и Лядовым, недостойным.

2) В интересах оздоровления атмосферы и избавления членов партии от обязанности брать всерьез всякие больные выходки, может быть, следовало бы на третьем съезде установить такое правило, которое есть в организационном уставе немецкой соц.-дем. рабочей партии. § 2 этого устава гласит: «К партии не может принадлежать тот, кто оказался виновным в грубом нарушении принципов партийной программы или в бесчестном поступке. Вопрос о дальнейшей принадлежности к партии решает третейский суд, созываемый партийным правлением. Половину судей назначает тот, кто предлагает исключение, другую половину — тот, кого хотят исключить, а председателя назначает правление партии. Апелляция на решение третейского суда допускается в контрольную комиссию или в партийный съезд». Подобное правило может послужить хорошим орудием борьбы против всех тех, кто легкомысленно бросает обвинения (или распространяет слухи) относительно чего бы то ни было бесчестного. При существовании такого правила все такие обвинения раз навсегда относимы были бы к недостойным сплетням, пока у тех, кто обвиняет, не находится нравственного мужества выступить *перед партией* в роли обвинителя и добиваться вынесения вердикта подлежащим партийным учреждением.

Написано в феврале — мае 1904 г.

Напечатано в мае 1904 г.
в Женеве отдельной книгой

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 8, стр. 185—414

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Женева, среда 25(12) января.

Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством. Теперь вряд ли возможны сомнения в том, что правительство умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиваться стачечному движению и начаться широкой демонстрации, желая довести дело до применения военной силы. И оно довело до этого! Тысячи убитых и раненых — таковы итоги кровавого воскресенья 9 января в Петербурге. Войско победило безоружных рабочих, женщин и детей. Войско одолело неприятеля, расстреливая лежавших на земле рабочих. «Мы дали им хороший урок!», — с невыразимым цинизмом говорят теперь царские слуги и их европейские лакеи из консервативной буржуазии.

Да, урок был великий! Русский пролетариат не забудет этого урока. Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренне желавшие мирно передать «самому царю» просьбы измученного народа, все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром.

Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата «смерть или свобода!» эхом перекатывается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой. Всеобщая стачка в Петербурге растет. Вся промышленная, общественная и политическая жизнь парализована. В понедельник 10 января столкновения рабочих с войском становятся ожесточеннее. Вопреки лживым правительственным сообщениям, кровь льется во многих и многих частях столицы. Поднимаются рабочие Колпина. Пролетариат вооружается и вооружает народ. Рабочие захватили, говорят, Сестрорецкий оружейный склад. Рабочие запасаются револьверами, куют себе оружие из своих инструмен-

тов, добывают бомбы для отчаянной борьбы за свободу. Всеобщая стачка охватывает провинции. В Москве 10 000 человек уже бросило работу. На завтра (четверг 13 января) назначена всеобщая стачка в Москве. Вспыхнул мятеж в Риге. Манифестируют рабочие в Лодзи, готовится восстание Варшавы, происходят демонстрации пролетариата в Гельсингфорсе. В Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковне и Вильне растет брожение рабочих и ширится забастовка. В Севастополе горят склады и арсенал морского ведомства, и войско отказывается стрелять в восставших матросов. Стачка в Ревеле и в Саратове. Вооруженное столкновение с войском рабочих и запасных в Радоме.

Революция разрастается. Правительство начинает уже метаться. От политики кровавой репрессии оно пытается перейти к экономическим уступкам и отделаться подачкой или обещанием девятичасового рабочего дня. Но урок кровавого дня не может пройти даром. Требование восставших петербургских рабочих — немедленный созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права — должно стать требованием всех бастующих рабочих. Немедленное низвержение правительства — вот лозунг, которым ответили на бойню 9-го января даже верившие в царя петербургские рабочие, ответили устами их вождя, священника Георгия Гапона, который сказал после этого кровавого дня: «у нас нет больше царя. Река крови отделяет царя от народа. Да здравствует борьба за свободу!»

Да здравствует революционный пролетариат! — скажем мы. Всеобщая стачка поднимает и мобилизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента.

Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше продержится он на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдется среди солдат людей, которые поймут, наконец, что они делают, которые станут на сторону народа против извергов, против тирана, против убийц безоружных рабочих, их жен и детей. Как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге, во всяком случае оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию. Правительству, может быть, удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска. Отсрочкой

только воспользуется социал-демократия для сплочения рядов организованных бойцов и распространения вестей о пощине петербургских рабочих. Пролетариат будет примыкать к борьбе, оставляя фабрики и заводы, готовя себе вооружение. В среду городской бедноты, в среду миллионов крестьянства будут шире и шире нестись лозунги борьбы за свободу. Революционные комитеты будут основываться на каждой фабрике, в каждом районе города, в каждом значительном селе. Восставший народ станет низвергать все и всяческие правительственные учреждения царского самодержавия, провозглашая немедленный созыв учредительного собрания.

Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры. Пролетариат всегда должен идти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с социал-демократической партией, памятуя о своих великих конечных целях избавления всего человечества от всякой эксплуатации. Но эта самостоятельность социал-демократической пролетарской партии никогда не заставит нас забыть о важности общего революционного натиска в момент настоящей революции. Мы, социал-демократы, можем и должны идти независимо от революционеров буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетариата, но мы должны идти рука об руку во время восстания, при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападениях на бастилии проклятого врага всего русского народа.

На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара. И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы и всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплуатируемых, всего народа против общенародного врага. У всех перед глазами стоит теперь пример героев-пролетариев Петербурга.

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!

ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ²³⁴

ПРЕДИСЛОВИЕ

В революционный момент очень трудно поспеть за событиями, которые дают поразительно много нового материала к оценке тактических лозунгов революционных партий. Настоящая брошюра писана до одесских событий*. Мы уже указали в «Пролетарии»²³⁶ (№ 9, «Революция учит»)**, что эти события заставили даже тех социал-демократов, которые создали теорию восстания-процесса и отрицали пропаганду временного революционного правительства, перейти или начать переходить фактически на сторону своих оппонентов. Революция учит, несомненно, с такой быстротой и такой основательностью, которые кажутся невероятными в мирные эпохи политического развития. И она учит, что особенно важно, не только руководителей, — но и массы.

Не подлежит никакому сомнению, что революция научит рабочие массы в России социал-демократизму. Революция подтвердит на деле программу и тактику социал-демократии, показав настоящую природу различных общественных классов, показав буржуазность нашей демократии и настоящие стремления крестьянства, революционного в буржуазно-демократическом духе, но таящего в себе не идею «социализации», а новую классовую борьбу между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом. Старые иллюзии старого народничества, которые так явно сквозят, например, в проекте программы «партии социалистов-революционеров»²³⁷ и в вопросе о развитии капитализма в России, и в вопросе о демократизме нашего «общества», и в вопросе о значении полной победы

* Имеется в виду восстание броненосца «Князь Потемкин»²³⁵. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

** См. Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 135—136; 4 изд., том 9, стр. 127. *Ред.*

крестьянского восстания, все эти иллюзии будут беспощадно и окончательно развеяны революцией. Она даст впервые настоящее политическое крещение различным классам. Эти классы выйдут из революции с определенной политической физиономией, показав себя не только в программах и тактических лозунгах своих идеологов, но и в открытом политическом действии масс.

Несомненно, что революция научит нас, научит народные массы. Но вопрос для борющейся политической партии состоит теперь в том, сумеем ли мы научить чему-нибудь революцию? сумеем ли мы воспользоваться правильностью нашего социал-демократического учения, связью нашей с единственным до конца революционным классом, пролетариатом, для того, чтобы наложить на революцию пролетарский отпечаток, чтобы довести революцию до настоящей решительной победы на деле, а не на словах, чтобы парализовать неустойчивость, половинчатость и предательство демократической буржуазии?

К этой цели должны мы направить все свои усилия. А достижение ее зависит, с одной стороны, от правильности нашей оценки политической позиции, от верности наших тактических лозунгов, а с другой стороны, от поддержки этих лозунгов реальной боевой силой рабочих масс. К укреплению и расширению связей с массой направлена вся обычная, регулярная, текущая работа всех организаций и групп нашей партии, работа пропаганды, агитации и организации. Эта работа всегда необходима, но в революционный момент она менее, чем когда-либо, может считаться достаточной. В такой момент рабочий класс инстинктивно рвется к открытому революционному выступлению, и мы должны уметь правильно поставить задачи этого выступления, чтобы распространить затем как можно шире знакомство с этими задачами и понимание их. Не надо забывать, что ходячий пессимизм насчет нашей связи с массой прикрывает теперь особенно часто буржуазные идеи относительно роли пролетариата в революции. Несомненно, нам надо еще много и много работать над воспитанием и организацией рабочего класса, но весь вопрос теперь в том, где должен лежать главный политический центр тяжести этого воспитания и этой организации? В профессиональных ли союзах и легальных обществах или в вооруженном восстании, в деле создания революционной армии и революционного правительства? И на том, и на другом рабочий класс воспитывается и организуется. И то и другое, конечно, необходимо. Весь вопрос теперь, в настоящей революции, сводится, однако, к тому, в чем будет лежать центр тяжести

воспитания и организации рабочего класса, в первом или во втором?

Исход революции зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции. Сознательные представители буржуазии чувствуют это прекрасно. Поэтому-то «Освобождение» и восхваляет акимовщину, «экономизм» в социал-демократии, выдвигающий *теперь* на первый план профессиональные союзы и легальные общества. Поэтому-то г. Струве и приветствует (№ 72 «Освобождения») принципиальные тенденции акимовщины в новоискровстве. Поэтому-то он и обрушивается на ненавистную революционную узость решений III съезда Российской социал-демократической рабочей партии²³⁸.

Правильные тактические лозунги социал-демократии имеют теперь особенно важное значение для руководства массами. Ничего нет более опасного, как принижение значения принципиально выдержанных тактических лозунгов в революционное время. Например, «Искра»²³⁹ в № 104 фактически переходит на сторону своих оппонентов в социал-демократии, но в то же время пренебрежительно отзывается о значении лозунгов и тактических решений, идущих впереди жизни, указывающих путь, по которому движение идет, с рядом неудач, ошибок и т. д. Напротив, выработка верных тактических решений имеет гигантское значение для партии, которая хочет в духе выдержанных принципов марксизма руководить пролетариатом, а не только тащиться в хвосте событий. В резолюциях III съезда Российской социал-демократической рабочей партии и конференции отколовшейся части партии* мы имеем самые точные, самые обдуманые, самые полные выражения тактических взглядов, не случайно высказанных отдельными литераторами, а принятых ответственными представителями социал-демократического пролетариата. Наша партия стоит впереди всех остальных, имея точную и принятую всеми программу. Она должна показать пример остальным партиям и в деле строгого отношения к своим тактическим резолюциям, в противовес оппортунизму демократической буржуазии «Освобождения» и революционной фразе

* На III съезде РСДРП (Лондон, в мае 1905 г.) участвовали только большевики. На «конференции» (Женева, тогда же) — только меньшевики, называемые часто в предлагаемой брошюре «новоискровцами», ибо, продолжая издавать «Искру», они объявили устами тогдашнего своего единомышленника, Троцкого, что между старой и новой «Искрой» лежит пропасть. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

социалистов-революционеров, которые только во время революции спохватились выступить с «проектом» программы и заняться впервые вопросом, буржуазная ли революция происходит у них перед глазами.

Вот почему мы считаем самым насущным делом революционной социал-демократии тщательное изучение тактических резолюций III съезда Российской социал-демократической рабочей партии и конференции, определение уклонов в них от принципов марксизма, уяснение себе конкретных задач социал-демократического пролетариата в демократической революции. Этой работе и посвящена предлагаемая брошюра. Проверка нашей тактики с точки зрения принципов марксизма и уроков революции необходима и для того, кто хочет реально готовить единство тактики как основу будущего полного объединения всей Российской социал-демократической рабочей партии, а не ограничиваться одними словами увещания.

Н. Ленин

Июль 1905 года.

1. НАСУЩНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВОПРОС

На очереди дня в переживаемый нами революционный момент стоит вопрос о созыве всенародного учредительного собрания. Как решить этот вопрос, мнения расходятся. Намечаются три политические направления. Царское правительство допускает необходимость созыва народных представителей, но не желает ни в каком случае допустить, чтобы их собрание было всенародным и учредительным. Оно как будто соглашается, если верить газетным известиям о работах булыгинской комиссии²⁴⁰, на совещательное собрание, избранное при отсутствии свободы агитации и при узкоцензурной или узкословной системе выборов. Революционный пролетариат, поскольку им руководит социал-демократия, требует полного перехода власти к учредительному собранию, добиваясь в этих целях не только всеобщего избирательного права и не только полной свободы агитации, но, кроме того, немедленного низвержения царского правительства и замены его временным революционным правительством. Наконец, либеральная буржуазия, выражающая свои пожелания устами вождей так называемой «конституционно-демократической партии», не требует низвержения царского правительства, не выдвигает лозунга временного правительства, не настаивает на реальных гарантиях того, чтобы выборы были вполне свободны и правильны, чтобы собрание представителей могло стать действительно всенародным и действительно учредительным. По существу дела, либеральная буржуазия, которая одна только является серьезной социальной опорой направления «освободенцев», добивается возможно более мирной сделки между царем и революционным народом, и притом такой сделки, при которой бы всего больше власти досталось ей, буржуазии, всего менее — революционному народу, пролетариату и крестьянству.

Таково политическое положение в данный момент. Таковы три главные политические направления, соответствующие трем главным социальным силам современной России. О том, как «освобожденцы» прикрывают якобы демократическими фразами свою половинчатую, т. е., говоря прямее и проще, изменническую, предательскую по отношению к революции политику, мы уже не раз говорили в «Пролетарии» (№№ 3, 4, 5) *. Посмотрим теперь, как учитывают социал-демократы задачи момента. Превосходным материалом в этом отношении являются две резолюции, принятые совсем недавно III съездом РСДРП и «конференцией» отколовшейся части партии. Вопрос о том, какая из этих резолюций правильнее учитывает политический момент и правильнее определяет тактику революционного пролетариата, имеет громадное значение, и всякий социал-демократ, желающий сознательно исполнить свои обязанности пропагандиста, агитатора и организатора, должен со всем вниманием разобраться в этом вопросе, оставив совершенно в стороне соображения, не относящиеся к существу дела.

Под тактикой партии разумеется ее политическое поведение, или характер, направление, способы ее политической деятельности. Тактические резолюции принимаются партийным съездом для того, чтобы точно определить политическое поведение партии, как целого, в отношении новых задач или ввиду нового политического положения. Такое новое положение создала начавшаяся в России революция, то есть полное, решительное и открытое расхождение гигантского большинства народа с царским правительством. Новый вопрос состоит в том, каковы практические способы созыва действительно всенародного и действительно учредительного собрания (теоретически вопрос о таком собрании давно уже и раньше всех других партий решен социал-демократией официально, в ее партийной программе). Если народ разошелся с правительством, и массой признана необходимость учредить новый порядок, то партия, поставившая себе целью свергнуть правительство, необходимо должна подумать о том, каким правительством заменить старое, свергаемое правительство. Возникает *новый* вопрос о временном революционном правительстве. Чтобы дать полный ответ на этот вопрос, партия сознательного пролетариата должна выяснить, во-1-х, *значение* временного революционного правительства в происходящей революции и во всей борьбе пролетариата вообще;

* См. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 256—265, 270—277, 291—297; 4 изд., том 8, стр. 452—460, 477—483, 484—490. *Ред.*

во-2-х, свое *отношение* к временному революционному правительству; в-3-х, точные условия *участия* социал-демократии в этом правительстве; в-4-х, условия давления на это правительство *снизу*, т. е. при отсутствии в нем социал-демократии. Только при выяснении всех этих вопросов политическое поведение партии в данном отношении будет принципиальное, ясное и твердое.

Посмотрим же, как разрешает эти вопросы резолюция III съезда РСДРП. Вот ее полный текст:

«Резолюция о временном революционном правительстве. Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, учредительное собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода, —

III съезд РСДРП постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программа-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции».

2. ЧТО ДАЕТ НАМ РЕЗОЛЮЦИЯ III СЪЕЗДА РСДРП О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ?

Резолюция III съезда РСДРП, как видно из ее названия, посвящена всецело и исключительно вопросу о временном революционном правительстве. Это значит, что участие с.-д. во временном революционном правительстве входит сюда, как часть вопроса. С другой стороны, речь идет только о временном революционном правительстве, ни о чем другом; след., сюда не входит совершенно вопрос хотя бы о «завоевании власти» вообще и т. п. Правильно ли поступил съезд, отстранив этот последний и подобные вопросы? Несомненно правильно, ибо таких вопросов политическое положение России отнюдь не выдвигает на очередь дня. Наоборот, всем народом поставлено на очередь свержение самодержавия и созыв учредительного собрания. Съездам партии следует ставить на разрешение не те вопросы, которых коснулся кстати или некстати тот или иной литератор, а те, которые имеют серьезное политическое значение в силу условий момента и вследствие объективного хода общественного развития.

Какое значение в теперешней революции и в общей борьбе пролетариата имеет временное революционное правительство? Резолюция съезда разъясняет это, указывая в самом начале на необходимость «возможно более полной политической свободы» и с точки зрения непосредственных интересов пролетариата, и с точки зрения «конечных целей социализма». А полная политическая свобода требует замены царского самодержавия демократической республикой, как признано уже нашей партийной программой. Подчеркивание лозунга демократической республики в резолюции съезда

необходимо логически и принципиально, ибо пролетариат, как передовой борец за демократию, добивается именно полной свободы; кроме того, это подчеркивание тем более целесообразно в данный момент, что у нас как раз теперь выступают под флагом «демократизма» монархисты, именно: так наз. конституционно-«демократическая» или «освобожденская» партия. Для учреждения республики безусловно необходимо собрание народных представителей, притом непременно всенародное (на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов) и учредительное. Это и признает резолюция съезда далее. Но она не ограничивается этим. Чтобы учредить новый порядок, «действительно выражающий волю народа», недостаточно назвать представительное собрание учредительным. Надо, чтобы это собрание имело власть и силу «учреждать». Сознавая это, резолюция съезда не ограничивает формальным лозунгом «учредительного собрания», а добавляет материальные условия, при которых только и возможно настоящее выполнение этим собранием своей задачи. Такое указание условий, при которых учредительное на словах собрание может стать учредительным на деле, необходимо настоятельно, ибо либеральная буржуазия, в лице конституционно-монархической партии, заведомо извращает, как мы уже не раз указывали, лозунг всенародного учредительного собрания, сводя его к пустой фразе.

Резолюция съезда говорит, что обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать собрание, действительно выражающее волю народа, способно *единственно* временное революционное правительство, притом такое, которое бы являлось органом победоносного народного восстания. Верно ли это положение? Кто вздумал бы оспорить его, тот должен утверждать, что царское правительство может не тянуть руку реакции, что оно способно быть нейтральным при выборах, что оно может заботиться о действительном выражении воли народа. Подобные утверждения настолько нелепы, что открыто их никто не станет защищать, но тайком их провозят, под либеральным флагом, именно наши освобожденцы. Учредительное собрание должен кто-нибудь созвать; свободу и правильность выборов должен кто-нибудь обеспечить; силу и власть этому собранию кто-нибудь должен целиком вручить: только революционное правительство, являющееся органом восстания, может вполне искренне хотеть этого и быть в силах все сделать для осуществления этого. Царское правительство неизбежно будет противодействовать этому. Либеральное правительство, вошедшее в

сделку с царем и не опирающееся целиком на народное восстание, неспособно ни искренне хотеть этого, ни осуществить этого, даже при самом искреннем желании. Резолюция съезда дает, след., единственно правильный и вполне последовательный демократический лозунг.

Но оценка значения временного революционного правительства была бы неполна и неверна, если бы был упущен из виду классовый характер демократического переворота. Резолюция добавляет поэтому, что переворот усилит господство буржуазии. Это неизбежно при данном, т. е. капиталистическом, общественно-экономическом строе. А результатом усиления господства буржуазии над сколько-нибудь свободным политически пролетариатом неизбежно должна быть отчаянная борьба между ними за власть, должны быть отчаянные попытки буржуазии «отнять у пролетариата завоевания революционного периода». Борясь за демократию впереди всех и во главе всех, пролетариат ни на минуту не должен забывать поэтому о таящихся в недрах буржуазной демократии новых противоречиях и о новой борьбе.

Значение временного революционного правительства оценено, таким образом, в рассмотренной нами части резолюции вполне: и в его отношении к борьбе за свободу и за республику, и в его отношении к учредительному собранию, и в его отношении к демократическому перевороту, очищающему почву для новой классовой борьбы.

Спрашивается далее, какова должна быть позиция пролетариата вообще по отношению к временному революционному правительству? Резолюция съезда отвечает на это прежде всего прямым советом партии распространять в рабочем классе убеждение в необходимости временного революционного правительства. Рабочий класс должен сознать эту необходимость. В то время как «демократическая» буржуазия оставляет в тени вопрос о низвержении царского правительства, мы должны выдвигать его на первое место и настаивать на необходимости временного революционного правительства. Мало того, мы должны указать программу действий этого правительства, соответствующую объективным условиям переживаемого исторического момента и задачам пролетарской демократии. Эта программа есть *вся* программа-минимум нашей партии, программа ближайших политических и экономических преобразований, вполне осуществимых, с одной стороны, на почве данных общественно-экономических отношений, и необходимых, с другой стороны, для дальнейшего шага вперед, для осуществления социализма.

Таким образом, резолюция выясняет вполне характер и цель временного революционного правительства. По своему происхождению и основному характеру, это правительство должно быть органом народного восстания. По своему формальному назначению, оно должно быть орудием созыва всенародного учредительного собрания. По содержанию его деятельности, оно должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии, как единственно способную обеспечить интересы восставшего против самодержавия народа.

Могут возразить, что временное правительство, будучи временным, не может проводить положительной программы, еще не одобренной всем народом. Такое возражение было бы лишь софизмом реакционеров и «самодержавщиков». Не проводить никакой положительной программы значит терпеть существование крепостнических порядков прогнившего самодержавия. Терпеть такие порядки могло бы лишь правительство изменников делу революции, а не правительство, являющееся органом народного восстания. Было бы насмешкой, если бы кто-либо предложил отказаться от осуществления на деле свободы собраний впредь до признания этой свободы учредительным собранием, — под тем предлогом, что учредительное собрание может еще и не признать свободы собраний! Такой же насмешкой является возражение против немедленного осуществления программы-минимум временным революционным правительством.

Заметим, наконец, что, ставя задачей временного революционного правительства осуществление программы-минимум, резолюция тем самым устраняет нелепые полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота. Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходящего демократического переворота; — только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как еще мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления. А мы все убеждены, что освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих; без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи. И в ответ на анархические возражения, будто мы откладываем

социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики. Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам. Если те или другие рабочие спросят нас в соответствующий момент: почему бы не осуществить нам программы-максимум, мы ответим им указанием на то, как чужды еще социализму демократически настроенные массы народа, как неразвиты еще классовые противоречия, как неорганизованы еще пролетарии. Организуйте-ка сотни тысяч рабочих по всей России, распространите сочувствие своей программе среди миллионов! Попробуйте сделать это, не ограничиваясь звонкими, но пустыми анархическими фразами, — и вы увидите тотчас же, что осуществление этой организации, что распространение этого социалистического просвещения зависит от возможно более полного осуществления демократических преобразований.

Пойдем дальше. Раз выяснено значение временного революционного правительства и отношение к нему пролетариата, возникает следующий вопрос: допустимо ли и при каких условиях наше участие в нем (действие сверху)? Каково должно быть наше действие снизу? Резолюция дает точные ответы на оба эти вопроса. Она решительно заявляет, что в принципе участие социал-демократии во временном революционном правительстве (в эпоху демократического переворота, в эпоху борьбы за республику) *допустимо*. Этим заявлением мы бесповоротно отделяем себя и от анархистов, отвечающих на этот вопрос принципиально в отрицательном смысле, и от хвостистов социал-демократии (вроде Мартынова и новоискровцев), *пугавших* нас перспективой такого положения, когда это участие могло бы оказаться для нас необходимым. Этим заявлением III съезд РСДРП бесповоротно отверг ту мысль новой «Искры», будто участие социал-демократов во временном революционном правительстве есть разновидность мильеранизма, будто это недопустимо принципиально, как освящение буржуазного порядка, и т. д.

Но вопрос о принципиальной допустимости, само собою разумеется, не решает еще вопроса о практической целесообразности. При каких условиях этот новый вид борьбы, борьбы «сверху», признанный съездом партии, является целесообразным? Само собою разумеется, что о конкретных условиях, вроде соотношения сил и т. п., говорить теперь нет

возможности, и резолюция, естественно, отказывается от предварительного определения этих условий. Ни один разумный человек не возьмется предсказывать что-либо насчет интересующего нас вопроса в настоящий момент. Можно и должно определить характер и цель нашего участия. Резолюция и делает это, указывая две цели участия: 1) беспощадную борьбу с контрреволюционными попытками и 2) отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса. В то время как либеральные буржуа начинают усердно разговаривать о психологии реакции (см. поучительнейшее «Открытое письмо» г. Струве в № 71 «Освобождения»), стараясь запугать революционный народ и побудить его к уступчивости по отношению к самодержавию, — в это время особенно уместно со стороны партии пролетариата напомнить о задаче настоящей войны с контрреволюцией. Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти непрерывно со времен Парижской Коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий. Из таких условий резолюция съезда выдвигает на первый план два: одно касается формальной стороны участия социал-демократии во временном революционном правительстве (строгий контроль партии за ее уполномоченными), другое — самого характера этого участия (ни на минуту не упускать из виду цели полного социалистического переворота).

Выяснив, таким образом, со всех сторон политику партии при действии «сверху», — этом новом, почти невиданном доселе способе борьбы, — резолюция предусматривает и тот случай, когда сверху действовать нам не удастся. Действовать снизу на временное революционное правительство мы обязаны во всяком случае. Для такого давления снизу пролетариат должен быть вооружен, — ибо в революционный момент дело доходит особенно быстро до прямой гражданской войны, — и руководим социал-демократией. Цель его вооруженного давления — «охрана, упрочение и расширение

завоеваний революции», т. е. тех завоеваний, которые, с точки зрения интересов пролетариата, должны состоять в осуществлении всей нашей программы-минимум.

Этим мы закончим краткий разбор резолюции III съезда о временном революционном правительстве. Как видит читатель, резолюция эта выясняет и значение нового вопроса, и отношение к нему партии пролетариата, и политику партии как изнутри временного революционного правительства, так и извне его.

Посмотрим теперь на соответствующую резолюцию «конференции».

3. ЧТО ТАКОЕ «РЕШИТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ НАД ЦАРИЗМОМ»?

Резолюция «конференции» посвящена вопросу «о завоевании власти и участии во временном правительстве»*. Уже в этой постановке вопроса кроется, как мы указывали, путаница. С одной стороны, вопрос ставится узко: только о нашем участии во временном правительстве, а не вообще о задачах партии по отношению к временному революционному правительству. С другой стороны, смешиваются два совершенно разнородных вопроса: о нашем участии в одной из стадий демократического переворота и о социалистическом перевороте. В самом деле, «завоевание власти» социал-демократией есть именно социалистический переворот и не может быть ничем иным, если употреблять эти слова в их прямом и обычном значении. А если понимать их в смысле завоевания власти не для социалистического, а для демократического переворота, то тогда какой смысл говорить не только об участии во временном революционном правительстве, но и о «завоевании власти» вообще? Очевидно, наши «конференции» сами хорошенько не знали, о чем собственно им следует говорить: о демократическом или о социалистическом перевороте. Кто следил за литературой вопроса, тот знает, что начало этой путанице положил тов. Мартынов в его знаменитых «Двух диктатурах»: новоискровцы неохотно вспоминают о постановке вопроса, данной (еще до 9-го января) в этом образцово-хвостистском произведении, но его идейное влияние на конференцию не подлежит сомнению.

* Полный текст этой резолюции читатель может восстановить по цитатам, приведенным на стр. 400, 403—404, 407, 431 и 433—434 данной брошюры. (Примечание автора к изданию 1907 г. См. настоящий том, стр. 439, 443—444, 448, 477, 480—481. *Ред.*)

Но оставим в стороне заглавие резолюции. Ее содержание показывает нам ошибки, несравненно более глубокие и серьезные. Вот первая часть ее:

«Решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать всенародное учредительное собрание».

Итак, нам говорят, что решительной победой революции над царизмом может быть и победоносное восстание и... решение представительного учреждения организовать учредительное собрание! Что это? как это? Решительная победа может быть ознаменована «решением» организовать учредительное собрание?? И такая «победа» ставится рядом с учреждением временного правительства, «вышедшего из победоносного народного восстания»!! Конференция не заметила, что *победоносное* народное восстание и *учреждение* временного правительства означает победу революции *на деле*, а «решение» организовать учредительное собрание означает победу революции лишь *на словах*.

Конференция меньшевиков-новоискровцев впала в ту самую ошибку, в которую постоянно впадают либералы, освободенцы. Освободенцы фразерствуют об «учредительном» собрании, стыдливо закрывая глаза на сохранение силы и власти в руках царя, забывая, что для «учреждения» нужно иметь *силу* учредить. Конференция тоже забыла, что от «решения» каких угодно представителей до осуществления этого решения еще далеко. Конференция тоже забыла, что, пока власть остается в руках царя, любые решения каких угодно представителей останутся такой же пустой и жалкой болтовней, какой оказались «решения» знаменитого в истории германской революции 1848 года Франкфуртского парламента²⁴¹. Представитель революционного пролетариата, Маркс, в своей «Новой Рейнской Газете» за то и бичевал беспощадными сарказмами франкфуртских либеральных «освободенцев», что они говорили хорошие слова, принимали всякие демократические «решения», «учреждали» всякие свободы, а на деле оставляли власть в руках короля, не организовали вооруженной борьбы с военной силой, бывшей в распоряжении короля. И пока франкфуртские освободенцы болтали, — король выждал время, укрепил свои военные силы, и контрреволюция, опираясь на реальную силу, разбила наголову демократов со всеми их прелестными «решениями».

Конференция приравняла к решительной победе то, в чем как раз недостает решительного условия победы. Каким образом могли социал-демократы, признающие республиканскую программу нашей партии, впасть в эту ошибку? Чтобы понять это странное явление, надо обратиться к резолюции III съезда об отколовшейся части партии *. В этой резолюции указывается на переживание в нашей партии разных «родственных «экономизму» течений. Наши конференты (недаром, верно, они находятся под идейным руководством Мартынова) рассуждают о революции совершенно в том же духе, как «экономисты» рассуждали о политической борьбе или 8-часовом рабочем дне. «Экономисты» сейчас же пускали в ход «теорию стадий»: 1) борьба за права; 2) политическая агитация; 3) политическая борьба, — или 1) 10-часовой рабочий день; 2) 9-часовой; 3) 8-часовой. Какие результаты получались от этой «тактики-процесса», всем достаточно известно. Теперь нам предлагают и революцию наперед разделить хорошенечко на стадии: 1) царь созывает представительное учреждение; 2) это представительное учреждение «решает» под давлением «народа» организовать учредительное собрание; 3) ...о третьей стадии меньшевики еще не сталкивались; они забыли, что революционное давление народа встречает контрреволюционное давление царизма и что поэтому либо «решение»

* Приводим полный текст этой резолюции: «Съезд констатирует, что в РСДРП со времени ее борьбы с «экономизмом» сохраняются до сих пор в различной мере и в различных отношениях родственные ему оттенки, характеризующиеся общей тенденцией принижать значение элементов сознательности в пролетарской борьбе, подчиняя их элементам стихийности. Представители этих оттенков в вопросе организационном теоретически выставляют несоответствующий планомерно оформленной работе партии принцип организации-процесса, на практике же проводят в массе случаев систему уклонений от партийной дисциплины, а в других случаях, обращая к наименее сознательной части партии проповедь широкого, не считающегося с объективными условиями русской действительности, применения выборного начала, пытаются подорвать единственно возможные в данное время основы партийной связи. В вопросах тактических они проявляют себя стремлением сузить размах партийной работы, высказываясь против законченно-независимой партийной тактики по отношению к либерально-буржуазным партиям, против возможности и желательности для нашей партии взять на себя организующую роль в народном восстании, против участия партии при каких бы то ни было условиях во временном демократически-революционном правительстве.

Съезд предлагает всем членам партии вести повсюду энергичную идейную борьбу против подобных частичных уклонений от принципов революционной социал-демократии, но в то же время находит, что участие в партийных организациях лиц, примыкающих в той или иной мере к подобным взглядам, допустимо при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный устав, всецело подчинялись партийной дисциплине». (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

остаётся неосуществленным, либо дело решает опять-таки победа или поражение народного восстания. Резолюция конференции точь-в-точь похожа на такое рассуждение «экономистов»: решительная победа рабочих может быть ознаменована либо революционным осуществлением 8-часового рабочего дня, либо дарованием десятичасового рабочего дня и «решением» перейти к девятичасовому... Точь-в-точь то же самое.

Нам могут возразить, пожалуй, что авторы резолюции не имели в виду *приравнять* победу восстания к «решению» представительного учреждения, созванного царем, что они хотели лишь предусмотреть тактику партии в том и в другом случае. Мы ответим на это: 1) текст резолюции прямо и недвусмысленно называет «решительной победой революции над царизмом» *решение* представительного учреждения. Может быть, это результат небрежной редакции, может быть, ее можно бы исправить на основании протоколов, но пока она не исправлена, смысл этой редакции может быть только один, и смысл этот всецело *освобожденский*. 2) «Освобожденский» ход мысли, в который впали авторы резолюции, еще несравненно рельефнее выступает в других литературных произведениях новоискровцев. Напр., в органе Тифлисского комитета «Социал-Демократ»²⁴² (на грузинском языке; расхвален «Искрой» в № 100) статья «Земский собор и наша тактика» договаривается прямо до того, что «тактика», «избирающая центром нашего действия Земский собор» (о созыве которого, добавим от себя, мы еще ничего точного не знаем!), «*выгоднее для нас*», чем «тактика» вооруженного восстания и учреждения временного революционного правительства. Мы ниже еще вернемся к этой статье. 3) Нельзя ничего иметь против предварительного обсуждения тактики партии и на случай победы революции и на случай поражения ее, и на случай успеха восстания и на тот случай, если восстание не сможет разгореться в серьезную силу. Возможно, что царскому правительству удастся созвать представительное собрание в целях сделки с либеральной буржуазией, — резолюция III съезда, предусматривая это, говорит прямо о «лицемерной политике», о «псевдодемократизме», о «карикатурных формах народного представительства вроде так называемого Земского собора»*. Но в том-то и дело, что это говорится не в резолюции

* Вот текст этой резолюции об отношении к тактике правительства накануне переворота.

«Принимая во внимание, что в целях самосохранения правительство в переживаемый революционный период, усиливая обычные репрессии, направленные преимущественно против сознательных элементов пролетариата, вместе с тем 1) пытается путем уступок и обещаний реформ поли-

о временном революционном правительстве, ибо к временному революционному правительству это не имеет отношения. Этот случай отодвигает проблему восстания и учреждения временного революционного правительства, видоизменяет ее и т. д. Речь же идет теперь не о том, что возможны всякие комбинации, что возможна и победа и поражение, и прямые пути и окольные, — речь идет о том, что непозволительно социал-демократу вносить путаницу в представление рабочих о действительно революционном пути, что непозволительно по-освободженски называть решительной победой то, в чем недостает *основного* условия победы. Возможно, что и восьмичасовой рабочий день мы получим не сразу, а лишь долгим окольным путем, но что вы скажете о человеке, который победой рабочих назовет такое бессилие, такую слабость пролетариата, при которых он *не в силах* будет помешать проволочкам, отсрочкам, торгашеству, измене и реакции? Возможно, что русская революция кончится «конституционным выкидышем», как сказал однажды «Вперед»*, но разве это может оправдать социал-демократа, который бы накануне

тически развратить рабочий класс и тем отвлечь его от революционной борьбы; 2) с тою же целью облекает свою лицемерную политику уступок в псевдodemократические формы, начиная с приглашения рабочих выбирать в комиссии и совещания своих представителей и кончая созданием карикатурных форм народного представительства, вроде так называемого Земского собора; 3) организует так называемые черные сотни и поднимает против революции все вообще реакционные, бессознательные или ослепленные расовой и религиозной ненавистью элементы народа, —

III съезд РСДРП постановляет предложить всем партийным организациям:

а) разоблачая реакционные цели правительственных уступок, подчеркивать в пропаганде и агитации их вынужденный характер, с одной стороны, и безусловную невозможность для самодержавия дать удовлетворяющие пролетариат реформы — с другой;

б) пользуясь предвыборной агитацией, разъяснять рабочим истинный смысл подобных мероприятий правительства и доказывать необходимость для пролетариата созыва революционным путем учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов;

в) организовывать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других стоящих на очереди требований рабочего класса;

г) организовать вооруженный отпор выступлению черных сотен и всех вообще реакционных элементов, руководимых правительством». (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

* Женевская газета «Вперед» начала выходить в январе 1905 г. как орган большевистской части партии. С января по май вышло 18 номеров. С мая начал выходить вместо «Вперед» — «Пролетарий» как Центральный Орган РСДРП в силу решения III съезда РСДРП (этот съезд состоялся в мае в Лондоне; меньшевики не явились, устроив свою «конференцию» в Женеве). (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

решительной борьбы стал называть этот выкидыш «решительной победой над царизмом»? Возможно, на худой конец, что не только республики мы не завоюем, но и конституция-то будет призрачная, «шиповская»²⁴³, но разве извинительно было бы со стороны социал-демократа затушевывание нашего республиканского лозунга?

Конечно, до затушевывания его новоискровцы еще не дошли. Но до какой степени отлетел от них революционный дух, до какой степени безжизненное резонерство заслонило от них боевые задачи момента, это особенно наглядно видно из того, что в своей резолюции они как раз *позабыли* сказать о республике! Это невероятно, но это факт. Все лозунги социал-демократии подтверждены, повторены, разъяснены, детализированы в разных резолюциях конференции, не забыт даже выбор рабочими по заведениям старост и депутатов, — не нашлось только случая в резолюции о временном революционном правительстве вспомнить о республике. Говорить о «победе» народного восстания, об учреждении временного правительства и не указать отношение этих «шагов» и актов к завоеванию республики — значит писать резолюцию не для руководства борьбой пролетариата, а для ковыляния в хвосте пролетарского движения.

Итог: первая часть резолюции: 1) совершенно не выяснила значения временного революционного правительства с точки зрения борьбы за республику и обеспечения действительно всенародного и действительно учредительного собрания; 2) внесла прямую путаницу в демократическое сознание пролетариата, приравнивая к решительной победе революции над царизмом такое положение дел, когда как раз недостает еще основного условия для настоящей победы.

4. ЛИКВИДАЦИЯ МОНАРХИЧЕСКОГО СТРОЯ И РЕСПУБЛИКА

Перейдем к следующей части резолюции:

«...И в том и в другом случае такая победа послужит началом новой фазы революционной эпохи.

Задачей, которая стихийным образом ставится этой новой фазе объективными условиями общественного развития, является окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества за осуществление своих социальных интересов и за непосредственное обладание властью.

Поэтому и временное правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой, по своему историческому характеру, буржуазной революции, должно было бы, регулируя взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации, не только двигать вперед

революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя».

Остановимся на этой части, которая представляет из себя самостоятельный отдел резолюции. Основная мысль выписанных нами рассуждений совпадает с той, которая изложена в 3 пункте съездовской резолюции. Но при сличении обеих резолюций в этой их части сразу бросается в глаза следующее коренное различие между ними. Резолюция съезда, в двух словах характеризуя общественно-экономическую основу революции, все внимание переносит на резко определенную борьбу классов из-за определенных завоеваний и на первый план выдвигает боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции, длинно, туманно и путано описывая общественно-экономическую основу революции, очень неясно говорит о борьбе за определенные завоевания и абсолютно оставляет в тени боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции говорит о ликвидации старого порядка в процессе взаимной борьбы между элементами общества. Резолюция съезда говорит, что мы, партия пролетариата, должны произвести эту ликвидацию, что настоящая ликвидация есть только учреждение демократической республики, что эту республику мы должны завоевать, что мы будем бороться за нее и за полную свободу не только с самодержавием, но и с буржуазией, когда она будет (а она непременно будет) пытаться отнять у нас наши завоевания. Резолюция съезда зовет на борьбу определенный класс за точно определенную ближайшую цель. Резолюция конференции рассуждает о взаимной борьбе разных сил. Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая — мертвенным резонерством. Обе резолюции заявляют, что происходящий переворот для нас только первый шаг, за которым пойдет второй, но отсюда одна резолюция делает тот вывод, что надо тем скорее пройти этот первый шаг, тем скорее ликвидировать его, завоевать республику, беспощадно раздавить контрреволюцию и создать почву для второго шага. А другая резолюция, так сказать, истекает в многоречивых описаниях этого первого шага и (простите за вульгарное выражение) сосет мысли по поводу него. Резолюция съезда берет старые и вечно новые мысли марксизма (о буржуазном характере демократического переворота), как предисловие или первую посылку для выводов о передовых задачах передового класса, борющегося и за демократический и за социалистический переворот. Резолюция конференции так и остается при одном предисловии, жуя его и умничая по поводу него.

Это различие и есть как раз то самое различие, которое издавна разбивает русских марксистов на два крыла: резонерское и боевое крыло в былые времена легального марксизма, экономическое и политическое в эпоху начинающегося массового движения. Из верной посылки марксизма о глубоких экономических корнях классовой борьбы вообще и политической борьбы в особенности «экономисты» делали тот оригинальный вывод, что надо повернуться спиной к политической борьбе и задерживать ее развитие, суживать ее размах, принижать ее задачи. Политики, наоборот, делали из тех же посылок иной вывод, именно: что чем глубже теперь корни нашей борьбы, тем шире, смелее, решительнее, инициативнее должны мы вести эту борьбу. В иной обстановке, в видоизмененной форме перед нами и теперь тот же спор. Из тех посылок, что демократический переворот отнюдь еще не есть социалистический, что он «интересует» отнюдь не одних только неимущих, что его глубочайшие корни лежат в неотвратимых нуждах и потребностях *всего* буржуазного общества в целом, — из этих посылок мы делаем вывод, что тем смелее должен передовой класс ставить свои демократические задачи, тем резче должен он договаривать их до конца, выставлять непосредственный лозунг республики, пропагандировать идею о необходимости временного революционного правительства, о необходимости беспощадно раздавить контрреволюцию. А наши оппоненты, новоискровцы, делают из этих же посылок то заключение, что не следует договаривать до конца демократических выводов, что можно среди практических лозунгов и не выставлять республики, что позволительно не пропагандировать идеи о необходимости временного революционного правительства, что решительной победой можно назвать и решение о созыве учредительного собрания, что задачу борьбы с контрреволюцией можно не выдвигать как нашу активную задачу, а потопить ее в туманной (и неправильно сформулированной, как мы сейчас увидим) ссылке на «процесс взаимной борьбы». Это не язык политических деятелей, это — язык каких-то архивных заседателей!

И чем внимательнее вы рассмотрите отдельные формулировки новоискровской резолюции, тем нагляднее выступят перед вами указанные основные ее особенности. Нам говорят, напр., о «процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества». Памятуя тему, на которую резолюция писалась (временное революционное правительство), мы с недоумением спрашиваем: если уже говорить о процессе взаимной борьбы, то как же можно умолчать об элементах, политически *порабощающих*

буржуазное общество? Думают ли конференции, что раз они предположили победу революции, то такие элементы уже исчезли? Подобная мысль была бы абсурдом вообще и величайшей политической наивностью, политической близорукостью в частности. После победы революции над контрреволюцией, контрреволюция не исчезнет, а, напротив, неизбежно начнет новую, еще более отчаянную борьбу. Посвящая свою резолюцию разбору задач при победе революции, мы обязаны громадное внимание уделить задачам отражения контрреволюционного натиска (как это и сделано в резолюции съезда), а не топить эти ближайшие, насущные, злободневные политические задачи боевой партии в общих рассуждениях о том, что будет *после* теперешней революционной эпохи, что будет тогда, когда будет уже налицо «политически освобожденное общество». Как «экономисты» ссылками на общие истины о подчинении политики экономике прикрывали свое непонимание злободневных политических задач, так новоискровцы своими ссылками на общие истины о борьбе внутри политически *освобожденного* общества прикрывают свое непонимание злободневных революционных задач политического *освобождения* этого общества.

Возьмите выражение: «окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима». На русском языке окончательная ликвидация монархического строя называется учреждением демократической республики. Но нашему доброму Мартынову и его поклонникам такое выражение кажется слишком простым и ясным. Они непременно хотят «углубить» и сказать «поумнее». Получаются смешные потуги на глубокомыслие, с одной стороны. А с другой стороны, вместо лозунга получается описание, вместо бодрого призыва идти вперед получается какой-то меланхолический взгляд назад. Перед нами точно не живые люди, которые вот теперь же, сейчас хотят бороться за республику, а какие-то одеревеневшие мумии, которые *sub specie aeternitatis** рассматривают вопрос с точки зрения *plusquamperfectum***.

Пойдем дальше: «...временное правительство... взяло бы на себя осуществление задач этой... буржуазной революции...». Вот тут сразу и сказалось, что наши конференции просмотрели конкретный вопрос, вставший перед политическими руководителями пролетариата. Конкретный вопрос о временном революционном правительстве стушевался с их поля зрения перед вопросом о том будущем ряде правительств, кото-

* — с точки зрения вечности. *Ред.*

** — давно прошедшего. *Ред.*

рые осуществляют задачи буржуазной революции вообще. Если вы желаете рассматривать вопрос «исторически», то пример любой европейской страны покажет вам, что именно ряд правительств, вовсе не «временных», осуществлял исторические задачи буржуазной революции, что даже правительства, побеждавшие революцию, вынуждены были все-таки осуществить исторические задачи этой побежденной революции. Но «временным революционным правительством» называется вовсе не то, о чем вы говорите: так называется правительство революционной эпохи, непосредственно сменяющее свергнутое правительство и опирающееся на восстание народа, а не на какие-нибудь представительные учреждения, вышедшие из народа. Временное революционное правительство есть орган борьбы за немедленную победу революции, за немедленное отражение контрреволюционных попыток, а вовсе не орган осуществления исторических задач буржуазной революции вообще. Предоставим, господа, будущим историкам в будущей «Русской Старине» определять, какие именно задачи буржуазной революции осуществили мы с вами или то или иное правительство, — это дело успеют сделать и через 30 лет, а нам теперь надо дать лозунги и практические указания для борьбы за республику и для энергичнейшего участия пролетариата в этой борьбе.

По указанным причинам неудовлетворительны и последние положения выписанной нами части резолюции. Крайне неудачно или, по меньшей мере, неловко выражение, что временное правительство должно было бы «регулировать» взаимную борьбу между противоположными классами: марксистам не следовало бы употреблять такой либерально-освободительской формулировки, дающей повод думать, будто возможны правительства, служащие не органом классовой борьбы, а «регулятором» ее... Правительство должно было бы «не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя». Этим «фактором» является как раз тот самый пролетариат, от имени которого говорит резолюция! Вместо указания того, как именно должен пролетариат в данный момент «двигать вперед революционное развитие» (подвигать его дальше, чем хотела бы идти конституционалистская буржуазия), вместо совета готовиться определенным способом к борьбе с буржуазией, когда она повернет против завоеваний революции, — вместо этого нам дают общее описание процесса, ничего не говорящее о конкретных задачах *нашей* деятельности. Способ изложения своих мыслей новоискровцами напоминает отзыв Маркса (в его знаменитых

«тезах» о Фейербахе) о старом, чуждом идеи диалектики, материализме. Философы только *истолковывали* мир различным образом — говорил Маркс — а дело в том, чтобы *изменять* этот мир²⁴⁴. Так и новоискровцы могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе. Усердно маршируя, но плохо руководя, они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, создавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов.

5. КАК СЛЕДУЕТ «ДВИГАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ ВПЕРЕД»?

Приводим дальнейший отдел резолюции:

«При таких условиях социал-демократия должна стремиться сохранить на всем протяжении революции такое положение, которое лучше всего обеспечит за нею возможность двигать революцию вперед, не свяжет ей рук в борьбе с непоследиательной и своекорыстной политикой буржуазных партий и предохранит ее от растворения в буржуазной демократии.

Поэтому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Совет занять положение, наилучше обеспечивающее возможность двигать революцию вперед, нам очень и очень нравится. Мы бы желали только, чтобы кроме этого доброго совета было налицо и прямое указание, как именно сейчас, при данной политической ситуации, в эпоху толков, предположений, разговоров и проектов созыва народных представителей, следует социал-демократии двигать революцию вперед. Может ли теперь двигать революцию вперед тот, кто не понимает опасности освободенской теории «соглашения» народа с царем, кто называет победой одно «решение» созвать учредительное собрание, кто не ставит задачей активную пропаганду идеи о необходимости временного революционного правительства? кто оставляет в тени лозунг демократической республики? Такие люди на самом деле *двигают революцию назад*, потому что в *практически-политическом* отношении они остановились на уровне *освободенской* позиции. Что толку от признания ими программы, требующей замены самодержавия республикой, когда в тактической резолюции, определяющей настоящие и ближайшие задачи партии в революционный момент, лозунг борьбы за республику отсутствует? Ведь именно освободенская позиция, позиция

конституционалистской буржуазии характеризуется теперь фактически тем, что в решении созвать всенародное учредительное собрание усматривается решительная победа, а о временном революционном правительстве и о республике благоразумно умалчивается! Чтобы двигать революцию *вперед*, т. е. дальше того предела, до которого двигает ее монархическая буржуазия, надо активно выставлять, подчеркивать, выдвигать на первый план лозунги, *исключающие* «непоследовательность» буржуазной демократии. Таких лозунгов в настоящий момент есть *только два*: 1) временное революционное правительство и 2) республика, потому что лозунг всенародного учредительного собрания *воспринят* монархической буржуазией (смотри программу «Союза освобождения») и воспринят именно в интересах эскамотирования революции, в интересах недопущения полной победы революции, в интересах торгашеской сделки крупной буржуазии с царизмом. И вот мы видим, что конференция из этих двух, единственно способных двигать революцию вперед, лозунгов лозунг республики вовсе позабыла, а лозунг временного революционного правительства прямо приравняла к освобожденскому лозунгу всенародного учредительного собрания, назвав «решительной победой революции» и то и другое!!

Да, таков несомненный факт, который послужит, мы уверены, вехой для будущего историка российской социал-демократии. Конференция социал-демократов в мае 1905 года принимает резолюцию, которая говорит хорошие слова о необходимости двигать демократическую революцию вперед и которая на деле двигает ее назад, которая на деле не идет дальше демократических лозунгов монархической буржуазии.

Новоискровцы любят упрекать нас в том, что мы игнорируем опасность растворения пролетариата в буржуазной демократии. Мы бы хотели посмотреть на того, кто предпринял бы доказать этот упрек на основании текста резолюций, принятых III съездом РСДРП. Мы ответим нашим оппонентам: социал-демократия, действующая на почве буржуазного общества, не может участвовать в политике, не идя то в том, то в другом отдельном случае *рядом* с буржуазной демократией. Разница между нами и вами при этом та, что мы идем *рядом* с революционной и республиканской буржуазией, не сливаясь с ней, а вы идете *рядом* с *либеральной и монархической буржуазией*, тоже не сливаясь с ней. *Вот как обстоит дело.*

Ваши тактические лозунги, данные от имени конференции, *совпадают* с лозунгами «конституционно-демократической» партии, т. е. *партии монархической буржуазии*, причем вы

не заметили, не сознали этого совпадения, оказавшись, таким образом, фактически *в хвосте освобожденцев*.

Наши тактические лозунги, данные от имени III съезда РСДРП, совпадают с лозунгами демократически-революционной и республиканской буржуазии. Такая буржуазия и мелкая буржуазия еще не сложилась в крупную народную партию в России*. Но в существовании элементов ее может усомниться лишь тот, кто понятия не имеет о том, что происходит теперь в России. Мы намерены руководить (на случай успешного хода великой русской революции) не только пролетариатом, сорганизованным с.-д. партией, но и этой мелкой буржуазией, способной идти рядом с нами.

Конференция своей резолюцией бессознательно *опускается* до уровня либеральной и монархической буржуазии. Съезд партии своей резолюцией сознательно *поднимает* до своего уровня способные на борьбу, а не на маклерство, элементы революционной демократии.

Таких элементов больше всего среди крестьянства. Без большой ошибки, при распределении крупных общественных групп по их политическим тенденциям, мы можем отождествить революционную и республиканскую демократию с массой крестьянства, — разумеется, в том же смысле, с теми же оговорками и подразумеваемыми условиями, с какими можно отождествлять рабочий класс с социал-демократией. Мы можем, другими словами, формулировать наши выводы также в следующих выражениях: конференция своими *общенациональными** политическими* лозунгами в революционный момент бессознательно *опускается до уровня массы помещиков*. Съезд партии своими общенациональными политическими лозунгами *поднимает до революционного уровня крестьянскую массу*. Тому, кто обвинит нас за этот вывод в пристрастии к парадоксам, мы сделаем вызов: пусть опровергнет он то положение, что, если мы не будем в силах довести революцию до конца, если революция *закончится* по-освободженски «решительной победой» в виде одного лишь созванного царем представительного собрания, которое только в насмешку могло бы быть названо учредительным, — тогда это будет революция с преобладанием элемента *помещичьего и крупнобуржуазного*. Наоборот, если суждено нам пережить

* «Социалисты-революционеры» скорее террористическая интеллигентская группа, чем зародыш такой партии, хотя объективное значение деятельности этой группы сводится именно к осуществлению задач революционной и республиканской буржуазии.

** Мы не говорим о специальных крестьянских лозунгах, которым посвящены особые резолюции.

действительно великую революцию, если история на этот раз не допустит «выкидыша», если мы в силах будем довести революцию до конца, до решительной победы не в освобожденском и не в новоискровском смысле слова, тогда это будет революция с преобладанием элемента крестьянского и пролетарского.

Может быть, некоторые увидят в допущении мысли о таком преобладании отказ от убеждения в буржуазном характере предстоящей революции? Это очень возможно при том злоупотреблении этим понятием, которое мы видим в «Искре». Поэтому остановиться на этом вопросе очень нелишне.

6. ОТКУДА ГРОЗИТ ПРОЛЕТАРИАТУ ОПАСНОСТЬ ОКАЗАТЬСЯ СО СВЯЗАННЫМИ РУКАМИ В БОРЬБЕ С НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ БУРЖУАЗИЕЙ?

Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции. Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально-экономические преобразования, которые стали для России необходимостью, — сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а, наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии как класса. Социалисты-революционеры не могут понять этой идеи, потому что они не знают азбуки о законах развития товарного и капиталистического производства, они не видят того, что даже полный успех крестьянского восстания, даже перераспределение всей земли в интересах крестьянства и согласно его желаниям («черный передел» или что-нибудь в этом роде) нисколько не уничтожит капитализма, а, напротив, даст толчок его развитию и ускорит классовое распадение самого крестьянства. Непонимание этой истины делает из социалистов-революционеров бессознательных идеологов мелкой буржуазии. Настаивание на этой истине имеет для социал-демократии огромное значение не только теоретическое, но и практически-политическое, ибо отсюда вытекает обязательность полной классовой самостоятельности партии пролетариата в настоящем «общедемократическом» движении.

Но из этого отнюдь не вытекает, чтобы *демократический* переворот (буржуазный по своему общественно-экономическому содержанию) не представлял *громадного* интереса для пролетариата. Из этого отнюдь не вытекает, чтобы

демократический переворот не мог произойти и в форме, выгодной преимущественно для крупного капиталиста, финансового туза, «просвещенного» помещика, и в форме, выгодной для крестьянина и для рабочего.

Новоискровцы в корне неправильно понимают смысл и значение категории: буржуазная революция. В их рассуждениях постоянно сквозит мысль, будто буржуазная революция есть такая революция, которая может дать лишь то, что выгодно буржуазии. А между тем ничего нет ошибочнее такой мысли. Буржуазная революция есть такая революция, которая не выходит из рамок буржуазного, т. е. капиталистического общественно-экономического строя. Буржуазная революция выражает потребности развития капитализма, не только не уничтожая его основ, а, напротив, расширяя и углубляя их. Эта революция выражает поэтому интересы не только рабочего класса, но и всей буржуазии. Так как господство буржуазии над рабочим классом неизбежно при капитализме, то можно с полным правом сказать, что буржуазная революция выражает интересы не столько пролетариата, сколько буржуазии. Но совершенно нелепа мысль, что буржуазная революция не выражает вовсе интересов пролетариата. Эта нелепая мысль сводится либо к стародедовской народнической теории, что буржуазная революция противоречит интересам пролетариата, что нам не нужна поэтому буржуазная политическая свобода. Либо эта мысль сводится к анархизму, отрицающему всякое участие пролетариата в буржуазной политике, в буржуазной революции, в буржуазном парламентаризме. Теоретически эта мысль представляет из себя забвение азбучных положений марксизма о неизбежности развития капитализма на почве товарного производства. Марксизм учит, что общество, основанное на товарном производстве, стоящее в обмене с цивилизованными капиталистическими нациями, на известной ступени развития неизбежно становится и само на путь капитализма. Марксизм бесповоротно порвал с бреднями народников и анархистов, будто можно, например, России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма или перескочить через него каким-нибудь путем кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма.

Все эти положения марксизма доказаны и разжеваны со всей подробностью как вообще, так и специально по отношению к России. А из этих положений следует, что *реакционная* мысль искать спасения рабочему классу в чем бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма. В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капита-

лизма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс *безусловно заинтересован* поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма. Рабочему классу *безусловно выгодно* устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма. Буржуазная революция есть именно такой переворот, который всего решительнее сметает остатки старины, остатки крепостничества (к этим остаткам принадлежит не только самодержавие, но и монархия), который всего полнее обеспечивает самое широкое, свободное и быстрое развитие капитализма.

Поэтому *буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату*. Буржуазная революция *безусловно* необходима в интересах пролетариата. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм. Только людям, не знающим азбуки научного социализма, этот вывод может казаться новым или странным, парадоксальным. А из этого вывода, между прочим, следует и то положение, что *в известном смысле буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии*. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна. Эту мысль выражают часто социал-демократы несколько иначе, говоря, что буржуазия изменяет сама себе, что буржуазия предает дело свободы, что буржуазия не способна на последовательный демократизм. Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу,

которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве.

Наоборот, рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть путь быстрой, наименее болезненной по отношению к пролетариату операции, путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением учреждениям.

Вот почему наша буржуазно-либеральная печать не по одним только цензурным соображениям, не только страха ради иудейска оплакивает возможность революционного пути, боится революции, пугает царя революцией, заботится об избежании революции, холопствует и низкопоклонствует ради жалких реформ как основы реформаторского пути. На этой точке зрения стоят не только «Русские Ведомости», «Сын Отечества», «Наша Жизнь»²⁴⁵, «Наши Дни»²⁴⁶, но и нелегальное, свободное «Освобождение». Самое положение буржуазии, как класса в капиталистическом обществе, неизбежно порождает ее непоследовательность в демократическом перевороте. Самое положение пролетариата, как класса, заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять кроме цепей, а приобретет он при помощи демократизма весь мир. Поэтому, чем последовательнее буржуазная революция в ее демократических преобразованиях, тем менее ограничивается она тем, что выгодно исключительно для буржуазии. Чем последовательнее буржуазная революция, тем больше обеспечивает она выгоды пролетариата и крестьянства в демократическом перевороте.

Марксизм учит пролетария не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца. Мы не можем выскочить из буржуазно-демократических рамок русской революции, но мы можем в громадных размерах расширить эти рамки, мы можем и должны в пределах этих рамок бороться за интересы пролетариата, за его непосред-

ственные нужды и за условия подготовки его сил к будущей полной победе. Есть буржуазная демократия и буржуазная демократия. И земец-монархист, сторонник верхней палаты, «запрашивающий» всеобщее избирательное право, а втайне, под сурдинку заключающий с царизмом сделку насчет куцей конституции, есть буржуазный демократ. И крестьянин, с оружием в руках идущий против помещиков и чиновников, «наивно-республикански» предлагающий «прогнать царя»*, есть тоже буржуазный демократ. Буржуазно-демократические порядки бывают такие, как в Германии, и такие, как в Англии; такие, как в Австрии, и такие, как в Америке или Швейцарии. Хорош был бы тот марксист, который в эпоху демократического переворота прозевал бы эту разницу между степенями демократизма и между различным характером той или иной формы его и ограничивался бы «умничаньем» насчет того, что все же это «буржуазная революция», плоды «буржуазной революции».

А ведь именно таких умников, важничающих своей близорукостью, представляют из себя наши новоискровцы. Они как раз ограничиваются рассуждениями о буржуазном характере революции там и тогда, где надо уметь провести разницу между республикански-революционной и монархически-либеральной буржуазной демократией, не говоря уже о разнице между непоследовательным буржуазным и последовательным пролетарским демократизмом. Они удовлетворяются, — точно они и в самом деле стали «человеками в футляре»²⁴⁷, — меланхолическим разговором о «процессе взаимной борьбы противоположных классов», когда речь идет о том, чтобы дать *демократическое руководство* в настоящей революции, чтобы подчеркнуть *передовые демократические лозунги* в отличие от предательских лозунгов г-на Струве и К^о, чтобы указать прямо и резко ближайшие задачи действительно революционной борьбы пролетариата и крестьянства в отличие от либерального маклерства помещиков и фабрикантов. В этом теперь суть вопроса, которую вы прозевали, господа: в том, завершится ли наша революция действительно грандиозной победой или лишь жалкой сделкой, дойдет ли она до революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства или «истечет силами» на либерально-шиповской конституции!

Может показаться на первый взгляд, что, ставя этот вопрос, мы совсем уклоняемся в сторону от нашей темы. Но так может показаться лишь на первый взгляд. На самом деле,

* См. «Освобождение» № 71, с. 337, прим. 2.

именно в этом вопросе лежит корень того принципиального расхождения, которое вполне обрисовалось уже теперь между социал-демократической тактикой III съезда Российской социал-демократической рабочей партии и тактикой, установленной на конференции новоискровцев. Эти последние сделали уже теперь не два, а три шага назад, воскресив ошибки «экономизма» при решении несравненно более сложных, более важных и более жизненных для рабочей партии вопросов ее тактики в момент революции. Вот почему на разборе поставленного вопроса нам необходимо остановиться со всем вниманием.

В выписанной нами части новоискровской резолюции содержится указание на опасность того, как бы социал-демократия не связала себе рук в борьбе с непоследовательной политикой буржуазии, как бы она не растворилась в буржуазной демократии. Мысль об этой опасности проходит красной нитью через всю специфически-новоискровскую литературу, эта мысль есть настоящий гвоздь всей принципиальной позиции в нашем партийном расколе (с тех пор, как элементы дразги в этом расколе отошли совершенно на задний план перед элементами поворота к «экономизму»). И мы без всяких обиняков признаем, что эта опасность действительно существует, что именно теперь, в разгар русской революции, эта опасность стала особенно серьезна. На нас всех, теоретиков или — про себя я предпочел бы сказать — публицистов социал-демократии, ложится неотложная и чрезвычайно ответственная задача разобрать, *с которой стороны* грозит на самом деле эта опасность. Ибо источник нашего разногласия заключается не в споре о том, существует ли такая опасность, а в споре о том, порождает ли ее так называемый хвостизм «меньшинства» или так называемый революционаризм «большинства».

Чтобы устранить кривотолки и недоразумения, заметим, прежде всего, что опасность, о которой мы говорим, лежит не в субъективной, а в объективной стороне дела, не в формальной позиции, которую займет социал-демократия в борьбе, а в материальном исходе всей теперешней революционной борьбы. Не в том вопрос, захотят ли те или иные социал-демократические группы раствориться в буржуазной демократии, сознают ли они, что они растворяются, — об этом нет и речи. Подобного желания мы ни у кого из социал-демократов не подозреваем, и не в желании тут вовсе дело. Не в том также вопрос, сохранят ли те или иные социал-демократические группы свою формальную самостоятельность, особность, независимость от буржуазной демократии на всем протяжении революции. Они могут не только заявить об этой «само-

стоятельности», но и сохранить ее формально, и тем не менее *дело может выйти так*, что у них окажутся связанными руки в борьбе с непоследовательностью буржуазии. Окончательный политический итог революции может оказаться тот, что, несмотря на формальную «самостоятельность», несмотря на полную организационную, партийную особность социал-демократии, она на деле окажется несамостоятельной, окажется не в силах наложить на ход событий печать своей пролетарской самостоятельности, окажется настолько слабой, что в общем и целом, в последнем счете, в окончательном итоге, «растворение» ее в буржуазной демократии все же будет историческим фактом.

Вот в чем состоит действительная опасность. И теперь посмотрим, с которой стороны грозит она: от уклонения ли социал-демократии вправо в лице новой «Искры», как думаем мы, или от уклонения ее влево в лице «большинства», «Впереда» и т. д., как думают новоискровцы.

Решение этого вопроса, как мы указали, определяется объективным сочетанием действия различных общественных сил. Характер этих сил определен теоретически марксистским анализом русской действительности, а теперь он определяется практически открытым выступлением групп и классов в ходе революции. И вот, весь теоретический анализ, задолго до переживаемой эпохи произведенный марксистами, и все практические наблюдения над развитием революционных событий показывают нам, что возможен, с точки зрения объективных условий, двоякий ход и исход революции в России. Преобразование экономического и политического строя России в буржуазно-демократическом направлении неизбежно и неустранимо. Нет такой силы на земле, которая могла бы помешать такому преобразованию. Но из сочетания действия наличных сил, творящих это преобразование, может получиться двоякий результат или двоякая форма этого преобразования. Одно из двух: 1) или дело кончится «решительной победой революции над царизмом» или 2) для решительной победы сил не хватит, и дело кончится сделкой царизма с наиболее «непоследовательными» и наиболее «своекорыстными» элементами буржуазии. Все бесконечное разнообразие деталей и комбинаций, предвидеть которые никто не в состоянии, сводится, в общем и целом, именно к тому или другому из этих двух исходов.

Рассмотрим теперь эти исходы, во-первых, с точки зрения их социального значения, и, во-вторых, с точки зрения положения социал-демократии (ее «растворения» или «связанности рук» ее) при том и другом исходе.

Что такое «решительная победа революции над царизмом»? Мы видели уже, что, употребляя это выражение, новоискровцы не понимают его даже в его ближайшем политическом значении. Еще менее заметно у них понимания классового содержания этого понятия. Ведь мы, марксисты, никоим образом не должны позволять себе обольщаться *словами*: «революция» или «великая русская революция», как обольщаются ими теперь многие революционные демократы (вроде Гапона). Мы должны дать себе точный отчет в том, какие же реальные общественные силы противостоят «царизму» (это вполне реальная и вполне понятная для всех сила) и способны одержать «решительную победу» над ним. Такой силой не может быть крупная буржуазия, помещики, фабриканты, «общество», идущее за освобожденцами. Мы видим, что они даже и не хотят решительной победы. Мы знаем, что они не способны, по своему классовому положению, на решительную борьбу с царизмом: слишком тяжелым ядром на ногах является частная собственность, капитал, земля, чтобы идти на решительную борьбу. Слишком нужен им царизм с его полицейски-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма. Нет, силой, способной одержать «решительную победу над царизмом», может быть только *народ*, то есть пролетариат и крестьянство, если брать основные, крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже «народ») между тем и другим. «Решительная победа революции над царизмом» есть *революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства*. От этого вывода, давно указанного «Впередом», никуда не уйдут наши новоискровцы. Больше никому одержать решительную победу над царизмом.

И такая победа будет именно диктатурой, т. е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооружение массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем», созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма. Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности

в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня, наконец, *last but not least* * — перенести революционный пожар в Европу. Такая победа несколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции.

Насколько вероятна такая победа — вопрос другой. Мы вовсе не склонны к безрассудному оптимизму на этот счет, мы вовсе не забываем о громадной трудности этой задачи, но, идя на борьбу, мы должны желать победы и уметь указать настоящий путь к ней. Тенденции, способные привести к этой победе, неоспоримо есть налицо. Правда, наше, социал-демократическое, влияние на массу пролетариата еще очень и очень недостаточно; революционное воздействие на массу крестьянства совсем ничтожно; разбросанность, неразвитость, темнота пролетариата и особенно крестьянства еще страшно велики. Но революция быстро сплавливает и быстро просвещает. Каждый шаг в ее развитии пробуждает массу и с неудержимой силой привлекает ее именно на сторону революционной программы, как единственной, выражающей последовательно и цельно ее настоящие, кровные интересы.

Закон механики гласит, что действие равно противодействию. В истории разрушительная сила революции тоже в немалой степени зависит от того, насколько сильно и продолжительно было подавление стремления к свободе, насколько глубоко противоречие между допотопной «надстройкой» и живыми силами современной эпохи. И международная политическая ситуация складывается во многих отношениях как нельзя более выгодно для русской революции. Восстание рабочих и крестьян уже началось, оно раздроблено, стихийно, слабо, но оно неоспоримо и безусловно доказывает наличность сил, способных на решительную борьбу и идущих к решительной победе.

* Последнее по счету, но не по важности.

Не хватит этих сил, — тогда царизм успеет заключить сделку, которую и готовят уже с двух концов и господ Булыгины и господ Струве. Тогда кончится дело куцей конституцией или даже — на худой из худых концов — пародией на нее. Это будет тоже «буржуазная революция», только выкидыш, недоносок, ублюдок. Социал-демократия не делает себе иллюзий, она знает предательскую натуру буржуазии, она не падет духом и не бросит своей упорной, терпеливой, выдержанной работы над классовым воспитанием пролетариата даже в самые серые будни буржуазно-конституционного «шиповского» благоденствия. Такой исход был бы более или менее похож на исход всех почти демократических революций в Европе в течение XIX века, и наше партийное развитие пошло бы тогда по трудной, тяжелой, долгой, но знакомой и проторенной дорожке.

Спрашивается теперь, при котором же из этих двух возможных исходов социал-демократия окажется фактически связанными руками против непоследовательной и своекорыстной буржуазии? окажется фактически «растворившейся» или почти растворившейся в буржуазной демократии?

Достаточно ясно поставить этот вопрос, чтобы, не затрудняясь ни на минуту, ответить на него.

Удастся буржуазии сорвать русскую революцию посредством сделки с царизмом, — тогда у социал-демократии фактически руки окажутся именно связанными против непоследовательной буржуазии, — тогда социал-демократия окажется «растворившейся» в буржуазной демократии в том смысле, что пролетариату не удастся наложить своего яркого отпечатка на революцию, не удастся по-пролетарски или, как говорил некогда Маркс, «по-плебейски» разделаться с царизмом.

Удастся решительная победа революции, — тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински или, если хотите, по-плебейски. «Весь французский терроризм, — писал Маркс в знаменитой «Новой Рейнской Газете» в 1848 г., — был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством» (см. Marx' Nachlass, издание Меринга, том III, стр. 211) ²⁴⁸. Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом «якобинизма» в эпоху демократической революции?

Жирондисты современной русской социал-демократии, новоискровцы, не сливаются с освобожденцами, но оказываются фактически, в силу характера своих лозунгов, в хвосте у них. А освобожденцы, т. е. представители либеральной

буржуазии, хотят разделаться с самодержавием мягко, по-реформаторски, — уступчиво, не обижая аристократии, дворянства, двора, — осторожно, без всякой ломки, — любезно и вежливо, по-барски, надевая белые перчатки (вроде тех, которые надел с рук башибузука г. Петрункевич на приеме «представителей народа» (?) Николаем Кровавым²⁴⁹, см. «Пролетарий» № 5 *).

Якобинцы современной социал-демократии, — большевики, впередовцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю уж, как сказать, — хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особность. Они хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком.

Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способы действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа — программа-минимум Российской социал-демократической рабочей партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса. Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы.

Только в случае полной победы демократической революции у пролетариата не будут связаны руки в борьбе против непоследовательной буржуазии, только в этом случае он не «растворится» в буржуазной демократии, а наложит на всю революцию свой пролетарский или, вернее, пролетарски-крестьянский отпечаток.

Одним словом: чтобы не оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазной демократией,

* См. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 298—303; 4 изд., том 8, стр. 491—495. *Ред.*

пролетариат должен быть достаточно сознателен и силен, чтобы поднять до революционного самосознания крестьянство, чтобы руководить его натиском, чтобы, таким образом, самостоятельно провести последовательно-пролетарский демократизм.

Вот как стоит столь неудачно разрешенный новоискровцами вопрос об опасности остаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией. Буржуазия всегда будет непоследовательна. Нет ничего наивнее и бесплоднее попыток начертать условия или пункты*, при исполнении которых можно было бы считать буржуазную демократию нелицемерным другом народа. Последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат. Победоносным борцом за демократизм он может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства. Не хватит на это силы у пролетариата, — буржуазия окажется во главе демократической революции и придаст ей характер непоследовательный и своекорыстный. Помешать этому нет иного средства, кроме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Таким образом, мы приходим к несомненному выводу, что именно новоискровская тактика, по ее объективному значению, *играет на руку буржуазной демократии*. Проповедь организационной расплывчатости, доходящей до плебисцитов, до принципа соглашения, до оторванности партийной литературы от партии, — принижение задач вооруженного восстания, — смешение общенародных политических лозунгов революционного пролетариата и монархической буржуазии, — извращение условий «решительной победы революции над царизмом», — все это вместе взятое дает как раз ту политику хвостизма в революционный момент, которая сбивает с толку пролетариат, дезорганизует его и вносит смуту в его сознание, принижает тактику социал-демократии, вместо того, чтобы указывать единственный путь к победе и присоединять к лозунгу пролетариата все революционные и республиканские элементы народа.

Чтобы подтвердить этот вывод, к которому мы пришли на основании разбора резолюции, подойдем к тому же вопросу с других сторон. Посмотрим, во-первых, как иллюстрирует

* Как пробовал сделать Старовер в своей, отмененной III съездом, резолюции²⁵⁰ и как пробует конференция в не менее неудачной резолюции.

новоискровскую тактику простоватый и откровенный меньшевик в грузинском «Социал-Демократе». Посмотрим, во-вторых, кто пользуется на деле, в данной политической обстановке, лозунгами новой «Искры».

7. ТАКТИКА «ОТСТРАНЕНИЯ КОНСЕРВАТОРОВ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА»

Упомянутая нами выше статья в органе меньшевистского Тифлисского «комитета» («Социал-Демократ» № 1) называется «Земский собор и наша тактика». Автор ее не совсем забыл еще нашей программы, он выдвигает лозунг республики, но рассуждает он о тактике следующим образом:

«Для достижения этой цели (республики) можно указать два пути: или оставить совсем без внимания созываемый правительством Земский собор и с оружием в руках поразить правительство, составить революционное правительство и созвать учредительное собрание. Или — объявить Земский собор центром нашего действия, воздействуя с оружием в руках на его состав, на его деятельность, и силой заставить объявить себя учредительным собранием или через него созвать учредительное собрание. Эти две тактики очень резко разнятся друг от друга. Посмотрим же, которая из них выгоднее для нас».

Вот как русские новоискровцы излагают идеи, воплощенные впоследствии в разобранной нами резолюции. Это писано, заметьте, до Цусимы²⁵¹, когда булыгинский «проект» совсем не показывался на свет божий. Даже либералы теряли терпение и выражали свое недоверие на страницах легальной печати, а социал-демократ-новоискровец оказался доверчивее либералов. Он объявляет, что Земский собор «созывается», и настолько верит царю, что этот несуществующий еще Земский собор (а, может быть, «Государственную думу» или «законосовещательный собор»?) предлагает взять центром нашего действия. Более откровенный и прямолинейный, чем авторы резолюции, принятой на конференции, наш тифлисец не приравнивает обе «тактики» (излагаемые им с неподражаемой наивностью), а объявляет, что вторая «выгоднее». Слушайте:

«Тактика первая. Как вы знаете, предстоящая революция есть революция буржуазная, т. е. она направлена к такому изменению современного строя, в котором (изменении) заинтересован не только пролетариат, но и все буржуазное общество. В оппозиции к правительству стоят все классы, даже сами капиталисты. Борющийся пролетариат и борющаяся буржуазия в некотором смысле вместе идут и вместе нападают на самодержавие с разных сторон. Правительство здесь совсем одиноко и лишено сочувствия общества. Поэтому уничтожить* его очень легко. Весь российский

* После слова «уничтожить» в рукописи следуют зачеркнутые два вопросительных знака в скобках, вставленные в цитату Лениным. *Ред.*

пролетариат не настолько еще сознателен и организован, чтобы один только он мог произвести революцию. Да если бы он мог это сделать, он произвел бы не буржуазную, а пролетарскую (социалистическую) революцию. Стало быть, в нашем интересе, чтобы правительство осталось без союзников, не могло разъединить оппозицию, не присоединило бы к себе буржуазию и не оставило бы пролетариат изолированным...».

Итак, в интересах пролетариата, чтобы царское правительство не могло разъединить буржуазии и пролетариата! Да не по ошибке ли назван грузинский орган «Социал-Демократом» вместо того, чтобы быть названным «Освобождением»? И заметьте, какая бесподобная философия демократической революции! Разве не видим мы здесь воочию, как бедный тифлисец окончательно сбит с толку резонерски-хвостистским толкованием понятия: «буржуазная революция»? Он обсуждает вопрос о возможной изолированности пролетариата в демократическом перевороте и *забывает...* забывает о мелочи... о крестьянстве! Из возможных союзников пролетариата он знает и облюбовывает земцев-помещиков и не знает крестьян. И это на Кавказе! Ну, разве не правы мы были, сказав, что новая «Искра» своими рассуждениями опускается до монархической буржуазии вместо того, чтобы поднимать к себе в союзники революционное крестьянство?

«...В противном случае поражение пролетариата и победа правительства неизбежны. И вот самодержавие к этому именно и стремится. Оно, нет сомнения, в своем Земском соборе привлечет на свою сторону представителей дворянства, земств, городов, университетов и т. п. буржуазных учреждений *. Оно постарается задобрить их мелкими уступками и таким образом примирить их с собой. Подкрепленное таким образом оно направит все свои удары на оставшийся одиноким рабочий народ. Наша обязанность — предотвратить такой несчастный исход. Но разве можно это сделать первым путем? Положим, мы не обратили никакого внимания на Земский собор, а начали сами готовиться к восстанию и в один прекрасный день вышли вооруженные на улицу на борьбу. И вот, здесь перед нами не один, а два врага: правительство и Земский собор. В то время, как мы готовились, они успели сговориться **, войти в соглашение между собою, выработать выгодную для них конституцию и поделили между собою власть. Это прямо выгодная для правительства тактика, и мы должны самым энергичным образом отказаться от нее...».

Вот это откровенно! Надо отказаться решительно от «тактики» подготовки восстания, потому что «в это время» правительство войдет в сделку с буржуазией! Можно ли в старой литературе самого заядлого «экономизма» найти хоть что-

* Далее в рукописи следует зачеркнутый текст Ленина: «Дворянство, университеты и т. п. буржуазные учреждения! Надо вернуться к «Рабочей Мысли», чтобы встретить столь же девственно-вульгарный «марксизм»!». *Ред.*

** Далее в рукописи следует зачеркнутый текст Ленина: «какое якобинство! «готовиться» к восстанию!». *Ред.*

либо, приближающееся к такому опозорению революционной социал-демократии? То здесь, то там происходящие восстания и вспышки рабочих и крестьян — факт. Земский собор — булыгинский посул. И «Социал-Демократ» из города Тифлиса решает: отказаться от тактики готовить восстание и ждать «центра воздействия» — Земского собора...

«...Вторая тактика, наоборот, заключается в том, чтобы поставить Земский собор под наш надзор, не дать ему возможности действовать по своей воле * и войти в соглашение с правительством **.

Мы поддерживаем Земский собор постольку, поскольку он борется с самодержавием, и боремся с ним в тех случаях, когда он примиряется с самодержавием. Энергичным вмешательством и силой мы разъединяем депутатов между собой ***, радикалов присоединяем к себе ****, консерваторов отстраняем от правительства и таким образом весь ***** Земский собор ставим на революционный путь. Благодаря такой тактике правительство останется постоянно одиноким, оппозиция ***** сильной, и тем облегчится установление демократического строя».

Да, да! Пусть говорят теперь, что мы преувеличиваем поворот новоискровцев к вульгарнейшему подобию «экономизма». Ведь это уже прямо вроде знаменитого порошка против мух: поймать муху, посыпать на нее, и околеет. Разъединить *силой* депутатов Земского собора, «отстранить консерваторов от правительства» — и *весь* Земский собор встанет на *революционный путь*... Без всякого «якобинского» вооруженного восстания, а так себе, благородно, почти парламентарски, «воздействуя» на *членов Земского собора*.

Бедная Россия! Про нее говорили, что она всегда носит старомодные и выкинутые Европой шляпки. Парламента еще у нас нет, его даже и Булыгин не посулил, а парламентского кретинизма ²⁵² сколько угодно.

«...Как должно произойти это вмешательство? Прежде всего, мы потребуем, чтобы Земский собор был созван путем всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов. Вместе с

* Далее в рукописи следует зачеркнутый текст Ленина: «ух! какая ррреволюционность!». *Ред.*

** Какое же средство для этого лишения земцев своей воли? Не особая ли лакмусова бумажка?

*** Святители! вот она, «углубленная» тактика! На улице драться силы нет, а «депутатов разъединить» можно «силой». Послушайте, товарищ из Тифлиса, можно врать, но надо же знать меру...

**** Далее в рукописи следует зачеркнутый текст Ленина: «бедный Струве! он ведь слывет радикалом! Какова участь — быть силой присоединенным к новоискровцам...». *Ред.*

***** В рукописи далее следуют зачеркнутые слова Ленина: «слушайте! слушайте!». *Ред.*

***** В рукописи далее следуют зачеркнутые слова Ленина: «без «отстраненных» консерваторов?». *Ред.*

оглашением * такого порядка выборов должна быть узаконена ** полная свобода предвыборной агитации, т. е. свобода собраний, слова, печати, неприкосновенность избирателей и избираемых и освобождение всех политических преступников. Сами выборы должны быть назначены как можно позже, чтобы у нас оказалось достаточно времени для ознакомления и подготовки народа. И так как выработка правил по созыву Собора поручена комиссии министра внутренних дел Булыгина, мы должны воздействовать и на эту комиссию и на ее членов ***. Если булыгинская комиссия откажется удовлетворить наши требования **** и право избрания депутатов предоставит одним имущим, тогда мы должны вмешаться в эти выборы и революционным путем заставить избирателей выбрать передовых кандидатов и на Земском соборе потребовать учредительного собрания *****. Наконец, всевозможными мерами: демонстрациями, стачками и, если нужно будет, восстанием заставить Земский собор созвать учредительное собрание или объявить таковым себя. Защитником учредительного собрания должен быть вооруженный пролетариат, и оба вместе ***** пойдут к демократической республике.

Такова социал-демократическая тактика и только она обеспечит нам победу».

Пусть не думает читатель, что весь этот невероятный вздор есть простая проба пера какого-либо неответственного и невлиятельного новоискровца. Нет, это говорится в *органе* целого комитета новоискровцев, Тифлисского. Мало того. Этот вздор *прямо одобрен «Искрой»*, в сотом номере которой мы читаем про этот «Социал-Демократ»:

«Живо и талантливо редактирован номер первый. Заметна опытная, умелая рука редактора-писателя... Можно с уверенностью сказать, что газета блестяще исполнит поставленную себе задачу».

Да! Если эта задача состоит в том, чтобы показать всем и каждому наглядно полное идейное разложение новоискровства, то она выполнена действительно «блестяще». Более «живо, талантливо и умело» выразить принижение новоискровцев до либерально-буржуазного оппортунизма никто не сумел бы.

8. ОСВОБОЖДЕНСТВО И НОВОИСКРОВСТВО

Теперь перейдем к другому наглядному подтверждению политического значения новоискровства.

* В «Искре»?

** Николаем?

*** Вот что значит тактика: «отстранять консерваторов от правительства»!

**** Не может этого быть при такой правильной и глубокомысленной тактике с нашей стороны!

***** В рукописи далее следует зачеркнутый текст Ленина: «заставить выбрать» — «революционным путем»! Бывает же такая революционная репетиловщина!». *Ред.*

***** И вооруженный пролетариат, и «отстраненные от правительства» консерваторы?

В замечательной, превосходной, поучительнейшей статье «Как найти себя» (№ 71 «Освобождения») г. Струве идет войной на «программный революционизм» наших крайних партий. Мною лично г. Струве особенно недоволен*. Что касается меня, то я как нельзя более доволен г-ном Струве: лучшего союзника в борьбе с возрождающимся «экономизмом» новоискровцев и с полной беспринципностью «социалистов-революционеров» я не мог бы и желать. Каким образом г. Струве и «Освобождение» практически доказали всю реакционность «поправок» к марксизму, сделанных в проекте программы социалистов-революционеров, об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз. Как г. Струве всякий раз, когда он *принципиально* одобрял новоискровцев, служил мне верную, честную и истинную службу, об этом мы говорили уже неоднократно** и скажем сейчас еще раз.

* «В сравнении с революционизмом гг. Ленина и товарищей, революционизм западноевропейской социал-демократии Бебеля и даже Каутского является оппортунизмом, но основы и этого, уже смягченного, революционизма подмыты и размыты историей». Вылазка очень сердитая. Напрасно только думает г. Струве, что на меня, как на мертвого, все валить можно. Мне достаточно сделать г-ну Струве вызов, которого он никогда не в состоянии будет принять. Где и когда я называл «революционизм Бебеля и Каутского» оппортунизмом? Где и когда претендовал я на создание какого бы то ни было особого направления в международной социал-демократии, *не тождественного* с направлением Бебеля и Каутского? Где и когда выступали на свет разногласия между мной, с одной стороны, Бебелем и Каутским, с другой, — разногласия, хоть сколько-нибудь приближающиеся по серьезности к разногласиям между Бебелем и Каутским, например, по аграрному вопросу в Бреславле? ²⁵³ Пусть попробует г. Струве ответить на эти три вопроса.

А читателям мы скажем. Либеральная буржуазия *везде и всегда* пускает в ход прием: уверять своих единомышленников в данной стране, что социал-демократы данной страны — самые неразумные, а товарищи их в соседнем государстве «пай-мальчики». Немецкая буржуазия *сотни раз* выставяла на поучение Бебелям и Каутским «пай-мальчиков» французских социалистов. Французская буржуазия совсем недавно выставяла на поучение французским социалистам «пай-мальчика» Бебеля. Старый прием, г. Струве! Только ребят и невежд поймаете вы на эту удочку. Полная солидарность международной революционной социал-демократии во всех крупных вопросах программы и тактики есть неоспоримейший факт.

** Напомним читателю, что статью «Чего не делать» (№ 52 «Искры») «Освобождение» приветствовало с шумом и треском, как «знаменательный поворот» к уступчивости по отношению к оппортунистам. Принципиальные тенденции новоискровства «Освобождение» специально одобряло в заметке о расколе среди русских социал-демократов. По поводу брошюры Троцкого «Наши политические задачи» «Освобождение» указывало на однородность идей этого автора с тем, что некогда писали и говорили рабочедельцы Кричевский, Мартынов, Акимов (см. листок «Услужливый либерал», издание «Вперед») (Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 71—74; 4 изд., том 7, стр. 451—454. *Ред.*). Брошюру Мартынова о двух диктатурах «Осво-

В статье г-на Струве есть целый ряд интереснейших заявлений, которые мы можем здесь отметить лишь мимоходом. Он собирается «создать русскую демократию, опираясь не на борьбу, а на сотрудничество классов», причем «социально-привилегированная интеллигенция» (вроде «культурного дворянства», перед которым г. Струве расшаркивается с грациозностью истинно светского... лакея) принесет «вес своего социального положения» (вес денежного мешка) в эту «неклассовую» партию. Г. Струве выражает желание знакомить молодежь с негодностью «радикального трафарета о том, что буржуазия испугалась и продала пролетариат и дело свободы» (от всей души приветствуем это желание. Ничто не подтвердит так этого марксистского «трафарета», как война с ним г-на Струве. Пожалуйста, г. Струве, не откладывайте в долгий ящик своего великолепного плана!).

Нам важно для нашей темы отметить, с какими *практическими* лозунгами воюет в настоящее время такой политически-чуткий и отзывчивый на малейшую перемену погоды представитель русской буржуазии. Во-первых, с лозунгом республиканизма. Г. Струве твердо убежден, что этот лозунг «непонятен и чужд народной массе» (он забывает добавить: понятен, но невыгоден буржуазии!). Мы бы желали посмотреть, какой ответ получил бы г. Струве от рабочих в наших кружках и на наших массовках! Или рабочие не народ? А крестьяне? У них бывает, по словам г. Струве, «наивный республиканизм» («прогнать царя»), — но либеральная буржуазия верит в то, что на смену *наивного* республиканизма придет не сознательный республиканизм, а сознательный монархизм! Ça dépend, г. Струве, это еще зависит от обстоятельств. И царизм и буржуазия не могут не противодействовать коренному улучшению положения крестьян на счет помещичьей земли, а рабочий класс не может не содействовать в этом крестьянству.

Во-вторых, г. Струве уверяет, что «в гражданской войне нападающий всегда окажется неправым». Эта идея вплотную подходит к показанным выше тенденциям новоискровства. Мы не скажем, конечно, чтобы в гражданской войне *всегда* было выгодно нападать; нет, иногда оборонительная тактика *на время* обязательна. Но выставлять такое положение, которое дал г. Струве, в применении к России 1905 года, значит

божденье» приветствовало (см. заметку во «Вперед» № 9) (Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 307—308; 4 изд., том 8, стр. 195—196. *Ред.*). Наконец, запоздалые жалобы Старовера по поводу старого лозунга старой «Искры»: «сначала размежеваться, потом объединяться» встретили особое сочувствие «Освобождения»,

как раз показывать кусочек «радикального трафарета» («буржуазия пугается и продает дело свободы»). Кто не хочет теперь нападать на самодержавие, на реакцию, кто не готовится к этому нападению, кто не проповедует его, — тот всеу приемлет имя сторонника революции.

Г. Струве осуждает лозунги: «конспирация» и «бунт» (это «восстание в миниатюре»). Г. Струве презирает и то и другое — с точки зрения «доступа к массам»! Мы бы спросили г-на Струве: укажет ли он проповедь бунта в таком, напр., произведении безмерного, на его взгляд, революционариста, как «Что делать?»*. А насчет «конспирации» велико ли различие, напр., между нами и г. Струве? Не оба ли мы работаем в «нелегальной» газете, «конспиративно» провозимой в Россию и служащей «тайным» группам «Союза освобождения» или РСДРП? Наши рабочие массовки часто «конспиративны», — есть тот грех. А собрания гг. освобожденцев? Есть ли вам чем чваниться, г. Струве, перед презренными сторонниками презренной конспирации?

Правда, конспирация сугубая требуется с доставкой оружия рабочим. Вот тут уже г. Струве выступает прямее. Слушайте: «Что касается вооруженного восстания или революции в техническом смысле**, то только массовая пропаганда демократической программы может создать социально-психические условия всеобщего вооруженного восстания. Таким образом, даже с той, мною неразделяемой, точки зрения, которая вооруженное восстание считает *неизбежным* завершением современной борьбы за освобождение, — пропитывание масс идеями демократического преобразования есть самое основное, самое нужное дело».

Г. Струве старается уклониться от вопроса. Он говорит о неизбежности восстания вместо того, чтобы говорить о необходимости его для победы революции. Восстание, неподготовленное, стихийное, раздробленное, уже началось. Безусловно поручиться за то, что оно дойдет до цельного и целостного вооруженного народного восстания, никто не сможет, ибо это зависит и от состояния революционных сил (вполне измеряемых только на самой борьбе), и от поведения правительства и буржуазии, и от ряда других обстоятельств, учесть которые точно невозможно. О неизбежности, в смысле той абсолютной уверенности в конкретном событии, на которую сворачивает речь г. Струве, не к чему и говорить.

* См. настоящий том, стр. 80—236. *Ред.*

** В рукописи далее следует зачеркнутый текст Ленина: «начинается плагиат из новой «Искры»». *Ред.*

Говорить надо, если вы хотите быть сторонником революции, о том, *необходимо* ли восстание *для победы* революции, необходимо ли активно выдвигать его, проповедовать, готовить немедленно и энергично. Г. Струве не может не понимать этой разницы: он ведь, напр., не заслоняет же бесспорного для демократа вопроса о необходимости всеобщего избирательного права спорным и ненасущным для политического деятеля вопросом о неизбежности его приобретения в течение данной революции. Уклоняясь от вопроса о необходимости восстания, г. Струве выражает этим глубочайшую подоплеку политической позиции либеральной буржуазии. Буржуазия, во-первых, предпочитает сторговаться с самодержавием, чем раздавить его; буржуазия во всяком случае сваливает борьбу с оружием в руках на рабочих (это во-вторых). Вот какое *реальное* значение имеет уклончивость г. Струве. Вот почему он *пятится назад* от вопроса о необходимости восстания к вопросу о его «социально-психических» условиях, о предварительной «пропаганде». Точь-в-точь, как буржуазные болтуны во Франкфуртском парламенте 1848 года занимались сочинением резолюций, деклараций, решений, «массовой пропагандой» и подготовкой «социально-психических условий» в такое время, когда дело шло об отпоре вооруженной силе правительства, когда движение «привело к необходимости» вооруженной борьбы, когда одно словесное воздействие (стократ нужное в подготовительный период) превратилось в пошлую, буржуазную бездеятельность и трусость, — точно так же и г. Струве увиливает от вопроса о восстании, прикрываясь *фразами*. Г. Струве наглядно показывает нам то, чего упорно не видят многие социал-демократы, именно: революционный момент тем и отличается от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в *действии*.

Вульгарный революционаризм не понимает того, что слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории *вообще* или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет, а его никакие путчи не заменят и искусственно не вызовут. Хвостизм революционеров не понимает того, что, когда начался революционный момент, когда старая «надстройка» треснула по всем швам, когда открытое политическое выступление классов и масс, творящих себе новую надстройку, стало фактом, когда гражданская война началась, — тогда ограничиваться *по-старому* «словом», не давая *прямого лозунга* перейти к «делу», тогда отговариваться от дела ссылкой на «психические условия»

да на «пропаганду» вообще есть безжизненность, мертвенность, резонерство, или же предательство революции и измена ей. Франкфуртские болтуны демократической буржуазии — незабвенный исторический образчик такого предательства или такого резонерского тупоумия.

Хотите ли вы пояснения этой разницы между вульгарным революционаризмом и хвостизмом революционеров на истории социал-демократического движения в России? Мы вам дадим такое пояснение. Припомните 1901—1902 годы, которые миновали так недавно и которые кажутся уже нам теперь каким-то отдаленным преданием. Начались демонстрации. Вульгарный революционаризм поднял крик о «штурме» («Рабочее Дело»), выпускались «кровавые листки» (берлинского, если память мне не изменяет, происхождения), нападали на «литературщину» и кабинетный характер идеи все-российской агитации посредством газеты (Надеждин) ²⁵⁴. Хвостизм революционеров выступал тогда, наоборот, с проповедью, что «экономическая борьба есть *лучшее* средство для политической агитации». Как держалась революционная социал-демократия? Она нападала на оба эти течения. Она осуждала вспышкопускательство и крики о штурме, ибо все ясно видели или должны были видеть, что открытое массовое выступление есть дело завтрашнего дня. Она осуждала хвостизм и выставляла прямо лозунг *даже* всенародного вооруженного восстания, не в смысле прямого призыва (призыва к «бунту» не нашел бы у нас г. Струве в те времена), а в смысле *необходимого* вывода, в смысле «пропаганды» (о которой г. Струве только теперь вспомнил, — он всегда опаздывает несколькими годами, наш почтенный г. Струве), в смысле подготовки тех именно «социально-психических условий», о которых теперь представители растерянной, торгашеской буржуазии разглагольствуют «грустно и некстати». *Тогда* пропаганда и агитация, агитация и пропаганда действительно выдвигались объективным положением вещей на первый план. *Тогда* оселком работы по подготовке восстания могла выставляться (и выставлялась в «Что делать?») работа над общерусской политической газетой, еженедельный выпуск которой казался идеалом. *Тогда* лозунги: массовая агитация *вместо* непосредственных вооруженных выступлений; подготовка социально-психических условий восстания *вместо* вспышкопускательства — были единственно правильными лозунгами революционной социал-демократии. *Теперь* эти лозунги превзойдены событиями, движение ушло вперед, они стали хламом, ветошью, годной только для прикрытия освобожденческого лицемерия да новоискровского хвостизма!

Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть, революция еще не началась? Момент открытого политического выступления классов еще не пришел? Гражданской войны еще нет, и критика оружия не должна теперь же явиться *необходимым* и обязательным преемником, наследником, душеприказчиком, завершителем оружия критики?

Посмотрите вокруг себя, высуньтесь из кабинета на улицу, чтобы ответить на эти вопросы. Разве само правительство не начало уже гражданской войны, массами расстреливая повсюду мирных и безоружных граждан? Разве не выступают вооруженные черные сотни как «аргумент» самодержавия? Разве буржуазия — даже буржуазия — не признала необходимости гражданской милиции? Разве тот самый г. Струве, идеально-умеренный и аккуратный г. Струве, не говорит (увы, только говорит, чтобы отговориться!) о том, что «открытый характер революционных действий» (вот мы как нынче!) «в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?

У кого есть глаза, чтобы видеть, тот не может усомниться в том, как должен быть поставлен теперь сторонниками революции вопрос о вооруженном восстании. Посмотрите же на *три* постановки этого вопроса, данные в сколько-нибудь способных влиять на *массы* органах свободной печати.

Постановка первая. Резолюция III съезда Российской социал-демократической рабочей партии*. Признано и заявлено во всеуслышание, что общедемократическое револю-

* Вот ее полный текст:

«Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно-революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России;

2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания;

3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России, —

Третий съезд РСДРП признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

ционное движение *уже привело к необходимости* вооруженного восстания. Организация пролетариата для восстания поставлена на очередь дня, как одна из существенных, главных и *необходимых* задач партии. Поручено принять *самые энергичные* меры для вооружения пролетариата и обеспечения возможности непосредственного руководства восстанием.

Постановка вторая. Принципиальная статья в «Освобождении» «вождя русских конституционалистов» (так назвал недавно г-на Струве столь влиятельный орган европейской буржуазии, как «Франкфуртская Газета»), или вождя русской прогрессивной буржуазии. Мнение о неизбежности восстания им не разделяется. Конспирация и бунт — специфические приемы неразумного революционизма. Республиканизм — метод оглушения. Вооруженное восстание — вопрос, собственно, только технический, тогда как «самое основное, самое нужное дело» — массовая пропаганда и подготовка социально-психических условий.

Постановка третья. Резолюция новоискровской конференции. Наша задача — готовить восстание. Возможность планомерного восстания исключается. Благоприятные условия для восстания создаются правительственной дезорганизацией, нашей агитацией, нашей организацией. Лишь тогда «могут приобрести более или менее серьезное значение технически-боевые приготовления».

И только? И только. Стало ли восстание необходимым, этого новоискровские руководители пролетариата еще не знают. Неотложна ли задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы, — для них еще не ясно. Не нужно звать к принятию самых энергичных мер, гораздо важнее (в 1905, а не в 1902 году) разъяснить в общих чертах, при каких условиях эти меры «могут» приобрести «более или менее серьезное» значение...

Видите ли вы теперь, товарищи новоискровцы, куда привел вас ваш поворот к мартиновщине? Понимаете ли вы, что

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания,

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания,

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников». (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

ваша политическая философия оказалась перепевом философии освобожденской? — что вы оказались (против вашей воли и помимо вашего сознания) в хвосте монархической буржуазии? Ясно ли вам теперь, что, твердя зады и совершенствуясь в резонерстве, вы пропустили то обстоятельство, что — говоря незабвенными словами незабвенной статьи Петра Струве — «открытый характер революционных *действий* в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?

9. ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ПАРТИЕЙ КРАЙНЕЙ ОППОЗИЦИИ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ?

Вернемся к резолюции о временном правительстве. Мы показали, что тактика новоискровцев двигает революцию не вперед, — возможность чего они хотели бы обеспечить своей резолюцией, — а назад. Мы показали, что именно эта тактика *связывает руки* социал-демократии в борьбе с непоследовательной буржуазией и не предохраняет от растворения в буржуазной демократии. Понятно, что из ложных посылок резолюции получается ложный вывод: «Поэтому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции». Посмотрите на первую половину этого вывода, относящуюся к постановке целей. Ставят ли новоискровцы целью социал-демократической деятельности решительную победу революции над царизмом? — Ставят. Они не умеют правильно формулировать условия решительной победы, сбиваясь на «освобожденскую» формулировку, но указанную цель они ставят. Далее, связывают ли они временное правительство с восстанием? — Да, прямо связывают, говоря, что временное правительство «выходит из победоносного народного восстания». Наконец, ставят ли они себе целью руководить восстанием? — Да, они уклоняются, подобно г. Струве, от признания восстания необходимым и неотложным, но они говорят в то же время, в отличие от г. Струве, что «социал-демократия стремится *подчинить* его (восстание) своему влиянию и *руководству* и использовать в интересах рабочего класса».

Не правда ли, как это связно выходит? Мы ставим себе *целью* подчинить восстание и пролетарских и *непролетарских* масс нашему влиянию, нашему руководству, использовать его в наших интересах. Мы ставим себе целью, следовательно, руководить при восстании и пролетариатом, и революционной буржуазией, и мелкой буржуазией («непролетарские груп-

пы)), т. е. «разделить» руководство восстанием между социал-демократией и революционной буржуазией. Мы ставим себе целью *победу* восстания, долженствующую привести к учреждению временного правительства («вышедшего из победоносного народного восстания»). Поэтому... поэтому мы не должны ставить себе целью захватить или разделить власть во временном революционном правительстве!!

Наши друзья никак не могут свести концов с концами. Они колеблются между точкой зрения г. Струве, отговаривающегося от восстания, и точкой зрения революционной социал-демократии, призывающей взяться за эту неотложную задачу. Они колеблются между анархизмом, принципиально осуждающим, как измену пролетариату, всякое участие во временном революционном правительстве, и марксизмом, требующим такого участия при условии руководящего влияния социал-демократии на восстание*. У них нет никакой самостоятельной позиции: ни позиции г. Струве, который желает сторговаться с царизмом и потому должен уклоняться и вилать по вопросу о восстании; — ни позиции анархистов, которые осуждают всякое действие «сверху» и всякое участие в буржуазной революции. Новоискровцы смешивают сделку с царизмом и победу над царизмом. Они хотят участвовать в буржуазной революции. Они несколько ушли вперед от «Двух диктатур» Мартынова. Они согласны даже руководить восстанием народа, — с тем, чтобы отказаться от этого руководства тотчас после победы (или, может быть, непосредственно перед победой?), то есть с тем, чтобы не пользоваться плодами победы, а отдать все плоды целиком буржуазии. Это называют они «использовать восстание в интересах рабочего класса»...

Останавливаться дольше на этой путанице нет надобности. Полезнее рассмотреть *происхождение* этой путаницы в той формулировке ее, которая гласит: «оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Перед нами одно из знакомых положений международной революционной социал-демократии. Это совершенно верное положение. Оно стало общим местом для всех противников ревизионизма или оппортунизма в парламентских странах. Оно приобрело право гражданства, как законный и необходимый отпор «парламентскому кретинизму», мильеранизму, бернштейнианству, итальянскому реформизму в духе Турати. Наши добрые новоискровцы заучили это хорошее положение

* См. «Пролетарий» № 3. «О временном революционном правительстве», статья вторая. (См. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 241—250; 4 изд., том 8, стр. 440—447. *Ред.*).

и усердно применяют его... *совсем некстати*. Категории парламентской борьбы вставляются в резолюции, писанные для таких условий, когда никакого парламента налицо нет. Понятие «оппозиции», явившееся отражением и выражением такой политической ситуации, когда о *восстании* никто серьезно не говорит, — переносится бессмысленно на ситуацию, когда восстание *началось* и когда о руководстве им думают и говорят все сторонники революции. Пожелание «*оставаться*» при том же, что и прежде, т. е. при действии только «снизу», высказывается с помпой и треском *как раз тогда*, когда революция поставила вопрос о необходимости, при победе восстания, действовать *сверху*.

Нет, решительно не везет нашим новоискровцам! Даже тогда, когда они сформулируют верное социал-демократическое положение, они не умеют верно применить его. Они не подумали, как преобразуются и превращаются в свою противоположность понятия и термины парламентской борьбы в эпоху начавшейся революции, при отсутствии парламента, при наличии гражданской войны, при наличии вспышек восстания. Они не подумали, что при условиях, о которых идет речь, поправки предлагаются посредством уличных демонстраций, интерпелляции вносятся посредством наступательных действий вооруженных граждан, оппозиция правительству осуществляется посредством насильственного ниспровержения правительства.

Как известный герой нашего народного эпоса повторял хорошие советы как раз тогда, когда они неуместны, так и наши поклонники Мартынова повторяют уроки мирного парламентаризма как раз тогда, когда они сами констатируют начало прямых военных действий. Нет ничего курьезнее, как это выдвигание, с важным видом, лозунга: «крайняя оппозиция» в резолюции, начинающейся указанием на «решительную победу революции», на «народное восстание»! Сообразите-ка, господа, что значит представлять из себя «крайнюю оппозицию» в эпоху восстания? Значит ли это изобличать правительство или свергать его? Значит ли это вотировать против правительства или наносить поражение его военным силам в открытом сражении? Значит ли это отказывать правительству в пополнении его казны, или это означает революционный захват этой казны для обращения ее на нужды восстания, на вооружение рабочих и крестьян, на созыв учредительного собрания? Не начинаете ли вы понимать, господа, что понятие «крайней оппозиции» выражает действия только отрицательные, — изобличать, вотировать против, отказывать? Почему это? Потому, что это понятие относится только

к парламентской борьбе и притом в такую эпоху, когда непосредственной целью борьбы никто «решительной победы» не ставит. Не начинаете ли вы понимать, что дело кардинально меняется в этом отношении с того момента, когда начинается решительный натиск политически угнетенного народа по всей линии для отчаянной борьбы за победу?

Рабочие спрашивают нас, надо ли энергично браться за неотложное дело восстания? Как сделать, чтобы начавшееся восстание было победоносно? Как воспользоваться победой? Какую программу можно и должно тогда осуществить? Углубляющие марксизм новоискровцы отвечают: оставаться партией крайней революционной оппозиции... Ну, разве же мы были не правы, назвав этих рыцарей виртуозами филистерства?

10. «РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОММУНЫ» И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА

Конференция новоискровцев не удержалась на анархической позиции, до которой договорилась новая «Искра» (только «снизу», а не «снизу и сверху»). Нелепость допущения восстания и недопущения победы и участия во временном революционном правительстве слишком била в глаза. Резолюция ввела поэтому оговорки и ограничения в решение вопроса Мартыновым и Мартовым. Рассмотрим эти оговорки, изложенные в следующей части резолюции:

«Эта тактика («оставаться партией крайней революционной оппозиции»), конечно, нисколько не исключает целесообразности частичного, эпизодического захвата власти и образования революционных коммун в том или другом городе, в том или другом районе, в исключительных интересах содействия распространению восстания и дезорганизации правительства».

Если так, значит в принципе допускается действие не только снизу, но также и сверху. Значит, выставленное в известном фельетоне Л. Мартова в «Искре» (№ 93) положение ниспровергается, и признается правильной тактика газеты «Вперед»: не только «снизу», а также и «сверху».

Далее, захват власти (хотя бы частичный, эпизодический и т. д.), очевидно, предполагает участие не одной только социал-демократии и не одного пролетариата. Это следует из того, что в демократической революции заинтересован и активно участвует не один пролетариат. Это следует из того, что восстание есть «народное», как говорится в начале разбираемой резолюции, что в нем участвуют и «непролетарские группы» (выражение резолюции конферентов о восстании),

т. е. и буржуазия. Значит, тот принцип, что всякое участие социалистов вместе с мелкой буржуазией во временном революционном правительстве есть измена рабочему классу, *выброшен за борт конференцией*, как того добивался «Вперед». «Измена» не перестает быть изменой от того, что действие, ее составляющее, есть частичное, эпизодическое, районное и т. п. Значит, приравнение участия во временном революционном правительстве к вульгарному жоресизму *выброшено за борт конференцией*, как того добивался «Вперед»²⁵⁵. Правительство не перестает быть правительством от того, что его власть распространяется не на много городов, а на один город, не на много районов, а на один район, а равно и от того, как это правительство называется. Таким образом, *принципиальная постановка вопроса*, которую пыталась дать новая «Искра», *покинута конференцией*.

Посмотрим, разумны ли те ограничения, которые ставит конференция принципиально допущенному теперь образованию революционных правительств и участию в таковых. Чем отличается понятие «эпизодический» от понятия «временный», мы не знаем. Боимся, что иностранным и «новым» словом прикрывается здесь лишь отсутствие ясной мысли. Это *кажется* «глубже», а на самом деле это только темнее и путаннее. Чем отличается «целесообразность» частичного «захвата власти» в городе или районе от участия во временном революционном правительстве всего государства? Разве в числе «городов» нет такого, как Петербург, где имело место 9-ое января? Разве в числе районов нет Кавказа, который больше многих государств? Разве задачи (смущавшие некогда новую «Искру») обращения с тюрьмами, полицией, казначейством и пр. и пр. не встают перед нами при «захвате власти» даже в одном городе, не говоря уже о районе? Никто не станет отрицать, конечно, что при недостатке сил, при неполном успехе восстания, при нерешительной победе его возможны частичные, городские и прочие временные революционные правительства. Но только при чем же это, господа? Не вы ли сами говорите в начале резолюции о «решительной победе революции», о «победоносном народном восстании»? С которых это пор социал-демократы берут на себя дело анархистов: раздроблять внимание и цели пролетариата? направлять его на «частичное», а не на всеобщее, единое, цельное и полное? Предполагая «захват власти» в городе, вы сами говорите о «распространении восстания» — на другой город, смеем думать? на все города, позволительно надеяться? Ваши выводы, господа, так же шатки и случайны, противоречивы и путаны, как ваши посланки. Третий съезд РСДРП

дал исчерпывающий и ясный ответ на вопрос о временном революционном правительстве вообще. Этот ответ обнимает и все частичные временные правительства. Ответ же конференции, искусственно и произвольно выделяя *часть* вопроса, только *уклоняется* (но безуспешно) от вопроса в целом и вносит сумбур.

Что значит «революционные коммуны»? Отличается это понятие от «временного революционного правительства» и если да, то чем? Этому господа конференции сами не знают. Путаность революционной мысли приводит у них, как это сплошь и рядом бывает, к *революционной фразе*. Да, употребление слова «революционная коммуна» в резолюции представителей социал-демократии есть революционная фраза, и ничего более. Маркс не раз осуждал подобную фразу, когда за «обаятельный» термин *отжившего прошлого* прячут задачи будущего. Обаятельность термина, сыгравшего роль в истории, превращается в подобных случаях в пустую и вредную мишуру, в погремушку. Нам надо дать рабочим и всему народу ясное и недвусмысленное понятие о том, *зачем* мы хотим учреждения временного революционного правительства? *какие именно преобразования* осуществим мы, если будем решающим образом влиять на власть, завтра же, при победоносном исходе начавшегося уже народного восстания? Вот вопросы, стоящие перед политическими руководителями.

Третий съезд РСДРП отвечает на эти вопросы с полнейшей ясностью, давая полную программу этих преобразований: нашу партийную программу-минимум. А слово «коммуна» не дает никакого ответа, только засоряя головы каким-то далеким звоном... или пустозвонством. Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 года, тем непозволительнее отделяться ссылкой на нее без разбора ее ошибок и ее особых условий. Делать это значило бы повторять нелепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (в 1874 г., в своем «манифесте») перед каждым актом Коммуны²⁵⁶. Что скажет конферент рабочему, когда он спросит его об *этой* «революционной коммуне», упомянутой в резолюции? Он сможет сказать только то, что в истории под этим именем известно такое рабочее правительство, которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм, которое не сумело решить задачи энергичного военного наступления на Версаль, которое ошибочно не захватило французского банка и т. д. Одним словом, — сошлетесь ли вы

в своем ответе на Парижскую или на какую иную коммуну, ваш ответ будет: это было такое правительство, *каким наше быть не должно*. Хорош ответ, нечего сказать! Не свидетельствует ли это о резонерстве начетчика и беспомощности революционера, когда практическая программа партии обходится молчанием и некстати начинается в резолюции преподавание истории? Не показывает ли это как раз той ошибки, в которой неудачно старались изобличить нас: смешения демократического и социалистического переворотов, неразличавшихся ни одной из «коммун»?

Целью временного правительства (так некстати названного коммуной) выставляется «исключительно» распространение восстания и дезорганизация правительства. Это «исключительно» устраняет, по буквальному смыслу слова, всякие другие задачи, являясь отрывком нелепой теории «только снизу». Подобное устранение других задач есть опять-таки близорукость и непродуманность. «Революционная коммуна», т. е. революционная власть хотя бы в одном городе неизбежно должна будет выполнять (хотя бы временно, «частично, эпизодически») *все* государственные дела, и прятать тут голову под крыло — верх неразумия. Эта власть должна будет и 8-часовой рабочий день узаконить, и рабочую инспекцию за фабриками учредить, и даровое всеобщее образование поставить, и выборность судей ввести, и крестьянские комитеты учредить и т. д., — одним словом, ряд реформ она должна будет провести непременно. Подводить эти реформы под понятие «содействие распространению восстания» значило бы играть словами и намеренно усиливать неясность там, где нужна полная ясность.

Заключительная часть новоискровской резолюции не дает нового материала для критики принципиальных тенденций возродившегося «экономизма» в нашей партии, но иллюстрирует несколько с иной стороны сказанное выше.

Вот эта часть:

«Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и, по возможности, дольше удерживать ее в своих руках, — именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной (?) зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований.

Строя свою тактику в расчете на сохранение за социал-демократической партией в течение всего революционного периода положения крайней революционной оппозиции ко всем сменяющимся в ходе революции пра-

вительствам, социал-демократия всего лучше может подготовиться и к использованию правительственной власти, если она попадет (??) в ее руки».

Основная мысль здесь та, которую неоднократно формулировал «Вперед», говоривший, что мы не должны бояться (как боится Мартынов) полной победы социал-демократии в демократической революции, т. е. революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая победа даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот. Но посмотрите, как ухудшена эта мысль в изложении новоискровцев. Не будем останавливаться на частностях, — на той бессмыслице, будто власть может «попасть» в руки сознательной партии, считающей вредной тактикой захват власти, — на том, что в Европе условия для социализма достигли не известной зрелости, а зрелости вообще, — на том, что наша партийная программа не знает никаких социалистических преобразований, а знает лишь социалистический переворот. Возьмем главное и основное отличие мысли «Вперед» и резолюции. «Вперед» указывал революционному пролетариату России активную задачу: победить в борьбе за демократию и воспользоваться этой победой для перенесения революции в Европу. Резолюция не понимает этой связи нашей «решительной победы» (не в новоискровском смысле) с революцией в Европе и говорит поэтому не о задачах пролетариата, не о перспективах *его* победы, а об одной из возможностей вообще: «если бы революция перекинулась»... «Вперед» указывал прямо и определенно — и эти указания вошли в резолюцию III съезда РСДРП, — как именно можно и должно «использовать правительственную власть» в интересах пролетариата, считаясь с тем, что можно осуществить тотчас при данной ступени общественного развития и что необходимо осуществить сначала, как демократическую предпосылку борьбы за социализм. Резолюция и тут безнадежно тащится в хвосте, говоря: «может подготовиться к использованию», но не умея сказать, *как* может, *как* подготовиться, к *какому* использованию. Мы не сомневаемся, например, что новоискровцы «могут подготовиться к использованию» руководящего положения в партии, но дело-то в том, что до сих пор их опыт этого использования, их подготовка не обнадеживают насчет превращения возможности в действительность...

«Вперед» говорил точно, в чем именно состоит реальная «возможность удержать власть в своих руках», — в револю-

ционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, в их совместной массовой силе, способной перевесить все силы контрреволюции, в их неизбежном совпадении интересов относительно *демократических* преобразований. Резолюция конференции и тут не дает ничего положительного, только увиливая от вопроса. Ведь возможность удерживать власть в России должна обуславливаться составом социальных сил России же, условиями демократического переворота, который у нас сейчас происходит. Ведь победа пролетариата в Европе (а от перенесения революции в Европу до победы пролетариата есть еще дистанция некоторого размера) вызовет отчаянную контрреволюционную борьбу русской буржуазии, — резолюция новоискровцев ни слова не говорит об этой контрреволюционной силе, значение которой оценено в резолюции III съезда РСДРП. Если бы мы не могли опереться кроме пролетариата и на крестьянство в борьбе за республику и демократию, тогда дело «удержания власти» было бы безнадежно. А если оно не безнадежно, если «решительная победа революции над царизмом» открывает такую возможность, — тогда мы должны указывать на нее, активно звать к ее превращению в действительность, давать практические лозунги не только *на случай* перенесения революции в Европу, но и *для* такого перенесения. У хвостистов социал-демократии ссылка на «ограниченные исторические пределы русской революции» прикрывает лишь ограниченность понимания задач этой демократической революции и передовой роли пролетариата в этой революции!

Одно из возражений против лозунга: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» состоит в том, что диктатура предполагает «единую волю» («Искра» № 95), а единой воли у пролетариата с мелкой буржуазией быть не может. Это возражение несостоятельно, ибо оно основано на абстрактном, «метафизическом» толковании понятия «единая воля». Бывает воля единая в одном отношении и неединая в другом. Отсутствие единства в вопросах социализма и в борьбе за социализм не исключает единства воли в вопросах демократизма и в борьбе за республику. Забывать это значило бы забывать логическую и историческую разницу между демократическим и социалистическим переворотом. Забывать это значило бы забывать об *общенародном* характере демократического переворота: если «общенародный», то, значит, *есть* «единство воли» именно постольку, поскольку этот переворот осуществляет общенародные нужды и потребности. За пределами демократизма не может быть и речи о единстве воли между пролета-

риатом и крестьянской буржуазией. Классовая борьба между ними неизбежна, но на почве демократической республики эта борьба и будет самой глубокой и самой широкой народной борьбой за социализм. У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно*. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму.

Конечно, в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дорога. Наемный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противопологаем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различия их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, *частные* элементы того и другого переворота переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще много и много доделать в смысле демократизма?

Социал-демократ никогда и ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм с самой демократической и республиканской буржуазией и мелкой буржуазией. Это несомненно. Из этого вытекает безусловная обязательность отдельной и самостоятельной строго-классовой партии социал-демократии. Из этого вытекает временный характер нашего «вместе бить» с буржуазией, обязанность строго надзирать «за союзником, как за врагом» и т. д. Все это тоже не подлежит ни малейшему сомнению. Но из этого смешно и реакционно было бы выводить забвение, игнорирование или пренебрежение насущных по отношению к настоящему, хотя преходящих и временных, задач. Борьба с самодержавием — временная и

* Развитие капитализма, еще более широкое и быстрое при свободе, неизбежно положит скорый конец единству воли, — тем более скорый, чем скорее будет раздавлена контрреволюция и реакция.

преходящая задача социалистов, но всякое игнорирование или пренебрежение этой задачей равносильно измене социализму и услуге реакции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно лишь проходящая, временная задача социалистов, но игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно.

Конкретные политические задачи надо ставить в конкретной обстановке. Все относительно, все течет, все изменяется. Немецкая социал-демократия не ставит в программу требования республики. Там ситуация такова, что этот вопрос вряд ли отделим на практике от вопроса о социализме (хотя и по отношению к Германии Энгельс в замечаниях на проект Эрфуртской программы в 1891 году предостерегал от преуменьшения значения республики и борьбы за республику! ²⁵⁷). В российской социал-демократии не возникало даже и вопроса о том, чтобы удалить требование республики из программы и из агитации, ибо у нас не может быть и речи о неразрывной связи вопроса о республике с вопросом о социализме. Немецкий социал-демократ 1898 года, не ставящий на первый план вопрос специально о республике, есть явление естественное, не вызывающее ни изумления, ни осуждения. Немецкий социал-демократ, который бы в 1848 г. оставил в тени вопрос о республике, был бы прямым изменником революции. Абстрактной истины нет. Истина всегда конкретна.

Наступит время — кончится борьба с русским самодержавием — минет для России эпоха демократической революции — тогда смешно будет и говорить о «единстве воли» пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т. д. Тогда мы подумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата и подробнее поговорим о ней. Теперь же партия передового класса не может не стремиться самым энергичным образом к решительной победе демократической революции над царизмом. А решительная победа и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Примечание ²⁵⁸

1) Напомним читателю, что в полемике «Искры» с «Впередом» первая ссылалась, между прочим, на письмо Энгельса к Турати, в котором Энгельс предостерегал (будущего) вождя итальянских реформистов от смешения демократической и социалистической революции. Предстоящая револю-

ция в Италии, — писал Энгельс по поводу политического положения Италии в 1894 году, — будет мелкобуржуазная, демократическая, а не социалистическая²⁵⁹. «Искра» упрекала «Вперед» в отступлении от принципа, установленного Энгельсом. Упрек этот неправилен, ибо «Вперед» (№ 14) вполне признавал, в общем и целом, правильность теории Маркса о различии трех главных сил революций XIX века*. По этой теории, против старого порядка, самодержавия, феодализма, крепостничества, выступает 1) либеральная крупная буржуазия; 2) радикальная мелкая буржуазия; 3) пролетариат. Первая борется не более как за конституционную монархию; вторая — за демократическую республику; третий — за социалистический переворот. Смещение мелкобуржуазной борьбы за полный демократический переворот с пролетарской борьбой за социалистическую революцию грозит политическим крахом социалисту. Это предостережение Маркса вполне правильно. Но именно лозунг «революционные коммуны» и ошибочен как раз по этой причине, ибо известные в истории коммуны как раз смешивали демократический и социалистический переворот. Напротив, наш лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства всецело гарантирует от этой ошибки. Признавая безусловно буржуазный характер революции, неспособной непосредственно выйти из рамок только демократического переворота, наш лозунг толкает вперед этот, данный, переворот, — стремится придать этому перевороту наиболее выгодные для пролетариата формы, — стремится, следовательно, к наибольшему использованию демократического переворота в целях успешнейшей дальнейшей борьбы пролетариата за социализм.

II. БЕГЛОЕ СРАВНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ РЕЗОЛЮЦИЙ III СЪЕЗДА РСДРП И «КОНФЕРЕНЦИИ»

Вопрос о временном революционном правительстве является центральным пунктом тактических вопросов социал-демократии в настоящий момент. Останавливаться столь же подробно на остальных резолюциях конференции нет ни возможности, ни надобности. Мы ограничимся только кратким указанием на несколько пунктов, подтверждающих разобранное нами выше принципиальное различие в тактическом направлении резолюций III съезда РСДРП и резолюций конференции.

* См. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 1—19; 4 изд., том 8, стр. 247—263. *Ред.*

Возьмите вопрос об отношении к тактике правительства накануне переворота. Вы найдете опять-таки целостный ответ на него в резолюции III съезда РСДРП. Эта резолюция учитывает все разнообразные условия и задачи особого момента: и разоблачение лицемерия правительственных уступок, и использование «карикатурных форм народного представительства», и революционное осуществление настоятельных требований рабочего класса (восьмичасовой рабочий день во главе их), и, наконец, отпор черным сотням. В резолюциях конференции вопрос разбросан по нескольким отделам: «отпор темным силам реакции» упомянут лишь в мотивах резолюции об отношении к другим партиям. Участие в выборах в представительные учреждения рассматривается отдельно от «компромиссов» царизма с буржуазией. Вместо призыва к осуществлению революционным путем восьмичасового рабочего дня особая резолюция с громким названием «об экономической борьбе» повторяет только (после звонких и очень неумных слов о «центральном месте, занятом рабочим вопросом в русской общественной жизни») старый лозунг агитации за «законодательное установление восьмичасового рабочего дня». Недостаточность и отсталость этого лозунга в настоящий момент слишком ясны, чтобы надо было останавливаться на их доказательстве.

Вопрос об открытом политическом выступлении. III съезд учитывает предстоящую *коренную* перемену нашей деятельности. Никким образом нельзя забрасывать конспиративной деятельности и развития конспиративного аппарата: это было бы на руку полиции и донельзя выгодно правительству. Но нельзя уже теперь не думать и об открытом выступлении. Надо *готовить* немедленно целесообразные формы такого выступления и, следовательно, особые аппараты — менее конспиративные — для этой цели. Надо использовать легальные и полулегальные общества, чтобы превращать их, по возможности, в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России.

Конференция и тут раздробляет вопрос, не давая никаких цельных лозунгов. Особо высказывает смехотворное поручение Организационной комиссии позаботиться об «испомещении» легальных литераторов. Совсем нелепо постановление о «подчинении своему влиянию тех демократических газет, которые ставят себе целью оказывать содействие рабочему движению». Эту цель ставят себе все наши легальные либеральные газеты, почти сплошь «освободженские» по направлению. Почему бы редакции «Искры» не начать самой с выполнения своего совета и не показать нам пример, как

следует подчинять социал-демократическому влиянию «Освобождение»? Вместо лозунга использовать легальные союзы для создания опорных пунктов *партии* нам дают, во-первых, частный совет о «профессиональных» только союзах (обязательное участие в них членов партии) и, во-вторых, совет руководить «революционными организациями рабочих» = «неоформленными организациями» = «революционными рабочими клубами». Как это «клубы» попали в неоформленные организации, что это за «клубы», — аллах ведает. Перед нами вместо точных и ясных директив высшего учреждения партии какие-то наброски мыслей и черновые заметки литераторов. Никакой цельной картины о начале перехода партии к совершенно иной базе всей ее работы не получается.

«Крестьянский вопрос» поставлен совершенно различно съездом партии и конференцией. Съезд выработал резолюцию об «отношении к крестьянскому движению». Конференция — о «работе среди крестьян». В одном случае на первый план выдвинуты задачи руководства в общенациональных интересах борьбы с царизмом всем широким революционно-демократическим движением. В другом случае дело сводится только к «работе» среди особого слоя. В одном случае выдвигается центральный практический лозунг агитации — немедленная организация революционных крестьянских комитетов для проведения всех демократических преобразований. В другом — «требование образования комитетов» должно быть предъявлено учредительному собранию. Почему мы должны непременно ждать этого учредительного собрания? станет ли оно на деле учредительным? прочно ли оно будет без предварительного и одновременного учреждения революционных крестьянских комитетов? — все эти вопросы упущены из виду конференцией. На всех ее решениях так и отражается прослеженная нами общая мысль, что в буржуазной революции мы должны вести только свою специальную работу, не задаваясь целью руководства всем демократическим движением и самостоятельного проведения его. Как «экономисты» постоянно сбивались на то, что социал-демократам — экономическую борьбу, а либералам — политическую, так и новоискровцы сбиваются во всем ходе своих рассуждений на то, что нам — поскромнее уголок в сторонке от буржуазной революции, а буржуазии — активное проведение ее.

Наконец, нельзя не отметить и резолюции об отношении к другим партиям. Резолюция III съезда РСДРП говорит о разоблачении всякой ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии, не задаваясь наивной

мыслью перечислить от съезда до съезда все возможные случаи этой ограниченности и провести черту, отделяющую нехороших буржуа от хороших буржуа. Конференция, повторяя ошибку Старовера, ищет упорно такой черты, развивает знаменитую теорию «лакмусовой бумажки». Старовер исходил из очень доброй идеи: поставить буржуазии условия строже. Он забывал только, что всякая попытка наперед отделить заслуживающих одобрения, соглашения и т. д. буржуазных демократов от незаслуживающих ведет к «формуле», сейчас же выкидываемой за борт развитием событий и вносящей смуту в пролетарское классовое сознание. Центр тяжести переносится с реального единства в борьбе на заявления, обещания, лозунги. Старовер считал таким коренным лозунгом «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право». Не прошло и двух лет, — «лакмусова бумажка» доказала свою негодность, лозунг всеобщего избирательного права переняли освобожденцы, не только не приближаясь от этого к социал-демократии, а напротив — именно посредством этого лозунга пытались ввести в заблуждение рабочих и отвлечь их от социализма.

Теперь новоискровцы выставляют «условия» еще «строже», «требуют» от врагов царизма «энергичной и недвусмысленной (!?) поддержки всякого решительного действия организованного пролетариата» и т. д. вплоть до «активного участия в деле народного самовооружения». Черта проведена значительно дальше, — и тем не менее черта эта *опять уже устарела*, сразу оказалась негодной. Почему, напр., отсутствует лозунг республики? Каким образом в интересах «беспощадной революционной войны против всех основ сословно-монархического порядка» социал-демократы «требуют» от буржуазных демократов всего, чего хотите, кроме борьбы за республику?

Что этот вопрос не придирка, что ошибка новоискровцев имеет самое жизненное политическое значение, — доказательство тому «Российский освободительный союз» (см. № 4 «Пролетария») *. Эти «враги царизма» вполне подойдут под все

* В № 4 «Пролетария», вышедшем 4-го июня 1905 года, помещена была обширная статья: «Новый революционный рабочий союз». (См. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 278—290; 4 изд., том 8, стр. 465—476. *Ред.*) В статье передается содержание воззваний этого союза, принявшего название «Российского освободительного союза» и поставившего своей целью созыв при помощи вооруженного восстания учредительного собрания. Далее, в статье определяется отношение с.-д. к таким беспартийным союзам. Насколько реален был данный союз и какова его судьба в революции, нам совершенно неизвестно. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

«требования» новоискровцев. А между тем мы показали, что освобожденский дух царит в программе (или в беспрограммности) этого «Российского освободительного союза» и что освобожденцы легко могут взять его на буксир. Конференция же заявляет в конце резолюции, что «социал-демократия будет выступать по-прежнему как против *лицемерных друзей народа*, против всех тех политических партий, которые, выставляя либеральное и демократическое знамя, отказываются от действительной поддержки революционной борьбы пролетариата». «Российский освободительный союз» не только не отказывается, а усердно предлагает эту поддержку. Есть ли это ручательство за то, что его вожди не «лицемерные друзья народа», хотя бы они были освобожденцы?

Вы видите: сочиняя наперед «условия» и предъявляя комичные по своему грозному бессилию «требования», новоискровцы сразу ставят себя в смешное положение. Их условия и требования сразу оказываются недостаточными для учета живой действительности. Их погоня за формулами безнадежна, ибо никакой формулой не уловишь всех и всяческих проявлений лицемерия, непоследовательности и ограниченности буржуазной демократии. Дело не в «лакмусовой бумажке», не в формулах, не в записанных и пропечатанных требованиях, не в разграничении наперед лицемерных и нелицемерных «друзей народа», а в реальном единстве борьбы, в неослабевающей критике со стороны социал-демократов каждого «нетвердого» шага буржуазной демократии. Для «действительного сплочения всех заинтересованных в демократическом переустройстве общественных сил» нужны не «пункты», над которыми так усердно и так тщетно трудилась конференция, а умение выставить действительно революционные лозунги. Для этого нужны лозунги, поднимающие до уровня пролетариата революционную и республиканскую буржуазию, а не принижающие задачи пролетариата до уровня монархической буржуазии. Для этого нужно энергичнейшее участие в восстании, а не резонерские отговорки от неотложной задачи вооруженного восстания.

12. ОСЛАБЕЕТ ЛИ РАЗМАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ЕСЛИ ОТ НЕЕ ОТШАТНЕТСЯ БУРЖУАЗИЯ?

Предыдущие строки были уже написаны, когда мы получили изданные «Искрой» резолюции кавказской конференции новоискровцев. Pour la bonne bouche (для хорошего окончания) мы не могли бы и выдумать лучшего материала.

Редакция «Искры» справедливо замечает: «В основном вопросе тактики кавказская конференция также пришла к решению, *аналогичному*» (истина!) «тому, которое принято на конференции общерусской» (т. е. новоискровской). «Вопрос об отношении социал-демократии к временному революционному правительству решен кавказскими товарищами в смысле самого отрицательного отношения к новому методу, пропагандируемому группой «Вперед» и примкнувшими к ней делегатами так называемого съезда». «Формулировку тактики пролетарской партии в буржуазной революции, данную конференцией, надо признать *весьма удачной*».

Что правда, то правда. Более «удачной» формулировки коренной ошибки новоискровцев никто не сумел бы дать. Приводим эту формулировку целиком, отмечая сначала в скобках цветочки, а затем и преподнесенные в конце ягодки.

Резолюция кавказской конференции новоискровцев о временном правительстве:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления» (ну, конечно! Надо бы добавить: для мартыновского углубления!) «социал-демократического сознания пролетариата» (только для углубления сознания, а не для завоевания республики? Какое «глубокое» понимание революции!), «конференция, в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя» (обеспечивать республику не наше дело! Наше дело только обеспечить свободу критики. Анархические идеи порождают и анархический язык: «буржуазно-государственный» строй!), «высказывается против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него» (припомните цитированную Энгельсом резолюцию бакунистов за 10 месяцев перед испанской революцией: см. «Пролетарий» № 3²⁶⁰), «а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне» (снизу, а не сверху) «на буржуазное временное правительство для усиленной (?!) демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма» (республика не насущная нужда! Авторы, в невинности своей, не замечают, что говорят чисто анархическим языком, как будто они отрицали участие в буржуазных революциях!), «с другой, *заставит бур-*

жуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит ее размах».

Вот где зарыта собака. Вот где анархические идеи переплетаются (как это бывает постоянно и среди западноевропейских бернштейнианцев) с чистейшим оппортунизмом. Подумайте только: не вступать во временное правительство потому, что это заставит буржуазию отшатнуться от дела революции и тем ослабит размах революции! Да ведь тут уже перед нами целиком, в чистом и последовательном виде та новоискровская философия, что-де так как революция буржуазная, то поэтому мы должны преклоняться перед буржуазной пошлостью и уступать ей дорогу. Если мы руководимся, хотя бы отчасти, хотя бы на минуту, тем соображением, что наше участие может заставить буржуазию отшатнуться, то ведь мы этим целиком уступаем главенство в революции буржуазным классам. Мы этим всецело отдаем пролетариат под опеку буржуазии (оставаясь при полной «свободе критики»!!), заставляя пролетариат быть умеренным и кротким, чтобы не отшатнулась буржуазия. Мы кастрируем насущнейшие нужды пролетариата, именно политические нужды его, которых никогда хорошенько не понимали «экономисты» и их эпигоны, кастрируем ради того, чтобы не отшатнулась буржуазия. Мы целиком переходим с почвы революционной борьбы за осуществление демократизма в пределах, нужных пролетариату, на почву торгашества с буржуазией, покупая своей изменой принципам, изменой революции ее, буржуазии, добровольное согласие («чтобы не отшатнулась»).

В двух маленьких строчках кавказские новоискровцы сумели выразить всю суть тактики предательства революции, превращения пролетариата в жалкого прихвостня буржуазных классов. То, что мы вывели выше из ошибок новоискровства как тенденцию, то перед нами возведено теперь в ясный и определенный принцип: в хвосте у монархической буржуазии. Так как осуществление республики заставило бы (и заставляет уже — пример г. Струве) отшатнуться буржуазию, поэтому долой борьбу за республику. Так как буржуазию всегда и во всем мире заставляет отшатнуться всякое энергичное и до конца доходящее демократическое требование пролетариата, поэтому — прячьтесь в норы, товарищи рабочие, действуйте только извне, не думайте пользоваться для революции орудиями и средствами «буржуазно-государственного» строя и сохраняйте за собой «свободу критики».

Основная фальшь в самом понимании термина «буржуазная революция» выступила тут наружу. Мартыновское или

новоискровское «понимание» его ведет прямым к предательству дела пролетариата в руки буржуазии.

Кто забыл старый «экономизм», кто не изучает, не вспоминает его, тому трудно понять и теперешнюю отрывку «экономизма». Припомните бернштейнианское «Credo». Из «чисто пролетарских» воззрений и программ люди выводили: нам, социал-демократам, экономику, настоящее рабочее дело, свободу критики всякого политиканства, настоящее углубление социал-демократической работы. Им, либералам, политику. Боже упаси впасть в «революционизм»: это заставит буржуазию отшатнуться. Кто перечтет целиком «Credo» или отдельное Приложение к № 9 «Рабочей Мысли» (сентябрь 1899 года), тот увидит весь этот ход рассуждения.

Теперь то же самое, только в крупном масштабе, в применении к оценке всей «великой» русской революции, — увы, опошляемой и низводимой до карикатуры уже заранее теоретиками ортодоксального филистерства! Нам, социал-демократам, свободу критики, углубление сознания, действие извне. Им, буржуазным классам, свобода дела, свобода поприща для революционного (читай: либерального) руководства, свобода проведения «реформ» сверху.

Эти вульгаризаторы марксизма никогда не задумывались над словами Маркса о необходимой смене оружия критики критикой оружия²⁶¹. Всеу приемля имя Маркса, они на деле составляют тактические резолюции совершенно в духе франкфуртских буржуазных говорунов, свободно критиковавших абсолютизм, углублявших демократическое сознание и непонимавших, что время революции есть время действия, действия и сверху и снизу. Превратив марксизм в резонерство, они из идеологии передового, наиболее решительного и энергичного революционного класса сделали идеологию самых неразвитых слоев его, прячущихся от трудных революционно-демократических задач и предоставляющих эти демократические задачи господам Струве.

Если буржуазные классы отшатнутся, вследствие вступления в революционное правительство социал-демократии, от дела революции, то они тем «ослабят ее размах».

Слышите, русские рабочие: размах революции будет сильнее, если ее проведут не отпугиваемые социал-демократами господа Струве, которые хотят не победы над царизмом, а сделки с ним. Размах революции будет сильнее, если из двух возможных исходов ее, очерченных нами выше, осуществится первый, т. е. если монархическая буржуазия сдержится с самодержавием на «конституции» вроде шиповской!

Социал-демократы, которые пишут в резолюциях для руководства всей партии такие позорные вещи, или которые одобряют эти «удачные» резолюции, до того ослеплены резонерством, вытравившим весь живой дух из марксизма, что они не замечают, как эти резолюции превращают в фразу все их остальные хорошие слова. Возьмите вы любую их статью из «Искры», возьмите даже пресловутую брошюру нашего знаменитого Мартынова, — вы услышите речи о *народном* восстании, о доведении революции *до конца*, о стремлении опереться на *народные низы* в борьбе с непоследовательной буржуазией. Но ведь все эти хорошие вещи превращаются в жалкую фразу с того момента, как вы принимаете или одобряете мысль об «ослаблении», вследствие отчуждения буржуазии, «размаха революции». Одно из двух, господа: или мы с народом должны стремиться провести революцию, одержав полную победу над царизмом, *вопреки* непоследовательной, своекорыстной и трусливой буржуазии; — или мы не допускаем этого «вопреки», мы боимся, как бы не «отшатнулась» буржуазия, и тогда мы предаем пролетариат и народ буржуазии, непоследовательной, своекорыстной и трусливой буржуазии.

Не вздумайте перетолковывать моих слов. Не кричите, что вас обвиняют в сознательном предательстве. Нет, вы так же бессознательно лезли все время и залезли теперь в болото, как старые «экономисты», влекомые неудержимо и безвозвратно вниз по наклонной плоскости «углубления» марксизма до антиреволюционного, бездушного и безжизненного «умничанья».

От каких реальных общественных сил зависит «размах революции», подумали ли вы об этом, господа? Оставим в стороне силы внешней политики, международных комбинаций, которые сложились очень выгодно для нас теперь, но которые мы все исключаем из рассмотрения, и исключаем справедливо, поскольку вопрос идет о внутренних силах России. Посмотрите на эти внутренние общественные силы. Против революции стоит самодержавие, двор, полиция, чиновничество, войско, горстка высшей знати. Чем глубже возмущение в народе, тем ненадежнее становится войско, тем больше колебания в чиновничестве. Далее, буржуазия в общем и целом стоит теперь за революцию, усердствуя с речами о свободе, все чаще и чаще заговаривая от имени народа и даже от имени революции*. Но мы все, марксисты, знаем

* Интересно в этом отношении открытое письмо г. Струве к Жоресу, напечатанное недавно этим последним в газете «L'Humanité»²⁶² и г-ном Струве в № 72 «Освобождения».

из теории и наблюдаем ежедневно и ежечасно на примере наших либералов, земцев и освобожденцев, что буржуазия стоит за революцию непоследовательно, своекорыстно, трусливо. Буржуазия неизбежно повернет, в своей массе, на сторону контрреволюции, на сторону самодержавия против революции, против народа, как только удовлетворятся ее узкие, корыстные интересы, как только «отшатнется» она от последовательного демократизма (*а она уже теперь отшатывается от него!*). Остается «народ», то есть пролетариат и крестьянство: пролетариат один способен идти надежно до конца, ибо он идет гораздо дальше демократического переворота. Поэтому пролетариат и борется за республику в первых рядах, с презрением отбрасывая глупые и недостойные его советы считаться с тем, не отшатнется ли буржуазия. Крестьянство включает в себя массу полупролетарских элементов наряду с мелкобуржуазными. Это делает его тоже неустойчивым, заставляя пролетариат сплотиться в строго классовую партию. Но неустойчивость крестьянства коренным образом отличается от неустойчивости буржуазии, ибо крестьянство в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов этой собственности. Не становясь от этого социалистическим, не переставая быть мелкобуржуазным, крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником демократической революции. Крестьянство неизбежно станет таковым, если только просвещающий его ход революционных событий не оборвется слишком рано предательством буржуазии и поражением пролетариата. Крестьянство неизбежно станет, при указанном условии, оплотом революции и республики, ибо только вполне победившая революция сможет дать крестьянству *все* в области земельных реформ, *все то*, чего крестьянство хочет, о чем оно мечтает, что действительно необходимо ему (не для уничтожения капитализма, как воображают «социалисты-революционеры», а) для того, чтобы подняться из тины полукрепостничества, из мрака забитости и холопства, чтобы улучшить свои условия жизни настолько, насколько это только допустимо в пределах товарного хозяйства.

Мало того: не только радикальное аграрное преобразование привязывает крестьянство к революции, но и все общие и постоянные интересы крестьянства. Даже в борьбе с пролетариатом крестьянство нуждается в демократии, ибо только демократический строй способен точно выразить его интересы и дать преобладание ему, как массе, как большинству. Чем просвещеннее будет крестьянство (а со времени войны с Япо-

нией оно просвещается с такой быстротой, которой не подозревают многие, привыкшие измерять просвещение только школьной меркой), тем последовательнее и решительнее оно будет стоять за полный демократический переворот, ибо ему не страшно, как буржуазии, а выгодно верховенство народа. Демократическая республика станет его идеалом, как только оно станет избавляться от наивного монархизма, ибо сознательный монархизм маклерствующей буржуазии (с верхней палатой и т. д.) означает для крестьянства ту же несправедливость, ту же забитость и темноту, чуть-чуть только подкрашенную европейски-конституционным лаком.

Вот почему буржуазия, как класс, естественно и неизбежно стремится под крылышко либерально-монархической партии, а крестьянство, как масса, — под руководство революционной и республиканской партии. Вот почему буржуазия не способна довести демократической революции до конца, а крестьянство способно довести революцию до конца, и мы должны всеми силами помочь ему в этом.

Мне возразят: это не к чему доказывать, это азбука, это все социал-демократы прекрасно понимают. Нет, этого не понимают те, кто способен говорить об «ослаблении размаха» революции вследствие отпадения от нее буржуазии. Такие люди повторяют заученные слова нашей аграрной программы, но не понимают их значения, ибо иначе они не боялись бы неизбежно вытекающего из всего марксистского мировоззрения и из нашей программы понятия революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, иначе они не ограничивали бы размах великой русской революции размахом буржуазии. Такие люди побивают свои абстрактные марксистские революционные фразы своими конкретными антимарксистскими и антиреволюционными резолюциями.

Кто действительно понимает роль крестьянства в победоносной русской революции, тот не способен был бы говорить, что размах революции ослабеет, когда буржуазия отшатнется. Ибо на самом деле только тогда начнется настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства наряду с пролетариатом. Для того, чтобы быть последовательно доведенной до конца, наша демократическая революция должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии (т. е. способны именно «заставить ее

отшатнуться», чего боятся, по недомыслию, кавказские сторонники «Искры»).

Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии. Таковы задачи пролетариата, которые так узко представляют новоискровцы во всех своих рассуждениях и резолюциях о размахе революции.

Не надо забывать только одного обстоятельства, часто упускаемого из виду при рассуждениях на тему об этом «размахе». Не надо забывать, что речь идет не о трудностях задачи, а о том, на каком пути искать и добиваться решения ее. Речь идет не о том, легко или трудно сделать размах революции могучим и непобедимым, а о том, как поступать следует для усиления этого размаха. Расхождение касается именно основного характера деятельности, самого направления ее. Мы подчеркиваем это, потому что невнимательные и недобросовестные люди слишком часто смешивают два различных вопроса: вопрос о направлении пути, т. е. о выборе одного из двух различных путей, и вопрос о легкости осуществления цели или близости ее осуществления на данном пути.

Этого последнего вопроса мы совершенно не касались в предыдущем изложении, ибо этот вопрос не вызывал у нас разногласий и расхождения внутри партии. Но, разумеется, сам по себе вопрос этот крайне важен и заслуживает серьезнейшего внимания всех социал-демократов. Было бы позволительным оптимизмом забывать о тех трудностях, которые связаны с вовлечением в движение массы не только рабочего класса, но и крестьянства. Именно об эти трудности сламывались не раз усилия довести до конца демократическую революцию, причем торжествовала всего более непоследовательная и своекорыстная буржуазия, которая и «приобретала капитал» монархической защиты от народа и «соблюдавала невинность» либерализма... или «освобожденства». Но трудность не есть неисполнимость. Важна уверенность в правильном выборе пути, и эта уверенность усиливает стократ революционную энергию и революционный энтузиазм, способные совершать чудеса.

До какой степени глубоко расхождение между современными социал-демократами по вопросу о выборе пути, видно

сразу из сопоставления кавказской резолюции новоискровцев и резолюции III съезда Российской социал-демократической рабочей партии. Резолюция съезда говорит: буржуазия непоследовательна, она непременно будет стараться отнять у нас завоевания революции. Поэтому готовьтесь энергичнее к борьбе, товарищи рабочие, вооружайтесь, привлекайте на свою сторону крестьянство. Мы не уступим своекорыстной буржуазии наших революционных завоеваний без боя. Резолюция кавказских новоискровцев говорит: буржуазия непоследовательна, она может отшатнуться от революции. Поэтому, товарищи рабочие, не думайте, пожалуйста, об участии во временном правительстве, ибо тогда буржуазия наверное отшатнется и размах революции будет от этого слабее!

Одни говорят: двигайте революцию вперед, до конца, вопреки сопротивлению или пассивности непоследовательной буржуазии.

Другие говорят: не думайте о самостоятельном проведении революции до конца, ибо от нее отшатнется тогда непоследовательная буржуазия.

Разве перед нами не два диаметрально противоположные пути? Разве не очевидно, что одна тактика безусловно исключает другую? Что первая тактика есть единственно верная тактика революционной социал-демократии, а вторая в сущности тактика чисто освободительная?

13. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СМЕЕМ ЛИ МЫ ПОБЕДИТЬ?

Люди, поверхностно знакомые с положением дел в российской социал-демократии или судящие со стороны, не знающие истории всей нашей внутрипартийной борьбы со времени «экономизма», очень часто отделиваются и от определившихся теперь, особенно после III съезда, тактических разногласий простой ссылкой на две естественные, неизбежные, вполне примиримые тенденции всякого социал-демократического движения. С одной стороны, дескать, усиленное подчеркивание обычной, текущей, повседневной работы, необходимости развивать пропаганду и агитацию, готовить силы, углублять движение и т. д. С другой стороны, подчеркивание боевых, общеполитических, революционных задач движения, указание на необходимость вооруженного восстания, выдвигание лозунгов: революционно-демократическая диктатура, временное революционное правительство. Ни той, ни другой стороны не следует преувеличивать, ни там, ни здесь (как и вообще нигде на свете) нехороши крайности и т. д. и т. п.

Дешевые истины житейской (и «политической» в кавычках) мудрости, которые, несомненно, имеются в подобных рассуждениях, слишком часто прикрывают, однако, непонимание насущных, наиболее нужд партии. Возьмите современные тактические разногласия среди русских социал-демократов. Разумеется, само по себе усиленное подчеркивание повседневной, будничной стороны работы, которое мы видим в новоискровских рассуждениях о тактике, ничего опасного не могло бы еще представить и никакого расхождения в тактических лозунгах не могло бы вызвать. Но достаточно сравнить резолюции III съезда Российской социал-демократической рабочей партии с резолюциями конференции, чтобы это расхождение бросилось в глаза.

В чем же дело? А в том, во-первых, что мало одного общего, абстрактного указания на две струи в движении и на вред крайностей. Надо знать конкретно, чем страдает данное движение в данный момент, в чем теперь заключается реальная политическая опасность для партии. Во-вторых, надо знать, каким реальным политическим силам подливают воду на мельницу те или иные тактические лозунги, — может быть, то или иное отсутствие лозунгов. Послушайте новоискровцев — и вы придете к выводу, что партии социал-демократии грозит опасность выкинуть за борт пропаганду и агитацию, экономическую борьбу и критику буржуазной демократии, увлечься не в меру военной подготовкой, вооруженными нападениями, захватом власти и т. д. На самом же деле реальная опасность грозит партии совсем с другой стороны. Кто знает сколько-нибудь близко состояние движения, кто внимательно и вдумчиво следит за ним, тот не может не видеть смешной стороны новоискровских страхов. Вся работа Российской социал-демократической рабочей партии вполне отлилась уже в прочные, неизменные рамки, безусловно обеспечивающие сосредоточение центра тяжести в пропаганде и агитации, летучках и массовках, распространении листовок и брошюр, содействии экономической борьбе и подхватывании ее лозунгов. Нет ни одного комитета партии, ни одного районного комитета, ни одной центральной сходки, ни одной заводской группы, в которой бы девяносто девять сотых внимания, сил и времени не уделялось всегда и постоянно всем этим функциям, упрочившимся еще со второй половины девятых годов. Не знают этого только люди, вовсе незнакомые с движением. Принимать за чистую монету новоискровское повторение задов, когда оно делается с особо важным видом, могут только очень наивные или неосведомленные люди.

Факт тот, что не только не увлекаются у нас чересчур задачами восстания, общеполитическими лозунгами, делом руководства всей народной революции, а, наоборот, *отсталость* именно в этом отношении бьет в глаза, составляет самое больное место, представляет реальную опасность движения, которое может выродиться и кое-где вырождается из революционного на деле в революционное на словах. Из многих и многих сотен организаций, групп и кружков, выполняющих работу партии, вы не найдете ни одного, в котором с самого его возникновения не велась бы та повседневная работа, о которой с видом людей, открывших новые истины, повествуют мудрецы из новой «Искры». И, наоборот, вы найдете ничтожный процент групп и кружков, сознавших задачи вооруженного восстания, приступивших к выполнению их, давших себе отчет в необходимости руководить всей народной революцией против царизма, в необходимости выдвигать для этого такие именно, а не другие передовые лозунги.

Мы невероятно отстали от передовых и действительно революционных задач, мы не сознали еще их в массе случаев, мы прозевали и там и тут усиление революционной буржуазной демократии за счет нашей отсталости в этом отношении. А писатели новой «Искры», повернувшись спиной к ходу событий и к запросам времени, твердят упорно: не забывайте старого! не увлекайтесь новым! Это — основной неизменный мотив всех существенных резолюций конференции, тогда как в резолюциях съезда вы также неизменно читаете: подтверждая старое (и не останавливаясь на его разжевывании именно потому, что оно есть старое, уже решенное и закрепленное литературой, резолюциями и опытом), выдвигаем новую задачу, обращаем внимание на нее, ставим новый лозунг, требуем от действительно революционных социал-демократов немедленной работы над его проведением в жизнь.

Вот как стоит на самом деле вопрос о двух течениях в тактике социал-демократии. Революционная эпоха выдвинула новые задачи, которых не видят только совсем слепые люди. И эти задачи одни с.-д. решительно признают и ставят на очередь дня: вооруженное восстание неотложно, готовьтесь к нему немедленно и энергично, помните, что оно необходимо для решительной победы, ставьте лозунги республики, временного правительства, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Другие же пятятся назад, топчутся на одном месте, вместо лозунгов дают предисловия, вместо указания нового наряда с подтверждением старого, разжевывают пространно и скучно это старое, сочиняя отговорки от нового, не умея определить условий ре-

шительной победы, не умея выставить лозунгов, единственно соответствующих стремлению добиться полной победы.

Политический результат этого хвостизма у нас налицо. Басня о сближении «большинства» Российской социал-демократической рабочей партии с революционной буржуазной демократией остается басней, не подтверждаемой ни единым политическим фактом, ни единой влиятельной резолюцией «большевиков», ни единым актом III съезда Российской социал-демократической рабочей партии. А между тем, оппортунистическая, монархическая буржуазия в лице «Освобождения» издавна *приветствует* «принципиальные» тенденции новоискровства, а теперь уже прямо их водой вертит свою мельницу, воспринимает все их словечки и «идейки» против «конспирации» и «бунта», против преувеличения «технической» стороны революции, против прямого выставления лозунга вооруженного восстания, против «революционизма» крайних требований и т. д. и т. п. Резолюция целой конференции социал-демократов-«меньшевиков» на Кавказе и одобрение этой резолюции редакцией новой «Искры» подводит недвусмысленный политический итог всему этому: как бы не отшатнулась буржуазия в случае участия пролетариата в революционно-демократической диктатуре! Этим все сказано. Этим окончательно закреплено превращение пролетариата в прихвостня монархической буржуазии. Этим доказано на деле, не случайным заявлением одного лица, а резолюцией, специально одобренной целым направлением, доказано *политическое значение* новоискровского хвостизма.

Кто вдумывается в эти факты, тот поймет действительное значение ходячих указаний на две стороны и две тенденции социал-демократического движения. Возьмите бернштейниаду, чтобы на крупном масштабе изучить эти тенденции. Ведь бернштейнианцы точь-в-точь твердили и твердят, что именно они понимают истинные нужды пролетариата, задачи роста его сил, углубления всей работы, подготовки элементов нового общества, пропаганды и агитации. Мы требуем открытого признания того, что есть! — говорит Бернштейн, освящая этим «движение» без «конечной цели», освящая одну оборонительную тактику, проповедуя тактику боязни, «как бы не отшатнулась буржуазия». И бернштейнианцы кричали о «якобинизме» революционных социал-демократов, о «литераторах», не понимающих «рабочей самостоятельности» и т. д. и т. д. На деле, как всем известно, революционные социал-демократы и не думали забрасывать повседневной и мелкой работы, подготовки сил и пр., и пр. Они только требовали ясного сознания конечной цели, ясной постановки

революционных задач, они хотели поднимать полупролетарские и полумелкобуржуазные слои до революционности пролетариата, а не принижать эту последнюю до оппортунистических соображений, «как бы не отшатнулась буржуазия». Едва ли не самым рельефным выражением этой розни между интеллигентски-оппортунистическим и пролетарски-революционным крылом партии явился вопрос: *dürfen wir siegen?* «смеем ли мы победить?» позволительно ли нам победить? не опасно ли нам победить? следует ли нам побеждать? Станный на первый взгляд, вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись победы, отпугивали пролетариат от нее, пророчили беды от нее, высмеивали лозунги, прямо зовущие к ней.

То же основное деление на интеллигентски-оппортунистическую и пролетарски-революционную тенденцию имеется у нас с тою лишь, весьма существенною, разницей, что речь идет не о социалистическом, а о демократическом перевороте. У нас тоже поставлен нелепый на первый взгляд вопрос: «смеем ли мы победить?». Он поставлен Мартыновым в его «Двух диктатурах», пророчивших беды от того, если мы очень хорошо подготовим и вполне успешно проведем восстание. Он поставлен всей литературой новоискровцев по вопросу о временном революционном правительстве, причем усердно, но безуспешно пытались все время смешать участие Мильерана в буржуазно-оппортунистическом правительстве с участием Варлена²⁶³ в мелкобуржуазном революционном правительстве. Он закреплен резолюцией «как бы не отшатнулась буржуазия». И хотя Каутский, например, пробует теперь иронизировать, что наши споры о временном революционном правительстве похожи на дележ шкуры еще не убитого медведя, но эта ирония показывает лишь, как даже умные и революционные социал-демократы попадают впросак, когда говорят о том, что известно им только понаслышке. Немецкая социал-демократия еще не слишком близка к тому, чтобы убить медведя (совершить социалистический переворот), но спор о том, «смеем» ли мы убивать его, имел громадное принципиальное и практически-политическое значение. Русские социал-демократы не слишком близки еще к тому, чтобы быть в силах «убить своего медведя» (совершить демократический переворот), но вопрос о том, «смеем» ли мы убивать его, имеет для всего будущего России и для будущего русской социал-демократии крайне серьезное значение. Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить.

Возьмите старых наших «экономистов». Они тоже кричали, что их противники — заговорщики, якобинцы (см. «Рабочее Дело», особенно № 10, и речь Мартынова при дебатах на II съезде о программе), что они отрываются от массы, бросаясь в политику, что они забывают основы рабочего движения, не считаются с рабочей самодеятельностью и проч., и проч. На самом же деле эти сторонники «рабочей самодеятельности» были интеллигентами-оппортунистами, навязывавшими рабочим свое узкое и филистерское понимание задач пролетариата. На самом деле противники «экономизма», как может видеть всякий по старой «Искре», не забросили и не отодвинули на задний план ни одной из сторон социал-демократической работы, нисколько не забыли экономической борьбы, умея в то же время поставить во всей широте насущные и очередные политические задачи, противодействуя превращению рабочей партии в «экономический» придаток либеральной буржуазии.

Экономисты заучили, что в основе политики лежит экономика, и «поняли» это так, что надо принижать политическую борьбу до экономической. Новоискровцы заучили, что демократический переворот имеет в экономической основе своей буржуазную революцию, и «поняли» это так, что надо принижать демократические задачи пролетариата до уровня буржуазной умеренности, до того предела, за которым «отшатнется буржуазия». «Экономисты» под предлогом углубления работы, под предлогом рабочей самодеятельности и чисто классовой политики, — на деле отдавали рабочий класс в руки либерально-буржуазных политиков, т. е. вели партию по пути, объективное значение которого было именно таково. Новоискровцы, под теми же самыми предложениями, на деле предают буржуазии интересы пролетариата в демократической революции, т. е. ведут партию по пути, объективное значение которого именно таково. «Экономистам» казалось, что главенство в политической борьбе не дело социал-демократов, а собственно дело либералов. Новоискровцам кажется, что активное проведение демократической революции не дело социал-демократов, а собственно дело демократической буржуазии, ибо руководство и первенствующее участие пролетариата «ослабит размах» революции.

Одним словом, новоискровцы являются эпигонами «экономизма» не только по происхождению своему на втором съезде партии, но и по теперешней постановке ими тактических задач пролетариата в демократической революции. Это — тоже интеллигентски-оппортунистическое крыло партии. В организации оно дебютировало анархическим инди-

видуализмом интеллигентов и закончило «дезорганизацией-процессом», закрепив в «уставе»²⁶⁴, принятом конференцией, оторванность литературы от партийной организации, не прямые, чуть ли не четырехстепенные, выборы, систему бонапартистских плебисцитов вместо демократического представительства, наконец, принцип «соглашения» между частью и целым. В тактике партии они катились по такой же наклонной плоскости. В «плане земской кампании» они объявили «высшим типом демонстрации» выступление перед земцами, находя на политической сцене только две активные силы (накануне 9-го января!) — правительство и буржуазную демократию. Насущную задачу вооружения они «углубляли», заменяя прямой практический лозунг призывом вооружить жгучей потребностью самовооружения. Задачи вооруженного восстания, временного правительства, революционно-демократической диктатуры извращены и притуплены ими теперь в официальных их резолюциях. «Как бы не отшатнулась буржуазия» — этот заключительный аккорд последней их резолюции проливает полный свет на вопрос о том, куда ведет партию их путь.

Демократический переворот в России есть революция, по общественно-экономической сущности своей, буржуазная. Это верное марксистское положение недостаточно просто повторять. Его надо уметь понять и уметь применять к политическим лозунгам. Вся политическая свобода вообще, на почве современных, т. е. капиталистических, производственных отношений есть свобода буржуазная. Требование свободы выражает раньше всего интересы буржуазии. Ее представители первые выставили это требование. Ее сторонники воспользовались повсюду, как хозяева, полученной свободой, сводя ее к умеренной и аккуратной буржуазной мерке, совмещая ее с самым утонченным в мирное время и зверски-жестоким во время бури подавлением революционного пролетариата.

Но выводить из этого отрицание или принижение борьбы за свободу могли только бунтари-народники, анархисты да «экономисты». Навязывать эти интеллигентски-филистерские учения пролетариату удавалось всегда лишь на время, лишь вопреки его сопротивлению. Пролетариат схватывал чутьем, что политическая свобода нужна ему, нужна всего более ему, несмотря на то, что она непосредственно укрепит и организует буржуазию. Не в уклонении от классовой борьбы ждет своего спасения пролетариат, а в ее развитии, в увеличении ее широты, сознательности, организованности, решительности. Кто принижает задачи политической борьбы, тот превращает социал-демократа из народного трибуна в секретаря тред-юниона. Кто принижает пролетарские задачи в демократиче-

ской буржуазной революции, тот превращает социал-демократа из вождя народной революции в вожака свободного рабочего союза.

Да, *народной* революции. Социал-демократия боролась и борется с полным правом против буржуазно-демократического злоупотребления словом народ. Она требует, чтобы этим словом не прикрывалось непонимание классовых антагонизмов внутри народа. Она настаивает безусловно на необходимости полной классовой самостоятельности партии пролетариата. Но она разлагает «народ» на «классы» не для того, чтобы передовой класс замыкался в себе, ограничивал себя узенькой меркой, кастрировал свою деятельность соображениями, как бы не отшатнулись экономические владыки мира, а для того, чтобы передовой класс, не страдая от половинчатости, неустойчивости, нерешительности промежуточных классов, тем с большей энергией, тем с большим энтузиазмом боролся за дело всего народа, во главе всего народа.

Вот что так часто не понимают современные новоискровцы, заменяющие выставление активных политических лозунгов в демократической революции одним резонерским повторением слова: «классовый» во всех родах и во всех падежах!

Демократический переворот буржуазен. Лозунг черного передела или земли и воли, — этот распространеннейший лозунг крестьянской массы, забитой и темной, но страстно ищущей света и счастья, — буржуазен. Но мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса. Мы должны не забывать, что нет и быть не может в настоящее время другого средства приблизить социализм, как полная политическая свобода, как демократическая республика, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Как представители передового и единственно-революционного, без оговорок, без сомнений, без оглядок назад революционного, класса, мы должны как можно шире, смелее, инициативнее ставить перед всем народом задачи демократического переворота. Принижение этих задач есть теоретически карикатура на марксизм и филистерское извращение его, а практически-политически есть передача дела революции в руки буржуазии, которая неизбежно отшатнется от последовательного проведения революции. Трудности, которые стоят на пути полной победы революции, очень велики. Никто не сможет осудить представителей пролетариата, если они сделают все, что в их силах, и если все их усилия разобьются о сопротивление реакции, о предательство буржуазии,

о темноту массы. Но все и каждый — и прежде всего сознательный пролетариат — осудит социал-демократию, если она будет урезывать революционную энергию демократического переворота, урезывать революционный энтузиазм боязнью победить, соображениями о том, как бы не отшатнулась буржуазия.

Революции — локомотивы истории — говорил Маркс²⁶⁵. Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе. Предоставим оппортунистам «освобожденской» буржуазии сочинять, из страха перед революцией и из страха перед прямым путем, обходные, окольные, компромиссные пути. Если нас силой заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь. Пусть оппортунисты буржуазии трусливо думают о будущей реакции. Рабочих не испугает мысль ни о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят подачек, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы, т. е. к *революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства*.

Слов нет, в бурное время больше опасностей угрожает нашему партийному кораблю, чем при тихом «плавании» либерального прогресса, означающего мучительно-медленное выжимание соков из рабочего класса его эксплуататорами. Слов нет, задачи революционно-демократической диктатуры в тысячу раз труднее и сложнее, чем задачи «крайней оппозиции» и одной только парламентской борьбы. Но кто в настоящий революционный момент сознательно способен предпочесть мирное плавание и путь безопасной «оппозиции», —

тот пусть лучше уйдет на время от социал-демократической работы, пусть дождется конца революции, когда минет праздник, снова начнутся будни, когда его буднично-ограниченная мерка не будет таким отвратительным диссонансом, таким уродливым извращением задач передового класса.

Во главе всего народа и в особенности крестьянства — за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых — за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ЕЩЕ РАЗ ОСВОБОЖДЕНСТВО, ЕЩЕ РАЗ НОВОИСКРОВСТВО

Номера 71—72 «Освобождения» и 102—103 «Искры» дали новый, чрезвычайно богатый материал по вопросу, которому мы посвятили § 8-ой нашей брошюры. Не имея никакой возможности использовать здесь весь этот богатый материал, мы остановимся лишь на главнейшем: во-первых, на том, какого рода «реализм» расхваливает «Освобождение» в социал-демократии и почему оно должно его расхваливать; во-вторых, на соотношении понятий: революция и диктатура.

I. ЗА ЧТО ХВАЛЯТ БУРЖУАЗНО-ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕАЛИСТЫ «РЕАЛИСТОВ» СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ?

Статьи: «Раскол в русской социал-демократии» и «Торжество здравого смысла» (№ 72 «Освобождения») представляют из себя замечательно ценное для сознательных пролетариев суждение представителей либеральной буржуазии о социал-демократии. Нельзя достаточно сильно рекомендовать всякому социал-демократу ознакомиться с этими статьями в их полном виде и *продумать* каждую фразу в них *. Мы воспроизведем прежде всего главные положения обеих статей:

«Постороннему наблюдению, — говорит «Освобождение», — довольно трудно уловить реальный политический смысл разногласия, разбившего социал-демократическую партию на две фракции. Определение фракции «большинства», как более радикальной и прямолинейной, в отличие от «меньшинства», допускающего в интересах дела некоторые компромиссы, не вполне точно и, во всяком случае, не представляет исчерпывающей характеристики. По крайней мере, традиционные догматы марксистской

* В рукописи далее следует зачеркнутый текст: «Суждение самых заклятых, самых сильных (в современном обществе) и самых умных врагов социал-демократии (из всех современных врагов ее) представляет из себя положительно неоценимый материал для политического просвещения самих социал-демократов», *Ред.*

ортодоксии блюдятся фракцией меньшинства, пожалуй, еще с большей ревностью, чем фракцией Ленина. Более точной представляется нам следующая характеристика. Основным политическим настроением «большинства» является отвлеченный революционизм, бунтарство, стремление какими угодно средствами поднять восстание в народной массе и от ее имени немедленно захватить власть; это до известной степени сближает «ленинцев» с социалистами-революционерами и заслоняет в их сознании идею классовой борьбы идеей всенародной русской революции; отрекаясь на практике от многих узостей социал-демократической доктрины, «ленинцы», с другой стороны, насквозь пропитаны узостью революционизма, отказываются от всякой другой практической работы, кроме приготовления немедленного восстания, принципиально игнорируют все формы легальной и полуполитической агитации и все виды практически полезных компромиссов с другими оппозиционными течениями. Напротив, меньшинство, крепко держась за догму марксизма, вместе с тем сохраняет и реалистические элементы марксистского мировоззрения. Основной идеей этой фракции является противопоставление интересов «пролетариата» интересам буржуазии. Но, с другой стороны, борьба пролетариата мыслится — конечно, в известных пределах, диктуемых незыблемыми догматами социал-демократии, — реалистически трезво, с ясным сознанием всех конкретных условий и задач этой борьбы. Обе фракции проводят свою основную точку зрения не вполне последовательно, так как они связаны в своем идейно-политическом творчестве строгими формулами социал-демократического катехизиса, которые мешают «ленинцам» стать прямолинейными бунтарями, по образцу некоторых, по крайней мере, социалистов-революционеров, а «искровцам» — практическими руководителями реального политического движения рабочего класса».

И, приводя далее содержание главных резолюций, писатель «Освобождения» поясняет несколькими конкретными замечаниями по поводу них свои общие «мысли». По сравнению с III съездом, говорит он, «совершенно иначе относится к вооруженному восстанию конференция меньшинства». «В связи с отношением к вооруженному восстанию» стоит различие резолюций о временном правительстве. «Такое же разногласие обнаруживается и в отношении к профессиональным рабочим союзам. «Ленинцы» в своих резолюциях даже не обмолвились ни словом об этой важнейшей исходной точке политического воспитания и организации рабочего класса. Наоборот, меньшинство выработало очень серьезную резолюцию». По отношению к либералам обе фракции, дескать, единодушны, но III съезд «повторяет почти дословно резолюцию Плеханова об отношении к либералам, принятую на II съезде, и отвергает принятую тем же съездом, более благосклонную к либералам, резолюцию Старовера». При общей однородности резолюций съезда и конференции о крестьянском движении ««большинство» более подчеркивает идею революционной конфискации помещичьих и т. д. земель, тогда как «меньшинство» основой своей агитации хочет сделать требования демократических государственных и административных реформ».

Наконец, «Освобождение» цитирует из № 100 «Искры» одну меньшевистскую резолюцию, главный пункт которой гласит: «Ввиду того, что в настоящее время одна подпольная работа не обеспечивает массе достаточного участия ее в партийной жизни и отчасти ведет к противопоставлению массы, как таковой, партии, как нелегальной организации, необходимо последней взять в свои руки ведение рабочими профессиональной борьбы на легальной почве, строго связывая эту борьбу с социал-демократическими задачами». По поводу этой резолюции «Освобождение» восклицает: «Мы горячо приветствуем эту резолюцию как торжество здравого смысла, как тактическое просветление известной части социал-демократической партии».

Теперь читатель имеет перед собою все существенные суждения «Освобождения». Было бы величайшей ошибкой, разумеется, считать верными в смысле соответствия объективной истине эти суждения. Ошибки легко откроет в них на каждом шагу всякий социал-демократ. Было бы наивностью забывать, что все эти суждения насквозь пропитаны интересами и точкой зрения либеральной буржуазии, что они насквозь пристрастны и тенденциозны в этом смысле. Они отражают взгляды социал-демократии так же, как вогнутое или выпуклое зеркало отражает предметы. Но еще большей ошибкой было бы забвение того, что эти буржуазно-извращенные суждения отражают, в конечном счете, действительные интересы буржуазии, которая, как класс, несомненно верно понимает, какие тенденции внутри социал-демократии ей, буржуазии, выгодны, близки, родственны, симпатичны, и какие — вредны, далеки, чужды, антипатичны. Буржуазный философ или буржуазный публицист никогда не поймет социал-демократии правильно, ни меньшевистской, ни большевистской социал-демократии. Но если это хоть сколько-нибудь толковый публицист, то его не обманет его классовый инстинкт, и значение для буржуазии того или иного течения внутри социал-демократии он всегда схватит в сущности верно, хотя и изобразит превратно. Классовый инстинкт нашего врага, классовое суждение его всегда заслуживает поэтому самого серьезного внимания всякого сознательного пролетария.

Что же говорит нам, устами освобожденцев, классовый инстинкт российской буржуазии?

Он совершенно определенно выражает свое удовольствие по поводу тенденций новоискровства, хваля его за реализм, трезвость, торжество здравого смысла, серьезность резолюций, тактическое просветление, практичность и т. д., — и неудовольствие по поводу тенденций III съезда, порицая его за узость, революционизм, бунтарство, отрицание практически-полезных компромиссов и т. д. Классовый инстинкт буржуазии подсказывает ей как раз то, что неоднократно самыми точными данными было доказано в нашей литературе, именно: что новоискровцы представляют из себя оппортунистическое, а их противники — революционное крыло современной русской социал-демократии. Либералы не могут не сочувствовать тенденциям первого, не могут не порицать тенденций второго. Либералы, как идеологи буржуазии, прекрасно понимают, что для буржуазии выгодна «практичность, трезвость, серьезность» рабочего класса, т. е. фактическое ограничение поля его деятельности рамками капитализма, реформ, профессиональной борьбы и т. д. Буржуазии опасна и страш-

на «революционистская узость» пролетариата и его стремление во имя его классовых задач добиваться руководящей роли в общенародной русской революции.

Что действительно таков смысл слова «реализм», в освободительном значении его, это видно, между прочим, из прежнего употребления его «Освобождением» и г. Струве. Сама «Искра» не могла не признать *такого* значения освободительского «реализма». Вспомните, например, статью «Пора!» в приложении к № 73—74 «Искры». Автор этой статьи (последовательный выразитель взглядов «болота» на втором съезде Российской социал-демократической рабочей партии) прямо выразил свое мнение, что «Акимов сыграл на съезде роль скорее призрака оппортунизма, чем его действительного представителя». И редакция «Искры» сейчас же вынуждена была поправить автора статьи «Пора!», заявив в примечании:

«С этим мнением нельзя согласиться. На программных взглядах тов. Акимова лежит явная печать оппортунизма, что признает и критик «Освобождения» — в одном из его последних номеров, отмечая, что тов. Акимов примыкает к «реалистическому», — читай: ревизионистскому, — направлению» *.

Итак, «Искра» сама прекрасно знает, что освободительский «реализм» есть именно оппортунизм и ничто иное. Если теперь, нападая на «либеральный реализм» (№ 102 «Искры»), «Искра» умалчивает о том, как *ее похвалили либералы* за реализм, то умолчание это объясняется тем, что такие похвалы горше всяких порицаний. Такие похвалы (не случайно и не в первый раз высказанные «Освобождением») доказывают на деле родство либерального реализма и тех тенденций социал-демократического «реализма» (читай: оппортунизма), которые сквозят в каждой резолюции новоискровцев, благодаря ошибочности всей их тактической позиции.

В самом деле, российская буржуазия вполне уже обнаружила свою непоследовательность и корыстность в «общенародной» революции, — обнаружила и рассуждениями господина Струве, и всем тоном и содержанием массы либеральных газет, и характером политических выступлений массы земцев, массы интеллигентов, вообще всяких сторонников гг. Трубецкого, Петрункевича, Родичева и К^о. Буржуазия не всегда, конечно, отчетливо понимает, но в общем и целом превосходно схватывает классовым чутьем, что, с одной стороны, пролетариат и «народ» полезен для *ее* революции, как

* В рукописи далее следует: «(Сравни листок «Услужливый либерал», изд. «Вперед»)» (см. Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 71—74; 4 изд., том 7, стр. 451—454. *Ред.*).

пушечное мясо, как таран против самодержавия, но что, с другой стороны, пролетариат и революционное крестьянство страшно опасны для нее в случае, если они одержат «решительную победу над царизмом» и доведут до конца демократическую революцию. Поэтому буржуазия всеми силами стремится к тому, чтобы пролетариат удовлетворился «скромной» ролью в революции, чтобы он был трезвеннее, практичнее, реалистичнее, чтобы его деятельность определялась принципом: «как бы не отшатнулась буржуазия».

Интеллигентные буржуа прекрасно знают, что рабочего движения им не избыть. Они поэтому выступают вовсе не против рабочего движения, вовсе не против классовой борьбы пролетариата, — нет, они даже расшаркиваются всячески перед свободой стачек, культурной классовой борьбой, понимая рабочее движение и классовую борьбу в брентановском или гирш-дункеровском смысле. Другими словами, они вполне готовы «уступить» рабочим (фактически уже почти отвоеванную самими рабочими) свободу стачек и союзов, лишь бы рабочие отказались от «бунтарства», от «узкого революционизма», от вражды к «практически-полезным компромиссам», от претензий и стремлений наложить на «всемирную русскую революцию» печать *своей* классовой борьбы, печать пролетарской последовательности, пролетарской решительности, «плебейского якобинизма». Интеллигентные буржуа во всей России тысячами способов и путей, — книгами*, лекциями, речами, беседами и пр., и пр. — стараются поэтому изо всех сил внушить рабочим идеи (буржуазной) трезвенности, (либеральной) практичности, (оппортунистического) реализма, (брентановской) классовой борьбы, (гирш-дункеровских) профессиональных союзов и пр. Два последние лозунга особенно удобны для буржуев «конституционно-демократической» или «освобожденской» партии, ибо по внешности они совпадают с марксистскими, ибо при маленьком умолчании и небольшом извращении их легко смешать с социал-демократическими, даже иногда выдать за социал-демократические. Вот, напр., легальная либеральная газета «Рассвет» (о которой мы постараемся побеседовать как-нибудь подробнее с читателями «Пролетария») говорит нередко такие «смелые» вещи о классовой борьбе, о возможном обмане пролетариата буржуазией, о рабочем движении, о самостоятельности пролетариата и т. д. и т. п., что невнимательный читатель и неразвитый рабочий легко примут ее «социал-демократизм» за чистую монету. А на деле это — буржуаз-

* Сравни: Прокопович: «Рабочий вопрос в России»,

ная подделка под социал-демократизм, оппортунистическое извращение и искажение понятия классовой борьбы.

В основе всего этого гигантского (по широте воздействия на массы) буржуазного подмена лежит тенденция свести рабочее движение преимущественно к профессиональному движению, удержать его подалше от самостоятельной (т. е. революционной и направленной к демократической диктатуре) политики, «заслонить в их, рабочих, сознании идею всенародной русской революции идеей классовой борьбы».

Как видит читатель, мы перевернули вверх ногами формулировку «Освобождения». Это — превосходная формулировка, выражающая прекрасно два взгляда на роль пролетариата в демократической революции, взгляд буржуазный и взгляд социал-демократический. Буржуазия хочет свести пролетариат к одному профессиональному движению и тем «заслонить в его сознании идею всенародной русской революции идеей (*брентановской*) классовой борьбы», — совершенно в духе бернштейнианских авторов «Credo», заслонявших в сознании рабочих идею политической борьбы идеей «чисто рабочего» движения. Социал-демократия же хочет, наоборот, развить классовую борьбу пролетариата в руководящее участие его в всенародной русской революции, т. е. довести эту революцию до демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Революция у нас всенародная, — говорит буржуазия пролетариату. — Поэтому ты, как особый класс, должен ограничиться своей классовой борьбой, — должен, во имя «здорового смысла», направить главное внимание на профессиональные союзы и легализацию их, — должен считать именно эти профессиональные союзы «важнейшей исходной точкой своего политического воспитания и организации», — должен вырабатывать в революционный момент преимущественно «серьезные» резолюции, вроде новоискровской, — должен бережливо относиться к резолюциям, «более благосклонным к либералам», — должен предпочитать руководителей, имеющих тенденцию стать «практическими руководителями реального политического движения рабочего класса», — должен «сохранять реалистические элементы марксистского мирозерцания» (если уже ты заразился, к сожалению, «строгими формулами» этого «ненаучного» катехизиса).

Революция у нас всенародная, — говорит социал-демократия пролетариату. — Поэтому ты должен, как самый передовой и единственный до конца революционный класс, стремиться не только к самому энергичному, но и руководящему участию в ней. Поэтому ты должен не замыкаться в узко

понятые рамки классовой борьбы, преимущественно в смысле профессионального движения, а, наоборот, стремиться расширить рамки и содержание своей классовой борьбы *до охватывания* этими рамками не только *всех* задач настоящей, демократической, всенародной русской революции, но и задач дальнейшей социалистической революции. Поэтому, не игнорируя профессионального движения, не отказываясь пользоваться малейшим простором легальности, ты должен в эпоху революции на первый план выдвинуть задачи вооруженного восстания, образования революционной армии и революционного правительства, как единственных путей к полной победе народа над царизмом, к завоеванию демократической республики и настоящей политической свободы.

Излишне говорить о том, какую половинчатую, непоследовательную и, естественно, симпатичную буржуазии позицию заняли в этом вопросе, благодаря их ошибочной «линии», новоискровские резолюции.

II. НОВОЕ «УГЛУБЛЕНИЕ» ВОПРОСА ТОВ. МАРТЫНОВЫМ

Перейдем к мартыновским статьям в №№ 102 и 103 «Искры». Само собою разумеется, что мы не будем отвечать на попытки Мартынова доказать неверность нашего и правильность его толкования ряда цитат из Энгельса и Маркса. Попытки эти настолько несерьезны, увертки Мартынова так очевидны, вопрос так ясен, что останавливаться на нем еще раз было бы неинтересно. Всякий думающий читатель сам разберется легко в несложных хитростях мартыновского отступления по всей линии, особенно когда выйдут подготовляемые группой сотрудников «Пролетария» полные переводы брошюры Энгельса: «Бакунисты за работой» и Маркса: «Обращение правления союза коммунистов» от марта 1850 года²⁶⁶. Достаточно одной цитаты из статьи Мартынова, чтобы сделать читателю наглядным его отступление.

«Искра» «признает» — говорит Мартынов в № 103 — «учреждение временного правительства как один из возможных и целесообразных путей развития революции, и отрицает целесообразность участия социал-демократов в *буржуазном* временном правительстве, именно в интересах полного завладения в будущем государственной машиной для социалистического переворота». Другими словами: «Искра» признала теперь нелепость всех ее страхов насчет ответственности революционного правительства за казначейство и банки, насчет опасности и невозможности брать в свои руки «тюрьмы» и т. п. «Искра» путает только по-прежнему, смешивая демо-

кратическую и социалистическую диктатуру. Путаница неизбежна, как прикрытие отступления.

Но среди путаников новой «Искры» Мартынов выделяется как путаник 1-го ранга, как путаник, если позволительно так выразиться, талантливый. Запутывая вопрос своими потугами «углубить» его, он почти всегда «додумывается» при этом до новых формулировок, которые великолепно освещают всю фальшь занятой им позиции. Вспомните, как в эпоху «экономизма» он «углублял» Плеханова и творчески создал формулу: «экономическая борьба с хозяевами и с правительством». Трудно указать во всей литературе «экономистов» более удачное выражение всей фальши этого направления. Так и теперь. Мартынов усердно служит новой «Искре» и всякий раз почти, когда берет слово, дает нам новый и великолепный материал для оценки фальшивой новоискровской позиции. В № 102 он говорит, что Ленин «подменил незаметным образом понятия революция и диктатура» (стр. 3, столб. 2).

К этому обвинению сводятся, в сущности, все обвинения новоискровцев против нас. И как же мы благодарны Мартынову за это обвинение! Какую неоценимую услугу оказывает он нам в деле борьбы с новоискровством, давая такую формулировку обвинения! Положительно, нам надо просить редакцию «Искры», чтобы она почаще выпускала против нас Мартынова для «углубления» нападений на «Пролетария» и для «истинно принципиальной» формулировки их. Ибо чем принципиальнее тщится рассуждать Мартынов, тем хуже у него выходит и тем отчетливее он показывает прорехи новоискровства, тем удачнее производит сам над собой и над своими друзьями полезную педагогическую операцию: *reductio ad absurdum* (доведения до абсурда принципов новой «Искры»).

«Вперед» и «Пролетарий» «подменяют» понятия революции и диктатуры. «Искра» не хочет такого «подмена». Именно так, почтеннейший тов. Мартынов! Вы нечаянно сказали большую правду. Вы подтвердили *новой* формулировкой наше положение, что «Искра» тащится в хвосте революции, сбивается на освободженскую формулировку ее задач, а «Вперед» и «Пролетарий» дают лозунги, которые ведут вперед демократическую революцию.

Вам непонятно это, тов. Мартынов? Ввиду важности вопроса мы потрудимся дать вам обстоятельное разъяснение.

Буржуазный характер демократической революции сказывается, между прочим, в том, что целый ряд общественных классов, групп и слоев, стоящих вполне на почве признания частной собственности и товарного хозяйства, неспособных

выйти за эти рамки, приходят силой вещей к признанию негодности самодержавия и всего крепостнического строя вообще, примыкают к требованию свободы. При этом буржуазный характер *этой* свободы, требуемой «обществом», защищаемой потоком слов (и только слов!) помещиков и капиталистов, выступает наружу все яснее и яснее. Вместе с тем становится все нагляднее и коренная разница между рабочей и буржуазной борьбой за свободу, между пролетарским и либеральным демократизмом. Рабочий класс и его сознательные представители идут вперед и толкают вперед эту борьбу, не только не боясь довести ее до конца, но стремясь гораздо дальше самого далекого конца демократической революции. Буржуазия непоследовательна и своекорыстна, принимая лозунги свободы лишь неполно и лицемерно. Всякие попытки определить особой чертой, особо выработанными «пунктами» (вроде пунктов резолюции Старовера или конферентов) пределы, за которыми начинается это лицемерие буржуазных друзей свободы или, если хотите, это предательство свободы ее буржуазными друзьями, неминуемо осуждены на успех, ибо буржуазия, поставленная между двух огней (самодержавие и пролетариат), способна тысячами путей и средств менять свою позицию и лозунги, приспособляясь на вершок влево и на вершок вправо, постоянно торгуясь и маклерствуя. Задача пролетарского демократизма состоит не в выдумывании таких мертвых «пунктов», а в неустанной критике развивающейся политической ситуации, в изобличении все новых и новых, непредусмотримых заранее, непоследовательностей и измен буржуазии.

Припомните историю политических выступлений в нелегальной литературе г-на Струве, историю войны с ним социал-демократии, и вы увидите наглядно осуществление этих задач социал-демократией, поборницей пролетарского демократизма. Г. Струве начал с лозунга, чисто шиповского: «права и властное земство» (см. мою статью в «Заре»: «Гонители земства и Аннибалы либерализма» *). Социал-демократия изобличала его и толкала к определенно-конституционалистической программе. Когда эти «толчки» возымели действие благодаря особенно быстрому ходу революционных событий, борьба направилась на *следующий* вопрос демократизма: не только конституция вообще, но непременно всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов. Когда мы «заняли» у «неприятеля» и эту новую пози-

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 21—72; 4 изд., том 5, стр. 19—65. *Ред.*

цию (принятие всеобщего избирательного права «Союзом освобождения»), мы стали напирать дальше, показывая лицемерие и фальшь двухпалатной системы, неполноту признания освобожденцами всеобщего избирательного права, показывая на их *монархизме* маклерский характер их демократизма или, иначе, *проторговыванье* этими освобожденскими героями денежного мешка интересов великой русской революции.

Наконец, дикое упорство самодержавия, гигантский прогресс гражданской войны, безвыходность того положения, в которое завели Россию монархисты, стали пробивать самые косные головы. Революция становилась *фактом*. Для признания революции не требовалось уже быть революционером. Самодержавное правительство фактически разлагалось и разлагается у всех на глазах. Как справедливо заметил один либерал в легальной печати (г. Гредескул), создалось фактическое неповиновение этому правительству. При всей своей кажущейся силе самодержавие оказалось бессильным, события развивающейся революции стали просто отодвигать в сторону этот заживо разлагающийся паразитный организм. Вынужденные строить свою деятельность (или свои политические гешефты, вернее сказать) на почве данных, фактически складывающихся отношений, либеральные буржуа *начали приходить к необходимости признать революцию*. Они делают это не потому, что они революционеры, а несмотря на то, что они не революционеры. Они делают это по нужде и против воли, со злобой видя успехи революции, обвиняя в революционности самодержавие, которое не хочет сделки, а хочет борьбы не на жизнь, а на смерть. Прирожденные торгаши, они ненавидят борьбу и революцию, но обстоятельства заставляют их встать на почву революции, ибо иной почвы нет под ногами.

Мы присутствуем при высоко-поучительном и высоко-комичном зрелище. Проститутки буржуазного либерализма пытаются напаять на себя тогу революционности. Освобожденцы — *risum teneatis, amici!* * — освобожденцы начинают говорить от имени революции! Освобожденцы начинают уверять, что они «не боятся революции» (г. Струве в № 72 «Освобождения»!!! Освобожденцы выражают претензию «стать во главе революции»!!!

Это чрезвычайно знаменательное явление, характеризующее не только прогресс буржуазного либерализма, но еще более прогресс реальных успехов революционного движения, которое *заставило* признать себя. Даже буржуазия начинает

* — подождите смеяться, господа!

чувствовать, что выгоднее становиться на почву революции, — до того расшатано самодержавие. Но, с другой стороны, это явление, свидетельствующее о подъеме всего движения на новую, высшую ступень, ставит перед нами тоже новые и тоже высшие задачи. Признание революции буржуазией не может быть искренним, независимо от личной добросовестности того или иного идеолога буржуазии. Буржуазия не может не внести с собой своекорыстия и непоследовательности, торгашества и мелких реакционных уловок и на эту высшую стадию движения. Мы должны теперь *иначе* формулировать ближайшие *конкретные* задачи революции во имя нашей программы и в развитие нашей программы. То, что достаточно было вчера, *недостаточно сегодня*. Вчера, может быть, достаточно было, в качестве передового демократического лозунга, требование признать революцию. Теперь этого мало. Революция заставила даже господина Струве признать себя. Теперь от передового класса требуется определить точно *самое содержание* насущных и неотложных задач этой революции. Господа Струве, признавая революцию, тут же высовывают паки и паки свои ослиные уши, опять затягивая старую песенку о возможности мирного исхода, о призыве *Николаем* к власти господ освободителей и т. д. и т. п. Господа освободители признают революцию, чтобы тем безопаснее для себя эскамотировать эту революцию, предать ее. Наше дело теперь — указать пролетариату и всему народу недостаточность лозунга: революция, показать необходимость ясного и недвусмысленного, последовательного и решительного определения *самого содержания* революции. А такое определение и представляет из себя лозунг, единственно способный правильно выразить «решительную победу» революции, лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства ²⁶⁷.

Злоупотребление словами — самое обычное явление в политике. «Социалистами», напр., не раз называли себя и сторонники английского буржуазного либерализма («мы все теперь социалисты» — «We all are socialists now», сказал Гаркорт) и сторонники Бисмарка и друзья папы Льва XIII. Слово «революция» тоже вполне пригодно для злоупотребления им, а на известной стадии развития движения такое злоупотребление неизбежно. Когда г. Струве заговорил от имени революции, мы невольно вспомнили Тьера. За несколько дней до февральской революции этот чудовищный карлик, этот идеальный выразитель политической продажности буржуазии, почуял приближение народной бури. И он заявил с парламентской трибуны, что он *принадлежит к партии ре-*

волюции! (См. «Гражданскую войну во Франции» Маркса) ²⁶⁸. Политическое значение освобожденского перехода к партии революции *целиком тождественно* с этим «переходом» Тьера. Когда русские Тьеры заговорили об их принадлежности к партии революции, это значит, что лозунг революция стал недостаточным, ничего не говорящим, никаких задач не определяющим, ибо революция стала фактом, на ее сторону повалили разнороднейшие элементы.

В самом деле, что такое революция с марксистской точки зрения? Насильственная ломка устарелой политической надстройки, противоречие которой новым производственным отношениям вызвало в известный момент крах ее. Противоречие самодержавия всему строю капиталистической России, всем потребностям ее буржуазно-демократического развития вызвало теперь тем более сильный крах, чем дольше это противоречие искусственно удерживалось. Надстройка трещит по всем швам, поддается напору, слабеет. Народу приходится самому, в лице представителей различных классов и групп, созидать себе новую надстройку. В известный момент развития негодность старой надстройки становится ясна всем. Революцию признают все. Теперь задача в том, чтобы определить, *какие же* именно классы и *как именно* должны построить новую надстройку. Без такого определения лозунг революция в данный момент пуст и бессодержателен, ибо слабость самодержавия делает «революционерами» и великих князей и «Московские Ведомости»! Без такого определения не может быть и речи о передовых демократических задачах передового класса. А этим определением и является лозунг: демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Этот лозунг определяет и те классы, на которые можно и должно опереться новым «строителям» новой надстройки, и характер ее («демократическая» диктатура в отличие от социалистической) и способ стройки (диктатура, т. е. насильственное подавление насильственного сопротивления, вооружение революционных классов народа). Кто не признает теперь этого лозунга революционно-демократической диктатуры, лозунга революционной армии, революционного правительства, революционных крестьянских комитетов, тот или безнадежно не понимает задач революции, не умеет определить новых и высших, выдвигаемых настоящим моментом, задач ее или же тот обманывает народ, предает революцию, злоупотребляя лозунгом «революция».

Первый случай — тов. Мартынов и его друзья. Второй случай — г. Струве и вся «конституционно-демократическая» земская партия.

Т. Мартынов был так догадлив и остроумен, что выдвинул обвинение о «подмене» понятий революция и диктатура как раз тогда, когда развитие революции потребовало определения ее задач лозунгом диктатуры! Т. Мартынов фактически имел опять несчастье остаться в хвосте, застрять на предпоследней ступеньке, *оказаться на уровне освобожденства*, ибо именно освобожденской политической позиции, т. е. интересам либеральной монархической буржуазии, соответствует теперь признание «революции» (на словах) и нежелание признать демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства (т. е. революцию на деле). Либеральная буржуазия высказывается теперь, устами г. Струве, за революцию. Сознательный пролетариат требует, устами революционных социал-демократов, диктатуры пролетариата и крестьянства. И тут вмешивается в спор мудрец из новой «Искры», крича: не смейте «подменять» понятия революция и диктатура! Ну, разве же не правда, что фальшь позиции новоискровцев осуждает их на то, чтобы постоянно тащиться в хвосте освобожденства?

Мы показали, что освобожденцы поднимаются (не без влияния поощрительных толчков социал-демократии) со ступеньки на ступеньку вверх в деле признания демократизма. Сначала вопрос в нашем споре с ними стоял: шиповщина (права и властное земство) или конституционализм? Затем, ограниченные выборы или всеобщее избирательное право? Далее: признание революции или маклерская сделка с самодержавием? Наконец, теперь: признание революции без диктатуры пролетариата и крестьянства или признание требования диктатуры этих классов в демократической революции? Возможно и вероятно, что господа освобожденцы (все равно, нынешние ли или их преемники в левом крыле буржуазной демократии) поднимутся еще на ступеньку, т. е. признают со временем (может быть, к тому времени, когда поднимется еще на ступеньку тов. Мартынов) и лозунг диктатуры. Это даже неизбежно будет так, если русская революция успешно пойдет вперед и дойдет до решительной победы. Какова будет тогда позиция социал-демократии? Полная победа теперешней революции будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Осуществление требований современного крестьянства, полный разгром реакции, завоевание демократической республики будет полным концом революционности буржуазии и даже мелкой буржуазии, — будет началом настоящей борьбы пролетариата за социализм. Чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире,

чище, решительнее развернется эта новая борьба. Лозунг «демократической» диктатуры и выражает исторически-ограниченный характер теперешней революции и необходимость новой борьбы на почве новых порядков за полное освобождение рабочего класса от всякого гнета и всякой эксплуатации. Другими словами: когда демократическая буржуазия или мелкая буржуазия поднимется еще на ступеньку, когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, — тогда мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т. е. полного социалистического переворота.

III. ВУЛЬГАРНО-БУРЖУАЗНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ДИКТАТУРЫ И ВЗГЛЯД НА НЕЕ МАРКСА

Меринг рассказывает в своих примечаниях к изданным им статьям из «Новой Рейнской Газеты» Маркса в 1848 году, что буржуазная литература делала, между прочим, такой упрек этой газете. «Новая Рейнская Газета» будто бы требовала «немедленного введения диктатуры, как единственного средства осуществления демократии» (Marx' Nachlass, том III, стр. 53)²⁶⁹. С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и котерий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у нашего Мартынова, который в заключение своего «нового похода» в новой «Искре» объясняет пристрастие «Впереда» и «Пролетария» к лозунгу диктатура тем, что Ленин «страстно желает попытать счастья» («Искра» № 103, стр. 3, столб. 2). Это прелестное объяснение стоит всецело на высоте буржуазных обвинений «Новой Рейнской Газеты» в проповеди диктатуры. Маркс тоже, следовательно, был изобличаем — только не «социал-демократами», а буржуазными либералами! — в «подмене» понятий революция и диктатура. Чтобы разъяснить Мартынову понятие диктатуры класса в отличие от диктатуры личности и задачи демократической диктатуры в отличие от социалистической, не бесполезно будет остановиться на взглядах «Новой Рейнской Газеты».

«Всякое временное государственное устройство, — писала «Новая Рейнская Газета» 14 сентября 1848 года, — после революции требует диктатуры и притом энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампгаузену (главе министерства после 18 марта 1848 года) в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений. И вот в то время, как г. Кампгаузен убаюкивал себя конституционными иллюзиями, разбитая партия (т. е. партия реакции) укрепила свои позиции в бюрократии и в армии, стала даже отваживаться то здесь, то там на открытую борьбу»²⁷⁰.

В этих словах, — справедливо говорит Меринг, — резюмировано в немногих положениях то, что подробно развивала «Новая Рейнская Газета» в длинных статьях о министерстве Кампгаузена. Что же говорят нам эти слова Маркса? Что временное революционное правительство *должно* выступать диктаторски (положение, которого никак не могла понять «Искра», чуравшаяся лозунга: диктатура); — что задача этой диктатуры уничтожение остатков старых учреждений (именно то, что указано ясно в резолюции III съезда РСДРП о борьбе с контрреволюцией и что опущено в резолюции конференции, как мы показали выше). Наконец, в-третьих, из этих слов следует, что Маркс бичевал буржуазных демократов за «конституционные иллюзии» в эпоху революции и открытой гражданской войны. Каков смысл этих слов, видно особенно наглядно из статьи «Новой Рейнской Газеты» от 6 июня 1848 г. «Учредительное народное собрание, — писал Маркс, — должно быть прежде всего активным, революционно-активным собранием. А Франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительству действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?»²⁷¹.

Вот каков смысл лозунга: диктатура. Можно видеть отсюда, как отнесся бы Маркс к резолюциям, называющим «решение организовать учредительное собрание» решительной победой или приглашающим «оставаться партией крайней революционной оппозиции»!

Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок

дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжает делать систематически и неуклонно, везде и повсюду, начиная с 9-го января. А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным, — тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции, прикрытием того, как «отшатывается» буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры.

По вопросу о задачах этой диктатуры Маркс писал еще в «Новой Рейнской Газете»: «Национальное собрание должно было бы диктаторски выступить против реакционных поползновений отживших правительств, и тогда оно завоевало бы себе такую силу в народном мнении, о которую сломались бы все штыки... А это собрание утомляет немецкий народ скучными словами вместо того, чтобы увлечь его с собой или быть увлеченным им»²⁷². Национальное собрание должно было бы, по мнению Маркса, «удалить из фактически существующего строя Германии все противоречащее принципу самодержавия народа», затем «укрепить ту революционную почву, на которой оно стоит, обезопасить завоеванное революцией самодержавие народа от всех нападений»²⁷³.

Следовательно, по содержанию своему, те задачи, которые ставил Маркс в 1848 году революционному правительству или диктатуре, сводились прежде всего к *демократическому* перевороту: защита от контрреволюции и фактическое устранение всего противоречащего самодержавию народа. Это и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура.

Теперь дальше: какие классы могли и должны были, по мнению Маркса, осуществить эту задачу (провести на деле до конца принцип самодержавия народа и отбить атаки контрреволюции?). Маркс говорит о «народе». Но мы знаем, что против мелкобуржуазных иллюзий о единстве «народа», об отсутствии классовой борьбы внутри народа он боролся всегда беспощадно. Употребляя слово: «народ», Маркс не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию.

После победы берлинского пролетариата 18 марта, — писала «Новая Рейнская Газета», — результаты революции оказались двойные: «С одной стороны, народное вооружение, право союзов, фактически завоеванное самодержавие народа;

с другой стороны, сохранение монархии и министерство Кампгаузена — Ганземана, т. е. правительство представителей крупной буржуазии. Таким образом, революция имела двоякого рода результаты, которые неизбежно должны были прийти к разрыву. Народ победил; он завоевал свободы решительно демократического характера, но непосредственное господство перешло не в его руки, а в руки крупной буржуазии. Одним словом, революция была не доведена до конца. Народ предоставил представителям крупной буржуазии образование министерства, а эти представители крупной буржуазии доказали свои стремления тотчас же тем, что предложили союз старопрусскому дворянству и бюрократии. В министерство вступили Арним, Канитц и Шверин.

Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то есть перед рабочими и демократической буржуазией» (курсив наш)²⁷⁴.

Итак, не только «решение организовать учредительное собрание» недостаточно еще для решительной победы революции, но даже и действительный созыв его! Даже после частичной победы в вооруженной борьбе (победа берлинских рабочих над войском 18 марта 1848 года) возможна «неоконченная», «не доведенная до конца» революция. От чего же зависит ее доведение до конца? От того, в чьи руки переходит непосредственное господство: в руки ли Петрункевичей и Родичевых, то бишь Кампгаузен и Ганземанов, или в руки *народа*, т. е. рабочих и демократической буржуазии. В первом случае буржуазия будет иметь власть, а пролетариат — «свободу критики», свободу «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Буржуазия сейчас же после победы заключит союз с реакцией (это неизбежно совершилось бы и в России, если бы, например, петербургские рабочие одержали лишь частичную победу в уличном бое с войсками и предоставили образование правительства господам Петрункевичам и К^о). Во втором случае была бы возможна революционно-демократическая диктатура, т. е. полная победа революции.

Остается точнее определить, что собственно понимал Маркс под «демократической буржуазией» (*demokratische Bürgerschaft*), которую вместе с рабочими он называл народом в противоположность крупной буржуазии?

Ясный ответ на этот вопрос дает следующее место из статьи «Новой Рейнской Газеты» от 29 июля 1848 г.: «...Немецкая революция 1848 года есть лишь пародия французской революции 1789 года.

4-го августа 1789 г., три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности.

11-го июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности осилили немецкий народ. *Teste Gierke cum Hansemanno* *.

Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян. Она знала, что основой ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного землевладельческого (*grundbesitzenden*) крестьянского класса.

Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предаёт крестьян, своих самых естественных союзников, которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства.

Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь»²⁷⁵.

Это очень поучительное место, которое дает нам четыре важных положения: 1) Неоконченная немецкая революция отличается от оконченной французской тем, что буржуазия изменила не только демократизму вообще, но в частности и крестьянству. 2) Основой полного осуществления демократического переворота является создание свободного класса крестьянства. 3) Создание такого класса есть уничтожение феодальных повинностей, разрушение феодализма, отнюдь еще не социалистический переворот. 4) Крестьяне — «самые естественные» союзники буржуазии, именно демократической буржуазии, без которых она «бессильна» против реакции.

С соответствующими изменениями конкретных национальных особенностей, с подстановкой крепостничества на место феодализма, все эти положения целиком применимы и к России 1905 года. Несомненно, что, извлекая уроки из опыта Германии, освещенного Марксом, мы не можем прийти ни к какому иному лозунгу решительной победы революции, кроме: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Несомненно, что главными составными

* «Свидетели: г. Гирке купно с г. Ганземаном». Ганземан — министр партии крупной буржуазии (по-русски: Трубецкой или Родичев и т. п.). Гирке — министр земледелия в министерстве Ганземана, выработавший проект, «смелый» проект якобы «безвозмездного» «уничтожения феодальных повинностей», на деле же уничтожения мелких и неважных, но сохранения или выкупа более существенных повинностей. Г. Гирке — нечто вроде русских гг. Каблуковых, Мануиловых, Герценштейнов и тому подобных буржуазно-либеральных друзей мужика, которые хотят «расширения крестьянского землевладения», но не хотят обидеть помещиков.

частями того «народа», который Маркс противопоставлял в 1848 г. сопротивлявшейся реакции и предательской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство. Несомненно, что и у нас в России либеральная буржуазия и господа освободенцы предадут и предадут крестьянство, т. е. отделаются лжереформой, встанут на сторону помещиков в решительной борьбе между ними и крестьянством. Только пролетариат способен поддержать крестьянство до конца в этой борьбе. Несомненно, наконец, что и у нас в России успех крестьянской борьбы, т. е. переход к крестьянству всей земли, будет означать полный демократический переворот, являясь социальной опорой доведенной до конца революции, но отнюдь не социалистический переворот и не «социализацию», о которой говорят идеологи мелкой буржуазии, социалисты-революционеры. Успех крестьянского восстания, победа демократической революции лишь расчистит путь для действительной и решительной борьбы за социализм на почве демократической республики. Крестьянство, как землевладельческий класс, сыграет в этой борьбе ту же предательскую, неустойчивую роль, какую играет теперь буржуазия в борьбе за демократию. Забывать это — значит забывать социализм, обманывать себя и других насчет истинных интересов и задач пролетариата.

Чтобы не оставить пробела в изображении взглядов Маркса в 1848 году, необходимо отметить одно существенное отличие тогдашней немецкой социал-демократии (или коммунистической партии пролетариата, говоря тогдашним языком) от современной русской социал-демократии. Предоставим слово Мерингу:

«Новая Рейнская Газета» выступила на политическую арену как «орган демократии». Нельзя не видеть красной нити, проходящей через все ее статьи. Но непосредственно она защищала более интересы буржуазной революции против абсолютизма и феодализма, чем интересы пролетариата против интересов буржуазии. Об особом рабочем движении во время революции мало найдете материала на ее столбцах, хотя не следует забывать, что рядом с ней выходил два раза в неделю, под редакцией Молля и Шаппера, особый орган Кёльнского рабочего союза²⁷⁶. Во всяком случае современному читателю бросается в глаза, как мало интереса уделяла «Новая Рейнская Газета» тогдашнему немецкому рабочему движению, хотя самый способный деятель его, Стефан Борн, учился у Маркса и Энгельса в Париже и Брюсселе и в 1848 году корреспондировал из Берлина в их газету. Борн рассказывает в своих «Воспоминаниях», что Маркс и

Энгельс никогда не выражали ему ни единым словом своего неодобрения его рабочей агитации. Но позднейшие заявления Энгельса делают вероятным предположение, что они были недовольны, по меньшей мере, приемами этой агитации. Их недовольство было основательно постольку, поскольку Борн вынужден был делать много уступок, еще совершенно не развитому в большей части Германии, классовому сознанию пролетариата, уступок, не выдерживающих критики с точки зрения «Коммунистического Манифеста». Их недовольство было неосновательно постольку, поскольку Борн все же умел поддерживать руководимую им агитацию на сравнительно значительной высоте... Без сомнения, Маркс и Энгельс были исторически и политически правы, усматривая самый важный интерес рабочего класса прежде всего в возможно большем подталкивании буржуазной революции... Несмотря на это, замечательным доказательством того, как элементарный инстинкт рабочего движения умеет исправлять концепции самых гениальных мыслителей, является тот факт, что они в апреле 1849 года высказались за специфическую рабочую организацию и решили участвовать на рабочем съезде, приготавлившемся в особенности ост-эльбским (восточная Пруссия) пролетариатом»²⁷⁷.

Итак, только в апреле 1849 года, после почти годового издания революционной газеты («Новая Рейнская Газета» начала выходить 1-го июня 1848 года), Маркс и Энгельс высказались за особую рабочую организацию! До тех пор они вели просто «орган демократии», не связанный никакими организационными узами с самостоятельной рабочей партией! Этот факт, — чудовищный и невероятный с нашей современной точки зрения, — показывает нам ясно, какое громадное различие было между тогдашней немецкой и теперешней русской социал-демократической рабочей партией. Этот факт показывает нам, во сколько раз менее обнаруживались на немецкой демократической революции (благодаря отсталости Германии в 1848 г. и в экономическом отношении и в политическом — государственная раздробленность) пролетарские черты движения, пролетарская струя в нем. Этого не надо забывать (как забывает это, напр., Плеханов *) при оценке многократных заявлений Маркса, этой и немного позднейшей эпохи, о необходимости самостоятельной организации партии пролетариата. Маркс только из опыта демократической революции, почти через год, сделал практически этот вывод: до того мещанской, мелкобуржуазной

* Текст в скобках в печатных изданиях был опущен. *Ред.*

была тогда вся атмосфера в Германии. Для нас этот вывод есть уже давнее и прочное приобретение полувекового опыта международной социал-демократии, — приобретение, с которого мы *начинали* организацию Российской социал-демократической рабочей партии. У нас не может быть, напр., и речи о том, чтобы революционные газеты пролетариата стояли вне соц.-дем. партии пролетариата, чтобы они могли хоть на минуту выступать просто как «органы демократии».

Но та противоположность, которая едва начала обнаруживаться между Марксом и Стефаном Борном, существует у нас в тем более развитом виде, чем могущественнее выступает пролетарская струя в демократическом потоке нашей революции. Говоря о вероятном недовольстве Маркса и Энгельса агитацией Стефана Борна, Меринг выражается чересчур мягко и уклончиво. Вот что писал Энгельс о Борне в 1885 году (в предисловии к «Enthüllungen über den Kommunistenprozeß zu Köln». Zürich. 1885 *):

Члены Союза коммунистов повсюду стояли во главе крайнего демократического движения, доказывая тем, что Союз был превосходной школой революционной деятельности. «Наборщик Стефан Борн, бывший деятельным членом Союза в Брюсселе и Париже, основал в Берлине «рабочее братство» («Arbeiterverbrüderung»), которое получило значительное распространение и продержалось до 1850 года. Борн, талантливый молодой человек, слишком поспешил, однако, с выступлением в качестве политического деятеля. Он «братался» с самым разношерстным сбродом (Kretz und Plethi), лишь бы собрать вокруг себя толпу. Он был вовсе не из тех людей, которые способны внести единство в противоречивые стремления, внести свет в хаос. В официальных публикациях его братства постоянно попадается поэтому путаница и смешение взглядов «Коммунистического Манифеста» с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями, с обрывками взглядов Луи Блана и Прудона, с защитой протекционизма и т. д.; одним словом, эти люди хотели всем угодить (Allen alles sein). *В особенности занимались они устройством стачек, профессиональных союзов, производительных товариществ, забывая, что задача состояла прежде всего в том, чтобы посредством политической победы завоевать себе сначала такое поприще, на котором только и могли прочно, надежно осуществиться такие вещи (курсив наш).* И вот, когда победы реакции заставили вожаков этого братства почувство-

* — «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», Цюрих. 1885. *Ред.*

вать необходимость прямого участия в революционной борьбе, — тогда, само собою разумеется, неразвитая масса, группировавшаяся вокруг них, покинула их. Борн принял участие в дрезденском восстании в мае 1849 года и спасся по счастливому случаю. Рабочее же братство удержалось в стороне от великого политического движения пролетариата как обособленный союз, существовавший большей частью на бумаге и игравший до того второстепенную роль, что реакция нашла нужным закрыть его лишь в 1850 году, а его филиальные отделения лишь много лет спустя. Борн (настоящая фамилия Борна Buttermilch) * так и не сделался политическим деятелем, а оказался маленьким швейцарским профессором, который переводит теперь не Маркса на цеховой язык, а благодушного Ренана на сладенький немецкий язык»²⁷⁹.

Вот как оценивал Энгельс две тактики социал-демократии в демократической революции!

Наши новоискровцы тоже гнут к «экономизму» с таким усердием не по разуму, что заслуживают похвалы монархической буржуазии за свое «просветление». Они тоже собирают вокруг себя разношерстную публику, льстя «экономистам», демагогически привлекая неразвитую массу лозунгами «самодеятельности», «демократизма», «автономии» и пр. и т. д. Их рабочие союзы тоже существуют часто лишь на страницах хлестаковской новой «Искры». Их лозунги и резолюции обнаруживают такое же непонимание задач «великого политического движения пролетариата».

Написано в июне — июле 1905 г.

Напечатано в июле 1905 г. в Женеве отдельной книгой, изданной ЦК РСДРП

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 11, стр. 1—131*

* Переводя Энгельса, я сделал здесь ошибку в первом издании, приняв слово Buttermilch (кислое молоко. *Ред.*) не за собственное имя, а за нарицательное. Эта ошибка доставила, конечно, необыкновенно много удовольствия меньшевикам. Кольцов писал, что я «углубил Энгельса» (перепечатано в сборнике «За два года»), Плеханов и теперь напоминает эту ошибку в «Товарище»²⁷⁸, — одним словом, нашелся прекрасный повод замять вопрос о двух тенденциях в рабочем движении 1848 года в Германии, тенденции Борна (сродни нашим «экономистам») и тенденции марксистской. Использовать ошибку оппонента, хоть бы и по вопросу о фамилии Борна, это более чем естественно. Но замять посредством поправок к переводу суть вопроса о двух тактиках — значит спасовать по существу спора. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

УРОКИ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Книга: «Москва в декабре 1905 г.» (М. 1906) вышла в свет как нельзя более своевременно. Усвоение опыта декабрьского восстания — насущная задача рабочей партии. К сожалению, эта книга — бочка меда с ложкой дегтя: интереснейший, несмотря на его неполноту, материал — и выводы невероятно неряшливые, невероятно пошлые. Об этих выводах мы поговорим особо *, а теперь обратимся к современной политической злобе дня, к урокам московского восстания.

Главной формой декабрьского движения в Москве была мирная забастовка и демонстрации. Громадное большинство рабочей массы активно участвовало только в этих формах борьбы. Но именно декабрьское выступление в Москве показало воочию, что всеобщая стачка, как самостоятельная и главная форма борьбы, изжила себя, что движение с стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание.

Все революционные партии, все союзы в Москве, объявляя стачку, сознавали и даже чувствовали неизбежность превращения ее в восстание. Было постановлено 6 декабря Советом рабочих депутатов «стремиться перевести стачку в вооруженное восстание». Но на самом деле все организации были не подготовлены к этому, даже коалиционный Совет боевых дружин²⁸⁰ говорил (9-го декабря!) о восстании, как о чем-то отдаленном, и уличная борьба, несомненно, шла через его голову и помимо его участия. Организации *отстали* от роста и размаха движения.

Забастовка вырастала в восстание, прежде всего, под давлением объективных условий, сложившихся после октября²⁸¹.

* См. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 388—392; 4 изд., том 11, стр. 163—166. *Ред.*

Правительство нельзя уже было застичь врасплох всеобщей стачкой, оно уже организовало готовую к военным действиям контрреволюцию. И общий ход русской революции после октября, и последовательность событий в Москве в декабрьские дни поразительно подтвердили одно из глубоких положений Маркса: революция идет вперед тем, что создает сплоченную и крепкую контрреволюцию, т. е. заставляет врага прибегать к все более крайним средствам защиты и вырабатывает таким образом все более могучие средства нападения²⁸².

7-е и 8-е декабря: мирная забастовка, мирные демонстрации масс. 8-го вечером: осада Аквариума²⁸³. 9-го днем: избиение толпы драгунами на Страстной площади. Вечером — разгром дома Фидлера²⁸⁴. Настроение поднимается. Уличная, неорганизованная толпа совершенно стихийно и неуверенно строит первые баррикады.

10-е: начало артиллерийской стрельбы по баррикадам и по улицам в толпу. Постройка баррикад становится уверенной и не единичной уже, а безусловно массовой. Все население на улицах; весь город в главных центрах покрывается сетью баррикад. Развертывается в течение нескольких дней упорная партизанская борьба дружинников с войсками, борьба, истомившая войска и заставившая Дубасова молить о подкреплениях. Лишь к 15-му декабря перевес правительственных сил стал полным, и 17-го семеновцы разгромили Пресню, последний оплот восстания.

От стачки и демонстраций к единичным баррикадам. От единичных баррикад к массовой постройке баррикад и к уличной борьбе с войском. Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию. В этом величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 года, — приобретение, купленное, как и все предыдущие, ценой величайших жертв. Движение поднято от всеобщей политической стачки на высшую ступень. Оно заставило реакцию дойти *до конца* в сопротивлении и тем приблизило в гигантской степени тот момент, когда революция тоже дойдет до конца в применении средств наступления. Реакции *некуда* идти дальше артиллерийского расстрела баррикад, домов и уличной толпы. Революции есть еще куда идти дальше московских дружинников, очень и очень есть куда идти и вширь и вглубь. И революция ушла далеко вперед с декабря. Основа революционного кризиса стала неизмеримо более широкой, — лезвие должно быть отточено теперь острее.

Перемену в объективных условиях борьбы, требовавшую перехода от стачки к восстанию, пролетариат почувствовал раньше, чем его руководители. Практика, как и всегда, шла впереди теории. Мирная стачка и демонстрации сразу перестали удовлетворять рабочих, спрашивавших: что же дальше? — требовавших более активных действий. Директива строить баррикады пришла в районы с громадным опозданием, когда в центре уже строили баррикады. Рабочие массами взялись за дело, но *не удовлетворились и им*, спрашивали: что же дальше? — требовали активных действий. Мы, руководители с.-д. пролетариата, оказались в декабре похожими на того полководца, который так нелепо расположил свои полки, что большая часть его войска не участвовала активно в сражении. Рабочие массы искали и не находили директив относительно активных массовых действий.

Таким образом, нет ничего более близорукое, как подхваченный всеми оппортунистами взгляд Плеханова, что нечего было начинать несвоевременную стачку, что «не нужно было браться за оружие». Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы. И теперь мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит, обманывать и себя, и народ.

Таков первый урок декабрьских событий. Другой урок касается характера восстания, способа ведения его, условий перехода войск на сторону народа. У нас в правом крыле партии сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход. Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представлять себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания, с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда. На деле неизбежное, при всяком истинно на-

родном движении, колебание войска приводит при обострении революционной борьбы к настоящей *борьбе за войско*. Московское восстание показывает нам именно самую отчаянную, самую бешеную борьбу реакции и революции за войско. Дубасов сам заявил, что только 5 тысяч московского войска из 15 надежны. Правительство удерживало колеблющихся самыми разнообразными, самыми отчаянными мерами: их убеждали, им льстили, их подкупали, раздавая часы, деньги и т. п., их спаивали водкой, их обманывали, их запугивали, их запирали в казармы, их обезоруживали, от них выхватывали предательством и насилием солдат, предполагаемых наиболее ненадежными. И надо иметь мужество прямо и открыто признать, что мы оказались в этом отношении позади правительства. Мы не сумели использовать имевшихся у нас сил для такой же активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско, которую повело и провело правительство. Мы готовили и будем еще упорнее готовить идейную «обработку» войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и физическая борьба за войско.

Московский пролетариат дал нам в декабрьские дни великолепные уроки идейной «обработки» войска, — напр., 8-го декабря на Страстной площади, когда толпа окружила казаков, смешалась с ними, браталась с ними и побудила уехать назад. Или 10-го на Пресне, когда две девушки-работницы, несшие красное знамя в 10 000-ной толпе, бросились навстречу казакам с криками: «убейте нас! живыми мы знамя не отдадим!». И казаки смутились и ускакали при криках толпы: «да здравствуют казаки!». Эти образцы отваги и героизма должны навсегда быть запечатлены в сознании пролетариата.

Но вот примеры нашей отсталости от Дубасова. 9-го декабря по Б. Серпуховской улице идут солдаты с Марсельезой присоединяться к восставшим. Рабочие шлют делегатов к ним. Малахов, сломя голову, скачет сам к ним. Рабочие опоздали, Малахов приехал вовремя. Он сказал горячую речь, он поколебал солдат, он окружил их драгунами, отвел в казармы и запер там. Малахов успел приехать, а мы не успели, хотя в два дня по нашему призыву встало 150 000 человек, которые могли и должны были организовать патрулирование улиц. Малахов окружил солдат драгунами, а мы не окружили Малаховых бомбистами. Мы могли и должны были сделать это, и с.-д. печать давно уже (старая «Искра») указывала на то, что беспощадное истребление гражданских и военных начальников есть наш долг во время восстания. То, что произошло на Б. Серпуховской улице, повторилось,

видимо, в главных чертах и перед Несвижскими казармами, и перед Крутицкими, и при попытках пролетариата «снять» екатеринославцев, и при посылке делегатов к саперам в Александров, и при возвращении назад отправленной было в Москву ростовской артиллерии, и при обезоружении саперов в Коломне и так далее. В момент восстания мы были не на высоте задачи в борьбе за колеблющееся войско.

Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное *наступление*²⁸⁵. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало. Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему, — того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставит нас разделять врагов и друзей по этому признаку. Не пассивность должны проповедовать мы, не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско, — нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско.

Третий великий урок, который дала нам Москва, касается тактики и организации сил для восстания. Военная тактика зависит от уровня военной техники, — эту истину разжевал и в рот положил марксистам Энгельс²⁸⁶. Военная техника теперь не та, что была в половине XIX в. Против артиллерии действовать толпой и защищать с револьверами баррикады было бы глупостью. И Каутский прав был, когда писал, что пора пересмотреть после Москвы выводы Энгельса, что Москва выдвинула «*новую баррикадную тактику*»²⁸⁷. Эта тактика была тактикой партизанской войны. Организацией, которая обусловлена такой тактикой, были подвижные и чрезвычайно мелкие отряды: десятки, тройки, даже двойки. У нас часто можно встретить теперь социал-демократов, которые хихикают, когда речь заходит о пятках и тройках. Но хихиканье есть только дешевенький способ закрыть глаза на *новый* вопрос о тактике и организации, вызываемой уличной борьбой при современной военной технике. Вчитайтесь в рассказ о

московском восстании, господа, и вы поймете, какую связь имеют «пятки» с вопросом о «новой баррикадной тактике».

Москва выдвинула ее, но далеко не развила, далеко не развернула в сколько-нибудь широких, действительно массовых размерах. Дружинников было мало, рабочая масса не получила лозунга смелых нападений и не применила его, характер партизанских отрядов был слишком однообразен, их оружие и их приемы недостаточны, их умение руководить толпой почти не развито. Мы должны наверстать все это и мы наверстаем, учась из опыта Москвы, распространяя этот опыт в массах, вызывая творчество самих масс в деле дальнейшего развития этого опыта. И та партизанская война, тот массовый террор, который идет в России повсюду почти непрерывно после декабря, несомненно помогут научить массы правильной тактике в момент восстания. Социал-демократия должна признать и принять в свою тактику этот массовый террор, разумеется, организуя и контролируя его, подчиняя интересам и условиям рабочего движения и общереволюционной борьбы, устраняя и отсекая беспощадно то «босяческое» извращение этой партизанской войны, с которым так великолепно и так беспощадно расправлялись москвичи в дни восстания и латыши в дни пресловутых латышских республик.

Военная техника в самое последнее время делает еще новые шаги вперед. Японская война выдвинула ручную гранату. Оружейная фабрика выпустила на рынок автоматическое ружье. И та и другое начинают уже с успехом применяться в русской революции, но далеко в недостаточных размерах. Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями. При участии рабочей массы в городском восстании, при массовом нападении на врага, при решительной умелой борьбе за войско, которое еще более колеблется после Думы, после Свеаборга и Кронштадта, при обеспеченном участии деревни в общей борьбе — победа будет за нами в следующем всероссийском вооруженном восстании!

Будем же шире развертывать нашу работу и смелее ставить свои задачи, усваивая уроки великих дней российской революции. В основе нашей работы лежит верный учет интересов классов и потребностей общенародного развития в данный момент. Вокруг лозунга: свержение царской власти и созыв революционным правительством учредительного собрания мы группируем и будем группировать все большую часть пролетариата, крестьянства и войска. Развитие сознания

масс остается, как и всегда, базой и главным содержанием всей нашей работы. Но не забудем, что к этой общей, постоянной и основной задаче моменты, подобные переживаемому Россией, прибавляют особые, специальные задачи. Не будем превращаться в педантов и филистеров, не будем отговариваться от этих особых задач момента, от этих специальных задач данных форм борьбы посредством бессодержательных ссылок на наши всегдашние и неизменные при всех условиях, во все времена, обязанности.

Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, единовременно. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе.

«Пролетарий» № 2, 29 августа 1906 г.

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 13, стр. 369—377*

НА ДОРОГУ

Год развала, год идейно-политического разброда, год партийного бездорожья лежит позади нас. Организации партии все сократились в числе членов, некоторые — именно состоящие наименее из пролетариев — развалились. Созданные революцией полуоткрытые учреждения партии терпели провал за провалом. Дошло до того, что для некоторых, поддавшихся влиянию распада, элементов внутри партии стало вопросом, надо ли сохранить прежнюю с.-д. партию, надо ли продолжать *ее* дело, надо ли идти опять в подполье и как это сделать, — и на этот вопрос крайние правые давали ответ в смысле легализации во что бы то ни стало, ценой даже явного отказа от партийной программы, тактики и организации (так называемое, ликвидаторское течение). Кризис был, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический.

Недавно состоявшаяся Всероссийская конференция РСДРП²⁸⁸ выводит партию на дорогу и представляет из себя, видимо, поворотный пункт в развитии русского рабочего движения после победы контрреволюции. Решения конференции, напечатанные в особом «Извещении», изданном Центральным Комитетом нашей партии²⁸⁹, утверждены ЦК и являются, следовательно, до следующего съезда решениями всей партии. В этих решениях дан вполне определенный ответ на вопрос о причинах и значении кризиса, а также о средствах выхода из него. Работая в духе резолюций конференции, добиваясь ясного и полного сознания *всеми* партийными работниками современных задач партии, наши организации сумеют укрепить и сплотить свои силы для дружной и живой революционно-социал-демократической работы.

Основная причина кризиса партии указана в мотивах организационной резолюции. Эта основная причина заключается

в чистке рабочей партии от колеблющихся интеллигентских и мелкобуржуазных элементов, которые примкнули к рабочему движению, главным образом, в надежде на близкое торжество буржуазно-демократической революции и которые не могли устоять в период реакции. Неустойчивость сказалась и в области теории («отступления от революционного марксизма»: резолюция о современном моменте), и в области тактики («укорачивание лозунгов»), и в области организационной политики партии. Сознательные рабочие дали отпор этой неустойчивости, выступили решительно против ликвидаторства, стали брать в свои руки ведение дел партийных организаций и руководство ими. Если сразу это коренное ядро нашей партии не смогло осилить элементов разброда и кризиса, то это не только потому, что велика и трудна была задача при торжестве контрреволюции, но и потому, что некоторое равнодушие к партии проявилось в среде тех рабочих, которые были настроены революционно, но обладали недостаточной социалистической сознательностью. Именно к сознательным рабочим России и обращены в первую голову решения конференции, как сложившееся мнение социал-демократии о средствах борьбы с разбродом и шатаниями.

Марксистский анализ современного взаимоотношения классов и новой политики царизма; — указание ближайшей цели борьбы, которую ставит себе по-прежнему наша партия; — оценка уроков революции в вопросе о правильности революционно-социал-демократической тактики; — выяснение причин партийного кризиса и указание на роль пролетарского элемента партии в борьбе с ним; — решение вопроса о соотношении нелегальной и легальной организации; — признание необходимости использовать думскую трибуну и выработка точных руководящих указаний для нашей думской фракции в связи с прямой критикой ее ошибок; — таково главное содержание решений конференции, дающих полный ответ на вопрос о выборе партией рабочего класса твердого пути в переживаемое тяжелое время. Рассмотрим внимательнее этот ответ.

Взаимоотношение классов в их политической группировке остается тем же, какое характерно для пережитого периода прямой революционной борьбы масс. Громадное большинство крестьянства не может не стремиться к такому аграрному перевороту, который уничтожил бы полукрепостническое землевладение и который неосуществим без свержения царской власти. Торжество реакции придавило особенно сильно демократические элементы крестьянства, неспособного к прочной организации, но, несмотря на весь гнет, несмотря на черно-

сотенную Думу, несмотря на крайнюю неустойчивость трудящихся²⁹⁰, революционность крестьянских масс видна ясно даже из прений в III Думе. Основная позиция пролетариата по отношению к задачам буржуазно-демократической революции в России остается неизменной: руководить демократическим крестьянством, вырывать его из-под влияния либеральных буржуа, партии к.-д., продолжающей сближаться, несмотря на мелкие частные ссоры, с октябристами²⁹¹ и, в самое последнее время, стремящейся создать национал-либерализм, поддержать царизм и реакцию путем шовинистической агитации. Борьба по-прежнему ведется — говорит резолюция — за полное уничтожение монархии и завоевание политической власти пролетариатом и революционным крестьянством.

Самодержавие по-прежнему стоит, как главный враг пролетариата и всей демократии. Но было бы ошибкой думать, что оно остается прежним. Столыпинская «конституция» и столыпинская аграрная политика²⁹² знаменуют новый этап в разложении старого полупатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию. Делегаты Кавказа, желавшие либо совсем удалить такую характеристику момента, либо поставить «плутократический» на место «буржуазный», стояли на неверной точке зрения. Плутократическим самодержавие было давным-давно, буржуазным — по своей аграрной политике и по прямому, организованному в общенациональном масштабе, союзу с известными слоями буржуазии — оно становится только после первого этапа революции, под влиянием ударов ее. Самодержавие издавна вскармливало буржуазию, буржуазия издавна пробивала себе рублем и доступ к «верхам», и влияние на законодательство и управление, и места наряду с благородным дворянством, но своеобразность настоящего момента состоит в том, что самодержавию пришлось создать представительное учреждение для определенных слоев буржуазии, пришлось эквилибрировать между ними и крепостниками, организовывать в Думе союз этих слоев, пришлось проститься со всякой надеждой на патриархальность мужика и искать опоры против деревенской массы у богатеев, разоряющих общину.

Самодержавие прикрывает себя якобы конституционными учреждениями, но в то же время на деле получается невиданное еще разоблачение его классовой сущности, благодаря союзу царя с Пуришкевичами и Гучковыми, и только с ними. Самодержавие пытается взять на себя решение объективно необходимых задач буржуазной революции — создание

народного представительства, действительно заведующего делами буржуазного общества, и чистку средневековых, запутанных и обветшавших аграрных отношений в деревне; но именно практический результат новых шагов самодержавия оказывается до сих пор равным нулю, и это только еще нагляднее показывает необходимость иных сил и иных средств для решения исторической задачи. Самодержавие противопоставлялось до сих пор в сознании миллионных, не искушенных в политике, масс народному представительству вообще; теперь борьба суживает свою цель, определяет конкретнее свою задачу, как борьбу за власть в государстве, определяющую характер и значение самого представительства. Вот почему III Дума знаменует особый этап в разложении старого царизма, в усилении его авантюристичности, в углублении старых революционных задач, в расширении поприща борьбы (и числа участников борьбы) за эти задачи.

Этот этап должен быть изжит; новые условия момента требуют новых форм борьбы; использование думской трибуны представляется безусловной необходимостью; длительная работа по воспитанию и организации масс пролетариата выдвигается на первый план; сочетание нелегальной и легальной организации выдвигает перед партией особые задачи; популяризация и разъяснение опыта революции, дискредитируемой либералами и ликвидаторами-интеллигентами, необходимы и в теоретических и в практических целях. Но тактическая линия партии, которая должна суметь учесть новые условия в приемах и средствах борьбы, остается неизменной. Правильность революционно-социал-демократической тактики — говорит одна из резолюций конференции — подтверждена опытом массовой борьбы 1905—1907 годов. Поражение революции в итоге этой первой кампании обнаружило не неверность задач, не «утопичность» ближайших целей, не ошибочность средств и приемов, а недостаточную подготовленность сил, недостаточную глубину и ширину революционного кризиса, — а над углублением и расширением его Столыпин и К^о работают с самым достохвальным усердием! Пусть либералы и растерявшиеся интеллигенты после первого действительно массового сражения за свободу падают духом и твердят трусливо: не идите туда, где были раз разбиты, не становитесь снова на этот роковой путь. Сознательный пролетариат ответит им: великие войны в истории, великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные опытом поражений. Разбитые армии хорошо учатся. Революционные классы России разбиты в

первой кампании, но революционное положение остается. В новых формах и иным путем — иногда гораздо более медленно, чем мы бы желали — революционный кризис надвигается еще раз, назревает снова. Длительная работа подготовки к нему более широких масс, подготовки более серьезной, учитывающей более высокие и более конкретные задачи, должна быть выполнена нами, и, чем успешнее будет она выполнена, тем вернее будет победа в новой борьбе. Русский пролетариат может гордиться тем, что в 1905 году под его руководством нация рабов превратилась впервые в нападающую на царизм рать миллионов, в армию революции. И тот же пролетариат сумеет теперь выполнить выдержанно, стойко, терпеливо работу воспитания и подготовки новых кадров более могучей революционной силы.

Использование думской трибуны входит, как мы уже указали, необходимой составной частью в эту работу воспитания и подготовки. Резолюция конференции о думской фракции указывает нашей партии ту дорогу, которая всего ближе — если искать примеров в истории — к опыту немецких социал-демократов при исключительном законе. Нелегальная партия должна суметь использовать, должна научиться использовать легальную думскую фракцию, должна воспитать из этой последней стоящую на высоте своих задач партийную организацию. Самой ошибочной тактикой, самым печальным уклонением от выдержанной пролетарской работы, предписываемой условиями переживаемого момента, было бы ставить вопрос об отзыве фракции (на конференции было два «отзовиста»²⁹³, не поставивших прямо этого вопроса) или отказаться от прямой и открытой критики ее ошибок, от перечня их в резолюции (на конференции этого добивались некоторые делегаты). Резолюция вполне признает, что у фракции были и такие ошибки, за которые не она одна ответственна и которые вполне сходны с неизбежными ошибками всех наших партийных организаций. Но есть другие ошибки — отступления от *политической линии* партии. Раз эти отступления имели место, раз они сделаны организацией, выступающей открыто от имени всей партии, — партия обязана была ясно и точно сказать, что это были уклонения. В истории западноевропейских социалистических партий бывали не раз примеры ненормальных отношений парламентских фракций к партии; до сих пор в романских странах эти отношения сплошь да рядом ненормальны, фракции недостаточно партийны. Мы должны сразу поставить иначе дело создания социал-демократического парламентаризма в России, сразу приняться за дружную работу в этой области, — чтобы

всякий с.-д. депутат на деле чувствовал, что партия стоит за ним, болеет его ошибками, заботится о выправлении его дороги, — чтобы каждый партийный работник участвовал в общей думской работе партии, учился на деловой марксистской критике ее шагов, чувствовал свою обязанность помогать ей, добивался соподчинения специальной работы фракции всей пропагандистской и агитационной деятельности партии.

Конференция была первым авторитетным собранием делегатов от крупнейших организаций партии, обсуждавшим деятельность думской с.-д. фракции за целую сессию. И решение конференции показывает ясно, как будет ставить свою думскую работу наша партия, какие строгие требования предъявляет она в этой области к себе самой и к фракции, как неуклонно и выдержанно намерена она работать над воспитанием действительно социал-демократического парламентаризма.

Вопрос об отношении к думской фракции имеет тактическую и организационную сторону. В этом последнем отношении резолюция о думской фракции есть вновь лишь применение к частному случаю общих принципов организационной политики, установленных конференцией в резолюции о директивах по организационному вопросу. Два основных течения в РСДРП констатированы конференцией по этому вопросу: одно — переносящее центр тяжести на нелегальную партийную организацию, другое — более или менее родственное ликвидаторству — переносящее центр тяжести на легальные и полулегальные организации. Дело в том, что современный момент характеризуется, как мы уже указали, уходом из партии некоторого числа партийных работников, особенно из интеллигенции, но частью и из рабочих. Ликвидаторское течение ставит вопрос, лучшие ли, наиболее активные элементы покидают партию и выбирают поприщем деятельности легальные организации, или уходят из партии «колеблющиеся интеллигентские и мелкобуржуазные элементы»? Нечего и говорить, что, решительно отвергнув и осудив ликвидаторство, конференция ответила в последнем смысле. Наиболее пролетарские элементы партии, наиболее выдержанные принципиально и наиболее социал-демократические элементы интеллигенции остались верны РСДРП. Уход из партии есть чистка ее, освобождение от наименее устойчивых, от ненадежных друзей, от «попутчиков» (Mitläufer'ов), которые всегда примыкали на время к пролетариату, рекрутируясь из мелкой буржуазии или из числа «деклассированных», т. е. людей, выбитых из колеи того или иного определенного класса.

Из этой оценки партийно-организационного принципа само собой вытекает и линия организационной политики, принятая конференцией. Укрепление нелегальной партийной организации, создание партийных ячеек во всех областях работы, создание в первую голову «чисто партийных, хотя бы немногочисленных, рабочих комитетов в каждом промышленном предприятии», сосредоточение руководящих функций в руках руководителей социал-демократического движения из среды самих рабочих, — такова задача дня. И, разумеется, задачей этих ячеек и комитетов должно быть использование всех полулегальных и, по возможности, легальных организаций, поддержание «тесной связи с массами», направление работы таким образом, чтобы социал-демократия откликалась на все запросы масс. Каждая ячейка и каждый партийный рабочий комитет должны стать «опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс», т. е. непременно идти туда, куда идет масса, и стараться на каждом шагу толкать ее сознание в направлении социализма, связывать каждый частный вопрос с общими задачами пролетариата, превращать каждое организационное начинание в дело *классового* сплочения, завоевывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами, конечно) руководящую роль во всех пролетарских легальных организациях. Пусть иногда эти ячейки и комитеты будут очень немногочисленны, зато между ними будет связь партийной традиции и партийной организации, определенная классовая программа; и два-три партийных социал-демократа сумеют не расплыться, таким образом, в бесформенной легальной организации, а вести при всех условиях, при всяких обстоятельствах, при всевозможных положениях свою *партийную* линию, воздействовать на среду в духе всей партии, а не давать среде поглотить себя.

Можно распустить массовые организации того или иного вида, можно затравить легальные профессиональные союзы, можно полицейскими придирками испортить всякое открытое начинание рабочих при режиме контрреволюции, но никакая сила в мире не устранит массового скопления рабочих в капиталистической стране, а таковой стала уже Россия. Так или иначе, легально или полулегально, открыто или прикрито, рабочий класс найдет себе те или иные пункты сплочения, — везде и всегда будут идти впереди массы сознательные партийные эсдеки, везде и всегда будут они спланиваться между собою для воздействия на массу в партийном духе. И социал-демократия, доказавшая в открытой революции, что она есть партия класса, сумевшая повести за собой миллионы и на

стачку, и на восстание в 1905, и на выборы в 1906—1907 гг., сумеет и теперь остаться партией класса, партией масс, остаться авангардом, который в самые тяжелые времена не оторвется от всей армии, сумеет помочь ей преодолеть эти тяжелые времена, снова сплотить ее ряды, приготовить новых и новых борцов.

Пусть ликуют и воют черносотенные зубры в Думе и вне Думы, в столице и захолустье, пусть бешенствует реакция, — ни одного шагу не может делать премудрый г. Столыпин, не приближая к падению эквилибрирующее самодержавие, не запутывая нового клубка политических невозможностей и нелепиц, не прибавляя новых и свежих сил в ряды пролетариата, в ряды революционных элементов крестьянской массы. Партия, которая сумеет укрепиться для выдержанной работы в связи с массами, партия передового класса, которая сумеет организовать его авангард, которая направит свои силы так, чтобы воздействовать в социал-демократическом духе на каждое проявление жизни пролетариата, эта партия победит во что бы то ни стало.

*«Социал-Демократ» № 2,
28 января (10 февраля) 1909 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 17, стр. 354—365*

ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА

Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции. А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза.

Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции.

Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними, — писал Герцен, — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия»²⁹⁴.

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об

изучении природы» — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом.

Эта «остановка» и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года. Герцен покинул уже Россию и наблюдал эту революцию непосредственно. Он был тогда демократом, революционером, социалистом. Но его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облакала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат.

Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела. Этого не поняли и не могли понять рыцари либерального русского языкоблудия, которые прикрывают теперь свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена. У этих рыцарей, которые предали русскую революцию 1905 года, которые забыли и думать о великом звании *революционера*, скептицизм есть форма перехода от демократии к либерализму, — к тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстанавливал разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который *проклинал*, не умея понять его классовой природы, Герцен.

У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата. Доказательство: «Письма к старому товарищу», Бакунину, написанные за год до смерти Герцена, в 1869 году. Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между мирозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Пра-

вда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с «проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину». Но все же таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал *«собирать полки»* пролетариата, объединять *«мир рабочий»*, «покидающий мир пользующихся без работы»! ²⁹⁵

Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарксовского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян *с землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет *ни грана* социализма. Это — такая же прекраснотушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения.

Революция 1905 года вполне доказала это: с одной стороны, пролетариат выступил вполне самостоятельно во главе революционной борьбы, создав социал-демократическую рабочую партию; с другой стороны, революционные крестьяне («трудовики» и «Крестьянский союз» ²⁹⁶), борясь за всякие формы уничтожения помещичьего землевладения вплоть до «отмены частной собственности на землю», боролись именно как хозяева, как мелкие предприниматели.

В настоящее время словопрения насчет «социалистичности» права на землю и т. п. служат только к *затемнению* и *прикрытию* действительно важного и серьезного исторического

вопроса: о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно этот вопрос поставлен «Колоколом»²⁹⁷ Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, — если исследовать классовую борьбу, как основу «теорий» и учений, а не наоборот.

Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда»²⁹⁸ подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено.

Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх.

Когда один из отвратительнейших типов либерального хамства, Кавелин, восторгавшийся ранее «Колоколом» именно за его *либеральные* тенденции, восстал против конституции, напал на революционную агитацию, восстал против «насилия» и призывов к нему, стал проповедовать терпение, Герцен *порвал* с этим либеральным мудрецом. Герцен обрушился на его «тощий, нелепый, вредный памфлет», писанный «для негласного руководства либеральничающему правительству», на кавелинские «политико-сентиментальные сентенции», изображающие «русский народ скотом, а правительство умницей». «Колокол» поместил статью «Надгробное слово», в которой бичевал «профессоров, вьющих гнилую паутинку своих высокомерно-крошечных идеек, экс-профессоров, когда-то простодушных, а потом озлобленных, видя, что здоровая молодежь не может сочувствовать их золотушной мысли». Кавелин сразу узнал себя в этом портрете.

Когда был арестован Чернышевский, подлый либерал Кавелин писал: «Аресты мне не кажутся возмутительными... революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средст-

вами». А Герцен точно отвечал этому кадету, говоря по поводу суда над Чернышевским: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами».

Когда либерал Тургенев написал частное письмо Александру II с уверением в своих верноподданных чувствах и пожертвовал два золотых на солдат, раненных при усмирении польского восстания, «Колокол» писал о «седовласой Магдалине (мужеского рода), писавшей государю, что она не знает сна, мучась, что государь не знает о постигнувшем ее раскаянии». И Тургенев сразу узнал себя.

Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии. «Мы спасли честь имени русского, — писал он Тургеневу, — и за это пострадали от рабского большинства».

Когда получалось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в «Колоколе»: «И превосходно сделал!». Когда сообщали, что вводятся военные начальники для «спокойного» «освобождения», Герцен писал: «Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам, вместо того, чтобы душить их, сядет на трон Романовых». Когда полковник Рейтерн застрелился в Варшаве (1860 г.), чтобы не быть помощником палачей, Герцен писал: «Если расстреливать, так нужно расстреливать тех генералов, которые велят стрелять по безоружным». Когда перебили 50 крестьян в Бездне и казнили их вожака Антона Петрова (12 апреля 1861 года)²⁹⁹, Герцен писал в «Колоколе»:

«О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе... Твои пастыри — темные как ты, бедные как ты... Таков был пострадавший за тебя в Казани иной Антоний (не епископ Антоний, а Антон безднинский)... Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память об них может совершить одно чудо — твое освобождение».

Отсюда видно, как подло и низко клеветают на Герцена окопавшиеся в рабьей «легальной» печати наши либералы, возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных. Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть

революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции.

Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звали их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*.

О НАРУШЕНИИ ЕДИНСТВА, ПРИКРЫВАЕМОМ КРИКАМИ О ЕДИНСТВЕ

Вопросы современного рабочего движения во многих отношениях являются больными вопросами — в особенности для представителей вчерашнего дня (т. е. только что исторически миновавшего этапа) этого движения. Сюда прежде всего относятся вопросы о так называемой фракционности, расколе и т. д. Нередко от интеллигентских участников рабочего движения можно слышать возбужденные, нервные, почти истерические просьбы не касаться этих больных вопросов. Для тех, кто пережил долгие годы борьбы разных течений среди марксистов, например, с 1900—1901 годов, естественно могут быть излишними повторениями многие рассуждения на тему этих больных вопросов.

Но участников 14-летней борьбы среди марксистов (а тем более 18—19-летней, если считать с первых симптомов появления «экономизма») в настоящее время не так уже много. Громадное большинство рабочих, заполняющих в наши дни ряды марксистов, старой борьбы либо не помнят, либо не знают вовсе. Для этого громадного большинства (как показывает, между прочим, и анкета нашего журнала³⁰⁰) больные вопросы представляют особенно большой интерес. И мы намерены остановиться на этих вопросах, поднимаемых *как бы* заново (а для молодого поколения рабочих действительно заново) «нефракционным рабочим журналом» Троцкого «Борьба»³⁰¹.

I. О «ФРАКЦИОННОСТИ»

Троцкий называет свой новый журнал «нефракционным». Это слово он ставит на первое место в объявлениях, это подчеркивает на все лады в редакционных статьях как самой «Борьбы», так и ликвидаторской «Северной Рабочей

Газеты»³⁰², где до выхода «Борьбы» появилась о ней статья Троцкого.

Что же это такое: «нефракционность»?

«Рабочий журнал» Троцкого есть журнал Троцкого для рабочих, ибо ни рабочего почина, ни связи с рабочими организациями в журнале нет и следа. Желая быть популярным, Троцкий в своем журнале для рабочих поясняет читателям слова «территория», «фактор» и т. п.

Очень хорошо. Отчего бы не пояснить для рабочих и слово: «нефракционность»? Неужели оно *более* понятно, чем слова территория и фактор?

Нет. Дело не в этом. Дело в том, что ярлычком «нефракционность» *вводят в обман* молодое поколение рабочих худшие представители худших остатков фракционности. На разъяснении этого стоит остановиться.

Фракционность есть главная отличительная черта социал-демократической партии одной определенной исторической эпохи. Какой именно? С 1903 по 1911 год.

Чтобы пояснить наиболее наглядно, в чем была сущность фракционности, надо вспомнить конкретные условия хотя бы 1906—1907 годов. Партия тогда была едина, не было раскола, но была фракционность, т. е. *на деле* существовало в единой партии *две* фракции, две фактически отдельные организации. Рабочие организации внизу были едины, но по каждому серьезному вопросу две фракции вырабатывали две тактики; защитники их спорили между собой в единых рабочих организациях (например, при обсуждении лозунга: думское — или кадетское — министерство в 1906 году или при выборах на Лондонский съезд в 1907 году), и вопросы решались *по большинству*: одна фракция оказалась побежденной на едином Стокгольмском съезде (1906), другая на едином Лондонском (1907)³⁰³.

Это — общеизвестные факты из истории организованного марксизма в России.

Достаточно припомнить эти общеизвестные факты, чтобы увидеть вопиющую неправду, которую распространяет Троцкий.

С 1912 года, уже более двух лет, *нет* в России фракционности среди организованных марксистов, нет споров о тактике в *единых* организациях, на *единых* конференциях и съездах. Есть *полная* разорванность между партией, формально заявившей в январе 1912 года о том, что ликвидаторы *не* принадлежат к ней, и ликвидаторами. Троцкий называет нередко это положение дела «расколом», и о таком наименовании мы будем говорить ниже особо. Но остается

несомненным фактом, что слово: «фракционность» *расходится с истиной.*

Это слово, как мы уже сказали, есть повторение, некритическое, неразумное, бессмысленное повторение *того, что было верно вчера*, т. е. в эпоху уже миновавшую. И когда Троцкий говорит нам о «хаосе фракционной борьбы» (см. № 1, стр. 5, 6 и многие другие), то сразу ясно становится, *какое именно* отжившее прошлое говорит устами его.

Посмотрите на теперешнее положение дела с точки зрения молодого русского рабочего, каких теперь $\frac{9}{10}$ среди организованных марксистов России. Он видит перед собой *три* массовых проявления разных взглядов или течений в рабочем движении: «правдистов» вокруг газеты с тиражом в 40 000 экземпляров³⁰⁴, «ликвидаторов» (15 000 экземпляров) и левонародников (10 000 экземпляров). Данные о тираже поясняют читателю *массовый* характер известной проповеди.

Спрашивается, при чем же тут «хаос»? Троцкий любит звонкие и пустые фразы — это известно, но словечко «хаос» есть *не только* фраза, а *кроме того* есть перенесение (вернее, тщетная попытка перенесения) на русскую почву современной эпохи *заграничных* отношений *вчерашней* эпохи. Вот в чем суть дела.

Никакого «хаоса» нет в борьбе марксистов с народниками. Этого, надо надеяться, *даже* Троцкий не решится утверждать. Борьба марксистов с народниками идет свыше 30 лет, с самого рождения марксизма. Причина этой борьбы — коренное расхождение интересов и точки зрения двух разных классов, пролетариата и крестьянства. «Хаос», если где и есть, то только в головах чудаков, не понимающих этого.

Что же остается? «Хаос» борьбы марксистов с ликвидаторами? И опять-таки это неправда, ибо нельзя назвать хаосом борьбу с *течением*, которое признано всей партией за течение и осуждено с 1908 года. А кто не беззаботен насчет истории марксизма в России, тот знает, что ликвидаторство неразрывно и теснейшим образом даже в смысле состава вождей и участников связано с «меньшевизмом» (1903—1908) и «экономизмом» (1894—1903). Значит, и тут перед нами почти двадцатилетняя история. Относиться к истории собственной партии, как к «хаосу», значит иметь непростительную пустоту в голове.

Но посмотрите на теперешнее положение *с точки зрения* Парижа или Вены. Сразу все переменится. *Кроме* «правдистов» и «ликвидаторов» есть еще *не менее пяти русских* «фракций», т. е. отдельных групп, желающих причислить себя к одной и той же социал-демократической партии: группа

Троцкого, две группы «Вперед», «большевики-партийцы» и «меньшевики-партийцы»³⁰⁵. В Париже и в Вене (беру для примера два особенно крупных центра) это всем марксистам прекрасно известно.

И тут Троцкий в известном смысле прав: это действительно фракционность, это поистине хаос!

«Фракционность», т. е. номинальное единство (*на словах* все одной партии) и реальная раздробленность (*на деле* все группы самостоятельны и вступают друг с другом в переговоры и соглашения, как суверенные державы).

«Хаос», т. е. отсутствие (1) объективных допускающих проверку данных о связи этих фракций с рабочим движением в России и (2) отсутствие материала для суждения о подлинной идейной и политической физиономии этих фракций. Возьмите период полных двух лет — 1912 и 1913. Как известно, это — годы оживления и подъема рабочего движения, когда всякое сколько-нибудь похожее на *массовое* (а в политике только массовое и считается) течение или направление *не могло не* сказаться на выборах в IV Думу, на стачечном движении, на легальных газетах, на профессиональных союзах, на страховой кампании и т. п. Ни одна, ни единая из этих пяти заграничных фракций за весь этот двухлетний период не проявила себя абсолютно ничем заметным *ни на одном* из указанных сейчас проявлений массового рабочего движения в России!

Это — факт, который всякому легко проверить.

И этот факт доказывает, что мы были правы, говоря о Троцком, как о представителе «худших остатков фракционности».

На словах будучи нефракционным, Троцкий есть заведомо для всех, сколько-нибудь знакомых с рабочим движением России, представитель «фракции Троцкого» — здесь есть фракционность, ибо налицо оба существенные признака ее: (1) номинальное признание единства и (2) групповая обособленность на деле. Здесь есть остаток фракционности, ибо ничего серьезного в смысле связей с массовым рабочим движением России открыть тут невозможно.

Здесь есть, наконец, худший вид фракционности, ибо *нет* никакой идейно-политической определенности. Нельзя отказать в этой определенности ни правдистам (даже наш решительный противник Л. Мартов признает у нас «сплоченность и дисциплину» вокруг всем известных формальных решений по всем вопросам), ни ликвидаторам (у них очень определенная, по крайней мере у виднейших из них, физиономия, именно либеральная, а не марксистская).

Нельзя отказать в некоторой определенности части тех фракций, которые, подобно фракции Троцкого, реально существуют исключительно с венско-парижской, отнюдь не с русской точки зрения. Например, определены *махистские* теории у махистской группы «Вперед»; определено решительное отрицание этих теорий и защита марксизма, наряду с теоретическим осуждением ликвидаторов, у «меньшевикопартийцев».

У Троцкого же нет никакой идейно-политической определенности, ибо патент на «нефракционность» означает лишь (мы сейчас увидим это подробнее) патент на полную свободу *перелетов* от одной фракции к другой и обратно.

Итог:

1) исторического значения *идейных* расхождений между течениями и фракциями в марксизме Троцкий не объясняет и не понимает, хотя эти расхождения наполняют двадцатилетнюю историю социал-демократии и касаются основных вопросов современности (как мы еще покажем);

2) основных особенностей *фракционности*, как номинального признания единства и реальной раздробленности, Троцкий не понял;

3) под флагом «нефракционности» Троцкий отстаивает одну из заграничных фракций, особенно безыдейных и лишенных почвы в рабочем движении России.

Не все то золото, что блестит. Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет.

II. О РАСКОЛЕ

«Если у вас, правдистов, нет фракционности, т. е. номинального признания единства при раздробленности на деле, то у вас есть худшее — раскольничество», — возразят нам. Именно так говорит Троцкий, который, не умея продумать своих мыслей и связать концы с концами своих фраз, то вопиет против фракционности, то кричит: «раскол делает одно самоубийственное завоевание за другим» (№ 1, стр. 6).

Смысл этого заявления может быть только один: «*правдисты* делают одно завоевание за другим» (это объективный, допускающий проверку факт, устанавливаемый изучением массового рабочего движения России хотя бы в 1912 и 1913 годах), но я, Троцкий, осуждаю правдистов (1) как раскольников и (2) как самоубийственных политиков.

Разберемся в этом.

Прежде всего поблагодарим Троцкого: недавно (с августа 1912 г. по февраль 1914 г.) он шел за Ф. Даном, который, как

известно, грозил и призывал «убить» антиликвидаторство. Теперь Троцкий не грозит «убить» наше направление (и нашу партию — не сердитесь, гражданин Троцкий, это ведь правда!), а только пророчит, что оно *само* убьет себя!

Это — гораздо мягче, не правда ли? Это — почти «нефракционно», не так ли?

Но шутки в сторону (хотя шутка есть единственный способ мягкого отклика на невыносимое фразерство Троцкого).

«Самоубийство» — просто фраза, пустая фраза, один «троцкизм».

Раскольничество есть серьезное политическое обвинение. Это обвинение повторяют против нас на тысячи ладов и ликвидаторы и все, перечисленные выше, с точки зрения Парижа и Вены несомненно существующие, группы.

И все они повторяют это серьезное политическое обвинение удивительно несерьезно. Посмотрите на Троцкого. Он признал, что «раскол делает (читай: правдисты делают) одно самоубийственное завоевание за другим». Он добавляет к этому:

«Многочисленные передовые рабочие в состоянии полной политической растерянности сами становятся нередко деятельными агентами раскола» (№ 1, стр. 6).

Можно ли найти образцы более несерьезного отношения к вопросу, чем то, которое вскрывается этими словами?

Вы нас обвиняете в раскольничестве, тогда как мы перед собой на арене рабочего движения в России ровно ничего кроме ликвидаторства не видим. Значит, вы находите неправильным наше отношение к ликвидаторству? И действительно, *все* перечисленные выше заграничные группы, как ни сильно они друг от друга отличаются, сходятся именно в том, что наше отношение к ликвидаторству признают неправильным, «раскольническим». В этом состоит также сходство (и существенное политическое сближение) *всех* этих групп с ликвидаторами.

Если наше отношение к ликвидаторству теоретически, принципиально неправильно, то об этом следовало бы Троцкому *прямо* сказать, *определенно* заявить, без обиняков указать, в чем он видит эту неправильность. Троцкий *годами* избегает, однако, этот существенный пункт.

Если практически, в опыте движения опровергается наше отношение к ликвидаторству, надо разобрать этот опыт, чего Троцкий опять-таки не делает. «Многочисленные передовые рабочие, — признает он, — становятся *дейтельными агентами раскола*» (читай: деятельными агентами правдистской линии, тактики, системы организации),

Почему же это происходит такое печальное явление, подтверждаемое, по признанию Троцкого, опытом, что *передовые* рабочие, и притом *многочисленные*, стоят за «Правду»?

Вследствие «полной политической растерянности» этих передовых рабочих, отвечает Троцкий.

Объяснение, слов нет, чрезвычайно лестное для Троцкого, для всех пяти заграничных фракций и для ликвидаторов. Троцкий очень любит давать, «с ученым видом знатока», с напыщенными и звонкими фразами, лестные для Троцкого объяснения исторических явлений. Если «многочисленные передовые рабочие» становятся «деятельными агентами» политической и партийной линии, не согласующейся с линией Троцкого, то Троцкий решает вопрос, не стесняясь, сразу и прямоком: эти передовые рабочие находятся «в состоянии полной политической растерянности», а он, Троцкий, очевидно, «в состоянии» политической твердости, ясности и правильности линии!.. И тот же самый Троцкий, бия себя в грудь, громит фракционность, кружковщину, интеллигентское навязывание своей воли рабочим!..

Право, читая такие вещи, невольно спрашиваешь себя, не из сумасшедшего ли дома раздаются подобные голоса?

Перед «передовыми рабочими» вопрос о ликвидаторстве и его осуждении поставлен партией с 1908 года, а вопрос о «расколе» с точно определенной группой ликвидаторов (именно: группой «Нашей Зари»³⁰⁶), т. е. о невозможности строить партию иначе как без этой группы и против нее, этот последний вопрос поставлен в январе 1912 года, более 2-х лет тому назад. Передовые рабочие в огромном большинстве высказались именно за поддержку «январской (1912 г.) линии». Троцкий сам признает этот факт словами о «завоеваниях» и о «многочисленных передовых рабочих». И Троцкий отделяется тем, что просто *бранит* этих передовых рабочих «раскольниками» и «политически-растерянными»!

Люди, не сошедшие с ума, сделают из этих фактов иной вывод. Там, где сплотилось *большинство* сознательных рабочих вокруг точных и определенных решений, там есть *единство* мнений и действий, там есть партийность и партия.

Там, где мы видели ликвидаторов, «снятых с постов» рабочими, или с полдюжины заграничных групп, за два года *ничем* не доказавших своей связи с массовым рабочим движением России, там именно царит растерянность и *раскольничество*. Пытаясь теперь убедить рабочих *не исполнять решений* того «целого», которое признают марксисты-правдисты,

Троцкий *пытается* дезорганизовать движение и вызвать раскол.

Эти попытки бессильны, но надо же разоблачить зарвавшихся в своем самомнении вождей интеллигентских группок, которые, производя раскол, кричат о расколе, которые, потерпев за два и более года *полное поражение* перед «передовыми рабочими», с невероятной наглостью *плюют* на решения и на волю этих передовых рабочих, называя их «политически-растерянными». Ведь это же целиком приемы Ноздрева или Иудушки Головлева.

И, по должности публициста, мы на повторяемые крики о расколе не устанем повторять *точные* данные, не опровергаемые и неопровержимые. Во II Думе было в рабочей курии 47% депутатов большевиков, в III — 50%, в IV — 67%.

Вот где большинство «передовых рабочих», вот где партия, вот где единство мнений и действий большинства сознательных рабочих.

Ликвидаторы возражают (см. Булкина, Л. М., в № 3 «Нашей Зари»), что мы пользуемся аргументами от столыпинских курий. Это — неразумное и недобросовестное возражение. Немцы измеряют свои успехи выборами по бисмарковскому избирательному закону, отстраняющему женщин. Только сумасшедшие могли бы попрекнуть за это немецких марксистов, которые меряют свои успехи при *данном* избирательном законе, отнюдь не оправдывая его реакционных урезок.

Так и мы, ни курий, ни куриальности не защищая, меряли свои успехи при *данном* избирательном законе. Курии были при всех трех (II, III, IV) Думах, и *внутри* одной и той же рабочей курии, *внутри* социал-демократии произошла *полная* передвижка против ликвидаторов. Кто не хочет обманывать себя и других, тот должен признать этот объективный факт победы *рабочего единства* против ликвидаторов.

Другое возражение не менее «умно»: «за такого-то и такого-то большевика голосовали (или в выборах участвовали) меньшевики и ликвидаторы». Прекрасно! А не относится ли это и к 53% депутатов *не* большевиков II Думы, к 50% III Думы, к 33% IV Думы?

Если бы можно было вместо данных о депутатах взять данные о выборщиках или уполномоченных от рабочих и т. п., мы с охотой взяли бы их. Но таких более подробных данных *нет*, и, следовательно, «возражатели» просто бросают публике песок в глаза.

А данные о рабочих группах, помогавших газетам разных направлений? За *два* года (1912 и 1913) 2801 группа за

«Правду» и 750 за «Луч»³⁰⁷ *. Всякий может проверить эти цифры, и никто не пытался опровергать их.

Где же тут *единство действий и воли большинства* «передовых рабочих» и где *нарушение* воли большинства?

«Нефракционность» Троцкого есть именно раскольничество в смысле самого беззастенчивого нарушения воли большинства рабочих.

III. О РАСПАДЕ АВГУСТОВСКОГО БЛОКА

Но есть еще способ, и очень важный, проверить правильность и правдивость бросаемых Троцким обвинений в раскольничестве.

Вы находите, что именно «ленинцы» — раскольники? Хорошо. Допустим, что вы правы.

Но если вы правы, почему же все остальные фракции и группы не доказали *без* «ленинцев» и *против* «раскольников» возможности единства с ликвидаторами?.. Если мы — раскольники, почему же вы, объединители, не объединились между собой и с ликвидаторами? Ведь этим вы *на деле* показали бы рабочим возможность единства и пользу его!..

Припомним хронологию.

В январе 1912 года «раскольники» «ленинцы» объявляют, что они — партия *без* ликвидаторов и *против* них.

В марте 1912 года против этих «раскольников» *объединяются* в своих русских листках и на страницах немецкой социал-демократической газеты «Vorwärts» все группы и «фракции»: ликвидаторы, троцкисты, впередовцы, «большевики-партийцы», «меньшевики-партийцы». Все вместе дружно, единодушно, согласно, едино ругают нас «узурпаторами», «мистификаторами» и прочими не менее нежными и ласковыми прозвищами.

Очень хорошо, господа! Но чего же вам легче было, как соединиться *против* «узурпаторов» и показать «передовым рабочим» пример *единства*? Неужели передовые рабочие, если бы они видели с одной стороны единство всех против узурпаторов, единство и ликвидаторов и *не* ликвидаторов, а с другой стороны *одних* «узурпаторов», «раскольников» и пр., не поддержали бы первых??

Если разногласия только выдуманы или раздуты и т. п. «ленинцами», а на деле *возможно* единство ликвидаторов, плехановцев, впередовцев, троцкистов и пр., то отчего не доказали вы этого за два года *своим* примером?

* По 1 апреля 1914 г. предварительный подсчет дал 4000 групп за «Правду» (с 1 января 1912 г.) и 1000 за ликвидаторов плюс всех их союзников.

В августе 1912 года собралась конференция «объединителей». Сразу началось *разъединение*: плехановцы вовсе отказались идти, впередовцы пошли, но ушли с протестом и с разоблачением фиктивности всей затеи.

«Объединились» ликвидаторы, латыши, троцкисты (Троцкий и Семковский), кавказцы, семерка. Объединились ли? Мы заявили тогда же, что нет, что это лишь прикрытие ликвидаторства. Опровергли ли нас события?

Ровно через полтора года, в феврале 1914 года, оказывается:

1) Что семерка распадается — Бурьянов уходит от нее.

2) Что в оставшейся новой «шестерке» Чхеидзе и Туляков или кто-то другой не могут спеться насчет ответа Плеханову. Они в печати заявляют, что ответят ему, *и не могут ответить*.

3) Что Троцкий, фактически уже много месяцев исчезнув из «Луча», *откалывается*, издавая «свой» журнал: «Борьба». Называя этот журнал «нефракционным», Троцкий ясно говорит этим (ясно для всех, кто сколько-нибудь знаком с делом), что «Наша Заря» и «Луч» *оказались*, по его, Троцкого, мнению, «фракционными», т. е. плохими, объединителями.

Если вы — объединитель, любезный Троцкий, если вы объявляете возможным единство с ликвидаторами, если вы вместе с ними стоите на позиции «основных идей, формулированных в августе 1912 года» («Борьба» № 1, стр. 6, «От редакции»), то отчего же *вы сами не* объединились с ликвидаторами в «Нашей Заре» и в «Луче»?

Когда в «Северной Рабочей Газете» еще до выхода журнала Троцкого появилась злая заметка о «невыясненной» физиономии журнала и о том, что «в марксистских кругах довольно много говорили» о нем, то «Путь Правды» (№ 37) *, естественно, должен был разоблачить неправду: «в марксистских кругах говорили» о секретной записке Троцкого *против* лучистов; физиономия Троцкого и его откол от Августовского блока вполне «выяснены».

4) Ан, известный вождь кавказских ликвидаторов, выступивший было против Л. Седова (и получивший за это публичную головомойку от Ф. Дана и К⁰), появляется теперь в «Борьбе». Остается «невыясненным», с Троцким или с Даном желают теперь идти кавказцы?

5) Латышские марксисты, бывшие единственной вполне бесспорной организацией в «Августовском блоке», *формально*

* См. Сочинения, 5 изд., том 25, стр. 1—4; 4 изд., том 20, стр. 140—142. *Ред.*

вышли из него, заявив (1914 г.) в резолюции своего последнего конгресса, что

«попытка со стороны примирителей объединиться во что бы то ни стало с ликвидаторами (августовская конференция 1912 года) оказалась бесполезной, и объединители сами попали в идейно-политическую зависимость от ликвидаторов».

Это заявила, после полуторагодового опыта, организация, которая сама стоит на *нейтральной* позиции, не желая вступать в связь *ни с одним* из двух центров. Тем более веско должно быть для Троцкого это решение *нейтральных* людей!

Кажется, довольно?

Люди, нас обвинявшие в раскольничестве, в нежелании или неумении ужиться с ликвидаторами, *сами* не ужились с ними. Августовский блок оказался фикцией и распался.

Скрывая от своих читателей этот распад, Троцкий обманывает их.

Опыт наших противников доказал нашу правоту, доказал невозможность работы с ликвидаторами.

IV. СОВЕТЫ ПРИМИРЕНЦА «СЕМЕРКЕ»

В редакционной статье № 1 «Борьбы»: «Раскол думской фракции» содержатся советы примиренца семерке ликвидаторствующих (или колеблющихся в сторону ликвидаторства) депутатов Государственной думы. Гвоздь этих советов — следующая фраза:

«обращаться к шестерке в первую очередь во всех случаях, когда необходимо соглашение с другими фракциями» (стр. 29).

Вот — разумный совет, из-за которого, между прочим, расходится, видимо, Троцкий с ликвидаторами-лучистами. С самого начала борьбы двух фракций в Думе, с резолюции летнего (1913) совещания³⁰⁸, правдисты стояли именно на этой точке зрения. Российская социал-демократическая рабочая фракция неоднократно и после раскола в *печати* заявляла, что продолжает стоять на этой позиции, вопреки повторным отказам «семерки».

С самого начала, с резолюции летнего совещания, мы думали и думаем, что *соглашения* по вопросам *думской* работы желательны и возможны: если такие соглашения неоднократно практиковались с мелкобуржуазными крестьянскими демократами (трудовиками), то тем более, разумеется, возможны и необходимы они с мелкобуржуазными, либеральными рабочими политиками.

Не надо преувеличивать разногласий и надо смотреть действительности прямо в лицо: «семерка» — колеблющиеся в сторону ликвидаторства люди, вчера шедшие вполне за Дана, сегодня с тоской переводящие свои взгляды с Дана на Троцкого и обратно. Ликвидаторы, это — отколовшаяся от партии группа легалистов, проводящая либеральную рабочую политику. Ввиду отрицания ими «подполья», ни о каком единстве с этой группой в делах партийного строительства и рабочего движения не может быть и речи. Кто думает иначе, тот глубоко заблуждается, не учитывая глубины происшедших после 1908 года перемен.

Но *соглашения* с этой внепартийной или околопартийной группой по отдельным вопросам, конечно, допустимы: мы и эту группу, как и трудовиков, всегда *должны* заставлять делать выбор между рабочей (правдистской) и либеральной политикой. Например, в вопросе о борьбе за свободу печати у ликвидаторов ясно обнаружились колебания между либеральной постановкой вопроса с отрицанием или забвением бесцензурной печати и обратной, рабочей, политикой.

В пределах *думской* политики, где не ставится непосредственно самых важных, *внедумских*, вопросов, соглашения с семеркой либеральных рабочих депутатов возможны и желательны. По этому пункту Троцкий от ликвидаторов перешел к позиции партийного летнего (1913) совещания.

Не надо забывать только, что с точки зрения внепартийной группы под соглашением разумеется совсем не то, что понимают под этим обычно партийные люди. Для непартийных людей «соглашение» в Думе есть «*выработка* тактической резолюции или линии». Для партийных людей соглашение есть попытка *привлечь* других к осуществлению партийной линии.

Например, у трудовиков партии нет. Под соглашением они разумеют «вольную», так сказать, «выработку» линии, сегодня с кадетами, завтра с социал-демократами. Мы же под соглашением с трудовиками разумеем совсем не то: у нас есть партийные решения по всем важным вопросам тактики, и никогда мы от этих решений отступать не будем; соглашаться же с трудовиками для нас значит *привлекать* их на свою сторону, *убеждать* их в нашей правоте, *не отказываться* от общих действий против черносотенцев и против либералов.

До какой степени Троцкий забыл (не даром все же побывал у ликвидаторов!) это элементарное различие о соглашениях с партийной и беспартийной точки зрения, показывает следующее его рассуждение:

«Необходимо, чтобы доверенные лица Интернационала свели обе части нашего расколовшегося парламентского представительства и совместно с ними рассмотрели, что их объединяет и что их раскалывает... Может быть выработана детальная тактическая резолюция, формулирующая основы парламентской тактики...» (№ 1, стр. 29—30).

Вот — характерный и типичнейший образчик ликвидаторской постановки вопроса! О партии журнал Троцкого забывает: стоит ли помнить о подобной мелочи, в самом деле?

Когда в Европе (Троцкий любит некстати говорить о европеизме) соглашаются или объединяются различные партии, то дело бывает так: представители их сходятся и выясняют прежде всего пункты расхождения (именно то, что Интернационал и поставил на очередь для России, отнюдь не включив в резолюцию необдуманного утверждения Каутского, будто «старой партии нет»³⁰⁹). Выяснив пункты расхождения, представители намечают, *какие решения* (резолюции, условия и т. п.) по вопросам тактики, организации и т. д. *должны быть представлены съездам обеих партий*. Если удастся наметить проект единых решений, съезды решают, принять ли их; если намечаются *различные* предложения, то их равным образом окончательно обсуждают съезды обеих партий.

Для ликвидаторов и Троцкого «симпатичны» лишь *европейские* образцы оппортунизма, но вовсе не образцы европейской партийности.

«Детальную тактическую резолюцию» будут вырабатывать думские депутаты!! Русские «передовые рабочие», которыми недаром так недоволен Троцкий, могут наглядно видеть на этом примере, до чего доходит в Вене и в Париже смехотворное прожектерство заграничных группочек, уверивших даже Каутского, что в России «партии нет». Но если иностранцев иногда удастся обмануть на этот счет, то русские «передовые рабочие» (под страхом вызвать новое недовольство грозного Троцкого) рассмеются в лицо этим прожектерам.

«Детальные тактические резолюции, — скажут они им, — вырабатываются у нас партийными съездами и конференциями (не знаем, как у вас, беспартийных), например, 1907, 1908, 1910, 1912 и 1913 годов. Мы с удовольствием познакомим несведущих иностранцев, а также забывчивых русских, с нашими партийными решениями и еще с большим удовольствием попросим представителей «семерки» или «августовцев», или «левиццев», или кого угодно познакомить нас с резолюциями их съездов или конференций, внести на их

будущий съезд определенный вопрос об отношении к нашим резолюциям или к резолюции нейтрального латышского съезда 1914 года и т. д.»

Вот что скажут «передовые рабочие» России разным прожектерам, вот что *уже сказали*, например, в марксистской печати организованные марксисты Петербурга. Троцкому угодно игнорировать эти напечатанные условия для ликвидаторов? Тем хуже для Троцкого. Наш долг — предупредить читателей насчет того, как смешно «объединительное» (по типу августовского «объединения»?) прожектерство, не желающее считаться с волей большинства сознательных рабочих России.

V. ЛИКВИДАТОРСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ТРОЦКОГО

О своих взглядах по существу Троцкий постарался как можно меньше сказать в своем новом журнале. «Путь Правды» (№ 37) уже отметил, что ни по вопросу о подполье, ни о лозунге борьбы за открытую партию и т. д. Троцкий не сказал ни звука *. Вот почему, между прочим, мы говорим о *худшей* фракционности в этом случае, когда обособленная организация хочет возникнуть *без* всякой идейно-политической физиономии.

Но если Троцкий не пожелал изложить своих взглядов прямо, то целый ряд мест его журнала показывает, какие идеи он проводит тайком и пряча их.

В первой же редакционной статье первого номера мы читаем:

«Дореволюционная социал-демократия была у нас только по своей идее, по своим целям *рабочей* партией. В действительности она представляла собой организацию марксистской интеллигенции, которая вела за собой пробуждавшийся рабочий класс» (5).

Это — давно известная либеральная и ликвидаторская песенка, служащая на деле введением к *отрицанию* партии. Песенка эта основана на извращении исторических фактов. Уже стачки 1895—1896 годов создали *массовое* рабочее движение, связанное и идейно и организационно с социал-демократией. И на эти стачки, на экономическую и неэкономическую агитацию «интеллигенция *вела за собой* рабочий класс»!!?

* См. Сочинения, 5 изд., том 25, стр. 1—4; 4 изд., том 20, стр. 140—142. *Ред.*

Или вот точные данные о государственных преступлениях за 1901—1903 годы сравнительно с предыдущей эпохой:

На 100 участников освободительного движения (привлеченных за государственные преступления) было лиц, занимающихся:

Эпохи:	Сельским хозяйством	Промышленностью и торговлей	Либеральными профессиями и учащими	Неопределенных занятий и без занятий
1884—1890	7,1	15,1	53,3	19,9
1901—1903	9,0	46,1	28,7	8,0

Мы видим, что в 80-ые годы, когда *не* было еще социал-демократической партии в России, когда движение было «народническим», преобладала интеллигенция: она дает больше половины участников.

Полное изменение этой картины в 1901—1903 годах, когда уже была социал-демократическая партия, когда вела свою работу старая «Искра». Интеллигенция уже составляет *меньшинство* среди участников движения, *рабочих* («промышленность и торговля») уже гораздо больше, чем интеллигенции, а рабочих и крестьян вместе больше половины всего числа.

Именно в борьбе течений внутри марксизма сказалось мелкобуржуазно-интеллигентское *крыло* социал-демократии, начиная с «экономизма» (1895—1903), продолжая «меньшевизмом» (1903—1908) и «ликвидаторством» (1908—1914). Троцкий повторяет ликвидаторские клеветы на партию, боясь прикоснуться к истории двадцатилетней борьбы течений внутри партии.

Вот другой пример:

«Русская социал-демократия в своем отношении к парламентаризму прошла те же три стадии... (что и в других странах)... сперва «бойкотизм»... далее, принципиальное признание парламентарной тактики, но... (великолепное «но», то самое «но», которое Щедрин переводил фразой: не растут уши выше лба, не растут!)... с чисто агитационными целями... и, наконец, перенесение на думскую трибуну... очередных требований...» (№ 1, стр. 34).

Опять ликвидаторское искажение истории. Различие второй и третьей стадии придумано для того, чтобы тайком провести защиту реформизма и оппортунизма. Бойкотизма, как стадии в «отношении к парламентаризму социал-демократии», не было *ни* в Европе (там был и остался анархизм), *ни* в России, где бойкот, например, булыгинской Думы относился *только* к определенному учреждению, *никогда* не связывался с «парламентаризмом» и был порожден своеобразной борьбой либерализма и марксизма за продолжение натиска. Как эта борьба отразилась на борьбе двух течений внутри марксизма, Троцкий и не заикается!

Если касаться истории, надо разъяснить конкретные вопросы и классовые корни разных течений; кто пожелает по-марксистски изучить борьбу классов и борьбу течений из-за участия в булыгинской Думе, тот увидит там корни либеральной рабочей политики. Но Троцкий «касается» истории, чтобы *обойти* конкретные вопросы и *сочинить* оправдание или подобие оправдания для современных оппортунистов!

«...Фактически всеми течениями, — пишет он, — применяются одни и те же методы борьбы и строительства». — «Крики о либеральной опасности в нашем рабочем движении являются просто грубой сектантской карикатурой на действительность» (№ 1, стр. 5 и 35).

Это очень ясная защита ликвидаторов и очень сердитая. Но мы позволим себе все же взять хоть один маленький факт из тех, что поновее, — Троцкий бросает только фразы, мы бы желали, чтобы рабочие сами обдумывали факт.

Факт — что «Северная Рабочая Газета» в № от 13-го марта писала:

«В место подчеркивания определенной, конкретной задачи, стоящей перед рабочим классом, — заставить Думу отклонить законопроект (о печати), выдвигается расплывчатая формула борьбы за «неурезанные лозунги», наряду с рекламированием нелегальной печати, которое способно только ослабить борьбу рабочих за свою легальную прессу».

Вот документальная, ясная, точная защита ликвидаторской политики и критика правдистской. Что же? найдется ли грамотный человек, который скажет, что оба течения применяют в данном вопросе «одни и те же методы борьбы и строительства»? Найдется ли грамотный человек, который скажет, что ликвидаторы *не* проводят здесь *либеральной* рабочей политики? что либеральная опасность в рабочем движении здесь выдумана?

Троцкий потому и избегает фактов и конкретных указаний, что они беспощадно опровергают все его сердитые возгласы и напыщенные фразы. Конечно, встать в позу и сказать: «грубая сектантская карикатура» — очень легко. Подбавить еще похлестче, еще понапыщеннее словечек о «раскрепощении от консервативной фракционности» тоже не трудно.

Только не очень ли уж это дешево? Не взято ли это оружие из арсенала той эпохи, когда Троцкий блистал перед гимназистами?

«Передовые рабочие», на которых сердит Троцкий, пожелают все же, чтобы им сказали прямо и ясно: одобряете ли вы тот «метод борьбы и строительства», который точно выражен в приведенной оценке конкретной политической кампа-

нии? да или нет? если да, то это есть либеральная рабочая политика, это есть измена марксизму и партии, и говорить о «мире» или о «единстве» с *такой* политикой, с группами, ее проводящими, значит обманывать себя и других.

Нет? — так скажите прямо. А фразами нынешнего рабочего не удивишь, не удовлетворишь и не запугаешь.

Кстати сказать: политика, проповедуемая ликвидаторами в приведенной цитате, даже с либеральной точки зрения глупа, ибо проведение закона в Думе зависит от «земцев-октябристов» типа Беннигсена, уже раскрывшего свои карты в комиссии.

* * *

Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это — типичная фигура для всех тех пяти заграничных группок, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.

Во времена старой «Искры» (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебежавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выроставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней истории марксизма, связанное с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

«Тушинские перелеты» объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем», в 1901—1903 годах, и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 года ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий — ярый меньшевик, т. е. от искровцев перебежавший к «экономистам»; он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904—1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906—1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок

с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, *по сути дела* их же идеи.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию, — одним словом, «державу», толкующую об объединении с другими.

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться *ни* с партийными решениями, которые с 1908 года определили и установили отношение к ликвидаторству, *ни* с опытом современного рабочего движения в России, создавшего на деле *единство* большинства на почве полного признания указанных решений.

Напечатано в мае 1914 г.
в журнале «Просвещение» № 5
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 25, стр. 183—206

О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Параграф девятый программы российских марксистов, говорящий о праве наций на самоопределение, вызвал в последнее время (как мы уже указывали в «Просвещении») * целый поход оппортунистов. И русский ликвидатор Семковский в петербургской ликвидаторской газете, и бундовец Либман, и украинский национал-социал Юркевич — в своих органах обрушились на этот параграф, третируя его с видом величайшего пренебрежения. Нет сомнения, что это «нашествие двенадцати языков» оппортунизма на нашу марксистскую программу стоит в тесной связи с современными националистическими шатаниями вообще. Поэтому подробный разбор поднятого вопроса представляется нам своевременным. Заметим только, что ни единого самостоятельного довода ни один из названных оппортунистов не привел: все они повторяют лишь сказанное Розой Люксембург в ее длинной польской статье 1908—1909 года: «Национальный вопрос и автономия». С «оригинальными» доводами этого последнего автора мы и будем чаще всего считаться в нашем изложении.

1. ЧТО ТАКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИЙ?

Естественно, что этот вопрос становится в первую голову, когда делаются попытки марксистски рассмотреть так называемое самоопределение. Что следует понимать под ним? Искать ли ответа в юридических дефинициях (определениях), выведенных из всяческих «общих понятий» права? Или

* См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 113—150; 4 изд., том 20, стр. 1—34. *Ред.*

ответа надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений?

Неудивительно, что гг. Семковские, Либманы, Юркевичи даже и не догадались поставить этого вопроса, отделяясь простым хихиканьем по поводу «неясности» марксистской программы и, видимо, даже не зная, в своей простоте, что о самоопределении наций говорит не только российская программа 1903 года, но и решение Лондонского международного конгресса 1896 года (об этом подробно в своем месте). Гораздо более удивительно, что Роза Люксембург, много декламирующая по поводу будто бы абстрактности и метафизичности данного параграфа, сама впала именно в этот грех абстрактности и метафизичности. Именно Роза Люксембург постоянно сбивается на общие рассуждения о самоопределении (вплоть даже до совсем забавного умствования о том, как узнать волю нации), не ставя нигде ясно и точно вопроса, в юридических ли определениях суть дела или в опыте национальных движений всего мира?

Точная постановка этого, неизбежного для марксиста, вопроса сразу подорвала бы девять десятых доводов Розы Люксембург. Национальные движения не впервые возникают в России и не одной ей свойственны. Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — *типичным*, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство.

Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не «сочиняя» абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства.

Мы увидим ниже еще другие причины, почему неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное кроме права на отдельное государственное существование. Теперь же мы должны остановиться на том, как Роза Люксембург пыталась «отделаться» от неизбежного вывода о глубоких экономических основаниях стремлений к национальному государству.

Розе Люксембург прекрасно известна брошюра Каутского: «Национальность и интернациональность» (приложение к «Neue Zeit», № 1, 1907—1908; русский перевод в журнале «Научная Мысль», Рига, 1908³¹⁰). Ей известно, что Каутский*, подробно разобрав в § 4 этой брошюры вопрос о национальном государстве, пришел к выводу, что Отто Бауэр «недооценивает силу стремления к созданию национального государства» (стр. 23 цитируемой брошюры). Роза Люксембург цитирует сама слова Каутского: «Национальное государство есть форма государства, *наиболее соответствующая современному*» (т. е. капиталистическим, цивилизованным, экономически-прогрессивным в отличие от средневековых, докапиталистических и проч.) «условиям, есть та форма, в которой оно всего легче может выполнить свои задачи» (т. е. задачи наиболее свободного, широкого и быстрого развития капитализма). К этому надо добавить еще более точное заключительное замечание Каутского, что пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) являются «всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым» (отсталым). Само собою разумеется, что Каутский говорит о ненормальности исключительно в смысле несоответствия тому, что наиболее приспособлено к требованиям развивающегося капитализма.

* В 1916 году, готовя переиздание статьи, В. И. Ленин к этому месту сделал примечание: «Просим читателя не забывать, что Каутский до 1909 г., до его прекрасной брошюры «Путь к власти» был врагом оппортунизма, к защите которого он повернул лишь в 1910—1911 гг., а решительнее всего лишь в 1914—1916 гг.»

Спрашивается теперь, как же отнеслась Роза Люксембург к этим историко-экономическим выводам Каутского. Верны они или неверны? Прав ли Каутский с его историко-экономической теорией или Бауэр, теория которого является, в основе своей, психологической? В чем состоит связь несомненного «национального оппортунизма» у Бауэра, его защиты культурно-национальной автономии, его националистических увлечений («кое-где усиление национального момента», как выразился Каутский), его «громадного преувеличения момента национального и полного забвения момента интернационального» (Каутский), с его недооценкой силы стремления к созданию национального государства?

Роза Люксембург не поставила даже этого вопроса. Она не заметила этой связи. Она не вдумалась в *целое* теоретических взглядов Бауэра. Она совсем даже не противопоставила историко-экономической и психологической теории в национальном вопросе. Она ограничилась следующими замечаниями против Каутского.

«...Это «наилучшее» национальное государство есть только абстракция, легко поддающаяся теоретическому развитию и теоретической защите, но не соответствующая действительности» («Przegląd Socjaldemokratyczny»³¹¹, 1908, № 6, стр. 499).

И в подтверждение этого решительного заявления следуют рассуждения о том, что развитие великих капиталистических держав и империализм делают иллюзорным «право на самоопределение» мелких народов. «Можно ли серьезно говорить, — восклицает Роза Люксембург, — о «самоопределении» формально независимых черногорцев, болгар, румын, сербов, греков, отчасти даже швейцарцев, независимость которых сама является продуктом политической борьбы и дипломатической игры «европейского концерта»?»! (стр. 500). Наилучше соответствует условиям «не государство национальное, как полагает Каутский, а государство хищническое». Приводится несколько десятков цифр о величине колоний, принадлежащих Англии, Франции и пр.

Читая подобные рассуждения, нельзя не подивиться способности автора не понимать, *что к чему!* Поучать с важным видом Каутского тому, что мелкие государства экономически зависят от крупных; что между буржуазными государствами идет борьба из-за хищнического подавления других наций; что существует империализм и колонии, — это какое-то смешное, детское умничание, ибо к делу все это ни малейшего отношения не имеет. Не только маленькие государства, но и Россия, например, целиком зависят экономически от мощи империалистского финансового капитала «богатых» бур-

жуазных стран. Не только балканские миниатюрные государства, но и Америка в XIX веке была, экономически, колонией Европы, как указал еще Маркс в «Капитале»³¹². Все это Каутскому и каждому марксисту, конечно, прекрасно известно, но по вопросу о национальных движениях и о национальном государстве это решительно ни к селу ни к городу.

Роза Люксембург подменила вопрос о политическом самоопределении наций в буржуазном обществе, об их государственной самостоятельности вопросом об их экономической самостоятельности и независимости. Это так же умно, как если бы человек, обсуждающий программное требование о верховенстве парламента, т. е. собрания народных представителей, в буржуазном государстве, принялся выкладывать свое вполне правильное убеждение в верховенстве крупного капитала при всяких порядках буржуазной страны.

Нет сомнения, что большая часть Азии, наиболее населенной части света, находится в положении либо колоний «великих держав» либо государств, крайне зависимых и угнетенных национально. Но разве это общеизвестное обстоятельство колеблет хоть сколько-нибудь тот бесспорный факт, что в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т. е. только в самостоятельном национальном государстве? Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии; мы не знаем, успеет ли Азия, до краха капитализма, сложиться в систему самостоятельных национальных государств, подобно Европе. Но остается неоспоримым, что капитализм, разбудив Азию, вызвал и там повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства. Пример Азии говорит за Каутского, *против* Розы Люксембург.

Пример балканских государств тоже говорит против нее, ибо всякий видит теперь, что наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств.

Следовательно, и пример всего передового цивилизованного человечества, и пример Балкан, и пример Азии доказывают, вопреки Розе Люксембург, безусловную правильность положения Каутского: национальное государство есть правило и «норма» капитализма, пестрое в национальном

отношении государство — отсталость или исключение. С точки зрения национальных отношений, наилучшие условия для развития капитализма представляет, несомненно, национальное государство. Это не значит, разумеется, чтобы такое государство, на почве буржуазных отношений, могло исключить эксплуатацию и угнетение наций. Это значит лишь, что марксисты не могут упускать из виду могучих *экономических* факторов, порождающих стремления к созданию национальных государств. Это значит, что «самоопределение наций» в программе марксистов *не может* иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства.

Какими условиями обставляется, с марксистской, т. е. классовой пролетарской, точки зрения, поддержка буржуазно-демократического требования «национального государства», об этом подробно будет речь ниже. Сейчас мы ограничиваемся определением *понятия* «самоопределения» и должны еще только отметить, что Роза Люксембург *знает* о содержании этого понятия («национальное государство»), тогда как ее оппортунистические сторонники, Либманы, Семковские, Юркевичи, *не знают даже и этого!*

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНКРЕТНАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи.

Что означает это безусловное требование марксизма в применении к нашему вопросу?

Прежде всего оно означает необходимость строго разделить две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма. С одной стороны, это — эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе *все* классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д. С другой стороны, перед нами эпоха вполне сложившихся капиталистических государств, с давно установившимся конституционным строем, с сильно развитым

антагонизмом пролетариата и буржуазии, — эпоха, которую можно назвать кануном краха капитализма.

Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитой капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением.

Конечно, та и другая эпоха не отделены друг от друга стеной, а связаны многочисленными переходными звеньями, причем разные страны отличаются еще быстротой национального развития, национальным составом населения, размещением его и т. д. и т. п. Не может быть и речи о приступе к национальной программе марксистов данной страны без учета всех этих общеисторических и конкретно-государственных условий.

И вот здесь как раз мы натываемся на самое слабое место в рассуждениях Розы Люксембург. Она с необыкновенным усердием украшает свою статью набором «крепких» словечек против § 9 нашей программы, объявляя его «огульным», «шаблоном», «метафизической фразой» и так далее без конца. Естественно было бы ожидать, что писательница, так превосходно осуждающая метафизику (в марксовском смысле, т. е. антидиалектику) и пустые абстракции, даст нам образец конкретно-исторического рассмотрения вопроса. Речь идет о национальной программе марксистов одной определенной страны, России, одной определенной эпохи, начала XX века. Вероятно, Роза Люксембург и ставит вопрос о том, *какую историческую эпоху переживает Россия, каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху?*

Ровнехонько ничего об этом Роза Люксембург не говорит! Ни тени разбора вопроса о том, как стоит национальный вопрос в *России* в данную историческую эпоху, каковы особенности *России* в данном отношении, — вы у нее не найдете!

Нам говорят, что иначе ставится национальный вопрос на Балканах, чем в Ирландии, что Маркс вот так-то оценивал польское и чешское национальное движение в конкретных условиях 1848 года (страница выписок из Маркса), что Энгельс вот так-то оценивал борьбу лесных кантонов Швейцарии против Австрии и битву под Моргартеном, имевшую

место в 1315 году (страничка цитат из Энгельса с соответствующим комментарием из Каутского), что Лассаль считал реакционной крестьянскую войну в Германии в XVI веке и т. п.

Нельзя сказать, чтобы эти замечания и цитаты блистали новизной, но, во всяком случае, читателю интересно еще и еще раз вспомнить, как именно Маркс, Энгельс и Лассаль подходили к разбору конкретно-исторических вопросов отдельных стран. И, перечитывая поучительные цитаты из Маркса и Энгельса, видишь с особенной наглядностью, в какое смешное положение поставила себя Роза Люксембург. Она красноречиво и сердито проповедует необходимость конкретно-исторического анализа национального вопроса в разных странах в разное время, — и она не делает *ни малейшей* попытки определить, *какую* же историческую стадию развития капитализма переживает *Россия* в начале XX века, каковы *особенности* национального вопроса в этой стране. Роза Люксембург показывает примеры, как *другие* разбирали вопрос по-марксистски, точно нарочно подчеркивая этим, как часто благими намерениями мостят ад, добрыми советами прикрывают нежелание или неумение пользоваться ими на деле.

Вот одно из поучительных сопоставлений. Восставая против лозунга независимости Польши, Роза Люксембург ссылается на свою работу 1898 года, доказавшую быстрое «промышленное развитие Польши» с сбытом фабричных продуктов в России. Нечего и говорить, что отсюда еще ровно ничего не следует по вопросу о *праве* на самоопределение, что этим доказано только исчезновение старой шляхетской Польши и т. д. Роза же Люксембург незаметным образом переходит постоянно к тому выводу, будто среди факторов, соединяющих Россию с Польшей, преобладают уже теперь чисто экономические факторы современно-капиталистических отношений.

Но вот переходит наша Роза к вопросу об автономии и — хотя ее статья озаглавлена «Национальный вопрос и автономия» *вообще* — начинает доказывать *исключительное* право королевства Польского на автономию (смотри об этом «Просвещение» 1913 г., № 12*). Чтобы подтвердить право Польши на автономию, Роза Люксембург характеризует государственный строй России по признакам, очевидно, и экономическим, и политическим, и бытовым, и социологиче-

* См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 143—150; 4 изд., том 20, стр. 28—34. *Ред.*

ским — совокупностью черт, которые дают в сумме понятие «азиатского деспотизма» (№ 12 «Przegląd'a», стр. 137).

Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации. Если же в такой стране, в которой государственный строй отличается резко докапиталистическим характером, существует национально отграниченная область с *быстрым* развитием капитализма, то, чем быстрее это капиталистическое развитие, тем сильнее противоречие между ним и докапиталистическим государственным строем, тем вероятнее отделение передовой области от целого, — области, связанной с целым не «современно-капиталистическими», а «азиатско-деспотическими» связями.

Роза Люксембург, таким образом, совершенно не свела концов с концами даже по вопросу о социальной структуре власти в России по отношению к буржуазной Польше, а вопроса о конкретно-исторических особенностях национальных движений в России она даже и не поставила.

На этом вопросе мы и должны остановиться.

3. КОНКРЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ И ЕЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

«...Несмотря на растяжимость принципа «право наций на самоопределение», который является чистейшим общим местом, будучи, очевидно, одинаково применимым не только к народам, живущим в России, но и к нациям, живущим в Германии и Австрии, Швейцарии и Швеции, Америке и Австралии, мы не находим его ни в одной программе современных социалистических партий...» (№ 6 «Przegląd'a», стр. 483).

Так пишет Роза Люксембург в начале своего похода против § 9 марксистской программы. Подсовывая нам понимание этого пункта программы, как «чистейшего общего места», Роза Люксембург сама именно в этот грех и впадает, заявляя с забавной смелостью, будто этот пункт «очевидно, одинаково применим» к России, Германии и т. д.

Очевидно, — ответим мы, — что Роза Люксембург решила дать в своей статье собрание логических ошибок, которые годятся для учебных занятий гимназистов. Ибо тирада Розы Люксембург — сплошь бессмыслица и насмешка над исторически-конкретной постановкой вопроса.

Если толковать марксистскую программу не по-ребячьи, а по-марксистски, то весьма нетрудно смекнуть, что она

относится к буржуазно-демократическим национальным движениям. Раз так, — а это, несомненно, так, — то отсюда «очевидно», что эта программа относится «огульно», как «общее место» и т. д., ко *всем* случаям буржуазно-демократических национальных движений. Не менее очевидным был бы также для Розы Люксембург, при самом небольшом размышлении, тот вывод, что программа наша относится *только* к случаям наличности такого движения.

Подумав над этими очевидными соображениями, Роза Люксембург без особого труда увидела бы, какую бессмыслицу она сказала. Обвиняя *нас* в преподнесении «общего места», она *против нас* приводит тот довод, что о самоопределении наций не говорится в программе тех стран, где *нет* буржуазно-демократических национальных движений. Замечательно умный довод!

Сравнение политического и экономического развития разных стран, а также их марксистских программ имеет громадное значение с точки зрения марксизма, ибо несомненны как общая капиталистическая природа современных государств, так и общий закон развития их. Но подобное сравнение надо производить умеючи. Азбучным условием при этом является выяснение вопроса, *сравнимы* ли исторические эпохи развития сравниваемых стран. Например, аграрную программу российских марксистов могут «сравнивать» с западноевропейскими только полные невежды (подобно князю Е. Трубецкому в «Русской Мысли»³¹³), ибо наша программа дает ответ на вопрос о *буржуазно-демократическом* аграрном преобразовании, о котором и речи нет в западных странах.

То же самое относится к национальному вопросу. В большинстве западных стран он давным-давно решен. Смешно искать ответа на несуществующие вопросы в западных программах. Роза Люксембург упустила здесь из виду как раз самое главное: различие между странами с давно законченными и с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями.

В этом различии весь гвоздь. Полное игнорирование этого различия и превращает длинейшую статью Розы Люксембург в набор пустых, бессодержательных общих мест.

В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом нацио-

нально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западноевропейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий *нашей* эпохи нашего «востока». И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения *целого ряда* буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств. Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе.

Но продолжим еще несколько вышеприведенную цитату из статьи Розы Люксембург:

«...В особенности, — пишет она, — программа партии, которая действует в государстве с чрезвычайно пестрым национальным составом и для которой национальный вопрос играет первостепенную роль, — программа австрийской социал-демократии не содержит принципа о праве наций на самоопределение» (там же).

Итак, читателя хотят убедить «в особенности» примером Австрии. Посмотрим, с конкретно-исторической точки зрения, много ли разумного в этом примере.

Во-1-х, ставим основной вопрос о завершении буржуазно-демократической революции. В Австрии она началась 1848 годом и закончилась 1867. С тех пор почти полвека там господствует установившаяся, в общем и целом, буржуазная конституция, на почве которой легально действует легальная рабочая партия.

Поэтому в внутренних условиях развития Австрии (т. е. с точки зрения развития капитализма в Австрии вообще и в отдельных ее нациях в частности) *нет* факторов, порождающих скачки, одним из спутников каковых может быть образование национально-самостоятельных государств. Предполагая своим сравнением, что Россия находится, по этому пункту, в аналогичных условиях, Роза Люксембург не только делает в корне неверное, антиисторическое допущение, но и скатывается невольно к ликвидаторству.

Во-2-х, особенно большое значение имеет совершенно различное соотношение между национальностями в Австрии и в России по занимающему нас вопросу. Австрия не только была долгое время государством с преобладанием немцев, но австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта «претенция», как может быть

соблаговолит припомнить Роза Люксембург (столь не любящая будто бы общие места, шаблоны, абстракции...), разбита войной 1866 года. Господствующая в Австрии нация, немецкая, оказалась *за пределами* самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно к 1871 году. С другой стороны, попытка венгров создать самостоятельное национальное государство потерпела крушение еще в 1849 году, под ударами русского крепостного войска.

Таким образом создалось чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целостности Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями! Австрия сложилась, в силу этого своеобразного положения, в двухцентровое (дуалистическое) государство, а теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне).

Есть ли что-либо похожее в России? Есть ли у нас тяготение «иностранцев» к соединению с великорусами под угрозой *худшего* национального гнета?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы увидеть, до какой степени сравнение России с Австрией по вопросу о самоопределении наций бессмысленно, шаблонно и невежественно.

Своеобразные условия России, в отношении национального вопроса, как раз противоположны тому, что мы видели в Австрии. Россия — государство с единым национальным центром, великорусским. Великорусы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности приблизительно 70 миллионов человек. Особенность этого национального государства, во-1-х, та, что «иностранцы» (составляющие в целом большинство населения — 57%) населяют как раз окраины; во-2-х, та, что угнетение этих иностранцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских); в-3-х, та, что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства — финнов, шведов, поляков, украинцев, румын); в-4-х, та, что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в «иностранческих» окраинах, чем в центре государства. Наконец, именно в соседних азиатских государствах мы видим начавшуюся полосу буржуазных революций и национальных движений,

захватывающих частью родственные народности в пределах России.

Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

Впрочем, даже с чисто фактической стороны утверждение Розы Люксембург, что в программе австрийских с.-д. нет признания права наций на самоопределение, неверно. Стоит открыть протоколы Брюннского съезда, принявшего национальную программу³¹⁴, и мы увидим там заявления русинского с.-д. Ганкевича от имени всей украинской (русинской) делегации (стр. 85 протоколов) и польского с.-д. Регера от имени всей польской делегации (стр. 108) о том, что австрийские с.-д. обеих указанных наций включают в число своих стремлений стремление к национальному объединению, свободе и самостоятельности своих народов. Следовательно, австрийская социал-демократия, не выставляя прямо в своей программе права наций на самоопределение, в то же время вполне мирится с выставлением *частями* партии требования национальной самостоятельности. Фактически это и значит, разумеется, признавать право наций на самоопределение! Ссылка Розы Люксембург на Австрию оказывается, таким образом, во *всех* отношениях говорящей *против* Розы Люксембург.

4. «ПРАКТИЦИЗМ» В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

С особенным усердием подхватили оппортунисты тот довод Розы Люксембург, что § 9 нашей программы не содержит в себе ничего «практического». Роза Люксембург так восхищена этим доводом, что мы встречаем иногда в ее статье по восьми раз на странице повторение этого «лозунга».

§ 9 «не дает, — пишет она, — никакого практического указания для повседневной политики пролетариата, никакого практического разрешения национальных проблем».

Рассмотрим этот довод, который формулируется еще так, что § 9 либо не выражает ровно ничего, либо обязывает поддерживать все национальные стремления.

Что означает требование «практичности» в национальном вопросе?

Либо поддержку всех национальных стремлений; либо ответ: «да или нет» на вопрос об отделении каждой нации; либо вообще непосредственную «осуществимость» национальных требований,

Рассмотрим все эти три возможных смысла требования «практичности».

Буржуазия, которая естественно выступает в начале всякого национального движения гегемоном (руководителем) его, называет практическим делом поддержку всех национальных стремлений. Но политика пролетариата в национальном вопросе (как и в остальных вопросах) лишь поддерживает буржуазию в определенном направлении, но никогда не совпадает с ее политикой. Рабочий класс поддерживает буржуазию только в интересах национального мира (которого буржуазия не может дать вполне и который осуществим лишь в меру *полной* демократизации), в интересах равноправия, в интересах наилучшей обстановки классовой борьбы. Поэтому как раз *против практицизма* буржуазии пролетарии выдвигают *принципиальную* политику в национальном вопросе, всегда поддерживая буржуазию *лишь условно*. Всякая буржуазия хочет в национальном деле либо привилегий для *своей* нации, либо исключительных выгод для нее; это и называется «практичным». Пролетариат против всяких привилегий, против всякой исключительности. Требовать от него «практицизма» значит идти на поводу буржуазии, впадать в оппортунизм.

Дать ответ: «да или нет» на вопрос об отделении каждой нации? Это кажется требованием весьма «практичным». А на деле оно нелепо, метафизично теоретически, на практике же ведет к подчинению пролетариата политике буржуазии. Буржуазия всегда на первый план ставит свои национальные требования. Ставит их безусловно. Для пролетариата они подчинены интересам классовой борьбы. Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно *в обоих случаях* обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинув его задачи перед задачами «своей» нации. Поэтому пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания *права* на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать *ничего насчет* другой нации.

Пусть это не «практично», но это на деле вернее всего гарантирует наиболее демократическое из возможных решений; пролетариату нужны *только* эти гарантии, а буржуазии каждой нации нужны гарантии *ее* выгод без отношения к положению (к возможным минусам) иных наций.

Буржуазии интереснее всего «осуществимость» данного требования, — отсюда вечная политика сделок с буржуазией

иных наций в ущерб пролетариату. Пролетариату же важно укрепление своего класса против буржуазии, воспитание масс в духе последовательной демократии и социализма.

Пусть это не «практично» для оппортунистов, но это единственная гарантия на деле, гарантия максимального национального равноправия и мира вопреки и феодалам и *националистической буржуазии*.

Вся задача пролетариев в национальном вопросе «непрактична», с точки зрения *националистической буржуазии* каждой нации, ибо пролетарии требуют «абстрактного» равноправия, принципиального отсутствия малейших привилегий, будучи враждебны всякому национализму. Не поняв этого, Роза Люксембург своим неразумным воспеванием практицизма открыла настежь ворота именно для оппортунистов, в особенности для оппортунистических уступок великорусскому национализму.

Почему великорусскому? Потому что великорусы в России нация угнетающая, а в национальном отношении, естественно, оппортунизм выразится иначе среди угнетенных и среди угнетающих наций.

Буржуазия угнетенных наций во имя «практичности» своих требований будет звать пролетариат к безусловной поддержке ее стремлений. Всего практичнее сказать прямое «да», за отделение *такой-то* нации, а не за *право* отделения всех и всяких наций!

Пролетариат против такого практицизма: признавая равноправие и равное право на национальное государство, он выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая *под углом* классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение. Лозунг практицизма есть на деле лишь лозунг некритического перенимания буржуазных стремлений.

Нам говорят: поддерживая право на отделение, вы поддерживаете буржуазный национализм угнетенных наций. Так говорит Роза Люксембург, так повторяет за ней оппортунист Семковский — единственный, кстати сказать, представитель ликвидаторских идей по этому вопросу в ликвидаторской газете!

Мы отвечаем: нет, именно буржуазии важно здесь «практичное» решение, а рабочим важно *принципиальное* выделение двух тенденций. *Поскольку* буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, *постольку* мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. *Поскольку* буржуазия угнетенной нации стоит за *свой* буржуазный национализм, мы

против. Борьба с привилегиями и насилиями нации угнетающей и никакого попустительства стремлению к привилегиям со стороны угнетенной нации.

Если мы не выставим и не проведем в агитации лозунга *права* на отделение, мы сыграем на руку не только буржуазии, но и феодалам и абсолютизму *угнетающей* нации. Этот довод Каутский давно выдвинул против Розы Люксембург, и этот довод неоспорим. Боясь «помочь» националистической буржуазии Польши, Роза Люксембург своим отрицанием *права* на отделение в программе *российских* марксистов помогает *на деле* черносотенцам великорусам. Она помогает на деле оппортунистическому примирению с привилегиями (и хуже, чем привилегиями) великорусов.

Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великорусов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, но более феодален, именно он главный тормоз демократии и пролетарской борьбы. В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы *безусловно* поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности, борясь с стремлением польского буржуа давить еврея и т. д. и т. д.

Это — «непрактично» с точки зрения буржуа и мещанина. Это — единственно практичная и принципиальная и действительно помогающая демократии, свободе, пролетарскому союзу политика в национальном вопросе.

Признание права на отделение за всеми; оценка каждого конкретного вопроса об отделении с точки зрения, устраняющей всякое неравноправие, всякие привилегии, всякую исключительность.

Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения * требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны «высших» классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д.

* Некому Л. Вл. из Парижа это слово кажется немарксистским. Этот Л. Вл. забавно «superklug» (в ироническом переводе на русский: «вумный»). «Вумный» Л. Вл. собирается, видимо, написать исследование об изгнании из нашей программы-минимум (с точки зрения классовой борьбы!) слов: «население», «народ» и т. п.

Великорусские черносотенцы сознательно поддерживают эти предрассудки и разжигают их. Великорусская буржуазия мирится с ними или подлаживается к ним. Великорусский пролетариат не может осуществить *своих* целей, не может расчистить себе пути к свободе, не борясь систематически с этими предрассудками.

Создание самостоятельного и независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, не защищаем никаких привилегий, не защищаем и этой привилегии. Мы боремся на почве данного государства, объединяем рабочих всех наций данного государства, мы не можем ручаться за тот или иной путь национального развития, мы через *все* возможные пути идем к своей классовой цели.

Но идти к этой цели нельзя, не борясь со всяким национализмом и не отстаивая равенства различных наций. Суждено ли, например, Украине составить самостоятельное государство, это зависит от 1000 факторов, не известных заранее. И, не пытаясь *«гадать»* попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украины на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы *воспитываем* массы в духе признания этого права, в духе отрицания *государственных* привилегий какой бы то ни было нации.

В скачках, которые переживали все страны в эпоху буржуазных революций, столкновения и борьба из-за права на национальное государство возможны и вероятны. Мы, пролетарии, заранее объявляем себя *противниками* великорусских привилегий и в этом направлении ведем всю свою пропаганду и агитацию.

Гоняясь за «практицизмом», Роза Люксембург просмотрела *главную* практическую задачу и великорусского и инонационального пролетариата: задачу повседневной агитации и пропаганды против всяких государственно-национальных привилегий, за право, одинаковое право всех наций на свое национальное государство; такая задача наша главная (сейчас) задача в национальном вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций.

Пусть эта пропаганда «непрактична» и с точки зрения великорусов-угнетателей и с точки зрения буржуазии угнетенных наций (и те и другие требуют *определенного* да или нет, обвиняя с.-д. в «неопределенности»). На деле именно эта пропаганда, и только она, обеспечивает действительно

демократическое и действительно социалистическое воспитание масс. Только такая пропаганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное (и безвредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении.

Для более конкретного пояснения этой, единственно пролетарской, политики в национальном вопросе мы рассмотрим отношение к «самоопределению наций» великорусского либерализма и пример отделения Норвегии от Швеции.

5. ЛИБЕРАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОПОРТУНИСТЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Мы видели, что одним из главных своих «козырей» в борьбе против программы российских марксистов Роза Люксембург считает такой довод: признание права на самоопределение равняется поддержке буржуазного национализма угнетенных наций. С другой стороны, говорит Роза Люксембург, если понимать под этим правом только борьбу против всякого насилия по отношению к нациям, то особый пункт программы не нужен, ибо с.-д. вообще против всякого национального насилия и неравноправия.

Первый довод, как неопровержимо указал почти 20 лет тому назад Каутский, сваливает национализм с больной головы на здоровую, ибо, боясь национализма буржуазии угнетенных наций, Роза Люксембург оказывается *на деле* играющей на руку черносотенному национализму великорусов! Второй довод есть, в сущности, боязливое уклонение от вопроса: включает ли или не включает признание национального равноправия признание права на отделение? Если да, то, значит, Роза Люксембург признает принципиальную правильность § 9-го нашей программы. Если нет, значит, она не признает национального равноправия. Уклончивостью и увертками тут делу не поможешь!

Однако лучшей проверкой вышеуказанных и всех подобных доводов является изучение отношения к вопросу *различных классов* общества. Для марксиста такая проверка обязательна. Надо исходить из объективного, надо взять взаимоотношение классов по данному пункту. Не делая этого, Роза Люксембург впадает как раз в тот грех метафизичности, абстрактности, общего места, огульности и пр., в котором она тщетно пытается обвинить своих противников.

Речь идет о программе *российских* марксистов, т. е. марксистов всех национальностей России. Не следует ли взглянуть на позицию *господствующих* классов России?

Позиция «бюрократии» (извиняемся за неточное слово) и феодальных помещиков типа объединенного дворянства общеизвестна. Безусловное отрицание и равноправия национальностей и права на самоопределение. Старый, взятый из времен крепостного права лозунг: самодержавие, православие, народность, причем под последней имеется в виду только великорусская. Даже украинцы объявлены «инородцами», даже их родной язык преследуется.

Взглянем на буржуазию российскую, «призванную» к участию — очень скромному, правда, но все же участию во власти, в системе законодательства и управления «3-го июня». Что октябристы идут на деле за правыми в данном вопросе, об этом тратить много слов не приходится. К сожалению, некоторые марксисты гораздо менее внимания обращают на позицию либеральной великорусской буржуазии, прогрессистов³¹⁵ и кадетов. А между тем, кто не изучит этой позиции и не вдумается в нее, тот неизбежно впадет в грех абстрактности и голословности при обсуждении права наций на самоопределение.

В прошлом году полемика «Правды» с «Речью»³¹⁶ заставила этот главный орган партии к.-д., столь искусный в дипломатическом уклонении от прямого ответа на «неприятные» вопросы, сделать все же некоторые ценные признания. Сыр-бор загорелся из-за всеукраинского студенческого съезда в Львове летом 1913 года³¹⁷. Присяжный «украиновед» или украинский сотрудник «Речи» г. Могилянский поместил статью, в которой осыпал самыми отборными ругательствами («бред», «авантюризм» и пр.) идею сепарации (отделения) Украины, идею, за которую ратовал национал-социал Донцов и которую одобрил названный съезд.

Газета «Рабочая Правда», нисколько не солидаризируясь с г. Донцовым, прямо указав, что он национал-социал, что с ним не согласны многие украинские марксисты, заявила, однако, что *тон «Речи»*, вернее: *принципиальная постановка вопроса «Речи»* совершенно неприлична, недопустима для великорусского демократа или желающего слыть демократом человека*. Пусть «Речь» прямо опровергает гг. Донцовых, но *принципиально* недопустимо великорусскому органу якобы

* См. Сочинения, 5 изд., том 23, стр. 337—338; 4 изд., том 19, стр. 236—237, *Ред.*

демократии забывать о *свободе* отделения, о *праве* на отделение.

Несколько месяцев спустя г. Могилянский в № 331 «Речи» выступил с «объяснениями», узнав из львовской украинской газеты «Шляхи»³¹⁸ о возражениях г. Донцова, который, между прочим, отметил, что «шовинистический выпад «Речи» надлежащим образом запятнала (заклеймила?) только русская с.-д. пресса». «Объяснения» г. Могилянского состояли в том, что он троекратно повторил: «критика рецептов г. Донцова» «ничего общего не имеет с отрицанием права наций на самоопределение».

«Следует сказать, — писал г. Могилянский, — что и «право наций на самоопределение» не является каким-то фетишем (слушайте!!), не допускающим критики: нездоровые условия жизни нации могут порождать нездоровые тенденции в национальном самоопределении, и вскрывать последние еще не значит отрицать право наций на самоопределение».

Как видите, фразы либерала насчет «фетиша» были вполне в духе фраз Розы Люксембург. Было очевидно, что г. Могилянский желал уклониться от прямого ответа на вопрос: признает он или нет право на политическое самоопределение, т. е. на отделение?

И «Пролетарская Правда» (№ 4 от 11 декабря 1913 г.) в упор поставила этот вопрос и г. Могилянскому и к.-д. партии*.

Газета «Речь» поместила тогда (№ 340) неподписанное, т. е. официально-редакционное, заявление, дающее ответ на этот вопрос. Ответ этот сводится к трем пунктам:

1) В § 11 программы к.-д. партии прямо, точно и ясно говорится о «праве свободного *культурного* самоопределения» наций.

2) «Пролетарская Правда», по уверению «Речи», «безнадежно смешивает» самоопределение с сепаратизмом, отделением той или иной нации.

3) «*Действительно, к.-д. никогда и не брались защищать право «отделения наций» от русского государства.*» (См. статью: «Национал-либерализм и право наций на самоопределение» в «Пролетарской Правде» № 12 от 20 декабря 1913 г.**)

Обратим внимание сначала на второй пункт заявления «Речи». Как наглядно показывает он господам Семковским,

* См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 208—210; 4 изд., том 19, стр. 475—477. *Ред.*

** См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 247—249; 4 изд., том 20, стр. 39—41. *Ред.*

Либманам, Юркевичам и прочим оппортунистам, что их крики и толки насчет будто бы «неясности» или «неопределенности» смысла «самоопределения» представляют из себя *на деле*, т. е. по объективному соотношению классов и классово́й борьбы в России, *простой перепев* речей либерально-монархической буржуазии!

Когда «Пролетарская Правда» поставила гг. просвещенным «конституционалистам-демократам» из «Речи» *три* вопроса: 1) отрицают ли они, что во всей истории международной демократии, особенно с половины XIX века, под самоопределением наций разумеется именно политическое самоопределение, право на образование самостоятельного национального государства? 2) отрицают ли они, что известное решение Лондонского международного социалистического конгресса 1896 года имеет тот же смысл? и 3) что Плеханов, еще в 1902 г. писавший о самоопределении, понимал под ним именно политическое самоопределение? — когда «Пролетарская Правда» поставила эти три вопроса, *господа кадеты замолчали!!*

Они не ответили ни слова, потому что им нечего было ответить. Они молча должны были признать, что «Пролетарская Правда» безусловно права.

Крики либералов на тему о неясности понятия «самоопределения», о «безнадежном смешении» его с сепаратизмом у с.-д. есть не что иное, как стремление *запутать* вопрос, уклониться от признания общеустановленного демократией принципа. Если бы гг. Семковские, Либманы и Юркевичи не были так невежественны, они бы посовестились выступать перед рабочими в *либеральном* духе.

Но пойдем дальше. «Пролетарская Правда» заставила «Речь» признать, что слова о «культурном» самоопределении имеют в программе к.-д. смысл именно *отрицания политического* самоопределения.

«Действительно, к.-д. никогда и не брались защищать право «отделения наций» от русского государства» — эти слова «Речи» «Пролетарская Правда» недаром рекомендовала «Новому Времени»³¹⁹ и «Земщине»³²⁰, как образец «лояльности» наших кадетов. Газета «Новое Время» в № 13563, не упуская, конечно, случая вспомнить «жида» и сказать всяческую колкость кадетам, заявила, однако:

«Что для эсдеков составляет аксиому политической мудрости» (т. е. признание права наций на самоопределение, на отделение), «то по нынешним временам даже в кадетской среде начинает возбуждать разногласия».

Кадеты встали принципиально на вполне одинаковую позицию с «Новым Временем», заявив, что они «никогда и не брались защищать право отделения наций от русского государства». В этом и состоит одна из основ *национал-либерализма* кадетов, их близости к Пуришкевичам, их идейно-политической и практически-политической зависимости от этих последних. «Господа кадеты учились истории, — писала «Пролетарская Правда», — и знают прекрасно, к каким, выражаясь мягко, «погромообразным» действиям приводило нередко на практике применение исконного права Пуришкевичей «тащить и не пущать»»³²¹. Прекрасно зная феодальный источник и характер всевластия Пуришкевичей, кадеты тем не менее становятся целиком *на почву* именно этим классом созданных отношений и границ. Прекрасно зная, как много неевропейского, антиевропейского (азиатского, сказали бы мы, если бы это не звучало, как незаслуженное пренебрежение к японцам и китайцам) в отношениях и границах, созданных или определенных этим классом, господа кадеты признают их пределом, его же не преjdeши.

Это и есть приспособление к Пуришкевичам, раболепство перед ними, боязнь поколебать их положение, защита их от народного движения, от демократии. «Это означает на деле, — писала «Пролетарская Правда», — приспособление к интересам крепостников и к худшим националистическим предрассудкам господствующей нации вместо систематической борьбы с этими предрассудками».

Как люди, знакомые с историей и претендующие на демократизм, кадеты не делают даже попытки утверждать, что демократическое движение, характеризующее в наши дни и Восточную Европу и Азию, стремящееся переделать ту и другую по образцу цивилизованных, капиталистических стран, — что это движение должно непременно оставить неизменными границы, определенные феодальной эпохой, эпохой всевластия Пуришкевичей и бесправия широких слоев буржуазии и мелкой буржуазии.

Что вопрос, поднятый полемикой «Пролетарской Правды» с «Речью», вовсе не был только литературным вопросом, что он касался действительной политической злобы дня, это доказала, между прочим, последняя конференция к.-д. партии 23—25 марта 1914 года. В официальном отчете «Речи» (№ 83, 26 марта 1914) об этой конференции читаем:

«Национальные вопросы обсуждались также особенно оживленно. Киевские депутаты, к которым примкнули Н. В. Некрасов и А. М. Колюбакин, указывали, что национальный вопрос есть назревающий крупный фактор, которому необходимо пойти навстречу более решительно, чем это

было прежде. Ф. Ф. Кокошкин указал, однако» (это то самое «однако», которое соответствует щедринскому «но» — «не растут уши выше лба, не растут»), «что и программа и предыдущий политический опыт требуют очень осторожного обращения с «растяжимыми формулами» «политического самоопределения национальностей»».

Это в высшей степени замечательное рассуждение на кадетской конференции заслуживает громадного внимания всех марксистов и всех демократов. (Заметим в скобках, что «Киевская Мысль»³²², видимо, очень хорошо осведомленная и, несомненно, правильно передающая мысли г. Кокошкина, добавила, что он специально выдвигал, конечно в виде предостережения своим оппонентам, угрозу «распада» государства.)

Официальный отчет «Речи» составлен виртуозно-дипломатически, чтобы возможно меньше поднять завесу, чтобы возможно больше скрыть. Но все же в основных чертах ясно, что произошло на кадетской конференции. Делегаты — либеральные буржуа, знакомые с положением дел в Украине, и «левые» кадеты поставили вопрос *именно о политическом* самоопределении наций. Иначе г-ну Кокошкину незачем было бы призывать к «осторожному обращению» с этой «формулой».

В программе кадетов, которая, разумеется, была известна делегатам кадетской конференции, стоит именно *не* политическое, а «культурное» самоопределение. Значит, г. Кокошкин *защищал* программу от делегатов с Украины, от левых кадетов, защищал «культурное» самоопределение *против* «политического». Совершенно очевидно, что, восставая против «политического» самоопределения, выдвигая угрозу «распада государства», называя формулу «политического самоопределения» «растяжимой» (вполне в духе Розы Люксембург!), г. Кокошкин защищал великорусский национал-либерализм против более «левых» или более демократических элементов к.-д. партии и против украинской буржуазии.

Г-н Кокошкин победил на кадетской конференции, как это видно из предательского словечка «однако» в отчете «Речи». Великорусский национал-либерализм восторжествовал среди кадетов. Не поможет ли эта победа прояснению умов тех неразумных единиц среди марксистов России, которые тоже начали бояться, вслед за кадетами, «растяжимых формул политического самоопределения национальностей»?

Посмотрим, «однако», по существу дела, на ход мыслей г-на Кокошкина. Ссылаясь на «предыдущий политический опыт» (т. е., очевидно, на опыт пятого года, когда великорусская буржуазия испугалась за свои национальные

привилегии и испугала своим испугом кадетскую партию), выдвигая угрозу «распада государства», г. Кокошкин обнаружил прекрасное понимание того, что политическое самоопределение не может означать ничего другого, кроме как права на отделение и на образование самостоятельного национального государства. Спрашивается, как следует смотреть на эти опасения г-на Кокошкина с точки зрения демократии, вообще, и с точки зрения пролетарской классовой борьбы, в особенности?

Г-н Кокошкин хочет уверить нас, что признание права на отделение увеличивает опасность «распада государства». Это — точка зрения будочника Мымрецова с его девизом: «тащить и не пущать». С точки зрения демократии вообще как раз наоборот: признание права на отделение *уменьшает* опасность «распада государства».

Г-н Кокошкин рассуждает совершенно в духе националистов. На своем последнем съезде они громили украинцев-«мазепинцев». Украинское движение — восклицал г. Савенко и К^о — грозит ослаблением связи Украины с Россией, ибо Австрия украинофильством укрепляет связь украинцев с Австрией!! Оставалось непонятным, почему же Россия не может попробовать «укрепить» связь украинцев с Россией *тем же методом*, который гг. Савенки ставят в вину Австрии, т. е. предоставлением украинцам свободы родного языка, самоуправления, автономного сейма и т. п.?

Рассуждения гг. Савенко и гг. Кокошкиных совершенно однородны и одинаково смешны и нелепы с чисто логической стороны. Не ясно ли, что чем больше свободы будет иметь украинская национальность в той или другой стране, тем прочнее будет связь этой национальности с данной страной? Кажется, нельзя спорить против этой азбучной истины, если не порвать решительно со всеми посылками демократизма. А может ли быть большая свобода национальности, как таковой, чем свобода отделения, свобода образования самостоятельного национального государства?

Чтобы разъяснить еще более этот, запутываемый либералами (и теми, кто по неразумению перепевает их) вопрос, приведем самый простой пример. Возьмем вопрос о разводе. Роза Люксембург пишет в своей статье, что централизованное демократическое государство, вполне мирясь с автономией отдельных частей, должно оставить в ведении центрального парламента все важнейшие отрасли законодательства и, между прочим, законодательство о разводе. Эта заботливость об обеспечении центральной властью демократического государства свободы развода вполне понятна.

Реакционеры против свободы развода, призывая к «осторожному обращению» с ней и крича, что она означает «распад семьи». Демократия же полагает, что реакционеры лицемерят, защищая на деле всевластие полиции и бюрократии, привилегии одного пола и худшее угнетение женщины; — что на деле свобода развода означает не «распад» семейных связей, а, напротив, укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях.

Обвинять сторонников свободы самоопределения, т. е. свободы отделения, в поощрении сепаратизма — такая же глупость и такое же лицемерие, как обвинять сторонников свободы развода в поощрении разрушения семейных связей. Подобно тому, как в буржуазном обществе против свободы развода выступают защитники привилегий и продажности, на которых строится буржуазный брак, так в капиталистическом государстве отрицание свободы самоопределения, т. е. отделения наций, означает лишь защиту привилегий господствующей нации и полицейских приемов управления в ущерб демократическим.

Несомненно, что политиканство, вызываемое всеми отношениями капиталистического общества, вызывает иногда крайне легкомысленную и даже просто вздорную болтовню парламентариев или публицистов об отделении той или иной нации. Но только реакционеры могут давать себя запугать (или прикидываться, будто они запуганы) подобной болтовней. Кто стоит на точке зрения демократии, т. е. решения государственных вопросов массой населения, тот прекрасно знает, что от болтовни политиканов до решения масс — «дистанция огромного размера»³²³. Массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимущества крупного рынка и крупного государства, и на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения. А в подобном случае интересы капиталистического развития и свободы классовой борьбы будут именно на стороне отделяющихся.

Итак, с какой стороны ни подойти к рассуждениям г-на Кокошкина, они оказываются верхом нелепости и насмешкой над принципами демократии. Но известная логика в этих рассуждениях есть; это — логика классовых интересов великорусской буржуазии. Г-н Кокошкин, как и большинство партии к.-д., — лакей денежного мешка этой буржуазии. Он защищает ее привилегии вообще, ее *государственные*

привилегии в особенности, защищает их вместе с Пуришкевичем, рядом с ним, — только Пуришкевич больше верит в крепостную дубину, а Кокошкин с К^о видят, что дубина эта пятым годом сильно надломана, и полагаются более на буржуазные средства надувания масс, например, на запугивания мещан и крестьян призраком «распада государства», на обман их фразами о соединении «народной свободы» с историческими устоями и т. д.

Реальное классовое значение либеральной вражды к принципу политического самоопределения наций — одно и только одно: национал-либерализм, отстаивание государственных привилегий великорусской буржуазии. И российские оппортунисты среди марксистов, ополчившиеся именно теперь, в эпоху третьеиюньской системы, против права наций на самоопределение, все эти: ликвидатор Семковский, бундист Либман, украинский мелкий буржуа Юркевич, *на деле* просто плетутся в хвосте национал-либерализма, развращают рабочий класс национал-либеральными идеями.

Интересы рабочего класса и его борьбы против капитализма требуют полной солидарности и теснейшего единства рабочих всех наций, требуют отпора националистической политике буржуазии какой бы то ни было национальности. Поэтому уклонением от задач пролетарской политики и подчинением рабочих политике буржуазной явилось бы как то, если бы с.-д. стали отрицать право самоопределения, т. е. право отделения угнетенных наций, так и то, если бы с.-д. взялись поддерживать все национальные требования буржуазии угнетенных наций. Наемному рабочему все равно, будет ли его преимущественным эксплуататором великорусская буржуазия предпочтительно перед инородческой или польская предпочтительно перед еврейской и т. д. Наемный рабочий, сознавший интересы своего класса, равнодушен и к государственным привилегиям капиталистов великорусских и к посулам капиталистов польских или украинских, что водворится рай на земле, когда они будут обладать государственными привилегиями. Развитие капитализма идет и будет идти вперед, так или иначе, и в едином пестром государстве и в отдельных национальных государствах.

Во всяком случае наемный рабочий останется объектом эксплуатации, и успешная борьба против нее требует независимости пролетариата от национализма, полной, так сказать, нейтральности пролетариев в борьбе буржуазии разных наций за первенство. Малейшая поддержка пролетариатом какой-либо нации привилегий «своей» национальной буржуазии вызовет неизбежно недоверие пролетариата

другой нации, ослабит интернациональную классовую солидарность рабочих, разъединит их на радость буржуазии. А отрицание права на самоопределение, или на отделение, неизбежно означает на практике поддержку привилегий господствующей нации.

Мы еще нагляднее можем убедиться в этом, если возьмем конкретный пример отделения Норвегии от Швеции.

6. ОТДЕЛЕНИЕ НОРВЕГИИ ОТ ШВЕЦИИ

Роза Люксембург берет именно этот пример и рассуждает по поводу его следующим образом:

«Последнее событие в истории федеративных отношений, отделение Норвегии от Швеции, — в свое время торопливо подхваченное социал-патриотичной польской печатью (см. краковский «Напшуд») как отрадное проявление силы и прогрессивности стремлений к государственному отделению, — немедленно превратилось в разительное доказательство того, что федерализм и вытекающее из него государственное отделение отнюдь не являются выражением прогрессивности или демократизма. После так называемой норвежской «революции», которая состояла в смещении и удалении из Норвегии шведского короля, норвежцы преспокойно выбрали себе другого короля, формально отвергнув народным голосованием проект учреждения республики. То, что поверхностные поклонники всяких национальных движений и всяческих подобию независимости провозгласили «революцией», было простым проявлением крестьянского и мелкобуржуазного партикуляризма, желания за свои деньги иметь «собственного» короля вместо навязанного шведской аристократией, а следовательно, было движением, не имеющим решительно ничего общего с революционностью. Вместе с тем эта история разрыва шведско-норвежской унии снова доказала, до какой степени и в данном случае федерация, существовавшая до тех пор, была только выражением чисто династических интересов, а следовательно, формой монархизма и реакции» («Пшеглонд»).

Это — буквально все, что говорит Роза Люксембург по данному пункту!! И, надо признаться, трудно было бы рельефнее обнаружить беспомощность своей позиции, чем сделала это Роза Люксембург в данном примере.

Вопрос шел и идет о том, необходима ли для с.-д. в пестром национальном государстве программа, признающая право на самоопределение или на отделение.

Что же говорит нам по этому вопросу взятый самой Розой Люксембург пример Норвегии?

Наш автор вертится и виляет, остроумничает и шумит против «Напшуда»³²⁴, но на вопрос не отвечает!! Роза Люксембург говорит о чем угодно, чтобы *не сказать ни слова* по существу вопроса!!

Несомненно, что норвежские мелкие буржуа, пожелав за свои деньги иметь своего короля и провалив народным

голосованием проект учреждения республики, обнаружили весьма дурные мещанские качества. Несомненно, что «Напшуд», если он не заметил этого, обнаружил столь же дурные и столь же мещанские качества.

Но при чем все это??

Ведь речь шла о праве наций на самоопределение и об отношении социалистического пролетариата к этому праву! Почему же Роза Люксембург не отвечает на вопрос, а ходит кругом да около?

Говорят, для мыши сильнее кошки зверя нет. Для Розы Люксембург, видимо, сильнее «фрака» зверя нет. «Фраками» зовут в просторечии «польскую социалистическую партию»³²⁵, так называемую революционную фракцию, и краковская газетка «Напшуд» разделяет идеи этой «фракции». Борьба Розы Люксембург с национализмом этой «фракции» до того ослепила нашего автора, что из его кругозора исчезает все, кроме «Напшуда».

Если «Напшуд» говорит: «да», Роза Люксембург считает своим священным долгом немедленно провозгласить: «нет», совершенно не думая, что таким приемом она обнаруживает не свою независимость от «Напшуда», а, как раз напротив, свою забавную зависимость от «фраков», свою неспособность взглянуть на вещи с точки зрения немного более глубокой и широкой, чем точка зрения краковского муравейника. «Напшуд», конечно, очень плохой и вовсе не марксистский орган, но это не должно помешать нам разобрать по существу пример Норвегии, раз мы его взяли.

Чтобы разобрать этот пример по-марксистски, мы должны остановиться не на дурных качествах ужасно страшных «фраков», а, во-1-х, на конкретных исторических особенностях отделения Норвегии от Швеции и, во-2-х, на том, каковы были задачи *пролетариата* обеих стран при этом отделении.

Норвегию сближают с Швецией связи географические, экономические и языковые не менее тесные, чем связи многих невеликорусских славянских наций с великорусами. Но союз Норвегии с Швецией был недобровольный, так что о «федерации» Роза Люксембург говорит совсем зря, просто потому, что она не знает, что сказать. Норвегию *отдали* Швеции монархи во время наполеоновских войн, вопреки воле норвежцев, и шведы должны были ввести войска в Норвегию, чтобы подчинить ее себе.

После этого в течение долгих десятилетий, несмотря на чрезвычайно широкую автономию, которой пользовалась Норвегия (свой сейм и т. д.), трения между Норвегией и

Швецией существовали непрерывно, и норвежцы всеми силами стремились сбросить с себя иго шведской аристократии. В августе 1905 года они, наконец, и сбросили его: норвежский сейм постановил, что король шведский перестал быть королем норвежским, а произведенный затем референдум, опрос норвежского народа, дал подавляющее большинство голосов (около 200 тысяч против нескольких сот) за полное отделение от Швеции. Шведы, после некоторых колебаний, примирились с фактом отделения.

Этот пример показывает нам, на какой почве возможны и бывают случаи отделения наций при современных экономических и политических отношениях и какую *форму* принимает иногда отделение в обстановке политической свободы и демократизма.

Ни один социал-демократ, если он не решится объявить безразличными для себя вопросы политической свободы и демократизма (а в таком случае, разумеется, он перестал бы быть социал-демократом), не сможет отрицать, что этот пример *фактически* доказывает *обязательность* для сознательных рабочих систематической пропаганды и подготовки того, чтобы возможные столкновения из-за отделения наций решались *только так*, как они разрешены были в 1905 г. между Норвегией и Швецией, а не «по-русски». Это именно и выражается программным требованием признания права наций на самоопределение. И Розе Люксембург пришлось отговариваться от неприятного для ее теории факта посредством грозных нападок на мещанство норвежских мещан и на краковский «Напшуд», ибо она прекрасно понимала, до какой степени *бесповоротно опровергает* этот исторический факт ее фразы, будто право самоопределения наций есть «утопия», будто оно равняется праву «есть на золотых тарелках» и т. п. Такие фразы выражают лишь убого-самодовольную, оппортунистическую веру в неизменность данного соотношения сил между национальностями Восточной Европы.

Пойдем далее. В вопросе о самоопределении наций, как и во всяком другом вопросе, нас интересует прежде всего и более всего самоопределение пролетариата внутри наций. Роза Люксембург обошла скромненько и этот вопрос, чувствуя, как неприятен для ее «теории» разбор его на взятом ею примере Норвегии.

Какова была и должна была быть позиция норвежского и шведского пролетариата в конфликте из-за отделения? Сознательные рабочие Норвегии голосовали бы, конечно,

после отделения за республику*, и если были социалисты, голосовавшие иначе, то это лишь доказывает, как много иногда тупого, мещанского оппортунизма в европейском социализме. Об этом не может быть двух мнений, и мы касаемся данного пункта лишь потому, что Роза Люксембург пытается замять суть дела разговорами *не на тему*. По вопросу об отделении мы не знаем, обязывала ли социалистическая норвежская программа норвежских с.-д. держаться одного определенного мнения. Допустим, что нет, что норвежские социалисты оставляли открытым вопрос о том, насколько достаточна была для свободной классовой борьбы автономия Норвегии и насколько тормозили свободу хозяйственной жизни вечные трения и конфликты с шведской аристократией. Но что норвежский пролетариат должен был идти против этой аристократии за норвежскую крестьянскую демократию (при всех мещанских ограниченностях последней), это неоспоримо.

А шведский пролетариат? Известно, что шведские помещики, споспешествуемые шведскими попами, проповедовали войну против Норвегии, и так как Норвегия гораздо слабее Швеции, так как она испытывала уже шведское нашествие, так как шведская аристократия имеет очень сильный вес в своей стране, то проповедь эта была очень серьезной угрозой. Можно ручаться, что шведские Кокошкины долго и усердно развращали шведские массы призывами к «осторожному обращению» с «растяжимыми формулами политического самоопределения наций», размалевыванием опасностей «распада государства» и уверениями в совместимости «народной свободы» с устоями шведской аристократии. Не подлежит ни малейшему сомнению, что шведская социал-демократия изменила бы делу социализма и делу демократии, если бы она не боролась изо всех сил и с помещичьей и с «кокошкинской» идеологией и политикой, если бы она не отстаивала *помимо* равноправия наций вообще (признаваемого и Кокошкиными) права наций на самоопределение, свободы отделения Норвегии.

Тесный союз норвежских и шведских рабочих, их полная товарищеская классовая солидарность *выигрывала* от этого признания шведскими рабочими права норвежцев на отделение. Ибо норвежские рабочие убеждались в том, что шведские не заражены шведским национализмом, что братство

* Если большинство норвежской нации было за монархию, а пролетариат за республику, то перед норвежским пролетариатом, вообще говоря, открывалось два пути: или революция, если условия для нее назрели, или подчинение большинству и длительная работа пропаганды и агитации.

с норвежскими пролетариями для них выше, чем привилегии шведской буржуазии и аристократии. Разрушение связей, навязанных Норвегии европейскими монархами и шведскими аристократами, усилило связи между норвежскими и шведскими рабочими. Шведские рабочие доказали, что через все перипетии буржуазной политики — вполне возможно на почве буржуазных отношений возрождение насильственного подчинения норвежцев шведам! — они сумеют сохранить и отстоять полное равноправие и классовую солидарность рабочих обеих наций в борьбе и против шведской и против норвежской буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неосновательны и просто даже несерьезны попытки, делаемые иногда «фраками», «использовать» наши разногласия с Розой Люксембург против польской социал-демократии. «Фраки» — не пролетарская, не социалистическая, а мелкобуржуазная националистическая партия, нечто вроде польских социал-революционеров. Ни о каком единстве российских с.-д. с этой партией никогда не было и не могло быть речи. Наоборот, ни один российский социал-демократ никогда не «раскаивался» в сближении и соединении с польскими с.-д. Польской социал-демократии принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями. Но эта заслуга польских с.-д. является великой заслугой не благодаря тому обстоятельству, что Роза Люксембург наговорила вздору против § 9 российской марксистской программы, а вопреки этому печальному обстоятельству.

Для польских с.-д. «право самоопределения», конечно, не имеет такого важного значения, как для русских. Вполне понятно, что борьба с националистически ослепленной мелкой буржуазией Польши заставила с.-д. поляков с особенным (иногда, может быть, чуточку чрезмерным) усердием «перегибать палку». Ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они против отделения Польши. Ошибку делают эти с.-д. лишь тогда, когда пробуют — подобно Розе Люксембург — отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе *российских* марксистов.

Это значит, в сущности, переносить отношения, понятные с точки зрения краковского горизонта, на масштаб всех народов и наций России, великороссов в том числе. Это значит быть «польскими националистами наыворот», а не российскими, не интернациональными социал-демократами.

Ибо интернациональная социал-демократия стоит именно на почве признания права наций на самоопределение. К этому мы теперь и переходим.

7. РЕШЕНИЕ ЛОНДОНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА 1896 ГОДА

Решение это гласит:

«Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения (Selbstbestimmungsrecht) всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, национального или другого абсолютизма; конгресс призывает рабочих всех этих стран вступать в ряды сознательных (Klassenbewusste = сознающих интересы своего класса) рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии» *.

Как мы уже указывали, наши оппортунисты, гг. Семковский, Либман, Юркевич, просто-таки не знают об этом решении. Но Роза Люксембург знает и приводит его полный текст, в котором стоит то же выражение, что и в нашей программе: «самоопределение».

Спрашивается, как же устраняет Роза Люксембург это препятствие, лежащее на пути ее «оригинальной» теории?

О, совсем просто: ...центр тяжести здесь во второй части резолюции... декларативный характер ее... только по недоразумению можно на нее ссылаться!!

Беспомощность и растерянность нашего автора просто поразительны. Обыкновенно на декларативный характер последовательных демократических и социалистических программных пунктов указывают одни оппортунисты, трусливо уклоняясь от прямой полемики против них. Видимо, недаром на этот раз Роза Люксембург оказалась в печальной компании гг. Семковских, Либмана и Юркевича. Прямо заявить Роза Люксембург не решается, считает ли она приведенную резолюцию правильной или ошибочной. Она увертывается и прячется, как бы рассчитывая на такого невнимательного и незнающего читателя, который забывает первую часть резолюции, дочитывая до второй, или никогда не слышал о

* См. официальный немецкий отчет о Лондонском конгрессе: «Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen sozialistischen Arbeiter- und Gewerkschafts-Kongresses zu London, vom 27. Juli bis 1. August 1896», Berlin, 1896, S. 18 («Протоколы и постановления международного конгресса социалистических рабочих партий и профессиональных союзов в Лондоне, с 27 июля по 1 августа 1896», Берлин, 1896, стр. 18. *Ред.*). Есть русская брошюра с решениями международных конгрессов, где вместо «самоопределения» переведено неправильно: «автономия».

дебатах в социалистической печати *перед* Лондонским конгрессом.

Но Роза Люксембург очень ошибается, если воображает, что ей удастся, перед сознательными рабочими России, так легко наступить ногой на резолюцию Интернационала по важному принципиальному вопросу, не соблаговолывая даже критически разобрать ее.

В дебатах перед Лондонским конгрессом — главным образом на страницах журнала немецких марксистов «Die Neue Zeit» — была выражена точка зрения Розы Люксембург, *и эта точка зрения, по существу, потерпела поражение перед Интернационалом!* Вот в чем суть дела, которую в особенности должен иметь в виду русский читатель.

Дебаты велись по поводу вопроса о независимости Польши. Три точки зрения были высказаны:

1) Точка зрения «фраков», от имени которых выступал Геккер. Они хотели, чтобы Интернационал *своей* программой признал требование независимости Польши. Это предложение не было принято. Эта точка зрения потерпела поражение перед Интернационалом.

2) Точка зрения Розы Люксембург: польские социалисты не должны требовать независимости Польши. О провозглашении права наций на самоопределение с этой точки зрения не могло быть и речи. Эта точка зрения тоже потерпела поражение пред Интернационалом.

3) Точка зрения, которую тогда всего обстоятельнее развивал К. Каутский, выступая против Розы Люксембург и доказывая крайнюю «односторонность» ее материализма. С этой точки зрения, Интернационал не может в настоящее время ставить своей программой независимость Польши, но польские социалисты — говорил Каутский — вполне могут выставлять подобное требование. С точки зрения социалистов, безусловно ошибочно игнорировать задачи национального освобождения в обстановке национального гнета.

В резолюции Интернационала и воспроизведены самые существенные, основные положения этой точки зрения: с одной стороны, совершенно прямое и недопускающее никаких кривотолков признание полного права на самоопределение за всеми нациями; с другой стороны, столь же недвусмысленный призыв рабочих к *интернациональному* единству их классовой борьбы.

Мы думаем, что эта резолюция совершенно правильна и что для стран Восточной Европы и Азии в начале XX века именно эта резолюция и именно в неразрывной связи обеих

своих частей дает единственно правильную директиву пролетарской классовой политики в национальном вопросе.

Остановимся несколько подробнее на трех вышеуказанных точках зрения.

Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской * 326.

Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего *исключительного* революционного значения.

Если ППС («Польская социалистическая партия», нынешние «фраки») пыталась в 1896 году «закрепить» точку зрения Маркса *иной эпохи*, то это означало уже использование *буквы* марксизма против *духа* марксизма. Поэтому совершенно правы были польские социал-демократы, когда они выступили против националистических увлечений польской мелкой буржуазии, показали второстепенное значение на-

* Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863 года — позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии. (Ср. «Историческая Польша и великорусская демократия» Драгоманова.) Драгоманов вполне заслужил восторженные поцелуи, которыми впоследствии награждал его ставший уже национал-либералом г. П. Б. Струве.

ционального вопроса для польских рабочих, создали впервые чисто пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе.

Значило ли это, однако, что Интернационал в начале XX века мог признать излишним для Восточной Европы и для Азии принцип политического самоопределения наций? их права на отделение? Это было бы величайшим абсурдом, который равнялся бы (теоретически) признанию законченного буржуазно-демократического преобразования государств турецкого, российского, китайского; — который равнялся бы (практически) оппортунизму по отношению к абсолютизму.

Нет. Для Восточной Европы и Азии, в эпоху начавшихся буржуазно-демократических революций, в эпоху пробуждения и обострения национальных движений, в эпоху возникновения самостоятельных пролетарских партий, задача этих партий в национальной политике должна быть двусторонняя: признание права на самоопределение за всеми нациями, ибо буржуазно-демократическое преобразование еще не закончено, ибо рабочая демократия последовательно, серьезно и искренне, не по-либеральному, не по-кокошкински, отстаивает равноправие наций, — и теснейший, неразрывный союз классовой борьбы пролетариев всех наций данного государства, на все и всяческие перипетии его истории, при всех и всяческих переделках буржуазией границ отдельных государств.

Именно эту двустороннюю задачу пролетариата формулирует резолюция Интернационала 1896 года. Именно такова, в ее принципиальных основах, резолюция летнего совещания российских марксистов 1913 года. Есть люди, которым кажется «противоречивым», что эта резолюция в 4-ом пункте, признавая право на самоопределение, на отделение, как будто бы «дает» максимум национализму (на деле в признании *права* на самоопределение *всех* наций есть максимум *демократизма* и минимум национализма), — а в пункте 5-ом предостерегает рабочих против националистических лозунгов какой бы то ни было буржуазии и требует единства и слияния рабочих всех наций в интернационально-единых пролетарских организациях. Но видеть здесь «противоречие» могут лишь совсем плоские умы, не способные понять, например, почему единство и классовая солидарность шведского и норвежского пролетариата *выиграли*, когда шведские рабочие отстаивали свободу отделения Норвегии в самостоятельное государство.

8. УТОПИСТ КАРЛ МАРКС И ПРАКТИЧНАЯ РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

Объявляя «утопией» независимость Польши и повторяя это до тошноты часто, Роза Люксембург иронически восклицает: почему бы не ставить требование независимости Ирландии?

Очевидно, «практичной» Розе Люксембург неизвестно, как относился К. Маркс к вопросу о независимости Ирландии. На этом стоит остановиться, чтобы показать анализ *конкретного* требования национальной независимости с действительно-марксистской, а не оппортунистической точки зрения.

Маркс имел обыкновение «щупать зуб», как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их сознательность и убежденность³²⁷. Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 5 июля 1870 года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте, но добавляет при этом:

«...Слабый пункт: *Польша*. По этому пункту Лопатин говорит совершенно так же, как англичанин — скажем, английский чартист старой школы — об Ирландии»³²⁸.

Социалиста, принадлежащего к угнетающей нации, Маркс расспрашивает об его отношении к угнетенной нации и сразу вскрывает *общий* социалистам господствующих наций (английской и русской) недостаток: непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным, пережевывание предрассудков, перенятых от «великодержавной» буржуазии.

Надо оговориться, прежде чем переходить к положительным заявлениям Маркса об Ирландии, что к национальному вопросу вообще Маркс и Энгельс относились строго критически, оценивая условно-историческое значение его. Так, Энгельс писал Марксу 23 мая 1851 года, что изучение истории приводит его к пессимистическим выводам насчет Польши, что значение Польши временное, только до аграрной революции в России. Роль поляков в истории — «смелые глупости». «Ни на минуту нельзя предположить, что Польша, даже только против России, с успехом представляет прогресс или имеет какое-либо историческое значение». В России больше элементов цивилизации, образования, индустрии, буржуазии, чем в «шляхетско-сонной Польше». «Что значат Варшава и Краков против Петербурга, Москвы, Одессы!»³²⁹. Энгельс не верит в успех восстаний польских шляхтичей.

Но все эти мысли, в которых так много гениально-прозорливого, нисколько не помешали Энгельсу и Марксу, 12 лет спустя, когда Россия все еще спала, а Польша кипела, от-

нестись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению.

В 1864 году, составляя адрес Интернационала, Маркс пишет Энгельсу (4 ноября 1864 года), что приходится бороться с национализмом Мадзини. «Когда в адресе речь идет об интернациональной политике, я говорю о странах, а не о национальностях и разоблачаю Россию, а не менее важные государства», — пишет Маркс. По сравнению с «рабочим вопросом» подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Но от игнорирования национальных движений его теория далека, как небо от земли.

Наступает 1866 год. Маркс пишет Энгельсу про «прудоновскую клику» в Париже, которая «объявляет национальности бессмыслицей и нападает на Бисмарка и Гарибальди. Как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и объяснима. Но когда верующие в Прудона (к ним принадлежат также мои здешние добрые друзья, Лафарг и Лонге) думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смирно на своей задней, пока господа во Франции отменят нищету и невежество... то они смешны» (письмо от 7 июня 1866 г.).

«Вчера, — пишет Маркс 20 июня 1866 г., — были прения в Совете Интернационала о теперешней войне... Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о «национальностях» и о нашем отношении к нему... Представители «молодой Франции» (*нерабочие*) выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и самая нация — устарелые предрассудки. Прудонистское штирнерианство... Весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции... Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам по-французски, т. е. на языке, непонятном для $\frac{9}{10}$ собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией»³³⁰.

Вывод из всех этих критических замечаний Маркса ясен: рабочий класс меньше всего может создать себе фетиш из национального вопроса, ибо развитие капитализма не обязательно пробуждает к самостоятельной жизни *все* нации. Но, раз возникли массовые национальные движения, отмахнуться от них, отказаться от поддержки прогрессивного в них — значит на деле поддаться *националистическим* предрассудкам, именно: признать «свою» нацию «образцовой нацией» (или,

добавим от себя, нацией, обладающей исключительной привилегией на государственное строительство) *.

Но вернемся к вопросу о Ирландии.

Всего яснее позиция Маркса по этому вопросу выражена в следующих отрывках из его писем:

«Демонстрацию английских рабочих в пользу фенианизма я старался вызвать всяческими способами... Прежде я считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Теперь я считаю его неизбежным, хотя бы после отделения дело и пришло к федерации». Так писал Маркс в письме к Энгельсу от 2-го ноября 1867 года.

В письме от 30-го ноября того же года он добавлял:

«Что мы должны советовать *английским* рабочим? По моему мнению, они должны сделать пунктом своей программы Rereal (разрыв) союза» (Ирландии с Англией, т. е. отделение Ирландии от Англии) — «короче говоря, требование 1783 года, только демократизированное и приноровленное к современным условиям. Это — единственно легальная форма ирландского освобождения и потому единственно возможная для принятия в программу *английской* партии. Опыт впоследствии должен показать, сможет ли существовать длительно простая личная уния между обеими странами...

...Ирландцам необходимо следующее:

1. Самоуправление и независимость от Англии.
2. Аграрная революция...»

Придавая громадную важность вопросу об Ирландии, Маркс читал в немецком рабочем союзе полтора часовые доклады на эту тему (письмо от 17 декабря 1867 г.)³³³.

Энгельс отмечает в письме от 20-го ноября 1868 г. «ненависть к ирландцам среди английских рабочих», а почти год спустя (24 октября 1869 г.), возвращаясь к этой теме, он пишет:

«От Ирландии до России il n'y a qu'un pas (один только шаг)... На примере ирландской истории можно видеть, какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ. Все английские подлости имеют свое происхождение в ирландской сфере. Кромвелевскую эпоху я еще должен изучать, но во всяком случае для меня несомненно, что дела и в Англии приняли бы иной оборот, если бы не было необходимости господствовать по-военному в Ирландии и создавать новую аристократию».

* Сравни еще письмо Маркса к Энгельсу от 3 июня 1867 г. «...С истинным удовольствием узнал из парижской корреспонденции «Таймса»³³¹ о полонофильских возгласах парижан против России... Г-н Прудон и его маленькая доктринерская клика — не то, что французский народ»³³².

Мимоходом отметим письмо Маркса к Энгельсу от 18 августа 1869 г.:

«В Познани польские рабочие провели победоносную стачку благодаря помощи их берлинских товарищей. Эта борьба против «Господина Капитала» — даже в ее низшей форме, форме стачки — покончит с национальными предрассудками посерьезнее, чем декламации о мире в устах господ буржуа»³³⁴.

Политика по ирландскому вопросу, которую вел Маркс в Интернационале, видна из следующего:

18-го ноября 1869 г. Маркс пишет Энгельсу, что он держал речь в 1¼ часа в Совете Интернационала по вопросу об отношении британского министерства к ирландской амнистии и предложил следующую резолюцию:

«Постановлено,

что в своем ответе на ирландские требования освободить ирландских патриотов г. Гладстон умышленно оскорбляет ирландскую нацию;

что он связывает политическую амнистию с условиями, одинаково унижительными и для жертв дурного правительства и для представляемого ими народа;

что Гладстон, связанный своим официальным положением, публично и торжественно приветствовал бунт американских рабовладельцев, а теперь принимается проповедовать ирландскому народу учение пассивного повиновения;

что вся его политика по отношению к ирландской амнистии является самым настоящим проявлением той «политики завоевания», разоблачением которой г. Гладстон ниспроверг министерство своих противников — тори;

что Генеральный Совет Интернациональной ассоциации рабочих выражает свое восхищение тем, как смело, твердо и возвышенно ведет ирландский народ свою кампанию за амнистию;

что эта резолюция должна быть сообщена всем секциям Интернациональной ассоциации рабочих и всем связанным с ней рабочим организациям Европы и Америки»³³⁵.

10-го декабря 1869 г. Маркс пишет, что его доклад по ирландскому вопросу в Совете Интернационала будет построен следующим образом:

«...Совершенно независимо от всякой «интернациональной» и «гуманитарной» фразы о «справедливости к Ирландии» — ибо это само собою разумеется в Совете Интернационала — *прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией*. Таково мое самое глубокое убеждение, и основанное на

причинах, которые я отчасти не могу раскрыть самим английским рабочим. Я долго думал, что возможно ниспровергнуть ирландский режим подъемом английского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в «Нью-Йоркской Трибуне» (американская газета, в которой Маркс долго сотрудничал)³³⁶. Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс *ничего не поделает*, пока он не избавится от Ирландии... Английская реакция в Англии коренится в порабощении Ирландии» (курсив Маркса)³³⁷.

Теперь читателям должна быть вполне ясна политика Маркса в ирландском вопросе.

«Утопист» Маркс так «непрактичен», что стоит за отделение Ирландии, оказавшееся и полвека спустя неосуществленным.

Чем же вызвана эта политика Маркса и не была ли она ошибкой?

Сначала Маркс думал, что не национальное движение угнетенной нации, а рабочее движение среди угнетающей нации освободит Ирландию. Никакого абсолюта из национальных движений Маркс не делает, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса. Учесть наперед все возможные соотношения между буржуазными освободительными движениями угнетенных наций и пролетарским освободительным движением среди угнетающей нации (как раз та проблема, которая делает столь трудным национальный вопрос в современной России) — вещь невозможная.

Но вот обстоятельства сложились так, что английский рабочий класс попал довольно надолго под влияние либералов, став их хвостом, обезглавив себя либеральной рабочей политикой. Буржуазное освободительное движение в Ирландии усилилось и приняло революционные формы. Маркс пересматривает свой взгляд и исправляет его. «Несчастье для народа, если он поработил другой народ». Не освободиться рабочему классу в Англии, пока не освободится Ирландия от английского гнета. Реакцию в Англии укрепляет и питает порабощение Ирландии (как питает реакцию в России порабощение ею ряда наций!).

И Маркс, проводя в Интернационале резолюцию симпатий «ирландской нации», «ирландскому народу» (умный Л. Вл., вероятно, разнес бы бедного Маркса за забвение классовой борьбы!), проповедует *отделение* Ирландии от Англии, «хотя бы после отделения дело и пришло к федерации».

Каковы теоретические посылки этого вывода Маркса? В Англии вообще давно закончена буржуазная революция. Но в Ирландии она не закончена; ее заканчивают только теперь, полвека спустя, реформы английских либералов. Если бы капитализм в Англии был ниспровергнут так быстро, как ожидал Маркс сначала, то места для буржуазно-демократического, общенационального, движения в Ирландии не было бы. Но раз оно возникло, Маркс советует английским рабочим поддержать его, дать ему революционный толчок, довести его до конца в интересах *своей* свободы.

Экономические связи Ирландии с Англией в 60-х годах прошлого века были, конечно, еще теснее, чем связи России с Польшей, Украиной и т. п. «Непрактичность» и «неосуществимость» отделения Ирландии (хотя бы в силу географических условий и в силу необъятного колониального могущества Англии) бросались в глаза. Будучи принципиальным врагом федерализма, Маркс допускает в данном случае и федерацию*, *лишь бы* освобождение Ирландии произошло не реформистским, а революционным путем, в силу движения масс народа в Ирландии, поддержанного рабочим классом Англии. Не может подлежать никакому сомнению, что только такое решение исторической задачи наиболее благоприятствовало бы интересам пролетариата и быстроте общественного развития.

Вышло иначе. И ирландский народ и английский пролетариат оказались слабы. Только теперь, жалкими сделками английских либералов с ирландской буржуазией *решается* (пример Ольстера показывает, насколько туго) ирландский вопрос земельной реформой (с выкупом) и автономией (пока еще не введенной). Что же? Следует ли из этого, что Маркс и Энгельс были «утопистами», что они ставили «неосуществимые» национальные требования, что они поддавались влиянию ирландских националистов — мелких буржуа (мелкобуржуазный характер движения «фениев»³³⁸ несомненен) и т. п.?

* Между прочим, нетрудно видеть, почему под правом «самоопределения» наций нельзя, с социал-демократической точки зрения, понимать ни федерации, ни автономии (хотя, абстрактно говоря, и то и другое подходит под «самоопределение»). Право на федерацию есть вообще бессмыслица, ибо федерация есть двусторонний договор. Ставить в свою программу защиту федерализма вообще марксисты никак не могут, об этом нечего и говорить. Что же касается автономии, то марксисты защищают не «право на» автономию, а *самое* автономию, как общий, универсальный принцип демократического государства с пестрым национальным составом, с резким различием географических и др. условий. Поэтому признавать «право наций на автономию» было бы так же бессмысленно, как и «право наций на федерацию».

Нет. Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно-пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта политика способна была избавить и Ирландию и Англию от полувековой затяжки необходимых преобразований и от изуродования их либералами в угоду реакции.

Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, доныне сохранивший громадное *практическое* значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям; — дала предостережение против той «холопской торопливости», с которой мещане всех стран, цветов и языков спешат признать «утопичным» изменение границ государств, созданных насилиями и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

Если бы ирландский и английский пролетариат не приняли политики Маркса, не поставили своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач демократа и социалиста, уступкой *английской* реакции и буржуазии.

9. ПРОГРАММА 1903 ГОДА И ЕЕ ЛИКВИДАТОРЫ

Протоколы съезда 1903 года, принимавшего программу российских марксистов, сделались величайшей редкостью, и громадное большинство современных деятелей рабочего движения не знакомо с мотивами отдельных пунктов программы (тем более, что далеко не все из относящейся сюда литературы пользуется благами легальности...). Поэтому остановиться на разборе интересующего нас вопроса на съезде 1903 г. необходимо.

Отметим прежде всего, что, как ни скудна русская с.-д. литература, относящаяся к «праву наций на самоопределение», все же из нее совершенно ясно видно, что понималось это право всегда в смысле права на отделение. Гг. Семковские, Либманы и Юркевичи, сомневающиеся в этом, объявляющие § 9 «неясным» и т. п., только по крайнему невежеству или беззаботности толкуют о «неясности». Еще в 1902 году в «Заре» Плеханов*, защищая «право на самоопределение» в проекте программы, писал, что это требование, не обязательное для буржуазных демократов, «обязательно для социал-демократов». «Если бы мы позабыли о нем, или

* В 1916 году В. И. Ленин к этому месту сделал примечание: «Просим читателя не забывать, что Плеханов в 1903 г. был одним из главных противников оппортунизма, далеким от своего печально-знаменитого поворота к оппортунизму и впоследствии к шовинизму».

не решились выставить его, — писал Плеханов, — опасаясь затронуть национальные предрассудки наших соотечественников великорусского племени, то в наших устах стал бы постыдной ложью... клич...: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»»³³⁹.

Это — очень меткая характеристика основного довода за рассматриваемый пункт, настолько меткая, что ее недаром боязливо обходили и обходят «непомнящие родства» критики нашей программы. Отказ от данного пункта, какими бы мотивами его ни обставляли, *на деле* означает «постыдную» уступку *великорусскому* национализму. Почему великорусскому, когда говорится о праве *всех* наций на самоопределение? Потому, что речь идет об отделении от великорусов. Интерес *соединения пролетариев*, интерес их классовой солидарности требуют признания права *наций* на *отделение* — вот что признал в цитированных словах Плеханов 12 лет тому назад; вдумавшись в это, наши оппортунисты не сказали бы, вероятно, так много вздору о самоопределении.

На съезде 1903 г., где был утвержден этот, защищавшийся Плехановым, проект программы, главная работа была сосредоточена в *программной комиссии*. Ее протоколы, к сожалению, не велись. А именно по данному пункту они были бы особенно интересны, ибо *только* в комиссии представители польских с.-д., Варшавский и Ганецкий, пробовали защищать свои взгляды и оспаривать «признание права на самоопределение». Читатель, который пожелал бы сравнить их доводы (изложенные в речи Варшавского и в заявлении его и Ганецкого, стр. 134—136 и 388—390 протоколов) с доводами Розы Люксембург в ее разобранной нами польской статье, увидал бы полное тождество этих доводов.

Как же отнеслась к этим доводам программная комиссия II съезда, где против польских марксистов выступал больше всего Плеханов? Над этими доводами жестоко посмеялись! Нелепость предложения *российским* марксистам выкинуть признание права на самоопределение наций была так ясно и наглядно показана, что польские марксисты *даже не решились повторить своих доводов на полном собрании съезда!!* Они покинули съезд, убедившись в безнадежности своей позиции перед высшим собранием марксистов и великорусских, и еврейских, и грузинских, и армянских.

Этот исторический эпизод имеет, само собою разумеется, очень важное значение для всякого, интересующегося серьезно *своей* программой. Полный разгром довода польских марксистов в программной комиссии съезда и отказ их от попытки защищать свои взгляды на собрании съезда — факт

чрезвычайно знаменательный. Роза Люксембург не даром «скромно» умолчала об этом в своей статье 1908 года — слишком уже неприятно, видимо, было воспоминание о съезде! Умолчала она и о том, до смешного неудачном, предложении «исправить» § 9-ый программы, которое сделали Варшавский и Ганецкий от имени всех польских марксистов в 1903 году и которого не решались (и не решатся) повторять ни Роза Люксембург, ни другие польские с.-д.

Но если Роза Люксембург, скрывая свое поражение в 1903 году, умолчала об этих фактах, то люди, интересующиеся историей своей партии, позаботятся о том, чтобы узнать эти факты и продумать их значение.

«...Мы предлагаем, — писали друзья Розы Люксембург съезду 1903 года, уходя с него, — дать следующую формулировку седьмому (теперешнему 9-му) пункту в проекте программы: § 7. *Учреждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем нациям, входящим в состав государства*» (стр. 390 протоколов).

Итак, польские марксисты выступали тогда с взглядами по национальному вопросу настолько неопределенными, что *вместо* самоопределения предлагали, по сути дела, не что иное, как псевдоним пресловутой «культурно-национальной автономии»!

Это звучит почти невероятно, но это, к сожалению, факт. На самом съезде, хотя на нем было 5 бундовцев с 5 головами и 3 кавказца с 6 голосами, не считая совещательного голоса у Кострова, не нашлось *ни единого* голоса за *устранение* пункта о самоопределении. За добавление к этому пункту «культурно-национальной автономии» высказалось три голоса (за формулу Гольдблата: «создание учреждений, гарантирующих нациям полную свободу культурного развития») и четыре голоса за формулу Либера («право на свободу их — наций — культурного развития»).

Теперь, когда появилась русская либеральная партия, партия к.-д., мы знаем, что в *ее* программе заменено политическое самоопределение наций «культурным самоопределением». Польские друзья Розы Люксембург, следовательно, «*борясь*» с национализмом ППС, делали это с таким успехом, что предлагали марксистскую программу заменить *либеральной* программой! И они же при этом обвиняли нашу программу в оппортунизме — удивительно ли, что в программной комиссии II съезда это обвинение встречалось только смехом!

В каком смысле понимали «самоопределение» делегаты II съезда, из которых, как мы видели, не нашлось *ни одного* против «самоопределения наций»?

Об этом свидетельствуют три следующие выдержки из протоколов:

«*Мартынов* находит, что слову «самоопределение» нельзя придавать широкого толкования; оно значит лишь право нации на обособление в отдельное политическое целое, а отнюдь не областное самоуправление» (стр. 171). Мартынов был членом программной комиссии, в которой были опровергнуты и осмеяны доводы друзей Розы Люксембург. По взглядам своим Мартынов был тогда «экономистом», ярым противником «Искры», и если бы он выразил мнение, не разделявшееся большинством программной комиссии, он был бы, конечно, опровергнут.

Гольдблат, бундовец, взял слово первым, когда на съезде обсуждался, после коммиссионной работы, § 8-ой (теперешний 9-ый) программы.

«Против «права на самоопределение», — говорил Гольдблат, — ничего возразить нельзя. В случае, если какая-либо нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в законный брак с Россиею, то ей не мешать, как выразился тов. Плеханов. Я соглашаюсь с таким мнением в этих пределах» (стр. 175—176).

Плеханов вовсе не брал слова на полном собрании съезда по данному пункту. Гольдблат ссылается на слова Плеханова в программной комиссии, где «право на самоопределение» было подробно и популярно разъясняемо в смысле права на отделение. Либер, говоривший после Гольдבלата, заметил:

«Конечно, если какая-либо национальность не в состоянии жить в пределах России, то ей партия препятствовать не будет» (стр. 176).

Читатель видит, что на II съезде партии, принявшем программу, не было двух мнений по вопросу о том, что самоопределение значит «лишь» право на отделение. Даже бундовцы усвоили себе тогда эту истину, и только в наше печальное время продолжающейся контрреволюции и всяческого «отреченства» нашлись смелые своим невежеством люди, которые объявили программу «неясной». Но, прежде чем уделять время этим печальным «тоже-социал-демократам», покончим с отношением к программе поляков.

На второй (1903 г.) съезд они пришли с заявлением о необходимости и настоятельности объединения. Но со съезда они ушли, после «неудач» в программной комиссии, и *последним* словом их было письменное заявление, напечатанное в протоколах съезда и содержащее приведенное выше предложение *заменить* самоопределение культурно-национальной автономией.

В 1906 году польские марксисты вошли в партию, причем, ни входя в нее, *ни единого раза* после (ни на съезде 1907 г., ни на конференциях 1907³⁴⁰ и 1908 гг., ни на пленуме 1910 года³⁴¹), они *не вносили* ни одного предложения об изменении § 9-го российской программы!!

Это — факт.

И этот факт доказывает наглядно, вопреки всяким фразам и уверениям, что друзья Розы Люксембург сочли исчерпывающими вопрос прения в программной комиссии II съезда и решение этого съезда, что они молча сознали свою ошибку и исправили ее, когда в 1906 году вошли в партию, после ухода со съезда в 1903 году, ни разу не попытавшись *партийным* путем поднять вопроса о пересмотре § 9-го программы.

Статья Розы Люксембург появилась за ее подписью в 1908 году — разумеется, ни единому человеку не приходило никогда и в голову отрицать право партийных литераторов на критику программы — и *после* этой статьи равным образом *ни одно* официальное учреждение польских марксистов не поднимало вопроса о пересмотре § 9-го.

Поэтому поистине медвежью услугу оказывает некоторым поклонникам Розы Люксембург Троцкий, когда, от имени редакции «Борьбы», пишет в № 2 (март 1914 г.):

«...Польские марксисты считают «право на национальное самоопределение» совершенно лишенным политического содержания и подлежащим удалению из программы» (стр. 25).

Услужливый Троцкий опаснее врага! Ниоткуда, как из «частных разговоров» (т. е. попросту сплетен, которыми всегда живет Троцкий), он *не мог* позаимствовать доказательств для зачисления «польских марксистов» вообще в сторонников каждой статьи Розы Люксембург. Троцкий выставил «польских марксистов» людьми без чести и совести, не умеющими даже уважать свои убеждения и программу своей партии. Услужливый Троцкий!

Когда в 1903 году представители польских марксистов ушли *из-за* права на самоопределение со II съезда, *тогда* Троцкий мог сказать, что они считали это право лишенным содержания и подлежащим удалению из программы.

Но после этого польские марксисты *вошли* в партию, имевшую такую программу, и ни разу не внесли предложения о пересмотре ее*.

* Нам сообщают, что на летнем 1913 г. совещании российских марксистов польские марксисты участвовали *только* с совещательным голосом и по вопросу о праве на самоопределение (на отделение) не голосовали

Почему умолчал Троцкий об этих фактах перед читателями своего журнала? Только потому, что ему выгодно спекулировать на разжигании разногласий между польскими и русскими противниками ликвидаторства и обманывать русских рабочих по вопросу о программе.

Никогда еще, ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся.

Вот вам бундовец Либман.

«Когда российская социал-демократия, — пишет сей джентльмен, — 15 лет тому назад в своей программе выставила пункт о праве каждой национальности на «самоопределение», то всякий (!!) себя спрашивал: что собственно означает это модное (!!) выражение? На это ответа не было (!!). Это слово осталось (!!) окруженным туманом. В действительности в то время было трудно рассеять этот туман. Не пришло еще время, чтобы можно было конкретизировать этот пункт — говорили в то время — пусть он теперь останется в тумане (!!), и сама жизнь покажет, какое содержание вложить в этот пункт».

Не правда ли, как великолепен этот «мальчик без штанов»³⁴², издевающийся над партийной программой?

А почему он издевается?

Только потому, что он круглый невежда, который ничему не учился, не почитал даже по истории партии, а просто попал в ликвидаторскую среду, где «принято» ходить нагишом в вопросе о партии и партийности.

У Помяловского бурсак хвастает тем, как он «наплевал в кадушку с капустой»³⁴³. Гг. бундисты пошли вперед. Они выпускают Либманов, чтобы сии джентльмены публично плевали в собственную кадушку. Что было какое-то решение международного конгресса, что на съезде собственной партии двое представителей собственного Бунда обнаружили (уж на что были «строгие» критики и решительные враги «Искры»!) полную способность понять смысл «самоопределения» и даже соглашались с ним, какое дело до всего этого гг. Либманам? И не легче ли будет ликвидировать партию, если «публицисты партии» (не шутите!) будут по-бурсацки обращаться с историей и с программой партии?

Вот вам второй «мальчик без штанов», г. Юркевич из «Дзвіна»³⁴⁴. Г-н Юркевич, вероятно, имел в руках протоколы

совсем, высказываясь против такого права вообще. Разумеется, они имели полное право поступать так и агитировать по-прежнему в Польше против ее отделения. Но это не совсем то, о чем говорит Троцкий, ибо «удаления из программы» § 9-го польские марксисты не требовали.

II съезда, потому что он цитирует слова Плеханова, воспроизведенные Гольдблатом, и обнаруживает знакомство с тем, что самоопределение может значить лишь право на отделение. Но это не мешает ему распространять среди украинской мелкой буржуазии клевету про русских марксистов, будто они стоят за «государственную целостность» (1913, № 7—8, стр. 83 и др.) России. Конечно, лучшего способа, чем эта клевета, для отчуждения украинской демократии от великорусской гг. Юркевичи придумать не могли. А такое отчуждение лежит по линии всей политики литераторской группы «Дзвіна», проповедующей *выделение* украинских рабочих в особую национальную организацию! *

Группе националистических мещан, раскалывающих пролетариат, — именно такова объективная роль «Дзвіна» — вполне пристало, конечно, распространение безбожной путаницы по национальному вопросу. Само собою разумеется, что гг. Юркевичи и Либманы, — которые «ужасно» обижаются, когда их называют «околопартийными», — ни слова, буквально ни единого словечка не сказали о том, как же *они* хотели бы решить в программе вопрос о праве на отделение?

Вот вам третий и главный «мальчик без штанов», г. Семковский, который на страницах ликвидаторской газеты перед великорусской публикой «разносит» § 9-ый программы и в то же время заявляет, что он «не разделяет по некоторым соображениям предложения» об исключении этого параграфа!!

Невероятно, но факт.

В августе 1912 г. конференция ликвидаторов³⁴⁵ официально поднимает национальный вопрос. За полтора года ни единой статьи, кроме статьи г. Семковского, по вопросу о § 9-м. И в этой статье автор *опровергает* программу, «не разделяя по некоторым (секретная болезнь, что ли?) соображениям» предложения исправить ее!! Можно ручаться, что во всем мире нелегко найти примеры подобного оппортунизма и хуже чем оппортунизма, отречения от партии, ликвидации ее.

Каковы доводы Семковского, достаточно показать на одном примере:

«Как быть, — пишет он, — если польский пролетариат захочет в рамках одного государства вести совместную борьбу со всем российским пролетариатом, а реакционные классы польского общества, напротив, захо-

* См. в особенности предисловие г. Юркевича к книге г. Левинского: «Нарис розвитку українського робітничого руху в Галичині», Київ, 1914 («Очерк развития украинского рабочего движения в Галиции», Киев, 1914. *Ред.*).

тели бы отделить Польшу от России и собрали бы при референдуме (общем опросе населения) большинство голосов в пользу этого: должны ли бы мы, русские с.-д., голосовать в центральном парламенте вместе с нашими польскими товарищами *против* отделения или, чтобы не нарушать «права на самоопределение», *за* отделение?» («Новая Рабочая Газета» № 71).

Отсюда видно, что г. Семковский не понимает даже, *о чем речь!* Он не подумал, что право на отделение предполагает решение вопроса как раз *не* центральным парламентом, а только парламентом (сеймом, референдумом и т. п.) *отделяющейся* области.

Детским недоумением, «как быть», если при демократии большинство за реакцию, заслоняется вопрос реальной, настоящей, живой политики, когда *и* Пуришкевичи *и* Кокошкины считают преступной даже мысль об отделении! Вероятно, пролетариям *всей* России надо вести борьбу не с Пуришкевичами и Кокошкиными сегодня, а, минуя их, с реакционными классами Польши!!

И подобный невероятный вздор пишут в органе ликвидаторов, в котором одним из идейных руководителей является г. Л. Мартов. Тот самый Л. Мартов, который составлял проект программы и проводил его в 1903 году, который и позже писал в защиту свободы отделения. Л. Мартов рассуждает теперь, видимо, по правилу:

Туда умного не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю ³⁴⁶.

Он посылает Реада-Семковского и позволяет в ежедневной газете, перед новыми слоями читателей, не знающих нашей программы, извращать ее и путать без конца!

Да, да, ликвидаторство далеко зашло, — от партийности у очень многих даже видных бывших с.-д. не осталось и следа.

Розу Люксембург, конечно, нельзя приравнивать к Либманам, Юркевичам, Семковским, но тот факт, что именно подобные люди уцепились за ее ошибку, доказывает с особенной наглядностью, в какой оппортунизм она впала.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги.

С точки зрения теории марксизма вообще, вопрос о праве самоопределения не представляет трудностей. Серьезно не может быть и речи ни об оспаривании лондонского решения 1896 года, ни о том, что под самоопределением разумеется

лишь право на отделение, ни о том, что образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов.

Трудность создает до известной степени то, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации. Отстоять единство классовой борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма — вот в чем задача. Среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается и забывается национализм угнетающей нации.

Но такое извращение перспективы возможно лишь ненадолго. Опыт совместной борьбы пролетариев разных наций слишком ясно показывает, что не с «краковской», а с общероссийской точки зрения должны мы ставить политические вопросы. А в общероссийской политике господствуют Пуришкевичи и Кокошкины. Их идеи царят, их травля инородцев за «сепаратизм», за *мысли* об отделении проповедуется и ведется в Думе, в школах, в церквях, в казармах, в сотнях и тысячах газет. Вот этот, великорусский, яд национализма отравляет всю общероссийскую политическую атмосферу. Несчастье народа, который, поработав другие народы, укрепляет реакцию во всей России. Воспоминания 1849 и 1863 годов составляют живую политическую традицию, которая, если не произойдут бури очень большого масштаба, еще долгие десятилетия грозит затруднять всякое демократическое и особенно социал-демократическое движение.

Не может быть сомнения, что, как бы естественна ни казалась подчас точка зрения некоторых марксистов угнетенных наций («несчастье» которых состоит иногда в ослеплении масс населения идеей «своего» национального освобождения), *на деле*, по объективному соотношению классовых сил в России, отказ от защиты права на самоопределение равняется злейшему оппортунизму, заражению пролетариата идеями Кокошкиных. А эти идеи суть, в сущности, идеи и политика Пуришкевичей.

Поэтому, если точка зрения Розы Люксембург могла быть оправдываема вначале, как специфическая польская, «краковская» узость*, то в настоящее время, когда всюду

* Нетрудно понять, что признание марксистами *всей России* и в первую голову великороссами *права* наций на отделение нисколько не исключает *агитации* против отделения со стороны марксистов той или иной

усилился национализм и прежде всего национализм правительственный, великорусский, когда *он* направляет политику, — подобная узость становится уже непростительной. На деле за нее цепляются оппортунисты *всех* наций, чуждающиеся идеи «бурь» и «скачков», признающие оконченным буржуазно-демократический переворот, тянущиеся за либерализмом Кокошкиных.

Национализм великорусский, как и всякий национализм, переживает различные фазы, смотря по главенству тех или иных классов в буржуазной стране. До 1905 года мы знали почти только национал-реакционеров. После революции у нас родились *национал-либералы*.

На этой позиции стоят у нас фактически и октябристы и кадеты (Кокошкин), т. е. вся современная буржуазия.

А дальше неизбежно нарождение великорусских национал-демократов. Один из основателей «народно-социалистической» партии³⁴⁷ г. Пешехонов уже выразил эту точку зрения, когда звал (в августовской книжке «Русского Богатства» за 1906 год) к осторожности по отношению к националистическим предрассудкам мужика. Сколько бы ни клеветали на нас, большевиков, будто мы «идеализируем» мужика, но мы всегда строго отличали и будем отличать мужицкий рассудок от мужицкого предрассудка, мужицкий демократизм против Пуришкевича и мужицкое стремление примириться с попом и помещиком.

С национализмом великорусских крестьян пролетарская демократия должна считаться (не в смысле уступок, а в смысле борьбы) уже теперь и будет считаться, вероятно, довольно долго*. Пробуждение национализма в угнетенных

угнетенной нации, как признание права на развод не исключает агитации в том или ином случае против развода. Мы думаем, поэтому, что будет неизбежно расти число польских марксистов, которые станут смеяться над несуществующим «противоречием», ныне «подогреваемым» Семковским и Троцким.

* Было бы интересно проследить, как видоизменяется, например, национализм в Польше, превращаясь из шляхетского в буржуазный и затем в крестьянский. Людвиг Бернгард в своей книге «Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat» («Поляки в Пруссии»; есть русский перевод), стоя сам на точке зрения немецкого Кокошкина, описывает чрезвычайно характерное явление: образование своего рода «крестьянской республики» поляков в Германии в виде тесного сплочения всяческих кооперативов и прочих союзов *польских* крестьян в борьбе за национальность, за религию, за «польскую» землю. Немецкий гнет сплотил поляков, обособил их, пробудив национализм сначала шляхты, потом буржуа, наконец крестьянской массы (особенно после начавшегося в 1873 году похода немцев против польского языка в школах). К этому идет дело и в России и по отношению не к одной только Польше.

нациях, столь сильно сказавшееся после 1905 года (напомним хотя бы группу «автономистов-федералистов» в I Думе, рост украинского движения, мусульманского движения и т. д.), — неизбежно вызовет усиление национализма великорусской мелкой буржуазии в городах и в деревнях. Чем медленнее пойдет демократическое преобразование России, тем упорнее, грубее, ожесточеннее будет национальная травля и грызня буржуазии разных наций. Особая реакционность русских Пуришкевичей будет порождать (и усиливать) при этом «сепаратистские» стремления среди тех или других угнетенных наций, иногда пользующихся гораздо большей свободой в соседних государствах.

Такое положение вещей ставит пролетариату России двоякую или, вернее, двустороннюю задачу: борьбу со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т. е. права наций на самоопределение, на отделение; — а наряду с этим, и именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности.

Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России.

Статья была уже набрана, когда я получил № 3 «Нашей Рабочей Газеты», где г. Вл. Косовский пишет о признании права на самоопределение за всеми нациями:

«Будучи механически перенесено из резолюции I съезда партии (1898 г.), который, в свою очередь, заимствовал его из решений международных социалистических конгрессов, оно, как видно из дебатов, понималось съездом 1903 года в том же смысле, какой в него вкладывал социалистический Интернационал: в смысле политического самоопределения, т. е. самоопределение нации в направлении политической самостоятельности. Таким образом, формула национального самоопределения, обозначая право на территориальное обособление, совершенно не касается вопроса о том, как урегулировать национальные отношения *внутри* данного государственного организма, для национальностей, не могущих или не желающих уйти из существующего государства».

Отсюда видно, что г. Вл. Косовский имел в руках протоколы II съезда 1903 года и прекрасно знает действительный

(и единственный) смысл понятия самоопределения. Сопоставьте с этим тот факт, что редакция бундовской газеты «Цайт» выпускает г. Либмана для издевательств над программой и объявления ее неясной!! Странные «партийные» нравы у гг. бундовцев... Почему Косовский объявляет принятие съездом самоопределения *механическим* перенесением, «аллах ведает». Бывают люди, которым «хочется возразить», а что, как, почему, зачем, это им не дано.

Написано в феврале — мае 1914 г.

*Напечатано в апреле — июне 1914 г.
в журнале «Просвещение» №№ 4, 5 и 6
Подпись: В. И л ь и н*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 25, стр. 255—320*

ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ³⁴⁸

Европейская война, которую в течение десятилетий подготавливали правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточноевропейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе

войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели «передовые», «демократические» нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украину и т. д., еще более давить революцию в России.

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран разъединить рабочих и натравить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, «внутреннего», чем внешнего врага), — тем настоятельнее дол

сознательного пролетариата отстаивать свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма «патриотической» буржуазной клики всех стран. Отказаться от этой задачи значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий — в особенности немецкой — граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирно-исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914) социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставили себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс *слить* свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические («патриотические») лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. п. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения. Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем простым софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Не далее, как накануне войны, президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог

видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу русского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать России.

Если даже допустить, что недостаток сил у германской социал-демократии был так велик, что мог заставить ее отказаться от каких бы то ни было революционных действий, — то и в этом случае нельзя было присоединяться к шовинистическому лагерю, нельзя было делать шагов, по поводу которых итальянские социалисты справедливо заявляли, что вожди германских социал-демократов бесчестят знамя пролетарского Интернационала.

Наша партия, Российская с.-д. рабочая партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство — Российская социал-демократическая рабочая фракция в Государственной думе — сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть зал заседаний Думы для еще более энергического выражения своего протеста, сочло долгом заклеить политику европейских правительств, как империалистскую³⁴⁹. И, несмотря на удешевленный гнет царского правительства, социал-демократические рабочие России уже издают первые нелегальные воззвания против войны³⁵⁰, исполняя долг перед демократией и Интернационалом.

Если представители революционной социал-демократии в лице меньшинства немецких с.-д. и лучших с.-д. в нейтральных странах испытывают жгучее чувство стыда по поводу этого краха II Интернационала; если голоса социалистов против шовинизма большинства с.-д. партий раздаются и в Англии и во Франции; если оппортунисты в лице, например, германского «Социалистического Ежемесячника» («Sozialistische Monatshefte»), давно стоящие на национал-либеральной

позиции, вполне законно торжествуют свою победу над европейским социализмом, — то наихудшую услугу пролетариату оказывают те колеблющиеся между оппортунизмом и революционной социал-демократией люди (подобно «центру» в германской с.-д. партии), которые пытаются замалчивать или прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала.

Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран.

Оппортунисты сорвали решения Штутгартского³⁵¹, Копенгагенского³⁵² и Базельского³⁵³ конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленною проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (так называемой «мирной») исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; — отрицая классовую борьбу, с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов; — проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в «Коммунистическом Манифесте», что рабочие не имеют отечества; — ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; — превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Естественное «дополнение» оппортунизма, — столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т. е. марксистской точке зрения, — анархо-синдикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса.

Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско.

Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм («кадеты») и частью народников вплоть до с.-р. и «правых» с.-д. (В особенности обязательно заклеить шовинистские выступления, например, Е. Смирнова, П. Маслова и Г. Плеханова, подхваченные и широко используемые буржуазно-«патриотической» печатью.)

При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, причем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской.

В России задачами с.-д. ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть по-прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма. Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты «берегут» легальные организации ценой измены своим убеждениям, — революционные с.-д. используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинист-

ской буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!

*Центральный Комитет
Российской С.-Д. Рабочей Партии*

*Написано в сентябре,
ранее 28 (11 октября), 1914 г.*

*Напечатано 1 ноября 1914 г.
в газете «Социал-Демократ» № 33*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 26, стр. 13—23*

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ

Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна «передовых» публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и «марксистских») писак России — все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость «родины», величие принципа национальной самостоятельности. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий «по течению». Да и неважно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год: мельница немалая, берущая воду отовсюду, начиная от убежденного шовиниста Меншикова и кончая шовинистами по оппортунизму или по бесхарактерности, Плехановым и Масловым, Рубановичем и Смирновым, Кропоткиным и Бурцевым.

Попробуем и мы, великорусские социал-демократы, определить свое отношение к этому идейному течению. Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»; — в такое время, когда именно на дальнем востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни и к сознанию целый ряд «новых», больших и малых наций; — в такой момент, когда

царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов и «инородцев», чтобы «решить» целый ряд национальных вопросов сообразно интересам совета объединенного дворянства³⁵⁴ и Гучковых с Крестовниковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми.

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свержать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы»³⁵⁵. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда *ее* не было. Теперь *ее* мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душиť свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и *свое* рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душиť Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей

свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуё и хам.

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы»³⁵⁶, так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Велико-россии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины; — нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $\frac{9}{10}$ населения Велико-россии, ибо царизм не только угнетает эти $\frac{9}{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесценивает, prostituiрует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патристическими фразами.

Нам возразят, может быть, что кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области. Но такое возражение не оправдывает, а еще сильнее обвиняет наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевичевскими социалистами (как Маркс назвал лассальянцев королевско-прусскими социалистами)³⁵⁷. Допустим даже, что история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма против ста и одной маленькой нации. Это не невозможно, ибо вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи. И мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако даже в таком случае, во-первых, не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу душить Украину и т. д. Бисмарк сделал по-своему, по-юнкерски, прогрессивное

историческое дело, но хорош был бы тот «марксист», который на этом основании вздумал бы оправдывать социалистическую помощь Бисмарку! И притом Бисмарк помогал экономическому развитию, объединяя раздробленных немцев, которых угнетали другие народы. А экономическое процветание и быстрое развитие Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами — эту разницу забывают наши поклонники истинно русских почти-Бисмарков.

Во-вторых, если история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма, то отсюда следует, что тем более великой будет *социалистическая* роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом. А для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих.

Наши же доморощенные социалистические шовинисты, Плеханов и проч. и проч., в том последнем и предположительном случае, который мы рассматривали, окажутся изменниками не только своей родине, свободной и демократической Великороссии, но и изменниками пролетарскому братству всех народов России, т. е. делу социализма.

О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ

В № 40 «Социал-Демократа»³⁵⁸ мы сообщили, что конференция заграничных секций³⁵⁹ нашей партии постановила отложить вопрос о лозунге «Соединенные Штаты Европы» до обсуждения в печати *экономической* стороны дела*.

Дискуссия по этому вопросу приняла на нашей конференции односторонне-политический характер. Отчасти это вызвано было, может быть, тем, что в манифесте Центрального Комитета этот лозунг прямо формулирован как политический («ближайшим *политическим* лозунгом...» — говорится там), причем не только выдвинуты республиканские Соединенные Штаты Европы, но и подчеркнуто специально, что «без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской» этот лозунг бессмыслен и лжив.

Возражать против такой постановки вопроса *в пределах* политической оценки данного лозунга, — например, с той точки зрения, что он заслоняет или ослабляет и т. п. лозунг социалистической революции, совершенно неправильно. Политические преобразования в действительно демократическом направлении, а тем более политические революции, ни в коем случае, никогда, ни при каких условиях не могут ни заслонить, ни ослабить лозунга социалистической революции. Напротив, они всегда приближают ее, расширяют для нее базу, втягивают в социалистическую борьбу новые слои мелкой буржуазии и полупролетарских масс. А с другой стороны, политические революции неизбежны в ходе социалистической революции, которую нельзя рассматривать, как один акт, а следует рассматривать, как эпоху бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контрреволюций.

* См. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 161; 4 изд., том 21, стр. 137. *Ред.*

Но, если лозунг республиканских Соединенных Штатов Европы, поставленный в связь с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе, совершенно неуязвим, как политический лозунг, то остается еще важнейший вопрос об экономическом содержании и значении этого лозунга. С точки зрения экономических условий империализма, т. е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны.

Капитал стал интернациональным и монополистическим. Мир поделен между горсткой великих, т. е. преуспевающих в великом грабеже и угнетении наций, держав. Четыре великих державы Европы: Англия, Франция, Россия и Германия, с населением в 250—300 миллионов, с площадью около 7 млн. кв. километров, имеют колонии с населением *почти в полмиллиарда* (494,5 млн.), с площадью в 64,6 млн. кв. км., т. е. почти в половину земного шара (133 млн. кв. км. без полярной области). Прибавьте к этому три азиатские государства: Китай, Турцию, Персию, которых теперь рвут на части разбойники, ведущие «освободительную» войну, именно: Япония, Россия, Англия и Франция. В этих трех азиатских государствах, которые можно назвать полуколониями (на деле они теперь на $\frac{9}{10}$ — колонии), 360 млн. населения и 14,5 млн. кв. км. площади (т. е. почти в $1\frac{1}{2}$ раза более площади всей Европы).

Далее, Англия, Франция и Германия поместили за границей не менее 70 миллиардов рублей капитала. Чтобы получать «законный» доходец с этой приятной суммы, — доходец свыше трех миллиардов рублей ежегодно — служат национальные комитеты миллионеров, называемые правительствами, снабженные войском и военным флотом, «помещающие» в колониях и полуколониях сынков и братцев «господина миллиарда» в качестве вице-королей, консулов, послов, чиновников всяческого рода, попов и прочих пиявок.

Так организовано, в эпоху наивысшего развития капитализма, ограбление горсткой великих держав около миллиарда населения земли. И при капитализме иная организация невозможна. Отказаться от колоний, от «сфер влияния», от вывоза капитала? Думать об этом, значит свести себя на уровень попики, который каждое воскресенье проповедует богатым величие христианства и советует дарить бедным... ну, если не несколько миллиардов, то несколько сот рублей ежегодно.

Соединенные Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы. Миллиардер не может делить «национальный доход» капиталистической страны с кем-либо другим иначе, как в пропорции: «по капиталу» (и притом еще с добавкой, чтобы крупнейший капитал получил больше, чем ему следует). Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповедовать «справедливый» раздел дохода на такой базе есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера. Нельзя делить иначе, как «по силе». А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 года Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция, Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике.

Конечно, возможны *временные* соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение *европейских* капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии *против* Японии и Америки, которые крайне обижены при теперешнем разделе колоний и которые усилились за последние полвека неизмеримо быстрее, чем отсталая, монархическая, начавшая гнить от старости Европа. По сравнению с Соединенными Штатами Америки, Европа в целом означает экономический застой. На современной экономической основе, т. е. при капитализме, Соединенные Штаты Европы означали бы организацию реакции для задержки более быстрого развития Америки. Те времена, когда дело демократии и дело социализма было связано только с Европой, прошли безвозвратно.

Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, — пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты мира

был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным.

Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств. Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свержая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами.

Вот в силу каких соображений, в результате многократных обсуждений вопроса на конференции заграничных секций РСДРП и после конференции, редакция ЦО пришла к выводу о неправильности лозунга Соединенных Штатов Европы.

ПРИМЕЧАНИЕ
РЕДАКЦИИ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»
К МАНИФЕСТУ ЦК РСДРП О ВОЙНЕ
О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ ³⁶⁰

Требование Соединенных Штатов Европы, как его выдвинул манифест ЦК, — сопроводивший его призывом к низвержению монархий России, Австрии, Германии — отличается от пацифистского толкования этого лозунга Каутским и другими.

В № 44 Центрального Органа нашей партии «Социал-Демократ» помещена редакционная статья, в которой доказана экономическая неправильность лозунга «Соединенных Штатов Европы»*. Либо это — требование, неосуществимое при капитализме, предполагающее установление планомерности мирового хозяйства при разделе колоний, сфер влияния и проч. между отдельными странами. Либо это — лозунг реакционный, означающий временный союз великих держав Европы для более успешного угнетения колоний и ограбления более быстро развивающихся Японии и Америки.

Написано в августе 1915 г.

*Напечатано в августе 1915 г.
 в брошюре «Социализм и война»,
 изданной в Женеве редакцией газеты
 «Социал-Демократ»*

*Печатается по тексту
 Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
 том 26, стр. 356*

* См. настоящий том, стр. 633—636. *Ред.*

ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА ³⁶¹

(ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя брошюра написана мной весной 1916 г. в Цюрихе. В тамошних условиях работы мне приходилось, естественно, терпеть известный недостаток во французской и английской литературе и очень большой недостаток — в литературе русской. Но все же главный английский труд об империализме, книгу Дж. А. Гобсона, я использовал с тем вниманием, которого этот труд, по моему убеждению, заслуживает.

Брошюра писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения.

Тяжело перечитывать теперь, в дни свободы, эти искаженные мыслью о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры. О том, что империализм есть канун социалистической революции, о том, что социал-шовинизм (социализм на словах, шовинизм на деле) есть полная измена социализму, полный переход на сторону буржуазии, что этот раскол рабочего движения стоит в связи с объективными условиями империализма и т. п. — мне приходилось говорить «рабьим» языком, и я вынужден отослать читателя, интересующегося вопросом, к выходящему вскоре

переизданию моих зарубежных статей 1914—1917 годов. Особенно стоит отметить одно место, на странице 119—120*: чтобы в цензурной форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты (с коими так непоследовательно борется Каутский) по вопросу об аннексиях, как бесстыдно они *прикрывают* аннексии *своих* капиталистов, я вынужден был взять пример... Японии! Внимательный читатель легко подставит вместо Японии — Россию, а вместо Кореи — Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не великороссами заселенные области.

Я бы хотел надеяться, что моя брошюра поможет разобраться в основном экономическом вопросе, без изучения которого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики, именно: в вопросе об экономической сущности империализма.

Автор

Петроград. 26 апреля 1917 года.

* См. настоящий том, стр. 737. *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ
К ФРАНЦУЗСКОМУ И НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЯМ ³⁶²

I

Настоящая книжка написана, как указано в предисловии к русскому изданию, в 1916 году для царской цензуры. Я не имею возможности переделать весь текст в настоящее время, да это было бы, пожалуй, нецелесообразно, ибо основная задача книги была и остается: показать по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных ученых всех стран, какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале XX века, накануне первой всемирной империалистской войны.

Отчасти будет даже бесполезно для многих коммунистов в передовых капиталистических странах убедиться на примере этой, *легальной с точки зрения царской цензуры*, книжки в возможности — и необходимости — использовать даже те слабые остатки легальности, которые остаются еще для коммунистов в современной, скажем, Америке или во Франции после недавнего, почти поголовного ареста коммунистов, для разъяснения всей лживости социал-пацифистских взглядов и надежд на «мировую демократию». А самые необходимые дополнения к этой подцензурной книжке я попытаюсь дать в настоящем предисловии.

II

В книжке доказано, что война 1914—1918 годов была с обеих сторон империалистской (т. е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, «сфер влияния» финансового капитала и т. д.

Ибо доказательство того, каков истинный социальный, или вернее: истинный классовый характер войны содержится,

разумеется, не в дипломатической истории войны, а в анализе *объективного* положения командующих *классов* во *всех* воюющих державах. Чтобы изобразить это объективное положение, надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных об *основах* хозяйственной жизни *всех* воюющих держав и *всего* мира.

Именно такие сводные данные, которые не могут быть опровергнуты, приведены мной в картине *раздела мира* в 1876 и 1914 годах (в § 6) и *раздела желдорог* всего мира в 1890 и 1913 годах (в § 7). Желдороги, это — итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железоделательной, итоги — и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации. Как связаны желдороги с крупным производством, с монополиями, с синдикатами, картелями, трестами, банками, с финансовой олигархией, это показано в предыдущих главах книги. Распределение железнодорожной сети, неравномерность его, неравномерность ее развития, это — итоги современного, монополистического капитализма во всемирном масштабе. И эти итоги показывают абсолютную неизбежность империалистских войн на *такой* хозяйственной основе, *пока* существует частная собственность на средства производства.

Постройка желдорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полукolonии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах.

Частная собственность, основанная на труде мелкого хозяина, свободная конкуренция, демократия, — все эти лозунги, которыми обманывают рабочих и крестьян капиталисты и их пресса, остались далеко позади. Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными,

вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в *свою* войну из-за *дела* лежа *своей* добычи всю землю.

III

Брест-Литовский мир³⁶³, продиктованный монархической Германией, а затем гораздо более зверский и подлый Версальский мир³⁶⁴, продиктованный «демократическими» республиками, Америкой и Францией, а также «свободной» Англией, сослужили полезнейшую службу человечеству, разоблачив как наемных чернильных кули империализма, так и реакционных мещан, хотя бы и называющих себя пацифистами и социалистами, которые воспевали «вильсонизм»³⁶⁵, доказывали возможность мира и реформ при империализме.

Десятки миллионов трупов и калек, оставленных войной, войной из-за того, английская или германская группа финансовых разбойников должна получить больше добычи, и затем два этих «мирных договора» открывают глаза с невиданной прежде быстротой миллионам и десяткам миллионов забитых, задавленных, обманутых, одураченных буржуазией людей. На почве всемирного разорения, созданного войной, растет, таким образом, всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и ее победой.

Базельский манифест II Интернационала, давший в 1912 году оценку именно той войне, которая наступила в 1914 году, а не войне вообще (войны бывают разные, бывают и революционные), этот манифест остался памятником, разоблачающим весь позорный крах, все ренегатство героев II Интернационала.

Я перепечатаваю поэтому этот манифест в приложении к настоящему изданию и обращаю внимание читателей еще и еще раз, что герои II Интернационала так же заботливо обходят те места этого манифеста, где говорится точно, ясно, прямо о связи именно этой грядущей войны с пролетарской революцией, — обходят так же заботливо, как вор обходит то место, где он совершил кражу.

IV

Особенное внимание уделено в настоящей книжке критике «каутскианства», международного идейного течения, которое представлено во всех странах мира «виднейшими

теоретиками», вождями II Интернационала (в Австрии — Отто Бауэр и К⁰, в Англии — Рамсей Макдональд и др., во Франции — Альбер Тома и т. д. и т. п.) и массой социалистов, реформистов, пацифистов, буржуазных демократов, попов.

Это идейное течение есть, с одной стороны, продукт разложения, гниения II Интернационала, а с другой стороны — неизбежный плод идеологии мелких буржуа, которых вся жизненная обстановка держит в плену буржуазных и демократических предрассудков.

У Каутского и подобных ему подобные взгляды есть полное отречение именно от тех революционных основ марксизма, которые этот писатель защищал десятки лет, специально, между прочим, в борьбе с социалистическим оппортунизмом (Бернштейна, Мильерана, Гайндмана, Гомперса и т. п.). Не случайно поэтому, что во всем мире «каутскианцы» объединились теперь практически-политически с крайними оппортунистами (через II или желтый Интернационал³⁶⁶) и с буржуазными правительствами (через коалиционные буржуазные правительства с участием социалистов).

Растущее во всем мире пролетарское революционное движение вообще, коммунистическое в особенности не может обойтись без анализа и разоблачения теоретических ошибок «каутскианства». Это тем более так, что пацифизм и «демократизм» вообще, нисколько не претендующие на марксизм, но совершенно так же, как Каутский и К⁰, затушевывающие глубину противоречий империализма и неизбежность порожденного им революционного кризиса, — эти течения распространены еще чрезвычайно сильно во всем мире. И борьба с этими течениями обязательна для партии пролетариата, которая должна отвоевывать от буржуазии одураченных ею мелких хозяйчиков и миллионы трудящихся, поставленных в более или менее мелкобуржуазные условия жизни.

V

Необходимо сказать несколько слов о главе VIII: «Паразитизм и загнивание капитализма». Как уже отмечено в тексте книги, Гильфердинг, бывший «марксист», теперь соратник Каутского и один из главных представителей буржуазной, реформистской политики в «Независимой с.-д. партии Германии»³⁶⁷, сделал по этому вопросу шаг назад по сравнению с *откровенным* пацифистом и реформистом, англичанином Гобсоном. Международный раскол всего рабочего движения теперь уже обнаружился вполне (II и III Интернационал).

Обнаружился также и факт вооруженной борьбы и гражданской войны между обоими течениями: поддержка Колчака и Деникина в России меньшевиками и «социалистами-революционерами» против большевиков, шейдемановцы и Носке с К⁰ в Германии с буржуазией против спартаковцев³⁶⁸, тоже в Финляндии, Польше, Венгрии и т. д. В чем же экономическая основа этого всемирно-исторического явления?

Именно в паразитизме и загнивании капитализма, которые свойственны его высшей исторической стадии, т. е. империализму. Как доказано в настоящей книжке, капитализм выделил теперь *горстку* (менее одной десятой доли населения земли, при самом «щедром» и преувеличенном расчете менее одной пятой) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят — простой «стрижкой купонов» — весь мир. Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше.

Понятно, что из такой гигантской *сверхприбыли* (ибо она получается сверх той прибыли, которую капиталисты выжимают из рабочих «своей» страны) *можно подкупать* рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ее и подкупают капиталисты «передовых» стран — подкупают тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых.

Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная *социальная* (не военная) *опора буржуазии*. Ибо это настоящие *агенты буржуазии в рабочем движении*, рабочие приказчики класса капиталистов (*labor lieutenants of the capitalist class*), настоящие проводники реформизма и шовинизма. В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону «версальцев»³⁶⁹ против «коммунаров».

Не поняв экономических корней этого явления, не оценив его политического и общественного значения, нельзя сделать ни шага в области решения практических задач коммунистического движения и грядущей социальной революции.

Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917 года в всемирном масштабе.

6 июля 1920 г.

Н. Ленин

За последние 15—20 лет, особенно после испано-американской (1898) и англо-бурской (1899—1902) войны, экономическая, а также политическая литература старого и нового света все чаще и чаще останавливается на понятии «империализм» для характеристики переживаемой нами эпохи. В 1902 году в Лондоне и Нью-Йорке вышло в свет сочинение английского экономиста Дж. А. Гобсона: «Империализм». Автор, стоящий на точке зрения буржуазного социал-реформизма и пацифизма — однородной, в сущности, с теперешней позицией бывшего марксиста К. Каутского, — дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма³⁷⁰. В 1910 году в Вене вышло в свет сочинение австрийского марксиста Рудольфа Гильфердинга: «Финансовый капитал» (русский перевод: Москва, 1912). Несмотря на ошибку автора в вопросе о теории денег и на известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом, это сочинение представляет из себя в высшей степени ценный теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма» — так гласит подзаголовок книги Гильфердинга³⁷¹. В сущности, то, что говорилось за последние годы об империализме — особенно в громадном количестве журнальных и газетных статей на эту тему, а также в резолюциях, например, Хемницкого³⁷² и Базельского конгрессов, состоявшихся осенью 1912 года, — едва ли выходило из круга идей, изложенных или, вернее, подытоженных у обоих названных авторов...

В дальнейшем мы попытаемся кратко изложить, в возможно более популярной форме, связь и взаимоотношение *основных* экономических особенностей империализма. На неэкономической стороне дела остановиться, как она бы этого

заслуживала, нам не придется. Ссылки на литературу и другие примечания, способные интересовать не всех читателей, мы отнесем в конец брошюры.

І. КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И МОНОПОЛИИ

Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма. Самые полные и самые точные данные об этом процессе дают современные промышленные переписи.

В Германии, например, из каждой тысячи промышленных предприятий было крупных, т. е. имеющих свыше 50 наемных рабочих, в 1882 г. — 3; в 1895 г. — 6 и в 1907 г. — 9. На их долю приходилось из каждой сотни рабочих: 22, 30 и 37. Но концентрация производства гораздо сильнее, чем концентрация рабочих, потому что труд в крупных заведениях гораздо производительнее. На это указывают данные о паровых машинах и об электрических двигателях. Если взять то, что в Германии называют промышленностью в широком смысле, т. е. включая и торговлю и пути сообщения и т. п., то получим следующую картину. Крупных заведений 30 588 из 3 265 623, т. е. всего 0,9%. У них рабочих — 5,7 миллионов из 14,4 млн., т. е. 39,4%; паровых лошадиных сил — 6,6 млн. из 8,8, т. е. 75,3%; электрических — 1,2 млн. киловатт из 1,5 млн., т. е. 77,2%.

Менее чем одна сотая доля предприятий имеет более $\frac{3}{4}$ общего количества паровой и электрической силы! На долю 2,97 млн. мелких (до 5 наемных рабочих) предприятий, составляющих 91% всего числа предприятий, приходится всего 7% паровой и электрической силы! Десятки тысяч крупнейших предприятий — все; миллионы мелких — ничто.

Заведений, имеющих 1000 и более рабочих, было в Германии в 1907 г. 586. У них почти *десятая* доля (1,38 млн.) общего числа рабочих и *почти треть* (32%) общей суммы паровой и электрической силы*. Денежный капитал и банки, как увидим, делают этот перевес горстки крупнейших предприятий еще более подавляющим и притом в самом буквальном значении слова, т. е. миллионы мелких, средних и даже части крупных «хозяев» оказываются на деле в полном порабощении у нескольких сотен миллионеров-финансистов.

* Сводка цифр по Annalen des deutschen Reichs, 1911, Zahn (Анналы Германского государства, 1911, Цан, Ред.),

В другой передовой стране современного капитализма, в Соединенных Штатах Северной Америки, рост концентрации производства еще сильнее. Здесь статистика выделяет промышленность в узком смысле слова и группирует заведения по величине стоимости годового продукта. В 1904 году крупнейших предприятий, с производством в 1 миллион долларов и выше, было 1900 (из 216 180, т. е. 0,9%) — у них 1,4 млн. рабочих (из 5,5 млн., т. е. 25,6%) и 5,6 миллиардов производства (из 14,8 млрд., т. е. 38%). Через 5 лет, в 1909 г. соответственные цифры: 3 060 предприятий (из 268 491; — 1,1%) с 2,0 млн. рабочих (из 6,6; — 30,5%) и с 9,0 миллиардами производства (из 20,7 миллиардов; — 43,8%) *.

Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках *одной сотой доли* общего числа предприятий! И эти три тысячи предприятий-гигантов охватывают 258 отраслей промышленности. Отсюда ясно, что концентрация, на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии. Ибо нескольким десяткам гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собою, а с другой стороны затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий. Это превращение конкуренции в монополию представляет из себя одно из важнейших явлений — если не важнейшее — в экономике новейшего капитализма, и нам необходимо подробнее остановиться на нем. Но сначала мы должны устранить одно возможное недоразумение.

Американская статистика говорит: 3000 гигантских предприятий в 250 отраслях промышленности. Как будто бы всего по 12 предприятий крупнейшего размера на каждую отрасль.

Но это не так. Не в каждой отрасли промышленности есть большие предприятия; а с другой стороны, крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая *комбинация*, т. е. соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (например, выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали), — либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (например, обработка отходов или побочных продуктов; производство предметов упаковки и т. п.).

* Statistical Abstract of the United States 1912, p. 202 (Статистический сборник Соединенных Штатов за 1912 год, стр. 202. *Ред.*).

«Комбинация, — пишет Гильфердинг, — уравнивает различия конъюнктуры и потому обеспечивает для комбинированного предприятия большее постоянство нормы прибыли. Во-2-х, комбинация приводит к устранению торговли. В-3-х, она делает возможными технические усовершенствования, а следовательно, и получение дополнительной прибыли по сравнению с «чистыми» (т. е. не комбинированными) предприятиями. В-4-х, она укрепляет позицию комбинированного предприятия по сравнению с «чистым», — усиливает его в конкурентной борьбе во время сильной депрессии (заминки в делах, кризиса), когда понижение цен сырья отстает от понижения цены фабрикатов» *.

Немецкий буржуазный экономист Гейман, посвятивший особое сочинение описанию «смешанных», т. е. комбинированных, предприятий в немецкой железоделательной промышленности, говорит: «чистые предприятия гибнут, раздавленные высокой ценой на материалы, при низких ценах на готовые продукты». Получается такая картина:

«Остались, с одной стороны, крупные, каменноугольные компании, с добычей угля в несколько миллионов тонн, крепко организованные в своем каменноугольном синдикате; а затем тесно связанные с ними крупные сталелитейные заводы со своим стальным синдикатом. Эти гигантские предприятия с производством стали в 400 000 тонн (тонна = 60 пудов) в год, с громадной добычей руды и каменного угля, с производством готовых изделий из стали, с 10 000 рабочих, живущих по казармам заводских поселков, иногда со своими собственными железными дорогами и гаванями, — являются типичными представителями немецкой железной промышленности. И концентрация идет все дальше и дальше вперед. Отдельные предприятия становятся все крупнее; все большее число предприятий одной и той же или различных отраслей промышленности сплавиваются в гигантские предприятия, для которых полдюжины крупных берлинских банков служат и опорой и руководителями. По отношению к германской горной промышленности точно доказана правильность учения Карла Маркса о концентрации; правда, это относится к стране, в которой промышленность защищена охранительными пошлинами и перевозочными тарифами. Горная промышленность Германии созрела для экспроприации» **.

* «Финансовый капитал», рус. пер., стр. 286—287.

** Hans Gideon Heymann. «Die gemischten Werke im deutschen Großsengewerbe». Stuttgart, 1904 (SS. 256, 278—279) (Ганс Гидеон Гейман. «Смешанные предприятия в немецкой крупной железоделательной промышленности». Штутгарт, 1904 (стр. 256, 278—279). *Ред.*).

Н. ЛЕНИНЪ (ВЛ. ИЛЬИНЪ).

ИМПЕРІАЛИЗМЪ, КАКЪ НОВѢЙШІЙ ЭТАПЪ КАПИТАЛИЗМА.

(Популярный очеркъ)

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе“
Петроградъ, Поварской пер., 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42
1917 г.

Обложка книги В. И. Ленина
«Имперіализмъ, какъ высшая стадія капитализма». — 1917 г.

Уменьшено

К такому выводу должен был прийти добросовестный, в виде исключения, буржуазный экономист. Надо отметить, что он как бы выделяет Германию особо, ввиду защиты ее промышленности высокими охранительными пошлинами. Но это обстоятельство могло лишь ускорить концентрацию и образование монополистических союзов предпринимателей, картелей, синдикатов и т. п. Чрезвычайно важно, что в стране свободной торговли, Англии, концентрация *тоже* приводит к монополии, хотя несколько позже и в другой, может быть, форме. Вот что пишет профессор Герман Леви в специальном исследовании о «Монополиях, картелях и трестах» по данным об экономическом развитии Великобритании:

«В Великобритании именно крупный размер предприятий и их высокий технический уровень несут в себе тенденцию к монополии. С одной стороны, концентрация привела к тому, что на предприятие приходится затрачивать громадные суммы капитала; поэтому новые предприятия стоят перед все более высокими требованиями в смысле размеров необходимого капитала, и этим затрудняется их появление. А с другой стороны (и этот пункт мы считаем более важным), каждое новое предприятие, которое хочет стать на уровне гигантских предприятий, созданных концентрацией, должно производить такое громадное избыточное количество продуктов, что прибыльная продажа их возможна только при необыкновенном увеличении спроса, а в противном случае этот избыток продуктов понизит цены до уровня, невыгодного ни для нового завода ни для монополистических союзов». В Англии монополистические союзы предпринимателей, картели и тресты, возникают большей частью — в отличие от других стран, где охранительные пошлины облегчают картелирование, — лишь тогда, когда число главных конкурирующих предприятий сводится к «каким-нибудь двум дюжинам». «Влияние концентрации на порождение монополии в крупной промышленности сказывается здесь с кристальной ясностью»*.

Полвека тому назад, когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы». Казенная наука пыталась убить посредством заговора молчания сочинение Маркса, доказавшего теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени

* Hermann Levy. «Monopole, Kartelle und Trusts». Jena, 1909, SS. 286, 290, 298 (Герман Леви. «Монополии, картели и тресты». Йена, 1909, стр. 286, 290, 298. *Ред.*).

своего развития ведет к монополии. Теперь монополия стала фактом. Экономисты пишут горы книг, описывая отдельные проявления монополии и продолжая хором заявлять, что «марксизм опровергнут». Но факты — упрямая вещь, как говорит английская пословица, и с ними волей-неволей приходится считаться. Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, например, в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма.

Для Европы можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века. В одной из новейших сводных работ по истории «образования монополий» мы читаем:

«Можно привести из эпохи до 1860 г. отдельные примеры капиталистических монополий; можно открыть в них зародыши тех форм, которые столь обычны теперь; но все это безусловно — доисторические времена для картелей. Настоящее начало современных монополий относится, самое раннее, к 1860 годам. Первый крупный период развития монополий начинается с международного угнетения промышленности 1870 годов и простирается до начала 1890 годов». «Если рассматривать дело в европейском масштабе, то предельным пунктом развития свободной конкуренции являются 60-ые и 70-ые годы. Тогда Англия закончила постройку своей капиталистической организации старого стиля. В Германии эта организация вступила в решительную борьбу с ремеслом и домашней промышленностью и начала создавать себе свои формы существования».

«Большой переворот начинается с краха 1873 года или, вернее, с депрессии, которая последовала за ним и которая — с едва заметным перерывом в начале 80-х годов и с необыкновенно сильным, но коротким подъемом около 1889 года — заполняет 22 года европейской экономической истории». «Во время короткого периода подъема 1889—1890 гг. картелями сильно пользовались для использования конъюнктуры. Необдуманная политика поднимала вверх цены еще быстрее и еще сильнее, чем это произошло бы без картелей, и почти все эти картели погибли бесславно «в могиле краха». Прошло еще пять лет плохих дел и низких цен, но в промышленности царило уже не прежнее настроение. Депрессию не считали уже чем-то само собою разумеющимся, в ней видели лишь паузу перед новой благоприятной конъюнктурой.

И вот картельное движение вступило в свою вторую эпоху. Вместо преходящего явления картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Они завоевывают одну область промышленности за другой и в первую голову обработку сырых материалов. Уже в начале 1890 годов картели выработали себе в организации коксового синдиката, по образцу которого создан угольный синдикат, такую картельную технику, дальше которой движение, в сущности, не пошло. Большой подъем в конце XIX века и кризис 1900—1903 годов стоят — по крайней мере в горной и железной промышленности — впервые всецело под знаком картелей. И если тогда это казалось еще чем-то новым, то теперь для широкого общественного сознания стало само собою разумеющейся истиной, что крупные части хозяйственной жизни изъяты, как общее правило, из свободной конкуренции» *.

Итак, вот основные итоги истории монополий: 1) 1860 и 1870 годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм.

Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа и пр. Они делят между собой области сбыта. Они определяют количество производимых продуктов. Они устанавливают цены. Они распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т. д.

Число картелей в Германии определялось приблизительно в 250 в 1896 г. и в 385 в 1905 году при участии в них около 12 000 заведений **. Но все признают, что эти цифры

* Th. Vogelstein. «Die finanzielle Organisation der kapitalistischen Industrie und die Monopolbildungen» в «Grundriß der Sozialökonomik». VI Abt., Tüb., 1914 (Т. Фогельштейн. «Финансовая организация капиталистической индустрии и образование монополий» в «Основах социальной экономики». VI раздел, Тюбинген, 1914. *Ред.*). Ср. того же автора: «Organisationsformen der Eisenindustrie und Textilindustrie in England und Amerika». Bd. I, Lpz., 1910 («Организационные формы железоделательной и текстильной промышленности в Англии и Америке». Том I, Лейпциг, 1910. *Ред.*).

** Dr. Riesser. «Die deutschen Großbanken und ihre Konzentration im Zusammenhange mit der Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland». 4. Aufl., 1912, S. 149. — R. Liefmann. «Kartelle und Trusts und die Weiterbildung der volkswirtschaftlichen Organisation». 2. Aufl., 1910, S. 25 (Д-р Риссер. «Германские крупные банки и их концентрация в связи с общим развитием хозяйства в Германии». 4 изд., 1912, стр. 149. — Р. Лифман. «Картели и тресты и дальнейшее развитие народнохозяйственной организации». 2 изд., 1910, стр. 25. *Ред.*).

преуменьшены. Из приведенных выше данных германской промышленной статистики 1907 г. видно, что даже 12 000 крупнейших предприятий сосредоточивают, наверное, больше половины общего количества паровой и электрической силы. В Соединенных Штатах Северной Америки число трестов определялось в 1900 г. — в 185; в 1907 г. — в 250. Американская статистика делит все промышленные предприятия на принадлежащие отдельным лицам, фирмам и корпорациям. Последним принадлежало в 1904 году — 23,6%, в 1909 г. — 25,9%, т. е. свыше четверти общего числа предприятий. Рабочих в этих заведениях было 70,6% в 1904 и 75,6%, три четверти общего числа, в 1909 г.; размеры производства были 10,9 и 16,3 миллиардов долларов, т. е. 73,7% и 79,0% общей суммы.

В руках картелей и трестов сосредоточивается нередко семь-восемь десятых всего производства данной отрасли промышленности. Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат при своем основании в 1893 году концентрировал 86,7% всего производства угля в районе, а в 1910 году уже 95,4% *. Создающаяся таким образом монополия обеспечивает гигантские доходы и ведет к образованию технически-производственных единиц необъятного размера. Знаменитый керосиновый трест в Соединенных Штатах (Standard Oil Company) был основан в 1900 г. «Его капитал составлял 150 миллионов долларов. Выпущено было обыкновенных акций на 100 млн. и привилегированных на 106 млн. На эти последние выплачивалось дивиденда в 1900—1907 годах: 48, 48, 45, 44, 36, 40, 40, 40%, всего 367 миллионов долларов. С 1882 по 1907 год было получено чистой прибыли 889 млн. долларов; из них 606 млн. уплачены в дивиденд, а остальное пошло на резервный капитал» **. «На всех предприятиях сталеного треста (United States Steel Corporation) было в 1907 г. не менее как 210 180 рабочих и служащих. Самое крупное предприятие германской горной промышленности, Гельзенкирхенское горное общество (Gelsenkirchener Bergwerks-gesellschaft), имело в 1908 г. — 46 048 рабочих и служащих» ***.

* Dr. Fritz Kestner. «Der Organisationszwang. Eine Untersuchung über die Kämpfe zwischen Kartellen und Außenseitern». Brl., 1912, стр. 11 (Д-р Фриц Кестнер. «Принуждение к организации. Исследование о борьбе между картелями и посторонними». Берлин. *Ред.*).

** R. Liefmann. «Beteiligungs- und Finanzierungsgesellschaften. Eine Studie über den modernen Kapitalismus und das Effektenwesen». 1. Aufl., Jena, 1909, стр. 212 (Р. Лифман. «Общества участия и финансирования. Исследование современного капитализма и сущности ценных бумаг». 1 издание, Йена. *Ред.*).

*** Там же, стр. 218.

Еще в 1902 г. стальной трест производил 9 миллионов тонн стали *. Его производство стали составляло в 1901 г. — 66,3%, а в 1908 г. — 56,1% всего производства стали в Соединенных Штатах **; добыча руды — 43,9% и 46,3% за те же годы.

Отчет американской правительственной комиссии о трестах говорит: «Их превосходство над конкурентами основывается на крупных размерах их предприятий и на их превосходно поставленной технике. Табачный трест с самого своего основания прилагал все усилия к тому, чтобы в широких размерах заменять ручной труд машинным повсюду. Он скупал для этой цели все патенты, имеющие какое-либо отношение к обработке табака, и израсходовал на это громадные суммы. Многие патенты оказывались сначала негодными, и их приходилось перерабатывать инженерам, состоящим на службе у треста. В конце 1906 г. было создано два филиальных общества с исключительной целью скупки патентов. Для той же цели трест основал свои литейни, машинные фабрики и починочные мастерские. Одно из этих заведений, в Бруклине, занимает в среднем 300 рабочих; здесь производятся опыты над изобретениями для производства папирос, маленьких сигар, нюхательного табака, листового олова для упаковки, коробок и пр.; здесь же усовершенствуются изобретения» ***. «И другие тресты держат у себя на службе так называемых *developping engineers* (инженеров для развития техники), задачей которых является изобретать новые приемы производства и испытывать технические улучшения. Стальной трест платит своим инженерам и рабочим высокие премии за изобретения, способные повысить технику или уменьшить издержки» ****.

Подобным же образом организовано дело технических улучшений в германской крупной промышленности, например, в химической, которая развилась так гигантски за последние десятилетия. Процесс концентрации производства уже к 1908 г. создал в этой промышленности две главные

* Dr. S. Tschierschky. «Kartell und Trust». Gött., 1903, str. 13 (Д-р З. Чиршки. «Картель и трест». Гёттинген. *Ред.*).

** Th. Vogelstein. «Organisationsformen», стр. 275.

*** Report of the Commissioner of Corporations on the Tobacco Industry. Washington, 1909, стр. 266 (Отчет члена комиссии об объединениях в табачной промышленности. Вашингтон. *Ред.*) — цитировано по книге «Dr. Paul Tafel. «Die nordamerikanischen Trusts und ihre Wirkungen auf den Fortschritt der Technik». Stuttgart, 1913, стр. 48 (Д-р Пауль Тафель. «Североамериканские тресты и их влияние на прогресс техники». Штутгарт. *Ред.*).

**** Там же, стр. 48—49.

«группы», которые по-своему тоже подходили к монополии. Сначала эти группы были «двойственными союзами» двух пар крупнейших фабрик, с капиталом каждая в 20—21 миллион марок: с одной стороны, бывшая Майстера, фабрика в Хохсте и Касселлэ в Франкфурте-на-Майне, с другой стороны, анилиновая и содовая фабрика в Людвигсхафене и бывшая Байера в Эльберфельде. Затем в 1905 г. одна группа, а в 1908 г. другая вошла в соглашение каждая еще с одной крупной фабрикой. Получилось два «тройственных союза» с капиталом в 40—50 миллионов марок каждый, и между этими «союзами» уже началось «сближение», «договоры» о ценах и т. д.*.

Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований.

Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, который «делят» между собою, по договорному соглашению, эти союзы. Монополизированы обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры, захватываются пути и средства сообщения — железные дороги в Америке, пароходные общества в Европе и в Америке. Капитализм в его империалистской стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению.

Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным на-

* Riesser, назв. соч., стр. 547 и сл. по 3-му изд. Газеты сообщают (июнь 1916) о новом гигантском тресте, объединяющем химическую промышленность Германии.

селением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее.

Немецкий экономист Кестнер посвятил особое сочинение «борьбе между картелями и посторонними», т. е. не входящими в картель предпринимателями. Он назвал это сочинение: «Принуждение к организации», тогда как надо было бы говорить, конечно, чтобы не прикрашивать капитализма, о принуждении к подчинению союзам монополистов. Поучительно взглянуть просто хотя бы на перечень тех средств современной, новейшей, цивилизованной, борьбы за «организацию», к которым прибегают союзы монополистов: 1) лишение сырых материалов («...один из важнейших приемов для принуждения к вступлению в картель»); 2) лишение рабочих рук посредством «альянсов» (т. е. договоров капиталистов с рабочими союзами о том, чтобы последние принимали работу только на картелированных предприятиях); 3) лишение подвоза; 4) лишение сбыта; 5) договор с покупателем о ведении торговых сношений исключительно с картелями; 6) планомерное сбивание цен (для разорения «посторонних», т. е. предприятий, не подчиняющихся монополистам, расходуются миллионы на то, чтобы известное время продавать ниже себестоимости: в бензинной промышленности бывали примеры понижения цен с 40 до 22-х марок, т. е. почти вдвое!); 7) лишение кредита; 8) объявление бойкота.

Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу. Вот как отражается этот процесс в сознании буржуазного экономиста:

«Даже в области чисто хозяйственной деятельности, — пишет Кестнер, — происходит известная передвижка от торговой деятельности в прежнем смысле к организаторски-спекулятивной. Наибольшим успехом пользуется не купец, умеющий на основании своего технического и торгового опыта всего лучше определить потребности покупателей, найти и, так сказать, «открыть» спрос, остающийся в скрытом состоянии, а спекулятивный гений (?!), умеющий наперед усчитать или хотя бы только почуять организационное развитие, возможность известных связей между отдельными предприятиями и банками...».

В переводе на человеческий язык это значит: развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются

«гениям» финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам. Мы увидим ниже, как «на этом основании» меланхолически-реакционная критика капиталистического империализма мечтает о возвращении *назад*, к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции.

«Длительное повышение цен, как результат образования картелей, — говорит Кестнер, — до сих пор наблюдалось только по отношению к важнейшим средствам производства, особенно каменному углю, железу, кали; и, наоборот, никогда не наблюдалось по отношению к готовым продуктам. Связанное с этим повышение доходности равным образом ограничивалось индустрией, производящей средства производства. Это наблюдение надо еще дополнить тем, что промышленность, обрабатывающая сырые материалы (а не полуфабрикаты), не только извлекает выгоды в виде высоких прибылей благодаря образованию картелей к ущербу для промышленности, занятой дальнейшей переработкой полуфабрикатов, но и стала по отношению к этой промышленности в известное *отношение господства*, которого не было при свободной конкуренции» *.

Подчеркнутые нами слова показывают ту суть дела, которую так неохотно и редко признают буржуазные экономисты и от которой так усердно стараются отговориться и отмахнуться современные защитники оппортунизма с К. Каутским во главе. Отношения господства и связанного с ним насилия — вот что типично для «новейшей фазы в развитии капитализма», вот что с неизбежностью должно было произойти и произошло из образования всемогущих экономических монополий.

Приведем еще один пример хозяйничанья картелей. Там, где можно захватить в свои руки все или главные источники сырья, возникновение картелей и образование монополий особенно легко. Но было бы ошибкой думать, что монополии не возникают и в других отраслях промышленности, где захват источников сырья невозможен. В цементной промышленности сырой материал имеется всюду. Но и эта промышленность сильно картелирована в Германии. Заводы объединились в порайонные синдикаты: южногерманский, рейнско-вестфальский и т. д. Цены установлены монопольные: 230—280 марок за вагон при себестоимости в 180 марок! Предприятия

* Кестнер, назв. соч., стр. 254.

дают 12—16% дивиденда, причем не надо забывать, что «гении» современной спекуляции умеют направлять в свои карманы большие суммы прибылей помимо того, что распределяется как дивиденд. Чтобы устранить конкуренцию из столь прибыльной промышленности, монополисты пускаются даже на уловки: распространяются ложные слухи о плохом положении промышленности, печатаются анонимные объявления в газетах: «капиталисты! остерегайтесь вкладывать капиталы в цементное дело»; наконец, скупают заведения «посторонних» (т. е. не участвующих в синдикатах), платят им «отступного» 60—80—150 тысяч марок*. Монополия пролагает себе дорогу всюду и всяческими способами, начиная от «скромного» платежа отступного и кончая американским «применением» динамита к конкуренту.

Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в *некоторых* отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную *всему* капиталистическому производству в целом. Несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше. Привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная так называемая *тяжелая* индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности «к еще более острому отсутствию планомерности», как признается Ейдэльс, автор одной из лучших работ об «отношении немецких крупных банков к промышленности»**.

«Чем развитее народное хозяйство, — пишет Лифман, беспардонный защитник капитализма, — тем больше обращается оно к более рискованным или к заграничным предприятиям, к таким, которые требуют продолжительного времени для своего развития, или, наконец, к таким, которые имеют только местное значение»***. Увеличение рискованности связано, в конце концов, с гигантским увеличением капитала, который, так сказать, льется через край, течет за границу и т. д. А вместе с тем усиленно быстрый рост техники несет с собой все больше элементов несоответствия между различными

* «Zement» von L. Eschwege. «Die Bank»³⁷³, 1909, 1, стр. 115 и следующие («Цемент» Л. Эшwege. «Банк». *Ред.*).

** Jeidels. «Das Verhältnis der deutschen Großbanken zur Industrie mit besonderer Berücksichtigung der Eisenindustrie». Lpz., 1905, стр. 271 (Ейдэльс. «Отношение немецких крупных банков к промышленности, в особенности к металлургической промышленности». Лейпциг. *Ред.*).

*** Liefmann. «Beteiligungs- etc. Ges.», стр. 434.

сторонами народного хозяйства, хаотичности, кризисов. «Вероятно, — вынужден признать тот же Лифман, — человечеству предстоят в недалеком будущем снова крупные перевороты в области техники, которые проявят свое действие и на народнохозяйственную организацию»... электричество, воздухоплавание... «Обыкновенно и по общему правилу в такие времена коренных экономических изменений развивается сильная спекуляция...» *

А кризисы — всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические — в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии. Вот чрезвычайно поучительное рассуждение Ейдэльса о значении кризиса 1900 года, кризиса, сыгравшего, как мы знаем, роль поворотного пункта в истории новейших монополий:

«Кризис 1900 года застал наряду с гигантскими предприятиями в главных отраслях промышленности еще много предприятий с организацией, по теперешним понятиям, устарелую, «чистые» предприятия» (т. е. не комбинированные), «поднявшиеся вверх на гребне волны промышленного подъема. Падение цен, понижение спроса привели эти «чистые» предприятия в такое бедственное положение, которое либо вовсе не коснулось комбинированных гигантских предприятий, либо затронуло их на совсем короткое время. Вследствие этого кризис 1900 года в несравненно большей степени привел к промышленной концентрации, чем кризис 1873 года: этот последний создал тоже известный отбор лучших предприятий, но при тогдашнем уровне техники этот отбор не мог привести к монополии предприятий, сумевших победоносно выйти из кризиса. Именно такой длительной монополией, и притом в высокой степени, обладают гигантские предприятия теперешней железодельательной и электрической промышленности благодаря их очень сложной технике, их далеко проведенной организации, мощи их капитала, а затем в меньшей степени и предприятия машиностроительной, известных отраслей металлургической промышленности, путей сообщения и пр.» **.

Монополия — вот последнее слово «новейшей фазы в развитии капитализма». Но наши представления о действительной силе и значении современных монополий были бы крайне недостаточны, неполны, преуменьшены, если бы мы не принимали во внимание роли банков.

* Liefmann. «Beteiligungs- etc. Ges.», стр. 465—466.

** Jeidels, стр. 108.

II. БАНКИ И ИХ НОВАЯ РОЛЬ

Основной и первоначальной операцией банков является посредничество в платежах. В связи с этим банки превращают бездействующий денежный капитал в действующий, т. е. приносящий прибыль, собирают все и всяческие денежные доходы, предоставляя их в распоряжение класса капиталистов.

По мере развития банковского дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в всемогущих монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм, и потому на концентрации банковского дела нам надо в первую голову остановиться.

В 1907/8 г. вклады всех акционерных банков Германии, обладавших капиталом более 1 миллиона марок, составляли 7 миллиардов марок; в 1912/3 г. — уже 9,8 миллиарда. Увеличение на 40% за пять лет, причем из этих 2,8 млрд. увеличения 2,75 млрд. приходится на 57 банков, имевших капитал свыше 10 миллионов марок. Распределение вкладов между крупными и мелкими банками было следующее*:

Процент всех вкладов

	у берлинских крупных бан- ков, числом 9	у остальных 48-ми банков с капиталом свыше 10 млн. марок	у 115 банков с капиталом 1—10 млн.	у мелких банков (менее 1 млн.)
1907/8	47	32,5	16,5	4
1912/3	49	36	12	3

Мелкие банки оттеснены крупными, из которых всего девять концентрируют почти половину всех вкладов. Но здесь еще не принято очень много внимания, например, превращение целого ряда мелких банков в фактические отделения крупных и т. д., о чем пойдет речь ниже.

* Alfred Lansburgh. «Fünf Jahre d. Bankwesen», «Die Bank», 1913, № 8, стр. 728 (Альфред Лансбург. «Пять лет деятельности немецких банков», «Банк». *Ред.*).

В конце 1913 года Шульце-Гевеверниц определял вклады 9-ти берлинских крупных банков в 5,1 миллиарда марок из общей суммы около 10 миллиардов. Принимая во внимание не только вклады, а весь банковый капитал, тот же автор писал: «В конце 1909 года 9 берлинских крупных банков, *вместе с примыкающими к ним банками*, управляли 11,3 миллиарда марок, т. е. около 83% всей суммы немецкого банкового капитала. «Немецкий банк» («Deutsche Bank»), управляющий, *вместе с примыкающими к нему банками*, суммой около 3 миллиардов марок, является, рядом с прусским управлением государственных железных дорог, самым крупным, и притом в высокой степени децентрализованным, скоплением капитала в старом свете» *.

Мы подчеркнули указание на «примыкающие» банки, ибо оно относится к одной из самых важных отличительных особенностей новейшей капиталистической концентрации. Крупные предприятия, банки в особенности, не только прямо поглощают мелкие, но и «присоединяют» их к себе, подчиняют их, включают в «свою» группу, в свой «концерн» — как гласит технический термин — посредством «участия» в их капитале, посредством скупки или обмена акций, системы долговых отношений и т. п. и т. д. Профессор Лифман посвятил целый огромный «труд» в полтысячи страниц описанию современных «обществ участия и финансирования» ** — к сожалению, с добавлением весьма низкопробных «теоретических» рассуждений к часто непереваренному сырому материалу. К какому итогу в смысле концентрации приводит эта система «участий», лучше всего показано в сочинении банкового «деятеля» Риссера о немецких крупных банках. Но прежде чем переходить к его данным, мы приведем один конкретный пример системы «участий».

«Группа» «Немецкого банка» — одна из самых крупных, если не самая крупная, из всех групп больших банков. Чтобы учесть главные нити, связывающие вместе все банки этой группы, надо различать «участия» первой, второй и третьей степени или, что то же, зависимость (более мелких банков

* Schulze-Gaevernitz. «Die deutsche Kreditbank» в «Grundriß der Sozialökonomik». Tüb., 1915, стр. 12 и 137 (Шульце-Гевеверниц. «Немецкий кредитный банк» в «Основах социальной экономики». Тюбинген. Ред.).

** R. Liefmann. «Beteiligungs- und Finanzierungsgesellschaften. Eine Studie über den modernen Kapitalismus und das Effektenwesen», 1. Aufl., Jena, 1909, стр. 212.

от «Немецкого банка») первой, второй и третьей степени. Получается такая картина*:

	Зависимость первой степени:	Зависимость второй степени:	Зависимость третьей степени:
«Нем. банк» участ- вует:	постоянно в....17 банках; на неизвест- ное вре- мя.....» 5 »	из них 9 в 34; —	из них 4 в 7 —
	от времени до време- ни.....» 8 »	» » 5 » 14;	» » 2 » 2
	Всего... в 30 банках; из них 14 в 48; из них 6 в 9		

В число 8-ми банков «первой степени зависимости», подчиненных «Немецкому банку» «от времени до времени», входит три заграничных банка: один австрийский (венский «Банковый союз» — «Bankverein») и два русских (Сибирский торговый и Русский банк для внешней торговли). Всего в группу «Немецкого банка» входит, прямо и косвенно, целиком и отчасти, 87 банков, а общая сумма капитала, своего и чужого, которым распоряжается группа, определяется в 2—3 миллиарда марок.

Ясно, что банк, стоящий во главе такой группы и входящий в соглашения с полдюжиной других, немного уступающих ему банков, для особенно больших и выгодных финансовых операций, вроде государственных займов, вырос уже из роли «посредника» и превратился в союз горстки монополистов.

С какой быстротой именно в конце XIX и начале XX века шла концентрация банкового дела в Германии, видно из следующих, приводимых нами в сокращенном виде, данных Риссера:

6 берлинских крупных банков имели

Г о д ы	Отделений в Германии	Депозитных касс и меняль- ных контор	Постоянн. уча- стий в немецких акционер. банках	Всего всех учрежде- ний
1895	16	14	1	42
1900	21	40	8	80
1911	104	276	63	450

Мы видим, как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и

* Alfred Lansburgh. «Das Beteiligungssystem im deutschen Bankwesen», «Die Bank», 1910, 1, стр. 500 (Альфред Лансбург. «Система участия в немецком банковом деле», «Банк». *Ред.*).

денежные доходы, превращающих тысячи и тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство. Та «децентрализация», о которой говорил в приведенной выше цитате Шульце-Геверниц от имени буржуазной политической экономии наших дней, на деле состоит в подчинении единому центру все большего и большего числа бывших ранее сравнительно «самостоятельными» или, вернее, локально (местно)-замкнутыми хозяйственных единиц. На деле, значит, это — *централизация*, усиление роли, значения, мощи монополистических гигантов.

В более старых капиталистических странах эта «банковская сеть» еще гуще. В Англии с Ирландией в 1910 г. число отделений всех банков определялось в 7151. Четыре крупных банка имели каждый свыше 400 отделений (от 447 до 689), затем еще 4 свыше 200 и 11 свыше 100.

Во Франции *три* крупнейших банка, «Crédit Lyonnais», «Comptoir National» и «Société Générale»*, развивали свои операции и сеть своих отделений следующим образом**:

	Число отделений и касс			Размер капитала	
	в провинции	в Париже	всего	своего (млн. франков)	чужого
1870	47	17	64	200	427
1890	192	66	258	265	1 245
1909	1 033	196	1 229	887	4 363

Для характеристики «связей» современного крупного банка Риссер приводит данные о числе писем, отправляемых и получаемых «Учетным обществом» («Disconto-Gesellschaft»), одним из самых больших банков в Германии и во всем мире (капитал его в 1914 г. дошел до 300 миллионов марок):

	Число писем	
	входящих	исходящих
1852	6 135	6 292
1870	85 800	87 513
1900	533 102	626 043

В парижском крупном банке, «Лионский кредит», число счетов с 28 535 в 1875 году поднялось до 633 539 в 1912 году***.

* «Лионский кредит», «Национальная учетная контора» и «Генеральное общество». *Ред.*

** Eugen Kaufmann. «Das französische Bankwesen». Tüb., 1911, стр. 356 и 362 (Евгений Кауфман. «Банковое дело во Франции». Тюбинген. *Ред.*).

*** Jean Lescure. «L'épargne en France». P., 1914, стр. 52 (Жан Лескюр, «Сбережения во Франции». Париж. *Ред.*).

Эти простые цифры, пожалуй, нагляднее, чем длинные рассуждения, показывают, как с концентрацией капитала и ростом оборотов банков изменяется коренным образом их значение. Из разрозненных капиталистов складывается один коллективный капиталист. Ведя текущий счет для нескольких капиталистов, банк исполняет как будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность — через банковые связи, через текущие счета и другие финансовые операции — сначала *точно узнавать* состояние дел у отдельных капиталистов, затем *контролировать* их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита, и наконец *всецело определять* их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п.

Мы упомянули сейчас о капитале в 300 млн. марок у «Учетного общества» в Берлине. Это увеличение капитала «Учетным обществом» было одним из эпизодов борьбы за гегемонию между двумя из самых больших берлинских банков, «Немецким банком» и «Учетным обществом». В 1870 году первый был еще новичком и обладал капиталом всего в 15 млн., второй в 30 млн. В 1908 году первый имел капитал в 200 млн., второй в 170 млн. В 1914 году первый поднял капитал до 250 млн., второй, посредством слияния с другим первоклассно-крупным банком, «Шафгаузенским союзным банком», до 300 млн. И, разумеется, эта борьба за гегемонию идет рядом с учащающимися и упрочивающимися «соглашениями» обоих банков. Вот какие выводы навязывает этот ход развития специалистам по банковому делу, смотрящим на экономические вопросы с точки зрения, никоим образом не выходящей за пределы умереннейшего и аккуратнейшего буржуазного реформаторства:

«Другие банки последуют по тому же пути, — писал немецкий журнал «Банк» по поводу повышения капитала «Учетного общества» до 300 млн., — и из 300 человек, которые теперь экономически правят Германией, останется со временем 50, 25 или еще менее. Нельзя ожидать, что новейшее концентрационное движение ограничится одним банковым делом. Тесные связи между отдельными банками естественно ведут также к сближению между синдикатами промышленников, которым покровительствуют эти банки... В один прекрасный день мы проснемся, и перед нашими изумленными

глазами окажутся одни только тресты; перед нами будет стоять необходимость заменить частные монополии государственными монополиями. И тем не менее нам, в сущности, не за что упрекнуть себя кроме как за то, что мы предоставили развитию вещей свободный ход, немного ускоренный акцией» *.

Вот образец беспомощности буржуазной публицистики, от которой буржуазная наука отличается только меньшей искренностью и стремлением затушевать суть дела, заслонить лес деревьями. «Изумляться» перед последствиями концентрации, «упрекать» правительство капиталистической Германии или капиталистическое «общество» («мы»), бояться «ускорения» концентрации от введения акций, как один немецкий специалист «по картелям», Чиршки, боится американских трестов и «предпочитает» немецкие картели, ибо они будто бы способны «не так чрезмерно ускорять технический и экономический прогресс, как тресты» **, — разве это не беспомощность?

Но факты остаются фактами. В Германии нет трестов, а есть «только» картели, но ею *управляют* не более 300 магнатов капитала. И число их неуклонно уменьшается. Банки во всяком случае, во всех капиталистических странах, при всех разновидностях банковского законодательства, — во много раз усиливают и ускоряют процесс концентрации капитала и образования монополий.

«Банки создают в общественном масштабе форму, но именно только форму, общего счетоводства и общего распределения средств производства», — писал Маркс полвека тому назад в «Капитале» (рус. пер., т. III, ч. II, с. 144³⁷⁴). Приведенные нами данные о росте банковского капитала, об увеличении числа контор и отделений крупнейших банков, числа их счетов и пр. показывают нам конкретно это «общее счетоводство» *всего* класса капиталистов и даже не только капиталистов, ибо банки собирают, хотя бы на время, всяческие денежные доходы, и мелких хозяйчиков, и служащих, и ничтожного верхнего слоя рабочих. «Общее распределение средств производства» — вот что *растет*, с формальной стороны дела, из современных банков, которые, в числе каких-нибудь трех — шести крупнейших банков Франции, шести — восьми в Германии, распоряжаются миллиардами и миллиардами. Но по *содержанию* своему это распределение средств

* A. Lansburgh. «Die Bank mit den 300 Millionen», «Die Bank», 1914, I, стр. 426 (А. Лансбург. «Банк с 300 миллионами», «Банк», *Ред.*).

** S. Tschierschky, назв. соч., стр. 128.

производства совсем не «общее», а частное, т. е. сообразованное с интересами крупного — и в первую голову крупнейшего, монополистического — капитала, действующего в таких условиях, когда масса населения живет впроголодь, когда все развитие земледелия безнадежно отстает от развития промышленности, а в промышленности «тяжелая индустрия» берет дань со всех остальных ее отраслей.

В деле обобществления капиталистического хозяйства конкуренцию банкам начинают оказывать сберегательные кассы и почтовые учреждения, которые более «децентрализованы», т. е. захватывают в круг своего влияния большее количество местностей, большее число захолустий, более широкие круги населения. Вот данные, собранные американской комиссией, по вопросу о сравнительном развитии вкладов в банки и в сберегательные кассы*:

Вклады (в миллиардах марок)							
	Англия		Франция		Германия		
	в банки	в сбер. кассы	в банки	в сбер. кассы	в банки	в кред. товарищ.	в сбер. кассы
1880	8,4	1,6	?	0,9	0,5	0,4	2,6
1888	12,4	2,0	1,5	2,1	1,1	0,4	4,5
1908	23,2	4,2	3,7	4,2	7,1	2,2	13,9

Платя по 4 и по 4¹/₄ % по вкладам, сберегательные кассы вынуждены искать «доходного» помещения своим капиталам, пускаться в вексельные, ипотечные и прочие операции. Границы между банками и сберегательными кассами «все более стираются». Торговые палаты, например, в Бохуме, в Эрфурте, требуют «запретить» сберегательным кассам вести «чисто» банковые операции вроде учета векселей, требуют ограничения «банковской» деятельности почтовых учреждений**. Банковые тузы как бы боятся, не подкрадывается ли к ним государственная монополия с неожиданной стороны. Но, разумеется, эта боязнь не выходит за пределы конкуренции, так сказать, двух столоначальников в одной канцелярии. Ибо, с одной стороны, миллиардными капиталами сберегательных касс распоряжаются на деле в конце концов те же магнаты банкового капитала; а с другой стороны, государственная

* Данные американской National Monetary Commission в «Die Bank» (Национальной денежной комиссии в журнале «Банк». *Red.*), 1910, 2, стр. 1200.

** Данные американской National Monetary Commission в «Die Bank», 1913, стр. 811, 1022; 1914, стр. 713.

монополия в капиталистическом обществе есть лишь средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности.

Смена старого капитализма, с господством свободной конкуренции, новым капитализмом, с господством монополии, выражается, между прочим, в падении значения биржи. «Биржа давно перестала быть, — пишет журнал «Банк», — необходимым посредником обращения, каким она была раньше, когда банки не могли еще размещать большей части выпускаемых фондовых ценностей среди своих клиентов»*.

««Всякий банк есть биржа» — это современное изречение включает в себе тем больше правды, чем крупнее банк, чем больше успехов делает концентрация в банковом деле»**.

«Если прежде, в 70-х годах, биржа, с ее юношескими эксцессами» («тонкий» намек на биржевой крах 1873 г.³⁷⁵, на грюндерские скандалы³⁷⁶ и пр.), «открывала эпоху индустриализации Германии, то в настоящее время банки и промышленность могут «справляться самостоятельно». Господство наших крупных банков над биржей... есть не что иное, как выражение полностью организованного немецкого промышленного государства. Если таким образом суживается область действия автоматически функционирующих экономических законов и чрезвычайно расширяется область сознательного регулирования через банки, то в связи с этим гигантски возрастает и народнохозяйственная ответственность немногих руководящих лиц», — так пишет немецкий профессор Шульце-Геверниц***, апологет немецкого империализма, авторитет для империалистов всех стран, старающийся затушевать «мелочь», именно, что это «сознательное регулирование» через банки состоит в обирании публики горсткою «полностью организованных» монополистов. Задача буржуазного профессора состоит не в раскрытии всей механики, не в разоблачении всех проделок банковых монополистов, а в прикрашивании их.

Точно так же и Риссер, еще более авторитетный экономист и банковый «деятель», отделяется ничего не говорящими фразами по поводу фактов, отрицать которые невозможно: «биржа все более теряет безусловно необходимое для всего хозяйства и для обращения ценных бумаг свойство быть не только самым точным измерительным инструментом,

* «Die Bank», 1914, 1, стр. 316.

** Dr. Oscar Stillich. «Geld- und Bankwesen». Berlin, 1907, стр. 169 (Д-р Оскар Штиллих. «Деньги и банковое дело». Берлин. *Ред.*).

*** Schulze-Gaevernitz. «Die deutsche Kreditbank» в «Grundriß der Sozialökonomik», Tüb., 1915, стр. 101.

но и почти автоматически действующим регулятором экономических движений, стекающихся к ней» *.

Другими словами: старый капитализм, капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое. Ему на смену пришел новый капитализм, носящий на себе явные черты чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции с монополией. Естественно напрашивается вопрос, к чему «переходит» этот новейший капитализм, но поставить этот вопрос буржуазные ученые боятся.

«Тридцать лет тому назад свободно конкурирующие предприниматели выполняли $\frac{9}{10}$ той экономической работы, которая не принадлежит к области физического труда «рабочих». В настоящее время чиновники выполняют $\frac{9}{10}$ этой экономической умственной работы. Банковое дело стоит во главе этого развития» **. Это признание Шульце-Геверница еще и еще раз упирается в вопрос о том, переходом к чему является новейший капитализм, капитализм в его империалистической стадии. — — —

Между немногими банками, которые в силу процесса концентрации остаются во главе всего капиталистического хозяйства, естественно все больше намечается и усиливается стремление к монополистическому соглашению, к *тресту банков*. В Америке не девять, а *два* крупнейших банка, миллиардеров Рокфеллера и Моргана, господствуют над капиталом в 11 миллиардов марок ***. В Германии отмеченное нами выше поглощение «Шафгаузенского союзного банка» «Учетным обществом» вызвало следующую оценку со стороны газеты биржевых интересов, «Франкфуртской Газеты»:

«С ростом концентрации банков суживается тот круг учреждений, к которому вообще можно обратиться за кредитом, в силу чего увеличивается зависимость крупной промышленности от немногих банковых групп. При тесной связи между промышленностью и миром финансистов, свобода движения промышленных обществ, нуждающихся в банковом капитале, оказывается стесненной. Поэтому крупная промышленность смотрит на усиливающееся трестирование (объединение или превращение в тресты) банков со смешанными чувствами; в самом деле, уже неоднократно приходилось наблюдать зачатки известных соглашений между

* Риссер, назв. соч., стр. 629 по 4 изд.

** Schulze-Gaevernitz. «Die deutsche Kreditbank» в «Grundriß der Sozialökonomik». Tüb., 1915, стр. 151.

*** «Die Bank», 1912, 1, стр. 435.

отдельными концернами крупных банков, соглашений, сводящихся к ограничению конкуренции» *.

Опять и опять последнее слово в развитии банковского дела — монополия.

Что касается до тесной связи между банками и промышленностью, то именно в этой области едва ли не нагляднее всего сказывается новая роль банков. Если банк учитывает векселя данного предпринимателя, открывает для него текущий счет и т. п., то эти операции, взятые в отдельности, ни на йоту не уменьшают самостоятельности этого предпринимателя, и банк не выходит из скромной роли посредника. Но если эти операции учащаются и упрочиваются, если банк «собирает» в свои руки громадных размеров капиталы, если ведение текущих счетов данного предприятия позволяет банку — а это так и бывает — все детальнее и полнее узнавать экономическое положение его клиента, то в результате получается все более полная зависимость промышленного капиталиста от банка.

Вместе с этим развивается, так сказать, личная уния банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, слияние тех и других посредством владения акциями, посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торгово-промышленных предприятий и обратно. Немецкий экономист Ейдэльс собрал подробнейшие данные об этом виде концентрации капиталов и предприятий. Шесть крупнейших берлинских банков были представлены через своих директоров в 344 промышленных обществах и через своих членов правления еще в 407, итого в 751 обществе. В 289 обществах они имели либо по два члена наблюдательных советов либо места их председателей. Среди этих торгово-промышленных обществ мы встречаем самые разнообразные отрасли промышленности, и страховое дело, и пути сообщения, и рестораны, и театры, и художественную промышленность и пр. С другой стороны, в наблюдательных советах тех же шести банков был (в 1910 г.) 51 крупнейший промышленник, в том числе директор фирмы Крупп, гигантского паровозного общества «Нараг» (Hamburg — Amerika) и т. д. и т. п. Каждый из шести банков с 1895 по 1910 год участвовал в выпуске акций и облигаций для многих сотен промышленных обществ, именно: от 281 до 419 **.

«Личная уния» банков с промышленностью дополняется «личной унией» тех и других обществ с правительством.

* Цитировано у Шульце-Геверница в «Grdr. d. S.-Oek.», стр. 155.

** Ейдэльс и Риссер, назв. соч.

«Места членов наблюдательных советов, — пишет Ейдэльс, — добровольно предоставляют лицам с громкими именами, а также бывшим чиновникам по государственной службе, которые могут доставить не мало облегчений (!!) при сношениях с властями»... «В наблюдательном совете крупного банка встречаешь обыкновенно члена парламента или члена берлинской городской Думы».

Выработка и разработка, так сказать, крупнокапиталистических монополий идет, следовательно, на всех парах всеми «естественными» и «сверхъестественными» путями. Складывается систематически известное разделение труда между несколькими сотнями финансовых королей современного капиталистического общества:

«Наряду с этим расширением области деятельности отдельных крупных промышленников» (вступающих в правления банков и т. п.) «и с предоставлением в ведение провинциальных директоров банков исключительно одного определенного промышленного округа идет известный рост специализации среди руководителей крупных банков. Такая специализация мыслима вообще лишь при больших размерах всего банкового предприятия и его промышленных связей в особенности. Это разделение труда идет по двум направлениям: с одной стороны, сношения с промышленностью в целом поручаются одному из директоров, как его специальное дело; с другой стороны, каждый директор берет на себя надзор за отдельными предприятиями или за группами предприятий, близких между собой по профессии или по интересам»... (Капитализм уже дорос до организованного *надзора* за отдельными предприятиями)... «У одного специальностью является германская промышленность, иногда даже только западногерманская» (западная Германия — наиболее промышленная часть Германии), «у других — отношения к государствам и промышленности заграницы, сведения о личности промышленников и пр., биржевые дела и т. д. Кроме того, часто каждый из директоров банка получает в свое заведение особую местность или особую отрасль промышленности; один работает главным образом в наблюдательных советах электрических обществ, другой в химических фабриках, пивоваренных или свеклосахарных заводах, третий в немногих изолированных предприятиях, а рядом с этим в наблюдательном совете страховых обществ... Одним словом, несомненно, что в крупных банках, по мере роста размеров и разнообразия их операций, складывается все большее разделение труда между руководителями, — с той целью (и с таким результатом), чтобы несколько поднять их, так сказать,

выше чисто банковых дел, сделать их более способными к суждению, более знающими толк в общих вопросах промышленности и в специальных вопросах отдельных ее отраслей, подготовить их к деятельности в области промышленной сферы влияния банка. Эта система банков дополняется стремлением выбирать в свои наблюдательные советы людей, хорошо знакомых с промышленностью, предпринимателей, бывших чиновников, особенно служивших по железнодорожному, горному ведомству» и т. д. *.

Однородные учреждения, только в иной чуточку форме, встречаем в французском банковом деле. Например, один из трех крупнейших французских банков, «Лионский кредит», организовал у себя особое «отделение сбора финансовых сведений» (*service des études financières*). В нем работает постоянно свыше 50 человек инженеров, статистиков, экономистов, юристов и пр. Стоит оно от 6 до 7 сот тысяч франков в год. Подразделено в свою очередь на 8 отделов: один собирает сведения специально о промышленных предприятиях, другой изучает общую статистику, третий — железнодорожные и паровозные общества, четвертый — фонды, пятый — финансовые отчеты и т. д. **.

Получается, с одной стороны, все большее слияние, или, как выразился удачно Н. И. Бухарин, сращивание банкового и промышленного капиталов, а с другой стороны, перерастание банков в учреждения поистине «универсального характера». Мы считаем необходимым привести точные выражения по этому вопросу Ейдэльса, писателя, лучше всех изучавшего дело:

«Как результат рассмотрения промышленных связей в их совокупности, мы получаем *универсальный характер* финансовых институтов, работающих на промышленность. В противоположность к другим формам банков, в противоположность к выставлявшимся иногда в литературе требованиям, что банки должны специализироваться на определенной области дел или отрасли промышленности, чтобы не терять почвы под ногами, — крупные банки стремятся сделать свои связи с промышленными предприятиями как можно более разнообразными по месту и роду производства, стараются устранить те неравномерности в распределении капитала между отдельными местностями или отраслями промышленности, которые объясняются из истории отдельных предприятий». «Одна

* Ейдэльс, назв. соч., стр. 156—157.

** Статья Eug. Kaufmann'a о французских банках в «Die Bank», 1909, 2, стр. 851 слл.

тенденция состоит в том, чтобы сделать связь с промышленностью общим явлением; другая — в том, чтобы сделать ее прочной и интенсивной; обе осуществлены в шести крупных банках не полностью, но уже в значительных размерах и в одинаковой степени».

Со стороны торгово-промышленных кругов нередко слышатся жалобы на «терроризм» банков. И неудивительно, что подобные жалобы раздаются, когда крупные банки «командуют» так, как показывает следующий пример. 19 ноября 1901 года один из так называемых берлинских *d* банков (названия четырех крупнейших банков начинаются на букву *d*) обратился к правлению северозападносреднегерманского цементного синдиката со следующим письмом: «Из сообщения, которое вы опубликовали 18-го текущего месяца в газете такой-то, видно, что мы должны считаться с возможностью, что на общем собрании вашего синдиката, имеющем состояться 30-го сего месяца, будут приняты решения, способные произвести в вашем предприятии изменения, для нас неприемлемые. Поэтому мы, к нашему глубокому сожалению, вынуждены прекратить вам тот кредит, коим вы пользовались... Но если на этом общем собрании не будет принято неприемлемых для нас решений и нам будут даны соответствующие гарантии в этом отношении насчет будущего, то мы выражаем готовность вступить в переговоры об открытии вам нового кредита» *.

В сущности, это те же жалобы мелкого капитала на гнет крупного, только в разряд «мелких» попал здесь целый синдикат! Старая борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой ступени развития. Понятно, что и технический прогресс миллиардные предприятия крупных банков могут двигать вперед средствами, не идущими ни в какое сравнение с прежними. Банки учреждают, например, особые общества технических исследований, результатами которых пользуются, конечно, только «дружественные» промышленные предприятия. Сюда относится «Общество для изучения вопроса об электрических железных дорогах», «Центральное бюро для научно-технических исследований» и т. п.

Сами руководители крупных банков не могут не видеть, что складываются какие-то новые условия народного хозяйства, но они беспомощны перед ними:

«Кто наблюдал в течение последних лет, — пишет Ейдэльс, — смену лиц на должностях директоров и членов

* Dr. Oscar Stillich. «Geld- und Bankwesen». Berlin, 1907, стр. 147.

наблюдательных советов крупных банков, тот не мог не заметить, как власть переходит постепенно в руки лиц, считающих необходимой и все более насущной задачей крупных банков активное вмешательство в общее развитие промышленности, причем между этими лицами и старыми директорами банков развивается отсюда расхождение на деловой, а часто и на личной почве. Дело идет в сущности о том, не страдают ли банки, как кредитные учреждения, от этого вмешательства банков в промышленный процесс производства, не приносятся ли солидные принципы и верная прибыль в жертву такой деятельности, которая не имеет ничего общего с посредничеством в доставлении кредита и которая заводит банк в такую область, где он еще больше подчинен слепому господству промышленной конъюнктуры, чем прежде. Так говорят многие из старых руководителей банков, а большинство молодых считает активное вмешательство в вопросы промышленности такой же необходимостью, как и та, которая вызвала к жизни вместе с современной крупной промышленностью и крупные банки и новейшее промышленное банковское предприятие. Лишь в том согласны между собою обе стороны, что не существует ни твердых принципов, ни конкретной цели для новой деятельности крупных банков» *.

Старый капитализм отжил. Новый является переходом к чему-то. Найти «твердые принципы и конкретную цель» для «примирения» монополии со свободной конкуренцией, разумеется, дело безнадежное. Признание практиков звучит совсем не так, как казенное воспевание прелестей «организованного» капитализма его апологетами вроде Шульце-Геверница, Лифмана и тому подобными «теоретиками»³⁷⁷.

К какому именно времени относится окончательное установление «новой деятельности» крупных банков, на этот важный вопрос мы находим довольно точный ответ у Ейдэlsa:

«Связи между промышленными предприятиями, с их новым содержанием, новыми формами, новыми органами, именно: крупными банками, организованными одновременно и централистически и децентралистически, образуются как характерное народнохозяйственное явление едва ли раньше 1890 годов; в известном смысле можно даже отодвинуть этот начальный пункт до 1897 года, с его крупными «слияниями» предприятий, вводящими впервые новую форму децентрализованной организации ради соображений промышленной по-

* Ейдэльс, назв. соч., стр. 183—184.

литики банков. Этот начальный пункт можно, пожалуй, отодвинуть еще на более поздний срок, ибо лишь кризис 1900 года гигантски ускорил процесс концентрации и в промышленности и в банковом деле, закрепил этот процесс, впервые превратил сношения с промышленностью в настоящую монополию крупных банков, сделал эти сношения значительно более тесными и интенсивными» *.

Итак, XX век — вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала.

III. ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И ФИНАНСОВАЯ ОЛИГАРХИЯ

«Все возрастающая часть промышленного капитала, — пишет Гильфердинг, — не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталистом. Такой банковый капитал, — следовательно, капитал в денежной форме, — который таким способом в действительности превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом». «Финансовый капитал: капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками» **.

Это определение неполно постольку, поскольку в нем нет указания на один из самых важных моментов, именно: на рост концентрации производства и капитала в такой сильной степени, когда концентрация приводит и привела к монополии. Но во всем изложении Гильфердинга вообще, в частности в обеих главах, предшествующих той, из которой взято это определение, подчеркивается роль *капиталистических монополий*.

Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия.

Нам следует перейти теперь к описанию того, как «хозяйничанье» капиталистических монополий становится неизбежно,

* Ейдэльс, назв. соч., стр. 181.

** Р. Гильфердинг. «Финансовый капитал». М., 1912, стр. 338—339.

в общей обстановке товарного производства и частной собственности, господством финансовой олигархии. Заметим, что представители буржуазной немецкой — да и не одной немецкой — науки, как Риссер, Шульце-Геверниц, Лифман и пр., являются сплошь апологетами империализма и финансового капитала. Они не вскрывают, а затушевывают и прикрашивают «механику» образования олигархии, ее приемы, размеры ее доходов, «безгрешных и грешных», ее связи с парламентами и пр. и т. д. Они отделяются от «проклятых вопросов» важными, темными фразами, призывами к «чувству ответственности» директоров банков, восхвалением «чувства долга» прусских чиновников, серьезным разбором мелочей совершенно несерьезных законопроектов о «надзоре», «регламентации», теоретической игрой в бирюльки вроде, например, следующего «научного» определения, до которого дописался профессор Лифман: *«...торговля есть промысловая деятельность, направленная к собиранию благ, хранению их и предоставлению их в распоряжение»* * (курсив и жирный шрифт в сочинении профессора)... Выходит, что торговля была у первобытного человека, который еще не знал обмена, будет и в социалистическом обществе!

Но чудовищные факты, касающиеся чудовищного господства финансовой олигархии, настолько бьют в глаза, что во всех капиталистических странах, и в Америке, и во Франции, и в Германии, возникла литература, стоящая на буржуазной точке зрения и дающая все же приблизительно правдивую картину и — мещанскую, конечно, — критику финансовой олигархии.

Во главу угла следует поставить ту «систему участия», о которой несколько слов сказано уже было выше. Вот как описывает суть дела едва ли не раньше других обративший на нее внимание немецкий экономист Гейман:

«Руководитель контролирует основное общество («общество-мать» буквально); оно в свою очередь господствует над зависимыми от него обществами («обществами-дочерьми»), эти последние — над «обществами-внуками» и т. д. Таким образом можно, владея не слишком большим капиталом, господствовать над гигантскими областями производства. В самом деле, если обладания 50% капитала всегда бывает достаточно для контроля над акционерным обществом, то руководителю надо обладать лишь 1 миллионом, чтобы иметь возможность контролировать 8 миллионов капитала у «обществ-внуков». А если этот «переплет» идет дальше, то с

* R. Liefmann, назв. соч., стр. 476.

1 миллионом можно контролировать 16 миллионов, 32 миллиона и т. д.» *.

На самом деле опыт показывает, что достаточно владеть 40% акций, чтобы распоряжаться делами акционерного общества **, ибо известная часть раздробленных, мелких акционеров не имеет на практике никакой возможности принимать участие в общих собраниях и т. д. «Демократизация» владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунистические «тоже-социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала», усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии ³⁷⁸. Поэтому, между прочим, в более передовых или более старых и «опытных» капиталистических странах законодательство разрешает более мелкие акции. В Германии закон не разрешает акций менее, чем на сумму в 1000 марок, и немецкие финансовые магнаты с завистью смотрят на Англию, где закон разрешает акции и в 1 фунт стерлингов (=20 марок, около 10 рублей). Сименс, один из крупнейших промышленников и «финансовых королей» Германии, заявил в рейхстаге 7 июня 1900 г., что «акция в 1 фунт стерлингов есть основа британского империализма» ***. У этого купца заметно более глубокое, более «марксистское» понимание того, что такое империализм, чем у некоего неприличного писателя, который считается основателем русского марксизма ³⁷⁹ и который полагает, что империализм есть дурное свойство одного из народов...

Но «система участия» не только служит к гигантскому увеличению власти монополистов, она кроме того позволяет безнаказанно обделывать какие угодно темные и грязные дела и обирать публику, ибо руководители «общества-матери» формально, по закону, не отвечают за «общество-дочь», которое считается «самостоятельным» и *через* которое можно *все* «провести». Вот пример, заимствуемый нами из майской книжки немецкого журнала «Банк» за 1914 год:

««Акционерное общество пружинной стали» в Касселе несколько лет тому назад считалось одним из самых доходных предприятий Германии. Плохое управление довело дело до того, что дивиденды упали с 15% до 0%. Как оказалось, правление без ведома акционеров дало в ссуду одному из своих

* Hans Gideon Heymann. «Die gemischten Werke im deutschen Großsengewerbe». St., 1904, стр. 268—269.

** Liefmann, «Beteiligungsges. etc.», стр. 258 по 1 изд.

*** Schulze-Gaevernitz в «Grdr. d. S.-Oek.», V, 2, стр. 110.

«обществ-дочерей», «Хассия», номинальный капитал которого составлял всего несколько сот тысяч марок, *6 миллионов марок*. Об этой ссуде, которая почти втрое превышает акционерный капитал «общества-матери», в балансах последнего ничего не значилось; юридически такое умолчание было вполне законно и могло длиться целых два года, ибо ни единый параграф торгового законодательства этим не нарушался. Председатель наблюдательного совета, который, в качестве ответственного лица, подписывал лживые балансы, был и остается председателем Кассельской торговой палаты. Акционеры узнали об этой ссуде обществу «Хассия» лишь долго спустя после того, как она оказалась ошибкой...» (это слово автору следовало бы поставить в кавычки)... «и когда акции «пружинной стали», в силу того, что их стали сбывать с рук посвященные, пали в цене приблизительно на 100%...

Этот типичный пример эквилибристики с балансами, самой обычной в акционерных обществах, объясняет нам, почему правления акционерных обществ с гораздо более легким сердцем берутся за рискованные дела, чем частные предприниматели. Новейшая техника составления балансов не только дает им возможность скрывать рискованные дела от среднего акционера, но и позволяет главным заинтересованным лицам сваливать с себя ответственность посредством своевременной продажи акций в случае неудачи эксперимента, тогда как частный предприниматель отвечает своей шкурой за все, что он делает...

Балансы многих акционерных обществ похожи на те известные из эпохи средних веков палимпсесты, на которых надо было сначала стереть написанное, чтобы открыть стоящие под ним знаки, дающие действительное содержание рукописи» (палимпсесты — пергамент, на котором основная рукопись затерта и по затертому написано другое).

«Самое простое и поэтому всего чаще употребляемое средство делать балансы непроницаемыми состоит в том, чтобы разделить единое предприятие на несколько частей посредством учреждения «обществ-дочерей» или посредством присоединения таковых. Выгоды этой системы с точки зрения различных целей — законных и незаконных — до того очевидны, что в настоящее время прямо-таки исключением являются крупные общества, которые бы не приняли этой системы» *.

* L. Eschwege. «Tochtergesellschaften», «Die Bank», 1914, 1, стр. 545 (Л. Эшwege. «Дочерние общества», «Банк». *Ред.*).

Как пример крупнейшего и монополистического общества, самым широким образом прибегающего к этой системе, автор называет знаменитое «Всеобщее общество электричества» (А. Е. Г., о нем у нас будет еще речь ниже). В 1912 году считали, что это общество участвует в 175—200 обществах, господствуя, разумеется, над ними и охватывая, в целом, капитал около 1½ миллиарда марок*.

Всякие правила контроля, публикации балансов, выработки определенной схемы для них, учреждения надзора и т. п., чем занимают внимание публики благонамеренные — т. е. имеющие благое намерение защищать и прикрашивать капитализм — профессора и чиновники, не могут тут иметь никакого значения. Ибо частная собственность священна, и никому нельзя запретить покупать, продавать, обменивать акции, закладывать их и т. д.

О том, каких размеров «система участия» достигла в русских крупных банках, можно судить по данным, сообщаемым Е. Агадом, который 15 лет служил чиновником русско-китайского банка и в мае 1914 г. опубликовал сочинение под не совсем точным заглавием: «Крупные банки и всемирный рынок»**. Автор делит крупные русские банки на две основные группы: а) работающие при «системе участия» и б) «независимые», произвольно понимая, однако, под «независимостью» независимость от заграничных банков; первую группу автор делит на три подгруппы: 1) немецкое участие; 2) английское и 3) французское, имея в виду «участие» и господство крупнейших заграничных банков соответствующей национальности. Капиталы банков автор делит на «продуктивно» помещаемые (в торговлю и промышленность) и «спекулятивно» помещаемые (в биржевые и финансовые операции), полагая, со свойственной ему мелкобуржуазно-реформистской точки зрения, будто можно при сохранении капитализма отделить первый вид помещения от второго и устранить второй вид.

* Kurt Heinig. «Der Weg des Elektrotrusts», «Neue Zeit», 1912, 30. Jahrg., 2, стр. 484 (Курт Гейниг. «Путь электрического треста», «Новое Время», 1912, 30 год изд. *Ред.*).

** Е. Агад. «Großbanken und Weltmarkt. Die wirtschaftliche und politische Bedeutung der Großbanken im Weltmarkt unter Berücksichtigung ihres Einflusses auf Rußlands Volkswirtschaft und die deutsch-russischen Beziehungen». Berl., 1914 (Е. Агад. «Крупные банки и всемирный рынок. Экономическое и политическое значение крупных банков на всемирном рынке с точки зрения их влияния на народное хозяйство России и германо-русские отношения». Берлин. *Ред.*).

Данные автора следующие:

*Актив банков (по отчетам за октябрь — ноябрь 1913 г.)
в млн. руб.*

Группы русских банков:	Капиталы, помещаемые		
	продук- тивно	спекуля- тивно	всего
а 1) 4 банка: Сиб. торг., Русск., Международн. и Учетн.	413,7	859,1	1 272,8
а 2) 2 банка: Торг.-промышл. и Русско-английский	239,3	169,1	408,4
а 3) 5 банков: Рус.-азиат., СПб. частн., Аз.-донской, Унион моск., Русско-франц. торг.	711,8	661,2	1 373,0
(11 банков) <i>Итого . . . а) =</i>	1 364,8	1 689,4	3 054,2
б) 8 банков: Моск.-купеч.; Волж.-камск.; Юнкер и К ^о ; СПб. торг., бывш. Вавельберг; Моск., бывш. Рябушинского; Моск. учет- ный; Моск. торговый и Моск. ча- стный	504,2	391,1	895,3
(19 банков) <i>Всего</i>	1 869,0	2 080,5	3 949,5

По этим данным, из почти 4-х миллиардов рублей, составляющих «работающий» капитал крупных банков, *свыше* $\frac{3}{4}$, более 3-х миллиардов, приходится на долю банков, которые представляют из себя, в сущности, «общества-дочери» заграничных банков, в первую голову парижских (знаменитое банковое трио: «Парижский союз»; «Парижский и Нидерландский»; «Генеральное общество») и берлинских (особенно «Немецкий» и «Учетное общество»). Два крупнейших русских банка, «Русский» («Русский банк для внешней торговли») и «Международный» («СПБ. Международный торговый банк») повысили свои капиталы с 1906 по 1912 год с 44 до 98 млн. руб., а резервы с 15 до 39 млн., «работая на $\frac{3}{4}$ немецкими капиталами»; первый банк принадлежит к «концерну» берлинского «Немецкого банка», второй — берлинского «Учетного общества». Добрый Агад глубоко возмущается тем, что берлинские банки имеют в своих руках большинство акций и что поэтому русские акционеры бессильны. И разумеется, страна, вывозящая капитал, снимает сливки: например, берлинский «Немецкий банк», вводя в Берлине акции Сибирского торгового банка, продержал их год у себя в портфеле, а затем продал по курсу 193 за 100, т. е. почти вдвое, «заработав» около 6 млн. рублей барыша, который Гильфердинг назвал «учредительским барышом».

Всю «мощь» петербургских крупнейших банков автор определяет в 8235 миллионов рублей, почти $8\frac{1}{4}$ миллиардов, причем «участие», а вернее господство, заграничных банков он распределяет так: французские банки — 55%; английские — 10%; немецкие — 35%. Из этой суммы, 8235 миллионов, функционирующего капитала — 3687 миллионов, т. е. свыше 40%, приходится, по расчету автора, на синдикаты: Продуголь, Продамет, синдикаты в нефтяной, металлургической и цементной промышленности. Следовательно, слияние банкового и промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперед.

Финансовый капитал, концентрированный в немногих руках и пользующийся фактической монополией, берет громадную и все возрастающую прибыль от учредительства, от выпуска фондовых бумаг, от государственных займов и т. п., закрепляя господство финансовой олигархии, облагая все общество данью монополистам. Вот — один из бесчисленных примеров «хозяйничанья» американских трестов, приводимый Гильфердингом: в 1887 году Гавемейер основал сахарный трест посредством слияния 15-ти мелких компаний, общий капитал которых равнялся $6\frac{1}{2}$ млн. долларов. Капитал же треста был, по американскому выражению, «разведен водой», определен в 50 миллионов долларов. «Перекапитализация» усчитывала будущие монопольные прибыли, как стальной трест в той же Америке усчитывает будущие монопольные прибыли, скупая все больше железорудных земель. И действительно, сахарный трест установил монопольные цены и получил такие доходы, что мог уплачивать по 10% дивиденда на капитал, *в семь раз «разведенный водой»*, т. е. *почти 70% на капитал, действительно внесенный при основании треста!* В 1909 г. капитал треста составлял 90 млн. долларов. За двадцать два года более чем удешаживание капитала.

Во Франции господство «финансовой олигархии» («Против финансовой олигархии во Франции» — заглавие известной книги Лизиса, вышедшей пятым изданием в 1908 г.) приняло лишь немного измененную форму. Четыре крупнейших банка пользуются не относительной, а «абсолютной монополией» при выпуске ценных бумаг. Фактически, это — «трест крупных банков». И монополия обеспечивает монопольные прибыли от эмиссий. При займах страна занимающая получает обыкновенно не более 90% всей суммы; 10% достается банкам и другим посредникам. Прибыль банков от русско-китайского займа в 400 млн. франков составляла 8%, от русского (1904) в 800 млн. — 10%, от мароккского (1904) в $62\frac{1}{2}$ млн. —

18³/₄ %. Капитализм, начавший свое развитие с мелкого ростовщического капитала, кончает свое развитие гигантским ростовщическим капиталом. «Французы — ростовщики Европы», — говорит Лизис. Все условия экономической жизни терпят глубокое изменение в силу этого перерождения капитализма. При застое населения, промышленности, торговли, морского транспорта «страна» может богатеть от ростовщичества. «Пятьдесят человек, представляя капитал в 8 миллионов франков, могут распоряжаться *двумя миллиардами* в четырех банках». Система «участий», уже знакомая нам, ведет к тем же последствиям: один из крупнейших банков, «Генеральное общество» (Société Générale), выпускает 64 000 облигаций «общества-дочери», «Рафинадные заводы в Египте». Курс выпуска — 150 %, т. е. банк наживает 50 копеек на рубль. Дивиденды этого общества оказались фиктивными, «публика» потеряла от 90 до 100 млн. франков; «один из директоров «Генерального общества» был членом правления «Рафинадных заводов»». Неудивительно, что автор вынужден сделать вывод: «французская республика есть финансовая монархия»; «полное господство финансовой олигархии; она властвует и над прессой и над правительством» *.

Исключительно высокая прибыльность выпуска ценных бумаг, как одной из главных операций финансового капитала, играет очень важную роль в развитии и упрочении финансовой олигархии. «Внутри страны нет ни одного гешефта, который бы давал хотя приблизительно столь высокую прибыль, как посредничество при выпуске иностранных займов», — говорит немецкий журнал «Банк» **.

«Нет ни одной банковской операции, которая бы приносила такую высокую прибыль, как эмиссионное дело». На выпуске фондов промышленных предприятий, по данным «Немецкого Экономиста», прибыль составляла в среднем за год:

1895 — 38,6%	1898 — 67,7%
1896 — 36,1 »	1899 — 66,9 »
1897 — 66,7 »	1900 — 55,2 »

«В течение десяти лет, 1891—1900, на выпуске немецких промышленных фондов было «заработано» *свыше одного миллиарда*» ***.

* Lysis. «Contre l'oligarchie financière en France». 5 éd., P., 1908, pp. 11, 12, 26, 39, 40, 48 (Лизис. «Против финансовой олигархии во Франции». 5 изд., Париж, 1908, стр. 11, 12, 26, 39, 40, 48. *Ред.*).

** «Die Bank», 1913, № 7, S. 630.

*** Stillich, назв. соч., стр. 143 и W. Sombart. «Die deutsche Volkswirtschaft im 19. Jahrhundert». 2. Aufl., 1909, стр. 526, Anlage 8 (В. Зом-

Если во время промышленного подъема необъятно велики прибыли финансового капитала, то во время упадка гибнут мелкие и непрочные предприятия, а крупные банки «участвуют» в скупке их задешево или в прибыльных «оздоровлениях» и «реорганизациях». При «оздоровлениях» убыточных предприятий «акционерный капитал понижается, т. е. доход распределяется на меньший капитал и в дальнейшем исчисляется уже на него. Или, если доходность понизилась до нуля, привлекается новый капитал, который, соединившись с менее доходным старым, теперь будет приносить уже достаточный доход. Кстати сказать, — добавляет Гильфердинг, — все эти оздоровления и реорганизации имеют двойное значение для банков: во-первых, как прибыльная операция, и во-вторых, как удобный случай для того, чтобы поставить такие нуждающиеся общества в зависимость от себя» *.

Вот пример: акционерное горнопромышленное общество «Унион» в Дортмунде основано в 1872 г. Выпущен был акционерный капитал почти в 40 млн. марок, и курс поднялся до 170%, когда за первый год получился дивиденд в 12%. Финансовый капитал снял сливки, заработав мелочь вроде каких-нибудь 28 миллионов. При основании этого общества главную роль играл тот самый крупнейший немецкий банк «Учетное общество», который благополучно достиг капитала в 300 млн. марок. Затем дивиденды «Униона» спускаются до нуля. Акционерам приходится соглашаться на «списывание» капитала, т. е. на потерю части его, чтобы не потерять всего. И вот, в результате ряда «оздоровлений» из книг общества «Унион» в течение 30 лет исчезает более 73 миллионов марок. «В настоящее время первоначальные акционеры этого общества имеют в руках лишь 5% номинальной стоимости своих акций» **, — а на каждом «оздоровлении» банки продолжали «зарабатывать».

Особенно прибыльной операцией финансового капитала является также спекуляция земельными участками в окрестностях быстро растущих больших городов. Монополия банков сливается здесь с монополией земельной ренты и с монополией путей сообщения, ибо рост цен на земельные участки, возможность выгодно продать их по частям и т. д. зависит больше всего от хороших путей сообщения с центром города, а эти пути сообщения находятся в руках крупных компаний, связанных системой участия и распределением директорских

барт. «Немецкое народное хозяйство в XIX веке». 2 изд., 1909, стр. 526, Приложение 8. *Ред.*).

* «Финансовый капитал», стр. 172.

** Stillich, назв. соч., стр. 138 и Liefmann, стр. 51.

мест с теми же банками. Получается то, что немецкий писатель Л. Эшвеге, сотрудник журнала «Банк», специально изучавший операции с торговлей земельными участками, с закладыванием их и т. д., назвал «болотом»: бешеная спекуляция пригородными участками, крахи строительных фирм, вроде берлинской фирмы «Босвау и Кнауэр», нахватавшей денег до 100 миллионов марок при посредстве «солиднейшего и крупнейшего» «Немецкого банка» (Deutsche Bank), который, разумеется, действовал по системе «участий», т. е. тайком, за спиной, и вывернулся, потеряв «всего» 12 миллионов марок, — затем, разорение мелких хозяев и рабочих, ничего не получающих от дутых строительных фирм, мошеннические сделки с берлинской «честной» полицией и администрацией для захвата в свои руки выдачи справок об участках и разрешений городской Думы на возведение построек и пр. и т. д.*.

«Американские нравы», по поводу которых так лицемерно возводят очи горé европейские профессора и благонамеренные буржуа, стали в эпоху финансового капитала нравами буквально всякого крупного города в любой стране.

В Берлине в начале 1914 года говорили о том, что предстоит образование «транспортного треста», т. е. «общности интересов» между тремя берлинскими транспортными предприятиями: электрической городской железной дорогой, трамвайным обществом и обществом омнибусов. «Что подобное намерение существует, это мы знали, — писал журнал «Банк», — с тех пор, как стало известно, что большинство акций общества омнибусов перешло в руки двух других транспортных обществ. ...Можно вполне поверить лицам, преследующим такую цель, что посредством единообразного регулирования транспортного дела они надеются получить такие сбережения, часть которых в конце концов могла бы достаться публике. Но вопрос усложняется тем, что за этим образующимся транспортным трестом стоят банки, которые, если захотят, могут подчинить монополизированные ими пути сообщения интересам своей торговли земельными участками. Чтобы убедиться в том, насколько естественно такое предположение, достаточно припомнить, что уже при основании общества городской электрической железной дороги тут были замешаны интересы того крупного банка, который поощрял его основание. Именно: интересы этого транспортного предприятия переплетались с интересами торговли земельными участками. Дело в том, что восточная линия этой дороги

* «Die Bank», 1913, стр. 952, L. Eschwege. «Der Sumpf» («Болото», *Ред.*); там же, 1912, I, стр. 223, слл.

должна была охватить те земельные участки, которые потом этот банк, когда постройка дороги была уже обеспечена, продал с громадной прибылью для себя и для нескольких участвующих лиц...» *

Монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает *все* стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других «частностей». В немецкой экономической литературе обычно лакейское самовосхваление честности прусского чиновничества с кивками по адресу французской Панамы ³⁸⁰ или американской политической продажности. Но факт тот, что *даже* буржуазная литература, посвященная банковым делам Германии, вынуждена постоянно выходить далеко за пределы чисто банковых операций и писать, например, об «устремлении в банк» по поводу учащающихся случаев перехода чиновников на службу в банки: «как обстоит дело с неподкупностью государственного чиновника, тайное стремление которого направлено к теплоте местечку на Бэрэнштрассе?» ** — улица в Берлине, где помещается «Немецкий банк». Издатель журнала «Банк» Альфред Лансбург писал в 1909 г. статью: «Экономическое значение византизма», по поводу, между прочим, поездки Вильгельма II в Палестину и «непосредственного результата этой поездки, постройки Багдадской железной дороги, этого рокового «великого дела немецкой предприимчивости», которое более виновато в «окружении», чем все наши политические грехи вместе взятые» *** — (под окружением разумеется политика Эдуарда VII, стремившегося изолировать Германию и окружить ее кольцом империалистского противогерманского союза). Упомянутый уже нами сотрудник того же журнала Эшвеге писал в 1911 г. статью: «Плутократия и чиновничество», разоблачая, например, случай с немецким чиновником Фелькером, который был членом комиссии о картелях и выделялся своей энергией, а некоторое время спустя оказался обладателем доходного местечка в самом крупном картеле, стальном синдикате. Подобные случаи, которые вовсе не случайны, заставляли того же буржуазного писателя признаться, что «обеспеченная германской конституцией экономическая свобода во многих областях хозяйственной жизни стала лишенной содержания фразой» и что при сложившемся господстве плуто-

* «Verkehrstrust», «Die Bank», 1914, 1, стр. 89 («Транспортный трест», «Банк». *Ред.*).

** «Der Zug zur Bank», «Die Bank», 1909, 1, стр. 79 («Устремление в банк», «Банк». *Ред.*).

*** «Der Zug zur Bank», «Die Bank», 1909, 1, стр. 301.

кратии «даже самая широкая политическая свобода не может нас спасти от того, что мы превратимся в народ людей не-свободных» *.

Что касается России, то мы ограничимся одним примером: несколько лет тому назад все газеты обошло известие о том, что директор кредитной канцелярии Давыдов покидает государственную службу и берет место в одном крупном банке за жалованье, которое по договору должно было в несколько лет составить сумму свыше 1 миллиона рублей. Кредитная канцелярия есть учреждение, задачей которого является «объединение деятельности всех кредитных учреждений государства» и которое оказывает субсидии столичным банкам на сумму до 800—1000 миллионов рублей **. — — —

Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров. Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногих государств, обладающих финансовой «мощью», из всех остальных. В каких размерах идет этот процесс, об этом можно судить по данным статистики эмиссий, т. е. выпуска всякого рода ценных бумаг.

В «Бюллетене международного статистического института» А. Неймарк *** опубликовывал самые обстоятельные, полные и сравнимые данные об эмиссиях во всем мире, данные, которые неоднократно приводились потом по частям в экономической литературе. Вот итоги за 4 десятилетия;

*Сумма эмиссий в миллиардах
франков за 10-летие*

1871 — 1880	76,1
1881 — 1890	64,5
1891 — 1900	100,4
1901 — 1910	197,8

* «Der Zug zur Bank», «Die Bank», 1911, 2, стр. 825; 1913, 2, стр. 962.

** E. Agahd, стр. 202.

*** Bulletin de l'institut international de statistique, t. XIX, livr. II. La Haye, 1912 (Бюллетень международного статистического института, т. XIX, книга II. Гаага. Ред.). — Данные о государствах мелких, второй столбец, взяты приблизительно по нормам 1902 года, увеличены на 20%,

В 1870 годах общая сумма эмиссий во всем мире повышена в особенности займами в связи с франко-прусской войной и последовавшей эпохой грюндерства в Германии. В общем и целом, увеличение идет в течение трех последних десятилетий XIX века сравнительно не очень быстро, и только первое десятилетие XX века дает громадное увеличение, почти удвоение за 10 лет. Начало XX века, следовательно, является эпохой перелома не только в отношении роста монополий (картелей, синдикатов, трестов), о чем мы уже говорили, но и в отношении роста финансового капитала.

Общую сумму ценных бумаг в мире в 1910 г. Неймарк определяет приблизительно в 815 миллиардов франков. Вычитывая, приблизительно, повторения, он уменьшает эту сумму до 575—600 миллиардов. Вот распределение по странам (берем 600 млрд.):

Сумма ценных бумаг в 1910 г. (миллиарды франков):

Англия	142	} 479	Голландия	12,5
Соед. Штаты	132		Бельгия	7,5
Франция	110		Испания	7,5
Германия	95		Швейцария	6,25
Россия	31	}	Дания	3,75
Австро-Венгрия	24		Швеция, Норвегия, Ру-	
Италия	14		мыния и пр.	2,5
Япония	12		<u>Всего</u>	<u>600</u>

По этим данным сразу видно, как резко выделяются четыре наиболее богатые капиталистические страны, владеющие приблизительно от 100 до 150 миллиардов франков ценных бумаг. Из этих четырех стран две — самые старые и, как увидим, наиболее богатые колониями капиталистические страны: Англия и Франция; другие две — передовые капиталистические страны по скорости развития и по степени распространения капиталистических монополий в производстве — Соединенные Штаты и Германия. Вместе эти 4 страны имеют 479 миллиардов франков, т. е. почти 80% всемирного финансового капитала. Почти весь остальной мир, так или иначе, играет роль должника и данника этих стран — международных банкиров, этих четырех «столпов» всемирного финансового капитала.

Особенно следует остановиться на той роли, которую играет в создании международной сети зависимостей и связей финансового капитала вывоз капитала,

IV. ВЫВОЗ КАПИТАЛА

Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз *товаров*. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз *капитала*.

Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Рост обмена как внутри страны, так и в особенности международного есть характерная отличительная черта капитализма. Неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран неизбежны при капитализме. Сначала Англия стала, раньше других, капиталистической страной и, к половине XIX века, введя свободную торговлю, претендовала на роль «мастерской всего мира», поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать ее, в обмен, сырыми материалами. Но эта монополия Англии уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись «охранительными» пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства. На пороге XX века мы видим образование иного рода монополий: во-первых, монополистических союзов капиталистов во всех странах развитого капитализма; во-вторых, монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров. Возник громадный «избыток капитала» в передовых странах.

Разумеется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, — тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс есть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы.

Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д. Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел», и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ «прибыльного» помещения.

Вот приблизительные данные о размерах капитала, вложенного за границей тремя главными странами*:

<i>Капитал, помещенный за границей</i>			
Годы	(в миллиардах франков)		
	Англией	Францией	Германией
1862	3,6	—	—
1872	15	10 (1869)	—
1882	22	15 (1880)	?
1893	42	20 (1890)	?
1902	62	27—37	12,5
1914	75—100	60	44

Мы видим отсюда, что гигантского развития вывоз капитала достиг только в начале XX века. Перед войной вложенный за границей капитал трех главных стран достигал 175—200 миллиардов франков. Доход с этой суммы, по скромной норме в 5%, должен достигать 8—10 миллиардов франков в год. Солидная основа империалистского угнетения и эксплуатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма горстки богатейших государств!

* Hobson. «Imperialism», L., 1902, p. 58; Riesser, назв. соч., стр. 395 и 404; P. Arndt в «Weltwirtschaftliches Archiv», Bd. 7, 1916, S. 35 (П. Арндт в «Архиве мирового хозяйства», т. 7, 1916, стр. 35. *Ред.*); Neymarck в Bulletin; Гильфердинг. «Финансовый капитал», стр. 492; Lloyd George, речь в палате общин 4 мая 1915 г., «Daily Telegraph» 5 мая 1915; B. Harms. «Probleme der Weltwirtschaft». Jena, 1912, S. 235 и др. (Б. Хармс. «Проблемы всемирного хозяйства». Йена, 1912, стр. 235 и др. *Ред.*); Dr. Siegmund Schilder. «Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft». Berlin, 1912. Bd. 1, S. 150 (Д-р Зигмунд Шильдер. «Тенденции развития всемирного хозяйства». Берлин, 1912, том 1, стр. 150. *Ред.*); George Paish. «Great Britain's Capital Investments etc.» в «Journal of the Royal Statistical Society», vol. LXXIV, 1910—11, стр. 167, слл. (Джордж Пэйш. «Помещение великобританского капитала и т. д.» в «Журнале королевского статистического общества», т. LXXIV. *Ред.*); Georges Diouritch. «L'Expansion des banques allemandes à l'étranger, ses rapports avec le développement économique de l'Allemagne». P., 1909, p. 84 (Жорж Диурич. «Экспансия немецких банков за границей, ее связь с экономическим развитием Германии». Париж, 1909, стр. 84. *Ред.*).

Как распределяется этот помещенный за границей капитал между разными странами, где он помещен, на этот вопрос можно дать лишь приблизительный ответ, который, однако, в состоянии осветить некоторые общие соотношения и связи современного империализма:

*Части света, между которыми распределены
(приблизительно) заграничные капиталы (около 1910 г.)*

	Англии	Франции	Германии	Всего
	(миллиарды марок)			
Европа	4	23	18	45
Америка	37	4	10	51
Азия, Африка и Австралия . .	29	8	7	44
<i>Итого</i>	70	35	35	140

В Англии на первое место выдвигаются ее колониальные владения, которые очень велики и в Америке (например, Канада), не говоря уже об Азии и пр. Гигантский вывоз капитала теснее всего связан здесь с гигантскими колониями, о значении которых для империализма мы еще будем говорить дальше. Иное дело во Франции. Здесь заграничный капитал помещен главным образом в Европе и прежде всего в России (не менее 10 миллиардов франков), причем преимущественно это — *ссудный* капитал, государственные займы, а не капитал, вкладываемый в промышленные предприятия. В отличие от английского, колониального, империализма, французский можно назвать ростовщическим империализмом. В Германии — третья разновидность: колонии ее невелики, и распределение помещаемого ею за границей капитала наиболее равномерное между Европой и Америкой.

Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире.

Для стран, вывозящих капитал, почти всегда получается возможность приобрести известные «выгоды», характер которых проливает свет на своеобразие эпохи финансового капитала и монополий. Вот, например, что писал в октябре 1913 г. берлинский журнал «Банк»:

«На международном рынке капиталов разыгрывается с недавнего времени комедия, достойная кисти Аристофана. Целый ряд чужестранных государств, от Испании до Балкан,

от России до Аргентины, Бразилии и Китая, выступают открыто или прикрито перед крупными денежными рынками с требованиями, иногда в высшей степени настоятельными, получить заем. Денежные рынки находятся теперь не в очень блестящем положении, и политические перспективы не радужные. Но ни один из денежных рынков не решается отказать в займе, из боязни, что сосед предупредит его, согласится на заем, а вместе с тем обеспечит себе известные услуги за услуги. При такого рода международных сделках почти всегда кое-что перепадает в пользу кредитора: уступка в торговом договоре, угольная станция, постройка гавани, жирная концессия, заказ на пушки» *.

Финансовый капитал создал эпоху монополий. А монополии всюду несут с собой монополистические начала: использование «связей» для выгодной сделки становится на место конкуренции на открытом рынке. Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д. Франция в течение двух последних десятилетий (1890—1910) очень часто прибегала к этому средству. Вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу. Сделки между особенно крупными предприятиями бывают при этом таковы, что они стоят — как выразился «мягко» Шильдер ** — «на границе подкупа». Крупн в Германии, Шнейдер во Франции, Армстронг в Англии — образцы таких фирм, тесно связанных с гигантскими банками и с правительством, которые не легко «обойти» при заключении займа.

Франция, давая займы России, «прижала» ее в торговом договоре 16 сентября 1905 г., выговорив известные уступки до 1917 года; то же по торговому договору с Японией от 19 августа 1911 г. Таможенная война Австрии с Сербией, продолжавшаяся с семимесячным перерывом с 1906 по 1911 год, была вызвана отчасти конкуренцией Австрии и Франции в деле поставок военных припасов Сербии. Поль Дешанель заявил в палате в январе 1912 г., что французские фирмы за 1908—1911 гг. доставили Сербии военных материалов на 45 миллионов франков.

В отчете австро-венгерского консула в Сан-Паулу (Бразилия) говорится: «постройка бразильских железных дорог совершается большей частью на французские, бельгийские, британские и немецкие капиталы; эти страны при финансо-

* «Die Bank», 1913, 2, 1024—1025.

** Schilder, назв. соч., стр. 346, 350, 371.

вых операциях, связанных с постройкой дорог, выговаривают себе поставку железнодорожных строительных материалов».

Таким образом финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира. Большую роль играют при этом банки, учреждаемые в колониях, и их отделения. Немецкие империалисты с завистью смотрят на «старые» колониальные страны, обеспечившие себя в этом отношении особенно «успешно»: Англия имела в 1904 г. 50 колониальных банков с 2279 отделениями (1910: 72 с 5449 отделениями); Франция — 20 с 136 отделениями; Голландия — 16 с 68, а Германия «всего только» 13 с 70 отделениями *. Американские капиталисты, в свою очередь, завидуют английским и германским: «в южной Америке, — жаловались они в 1915 г., — 5 германских банков имеют 40 отделений и 5 английских — 70 отделений... Англия и Германия за последние 25 лет поместили в Аргентине, Бразилии, Уругвае приблизительно 4 биллиона (миллиарда) долларов, и в результате они пользуются 46% всей торговли этих 3-х стран» **.

Страны, вывозящие капитал, поделили мир между собою, в переносном смысле слова. Но финансовый капитал привел и к *прямому* разделу мира.

V. РАЗДЕЛ МИРА МЕЖДУ СОЮЗАМИ КАПИТАЛИСТОВ

Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты, делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в свое, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм давно создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, дело «естественно» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей.

* Riesser, назв. соч., стр. 375, 4 изд. и Diouritch, стр. 283.

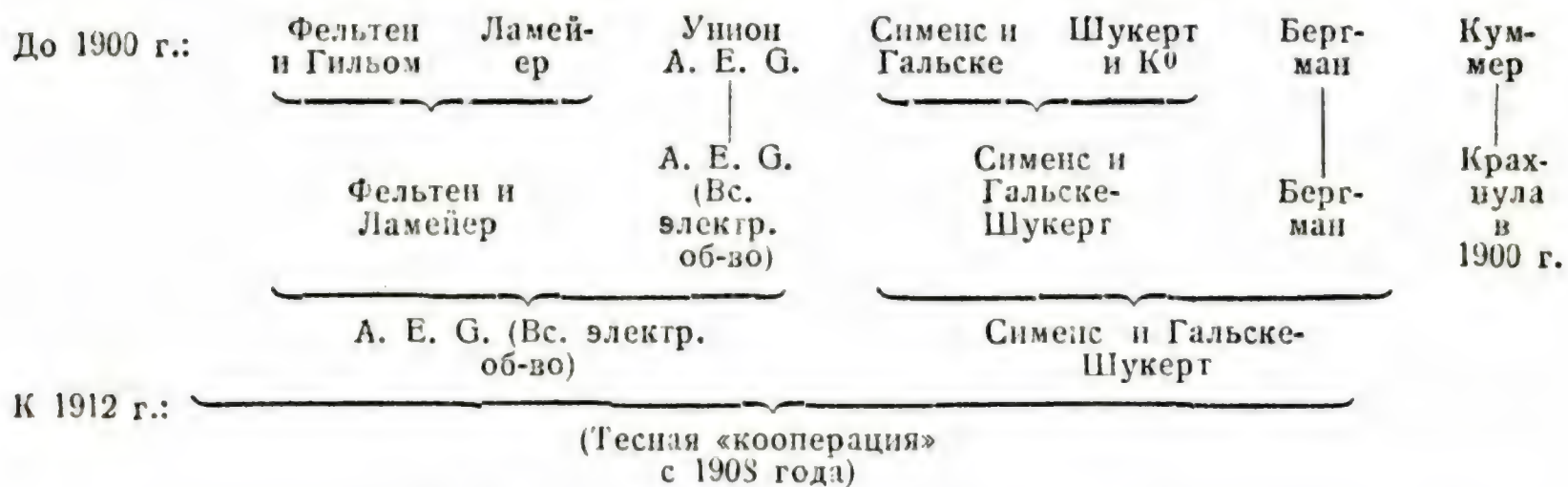
** The Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol. LIX, May 1915, p. 301 (Летописи Американской академии политических и социальных знаний, том LIX, май 1915, стр. 301. *Ред.*). Здесь же, стр. 331, читаем, что известный статистик Paish (Пэйш) в последнем выпуске финансового журнала «Statist» определял сумму капитала, вывезенного Англией, Германией, Францией, Бельгией и Голландией, в 40 миллиардов долларов, т. е. 200 миллиардов франков.

Это — новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие. Посмотрим, как вырастает эта сверхмонополия.

Электрическая промышленность — самая типичная для новейших успехов техники, для капитализма конца XIX и начала XX века. И всего более развилась она в двух наиболее передовых из новых капиталистических стран, Соединенных Штатах и Германии. В Германии на рост концентрации в этой отрасли особо сильное влияние оказал кризис 1900 года. Банки, к тому времени достаточно уже сросшиеся с промышленностью, в высшей степени ускорили и углубили во время этого кризиса гибель сравнительно мелких предприятий, их поглощение крупными. «Банки, — пишет Ейдэльс, — отнимали руку помощи как раз у тех предприятий, которые всего более нуждались в ней, вызывая этим сначала бешеный подъем, а потом безнадежный крах тех обществ, которые были недостаточно тесно связаны с ними»*.

В результате концентрация после 1900 года пошла вперед гигантскими шагами. До 1900 года было восемь или семь «групп» в электрической промышленности, причем каждая состояла из нескольких обществ (всего их было 28) и за каждой стояло от 2 до 11 банков. К 1908—1912 гг. все эти группы слились в две или одну. Вот как шел этот процесс:

Группы в электрической промышленности:

Знаменитое А. Е. Г. (Всеобщее общество электричества), выросшее таким образом, господствует над 175—200 обществ (по системе «участий») и распоряжается общей суммой капитала приблизительно в 1½ миллиарда марок. Одних только прямых заграничных представительства оно имеет 34, из них 12 акционерных обществ, — более чем в 10 государствах. Еще в 1904 г. считали, что капиталы, вложенные немецкой электрической промышленностью за границей,

* Ейдэльс, назв. соч., 232.

составляли 233 миллиона марок, из них 62 млн. в России. Нечего и говорить, что «Всеобщее общество электричества» представляет из себя гигантское «комбинированное» предприятие с производством — число одних только фабрикационных обществ у него равняется 16 — самых различных продуктов, от кабелей и изоляторов до автомобилей и летательных аппаратов.

Но концентрация в Европе была также составной частью процесса концентрации в Америке. Вот как шло дело:

Америка	«Всеобщая электр. К ^о » (General Electric C ^o)	
	К ^о Томпсон—Гаустон основывает для Европы фирму	К ^о Эдисона основывает для Европы фирму: «Французская К ^о Эдисона», которая передает патенты немецкой фирме
Германия	«Унион К ^о электричества»	«Вс. об-во эл.» (A. E. G.)
	«Вс. об-во эл.» (A. E. G.)	

Таким образом сложились две электрические «державы»: «других, вполне независимых от них, электрических обществ на земле нет», — пишет Гейниг в своей статье: «Путь электрического треста». О размере оборотов и величине предприятий обоих «трестов» некоторое, далеко не полное, представление дают следующие цифры:

	оборот товаров (млн. марок)		число служащих	чистая прибыль (млн. марок)
Америка: «Вс. эл. К ^о » (G. E. C.)	1907:	252	28 000	35,4
	1910:	298	32 000	45,6
Германия: «Вс. об-во эл.» (A. E. G.)	1907:	216	30 700	14,5
	1911:	362	60 800	21,7

И вот в 1907 году между американским и германским трестом заключен договор о дележе мира. Конкуренция устраняется. «Вс. эл. К^о» (G. E. C.) «получает» Соединенные Штаты и Канаду; «Вс. об-ву эл.» (A. E. G.) «достаётся» Германия, Австрия, Россия, Голландия, Дания, Швейцария, Турция, Балканы. Особые — разумеется, тайные — договоры заключены относительно «обществ-дочерей», проникающих в новые отрасли промышленности и в «новые», формально

еще не поделенные, страны. Установлен взаимный обмен изобретениями и опытами*.

Понятно само собою, насколько затруднена конкуренция против этого, фактически единого, всемирного треста, который распоряжается капиталом в несколько миллиардов и имеет свои «отделения», представительства, агентуры, связи и т. д. во всех концах мира. Но раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает *передела*, если отношения силы — вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т. п. — изменяются.

Поучительный пример попытки такого передела, борьбы за передел, представляет керосиновая промышленность.

«Керосиновый рынок мира, — писал Ейдэльс в 1905 году, — и теперь еще поделен между двумя крупными финансовыми группами: американским «Керосиновым трестом» (Standard Oil C-y) Рокфеллера и хозяевами русской бакинской нефти, Ротшильдом и Нобелем. Обе группы стоят в тесной связи между собою, но их монопольному положению угрожают, в течение вот уже нескольких лет, пятеро врагов**:

- 1) истощение американских источников нефти;
- 2) конкуренционная фирма Манташева в Баку;
- 3) источники нефти в Австрии и
- 4) в Румынии;
- 5) заокеанские источники нефти, особенно в голландских колониях (богатеишие фирмы Самюэля и Шелля, связанные также с английским капиталом).

Три последние ряда предприятий связаны с немецкими крупными банками, с крупнейшим «Немецким банком» во главе. Эти банки самостоятельно и планомерно развивали керосиновую промышленность, например, в Румынии, чтобы иметь «свою» точку опоры. В румынской керосиновой промышленности считали в 1907 году иностранных капиталов на 185 млн. франков, в том числе немецких 74 млн.***

Началась борьба, которую в экономической литературе так и называют борьбой за «дележ мира». С одной стороны, «Керосиновый трест» Рокфеллера, желая захватить *все*, основал «общество-дочь» в *самой* Голландии, скупая нефтяные источники в Голландской Индии и желая таким образом нанести удар своему главному врагу: голландско-английскому тресту «Шелля». С другой стороны, «Немецкий банк» и другие берлинские банки стремились «отстоять» «себе» Румынию и объединить ее с Россией против Рокфеллера. Этот

* Riesser, назв. соч.; Diouritch, назв. соч., стр. 239; Kurt Heinig, назв. статья.

** Ейдэльс, стр. 192—193.

*** Diouritch, стр. 245—246.

последний обладал капиталом неизмеримо более крупным и превосходной организацией транспорта и доставки керосина потребителям. Борьба должна была кончиться и кончилась в 1907 году полным поражением «Немецкого банка», которому оставалось одно из двух: либо ликвидировать с миллионными потерями свои «керосиновые интересы», либо подчиниться. Выбрали последнее и заключили очень невыгодный для «Немецкого банка» договор с «Керосиновым трестом». По этому договору, «Немецкий банк» обязался «не предпринимать ничего к невыгоде американских интересов», причем было, однако, предусмотрено, что договор теряет силу, если в Германии пройдет закон о государственной монополии на керосин.

Тогда начинается «керосиновая комедия». Один из финансовых королей Германии, фон Гвиннер, директор «Немецкого банка», через своего частного секретаря, Штауса, пускает в ход агитацию за керосиновую монополию. Весь гигантский аппарат крупнейшего берлинского банка, все обширные «связи» приводятся в движение, пресса захлебывается от «патриотических» криков против «ига» американского треста, и рейхстаг почти единогласно принимает 15 марта 1911 года резолюцию, приглашающую правительство разработать проект о керосиновой монополии. Правительство ухватилось за эту «популярную» идею, и игра «Немецкого банка», который хотел надуть своего американского контрагента и поправить свои дела посредством государственной монополии, казалась выигранной. Немецкие керосиновые короли предвкушали уже гигантские прибыли, не уступающие прибылям русских сахарозаводчиков... Но, во-первых, немецкие крупные банки перессорились между собой из-за дележа добычи, и «Учетное общество» разоблало корыстные интересы «Немецкого банка»; во-вторых, правительство испугалось борьбы с Рокфеллером, ибо было весьма сомнительно, достанет ли Германия керосина помимо него (производительность Румынии невелика); в-третьих, подоспела миллиардная ассигновка 1913 года на военную подготовку Германии. Проект монополии отложили. «Керосиновый трест» Рокфеллера вышел из борьбы пока победителем.

Берлинский журнал «Банк» писал по этому поводу, что бороться с «Керосиновым трестом» Германия могла бы лишь вводя монополию электрического тока и превращая водяную силу в дешевое электричество. Но, — добавлял он, — «электрическая монополия придет тогда, когда она понадобится производителям; именно тогда, когда будет стоять перед дверьми следующий крупный крах в электрической промыш-

ленности и когда те гигантские, дорогие электрические станции, которые строятся теперь повсюду частными «концернами» электрической промышленности и для которых эти «концерны» теперь уже получают известные отдельные монополии от городов, государств и пр., будут не в состоянии работать с прибылью. Тогда придется пустить в ход водяные силы; но их нельзя будет превращать на государственный счет в дешевое электричество, их придется опять-таки передать «частной монополии, контролируемой государством», потому что частная промышленность уже заключила ряд сделок и выговорила себе крупные вознаграждения... Так было с монополией кали, так есть с керосиновой монополией, так будет с монополией электричества. Пора бы нашим государственным социалистам, дающим себя ослепить красивым принципом, понять наконец, что в Германии монополии никогда не преследовали такой цели и не вели к такому результату, чтобы приносить выгоды потребителям или хотя бы предоставлять государству часть предпринимательской прибыли, а служили только к тому, чтобы оздоравливать на государственный счет частную промышленность, дошедшую почти до банкротства» *.

Такие ценные признания вынуждены делать буржуазные экономисты Германии. Мы видим здесь наглядно, как частные и государственные монополии переплетаются воедино в эпоху финансового капитала, как и те и другие на деле являются лишь отдельными звеньями империалистской борьбы между крупнейшими монополистами за дележ мира.

В торговом судоходстве гигантский рост концентрации привел тоже к разделу мира. В Германии выделились два крупнейших общества: «Гамбург — Америка» и «Северогерманский Ллойд», оба с капиталом по 200 млн. марок (акций и облигаций), с пароходами, стоящими 185—189 млн. марок. С другой стороны, в Америке 1 января 1903 г. образовался так называемый трест Моргана, «Международная компания морской торговли», объединяющая американские и английские судоходные компании, числом в 9, и располагающая капиталом в 120 млн. долларов (480 млн. марок). Уже в 1903 году между германскими колоссами и этим американо-английским трестом заключен был договор о разделе мира в связи с разделом прибыли. Немецкие общества отказались от конкуренции в деле перевозок между Англией и Америкой. Было точно установлено, кому какие гавани «предоставляются»,

* «Die Bank», 1912, 2, 629, 1036; 1913, 1, 388.

был создан общий контрольный комитет и т. д. Договор заключен на 20 лет, с предусмотрительной оговоркой, что в случае войны он теряет силу *.

Чрезвычайно поучительна также история образования международного рельсового картеля. В первый раз английские, бельгийские и немецкие рельсовые заводы сделали попытку основать такой картель еще в 1884 г., во время сильнейшего упадка промышленных дел. Согласились не конкурировать на внутреннем рынке вошедших в соглашение стран, а внешние поделить по норме: 66% Англии, 27% Германии и 7% Бельгии. Индия была предоставлена всецело Англии. Против одной английской фирмы, оставшейся вне соглашения, была поведена общая война, расходы на которую покрывали известным процентом с общих продаж. Но в 1886 г., когда из союза вышли две английские фирмы, он распался. Характерно, что соглашения не удавалось достигнуть во время последовавших периодов промышленного подъема.

В начале 1904 года основан стальной синдикат в Германии. В ноябре 1904 г. возобновлен международный рельсовый картель по нормам: Англии — 53,5%, Германии — 28,83%, Бельгии — 17,67%. Затем присоединилась Франция с нормами 4,8%, 5,8% и 6,4% в первый, второй и третий год, сверх 100%, т. е. при сумме 104,8% и т. д. В 1905 г. присоединился «Стальной трест» Соединенных Штатов («Стальная корпорация»), затем Австрия и Испания. «В данный момент, — писал Фогельштейн в 1910 г., — дележ земли закончен, и крупные потребители, в первую голову государственные железные дороги, — раз мир уже поделен и с их интересами не считались — могут жить, как поэт, на небесах Юпитера» **.

Упомянем еще международный цинковый синдикат, основанный в 1909 году и точно распределивший размеры производства между пятью группами заводов: немецких, бельгийских, французских, испанских, английских; — затем пороховой международный трест, этот, по словам Лифмана, «вполне современный тесный союз между всеми немецкими фабриками взрывчатых веществ, которые затем вместе с аналогично организованными французскими и американскими динамитными фабриками поделили между собою, так сказать, весь мир» ***.

* Риссер, назв. соч., стр. 125.

** Vogelstein. «Organisationsformen», стр. 100.

*** Liefmann. «Kartelle und Trusts», 2. A., стр. 161.

Всего Лифман считал в 1897 году около 40 международных картелей с участием Германии, а к 1910 году уже около 100.

Некоторые буржуазные писатели (к которым присоединился теперь и К. Каутский, совершенно изменивший своей марксистской позиции, например, 1909 года) выражали то мнение, что международные картели, будучи одним из наиболее рельефных выражений интернационализации капитала, дают возможность надеяться на мир между народами при капитализме. Это мнение теоретически совершенно вздорно, а практически есть софизм и способ нечестной защиты худшего оппортунизма. Международные картели показывают, до какой степени выросли теперь капиталистические монополии и *из-за чего* идет борьба между союзами капиталистов. Это последнее обстоятельство есть самое важное; только оно выясняет нам историко-экономический смысл происходящего, ибо *форма* борьбы может меняться и меняется постоянно в зависимости от различных, сравнительно частных и временных, причин, но *сущность* борьбы, ее классовое *содержание* прямо-таки *не может* измениться, пока существуют классы. Понятно, что в интересах, например, немецкой буржуазии, к которой по сути дела перешел в своих теоретических рассуждениях Каутский (об этом речь пойдет еще ниже), затушевывать *содержание* современной экономической борьбы (раздел мира) и подчеркивать то одну, то другую *форму* этой борьбы. Ту же ошибку делает Каутский. И речь идет, конечно, не о немецкой, а о всемирной буржуазии. Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая ступень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его «по капиталу», «по силе» — иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма. Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это — изменения «чисто» экономические или *внеэкономические* (например, военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма. Подменять вопрос о *содержании* борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о *форме* борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной) значит опускаться до роли софиста.

Эпоха новейшего капитализма показывает нам, что между союзами капиталистов складываются известные отно-

шения *на почве* экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим между политическими союзами, государствами, складываются известные отношения на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, «борьбы за хозяйственную территорию».

VI. РАЗДЕЛ МИРА МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ

Географ А. Супан в своей книге о «территориальном развитии европейских колоний» * подводит следующий краткий итог этому развитию в конце XIX века:

Процент земельной площади, принадлежащей европейским колониальным державам (С. Штаты в том числе):

	1876	1900	Увеличение на
В Африке	10,8%	90,4%	+79,6%
» Полинезии	56,8%	98,9%	+42,1%
» Азии	51,5%	56,6%	+ 5,1%
» Австралии	100,0%	100,0%	—
» Америке	27,5%	27,2%	— 0,3%

«Характеристичной чертой этого периода, — заключает он, — является, следовательно, раздел Африки и Полинезии». Так как в Азии и в Америке незанятых земель, т. е. не принадлежащих никакому государству, нет, то вывод Супана приходится расширить и сказать, что характеристичной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был *передел*, — напротив, переделы возможны и неизбежны, — а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран *закончила* захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделенным, так что дальше предстоят *лишь* переделы, т. е. переход от одного «владельца» к другому, а не от бесхозяйности к «хозяину».

Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с «новейшей ступенью в развитии капитализма», с финансовым капиталом. Необходимо поэтому подробнее остановиться прежде всего на фактических данных, чтобы возможно точнее выяснить как отличие этой эпохи от предыдущих, так и положение дела в настоящее время. В первую голову возникают здесь два фактических вопроса: наблюдается ли усиление колониальной политики, обострение борьбы за колонии именно в эпоху финансового капитала

* А. Supan. «Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien». 1906, стр. 254 (А. Супан. «Территориальное развитие европейских колоний». *Ред.*).

и как именно поделен мир в этом отношении в настоящее время.

Американский писатель Моррис в своей книге об истории колонизации* делает попытку свести данные о размерах колониальных владений Англии, Франции и Германии за разные периоды XIX века. Вот, в сокращении, полученные им итоги:

Размеры колониальных владений

Г о д ы	А н г л и и		Ф р а н ц и и		Г е р м а н и и	
	площадь (млн. кв. миль)	насе- ление (млн.)	площадь (млн. кв. миль)	насе- ление (млн.)	площадь (млн. кв. миль)	насе- ление (млн.)
1815—1830	?	126,4	0,02	0,5	—	—
1860	2,5	145,1	0,2	3,4	—	—
1880	7,7	267,9	0,7	7,5	—	—
1899	9,3	309,0	3,7	56,4	1,0	14,7

Для Англии период громадного усиления колониальных захватов приходится на 1860—1880 годы и очень значительного на последнее двадцатилетие XIX века. Для Франции и Германии — именно на это двадцатилетие. Мы видели выше, что период предельного развития капитализма домонополистического, капитализма с преобладанием свободной конкуренции, приходится на 1860 и 1870 годы. Мы видим теперь, что *именно после этого периода* начинается громадный «подъем» колониальных захватов, обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел мира. Несомненно, следовательно, тот факт, что переход капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу *связан* с обострением борьбы за раздел мира.

Гобсон в своем сочинении об империализме выделяет эпоху 1884—1900 гг., как эпоху усиленной «экспансии» (расширения территории) главных европейских государств. По его расчету, Англия приобрела за это время 3,7 миллиона кв. миль с населением в 57 млн.; Франция — 3,6 млн. кв. миль с населением в 36½ млн.; Германия — 1,0 млн. кв. миль с 14,7 млн.; Бельгия — 900 тыс. кв. миль с 30 млн.; Португалия — 800 тыс. кв. миль с 9 млн. Погоня за колониями в конце XIX века, особенно с 1880 годов, со стороны всех капиталистических государств представляет из себя общеизвестный факт истории дипломатии и внешней политики.

* Henry C. Morris. «The History of Colonization». N. Y., 1900, vol. II, pp. 88; I, 419; II, 304 (Генри К. Моррис. «История колонизации», Нью-Йорк, 1900, т. II, стр. 88; I, 419; II, 304. *Ред.*).

В эпоху наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, в 1840—1860 годах, руководящие буржуазные политики ее были *против* колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом. М. Бер указывает в своей, появившейся в 1898 г., статье о «новейшем английском империализме»*, как в 1852 году такой склонный, вообще говоря, к империализму государственный деятель Англии, как Дизраэли, говорил: «Колонии, это — мельничные жернова на нашей шее». А в конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен, открыто проповедовавшие империализм и применявшие империалистскую политику с наибольшим цинизмом!

Небезынтересно, что связь чисто, так сказать, экономических и социально-политических корней новейшего империализма была уже тогда ясна для этих руководящих политиков английской буржуазии. Чемберлен проповедовал империализм как «истинную, мудрую и экономную политику», указывая особенно на ту конкуренцию, которую встречает теперь Англия на мировом рынке со стороны Германии, Америки, Бельгии. Спасение в монополии — говорили капиталисты, основывая картели, синдикаты, тресты. Спасение в монополии — вторили политические вожди буржуазии, торопясь захватить еще неподделенные части мира. А Сесиль Родс, как рассказывал его интимный друг, журналист Стэд, говорил ему по поводу своих империалистских идей в 1895 году: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба!, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»**.

Так говорил Сесиль Родс в 1895 г., миллионер, финансовый король, главный виновник англо-бурской войны; а ведь его защита империализма только грубовата, цинична, по

* «Die Neue Zeit», XVI, I, 1898, S. 302.

** «Die Neue Zeit», XVI, I, 1898, S. 304.

Мы видим тут наглядно, как «закончен» был на границе XIX и XX веков раздел мира. Колониальные владения расширились после 1876 года в гигантских размерах: более чем в полтора раза, с 40 до 65 миллионов кв. км у шести крупнейших держав; прирост составляет 25 млн. кв. км, в полтора раза больше площади метрополий (16½ млн.). Три державы не имели в 1876 г. никаких колоний, а четвертая, Франция, почти не имела их. К 1914 году эти четыре державы приобрели колонии площадью в 14,1 млн. кв. км, т. е. приблизительно раза в полтора больше площади Европы, с населением почти в 100 миллионов. Неравномерность в расширении колониального владения очень велика. Если сравнить, например, Францию, Германию и Японию, которые не очень сильно разнятся по величине площади и по количеству населения, то окажется, что первая из этих стран приобрела почти втрое больше колоний (по площади), чем вторая и третья, вместе взятые. Но по размерам финансового капитала Франция в начале рассматриваемого периода была, может быть, тоже в несколько раз богаче Германии и Японии, взятых вместе. На размер колониальных владений, кроме чисто экономических условий, и на базе их, оказывают влияние условия географические и пр. Как ни сильно шла за последние десятилетия нивелировка мира, выравнивание условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала, но все же разница остается немалая, и среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессирующие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция и Англия); с третьей, страну наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических.

Рядом с колониальными владениями великих держав мы поставили небольшие колонии маленьких государств, являющиеся, так сказать, ближайшим объектом возможного и вероятного «передела» колоний. Большей частью эти маленькие государства сохраняют свои колонии только благодаря тому, что между крупными есть противоположности интересов, трения и пр., мешающие соглашению о дележе добычи. Что касается до «полуколониальных» государств, то они дают пример тех переходных форм, которые встречаются во всех областях природы и общества. Финансовый капитал — такая

крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью; мы увидим сейчас примеры тому. Но, разумеется, наибольшие «удобства» и наибольшие выгоды дает финансовому капиталу *такое* подчинение, которое связано с потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами. Полуколониальные страны типичны, как «середина» в этом отношении. Понятно, что борьба из-за этих полузависимых стран особенно должна была обостриться в эпоху финансового капитала, когда остальной мир уже был поделен.

Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм. Но «общие» рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения «великого Рима с великой Британией» *. Даже капиталистическая колониальная политика *прежних* стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала.

Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки *все* источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и т. п. Владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником — вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защититься законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний.

«Можно выставить утверждение, — пишет Шильдер, — которое некоторым, пожалуй, покажется парадоксальным,

* С. Р. Lucas. «Greater Rome and Greater Britain». Oxf., 1912 (Ч. П. Лукас. «Великий Рим и Великая Британия». Оксфорд, 1912. *Ред.*) или Earl of Cromer. «Ancient and modern Imperialism». L., 1910 (Граф Кромер. «Древний и современный империализм». Лондон, 1910. *Ред.*).

именно: что рост городского и промышленного населения в более или менее близком будущем гораздо скорее может встретить препятствие в недостатке сырья для промышленности, чем в недостатке предметов питания». Так, например, обостряется недостаток дерева, которое все более дорожает, — кож, — сырья для текстильной промышленности. «Союзы промышленников пытаются создать равновесие между сельским хозяйством и промышленностью в пределах всего мирового хозяйства; как пример можно назвать существующий с 1904 года международный союз союзов — бумагопрядильных фабрикантов в нескольких важнейших промышленных государствах; затем основанный по образцу его в 1910 году союз европейских союзов льнопрядильщиков»*.

Конечно, значение такого рода фактов буржуазные реформисты и среди них особенно теперешние каутскианцы пытаются ослабить указанием на то, что сырье «можно бы» достать на свободном рынке без «дорогой и опасной» колониальной политики, что предложение сырья «можно бы» гигантски увеличить «простым» улучшением условий сельского хозяйства вообще. Но такие указания превращаются в апологику империализма, в прикрашивание его, ибо они основываются на забвении главной особенности новейшего капитализма: монополий. Свободный рынок все более отходит в область прошлого, монополистические синдикаты и тресты с каждым днем урезают его, а «простое» улучшение условий сельского хозяйства сводится к улучшению положения масс, к повышению заработной платы и уменьшению прибыли. Где же, кроме как в фантазии сладеньких реформистов, существуют тресты, способные заботиться о положении масс вместо завоевания колоний?

Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр.), если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и пр. и т. п. Отсюда — неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще. Как тресты капитализируют свое имущество

* Schilder, назв. соч., стр. 38—42.

по двойной или тройной оценке, учитывая «возможные» в будущем (а не настоящие) прибыли, учитывая дальнейшие результаты монополии, так и финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира или за передел кусков, уже разделенных.

Английские капиталисты всячески стараются развить производство хлопка в *своей* колонии, Египте, — в 1904 г. из 2,3 миллиона гектаров культурной земли в Египте уже 0,6 млн. было под хлопком, т. е. свыше четверти — русские в *своей* колонии, Туркестане, потому что таким путем они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут прийти к монополизации источников сырья, к созданию более экономного и прибыльного текстильного треста с «комбинированным» производством, с сосредоточением *всех* стадий производства и обработки хлопка в одних руках.

Интересы вывоза капитала равным образом толкают к завоеванию колоний, ибо на колониальном рынке легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устранить конкурента, обеспечить себе поставку, закрепить соответствующие «связи» и пр.

Внеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям. «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства», справедливо говорит Гильфердинг. А один буржуазный французский писатель, как бы развивая и дополняя приведенные выше мысли Сесилия Родса *, пишет, что к экономическим причинам современной колониальной политики следует прибавить социальные: «вследствие растущей сложности жизни и трудности, давящей не только на рабочие массы, но и на средние классы, во всех странах старой цивилизации скопляется «нетерпение, раздражение, ненависть, угрожающие общественному спокойствию; энергии, выбиваемой из определенной классовой колеи, надо найти применение, дать ей дело вне страны, чтобы не произошло взрыва внутри» **.

Раз идет речь о колониальной политике эпохи капиталистического империализма, необходимо отметить, что

* См. настоящий том, стр. 700. *Ред.*

** Wahl. «La France aux colonies» (Валь. «Франция в колониях». *Ред.*), цитировано у Henri Russier. «Le Partage de l'Océanie». P., 1905, p. 165 (Анри Рюссье, «Раздел Океании», Париж, 1905, стр. 165. *Ред.*),

финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд *переходных* форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости. Одну из форм — полукolonии — мы уже указали раньше. Образцом другой является, например, Аргентина.

«Южная Америка, а особенно Аргентина, — пишет Шульце-Геверниц в своем сочинении о британском империализме, — находится в такой финансовой зависимости от Лондона, что ее следует назвать почти что английской торговой колонией» *. Капиталы, помещенные Англией в Аргентине, Шильдер определял, по сообщениям австро-венгерского консула в Буэнос-Айресе за 1909 г., в 8³/₄ миллиарда франков. Нетрудно себе представить, какие крепкие связи получает в силу этого финансовый капитал — и его верный «друг», дипломатия — Англии с буржуазией Аргентины, с руководящими кругами всей ее экономической и политической жизни.

Несколько иную форму финансовой и дипломатической зависимости, при политической независимости, показывает нам пример Португалии. Португалия — самостоятельное, суверенное государство, но фактически в течение более 200 лет, со времени войны за испанское наследство (1701—1714), она находится под протекторатом Англии. Англия защищала ее и ее колониальные владения ради укрепления своей позиции в борьбе с своими противниками, Испанией, Францией. Англия получала в обмен торговые выгоды, лучшие условия для вывоза товаров и особенно для вывоза капитала в Португалию и ее колонии, возможность пользоваться гаванями и островами Португалии, ее кабелями и пр. и т. д. **. Такого рода отношения между отдельными крупными и мелкими государствами были всегда, но в эпоху капиталистического

* Schulze-Gaevernitz. «Britischer Imperialismus und englischer Freihandel zu Beginn des 20-ten Jahrhunderts». Lpz., 1906, стр. 318 (Шульце-Геверниц. «Британский империализм и английская свободная торговля начала 20-го века». Лейпциг, 1906. *Ред.*). То же говорит Sartorius v. Waltershausen. «Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande». Berlin, 1907. S. 46 (Сарториус фон Вальтерсхаузен «Народнохозяйственная система помещения капитала за границей». Берлин, 1907, стр. 46. *Ред.*).

** Шильдер, назв. соч., I т., стр. 160—161.

империализма они становятся всеобщей системой, входят, как часть, в сумму отношений «раздела мира», превращаются в звенья операций всемирного финансового капитала.

Чтобы покончить с вопросом о разделе мира, мы должны отметить еще следующее. Не только американская литература после испано-американской и английская после англо-бурской войн поставили этот вопрос вполне открыто и определенно в самом конце XIX и начале XX века, не только немецкая литература, всего «ревнивее» следившая за «британским империализмом», систематически оценивала этот факт. И во французской буржуазной литературе вопрос поставлен достаточно определенно и широко, поскольку это мыслимо с буржуазной точки зрения. Сошлемся на историка Дрио, который в своей книге: «Политические и социальные проблемы в конце XIX века» в главе о «великих державах и разделе мира» писал следующее: «В течение последних лет все свободные места на земле, за исключением Китая, заняты державами Европы и Северной Америки. На этой почве произошло уже несколько конфликтов и перемещений влияния, являющихся предвестниками более ужасных взрывов в близком будущем. Ибо приходится торопиться: нации, не обеспечившие себя, рискуют никогда не получить своей части и не принять участия в той гигантской эксплуатации земли, которая будет одним из существеннейших фактов следующего (т. е. XX) века. Вот почему вся Европа и Америка были охвачены в последнее время лихорадкой колониальных расширений, «империализма», который является самой замечательной характерной чертой конца XIX века». И автор добавлял: «При этом разделе мира, в этой бешеной погоне за сокровищами и крупными рынками земли, сравнительная сила империй, основанных в этом, XIX, веке, находится в полном несоответствии с тем местом, которое занимают в Европе нации, основавшие их. Державы, преобладающие в Европе, вершительницы ее судеб, не являются равным образом преобладающими во всем мире. А так как колониальное могущество, надежда обладать богатствами, еще не учтенными, окажет очевидно свое отраженное действие на сравнительную силу европейских держав, то в силу этого колониальный вопрос — «империализм», если хотите, — изменивший уже политические условия самой Европы, будет изменять их все более и более» *.

* J.-E. Driault. «Problèmes politiques et sociaux». P., 1900, стр. 299 (Ж.-Э. Дрио. «Политические и социальные проблемы». Париж. *Ред.*).

VII. ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ОСОБАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА

Мы должны теперь попытаться подвести известные итоги, свести вместе сказанное выше об империализме. Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю.

Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Такое определение включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников; а с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца.

Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить. Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще,

которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами.

Мы увидим еще ниже, как можно и должно иначе определить империализм, если иметь в виду не только основные чисто экономические понятия (которыми ограничивается приведенное определение), а историческое место данной стадии капитализма по отношению к капитализму вообще или отношение империализма и двух основных направлений в рабочем движении. Сейчас же надо отметить, что, понимаемый в указанном смысле, империализм представляет из себя, несомненно, особую стадию развития капитализма. Чтобы дать читателю возможно более обоснованное представление об империализме, мы намеренно старались приводить как можно больше отзывов *буржуазных* экономистов, вынужденных признавать особенно бесспорно установленные факты новейшей экономики капитализма. С той же целью приводились подробные статистические данные, позволяющие видеть, до какой именно степени вырос банковый капитал и т. д., в чем именно выразился переход количества в качество, переход развитого капитализма в империализм. Нечего и говорить, конечно, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что было бы нелепо спорить, например, о том, к какому году или десятилетию относится «окончательное» установление империализма.

Но спорить об определении империализма приходится прежде всего с главным марксистским теоретиком эпохи так называемого Второго Интернационала, т. е. 25-летия 1889—1914 годов, К. Каутским. Против основных идей, выраженных

в данном нами определении империализма, Каутский выступил вполне решительно и в 1915 и даже еще в ноябре 1914 года, заявляя, что под империализмом надо понимать не «фазу» или ступень хозяйства, а политику, именно определенную политику, «предпочитаемую» финансовым капиталом, что империализм нельзя «отождествлять» с «современным капитализмом», что если понимать под империализмом «все явления современного капитализма», — картели, протекционизм, господство финансистов, колониальную политику — то тогда вопрос о необходимости империализма для капитализма сведется к «самой плоской тавтологии», ибо тогда, «естественно, империализм есть жизненная необходимость для капитализма» и т. д. Мысль Каутского мы выразим всего точнее, если приведем данное им определение империализма, направленное прямо против существа излагаемых нами идей (ибо возражения из лагеря немецких марксистов, проводивших подобные идеи в течение целого ряда лет, давно известны Каутскому, как возражения определенного течения в марксизме).

Определение Каутского гласит:

«Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие *аграрные* (курсив Каутского) области, без отношения к тому, какими нациями они населены» *.

Это определение ровнехонько никуда не годится, ибо оно односторонне, т. е. произвольно, выделяет один только национальный вопрос (хотя и в высшей степени важный как сам по себе, так и в его отношении к империализму), произвольно и *неверно* связывая его *только* с промышленным капиталом в аннектирующие другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексию аграрных областей.

Империализм есть стремление к аннексиям — вот к чему сводится *политическая* часть определения Каутского. Она верна, но крайне неполна, ибо политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции. Нас занимает здесь, однако, *экономическая* сторона дела, которую внес в *свое* определение сам Каутский. Неверности в определении Каутского бьют в лицо. Для империализма характерен как раз *не* промышленный, а финансовый капитал. Не случайность, что во Франции как раз особо быстрое развитие *финансового* капитала, при ослаблении промышленного,

* «Die Neue Zeit», 1914, 2 (32 т.), стр. 909, от 11 сентября 1914 г. Ср. 1915, 2, стр. 107, слл.

вызвало с 80-х годов прошлого века крайнее обострение аннекционистской (колониальной) политики. Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию *не только* аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты насчет Бельгии, французские насчет Лотарингии), ибо, во-1-х, законченный раздел земли вынуждает, при *переделе*, протягивать руку ко *всяким* землям; во-2-х, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, т. е. к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва *его* гегемонии (Германии Бельгия особенно важна, как опорный пункт против Англии; Англии Багдад, как опорный пункт против Германии и т. д.).

Каутский ссылается в особенности — и неоднократно — на англичан, установивших будто бы чисто политическое значение слова империализм в его, Каутского, смысле. Берем англичанина Гобсона и читаем в его сочинении «Империализм», вышедшем в 1902 году:

«Новый империализм отличается от старого, во-первых, тем, что он на место стремлений одной растущей империи ставит теорию и практику соревнующих империй, каждая из которых руководится одинаковыми вожделениями к политическому расширению и к коммерческой выгоде; во-вторых, господством над торговыми интересами интересов финансовых или относящихся к помещению капитала»*.

Мы видим, что Каутский абсолютно неправ фактически в своей ссылке на англичан вообще (он мог бы сослаться разве на вульгарных английских империалистов или прямых апологетов империализма). Мы видим, что Каутский, претендуя, что он продолжает защищать марксизм, на деле делает шаг назад по сравнению с *социал-либералом* Гобсоном, который *правильнее* учитывает две «исторически-конкретные» (Каутский как раз издевается своим определением над исторической конкретностью!) особенности современного империализма: 1) конкуренцию *нескольких* империализмов и 2) преобладание финансиста над торговцем. А если речь идет главным образом о том, чтобы промышленная страна аннектировала аграрную, то этим выдвигается главенствующая роль торговца.

Определение Каутского не только неверное и не марксистское. Оно служит основой целой системы взглядов, разрывающих по всей линии и с марксистской теорией и с марксистской практикой, о чем еще пойдет речь ниже. Совершенно

* Hobson, «Imperialism», L., 1902, p. 324.

несерьезен тот спор о словах, который поднят Каутским: называть ли новейшую ступень капитализма империализмом или ступенью финансового капитала. Называйте, как хотите; это безразлично. Суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики, толкуя об аннексиях, как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике, и противопоставляя ей другую возможную будто бы буржуазную политику на той же базе финансового капитала. Выходит, что монополии в экономике совместимы с немонаполистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике. Выходит, что территориальный раздел земли, завершённый как раз в эпоху финансового капитала и составляющий основу своеобразия теперешних форм соревнования между крупнейшими капиталистическими государствами, совместим с неимпериалистской политикой. Получается затушевывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма.

Каутский спорит с немецким апологетом империализма и аннексий, Куновым, который рассуждает аляповато и цинично: империализм есть современный капитализм; развитие капитализма неизбежно и прогрессивно; значит, империализм прогрессивен; значит, надо раболепствовать перед империализмом и славословить! Нечто вроде той карикатуры, которую рисовали народники против русских марксистов в 1894—1895 годах: дескать, если марксисты считают капитализм в России неизбежным и прогрессивным, то они должны открыть кабаки и заняться насаждением капитализма. Каутский возражает Кунову: нет, империализм не есть современный капитализм, а лишь одна из форм политики современного капитализма, и мы можем и должны бороться с этой политикой, бороться с империализмом, с аннексиями и т. д.

Возражение кажется вполне благовидным, а на деле оно равняется более тонкой, более прикрытой (и потому более опасной) проповеди примирения с империализмом, ибо «борьба» с политикой трестов и банков, не затрагивающая основ экономики трестов и банков, сводится к буржуазному реформизму и пацифизму, к добреньким и невинным благопожеланиям. Отговориться от существующих противоречий, забыть самые важные из них, вместо вскрытия всей глубины противоречий — вот теория Каутского, не имеющая ничего общего с марксизмом. И понятно, что такая «теория» служит только к защите идеи единства с Куновыми!

«С чисто экономической точки зрения, — пишет Каутский, — не невозможно, что капитализм переживет еще одну новую

фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику, фазу ультраимпериализма» *, т. е. свержения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу «общей эксплуатации мира интернационально-объединенным финансовым капиталом» **.

На этой «теории ультраимпериализма» нам придется остановиться ниже, чтобы подробно показать, до какой степени она разрывает решительно и бесповоротно с марксизмом. Здесь же нам надо, согласно общему плану настоящего очерка, взглянуть на точные экономические данные, относящиеся к этому вопросу. «С чисто экономической точки зрения» возможен «ультраимпериализм» или это ультрапустяки?

Если понимать под чисто экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, тогда все, что можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно, вроде указания, что «развитие идет» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле «теория» ультраимпериализма такой же вздор, каким была бы «теория ультраземледелия».

Если же говорить о «чисто экономических» условиях эпохи финансового капитала, как об исторически-конкретной эпохе, относящейся к началу XX века, то лучшим ответом на мертвые абстракции «ультраимпериализма» (служащие исключительно реакционной цели: отвлечению внимания от глубины *наличных* противоречий) является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства. Бессодержательнейшие разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала *ослабляет* неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно *усиливает* их ³⁸¹.

Р. Кальвер в своей небольшой книжке «Введение в всемирное хозяйство» *** сделал попытку свести главнейшие чистоэкономические данные, позволяющие конкретно представить взаимоотношения внутри всемирного хозяйства на рубеже XIX и XX веков. Он делит весь мир на 5 «главных

* «Die Neue Zeit», 1914, 2 (32 т.), стр. 921, от 11 сентября 1914 г. Ср. 1915, 2, стр. 107, слл.

** «Die Neue Zeit», 1915, 1, стр. 144, от 30 апреля 1915.

*** R. Calwer. «Einführung in die Weltwirtschaft», Brl., 1906.

хозяйственных областей»: 1) среднеевропейская (вся Европа кроме России и Англии); 2) британская; 3) российская; 4) восточноазиатская и 5) американская, включая колонии в «области» тех государств, которым они принадлежат, и «оставляя в стороне» немногие, нераспределенные по областям, страны, например, Персию, Афганистан, Аравию в Азии, Марокко и Абиссинию в Африке и т. п.

Вот, в сокращенном виде, приводимые им экономические данные об этих областях:

Главные хозяйственные области мира	Пло- щадь	Насе- ление	Пути сообщения		Тор- говля	Промыш- ленность		
	млн. кв. км	(млн.)	жел. дор. (тыс. км)	торговый флот (млн. тонн)	(ввоз и вывоз вместе) (млрд. марок)	добыча кам. угля (млн. тонн)	чугуна	число веретен в хл.-бум. пром. (млн.)
1) ср. европ. . .	27,6 *(23,6)	388 (146)	204	8	41	251	15	26
2) британск. . .	28,9 *(28,6)	398 (355)	140	11	25	249	9	51
3) российск. . .	22	131	63	1	3	16	3	7
4) вост. азиат.	12	389	8	1	2	8	0,02	2
5) америк. . . .	30	148	379	6	14	245	14	19

Мы видим три области с высоко развитым капитализмом (сильное развитие и путей сообщения и торговли и промышленности): среднеевропейскую, британскую и американскую. Среди них три господствующие над миром государства: Германия, Англия, Соединенные Штаты. Империалистское соревнование между ними и борьба крайне обострены тем, что Германия имеет ничтожную область и мало колоний; создание «средней Европы» еще в будущем, и рождается она в отчаянной борьбе. Пока — признак всей Европы политическая раздробленность. В британской и американской областях очень высока, наоборот, политическая концентрация, но громадное несоответствие между необъятными колониями первой и ничтожными — второй. А в колониях капитализм только начинает развиваться. Борьба за южную Америку все обостряется.

Две области — слабого развития капитализма, российская и восточноазиатская. В первой крайне слабая плотность населения, во второй — крайне высокая; в первой политическая концентрация велика, во второй отсутствует. Китай только

* В скобках площадь и население колоний.

еще начали делить, и борьба за него между Японией, Соединенными Штатами и т. д. обостряется все сильнее.

Сопоставьте с этой действительностью, — с гигантским разнообразием экономических и политических условий, с крайним несоответствием в быстроте роста разных стран и пр., с бешеной борьбой между империалистическими государствами — глупенькую побасенку Каутского о «мирном» ультраимпериализме. Разве это не реакционная попытка запуганного мещанина спрятаться от грозной действительности? Разве интернациональные картели, которые кажутся Каутскому зародышами «ультраимпериализма» (как производство таблеток в лаборатории «можно» объявить зародышем ультраземледелия), не показывают нам примера раздела *и передела* мира, перехода от мирного раздела к немирному и обратно? Разве американский и прочий финансовый капитал, мирно деливший весь мир, при участии Германии, скажем, в международном рельсовом синдикате или в международном тресте торгового судоходства, не *переделяет* теперь мир на основе новых отношений силы, изменяющихся совсем *немирным* путем?

Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства. А раз соотношения силы изменились, то в чем может заключаться, *при капитализме*, разрешение противоречия кроме как *в силе*? Чрезвычайно точные данные о различной быстроте роста капитализма и финансового капитала во всем всемирном хозяйстве мы имеем в статистике железных дорог*. За последние десятилетия империалистского развития длина железных дорог изменилась так:

Железные дороги (тыс. км)			
	1890	1913	+
Европа	224	346	+ 122
Соед. Штаты Америки .	268	411	+ 143
Все колонии	82	210	+ 128
Самостоят. и полусамост. государства Азии и Америки	43	137	+ 94
	125		347
	137		+ 222
<i>Всего</i>	617	1 104	

* Stat. Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1915; Archiv für Eisenbahnwesen, 1892 (Статистический ежегодник Германского государства, 1915; Архив железнодорожного дела, 1892. *Ред.*); за 1890 год небольшие частности относительно распределения железных дорог между колониями разных стран пришлось определить приблизительно ³⁸².

Быстрее всего развитие железных дорог шло, следовательно, в колониях и в самостоятельных (и полусамостоятельных) государствах Азии и Америки. Известно, что финансовый капитал 4—5 крупнейших капиталистических государств царит и правит здесь всецело. Двести тысяч километров новых железных дорог в колониях и в других странах Азии и Америки, это значит свыше 40 миллиардов марок нового помещения капитала на особо выгодных условиях, с особыми гарантиями доходности, с прибыльными заказами для сталелитейных заводов и пр. и т. д.

Быстрее всего растет капитализм в колониях и в заокеанских странах. Среди них появляются *новые* империалистские державы (Япония). Борьба всемирных империализмов обостряется. Растет дань, которую берет финансовый капитал с особенно прибыльных колониальных и заокеанских предприятий. При разделе этой «добычи» исключительно высокая доля попадает в руки стран, не всегда занимающих первое место по скорости развития производительных сил. В крупнейших державах, взятых вместе с их колониями, длина железных дорог составляла:

	(тыс. км)		
	1890	1913	
С. Штаты	268	413	+ 145
Британская империя . .	107	208	+ 101
Россия	32	78	+ 46
Германия	43	68	+ 25
Франция	41	63	+ 22
<i>Всего в 5 державах</i>	491	830	+ 339

Итак, около 80% всего количества железных дорог сконцентрировано в 5 крупнейших державах. Но концентрация *собственности* на эти дороги, концентрация финансового капитала еще неизмеримо более значительна, ибо английским и французским, например, миллионерам принадлежит громадная масса акций и облигаций американских, русских и других железных дорог.

Благодаря своим колониям Англия увеличила «свою» железнодорожную сеть на 100 тысяч километров, вчетверо больше, чем Германия. Между тем общеизвестно, что развитие производительных сил Германии за это время, и особенно развитие каменноугольного и железоделательного производства, шло несравненно быстрее, чем в Англии, не говоря уже о Франции и России. В 1892 году Германия производила 4,9 миллиона тонн чугуна, против 6,8 в Англии; а в 1912 году

уже 17,6 против 9,0, т. е. гигантский перевес над Англией! * Спрашивается, *на почве капитализма* какое могло быть иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала, с одной стороны, — разделом колоний и «сфер влияния» для финансового капитала, с другой?

VIII. ПАРАЗИТИЗМ И ЗАГНИВАНИЕ КАПИТАЛИЗМА

Нам следует остановиться теперь еще на одной очень важной стороне империализма, которая большей частью недостаточно оценивается в большинстве рассуждений на эту тему. Одним из недостатков марксиста Гильфердинга является то, что он сделал тут шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном. Мы говорим о паразитизме, свойственном империализму.

Как мы видели, самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс. Пример: в Америке некий Оуэнс изобрел бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладет их под сукно, задерживает их применение. Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультраимпериализма). Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но *тенденция* к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в

* Ср. также Edgar Crammond. «The Economic Relations of the British and German Empires» в «Journal of the Royal Statistical Society», 1914, July, pp. 777 ss. (Эдгар Крэммонд. «Экономические отношения Британской и Германской империй» в «Журнале королевского статистического общества», 1914, июль, стр. 777, слл. *Ред.*).

свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх.

Монополия обладания особенно обширными, богатыми или удобно расположенными колониями действует в том же направлении.

Далее. Империализм есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала, достигающего, как мы видели, 100—150 миллиардов франков ценных бумаг. Отсюда — необычайный рост класса или, вернее, слоя рантье, т. е. лиц, живущих «стрижкой купонов» — лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии, — лиц, профессией которых является праздность. Вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма, еще более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплуатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний.

«В 1893 году, — пишет Гобсон, — британский капитал, помещенный за границей, составлял около 15% всего богатства Соединенного Королевства» *. Напомним, что к 1915 году этот капитал увеличился приблизительно в 2½ раза. «Агрессивный империализм, — читаем далее у Гобсона, — который стоит так дорого плательщикам налогов и имеет так мало значения для промышленника и торговца, .. есть источник больших прибылей для капиталиста, ищущего помещения своему капиталу»... (по-английски это понятие выражается одним словом: «инвестор» — «поместитель», рантье)... «Весь годичный доход, который Великобритания получает от всей своей внешней и колониальной торговли, ввоза и вывоза, определяется статистиком Гиффеном в 18 миллионов фунтов стерлингов (около 170 млн. рублей) за 1899 год, считая по 2½% на весь оборот в 800 млн. фунтов стерлингов». Как ни велика эта сумма, она не может объяснить агрессивного империализма Великобритании. Его объясняет сумма в 90—100 млн. фунтов стерлингов, представляющая доход от «помещенного» капитала, доход слоя рантье.

Доход рантье *впятеро* превышает доход от внешней торговли в самой «торговой» стране мира! Вот сущность империализма и империалистического паразитизма.

Понятие: «государство-рантье» (Rentnerstaat), или государство-ростовщик, становится поэтому общеупотребительным в экономической литературе об империализме. Мир

* Hobson, стр. 59, 62.

разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников. «Среди помещений капитала за границей, — пишет Шульце-Геверниц, — на первом месте стоят такие, которые падают на страны, политически зависимые или союзные: Англия дает займы Египту, Японии, Китаю, Южной Америке. Ее военный флот играет роль, в случае крайности, судебного пристава. Политическая сила Англии оберегает ее от возмущения должников» *. Сарториус фон Вальтерсхаузен в своем сочинении «Народнохозяйственная система помещения капитала за границей» выставляет образцом «государства-рантье» Голландию и указывает, что таковыми становятся теперь Англия и Франция **. Шильдер считает, что пять промышленных государств являются «определенно выраженными странами-кредиторами»: Англия, Франция, Германия, Бельгия и Швейцария. Голландию он не относит сюда только потому, что она «мало индустриальна» ***. Соединенные Штаты являются кредитором лишь по отношению к Америке.

«Англия, — пишет Шульце-Геверниц, — перерастает постепенно из промышленного государства в государство-кредитора. Несмотря на абсолютное увеличение промышленного производства и промышленного вывоза, возрастает относительное значение для всего народного хозяйства доходов от процентов и дивидендов, от эмиссий, комиссий и спекуляции. По моему мнению, именно этот факт является экономической основой империалистического подъема. Кредитор прочнее связан с должником, чем продавец с покупателем» ****. Относительно Германии издатель берлинского журнала «Банк» А. Лансбург писал в 1911 г. в статье: «Германия — государство-рантье» следующее: «В Германии охотно посмеиваются над склонностью к превращению в рантье, наблюдаемой во Франции. Но при этом забывают, что, поскольку дело касается буржуазии, германские условия все более становятся похожими на французские» *****.

Государство-рантье есть государство паразитического, загнивающего капитализма, и это обстоятельство не может не отражаться как на всех социально-политических условиях данных стран вообще, так и на двух основных течениях в рабочем движении в особенности. Чтобы показать это возможно

* Schulze-Gaevernitz. «Br. Imp.», 320 и др.

** Sart. von Waltershausen. «D. Volkswirt. Syst. etc.». B., 1907, Buch IV.

*** Schilder, стр. 393.

**** Schulze-Gaevernitz. «Br. Imp.», 122.

***** «Die Bank», 1911, 1, стр. 10—11.

нагляднее, предоставим слово Гобсону, который всего более «надежен», как свидетель, ибо его невозможно заподозрить в пристрастии к «марксистскому правоверию», а с другой стороны, он — англичанин, хорошо знающий положение дел в стране, наиболее богатой и колониями и финансовым капиталом и империалистским опытом.

Описывая, под живым впечатлением англо-бурской войны, связь империализма с интересами «финансистов», рост их прибылей от подрядов, поставок и пр., Гобсон писал: «направителями этой определенно паразитической политики являются капиталисты; но те же самые мотивы оказывают действие и на специальные разряды рабочих. Во многих городах самые важные отрасли промышленности зависят от правительственных заказов; империализм центров металлургической и кораблестроительной промышленности зависит в немалой степени от этого факта». Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению автора, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов. «Первое есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Для экономической возможности такого подкупа, в какой бы форме он ни совершался, необходима — добавим от себя — монополистически высокая прибыль.

Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет: «Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами».

Перспектива раздела Китая вызывает у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькая кучка богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и

торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дело всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие прирученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории» (надо было сказать: перспективы) «как незаслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинен экономическому контролю подобных групп финансистов, «поместителей капитала», их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыли из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддается учету, чтобы сделать очень вероятным это или любое иное истолкование будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом Западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они работают в направлении именно такого завершения процесса» *.

Автор совершенно прав: *если бы* силы империализма не встретили противодействия, они привели бы именно к этому. Значение «Соединенных Штатов Европы» в современной, империалистской, обстановке оценено здесь правильно. Следовало бы лишь добавить, что *и внутри* рабочего движения оппортунисты, победившие ныне на время в большинстве стран,

* Hobson, стр. 103, 205, 144, 335, 386.

«работают» систематически и неуклонно именно в таком направлении. Империализм, означая раздел мира и эксплуатацию не одного только Китая, означая монопольно-высокие прибыли для горстки богатейших стран, создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата и тем питает, оформливает, укрепляет оппортунизм. Не следует лишь забывать тех противодействующих империализму вообще и оппортунизму в частности сил, которых естественно не видеть социал-либералу Гобсону.

Немецкий оппортунист Гергард Гильдебранд, который в свое время был исключен из партии за защиту империализма, а ныне мог бы быть вождем так называемой «социал-демократической» партии Германии, хорошо дополняет Гобсона, проповедуя «Соединенные Штаты Западной Европы» (без России) в целях «совместных» действий... против африканских негров, против «великого исламистского движения», для содержания «сильного войска и флота», против «японо-китайской коалиции» * и пр.

Описание «британского империализма» у Шульце-Геверница показывает нам те же черты паразитизма. Народный доход Англии приблизительно удвоился с 1865 по 1898 г., а доход «от заграницы» за это время возрос *в девять раз*. Если «заслугой» империализма является «воспитание негра к труду» (без принуждения не обойтись...), то «опасность» империализма состоит в том, что «Европа свалит физический труд — сначала сельскохозяйственный и горный, а потом и более грубый промышленный — на плечи темнокожего человечества, а сама успокоится на роли рантье, подготовляя, может быть, этим экономическую, а затем и политическую эмансипацию краснокожих и темнокожих рас».

Все бóльшая часть земли в Англии отнимается от сельскохозяйственного производства и идет под спорт, под забаву для богачей. Про Шотландию — самое аристократическое место охоты и другого спорта — говорят, что «она живет своим прошлым и мистером Карнеджи» (американским миллиардером). На одних только скачках и на охоту за лисицами Англия расходует ежегодно 14 миллионов фунтов стерлингов (около 130 млн. рублей). Число рантье в Англии составляет около 1 миллиона. Процент производительного населения понижается:

* Gerhard Hildebrand. «Die Erschütterung der Industrieherrschaft und des Industriesozialismus». 1910, стр. 229, слл. (Гергард Гильдебранд. «Потрясение господства промышленности и промышленного социализма». *Ред.*).

	Население Англии	Число рабочих в главных от- слях промыш- ленности	% к населе- нию
	(миллионы)		
1851	17,9	4,1	23%
1901	32,5	4,9	15%

И, говоря об английском рабочем классе, буржуазный исследователь «британского империализма начала XX века» вынужден систематически проводить разницу между *«верхним слоем»* рабочих и *«собственно пролетарским низшим слоем»*. Верхний слой поставляет массу членов кооперативов и профессиональных союзов, спортивных обществ и многочисленных религиозных сект. К его уровню приурочено избирательное право, которое в Англии *«все еще достаточно ограниченное, чтобы исключать собственно пролетарский низший слой»!!* Чтобы прикрасить положение английского рабочего класса, обыкновенно говорят только об этом верхнем слое, составляющем *меньшинство* пролетариата: например, «вопрос о безработице есть преимущественно вопрос, касающийся Лондона и пролетарского низшего слоя, с которым политики мало считаются...» *. Надо было сказать: с которым буржуазные политики и «социалистические» оппортунисты мало считаются.

К числу особенностей империализма, которые связаны с описываемым кругом явлений, относится уменьшение эмиграции из империалистских стран и увеличение иммиграции (прихода рабочих и переселения) в эти страны из более отсталых стран, с более низкой заработной платой. Эмиграция из Англии, как отмечает Гобсон, падает с 1884 г.: она составляла 242 тыс. в этом году и 169 тыс. в 1900. Эмиграция из Германии достигла максимума за 10-летие 1881—1890 гг.: 1453 тыс., падая в два следующие десятилетия до 544 и до 341 тыс. Зато росло число рабочих, приходящих в Германию из Австрии, Италии, России и пр. По переписи 1907 г. в Германии было 1 342 294 иностранца, из них рабочих промышленных — 440 800, сельских—257 329 **. Во Франции рабочие в горной промышленности «в значительной части» иностранцы: поляки, итальянцы, испанцы ***. В Соединенных Штатах

* Schulze-Gaevernitz. «Br. Imp.», 301.

** Statistik des Deutschen Reichs, Bd. 211 (Статистика Германского государства, т. 211. *Ред.*).

*** Henger. «Die Kapitalsanlage der Franzosen». St., 1913 (Генгер. «Помещения французских капиталов». Штутгарт, 1913. *Ред.*).

иммигранты из Восточной и Южной Европы занимают наихудше оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы *. Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата.

Необходимо отметить, что в Англии тенденция империализма раскалывать рабочих и усиливать оппортунизм среди них, порождать временное загнивание рабочего движения, сказалась гораздо раньше, чем конец XIX и начало XX века. Ибо две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке. Маркс и Энгельс систематически, в течение ряда десятилетий, прослеживали эту связь оппортунизма в рабочем движении с империалистическими особенностями английского капитализма. Энгельс писал, например, Марксу 7 октября 1858 года: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» ³⁸³. Почти четверть века спустя, в письме от 11 августа 1881 г. он говорит о «худших английских тред-юнионах, которые позволяют руководить собою людям, купленным буржуазиею или по крайней мере оплачиваемым ею» ³⁸⁴. А в письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» **. (То же самое изложено Энгельсом для печати в предисловии ко 2-му изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1892 г. ³⁸⁵).

* Hourwich. «Immigration and Labour». N. Y., 1913 (Гурвич. «Иммиграция и труд». Нью-Йорк, 1913. *Ред.*).

** Briefwechsel von Marx und Engels, Bd. II, S. 290; IV, 433 (Переписка Маркса и Энгельса, т. II, стр. 290. *Ред.*). — К. Каутский. «Sozialismus und Kolonialpolitik». Brln., 1907, стр. 79 (К. Каутский. «Социализм и колониальная политика». Берлин, 1907. *Ред.*); эта брошюра писана еще в те бесконечно далекие времена, когда Каутский был марксистом.

Здесь ясно указаны причины и следствия. Причины: 1) эксплуатация данной страной всего мира; 2) ее монопольное положение на всемирном рынке; 3) ее колониальная монополия. Следствия: 1) обуржуазение части английского пролетариата; 2) часть его позволяет руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею. Империализм начала XX века закончил раздел мира горсткой государств, из которых каждое эксплуатирует теперь (в смысле извлечения сверхприбыли) немногим меньшую часть «всего мира», чем Англия в 1858 году; каждое занимает монопольное положение на всемирном рынке благодаря трестам, картелям, финансовому капиталу, отношениям кредитора к должнику; каждое имеет до известной степени колониальную монополию (мы видели, что из 75 млн. кв. километров *всех* колоний мира 65 млн., т. е. 86% сосредоточено в руках шести держав; 61 млн., т. е. 81% сосредоточено в руках 3-х держав).

Отличие теперешнего положения состоит в таких экономических и политических условиях, которые не могли не усилить непримиримость оппортунизма с общими и коренными интересами рабочего движения: империализм из зачатков вырос в господствующую систему; капиталистические монополии заняли первое место в народном хозяйстве и в политике; раздел мира доведен до конца; а, с другой стороны, вместо безраздельной монополии Англии мы видим борьбу за участие в монополии между небольшим числом империалистических держав, характеризующую все начало XX века. Оппортунизм не может теперь оказаться полным победителем в рабочем движении одной из стран на длинный ряд десятилетий, как победил оппортунизм в Англии во второй половине XIX столетия, но он окончательно созрел, перезрел и сгнил в ряде стран, вполне слившись с буржуазной политикой, как социал-шовинизм *.

IX. КРИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА

Критику империализма мы понимаем в широком смысле слова, как отношение к политике империализма различных классов общества в связи с их общей идеологией.

Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках и создающего необыкновенно

* Русский социал-шовинизм господ Потресовых, Чхенкели, Масловых и т. д. как в своем откровенном виде, так и в прикровенном (гг. Чхеидзе, Скобелев, Аксельрод, Мартов и пр.), тоже вырос из русской разновидности оппортунизма, именно из ликвидаторства.

широко раскинутую и густую сеть отношений и связей, подчиняющую ему массу не только средних и мелких, но и мельчайших капиталистов и хозяйчиков, — с одной стороны, а с другой, обостренная борьба с другими национально-государственными группами финансистов за раздел мира и за господство над другими странами, — все это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма. «Всеобщее» увеличение его перспективами, бешеная защита империализма, всевозможное прикрашивание его — таково знамение времени. Империалистская идеология проникает и в рабочий класс. Китайская стена не отделяет его от других классов. Если вожди теперешней так называемой «социал-демократической» партии Германии получили по справедливости название «социал-империалистов», т. е. социалистов на словах, империалистов на деле, то Гобсон еще в 1902 году отметил существование «фабианских империалистов» в Англии, принадлежащих к оппортунистическому «Фабианскому обществу».

Буржуазные ученые и публицисты выступают защитниками империализма обыкновенно в несколько прикрытой форме, затушевывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливаясь отвлечь внимание от существенного совершенно несерьезными проектами «реформ» вроде полицейского надзора за трестами или банками и т. п. Реже выступают циничные, откровенные империалисты, имеющие смелость признать нелепость мысли о реформировании основных свойств империализма.

Приведем один пример. Немецкие империалисты в издании: «Архив всемирного хозяйства» стараются следить за национально-освободительными движениями в колониях, особенно, разумеется, не-немецких. Они отмечают брожение и протесты в Индии, движение в Натале (южная Африка), в Голландской Индии и т. д. Один из них в заметке по поводу английского издания, дающего отчет о конференции подчиненных наций и рас, состоявшейся 28—30 июня 1910 года из представителей различных, находящихся под чужестранным господством, народов Азии, Африки, Европы пишет, оценивая речи на этой конференции: «С империализмом, говорят нам, надо бороться; господствующие государства должны признать право подчиненных народов на самостоятельность; международный трибунал должен наблюдать за исполнением договоров, заключенных между великими державами и слабыми народами. Дальше этих невинных пожеланий конференция не идет. Мы не видим ни следа понимания той истины, что

империализм неразрывно связан с капитализмом в его теперешней форме и что поэтому (!!) прямая борьба с империализмом безнадежна, разве если ограничиваться выступлением против отдельных, особенно отвратительных, эксцессов» *. Так как реформистское исправление основ империализма есть обман, «невинное пожелание», так как буржуазные представители угнетенных наций не идут «дальше» вперед, поэтому буржуазный представитель угнетающей нации идет «дальше» *назад*, к раболепству перед империализмом, прикрытому претензией на «научность». Тоже «логика»!

Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ империализма, вперед ли идти, к дальнейшему обострению и углублению противоречий, порождаемых им, или назад, к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма. Так как политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции, то мелкобуржуазно-демократическая оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистских странах начала XX века. И разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернационального течения каутскианства состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился, не сумел противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной, оппозиции, а, напротив, слился с ней практически.

В Соединенных Штатах империалистская война против Испании 1898 года вызвала оппозицию «антиимпериалистов», последних могику буржуазной демократии, которые называли войну эту «преступной», считали нарушением конституции аннексию чужих земель, объявляли «обманом шовинистов» поступок по отношению к вождю туземцев на Филиппинах, Агвинальдо (ему обещали свободу его страны, а потом высадили американские войска и аннектировали Филиппины), — цитировали слова Линкольна: «когда белый человек сам управляет собой, это — самоуправление; когда он управляет сам собой и вместе с тем управляет другими, это уже не самоуправление, это — деспотизм» **. Но пока вся эта критика боялась признать неразрывную связь империализма

* Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. II, стр. 193 (Архив мирового хозяйства, т. II. *Ред.*),

** J. Patouillet. «L'impérialisme américain». Dijon, 1904, стр. 272 (Ж. Патулье. «Американский империализм». Дижон. *Ред.*).

с трестами и, следовательно, основами капитализма, боялась присоединиться к силам, порождаемым крупным капитализмом и его развитием, она оставалась «невинным пожеланием».

Такова же основная позиция Гобсона в его критике империализма. Гобсон предвосхитил Каутского, восставая против «неизбежности империализма» и апеллируя к необходимости «поднять потребительную способность» населения (при капитализме!). На мелкобуржуазной точке зрения в критике империализма, вселилия банков, финансовой олигархии и пр. стоят цитированные неоднократно нами Агад, А. Лансбург, Л. Эшвеге, а из французских писателей — Виктор Берар, автор поверхностной книги: «Англия и империализм», вышедшей в 1900 году. Все они, нисколько не претендуя на марксизм, противопоставляют империализму свободную конкуренцию и демократию, осуждают затею Багдадской железной дороги, ведущую к конфликтам и войне, высказывают «невинные пожелания» мира и т. п. — вплоть до статистика международных эмиссий А. Неймарка, который, подсчитывая сотни миллиардов франков «международных» ценностей, восклицал в 1912 году: «возможно ли предположить, чтобы мир мог быть нарушен? ... чтобы при таких громадных цифрах рисковали вызвать войну?» *.

Со стороны буржуазных экономистов такая наивность не удивительна; им же притом и *выгодно* казаться столь наивными и «всерьез» говорить о мире при империализме. Но что же осталось от марксизма у Каутского, когда он в 1914, 1915, 1916 годах становится на ту же буржуазно-реформистскую точку зрения и утверждает, что «все согласны» (империалисты, якобы социалисты и социал-пацифисты) насчет мира? Вместо анализа и вскрытия глубины противоречий империализма мы видим одно лишь реформистское «невинное желание» отмахнуться, отговориться от них.

Вот образчик экономической критики империализма Каутским. Он берет данные о вывозе и ввозе Англии из Египта за 1872 и 1912 годы; оказывается, что этот вывоз и ввоз рос слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. И Каутский умозаключает: «мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических факторов». «Стремления капитала к расширению» «лучше

* Bulletin de l'institut international de statistique. T. XIX, livr. II, p. 225.

всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией» *.

Это рассуждение Каутского, на сотни ладов перепеваемое его российским оруженосцем (и российским прикрывателем социал-шовинистов) г. Спектатором, составляет основу каутскианской критики империализма и на нем надо поэтому подробнее остановиться. Начнем с цитаты из Гильфердинга, выводы которого Каутский много раз, в том числе в апреле 1915 г., объявлял «единогласно принятыми всеми социалистическими теоретиками».

«Не дело пролетариата, — пишет Гильфердинг, — более прогрессивной капиталистической политике противопоставлять оставшуюся позади политику эры свободной торговли и враждебного отношения к государству. Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только социализм. Не такой идеал, как восстановление свободной конкуренции — он превратился теперь в реакционный идеал — может быть теперь целью пролетарской политики, а единственно лишь полное уничтожение конкуренции посредством устранения капитализма» **.

Каутский порвал с марксизмом, защищая для эпохи финансового капитала «реакционный идеал», «мирную демократию», «простой вес экономических факторов», — ибо этот идеал *объективно* тащит назад, от монополистического капитализма к немонополистическому, является реформистским обманом.

Торговля с Египтом (или с другой колонией или полуколонией) «выросла бы» сильнее *без* военного занятия, без империализма, без финансового капитала. Что это значит? Что капитализм развивался бы быстрее, если бы свободная конкуренция не ограничивалась ни монополиями вообще, ни «связями» или гнетом (т. е. тоже монополией) финансового капитала, ни монопольным обладанием колониями со стороны отдельных стран?

Другого смысла рассуждения Каутского иметь не могут, а этот «смысл» есть бессмыслица. Допустим, что *да*, что свободная конкуренция, без каких бы то ни было монополий, развивала *бы* капитализм и торговлю быстрее. Но ведь чем быстрее идет развитие торговли и капитализма, тем сильнее

* Kautsky. «Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund». Nürnberg, 1915, стр. 72 и 70 (Каутский. «Национальное государство, империалистское государство и союз государств». Нюрнберг. *Ред.*).

** «Финансовый капитал», стр. 567.

концентрация производства и капитала, *рождающая* монополию. И монополии *уже* родились — именно *из* свободной конкуренции! Если даже монополии стали теперь замедлять развитие, все-таки это не довод за свободную конкуренцию, которая невозможна после того, как она родила монополии.

Как ни вертите рассуждения Каутского, ничего кроме реакционности и буржуазного реформизма в нем нет.

Если исправить это рассуждение, и сказать, как говорит Спектатор: торговля английских колоний с Англией развивается теперь медленнее, чем с другими странами, — это тоже не спасает Каутского. Ибо Англию побивает *то же* монополия, *то же* империализм только другой страны (Америки, Германии). Известно, что картели привели к охранительным пошлинам нового, оригинального типа: охраняются (это отметил еще Энгельс в III томе «Капитала»³⁸⁶) как раз те продукты, которые способны к вывозу. Известна, далее, свойственная картелям и финансовому капиталу система «вывоза по бросовым ценам», «выбрасывания», как говорят англичане: внутри страны картель продает свои продукты по монопольной — высокой цене, а за границу сбывает втридеша, — чтобы подорвать конкурента, чтобы расширять до максимума свое производство и т. д. Если Германия быстрее развивает свою торговлю с английскими колониями, чем Англия, — это доказывает лишь, что германский империализм свежее, сильнее, организованнее, выше английского, но вовсе не доказывает «перевеса» свободной торговли, ибо борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого. Перевес немецкого империализма над английским сильнее, чем стена колониальных границ или протекционных пошлин: делать отсюда «довод» за свободную торговлю и «мирную демократию» есть пошлость, забвение основных черт и свойств империализма, замена марксизма мещанским реформизмом.

Интересно, что даже буржуазный экономист А. Лансбург, критикующий империализм так же мещански, как Каутский, подошел все же к более научной обработке данных торговой статистики. Он взял сравнение не одной случайно выхваченной страны и только колонии с остальными странами, а сравнение вывоза из империалистской страны 1) в страны финансово зависимые от нее, занимающие у нее деньги и 2) в страны финансово независимые. Получилось следующее:

Вывоз из Германии (млн. марок)

		1889	1908	Увелич. в %
В страны, финансово- зависимые от Германии:	{ Румыния	48,2	70,8	+ 47%
	{ Португалия	19,0	32,8	+ 73%
	{ Аргентина	60,7	147,0	+143%
	{ Бразилия	48,7	84,5	+ 73%
	{ Чили	28,3	52,4	+ 85%
	{ Турция	29,9	64,0	+114%
Итого		234,8	451,5	+92%
В страны, финансово- независи- мые от Германии:	{ Великобритания . . .	651,8	997,4	+ 53%
	{ Франция	210,2	437,9	+108%
	{ Бельгия	137,2	322,8	+135%
	{ Швейцария	177,4	401,1	+127%
	{ Австралия	21,2	64,5	+205%
	{ Голл. Индия	8,8	40,7	+363%
Итого		1206,6	2264,4	+87%

Лансбург не подвел *итогов* и поэтому странным образом не заметил, что *если* эти цифры что-либо доказывают, то только *против* него, ибо вывоз в финансово зависимые страны возрос *все же быстрее*, хотя и немногим, чем в финансово независимые (подчеркиваем «если», ибо статистика Лансбурга далеко еще не полна).

Проследившая связь вывоза с займами, Лансбург пишет:

«В 1890/91 г. был заключен румынский заем при посредстве немецких банков, которые уже в предыдущие годы давали ссуды под него. Заем служил главным образом для покупки железнодорожного материала, который получался из Германии. В 1891 г. немецкий вывоз в Румынию составлял 55 млн. марок. В следующем году он упал до 39,4 млн. и, с перерывами, упал до 25,4 млн. в 1900 году. Лишь в самые последние годы достигнут снова уровень 1891 года — благодаря двум новым займам.

Немецкий вывоз в Португалию возрос вследствие займов 1888/89 до 21,1 млн. (1890); затем в два следующие года упал до 16,2 и 7,4 млн. и достиг своего старого уровня лишь в 1903 году.

Еще рельефнее данные о немецко-аргентинской торговле. Вследствие займов 1888 и 1890 гг. немецкий вывоз в Аргентину достиг в 1889 г. 60,7 млн. Два года спустя вывоз составлял всего 18,6 млн., меньше третьей части прежнего. Лишь

в 1901 г. достигнут и превзойден уровень 1889 года, что было связано с новыми государственными и городскими займами, с выдачей денег на постройку электрических заводов и с другими кредитными операциями.

Вывоз в Чили возрос вследствие займа 1889 года до 45,2 млн. (1892) и упал затем через год до 22,5 млн. После нового займа, заключенного при посредстве немецких банков в 1906 г., вывоз поднялся до 84,7 млн. (1907), чтобы вновь упасть до 52,4 млн. в 1908 г.» *.

Лансбург выводит из этих фактов забавную мещанскую мораль, как непрочен и неравномерен вывоз, связанный с займами, как нехорошо вывозить капиталы за границу вместо того, чтобы «естественно» и «гармонично» развивать отечественную промышленность, как «дорого» обходятся Круппу многомиллионные бакшиши при иностранных займах и т. п. Но факты говорят ясно: повышение вывоза *как раз* связано с мошенническими проделками финансового капитала, который не заботится о буржуазной морали и дерет две шкуры с вола: во-первых, прибыль с займа, во-вторых, прибыль с *того же* займа, когда он идет на покупку изделий Круппа или железнодорожных материалов стального синдиката и пр.

Повторяем, мы вовсе не считаем статистику Лансбурга совершенством, но ее обязательно было привести, ибо она научнее, чем статистика Каутского и Спектатора, ибо Лансбург намечает правильный подход к вопросу. Чтобы рассуждать о значении финансового капитала в деле вывоза и т. п., надо уметь выделить связь вывоза специально и только с проделками финансистов, специально и только со сбытом картельных продуктов и т. д. А сравнивать попросту колонии вообще и неcolonии, один империализм и другой империализм, одну полуколонию или колонию (Египет) и все остальные страны значит обходить и затушевывать как раз *суть* дела.

Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке,

* «Die Bank», 1909, 2, стр. 819 слл.

между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой, и т. д.

Совершенно такой же реакционный характер носит пресловутая теория «ультраимпериализма», сочиненная Каутским. Сравните его рассуждение на эту тему в 1915 году с рассуждением Гобсона в 1902 году:

Каутский: «...Не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новою, ультраимпериалистскою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом? Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок» *.

Гобсон: «Христианство, упрочившееся в немногих крупных федеральных империях, из которых каждая имеет ряд нецивилизованных колоний и зависимых стран, кажется многим наиболее законным развитием современных тенденций и притом таким развитием, которое дало бы больше всего надежды на постоянный мир на прочной базе интеримпериализма».

Ультраимпериализмом или сверхимпериализмом назвал Каутский то, что Гобсон за 13 лет до него назвал интеримпериализмом или междуимпериализмом. Кроме сочинения нового премудрого словечка, посредством замены одной латинской частички другою, прогресс «научной» мысли у Каутского состоит только в претензии выдавать за марксизм то, что Гобсон описывает, в сущности, как лицемерие английских попиков. После англо-бурской войны со стороны этого высокопочтенного сословия было вполне естественно направить главные усилия на *утешение* английских мещан и рабочих, потерявших немалое количество убитыми в южноафриканских сражениях и расплачивавшихся повышением налогов за обеспечение более высоких прибылей английским финансистам. И какое же утешение могло быть лучше того, что империализм не так плох, что он близок к интер- (или ультра-) империализму, способному обеспечить постоянный мир? Каковы бы ни были благие намерения английских попиков или сладенького Каутского, объективный, т. е. действительный социальный смысл его «теории» один и только один: реакционнейшее утешение масс надеждами на возможность постоянного мира при капитализме посредством отвлечения внимания от острых противоречий и острых проблем современности и

* «Neue Zeit», 30 апреля 1915, 144.

направления внимания на ложные перспективы какого-то якобы нового будущего «ультраимпериализма». Обман масс — кроме этого ровно ничего нет в «марксистской» теории Каутского.

В самом деле, достаточно ясно сопоставить общеизвестные, бесспорные факты, чтобы убедиться в том, насколько ложны перспективы, которые старается внушить немецким рабочим (и рабочим всех стран) Каутский. Возьмем Индию, Индо-Китай и Китай. Известно, что эти три колониальные и полуколониальные страны с населением в 6—7 сот миллионов душ подвергаются эксплуатации финансового капитала нескольких империалистских держав: Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов и т. д. Допустим, что эти империалистские страны составят союзы, один против другого, с целью отстоять или расширить свои владения, интересы и «сферы влияния» в названных азиатских государствах. Это будут «интеримпериалистские» или «ультраимпериалистские» союзы. Допустим, что *все* империалистские державы составят союз для «мирного» раздела названных азиатских стран, — это будет «интернационально-объединенный финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века, например, в отношениях держав к Китаю³⁸⁷. Спрашивается, «мыслимо» ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были некратковременными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?

Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа кроме отрицательного. Ибо при капитализме *немыслимо* иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; тоже — Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет «мыслимо» ли предположить, чтобы осталось *неизменным* соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно *немыслимо*.

Поэтому «интеримпериалистские» или «ультраимпериалистские» союзы в капиталистической действительности, а не в пошлой мещанской фантазии английских попов или немецкого «марксиста» Каутского, — в какой бы форме эти союзы ни

заклучались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза *всех* империалистских держав — являются неизбежно лишь «передышками» между войнами. Мирные союзы подготавливают войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики. А премудрый Каутский, чтобы успокоить рабочих и примирить их с перешедшими на сторону буржуазии социал-шовинистами, *отрывает* одно звено единой цепи от другого, отрывает сегодняшний мирный (и ультраимпериалистский — даже ультра-ультраимпериалистский) союз *всех* держав для «успокоения» Китая (вспомните подавление боксерского восстания³⁸⁸) от завтрашнего немирного конфликта, подготавливающего послезавтра опять «мирный» всеобщий союз для раздела, допустим, Турции *и т. д. и т. д.* Вместо живой связи периодов империалистского мира и периодов империалистских войн Каутский преподносит рабочим мертвую абстракцию, чтобы примирить их с их мертвыми вождями.

Американец Хилл в своей «Истории дипломатии в международном развитии Европы» намечает в предисловии следующие периоды новейшей истории дипломатии: 1) эра революции; 2) конституционное движение; 3) эра «торгового империализма» * наших дней. А один писатель делит историю «всемирной политики» Великобритании с 1870 года на 4 периода: 1) первый азиатский (борьба против движения России в Средней Азии по направлению к Индии); 2) африканский (приблизительно 1885—1902) — борьба с Францией из-за раздела Африки («Фашода» 1898 — на волосок от войны с Францией); 3) второй азиатский (договор с Японией против России) и 4) «европейский» — главным образом против Германии **. «Политические стычки передовых отрядов разыгрываются на финансовой почве», — писал еще в 1905 г. банковый «деятель» Риссер, указывая на то, как французский финансовый капитал, оперируя в Италии, подготавливал политический союз этих стран, как развертывалась борьба Германии и Англии из-за Персии, борьба всех европейских капиталов из-за займов Китаю и пр. Вот она — живая действительность «ультраимпериалистских» мирных союзов в

* David Jayne Hill. «A History of the Diplomacy in the international development of Europe», vol. I, p. X.

** Schilder, назв. соч., 178.

их неразрывной связи с просто империалистскими конфликтами.

Затушевывание самых глубоких противоречий империализма Каутским, неизбежно превращающееся в прикрашивание империализма, не проходит бесследно и на критике политических свойств империализма этим писателем. Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе. Реакция по всей линии при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий и в этой области — результат этих тенденций. Особенно обостряется также национальный гнет и стремление к аннексиям, т. е. к нарушениям национальной независимости (ибо аннексия есть не что иное, как нарушение самоопределения наций). Гильфердинг справедливо отмечает связь империализма с обострением национального гнета: «Что касается вновь открытых стран, — пишет он, — там ввозимый капитал усиливает противоречия и вызывает постоянно растущее сопротивление народов, пробуждающихся к национальному самосознанию, против пришельцев; сопротивление это легко может вырасти в опасные меры, направленные против иностранного капитала. В корень революционируются старые социальные отношения, разрушается тысячелетняя аграрная обособленность «внеисторических наций», они вовлекаются в капиталистический водоворот. Сам капитализм мало-помалу дает покоренным средства и способы для освобождения. И они выдвигают ту цель, которая некогда представлялась европейским нациям наивысшей: создание единого национального государства, как орудия экономической и культурной свободы. Это движение к независимости угрожает европейскому капиталу в его наиболее ценных областях эксплуатации, сулящих наиболее блестящие перспективы, и европейский капитал может удерживать господство, лишь постоянно увеличивая свои военные силы» *.

К этому надо добавить, что не только во вновь открытых, но и в старых странах империализм ведет к аннексиям, к усилению национального гнета и, следовательно, также к обострению сопротивления. Возражая против усиления политической реакции империализмом, Каутский оставляет в тени ставший особенно насущным вопрос о невозможности единства с оппортунистами в эпоху империализма. Возражая против аннексий, он придает своим возражениям такую форму, которая наиболее безобидна для оппортунистов и всего легче приемлема для них. Он обращается непосредственно к

* «Финансовый капитал», 487.

немецкой аудитории и тем не менее затушевывает как раз самое важное и злободневное, например, что Эльзас-Лотарингия является аннексией Германии. Для оценки этого «уклона мысли» Каутского возьмем пример. Допустим, японец осуждает аннексию Филиппин американцами. Спрашивается, многие ли поверят, что это делается из вражды к аннексиям вообще, а не из желания самому аннектировать Филиппины? И не придется ли признать, что «борьбу» японца против аннексий можно счесть искренней и политически честной исключительно в том случае, если он восстает против аннексии Кореи Японией, если он требует свободы отделения Кореи от Японии?

И теоретический анализ империализма у Каутского и его экономическая, а также политическая критика империализма *насквозь* проникнуты абсолютно непримиримым с марксизмом духом затушевывания и сглаживания самых коренных противоречий, стремлением во что бы то ни стало отстоять разрушающееся единство с оппортунизмом в европейском рабочем движении.

Х. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ИМПЕРИАЛИЗМА

Мы видели, что по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу. Надо отметить в особенности четыре главных вида монополий или главных проявлений монополистического капитализма, характерных для рассматриваемой эпохи.

Во-первых, монополия выросла из концентрации производства на очень высокой ступени ее развития. Это — монополистские союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты. Мы видели, какую громадную роль они играют в современной хозяйственной жизни. К началу XX века они получили полное преобладание в передовых странах и если первые шаги по пути картеллирования были раньше пройдены странами с высоким охранительным тарифом (Германия, Америка), то Англия с ее системой свободной торговли показала лишь немногим позже тот же основной факт: рождение монополий из концентрации производства.

Во-вторых, монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья, особенно для основной, и наиболее картеллированной, промышленности капиталистического

общества: каменноугольной и железоделательной. Монополистическое обладание важнейшими источниками сырых материалов страшно увеличило власть крупного капитала и обострило противоречие между картеллированной и некартеллированной промышленностью.

В-третьих, монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Каких-нибудь три — пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили «личную унию» промышленного и банковского капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества, — вот рельефнейшее проявление этой монополии.

В-четвертых, монополия выросла из колониальной политики. К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния» — т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр. — наконец за хозяйственную территорию вообще. Когда европейские державы занимали, например, своими колониями одну десятую долю Африки, как это было еще в 1876 году, тогда колониальная политика могла развиваться немонополистически по типу, так сказать, «свободно-захватного» занятия земель. Но когда $\frac{9}{10}$ Африки оказались захваченными (к 1900 году), когда весь мир оказался поделенным, — наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, и особенно обостренной борьбы за раздел и за передел мира.

Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма, общеизвестно. Достаточно указать на дороговизну и на гнет картелей. Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала.

Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все бóльшего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Все более и более выпукло выступает, как одна из тенден-

ций империализма, создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живет все более вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия).

Про быстроту экономического развития Германии автор исследования о немецких крупных банках Риссер говорит: «Не слишком медленный прогресс предыдущей эпохи (1848—1870) относится к скорости развития всего хозяйства Германии и в частности ее банков в данную эпоху (1870—1905) приблизительно так, как быстрота движения почтовой кареты доброго старого времени относится к скорости современного автомобиля, который несется так, что становится опасным и для беззаботно идущего пешехода и для самих едущих в автомобиле лиц». В свою очередь этот необыкновенно быстро выросший финансовый капитал именно потому, что он так быстро вырос, непрочь перейти к более «спокойному» обладанию колониями, подлежащими захвату, путем не только мирных средств, у более богатых наций. А в Соединенных Штатах экономическое развитие за последние десятилетия шло еще быстрее, чем в Германии, и как раз *благодаря* этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко. С другой стороны, сравнение хотя бы республиканской американской буржуазии с монархической японской или германской показывает, что крупнейшее политическое различие в высшей степени ослабляется в эпоху империализма — не потому, чтобы оно было вообще не важно, а потому, что речь идет во всех этих случаях о буржуазии с определенными чертами паразитизма.

Получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т. п. дает им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистских наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создается связь империализма с оппортунизмом, которая сказалась раньше всех и

ярче всех в Англии благодаря тому, что некоторые империалистические черты развития наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах. Некоторые писатели, например Л. Мартов, любят отмахиваться от факта связи империализма с оппортунизмом в рабочем движении — факта, который ныне особенно сильно бросается в глаза, — посредством «казенно-оптимистических» (в духе Каутского и Гюисманса) рассуждений такого рода: дело противников капитализма было бы безнадежно, если бы именно передовой капитализм вел к усилению оппортунизма или если бы именно наилучше оплачиваемые рабочие оказывались склонны к оппортунизму и т. п. Не надо обманываться насчет значения такого «оптимизма»: это — оптимизм насчет оппортунизма, это — оптимизм, служащий к прикрытию оппортунизма. На самом же деле особенная быстрота и особенная отвратительность развития оппортунизма вовсе не служит гарантией прочной победы его, как быстрота развития злокачественного нарыва на здоровом организме может лишь ускорить прорыв нарыва, освобождение организма от него. Опаснее всего в этом отношении люди, не желающие понять, что борьба с империализмом, если она не связана неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая и лживая фраза.

Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходный или, вернее, умирающий капитализм. Чрезвычайно поучительно в этом отношении, что ходячими словечками буржуазных экономистов, описывающих новейший капитализм, являются: «переплетение», «отсутствие изолированности» и т. п.; банки суть «предприятия, которые по своим задачам и по своему развитию не носят чисто частнохозяйственного характера, а все более вырастают из сферы чисто частнохозяйственного регулирования». И тот же самый Риссер, которому принадлежат последние слова, с чрезвычайно серьезным видом заявляет, что «предсказание» марксистов относительно «обобществления» «не осуществилось»!

Что же выражает это словечко «переплетение»? Оно схватывает лишь наиболее бросающуюся в глаза черточку происходящего у нас перед глазами процесса. Оно показывает, что наблюдатель перечисляет отдельные деревья, не видя леса. Оно рабски копирует внешнее, случайное, хаотическое. Оно изобличает в наблюдателе человека, который подавлен сырым материалом и совершенно не разбирается в его смысле и значении. «Случайно переплетаются» владения акциями, отношения частных собственников. Но то, что лежит в подкладке этого переплетения, — то, что составляет основу его,

есть изменяющиеся общественные отношения производства. Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах: $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке и в Германии американским «Керосиновым трестом»); — тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства, а вовсе не простое «переплетение»; — что частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнить, если искусственно оттягивать ее устранение, — которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая все же неизбежно будет устранена.

Восторженный поклонник немецкого империализма Шульце-Геверниц восклицает:

«Если в последнем счете руководство немецкими банками лежит на дюжине лиц, то их деятельность уже теперь важнее для народного блага, чем деятельность большинства государственных министров» (о «переплетении» банкиров, министров, промышленников, рантье здесь выгоднее позабыть...) «...Если продумать до конца развитие тех тенденций, которые мы видели, то получается: денежный капитал нации объединен в банках; банки связаны между собой в картель; капитал нации, ищущий помещения, отлился в форму ценных бумаг. Тогда осуществляются гениальные слова Сен-Симона: «Теперешняя анархия в производстве, которая соответствует тому факту, что экономические отношения развертываются без единообразного регулирования, должна уступить место организации производства. Направлять производство будут не изолированные предприниматели, независимые друг от друга, не знающие экономических потребностей людей; это дело будет находиться в руках известного социального учреждения. Центральный комитет управления, имеющий возможность обзирать широкую область социальной экономии с более

высокой точки зрения, будет регулировать ее так, как это полезно для всего общества и передавать средства производства в подходящие для этого руки, а в особенности будет заботиться о постоянной гармонии между производством и потреблением. Есть учреждения, которые включили известную организацию хозяйственного труда в круг своих задач: банки». Мы еще далеки от осуществления этих слов Сен-Симона, но мы находимся уже на пути к их осуществлению: марксизм иначе, чем представлял его себе Маркс, но только по форме иначе» *.

Нечего сказать: хорошее «опровержение» Маркса, делающее шаг назад от точного научного анализа Маркса к догадке — хотя и гениальной, но все же только догадке, Сен-Симона.

Написано в январе — июне 1916 г.

Впервые напечатано в середине 1917 г. в Петрограде отдельной брошюрой издательством «Жизнь и знание»; предисловие к французскому и немецкому изданиям — в 1921 г. в журнале «Коммунистический Интернационал» № 18

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 27, стр. 299—426*

* «Grundriß der Sozialökonomik», 146.

О РОЖДАЮЩЕМСЯ НАПРАВЛЕНИИ «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЗМА»³⁸⁹

Старый «экономизм», 1894—1902 годов, рассуждал так. Народники опровергнуты. Капитализм в России победил. Значит, о политических революциях думать не приходится. Практический вывод: либо «рабочим экономическая, либералам политическая борьба». Это — курбет вправо. Либо — вместо политической революции всеобщая стачка для социалистического переворота. Это — курбет влево, представленный одною, ныне забытой, брошюрой русского «экономиста» конца 90-х годов³⁹⁰.

Теперь рождается новый «экономизм», рассуждающий с аналогичными двумя курбетами: «вправо» — мы против «права самоопределения» (т. е. против освобождения угнетенных народов, против борьбы с аннексиями, — это еще не додумано или не договорено). «Влево» — мы против программы-минимум (т. е. против борьбы за реформы и за демократию), ибо это «противоречит» социалистической революции.

Прошел уже год с лишним с тех пор, как это рождающееся направление обнаружилось перед несколькими товарищами, именно на бернском совещании весной 1915 года. Тогда, к счастью, лишь один товарищ, встретивший *всеобщее* неодобрение, настаивал до конца совещания на этих идеях «империалистического экономизма» и формулировал их письменно в виде особых «тезисов». *Никто* к этим тезисам не присоединился³⁹¹.

Затем к тезисам того же товарища против самоопределения присоединилось еще двое (не сознавая неразрывной связи этого вопроса с общей позицией только что названных «тезисов») ³⁹². А появление «голландской программы» в феврале 1916 г., напечатанной в № 3 «Бюллетеня Интернациональной Социалистической Комиссии»³⁹³, сразу обнаружило

это «недоразумение» и *вновь* побудило автора первоначальных «тезисов» *воскресить* весь свой «империалистический экономизм» уже опять в целом, а не в применении к одному якобы «частному» пункту.

Является безусловная необходимость еще и еще раз *предупредить* соответствующих товарищей, что они *залезли в болото*, что их «идеи» *ничего общего ни с марксизмом, ни с революционной социал-демократией не имеют*. Оставлять дальше дело «под спудом» непозволительно: это значит помогать идейной путанице и направлять ее в *наихудшую сторону* недоговоренностей, «частных» конфликтов, неизбывных «трений» и т. д. Напротив, наш долг настаивать самым безусловным и самым категорическим образом на *обязательности* обдумать и разобрать окончательно выдвинувшиеся вопросы.

Редакция «Социал-Демократа» в тезисах о самоопределении (по-немецки напечатаны, как оттиск из № 2 «Vorbote»³⁹⁴) нарочно вынесла дело в печать в *безличной*, но наиболее обстоятельной форме, подчеркивая особенно *связь* вопроса о самоопределении с *общим* вопросом о борьбе за реформы, за демократию, о непозволительности игнорировать *политическую* сторону и т. д.* В своих замечаниях на тезисы редакции о самоопределении автор первоначальных тезисов («империалистического экономизма») *солидаризируется с голландской программой* и этим особенно наглядно показывает сам, что вопрос о самоопределении *вовсе не «частный»*, в его постановке авторами рождающегося направления, а *общий и основной* вопрос.

Программа голландцев получена была представителями Циммервальдской левой 5—8. II. 1916 на бернском заседании Интернациональной социалистической комиссии³⁹⁵. Ни один из членов этой левой, *не исключая и Радека*, за эту программу *не* высказался, ибо она соединяет, в беспорядке, такие пункты, как «экспроприацию банков», и такие, как «отмена торговых пошлин», «уничтожение первой палаты сената» и т. п. Все представители Циммервальдской левой *единодушно, с полуслова, — даже почти без слов, а только пожав плечами, — прошли мимо голландской программы, как явно неудачной в целом.*

Автору же первоначальных, весной 1915 г. писанных, тезисов эта программа так понравилась, что он заявил: «я по существу *ничего большего и не говорил*» (весной 1915 г.),

* См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 252—266; 4 изд., том 22, стр. 132—145. *Ред.*

«голландцы додумались»: «у них экономическая сторона — экспроприация банков и крупных производств» (предприятий), «политическая — республика и проч. Совершенно правильно!».

На самом деле, голландцы не «додумались», а дали весьма *не продуманную* программу. Печальная судьба России, что у нас иные люди как раз за непродуманное в самой новой новинке и хватаются...

Автору тезисов 1915 года кажется, что редакция «Социал-Демократа» впала в противоречие, когда «сама» выставила «экспроприацию банков» и даже с добавлением слова «немедленно» (плюс «диктаторские меры») в § 8 («Конкретные задачи»). «А как в Берне меня за это же ругали!» — восклицает, в негодовании, автор тезисов 1915 г., вспоминая бернские споры весной 1915 года.

«Мелочь» забыл и не досмотрел этот автор: редакция «Социал-Демократа» в § 8 ясно разбирает *два* случая: I — социалистическая революция *началась*. Тогда, говорится там, «немедленная экспроприация банков» и пр. II случай: социалистическая революция *не* начинается и тогда приходится подождать говорить об этих хороших вещах.

Так как *сейчас* социалистическая революция в указанном смысле, заведомо, еще не началась, то программа голландцев и несуразна. А автор тезисов *углубляет* дело, возвращаясь («кажинный раз на эфтом самом месте»...) к своей старой ошибке: превратить политические требования (вроде «уничтожения первой палаты»?) в *политическую формулировку социальной революции*.

Потоптавшись целый год на одном месте, автор пришел к своей старой ошибке. Здесь «гвоздь» его злоключений: он не может разобраться в вопросе, как *связать наступивший империализм с борьбой за реформы и с борьбой за демократию* — совершенно так же, как «экономизм» блаженной памяти не умел связать наступивший капитализм с борьбой за демократию.

Отсюда — полнейшая путаница в вопросе о «неосуществимости» демократических требований при империализме.

Отсюда — непозволительное для марксиста (и уместное лишь в устах «экономиста» рабочемысленца) игнорирование политической борьбы теперь, сейчас, тотчас же, как и всегда.

Отсюда — упорное свойство «сбиваться» с *признания* империализма на *апологию* империализма (как «экономисты» блаженной памяти сбивались с признания капитализма на апологию капитализма).

И т. д. и т. д.

Разбирать во всей детальности ошибки автора тезисов 1915 г. в его замечаниях на тезисы редакции «Социал-Демократа» о самоопределении нет никакой возможности, ибо *неверна каждая фраза!* Нельзя же писать брошюры или книги в ответ на «замечания», если инициаторы «империалистического экономизма» год топчутся на одном месте и упорно не хотят позаботиться о том, о чем прямой их партийный долг позаботиться, если они хотят серьезно относиться к политическим вопросам, именно: об обдуманном, целостном изложении того, что они называют «нашими разногласиями».

Я вынужден ограничиться краткими указаниями на то, как применяет автор свою основную ошибку или как «дополняет» ее.

Автору кажется, что я противоречу себе: в 1914 г. («Просвещение») писал, что нелепо искать самоопределения «в программах западноевропейских социалистов»*, а в 1916 г. объявляю самоопределение особенно настоящим.

Автор не подумал (!!), что «программы» эти писаны в 1875, 1880, 1891 годах!³⁹⁶

Дальше по §§ (тезисов редакции «Социал-Демократа» о самоопределении):

§ 1. То же «экономистское» нежелание видеть и ставить *политические* вопросы. Так как социализм создаст экономическую базу для уничтожения национального гнета в политике, *поэтому* наш автор не желает формулировать наших *политических задач* в этой области! Это просто курьез!

Так как победоносный пролетариат не отрицает войн с буржуазией других стран, *поэтому* автор не желает формулировать наших политических задач в области национального гнета!! Все — примеры сплошных нарушений марксизма и логики; или, если хотите, проявление *логики* основных ошибок «империалистского экономизма».

§ 2. Противники самоопределения запутались безбожно с ссылками на «неосуществимость».

Редакция «Социал-Демократа» разъясняет им *два* возможных значения неосуществимости и их ошибку в *обоих* случаях.

Автор же тезисов 1915 г., даже и не пытаясь дать *свое* понимание «неосуществимости», т. е. *принимая* наше разъяснение, что здесь спутываются две разные вещи, *продолжает эту путаницу!!*

* См. настоящий том, стр. 579. *Ред.*

Кризисы он связывает с «империалистской» «политикой»: наш политико-эконом *забыл*, что кризисы были *до* империализма!..

Говорить об экономической неосуществимости самоопределения значит путать — разъясняет редакция. Автор *не* отвечает, *не* заявляет, что он считает самоопределение *экономически* неосуществимым; он сдает спорную позицию, перепрыгивая на политику («все же» неосуществимо), хотя ему яснее ясного сказано, что *политически* и республика совершенно так же «неосуществима» при империализме, как самоопределение.

Прижатый здесь, автор «прыгает» еще раз: он и республику и всю программу-минимум признает лишь как «политическую формулировку социальной революции»!!!

«Экономическую» неосуществимость самоопределения автор отказывается защищать, перепрыгивая на политику. Политическую неосуществимость он переносит на вопрос о всей программе-минимум. Тут опять ни грана марксизма, ни грана логики, кроме *логики «империалистического экономизма»*.

Автор хочет *незаметно* (не подумав сам и не дав ничего цельного, не трудясь над выработкой своей программы) выкинуть программу-минимум социал-демократической партии! Неудивительно, что он год топчется на месте!!

Вопрос о борьбе с *каутскианством* есть опять-таки не частный, а *общий* и *основной* вопрос современности: автор этой борьбы *не понял*. Как «экономисты» борьбу с народниками превращали в апологию капитализма, так автор борьбу с каутскианством превращает в апологию империализма (это и к § 3 относится).

Ошибка каутскианства в том, что оно реформистски ставит такие требования и в такой момент, которые нельзя ставить иначе как революционно (а автор сбивается на то, будто ошибка каутскианства есть вообще выставление этих требований, как «экономисты» борьбу с народничеством «понимали» в том смысле, что «долой самодержавие» есть народничество).

Ошибка каутскианства в том, что оно *правильные* демократические требования оборачивает назад, к мирному капитализму, а не вперед, к социальной революции (а автор сбивается на то, что эти требования неправильны).

§ 3. См. выше. Вопрос о «федерации» автор *тоже* обходит. Та же основная ошибка того же «экономизма»: неумение ставить *политические* вопросы*.

* «Мы не боимся распадов, — пишет автор, — мы не защищаем государственных границ». Попробуйте дасть точную политическую формулировку этого!! В том-то и гвоздь, что *вы не можете этого сделать*; вам мешает «экономистская» слепота к вопросам *политической демократии*.

§ 4. «Из самоопределения вытекает защита отечества», — упорно твердит автор. Его ошибка здесь в том, что он хочет отрицание защиты отечества превратить в *шаблон*, вывести *не* из конкретно-исторической особенности *данной* войны, а «вобще». Это не марксизм.

Автору давно уже сказано, и он не опроверг этого: попробуйте придумать такую формулировку борьбы с национальным гнетом или неравноправием, которая бы (формулировка) *не* оправдывала «защиты отечества». Вы этого сделать не сможете.

Значит ли это, что мы против борьбы с национальным гнетом, если из него *можно* вывести защиту отечества?

Нет. Ибо мы не «вообще» против «защиты отечества» (см. резолюции нашей партии*), а против *прикрашивания* этим обманным лозунгом *данной империалистской* войны.

Автор *в корне* неверно, *не исторически*, *хочет* (но не может; у него и тут за целый год только потуги...) поставить вопрос о «защите отечества».

Речи о «дуализме» показывают, что автор *не понимает*, что такое монизм и что такое дуализм.

Если я «объединю» сапожную щетку и млекопитающее, будет ли это «монизм»?

Если я скажу, что к цели *a* надо

идти от пункта $\textcircled{б}$ налево, а от пункта $\textcircled{в}$ направо, будет ли это «дуализм»?

Одинаково ли положение пролетариата угнетающих и угнетенных наций в отношении к национальному гнету? Нет, неодинаково, неодинаково и *экономически* и *политически*, и *идейно*, *духовно* и т. п.

Значит?

Значит, к *одной* цели (слияние наций) из *разных* исходных пунктов одни пойдут *так*, другие *иначе*. Отрицание этого есть «монизм», объединяющий сапожную щетку с млекопитающим.

«Пролетариям угнетенной нации говорить этого» (за самоопределение) «*не* полагается» — так «понял» автор тезисы редакции.

Это курьез!! *Ничего подобного* не сказано в тезисах. Автор либо не дочитал, либо совсем не подумал.

* См. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 162—163; 4 изд., том 21, стр. 138—139. *Ред.*

§ 5. См. выше о каутскианстве.

§ 6. Автору говорят о трех *типах* стран во всем мире. Автор «возражает», ловя «казусы». Это — казуистика, а не политика.

Вам угодно знать «казус»: «а Бельгия»?

Смотри брошюру Ленина и Зиновьева: там сказано, что мы были бы за защиту Бельгии (даже **войной**), если бы конкретная война была иная*.

Вы несогласны с этим?

Скажите это!!

Вы *не продумали* вопроса о том, *почему* социал-демократия против «защиты отечества».

Мы не потому против нее, почему вам кажется, ибо ваша постановка вопроса (потуги, а не постановка) неисторична. Вот мой ответ автору.

Назвать «софистикой» то, что мы, *оправдывая войну из-за свержения национального гнета*, не оправдываем данной империалистской войны, ведущейся с *обеих* сторон *ради* усиления национального гнета, — значит употребить «крепкое» словечко, но *не подумать ни капельки*.

Автору *хочется* «полевее» поставить вопрос о «защите отечества», а выходит (уже целый год) — сплошная путаница!

§ 7. Автор *критикует*: «совсем не затронут вопрос об «условиях мира» вообще».

Вот так критика: не затронут вопрос, которого мы здесь и не ставим!!

Но ведь здесь «затронут» и поставлен вопрос об *аннексиях*, в котором запутались «империалистские экономисты», на этот раз *вместе* с голландцами и Радеком.

Либо вы отрицаете немедленный лозунг *против старых и новых аннексий*, — (не менее «неосуществимый» при империализме, чем самоопределение; в Европе, как и в колониях), — и тогда ваша апология империализма из скрытой переходит в открытую.

Либо вы признаете этот лозунг (как сделал Радек в печати), — тогда вы признали самоопределение наций под другим именем!!

§ 8. Автор прокламирует «большевизм в западноевропейском масштабе» («не Ваша позиция», добавляет он).

Я не придаю значения желанию держаться за слово «большевизм», ибо я знаю *таких* «старых большевиков», что упаси боже. Могу лишь сказать, что прокламируемый автором

* См. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 317—318; 4 изд., том 21, стр. 276—277. *Ред.*

«большевизм в западноевропейском масштабе», по моему глубокому убеждению, не большевизм и не марксизм, а маленький вариант того же старенького «экономизма».

По-моему, это верх недопустимости и несерьезности, непартийности — целый год прокламировать *новый большевизм* и ограничиваться этим. Не пора ли *обдумать* и дать нечто такое товарищам, что бы связно и цельно излагало этот «большевизм в западноевропейском масштабе»?

Различие колоний от угнетенных наций в Европе автор не доказал и не докажет (в применении к данному вопросу).

У голландцев и Р. S. D. отрицание самоопределения *не только*, и даже не столько, путаница, ибо Гортер фактически признал его, как и циммервальдское заявление поляков, сколько результат *особого* положения их *наций* (малые нации с *вековыми* традициями и претензиями *великодержавности*).

Верх непродуманности и наивности — перенять, повторить механически и без критики то, что у других выросло десятилетиями борьбы с обманывающей народ националистской буржуазией. *Как раз* то люди переняли, чего нельзя перенять!

Написано в августе — сентябре 1916 г.

*Впервые напечатано в 1929 г.
в журнале «Большевик» № 15
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 30, стр. 59—67*

ВОЕННАЯ ПРОГРАММА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ³⁹⁷

В Голландии, Скандинавии, в Швейцарии из среды революционных социал-демократов, которые борются против лжи социал-шовинистов о «защите отечества» в теперешней империалистской войне, раздаются голоса в пользу замены старого пункта социал-демократической программы-минимум: «милиция» или «вооружение народа» — новым: «разоружение». «Jugend-Internationale»³⁹⁸ открыл дискуссию по этому вопросу и поместил в № 3 редакционную статью за разоружение. В новейших тезисах Р. Гримма³⁹⁹ мы также, к сожалению, находим уступку идее «разоружения». В журналах «Neues Leben»⁴⁰⁰ и «Vorboten» открыта дискуссия.

Присмотримся к позиции защитников разоружения.

I

Основной довод заключается в том, что требование разоружения является самым ясным, самым решительным, самым последовательным выражением борьбы против всякого милитаризма и против всякой войны.

Но в этом основном доводе и состоит основное заблуждение сторонников разоружения. Социалисты, не переставая быть социалистами, не могут быть против всякой войны.

Во-первых, социалисты никогда не были и никогда не могут быть противниками революционных войн. Буржуазия «великих» империалистских держав стала насквозь реакционной, и войну, которую теперь ведет *эта* буржуазия, мы признаем реакционной, рабовладельческой и преступной войной. Ну, а как обстоит дело с войной *против* этой буржуазии? Например, с войной угнетаемых этой буржуазией и зависимых от нее или колониальных народов за свое освобождение?

В тезисах группы «Интернационал», в параграфе 5-м, мы читаем: «В эру этого разнузданного империализма уже не может быть никаких национальных войн» — это очевидно неправильно.

История XIX века, этого века «разнузданного империализма», полна колониальных войн. Но то, что мы, европейцы, империалистские угнетатели большинства народов мира, со свойственным нам гнусным европейским шовинизмом, называем «колониальными войнами», это часто национальные войны или национальные восстания этих угнетенных народов. Одно из самых основных свойств империализма заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения. Это — факт. И отсюда неизбежно следует, что империализм должен в нередких случаях порождать национальные войны. Юниус, защищающий в своей брошюре упомянутые «тезисы», говорит, что в империалистскую эпоху всякая национальная война против одной из империалистских великих держав приводит к вмешательству другой, конкурирующей с первой и также империалистской великой державы, и, таким образом, всякая национальная война превращается в империалистскую. Но и этот довод неправилен. Это *может* быть, но это не всегда так бывает. Многие колониальные войны в годы 1900—1914 пошли не этим путем. И было бы просто смешно, если бы мы заявили, что, например, после теперешней войны, если она закончится крайним истощением воюющих стран, «не может» быть «никаких» национальных, прогрессивных, революционных войн со стороны, скажем, Китая в союзе с Индией, Персией, Сиамом и т. д. против великих держав.

Отрицание всякой возможности национальных войн при империализме теоретически неправильно, исторически явно ошибочно, а практически оно равняется европейскому шовинизму: мы, принадлежащие к нациям, угнетающим сотни миллионов людей в Европе, Африке, Азии и т. д., мы должны заявить угнетенным народам, что их война против «наших» наций «невозможна»!

Во-вторых. Гражданские войны — тоже войны. Кто признает борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы. Все великие революции подтверждают это. Отрицать гражданские войны или забывать о них — значило бы впасть

в крайний оппортунизм и отречься от социалистической революции.

В-третьих, победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны. Наоборот, он их предполагает. Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой. Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии. Энгельс был совершенно прав, когда в своем письме к Каутскому от 12 сентября 1882 года⁴⁰¹ прямо признавал возможность «оборонительных войн» *уже победившего* социализма. Он имел в виду именно оборону победившего пролетариата против буржуазии других стран.

Только после того как мы низвергнем, окончательно победим и экспроприируем буржуазию во всем мире, а не только в одной стране, войны станут невозможными. И с научной точки зрения будет совершенно неправильно и совершенно нереволюционно, если мы будем обходить или затушевывать как раз наиболее важное: подавление сопротивления буржуазии, — наиболее трудное, наиболее требующее борьбы при *переходе* к социализму. «Социальные» попы и оппортунисты всегда готовы мечтать о будущем мирном социализме, но они как раз тем и отличаются от революционных социал-демократов, что не хотят думать и помышлять об ожесточенной классовой борьбе и классовых *войнах* для осуществления этого прекрасного будущего.

Мы не должны допустить, чтобы словами нас вводили в обман. Например, понятие «защита отечества» многим ненавистно, потому что откровенные оппортунисты и каутскианцы прикрывают и затушевывают им ложь буржуазии в *данной* хищнической войне. Это факт. Но из этого не следует, что мы должны разучиться размышлять над значением политических лозунгов. Признавать «защиту отечества» в *данной* войне значит считать ее «справедливой», соответствующей интересам пролетариата, — и ничего больше и еще раз ничего, потому что вторжение не исключается ни в какой войне. Было бы просто глупо отрицать «защиту отечества» *со стороны*

угнетенных народов в их войне *против* империалистских великих держав или со стороны победившего пролетариата в его войне против какого-нибудь Галифе буржуазного государства.

Теоретически было бы совершенно ошибочно забывать, что всякая война является только продолжением политики другими средствами; теперешняя империалистская война является продолжением империалистской политики двух групп великих держав, и эта политика порождена и питается совокупностью отношений империалистской эпохи. Но та же эпоха необходимо должна породить и питать и политику борьбы против национального угнетения и борьбы пролетариата против буржуазии, а потому и возможность и неизбежность, во-первых, революционных национальных восстаний и войн, во-вторых, войн и восстаний пролетариата *против* буржуазии, в-третьих, объединения обоих видов революционных войн и т. д.

II

К этому присоединяется еще следующее общее соображение.

Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, такой угнетенный класс заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами. Не можем же мы, не превращаясь в буржуазных пацифистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе и что из него нет и быть не может иного выхода, кроме классовой борьбы. Во всяком классовом обществе, — будь оно основано на рабстве, крепостничестве или, как теперь, на наемном труде, — угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция — даже в самых демократических буржуазных республиках, например, в Швейцарии — есть вооружение буржуазии *против* пролетариата. Это — такая элементарная истина, что особенно останавливаться на ней едва ли есть надобность. Достаточно напомнить употребление войска против стачечников во всех капиталистических странах.

Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества. И перед лицом такого факта революционным социал-демократам предлагают, чтобы они выставили «требование» «разоружения»! Это равносильно

полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции. Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это — единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего *объективного развития* капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. Лишь *после* того, как пролетариат обезоружит буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но *только тогда, никоим образом не раньше*.

Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа *только* ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и пр., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является *ужасом без конца*. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготавливает *конец с ужасом*, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным, как проявлением именно отчаяния, является, по своему объективному значению, «требование» разоружения — вернее сказать: мечтание о разоружении — в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготавливается единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистской буржуазии.

Кто скажет, что это оторванная от жизни теория, тому мы напомним два всемирно-исторических факта: роль трестов и фабричной работы женщин, с одной стороны, Коммуну 1871 года и декабрьское восстание 1905 года в России, с другой.

Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но как боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим идти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму!

Это рассуждение применимо, с соответственными изменениями, и к теперешней милитаризации народа. Сегодня империалистская буржуазия милитаризует не только весь народ, но и молодежь. Завтра она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по поводу этого:

тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма. Как могут социал-демократы давать себя запугать милитаризацией молодежи и т. п., если они не забывают примера Коммуны? Это не «оторванная от жизни теория», не мечта, а факт. И было бы поистине совсем уж плохо, если бы социал-демократы, вопреки всем экономическим и политическим фактам, начали сомневаться в том, что империалистская эпоха и империалистские войны неизбежно должны вести к повторению таких фактов.

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете: «Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!». Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году, и из теперешних запуганных наций — вернее: из теперешнего рабочего движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами, — вырастет несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно интернациональный союз «ужасных наций» революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира, — он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины?? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям: «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе делать изменники социализма, — а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее».

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше

вовсе не говорить больших слов о международной революционной социал-демократии, о социалистической революции, о войне против войны.

III

Сторонники разоружения выступают против программного пункта «вооружение народа», между прочим, потому, что это последнее требование будто бы легче ведет к уступкам оппортунизму. Мы рассмотрели выше самое важное: отношение разоружения к классовой борьбе и к социальной революции. Рассмотрим теперь вопрос об отношении требования разоружения к оппортунизму. Одной из важнейших причин неприемлемости этого требования является именно то, что оно и порождаемые им иллюзии неизбежно ослабляют и обессиливают нашу борьбу с оппортунизмом.

Нет сомнения, эта борьба — главный очередной вопрос Интернационала. Борьба против империализма, не связанная неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая фраза или обман. Один из главных недостатков Циммервальда и Кинталя⁴⁰², одна из основных причин возможного фиаско этих зародышей III Интернационала состоит как раз в том, что вопрос о борьбе с оппортунизмом не был даже поставлен открыто, не говоря уже о решении его в смысле необходимости разрыва с оппортунистами. Оппортунизм победил — на время — внутри европейского рабочего движения. Во всех крупнейших странах образовалось два главных оттенка оппортунизма: во-первых, откровенный, циничный и поэтому менее опасный социал-империализм господ Плехановых, Шейдеманов, Легинов, Альбертов Тома и Самба, Вандервельдов, Гайндманов, Гендерсонов и пр. Во-вторых, прикрытый, каутскианский: Каутский — Гаазе и «Социал-демократическая трудовая группа»⁴⁰³ в Германии; Лонге, Прессман, Майерас и пр. во Франции; Рамсей Макдональд и др. вожди «Независимой рабочей партии» в Англии; Мартов, Чхеидзе и пр. в России; Тревес и др. так называемые левые реформисты в Италии.

Откровенный оппортунизм открыто и прямо против революции и против начинающихся революционных движений и взрывов, в прямом союзе с правительствами, как бы ни были различны формы этого союза, начиная от участия в министерстве и кончая участием в военно-промышленных комитетах (в России)⁴⁰⁴. Прикрытые оппортунисты, каутскианцы, гораздо вреднее и опаснее для рабочего движения, потому что они прячут свою защиту союза с первыми при помощи

благовидно звучащих тоже-«марксистских» словечек и пацифистских лозунгов. Борьба против этих обеих форм господствующего оппортунизма должна быть проведена на *всех* поприщах пролетарской политики: парламентаризм, профессиональные союзы, стачки, военное дело и т. д. Главная особенность, отличающая обе эти формы господствующего оппортунизма, состоит в том, что замалчивается, прикрывается или трактуется с оглядкой на полицейские запреты, конкретный вопрос о *связи теперешней войны с революцией и другие конкретные вопросы революции*. И это — несмотря на то, что перед войной бесчисленное количество раз указывалось на связь именно *этой* грядущей войны с пролетарской революцией и неофициально и в Базельском манифесте⁴⁰⁵ официально. Главный же недостаток требования разоружения состоит именно в том, что здесь обходятся все конкретные вопросы революции. Или сторонники разоружения стоят за совершенно новый вид безоружной революции?

Далее. Мы никоим образом не против борьбы за реформы. Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживает — на худой конец — еще вторую империалистическую войну, если революция не вырастет из данной войны, несмотря на многочисленные взрывы массового брожения и массового недовольства и несмотря на наши усилия. Мы сторонники такой программы реформ, которая *тоже* должна быть направлена против оппортунистов. Оппортунисты были бы только рады, если бы мы предоставили им одним борьбу за реформы, а сами удалились в заоблачные выси какого-нибудь «разоружения», спасаясь бегством из печальной действительности. «Разоружение» есть именно бегство из скверной действительности, а вовсе не борьба против нее.

В подобной программе мы бы сказали приблизительно так: «Лозунг и признание защиты отечества в империалистской войне 1914—1916 гг., это только коррупция рабочего движения буржуазной ложью». Такой конкретный ответ на конкретные вопросы был бы теоретически правильнее, много полезнее для пролетариата, невыносимее для оппортунистов, чем требование разоружения и отказ от «всякой» защиты отечества. И мы могли бы прибавить: «Буржуазия всех империалистических великих держав, Англии, Франции, Германии, Австрии, России, Италии, Японии, Соединенных Штатов, стала настолько реакционной и настолько проникнута стремлением к мировому господству, что *всякая* война со стороны *буржуазии этих* стран может быть только реакционной. Пролетариат должен быть не только против всякой такой войны,

но и должен желать поражения «своего» правительства в таких войнах и использовать его для революционного восстания, если не удастся восстание с целью воспрепятствовать войне».

По вопросу о милиции мы должны были бы сказать: мы не за буржуазную милицию, а только за пролетарскую. Поэтому «ни одного гроша и ни одного человека» не только на постоянное войско, но и на буржуазную милицию, даже в таких странах, как Соединенные Штаты или Швейцария, Норвегия и т. п. Тем более, что мы видим в самых свободных республиканских странах (например, в Швейцарии) все большее и большее опруссачение милиции, особенно в 1907 и 1911 гг., протитуирование ее для мобилизации войска против стачечников. Мы можем требовать: выбора офицеров народом, отмены всякой военной юстиции, уравнивания в правах заграничных рабочих и туземных (особенно важный пункт для тех империалистических государств, которые, подобно Швейцарии, все в большем числе и все бесстыднее эксплуатируют иностранных рабочих, оставляя их бесправными), далее: права каждой, скажем, сотни жителей данной страны образовывать свободные союзы для изучения всего военного дела, со свободным выбором инструкторов, с оплатой их труда на казенный счет и т. д. Только при таких условиях пролетариат мог бы изучать военное дело действительно для себя, а не для своих рабовладельцев, и такого изучения безусловно требуют интересы пролетариата. Русская революция доказала, что всякий успех, хотя бы даже и частичный успех революционного движения, — например, завоевание известного города, известного фабричного поселка, известной части армии, — неизбежно заставит победивший пролетариат осуществить именно такую программу.

Наконец, с оппортунизмом нельзя бороться, само собой разумеется, посредством одних программ, а только посредством неуклонного наблюдения за тем, чтобы они действительно проводились в жизнь. Самая крупная, роковая ошибка обанкротившегося II Интернационала состояла в том, что слово не соответствовало делу, что воспитывалась привычка к лицемерию и бессовестной революционной фразе (см. теперешнее отношение Каутского и К^о к Базельскому манифесту). Разоружение, как социальная идея, — т. е. такая, которая порождается известной социальной обстановкой и может действовать на известную социальную среду, а не остается личной причудой, — порождена, очевидно, особыми, в виде исключения «спокойными» условиями жизни отдельных мелких государств, которые стояли в сторонке довольно долгое время от кровавой мировой дороги войн и надеются так и

остаться в сторонке. Чтобы убедиться в этом, достаточно вдуматься, например, в аргументацию норвежских сторонников разоружения: «мы-де страна маленькая, войско у нас маленькое, мы ничего не можем поделать против великих держав» (а поэтому также бессильны против насильственного вовлечения в империалистский союз с той или иной группой великих держав)... «мы хотим остаться в покое в своем уголке-захолустье и продолжать вести захолустную политику, требовать разоружения, обязательных третейских судов, постоянной нейтральности и т. п.» («постоянной» — должно быть вроде бельгийской?).

Мелкое стремление мелких государств остаться в сторонке, мелкобуржуазное желание быть подальше от великих битв мировой истории, использовать свое сравнительно-монопольное положение для пребывания в заскорузлой пассивности — вот *объективная* общественная обстановка, которая может обеспечивать идее разоружения известный успех и известное распространение в некоторых маленьких государствах. Разумеется, это стремление реакционно и покоится сплошь на иллюзиях, ибо империализм так или иначе втягивает мелкие государства в водоворот всемирного хозяйства и мировой политики.

Швейцарии, например, ее империалистская обстановка объективно предписывает *две* линии рабочего движения: оппортунисты стремятся в союзе с буржуазией к тому, чтобы сделать из Швейцарии республикански-демократический монопольный союз для получения прибыли от туристов империалистской буржуазии и чтобы это «спокойное» монопольное положение использовать как можно выгоднее, как можно спокойнее.

Действительные социал-демократы Швейцарии стремятся использовать относительную свободу и «международное» положение Швейцарии для того, чтобы помочь победить тесному союзу революционных элементов рабочих партий Европы. Швейцария говорит, слава богу, не на «своем самостоятельном» языке, а на трех мировых языках, и как раз на таких, на которых говорят в граничащих с ней воюющих странах.

Если бы 20 000 членов швейцарской партии вносили еженедельно 2 сантима в качестве «чрезвычайного военного налога», то мы получали бы в год 20 000 франков, — более чем достаточно для того, чтоб вопреки запрещениям генеральных штабов периодически печатать и распространять на трех языках среди рабочих и солдат воюющих стран все то, что содержит правду о начинающемся возмущении рабочих, об их братании в окопах, об их надеждах на революционное

использование оружия против империалистической буржуазии их «собственных» стран и т. д.

Все это не ново. Как раз это делается лучшими газетами, как «La Sentinelle»⁴⁰⁶, «Volksrecht»⁴⁰⁷, «Berner Tagwacht»⁴⁰⁸, но, к сожалению, в недостаточной мере. Только путем такой деятельности прекрасное постановление партийтага в Аарау⁴⁰⁹ может стать чем-то бóльшим, чем просто прекрасное постановление.

Интересующий нас сейчас вопрос стоит так: соответствует ли требование разоружения революционному направлению среди швейцарских социал-демократов? Очевидно, нет. Объективно, «разоружение» есть самая национальная, специфически-национальная программа мелких государств, отнюдь не интернациональная программа интернациональной революционной социал-демократии.

*Написано на немецком языке
в сентябре 1916 г.*

*Впервые напечатано в сентябре
и октябре 1917 г. в газете
«Jugend-Internationale» №№ 9 и 10
Подпись: N. L e n i n*

*На русском языке впервые напечатано
в 1929 г. во 2—3 изданиях
Сочинений В. И. Ленина, том XIX*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 30, стр. 131—143*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статью «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)» В. И. Ленин написал для самого популярного в то время в России Энциклопедического словаря Гранат. В предисловии к изданию этой статьи отдельной брошюрой в 1918 году Ленин по памяти указывает дату написания статьи — 1913 год. Фактически он приступил к работе над статьей весной 1914 года в Поронине; однако, будучи чрезвычайно занят руководством деятельностью партии и газетой «Правда», Ленин был вынужден прервать ее. Только в сентябре, переехав в Берн, Ленин вновь принялся за работу над статьей и закончил ее в первой половине ноября. В письме в редакцию изданий Гранат 4(17) ноября он писал: «Сегодня я отправил Вам заказной бандеролью статью для словаря о Марксе и марксизме. Не мне судить, насколько мне удалось решить трудную задачу втиснуть изложение в рамки 75 тысяч букв или около того. Замечу, что литературу приходилось усиленно сжимать (15 000 было ультимативно), и я должен был выбирать *существенное* разных направлений (конечно, с преобладанием за Маркса)» (Сочинения, 5 изд., том 49, стр. 31; 4 изд., том 35, стр. 131).

Статья «Карл Маркс» в неполном виде была напечатана в 1915 году в 28 томе Энциклопедического словаря (7-е издание) за подписью: В. Ильин. По цензурным условиям редакция словаря не напечатала два раздела статьи: «Социализм» и «Тактика классовой борьбы пролетариата» и внесла ряд изменений в текст статьи. В конце статьи была напечатана, в виде приложения, «Библиография марксизма».

В 1918 году статья была напечатана издательством «Прибой» отдельной брошюрой по тексту Энциклопедического словаря, но без «Библиографии марксизма». Впервые полный текст статьи по рукописи был напечатан в 1925 году в сборнике: В. И. Ленин. «Маркс, Энгельс, марксизм», изданном Институтом Ленина при ЦК КПСС.

В настоящем томе статья печатается без «Библиографии марксизма». — I.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 86. — I.

³ *Левые гегельянцы* или *младогегельянцы* — представители левого крыла школы Гегеля — идеалистического философского течения в Германии.

Младогегельянцы не признавали объективных законов общественного развития, роли материального производства в развитии общества, неизбежности классовой борьбы в нем. Они выражали идеологию немецкого буржуазного либерализма 30—40-х годов XIX века, трусливость немецкой

буржуазии, ее беспомощность в борьбе против феодальных устоев. Вся их деятельность сводилась к революционным фразам, угрозам по адресу господствующих классов, к их уговорам.

К. Маркс и Ф. Энгельс, примыкавшие в начале своей деятельности к младогегельянцам, выступали как революционные демократы. Перейдя от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму, К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли всесторонней критике философию младогегельянцев, вскрыли ее классовые корни и показали ее полную научную несостоятельность. — 2.

⁴ Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 348). — 2.

⁵ «*Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe*» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете привлекались и некоторые левые гегельянцы. В газете был опубликован ряд статей Ф. Энгельса. С апреля 1842 года К. Маркс сотрудничал в «*Rheinische Zeitung*», а с октября того же года стал одним из ее редакторов. При редакторстве Маркса газета стала принимать революционно-демократический характер. В январе 1843 года прусское правительство постановило закрыть «*Rheinische Zeitung*» с 1 апреля 1843 года, а на оставшееся время ввести для нее особенно строгую цензуру. В связи с намерением акционеров «*Rheinische Zeitung*» придать ей более умеренный характер Маркс 17 марта 1843 года заявил о своем выходе из редакции. — 3.

⁶ Имеется в виду библиография, составленная В. И. Лениным к статье «Карл Маркс» (в настоящем томе опущена. *Ред.*). — 3.

⁷ Речь идет о статье К. Маркса «Оправдание мозельского корреспондента» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 187—217). — 3.

⁸ Ленин имеет в виду журнал «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» («Немецко-Французский Ежегодник»), который издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел только первый, двойной, выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса «К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 382—413, 414—429, 544—571, 572—597), знаменующие окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму.

Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. — 3.

⁹ К. Маркс. «К критике гегелевской философии права. Введение» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 422). — 3.

¹⁰ «Союз коммунистов» — первая международная организация революционного пролетариата. Созданию «Союза» предшествовала большая работа Маркса и Энгельса, направленная на идейное и организационное сплочение социалистов и рабочих всех стран. В начале 1847 года Маркс и Энгельс примкнули к тайному немецкому обществу «Союз справедливых». В начале июня 1847 года в Лондоне состоялся конгресс «Союза справедливых», на котором произошло переименование общества в «Союз коммуни-

стов»; прежний расплывчатый лозунг — «Все люди — братья!» — был заменен боевым интернационалистским лозунгом — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

История «Союза» изложена в статье Ф. Энгельса «К истории Союза коммунистов» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 320—338). — 3.

¹¹ Имеется в виду буржуазная революция во Франции в феврале 1848 года. — 4.

¹² Речь идет о буржуазной революции в Германии и Австрии, начавшейся в марте 1848 года. — 4.

¹³ «Новая Рейнская Газета» («Neue Rheinische Zeitung») издавалась в Кёльне с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. Руководителями газеты были К. Маркс и Ф. Энгельс; главным редактором — Маркс. Газета была, по выражению Ленина, «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата» (Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 83; 4 изд., том 21, стр. 64). См. о «Новой Рейнской Газете» статью Ф. Энгельса «Маркс и «Новая Рейнская Газета» (1848—1849)» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 311—319). — 4.

¹⁴ Речь идет о народной демонстрации в Париже, организованной партией мелкой буржуазии («Гора») в знак протеста против нарушения президентом и большинством Законодательного собрания конституционных порядков, установленных революцией 1848 года. Демонстрация была разогнана правительством. — 4.

¹⁵ В. И. Ленин имеет в виду издание переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедшее в свет в Германии в сентябре 1913 года в четырех томах под названием «Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883», herausgegeben von A. Bebel und Ed. Bernstein. Vier Bände. Stuttgart, 1913 («Переписка Фридриха Энгельса и Карла Маркса с 1844 по 1883», изданная А. Бебелем и Эд. Бернштейном. Четыре тома. Штутгарт, 1913).

«Переписка» К. Маркса и Ф. Энгельса, насчитывающая более 1500 писем, является важнейшей составной частью их теоретического наследства. Наряду с ценными биографическими сведениями она содержит богатейшие материалы, отражающие организационную и теоретическую деятельность основоположников научного коммунизма. Ленин глубоко изучал переписку Маркса и Энгельса. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится объемистая (в 76 страниц) рукопись-тетрадь Ленина, в которой содержатся: конспект четырехтомного издания «Переписки», извлечения из важнейших в теоретическом отношении писем Маркса и Энгельса и краткий тематический указатель к конспекту. Сохранились также все четыре тома «Переписки» с пометками в тексте и на полях, сделанными разноцветными карандашами.

В 1959 году рукопись Ленина, содержащая материалы «Переписки», была издана Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС отдельной книгой под заглавием «Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.»». — 4.

¹⁶ Ленин имеет в виду памфлет К. Маркса «Господин Фогт», являвшийся ответом на клеветническую брошюру бонапартистского агента К. Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 14, стр. 395—691). — 4.

¹⁷ Имеется в виду «Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 16, стр. 3—11). — 5.

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 2, стр. 139. — 6.

¹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 21. — 6.

²⁰ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 42, 56—57, 34, 24. — 7.

²¹ Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 349—350 и 352). — 7.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 387. — 7.

²³ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 107, 10, 22—23. — 8.

²⁴ Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 368, 343—344, 367). — 9.

²⁵ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 25. — 9.

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 197—198. — 9.

²⁷ Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 356). — 10.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 383. — 10.

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 13, стр. 6—7. — 11.

³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 179—180. — 11.

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 424—425, 433, 434. — 13.

³² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 10. — 13.

³³ К. Маркс. «Капитал», т. I (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 84). — 14.

³⁴ К. Маркс. «К критике политической экономии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 13, стр. 16). — 15.

³⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 180—181. — 15.

³⁶ К. Маркс. «Капитал», т. I (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 177). — 16.

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 770, 771—773. — 19.

³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 126—131 и 132—133. — 21.

³⁹ См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 812. — 22.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 757. — 22.

- ⁴¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 657. — 22.
- ⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 85—86. — 22.
- ⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 211. — 22.
- ⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 85. — 22.
- ⁴⁵ См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 819, 820. — 23.
- ⁴⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 514—515. — 23.
- ⁴⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 500—501 и 495. — 25.
- ⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 444. — 25.
- ⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 303—304. — 26.
- ⁵⁰ См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 264—265. — 26.
- ⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 305. — 26.
- ⁵² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 414—415. — 26.
- ⁵³ «*Die Neue Zeit*» («Новое Время») — теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем — Г. Куновым. В «*Die Neue Zeit*» были впервые опубликованы некоторые произведения основоположников марксизма: «Критика Готской программы» К. Маркса, «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса и др. Энгельс помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускавшиеся в журнале отступления от марксизма. В «*Die Neue Zeit*» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX — начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Г. В. Плеханов, П. Лафарг и др. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов. — 26.
- ⁵⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 139. — 27.
- ⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 183. — 28.
- ⁵⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, 1932, стр. 144. — 28.
- ⁵⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 29, стр. 190 и 293. — 28.
- ⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 30, стр. 276, 280 и Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 336. — 28.
- ⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, 1931, стр. 252 и 529. — 28.
- ⁶⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 458. — 28.

⁶¹ Речь идет о национально-освободительном, демократическом восстании в Краковской республике, подчиненной с 1815 года совместному контролю Австрии, Пруссии и России. В ходе восстания повстанцы создали Национальное правительство, выпустившее манифест об отмене феодальных повинностей и обещавшее передать крестьянам в собственность земли без выкупа. В других воззваниях оно объявило о создании национальных мастерских, о повышении в них заработной платы, об установлении гражданского равенства. Однако вскоре восстание было подавлено. — 29.

⁶² См. К. Маркс. «Буржуазия и контрреволюция» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 6, стр. 116—117). — 29.

⁶³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 86. — 29.

⁶⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 232, 239. — 30.

⁶⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 30, стр. 290, 292—293, 308, 349—350. т. 31, стр. 31—32, 38—39, 45—46, 313—314, 340, 348. — 30.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 274—282. — 30.

⁶⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 443—444. — 30.

⁶⁸ *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. В 1890 году под напором массового и все усиливавшегося рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен. — 30.

⁶⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 34, стр. 45—46, 54, 75—76, 84—85, 87. — 30.

⁷⁰ Статья *«Три источника и три составных части марксизма»* была написана В. И. Лениным к 30-летию со дня смерти Карла Маркса и опубликована в журнале *«Просвещение»* № 3 за 1913 год.

«Просвещение» — ежемесячный большевистский теоретический легальный журнал; издавался в Петербурге с декабря 1911 по июнь 1914 года. Тираж журнала доходил до 5 тысяч экземпляров. Ленин из Парижа, а затем из Кракова и Поронина руководил *«Просвещением»*, редактировал статьи, вел регулярную переписку с членами редакционной коллегии.

Накануне первой мировой войны журнал *«Просвещение»* был закрыт царским правительством. Осенью 1917 года издание журнала возобновилось, но вышел только один номер (двойной), в нем были напечатаны работы Ленина *«Удержат ли большевики государственную власть?»* и *«К пересмотру партийной программы»*. — 31.

⁷¹ Речь идет о произведении Ф. Энгельса *«Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом»* (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 20, стр. 1—338). — 32.

⁷² *Прудонизм* — антинаучное, враждебное марксизму течение мелкобуржуазного социализма, названное по имени его идеолога французского анархиста Прудона. Критикуя крупную капиталистическую собственность с мелкобуржуазных позиций, Прудон мечтал увековечить мелкую частную собственность, предлагал организовать *«народный»* и *«обменный»* банки, при помощи которых рабочие якобы смогут обзавестись собственными

средствами производства, стать ремесленниками и обеспечить «справедливый» сбыт своих продуктов. Прудон не понимал исторической роли пролетариата, отрицательно относился к классовой борьбе, пролетарской революции и диктатуре пролетариата; с анархистских позиций отрицал необходимость государства. Прудонизм был подвергнут уничтожающей критике в работе Маркса «Нищета философии».

Ленин называл прудонизм «тупоумием мещанина и филистера», неспособного проникнуться точкой зрения рабочего класса. Идеи прудонизма широко использовались буржуазными «теоретиками» для проповеди классового сотрудничества. — 37.

⁷³ *Бакунизм* — течение, названное по имени М. А. Бакунина, идеолога анархизма, ярого врага марксизма и научного социализма.

Бакунин, проникнув в I Интернационал, поставил своей целью захват Генерального Совета и повел борьбу против Маркса, не брезгуя при этом никакими средствами. За дезорганизаторскую деятельность лидеры анархизма — Бакунин и Гильом были исключены из I Интернационала на Гаагском конгрессе в 1872 году. Теория и тактика бакунистов была резко осуждена К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Бакунизм являлся одним из идейных источников народничества. О Бакунине и бакунистах см. работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (1873), Ф. Энгельса «Бакунисты за работой» (1873), «Эмигрантская литература» (1875), а также работу В. И. Ленина «О временном революционном правительстве» (1905) и другие. — 37.

⁷⁴ Речь идет о бернштейнианстве — оппортунистическом, враждебном марксизму течении в международной социал-демократии, возникшем в конце XIX века в Германии и названном по имени Э. Бернштейна, наиболее открытого выразителя ревизионизма.

В России бернштейнианские теории были поддержаны «легальными марксистами» и «экономистами».

Только революционные марксисты России — большевики во главе с Лениным вели решительную и последовательную борьбу против бернштейнианства и его сторонников. Ленин уже в 1899 году выступил против бернштейнианцев в «Протесте российских социал-демократов» и в статье «Наша программа»; развернутой критике бернштейнианство подвергнуто в книге Ленина «Что делать?» и в его статьях «Марксизм и ревизионизм», «Разногласия в европейском рабочем движении» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163—176, 182—186; 4 изд., том 4, стр. 149—163, 190—194; настоящий том, стр. 80—236; 36—43; 5 изд., том 20, стр. 62—69; 4 изд., том 16, стр. 317—322) и др. — 37.

⁷⁵ *Неокантианцы* — представители реакционного направления в буржуазной философии, возникшего в середине XIX века в Германии. Неокантианцы воспроизводили наиболее реакционные, идеалистические положения философии Канта и отвергали имеющиеся в ней элементы материализма. Под лозунгом «Назад к Канту» неокантианцы проповедовали возрождение кантовского идеализма, вели борьбу против диалектического и исторического материализма. Ф. Энгельс в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» охарактеризовал неокантианцев как «теоретических реакционеров», жалких эклектиков и крохоборов.

Всесторонняя критика неокантианской философии была дана Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909). Неокантианские идеи используются в настоящее время представителями реакционной философии империализма в целях борьбы против марксизма-ленинизма. — 38.

⁷⁶ См. К. Маркс. «Капитал», т. I (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 21). — 38.

⁷⁷ Конституционно-демократическая партия (кадеты) — ведущая партия либерально-монархической буржуазии в России, была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были: П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. Для обмана трудящихся масс кадеты присвоили себе фальшивое название «Партия народной свободы», на самом деле они не шли дальше требования конституционной монархии. После победы Великой Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов. Находясь после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, кадеты не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности. — 41.

⁷⁸ Мильеранизм — оппортунистическое течение в социал-демократии, названное по имени французского социалиста-реформиста А.-Э. Мильерана, который в 1899 году вошел в состав реакционного буржуазного правительства Франции и поддерживал его антинародную политику. Характеризуя мильеранизм как ревизионизм и ренегатство, Ленин указывал, что социал-реформисты, входя в буржуазное правительство, непременно оказывались подставными фигурами, ширмой для капиталистов, орудием обмана масс этим правительством. — 41.

⁷⁹ Гедисты — революционное марксистское течение во французском социалистическом движении конца XIX — начала XX века, возглавлявшееся Ж. Гедом и П. Лафаргом. В 1882 году, после раскола Рабочей партии Франции на Сент-Этьенском конгрессе, гедисты образовали самостоятельную партию, сохранив старое название.

В 1901 году сторонники революционной классовой борьбы во главе с Ж. Гедом объединились в Социалистическую партию Франции (членов которой также стали называть по имени ее вождя — гедистами). В 1905 году гедисты объединились с реформистской Французской социалистической партией. Во время империалистической войны 1914—1918 годов руководители этой партии (Гед, Самба и др.), изменив делу рабочего класса, перешли на позиции социал-шовинизма.

Жоресисты — сторонники французского социалиста Ж. Жореса, образовавшего в 90-х годах вместе с А. Мильераном группу «независимых социалистов» и возглавлявшего правое, реформистское крыло французского социалистического движения. Под видом требования «свободы критики» жоресисты выступали с ревизией основных положений марксизма, проповедовали классовое сотрудничество пролетариата с буржуазией. В 1902 году они образовали Французскую социалистическую партию, стоявшую на реформистских позициях.

Бруссисты (поссибилисты) (П. Брусс, Б. Малон и др.) — мелкобуржуазное, реформистское течение, возникшее в 80-х годах XIX века во французском социалистическом движении, отвлекавшее пролетариат от революционных методов борьбы. Поссибилисты образовали «Рабочую социально-революционную партию», они отрицали революционную программу и революционную тактику пролетариата, затушевывали социалистические цели рабочего движения, предлагали ограничивать борьбу рабочих рамками «возможного» (possible), отсюда и название партии. Влияние поссибилистов

распространялось главным образом на более экономически отсталые районы Франции и менее развитые слои рабочего класса.

В дальнейшем большинство POSSIBILISTов влилось в основанную в 1902 году под руководством Ж. Жореса реформистскую Французскую социалистическую партию. — 42.

⁸⁰ Социал-демократическая федерация Англии основана в 1884 году. Наряду с реформистами (Гайндман и др.) и анархистами в Социал-демократическую федерацию входила группа революционных социал-демократов, сторонников марксизма (Г. Квелч, Т. Манн, Э. Эвелинг, Элеонора Маркс-Эвелинг и др.), составлявших левое крыло социалистического движения Англии. Ф. Энгельс критиковал Социал-демократическую федерацию за догматизм и сектантство, за оторванность от массового рабочего движения Англии и игнорирование его особенностей. В 1907 году Социал-демократическая федерация была названа Социал-демократической партией; последняя в 1911 году, совместно с левыми элементами Независимой рабочей партии, образовала Британскую социалистическую партию; в 1920 году эта партия вместе с Социалистической группой единства сыграла главную роль в образовании Коммунистической партии Великобритании. — 42.

⁸¹ Независимая рабочая партия Англии (Independent Labour Party) — реформистская организация, основанная руководителями «новых тред-юнионов» в 1893 году в условиях оживления стачечной борьбы и усиления движения за независимость рабочего класса Англии от буржуазных партий. В ИРП вошли члены «новых тред-юнионов» и ряда старых профсоюзов, представители интеллигенции и мелкой буржуазии, находившиеся под влиянием фабианцев. Во главе партии стоял Кейр Гарди. Своей программой партия выдвинула борьбу за коллективное владение всеми средствами производства, распределения и обмена, введение восьмичасового рабочего дня, запрещение детского труда, введение социального страхования и пособий по безработице.

Характеризуя Независимую рабочую партию, Ленин писал, что «на деле это всегда зависевшая от буржуазии оппортунистическая партия», что она ««независима» только от социализма, а от либерализма очень зависима» (Сочинения, 5 изд., том 39, стр. 90; том 22, стр. 122; 4 изд., том 29, стр. 456; том 18, стр. 331). — 42.

⁸² В бельгийской рабочей партии Брукэр и его сторонники высказывались против участия социалистов в реакционном буржуазном правительстве и вели борьбу против Вандервельде, возглавлявшего бельгийских ревизионистов. Впоследствии Брукэр перешел на оппортунистические позиции. — 42.

⁸³ Интеграллисты — сторонники «интегрального» (целостного) социализма — разновидности мелкобуржуазного социализма. Лидером интеграллистов был Энрико Ферри. Являясь центристским течением в Итальянской социалистической партии, интеграллисты в 900-х годах по ряду вопросов вели борьбу против реформистов, занимавших крайне оппортунистические позиции и сотрудничавших с реакционной буржуазией. — 42.

⁸⁴ «Революционный синдикализм» — мелкобуржуазное полуанархистское течение, появившееся в рабочем движении ряда стран Западной Европы в конце XIX века.

Синдикалисты отрицали необходимость политической борьбы рабочего класса, руководящую роль партии и диктатуры пролетариата. Они считали, что профсоюзы (синдикаты), путем организации всеобщей стачки рабочих

без революции могут свергнуть капитализм и взять в свои руки управление производством. Ленин указывал, что «революционный синдикализм во многих странах явился прямым и неизбежным результатом оппортунизма, реформизма, парламентского кретинизма» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 188—189; 4 изд., том 13, стр. 146). — 42.

⁸⁵ *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал, выходивший с 1876 по 1918 год в Петербурге. С начала 90-х годов перешел в руки либеральных народников во главе с Н. К. Михайловским; главный народнический орган, открывший в 1893 году поход против российских социал-демократов. С 1906 года *«Русское Богатство»* становится органом полукадетской партии энесов («народных социалистов»). *«Русское Богатство»* несколько раз меняло название (*«Современные Записки»*, *«Современность»*, *«Русские Записки»*; с апреля 1917 года снова — *«Русское Богатство»*). — 44.

⁸⁶ *«Московские Ведомости»* — одна из старейших русских газет; издавалась Московским университетом с 1756 года (первоначально в виде небольшого листка). В 1863—1887 годах редактором-издателем *«Московских Ведомостей»* был М. Н. Катков, крайний реакционер и шовинист, противник малейших проявлений прогрессивной общественной мысли; он превратил газету в монархо-националистический орган, проводивший взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства; с 1905 года *«Московские Ведомости»* — один из главных органов черносотенцев. Закрыта в конце 1917 года. — 44.

⁸⁷ *«Ученики»* — последователи Маркса и Энгельса. Этот термин применялся в 90-х годах XIX века как легальное обозначение марксистов. — 44.

⁸⁸ *«Отечественные Записки»* — литературно-политический журнал; начал издаваться в Петербурге в 1820 году; с 1839 года становится лучшим, прогрессивным журналом того времени. В работе журнала принимали участие В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, Н. П. Огарев и др. С 1846 года, после ухода из редакции Белинского, значение *«Отечественных Записок»* стало падать. С 1868 года, когда журнал перешел в руки Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, наступил период нового расцвета *«Отечественных Записок»*; в это время журнал группировал вокруг себя революционно-демократическую интеллигенцию. После смерти Некрасова (1877) преобладающее влияние в журнале приобрели народники.

Журнал подвергался непрерывным цензурным преследованиям и в апреле 1884 года был закрыт царским правительством. — 45.

⁸⁹ В Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС имеется конспект книги Скалдина *«В захолустье и в столице»*, сделанный К. Марксом (см. Архив Маркса и Энгельса, том XI, 1948, стр. 119—138), и экземпляр этой книги издания 1870 года с его пометками и подчеркиваниями. Сопоставление конспекта Маркса с работой Ленина *«От какого наследства мы отказываемся?»* показывает, что отношение Маркса и Ленина к фактическому материалу и выводам автора книги совпадает. — 45.

⁹⁰ *«Крестьянская реформа»*, отменившая крепостное право в России, была проведена царским правительством в 1861 году в интересах крепостников-помещиков. Необходимость реформы обуславливалась всем ходом экономического развития страны и ростом массового крестьянского движения против крепостнической эксплуатации. По форме *«крестьянская реформа»* была феодальной реформой. Однако сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма, наполнила феодальную форму капиталистическим содержанием, и «это содержание выступало

наружу тем сильнее, чем *меньше* урезывались крестьянские земли, чем *позднее* отделялись они от помещичьих, чем *ниже* был размер дани крепостникам» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 20, стр. 173—174; 4 изд., том 17, стр. 95). «Крестьянская реформа» была шагом на пути превращения России в буржуазную монархию.

Русские революционные демократы во главе с Н. Г. Чернышевским критиковали «крестьянскую реформу» за ее крепостнический характер. В. И. Ленин назвал «крестьянскую реформу» 1861 года первым массовым насилием над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в земледелии, помещичьей «чистой земель» для капитализма.

О реформе 1861 года см. статью Ф. Энгельса «Социализм в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 262—264) и работы В. И. Ленина: «Пятидесятилетие падения крепостного права», «По поводу юбилея», ««Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» (Сочинения, 5 изд., том 20, стр. 139—142, 161—170, 171—180; 4 изд., том 17, стр. 64—67, 84—92, 93—101). — 45.

⁹¹ *Манчестерцы* — представители направления экономической политики буржуазии, требовавшие свободы торговли и невмешательства государства в частнохозяйственную деятельность. Это направление возникло в Англии в конце XVIII века и известно как фритредерство. В 30—40-х годах XIX века оплотом фритредерства в Англии являлись промышленники города Манчестера, поэтому фритредеров называли также «манчестерцами». Во главе «манчестерской школы» стояли Кобден и Брайт. Тенденции фритредерства проявлялись в политике Франции, Германии, России и других государств. Теоретическое обоснование фритредерство получило в произведениях А. Смита и Д. Рикардо.

К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачали попытку буржуазии использовать лозунг свободы в целях социальной демагогии. — 48.

⁹² *Круговая порука* — принудительная коллективная ответственность крестьян каждой сельской общины за своевременное и полное внесение ею всех денежных платежей и выполнение всякого рода повинностей в пользу государства и помещиков (подати, выкупные платежи, рекрутские наборы и др.). Эта форма закабаления крестьян, сохранившаяся и после отмены крепостного права в России, была отменена лишь в 1906 году. — 48.

⁹³ *Община* (земельная) в России — форма совместного крестьянского землепользования, характеризовавшаяся принудительным севооборотом, нераздельными лесами и пастбищами. Важнейшими признаками русской земельной общины были круговая порука, систематический передел земли и отсутствие права отказа от земли, запрещение купли и продажи земли.

Община в России известна уже с древнейших времен. В ходе исторического развития община постепенно становилась одним из устоев феодализма в России. Помещики и царское правительство использовали общину для усиления крепостнического гнета и для выколачивания из народа выкупных платежей и податей.

В 1906 году царским министром Столыпиным был издан в интересах кулачества закон, по которому разрешался выход крестьян из общины и продажа надела. За девять лет после издания этого закона, положившего начало официальной ликвидации общинного строя в деревне и усилившего расслоение крестьянства, из общины вышло свыше двух миллионов домохозяев. — 50.

⁹⁴ Характеристику Скалдина как умеренного консерватора Энгельс дал в статье «Soziales aus Russland» («Об общественных отношениях в России») (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 545). — 54.

⁹⁵ Ленин, говоря об идейном «наследстве» 60-х годов XIX века, вынужден был по цензурным соображениям ссылаться на Скалдина. В действительности же главным представителем указанного «наследства» Ленин считал Н. Г. Чернышевского. В письме из сибирской ссылки от 26 января 1899 года А. Н. Потресову Ленин пишет: «...ведь принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей, — это бесспорно. Мне сдается, что защитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание на стр. 237 (Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 520; 4 изд., том 2, стр. 473. *Ред.*), где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели» (Сочинения, 5 изд., том 46, стр. 18—19; 4 изд., том 34, стр. 8). — 54.

⁹⁶ Имеются в виду письма народнического публициста А. Н. Энгельгардта «Из деревни», получившие широкую известность. Одиннадцать писем были опубликованы в журнале «Отечественные Записки» в 1872—1881 годах; двенадцатое письмо напечатано в 1887 году. — 55.

⁹⁷ «Земледельческая Газета» — орган министерства государственных имуществ (с 1894 года — министерства государственных имуществ и земледелия); выходила в Петербурге с 1834 по 1917 год. — 59.

⁹⁸ «Вестник Европы» — ежемесячный историко-политический и литературный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Петербурге с 1866 по 1918 год. В журнале печатались статьи против революционных марксистов. Редактором-издателем журнала до 1908 года был М. М. Стасюлевич. — 63.

⁹⁹ Ленин имеет в виду Скалдина, слова из книги которого он цитирует (см. Скалдин. «В захолустье и в столице». СПб., 1870, стр. 285). — 66.

¹⁰⁰ «Новое Слово» — ежемесячный научно-литературный и политический журнал; издавался в Петербурге с 1894 года либеральными народниками, с начала 1897 года — «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и др.). В период пребывания в сибирской ссылке Ленин поместил в журнале «Новое Слово» две статьи: «К характеристике экономического романтизма» и «По поводу одной газетной заметки». В журнале печатались также Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, Л. Мартов, А. М. Горький и др. В декабре 1897 года журнал был закрыт царским правительством. — 69.

¹⁰¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 2, стр. 90. — 70.

¹⁰² Под псевдонимом Н. Бельтов Г. В. Плеханов опубликовал известную книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданную легально в Петербурге в 1895 году. — 70.

¹⁰³ Имеется в виду статья Г. В. Плеханова «О материалистическом понимании истории», опубликованная в 1897 году за подписью: Н. Каменский в № 12 (сентябрь) журнала «Новое Слово» (см. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, 1956, стр. 236—266). — 76.

¹⁰⁴ «*Schmollers Jahrbuch*» («Ежегодник Шмоллера»), полное название «*Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*» («Ежегодник по Законодательству, Управлению и Народному Хозяйству в Германской Империи») — журнал политической экономии; издавался с 1877 года немецкими буржуазными экономистами, представителями

катедер-социализма Ф. Гольцендорфом и Л. Brentано, а с 1881 года — Г. Шмоллером. — 79.

¹⁰⁵ «Неделя» — либерально-народническая политическая и литературная газета; выходила в Петербурге с 1866 по 1901 год. Газета выступала против борьбы с самодержавием, проповедовала так называемую теорию «малых дел», т. е. призывала интеллигенцию отказаться от революционной борьбы и заняться «культурничеством». — 79.

¹⁰⁶ Книга «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» была задумана В. И. Лениным еще весной 1901 года: написанная в мае статья «С чего начать?» была, по его словам, наброском плана, который был впоследствии подробно развит в «Что делать?» (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 9; 4 изд., том 5, стр. 8). Вплотную к работе над книгой Ленин приступил только осенью 1901 года. В декабре в «Искре» № 12 была напечатана статья Ленина «Беседа с защитниками экономизма», которую он впоследствии называл конспектом «Что делать?». В январе 1902 года Ленин заканчивает работу над книгой, в феврале пишет предисловие, а 10 марта, в «Искре» № 18, было напечатано сообщение о ее выходе из печати.

Книга «Что делать?» сыграла выдающуюся роль в борьбе за революционную марксистскую партию рабочего класса России, в победе ленинско-искровского направления в комитетах и организациях РСДРП, а затем, в 1903 году, на ее II съезде.

В 1902—1903 годах книга получила широкое распространение в социал-демократических организациях всей России; ее находили при обысках и арестах социал-демократов в Киеве и Москве, Петербурге и Нижнем Новгороде, в Казани, Одессе и других городах.

Книга «Что делать?» была переиздана В. И. Лениным в сборнике «За 12 лет» (ноябрь 1907 года, на обложке и титульном листе указан 1908 год). Для этого издания Ленин несколько сократил книгу, опустив отдельные подробности и мелкие полемические замечания. В то же время новое издание было дополнено пятью подстрочными примечаниями. — 80.

¹⁰⁷ Статья В. И. Ленина «С чего начать?», напечатанная передовой в № 4 газеты «Искра», содержит ответы на важнейшие для того времени вопросы социал-демократического движения в России: о характере и главном содержании политической агитации, об организационных задачах и плане построения боевой общероссийской марксистской партии.

Статья явилась программным документом для революционной социал-демократии и широко распространялась в России и за границей. Местные социал-демократические организации читали ее в газете «Искра», переиздавали отдельной брошюрой. Сибирский социал-демократический союз отпечатал 5 тысяч экземпляров брошюры и распространял ее по всей Сибири. Брошюра печаталась также в Ржеве и распространялась в Саратове, Тамбове, Нижнем Новгороде, Уфе и других городах.

Организационные и тактические идеи, выдвинутые Лениным в статье «С чего начать?» и подробно развитые им в книге «Что делать?», служили руководством в повседневной практической деятельности по созданию марксистской партии в России. — 80.

¹⁰⁸ «Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса.

Первый номер ленинской «Искры» вышел в декабре 1900 года в Лейпциге, последующие номера выходили в Мюнхене, с июля 1902 года — в Лондоне и с весны 1903 года — в Женеве; большую помощь в организации издания «Искры» оказали германские социал-демократы К. Цеткин,

А. Браун и др., живший в те годы в Мюнхене польский революционер Ю. Мархлевский и Г. Квелч — один из руководителей английской Социал-демократической федерации. В редакцию «Искры» входили В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов и В. И. Засулич. Секретарем редакции сначала была И. Г. Смидович-Леман, а затем, с весны 1901 года, Н. К. Крупская, ведавшая также всей перепиской «Искры» с русскими социал-демократическими организациями. Ленин был фактически главным редактором и руководителем «Искры», выступал со статьями по всем основным вопросам строительства партии и классовой борьбы пролетариата России.

«Искра» стала центром объединения партийных сил, собирания и воспитания партийных кадров. В ряде городов России (Петербург, Москва, Самара и др.) были созданы группы и комитеты РСДРП ленинско-искровского направления, а в январе 1902 года на съезде искровцев в Самаре была основана русская организация «Искры». Искровские организации возникали и работали под непосредственным руководством учеников и соратников В. И. Ленина — Н. Э. Баумана, И. В. Бабушкина, С. И. Гусева, М. И. Калинина, П. А. Красикова, Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника, П. Н. Лепешинского, И. И. Радченко и др.

По инициативе Ленина и при его непосредственном участии редакция «Искры» разработала проект программы партии (опубликован в № 21 «Искры») и подготовила II съезд РСДРП, состоявшийся в июле — августе 1903 года. В специальном постановлении съезд отметил исключительную роль «Искры» в борьбе за партию и объявил ее Центральным Органом РСДРП. На II съезде была утверждена редакция в составе Ленина, Плеханова и Мартова. Мартов, настаивавший на сохранении всей прежней шестерки редакторов, отказался войти в редакцию, вопреки решению съезда партии, и №№ 46—51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова. В дальнейшем Плеханов перешел на позиции меньшевизма и потребовал включения в состав редакции «Искры» всех старых редакторов-меньшевиков, отвергнутых съездом. Ленин не мог согласиться с этим и 19 октября (1 ноября) 1903 года вышел из редакции «Искры»; он был кооптирован в ЦК и оттуда повел борьбу с оппортунистами-меньшевиками. Номер 52 «Искры» вышел под редакцией одного Плеханова. 13 (26) ноября 1903 года Плеханов единолично, нарушая волю съезда, кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов-меньшевиков. С № 52 меньшевики превратили «Искру» в свой орган, — 80.

¹⁰⁹ Весной и летом 1901 года между заграничными социал-демократическими организациями («Союз русских социал-демократов», Заграничный комитет Бунда, революционная организация «Социал-демократ» и заграничный отдел организации «Искры» — «Зари») при посредстве и по инициативе группы «Борьба» велись переговоры о соглашении и объединении. Для подготовки съезда, на котором должно было произойти объединение, в Женеве в июне 1901 года была созвана конференция представителей этих организаций, — отсюда ее название: «июньская» или «женевская» конференция.

«Объединительный» съезд заграничных организаций РСДРП происходил 21—22 сентября (4—5 октября) 1901 года в Цюрихе. На съезде были представлены 6 членов организации «Искры» — «Зари» (В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Ю. О. Мартов и др.), 8 членов революционной организации «Социал-демократ» (в том числе 3 члена группы «Освобождение труда»: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич), 16 членов «Союза русских социал-демократов» (в том числе 5 членов Заграничного комитета Бунда) и 3 члена группы «Борьба». На съезде были оглашены оппортунисти-

ческие поправки и дополнения к июньской резолюции, принятые III съездом «Союза русских социал-демократов». Ввиду этого революционная часть съезда — члены организаций «Искры» — «Зари» и «Социал-демократ» — огласила заявление о невозможности объединения и покинула съезд. По инициативе В. И. Ленина эти организации в октябре 1901 года объединились в «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии». — 80.

¹¹⁰ *«Рабочее Дело»* — журнал, орган «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года под редакцией Б. Н. Кричевского, П. Ф. Теплова (Сибиряка), В. П. Иваншина, а затем и А. С. Мартынова; вышло 12 номеров (девять книг). Редакция «Рабочего Дела» являлась заграничным центром «экономистов»; «Рабочее Дело» поддерживало бернштейнианский лозунг «свободы критики» марксизма, стояло на оппортунистических позициях в вопросах тактики и организационных задач русской социал-демократии, отрицало революционные возможности крестьянства и т. п. На II съезде РСДРП «рабочедельцы» представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии. — 80.

¹¹¹ *«Рабочая Газета»* — нелегальный орган киевских социал-демократов; выходила в Киеве при участии и под редакцией Б. Л. Эйдельмана, П. Л. Тучапского, Н. А. Вигдорчика и других. Всего вышло два номера газеты: № 1 — в августе 1897 года и № 2 — в декабре (помечен ноябрем) того же года. Группировавшиеся вокруг «Рабочей Газеты» социал-демократы вели работу по подготовке I съезда РСДРП.

I съезд РСДРП (март 1898 года) признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. После съезда вследствие ареста членов Центрального Комитета и редакции «Рабочей Газеты», а также разгрома типографии, третий номер газеты, подготовленный к сдаче в набор, не увидел света. В 1899 году была предпринята попытка возобновить издание «Рабочей Газеты»; об этой попытке рассказывает В. И. Ленин в разделе «а» пятой главы «Что делать?» (см. настоящий том, стр. 209). — 81.

¹¹² *Лассальянцы* и *эйзенахцы* — две партии в германском рабочем движении 60-х и начала 70-х годов XIX века, между которыми шла ожесточенная борьба главным образом по вопросам тактики и прежде всего по самому острому вопросу политической жизни Германии тех лет: о путях ее воссоединения.

Лассальянцы — сторонники и последователи немецкого мелкобуржуазного социалиста Ф. Лассалья, члены Всеобщего германского рабочего союза, который был основан в 1863 году на съезде рабочих обществ в Лейпциге. Первым президентом ВГРС был Лассаль, сформулировавший программу и основы тактики Союза. Борьба за всеобщее избирательное право была провозглашена политической программой ВГРС, создание производительных рабочих ассоциаций, субсидируемых государством, — его экономической программой. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно и резко критиковали теорию, тактику и организационные принципы лассальянства как оппортунистического течения в германском рабочем движении.

Эйзенахцы — члены Социал-демократической рабочей партии Германии, основанной в 1869 году на учредительном съезде в Эйзенахе. Вождями эйзенахцев были А. Бебель и В. Либкнехт, находившиеся под идейным влиянием К. Маркса и Ф. Энгельса. В эйзенахской программе указывалось, что Социал-демократическая рабочая партия Германии считает себя «секцией Международного товарищества рабочих и разделяет его стремления». Эйзенахцы, благодаря постоянным советам и критике

Маркса и Энгельса, проводили более последовательную революционную политику, чем лассальянский Всеобщий германский рабочий союз; в частности, в вопросах воссоединения Германии они отстаивали «демократический и пролетарский путь, борясь с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине, национализму» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 23, стр. 366; 4 изд., том 19, стр. 265).

Создание Германской империи в 1871 году устранило главное тактическое расхождение между лассальянцами и эйзенахцами, и в 1875 году, под влиянием подъема рабочего движения и усиления правительственных репрессий, обе партии объединились на съезде в Готе в единую Социалистическую рабочую партию Германии (впоследствии — Социал-демократическая партия Германии). О программе, принятой на Готском съезде, см. примечание № 142. — 83.

¹¹³ *Фабианцы* — члены Фабианского общества, английской реформистской организации, основанной в 1884 году; свое название общество получило по имени римского полководца III века до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику, уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом. Членами Фабианского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции — ученые, писатели, политические деятели (как, например, С. и Б. Вебб, Б. Шоу, Р. Макдональд и др.); они отрицали необходимость классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и утверждали, что переход от капитализма к социализму возможен только путем мелких реформ, постепенных преобразований общества. Враждебное марксизму Фабианское общество играло и играет роль одного из проводников буржуазного влияния на рабочий класс, рассадника оппортунистических и социал-шовинистских идей в английском рабочем движении. В. И. Ленин характеризовал фабианство как «направление *крайнего оппортунизма*» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 338; 4 изд., том 13, стр. 326). В 1900 году Фабианское общество вошло в лейбористскую партию. «Фабианский социализм» служит одним из источников идеологии лейбористов. — 83.

¹¹⁴ Речь идет о Социал-демократической федерации Англии — см. примечание № 80. — 83.

¹¹⁵ *Народовольцы* — члены «Народной воли» — тайной политической организации народников-террористов, возникшей в августе 1879 года в результате раскола народнической организации «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы, вместе с тем, встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. После 1 марта 1881 года (убийство Александра II) правительство разгромило организацию. Неоднократные попытки возродить «Народную волю», предпринимавшиеся на протяжении 80-х годов, были безрезультатны. Так, в 1886 году возникла группа во главе с А. И. Ульяновым (братом В. И. Ленина) и П. Я. Шевыревым, разделявшая традиции «Народной воли». После неудачной попытки организовать покушение на Александра III в 1887 году группа была раскрыта и активные участники ее казнены.

Критикуя ошибочную, утопическую программу и тактику индивидуального террора народовольцев, В. И. Ленин в то же время с большим уважением отзывался о самоотверженной борьбе членов «Народной воли» с царизмом. — 83.

¹¹⁶ *Министерялисты* (мильеранисты) — см. примечание № 78 настоящего тома. — 83.

¹¹⁷ *Юпитер* и *Минерва* — боги древнеримского пантеона. Юпитер — бог неба, света и дождя, громовержец; позднее — верховное божество римского государства. Минерва — богиня войны и покровительница ремесел, наук и искусств. В римской мифологии Юпитер и Минерва отождествляются с греческими богами Зевсом и Афиной; на них переносятся все мифы о Зевсе и Афине, в том числе миф о рождении Афины во всеоружии из головы Зевса. — 84.

¹¹⁸ В. И. Ленин приводит в собственном переводе выдержку из предисловия Ф. Энгельса к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта») (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 210). — 84.

¹¹⁹ «Союз русских социал-демократов за границей» был основан в 1894 году по инициативе группы «Освобождение труда» на условиях признания всеми его членами программы группы. На группу было возложено редактирование изданий «Союза», и в марте 1895 года она передала в пользование «Союза» свою типографию.

I съезд РСДРП (март 1898 г.) признал «Союз» заграничным представителем партии. В дальнейшем в «Союзе» взяли перевес оппортунистические элементы — «экономисты», или так называемые «молодые». Оппортунистическое большинство I съезда «Союза русских социал-демократов за границей», состоявшегося в Цюрихе в ноябре 1898 года, отказалось выразить солидарность с «Манифестом» I съезда РСДРП. Борьба внутри «Союза» продолжалась до его II съезда (апрель 1900 года, Женева) и на съезде. В результате этой борьбы группа «Освобождение труда» и ее единомышленники покинули съезд и образовали самостоятельную организацию «Социал-демократ».

На II съезде РСДРП представители «Союза» занимали крайне оппортунистические позиции и покинули его после признания съездом Заграничной лиги русской революционной социал-демократии единственной организацией партии за границей. Решением II съезда «Союз русских социал-демократов» был распущен (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 56). — 86.

¹²⁰ «Заря» — марксистский научно-политический журнал, издавался в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) «Зари»: № 1 — в апреле 1901 года (фактически вышел 23 марта нового стиля), № 2-3 — в декабре 1901 года, № 4 — в августе 1902 года.

Задачи «Зари» были определены в проекте заявления редакции «Искры» и «Зари», написанном В. И. Лениным в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 322—333; 4 изд., том 4, стр. 296—306).

Журнал «Заря» выступал с критикой международного и русского ревизионизма, в защиту теоретических основ марксизма. — 86.

¹²¹ *Гора* и *Жиронда* — название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Горой — якобинцами — называли наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии, — отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма и феодализма. Жирондисты, в

отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.

«Социалистической Жирондой» В. И. Ленин называл оппортунистическое течение в социал-демократии; пролетарскими якобинцами, «Горой» — революционных социал-демократов. После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Ленин часто подчеркивал, что меньшевики представляют собой жирондистское течение в рабочем движении. — 86.

¹²² «Беззаглавцы» — полукадетская, полуменьшевистская группа русской буржуазной интеллигенции (С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарский, В. В. Португалов, В. В. Хижняков и др.), сложившаяся в период начавшегося спада революции 1905—1907 годов. Свое название группа получила по издававшемуся в Петербурге в январе — мае 1906 года под редакцией Прокоповича политическому еженедельнику «Без Заглавия»; позже «беззаглавцы» группировались вокруг левокадетской газеты «Товарищ». Прикрываясь своей формальной беспартийностью, «беззаглавцы» являлись проповедниками идей буржуазного либерализма и оппортунизма, поддерживали ревизионистов российской и международной социал-демократии. — 87.

¹²³ 27—29 мая (н. ст.) 1877 года в г. Готе состоялся очередной съезд Социалистической рабочей партии Германии. На съезде, при обсуждении вопроса о партийной прессе, были отклонены попытки некоторых делегатов (Мост, Вальтейх) осудить центральный орган партии — газету «Vorwärts» («Вперед») за печатание статей Энгельса против Дюринга (вышедших в 1878 году отдельной книгой: «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом») и самого Энгельса — за резкость полемики. Вместе с тем по практическим соображениям съезд решил продолжать дискуссии по теоретическим вопросам не в газете, а в научном приложении к ней. — 88.

¹²⁴ «Vorwärts» («Вперед») — ежедневная газета, центральный орган Германской социал-демократической партии; выходила в Берлине с 1891 года по постановлению Галльского съезда партии как продолжение издававшейся с 1884 года газеты «Berliner Volksblatt» («Берлинский Народный Листок») под названием «Vorwärts. Berliner Volksblatt». На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, редакция «Vorwärts» оказалась в руках правого крыла партии и систематически печатала статьи оппортунистов.

В годы мировой империалистической войны (1914—1918) «Vorwärts» стоял на позициях социал-шовинизма; после Великой Октябрьской социалистической революции газета вела антисоветскую пропаганду. Выходила в Берлине до 1933 года. — 88.

¹²⁵ Катедер-социалисты — представители одного из направлений в буржуазной политической экономии 70—80-х годов XIX века, которые проповедовали с университетских кафедр (по-немецки Katheder) под видом социализма буржуазно-либеральный реформизм. Реакционную сущность катедер-социализма разоблачали Маркс и Энгельс. Ленин называл катедер-социалистов клопами «полицейски-буржуазной университетской науки» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 24; 4 изд., том 13, стр. 22), ненавидящим революционное учение Маркса. В России взгляды катедер-социалистов проповедовали «легальные марксисты». — 88.

¹²⁶ В. И. Ленин имеет в виду резолюцию Ганноверского съезда Германской социал-демократической партии, происходившего 9—14 октября (н. ст.) 1899 года, «Нападения на основные взгляды и тактику партии». В резолюции были осуждены попытки оппортунистического крыла германской социал-демократии, идейно возглавлявшегося Э. Бернштейном, ревизовать основные положения марксизма и добиться изменения тактики социал-демократической партии, превращения ее в партию демократических реформ. Однако отсутствие в резолюции съезда резкой критики ревизионизма и его конкретных носителей вызвало недовольство левых социал-демократов (Р. Люксембург и другие). Сторонники Бернштейна голосовали за эту резолюцию. — 88.

¹²⁷ В. И. Ленин имеет в виду резолюцию Любекского съезда Германской социал-демократической партии (22—28 сентября (н. ст.) 1901 года), направленную против Э. Бернштейна, который не только не прекратил после Ганноверского съезда 1899 года своих нападок на программу и тактику социал-демократии, но, напротив, усилил их и даже перенес в непартийную среду. В ходе прений и в резолюции, предложенной Бебелем и принятой подавляющим большинством съезда, Бернштейну было сделано прямое предупреждение. Однако на Любекском съезде принципиально не был поставлен вопрос о несовместимости ревизии марксизма с пребыванием в рядах социал-демократической партии. — 88.

¹²⁸ *Штутгартский съезд Германской социал-демократической партии*, происходивший 3—8 октября (н. ст.) 1898 года, впервые обсуждал вопрос о ревизионизме в германской социал-демократии. На съезде было оглашено специально присланное заявление находившегося в эмиграции Э. Бернштейна, в котором он излагал и защищал свои оппортунистические взгляды, высказанные им ранее в серии статей «Проблемы социализма» в журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время»). Среди противников Бернштейна на съезде не было единства: одни, во главе с Бебелем и Каутским, стремились сочетать принципиальную борьбу против бернштейнства с осторожной внутрипартийной тактикой, опасаясь партийного раскола; другие (Р. Люксембург, Парвус) — их было меньшинство — занимали более резкую позицию, добиваясь расширения и углубления дискуссии и не пугаясь возможного раскола. Съезд не принял никакой резолюции по этому вопросу, но из хода прений, а также из других решений было видно, что большинство съезда сохранило верность идеям революционного марксизма. — 89.

¹²⁹ Имеется в виду статья А. Н. Потресова (Старовера) «Что случилось?», напечатанная в журнале «Заря» № 1, апрель 1901 года. — 90.

¹³⁰ «О писателе, который зазнался» — название одного из рассказов А. М. Горького (см. М. Горький. Собрание сочинений, т. 5, 1950, стр. 306—314). — 91.

¹³¹ В. И. Ленин имеет в виду свою статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)», напечатанную в 1895 году в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» и переизданную в 1907 году в сборнике статей Ленина «За 12 лет» (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 347—534; 4 изд., том 1, стр. 315—484), и предисловие к сборнику «За 12 лет» (см. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 95—113; 4 изд., том 13, стр. 78—96), в котором дана характеристика обстановки и история появления этой статьи. — 91.

¹⁸² Книга Э. Бернштейна «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») была издана в 1901 году в переводе на русский язык под различными названиями: 1) «Исторический материализм». Пер. Л. Канцель. СПб., «Знание»; 2) «Социальные проблемы». Пер. П. С. Когана. М.; 3) «Проблемы социализма и задачи социал-демократии». Пер. К. Я. Бутковского. М., изд. Ефимова.— 92.

¹³³ О рекомендации Зубатовым книг Бернштейна и Прокоповича для чтения рабочим сообщалось в письме в редакцию «Искры» «О зубатовщине», использованном в статье Мартова «Еще о политическом разврате наших дней» («Искра» № 10, ноябрь 1901 г.).— 92.

¹³⁴ Речь идет о «Протесте российских социал-демократов», написанном В. И. Лениным в августе 1899 года после получения им из Петербурга от А. И. Ульяновой-Елизаровой документа, названного ею «Credo молодых» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163—176; 4 изд., том 4, стр. 149—163). Проект «Протеста» против «Credo» российских бернштейнцев обсуждался на собрании семнадцати ссыльных социал-демократов Минусинского округа в селе Ермаковском (место ссылки А. А. Ванеева, П. Н. Лепешинского, М. А. Сильвина и др.). «Протест» был принят единогласно и подписан В. И. Лениным, Н. К. Крупской, В. В. Старковым, А. М. Старковой, Г. М. Кржижановским, З. П. Кржижановской-Невзоровой, Ф. В. Ленгником, Е. В. Барамзиным, А. А. Ванеевым, Д. В. Ванеевой, М. А. Сильвиным, В. К. Курнатовским, П. Н. Лепешинским, О. Б. Лепешинской, петербургскими рабочими О. А. Энгбергом, А. С. Шаповаловым, Н. Н. Паниным. К «Протесту» присоединились не присутствовавшие на собрании И. Л. Проминский, М. Д. Ефимов, Чекальский и Ковалевский, а также колония ссыльных в Туруханске (Ю. О. Мартов и др.). Против «Credo» «экономистов» выступила также колония семнадцати ссыльных социал-демократов города Орлова Вятской губернии (В. В. Воровский, Н. Э. Бауман, А. Н. Потресов и др.).— 93.

¹³⁵ «Былое» — исторический журнал, посвященный главным образом истории народничества и более ранних общественных движений; основан В. Л. Бурцевым. В 1900—1904 годах издавался в Лондоне; в 1906—1907 годах — в Петербурге под редакцией В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева, при участии Бурцева. В 1907 году издание «Былого» было запрещено правительством, и вместо №№ 11 и 12 был выпущен исторический сборник «Наша страна». В 1908 году вместо «Былого» издавался журнал «Минувшие Годы», а в 1909 — исторический сборник «Минувшее». В 1908 году Бурцев возобновил заграничное издание «Былого» (в Париже), продолжавшееся до 1912 года. В России издание «Былого» возобновилось в 1917 году и продолжалось до 1926 года. Его редактором после Великой Октябрьской социалистической революции являлся П. Е. Щеголев.— 93.

¹³⁶ «Рабочая Мысль» — газета, орган «экономистов»; выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. Газета редактировалась К. М. Тахтаревым и др.

Критику взглядов «Рабочей Мысли» как русской разновидности международного оппортунизма Ленин дал в статьях, опубликованных в газете «Искра», и в книге «Что делать?».— 93.

¹³⁷ «Путеводитель» — «Vademecum для редакции «Рабочего Дела». Сборник материалов, изданный группой «Освобождение труда» с предисловием Г. Плеханова» (Женева, февраль 1900 г.) был направлен против

оппортунизма в рядах РСДРП, главным образом против «экономизма» заграничного «Союза русских социал-демократов» и его органа — журнала «Рабочее Дело». — 93.

¹³⁸ *«Profession de foi»* (символ веры, программа, изложение миросозерцания) — листовка, излагавшая оппортунистические взгляды Киевского комитета РСДРП; составлена в конце 1899 года. Содержание листовки во многом совпадает с известным «Credo» «экономистов». Критика этого документа дана Лениным в статье «По поводу «Profession de foi»», распространенной в рукописных и машинописных списках (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 310—321; 4 изд., том 4, стр. 263—273). — 94.

¹³⁹ *Группа «Освобождение труда»* — первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в 1883 году в Швейцарии. Кроме Плеханова, в группу входили П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов. Группа «Освобождение труда» проделала большую работу по пропаганде марксизма в России и нанесла серьезный удар народничеству, являвшемуся главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и развития социал-демократического движения в России. Два проекта программы русских социал-демократов (1883 и 1885 гг.), написанные Плехановым и изданные группой «Освобождение труда», явились важным шагом в подготовке и создании социал-демократической партии в России. Группа «Освобождение труда» установила связи с международным рабочим движением и, начиная с первого конгресса II Интернационала в 1889 году (Париж), во все время своего существования представляла российскую социал-демократию на всех его конгрессах. Но у группы «Освобождение труда» были и серьезные ошибки: переоценка роли либеральной буржуазии, недооценка революционности крестьянства как резерва пролетарской революции. Эти ошибки явились зародышем будущих меньшевистских взглядов Плеханова и других членов группы. В. И. Ленин указывал, что группа «Освобождение труда» «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» (Сочинения, 5 изд., том 25, стр. 132; 4 изд., том 20, стр. 255).

«Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда»», написанное Аксельродом в декабре 1899 года, было напечатано в начале 1900 года отдельным листком и в «Vademecum'e для редакции «Рабочего Дела»». Программа литературной деятельности группы «Освобождение труда», изложенная в «Объявлении», получила свое осуществление лишь с началом издания «Зари» и «Искры». — 97.

¹⁴⁰ III съезд «Союза русских социал-демократов» состоялся во второй половине сентября 1901 года в Цюрихе; его решения свидетельствовали об окончательной победе оппортунизма в рядах «Союза». На съезде были приняты поправки и дополнения к проектам принципиального соглашения и договора заграничных организаций русских социал-демократов, выработанным на женевской конференции в июне 1901 года, которые имели откровенно оппортунистический характер; это предопределило неудачу «объединительного» съезда заграничных организаций РСДРП, состоявшегося через несколько дней после III съезда «Союза». На съезде были также утверждены «Инструкции для редакции «Рабочего Дела»», фактически поощрявшие ревизионистов тем, что умалчивали о борьбе революционной и оппортунистической тенденций в международной и русской социал-демократии, о необходимости критики ревизионизма и обоснования революционной сущности марксизма. — 97.

¹⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 7.— 97.

¹⁴² *Готская программа* — программа Социалистической рабочей партии Германии, принятая в 1875 году на съезде в Готе при объединении двух существовавших до того отдельно немецких социалистических партий: эйзенахцев (руководимых А. Бебелем и В. Либкнехтом и находившихся под идейным влиянием Маркса и Энгельса) и лассальянцев. Программа страдала эклектизмом и была оппортунистической, так как эйзенахцы по важнейшим вопросам сделали уступки лассальянцам и приняли лассальянские формулировки. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли проект Готской программы уничтожающей критике, рассматривая его как значительный шаг назад по сравнению с эйзенахской программой 1869 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 5—38).— 98.

¹⁴³ Имеется в виду брошюра П. Б. Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898.— 98.

¹⁴⁴ В. И. Ленин приводит в собственном переводе отрывок из предисловия Ф. Энгельса к его работе «Крестьянская война в Германии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 604—606).— 101.

¹⁴⁵ Говоря о «знаменитой петербургской промышленной войне 1896 года», В. И. Ленин имел в виду массовую стачку рабочих-текстильщиков Петербурга в мае — июне 1896 года. Стачка проходила под руководством петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», который выпускал листовки, призывавшие рабочих дружно и стойко отстаивать свои права «Союзом борьбы» были напечатаны и распространены основные требования рабочих («Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен»): сокращение рабочего дня до 10½ часов, повышение расценок, своевременная выплата заработной платы и т. д. Петербургские стачки способствовали развитию стачечного движения по всей России и вынудили царское правительство ускорить пересмотр фабричных законов и издать закон 2 (14) июня 1897 года о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах до 11½ часов. Они, как писал впоследствии Ленин, «открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 95; 4 изд., том 13, стр. 78).— 102.

¹⁴⁶ Брошюра «Об агитации» была написана в 1894 году в Вильно А. Кремером (впоследствии — один из организаторов Бунда) и отредактирована Ю. О. Мартовым. Брошюра, обобщавшая опыт социал-демократической работы в Вильно, имела большое влияние на русских социал-демократов, поскольку в ней содержались призывы отказаться от замкнутой кружковой пропаганды и переходить к массовой агитации среди рабочих на почве их повседневных нужд и требований. Однако преувеличение роли и значения чисто экономической борьбы, в ущерб политической агитации на почве общедемократических требований, являлось зародышем будущего «экономизма».— 104.

¹⁴⁷ «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», организованный В. И. Лениным осенью 1895 года, объединял около двадцати марксистских рабочих кружков Петербурга. Вся работа «Союза борьбы» была построена на принципах централизма и строгой дисциплины. Во главе «Союза борьбы» стояла Центральная группа, в которую входили В. И. Ленин, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская,

Ю. О. Мартов, М. А. Сильвин, В. В. Старков и др. Непосредственное руководство было сосредоточено в руках пяти членов группы во главе с Лениным.

В декабре 1895 года царское правительство нанесло «Союзу борьбы» серьезный удар: в ночь с 8 на 9 (с 20 на 21) декабря 1895 года была арестована значительная часть деятелей «Союза» во главе с В. И. Лениным; захвачен был и подготовленный к набору первый номер газеты «Рабочее Дело».

В. И. Ленин, находясь в тюрьме, руководил деятельностью «Союза», помогал своими советами, пересылал на волю зашифрованные письма и листовки, написал брошюру «О стачках» (до сих пор не разыскана), «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 81—110; 4 изд., том 2, стр. 77—104).

Значение петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» заключалось в том, что он, по выражению Ленина, представлял собой зачаток революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата.

Уцелевшие от арестов старые члены «Союза» приняли участие в подготовке и проведении I съезда РСДРП и в выработке изданного от имени съезда «Манифеста». Однако длительное отсутствие основателей «Союза борьбы», отбывавших ссылку в Сибири, и в первую очередь В. И. Ленина, облегчило проведение оппортунистической политики «молодым», «экономистам», насаждавшим с 1897 года через газету «Рабочая Мысль» идеи тред-юнионизма и бернштейнианства на русской почве. Со второй половины 1898 года к руководству «Союзом» пришли наиболее откровенные «экономисты» — «рабочемысленцы». — 104.

¹⁴⁸ Передовая статья «К русским рабочим», написанная В. И. Лениным для газеты «Рабочее Дело», до настоящего времени не разыскана.

«Русская Старина» — исторический журнал, основан М. И. Семеvским; издавался ежемесячно в Петербурге с 1870 по 1918 год. — 104.

¹⁴⁹ Имеется в виду расправа с бастовавшими рабочими ярославской Большой мануфактуры 27 апреля (9 мая) 1895 года. Причиной стачки, охватившей свыше 4000 рабочих, явилось введение администрацией новых расценок, понизивших заработную плату рабочих. Для подавления стачки было вызвано 10 рот Фанагорийского полка; в ход было пущено оружие. В результате 1 рабочий был убит и 14 — ранено. На рапорте командира полка о расправе с рабочими Большой мануфактуры Николай II написал: «Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков».

Статья о Ярославской стачке 1895 года была написана В. И. Лениным; до настоящего времени не разыскана. — 104.

¹⁵⁰ «С.-Петербургский Рабочий Листок» — орган петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вышло два номера: № 1 — в феврале (помечен январем) 1897 года, напечатан в России на мимеографе в количестве 300—400 экземпляров, и № 2 — в сентябре 1897 года в Женеве, отпечатан типографским способом. Газета выдвигала задачу соединения экономической борьбы рабочего класса с широкими политическими требованиями, подчеркивала необходимость создания рабочей партии. — 105.

¹⁵¹ Речь идет о «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии», выпущенном в 1898 году по поручению I съезда РСДРП и от

его имени Центральным Комитетом РСДРП (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1934, стр. 11—14). «Манифест» выдвигал борьбу за политическую свободу и свержение самодержавия как главную задачу российской социал-демократии, связывал политическую борьбу с общими задачами рабочего движения.— 105.

¹⁵² Речь идет о совещаниях «стариков» — основателей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. И. Ленина, А. А. Ванеева, Г. М. Кржижановского, Ю. О. Мартова и др. — с представителями нового состава «Союза борьбы», происходивших на квартирах С. И. Радченко и Ю. О. Мартова в Петербурге, между 14 и 17 февраля (26 февраля и 1 марта) 1897 года, когда старые члены «Союза борьбы» были выпущены из тюрьмы перед отправкой в сибирскую ссылку. На этих совещаниях выявились серьезные разногласия по организационным и тактическим вопросам. А. А. Якубова, которая в 1893—1895 годах входила в группу «стариков», отстаивала на совещании точку зрения нарождавшегося «экономизма»; в то же время «молодой» участник «Союза борьбы» Б. И. Горев (Гольдман), поддерживал В. И. Ленина, «стариков». Об этом писал В. И. Ленин в примечании к «Письму в редакцию» Петербуржца (К. М. Тахтарева), опубликованному в «Искре» № 40, 15 мая 1903 года: «Именно: неточность моего деления состоит в том, что «молодой», как оказалось, защищал тогда (в споре) «старых», а один «старый» — «молодых»». — 106.

¹⁵³ «Листок «Работника»» — неперiodическое издание «Союза русских социал-демократов за границей»; издавался в Женеве с 1896 по 1898 год. Вышло 10 номеров «Листка», в том числе №№ 1—8 под редакцией группы «Освобождение труда». Вследствие поворота большинства членов «Союза» к «экономизму» группа «Освобождение труда» отказалась от редактирования изданий «Союза», и № 9-10 «Листка» (ноябрь 1898 г.) вышел под редакцией «экономистов». — 106.

¹⁵⁴ На Венском съезде Австрийской социал-демократической партии, происходившем 2—6 ноября (н. ст.) 1901 года, была принята новая партийная программа взамен старой, Гайнфельдской программы (1888). В проекте новой программы, подготовленном специальной комиссией (В. Адлер и др.) по поручению Брюннского съезда 1899 года, были сделаны серьезные уступки бернштейнианству, что вызвало ряд критических замечаний; в частности К. Каутский в статье «Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Österreich» («Пересмотр программы австрийской социал-демократии»), опубликованной в журнале «Die Neue Zeit», 1901—1902, № 3, высказался за сохранение принципиальной части Гайнфельдской программы, как более полно и правильно выражающей понимание социал-демократией общего хода исторического процесса и задач рабочего класса. — 110.

¹⁵⁵ В. И. Ленин имеет в виду книгу С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Том I. Германия. Бельгия». СПб., 1899 год и опубликованные в журнале «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik», XIV. Band, Berlin, 1899 («Архив социального законодательства и статистики», XIV том, Берлин, 1899), статью П. Б. Струве «Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung» («Марксова теория социального развития») и его рецензию на книги Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» и К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа».

Прокопович пытался доказать в своей книге, что в рабочем движении Германии и Бельгии отсутствуют условия для революционной борьбы и революционной политики социал-демократии. В свою очередь, Струве пытался в своих статьях опровергнуть с позиций бернштейнианства общую теорию марксизма и ее философские предпосылки, отрицал неизбежность и необходимость социальной революции и диктатуры пролетариата.— 112.

¹⁵⁶ *Гирш-дункеровские профсоюзы* — реформистские профсоюзные организации Германии, созданные в 1868 году деятелями буржуазной прогрессистской партии М. Гиршем и Ф. Дункером. Деятельность гирш-дункеровских профсоюзов ограничивалась главным образом рамками касс взаимопомощи и культурно-просветительных организаций. Гирш-дункеровские профсоюзы, просуществовавшие до мая 1933 года, никогда не представляли серьезной силы в германском рабочем движении, несмотря на все усилия буржуазии и поддержку правительственных органов. В 1933 году оппортунистические деятели гирш-дункеровских профсоюзов вошли в фашистский «трудовой фронт». — 112.

¹⁵⁷ *«Группа самоосвобождения рабочего класса»* — небольшая группа «экономистов»; возникла в Петербурге осенью 1898 года и просуществовала несколько месяцев. Группа выпустила воззвание с изложением своих целей (датировано мартом 1899 года, напечатано в журнале «Накануне» в июле 1899 года), устав и несколько прокламаций к рабочим. — 114.

¹⁵⁸ *«Накануне»* — «социально-революционное обозрение», ежемесячный журнал народнического направления; издавался в Лондоне на русском языке с января 1899 по февраль 1902 года под редакцией Е. А. Серебрякова; вышло 37 номеров. Журнал враждебно относился к марксизму вообще, к русской революционной социал-демократии в особенности. — 114.

¹⁵⁹ Начало полемике группы «Освобождение труда» и редакции «Рабочего Дела» положила напечатанная в апреле 1899 года в № 1 «Рабочего Дела» рецензия на брошюру В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов» (Женева, 1898). Отрицая оппортунистический характер заграничного «Союза русских социал-демократов» и усилившееся влияние «экономистов» в социал-демократических организациях России, редакция «Рабочего Дела» утверждала в этой рецензии, что *«изложенная суть брошюры целиком совпадает с редакционной программой «Рабочего Дела»*», что редакция не знает, «про каких «молодых» товарищей говорит Аксельрод» в предисловии к брошюре.

В «Письме в редакцию «Рабочего Дела»», написанном в августе 1899 года, П. Б. Аксельрод показал несостоятельность попыток «Рабочего Дела» отождествить позицию революционной социал-демократии, изложенную Лениным в брошюре «Задачи русских социал-демократов», с позицией русских и заграничных «экономистов». В феврале 1900 года группой «Освобождение труда» был издан сборник «Vademecum для редакции «Рабочего Дела»» с предисловием Г. В. Плеханова. Опубликовав в «Vademecum'e» имевший хождение в рукописи «Ответ» С. Н. Прокоповича на брошюру Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» и некоторые «частные» письма политического содержания Е. Д. Кусковой и Гришина (Т. М. Копельзона), Плеханов опроверг утверждения редакции «Рабочего Дела», доказал фактическое господство оппортунистических элементов и идей «экономизма» в среде русской социал-демократической эмиграции, группировавшейся вокруг «Союза русских социал-демократов» и журнала «Рабочее Дело».

«Ответ редакции «Рабочего Дела» на «Письмо» П. Аксельрода и «Vademecum» Г. Плеханова», написанный Б. Кричевским в феврале — марте 1900 года, уже с полной очевидностью обнаружил оппортунизм «рабочедельцев». В дальнейшем полемика против «Рабочего Дела» была перенесена на страницы «Искры» и «Зари». — 115.

¹⁶⁰ Имеется в виду газета *«Der Sozialdemokrat»* («Социал-Демократ») — центральный орган социал-демократической партии Германии в эпоху исключительного закона против социалистов; издавалась в Цюрихе с 28 сентября 1879 года по 22 сентября 1888 года и в Лондоне с 1 октября 1888 года по 27 сентября 1890 года. Газета редактировалась в 1879—1880 годах Г. Фольмаром, с января 1881 года — Э. Бернштейном, находившимся в те годы под сильным влиянием Ф. Энгельса. Идейное руководство Энгельса обеспечивало марксистское направление «Социал-Демократа». После отмены исключительного закона против социалистов издание «Социал-Демократа» было прекращено, центральным органом партии вновь стала газета *«Vorwärts»* («Вперед»). — 118.

¹⁶¹ Имеется в виду сатирический «Гимн новейшего русского социалиста», опубликованный в «Заре» № 1, апрель 1901 года, за подписью «Нарцис Тупорылов». В нем высмеивались «экономисты» с их приспособлением к стихийному движению. Автором стихотворения был Ю. О. Мартов. — 120.

¹⁶² «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» (Бунд) был организован в 1897 году на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП (1898) Бунд вошел в состав РСДРП «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 14).

В апреле 1901 года IV съезд Бунда высказался за отмену организационных отношений, установленных первым съездом РСДРП, и принял резолюцию о замене автономии федерацией; в резолюции «О средствах политической борьбы» IV съезда Бунда говорилось, что «лучшим средством вовлечь широкие массы в движение является экономическая борьба».

На II съезде РСДРП, после того как съезд отверг требование Бунда признать его единственным представителем еврейского пролетариата, Бунд вышел из партии. В 1906 году, на основании решения IV (Объединительного) съезда, он вновь вошел в состав РСДРП.

Внутри РСДРП бундовцы постоянно поддерживали оппортунистическое крыло партии («экономистов», меньшевиков, ликвидаторов), вели борьбу против большевиков и большевизма. В 1917 году Бунд поддерживал контрреволюционное Временное правительство, боролся на стороне врагов Великой Октябрьской социалистической революции. В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны бундовское руководство сомкнулось с силами контрреволюции. Одновременно с этим среди рядовых членов Бунда наметился перелом в пользу сотрудничества с Советской властью. В марте 1921 года Бунд самоликвидировался, часть его членов вошла в РКП(б) на общих основаниях. — 127.

¹⁶³ «Свобода» — журнал, издававшийся в Швейцарии «революционно-социалистической» группой «Свобода» (основана Е. О. Зеленским (Надеждиным) в мае 1901 года); всего вышло два номера журнала: № 1 в 1901 и № 2 в 1902 году. В. И. Ленин относил группу «Свобода» к числу тех

«беспочвенных группок», которые не имели «ни прочных, серьезных идей, программы, тактики, организации, ни корней в массах» (Сочинения, 5 изд., том 25, стр. 220, 221; 4 изд., том 20, стр. 331, 332). Группа прекратила свое существование в 1903 году.

Характеристику группы и ее изданий В. И. Ленин дал в заметках «О журнале «Свобода»» (Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 358—359; 4 изд., том 5, стр. 285—286) и «О группе «Свобода»» (Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 67—68; 4 изд., том 6, стр. 254—255). — 139.

¹⁶⁴ Имеются в виду массовые революционные выступления студенчества и рабочих: политические демонстрации, сходки, забастовки, происходившие в феврале — марте 1901 года в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани, Томске и других городах России. События февраля — марта 1901 года свидетельствовали о нарастании революционного подъема в России; огромное значение имело участие рабочих в движении, происходившем под политическими лозунгами. — 143.

¹⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 459. — 147.

¹⁶⁶ В газете «Искра» № 7, август 1901 года, в отделе «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», было опубликовано письмо одного петербургского рабочего-ткача, свидетельствовавшее об огромном влиянии ленинской «Искры» на передовых рабочих.

«...Я многим товарищам показывал «Искру», и весь номерок истрепался, а он дорог... — писал автор. — Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих, и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они, и правда, страшны и царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам... Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень!.. Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь все, и старик, и малый, все читали бы, да вот горе наше — книжки нет. Я прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал «С чего начать?», так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано, как до всего дойдено... Хочется нам письмо в эту самую «Искру» Вашу написать, чтобы она не только учила, как начать, а и как жить и умереть». — 152.

¹⁶⁷ П. Б. Аксельрод. «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898, стр. 16—17. — 154.

¹⁶⁸ Имеется в виду статья П. Б. Струве «Самодержавие и земство», напечатанная в «Искре» №№ 2 и 4, февраль и май 1901 года. Помещение в «Искре» статьи Струве и печатание «Зарей» «конфиденциальной записки» С. Ю. Витте «Самодержавие и земство» с предисловием Струве (Р. Н. С.) стало возможным в результате январского (1901 г.) соглашения редакции «Искры» и «Зари» с «демократической оппозицией» (в лице Струве). Соглашение это, проведенное П. Б. Аксельродом и В. И. Засулич при поддержке Г. В. Плеханова, против голоса В. И. Ленина, оказалось кратковременным: весной 1901 года обнаружилась полная невозможность дальнейшего сотрудничества социал-демократов с буржуазными демократами, и блок со Струве распался. — 155.

¹⁶⁹ «Россия» — ежедневная, умеренно либеральная газета; выходила в Петербурге в 1899—1902 годах под редакцией Г. П. Сазонова и при участии фельетонистов А. В. Амфитеатрова и В. М. Дорошевича. В январе

1902 года газета была закрыта правительством за фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы». — 156.

¹⁷⁰ Имеется в виду статья В. И. Засулич «По поводу современных событий» и хроника студенческих волнений в отделе «Из нашей общественной жизни» («Искра» № 3, апрель 1901 г.), статья А. Н. Потресова «О бессмысленных мечтаниях» и заметка «Полицейский набег на литературу» («Искра» № 5, июнь 1901 г.). — 156.

¹⁷¹ Имеются в виду заметки «Инцидент в Екатеринославском земстве» и «Вятские «штрейкбрехеры»» («Искра» №№ 7 и 9, август и октябрь 1901 г.). — 157.

¹⁷² «С.-Петербургские Ведомости» — газета, выходила в Петербурге с 1728 года как продолжение первой русской газеты «Ведомости», издававшейся с 1703 года. С 1728 по 1874 год «С.-Петербургские Ведомости» издавались при Академии наук, с 1875 года — при министерстве народного просвещения. Газета выходила до конца 1917 года. — 158.

¹⁷³ «Русские Ведомости» — газета, выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции; в 80—90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря (М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко и др.), печатались произведения либеральных народников. С 1905 года газета являлась органом правого крыла буржуазной кадетской партии. Ленин указывал, что «Русские Ведомости» своеобразно сочетали «правый» кадетизм с народническим налетом» (Сочинения, 5 изд., том 23, стр. 193; 4 изд., том 19, стр. 111). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами. — 158.

¹⁷⁴ Брентановское понимание классовой борьбы, «брентанизм» — «либерально-буржуазное учение, признающее неревolutionную «классовую» борьбу пролетариата» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 37, стр. 237—238; 4 изд., том 28, стр. 209), проповедующее возможность разрешения рабочего вопроса в рамках капитализма путем фабричного законодательства и организации рабочих в профсоюзы. Получило свое название по имени Л. Брентано, одного из главных представителей школы катедер-социализма в буржуазной политической экономии. — 158.

¹⁷⁵ Имеется в виду «Группа рабочих для борьбы с капиталом», организованная в Петербурге весной 1899 года В. А. Гутовским (впоследствии известный меньшевик Е. Маевский); группа состояла из нескольких рабочих и интеллигентов, прочных связей с рабочим движением Петербурга не имела и вскоре, после ареста почти всех ее членов летом 1899 года, была ликвидирована; по своим взглядам была близка к «экономизму». Группой был напечатан листок «Наша программа», который, однако, не получил распространения из-за ее провала. — 163.

¹⁷⁶ Речь идет, по-видимому, о первой встрече В. И. Ленина с А. С. Мартыновым, состоявшейся в 1901 году. Мартынов в своих воспоминаниях дает описание этой встречи (см. А. Мартынов. «Великий пролетарский вождь». М., 1924, стр. 8—9). — 170.

¹⁷⁷ В. И. Ленин имеет в виду возглавлявшийся им кружок петербургских социал-демократов («стариков»); на его основе в 1895 году был создан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». — 183.

¹⁷⁸ Организация революционных народников *«Земля и воля»* образовалась осенью 1876 года в Петербурге; первоначально называлась «Северная революционно-народническая группа», с 1878 года известна как общество «Земля и воля». Ее членами были Марк и Ольга Натансоны, Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, А. Д. и А. Ф. Михайловы, А. А. Квятковский, М. Р. Попов, С. М. Кравчинский, Д. А. Клеменц, А. Д. Оболенев, С. Л. Перовская и другие выдающиеся революционеры-семидесятники. Не отказываясь от социализма как конечной цели, организация «Земля и воля» в качестве ближайшей цели выдвигала осуществление *«народных требований и желаний, каковы они есть в данную минуту»*, т. е. требований «земли и воли».

В отличие от народнических групп первой половины 70-х годов землевольцы создали стройную организацию, в основу которой были положены принципы строгой централизации и дисциплины.

К 1879 году, под влиянием неуспеха социалистической агитации среди крестьян и усилившихся правительственных репрессий, большинство землевольцев стало склоняться к политическому террору как основному методу борьбы за осуществление своей программы. Разногласия между сторонниками старой тактики (во главе с Г. В. Плехановым) и сторонниками террора (А. И. Желябов и др.) привели к расколу на Воронежском съезде «Земли и воли» (июнь 1879 г.); первые организовали общество «Черный передел», вторые — «Народная воля» (см. примечание № 115).

Чернопередельцы (Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, В. И. Засулич, О. В. Аптекман, В. Н. Игнатов, позднее — А. П. Буланов и др.) в своих программных требованиях отстаивали в основном платформу «Земли и воли». В России и за границей, куда в 1880 году эмигрировали Плеханов, Дейч, Засулич, Стефанович и др., издавались журнал «Черный Передел» и газета «Зерно». Впоследствии часть чернопередельцев эволюционировала к марксизму (Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов создали в 1883 году первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда»), другие после 1 марта 1881 года примкнули к народо-вольцам. — 189.

¹⁷⁹ Речь идет о статьях Е. Лазарева «Раскол в русской социал-демократической партии» («Накануне» №№ 15 и 16, апрель и май 1900 г.) и «По поводу одного раскола» («Накануне» № 17-18, июнь 1900 г.). — 194.

¹⁸⁰ Имеется в виду брошюра *«Доклад о русском социал-демократическом движении Международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г.»*, Женева, изд. «Союза русских социал-демократов», 1901. Доклад был написан по поручению «Союза» редакцией «Рабочего Дела». — 197.

¹⁸¹ В. И. Ленин имеет в виду то полемическое замечание статьи Р. М. «Наша действительность», напечатанной в «Отдельном приложении к «Рабочей Мысли»» (сентябрь 1899 года), которое он цитирует в параграфе «б» главы III (см. настоящий том, стр. 135). — 201.

¹⁸² *«Южный Рабочий»* — социал-демократическая газета, издавалась нелегально с января 1900 по апрель 1903 года группой того же названия; вышло 12 номеров. Редакторами и сотрудниками «Южного Рабочего» в разное время являлись И. Х. Лалаянц, А. Виленский («Илья»), О. А. Коган (Ерманский), Б. С. Цейтлин (Батурский), Е. Я. и Е. С. Левины, В. Н. Розанов и др.

«Южный Рабочий» выступал против «экономизма» и терроризма, отстаивал необходимость развертывания массового революционного движения. Но в противовес искровскому плану создания в России

централизованной марксистской партии вокруг общерусской политической газеты группа «Южный рабочий» выдвигала план восстановления РСДРП путем создания областных социал-демократических объединений.

Группа «Южный рабочий» провела большую революционную работу в России, но в то же время она проявляла оппортунистические тенденции в решении вопроса об отношении к либеральной буржуазии и к крестьянскому движению, вынашивала сепаратистский план создания общерусской газеты параллельно «Искре».

На II съезде РСДРП делегаты группы «Южный рабочий» заняли позицию «центра» («оппортунисты средние» — называл представителей «центра» Ленин). II съезд постановил распустить группу «Южный рабочий», как и все отдельные социал-демократические группы и организации (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 57). — 202.

¹⁸³ В. И. Ленин имеет в виду изданные «Рабочей Мыслью» листок «Вопросы о положении рабочего класса в России» (1898) и брошюру-вопросник «Вопросы для собирания сведений о положении рабочего класса в России» (1899). В первом из них имелось 17 вопросов, во второй — 158 вопросов об условиях труда и быта рабочих. — 203.

¹⁸⁴ Стачечное движение 1885 года охватило многие предприятия текстильной промышленности Владимирской, Московской, Тверской и других губерний промышленного Центра. Наиболее известной была стачка рабочих Никольской мануфактуры Саввы Морозова в январе 1885 года. Основным в требованиях рабочих было уменьшение штрафов, упорядочение условий найма и т. п.; стачкой руководили передовые рабочие П. А. Моисеенко, Л. Иванов и В. С. Волков. Морозовская стачка, в которой участвовало около 8 тысяч рабочих, была подавлена при помощи войск; 33 рабочих-участника стачки было предано суду, свыше 600 рабочих — выслано. Под влиянием стачечного движения 1885—1886 годов царское правительство было вынуждено издать закон 3 (15) июня 1886 года (т. н. «закон о штрафах»). — 204.

¹⁸⁵ *Авгиевы конюшни* — согласно греческой мифологии, обширные конюшни царя Элиды Авгия, которые в продолжение многих лет не убирались и были вычищены героем Гераклом, совершившим этот подвиг в один день. Выражение «авгиевы конюшни» — синоним скопления всякого мусора и грязи или крайней запущенности и беспорядка в делах. — 205.

¹⁸⁶ В. И. Ленин имеет в виду следующие факты из истории РСДРП:

Первый факт. Летом 1897 года петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» обратился к Ленину, находившемуся тогда в сибирской ссылке (в с. Шушенском), с предложением участвовать в создании особой рабочей библиотеки, для которой Ленин написал упомянутые в тексте брошюры (обе были напечатаны в Женеве: «Задачи русских социал-демократов» в 1898 году, «Новый фабричный закон» в 1899 году).

Второй факт. В 1898 году Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), находившийся в туруханской ссылке, написал по предложению ЦК Бунда брошюру «Рабочее дело в России» (напечатана в Женеве в 1899 году).

Третий факт. Попытка возобновить издание «Рабочей Газеты», по инициативе ЦК Бунда, была предпринята в 1899 году. Названные статьи написаны Лениным для № 3 «Рабочей Газеты».

Четвертый факт. В начале 1900 года, по инициативе Екатеринославского комитета РСДРП и при поддержке Бунда и «Союза русских социал-демократов за границей», была предпринята попытка созвать второй съезд РСДРП, восстановить Центральный Комитет партии и возобновить издание

Центрального Органа — «Рабочей Газеты». В феврале 1900 года в Москву для переговоров с В. И. Лениным приезжал член Екатеринославского комитета И. Х. Лалаянц, который в 1893 году участвовал в руководимом Лениным кружке самарских марксистов; Лалаянц предложил группе «Искры» — Ленину, Мартову и Потресову — участвовать в съезде и взять на себя редактирование «Рабочей Газеты». Ленин и члены группы «Освобождение труда» считали созыв съезда преждевременным (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 325—326; 4 изд., том 4, стр. 299—300), однако группа «Освобождение труда» не могла отказаться от участия в съезде и поручила представительство на съезде Ленину, переслав ему мандат из-за границы. Из-за массовых арестов, произведенных полицией в апреле — мае 1900 года, съезд не состоялся; в Смоленск, где весной 1900 года должен был открыться съезд, съехались лишь представители Бунда, редакции «Южного Рабочего» и заграничного «Союза русских социал-демократов».

Таким образом, факты упомянуты Лениным именно в том порядке, в каком они имели место в действительности. — 208.

¹⁸⁷ Имеется в виду *Заграничная лига русской революционной социал-демократии*, основанная по инициативе В. И. Ленина в октябре 1901 года. В Лигу вошли заграничный отдел организации «Искры» и революционная организация «Социал-демократ», включавшая в себя группу «Освобождение труда». Задача Лиги состояла в том, чтобы распространять идеи революционной социал-демократии и содействовать созданию боевой социал-демократической организации. Лига (согласно ее уставу) являлась заграничным отделом организации «Искры».

После II съезда РСДРП в Заграничной лиге укрепились меньшевики и повели борьбу против Ленина, против большевиков. На ее втором съезде в октябре 1903 года меньшевики провели новый устав Лиги, направленный против устава партии, принятого на II съезде РСДРП. С этого времени Лига стала оплотом меньшевизма. Существовала до 1905 года. — 208.

¹⁸⁸ В «Докладе организации «Искры» II съезду РСДРП», написанном Н. К. Крупской, говорилось: «Между тем повсюду более или менее ясно сознавалась необходимость расширить рамки местной работы. «Сидят, как в яме, ничего не знают, что делается в других местах», — писал про Киевский комитет один корреспондент. Не знаю, насколько справедливо это было по отношению к Киевскому комитету, но, вообще говоря, «сидения в яме» было в то время более чем достаточно» («Доклады соц.-демократических комитетов Второму съезду РСДРП». М. — Л., 1930, стр. 31). — 217.

¹⁸⁹ В. И. Ленин цитирует статью Д. И. Писарева «Прوماхи незрелой мысли» (см. Д. И. Писарев. Сочинения, т. 3, 1956, стр. 147, 148 и 149). — 220.

¹⁹⁰ «Листок «Рабочего Дела» — неперiodическое приложение к журналу «Рабочее Дело», издавался в Женеве с июня 1900 по июль 1901 года. Всего вышло восемь номеров «Листка». В статье «С чего начать?» В. И. Ленин назвал беспринципным эклектизмом призывы редакции «Рабочего Дела» в статье «Исторический поворот» («Листок «Рабочего Дела» № 6, апрель 1901 г.) «коренным образом изменить» тактику социал-демократии, в связи с происходившими в феврале — марте 1901 года массовыми политическими демонстрациями рабочих и студентов во многих городах России, и принять участие в начавшемся якобы штурме самодержавия (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 5—8; 4 изд., том 5, стр. 5—8). Редакция «Рабочего Дела» ответила на критику В. И. Ленина статьей Б. Кричевского «Принципы, тактика и борьба» («Рабочее Дело» № 10, сентябрь 1901 г.). — 220.

¹⁹¹ В. И. Ленин имеет в виду следующее место из работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»:

«Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 119). — 221.

¹⁹² В ноябре — декабре 1901 года по России прокатилась волна студенческих демонстраций, поддержанных рабочими. Корреспонденции о демонстрациях в Нижнем Новгороде (по поводу высылки М. Горького), Москве (с протестом против запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова), Екатеринославе, о студенческих сходках и волнениях в Киеве, Харькове, Москве, Петербурге были напечатаны в «Искре» № 13, 20 декабря 1901 года и № 14, 1 января 1902 года в отделе «Из нашей общественной жизни»; демонстрациям были также посвящены статьи В. И. Ленина «Начало демонстраций» («Искра» № 13, — см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 369—372; 4 изд., том 5, стр. 295—298) и Г. В. Плеханова «О демонстрациях» («Искра» № 14). — 223.

¹⁹³ *Янычары* — регулярная пехота в султанской Турции, созданная в XIV веке. Являлись важнейшей полицейской силой султанского режима, отличались необыкновенной жестокостью. Полки янычар были расформированы в 1826 году. В. И. Ленин называл янычарами царскую полицию. — 224.

¹⁹⁴ Это приложение было опущено В. И. Лениным при переиздании «Что делать?» в сборнике «За 12 лет» в 1907 году. — 230.

¹⁹⁵ *Международное социалистическое бюро* (МСБ) — постоянный исполнительно-информационный орган II Интернационала; решение о создании МСБ из представителей социалистических партий всех стран было принято на Парижском конгрессе II Интернационала (сентябрь 1900 г.). Представителями русских социал-демократов в МСБ были избраны Г. В. Плеханов и Б. Н. Кричевский. С 1905 года в качестве представителя от РСДРП в МСБ входил В. И. Ленин. МСБ прекратило свою деятельность в 1914 году. — 230.

¹⁹⁶ «*Революционная организация «Социал-демократ»*» была образована членами группы «Освобождение труда» и ее единомышленниками в мае 1900 года после раскола «Союза русских социал-демократов за границей» на его II съезде. В октябре 1901 года она объединилась, по предложению В. И. Ленина, с заграничным отделом организации «Искры» в Заграничную лигу русской революционной социал-демократии. — 231.

¹⁹⁷ В. И. Ленин имеет в виду заграничную социал-демократическую группу «Борьба», в которую входили Д. Б. Рязанов, Ю. М. Стеклов (Невзоров) и Э. Л. Гуревич (В. Даневич, Е. Смирнов). Группа сложилась летом 1900 года в Париже и в мае 1901 года приняла название «Группа «Борьба»». Пытаясь примирить революционное и оппортунистическое направления в русской социал-демократии, группа «Борьба» взяла на себя инициативу созыва женеvской конференции представителей заграничных социал-демократических организаций — редакции «Искры» и «Зари», организации «Социал-демократ», ЗК Бунда и «Союза русских социал-демократов» (июнь 1901 г.) и участвовала в работе «объединительного» съезда (октябрь 1901 г.). Ввиду отступлений от социал-демократических воззрений и тактики, дезорганизаторских действий и отсутствия связи с социал-демократическими организациями в России группа не была допущена на

II съезд РСДРП. Решением II съезда группа «Борьба» была распущена (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 56). — 231.

¹⁹⁸ Полемика между редакцией центрального органа Германской социал-демократической партии газеты «Vorwärts» («Вперед»), К. Каутским и «Зарей» возникла в связи со статьей Мартова (Ignotus'a) «Любекский партейтаг германской социал-демократии» («Заря» № 2-3, декабрь 1901 г.), отметившего тенденциозность парижских корреспонденций Б. Н. Кричевского в «Vorwärts'e». В них Кричевский давал неправильную информацию о положении дел во французском социалистическом движении, нападал на гедистов и вел систематическую пропаганду в пользу Мильерана и поддерживавших его жоресистов. Редакция «Vorwärts'a» взяла Кричевского под свою защиту, обвинив Мартова в недобросовестности. В разгоревшейся в связи с этим на страницах «Vorwärts'a» полемике принял участие К. Каутский, указавший редакции газеты на искажение ею смысла статьи Мартова. В «Vorwärts'e» выступили также Мартов и Кричевский (которому редакция «Vorwärts'a» предоставила заключительное слово). Полемика, однако, вышла за рамки «Vorwärts'a»: в защиту «Зари» выступили К. Цеткин — с рефератом, прочитанным в Берлинском рабочем собрании, орган французской Рабочей партии газета «Le Socialiste» (№ 55, 20—27 января 1902 г.) и Парвус — со статьей «Мильеран и «Vorwärts». К характеристике психологии оппортунизма», перепечатанной в «Заре» № 4, август 1902 года.

В «Искре» № 18, 10 марта 1902 года, в отделе «Из партии», была напечатана заметка «Полемика «Зари» с редакцией «Vorwärts'a»», в которой была изложена точка зрения редакции «Искры» и «Зари» на эту полемику. — 234.

¹⁹⁹ Книгу *«Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)»* В. И. Ленин готовил в течение нескольких месяцев, тщательно изучая изданные в январе 1904 года протоколы заседаний и резолюции II съезда РСДРП, выступления каждого делегата, сложившиеся на съезде политические группировки, а также документы ЦК и Совета партии. В мае 1904 года книга Ленина вышла из печати.

В этом произведении Ленин нанес сокрушительный удар оппортунизму меньшевиков в организационных вопросах. Огромное историческое значение книги состоит прежде всего в том, что в ней Ленин, развивая дальше марксистское учение о партии, разработал организационные принципы пролетарской революционной партии; впервые в истории марксизма дал исчерпывающую критику организационного оппортунизма, показав особую опасность принижения значения организации для рабочего движения.

Книга вызвала злобные нападки со стороны меньшевиков. Плеханов потребовал от ЦК отмежеваться от книги Ленина, а примиренцы в ЦК пытались задержать ее печатание и распространение.

Вопреки всем стараниям оппортунистов, работа Ленина «Шаг вперед, два шага назад» получила широкое распространение среди передовых рабочих России. По данным департамента полиции эту книгу находили при арестах и обысках в Москве, Петербурге, Киеве, Риге, Саратове, Туле, Орле, Уфе, Перми, Костроме, Щиграх, Шавлях (Ковенской губ.) и др.

Книга «Шаг вперед, два шага назад» была вновь издана Лениным в сборнике «За 12 лет» в 1907 (на титульном листе: 1908) году. В предисловии к этому сборнику Ленин писал:

«Брошюра «Шаг вперед, два шага назад» вышла в Женеве летом 1904 года. Она описывает первую стадию раскола между меньшевиками и большевиками, начавшегося на втором съезде (август 1903 года)...

Существенным кажется мне здесь анализ борьбы тактических и других взглядов на втором съезде и полемика с организационными взглядами меньшевиков: то и другое необходимо для понимания меньшевизма и большевизма, как течений, наложивших свой отпечаток на всю деятельность рабочей партии в нашей революции» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 108; 4 изд., том 13, стр. 92). — 237.

²⁰⁰ Второй съезд РСДРП состоялся 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 года. Первые 13 заседаний съезда происходили в Брюсселе. Затем из-за преследований полиции заседания съезда были перенесены в Лондон.

Важнейшими вопросами съезда были утверждение программы и устава партии и выборы руководящих партийных центров. Ленин и его сторонники развернули на съезде решительную борьбу с оппортунистами.

Съезд единогласно (при одном воздержавшемся) утвердил программу партии, в которой были сформулированы как ближайшие задачи пролетариата в предстоящей буржуазно-демократической революции (программа-минимум), так и задачи, рассчитанные на победу социалистической революции и установление диктатуры пролетариата (программа-максимум).

При обсуждении устава партии развернулась острая борьба по вопросу об организационных принципах построения партии.

Ленин и его сторонники боролись за создание боевой революционной партии рабочего класса и считали необходимым принятие такого устава, который затруднил бы доступ в партию всем неустойчивым и колеблющимся элементам. Формулировка Мартова, облегчавшая доступ в партию всем неустойчивым элементам, была поддержана на съезде не только антиискровцами и «болотом» («центр»), но и «мягкими» (неустойчивыми) искровцами, и была незначительным большинством голосов принята съездом. В основном же съездом был утвержден устав, выработанный Лениным. Съезд принял также ряд резолюций по тактическим вопросам.

На съезде произошел раскол между последовательными сторонниками искровского направления — ленинцами и «мягкими» искровцами — сторонниками Мартова. Сторонники ленинского направления получили большинство голосов при выборах в центральные учреждения партии и стали называться большевиками, а оппортунисты, получившие меньшинство, — меньшевиками.

Съезд имел огромное значение в развитии рабочего движения в России. Он покончил с кустарщиной и кружковщиной в социал-демократическом движении и положил начало марксистской революционной партии в России, партии большевиков. Ленин писал: «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» (Сочинения, 5 изд., том 41, стр. 6; 4 изд., том 31, стр. 8).

II съезд РСДРП, создав пролетарскую партию нового типа, которая стала образцом для революционных марксистов всех стран, явился поворотным пунктом в международном рабочем движении. — 237.

²⁰¹ Конференция 1902 года — конференция представителей комитетов и организаций РСДРП, состоялась 23—28 марта (5—10 апреля) 1902 года в Белостоке. На конференции были представлены Петербургский и Екатерининский комитеты РСДРП, «Союз южных комитетов и организаций РСДРП», ЦК Бунда и его Заграничный комитет, «Союз русских социал-демократов за границей» и редакция «Искры» (ее представитель, Ф. И. Дан, имел мандат от «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии»). «Экономисты» и поддерживавшие их бундовцы намеревались превратить конференцию во II съезд РСДРП, рассчитывая укрепить таким путем свое положение в рядах русской социал-демократии и парализовать растущее влияние «Искры». Эта попытка, однако, не удалась.

На Белостокской конференции были приняты резолюции о конституировании и принципиальная резолюция, предложенная делегатом ЦК Бунда, с поправками представителя «Союза южных комитетов и организаций РСДРП» (делегат «Искры», предложивший свой проект принципиальной резолюции, голосовал против проекта бундовца); был также утвержден текст первомайского листка, в основу которого был положен проект, выработанный редакцией «Искры» (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 28—31). Конференция избрала Организационный комитет для подготовки II съезда партии в составе представителей «Искры» (Ф. И. Дан), «Союза южных комитетов и организаций РСДРП» (О. А. Ерманский) и ЦК Бунда (К. Портной). Вскоре после конференции большинство ее делегатов, в том числе два члена ОК, были арестованы полицией. Новый Организационный комитет для подготовки II съезда РСДРП был образован в ноябре 1902 года в Пскове на совещании представителей Петербургского комитета РСДРП, русской организации «Искры» и группы «Южный рабочий». — 241.

²⁰² Павлович. «Письмо к товарищам о Втором съезде РСДРП». Женева, 1904. — 248.

²⁰³ Редакция меньшевистской «Искры» поместила в приложении к № 57 «Искры» от 15 января 1904 года статью бывшего «экономиста» А. Мартынова, в которой тот выступал против организационных принципов большевизма и делал выпады в отношении В. И. Ленина. В примечании к статье Мартынова редакция «Искры», делая формальную оговорку о несогласии с некоторыми мыслями автора, в целом одобрила эту статью и согласилась с основными положениями Мартынова. — 256.

²⁰⁴ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 43. — 267.

²⁰⁵ *Социалисты-революционеры* (эсеры) — мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 — начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», «Партия социалистов-революционеров» и др.). Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 285; 4 изд., том 9, стр. 283).

Партия большевиков разоблачала попытки эсеров маскироваться под социалистов, вела упорную борьбу с эсерами за влияние на крестьянство, вскрывала вред их тактики индивидуального террора для рабочего движения. В то же время большевики шли, при определенных условиях, на временные соглашения с эсерами в борьбе против царизма. В годы первой русской революции от партии эсеров откололось правое крыло, образовавшее легальную Трудовую народно-социалистическую партию (энесы), близкую по своим взглядам к кадетам, и левое крыло, оформившееся в полуанархистский союз «максималистов». В период столыпинской реакции партия эсеров переживала полный идейный и организационный развал. В годы первой мировой войны большинство эсеров стояло на позициях социал-шовинизма.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года эсеры вместе с меньшевиками и кадетами были главной опорой контрреволюционного буржуазно-помещичьего Временного правительства, а лидеры партии (Керенский, Авксентьев, Чернов) входили в его состав.

Партия эсеров отказалась от поддержки крестьянского требования ликвидации помещичьего землевладения, выступила за сохранение помещичьей собственности на землю; эсеровские министры Временного правительства посылали карательные отряды против крестьян, захватывавших помещичьи земли.

В конце ноября 1917 года левое крыло эсеров образовало самостоятельную партию левых эсеров. Стремясь сохранить свое влияние в крестьянских массах, левые эсеры формально признали Советскую власть и вступили в соглашение с большевиками, но вскоре встали на путь борьбы против Советской власти.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны эсеры вели контрреволюционную подрывную работу, активно поддерживали интервентов и белогвардейцев, участвовали в контрреволюционных заговорах, организовывали террористические акты против деятелей Советского государства и Коммунистической партии. После окончания гражданской войны эсеры продолжали враждебную деятельность против Советского государства внутри страны и в стане белогвардейской эмиграции. — 268.

²⁶⁶ Имеется в виду возникший в 1900 году в Гамбурге инцидент в связи с поведением группы 122 каменщиков, которые, образовав «Свободный союз каменщиков», занимались во время стачки сдельной работой вопреки запрещению центрального объединения. Гамбургское отделение объединения каменщиков поставило вопрос о штрейкбрехерском поведении социал-демократов, членов группы, в местных партийных организациях, которые передали этот вопрос для разбора в ЦК германской социал-демократии. Назначенный ЦК партийный третейский суд осудил поведение социал-демократов, членов «Свободного союза каменщиков», но отверг предложение об исключении их из партии. — 286.

²⁰⁷ В отвергнутой съездом резолюции С. Зборовского (Костича) предлагалась следующая формулировка § 1 устава партии: «Всякий, признающий программу партии и оказывающий помощь материальными средствами и личное регулярное содействие партии под руководством одной из партийных организаций, считается последней членом партии» («Второй съезд РСДРП. Протоколы». М., 1959, стр. 281). — 290.

²⁰⁸ Членов организации «Искры» на II съезде РСДРП было 16, из них сторонников большинства во главе с Лениным — 9 (В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Н. К. Крупская, Р. С. Землячка, Л. М. Книпович, Н. Э. Бауман, Д. И. Ульянов, П. А. Красиков, В. А. Носков) и сторонников меньшинства во главе с Мартовым — 7 (Л. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, Л. Д. Троцкий, В. Н. Крохмаль). — 299.

²⁰⁹ Съезд германской социал-демократии 1895 года проходил в Бреслау с 6 по 12 октября (н. ст.). В центре внимания съезда было обсуждение проекта аграрной программы, которую предложила созданная по решению Франкфуртского съезда 1894 года аграрная комиссия. Проект аграрной программы содержал серьезные ошибки, в частности, в нем сказалась тенденция превратить пролетарскую партию в «общенародную». Этот проект, помимо оппортунистов, защищали также А. Бебель и В. Либкнехт, за что их на съезде 1895 года осудили товарищи по партии. Проект аграрной программы на съезде был подвергнут резкой критике со стороны К. Каутского, К. Цеткин и ряда других социал-демократов. Съезд большинством голосов (158 против 63) отверг предложенный комиссией проект аграрной программы. — 305.

²¹⁰ К. Цеткин привела по памяти в своем выступлении на съезде германской социал-демократии слова Маргариты из «Фауста» Гёте (Маргарита упрекает Фауста за его дружбу с Мефистофелем). — 306.

²¹¹ Имеется в виду статья П. Аксельрода «Объединение российской социал-демократии и ее задачи» («Искра» № 55 от 15 декабря 1903 года), направленная против организационных принципов большевизма. — 311.

²¹² Речь идет о Г. М. Кржижановском. — 325.

²¹³ «Освобождение» — двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) 1902 года по 5(18) октября 1905 года под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводил идеи умеренно-монархического либерализма. В 1903 году вокруг журнала сложился (и в январе 1904 года оформился) «Союз освобождения», просуществовавший до октября 1905 года. Наряду с земцами-конституционалистами «освобожденцы» составили ядро образовавшейся в октябре 1905 года конституционно-демократической партии (кадетов) — главной буржуазной партии в России. — 344.

²¹⁴ В. И. Ленин имеет в виду выступление на II съезде РСДРП «экономиста» В. П. Акимова, который, критикуя предложенный «Искрой» проект программы партии, протестовал против того, что слово «пролетариат» стоит в программе не как подлежащее, а как дополнение. В этом, по мнению Акимова, якобы проявилась тенденция обособить партию от интересов пролетариата. — 345.

²¹⁵ Петербургская «Рабочая организация» — организация «экономистов», возникла летом 1900 года. Осенью 1900 года произошло слияние «Рабочей организации» с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», который был признан Петербургским комитетом РСДРП. После победы искровского направления в петербургской партийной организации часть петербургских социал-демократов, находившихся под влиянием сторонников «экономизма», осенью 1902 года откололась от Петербургского комитета и воссоздала самостоятельную «Рабочую организацию». Комитет «Рабочей организации» занял враждебную позицию по отношению к ленинской «Искре» и ее организационному плану построения марксистской партии. В начале 1904 года, после II съезда партии, «Рабочая организация» прекратила свое существование, влившись в общепартийную организацию. — 354.

²¹⁶ Новый член ЦК — Ф. В. Ленгник, в сентябре 1903 года прибывший из России в Женеву. — 361.

²¹⁷ Помпадурство, помпадуры — обобщенный сатирический образ, созданный М. Е. Салтыковым-Щедриным в произведении «Помпадуры и помпадурши», в котором великий русский писатель-сатирик заклеил высшую царскую администрацию, министров и губернаторов. Меткое определение Салтыкова-Щедрина прочно вошло в русский язык как обозначение административного произвола, самодурства. — 372.

²¹⁸ Вероятно, речь идет о двух предместьях Женевы Carouge и Gluse, где жили сторонники большинства и меньшинства. — 375.

²¹⁹ Базаров — главное действующее лицо романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». — 378.

²²⁰ Речь идет о Ф. В. Ленгнике. — 378.

²²¹ В «Искре» № 53 от 25 ноября 1903 года одновременно с «Письмом в редакцию «Искры»» В. И. Ленина (см. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 93—97; 4 изд., том 7, стр. 98—101) был напечатан ответ редакции, написанный Г. В. Плехановым. В письме Ленин предлагал обсудить на страницах газеты принципиальные разногласия большевиков с меньшевиками. Плеханов же ответил отказом, называя эти разногласия «дрязгами кружковой жизни». — 379.

²²² «Революционная Россия» — нелегальная эсеровская газета; издавалась с конца 1900 года в России «Союзом социалистов-революционеров» (№ 1, помеченный 1900 годом, фактически вышел в январе 1901 года). С января 1902 по декабрь 1905 года выходила за границей (Женева) в качестве официального органа партии социалистов-революционеров. — 379.

²²³ Имеются в виду статьи Г. В. Плеханова «Забавное недоразумение» («Искра» № 55 от 15 декабря 1903 года) и «Грустное недоразумение» («Искра» № 57 от 15 января 1904 года). — 379.

²²⁴ Имеются в виду взгляды виднейшего представителя «легального марксизма» П. Б. Струве, который в 1894 году выступил с книгой «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Уже в этой ранней работе Струве отчетливо проявились его буржуазно-апологетические воззрения. Против взглядов Струве и других «легальных марксистов» осенью 1894 года в петербургском кружке марксистов выступил В. И. Ленин с рефератом под названием «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Этот реферат послужил затем основанием для статьи Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», написанной в конце 1894 — начале 1895 года (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 347—534; 4 изд., том 1, стр. 315—484). — 384.

²²⁵ Имеется в виду статья Л. Мартова в «Искре» «Так ли мы готовимся?», в которой он выступил против подготовки всероссийского вооруженного восстания, рассматривая подготовку к такому восстанию как утопию и заговорщичество. — 387.

²²⁶ В. И. Ленин приводит здесь слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (см. М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах, т. 2, 1954, стр. 147). — 387.

²²⁷ Слова из сатирического «Гимна новейшего русского социалиста», опубликованного в «Заре» № 1 (апрель 1901 года) за подписью «Нарцис Тупорылов». В стихотворении высмеивались «экономисты» с их приспособлением к стихийному движению. Автор «Гимна новейшего русского социалиста» был Л. Мартов. — 393.

²²⁸ Имеется в виду напечатанная 25 февраля 1904 года в «Искре» статья Л. Мартова «На очереди». В этой статье Мартов ратовал за «независимость» местных партийных комитетов от ЦК РСДРП в решении вопроса о личном составе местных комитетов и нападал на Московский комитет, который при обсуждении этого вопроса принял резолюцию о подчинении МК всем распоряжениям Центрального Комитета на основании § 9 устава партии. — 397.

²²⁹ Дрезденский съезд германской социал-демократии состоялся 13—20 сентября (н. ст.) 1903 года. В центре внимания съезда стоял вопрос о тактике партии и о борьбе с ревизионизмом. На съезде были подвергнуты критике ревизионистские взгляды Э. Бернштейна, П. Гёрэ, Э. Давида, В. Гейне и некоторых других немецких социал-демократов. Однако в борьбе с ревизионизмом съезд не проявил достаточной последовательности: ревизионисты германской социал-демократии не были исключены из партии и после съезда продолжали пропаганду своих оппортунистических взглядов. — 398.

²³⁰ «*Sozialistische Monatshefte*» («Социалистический Ежемесячник») — журнал, главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного оппортунизма. Выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. Во время первой мировой войны (1914—1918) занимал социал-шовинистскую позицию. — 399.

²³¹ «*Франкфуртская Газета*» («*Frankfurter Zeitung*») — ежедневная газета, орган крупных немецких биржевиков, издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 по 1943 год. Вновь начала выходить с 1949 года под названием «*Франкфуртская Всеобщая газета*» («*Frankfurter Allgemeine Zeitung*»); является рупором западногерманских монополистов. — 403.

²³² «*Министералистская*» тактика, «министерализм» (или «министерский социализм», то же «мильеранизм») — см. примечание № 78 настоящего тома. — 405.

²³³ Имеется в виду написанная Л. Мартовым шуточная «Краткая конституция РСДРП», помещенная в приложении к его статье «На очереди» («Искра» № 58 от 25 января 1904 года). Иронизируя по поводу организационных принципов большевизма и жалуясь на якобы несправедливое отношение к меньшевикам, Мартов в своей «конституции» писал о «заезжателях» и «заезжаемых», подразумевая большевиков и меньшевиков. — 406.

²³⁴ Книга В. И. Ленина «*Две тактики социал-демократии в демократической революции*» была написана в июне — июле 1905 года после окончания работы III съезда РСДРП, а также проходившей одновременно со съездом меньшевистской конференции в Женеве. Работая над заглавием своей книги, Ленин записал: «Две тактики социал-демократии в демократической революции (Мысли и заметки по поводу решений III съезда РСДРП и конференции отколовшихся социал-демократов)» (Ленинский сборник V, 1929, стр. 315).

Выход в свет книги В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» был большим событием в жизни партии. Она нелегально распространялась в Петербурге, Москве, Перми, Казани, Тифлисе, Баку и других городах России. Книгу «Две тактики» изучали в подпольных партийных и рабочих кружках. При обысках и арестах царская охранка обнаруживала и конфисковывала ее в самых различных местах России.

В феврале 1907 года Петербургский комитет по делам печати наложил на книгу арест, усмотрев в ее содержании преступные действия против царского правительства. Утвердив в марте этот арест, Петербургская судебная палата в декабре того же года на судебном заседании вынесла постановление, в котором говорилось: «...брошюру «Н. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции» уничтожить». Однако уничтожить это величайшей важности произведение В. И. Ленина царскому правительству не удалось.

Книга «Две тактики социал-демократии в демократической революции» была включена Лениным в состав первого тома сборника его статей «За 12 лет», который вышел в середине ноября 1907 года в Петербурге. Ленин дополнил книгу новыми подстрочными примечаниями. В предисловии к сборнику он писал о значении книги: «Здесь излагаются уже систематически *основные* тактические разногласия с меньшевиками; — резолюция весеннего «III съезда РСДРП» в Лондоне (большевистского) и меньшевистской конференции в Женеве вполне оформили эти разногласия и привели их к *коренному* расхождению в оценке всей нашей буржуазной революции с точки зрения задач пролетариата» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 110—111; 4 изд., том 13, стр. 94). — 425.

²³⁵ *Восстание на броненосце «Потемкин»* началось 14(27) июня 1905 года. Восставший броненосец пришел в Одессу, где в это время происходила всеобщая стачка. Но благоприятные условия, создавшиеся для совместного выступления рабочих Одессы и матросов, использованы не были. После одиннадцати дней скитаний по морю броненосец «Потемкин», лишенный продовольствия и угля, вынужден был уйти к берегам Румынии и сдаться румынским властям. Большинство матросов осталось за границей. Те же, которые вернулись в Россию, были арестованы и преданы суду.

Восстание на броненосце «Потемкин» окончилось неудачно, но переход на сторону революции команды крупнейшего военного корабля знаменовал важный шаг вперед в развитии борьбы против самодержавия. Оценивая значение этого восстания, Ленин указывал, что это была «попытка образования *ядра революционной армии*» (Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 337; 4 изд., том 8, стр. 525). — 425.

²³⁶ «*Пролетарий*» (женевский) — нелегальная большевистская еженедельная газета; Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением пленума Центрального Комитета партии 27 апреля (10 мая) 1905 года ответственным редактором ЦО был назначен В. И. Ленин. Газета издавалась в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 года. Вышло всего 26 номеров. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед».

Ленин написал в газету около 90 статей и заметок. Огромную работу он выполнял как руководитель и редактор газеты. В работе редакции постоянное участие принимали В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский. Большую работу в редакции вели Н. К. Крупская, В. М. Величкина, В. А. Карпинский. Газета была тесно связана с российским рабочим движением; на ее страницах публиковались статьи и заметки рабочих, непосредственно участвовавших в революционном движении.

«Пролетарий» оказывал большое влияние на местные социал-демократические организации. Некоторые статьи Ленина из газеты «Пролетарий» перепечатывались местными большевистскими газетами и распространялись в листовках. После отъезда Ленина в Россию в начале ноября 1905 года издание газеты вскоре было прекращено. Последние два номера (25 и 26) вышли под редакцией В. В. Воровского, но и для них Ленин написал несколько статей, опубликованных уже после его отъезда из Женевы. — 425.

²³⁷ Программа партии эсеров была принята на первом съезде, происходившем в Финляндии с 29 декабря 1905 года по 6 января 1906 года. — 425.

²³⁸ *III съезд РСДРП* состоялся в Лондоне 12—27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 года. Он был подготовлен большевиками и проходил под руководством Ленина. Меньшевики отказались от участия в съезде и собрали в Женеве свою конференцию.

На съезде присутствовало 38 делегатов: 24 — с решающим голосом и 14 — с совещательным.

Съезд рассмотрел коренные вопросы разворачивающейся в России революции и определил задачи пролетариата и его партии. На съезде были обсуждены следующие вопросы: доклад Организационного комитета; вооруженное восстание; отношение к политике правительства накануне переворота; о временном революционном правительстве; отношение к крестьянскому движению; устав партии; отношение к отколовшейся части РСДРП; отношение к национальным социал-демократическим организациям; отношение к либералам; практические соглашения с эсерами; пропаганда и агитация; отчеты ЦК и делегатов местных комитетов и другие.

По всем основным вопросам, обсуждавшимся съездом, Ленин написал проекты резолюций. На съезде он сделал доклады об участии социал-демократии во временном революционном правительстве, о резолюции относительно поддержки крестьянского движения и выступил с речами о вооруженном восстании, об отношении к тактике правительства накануне переворота, об отношениях рабочих и интеллигентов в социал-демократических организациях, об уставе партии, по докладу о деятельности ЦК и другим вопросам. Съезд наметил стратегический план и тактическую линию партии в буржуазно-демократической революции. В качестве главной и неотложной задачи партии съезд выдвинул задачу организации вооруженного восстания. Съезд указал, что в результате победы вооруженного народного восстания должно быть создано временное революционное правительство, которое должно подавить сопротивление контрреволюции, осуществить программу-минимум РСДРП, подготовить условия для перехода к революции социалистической.

Съезд пересмотрел устав партии: он принял первый параграф устава, о членстве партии, в ленинской формулировке; устранил систему двоецетрия (ЦК и ЦО) в партии и создал единый руководящий партийный центр — Центральный Комитет; точно определил права ЦК и его отношения с местными комитетами.

Съезд осудил действия меньшевиков, их оппортунизм в организационных и тактических вопросах. Ввиду того что «Искра» попала в руки меньшевиков и вела оппортунистическую линию, III съезд РСДРП поручил ЦК создать новый Центральный Орган — газету «Пролетарий». Редактором «Пролетария» на пленуме ЦК 27 апреля (10 мая) 1905 года был назначен В. И. Ленин.

III съезд РСДРП имел огромное историческое значение. Это был первый большевистский съезд. Он вооружил партию и рабочий класс боевой программой борьбы за победу демократической революции. О работе и значении III съезда партии см. статью Ленина «Третий съезд» (Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 212—219; 4 изд., том 8, стр. 409—415). Решения съезда были обоснованы Лениным в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (см. настоящий том, стр. 425—529). — 427.

²³⁹ Имеется в виду меньшевистская «Искра» (с № 52 меньшевики превратили «Искру» в свой орган; стала выходить «новая», меньшевистская «Искра»). — 427.

²⁴⁰ *Булыгинская комиссия* — особое совещание, созванное по указу царя от 18 февраля (3 марта) 1905 года под председательством министра внутренних дел А. Г. Булыгина. В его состав вошли крупные помещики,

представители реакционного дворянства. Совещание должно было подготовить закон о созыве Государственной думы, причем в указе и в опубликованном одновременно с ним царском манифесте ставилась задача полного сохранения незыблемости существовавших законов и всемерного укрепления царского самодержавия.

Выборы в булыгинскую Думу не производились и правительству не удалось созвать ее. Нараставший подъем революции и Октябрьская политическая стачка смели ее. По вопросу о булыгинской Думе см. статьи В. И. Ленина: «Конституционный базар», «Бойкот булыгинской Думы и восстание», ««Единение царя с народом и народа с царем»», «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?» и др. (Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 67—71; том 11, стр. 166—174, 179—188, 196—208; 4 изд., том 8, стр. 320—324; том 9, стр. 156—164, 168—176, 189—200). — 429.

²⁴¹ *Франкфуртский парламент* — общегерманское Национальное собрание; было созвано после мартовской революции 1848 года в Германии и начало свои заседания 18 мая 1848 года во Франкфурте-на-Майне. Главная задача Собрания состояла в ликвидации политической раздробленности и в выработке общегерманской конституции. Однако из-за трусости и колебаний либерального большинства, нерешительности и непоследовательности мелкобуржуазного левого крыла Собрание побоялось взять в свои руки верховную власть в стране и не сумело занять решительной позиции в основных вопросах германской революции 1848—1849 годов. Собрание в июне 1849 года было разогнано войсками вюртембергского правительства. — 439.

²⁴² *«Социал-Демократ»* — меньшевистская газета; выходила на грузинском языке в Тифлисе с 7 (20) апреля по 13 (26) ноября 1905 года. Вышло всего 6 номеров. Газетой руководил лидер грузинских меньшевиков Н. Жордания.

Статья «Земский собор и наша тактика», напечатанная в № 1 «Социал-Демократа» 7 (20) апреля 1905 года, была написана Н. Жордания. В седьмой главе книги «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин дал критический разбор этой статьи (см. настоящий том, стр. 463—466). — 441.

²⁴³ *«Шиповской» конституцией* Ленин называет проект государственного устройства, разработанный Д. Н. Шиповым, умеренным либералом, возглавлявшим правое крыло земцев. Стремясь ограничить размах революции и вместе с тем добиться некоторых уступок со стороны царского правительства в пользу земств, Шипов предлагал создать совещательный представительный орган при царе. Путем такой сделки умеренные либералы стремились обмануть народные массы, сохранить монархию и в то же время получить для себя некоторые политические права. — 443.

²⁴⁴ Речь идет о работе К. Маркса «Тезисы о Фейербахе» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 3, стр. 1—4). — 448.

²⁴⁵ *«Наша Жизнь»* — ежедневная газета либерального направления; выходила в Петербурге с перерывами с 6 (19) ноября 1904 года по 11 (24) июля 1906 года. — 454.

²⁴⁶ *«Наши Дни»* — ежедневная газета либерального направления; издавалась в Петербурге с 18 (31) декабря 1904 года по 5 (18) февраля 1905 года; 7 (20) декабря 1905 года издание газеты возобновилось, но вышло только два номера. — 454.

²⁴⁷ «Человек в футляре» — персонаж одноименного рассказа А. П. Чехова. В литературе употребляется для характеристики закоряченных, далеких от жизни людей, боящихся всего нового. — 455.

²⁴⁸ В. И. Ленин ссылается на книгу «Aus dem literarischen Nachlaß von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassale, Herausgegeben von Franz Mehring», Band III, Stuttgart, 1902, S. 211 («Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля, под редакцией Франца Меринга», т. III, Штутгарт, 1902, стр. 211). См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 6, стр. 114. — 460.

²⁴⁹ Имеется в виду прием Николаем II 6 (19) июня 1905 года делегации земцев, избранной на проходившем в Москве 24—25 мая (6—7 июня) 1905 года совещании представителей земских управ и городских дум с участием предводителей дворянства. Оценку предательской роли буржуазии, стремившейся за спиной народа совершить сделку с царем, Ленин дал в статьях «Первые шаги буржуазного предательства» и ««Революционеры» в белых перчатках» (см. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 291—297 и 298—303; 4 изд., том 8, стр. 484—490 и 491—495). — 461.

²⁵⁰ Имеется в виду резолюция А. Н. Потресова (Старовера) об отношении к либералам, принятая на II съезде РСДРП. Критику этой резолюции Ленин дал также в статье «Рабочая и буржуазная демократия» (см. Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 179—189; 4 изд., том 8, стр. 54—63). — 462.

²⁵¹ Речь идет о Цусимском бое — морском сражении близ острова Цусима, происходившем 14—15 (27—28) мая 1905 года во время русско-японской войны. Сражение закончилось разгромом русского флота. — 463.

²⁵² Выражение «парламентский кретинизм», неоднократно встречающееся у В. И. Ленина, употреблялось К. Марксом и Ф. Энгельсом. Как писал Ф. Энгельс, «парламентский кретинизм» — это неизлечимая болезнь, недуг, «несчастные жертвы которого проникаются торжественным убеждением, будто весь мир, его история и его будущее направляются и определяются большинством голосов именно того представительного учреждения, которое удостоилось чести иметь их в качестве своих членов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 92).

В. И. Ленин это выражение применял к оппортунистам, которые считали, что парламентская система всемогуща, а парламентская деятельность — это единственная и главная при всяких условиях форма политической борьбы. — 465.

²⁵³ Имеются в виду разногласия при обсуждении проекта аграрной программы на съезде Германской социал-демократической партии, происходившем в Бреслау 6—12 октября (н. ст.) 1895 года (см. примечание № 209 настоящего тома). — 467.

²⁵⁴ Речь идет о брошюре Л. Надеждина (псевдоним Е. О. Зеленского) «Канун революции. Народническое обозрение вопросов теории и тактики», вышедшей в свет в 1901 году. Ленин подверг резкой критике брошюру Надеждина в своей книге «Что делать?» (см. настоящий том, стр. 80—236). — 471.

²⁵⁵ Имеются в виду статьи Ленина «Социал-демократия и временное революционное правительство» и «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», опубликованные в №№ 13 и 14

большевистской газеты «Вперед» (см. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 1—19 и 20—31; 4 изд., том 8, стр. 247—263 и 264—274). — 478.

²⁵⁶ Ленин имеет в виду программу, выпущенную в 1874 году лондонской группой бланкистов, бывших членов Парижской Коммуны (см. статью Ф. Энгельса «Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 510—517). — 479.

²⁵⁷ Эрфуртская программа Германской социал-демократической партии была принята в октябре 1891 года на съезде в Эрфурте. Эрфуртская программа была шагом вперед по сравнению с Готской программой (1875 г.); в основу программы было положено учение марксизма о неизбежности гибели капиталистического способа производства и замены его социалистическим; в ней подчеркивалась необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, указывалось на роль партии как руководителя этой борьбы и т. п.; но и в Эрфуртской программе содержались серьезные уступки оппортунизму. Развернутую критику проекта Эрфуртской программы дал Ф. Энгельс («К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» — см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 227—243); это была, по существу, критика оппортунизма всего II Интернационала, для партий которого Эрфуртская программа была своего рода образцом. Однако руководство германской социал-демократии скрыло от партийных масс критику Энгельса, а его важнейшие замечания не были учтены при выработке окончательного текста программы. В. И. Ленин считал, что главным недостатком, трусливой уступкой оппортунизму, является умолчание Эрфуртской программы о диктатуре пролетариата. — 484.

²⁵⁸ Примечание к десятой главе книги «Две тактики социал-демократии в демократической революции» написано в ходе работы над книгой, на отдельных листках. В рукописи примечания Ленин сделал пометку: «Вставить в § 10». В первое издание книги это примечание не вошло, как не вошло оно и при публикации книги в сборнике «За 12 лет» в 1907 году. Впервые примечание было опубликовано в 1926 году в Ленинском сборнике V. — 484.

²⁵⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 472—475. — 485.

²⁶⁰ В № 3 газеты «Пролетарий» была опубликована статья В. И. Ленина «О временном революционном правительстве» (статья вторая) (см. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 241—250; 4 изд., том 8, стр. 427—447). В ней он цитирует статью Ф. Энгельса «Бакунисты за работой. Записки о восстании в Испании летом 1873 г.», в которой критикуется упоминаемая Лениным резолюция бакунистов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 457—474). — 490.

²⁶¹ Имеется в виду высказывание Маркса в его работе «К критике гегелевской философии права» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 422). — 492.

²⁶² «L'Humanité» («Человечество») — ежедневная газета, основанная в 1904 году Ж. Жоресом как орган Французской социалистической партии. В 1905 году газета приветствовала начавшуюся революцию в России. В годы первой мировой войны (1914—1918) газета находилась в руках

крайне правого крыла Французской социалистической партии, занимала шовинистическую позицию.

С декабря 1920 года, после раскола Французской социалистической партии в Туре и образования Коммунистической партии Франции, газета стала ее центральным органом.

В начале второй мировой войны, в августе 1939 года, газета была запрещена французским правительством и перешла на нелегальное положение. В период оккупации Франции гитлеровскими войсками (1940—1944) газета выходила в подполье, сыграв огромную роль в борьбе за освобождение Франции от фашистских захватчиков.

В послевоенный период газета ведет неустанную борьбу за укрепление национальной независимости страны, за единство действий рабочего класса, за укрепление мира и дружбы между народами, за демократию и социальный прогресс. — 493.

²⁶³ Речь идет об участии Луи Эжена Варлена, видного деятеля французского рабочего движения и I Интернационала, в Совете Парижской Коммуны в 1871 году. — 502.

²⁶⁴ Имеется в виду *«организационный устав»*, принятый Женевской меньшевистской конференцией в 1905 году. Критику «устава» Ленин дал также в статье *«Третий шаг назад»* (см. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 317—327; 4 изд., том 8, стр. 509—518) и в *«Предисловии к брошюре «Рабочие о партийном расколе»»* (см. Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 159—165; 4 изд., том 9, стр. 141—146). — 504.

²⁶⁵ См. К. Маркс. *«Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»* (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 86). — 506.

²⁶⁶ Статья Ф. Энгельса *«Бакунисты за работой. Записки о восстании в Испании летом 1873 г.»* была переведена на русский язык под редакцией Ленина и вышла отдельной брошюрой в 1905 году в издании ЦК РСДРП в Женеве, а затем, в 1906 году, была переиздана в Петербурге (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 457—474).

«Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов», написанное К. Марксом и Ф. Энгельсом в марте 1850 года, было опубликовано на русском языке в 1906 году в приложении к брошюре Карла Маркса *«Кёльнский процесс коммунистов»*, выпущенной издательством «Молот» в Петербурге (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 257—267). — 514.

²⁶⁷ Следующий ниже текст от слов: *«Злоупотребление словами — самое обычное явление в политике...»* до абзаца, начинающегося со слов: *«Мы показали...»*, не вошел в текст брошюры *«Две тактики социал-демократии в демократической революции»* издания 1905 года, так же как и в текст сборника *«За 12 лет»*, где в 1907 году была опубликована эта работа В. И. Ленина. Впервые он опубликован в газете *«Правда»* № 112 от 22 апреля 1940 года. — 518.

²⁶⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Избранные произведения* в двух томах, т. I, 1955, стр. 433—503. — 519.

²⁶⁹ В. И. Ленин ссылается на введение Ф. Меринга к книге *«Aus dem literarischen Nachlaß von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassale, Herausgegeben von Franz Mehring»*, Band III, Stuttgart, 1902, S. 53 (*«Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и*

Фердинанда Лассаля, под редакцией Франца Меринга», т. III, Штутгарт, 1902, стр. 53). (См. «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 гг.)». Очерки и статьи, собранные Ф. Мерингом», 1926, стр. 53).

Ниже, на стр. 526—527 тома, Ленин цитирует это же введение Ф. Меринга (см. там же, стр. 81—82). — 521.

²⁷⁰ К. Маркс. «Кризис и контрреволюция» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 5, стр. 431). — 522.

²⁷¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 5, стр. 39. — 522.

²⁷² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 5, стр. 40. — 523.

²⁷³ В. И. Ленин цитирует статью Ф. Энгельса «Франкфуртское собрание» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 5, стр. 10).

Принадлежность данной статьи Ф. Энгельсу установлена при подготовке 5 тома второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. — 523.

²⁷⁴ Ф. Энгельс. «Берлинские дебаты о революции» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 5, стр. 63—64). — 524.

²⁷⁵ К. Маркс. «Законопроект об отмене феодальных повинностей» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 5, стр. 299). — 525.

²⁷⁶ Орган Кёльнского рабочего союза носил вначале название «*Zeitung des Arbeiter-Vereins zu Köln*» («Газета Кёльнского Рабочего Союза») с подзаголовком «*Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit*» («Свобода, братство, труд»). Газета выходила с апреля по октябрь 1848 года под редакцией членов Союза коммунистов — вначале, до июля 1848 года, А. Готшалька, а затем — И. Молля. Всего вышло 40 номеров. На страницах газеты освещалась деятельность Кёльнского рабочего союза и других рабочих союзов Рейнской провинции. После прекращения выхода в свет этого органа Кёльнский рабочий союз с 26 октября возобновил издание газеты под названием «*Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit*». Под этим названием газета выходила с небольшим перерывом по 24 июня 1849 года. Вышло 32 номера. — 526.

²⁷⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 6, стр. 462, 640, 641, 646—647. — 527.

²⁷⁸ Речь идет о статье Г. В. Плеханова «Возможно ли это?», напечатанной в газете «Товарищ» № 381, 26 сентября (9 октября) 1907 года.

«Товарищ» — ежедневная буржуазная газета; выходила в Петербурге с 15 (28) марта 1906 года по 30 декабря 1907 года (12 января 1908 г.). Формально газета не являлась органом какой-либо партии, фактически же была органом левых кадетов. Ближайшее участие в газете принимали С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова. В газете сотрудничали и меньшевики. — 529.

²⁷⁹ Ф. Энгельс. «К истории Союза коммунистов» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 333—334). — 529.

²⁸⁰ Коалиционный Совет боевых дружин возник в Москве в конце октября 1905 года. Созданный вначале для практической борьбы против «черной сотни», этот орган был сохранен и на время декабрьского восстания.

В состав коалиционного Совета дружин входили представители партийных дружин Московского комитета РСДРП, Московской группы социал-демократов, Московского комитета партии эсеров, а также дружин под названием «Вольная районная», «Университетская», «Типографская» и «Кавказская». Эсеро-меньшевистское большинство коалиционного Совета дружин вносило дезорганизацию в его деятельность; в дни декабрьского вооруженного восстания Совет дружин оказался в хвосте революционных событий и не сумел выполнить роли общего оперативного штаба восстания. — 530.

²⁸¹ Имеется в виду всеобщая политическая стачка, которая началась по решению Московского комитета РСДРП. 7 (20) октября вспыхнула стачка на Московско-Казанской железной дороге. Она быстро охватила все промышленные центры и превратилась во всероссийскую. Число участников стачки превысило два миллиона. Октябрьская стачка проходила под лозунгами свержения самодержавия, активного бойкота булыгинской Думы, созыва Учредительного собрания и установления демократической республики. Царское правительство, напуганное ростом революционного движения, поспешило пойти на некоторые уступки. 17 октября царь издал манифест, в котором обещал «гражданские свободы» и «законодательную» думу.

Большевики разоблачали лживость царского манифеста и призывали народ к продолжению борьбы. Меньшевики и эсеры приветствовали манифест и призывали рабочих прекратить стачку. Царское правительство, при поддержке буржуазии, используя предательство меньшевиков и эсеров, перешло в наступление. По всей стране прокатилась волна погромов и репрессий.

Учитывая сложившуюся обстановку, Московская общегородская конференция РСДРП 22 октября (4 ноября) приняла решение прекратить всеобщую стачку. Октябрьская всеобщая политическая стачка показала силу и мощь рабочего движения, дала толчок к развертыванию революционной борьбы в деревне, армии и флоте. Октябрьская стачка подвела пролетариат к декабрьскому вооруженному восстанию. — 530.

²⁸² В. И. Ленин приводит положение из работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 7). — 531.

²⁸³ Вечером 8 (21) декабря 1905 года солдаты и полиция оцепили сад «Аквариум» (на Садово-Триумфальной площади), где в это время в помещении театра проходил многолюдный митинг. Кровавопролития удалось избежать благодаря самоотверженным действиям рабочей дружины, охранявшей митинг; имевшим оружие дали возможность скрыться через разобраный забор, однако остальные участники митинга, вышедшие через ворота, подверглись обыскам, избиениям, многие были арестованы. — 531.

²⁸⁴ Помещение училища Фидлера (у Чистых Прудов) было постоянным местом партийных митингов и собраний. Вечером 9 (22) декабря 1905 года дом Фидлера, где в это время проходил митинг, был окружен войсками. После того как участники митинга, среди которых преобладали дружинники, отказались сдать и забаррикадировали помещение, войска подвергли здание артиллерийскому и пулеметному обстрелу. Во время разгрома здания было убито и ранено более тридцати человек; 120 человек было арестовано. — 531.

²⁸⁵ Имеется в виду работа «Революция и контрреволюция в Германии», написанная Ф. Энгельсом (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд.,

т. 8, стр. 100). «Революция и контрреволюция в Германии» была опубликована в 1851—1852 годах серией статей в газете «New-York Daily Tribune» за подписью Маркса, который первоначально собирался написать это произведение сам, но, занятый экономическими исследованиями, передал работу над статьями Энгельсу. При написании этого произведения Энгельс постоянно советовался с Марксом, а также давал ему на просмотр статьи перед отправкой их в печать. Только в 1913 году в связи с опубликованием переписки между Марксом и Энгельсом стало известно, что «Революция и контрреволюция в Германии» написана Энгельсом. — 534.

²⁸⁶ Это положение неоднократно развивалось Ф. Энгельсом в ряде его произведений, в частности в работе «Анти-Дюринг». — 534.

²⁸⁷ Об этом В. И. Ленин более подробно говорит в своей работе «Русская революция и задачи пролетариата» (см. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 209—220; 4 изд., том 10, стр. 116—126). — 534.

²⁸⁸ В. И. Ленин имеет в виду V *Общероссийскую конференцию РСДРП*, состоявшуюся в Париже 21—27 декабря 1908 года (3—9 января 1909). На конференции присутствовало 16 делегатов с решающим голосом, из них 5 большевиков (2 — от Центрально-промышленной области, 2 — от петербургской организации, 1 — от уральской), 3 меньшевика по мандатам от Кавказского областного комитета, 5 польских социал-демократов и 3 бундовца. Делегаты-большевики, непосредственно работавшие в России, представляли крупнейшие партийные организации РСДРП. Меньшевицкая делегация, получившая мандаты путем различных фальсификаций, состояла из лиц, живших за границей и не связанных с партийной работой в России. Делегация польской социал-демократии поддерживала на конференции большевиков. Бундовцы по многим вопросам шли за меньшевиками-ликвидаторами.

В порядке дня конференции стояли следующие вопросы: 1) Отчеты ЦК РСДРП, ЦК польской социал-демократии, ЦК Бунда, петербургской организации, московской и центрально-промышленной областной, уральской, кавказской; 2) Современное политическое положение и задачи партии; 3) О думской с.-д. фракции; 4) Организационные вопросы в связи с изменившимися политическими условиями; 5) Объединение на местах с национальными организациями; 6) Заграничные дела.

Центральное место в работе конференции занял доклад Ленина «О современном моменте и задачах партии». Конференция приняла с незначительными изменениями предложенную Лениным резолюцию (см. Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 325—328; 4 изд., том 15, стр. 293—296).

В резолюции «О думской с.-д. фракции», внесенной большевиками, была дана критика деятельности фракции и указаны ее конкретные задачи. Конференция приняла большевистскую резолюцию.

В речи по организационному вопросу Ленин подверг резкой критике резолюцию меньшевиков-ликвидаторов и их попытки всячески оправдать лиц, дезертировавших из партии в годы реакции. Конференцией были приняты внесенные Лениным «Директивы для комиссии по организационному вопросу» (там же, стр. 329, 297) и создана комиссия для выработки резолюции. Комиссия, а затем и конференция приняли большевистский проект резолюции.

В принятой конференцией резолюции об объединении национальных организаций на местах был решительно отвергнут принцип федерализма, который защищали бундовцы, отстаивавшие разделение рабочих в партии по национальному признаку.

При обсуждении вопроса о работе Центрального Комитета меньшевики предлагали перенести местопребывание ЦК в Россию и упразднить Заграничное бюро ЦК. Ликвидаторские проекты резолюции были отклонены. Конференция приняла резолюцию о работе ЦК, в которой признавалось «полезным и необходимым существование за границей общепартийного представительства в форме Заграничного бюро Центрального Комитета». По вопросу о Центральном Органе была принята резолюция большевиков; предложение меньшевиков о перенесении издания ЦО в Россию было отвергнуто.

Большевики одержали на конференции большую победу в борьбе против меньшевиков-ликвидаторов. Вместе с тем решения конференции нанесли удар и отзовистам. Принятыми на конференции решениями партия руководствовалась в годы реакции. Оценивая значение конференции, Ленин писал: «Недавно состоявшаяся Всероссийская конференция РСДРП выводит партию на дорогу и представляет из себя, видимо, поворотный пункт в развитии русского рабочего движения после победы контрреволюции» (там же, стр. 354, 316). — 537.

²⁸⁹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., ч. I, 1954, стр. 194—205. — 537.

²⁹⁰ *Трудовики* (Трудовая группа) — группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах России, состоявшая из крестьян и интеллигентов народнического толка. Фракция трудовиков образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы.

В Государственной думе трудовики колебались между кадетами и социал-демократами. Эти колебания обуславливались самой классовой природой мелких хозяев — крестьян. Ввиду того что трудовики в какой-то мере представляли крестьянские массы, большевики в Думе проводили тактику соглашений с ними по отдельным вопросам для общей борьбы с царизмом и кадетами. В 1917 году Трудовая группа слилась с партией «народных социалистов», активно поддерживала буржуазное Временное правительство. После Октябрьской социалистической революции трудовики выступали на стороне буржуазной контрреволюции. — 539.

²⁹¹ *Октябристы* — члены партии «Союз 17 октября», образовавшейся в России после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года. Это была контрреволюционная партия, представлявшая и защищавшая интересы крупной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; возглавляли ее известный промышленник и московский домовладелец А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства. — 539.

²⁹² Ленин имеет в виду аграрное законодательство, осуществленное Столыпиным. 9 (22) ноября 1906 года был издан указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», который после прохождения его через Государственную думу и Государственный совет стал называться законом 14 июня 1910 года, и указ 15 (28) ноября 1906 года «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог наделных земель». По этим законам крестьянам было предоставлено право закрепления их наделов в личную собственность и право выхода из общины на отруба и хутора. Хуторяне или отрубники могли получать на приобретение земли субсидии через Крестьянский банк. Целью столыпинских аграрных законов было

создание кулачества как опоры царского самодержавия в деревне, при сохранении помещичьей собственности на землю и насильственном разрушении общины.

Столыпинская аграрная политика ускорила капиталистическую эволюцию сельского хозяйства наиболее мучительным, «прусским» путем, при сохранении власти, собственности и привилегий крепостников-помещиков, усилила насильственную экспроприацию основных масс крестьянства, ускорила развитие крестьянской буржуазии, которая получила возможность скупать за бесценок наделы бедняков.

Ленин назвал столыпинское аграрное законодательство 1906 года (и изданный 14 (27) июня 1910 года закон) вторым, после реформы 1861 года, шагом по пути превращения крепостнического самодержавия в буржуазную монархию.

Столыпинская аграрная политика, не уничтожив основного противоречия — между всем крестьянством и помещиками, привела к дальнейшему разорению масс крестьянства, к обострению классовых противоречий между кулачеством и деревенской беднотой. — 539.

²⁹³ *Отзовисты* — оппортунистическая группа, возникшая среди большевиков в 1908 году. Прикрываясь революционными фразами, отзовисты (А. А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Соколов (С. Вольский), А. В. Луначарский, М. Н. Лядов и др.) требовали отзыва социал-демократических депутатов из III Государственной думы и прекращения работы в легальных организациях. Заявляя, что в условиях реакции партия должна вести только нелегальную работу, отзовисты отказывались от участия в Думе, в рабочих профессиональных союзах, кооперативных и других массовых легальных и полуполигальных организациях и считали необходимым сосредоточить всю партийную работу в рамках нелегальной организации. Разнообразием отзовизма являлся ультиматизм. — 541.

²⁹⁴ В. И. Ленин цитирует произведение А. И. Герцена «Концы и начала» (см А. И. Герцен. Избранные сочинения, 1937, стр. 349). — 545.

²⁹⁵ В. И. Ленин цитирует письма «К старому товарищу» (письмо четвертое и второе). См. А. И. Герцен. Избранные сочинения, 1937, стр. 385, 379. — 547.

²⁹⁶ *Крестьянский союз* (Всероссийский крестьянский союз) — революционно-демократическая организация, возникшая в 1905 году. Крестьянский союз требовал политических свобод и немедленного созыва учредительного собрания, придерживался тактики бойкота I Государственной думы. Аграрная программа Союза включала требование отмены частной собственности на землю, передачи крестьянам без выкупа монастырских, церковных, удельных, кабинетских и государственных земель. Крестьянский союз, находясь под влиянием эсеров и либералов, проявлял мелкобуржуазную половинчатость, колебания и нерешительность. По словам Ленина, это была «организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но безусловно «почвенная», реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы» (Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 334; 4 изд., том 10, стр. 232—233). В начале 1907 года Союз прекратил свое существование. — 547.

²⁹⁷ «*Колокол*» — политический журнал, выходил под девизом «Vivos voco!» («Зову живых!»). Издавался А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в

основанной Герценом Вольной русской типографии с 1 июля 1857 по апрель 1865 года в Лондоне и с мая 1865 по июль 1867 года в Женеве; выходил ежемесячно, а некоторое время два раза в месяц. Вышло 245 номеров. В 1868 году журнал выходил на французском языке (удалось выпустить 15 номеров), к некоторым номерам печатались приложения на русском языке. «Колокол» печатался тиражом до 2500 экземпляров и широко распространялся по всей России.

«Колокол» стоял во главе революционной бесцензурной печати, предшествовавшей появлению рабочей печати в России, и сыграл важную роль в развитии общедемократического и революционного движения, в борьбе против самодержавия и крепостничества. — 548.

²⁹⁸ «Полярная Звезда» — литературно-политический сборник; издавался в 1855—1862 годах в Лондоне, в основанной Герценом Вольной русской типографии; последняя книга сборника была издана в Женеве в 1868 году. Вышло всего 8 книг. Первые три книги сборника были изданы А. И. Герценом, последующие — А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. «Полярная Звезда» сыграла значительную роль в развитии передовой русской литературы и общественной мысли. — 548.

²⁹⁹ Имеется в виду восстание крестьян в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии. Опубликование Манифеста и Положений 19 февраля 1861 года об условиях отмены крепостного права вызвало разочарование и возмущение обманутых в своих надеждах крестьян. Они не поверили в подлинность оглашенного текста Положений и считали, что помещики и чиновники скрыли настоящие Манифест и Положения. Весной 1861 года в ряде губерний произошли крестьянские волнения. Наиболее крупным было выступление крестьян села Бездна. Движение возглавил молодой бездненский крестьянин Антон Петров. Волнениями было охвачено свыше 75 селений Спасского, Чистопольского, Ланшевского уездов Казанской губернии и смежных уездов Самарской и Симбирской губерний. Восстание в Бездне было жестоко подавлено. Трагедия в Бездне вызвала широкий отклик в передовых слоях русского общества. Подробное описание бездненской трагедии дал в «Колоколе» А. И. Герцен. — 549.

³⁰⁰ Имеется в виду «Просвещение» — ежемесячный большевистский теоретический легальный журнал (см. примечание № 70 настоящего тома). — 551.

³⁰¹ «Борьба» — журнал Троцкого; издавался в Петербурге с февраля по июль 1914 года. Маскируясь «нефракционностью», Троцкий на страницах журнала вел борьбу против Ленина, против большевистской партии. — 551.

³⁰² «Северная Рабочая Газета» — ежедневная газета меньшевиков-ликвидаторов, издавалась в Петербурге вместо «Новой Рабочей Газеты» с 30 января (12 февраля) по 1 (14) мая 1914 года; с 3 (16) мая газета выходила под названием «Наша Рабочая Газета». В. И. Ленин в своих статьях иронически называет ее «Северной Ликвидаторской Газетой» и «Нашей Ликвидаторской Газетой». — 552.

³⁰³ Стокгольмский съезд — Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП, состоялся 10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 года. На съезде присутствовало 112 делегатов с решающим голосом, представлявших 57 местных организаций РСДРП, и 22 делегата с совещательным. В числе

делегатов-большевиков были В. И. Ленин, В. В. Воровский, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Ф. А. Сергеев (Артем), И. И. Скворцов-Степанов, И. В. Сталин, М. В. Фрунзе, С. Г. Шаумян, Е. М. Ярославский.

Большинство на съезде принадлежало меньшевикам. Это объяснялось тем, что многие большевистские партийные организации, возглавлявшие вооруженные выступления масс, были разгромлены и не смогли прислать своих делегатов. Меньшевики же, имевшие наиболее многочисленные организации в непромышленных районах страны, где не было массовых революционных выступлений, получили возможность послать больше делегатов.

Съезд обсудил вопросы: 1) Пересмотр аграрной программы; 2) Оценка текущего момента и классовые задачи пролетариата; 3) Отношение к Государственной думе; 4) Вооруженное восстание; 5) Партизанские выступления; 6) Объединение с национальными с.-д. партиями и 7) Устав партии.

По всем вопросам на съезде шла ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками. После упорной борьбы съезд утвердил большевистские резолюции о Государственной думе, о вооруженном восстании, принял аграрную программу меньшевиков. По вопросу об отношении к буржуазным партиям съезд ограничился подтверждением резолюции международного Амстердамского конгресса. Без обсуждения съезд принял компромиссную резолюцию о профессиональных союзах и резолюцию об отношении к крестьянскому движению.

Вместе с тем по требованию партийных масс съезд принял ленинскую формулировку первого параграфа устава, отбросив, таким образом, оппортунистическую формулировку Мартова. Впервые была включена в устав большевистская формулировка о демократическом централизме.

В состав Центрального Комитета, избранного на съезде, вошли 3 большевика и 7 меньшевиков. Редакция Центрального Органа — газеты «Социал-Демократ» — была составлена только из меньшевиков.

Борьба на съезде вскрыла перед партийными массами содержание и глубину принципиальных разногласий между большевиками и меньшевиками. Анализ работ съезда дан Лениным в брошюре «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)» (см. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 1—66; 4 изд., том 10, стр. 289—350).

На V (Лондонском) съезде РСДРП (1907 г.) присутствовало 336 делегатов, представлявших более 147 тысяч членов партии. Делегатов-большевиков было 105, меньшевиков — 97, бундовцев — 57, польских социал-демократов — 44, представителей Социал-демократии Латышского края — 29, «внефракционных» — 4. Крупные промышленные центры послали на съезд большевиков. В. И. Ленин был избран на съезд верхнекамской организацией. На съезде под руководством В. И. Ленина выступила сплоченная группа делегатов-большевиков: А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, И. Ф. Дубровинский, М. Н. Лядов, В. П. Ногин, М. Н. Покровский, К. Н. Самойлова, И. В. Сталин, А. М. Стопани, И. А. Теодорович, М. Г. Цхакая, С. Г. Шаумян, Е. М. Ярославский и др. В работе съезда принимал участие с совещательным голосом А. М. Горький.

Большевиков на съезде поддерживали делегаты Социал-демократии Королевства Польского и Литвы и Социал-демократии Латышского края. Сплотив их на революционной платформе, большевики получили большинство на съезде и добились победы революционной марксистской линии. По всем основным вопросам съезд принял большевистские резолюции.

Пятый съезд РСДРП явился победой большевизма в рабочем движении России. В решениях съезда был подведен итог победы большевизма

над оппортунистическим, меньшевистским крылом партии в период буржуазно-демократической революции. Большевистская тактика была одобрена как единая тактика для всей партии. — 552.

³⁰⁴ «Правда» — ежедневная легальная большевистская газета, выходившая в Петербурге с 22 апреля (5 мая) 1912 года.

«Правда» появилась в обстановке нового революционного подъема, когда по всей стране прокатилась волна массовых политических стачек в связи с Ленским расстрелом. «Именно апрельский подъем рабочих, — писал В. И. Ленин, — создал рабочую газету «Правду»» (Сочинения, 5 изд., том 21, стр. 430; 4 изд., том 18, стр. 171).

Газета издавалась на средства, собранные самими рабочими; она распространялась в количестве до 40 тысяч экземпляров, тираж отдельных номеров достигал 60 тысяч. Постановку ежедневной рабочей газеты Ленин характеризовал, как великое историческое дело, которое совершили петербургские рабочие.

Ленин осуществлял идейное руководство «Правдой», почти ежедневно писал в газету, давал указания ее редакции. Он добивался, чтобы газета велась в боевом, революционном духе, критиковал редакцию за помещение статей, в которых не было достаточной ясности в принципиальных вопросах. В «Правде» было опубликовано около 270 статей и заметок Ленина, подписанных различными псевдонимами: В. Ильин, В. Фрей, К. Т., В. И., И., Правдист, Статистик, Читатель, М. Н. и др.

Членами редакции «Правды» и ее деятельными сотрудниками в разное время были: Н. Н. Батурин, Демьян Бедный, К. С. Еремеев, М. И. Калинин, Н. К. Крупская, С. В. Малышев, Л. Р. и В. Р. Менжинские, В. М. Молотов, В. И. Невский, М. С. Ольминский, Н. И. Подвойский, Н. Г. Полетаев, М. А. Савельев, К. Н. Самойлова, Я. М. Свердлов, Н. А. Скрыпник, И. В. Сталин, П. И. Стучка, А. И. Ульянова-Елизарова и др. Активное участие в газете принимали большевики — депутаты IV Государственной думы. В «Правде» печатал свои произведения А. М. Горький.

«Правда» подвергалась постоянным полицейским преследованиям. Только в первый год существования против ее редакторов было возбуждено 36 судебных дел. В общей сложности редакторы отсидели в тюрьме 47½ месяцев. За это же время 41 номер газеты был конфискован. Газета закрывалась царским правительством восемь раз, но продолжала выходить под другими названиями: «Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда Труда», «За Правду», «Пролетарская Правда», «Путь Правды», «Рабочий», «Трудовая Правда». В этих трудных условиях большевикам удалось выпустить 636 номеров «Правды» в течение двух с лишним лет. 8 (21) июля 1914 года газета была закрыта.

Издание «Правды» возобновилось только после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. С 5 (18) марта 1917 года «Правда» стала выходить как орган Центрального Комитета и Петербургского комитета РСДРП. 5 (18) апреля, по возвращении из-за границы, в состав редакции вошел В. И. Ленин и возглавил руководство «Правдой». В июле — октябре 1917 года «Правда», преследуемая контрреволюционным буржуазным Временным правительством, неоднократно меняла свое название и выходила как «Листок «Правды»», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий Путь». После победы Великой Октябрьской социалистической революции, с 27 октября (9 ноября) 1917 года, Центральный Орган партии стал выходить под своим прежним названием «Правда».

Значение «Правды» в истории большевистской партии и революции исключительно велико. Газета явилась коллективным пропагандистом, агитатором и организатором в борьбе за претворение в жизнь политики партии. Она была в центре борьбы за партийность, вела решительную борьбу

с меньшевиками-ликвидаторами, отзовистами, троцкистами, разоблачала их предательскую роль. — 553.

³⁰⁵ *Большевики-партийцы* — примиренцы, тяготевшие к ликвидаторам, возглавляемые А. И. Любимовым (М. Зоммером) (подробнее о них см. статью В. И. Ленина «Об авантюризме» — Сочинения, 5 изд., том 25, стр. 220—223; 4 изд., том 20, стр. 331—334).

Меньшевики-партийцы во главе с Г. В. Плехановым выступали в годы реакции против ликвидаторов. Оставаясь на позициях меньшевизма, плехановцы в то же время стояли за сохранение и укрепление нелегальной партийной организации и шли с этой целью на блок с большевиками. В конце 1911 года Плеханов разорвал блок с большевиками. Под видом борьбы с «фракционностью» и расколом в РСДРП он пытался примирить большевиков с оппортунистами. В 1912 году плехановцы вместе с троцкистами, бундовцами и ликвидаторами выступили против решений Пражской конференции РСДРП. — 554.

³⁰⁶ «*Наша Заря*» — ежемесячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил в Петербурге с января 1910 по сентябрь 1914 года. Руководил журналом А. Н. Потресов, сотрудничали в нем Ф. И. Дан, С. О. Цедербаум (В. Ежов) и другие. Вокруг «Нашей Зари» сложился центр ликвидаторов в России. В резолюции VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года отмечалось, что «часть с.-д., группирующаяся вокруг журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни», открыто стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат» (Сочинения, 5 изд., том 21, стр. 151; 4 изд., том 17, стр. 431). — 557.

³⁰⁷ «*Луч*» — ежедневная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов, выходила в Петербурге с 16 (29) сентября 1912 по 5 (18) июля 1913 года. Вышло 237 номеров. Газета в основном существовала на пожертвования либералов. Идейное руководство газетой находилось в руках П. Б. Аксельрода, Ф. И. Дана, Л. Мартова, А. С. Мартынова. Ленин писал, что ««Луч» поработен либеральной политикой» и называл газету органом ренегатов. — 559.

³⁰⁸ Ленин имеет в виду совещание ЦК РСДРП с партийными работниками (по конспиративным соображениям названное «летним»). Совещание проходило 23 сентября — 1 октября (6—14 октября) 1913 года в деревне Поронин (около Кракова), где в то время жил В. И. Ленин.

В порядке дня совещания стояли следующие вопросы:

1) Доклады с мест, доклад о работе Социал-демократии Польши и Литвы, отчет о работе ЦК, выбранного на Пражской конференции; 2) О задачах агитации в настоящий момент; 3) Организационный вопрос и о партийном съезде; 4) О стачечном движении; 5) О партийной печати; 6) О думской работе с.-д.; 7) О думской с.-д. фракции; 8) О работе в легальных обществах; 9) Национальный вопрос; 10) О народниках; 11) О предстоящем международном социалистическом конгрессе (в Вене). Совещанием руководил В. И. Ленин.

Одним из главных вопросов на совещании был национальный вопрос, выдвинувшийся в то время на видное место среди других вопросов общественной жизни России. С докладом по национальному вопросу выступил Ленин. Совещание, опираясь на программу партии, решительно отвергло оппортунистическое требование меньшевиков и бундовцев «культурно-национальной автономии» и приняло разработанные Лениным программные

положения в национальном вопросе. Совещание вынесло решение включить в порядок дня предстоящего съезда партии вопрос о национальной программе.

В резолюции о думской с.-д. фракции совещание потребовало равноправия большевистской и меньшевистской частей фракции и решительно осудило действия меньшевистской части фракции, которая, пользуясь случайным большинством в один голос, нарушала элементарные права депутатов-большевиков, представлявших громадное большинство рабочих России. По указанию Ленина и ЦК большевистской партии депутаты-большевики в октябре 1913 г. вышли из объединенной с.-д. фракции и образовали самостоятельную большевистскую фракцию Государственной думы («Российскую социал-демократическую рабочую фракцию»).

В докладе о предстоявшем в 1914 году международном социалистическом конгрессе в Вене Ленин предлагал послать на конгресс возможно большее число делегатов от нелегальных и легальных организаций, намечая проведение одновременно с конгрессом и партийного съезда.

Совещание закрылось заключительной речью Ленина. Ввиду важности обсужденных вопросов и принятых по ним решений Поронинское совещание имело значение партийной конференции. — 561.

³⁰⁹ На декабрьской сессии Международного социалистического бюро (проходила в Лондоне 13 и 14 декабря 1913 г.) была принята резолюция, поручавшая Исполнительному комитету МСБ созвать совещание из представителей «всех фракций рабочего движения в России, включая и русскую Польшу, признающих партийную программу или программы которых находятся в соответствии с программой с.-д., для взаимного обмена мнений (Aussprache) по поводу разделяющих их вопросов». Обосновывая эту резолюцию, Каутский в своей речи 14 декабря заявил, что старая социал-демократическая партия в России умерла. Необходимо ее восстановить, опираясь на стремление к единству русских рабочих. В статье «Хорошая резолюция и плохая речь» Ленин раскрыл содержание резолюции и дал оценку речи Каутского, как чудовищной (см. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 211—214; 4 изд., том 19, стр. 478—480). — 563.

³¹⁰ «Научная Мысль» — журнал меньшевистского направления, издавался в Риге в 1908 году. — 571.

³¹¹ «Przegląd Socjaldemokratyczny» («Социал-Демократическое Обозрение») — журнал, издавался польскими социал-демократами при ближайшем участии Р. Люксембург в Кракове с 1902 по 1904 год и с 1908 по 1910 год. — 572.

³¹² См. К. Маркс. «Капитал», т. I (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 774). — 573.

³¹³ «Русская Мысль» — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 год; до 1905 года — либерально-народнического направления (до 1885 г. — редактор В. М. Лавров). В 90-х годах иногда печатал на своих страницах статьи марксистов. В это время в «Русской Мысли» печатались прогрессивные писатели: А. М. Горький, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и др. После революции 1905 года — орган правого крыла кадетской партии; выходил под редакцией П. Б. Струве. Журнал выступал с проповедью национализма, «веховства», поповщины, с защитой помещичьей собственности. — 578.

³¹⁴ Имеется в виду съезд Австрийской социал-демократической партии, происходивший в г. Брюнне (Австрия) с 24 по 29 сентября 1899 года. Центральным вопросом порядка дня съезда был национальный вопрос. На съезде были предложены две резолюции, выражавшие разные точки зрения: 1) резолюция ЦК партии отстаивала в общем территориальную автономию наций и 2) резолюция комитета Южно-славянской с.-д. партии, отстаивавшая экстерриториальную культурно-национальную автономию.

Съезд единогласно отклонил программу культурно-национальной автономии и принял компромиссную резолюцию, признававшую национальную автономию в пределах австрийского государства (см. статью В. И. Ленина «К истории национальной программы в Австрии и в России», Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 313—315; 4 изд., том 20, стр. 82—84). — 581.

³¹⁵ *Прогрессисты* — политическая группировка русской либерально-монархической буржуазии, которая на выборах в Государственные думы и в Думах пыталась объединить под флагом «беспартийности» элементы из разных буржуазно-помещичьих партий и групп.

В ноябре 1912 года прогрессисты оформились в самостоятельную политическую партию. В. И. Ленин указывал, что по своему составу и по своей идеологии прогрессисты — «*помесь октябристов с кадетами*», и характеризовал программу партии прогрессистов как национал-либеральную. «Это будет, — писал он, — партия «настоящей» капиталистической буржуазии, какую мы видим и в Германии» (Сочинения, 5 изд., том 22, стр. 327, 245; 4 изд., том 18, стр. 469, 412).

В годы первой мировой войны прогрессисты активизировали свою деятельность, требуя смены военного руководства, мобилизации промышленности на нужды фронта и «ответственного министерства» с участием представителей от русской буржуазии. После Февральской буржуазно-демократической революции некоторые лидеры партии участвовали во Временном буржуазном правительстве. После победы Великой Октябрьской социалистической революции партия прогрессистов вела активную борьбу против Советской власти. — 587.

³¹⁶ «*Речь*» — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля (8 марта) 1906 года под фактической редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена, при ближайшем участии М. М. Винавера, П. Д. Долгорукова, П. Б. Струве и других. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. Позднее (до августа 1918 г.) продолжала выходить под названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь», «Наш Век». — 587.

³¹⁷ Речь идет о *Втором всеукраинском съезде студенчества*, состоявшемся во Львове 19—22 июня (2—5 июля) 1913 года; съезд был приурочен к торжествам в честь юбилея Ивана Франко, великого украинского писателя, ученого, общественного деятеля, революционного демократа. В работах съезда принимали участие и представители украинского студенчества России. На съезде с докладом «Украинская молодежь и теперешнее положение нации» выступил украинский с.-д. Донцов, который отстаивал лозунг «самостийной» Украины. — 587.

³¹⁸ «*Шляхи*» («Пути») — орган Украинского студенческого союза, националистического направления; выходил во Львове с апреля 1913 по март 1914 года. — 588.

³¹⁹ «Новое Время» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, газета, после того как ее издателем в 1876 году стал А. С. Суворин, превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года — орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года газета поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. — 589.

³²⁰ «Земщина» — ежедневная черносотенная газета; выходила в Петербурге с июня 1909 по февраль 1917 года; орган крайних правых депутатов Государственной думы. — 589.

³²¹ Ленин приводит выражение из очерка Г. И. Успенского «Будка». — 590.

³²² «Киевская Мысль» — ежедневная газета буржуазно-демократического направления, издававшаяся в Киеве с 1906 по 1918 год. До 1915 года газета выходила с еженедельными иллюстрированными приложениями; с 1917 года — утренним и вечерним выпусками. — 591.

³²³ Ленин приводит выражение из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». — 593.

³²⁴ «Напшуд» («Naprzód») («Вперед») — газета, центральный орган социал-демократической партии Галиции и Силезии; выходила в Кракове с 1892 года. Газета была выразительницей мелкобуржуазной, националистической идеологии. Ленин характеризовал «Напшуд» как «очень плохой и вовсе не марксистский орган». — 595.

³²⁵ Польская социалистическая партия (Polska Partia Socjalistyczna) (ППС) — реформистская националистическая партия, созданная в 1892 году. Выступая под лозунгом борьбы за независимую Польшу, ППС, возглавляемая Пилсудским и его сторонниками, вела сепаратистскую, националистическую пропаганду среди польских рабочих и стремилась отвлечь их от совместной с русскими рабочими борьбы против самодержавия и капитализма.

На протяжении всей истории ППС под воздействием рядовых рабочих внутри партии возникали левые группы. Некоторые из них примыкали впоследствии к революционному крылу польского рабочего движения.

В 1906 году ППС раскололась на ППС-«левицу» и на правую, шовинистскую, так называемую ППС-«правицу» («революционную фракцию»).

ППС-«левица» под влиянием партии большевиков, а также под воздействием СДКПил (Социал-демократия Королевства Польского и Литвы) постепенно переходила на последовательно революционные позиции.

В годы первой мировой войны большая часть ППС-«левицы» заняла интернационалистскую позицию; в декабре 1918 года она объединилась с СДКПил. Объединенные партии образовали Коммунистическую рабочую партию Польши (так до 1925 года называлась Коммунистическая партия Польши).

Правая ППС продолжала во время первой мировой войны политику национал-шовинизма; ею были организованы на территории Галиции польские легионы, которые воевали на стороне австро-германского импе-

риализма. С образованием польского буржуазного государства правая ППС в 1919 году объединилась с частями ППС, находившимися на территории Польши, ранее захваченной Германией и Австрией, и вновь приняла название ППС. Став во главе правительства, она способствовала переходу власти в руки польской буржуазии, систематически вела антикоммунистическую пропаганду и поддерживала политику агрессии против Советской страны, политику захвата и угнетения Западной Украины и Западной Белоруссии. Отдельные группы в ППС, несогласные с этой политикой, вливались в Коммунистическую партию Польши.

После фашистского переворота Пилсудского (май 1926 г.) ППС формально находилась в парламентской оппозиции, но фактически активной борьбы с фашистским режимом не вела и продолжала антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду. Левые элементы ППС в эти годы сотрудничали с польскими коммунистами, поддерживая в ряде кампаний тактику единого фронта.

Во время второй мировой войны ППС вновь раскололась. Реакционная, шовинистская ее часть, принявшая название «Wolność, Równość, Niepodległość» («Свобода, Равенство, Независимость»), участвовала в реакционном польском эмигрантском лондонском «правительстве». Другая, левая часть ППС, назвавшая себя «Рабочей партией польских социалистов» (РППС), под воздействием созданной в 1942 году Польской рабочей партии (ППР) включилась в народный фронт борьбы против гитлеровских оккупантов, вела борьбу за освобождение Польши от фашистского порабощения и встала на позиции установления дружественных связей с СССР.

В 1944 году, после освобождения восточной части Польши от немецкой оккупации и образования Польского комитета национального освобождения, РППС опять приняла название ППС и вместе с ППР участвовала в строительстве народно-демократической Польши. В декабре 1948 года ППР и ППС объединились и образовали Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП). — 596.

³²⁶ Ленин имеет в виду польское национально-освободительное восстание 1863—1864 годов, направленное против гнета царского самодержавия. Вначале восстанием руководил Центральный национальный комитет, сформированный мелкошляхетской партией «красных» в 1862 году. Его программа, содержащая требования национальной независимости Польши, равноправия всех мужчин страны без различия религии и происхождения; передачи крестьянам обрабатываемой ими земли в полную собственность без выкупа, отмены барщины; вознаграждения помещиков за землю из государственных средств и др., привлекла к восстанию самые разнообразные слои польского населения: ремесленников, рабочих, студенчество, шляхетскую интеллигенцию, часть крестьянства, духовенства.

В ходе восстания к нему примкнули элементы, объединявшиеся вокруг партии «белых» (партия крупной земельной аристократии и крупной буржуазии), которые стремились использовать восстание в своих интересах и при помощи Англии и Франции добиться выгодной сделки с царским правительством.

Революционная демократия России с глубоким сочувствием относилась к восставшим.

Благодаря непоследовательности партии «красных», упустивших революционную инициативу, руководство восстанием перешло к партии «белых», предавших его. К лету 1864 года восстание было жестоко подавлено царскими войсками.

К. Маркс и Ф. Энгельс оценивали польское восстание 1863—1864 годов как прогрессивное и относились к нему с большим сочувствием, желали

победы польскому народу в его борьбе за национальное освобождение. От имени немецкой эмиграции в Лондоне Маркс написал воззвание о помощи полякам. — 602.

³²⁷ Ленин имеет в виду воспоминания В. Либкнехта о К. Марксе (см. сборник «Воспоминания о Марксе», 1956, стр. 92). — 604.

³²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 32, стр. 430. — 604.

³²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 27, стр. 241. — 604.

³³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 148, 178, 178—179. — 605.

³³¹ «Таймс» («The Times») («Времена») — ежедневная газета, основанная в 1785 году в Лондоне; одна из крупных консервативных газет английской буржуазии. — 606.

³³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 31, стр. 256. — 606.

³³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 31, стр. 318, 338, 349. — 606.

³³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 32, стр. 168, 304, 295. — 607.

³³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 32, стр. 316. — 607.

³³⁶ «Нью-Йоркская Трибуна» («The New-York Daily Tribune») — американская газета, издававшаяся с 1841 по 1924 год. Газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. С августа 1851 по март 1862 года в газете сотрудничал К. Маркс. Большое число статей для нее было по просьбе К. Маркса написано Ф. Энгельсом. В период наступившей в Европе реакции К. Маркс и Ф. Энгельс использовали широко распространенную, прогрессивную в то время газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества. Во время Гражданской войны в Америке прекратилось сотрудничество К. Маркса в газете. Значительную роль в разрыве Маркса с «The New-York Daily Tribune» сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельцами и отход газеты от прогрессивных позиций. В дальнейшем направление газеты становилось все более правым. — 608.

³³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 230, 231. — 608.

³³⁸ Движение фениев — движение мелкобуржуазных ирландских революционеров, развернувшееся с конца 50-х годов XIX века. Программа и деятельность фениев отражали протест народных масс Ирландии против английского колониального гнета. Фении требовали национальной независимости для своей страны, установления демократической республики и превращения арендаторов-крестьян в собственников обрабатываемой ими земли. Однако заговорщическая тактика фениев помешала им укрепить связи с широкими слоями ирландского народа, фении не были также связаны с общедемократическим и рабочим движением Великобритании. Поднятое ими в феврале — марте 1867 года восстание потерпело поражение.

В дальнейшем деятельность фениев свелась к террористическим актам и в 70-х годах пришла в упадок. — 609.

³³⁹ Ленин цитирует статью Г. В. Плеханова «Проект программы Российской социал-демократической партии», опубликованную в № 4 «Зари» за 1902 год. — 611.

³⁴⁰ Имеются в виду *Третья конференция РСДРП* («Вторая общероссийская»), происходившая в Котке (Финляндия) 21—23 июля (3—5 августа) 1907 года и *Четвертая конференция РСДРП* («Третья общероссийская»), происходившая 5—12 (18—25) ноября 1907 года в Гельсингфорсе (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., ч. I, 1954, стр. 173—181 и 182—186). — 614.

³⁴¹ Речь идет о решениях пленума ЦК РСДРП, известного под названием «объединительного», который состоялся 2—23 января (15 января — 5 февраля) 1910 года в Париже.

В работе Январского пленума ЦК приняли участие представители всех фракций и группировок, а также представители национальных социал-демократических организаций. Большинство на пленуме принадлежало примиренцам. Ленин вел на пленуме упорную борьбу против ликвидаторов, впередовцев, троцкистов и примиренцев, проводя линию на сближение большевиков с меньшевиками-партийцами. По настоянию Ленина пленум принял резолюцию «О положении дел в партии», которая осудила ликвидаторство и отзовизм, признала опасность этих течений и необходимость борьбы с ними. Оценивая значение Январского пленума, Ленин указывал, что он окончательно определил тактическую линию партии в период контрреволюции, постановив, в развитие резолюции V конференции РСДРП (Общероссийской 1908 г.), что ликвидаторство и отзовизм есть проявления буржуазного влияния на пролетариат. Пленум поставил также вопрос о необходимости создания действительного единства партии в связь с идейно-политическими задачами партии в данный исторический период. Вместе с тем Ленин резко осуждал примиренческие решения пленума. Работа пленума, борьба на нем подробно освещены в статье В. И. Ленина «Заметки публициста» (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 239—304; 4 изд., том 16, стр. 175—234). — 614.

³⁴² Выражение взято из очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом». — 615.

³⁴³ В. И. Ленин приводит выражение из произведения Н. Г. Помяловского «Очерки бурсы». — 615.

³⁴⁴ «Дзвін» («Колокол») — ежемесячный легальный националистический журнал меньшевистского направления; издавался на украинском языке в Киеве с января 1913 до середины 1914 года. Всего вышло 18 номеров. В журнале принимали участие В. Винниченко, Л. Юркевич (Рыбалка), С. Петлюра, Г. Алексинский, П. Аксельрод, Л. Троцкий и др. С началом первой мировой войны (1914—1918 гг.) журнал прекратил свое существование. — 615.

³⁴⁵ Конференция ликвидаторов состоялась в Вене в августе 1912 года; на ней оформился антипартийный Августовский блок, организатором которого был Троцкий. На конференции присутствовали представители Бунда,

Кавказского областного комитета, Социал-демократии Латышского края и заграничных группок — ликвидаторских, троцкистских, отзовистских: редакции «Голоса Социал-Демократа», венской «Правды» Троцкого и группы «Вперед». Из России послали делегатов петербургская и московская «инициативные группы» ликвидаторов, красноярская организация, «Севастопольская соц.-дем. военная организация», редакции ликвидаторских изданий «Нашей Зари» и «Невского Голоса», на конференции присутствовал также представитель от Заграничного комитета «Спилки». Подавляющее большинство делегатов состояло из лиц, проживавших за границей и оторванных от рабочего класса России, не связанных непосредственно с местной партийной работой.

Конференция приняла антипартийные, ликвидаторские решения по всем вопросам с.-д. тактики и высказалась против существования нелегальной партии. Принятая на конференции платформа носила явно оппортунистический характер. Оценку ее Ленин дал в своей статье «Платформа реформистов и платформа революционных социал-демократов» (см. Сочинения, 5 изд., том 22, стр. 167—175; 4 изд., том 18, стр. 350—358).

Попытка ликвидаторов создать свою центристскую, ликвидаторскую, партию в России не была поддержана рабочими. Ликвидаторы не смогли избрать ЦК и ограничились оформлением Организационного комитета. Созданный из разношерстных элементов антибольшевистский блок, образование которого являлось главной задачей конференции, стал распадаться уже на самой конференции. Покинул конференцию, не дожидаясь ее конца, впередовец, вскоре ушли латышские социал-демократы, затем и остальные участники. Августовский блок под ударами большевиков фактически распался уже через год-полтора. О распаде Августовского блока см. статьи В. И. Ленина «Распад «Августовского» блока», «Разоблачение «августовской» фикции», «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве» (Сочинения, 5 изд., том 25, стр. 1—4, 27—30; 4 изд., том 20, стр. 140—142, 163—166 и настоящий том, стр. 551—568). — 616.

³⁴⁶ Ленин приводит слова из севастопольской солдатской песни про сражение на речке Черной 4 августа 1855 года во время Крымской войны. Автором песни был Л. Н. Толстой. — 617.

³⁴⁷ «Народно-социалистическая» партия (энесы) — мелкобуржуазная партия, выделившаяся из правого крыла партии социалистов-революционеров (эсеров) в 1906 году. Энесы выступали за блок с кадетами. Ленин называл их «социал-кадетами», «мещанскими оппортунистами», «эсеровскими меньшевиками», колеблющимися между кадетами и эсерами, подчеркивая, что эта партия «очень мало отличается от кадетов, ибо устраняет из программы и республику и требование всей земли» (Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 24; 4 изд., том 11, стр. 200). Во главе партии стояли А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин и др. После Февральской буржуазно-демократической революции партия «народных социалистов» слилась с трудовиками, активно поддерживала деятельность буржуазного Временного правительства, послав в его состав своих представителей. После Октябрьской социалистической революции энесы участвовали в контрреволюционных заговорах и вооруженных выступлениях против Советской власти. Партия прекратила свое существование в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. — 619.

³⁴⁸ Манифест «Война и российская социал-демократия» явился первым официальным документом ЦК РСДРП, выразившим позицию большевистской партии по отношению к начавшейся мировой империалистической войне. Манифест был напечатан 1 ноября 1914 года в виде передовой

статьи в № 33 Центрального Органа РСДРП — газете «Социал-Демократ», вышедшем тиражом в 1500 экземпляров. Манифест получил широкое распространение в России и за границей. В качестве официального документа, излагающего позицию РСДРП по отношению к войне, манифест ЦК РСДРП был послан Международному социалистическому бюро (исполнительному органу II Интернационала) и в некоторые социалистические газеты Англии, Германии, Франции, Швеции, Швейцарии. 13 ноября 1914 года манифест, в несколько сокращенном виде, был напечатан в № 265 социалистической газеты «La Sentinelle», издававшейся в Швейцарии (в Шо-де-Фоне) и стоявшей на интернационалистских позициях. По указанию В. И. Ленина манифест ЦК РСДРП был послан конференции социалистов нейтральных стран.

В России полный текст манифеста был напечатан в большевистской газете «Пролетарский Голос» № 1, изданной ПК РСДРП в феврале 1915 года. Важнейшие положения и лозунги партии, провозглашенные в манифесте, нашли свое отражение в большевистских листовках, издававшихся во многих крупных промышленных центрах России. — 622.

³⁴⁹ С началом войны депутаты-большевики в IV Государственной думе А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов решительно выступили в защиту интересов рабочего класса. Проводя линию партии, они отказались голосовать за военные кредиты царизму, выступали с разоблачением империалистического, антинародного характера войны, разъясняли рабочим правду о войне, поднимали их на борьбу против царизма, буржуазии и помещиков. За революционную деятельность во время войны депутаты-большевики были преданы суду и сосланы в Сибирь. См. об этом статью В. И. Ленина «Что доказал суд над РСДР Фракцией?» (Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 163—176; 4 изд., том 21, стр. 149—154). — 625.

³⁵⁰ Вскоре после начала войны Петербургским комитетом большевиков была издана листовка с призывом к рабочим и солдатам организовываться для борьбы против войны и самодержавия с лозунгами: «Долой самодержавную монархию!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует демократическая республика!». В августе Петербургский комитет выпустил еще одно нелегальное воззвание против войны с призывом организовываться и запасаться оружием. — 625.

³⁵¹ *Международный социалистический конгресс в Штутгарте* (VII конгресс II Интернационала) происходил с 18 по 24 августа 1907 года. На конгрессе присутствовало 886 делегатов — представителей социалистических партий и профессиональных союзов. РСДРП была представлена 37 делегатами. В состав делегации большевиков входили В. И. Ленин, А. А. Богданов, И. П. Гольденберг (Мешковский), Б. А. Кнунянц, М. М. Литвинов, А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, М. Цхакая и другие.

Конгресс рассмотрел вопросы: 1) Militarизм и международные конфликты; 2) Взаимоотношения между политическими партиями и профессиональными союзами; 3) Колониальный вопрос; 4) Иммиграция и эмиграция рабочих и 5) Избирательные права женщин.

Во время конгресса В. И. Ленин проделал огромную работу по сплочению левых сил в международной социал-демократии, решительно борясь против оппортунистов и ревизионистов. Организованные В. И. Лениным совещания с представителями левых (К. Цеткин, Р. Люксембург, Л. Тышка, Г. Ледебур и другие) были первым шагом к сплочению революционных марксистов в международном социалистическом движении в эпоху импе-

риализма. В. И. Ленин принял участие в работе комиссии по главному вопросу «Милитаризм и международные конфликты». При обсуждении проекта резолюции, внесенного А. Бебелем, В. И. Ленин своими поправками, поддержанными представителями польской с.-д., добился коренного изменения его в духе революционного марксизма.

Принятие резолюции «Милитаризм и международные конфликты» явилось огромной победой революционного крыла над оппортунистическим в международном рабочем движении (см. статьи В. И. Ленина «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 67—74, 79—89; 4 изд., том 13, стр. 59—65, 66—77). — 626.

³⁵² *Международный социалистический конгресс в Копенгагене* (VIII конгресс II Интернационала) происходил с 28 августа по 3 сентября 1910 года. На конгрессе присутствовало 896 делегатов. РСДРП на конгрессе представляли В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский и другие. Для предварительного обсуждения и выработки резолюций по отдельным вопросам были образованы пять комиссий. Ленин вошел в одну из основных комиссий конгресса — кооперативную. В целях сплочения революционных марксистов на международной арене Ленин во время конгресса провел совещание с левыми социал-демократами, присутствовавшими на конгрессе.

В резолюции по вопросу о борьбе с войной — «Третейские суды и разоружение» конгресс подтвердил резолюцию Штутгартского конгресса (1907) «Милитаризм и международные конфликты», которая включала предложенные В. И. Лениным и Р. Люксембург поправки, требовавшие от социалистов всех стран использовать вызванный войной экономический и политический кризис для свержения буржуазии. Резолюция Копенгагенского конгресса обязывала также социалистические партии и их представителей в парламентах требовать от своих правительств сокращения вооружений, разрешения конфликтов между государствами посредством третейского суда, призывала рабочих всех стран к организации протестов против угрозы войны. — 626.

³⁵³ *Базельский конгресс* — Чрезвычайный международный социалистический конгресс, происходивший в Базеле 24—25 ноября 1912 года. Конгресс был созван для решения вопроса о борьбе с надвигающейся опасностью мировой империалистической войны, угроза которой еще более возросла после начала первой балканской войны. На конгрессе присутствовало 555 делегатов. ЦК РСДРП послал 6 делегатов. В день открытия конгресса состоялась многолюдная антивоенная демонстрация и международный митинг протеста против войны.

25 ноября на конгрессе был единогласно принят манифест о войне. Манифест предостерегал народы от угрозы надвигающейся мировой войны. Он вскрывал грабительские цели подготовлявшейся империалистами войны и призывал рабочих всех стран повести решительную борьбу за мир против угрозы войны, «противопоставить капиталистическому империализму мощь международной солидарности пролетариата». В случае возникновения империалистической войны манифест рекомендовал социалистам использовать экономический и политический кризис, вызываемый войной, для борьбы за социалистическую революцию.

Вожди II Интернационала (Каутский, Вандервельде и др.) на конгрессе голосовали за принятие манифеста против войны. Однако с началом мировой империалистической войны они предали забвению Базельский манифест, как и другие решения международных социалистических кон-

грессов о борьбе с войной, и встали на сторону своих империалистических правительств. — 626.

³⁵⁴ Совет объединенного дворянства — контрреволюционная организация крепостников-помещиков, оформившаяся в мае 1906 года на первом съезде уполномоченных губернских дворянских обществ и существовавшая до октября 1917 года. Во главе Совета объединенного дворянства стояли граф А. А. Бобринский, князь Н. Ф. Касаткин-Ростовский, граф Д. А. Олсуфьев, В. М. Пуришкевич и др. Ленин называл Совет объединенного дворянства «советом объединенных крепостников». Совет объединенного дворянства фактически превратился в полуправительственный орган, диктовавший правительству законодательные мероприятия, направленные на защиту интересов крепостников. Значительное число членов Совета объединенного дворянства входило в Государственный совет и руководящие центры черносотенных организаций. — 630.

³⁵⁵ В. И. Ленин приводит цитату из романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» (см. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, том XIII, 1949, стр. 197). — 630.

³⁵⁶ Ф. Энгельс. «Эмигрантская литература» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 509). — 631.

³⁵⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 166. — 631.

³⁵⁸ «Социал-Демократ» — нелегальная газета, Центральный Орган РСДРП; издавалась с февраля 1908 по январь 1917 года. Первый номер, подготовленный большевиками и частично уже отпечатанный в Вильно в частной типографии, был конфискован царской охранкой. Вскоре в Петербурге была сделана вторая попытка выпустить газету. Большая часть напечатанного тиража также попала в руки жандармов. В дальнейшем издание газеты было перенесено за границу: №№ 2—32 (февраль 1909 — декабрь 1913) вышли в Париже, №№ 33—58 (ноябрь 1914 — январь 1917) — в Женеве. Всего вышло 58 номеров, из них 5 имели приложения.

Редакция «Социал-Демократа» была составлена согласно решению ЦК РСДРП, избранного на V (Лондонском) съезде, из представителей большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов. Фактически руководителем газеты был В. И. Ленин. Его статьи занимали в «Социал-Демократе» центральное место. В газете было опубликовано более 80 статей и заметок В. И. Ленина.

Внутри редакции «Социал-Демократа» В. И. Ленин вел борьбу за последовательную большевистскую линию против меньшевиков-ликвидаторов. Непримируемая борьба Ленина против ликвидаторов привела к уходу Мартова и Дана из состава редакции в июне 1911 года. С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным.

В тяжелые годы реакции и в период нового подъема революционного движения «Социал-Демократ» имел огромное значение в борьбе большевиков против ликвидаторов, троцкистов, отзовистов, за сохранение нелегальной марксистской партии, укрепление ее единства, усиление ее связей с массами.

В годы первой мировой войны «Социал-Демократ», являясь Центральным Органом большевистской партии, сыграл исключительно важную роль в деле пропаганды большевистских лозунгов по вопросам войны, мира и революции.

Высоко оценивая заслуги «Социал-Демократа» в период первой мировой войны, В. И. Ленин позднее писал, что без изучения напечатанных

в нем статей «не обойдется ни один сознательный рабочий, желающий *понять* развитие идей международной социалистической революции и ее первой победы 25 октября 1917 года» (Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 124; 4 изд., том 27, стр. 194). — 633.

³⁵⁹ Конференция заграничных секций РСДРП происходила в Берне 14—19 февраля (27 февраля — 4 марта) 1915 года. Она была созвана по инициативе Ленина и имела значение общепартийной конференции. На конференции были представители ЦК РСДРП, Центрального Органа РСДРП — газеты «Социал-Демократ», женской социал-демократической организации, представители заграничных секций РСДРП — Парижской, Цюрихской, Бернской, Лозаннской, Женевской, Лондонской и божийской группы. На конференции присутствовали: В. И. Ленин, Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, В. М. Каспаров, Г. Л. Шкловский, Ф. Ильин, Н. В. Крыленко, И. Коронблум, М. М. Харитонов, Г. Я. Беленький, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин и др. В качестве гостей в конференции приняли участие все члены Бернской секции, некоторые члены Лозаннской секции и божийской группы. В. И. Ленин был делегатом от ЦК и ЦО РСДРП. Он руководил всей работой конференции. Основным пунктом повестки дня конференции был вопрос о войне и задачах партии. С докладом по этому вопросу выступил Ленин.

В своем докладе В. И. Ленин развил положения манифеста ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия».

Оживленную дискуссию вызвал вопрос о лозунге «Соединенных Штатов Европы». Как пишет Ленин в своем вступлении к резолюциям конференции, эта дискуссия приняла односторонний политический характер, и вопрос было решено отложить до обсуждения в печати экономической стороны дела. Однако широкого обсуждения в печати лозунга «Соединенных Штатов Европы» не было. Вопрос был исчерпан опубликованием в № 40 «Социал-Демократа» статьи В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы», в которой В. И. Ленин разъяснил неправильность этого лозунга (см. настоящий том, стр. 633—636).

В резолюциях, принятых по докладу В. И. Ленина, Бернская конференция определила задачи и тактику большевистской партии в условиях империалистической войны.

Конференция приняла также резолюции: «Задачи заграничных организаций РСДРП», «Отношение к «колониальным» делам» и «О сборах в пользу Центрального Органа». Конференция избрала новый состав Комитета заграничных организаций партии.

В. И. Ленин высоко оценивал значение Бернской конференции и предлагал много усилий к более широкому распространению ее решений, которые, как он указывал, дали точное изложение принципов и тактики партии. Все основные резолюции конференции с введением к ним, написанным Лениным, были напечатаны в газете «Социал-Демократ» и, в качестве приложения, в брошюре В. И. Ленина «Социализм и война», изданной на русском и немецком языках. Резолюции Бернской конференции были изданы также отдельным листком на французском языке, который был роздан делегатам Циммервальдской социалистической конференции и послан левым элементам международной социал-демократии. Резолюции конференции см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 324—331. — 633.

³⁶⁰ Настоящее примечание к манифесту ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» было написано В. И. Лениным в связи с подготовкой к печати брошюры «Социализм и война», в приложении к которой предполагалось напечатать манифест, резолюции бернской конференции заграничных секций РСДРП и резолюцию поронинского совещания

ЦК РСДРП с партийными работниками (1913). Согласно указанию В. И. Ленина примечание к манифесту ЦК РСДРП было напечатано. — 637.

³⁶¹ Книга *«Империализм, как высшая стадия капитализма»* была написана в январе — июне 1916 года в Цюрихе.

Новые явления в развитии капитализма Ленин отмечал задолго до начала первой мировой войны. В ряде работ, написанных в 1895—1913 годах (*«Проект и объяснение программы социал-демократической партии»* (1895—1896), *«Концентрация производства в России»* (1912), *«Рост капиталистического богатства»* (1913), *«Отсталая Европа и передовая Азия»* (1913), *«Исторические судьбы учения Карла Маркса»* (1913) и других), Ленин вскрывал и анализировал отдельные черты, характерные для эпохи империализма.

Ленин внимательно следил за новейшей литературой о капитализме, изучал ее. Об этом свидетельствует его рецензия на книгу Д. А. Гобсона *«Эволюция современного капитализма»* (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 153—156; 4 изд., том 4, стр. 84—87). В августе 1904 года Ленин начал переводить книгу Гобсона *«Империализм»* (см. Сочинения, 5 изд., том 55, стр. 237; 4 изд., том 37, стр. 287).

Всесторонним исследованием монополистической стадии развития капитализма Ленин занялся с начала первой мировой войны. Подготовительные материалы к книге *«Империализм, как высшая стадия капитализма»* (*«Тетради по империализму»*) составляют около 50 печатных листов. Они содержат выписки из 148 книг (в том числе 106 немецких, 23 французских, 17 английских и 2 в русском переводе) и из 232 статей (из них 206 немецких, 13 французских и 13 английских), помещенных в 49 различных периодических изданиях (34 немецких, 7 французских и 8 английских).

В начале января 1916 года Ленин принял предложение о написании книги по империализму для легального издательства «Парус», основанного в декабре 1915 года в Петрограде. В письме А. М. Горькому 29 декабря 1915 года (11 января 1916) Ленин писал: «Сажусь за работу над брошюрой об империализме» (Сочинения, 5 изд., том 49, стр. 170; 4 изд., том 35, стр. 166). В первой половине февраля 1916 года Ленин из Берна переехал в Цюрих, где он продолжал собирать и обрабатывать материалы по империализму. 19 июня (2 июля) 1916 года Ленин писал М. Н. Покровскому, проживавшему во Франции и редактировавшему серию брошюр, выпускавшихся издательством «Парус» о государствах Западной Европы в период первой мировой войны: «Посылаю Вам сегодня заказной бандеролью рукопись» (там же, стр. 256; 178). Рукопись, отосланная одновременно с письмом, не дошла до Покровского, и пришлось пересылать ее вторично. Кроме того, издательство предложило сократить уже готовую рукопись с пяти до трех печатных листов; однако Ленин не сократил работу, так как, по его словам, «сжать еще раз до 3-х листов было абсолютно невозможно» (там же).

После того как книга попала в издательство, меньшевистские элементы, бывшие у руководства издательством, удалили из книги резкую критику Каутского и Мартова, внесли в рукопись правку, которая не только стирала своеобразие ленинского стиля, но и искажала его мысли. Ленинское слово «перерастание» (капитализма в империализм) заменили словом «превращение», «реакционный характер» (теории «ультраимпериализма») — словами «отсталый характер» и т. д. В середине 1917 года книга была напечатана под названием *«Империализм, как новейший этап капитализма (Популярный очерк)»* с предисловием Ленина, помеченным 26 апреля 1917 года. — 638.

³⁶² Настоящее предисловие впервые было опубликовано в октябре 1921 года под заглавием «Империализм и капитализм» в № 18 журнала «Коммунистический Интернационал». При жизни Ленина отдельные издания книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» вышли: на немецком языке в 1921 году и на французском и английском (не полностью) — в 1923. — 640.

³⁶³ *Брест-Литовский мир* был заключен между Советской Россией и странами германского блока (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) в Брест-Литовске 3 марта 1918 года и ратифицирован 15 марта IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов. После победы в Германии революции, свергнувшей монархический режим, 13 ноября 1918 года ВЦИК объявил об аннулировании грабительского, несправедливого Брест-Литовского договора. — 642.

³⁶⁴ *Версальский мир* — империалистический договор, который Антанта навязала Германии, потерпевшей поражение в первой мировой войне 1914—1918 годов; был подписан 28 июня 1919 года в Версале (Франция). — 642.

³⁶⁵ «*Вильсонизм*» — по имени В. Вильсона, президента США в 1913—1921 годах. В первый год своего президентства Вильсон провел ряд законов (о прогрессивном подоходном налоге, антитрестовский закон и другие), которые демагогически именовал эрой «новой свободы». Вильсон, писал Ленин, идол мещан и пацифистов, которые надеялись, что он «спасет «социальный мир», помирит эксплуататоров с эксплуатируемыми, осуществит социальные реформы» (Сочинения, 5 изд., том 41, стр. 224; 4 изд., том 31, стр. 199). Грабительскую внешнюю политику американского империализма Вильсон и его сторонники маскировали лицемерными демагогическими лозунгами и фразами о «демократии» и «союзе народов». С первых дней Советской власти Вильсон являлся одним из вдохновителей и организаторов интервенции против Советской России. В целях противодействия глубокому влиянию, которое оказывала на народные массы всех стран мирная политика Советского правительства, Вильсон выступил с демагогической «программой мира», сформулированной им в «14 пунктах», которая должна была служить маскировкой агрессивной политики США. Американская пропаганда и европейская буржуазная пресса создавали Вильсону ложный ореол борца за мир. Однако лицемерие мелкобуржуазных фраз Вильсона и «вильсонистов» было очень быстро разоблачено реакционной антирабочей политикой внутри страны и агрессивной внешней политикой США. — 642.

³⁶⁶ В. И. Ленин имеет в виду II (Бернский) Интернационал, созданный на конференции социалистических партий в Берне в феврале 1919 года лидерами западноевропейских социалистических партий взамен переставшего существовать с началом первой мировой войны II Интернационала. Бернский Интернационал фактически играл роль прислужника международной буржуазии. «Это настоящий желтый Интернационал», — так отзывался о нем В. И. Ленин (Сочинения, 5 изд., том 38, стр. 307; 4 изд., том 29, стр. 285). — 643.

³⁶⁷ «*Независимая с.-д. партия Германии*» — центристская партия, созданная в апреле 1917 года на учредительном съезде в Готе. «Независимцы», маскируясь центристской фразой, проповедовали «единство» с социал-шовинистами, скатывались к отказу от классовой борьбы. Основную часть партии составила каутскианская организация «Трудовое содружество».

В октябре 1920 года на съезде «Независимой социал-демократической партии» в Галле произошел раскол. Значительная часть ее в декабре 1920 года объединилась с Коммунистической партией Германии. Правые элементы образовали отдельную партию и приняли старое название «Независимая социал-демократическая партия Германии»; партия просуществовала до 1922 года. — 643.

³⁶⁸ *Спартак* — революционная организация германских левых социал-демократов; оформилась в январе 1916 года во главе с К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин, Ю. Мархлевским, Л. Иогихесом (Тышка), В. Пиком. В апреле 1915 года Р. Люксембург и Ф. Меринг основали журнал «Die Internationale», вокруг которого сплотилась основная группа левых социал-демократов Германии. С 1916 года группа «Интернационал», кроме политических листовок, выпускавшихся в 1915 году, стала нелегально издавать и распространять «Политические письма» за подписью «Спартак» (выходили регулярно до октября 1918 года), и группа «Интернационал» стала называться группой «Спартак». Спартаковцы вели революционную пропаганду в массах, организовали массовые антивоенные выступления, руководили стачками, разоблачали империалистический характер мировой войны и предательство оппортунистических лидеров социал-демократии. Однако спартаковцы допускали серьезные ошибки в вопросах теории и политики. Ленин неоднократно критиковал ошибки германских левых социал-демократов (см. «О брошюре Юниуса», «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» и другие).

В апреле 1917 года спартаковцы вошли в центристскую «Независимую социал-демократическую партию Германии», сохранив в ней свою организационную самостоятельность. В ноябре 1918 года, в ходе революции в Германии, спартаковцы оформились в «Союз Спартака» и, опубликовав 14 декабря 1918 года свою программу, порвали с «независимцами». 30 декабря 1918 — 1 января 1919 года спартаковцы создали Коммунистическую партию Германии. — 644.

³⁶⁹ *Версальцы* — злейшие враги Парижской Коммуны 1871 года, сторонники французского контрреволюционного буржуазного правительства во главе с А. Тьером, обосновавшегося в Версале после победы Коммуны. Версальцы при подавлении Парижской Коммуны расправлялись с коммунарами с неслыханной жестокостью. После 1871 года слово «версальцы» стало синонимом озверелой контрреволюции. — 644.

³⁷⁰ Подробный анализ и конспект книги Дж. А. Гобсона «Imperialism. A Study» («Империализм. Исследование». Лондон, 1902) дан в ленинских «Тетрадах по империализму» (см. Сочинения, 5 изд., том 28, стр. 381—414; 4 изд., том 39, стр. 381—414). В 1904 году Ленин переводил книгу Гобсона на русский язык (см. Сочинения, 5 изд., том 55, стр. 237; 4 изд., том 37, стр. 287); рукопись перевода, сделанного Лениным, пока не разыскана. Ленин писал о книге Гобсона, что она «полезна вообще, а особенно полезна тем, что помогает вскрыть основную фальшь каутскианства в этом вопросе» (Сочинения, 5 изд., том 28, стр. 91; 4 изд., том 39, стр. 91). Используя богатый фактический материал книги Гобсона, Ленин в то же время подвергает критике его реформистские выводы и попытки в прикрытой форме защитить империализм. — 645.

³⁷¹ Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» и в «Тетрадах по империализму» неоднократно ссылается на книгу Р. Гильфердинга «Финансовый капитал». Используя фактические материалы этого источника для характеристики отдельных сторон монополистического

капитализма, Ленин в то же время критикует автора за немарксистские положения и выводы по важнейшим вопросам империализма. В «Тетрадах по империализму» Ленин характеризует Гильфердинга — одного из лидеров II Интернационала — как кантианца и каутскианца, реформатора и «уго-варивателя империалистской буржуазии» (Сочинения, 5 изд., том 28, стр. 592; 4 изд., том 39, стр. 592). Несмотря на серьезные ошибки, книга Гильфердинга сыграла определенную положительную роль в исследовании новейшей фазы развития капитализма. — 645.

³⁷² Имеется в виду резолюция Хемницкого съезда германской социал-демократии по вопросу об империализме и отношении социалистов к войне, принятая 20 сентября 1912 года. В резолюции осуждалась империалистическая политика и подчеркивалась важность борьбы за мир. — 645.

³⁷³ «*Die Bank*» («Банк») — журнал немецких финансистов, выходил в Берлине с 1908 по 1943 год. — 657.

³⁷⁴ См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 620. — 664.

³⁷⁵ Биржевой крах разразился в первой половине 1873 года сначала в Австро-Венгрии, затем в Германии и других странах. В начале 70-х годов кредитная экспансия, грюндерство (от немецкого слова «Gründer»: учредитель), биржевая спекуляция приобрели невиданные ранее размеры. Биржевая спекуляция продолжала расти в период, когда и промышленность и торговля уже испытывали явные признаки развивающегося мирового экономического кризиса. Катастрофа разразилась 9 мая 1873 года на венской бирже; в течение 24 часов акции обесценились на сотни миллионов; число банкротств было огромно. Биржевая катастрофа перекинулась в Германию. «То, что произошло в Париже в 1867 г., — писал Энгельс, — то, что часто происходило в Лондоне и Нью-Йорке, не замедлило произойти в Берлине в 1873 году: непомерная спекуляция завершилась всеобщим крахом. Компании банкротились сотнями. Акции тех компаний, которые держались, невозможно было продать. Разгром был полный по всей линии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 178). — 666.

³⁷⁶ Грюндерские скандалы происходили в период усиленного роста учредительства акционерных обществ в начале 70-х годов прошлого столетия в Германии. Рост грюндерства сопровождался бешеной спекуляцией землей и ценными бумагами на бирже, мошенническими проделками обогащавшихся буржуазных дельцов. — 666.

³⁷⁷ Теория «организованного капитализма», буржуазно-апологетический характер и антинаучность которой Ленин разоблачает в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» и в «Тетрадах по империализму», изображает империализм в виде особого, преобразованного капитализма, где якобы устранены конкуренция и анархия производства, экономические кризисы, осуществляется планомерное развитие народного хозяйства. Теория «организованного капитализма», выдвинутая идеологами монополистического капитализма — Зомбартом, Лифманом и др., была подхвачена реформистами — Каутским, Гильфердингом и другими теоретиками II Интернационала. Современные защитники империализма сочиняют многочисленные варианты теории «организованного» и «планового» капитализма, рассчитанные на обман народных масс, на приукрашивание монополистического капитализма. Жизнь убедительно доказала правильность ленинской характеристики империализма; господство монополий не устраняет, а обостряет анархию производства, не избавляет капиталистическое хозяйство от

кризисов. После второй мировой войны в главной стране современного капитализма — Соединенных Штатах Америки — только за период с 1948 по 1961 год имело место четыре кризисных падения производства (в 1948—1949, 1953—1954, 1957—1958 и 1960—1961 годы). — 672.

³⁷⁸ Ленинская критика буржуазно-реформистских теорий о «демократизации капитала», сочинявшихся в целях прикрашивания империализма и затушевывания господства монополий, всецело подтверждается современной действительностью. Распространение мелких акций используется магнатами капитала для усиления эксплуатации и обмана народа, для обогащения магнатов капитала. Вопреки заявлениям буржуазной пропаганды о массовом распространении в современных империалистических странах мелких («народных») акций, в действительности лишь немногие квалифицированные рабочие — представители так называемой рабочей аристократии — могут приобретать акции. Например, в США в 1958 году около полумиллиона рабочих семей имело акции, стоимость которых составляет всего лишь 0,2% общей стоимости всех имеющихся в стране акций. В то же время одно семейство Дюпонов имеет в 10 раз больше акций, чем все американские рабочие вместе взятые. Таким образом, реальная действительность опрокидывает апологетические теории о превращении рабочих в собственников (совладельцев) предприятий, об «уравнивании» доходов капиталистов и рабочих. Современный капитализм характеризуется углублением пропасти между трудом и капиталом, народом и монополиями. — 675.

³⁷⁹ Ленин имеет в виду Г. В. Плеханова. Высказывания Г. В. Плеханова по вопросу об империализме содержатся в сборнике его статей «О войне», изданном в Петрограде в годы войны. — 675.

³⁸⁰ *Французская Панама* — выражение, возникшее в связи с разоблачением во Франции в 1892—1893 годах огромных злоупотреблений, продажности государственных и политических деятелей, чиновников и газет, подкупленных французской компанией по сооружению Панамского канала. — 683.

³⁸¹ Подробный критический разбор статьи К. Каутского «Der Imperialismus», напечатанной в журнале «Die Neue Zeit», 1914, Jg. 32, Bd. 2, № 21 см. у Ленина в «Тетрадах по империализму». Там же содержится разносторонний анализ статей К. Каутского и каутскианцев об империализме. Ленин показывает, что взгляды каутскианцев на империализм являются мелкобуржуазным реформизмом, замаскированным под марксизм, что они «за чистенький, прилизанный, умеренный и аккуратный капитализм» (см. Сочинения, 5 изд., том 28, стр. 91, 171—172, 241—246 и др.; 4 изд., том 39, стр. 91, 171—172, 241—246 и др.). — 713.

³⁸² Ленин при подготовке книги об империализме уделил большое внимание статистике железных дорог. Материалы, приведенные в «Тетрадах по империализму» (см. Сочинения, 5 изд., том 28, стр. 462—468, 470—473; 4 изд., том 39, стр. 462—468, 470—473), показывают, как Ленин собирал по различным источникам и обрабатывал обширные данные о развитии сети железных дорог по разным странам (крупнейшие державы, самостоятельные и полусамостоятельные государства, колонии) за 1890 и 1913 годы. Итоги этого исследования Ленин обобщил в двух кратких таблицах (см. настоящий том, стр. 715—716). — 715.

³⁸³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 105. — 724.

³⁸⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 35, стр. 14. — 724.

³⁸⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 272—285. — 724.

³⁸⁶ См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 126. — 730.

³⁸⁷ В. И. Ленин имеет в виду так называемый «заключительный протокол», подписанный 7 сентября 1901 года между империалистическими державами (Англия, Австро-Венгрия, Бельгия, Франция, Германия, Италия, Япония, Россия, Нидерланды, Испания и США) и Китаем в результате подавления боксерского восстания 1899—1901 годов. Иностранный капитал получал новые возможности для эксплуатации и грабежа Китая. — 734.

³⁸⁸ *Боксерское восстание* — народное антиимпериалистическое восстание в Китае в 1899—1901 годах, поднятое обществом «И-хэ-цюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»), позже получившим название «И-хэ-туань». Восстание было жестоко подавлено объединенным карательным корпусом империалистических держав во главе с германским генералом Вальдерзее. В подавлении восстания приняли участие германские, японские, английские, американские и русские империалисты. Китай был вынужден подписать в 1901 году так называемый «заключительный протокол», согласно которому он превращался в полуколонию иностранного империализма.

О борьбе китайского народа против иностранного господства см. статью В. И. Ленина «Китайская война» (Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 378—383; 4 изд., том 4, стр. 347—352). — 735.

³⁸⁹ Статья «О рождающемся направлении «империалистического экономизма»» и написанные вслед за ней статьи «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)» и «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» (см. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 68—74 и 75—130; 4 изд., том 23, стр. 10—15, 16—64) были направлены против немарксистской, антибольшевистской позиции группы Бухарина — Пятакова — Бош. Эта группа начала складываться в ходе подготовки к печати журнала «Коммунист», издание которого было предпринято весной 1915 года редакцией «Социал-Демократа» совместно с Г. Л. Пятаковым и Е. Б. Бош, взявшими на себя финансирование издания, и Н. И. Бухариным, вошедшим в редакцию журнала. Разногласия между Лениным, с одной стороны, и Пятаковым, Бош и Бухариным — с другой, обострились после выхода в свет в сентябре 1915 года № 1—2 журнала «Коммунист». Бухарин, Пятаков и Бош, переехавшие летом 1915 года из Божьего в Стокгольм, объединились на базе подписанных ими и присланных осенью 1915 года в редакцию «Социал-Демократа» тезисов «О лозунге права наций на самоопределение», в которых они выступали против ленинской теории социалистической революции, отвергали необходимость борьбы за демократию в эпоху империализма, требовали отказа партии от лозунга права наций на самоопределение.

Не ограничиваясь теоретическими разногласиями, группа Пятакова — Бош — Бухарина прямо выступала против линии и лозунгов партии, хотела использовать в своих фракционных целях «Коммунист», пыталась диктовать редакции «Социал-Демократа» свои условия. Пятаков и Бош обратились к ЗБЦК с требованием оформить их группу как особую группу, не подчиненную Заграничному Бюро ЦК, с предоставлением ей права самостоятельных связей с российской частью ЦК, издания листовок и другой литературы. Получив отказ, они, несмотря на это, сделали попытку установить сепаратно от ЗБЦК связи с бюро ЦК РСДРП в России.

Ленин, выражая решительное несогласие с тезисами группы Пятакова — Бош — Бухарина, писал, что за эти тезисы «мы ни прямо ни косвенно — даже за соседство с ними в нашей партии, не говоря о равноправии, — ответственности взять не можем». В письмах Н. И. Бухарину, Г. Л. Пятакову, Г. Е. Зиновьеву, А. Г. Шляпникову Ленин резко критиковал взгляды и антипартийные, фракционные действия группы Пятакова — Бош — Бухарина, осуждал примиренческую позицию к ней Зиновьева и Шляпникова. По предложению Ленина совместное издание редакцией «Социал-Демократа» с группой Пятакова — Бош — Бухарина журнала «Коммунист» было прекращено.

Статья «О рождающемся направлении «империалистического экономизма»» написана Лениным в связи с получением редакцией «Социал-Демократа» замечаний Бухарина на тезисы «Социалистическая революция и право наций на самоопределение». Статья в то время не была напечатана. — 743.

³⁹⁰ Речь идет о статье «Кто совершит политическую революцию?», которая была напечатана в сборнике «Пролетарская борьба» № 1, изданном «Уральской социал-демократической группой» в 1899 году, а затем переизданной Киевским комитетом в виде отдельной брошюры. Автор брошюры А. А. Санин, стоявший на позициях «экономизма», выступал против создания самостоятельной политической партии рабочего класса, отрицал необходимость политической революции и считал, что социалистическое преобразование в России являлось непосредственной задачей и что его можно совершить путем всеобщей стачки. — 743.

³⁹¹ Речь идет о конференции заграничных секций РСДРП (см. примечание № 359 настоящего тома). — 743.

³⁹² Имеются в виду тезисы «О лозунге права наций на самоопределение», составленные Н. И. Бухариным в ноябре 1915 года и посланные редакции «Социал-Демократа» за подписью Н. И. Бухарина, Г. Л. Пятакова, Е. Б. Бош. — 743.

³⁹³ Речь идет о проекте программы голландских левых, написанном Г. Роланд-Гольст и напечатанном 29 февраля 1916 г. в № 3 «Бюллетеня» Интернациональной социалистической комиссии под заглавием «Ein Programm-Entwurf der R. S. V. und der S. D. A. P. Hollands» («Проект программы Революционно-социалистического союза и Социал-демократической рабочей партии Голландии»), за подписью Г. Роланд-Гольст, И. Фишера, Д. Вайнкопа, И. Сетон. — 743.

³⁹⁴ «*Vorbote*» («Предвестник») — журнал, теоретический орган Циммервальдской левой; выходил на немецком языке в Берне. Вышло два номера: № 1 — в январе и № 2 — в апреле 1916 года. Официальными издателями журнала были Г. Роланд-Гольст и А. Паннекук. Ленин принял деятельное участие в основании журнала, а после выхода № 1 журнала — в организации перевода его на французский язык для более широкого распространения. На страницах журнала развернулась дискуссия левых циммервальдистов по вопросу о праве наций на самоопределение и о лозунге «разоружения». Кроме статьи «Оппортунизм и крах II Интернационала», в журнале была напечатана статья Ленина «Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы)». — 744.

³⁹⁵ Ленин имеет в виду совещание *расширенной Интернациональной социалистической комиссии*, которое состоялось в Берне с 5 по 9 февраля

1916 года. На совещании присутствовали 22 представителя от интернационалистов ряда стран, в том числе Германии, России, Италии, Норвегии, Австрии, Польши, Швейцарии, Болгарии и Румынии. Состав совещания свидетельствовал об изменении соотношения сил в пользу левых, однако большинство его участников, как и на Циммервальдской конференции, было центристским.

Ленин принял активное участие в работе совещания: им были написаны «Проект постановления о созыве второй социалистической конференции» и предложения делегации об условиях представительства на ней (см. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 228, 229—230; 4 изд., том 22, стр. 109, 110).

Совещание приняло обращение «Ко всем примыкающим партиям и группам» («Rundschreiben an alle angeschlossenen Parteien und Gruppen»), в которое под давлением большевиков и левых социал-демократов были включены поправки в духе Циммервальдской левой. Однако обращение страдало непоследовательностью, поскольку в нем отсутствовало требование разрыва с социал-шовинизмом и оппортунизмом. Не все поправки В. И. Ленина к обращению были приняты совещанием. Голосуя за текст обращения, представители Циммервальдской левой заявили на совещании, что, хотя они не во всех положениях находят его удовлетворительным, они голосуют за него, видя в нем шаг вперед по сравнению с решениями первой международной социалистической конференции в Циммервальде.

«Проект постановления о созыве второй социалистической конференции», внесенный Лениным, был обсужден на совещании расширенной ИСК; ряд пунктов проекта постановления был принят. Был назначен срок созыва второй международной социалистической конференции. Вскоре после совещания Ленин разослал заграничным секциям большевиков информационное сообщение о нем с указанием о немедленной подготовке к предстоящей второй международной социалистической конференции. — 744.

³⁹⁶ В. И. Ленин имеет в виду программу французской рабочей партии 1880 года и программы германской социал-демократии — Готскую 1875 года и Эрфуртскую 1891 года. — 746.

³⁹⁷ Статья «Военная программа пролетарской революции» (В. И. Ленин в переписке называет ее «Entwaffnung» — «О разоружении») была написана на немецком языке и предназначалась к опубликованию в печати швейцарских, шведских и норвежских левых с.-д. Но в то время она не была напечатана. Вскоре Ленин несколько переработал статью для издания ее на русском языке. Статья под заглавием «О лозунге «разоружения»» была напечатана в «Сборнике «Социал-Демократа»» № 2 в декабре 1916 года (см. Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 151—162; 4 изд., том 23, стр. 83—93).

Первоначальный, немецкий текст статьи был опубликован в органе Международного союза социалистических организаций молодежи «Jugend-Internationale» №№ 9 и 10 за сентябрь и октябрь 1917 года под заглавием «Das Militärprogramm der proletarischen Revolution». При публикации статьи редакция журнала поместила следующее предисловие: «В наши дни, когда Ленин является одним из тех деятелей русской революции, о которых чаще всего говорят, нижеследующая статья этого старого железного революционера, излагающая значительную часть его политической программы, представляет особый интерес. Статья доставлена им в нашу редакцию незадолго до его отъезда из Цюриха в апреле 1917 г.». Заголовок к статье, по-видимому, был дан редакцией журнала. — 751.

³⁹⁸ «Jugend-Internationale» («Интернационал Молодежи») — орган Международного союза социалистических организаций молодежи, примы-

кавшего к Циммервальдской левой; выходил с сентября 1915 года по май 1918 года в Цюрихе, редактировался В. Мюнценбергом. Оценку «Jugend-Internationale» см. в статье В. И. Ленина «Интернационал Молодежи» (Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 225—229; 4 изд., том 23, стр. 153—156). — 751.

³⁹⁹ Имеются в виду тезисы по военному вопросу, составленные Р. Гриммом и напечатанные в газете «Grütliener» №№ 162 и 164 от 14 и 17 июля 1916 года.

В связи с усилением опасности вовлечения Швейцарии в войну, в швейцарской социал-демократической партии возникла дискуссия по вопросу об отношении к войне. В апреле 1916 года Правление швейцарской с.-д. партии поручило видным деятелям партии — Р. Гримму, Г. Мюллеру, Ш. Нэну, П. Пфлюгеру и др. — высказать в печати свое мнение по этому вопросу. Каждым из них были написаны статьи или тезисы, которые печатались в газетах «Berner Tagwacht», «Volksrecht», «Grütliener».

В. И. Ленин внимательно следил за ходом дискуссии, изучал материалы, писал свои замечания к тезисам. Все эти материалы напечатаны в Ленинском сборнике XVII. — 751.

⁴⁰⁰ «Neues Leben» («Новая Жизнь») — ежемесячный журнал, орган Социал-демократической партии Швейцарии; издавался в Берне с января 1915 по декабрь 1917 года. Журнал проводил взгляды правых циммервальдистов; с начала 1917 года занял социал-шовинистическую позицию. — 751.

⁴⁰¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 356—357. — 753.

⁴⁰² Имеются в виду международные социалистические конференции в Циммервальде и Кинтале.

Циммервальдская, или первая международная социалистическая, конференция происходила 5—8 сентября 1915 года. На ней присутствовало 38 делегатов от социалистов 11 европейских стран: Германии, Франции, Италии, России, Польши, Румынии, Болгарии, Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии. Делегацию ЦК РСДРП возглавлял В. И. Ленин.

На конференции были обсуждены следующие вопросы: 1) доклады представителей отдельных стран; 2) совместная декларация представителей Германии и Франции; 3) предложение Циммервальдской левой о принятии принципиальной резолюции; 4) принятие манифеста; 5) выборы в Интернациональную социалистическую комиссию (I. S. K.); 6) принятие резолюции симпатии жертвам войны и преследуемым.

Конференция приняла выработанный комиссией манифест — воззвание «К пролетариям Европы», в который, благодаря настойчивости Ленина и левых социал-демократов, удалось ввести ряд основных положений революционного марксизма. Кроме того, конференция приняла общую декларацию немецкой и французской делегаций, резолюцию симпатии жертвам войны и борцам, преследуемым за политическую деятельность, и избрала Интернациональную социалистическую комиссию.

На конференции была создана Циммервальдская левая группа, в состав которой входили представители ЦК РСДРП во главе с Лениным, краевого правления Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, ЦК Социал-демократии Латышского края, шведских левых (З. Хёглунд), норвежских левых (Т. Нерман), швейцарских левых (Ф. Платтен), группы «Интернациональные социалисты Германии» (Ю. Борхардт). Циммервальдская левая группа на конференции вела активную борьбу против центрист-

ского большинства конференции. До конца последовательную позицию в ней занимали только представители партии большевиков.

Оценку Циммервальдской конференции и тактики большевиков на ней Ленин дал в статьях «Первый шаг» и «Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.» (см. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 37—42 и 43—47; 4 изд., том 21, стр. 350—355 и 356—359).

Кинтальская, или вторая международная социалистическая, конференция происходила в местечке Кинталь (Швейцария) 24—30 апреля 1916 года. На ней присутствовало 43 делегата от социалистов 10 стран: России, Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Польши, Норвегии, Австрии, Сербии, Португалии. Кроме того, в качестве гостей были делегат от Англии и делегат секретариата Интернационала молодежи. Представители Независимой рабочей партии Англии, социалистов США, Болгарии, Румынии, Греции, Швеции не могли получить паспортов и поэтому отсутствовали; некоторые представители левых передали свои полномочия другим партиям: «Социал-демократия Латышского края передала свой мандат ЦК РСДРП; представитель голландских левых, Г. Роланд-Гольст, — краевому правлению Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. От ЦК РСДРП на конференции присутствовало 3 представителя во главе с В. И. Лениным.

На конференции были обсуждены следующие вопросы: 1) борьба за окончание войны, 2) отношение пролетариата к вопросам мира, 3) агитация и пропаганда, 4) парламентская деятельность, 5) массовая борьба, 6) созыв Международного социалистического бюро.

Циммервальдская левая группа, возглавляемая В. И. Лениным, на Кинтальской конференции занимала более прочные позиции, чем в Циммервальде. Она объединяла 12 делегатов, а по некоторым вопросам за ее предложения голосовали до 20 человек, т. е. почти половина состава конференции. Это отражало изменение соотношения сил в международном рабочем движении в пользу интернационализма.

Конференция приняла манифест — обращение «К разоряемым и умерщвляемым народам» и резолюции с критикой пацифизма и Международного социалистического бюро. Решения конференции В. И. Ленин оценивал как дальнейший шаг вперед в деле сплочения интернационалистов в борьбе против империалистической войны.

Циммервальдская и Кинтальская конференции способствовали сплочению на идейной основе марксизма-ленинизма левых элементов западноевропейской социал-демократии, которые впоследствии сыграли активную роль в борьбе за создание коммунистических партий в своих странах и образовании III, Коммунистического, Интернационала. — 757.

⁴⁰³ «Социал-демократическая трудовая группа» («Arbeitsgemeinschaft» — «Трудовое содружество») — организация германских центристов; образована в марте 1916 года депутатами рейхстага, отколовшимися от с.-д. фракции рейхстага. Во главе группы стояли Г. Гаазе, Г. Ледебур, В. Дитман. Группа издавала «Lose Blätter» («Свободные Листки») и до апреля 1916 года имела преобладание в редакции газеты «Vorwärts». После удаления центристов из «Vorwärts'a» она сделала своим центральным органом выходившие в Берлине «Mitteilungsblätter» («Осведомительные Листки»). Группа имела за собою большинство берлинской организации. «Социал-демократическая трудовая группа» составила основное ядро образовавшейся в апреле 1917 года Независимой социал-демократической партии Германии, которая оправдывала открытых социал-шовинистов и выступала за сохранение единства с ними. — 757.

⁴⁰⁴ Военно-промышленные комитеты были созданы в России в мае 1915 года крупной империалистической буржуазией для помощи царизму в ведении войны. Председателем Центрального военно-промышленного комитета был крупнейший капиталист, лидер октябристов А. И. Гучков. В комитет входили фабрикант А. И. Коновалов, банкир и сахарозаводчик М. И. Терещенко и другие магнаты капитала. Пытаясь подчинить рабочих своему влиянию и привить им оборонческие настроения, буржуазия решила организовать «рабочие группы» при комитетах и тем самым показать, что в России установлен «классовый мир» между буржуазией и пролетариатом. Большевики объявили бойкот военно-промышленных комитетов и успешно его провели при поддержке большинства рабочих.

В результате разъяснительной работы, проведенной большевиками, из общего числа 239 областных и местных военно-промышленных комитетов выборы в «рабочие группы» прошли лишь в 70 комитетах, а рабочие представители были избраны только в 36 комитетах. — 757.

⁴⁰⁵ «Базельский манифест» — манифест о войне, принятый на Чрезвычайном международном социалистическом конгрессе, происходившем в Базеле (Швейцария) 24—25 ноября 1912 года (см. примечание № 353 настоящего тома). — 758.

⁴⁰⁶ «*La Sentinelle*» («Часовой») — газета, орган социал-демократической организации кантона Невшатель (Швейцария); выходила в Шо-де-Фоне с 1890 года. С 1906 по 1910 год не издавалась. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета занимала интернационалистскую позицию. 13 ноября 1914 года в № 265 газеты был напечатан в сокращенном виде манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». — 761.

⁴⁰⁷ «*Volksrecht*» («Народное Право») — ежедневная газета, орган Социал-демократической партии Швейцарии; выходит в Цюрихе с 1898 года. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета редактировалась Э. Нобсом, помещала статьи левых циммервальдистов. В ней были напечатаны статьи Ленина «Двенадцать кратких тезисов о защите Г. Грейлихом защиты отечества», «О задачах РСДРП в русской революции», «Проделки республиканских шовинистов» и другие. В настоящее время позиция газеты по основным вопросам внутренней и внешней политики принципиально почти ничем не отличается от позиции буржуазных газет. — 761.

⁴⁰⁸ «*Berner Tagwacht*» («Бернский Часовой») — газета, орган Социал-демократической партии Швейцарии; выходит с 1893 года в Берне. В 1909—1918 гг. редактором газеты был Р. Гримм. В начале мировой империалистической войны в газете публиковались статьи К. Либкнехта, Ф. Меринга и других левых социал-демократов. С 1917 года газета стала открыто поддерживать социал-шовинистов. В настоящее время позиция газеты по основным вопросам внутренней и внешней политики совпадает с позицией буржуазных газет. — 761.

⁴⁰⁹ В. И. Ленин имеет в виду съезд Социал-демократической партии Швейцарии в Аарау, происходивший 20—21 ноября 1915 года. Центральным пунктом порядка дня съезда был вопрос об отношении швейцарской социал-демократии к Циммервальдскому объединению интернационалистов. Вокруг этого вопроса в швейцарской социал-демократии развернулась борьба трех направлений: 1) антициммервальдистов (Г. Грейлих, П. Пфлюгер и др.), 2) сторонников циммервальдской правой (Р. Гримм, П. Грабер и др.) и 3) сторонников Циммервальдской левой (Ф. Платтен, Э. Нобс

и др.). Р. Гриммом была внесена резолюция, в которой швейцарской с.-д. партии предлагалось присоединиться к Циммервальдскому объединению и одобрить политическую линию правых циммервальдистов. Швейцарские левые социал-демократы от имени Лозаннской секции внесли поправку к резолюции Гримма. В поправке предлагалось признать необходимым развертывание массовой революционной борьбы против войны и заявлялось, что только победоносная революция пролетариата может положить конец империалистической войне. После того, как поправка Лозаннской секции под давлением Гримма была снята, ее снова внес большевик М. М. Харитонов, присутствовавший на съезде на правах делегата с решающим голосом от одной из швейцарских социал-демократических организаций. Гримм и его сторонники были вынуждены, из тактических соображений, поддержать поправку. Большинством голосов (258 против 141) съезд принял поправку левых. — 761.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	V
КАРЛ МАРКС (<i>Краткий биографический очерк с изложением марксизма</i>)	1—30
Предисловие	1
Учение Маркса	5
Философский материализм	6
Диалектика	8
Материалистическое понимание истории	9
Классовая борьба	12
Экономическое учение Маркса	13
Стоимость	14
Прибавочная стоимость	15
Социализм	24
Тактика классовой борьбы пролетариата	27
ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫХ ЧАСТИ МАРКСИЗМА	31—35
I.	32
II.	33
III.	34
МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ	36—43
ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?	44—79
I. Один из представителей «наследства»	45
II. Прибавка народничества к «наследству»	55
III. Выиграло ли «наследство» от связи с народничеством?	61
IV. «Просветители», народники и «ученики»	71
V. Г-н Михайловский об отказе «учеников» от наследства	73
ЧТО ДЕЛАТЬ? <i>Наболевшие вопросы нашего движения</i>	80—236
Предисловие	80
1. Догматизм и «свобода критики»	83
а) Что значит «свобода критики»?	83

б) Новые защитники «свободы критики»	86
в) Критика в России	90
г) Энгельс о значении теоретической борьбы	96
II. Стихийность масс и сознательность социал-демократии	101
а) Начало стихийного подъема	102
б) Преклонение пред стихийностью. «Рабочая Мысль»	106
в) «Группа самоосвобождения» и «Рабочее Дело»	114
III. Тред-юнионистская и социал-демократическая политика	122
а) Политическая агитация и ее сужение экономистами	123
б) Повесть о том, как Мартынов углубил Плеханова	132
в) Политические обличения и «воспитание революционной активности»	135
г) Что общего между экономизмом и терроризмом?	140
д) Рабочий класс как передовой борец за демократию	143
е) Еще раз «клеветники», еще раз «мистификаторы»	157
IV. Кустарничество экономистов и организация революционеров	160
а) Что такое кустарничество?	161
б) Кустарничество и экономизм	164
в) Организация рабочих и организация революционеров	170
г) Размах организационной работы	183
д) «Заговорщическая» организация и «демократизм»	189
е) Местная и общерусская работа	196
V. «План» общерусской политической газеты	205
а) Кто обиделся за статью «С чего начать?»?	206
б) Может ли газета быть коллективным организатором?	210
в) Какого типа организация нам нужна?	220
Заключение	227
Приложение. Попытка объединения «Искры» с «Рабочим Делом»	230
Поправка к «Что делать?»	236
ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД (<i>Кризис в нашей партии</i>)	237—421
Предисловие	237
а) Подготовка съезда	241
б) Значение группировок на съезде	243
в) Начало съезда. — Инцидент с Организационным комитетом	246
г) Распускание группы «Южного рабочего»	253
д) Инцидент с равноправием языков	255
е) Аграрная программа	262

ж) Устав партии. Проект т. Мартова	268
з) Прения о централизме до раскола внутри искровцев . . .	276
и) Параграф первый устава	278
і) Невинно пострадавшие от ложного обвинения в оппорту- низме	298
к) Продолжение прений об уставе. Состав Совета	307
л) Конец прений об уставе. Кооптация в центры. Уход делега- тов «Рабочего Дела»	312
м) Выборы. Конец съезда	323
н) Общая картина борьбы на съезде. Революционное и оппор- тунистическое крыло партии	346
о) После съезда. Два приема борьбы	357
п) Маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию	374
р) Новая «Искра». Оппортунизм в организационных вопросах	383
с) Нечто о диалектике. Два переворота	409
Приложение. Инцидент тов. Гусева с тов. Дейчем	414
НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ	422—424
ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕ- ВОЛЮЦИИ	425—529
Предисловие	425
1. Насущный политический вопрос	429
2. Что дает нам резолюция III съезда РСДРП о временном революционном правительстве?	432
3. Что такое «решительная победа революции над царизмом»?	438
4. Ликвидация монархического строя и республика	443
5. Как следует «двигать революцию вперед»?	448
6. Откуда грозит пролетариату опасность оказаться со связан- ными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией?	451
7. Тактика «отстранения консерваторов от правительства»	463
8. Освобожденство и новоискровство	466
9. Что значит быть партией крайней оппозиции во время ре- волюции?	474
10. «Революционные коммуны» и революционно-демократиче- ская диктатура пролетариата и крестьянства	477
11. Беглое сравнение некоторых резолюций III съезда РСДРП и «конференции»	485
12. Ослабеет ли размах демократической революции, если от нее отшатнется буржуазия?	489
13. Заключение. Смеем ли мы победить?	498
Послесловие. Еще раз освобожденство, еще раз новоискровство	508
I. За что хвалят буржуазно-либеральные реалисты «реали- стов» социал-демократических?	508
II. Новое «углубление» вопроса тов. Мартыновым	514
III. Вульгарно-буржуазное изображение диктатуры и взгляд на нее Маркса	521

УРОКИ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ	530—536
НА ДОРОГУ	537—544
ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА	545—550
О НАРУШЕНИИ ЕДИНСТВА, ПРИКРЫВАЕМОМ КРИКАМИ О ЕДИНСТВЕ	551—568
I. О «фракционности»	551
II. О расколе	555
III. О распаде Августовского блока	559
IV. Советы примиренца «семерке»	561
V. Ликвидаторские взгляды Троцкого	564
О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ	569—621
1. Что такое самсопределение наций?	569
2. Историческая конкретная постановка вопроса	574
3. Конкретные особенности национального вопроса в России и ее буржуазно-демократическое преобразование	577
4. «Практицизм» в национальном вопросе	581
5. Либеральная буржуазия и социалистические оппортунисты в национальном вопросе	586
6. Отделение Норвегии от Швеции	595
7. Решение Лондонского международного конгресса 1896 года	600
8. Утопист Карл Маркс и практичная Роза Люксембург	604
9. Программа 1903 года и ее ликвидаторы	610
10. Заключение	617
ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ	622—628
О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ	629—632
О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ	633—636
ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» К МАНИФЕСТУ ЦК РСДРП О ВОЙНЕ	637
ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА (<i>Популярный очерк</i>)	638—742
Предисловие	638
Предисловие к французскому и немецкому изданиям	640
I	640
II	640
III	642
IV	642
V	643

I. Концентрация производства и монополии	646
II. Банки и их новая роль	659
III. Финансовый капитал и финансовая олигархия	673
IV. Вывоз капитала	686
V. Раздел мира между союзами капиталистов	690
VI. Раздел мира между великими державами	698
VII. Империализм, как особая стадия капитализма	708
VIII. Паразитизм и загнивание капитализма	717
IX. Критика империализма	725
X. Историческое место империализма	737
О РОЖДАЮЩЕМСЯ НАПРАВЛЕНИИ «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЗМА»	743—750
ВОЕННАЯ ПРОГРАММА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	751—761
I	751
II	754
III	757
Примечания	762

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В. И. Ленин. 1917	VIII—1
157-я страница рукописи В. И. Ленина «Две тактики социал-демо- кратии в демократической революции». — 1905 г.	497
Обложка книги В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». — 1917 г.	648—649

3959
6566

Ленин Владимир Ильич.

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

В 3-х т. М., Политиздат, 1969.

Т. 1 (1897 — сентябрь 1916 г.). 1969.
VIII, 843 с. с илл. (Ин-т марксизма-
ленинизма при ЦК КПСС).

3К21

Том подготовлен к печати
А. Е. Ивановым и А. П. Смирновой
Редакторы
М. Я. Панкратова и В. Н. Светцов

Художник Н. Н. Симагин
Технический редактор Н. Н. Лебедева
Корректоры С. А. Тарасова и В. Л. Фокина

Подписано в печать с матриц 17 декабря 1968 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Условн. печ. л. 53,5. Учетно-изд. л. 53,37.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 306. Цена 1 р. 50 к.

Издательство политической литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинград-
ская типография № 1 «Печатный Двор» им.
А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров СССР, г. Ленин-
град, Гатчинская ул., 26.

М. Горький

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1